

Санкт-Петербургский
государственный
университет

МАТЕРИАЛЫ

Всероссийской научной конференции

XV Ковалевские чтения

**"Социолог: образование
и профессиональные траектории"**

25 - 27 ноября 2021 года

Санкт-Петербург
2021

БК 60.5
УДК 316

Ответственные редакторы:

Н.Г.Скворцов
Ю.В.Асочаков

Редакционная коллегия:

О.Н.Безрукова
О.И.Бородкина
Ю.В. Веселов
Е.А. Евсеев
А.Н. Сошнев
В.И. Дудина
С.Д. Савин
В.Н. Келасьев
В.В. Козловский
М.С. Куропятник
Д.В. Иванов
Н.А. Пруель
В.Г. Ушакова
А.А. Флягин

Социолог: образование и профессиональные траектории: материалы Всероссийской научной конференции XV Ковалевские чтения 25-27 ноября 2021 года / Отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. - СПб.: Скифия-принт, 2021. – 673 с.

ISBN 978-5-00197-018-7

© Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков, 2021
© Коллектив авторов, 2021

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10
www.skifia-print.ru

Оглавление

Оглавление	3
Секция 1. Роль социологической теории в исследовательской практике ...	32
Агеева Александра Игоревна Опыт исследования актуальных процессов рынка исследований	32
Асочаков Юрий Валентинович Социология цифрового общества и цифровая социология	33
Бессонова Маргарита Олеговна Роль концепции капиталов П. Бурдье и ценностной теории Ш. Шварца в социологическом анализе читательских интересов современной московской молодежи.....	34
Богомякова Елена Сергеевна Концепция сетевого индивидуализма в интерпретации опыта пациента в условиях цифровизации здравоохранения	35
Будникова Наталья Сергеевна Теоретические основы медиатизации общества	36
Буканова Анастасия Вадимовна Социологическая теория городских публичных мест: ревизия классических представлений?	38
Буланова Марина Борисовна Модель социологического просвещения М.М. Ковалевского	39
Быков Владимир Петрович Социальные законы: к вопросу об их сущности и системе	40
Вербин Анатолий Александрович Общество псевдореальности	44
Вершинина Инна Альфредовна Социологические исследования города и урбанизации: современное состояние и новые тренды	45
Владимирова Татьяна Валерьевна Цифровая социология - будущее в изучении общества	46
Гвоздилов Денис Сергеевич Аналитический эксперимент в социологии	47
Головин Николай Александрович М.М. Ковалевский и Ф. Тённис: дополнение воспоминаний социолога П.А. Сорокина	48
Денисов Виктор Григорьевич Создание теоретической социологии	49
Добринская Дарья Егоровна Искусственный интеллект в исследованиях цифровых социологов	53
Другова Ирина Анатольевна Анализ сообщества футбольных фанатов через призму сетевой теории.....	54
Дудина Виктория Ивановна Переосмысливая роль социологической теории в исследовании и преподавании социологии	55
Емельянов Николай Александрович, Новикова Лариса Васильевна Пандемия как объект исследовательского интереса социологической науки	56

Задбоев Булат Витальевич Роль социологических знаний в анализе воинских коллективов	57
Зарубина Наталья Николаевна Классики в современной теоретической социологии: проблемы рецепции	58
Землянская Анастасия Викторовна Цифровая миграция учителей.....	59
Иванов Дмитрий Владиславович Социальная рутина цифровизации в суперурбанизированных анклавах дополненной современности	65
Игнатъев Владимир Игоревич К теории гибридного социума: морфологический подход.....	68
Исаев Дмитрий Петрович Профессиональная династия на перекрестке социологических парадигм	69
Карпенко Екатерина Викторовна, Симутин Михаил Сергеевич Социологический консалтинг как основа принятия современного управленческого решения	70
Катаев Дмитрий Валентинович Исследование трудовой миграции учителей на перепутье парадигм и уровней социологического знания.....	71
Катерный Илья Владимирович Теория лиминальности и постгуманизированное общество.....	72
Кирилина Екатерина Андреевна Влияние городской среды на состояние граждан.....	73
Козырев Артём Артурович Актуальность социологических теорий среднего уровня в описании эмпирических данных исследования социальной когорты пенсионеров	75
Латыпова Алина Раилевна Город сквозь призму технологий: городские сообщества и учреждение новой «совместности»	76
Лебедева Елена Викторовна Опыт применения критической теории в исследовании современных урбанизационных процессов	78
Ленкевич Александр Сергеевич Ассамбляж социального тела: контроль и пост-контроль.....	79
Липатова Татьяна Николаевна Роль методологии в прикладных миграционных исследованиях	81
Ломоносова Марина Васильевна, Бурдун София Антоновна Цифровизация индустрии психологической помощи в России	82
Мальков Николай Романович Исследование факторов и механизмов политической и социально-экономической устойчивости в условиях перехода к цифровому обществу в рамках социологической парадигмы	84
Мартыненко Татьяна Сергеевна От экологического марксизма к органическому: социологическая теория в условиях экологического кризиса	85
Марьяна Людмила Петровна Социология и журналистика: социокультурная динамика.....	86
Медведев Вячеслав Альбертович Методологические вызовы постнеклассической социологии	87

Мионов Денис Викторович Теоретико-методологическая рамка в эмпирическом изучении социальных объектов: на примере феномена "малая родина"	88
Орех Екатерина Александровна Изменение практик заботы о здоровье пожилых петербуржцев в период вынужденной самоизоляции из-за пандемии COVID-19.	89
Петрулевич Ирина Анатольевна Городская идентичность в координатах социокультурного пространства	92
Плетнев Александр Владиславович Аномия поколения А на заре постцифровой эпохи	93
Рафикова Ксения Фуатовна Новые исследовательские перспективы на примере работы А. Мол «Множественное тело: Онтология в медицинской практике»	94
Семашко Лев Михайлович М.М.Ковалевский: родоначальник плюрализма в русской социологии, научно обоснованного в сферонике	95
Семашко Лев Михайлович, Авери Джон Скайлес (университет Копенгагена, Дания), Рудольф Зиберт (Университет западного Мичигана, США), Кашина Ольга Николаевна, Смирнов Андрей Анатольевич (Новгородский университет) Сфероника: холистическая макросоциология глобальных сферонов мирного человечества. Этапы становления	96
Семенова Мария Сергеевна, Дзизель Семен Владимирович Специфика формирования общественного мнения на примере статьи П. Бурдьё «Общественное мнение не существует» ..	98
Сергеев Василий Сергеевич Рерутинизация повседневности через призму цифрового	103
Серегина Анна Николаевна, Васильева Дарья Игоревна, Данилова Ксения Михайловна Различия теоретико-прикладного и социально-инженерного социологического исследования	104
Сукачев Сергей Владимирович Ускорение процессов цифровизации культуры в условиях пандемии COVID-19	105
Тезич Мустафа Джан Пересмотреть концепцию примордиализма через Понятие Принадлежность.....	107
Терашкевич Илья Сергеевич Восприятие ботов в процессе социальной коммуникации в контекстах мегаполиса и небольшого города	108
Тузиков Андрей Римович, Зинурова Раушания Ильшатовна Социологические теории и вызовы новой технологической революции	111
Уханова Юлия Викторовна Роль социологической теории в изучении гражданского участия .	112
Фетисова Ольга Викторовна Категория успеха в социокультурной коммуникативной парадигме	113
Цыбикова Дарима Гомбожаповна Профессиональная подготовка социологов к работе в сфере маркетинговых исследований.....	114

Чудова Ирина Александровна Актуализация классики социологической теории в преподавании	115
Шушунова Татьяна Николаевна Объяснительные возможности теории аномии Э.Дюркгейма	116
Щелкин Александр Георгиевич Онтологическая парадигма versus постмодернизма в социологии.....	117
Юй Ян Сравнительный анализ ценностей китайских студентов Санкт-Петербургского государственного университета и университета Цинхуа: результаты эмпирического исследования	118

Секция 2. Политические и социальные процессы в профессиональном поле современных социологических исследований 121

Ашихмина Ирина Васильевна Образ идеального президента в представлениях молодежи ...	121
Багаева Алиса Валерьевна Мораль в международных отношениях: проблемы исследования	122
Баженов Анатолий Матвеевич Социология международных отношений как учебная дисциплина	123
Байша Наталья Сергеевна Специфика организации повседневности людьми старшего возраста в контексте противоковидных ограничений.....	124
Басимов Михаил Михайлович Психологическая типология респондентов как индикатор предпочтений на президентских выборах.....	125
Батоврина Екатерина Викторовна, Михайлова Ольга Владимировна Доказательная политика в России: нужна ли социология при принятии государственных решений?	127
Бедерсон Всеволод Дмитриевич Социально-психологическая модель голосования и анализ голосования за оппозицию на муниципальных выборах в Москве в 2017 году	128
Близнецкая Екатерина Александровна Использование инструментария социальной науки в процессе формирования дополнительных профессиональных компетенций бакалавров по направлению подготовки "экология и природопользование"	130
Булатов Мансур Рашидович Сравнительное исследование электоральной риторики крайне правых партий в Германии и России	131
Ваторопин Сергей Александрович, Ваторопин Александр Сергеевич Методы и проблемы прогнозирования протестной активности населения в современной России	132
Власова Ирина Владимировна Границы толерантности в политических процессах мультикультурного мира	133
Гонашвили Александр Сергеевич Социальные роли МПА СНГ в формировании евразийского пространства	134

Гринченко Елизавета Александровна Социальные деформации в трансформирующемся российском обществе: концептуализация в контексте «кризисного сознания».....	135
Громов Михаил Евгеньевич Экспертная функция некоммерческих организаций как участников публичной политики	137
Дементьева Ирина Николаевна Применение индексного метода в социологических исследованиях протестных настроений населения региона	138
Дудина Виктория Ивановна Исследования политизации дискурса здоровья как вклад социологов в экспертизу в сфере общественного здравоохранения.....	140
Евсеева Лидия Ивановна, Шипунова Ольга Дмитриевна Политическая коммуникация в условиях цифровизации	141
Захаренко Надежда Андреевна Социальная значимость социологических исследований правосознания	142
Ивченкова Мария Сергеевна Символический капитал эксперта в пространстве социальных сетей	143
Кажанов Олег Александрович Электоральная социология как наука в современной России: проблемы становления.....	144
Калеганова Анастасия Владимировна Отношение студентов к партии «Единая Россия».....	146
Карандашов Иннокентий Игоревич Анализ влияния межправительственных неформальных объединений на международное право	147
Карпова Наталья Владимировна Методологическая эффективность социокультурного анализа в поле исследования современных социально-политических систем.....	148
Ковтун Екатерина Андреевна, Первая Мария Дмитриевна (СПбГУ) Методологические принципы формирования базы данных о мировых учреждениях.....	150
Кох Мартин Как исследовать мировые учреждения и преподавать знания о них с позиций социологической науки?.....	151
Красновид Даниил Юрьевич Социальные субъекты приграничного сотрудничества (на примере городов-побратимов Благовещенск и Хэйхэ)	152
Кручинина Полина Михайловна Специфика сетевого политического троллинга	153
Кутейников Александр Евгеньевич Возможности социологии в изучении мировых учреждений	154
Ложкина Анна Вадимовна К вопросу о проблемах реализации избирательных прав граждан Российской Федерации, являющихся инвалидами, при проведении выборов в контексте социологии политики.....	155
Максимова Светлана Геннадьевна Доверие с позиций сохранения социальной безопасности населения приграничных регионов России	156

Назарова Дарья Вячеславовна Субъективная реальность политических протестов в Республике Беларусь и феномен «невероятности»	157
Негров Евгений Олегович Социология города на границах регионов в Российской Федерации: как история, экономика и политика формируют дискурс городской, региональной и субрегиональной идентичности	158
Ниорадзе Георгий Владимирович Международная миграция российских пенсионеров как направление социолого-демографических исследований: Юго-Восточная Азия и КНР	159
Ноянзина Оксана Евгеньевна, Максимова Светлана Геннадьевна, Омельченко Дарья Алексеевна Социальное самочувствие населения приграничных регионов	160
Омельченко Дарья Алексеевна Возвратная миграция в приграничных регионах России: основные потоки и адаптивные стратегии	161
Первая Мария Дмитриевна Роль НКО в современном политическом процессе России	162
Пищикова Мария Викторовна Формы взаимодействия НПО с Организацией Объединённых Наций и Советом Европы	163
Ровенская Евгения Александровна Политические ожидания молодежи как индикатор социально-политической ситуации	164
Савин Сергей Дмитриевич Политическое пространство сетевой активности противников вакцинации в России	165
Савин Станислав Сергеевич, Лошакова Злата Романовна Выявление и профилактика политической радикализации молодежи	167
Сарыглар Сылдысмаа Артуровна Математические модели воспроизводства социальной эксклюзии/принятия мигрантов из стран СНГ в приграничном регионе России	168
Сергунин Александр Анатольевич К вопросу об использовании теории организационного поведения для изучения международных организаций	169
Сикевич Зинаида Васильевна Этнополитология как частная социологическая теория	170
Соколов Александр Владимирович, Барский Яков Васильевич Гражданская активность в современной России в оценках экспертов	171
Солдатов Александр Васильевич, Солдатов Андрей Александрович, Романова Виктория Алексеевна Основные критерии коммуникативной компетентности в современных условиях	172
Спирина Анастасия Сергеевна, Максимова Светлана Геннадьевна Оценка настроений принимающего населения в условиях изменения миграционной политики (по результатам социологического исследования)	173
Старовойтова Снежана Этническая демократия: положительные и отрицательные аспекты	174
Старостина Дарья Антоновна Биополитика в концепции М. Фуко: как контролируют наши тела.	175

Тарбеева Ирина Сергеевна, Зерчанинова Татьяна Евгеньевна Негосударственная поддержка молодых соотечественников за рубежом: участие молодежи в патриотических мероприятиях	176
Ужовский Владислав Сергеевич Эффективность электронных петиций как фактора политического участия граждан Российской Федерации на примере Санкт-Петербурга (на базе онлайн-платформ «Change.org» и «Местная петиция») за 2015 -2021 гг.....	177
Харсеева Алла Викторовна Значение социологических исследований для противодействия технологиям дестабилизации политической обстановки	178
Чуклинов Андрей Евгеньевич Социология политики и ее роль в развитии гражданского образования.....	179
Шевцов Алексей Владимирович «Мы покупаем, или продаём?»: российская электоральная социология и рынок кандидатов	180
Шиповалова Диана Дмитриевна Отношение студенческой молодежи к терроризму в России и за рубежом.....	181
Щербина Александра Вениаминовна Идеологическая борьба: новое содержание старой категории политической социологии	182

Секция 3. Коммуникативная компетентность профессионального социолога

Андреев Юрий Александрович Профессия социолога: поиск себя в современном мире	184
Арсланбеков Арслана Али Русланович, Шевченко Ульяна Дмитриевна Коммуникативная компетентность социолога при проведении эмпирических исследований в рамках акторно-сетевой теории	185
Бурганова Лариса Агдасовна, Юрьева Оксана Владимировна Онлайн обучение и коммуникативная компетентность преподавателей: социологический анализ.....	186
Василькова Валерия Валентиновна, Легостаева Наталья Игоревна Методики выявления и анализа троллинговых стратегий (на примере COVID-троллинга в социальной сети «ВКонтакте»)	187
Денисов Иван Игоревич Роль социолога в исследовании коммуникативного пространства Карельского перешейка как туристской дестинации.....	188
Добросоцкая Алёна Вячеславовна Профессиональная реализация социолога в благотворительной организации.....	189
Жданович Дарья Александровна Изучение урбанистического дискурса в городском публичном пространстве: особенности и методологические вызовы.....	190
Каневский Павел Сергеевич «Инфодемия» и онлайн демократия в условиях Covid-19	191
Кириллов Дмитрий Вячеславович, Сергеева Ольга Вячеславовна Опыт изучения кино клубов в социальных и гуманитарных науках	192

Леонов Аркадий Константинович, Блохинская Алёна Владимировна, Дудко Анна Николаевна К вопросу о формировании коммуникативного элемента профессионального имиджа студентов-социологов	193
Мизиряк Надежда Андреевна Визуальные новеллы: перспективы использования в социологии	194
Мочалова Валерия Алексеевна Социология в цифровом обществе.....	195
Поздеева Елена Геннадиевна Структурная ориентация коммуникативного поля социолога в цифровом обществе.....	196
Рашидова Джамила Тофиковна Социальные и лингвистические аспекты использования звукоподражательных слов в межкультурной коммуникации.....	197
Рязанцева Ангелина Вадимовна Интернет-аддикция людей «третьего» возраста: перспективы социологического анализа	198
Чудновская Ирина Николаевна Целевая ориентированность исследования и коммуникативная компетентность социолога	199
Эскирханова Элита Мусаевна Эмпатия как составляющая коммуникативной компетентности профессионального социолога	200

Секция 4. Новая экономическая социологии - зеркало современного общества 202

Абдулаев Арсен Джапарович К методу дифференциации жителей городских агломераций ..	202
Алексеева Ольга Александровна, Скворцова Елена Евгеньевна Искусственный интеллект как агент экономической деятельности	203
Балезина Екатерина Андреевна, Елисеева Софья Юрьевна Профессиональное становление социолога (на примере г.Перми)	204
Бельский Александр Михайлович, Залецкий Георгий Сергеевич Long-life learning как современная форма активизма	205
Васильева Дарья Игоревна Цифровизация рынка труда как одно из направлений современных исследований экономической социологии.	206
Веселов Юрий Витальевич Доверие как предмет исследования новой экономической социологии.....	207
Голубева Ксения Александровна Финансовая культура как объект исследования экономической социологии	208
Груздева Мария Андреевна О цифровых разрывах как барьерах диджитализации гражданского участия	209

Денискина Анна Игоревна Архитектура профессиональных компетенций жителей малых городов Республики Беларусь в условиях цифровизации рынка труда: социальные вызовы и последствия.	210
Злотолинская Елизавета Всеволодовна, Иванова Светлана Петровна Становление и развитие экономической психологии, как науки.....	211
Иванова Анастасия Андреевна, Ни Максим Леонидович Векторы развития технологий искусственного интеллекта в российской медицине: по материалам анализа научных публикаций	212
Ильина Алена Владимировна Современные механизмы взаимодействия органов государственной власти и бизнеса в Российской Федерации: основные направления развития в рамках экономической социологии	213
Капусткина Елена Владимировна Проблема доверия в экономике: от классического до этапа цифровизации.....	214
Карапетян Рубен Варганович Отчуждение труда в условиях цифровой трансформации – новый дискурс экономической социологии?	219
Карапетян Степан Арсений Рубенович Доверие к цифровым инструментам финансовой сферы: экономический социологический подход	220
Кушниренко Дарья Олеговна Основные направления современных исследований и перспективы развития экономической социологии	221
Лебединцева Любовь Александровна Привлечение высококвалифицированных кадров в КНР: внутренние аспекты проблемы.....	222
Люшина Екатерина Александровна Роль бренда в самопрезентации студентов Финансового Университета в социальных сетях.....	223
Малышко Ярослав Олегович Исследование динамики социально-трудовых экономических конфликтов в современной России	224
Молодцова Дарья Юрьевна Место экономической социологии в эпоху цифровизации.....	226
Муфтахова Альмира Нургалиевна О распределении социального блага на жильё	227
Муханова Мария Николаевна Социально-структурные процессы российского села в условиях цифровизации АПК.....	228
Ниорадзе Георгий Владимирович Шеринг-экономика и прекаризация труда.....	229
Панюшкина Елена Владимировна Экономическая социология: современный взгляд.....	230
Плотников Андрей Викторович Влияние цифровизации на самозанятость молодежи	231
Рубцова Татьяна Сергеевна Рынок без бизнеса: для экономистов соблазн, для маркетологов безумие? Опыт экономическо-социологического анализа рынка услуг по организации свадеб.....	232

Синютин Михаил Владимирович Историческое значение дневниковых записей Н.Н. Андреева.	233
Скворцов Николай Генрихович Выпускник-социолог на рынке труда.....	234
Смелова Алёна Андреевна Социальные исследования финансов: академическая дисциплина или сообщество социальных ученых?	235
Соколова Дарья Андреевна, Селиванова Татьяна Валерьевна Транснациональное доверие как фактор социально-экономического развития тихоокеанской России	237
Солдатенко Инна Геннадьевна Социальная эффективность экспорта медицинских услуг	238
Татарникова Екатерина Игоревна Совместное потребление как одно из перспективных направлений экономической социологии	239
Тумоян Баграт Арменович Исследования социально-экономического неравенства в современной российской социологии	240
Файзуллин Ильгиз Фанилевич, Файзуллин Фаниль Саитович Российский рынок труда. Анализ тенденций его развития.....	241
Хроленко Татьяна Сергеевна, Воробьева Ольга Дмитриевна (Института демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН), Гущина Кристина Сергеевна (МГУ имени М.В. Ломоносова) Анализ миграционных связей России и Украины через призму экономической социологии	247
Цветкова Галина Александровна Человечность в жизни и в научном творчестве П.А. Игнатовского	248
Чепуренко Александр Юльевич, Галицкий Е.Ф., Духон А.Б. Малый бизнес в период пандемии: Отношения к государству и государственной политике	250
Яненко Ольга Николаевна Восприятие жителей г. Красноярск проблематики влияния техногенного загрязнения городской среды на различные социо-демографические аспекты (опыт проведения групповых фокусированных интервью).....	250
Секция 5. Социология управление: новые возможности в условиях цифровизации	252
Абрамова Софья Борисовна, Антонова Наталья Леонидовна «Право на город» как ресурс активности молодежи и повышения эффективности городской власти.....	252
Ангел Ольга Юрьевна Концепция lifelong learning: зачем специалисту постоянно учиться.....	253
Баннова Олеся Сергеевна, Дерюгин Павел Петрович Социодинамика цифровых компетенций студентов-социологов и студентов-программистов: сравнительный анализ результатов эмпирического исследования	254
Басимов Михаил Михайлович Предпочтительные способы воздействия на органы власти в представлении разных психотипов	255

Башкуева Елена Юрьевна Оценка деятельности центра управления регионом (ЦУР) по республике Бурятия в области повышения доступности и качества медицинской помощи (по материалам социологического исследования)	257
Боброва Дарья Николаевна, Петрова Ольга Сергеевна Социология и государственное управление в современном информационном обществе	258
Булгучев Адам Асланович Теоретические аспекты цифровизации государственного управления и оказания государственных услуг в Российской Федерации	260
Василенко Людмила Александровна Концепт "Умное государственное управление" в контексте цифровизации "Public Governance"	261
Васильев Владимир Петрович Государственное управление: посткризисные тренды	263
Габышев Виталий Алексеевич Специфика восприятия стресса в процессе управления коллективами	263
Гавриленко Ольга Владимировна Цифровые технологии как инструмент социального контроля и управления обществом.....	265
Галич Людмила Петровна Востребованность электронных практик среди белорусского населения: структура и гендерный аспект	266
Грачев Дмитрий Сергеевич Концепция Lifelong Learning для граждан старшего поколения. ...	267
Давыдов Артем Анатольевич Партиципативная демократия и радиоактивный столб	268
Домасевич Ирина Владимировна Социальная безопасность как фактор консолидации современного белорусского общества	269
Живенок Надежда Владимировна Прекаризация труда и его мотивация: социологические аспекты.	272
Зарубин Валерий Григорьевич Парадигма новой нормальности в контексте социологии управления.....	273
Зверева Мария Максимовна Опросы общественного мнения как условие принятия управленческих решений	275
Иванова Наталья Анатольевна Информационная безопасность в государственном управлении	276
Казаренкова Татьяна Борисовна Цифровое медиапространство как фактор развития межкультурного взаимодействия в современном обществе (социально-управленческий и научно-образовательный аспекты).....	277
Камышина Елена Александровна Life-long learning как неотъемлемая часть жизни современного российского руководителя	278
Китайцева Ольга Вячеславовна Дополнительное дистанционное образование москвичей как ресурс реализации концепции непрерывного образования	279

Константинова Лариса Владимировна Профессии будущего и новая модель непрерывного образования.....	280
Коротких Андрей Сергеевич Концепция Life-long learning и перспективы ее развития в России	281
Медведев Александр Олегович, Васильева Дарья Алексеевна, Городничина Полина Дмитриевна Навигационная система Смарт сити как ресурс управления городским социальным пространством	282
Немчина Вера Ивановна Природа имитационного формата управления в информационном обществе	284
Никифорова Ольга Александровна, Милецкий Владимир Петрович О развитии в условиях VUCA мира.....	285
Никонорова Тамара Владимировна Социально-политические реалии цифрового общества в современной России	286
Орлов Александр Дмитриевич Life-long learning как передовая форма обучения в эпоху цифровизации.....	287
Орлова Анна Владимировна Информационные ресурсы в социальном управлении	288
Павликова Тамара Алексеевна Организация социального обслуживания в сельской местности в районах Крайнего Севера Республики Карелия: результаты эмпирического исследования....	289
Пивоварова Марина Борисовна Трансформация государственного управления в научной сфере в современном информационном обществе	290
Рассказов Сергей Вениаминович Анализ применения информационных онтологий для формализации цифровых форматов государственной управляемости.....	291
Рассказова Альбина Николаевна, Шматко Алексей Дмитриевич (Российская академия образования) Анализ влияния пандемии на повседневную жизнь студентов	292
Родионов Василий Александрович Социологические теории и новые управленческие практики	293
Романова Виктория Алексеевна, Голованова Оксана Владимировна Управление образовательной деятельностью в цифровой образовательной среде (на примере СПбГМТУ)	294
Рубцова Анна Васильевна Управление или принуждение: как подмена понятий может повлиять на новые управленческие практики.....	296
Рыбакова Марина Владимировна Социология управления в цифровом обществе	297
Сапрыка Виктор Александрович, Солоха Валерий Викторович Социально-технологический потенциал снижения социокультурных угроз трансформации цивилизационных фронтиров...	298
Селиверстова Надежда Игоревна Государственное управление в современном информационном обществе: социологический контекст	300

Скоробогачий Вячеслав Васильевич, Скоробогачкая Наталья Александровна (Уральский федеральный университет) Трансформация государственного управления в цифровом обществе	301
Сологуб Лилия Андреевна, Атауллин Руслан Андреевич Реализация принципа life-long learning в России и мире.	302
Сорокина Нина Дмитриевна Социология в цифровом обществе: её роль и влияние на принятие управленческих решений	303
Суртаева Ольга Валерьевна Межсекторное взаимодействие как отражение состояния гражданского общества в приграничных регионах России в оценках экспертов	304
Тверских Ирина Борисовна Формирование инновационной образовательной среды в дошкольной образовательной организации посредством технологий командного взаимодействия, как формат поддержки инновационного поведения педагогов	305
Фатиев Никита Николаевич Сущность управленческого решения	306
Федотова Татьяна Владимировна Внедрение социальных технологий в управление образованием: история и современность.	307
Фролов Александр Альбертович, Егоров Даниил Владимирович Особенности реакции власти на протестную активности в сети интернет	308
Холоденко Юрий Александрович Цифровая трансформация: вызовы для государственного управления.....	309
Царева Анна Владиславовна, Воробьев Сергей Алексеевич, Брейдер Наталья Андреевна Анализ кадровых потребностей отрасли физической культуры и спорта Российской Федерации методом онлайн-опроса экспертов.....	310
Цимбалюк Ольга Сергеевна Критическое мышление в условиях цифровизации	311
Чернышов Сергей Павлович, Чернышова Анна Геннадьевна Роль социологии в принятии управленческих решений	312
Черняева Галина Владимировна, Черняева Галина Владимировна Персональный менеджмент в стиле «Life-long learning»	313
Шагиахметова Алия Хусаиновна Морально-этическое направление в изучении лидерства...314	314
Шаповалова Анна Михайловна Цифровая трансформация процессов управления в странах-участниках Евразийского экономического союза	315
Щетинина Маргарита Юрьевна Цифровая революция и новые управленческие практики.....	317
Ямковая Анна Александровна Социология и принятие управленческих решений.....	318
Секция 6. Инновации в социологическом образовании.....	320
Артамонова Марина Васильевна Проблема конвертации знаний в университетском образовании в информационную эпоху	320

Ахмедова Муслимат Газиевна Инновации в системе высшего образования	320
Богомолова Алла Викторовна, Катаев Дмитрий Валентинович, Тарасов Алексей Николаевич, Бурмыкина Ирина Викторовна Причины профессиональной миграции учителей в России (по результатам эмпирического исследования)	321
Валеева Рушания Дамировна Плюсы и минусы онлайн-образования в области социологии..	333
Васильчикова Мария Сергеевна Самопрезентация финских университетов в социальных сетях	334
Галицкая Диана Владимировна, Проскурина Александра Сергеевна Академическая мобильность русскоязычных студентов: компетентностный потенциал международных обменов	335
Григорьева Екатерина Александровна Дистанционное образование в области социологии: ограничения	336
Денисова Галина Сергеевна Кинотекст как инструмент преподавания социологии	337
Дерюгин Павел Петрович, Панов Станислав Васильевич, Салфетник Кирилл Александрович, Салахутдинов Артур Андреевич, Юй Ян Рыночные ориентации человеческого капитала студентов-социологов в цифровой образовательной среде: результаты исследования.....	338
Долженко Дария Дмитриевна Роль больших данных в образовательном процессе в высшем учебном заведении	340
Иоффе Гавриил Анатольевич Теоретический минимум для социолога в университете	341
Киселев Игорь Юрьевич, Смирнова Анна Геннадьевна Применение анализа вакансий профессии «социолог» для определения профессиональных компетенций выпускников магистерской программы по направлению «Социология»	342
Лаврикова Анастасия Александровна, Шумилова Ольга Евгеньевна Проблемы подготовки социологов в условиях цифровой трансформации общества.....	343
Легостаева Наталья Игоревна, Светлов Кирилл Владимирович Цифровая трансформация системы образования Российской Федерации: новые образовательные структуры по формированию и развитию цифровых компетенций.....	344
Мартьянова Наталья Александровна Социология онлайн: преимущества и недостатки дистанционного обучения студентов	347
Махова Ксения Борисовна К вопросу о специфике использования современных вычислительных методов в социологии	348
Мехова Альбина Анатольевна, Воробьева Ирина Николаевна Профессия социолог: новые подходы к подготовке.....	349
Носкова Антонина Вячеславовна, Голоухова Дарья Валерьевна, Кузьмина Елена Игоревна Педагогическая деятельность в онлайн-среде: оценка новых возможностей и проблемных зон преподавателями социально-гуманитарных дисциплин	350

Орлик Елена Николаевна Социология в условиях цифровизации: трудности усвоения.....	351
Пашков Михаил Владимирович, Евсеев Евгений Александрович Цифровое неравенство и онлайн-образование.....	352
Пашков Михаил Владимирович, Савин Сергей Дмитриевич Проблемы и риски цифровизации образования.....	353
Проказина Наталья Васильевна новые подходы к социологическому образованию: вызов времени.....	355
Романова Анастасия Романовна, Шутов Денис Андреевич Нейросоциология как одно из развивающихся направлений в социологическом образовании	356
Самсонова Татьяна Николаевна Гражданское образование в условиях цифровизации: перспективы и проблемы	356
Сащенко Наталья Петровна Применение смешанной формы обучения в цифровой образовательной среде	357
Сибирякова Юлия Васильевна Особенности образовательных траекторий социологов в условиях цифровизации.	359
Сысолятина Валерия Алексеевна, Рязанцева Ангелина Вадимовна Переход в онлайн-среду как вызов для традиционной траектории обучения в социологическом образовании.	360
Фомичева Татьяна Владимировна К вопросу об оценке онлайн-образования в области социологии.....	361
Шаршов Анатолий Романович Клинический подход как инновация в образовании СПбГУ.....	361

Секция 7. Междисциплинарное сотрудничество как источник формирования Soft Skills социологов в эпоху цифровизации..... 363

Гасанова Диана Эльшановна Социальное самочувствие студенческой молодежи города Екатеринбурга.....	363
Дмитриева Елена Викторовна Междисциплинарное сотрудничество в сфере изучения здоровья: роль социального маркетинга и общественного здравоохранения в подготовке социологов.....	364
Евсеев Евгений Александрович Математические основы цифровой социологии	365
Зернова Людмила Павловна Индивидуализация обучения как возможность развития.....	366
Карпова Дарья Николаевна Методика исследования социальной инженерии как средства киберпреступника: междисциплинарный подход.....	367
Малинина Татьяна Борисовна Социальная статистика в системе социологического образования	368

Маранчак Анастасия Геннадьевна Возможности исследования межкультурной коммуникации методами цифровой социологии	369
Мехонцева Наталья Михайловна Специфика семейных конфликтов, решаемых в суде, на территории Свердловской области	370
Милованова Елена Алексеевна Новые компетенции социолога в условиях цифровизации	371
Перекатова Арина Александровна Анализ цифровизации районов Санкт-Петербурга на основе статистических данных.....	372
Попова Ирина Петровна Исследования карьеры и потенциал веждисциплинарности	373
Руденкин Дмитрий Васильевич Развитие исследований цифровой гигиены в российской социально-гуманитарной науке: основные концептуальные сложности	374
Сапегина Алина Михайловна, Сысолятина Валерия Алексеевна Предпосылки к цифровой трансформации социологического образования	376
Серегина Анна Николаевна, Васильева Дарья Игоревна Портрет идеального руководителя с точки зрения социолога	377
Сибирев Владимир Анатольевич, Сибирев Владислав Владимирович Трансформация методологии социальных наук в условиях цифрового общества	378
Сидорова Анна Николаевна, Флягин Александр Анатольевич Цифровые компетенции людей старшего возраста в условиях дистанционного обучения.....	379
Сошнев Александр Николаевич Магистерская программа "Цифровая социология" как пример междисциплинарного взаимодействия	381
Сошнева Елена Борисовна Экономическая история в Soft Skills современного социолога	382
Тормошева Вера Сергеевна Сетевые политические практики в свете акторно-сетевой теории Бруно Латура	383
Шакирова Маргарита Радиевна Специфика востребованности профессиональных компетенций социологов в IT-отрасли	384
Шарипов Тимур Борисович Современные методы исследования общества	385
Шаронов Дмитрий Иванович Медиатизация и гипермедиа	386

Секция 8. Социальная антропология в контексте социологического образования

Васильева Дарья Алексеевна Бизнес антрополог как профессия в современном мире	388
Гвоздиков Денис Сергеевич Эволюционная антропология в контексте социологического образования.....	389
Грошева Любовь Игоревна, Грошев Игорь Львович, Грошева Ирина Александровна Перспективы актуализации социальной антропологии в организациях закрытого типа	390

Данилова Ксения Михайловна Социальный антрополог как специалист в области museum studies	391
Ивлева Ирина Владимировна, Ильющенков Денис Сергеевич Международный обмен студентами как механизм призвания в профессию	392
Куропятник Марина Степановна Социальная антропология: паттерны образования и контексты производства знания.....	393
Ленкевич Денис Сергеевич Отражение социального в архитектуре: опыт Финляндии и России (СССР).....	394
Павленко Ольга Алексеевна Феномен магии в современном российском обществе	395
Панич Наталья Александровна Повседневность, конфликт и новые контексты производства социоантропологического знания.	396
Попова Анна Алексеевна Цифровая социальная антропология: проблема исследовательского поля.....	397
Свечникова Анна Вячеславовна Отношение жителей России к системе здравоохранения.....	398
Тавровский Александр Владимирович Новое мультидисциплинарное образовательное направление / магистерская программа «Инвйронментальные исследования (в эпоху антропоцена)»	399
Трофимов Сергей Викторович Изучение религии в современной подготовке социолога	400
Тхакахов Валерий Хазраилович Концептуальные основания исследования феномена малой родины в социологии.....	401
Целищева Вероника Геннадьевна «Чужой среди своих»? Социолог в поле этнографии.....	402
Шапиро Екатерина Владимировна, Декина Анастасия Сергеевна, Щепкина Софья Андреевна Производственная практика студентов-антропологов: компетенции, приобретаемые в “поле”	403
Секция 9. Молодежь и молодежная политика в фокусе социологического анализа	405
Solares Sierra Ediltrudis Borjas Sierra, Ediltrudis Borjas Solares Sierra, Olga Expósito Jorge, Yaniubi Tito Pèrez Молодежь, молодые внутренние мигранты, фундаментальные вопросы в процессе социальной интеграции.....	405
Авраменко Анна Михайловна Профессиональное самоопределение студентов-спортсменов в условиях постспортивной социализации	406
Амбарова Полина Анатольевна, Чебыкина Юлия Алексеевна Роль дополнительного образования в преодолении образовательной неуспешности школьников.....	407
Аржиловский Данил Андреевич Проблемы выхода молодежи на рынок труда в условиях цифровых трансформаций	408

Ахметшина Екатерина Рифовна, Шиняева Ольга Викторовна, Ключева Татьяна Валерьевна Практики коммуникаций студенческой молодежи в пространстве вуза (результаты оригинального исследования)	410
Баранник Олеся Андреевна, Львова Елена Олеговна, Чужко Диана Евгеньевна Профориентационная подготовка и предпочтения старшеклассников средних общеобразовательных учреждений города Санкт-Петербурга	411
Баранов Алексей Александрович Самореализации молодежи в современном обществе.....	412
Баранова Олеся Александровна, Обухова Юлия Олеговна Цифровизация общества как фактор трансформации практик: геймификация как новый социальный феномен в образовании.....	414
Басимов Михаил Михайлович Психологическая обусловленность отношения молодых респондентов к ближайшему голосованию	415
Бахтин Евгений Леонидович Институциональные основы молодежной политики в сфере трудовой деятельности.....	416
Безрукова Ольга Николаевна, Самойлова Валентина Алексеевна Актуальные компетенции специалистов по работе с молодежью и молодой семьей в условиях пандемии COVID-19	417
Бикмулин Сергей Ринатович Особенности экономического поведения молодёжи в условиях пандемии	418
Бороноев Асалхан Ользонович Малая Родина как пространство социализации	420
Брюно Виктория Владимировна Роль молодёжной политики в изменении отношения учащейся молодёжи к психоактивным веществам.....	421
Буланова Марина Борисовна NEET-молодежь в фокусе потребления: новые практики.....	422
Булдыжова Валерия Николаевна Взгляд молодежи на социальные проблемы общества	423
Вареник Ксения Павловна Профессиональная самопрезентации студентов в социальных сетях	425
Васильев Николай Александрович Влияние социальных сетей, мессенджеров и сервисов на молодежь	426
Васильева Дарья Игоревна, Данилова Ксения Михайловна Изменение спортивных практик молодежи в контексте цифровых технологий и пандемии.....	433
Васильева Елена Игоревна, Зерчанинова Татьяна Евгеньевна Отношение российской молодёжи к протестной активности.....	434
Великая Наталия Михайловна Молодежь в идеологическом пространстве современной России.....	435
Власова Наталья Владимировна, Афанасьев Д.С. Проблемы миграции современной молодежи: региональный аспект	436

Войник Анна Александровна, Снегур Маргарита Романовна Опыт социологического обеспечения молодежной политики Санкт-Петербурга на примере СПб ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ»	437
Воробьева Ирина Николаевна, Мехова Альбина Анатольевна Агенты социальных изменений среди молодежи: креативный потенциал	438
Гаджиева Ксения Алексеевна Развитие сферы молодежной политики как одного из приоритетных направлений социально-экономического развития страны	439
Глазунова Светлана Евгеньевна, Окова Анастасия Николаевна, Чунихин Илья Владимирович Влияние медиаперсон на развитие предпринимательского потенциала молодёжи (на примере сети Инстаграм)	440
Граховская Вера Богдановна, Первова Ирина Леонидовна Формирование позитивного представления о семье у воспитанников детских домов	441
Грачев Виктор Григорьевич Отношение молодежи к воинской службе в армии: социологический анализ	444
Гуляева Анна Степановна Оценка потенциала возвратной миграции в Россию молодежи стран СНГ в возрасте от 15 до 29 лет	445
Данилов Александр Николаевич, Щелкова Татьяна Викторовна Адаптационный потенциал молодежи в условиях глобальной нестабильности	446
Демидова Анастасия Владимировна, Демидова Дарья Андреевна Интернет-зависимости в молодежной среде	447
Демкина Татьяна Андреевна Межэтническая семья как объект семейно-демографической политики в РФ	449
Джангозян Стелла Юраевна Проблемы государственной и негосударственной поддержки молодых соотечественников за рубежом. Экспертная оценка	455
Дзуцев Хасан Владимирович Воспитание детей в осетинской семье: этносоциологический анализ	456
Долотказина Надежда Юрьевна Проблемные вопросы формирования фамилистической культуры молодой семьи	467
Дроздова Юлия Алексеевна Социальные сети как информационный ресурс реализации государственной молодежной политики	469
Дубинина Виктория Владиславовна Конфликт поколений в современной России	470
Дубровин Владимир Леонидович Игровой контент интернет – платформ: ценности и установки	471
Жемчураева Седа Шахитовна, Ибрагимова Элиза Мусаевна К вопросу о роли поколений в трансформирующемся чеченском обществе	472

Зайцева Анастасия Андреевна Гражданское участие как ценность в представлениях студентов Ростовской области и Республики Крым.....	479
Захаров Глеб Борисович Протесты и революционные движения в восприятии молодежи.....	480
Зеленев Илья Александрович Восприятие молодежных субкультур (как «своих»/«чуждых») у современной российской молодежи	481
Зернов Дмитрий Васильевич Распространенность онлайн-знакомств в молодежной среде ...	482
Зинурова Раушания Ильшатовна, Никитина Татьяна Николаевна, Фатхуллина Лилия Зинуровна О создании конструктивной модели гражданской активности в системе школьного образования.....	483
Иванова Анна Владиславовна Роль досуговых практик в развитии креативности молодежи..	485
Иванова Маргарита Сергеевна Сохранение самобытности армянской диаспоры и национальной культуры на примере молодежи Краснодарского края	487
Ивченков Сергей Григорьевич Актуальные компетенции молодежи на современном рынке труда	488
Искаков Азиз Ержанович Представленность исследований молодежной политики в закупках социологических исследований госструктур Казахстана за 2016-2020 годы.....	489
Келасьев Олег Вячеславович Стратегии разблокирования препятствий самореализации активных групп молодежи.....	490
Киселева Людмила Сергеевна, Сидорова Ульяна Игоревна, Киселева Ольга Андреевна Технологии вовлечения молодежи в политические процессы.....	492
Клочкова Анна Валентиновна Деструктивное информационное воздействие на сознание и поведения подростков и молодежи.....	493
Косицына Светлана Видаликовна Особенности социального статуса рабочей молодежи в пространстве города глазами студентов и специалистов по работе с молодежью.....	494
Костенко Валерий Валерьевич Роль социологических исследований в анализе протестной деятельности молодежных общественных организаций.....	495
Косыгина Ксения Евгеньевна Онлайн-участие молодежи в деятельности некоммерческих организаций: кейс региона.....	497
Лапшинова Кира Викторовна Удовлетворенность условиями труда молодежи Московского региона: социологический анализ.....	498
Ларина Татьяна Игоревна, Пузанова Жанна Васильевна, Нарбут Николай Петрович Инфантилизация молодежи: устойчивый тренд или временные эффекты адаптации.....	499
Латышев Дмитрий Михайлович Питание молодых мусульман Среднего Урала (на примере студентов УрФУ).....	500

Лебедева Людмила Геннадьевна Проблемы взаимосвязи социализации молодежи и преемственности поколений.....	501
Ли Цзяньхуэй Изменение ценностей двух поколений молодых людей (на примере Китая и России) в начале 21 века.....	502
Лохов Даниил Дмитриевич Актуализация депрессивных состояний как образа жизни современной молодёжи.....	504
Ляуткина Ирина Сергеевна, Качурина Татьяна Александровна, Матюшкина Кристина Васильевна Реализация молодежной политики в региональном социуме: на примере Республики Мордовия.....	505
Малькова Лада Сергеевна Развитие креативного потенциала молодёжи в эру цифровизации.....	506
Махкамова Шахло Юлчиевна Определение национального индекса оценки молодежной политики в Узбекистане.....	507
Мельникова Ольга Ярославовна Современные проблемы в реализации образовательных программ магистратуры.....	512
Морозова Наталья Михайловна Современные практики выявления креативного потенциала студентов.....	513
Непочатых Елена Павловна, Посашкова А.Л., Перепелкина А.Г., Непочатых Е.П. Социальное проектирование как технология работы с молодежью (на примере реализации профильной смены лагеря «Гармония»).....	514
Николаева Алла Алексеевна Характеристики гражданского сознания современной студенческой молодежи.....	515
Новоселова Елена Николаевна Формирование у молодежи мотивационно-ценностного отношения к здоровью как направление государственной социальной политики.....	516
Нор-Аревян Оксана Аведиковна Потенциал профессиональных династий врачей в оценках молодых медиков (на материалах анкетного опроса).....	517
Овчинникова Юлия Дмитриевна Ориентации студентов Уральского федерального университета на получение неформального онлайн-образования.....	519
Осанкина Виктория Александровна Профилактическая работа в ГБОУ РМ «Шейн-Майданская школа-интернат» посредством учебной и воспитательной деятельности.....	520
Панфилова Юлия Сергеевна Особенности восприятия профессиональных династий молодым поколением врачей (на примере работников медицинских учреждений г. Ростов-на-Дону).....	521
Паншева Ксения Эдуардовна Роль молодежных объединений в профессиональном и личностном развитии студентов.....	522
Плотов Леонид Евгеньевич Интернет и сексуальность: перспективы изучения сексуального поведения российской подростков.....	523

Позднякова Маргарита Ефимовна Методолого-методические особенности социологических исследований девиантного поведения молодёжи.....	524
Прохода Владимир Анатольевич Готовность современной российской молодежи к приему мигрантов.....	525
Рева Анастасия Сергеевна, Тур Артур Дмитриевич Институциональное доверие в оценках студенческой молодежи.....	526
Романова Мария Алексеевна Отношение российской студенческой молодежи к волонтерской деятельности.....	527
Руденкин Дмитрий Васильевич Модели формирования первичного интереса молодежи к популярным YouTube-каналам	528
Руденко Лариса Дмитриевна Проблема профессиональной ориентации молодежи	529
Савченко Ирина Алексеевна Взаимодействие вуза с общественными организациями как механизм развития социальной активности студентов.....	530
Сачук Денис Игоревич Креативный потенциал молодежи на региональном уровне	532
Селюкова Дарья Владимировна, Безрукова Ольга Николаевна Специфика трудовой занятости молодых семей в условиях пандемии.....	533
Семёнов Максим Юрьевич, Коровин Сергей Александрович, Бородина Валерия Александровна, Кочеткова Кира Вячеславовна Интернет в повседневности: особенности использования поколением Z	534
Семёнова Александра Андреевна Новые формы онлайн социализации молодежи в интернет-пространстве	535
Семёнова Анастасия Алексеевна Гражданское участие молодежи: к вопросу об особенностях цифрового активизма	536
Сенникова Мария Александровна Политика безопасности детей в организации: актуальный метод социального контроля и современный аспект подготовки кадров к работе с молодежью	537
Сергачева Яна Сергеевна Проблемы жизнедеятельности молодой семьи.....	538
Симонова Анна Владимировна Анализ социально-психологического портрета студента Магнитогорского Государственного Технического университета им. Г.И. Носова	539
Симонова Анна Владимировна Анализ удовлетворенности выпускников Магнитогорского Государственного Технического университета им. Г.И. Носова качеством профессиональной подготовки	540
Снегур Маргарита Романовна Формирование национальной идентичности молодых россиян в политических практиках	540

Соколов Александр Владимирович, Беляков Алексей Александрович Факторы формирования политической лояльности молодежи в социальных сетях.....	542
Соколова Алена Николаевна, Соколова Алена Николаевна Проблемы функционирования рынка труда для выпускников высших учебных заведений	543
Станевич Анастасия Юрьевна Образовательная траектория студентов-социологов МГЛУ (социологический анализ по данным мониторинга)	544
Сулимова Арина Игоревна Трансляция ценностей современной российской молодежи через призму стендап-выступлений	545
Сухова Екатерина Александровна Основные характеристики и возможности увеличения социальной активности молодежи Ямало-Ненецкого автономного округа	546
Тарченко Вера Сергеевна Динамика установок российских студентов в сферах гендерных и брачно-семейных отношений	547
Татулян Арина Сергеевна Трансформация понятия молодежь в контексте социологических исследований и формировании молодежной политики	548
Телепаева Дарья Фёдоровна, Певная Мария Владимировна Потенциал культурного волонтерства молодежи в крупных, средних и малых региональных городах (по материалам социологического исследования в Свердловской области).....	549
Терехин Александр Сергеевич Перспективные направления исследований социологии молодежи.....	550
Тертышникова Анастасия Геннадьевна, Немова Елена Николаевна Молодежь и волонтерство: социальный портрет волонтера в реалиях современного общества (на примере контент-анализа СМИ)	551
Трифанцева Дарья Владимировна Ценностные ориентации в трудовом поведении современной российской молодежи	552
Тур Артур Дмитриевич, Рева Анастасия Сергеевна Институциональное доверие в оценках студенческой молодёжи.....	553
Усагалиева Алия Аскарровна Направления самореализации молодежи в современных условиях	555
Фролов Александр Альбертович, Гребенко Е.Д. Влияние диалоговых институтов на уровень лояльности молодежи	556
Фролов Иван Владимирович Снижение протестного потенциала молодежи в России и возможные последствия.....	557
Хацевич Анна Юрьевна, Погорелова Мария Николаевна Роль TikTok (ТикТок) в жизни молодежи.....	558

Царева Анна Владиславовна, Гребенников Андрей Иванович, Малинин Александр Владимирович Проблема формирования культуры здорового образа жизни школьников на основе ценностно-социальной модели здоровья.....	559
Черкасова Татьяна Васильевна, Черкасова Татьяна Васильевна Региональное студенчество о постковидных тенденциях в общественно-политическом развитии: социологический анализ опросов в Башкортостане	560
Черноиванова Анна Сергеевна, Дедух Глеб Валерьевич Транзитивные стратегии выпускников-бакалавров ВУЗа социального профиля.....	561
Шаброва Нина Васильевна Образовательная неуспешность учащейся молодежи: «личная трудность» или «общественная проблема»?	564
Шакиров Камиль Ильгизович, Юрина Елизавета Александровна Культура политического участия молодежи Тюменской области	566
Шахова Екатерина Владимировна Некоторые показатели человеческого потенциала в оценках молодых людей (по результатам социологического исследования в приграничных регионах России).....	567
Шевченко Павел Владимирович Ожидания работодателей от школы и её выпускников	568
Шеметова Дарья Сергеевна Молодежная политика глазами молодежи: существующие проблемы и пути их решения.....	569
Шиляева Анна Сергеевна, Курапов Сергей Владимирович Актуализация креативного мышления молодежи для выявления представлений о важных социально-экономических процессах (на примере представлений о возможном особом культурно-цивилизационном пути российского общества)	571
Шляпников Виктор Валерьевич Исследование политической активности студенческой молодежи.....	572
Щеглова Дарья Константиновна Возвратная миграция в оценках современной молодежи....	573
Юданов Михаил Михайлович Специфика и причины мифологизации сознания молодёжи ...	574
Яковлева Диана Витальевна Проблема превенции кибербуллинга среди молодежи	575
Яковлева Марина Николаевна Социологический анализ молодежи в контексте государственной молодежной политики.....	576

Секция 10. Гендерные исследования в социологии: традиции и перспективы 580

Stein-Redent Renate-Rita Peter Значение гендера в исследованиях, преподавании и развитии Университета Вехты.....	580
Алимова Маргарита Алидаровна Женщины как объект насилия в социальном пространстве мегаполиса: методологические подходы	581

Аносов Юрий Александрович, Панова Алина Сергеевна (НИУ ВШЭ) Семья в 21 веке	582
Антонова Полина Олеговна Конструирование женского тела: практики и представления студенток.....	583
Баранова Галина Васильевна, Музалевский Владислав Игоревич Парадоксы семейных отношений	584
Беликова Марина Васильевна «Гендерный интеллект» - важная профессиональная компетенция современного социолога	585
Биккинина Джамия Дамировна Нормативная модель семьи в семейной политике, научном дискурсе и представлениях молодежи.....	586
Бицадзе Николоз Обзор гендерных теорий в социологии	587
Выхованец Алена Егоровна Костюм и конструирование женской идентичности в социокультурном поле нативистских движений.....	588
Вэй Ицзюнь Гендерная асимметрия в современном китайском обществе: актуальность и перспективы социологического исследования	589
Ганеева Ильнара Маратовна Социально-экономический статус женщин в России и Китае в современных условиях.	590
Гараева Эльнара Ильфатовна, Быкова Елизавета Игоревна Гендерный аспект изучения добровольной бездетности.....	591
Гудко Алина Александровна Гендерная социология как частная социологическая теория	592
Данилова Елена Олеговна, Березина Яна Алексеевна Семейно-бытовое насилие в отношении женщин как социальная проблема в Российской Федерации.....	593
Доброхлеб Валентина Григорьевна, Махрова Ольга Николаевна Гендерная социология как инструмент анализа жизненного успеха.....	595
Дрововозова Евгения Викторовна Развитие проблемы домашнего насилия по отношению к мужчинам в современности.....	595
Ефанова Ольга Алексеевна, Пискалова-Паркер Марина Петровна Гендерное взаимодействие в современной российской семье	596
Жураховская Анастасия Юрьевна Феномен жизни соло городских мужчин.....	597
Ирсетская Елена Александровна Состояние и тенденции развития межкультурных браков, как актуальное направление современной демографической политики	598
Исмагилов Радмир Рустемович Гендерное различие в структуре толерантности	599
Кавун Анна Игоревна Традиции изменения гендерных ролей женщин в современном Китае.....	600
Капп Елизавета Дмитриевна Гендерные исследования и проблема социальной актуальности	601

Карпова Вера Михайловна В поисках новых направлений демографической политики	602
Келасьев Олег Вячеславович Детско-родительские конфликты и типология отцовства	604
Кирилина Татьяна Юрьевна, Сахневич Инна Валерьевна (Курский института развития образования) Проблема гендерного разрыва в современном мире.....	605
Коротков Евгений Анатольевич Влияние гендерной принадлежности на решение семейных вопросов.....	606
Коршунова Юлия Александровна Представление студентов о гендерной сегрегации как о социальном явлении на рынке труда.....	607
Кюрегян Марина Петровна Гендер и безработица: уроки пандемии.....	608
Ломоносова Марина Васильевна Цифровизация индустрии репродуктивной медицины в России в контексте социологического осмысления.....	609
Магомедова Виолетта Рамазановна Жизненные ценности российских студентов во время пандемии: гендерные приоритеты.....	611
Милованова Марина Юрьевна Женский фактор в политике: диалектика социального и политического.....	613
Мончик Яна Витальевна Вопросы гендерной дискриминации женщин в современной России.	615
Немова Ольга Алексеевна, Дядицына Валентина Антоновна (Санкт-Петербургский государственный университет Петра Великого; ВШМОП) Отношение молодежи к здоровому образу жизни: гендерный аспект.....	617
Овчарова Ольга Геннадиевна, Козлова Наталия Николаевна (Тверской государственный университет), Рассадин Сергей Валентинович (Тверской государственный технический университет) Гендерный разрыв в представленности молодых депутатов региональных парламентов: опыт сетевого анализа публичного дискурса.....	618
Павлов Никита Антонович, Чайников Георгий Александрович Взаимные ожидания в условиях гендерных противоречий	619
Панкова Млава Андреевна Гендерная социология как частная социологическая теория	620
Плигунова Анастасия Вячеславовна К вопросу о социологической концептуализации полиамории	621
Рашитова Луиза Камилевна, Курилов Сергей Николаевич Перспективы гендерных исследований в России	622
Скорик Ксения Геннадиевна Роль семьи в становлении гендерной идентификации.....	623
Старцева Наталья Николаевна Государственная поддержка семей с детьми как одно из направлений семейной политики	624

Ушакова Валентина Григорьевна Гендерные компетенции современного социолога: актуальность и содержание	625
Фадеева Мария Михайловна В чем заключается привлекательность полов?.....	627
Черевкова Алена Игоревна Восприятие профессиональных династий в медицинском сообществе: гендерный аспект	627
Черепанов Антон Викторович Гендерная социализация эмоций в детском возрасте: социально-психологический аспект.....	629
Швецова Анастасия Владимировна, Зиброва Екатерина Александровна Гендерное разнообразие на национальных и региональных управленческих конкурсах России	630
Шевченко Ирина Олеговна Социальное конструирование отцовства: теоретические основы исследования	631
Шишкина Евгения Владимировна, Шишкина Е.В. Социологическое изучение труднодоступных групп населения (на примере изучения отцовства).....	632
Шовкомуд Дарья Сергеевна Гомосексуализм в России как трудно исследуемый объект	633

Секция 11. Специфика подготовки и профессионализации специалистов по социальной работе

Абросимова Наталья Валерьевна Применение совместного анализа в социальной сфере	635
Артемяева Мария Олеговна Специфика подготовки и профессионализации специалистов по социальной работе.....	636
Архипова Елена Борисовна Цифровые платформы интеллектуального волонтерства: потенциал, возможности, мотивация участия НКО и волонтеров.....	637
Бистяйкина Динара Асымовна, Касаркина Елена Николаевна Поддержка молодой семьи семейной политикой в современном российском обществе	638
Бородкина Ольга Ивановна, Романенко Вероника Валерьевна Проблемы регулирования практики социального обслуживания населения	639
Васильева Надежда Сергеевна Развитие системы повышения профессиональной квалификации специалистов по социальной работе в условиях пандемии	640
Веселова Полина Васильевна Система социальной защиты Российской Федерации: адресность, доступность, нуждаемость	641
Грахова Светлана Андреевна Информирование населения о цифровизации услуг и их продвижение	642
Евсеев Владимир Владимирович, Волкова Людмила Михайловна (Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации) Физическая культура и спорт в формировании самосохранительного поведения личности.....	644

Колосова Галина Владимировна Новая управленческая практика – организация межведомственного взаимодействия в социальном обслуживании граждан пожилого возраста	646
Комилова Замира Абдувалиевна Роль социального работника в управлении социальным обслуживанием населения	647
Ксендикова Анастасия Константиновна Социальная работа с отцами.....	648
Мельников Николай Николаевич Цифровизация как процесс доступности социальных услуг.....	649
Мишеничев Константин Сергеевич Школа долговременного ухода для пожилых людей: возможности внедрения цифровых инноваций.....	650
Мороз Егор Владимирович О некоторых аспектах гражданско-патриотического воспитания в контексте формирования социальной компетентности молодежи в современной России	651
Морозов Илья Сергеевич Роль государственных и негосударственных организаций в социальной интеграции людей с нарушениями развития и интеллекта	653
Новожилова Ольга Алексеевна Самоидентичность молодых инвалидов в контексте оказания социальных услуг.....	654
Панькова Елена Геннадьевна, Бистайкина Динара Асымовна, Соловьева Татьяна Владимировна Опыт применения информационных технологий в социальной работе в Республике Мордовия	655
Первова Ирина Леонидовна, Келасьев Вячеслав Николаевич Самосохранительное поведение человека в условиях пандемии коронавируса	656
Петрова Татьяна Эдуардовна Повышение квалификации в сфере добровольчества (волонтерства)	658
Платонова Юлия Юрьевна Формирование программ подготовки социальных работников в области формирования доступной среды для лиц с инвалидностью.....	660
Попандопуло Ольга Александровна Профессиональное самоопределение молодежи в социальной сфере в условиях цифровизации современного российского общества	662
Рогова Анна Михайловна, Давыдов Сергей Анатольевич (Санкт-Петербургский экономический университет) Преимущества и недостатки применения дистанционных технологий при подготовке специалистов по социальной работе.	663
Сальникова Екатерина Евгеньевна Специфика конфликтов отцов и подростков в условиях пандемии	664
Самойлова Валентина Алексеевна, Безрукова Ольга Николаевна Активизация социальной работы с отцами детей с ограниченными возможностями	665
Сибирев Владимир Анатольевич Цифровая трансформация социальной сферы в РФ в условиях пандемии	666

Славашевич Юлия Алексеевна Профессионализм социальных работников городской и сельской местности: сравнительный анализ	667
Сулимова Алина Алексеевна Роль специалиста по социальной работе в пенитенциарном учреждении.....	668
Тарасов Данил Андреевич Социальный маркетинг и цифровизация социального обслуживания (социальных услуг): определение понятий, перспективы и риски	669
Черепанов Антон Викторович Социально-психологическая адаптивность и субъективное благополучие людей старшего возраста	670
Чикова Евгения Викторовна, Старшинова Алевтина Викторовна Социальная сеть "ВКонтакте" как пространство деятельности СО НКО	671
Шеремет Александр Николаевич Социальный театр в системе социальной работы по реабилитации наркозависимых людей (на примере НКО «Юла» и «Новая жизнь»)	672

Секция 1. Роль социологической теории в исследовательской практике

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ РЫНКА ИССЛЕДОВАНИЙ

Агеева Александра Игоревна
НИУ ВШЭ

Данное исследование описывает современные тренды и тенденции рынка исследований. Также оно рассматривает необходимые компетенции, которыми должны обладать социологи, чтобы быть конкурентоспособными и компетентными специалистами. Исследования, изучающие данную проблематику, ведутся, однако охватывают либо какой-либо территориально ограниченный рынок труда, либо выпускников одного конкретного учебного заведения, что влияет на итоговые результаты и ограничивает возможность их экстраполяции на рынок труда в целом. Особенность данной работы состоит в том, что она направлена на изучение всего рынка труда социологических и маркетинговых исследований, охватывая не только отечественный рынок труда, но и частично зарубежный (США и Европа).

В первую очередь, рассмотрим основные возможности рынка исследований: использование новых технологий для ускорения и удешевления исследований, привлечение потенциальных клиентов из сферы малого бизнеса, а также интеграция в сферы деятельности, где социологические методы не задействованы сейчас, но могут быть использованы в дальнейшем [3]. Отдельно стоит выделить институализацию рынка исследований: формирование актуальных профессиональных стандартов и активизация деятельности профессиональных ассоциаций. Главные риски рынка исследований: дефицит квалифицированных специалистов, запрос на проведение простых исследований, проблемы с международной интеграцией [1, 111].

Также рассмотрим необходимые компетенции, которыми должны обладать социологи, чтобы быть конкурентоспособными и компетентными специалистами. Помимо базовых классических навыков социолога (умение работать с данными и проводить исследование) необходимы навыки работы в дополнительных программах (программы визуализации, SQL), а также управленческие навыки и так называемые *soft skills*: умение работать с большими объемами информации, организационные навыки, умение работать в режиме многозадачности, системное мышление и аналитический склад ума, умение работать как самостоятельно, так и в команде [4].

В заключение рассмотрим специфические навыки и области знаний, которые необходимы в проведении исследований, междисциплинарных в том числе, а также проведены различия между зарубежной и отечественной системой компетенций: в силу сложившихся различий систем образования и рынка исследований, подход к компетенциям, квалификации и соответствия профессии отличается в России и за рубежом [2, 18]. В США и Европе более развиты междисциплинарные исследования, в которых привлечены социологи и более широкие области исследований: от экономики и политики до медицины и криминологии. В России часто встречаемые области междисциплинарных исследований: экономические исследования, медицина (*public health, global health*), политика.

1) Дулина Н.В., Звоновский В.Б., Токарев В.В. Рынок социологических и маркетинговых исследований в России: состояние, динамика, прогноз // Социологические исследования, №12, 2017. 110-123 с.

- 2) *Исследователь XXI века: формирование компетенций в системе высшего образования. Коллективная монография / отв. ред. Е.В. Караваева. – М.: Издательство «Геоинфо», 2018. – 240 с.*
- 3) *Состояние рынка социологических и маркетинговых исследований в 2018 году. [Электронный ресурс]. URL: <http://st.oiom.ru/articles/report2018.pdf> (дата обращения: 20.08.2021)*
- 4) *Preparing for a 21st Century Job Hunt with a BA in Sociology. [Электронный ресурс]. URL: https://www.asanet.org/sites/default/files/footnotes_mar-aprill6.pdf (дата обращения: 20.08.2021)*

СОЦИОЛОГИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА И ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Асочаков Юрий Валентинович
Санкт-Петербургский государственный университет

*Доклад подготовлен в рамках исследования, поддержанного грантом
Российского научного фонда (проект 21-18-00125)*

После достаточно продолжительного периода неясности и дискуссий по поводу природы и особенностей нового периода развития современного общества и специфических свойств его формы, пришедшей на смену классическому индустриальному обществу, социология установила общие очертания нового фазового состояния современности – глобализирующееся/глокализирующееся, имеющее сетевую/потокую структуру общества, основанное на производстве знания/информации. Очевидно, что в период фазового перехода к новой форме, получившей общее условное название информационного общества, эти свойства не имеют явных и определенных очертаний, но уже вполне сложилась его материально-техническая основа, активно присутствующая и вносящая изменения в жизнь – цифровые технологии. На этом основании была принята концепция, что это новое состояние есть цифровое общество. Это понимание получило и практическое применения. Понятие фигурирует как доктринальное основание в социально-политическом дискурсе и в официальных программах социального развития.

В теоретической модели цифрового общества выделены четыре его основные характеристики, которые определяют основные тенденции развития современного общества: 1. Сверхсвязность (superconnected) – интенсивное нарастание присутствия цифровых технологий в повседневной жизни современного человека, в связи с которым интенсифицируется до качественно нового уровня социальные взаимодействия, а, так же, взаимодействия с вещами. Сверхсвязность изменяет и структуру производства информации; 2. Платформизация (platformisation) – возникновение информационно-технической инфраструктуры взаимодействий, позволяющих переносит традиционные практики в виртуальную цифровую среду; 3. Дейтификация (datafikation) – возможность тотальной фиксации действий в цифровой среде, создания огромных массивов информации и возможности его обрабатывать ; 4. Алгоритмическое управление (algorithmic governance) – предполагает новые способы упорядочивания и управления действиями в цифровой среде. Эти компоненты поддерживают и усиливают действия друг друга.

Эти четыре базовых концепта определяют так же тематику нового направления исследований этого цифрового общества. Новая субдисциплина - цифровая социология предполагает исследование развития свойств и связанных с этим процессов реальной жизни. Поскольку ожидания по поводу цифровизации повседневной жизни в основном оптимистические, то и теоретическая модель, принятая цифровой социологией тоже позитивна. Но, как это всегда бывает при сопоставлении теоретических моделей с

реальностью, они недостаточны и требуют расширений и дополнений. Возможна и негативная модель цифровизации, которая бы могла указать на отрицательные последствия этого процесса для жизни общества и человека. Основные моменты, вокруг которых может быть построена негативная модель цифрового общества уже достаточно очевидно проявляются. Это изменения в характере неравенства и появление новых его новых форм, которые могут оказаться более деструктивными, чем традиционные. Возрастание и усложнение контроля до уровня, который можем назвать тотальным, а именно это всегда воспринималось как довольно ужасная перспектива. Сверхсвязность, которая выглядит достаточно эффективным свойством консолидации людей, в основе своей содержит перспективу новых форм отчуждения и несвободы, преодоление которых всегда рассматривалось социальной наукой как основная проблема социального развития. Создание негативной модели цифрового общества позволила бы вернуть проблематику, вокруг которой формировалась традиционная социология, что было бы, на наш взгляд, действительной перспективной развития социологической теории информационного общества

РОЛЬ КОНЦЕПЦИИ КАПИТАЛОВ П. БУРДЬЕ И ЦЕННОСТНОЙ ТЕОРИИ Ш. ШВАРЦА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ЧИТАТЕЛЬСКИХ ИНТЕРЕСОВ СОВРЕМЕННОЙ МОСКОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Бессонова Маргарита Олеговна

Московский государственный лингвистический университет

Чтение книг, как показатель образованности общества, является важным шагом социализации индивида [1, 19]. Литературные предпочтения молодежи определяют ее идеалы и настроения [2, 146].

В теоретическую основу авторского исследования, проведенного по 3 возрастным группам (14-18, 19-24, 25-30 лет), вошли концепция капиталов П. Бурдьё и теория ценностей Ш. Шварца, что позволило изучить читательские интересы как отражение принципов и норм, свойственных различным категориям читателей.

Согласно П. Бурдьё, капиталами в культурном поле выступают культурный, социальный, символический [3, 379]. Через них можно определить виды чтения, основанные на целях и мотивах. Культурный капитал проявляется в том, что индивид читает не ради достижения целей, а ради удовольствия – чувственное чтение. Символический основывается на стремлении к повышению социального статуса, желании быть значимым. Выбор литературы может определяться мнением авторитетных личностей. Это рациональное чтение. Социальный капитал соотносится с вынужденным чтением и характеризует человека в соответствии с принадлежностью к группе. Его интересы определяются рекомендациями окружающих, он читает не по собственному желанию, а по требованию группы.

В зависимости от ответа на вопросы о читательских интересах респонденту присваивался один из капиталов. Тем самым был сделан вывод: молодежь 19-24 и 25-30 лет придерживается культурного капитала (45% и 63%), воспринимает чтение как отдых и хобби. Среди школьников 14-18 лет доминирует символический (44%). Для приобретения более высокого статуса они ориентируются на мнение значимой личности, референтной группы. 31% старшеклассников отмечали идеи социального капитала, т.е. они читают по советам и требованиям ближайшего окружения: семьи, школы, друзей. Чтение воспринимается как обязательное условие членства в группе.

Данный анализ выявил некую тенденцию: с возрастом меняются капиталы, а вместе с ними читательские предпочтения. Молодые люди начинают воспринимать чтение не как обязанность, а как досуг и метод познания мира. Читатели становятся более

самостоятельными и ориентируются на собственные ценности, а не на советы референтных личностей.

По теории Ш. Шварца, были определены группы ценностей: открытость изменениям, самоутверждение, сохранение, выход за пределы своего Я. Последняя доминирует в возрасте 25-30 (53%). Школьники ориентируются на самоутверждение (78%). Группа 19-24 лет является посредником и не имеет ярко выраженной ценности. Различия проявляются и в жанрах литературы. Так, читатели, придерживающиеся универсализма (забота о природе), чаще выбирают жанр о природе/животных. Любители ужасов – индивиды, готовые к риску и не всегда следующие правилам общества.

Концепция капиталов П. Бурдьё и ценностная теория Ш. Шварца помогли охарактеризовать цели и виды чтения, объяснить предпочтения читателей в жанрах. Анализ теоретических подходов позволил более детально изучить читательские интересы, выявить определенные связи и тенденции в практическом исследовании.

КОНЦЕПЦИЯ СЕТЕВОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОПЫТА ПАЦИЕНТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Богомяжкова Елена Сергеевна
Санкт-Петербургский государственный университет

Текст подготовлен при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-013-00770А, «Цифровые и биомедицинские технологии в практиках заботы о здоровье: российский контекст»

Проникновение цифровых технологий в практики заботы о здоровье становится все более отчетливой тенденцией в том числе благодаря глобальной пандемии COVID-19. Цифровизация здравоохранения, имея институциональное измерение, значимо меняет повседневность как медицинских профессионалов, так и пациентов, принуждая их комбинировать офлайн и онлайн-практики сохранения и поддержания здоровья. С целью изучения трансформаций в стратегиях заботы о себе и взаимодействия с медицинскими институциями в 2020–2021 гг. было реализовано эмпирическое исследование. В результате было собрано более 90 интервью с жителями крупных городов России, использующими новые технологии как для обращения за медицинской помощью, так и для самостоятельной заботы о себе. По итогам анализа полученных нарративов были сделаны выводы об изменениях в жизненном мире пациента, обусловленных цифровыми инновациями.

Сегодня опыт пациента приобретает гибридный характер и реализуется в режиме дополненной реальности. Объединяя роли больного и пользователя технологий, пациент сочетает личные ощущения (физиологические, психологические и др.), данные, поставляемые гаджетами (выраженные в виде цифр, графиков и диаграмм), информацию, получаемую из Интернет-источников и рекомендации врачей. Непрерывный сбор, генерирование и сравнение сведений различного рода, невозможность полностью опереться ни на один ресурс делают опыт пациента крайне неопределённым. В результате пациенты становятся главными субъектами принятия конечных медицинских решений и все чаще выступают в роли «компетентных» оппонентов официальному здравоохранению, стремясь полностью контролировать процесс взаимодействия со специалистами.

Полагаем, что ситуация, в которой сегодня находится пациент, может быть описана с помощью концепции сетевого индивидуализма Б. Уэллмана [1], отмечающего

ведущую роль сетевых онлайн-коммуникаций в условиях современности. Цифровые технологии выступают новым социальным «клеем», способствуя формированию персональных социальных сетей, в центре которых находится индивид, вовлеченный в интенсивные и многообразные взаимодействия, пересекающие временные и территориальные границы. Такую персональную сеть, заменяющую институционализированное взаимодействие с врачом и включающую не только медицинских профессионалов и близкое окружение, но и блогеров, членов сетевых виртуальных сообществ, гаджеты, мобильные приложения, Интернет-сайты, формирует и современный пациент. При этом позиция актора в сети определяется доверием, которое распределяется по-разному и не зависит от физической близости. Новые цифровые «игроки» в поле здравоохранения превращаются в современных инфлюенсеров в вопросах сохранения и поддержания хорошего самочувствия. На первый взгляд, отмеченные преобразования объясняются кризисными явлениями в здравоохранении, одним из инструментов преодоления которых и выступает цифровизация. Однако, с нашей точки зрения, они могут быть рассмотрены как проявление более общего тренда социальных изменений. Сегодня, когда социальные институты теряют доминирующее влияние на индивидов [1,2], а традиционные формы социальности конкурируют с сетевыми и потоковыми вариантами, все большее распространение получают новые форматы установления и поддержания социальных связей. Одним из примеров этой тенденции являются изменения в практиках заботы о здоровье, преобразующие опыт современного пациента.

Текст подготовлен при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-013-00770А, «Цифровые и биомедицинские технологии в практиках заботы о здоровье: российский контекст».

1. Wellman B., Rainie L. *Networked: The New Social Operating System*. Cambridge: MIT Press, 2012.
2. Иванов Д.В. К теории потоковых структур // *Социологические исследования*. 2012. № 4. С. 8–16.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕДИАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Будникова Наталья Сергеевна

ФГБОУ ВО "Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В.Р. Филиппова"

Медиатизация выступает одной из отличительных черт современного общества. Данное понятие имеет множество значений и синонимов.

Несмотря на ее востребованность в дисциплинарных и междисциплинарных исследованиях, научный статус теории медиатизации вызывает серьезные дискуссии [6, 24].

В сфере медиаисследований понятие медиации и медиатизации начинают разрабатываться с начала 1990-х гг. Канадский экономист и исследователь медиа Гарольд А. Иннис в начале 1950-х гг. заявил о том, что коммуникации посредством медиа играют определяющую роль в формировании современного общества [2]. В 1960-м г. его ученик Г.М. Маклюэн продолжил данные исследования и определил коммуникативную роль медиа как основного посредника в жизни общества [4, 131].

Впервые термин «медиатизация» был применен английским социологом и исследователем Дж.Б. Томпсоном в работе «Медиа и модернити» для обозначения роли медиа как институционально организованных структур, транслирующих не просто

информацию, но образцы культуры, формирующие современное общество на протяжении последних веков [9].

Британский медиаисследователь Роджер Сильверстоун предложил свое видение медиации как термина, описывающего «фундаментальный, но неравномерный диалектический процесс, в котором институционализированные медиакommunikации (пресса, радио и телевидение, и все чаще Интернет), вовлечены в общую циркуляцию символов в социальной жизни» [8].

Ник Коулдри предлагает рассматривать медиацию как понятие, охватывающее многовекторные, разнонаправленные тенденции в рамках медиа-потоков [7, 115].

В отличие от английской практики использования термина «медиация», в Германии и Скандинавии с самого начала предпочитают говорить о «медиатизации» общества (от нем. *Mediatisierung*) как о процессе влияния медиа на различные явления [2].

Русскоязычная версия понятия «медиатизация», употребляемого в контекстах теории коммуникации, появилась в 1991 г. [1] Понятие «медиатизация» впервые появилось в работе отечественных ученых Т. В. Андриановой и А. И. Ракитова [5].

На сегодняшний день процессы медиатизации оказывают влияние на все сферы человеческой деятельности. Современный человек, вовлеченный в информационное пространство повседневной жизни, превращается в потребителя разнообразного медиатовара и попадает в определенную зависимость от него. В данном контексте актуальной является мысль профессора Е.Вартановой о том, что с усилением роли в жизни человека нематериальных факторов (идей, ценностей, убеждений), в обществе формируется новый тип человека — «человека медийного» («*homo mediatus*») [3].

Таким образом, на данный момент существует многообразие исследовательских подходов к определению феномена медиатизации. Однако они не противоречат друг другу. Вместе с тем, теорию медиатизации можно назвать открытой исследовательской платформой, включающей несколько исследовательских тенденций.

1. Андрианова Т. В. *Современные тенденции информатизации и медиатизации общества: науч.-аналит. обзор* / Т. В. Андрианова, А. И. Ракитов. — М., 1991. — 117 с.
2. Гуреева А. Н. *Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды* // Вестник Московского университета. - Серия 10. Журналистика. - 2016. - №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskoe-ponimanie-mediatisatsii-v-usloviyah-tsifrovoy-sredy> (дата обращения: 28.09.2021).
3. Литовченко И. В. *Влияние медиатизации на институционализацию общественной жизни* / И. В. Литовченко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2015. — № 17 (97). — С. 498-500. — URL: <https://moluch.ru/archive/97/21830/> (дата обращения: 28.09.2021).
4. Маклюэн М. *Понимание Медиа: внешние расширения человека* / пер. с англ. В.Г. Николаева. - М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц., Кучково поле, 2003. - 464 с.
5. Примаков В.Л. *Медиатизация как теоретический концепт* // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. - 2019. - №3 (836). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatisatsiya-kak-teoreticheskiy-kontsept> (дата обращения: 25.09.2021).
6. Черненькая, С. В. *Теория медиатизации в контексте междисциплинарных исследований* / С. В. Черненькая // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. — 2021. — № 1(37). — С. 24-31. — DOI 10.25688/2078-9238.2021.37.1.02.
7. Couldry N. *Media Rituals: A Critical Approach*. Routledge. - London; New York : Routledge, 2003. - 173 p.
8. Silverstone R. *Media and Morality: On the Rise of the Mediapolis*. URL: <http://www.bookre.org/reader?file=1168758> (дата обращения 20.09.2021).
9. Thompson J.B. *The Media and Modernity. A Social Theory of the Media*. URL: <https://archive.org/details/mediamodernityso00thom> (дата обращения 07.09.2021).

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ГОРОДСКИХ ПУБЛИЧНЫХ МЕСТ: РЕВИЗИЯ КЛАССИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ?

Буканова Анастасия Вадимовна

Санкт-Петербургский государственный университет

Городские публичные места как доступные всем горожанам площадки для самовыражения и коммуникации с другими всегда находились в фокусе внимания городских исследователей. Однако, коммерциализация городского планирования и развития, атомизация индивидов, перенос части взаимодействий в онлайн-пространство, а с недавнего времени и пандемия covid-19 вносят коррективы в классические представления о публичных местах.

В связи с этим встает ряд вопросов: как сегодня следует теоретизировать городскую публичность? Какие из классических социологических представлений о публичном месте сохраняют актуальность? Как трансформировалась социологическая теория публичных мест, реагируя на перечисленные выше вызовы современности?

С одной стороны, основополагающие характеристики публичных мест, описанные такими классиками городских исследований, как К. Линч [1, 52], Ш. Зукин [2, 32], Дж. Джекобс [3, 49], всё ещё применимы в анализе современных городских публичных территорий: это, в частности, доступность, субъективная безопасность, присутствие разнообразных категорий населения [4, 110], социальность, репрезентация различных (экономических, политических и пр.) интересов, отсутствие жёсткого контроля «сверху». Однако в связи с вызовами сегрегации и джентрификации, изменением формата формирования общественных интересов, борьбой с партикулярными интересами отдельных социальных групп в современных городах на первый план выходят и другие характеристики публичных мест. Среди них: способность публичных мест к трансформации, их многофункциональность, а также открытость к смыслам, практикам и инициативам горожан [5, 436].

Пандемия covid-19 заставляет пересмотреть роль и функции городских публичных мест. Достаточно ли физической доступности публичного места, когда свобода практик горожан в нём ограничена? Способен ли усилившийся контроль со стороны администрации и государства поставить под угрозу «публичность» публичного места? Влияет ли тревожность горожан в ситуации встреч с незнакомцами на их устоявшиеся представления о безопасности того или иного публичного места? Как меняется потенциал социальности публичных мест в ситуации множественных ограничений? Все эти вопросы могут послужить мощным стимулом для переосмысления теоретических представлений о публичных местах в пандемийный и пост-пандемийный периоды.

Таким образом, ряд классических теоретических представлений о публичных местах, а также новые концепции публичного места, возникшие до пандемии, составляют надёжную и продуктивную базу эмпирических городских исследований. Тем не менее, условия пандемии, делающие реализацию некоторых требований к публичным местам невозможной, ставят перед социологами-урбанистами новые вопросы об актуальности и необходимости критической ревизии теоретических оснований исследований городских публичных мест.

1. Линч К. *Образ города*. М.: Стройиздат, 1982. С. 52.

2. Zukin S. *The cultures of cities*. Cambridge, MA: Blackwell, 1995. P. 32.

3. Джекобс Д. *Жизнь и смерть больших американских городов*. М.: Новое издательство, 2011. С. 49.

4. Mitchell D. *The End of Public Space? People's Park, Definitions of the Public, and Democracy* // *Annals of the Association of American Geographers*. 1995. Vol. 85. No 1. P. 110.
5. Паченков О. *Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью»* // *Новое литературное обозрение*. 2012. № 5. С. 436.

МОДЕЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ М.М. КОВАЛЕВСКОГО

Буланова Марина Борисовна

ФГБОУ ВО "Российский государственный гуманитарный университет"

По мысли М.М. Ковалевского, социологическое просвещение является неотъемлемой частью социологического образования, позволяющей учащимся получить первоначальные социальные знания, необходимые для любой их профессиональной деятельности.

Для реализации данной модели необходимо решение следующих задач:

Во-первых, начать диалог с другими общественными и естественными науками с целью показать не только необходимость, но и полезность социологических знаний. Для М.М. Ковалевского залогом успешности этого диалога выступал, с одной стороны, интерес лучших представителей данных наук к идее социологизации обществознания, с другой стороны, потребность в знании законов, которые «призвана установить социология как наука о порядке и прогрессе человеческих обществ» [1, 39].

Во-вторых, разработать общий курс социологии. Для ученого это был курс, выстроенный по логике генетической социологии, раскрывающий эволюцию основных общественных институтов [2]. Данный курс дает возможность показать разнообразие и тесную взаимосвязь всех сторон общественной жизни, а также понять необходимость появления и развития учреждений, организующих индивидуальную жизнь людей.

В-третьих, охватить социологическим просвещением все ступени образования человека. Конечно, М.М. Ковалевский стремился избежать неизбежного упрощения социологических знаний в начальной школе. Однако считал, что элементы социологии, органично включенные в систематические школьные курсы, вполне уместны: их освоение поможет учащимся подготовиться к изучению основ социологии в университете. Базой социологического просвещения ученый считал российские университеты.

В-четвертых, подготовить преподавателей, способных вести социологические курсы. По началу это могли быть профессора юридических или историко-филологических факультетов. По-видимому, М.М. Ковалевский опирался на тот факт, что большинство первых российских социологов были выпускниками данных факультетов. Однако в дальнейшем в число преподавателей курса социологии войдут представители и других факультетов.

В-пятых, составить учебные планы таким образом, чтобы курс социологии смог придать необходимое единство всем социальным дисциплинам.

Необходимо отметить, что разработанный М.М. Ковалевским учебный план русской школы в Париже включал курсы, дающие слушателям возможность составить общее представление об исторических, экономических, политических и социально-культурных процессах современного общества [3].

Как и планировал М.М. Ковалевский, сегодня общий курс социологии включен в учебные программы современных российских университетов.

1. Ковалевский М. М. *Природа социологии. Отношение ее к философии истории, этике и психологии. Социология и учение о социальной жизни животных. Социология и статистика* // Ковалевский М.М. Соч. в 2 т. Т. 1. СПб, 1997. С. 35-58.
2. Ковалевский М.М. *Понятие генетической социологии и ее метод* // Ковалевский М.М. Соч. в 2 т. Т. 1. СПб, 1997. С. 272-286.
3. Ковалевский М.М. *Русская высшая школа общественных наук в Париже // Социология в России XIX – начала XX вв. Вып. 1. Тексты. М., 1997. С. 441-444.*

СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ: К ВОПРОСУ ОБ ИХ СУЩНОСТИ И СИСТЕМЕ

Быков Владимир Петрович

*Мы никогда не можем принять
за истину что-нибудь прямо противоположное
нашему ясному и точному знанию.
Д. Локк.*

*Человек – это существо столь гибкое и в общественном быту своем
столь восприимчивое к мнениям и впечатлениям других людей –
одинаково способен и понять свою собственную природу,
когда ему показывают ее, и утратить даже всякое
представление о ней, когда ее скрывают от него.
Ш.Л. Монтескье.*

Об обществе, его структуре, институтах, функционировании, динамике и т.д. написано множество работ, однако, как представляется, в них до сих пор, во-первых, нет исчерпывающего ответа на вопрос о *сущности* социальных законов, а, во-вторых, не представлена, хотя бы в общем виде, *система* этих законов.

Как известно, создатель представления о социологии как особой науке, науке об обществе, О. Конт, определял закон как "постоянное соотношение между наблюдаемыми явлениями". При этом он настаивал, следуя принятому им "позитивному" методу, что "мы можем действительно знать только различные взаимные связи, свойственные их проявлению, не будучи никогда в состоянии проникнуть в тайну их образования" [1, 20]. Анализ показывает, что данное определение, в общем и целом, принято – за исключением утверждения относительно непознаваемости причин "наблюдаемых явлений" - в российской социологии: обычно социальные законы в ней толкуются как "выражение существенной, всеобщей и необходимой связи в деятельности людей", той связи, которая задается "естественным ходом событий, являясь результатом целенаправленных последовательных действий многих индивидов в социальных ситуациях и объективных связях между различными аспектами и элементами этих ситуаций" [2, 129-130; 3. 2, 155]. Можно констатировать, что социальные законы рассматриваются в российской социологии обычно как сущие в двух ипостасях: а) в качестве той или иной совокупности связей между "многими индивидами" и б) как создаваемые людьми, действующими "целенаправленно и последовательно", т.е. сознательно, логично и т.д.

Чтобы решить проблему природы и сущности социальных законов, думается, стоит обратиться к философской мысли прошлого. В свое время Ф.М. Вольтер задавал себе вопрос, для него риторический: "Разве научили меня чему-либо книги, написанные две тысячи лет назад?" [4, 322]. Представляется, что на самом деле труды величайших мыслителей древности могут научить нас *очень и очень многому*, - конечно, если мы хотим уловить суть этих трудов. Как говорится, видящий да увидит, слышащий да услышит!

Рассматривая суть суждений древних мыслителей об обществе, о его структуре, о его законах, можно заметить, что в качестве исходного пункта движения к истине многие из них считали необходимым выяснение вопроса о природе человека как "мельчайшей части целого", т.е. общества [5, 377].

Как известно, К. Маркс неоднократно и весьма едко высказывался по поводу "бесплодности попыток найти некую вечную и неизменную природу человека". По его представлению, "сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений" [6. 3, 3], а "вся история есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы" [6. 4, 162]. Здесь, думается, нельзя не отметить тот интересный факт, что по-иному феномен человека воспринимал друг и соратник Маркса Ф. Энгельс. Так, в письме Йозефу Блоху от 21-22 сентября 1890 г. Энгельс писал, что каждый человек в своей жизни "хочет того, к чему его влечет *физическая конституция и внешние, в конечном счете экономические, обстоятельства* (или его собственные, личные, или общесоциальные) ... (Курсив мой – В.Б.)" [6. 37, 396].

Обращаясь же к трудам величайших мыслителей древности, мы можем констатировать, что в этих трудах человек рассматривался многосторонне, т.е., во-первых, не только как социальное, но и как природное существо, а во-вторых, как существо, наделенное не только теми или иными преходящими, но и "вечными" качествами. Так, "идеалист" Платон (а до него, например, Алкмеон Кротонский [7, 379]), признавал, что человек есть, прежде всего, животное. Можно с уверенностью утверждать, что данное определение вовсе не было для него некой фигурой речи, художественным оборотом, красочной аллюзией. Нет, Платон был твердо убежден в том, что человек есть именно животное, сотворенное, как и все живое на земле, этой "матери-кормилице", *природой* [8. 3, 184; 4, 614], той *природой*, в которой "все родственно друг другу" [8. 1, 589]. Жизнь человека, согласно Платону, существенным образом определена тем, что он получает и испытывает уже "в утробе матери" [8. 4, 239]. И хотя все члены государства, по Платону, - братья, но они, тем не менее, отличаются друг от друга. "... Сопоставляя между собой людей, - писал он, - мы усматриваем у иных значительные преимущества по способностям, которые у других отсутствуют" [8. 4, 613; 3, 131, 184-]. Именно поэтому, полагал он, по природе существуют люди, "способные соображать", и такие, которые неспособны это делать, сильные и слабые духом и т.д. [8. 4, 239; 3, 179]. "Мужество многих родов, не смешанное от рождения благоразумной природой, - писал Платон, - сначала наливается силой, под конец же превращается в совершеннейшее безумие" [8. 4, 69]. И "разве кротость не будет свойством характеров, склонных к философии?" – задавал вопрос Платон. Однако, по Платону, кротость не должна быть чрезмерной, ибо в противном случае она превращается в слабость [8. 3, 179]. Платон, далее, указывал, что человек, в отличие от всех других животных, во-первых, животное "ручное", т.е. воспитанное другими людьми и живущее среди людей, т.е., говоря современным языком, социальное, а, во-вторых, наделен "божественным разумом" [8. 1, 78; 3, 184, 249, 385, 386, 475, 483, 504, 507]. При этом он настойчиво призывал не упускать из виду и укрощать живущих в каждом человеке, "тварей", которые могут, если им попустительствовать, превратить его в дикого зверя [8. 3, 386].

Ученик Платона – не меньший "идеалист" - Аристотель, также считал, что люди, "были ли они рождены из земли или спаслись от какого-нибудь бедствия", - это животные, но животные общественные, политические и разумные [5. 4, 427, 63, 622]. Он указывал, например, что, "вопреки мнению некоторых, не разум - начало и руководитель ... (человека – В.Б.), а, скорее, движения чувств (*ta pathè*). Сначала должен возникнуть какой-то неосмысленный порыв ..., ... а затем уже разум произносит приговор и судит". Аристотель был также уверен, что разум существует не только у взрослых людей. Его "можно наблюдать у детей и бессловесных животных: у них сначала без участия разума

возникают порывы чувств ..., и потом уже разум, соглашаясь с ними, помогает совершать ... дела" [5. 4, 357].

Воспринимали человека как высшее животное и древние китайские философы-материалисты. В частности, Ван Чжун считал, что люди и животные - существа одного порядка, ибо "все они принадлежат миру тварей". "Среди животных человек, - высшее [существо]; среди существ, рожденных небом и землей, человек - наиболее ценное, ибо он наделен способностью к знанию" [9. 246].

Принципиальное воздействие на представление о человеке как социальном и мыслящем животном, как известно, оказала церковь. Однако это представление возродилось в головах европейских просветителей XVI-XVIII вв. Свои выводы относительно природы человека просветители прямо обосновывали ссылками на науку, на ее методы, и, прежде всего, - на результаты наблюдения за жизнью людей.

Здесь опять-таки нельзя не вспомнить взгляд Маркса на методологию исследования общественных отношений. В "Капитале", говоря о субстанции стоимости и величине стоимости, Маркс писал: "... При анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции" [6. 23, 6]. Другую позицию в исследовании общества и человека занимали философы Нового времени. Например, Ф. Бэкон, полагал, что "человеческий разум, предоставленный самому себе, не заслуживает доверия" [10. 1, 65]. На этом основании он отбрасывал как негодные "сказки, суеверия и выдумки", "грезы нашего воображения", "туман возвышенных спекуляций" и "филологию". По его представлению, лишь наблюдение и опыт, но опыт не "случайный, слепой, тупой, смутный и незаконченный", а "разнородный и притом хорошо взвешенный", может дать нам правильное представление о человеке и обществе [10. 1, 59, 73, 75, 77, 79, 155]. Не отрицая "покровительства божественной благодати", Бэкон в то же время воспринимал человека как тело "среди всех тел, созданных природой", как тело, "наиболее сложное и многообразное" [10. 1, 74, 79-80, 247]. Человек, подчеркивал Бэкон, есть "слуга и истолкователь природы", он "столько совершает и понимает, сколько охватил в порядке природы делом или размышлением..." [10. 1, 131]. В свою очередь, Т. Гоббс был убежден, что природа человека и животного, в основе своей, едина, так что понимание (Understanding) "обще и человеку, и животному" [11. 2, 16, 515, 653]. В том, что наблюдение и опыт являются наилучшими методами познания природы, общества и человека, был также убежден К.А. Гельвеций. "Философ, - провозглашал он - шествует, опираясь на посох опыта. Он идет вперед, но всегда от наблюдения к наблюдению; он останавливается там, где у него отсутствует возможность наблюдения" [12. 2, 71]. Такая позиция приводила его к выводу, что человек как таковой, по его изначальной природе, - животное, что человека от обычного животного отличает лишь наличие разума [12. 2, 580]. Поскольку "человеческая природа ... обща со зверской", считал Д. Вико, постольку человек "обладает тем свойством, что чувства оказываются единственными путями, на которых она познает вещи" [13, 131]. В том, что человек есть высшее животное, были убеждены Д. Дидро [14. 2, 343, 401] и Ж.О. Ламетри [15, 66, 186, 189, 214, 220, 221, 352]. А. Сен-Симон заключал, что если "все животные способны совершенствоваться пропорционально степени совершенства их первоначальной организации, и ... если человек является единственным животным, которое совершенствовалось, то это потому, что он мешал умственному развитию других животных, к которому они были способны" [16. 1, 201-202].

Итак, учитывая сказанное нашими предшественниками о природе человека и общества, результаты методически правильно организованного наблюдения за жизнью человека и общества, а также данные современной науки, говорящие о Homo sapiens как высокоразвитом животном, можно сделать вывод, что социальные законы "биологичны" в своей основе, что, следовательно, от "биологии" ни человек, ни общество освободиться в принципе не могут. Ш.Л. Монтескье писал, что существует "первоначальный разум;

законы же – это отношения, существующие между ним и различными существами, и взаимные отношения этих различных существ" [17, 11]. Перефразируя сформулированное Монтескье, можно сказать, что *социальные законы представляют собой совокупность естественно-исторически сложившихся условий, норм и правил, которые принуждают как отдельного индивида, так и общество жить, действовать и думать в рамках того или иного порядка тем или иным образом.*

С чего начинать создавать, в нашем представлении, систему социальных законов? Думается, с того, с чего в свое время начинал Платон, а именно с признания того, что для существования общества нужны люди, те люди, которые рождаются "не от дуба и не от скалы", а от мужчины и женщины и которые соединяются, ради выживания, в большое общество [8. 1, 89; 3, 130-136]. В самом деле, можно заметить, что если люди не следуют закону рождения, если они не рождены или не рождаются, то общества либо вообще не существует, либо в нем имеет место депопуляция – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Далее, практика показывает нам, что каждый человек смертен, что, таким образом, смерть людей есть тоже закон, исполнения которого не может избежать никто. Тот же Платон указывал: "Никто из нас не родился бессмертным ..." [8. 4, 486]. Из этого закона вытекает закон смены поколений. Далее, можно заметить, что а) чем более развито общество, тем ниже в нем рождаемость, и наоборот; б) чем более развито общество, тем выше в нем продолжительность жизни его членов, и наоборот; в) чем выше развито общество, чем в большем благополучии оно живет, тем больше оно "расслабляется" (Аристотель), развращается (прежде всего, в "элите") и слабеет физически и духовно, тем больше оно теряет свою "пассионарность" (Л.Н. Гумилев). Это, в конце концов, приводит к тому, что данное общество становится жертвой внутренних и внешних врагов, "варваров", жестко мотивированных проблемой, с одной стороны, добычи "куска хлеба", а с другой, - приобретения того, что "плохо лежит".

Далее, говоря о социальных законах, было бы ошибкой забывать, что важнейшим условием бытия человека как физического существа и как "атома" общества является потребление им того, что ему необходимо для жизни. "Что лежит в основе жизни человека?", - спрашивал Платон. И отвечал: "Прежде всего это вожделение к еде и питью, возникающее с самого дня рождения; всякое живое существо яростно стремится к еде и питью и уже не слушает, если кто советует ему поступать иначе, а не только и делать, что удовлетворять этого рода вожделения и наслаждаться, постоянно устраняя всякого рода страдание" [8. 4, 236]. Но, чтобы удовлетворить свои "вожделения", человек должен, как показывает практика, потрудиться, т.е. он должен не только найти в готовом виде в природе то, что ему необходимо, но и научиться преобразовывать уже существующее. Иными словами говоря, важнейшим социальным законом можно считать закон присвоения "даров природы", закон производства и всего того, что отсюда проистекает и о чем так мощно, подробно и красочно рассказал, например, упомянутый выше поистине великий Маркс [18].

1. Конт О. Дух позитивной философии. – СПбГУ, 2001.
2. Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. – М.: Норма: Инфра-М, 2010.
3. Философская энциклопедия. В 5-ти т. – М.: Государственное научное издательство "Советская энциклопедия", 1960-1970.
4. Вольтер Ф.М. Философские сочинения. – М.: Наука, 1989.
5. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / Пер. с древнегреч. Общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1975-1983.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1955-1974.
7. Досократики. Часть 1. Доэлеатовский период. - Минск. Харвест, 1999.
8. Платон. Сочинения в 4 т. Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1990-1994.
9. Антология мировой философии. В 4-х т. Т.1. – М.: Мысль, 1968.

10. Бэкон Ф. Сочинения в 2-х т. – М.: Мысль, 1977-1978.
11. Гоббс Т. Сочинения в 2-х т. – М.: Мысль, 1989-1991.
12. Гельвеций К.А. Сочинения в 2-х т. – М.: Мысль, 1973-1974.
13. Вико Д. Основания новой науки о общей природе наций. - Москва-Киев, «RELF-book» • «ИСА», 1994.
14. Дидро Д. Сочинения в 2-х т. – М.: Мысль, 1986-1991.
15. Ламетри Ж.О. Сочинения. Второе издание. - М.: Мысль, 1983.
16. Сен-Симон А. Избранные сочинения в 2-х т. – Москва-Ленинград. Издательство Академии наук СССР, 1948.
17. Монтескье Ш.Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999.
18. О социальных законах см. также: Быков В.П. Социальные законы как предмет социологии // Шестые Ковалевские чтения. Материалы научно-практической конференции. 11-12 ноября 2011 года. Санкт-Петербург. Скифия-принт. 2011. - С.76-77.

ОБЩЕСТВО ПСЕВДОРЕАЛЬНОСТИ

Вербин Анатолий Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Наше время отмечено бурным развитием информационных технологий. Их развитие является важнейшим фактором, меняющим условия существования человека (характер работы, общения с коллегами, досуга). Эти технологии оказываются еще более мощным фактором, нежели технологии, появившиеся ранее и усиливавшие мускульные способности человека. Будучи технологиями интеллектуальными, они увеличивают его мыслительные (логические) способности и, тем самым, оказывают еще большее воздействие на социальную жизнь.

В конце 2016 года британское издательство «Оксфордские словари» объявило английское слово *post-truth*, т.е. «постистинный», со значением ‘относящийся к обстоятельствам, при которых объективные факты являются менее влияющими на формирование общественного мнения, нежели эмоциональное восприятие’ словом того года. Это решение было обосновано тем, что в том году частота его использования (в выражениях типа *постистинное время, постистинное общество* и т.п.) увеличилась на 2000% (1). В 2018 году газета *Wall Street Journal* писала: «Искажение фактов в политике существует со времени античных Афин, но наша постистинная эра придала этой тенденции деструктивный толчок: отказ от признания фактов становится свидетельством политической преданности» (2, 1).

Совсем недавно американский сенатор Р. Блюментал сравнил манипулирования информацией и фальсификаций со стороны Facebook с крупнейшими американскими табачными компаниями, которым в течение 40 лет удавалось скрывать от общественности информацию о канцерогенном характере своей продукции (3).

В настоящее время информационные технологии, поставленные на службу пропаганды, наводняют общественное пространство (политику, торговлю, науку, искусство) небывалым количеством ложной информации (4, 50). Общество, в котором общественное пространство насыщено не реальными фактами, а псевдофактами, превращается в общество псевдореальности. Обитатели же такого общества обречены стать обладателями не знания об объективной реальности, а псевдознания. Поэтому даже при правильном использовании аристотелевской логики, аристотелевских силлогизмов, у них нет никакой гарантии того, что их размышления и логические выводы будут истинными умозаключениями. Поскольку из лжи может следовать все, что угодно.

Таким образом, человеческий интеллект, благодаря которому человек стал наиболее успешным видом живых существ в плане выживания, теряет именно эту свою важнейшую черту, способность адекватно отражать объективную реальность.

1. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-37995600> (accessed 28.12.2016).
2. Goldstein R.N. *Our Moment of Truth* // *Wall Street Journal*, 17/18.03.2018. URL: <https://www.rt.com/usa/536294-blumenthal-rips-facebook/>. Дата обращения 30.09. 2021.
3. Вербин А.А. *Общество псевдореальности* // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна*, 2021, № 2.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДА И УРБАНИЗАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НОВЫЕ ТРЕНДЫ

Вершинина Инна Альфредовна
МГУ имени М.В. Ломоносова

Социологические исследования города и урбанизации являются неотъемлемой частью социологической науки на протяжении всей истории ее развития. Классики социологии обращаются к изучению урбанизации, которая сопровождает индустриализацию, становление капитализма и оформление общества модерна. Представители Чикагской школы рассматривают город как лабораторию для исследования социальных проблем всего общества в целом. Затем наступает перерыв на несколько десятилетий, однако город вновь возвращается в сферу интересов социологии на рубеже 1960-1970-х годов, когда происходит становление так называемой «новой городской социологии» [5], которая задает новые тренды развития данной предметной области.

«Пространственный поворот» [7] в социальных и гуманитарных науках приводит к тому, что «новая городская социология» вбирает в себя как классическую социологию города, так и результаты исследований в других областях знания. Тем самым современные исследования города и урбанизации все чаще становятся междисциплинарными и опираются не только на социологию, но также на историю, географию, экономику разработки в области управления и планирования, жилищного строительства, а также исследования окружающей среды [2]. Распространение междисциплинарных исследований получает неоднозначную оценку в социологическом сообществе. С одной стороны, это может быть полезным для дальнейшего развития предметной области, поскольку будет способствовать обогащению методологии исследований и появлению иных ракурсов рассмотрения классических тем и появлению новых; с другой стороны, могут начаться размывание дисциплинарных границ и фрагментация предметного поля [6, p. 851].

Можно заметить, что междисциплинарность исследований уже вызывает определенные сложности на уровне теоретического обобщения. Среди современных работ по городу и урбанизации в социологии все чаще можно увидеть локальные исследования, результаты которых имеют весьма ограниченную область применения. Фактически современные социологические исследования города и урбанизации городская социология утрачивает внутреннее единство и превращается в комплекс отдельных исследований, например, в области жилья, образования, политики и культурологии, гендера и сексуальности, преступности и этнической принадлежности, что отмечают как зарубежные [4, p. 344], так и отечественные авторы [1, с. 152].

Необходимо также отметить и растущую популярность отхода от академического стиля изложения материала в социологии, что имеет место и в исследованиях города и урбанизации [3]. Социологи все чаще обращаются к изложению своих идей в манере, понятной для широкого круга читателей, у которых есть мимолетный интерес к теме, но

часто не хватает знаний для изучения академической литературы. Все это формирует совершенно новую городскую социологию, которая вызывает интерес не только у академического сообщества и заставляет критически смотреть на то, что происходит в современном урбанистическом пространстве.

1. Мартыненко Т.С., Хомякова К.Л. Урбанистическая теория и практика: прошлое, настоящее и возможное будущее // *Социологические исследования*. 2021. № 5.
2. Bowen W. M., Dunn R. A., Kasdan D. O. What is "urban studies"? Context, internal structure, and content // *Journal of Urban Affairs*. 2010. Vol. 32. № 2.
3. *How to Run a City like Amazon and Other Fables* / ed. by M. Graham, R. Kitchin, S. Mattern and J. Shaw. London: Meatspace Press, 2019.
4. May T., Perry B., Le Galès P., Sassen S., Savage M. *The Future of Urban Sociology* // *Sociology*. 2005. Vol. 39. № 2.
5. Milicevic A. S. *Radical Intellectuals: What Happened to the New Urban Sociology?* // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2001. Vol. 25. № 4.
6. Perry B., Harding A. *The Future of Urban Sociology: Report of Joint Sessions of the British and American Sociological Associations* // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2002. Vol. 26. № 4.
7. *Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives* ed. by B. Warf and S. Arias. New York and London: Routledge, 2008.

ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ - БУДУЩЕЕ В ИЗУЧЕНИИ ОБЩЕСТВА

Владимирова Татьяна Валерьевна
Новосибирский государственный технический университет

Еще недавно социологи задавались вопросом - является ли общество социальной системой? И все чаще исследователи отказывались от такого концепта, призывая наводить фокус исследований на изучение социального действия и социальной коммуникации. Дж. Урри утверждает, что в современном мире эффективным является изучение «новых мобильностей»: «... на место универсально пространственно-временной координации моментов и мест, которая основывается на стандартном времени и строгом расписании систем мобильностей приходит подвижная, гибкая система потоков и «мгновенного времени» [1, 29]. Подобная рефлексия, в том числе, являлась следствием утраты представлений о системности социума как объекта исследования.

С развитием цифровой среды, с развитием информационного интеллекта (далее – ИИ), сетевое виртуальное пространство современного мира, в котором до этого преобладали процессы осетевления становится иным. Иным становится и само общество. Исследователи отмечают существенную сегментацию сети: «в ней возможны «выделенные позиции» тех, кто может ее контролировать. ... образуются устойчивые сетевые, а также «фиджитал» (“phygital” - понятие, образованное соединением слов physical и digital, обозначающее постепенное исчезновение дифференциации сетевого и офлайн-уровней взаимодействия вплоть до формирования единого целого, состоящего из таких гибридных «физико-цифровых» сообществ) сообщества, вовсе не имеющие тенденцию к расширению, где часть членов объединена сильными связями, и это формирует потенциал дробления глобальной сети по закрытым сегментам» [2, 89].

Рефлексия о социальном мире как о расширяющемся сетевом социальном пространстве дает обратный ход, прогнозируя в самых смелых и мрачных предсказаниях приход алгоритмического общества (Е.В. Ларина, Юваль Ной Харари и др.) Е.В. Ларина отмечает, что композиция цифровых платформ, надж-интерфейсов и блокчейна,

использующих поведенческие автоматизмы и интеллектуальный анализ больших данных, позволяет провозгласить начало новой эры – эры алгоритмической экономики. Релевантный Интернет, будучи всеобъемлющим благом для пользователя, ведет к принудительному сужению когнитивного разнообразия пользователей поисковиками и платформами в погоне за вниманием, привлечением рекламодателей и т.п. Выработывается автоматизм и усиливаются стереотипы поведения. [3]

Идет формирование нового цифрового социального порядка, который включает систематизацию и учет того, что ранее, казалось бы, не поддавалось полному наблюдению, анализу и контролю – «новых мобильностей». Сегодня приход нового мира, иные состояния общества осмысливаются как состояния социальной технологической суперсистемы, которая начинает ограничивать социального субъекта в его абсолютной свободе и потенциально превращает его в просчитываемую программу.

С другой стороны, развитие ИИ начинает осмысливаться обществом как эпохальное освобождение от рутинных коммуникаций, забирающих значительное время жизни человека. В ведущих станах мира приняты декларации о развитии ИИ. Не исключением является и Российская Федерация [4]

Мы стоим у начал развития новой социологии – цифровой социологии. Социологическому сообществу еще предстоит различные концептуализации и дискуссии о судьбах ИИ, его роли в жизни личности, общества и государства. Цифровой порядок – это настоящее и будущее социума, развернувшее социологическое знание в сторону изучения новой системности в условиях принципиальной информационной нестабильности «новых мобильностей».

1. Урри Дж. Мобильности / пер. А.В. Лазарева – М.: «Праксис», 2012.
2. Артамонова Ю.Д., Володенков С.В. Трансформация Интернета как пространства общественно-политических коммуникаций // Социологические исследования. № 1, 2021. С. 87-97.
3. Ларина Е.В. Понимание алгоритмических обществ. Гибридный интеллект и его зомби // Свободная мысль 2017. № 5. URL: <http://svom.info/entry/773-ponimanie-algoritmicheskikh/>
4. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 20 октября 2019 года № 490.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В СОЦИОЛОГИИ

Гвоздиков Денис Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет

Мы можем сопоставлять непонятные нам данные каким-то особым способом и получим рекреационную активность, которая, возможно, даст некие результаты, а возможно и нет. В галилеевском эксперименте, который Н. Хомский обозначил как начало эры современной науки [1,7], данные и способы их сопоставления были представлены предельно понятно: если следующий за алгоритмом соглашался, что каждый новый вывод-условие логически следует из результатов предыдущего акта, результат не вызывал сомнений. Общее требование к аналитическому эксперименту – он должен быть достаточно прост.

Ряд мысленных экспериментов призван скорее выявить возможные аналитические позиции, чем обозначить некий факт, требующий объяснения: тест Тьюринга, китайская комната Серля, «gavagai» О.Куайна [4, 26] и др. Другие, наоборот, построены на демонстрации эмпирических фактов, трудно объяснимых с точки зрения существующих представлений или альтернативной теории: «is the man who is tall happy?» Н.Хомского [1, 30]. Драматургический подход И. Гофмана [3] и этнометодологию Г. Гарфинкеля [2]

можно условно рассмотреть как существующую традицию аналитических экспериментов в социологии: эксперимент сцены (понимание роли) и ее отсутствия (непонимание роли).

Существует ли такой аналитический эксперимент, который демонстрирует не просто наличие социального порядка (Г.Гарфинкель), но и характерные структурные свойства (зависимость, композиционность, выводимость), лежащие в основе интуитивного понимания такого порядка? Ряд аналитических примеров могут продемонстрировать характерные свойства логической структуры социальных отношений, лежащей в основании интуитивных представлений о социальном порядке. Аналитические примеры, оформленные как корректные или некорректные высказывания, позволяют апеллировать к социальной интуиции носителя и составляют основу аналитического эксперимента. Грамматически верные, но некорректные с точки зрения логики социального порядка: «мой начальник уволил своего начальника»; корректные, требующие применения логики социального порядка: «чей начальник уволил твоего начальника?», «кто подчиненный твоего начальника?», «кто начальник твоего коллеги?».

1. Chomsky N. *The UCLA lectures (April 29- May 2, 2019, 2019)*. URL: lingbuzz/005485
2. Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967.
3. Goffman E. *Presentation of self in everyday life*. Garden City, N.Y., Doubleday, 1959.
4. Quine W. V. *Word and Object (New ed.)*. MIT Press, 2013.

М.М. КОВАЛЕВСКИЙ И Ф. ТЁННИС: ДОПОЛНЕНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ СОЦИОЛОГА П.А. СОРОКИНА

Головин Николай Александрович
Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00451, при содействии Общества Ф. Тённиса, г. Киль, Германия (проф. А. Дайксель, проф. Д. Хазельбах, исполнительный директор и научный референт С. Клауке), Библиотеки федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн (Отдел рукописей, руководитель д-р М. Манске).

Аннотация. В архиве немецкого социолога Ф. Тённиса найдена визитная карточка российского социолога М.М. Ковалевского с адресацией немецкому коллеге, приложенная к письму профессора Томского университета В.Г. Камбурова. Они просят Тённиса как эксперта проконсультировать Камбурова в изучении идейного наследия английского философа Т. Гоббса. Этот документ раскрывает малоизвестные связи М.М. Ковалевского с немецкой социологией, имеющие значение для творчества его научного секретаря социолога П.А. Сорокина.

В архиве патриарха немецкой социологии Ф. Тённиса (1955-1936) найдена визитная карточка российского социолога, историка, юриста и общественного деятеля М.М. Ковалевского (1851-1916), исписанная от руки с адресацией немецкому коллеге, приложенная к письму приват-доцента Киевского, затем профессора Томского университета В.Г. Камбурова (1874-1906). Камбуров и Ковалевский просят Тённиса как эксперта проконсультировать Камбурова в изучении идейного наследия английского философа и теоретика власти Т. Гоббса.

Этот документ раскрывает малоизвестную линию связи М.М. Ковалевского с немецкой социологией, не упомянутую ни в его мемуарах [1], ни в воспоминаниях его научного секретаря социолога П.А. Сорокина (1889-1968) о своем учителе и его научных контактах [2]. Более того, Сорокин, готовя издание лекций Ковалевского в Политехническом институте, удалил все его отступления от темы лекций с рассказами о контактах с европейскими учеными.

Исследование предыстории вышеуказанной архивной находки доказывает, что Ковалевский и Тённис познакомились на первом конгрессе Международного института социологии в 1-9.09.1894. Тённис высоко оценил доклад Ковалевского на конгрессе, они беседовали о правовом учении Гоббса, а по завершении конгресса, как следует из последующей переписки Тённиса, состоялся обед с возлияниями на брудершафт. Эти факты убедительно доказывают личное знакомство с Тённисом, позволившее Ковалевскому рекомендовать ему Камбурова, которое имеет определенное значение для становления Сорокина как социолога.

Тённис и Ковалевский принадлежат к первому поколению основателей европейской социологии, П.А. Сорокин — ко второму, уже получившему профессиональную подготовку по данной научной дисциплине. Обращение Сорокина в дальнейшем к немецкой социологии в книге «Современные социологические теории» (1928), его содействие изданию книги Тённиса «Общность и общество» в США (1940), совпадение их взглядов в понимании социальности (только добрые, дружественные контакты людей) не оставляют сомнений в имевших место устных рекомендациях Ковалевского о значимости фундаментальной теории общества Ф. Тённиса для социологии, что проявляется в дальнейшем в значительной ориентации Сорокина на дискуссию в немецкой социальной мысли.

1. Ковалевский М.М. *Моя жизнь. Воспоминания.* М.: РОССПЭН, 2005.

2. Сорокин П.А. *М.М. Ковалевский и его западные друзья... // Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии. М.: Наука, 1994. С. 267-273.*

СОЗДАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Денисов Виктор Григорьевич
пенсионер

Аннотация. Ограниченные возможности социологии сказываются на планировании государственных и общественных программ и задач. Для выхода социологической науки из этого тупикового состояния необходимо решиться на радикальные перемены в понимании основ социологии.

Ключевые слова: система государства; дифференциация; стратификация по Аристотелю.

У классической социологии много проблем: от нужна ли социология до - что такое общество? Для чего нужна социология? — «наблюдать, чтобы знать, знать, чтобы предсказывать, предсказывать, чтобы мочь». Уже первый вопрос создаёт трудность огромной высоты. Кого наблюдать - общество? Но понятия общество и социальное имеют множество неоднозначных определений.

Что должна делать социология?

- наблюдать;
- открывать закономерное, управляющие этими явлениями;
- предсказывать что будет дальше;

- управлять явлениями.

Первый пункт вполне реализуется. На второй, и последующие, ответа нет, так как философией не обнаружен и не сформирован социальный закон, объясняющий генерацию социальных явлений и действий. Социология, как наука в научном тупике.

Одна из основных проблем социологии, как науки, скрывается в представлении общества в виде стратификационной пирамиды по уровню дохода.

Рис. 1. Современное представление на неравенство

На рисунке 1 представлена государственная пирамида сформированная философами, прошедших тысячелетий. Классическая социология, созданная философией, состоит из социальной философии и эмпирического материала. Социальная философия не нуждается в материале эмпирических знаний. Отсюда противоречия и ограниченность возможностей.

Мои многолетние теоретические поиски ответа на вопрос: куда идёт развитие государства, привели к зрительному образу системы государства, его генезиса и этапов развития. На рисунке 2 представлена система Российского государства в современное время. Каждое государственное образование имеет собственную историю пути системного развития. Что необходимо изучать и исследовать. В пирамиде государства критерием измерения выступает не количество участников в блоке, а критерий значимости (важности для государства).

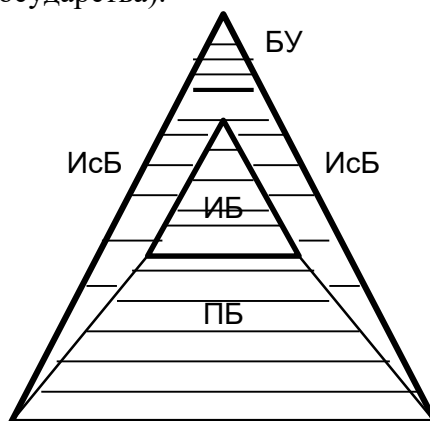

Рис. 2. Социологическая система неравенства.

БУ – блок управления.

ИсБ – исполнительный блок.

ИБ – интеллектуальный блок

ПБ – производственный блок

Основы социальной системы государства представляют научную матрицу для всех государств мира. Система государства представлена и раскрыта с помощью

использования социологического метода и социального закона развития человека, общества и государства. Рис.3.

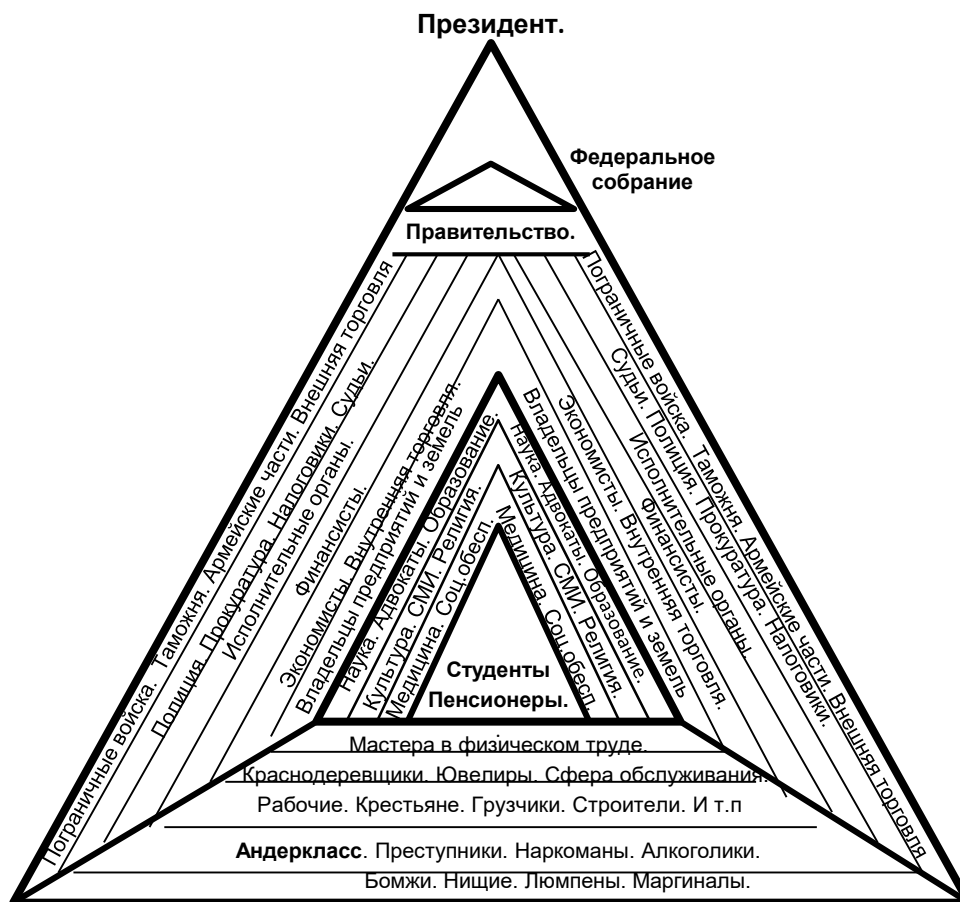

Рис. 3. Социальная стратификационно – дифференциальная система государственной пирамиды России.

На основе социологического метода появляется возможность потеснить противоречивые основы социальной философии и объединить социологическую теорию с эмпирическим материалом, получая взаимовыгодный союз научных направлений.

Итогом союзничества становится инновации в понимании иерархии уровней социологического знания. Рис.4

Рис.4. Иерархия уровней социологического знания

В качестве примера приводится рисунок 5, объясняющий современное состояние классической социологии (социальной философии) и её зависимость (помощь) от других научных дисциплин.

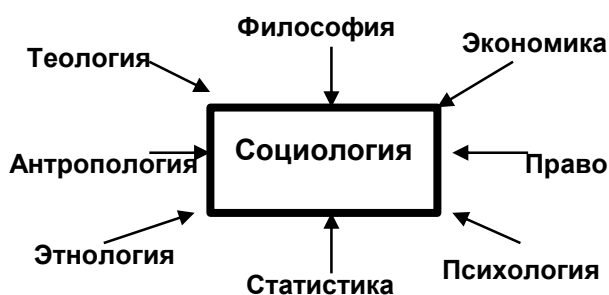

Рис.5.

Рисунок 6 показывает свободное, независимое плавание социологии. Социологические и гуманитарные дисциплины ориентируются на векторы развития общества и государства, сформированные социологией.

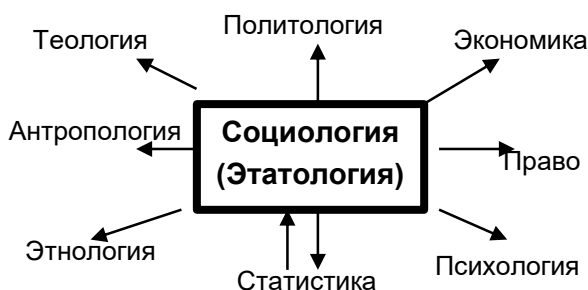

Рис.6.

Рисунок представляет схему инновационных возможностей социологии при социологическом методе и социальном законе развития общества.

1. *Социологическая картина развития общества и государства. Книга 2. Макроуровень / – Самара: Изд-во «Инсома-пресс», 2020.*
2. *Эксплицитная социология: vgdenisov.ru*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЦИФРОВЫХ СОЦИОЛОГОВ

Добринская Дарья Егоровна
МГУ имени М.В.Ломоносова

В рамках цифровой социологии решается ряд теоретических и прикладных задач, связанных с распространением новейших цифровых технологий. Работа посвящена обзору некоторых тенденций в области социологического изучения технологий искусственного интеллекта.

Объектом цифровой социологии является цифровое общество, технологическая инфраструктура которого представлена новейшими цифровыми технологиями. В рамках цифровой социологии решается целый ряд теоретических и прикладных задач, которые становятся серьезным вызовом для исследователей в условиях динамичных технологических изменений. Среди таких задач особое место занимает проблема теоретического анализа процессов цифровизации и ее социальных последствий. Далее отметим применение современных методологических практик и методов, в основе которых лежат цифровые технологии для проведения количественных и качественных социологических исследований. Кроме того, цифровая социология представляет собой и профессиональную социологическую практику, куда относится и преподавательская деятельность, и осуществление научных коммуникаций, а также распространение результатов научной деятельности широкой общественности и ученым [3, 4].

Распространение технологий искусственного интеллекта (ИИ) сегодня также находится в фокусе цифровых социологов. Спектр вопросов, относящихся к изучению ИИ, чрезвычайно широк [1]. Во-первых, эти вопросы относятся к проблеме теоретического анализа искусственного интеллекта в социологии, а также поиска, адаптации и разработки адекватных теоретико-методологических подходов к исследованию различных аспектов влияния ИИ на человека и общество, в том числе и в критической перспективе. Во-вторых, цифровая социология использует обширный методологический инструментарий, который работает на базе алгоритмов, технологий машинного обучения и обработки естественного языка, для исследований прикладного характера. В-третьих, технологии искусственного интеллекта обладают большим потенциалом с точки зрения их применения в образовательном процессе, в том числе в преподавании прикладных дисциплин социологического профиля.

В настоящее время выделяют, по крайней мере, три аналитические перспективы социологического изучения искусственного интеллекта: «научный ИИ» (1); «технический ИИ» (2) и «культурный ИИ» (3) [2]. Первая перспектива исследует технологии искусственного интеллекта в контексте его описания как самостоятельной научной дисциплины или отдельной научной области исследования, в рамках которой ставятся задачи обучения машин тому, что умеет делать человек. Вторая перспектива фокусируется на работе конкретных технологий ИИ (автоматизированные системы; системы наблюдения; алгоритмические системы ранжирования данных и др.). Здесь фокус направлен на социальные последствия использования ИИ. Третья перспектива рассматривает развитие и внедрение ИИ как социокультурный феномен. Эти исследования в меньшей степени касаются научных или технических аспектов ИИ, а

связаны с более широкими социальными, культурными, экономическими и политическими последствиями развития ИИ, особенно в контексте цифровой революции.

Обозначив лишь некоторые тенденции в исследованиях ИИ, следует указать на важность продолжения работы в данном направлении в рамках цифровой социологии.

1. *The Routledge Social Science Handbook of AI* (ed. A. Elliott). London, New York: Routledge, 2021. 368 p.
2. Liu Z. *Sociological perspectives on artificial intelligence: A typological reading* // *Sociology Compass*. 2021. № 3 (15).
3. Добринская Д.Е. *Что такое цифровое общество?* // *Социология науки и технологий*. 2021. № 2 (12). С. 112–129.
4. Добринская Д.Е. *Цифровая социология для изучения цифрового общества* // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2021. № 2. С. 250–259.

АНАЛИЗ СООБЩЕСТВА ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ

Другова Ирина Анатольевна
ФГБОУ ВО Уральский государственный университет путей сообщения

Социальные сети сегодня стали неотъемлемой частью нашей жизни. Так, по данным опроса ВЦИОМ проведенного 28 января 2019 года ежедневно соцсетями пользуются 89% подростков в возрасте от 14 до 17 лет и 53% взрослых [1], при этом одной из популярных социальных медиа в России выступает Instagram [2], она же является основной медийной площадкой для любителей и фанатов спорта и отдельных его направлений, особенно футбола.

Для того чтобы начать анализ структуры сообщества футбольных фанатов, взаимодействующих на официальных страницах футбольных клубов в социальных сетях, было интересно узнать основных акторов сети, их характеристики и основные роли; структуру сети, ее особенности и основные характеристики связей между акторами ее образующими; взаимосвязь сети с другими сетями и характер этой взаимосвязи; перспективы анализа данной социальной общности в рамках сетевого подхода.

Так, в марте 2021 года нами был осуществлен анализ официальных аккаунтов футбольных клубов в сети Instagram с наибольшим количеством подписчиков – это @zenit_spb (711 тыс. подписчиков), @fclocomotiv (299 тыс. подписчиков) и @fc_ural (49,6 тыс. подписчиков).

Проведя анализ данных страниц, мы пришли к некоторым заключениям.

1) основная аудитория аккаунтов – это мужчины, как правило в возрасте от 18 до 35 лет;

2) основными акторами сети являются футбольные фанаты, которых условно можно разделить на 5 субгрупп: те, кто возвеличивает определенных игроков, тренеров следит за их жизнью; те, кому интересна «побочная» информация (где купить мерч данного клуба, билеты на матч, а также слухи и пр.); те, кому интересны обзоры матчей; те, кто следит за результатами игр (статистика игр, счёт в матчах); те, кому интересен развлекательный контент: выполнение челленджей участниками клуба, различные виды флешмоба. В этой связи можно сделать вывод, что фанатство как социальное явление объединяет в себе множество социальных общностей и групп, формирующих, поддерживающих и развивающих его [3, 232].

Также акторами сети выступают фан.аккаунты футбольных клубов, где «постят» материал, который отражает их отношение к футболу и к клубу; рекламщики и SMM-

щики, они занимаются тем, что размещают рекламу спортивных товаров; представители компаний-производителей товаров и услуг, имеющих отношение к футболу; администрация Instagram.

3) сеть сообщества футбольных фанатов разветвлённая, и социоцентричная; модель связей между акторами – открытая.

4) взаимосвязь с другими сетями можно проследить по рекламе (по интересам целевой аудитории – таргетинг, SMM), размещенной на страницах сообществ, отношения между этими сетями как правило нейтральные. А вот отношения между футбольными фанатами анализируемых акаунтов футбольных клубов основаны на конкуренции.

Если говорить о перспективах исследования сообщества футбольных фанатов, то считаем необходимым изучать ту роль, что «инстаграмные» фанаты выполняют в сообществе спортклуба и сообщества любителей футбола в целом.

1. Соцсетями ежедневно пользуются 89% подростков [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190306/1551577366.html> (Дата обращения: 05.10.2021).
2. Социальные сети в России: цифры и тренды [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/social/182436-socialnye-seti-v-rossii-cifry-i-trendy> (Дата обращения: 05.10.2021).
3. Старцева Н. Н. Фанатство как модус социальной интеграции / Н. Н. Старцева, Д. А. Баталова // Здоровье, физическая культура и спорт в высшей школе: опыт, проблемы и перспективы : материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием «Здоровье, физическая культура и спорт в высшей школе: опыт, проблемы и перспективы» (Екатеринбург, 1–5 декабря 2017 года). – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. – С. 231-235.

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ РОЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В ИССЛЕДОВАНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ СОЦИОЛОГИИ

Дудина Виктория Ивановна
Санкт-Петербургский государственный университет

При финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-011-00905 А

Сегодня на социологических факультетах университетов практически не существует преподавания теории, которое принимало бы форму построения теории. В основном социологическая теория преподается как история теоретизирования или как перечень наиболее значимых теоретических результатов. Это приводит к одностороннему пониманию роли теории в исследовательском процессе и не способствует синтезу теоретической и эмпирической работы в социологии. В статье, вышедшей в 2017 году в журнале «Annual Review of Sociology», шведский социолог Ричард Сведберг пишет: «В социологии принято отождествлять способность проводить исследования с методами и игнорировать роль теории. Однако за последние несколько лет появился ряд статей и книг, которые сигнализируют о появлении нового подхода к роли теории в социологии. Вместо того чтобы отождествлять теорию с фундаментальными исследованиями, основное внимание уделяется тому, как использовать теорию в эмпирических исследованиях и особенно тому, что происходит до презентации результатов. Ключевая задача заключается в том, чтобы дать отдельному исследователю возможность проводить более качественные исследования. Появляется все больше публикаций, призывающих радикально пересмотреть роль теории в социологических исследованиях. Вместо того чтобы рассматривать теорию как труды выдающихся социологов, предлагается сосредоточиться на том, как теория используется в эмпирических исследованиях и как

эмпирические исследования могут быть улучшены благодаря лучшему пониманию теории» [1, 189]. Сведберг перечисляет основные постулаты такого теоретизирования: теоретизирование носит практический характер; теоретизирование опирается на ряд инструментов например, таких как абдукция, абстракция и аналогия; область теоретизирования значительно больше той, которую охватывает традиционно понимаемая теория. Повышение внимания к процессу теоретизирования, по мнению Сведберга, требует переосмысления роли теоретиков в социологии. Чтобы теоретизировать, социологи должны иметь практические знания о том, как обращаться с теорией на различных этапах своего исследования, им нужно знать не только общепринятую теорию, но и иметь представление о логике теоретизирования. Будучи ориентированным на теоретическую работу как практический исследовательский процесс, теоретизирование связано с так называемым движением построения теории (theory construction movement) 1960- 70-х годов [2], которое представляло собой попытку выйти за рамки дискуссий о «высокой теории» и «абстрактном эмпиризме», сосредоточив внимание на том, как строятся социологические теории.

1. Swedberg R. *Theorizing in Sociological Research: A New Perspective, a New Departure?* Annual Review of Sociology 2017. 43:189–206.
2. Zhao S. 1996. *The beginning of the end or the end of the beginning? The theory construction movement revisited.* Sociol. Forum 11(2): 305–318.

ПАНДЕМИЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРЕСА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

**Емельянов Николай Александрович,
Новикова Лариса Васильевна
СПб ГБПОУ «Фельдшерский колледж»**

Социология всегда бурно реагировала на происходящие в обществе перемены и потрясения. Сейчас она вносит значительный вклад в исследование современной пандемической реальности.

Последствия коронавирусной инфекции подорвали привычные устои всех сфер жизни общества. Это коснулось в первую очередь сферы здравоохранения. Изменился подход к лечению ранее существующих заболеваний, в частности, - к плановым операциям. Из-за повсеместного перепрофилирования стационаров для оказания незамедлительной помощи инфицированным больным резко сократилась плановая медицинская помощь, что привело к росту смертности от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний. Наряду со смертностью от COVID рост смертности от других болезней стал избыточным. По сообщению ТАСС, за «восемь месяцев 2021 года естественная убыль населения в России составила 595,3 тыс. человек», что, по данным Росстата, «на 71,6% превысило показатель аналогичного периода 2020 года» [6]. Следует отметить, что жертв тяжелой болезни могло быть гораздо больше, если бы не профессионализм и подвижность медицинских работников, а также солидарность всех равнодушных людей разных возрастов и профессий.

В начале пандемической ситуации возникла общая паника и дезориентация населения. Находились люди, которые на популярных видео-хостингах стали публиковать «приступы коронавируса» и биться в конвульсиях. Правительством Российской Федерации были предприняты меры по ограничению распространения

ложной информации о новой коронавирусной инфекции. Был принят одноимённый закон, карающий за неправомерное деяние штрафом в размере от 300 тысяч до 2 миллионов рублей или лишением свободы на срок до 5 лет, в зависимости от тяжести преступления [1].

Социологи активно включились в изучение общественного мнения и поведения людей в непривычных для них условиях [2, 3, 4, 5].

Остановимся на исследовании, проведенном Институтом Фонда Общественного Мнения и отраженном в книге «Социология пандемии. Проект коронаФОМ» [5]. В предисловии к данному изданию отмечается, «что пандемия коронавируса – не столько медицинская и эпидемиологическая проблема, сколько социальная и даже социологическая...» [5, 4]. По мысли ученых, пандемия разрушила привычное устройство жизни и заменила его «суррогатом», снизила достигнутое качество жизни и создала «угрозу его радикального падения», отменила привычные смыслы жизни...» [5, 18]. С опорой на многочисленные эмпирические исследования авторы книги описали разнохарактерные последствия пандемии и адаптацию людей к ним. «Масштабные житейские последствия пандемии» были изучены посредством трех специальных опросов и множества онлайн-фокус-групп. Подробно изучены «экономические последствия пандемии», последствия для медицины, рынка, корпораций, малого бизнеса [5, 21]. Исследователи отмечают высокую адаптивность россиян к непростым условиям жизни и работы, возникновение инновационных подходов к непростым социальным реалиям, помогающим сохранять семью, работу, интерес к жизни.

РОЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В АНАЛИЗЕ ВОИНСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ

Задбоев Булат Витальевич

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова

Аннотация: В статье рассмотрен вопрос роли социологических теорий и методологических подходов в исследованиях, направленных на анализ воинского труда. Представлены данные авторского контент-анализа, отражающие наиболее востребованные теоретико-методологические аспекты в рамках прикладных научных изысканий. Подчёркивается значимость социологического знания для совершенствования систем межличностных коммуникаций в армии.

В современной системе военного образования социологическому знанию уделяется достаточно интенсивное внимание, что подтверждается сохранением данной дисциплины у всех специализаций военного профиля. Необходимость данной научной сферы также подтверждается результатами исследований социологических служб в армии, которые регулярно производят мониторинг развития личности офицеров и систем взаимодействия в коллективах.

Особенность военных организаций заключена в необходимости обеспечения стабильных коммуникаций в коллективах, характеризующихся высоким уровнем различий в социальном происхождении, образовательном уровне, культурных установках, а также готовности к службе в условиях ограничений и специфических задач воинского труда [1, 312]. Таким образом, наиболее востребованными являются направления, позволяющие реализовывать на практике методики анализа и коррекции состояния межличностных отношений.

С целью определения значимости социологических знаний в целях диагностики и коррекции затруднений в работе с коллективами, автором был проведён контент-анализ

статей (находящихся в открытом доступе и не содержащих секретных сведений) по методике А.Н. Алексеева [2, 134], посвящённых изучению особенностей воинских коллективов и специфике военного образования. Всего было проанализировано 154 статьи, опубликованных в 2010-2021 гг. (электронные сборники вузов, портал КиберЛенинка и пр.).

Результаты анализа показали, что наиболее используемой методикой оценки проблем воинского труда является анкетирование (62,7 %) личного состава. При этом, наиболее частотными являются опросы курсантов, реже встречаются опросы служащих по призыву. В 27,2 % случаев предлагаются данные экспертного опроса, в рамках которого привлекаются преподаватели, специалисты военно-политической работы или служб психологической помощи. Лишь в 4,3 % статей применялся анализ фокус-групп, и незначительная доля статей использовала контент-анализ для отображения имиджевой составляющей воинской службы.

Наиболее востребованные теоретические аспекты в рамках исследований соответствуют базовым направлениям военно-политической работы в вузах и воинских подразделениях. В 34,8 % статей упоминаются междисциплинарные методики педагогической и социологической сфер (функционализма, интеракционизма). В рамках указанных материалов в большинстве случаев рассматривается система взаимодействия преподаватель-обучающийся, в рамках которой предлагаются авторские методики интенсификации усвоения преподаваемого материала.

Значительная часть статей сопряжена с отображением теорий конфликта – 29,1 % (преимущественно Л. Козер и Р. Дарендорф). Конфликтные типы взаимоотношений рассматриваются как в горизонтальном разрезе (18,3 %), так и в структуре иерархического взаимодействия (10,8 %) между командирами и подчинёнными.

Востребованность теоретических и методологических аспектов социологического знания в военной системе остаётся достаточно высокой, что обусловлено его высоким потенциалом в разрешении прикладных проблем в подразделении.

1. *Грошев И.Л. Специфика формирования человеческого капитала в вооружённых силах // Современные тренды российской экономики: вызовы времени – 2017: материалы международной научно-практической конференции в 2-х томах / ТИУ; отв. ред. С. Г. Симонов. Т.2. Тюмень: ТИУ. 2017. С. 311-314.*
2. *Алексеев А.Н. Контент-анализ, его задачи, объекты и средства / Социология культуры. М., 1974. Вып.1. С.131-162.*

КЛАССИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕПЦИИ

Зарубина Наталья Николаевна
МГИМО МИД России

Подготовлено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (конкурс 2020 года), заявка НШ-2615.2020.6.

1. В последние десятилетия приходится констатировать снижение интереса к истории теоретической социологии, в особенности у молодых специалистов и студентов, например, на выпускающей кафедре Социологии МГИМО МИД РФ за более чем десять лет было написано всего две историко-социологических дипломных работы. Аналогичную тенденцию отмечают и западные исследователи [1]. Причины этого видятся в трансформациях как способов теоретизирования, так и в предметах интересов современных социологов.

2. Классики социологии обосновали способ теоретизирования и эпистемологию социального знания, основанные на применении научных методов, установлении причинно-следственных связей, типичных явлений и процессов, обосновании метанарративов универсальной объяснительной значимости. Распространение постмодернистских познавательных установок переключает внимание на частное и уникальное, на «малые нарративы», что приводит к кризису модернистского сциентизма [2, 143]. Для цифровых социальных наук основной целью становится прогнозирование, а не теоретизирование, что также ведет к утрате интереса к истории науки [3, 6].

3. Среди причин падения академического интереса основной аудиторией историко-социологических исследований — студентов, во-первых, трудоемкость исследований, связанная с большим объемом текстов, что, очевидно, создает особые затруднения у «цифрового» поколения с «клиповым мышлением». Во-вторых, среди молодежи все меньше общественных активистов, интересующихся масштабными социальными процессами и участвующих в общественных движениях, их волнуют локальные проблемы экологического, гендерного характера, а также практические задачи маркетинга, потребления, корпоративного и государственного управления [1].

4. Наследие классиков социологии продолжает сохранять актуальность как образец постановки проблем не только практического, но и методологического, эпистемологического плана, и подходов к их решению [3, 11].

1. Schwinn T. *Klassikerdämmerung. 100 Jahre Max Weber im Kontext der Soziologiegeschichte und des aktuellen Zustandes unserer Disziplin* // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 2020, Vol. 72.

2. Лиотар Ж.-Ф. *Состояние постмодерна*. М.: И-т экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998.

3. Зарубина Н.Н. *Актуализация методологического наследия М. Вебера в поисках ответов на вызовы современной социологии* // *Социологические исследования*, 2021, №4.

ЦИФРОВАЯ МИГРАЦИЯ УЧИТЕЛЕЙ

Землянская Анастасия Викторовна
ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского

Государственное задание по проекту «Исследование миграции учителей и выпускников педагогических вузов между регионами (причины, практика, последствия)» на 2021 г.

На сегодняшний день происходящие в современном мире процессы глобализации и интеграции ставят профессионала перед потребностью быть постоянно готовым к перемещениям в социальном пространстве, быстро адаптироваться к изменяющимся условиям, гибко взаимодействовать с самыми разными культурными и социальными системами и субъектами. Увеличивающиеся объемы информации, а также ее сложность требуют умения оперативно обновлять свои знания. Но постоянно меняющиеся условия и качество профессиональной деятельности вынуждают работника на протяжении всей трудовой деятельности постоянно повышать уровень образования и квалификации, менять место работы и даже профессию. Следовательно, что-бы быть успешным и востребованным, современный профессионал должен обладать определенными личностными качествами – быть активным, готовым к любым изменениям, уметь быстро и эффективно адаптироваться к новым условиям, т. е. быть мобильным. В свою очередь

любые изменения в общественной жизни приводят к изменениям в системе образования. Модернизация российского образования выводит на проблему обеспечения нового современного педагога, одной из главных качеств личности которого является его мобильность, выражающаяся в постоянной внутренней, личностно-психологической и внешней практически деятельностной готовности к изменениям, оперативному реагированию на них, социальной и профессиональной подвижности.

Множественность подходов к миграции и мобильности, попытки разграничить миграцию и немиграционные формы мобильности, дискуссия об объекте исследования, которая в основном происходит вокруг известной концепции «мобильного поворота» Дж. Урри, как и отсутствие чёткого понимания, что из себя представляют «мобильные методы», в совокупности являются вызовом не только для социологического теоретизирования, но и для эмпирических исследований.

В соответствии с «парадигмой привязанности к месту», напротив, у учителей в большей мере должна обнаруживаться склонность остаться в своём родном регионе. Это подразумевает желание оставаться рядом с объектом привязанности, как считает Букл [2], такому, например, как место жительства педагогического работника, поэтому неудивительно, что большинство количественных показателей привязанности к месту отражают нежелание человека покидать родной дом.

У российских исследователей [4] различные определения мобильной методологии имеют свои сильные и слабые стороны. Соглашаясь с утверждением Е.А. Никишина относительно ограниченности мейнстримной ресурсно-ориентированной методологии (хотя автор использует иной язык описания), мы не согласны с определением мобильных методов как «слабой программы», т.е. как «транспонирование традиционных качественных подходов к исследованию социального неравенства в плоскость мобильной социологии, а точнее, перенос фокуса исследования на проблематику перемещений в физическом пространстве». Трактовка же К. Глазкова и А.В. Стрельниковой с опорой на М. Бюхера как «комбинирование «традиционных» методов получения исследовательской информации (преимущественно качественных и включающих в себя опросные, визуальные, экспериментальные техники) с «мобильной» методикой, при которой исследователь получает информацию последовательно, в процессе перемещений, так или иначе связанных с изучаемым объектом[3]», также фокусируется на качественных «традиционных» методах, игнорируя количественную методологию и смешения самих мобильных методов.

Одно из часто используемых определений понятия «трудовой миграции» даёт в своей работе Т.Н. Юдина. По её мнению, это явление представляет собой «совокупность территориальных перемещений людей, связанных с занятостью и поиском работы»[28]. Данное определение фиксирует явление мобильности, характерное для ищущих работу и, соответственно, предполагает нахождение таких людей вне места своего постоянного проживания, т.е. отсутствие «привязанности к месту». При этом данное определение не детализирует трудовую миграцию с точки зрения её направленности, предполагается, что такой подход оставляет возможность классификации выявленного множества видов миграции в зависимости от её пространственных характеристик.

В связи с этим возникает проблема профессиональной мобильности учителей, так как в современном мире образование становится тем «социальным лифтом», который дает человеку возможность подниматься вверх по «социальной лестнице». Профессиональная мобильность рассматривается как одна из самозначимых составляющих социальной мобильности. Профессиональная мобильность учителя – это интегративное качество личности, которое объединяет готовность и способность приспосабливаться к изменяющимся условиям для выполнения адекватных действий по преобразованию учебной сферы, с помощью средств педагогической деятельности в соответствии с содержанием профессиональной ситуации[25].

Современные учителя, должны критически рассматривать ситуацию с виртуализацией образования. Информационные технологии на сегодняшний день наилучшим образом способствуют формированию профессиональной многомерности учителей, способности сочетать несколько направлений, одновременно выполнять несколько видов деятельности. Классическое образование с ориентацией на книги способно давать небольшой объем знаний по сравнению с тем, что сегодня размещено в ресурсах Интернета. В этих условиях формируется новая философия многомерного образования. Цифровая мобильность педагога – это способность учителя одновременно применять различные формы виртуальных коммуникаций и классического преподавания. Поэтому, благодаря цифровой мобильности учителя, должна произойти значительная интенсификация профессиональной деятельности.

В 2005 г. Европейская комиссия в рамках Болонского процесса выделила мобильность в качестве ключевой характеристики профессии педагога в «Общеввропейских принципах для определения компетентности и квалификации учителя», где многократно прямо и косвенно повторяется мысль о том, что она (мобильность) должна стать центральным компонентом педагогического образования:

- «учителей следует поощрять проводить время, работая или участь в других странах»;
- «учителя должны быть в состоянии содействовать мобильности и сотрудничеству в Европе, а также поощрять межкультурное уважение и понимание»;
- «необходимо поощрять возможности для изучения европейских языков в педагогическом образовании»[26].

В 2013 г. Еврокомиссия сформулировала рекомендации о стимуляции АМ для повышения привлекательности педагогической профессии, основываясь на результатах исследования, в котором приняли участие более 80 000 учителей и студентов из 31 страны. Опрос обнаружил нарастающую потребность европейского педагогического сообщества в академической и профессиональной мобильности, в том числе в обучении за рубежом как части профессионального развития. Еврокомиссия, в частности, рекомендовала:

- обеспечить увеличение числа участников из педагогического сектора в программе Erasmus+;
- создать условия, при которых каждый учитель должен проходить обучение или стажировку в другой европейской стране не реже чем 1 раз в 10 лет;
- повышать информированность и осведомленность будущих учителей в сфере мобильности[27].

Реализуется проект Comenius программы Erasmus+ 2014–2020 ЕС, поддерживающий АМ в сфере школьного и педагогического образования. Участники этой программы – студенты, учителя, образовательные администраторы.

Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) одновременно с развитием Интернет-экономики привело к возрастанию мобильности. Возник новый ее вид — цифровая мобильность. С цифровой мобильностью первыми столкнулись педагоги во время пандемии 2020 г., когда все образовательные учреждения ушли на дистанционное образование. В образовании, как и в бизнесе, использование технологий дает мощное конкурентное преимущество. У преподавателя, который выходит за рамки меловой доски и домашних заданий из учебника, уроки будут интереснее и эффективнее, чем у его консервативных коллег. В связи с дистанционным обучением пришлось всем приспособиваться к «виртуальному образованию». При этом педагог получил академическую свободу. В дополнение к традиционной методике обучения в системе образования стали активно применяться:

- дистанционные технологии самообразования (ДТСО);
- интерактивные формы взаимодействия педагога с обучающимися в режиме on-line и of-line.

Интернет не только обеспечивает доступ к образовательному контенту, но и предоставляет педагогу многомерные формы дистанционного взаимодействия с использованием таких популярных средств, как: скайп, чат, форум, блоги, вебинары, социальные сети и т.д. Способность применять в педагогической деятельности одновременно несколько видов информационных и телекоммуникационных образовательных технологий составляет цифровую мобильность педагога. Сегодня учитель не является единственным носителем знаний. Он все больше приобретает функции тьютора, модератора по использованию гибких интерактивных технологий, мультимедийных средств обучения. Эффективность педагогической деятельности во многом определяется цифровой мобильностью педагога, без которой все сложнее становится реализовывать многомерные педагогические функции, связанные с обучением, воспитанием и развитием конкурентоспособной личности. В современном мире очень важно идти в ногу со временем. В рамках масштабного федерального проекта «Цифровая образовательная среда» все регионы и школы постепенно обеспечиваются интернетом и оборудованием. Современное образование подразумевает применение современных практик. И все эти практики так или иначе связаны с внедрением цифровых ресурсов и онлайн-инструментов в образовательный процесс. Они позволяют не только усилить формы и методы традиционных подходов к обучению, но и наладить полноценную дифференциацию и персонализацию подхода к обучающемуся. Именно поэтому уже сейчас возникает реальная потребность развивать определенные навыки и компетенции, необходимые современному учителю в процессе цифровизации. Также важно научить учеников использовать эти технологии, чтобы они ассоциировались не только с развлекательной сферой, но и с образованием. В 2011-2012 гг. по заказу Министерства образования и науки РФ проведены системные исследования по разработке моделей организации образовательного процесса с использованием многомерных электронных образовательных ресурсов (МЭОР). В проекте участвовало 150 педагогов, более 1000 обучающихся 12 образовательных учреждений из 5 субъектов Российской Федерации. В апробации использовались отечественные 41 42 МЭОР для 1-11 классов по 7 предметам: биологии, геометрии, географии, истории, окружающему миру, химии и физике. Основные задачи проекта включали определение учебно-методических, дидактических преимуществ использования МЭОР; апробацию новых форм организации учебно-вспомогательного процесса; формирование нормативно-правовых основ внедрения МЭОР; анализ соответствия различных типов МЭОР гигиеническим требованиям безопасности для здоровья школьников; анализ психолого-педагогических, дидактических и учебно-методических эффектов внедрения МЭОР. Результаты проведенного исследования стали основой для разработки стратегии дальнейшего развития и внедрения МЭОР, в том числе: повышения результативности учебной работы; развития виртуального образовательного контента; повышения квалификации педагогических и управленческих кадров; организации методической и сервисной поддержки по использованию МЭОР[26].

После данного исследования президент Российской Федерации В.В. Путин поручил от 30.01.2019: Правительству РФ с участием ПАО «Сбербанк» и АСИ принять решения: о проведении в 2019/2020 учебном году апробации цифровой платформы персонализированного обучения, обеспечивающей реализацию индивидуальных траекторий обучения и оценки результатов, на базе организаций, реализующих программы основного общего образования, не менее чем в 5 субъектах РФ. Срок – июль 2019 г. Цели проекта персонализированной модели обучения (ПМО) сопряжены с целями национального проекта «образование»:

- Обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования;
- Вхождение РФ в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования;
- Воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности;

Под Школьной цифровой платформой (далее – ШЦП) понимается образовательная технология персонализированного образования, являющаяся элементом электронной информационно-образовательной среды. Школы, реализуемая с применением содержащейся в ШЦП информации, включая изображения, электронные формы учебников, видеозаписи, аудиозаписи, тексты, задания, графики, логотипы и иные материалы, удаленный доступ к функционалу которой предоставляется посредством сети Интернет через веб-интерфейс (сайт) <https://newschool.pcb1.ru> на основании Соглашения о предоставлении доступа к Школьной цифровой платформе, заключенным между Школой и автономной некоммерческой организацией содействия внедрению в общеобразовательной школе инновационных образовательных технологий «Платформа новой школы». Обучение с применением ШЦП является одной из форм организации учебного процесса, которая обеспечивает решение следующих задач:

- обеспечение освоения обучающимися образовательных программ или их частей в полном объеме независимо от места нахождения обучающихся, состояния их здоровья и социального статуса;
- создание условий для развития способностей, удовлетворения познавательных интересов, самореализации обучающихся, в том числе лиц, проявивших выдающиеся способности;
- ориентация образовательного процесса на формирование и развитие компетенций обучающихся в области использования информационно-коммуникационных технологий (далее - ИКТ) в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами;
- создание условий для реализации профильного обучения в рамках Школы на основе использования ИКТ;
- сохранение и развитие контингента обучающихся за счет предоставления возможности освоения образовательных программ в максимально удобной форме – непосредственно по месту нахождения;
- обеспечение эффективной самостоятельной работы обучающихся при освоении основной общеобразовательной программы при поддержке педагогических работников[27].

Ученики, обучающиеся в данной системе получают:

Результат: эффективное решение поставленных задач, развитие личности учащегося, его гибких навыков повышение академических результатов.

Самостоятельность: работа индивидуально или в группе, самодисциплина, умение взаимодействовать и мотивировать, взаимодействие между собой и учителем.

Индивидуальная траектория: индивидуальный учебный план, вариативные задания, дополнительные учебные модули.

Школьная цифровая платформа (ШЦП) — это ИТ-решение, разработанное в рамках реализации программы Благотворительного фонда Сбербанка «Вклад в будущее» «Цифровая платформа персонализированного образования для школы». Она содержит обучающие модули по всем предметам школьной программы, а также авторские модули для углубленного изучения материала и кросс-предметных исследований. Система позволяет учителям продолжать эффективное обучение учеников, а ученикам — заниматься самостоятельно. Инструментом реализации персонализированного подхода в программе фонда является Цифровая платформа. Это удобное и эффективное средство планирования и организации учебного процесса, при котором каждый ученик может максимально результативно использовать свое учебное время и оперативно получать обратную связь по результатам достижения учебных целей. Платформа не заменяет учителя: его роль наставника, тьютора и навигатора в образовательном процессе является ключевой. На платформе школьники могут изучать все предметы как минимум до ликвидации угрозы распространения коронавируса. Обучение является бесплатным и для школ, и для детей.

Цифровая образовательная среда (ЦОС) включает в себя материально-техническое оснащение учебных заведений, скоростной интернет, образовательные сервисы с контентом, систему цифровых видеотрансляций и дистанционного обучения, электронные базы данных, федеральную государственную информационную систему «Моя школа» и многое другое. Цифровая образовательная среда предусматривает и внедрение онлайн-обучения, в том числе массовых открытых онлайн-курсов. Для этого используют современные технологии и лучшие практики онлайн-обучения, научный потенциал ведущих университетов России, опыт работы существующих онлайн-платформ и бизнес-проектов. Помимо онлайн-курсов и видеоуроков к цифровой образовательной среде подключены различные административные сервисы. Учителя смогут вести электронный журнал и документооборот, а также существует обратная связь с каждым из учеников. Сами школьники помимо доступа к обучающим материалам могут пользоваться онлайн-ресурсами библиотек, создавать проекты и работать совместно с другими учениками не только в оффлайне, но и в онлайн и т. д. Администрация образовательных учреждений благодаря ЦОС могут вести финансово-хозяйственное планирование, оперативно проверять «накладки» в расписании занятий после внесенных в систему изменений и т.д. Таким образом, образовательный процесс становится полностью цифровым. При этом в платформе заложены инструменты для развития у школьников «навыков XXI века», в частности креатива, умения ставить и достигать цели, критического мышления, работы в команде. Учебные задачи построены так, что решение их фиксируется не только фактом прохождения единицы учебного материала, а «прокачкой» тех самых мягких навыков, необходимость развития которых сейчас очевидна для того, чтобы ребенок на протяжении всей жизни мог адаптироваться к изменяющимся условиям в мире с высокой степенью неопределенности. Платформа также предоставляет возможности для самостоятельного углубленного изучения интересующих учеников предметов.

Таким образом, педагоги непосредственно включился в цифровую платформу и приобрели цифровую мобильность в период дистанционного обучения. Не всем это удалось, так как в данном проекте участвуют не все школы России. При этом многие преподаватели не хотят принимать новую виртуальную реальность обучения современных школьников. Стоит отметить, что следующим этапом развития человечества в целом станет интеграция реального и виртуального миров. Происходящие сегодня технологические инновации непременно образом приведут к глубочайшим социальным изменениям. Традиционные технологии конца XX века, обучения, уйдут в прошлое. Образование станет высокотехнологичным за счет новых материалов, информатизации бизнеспроцессов. Благодаря многофункциональности, многозадачности, виртуальной мобильности специалистов, синергичности инновационных компаний произойдет значительная интенсификация профессиональной деятельности, существенное повышение производительности труда.

1. Augaurd J.-F. *Step by Step. Everyday Walks in a French Urban Housing Project*.
2. Buckle, C. (2017). *Residential mobility and moving home. Geography Compass, 11(5), e12314.*
<https://doi.org/10.1111/gec3.12314>
3. Buscher, M., Urry, J., Witchger, K. (2011). *Mobile Methods. London: Routledge*
4. Glazkov, K., Strelnikova, A.V. (2015). *Mobile Methods: Movement as a Part of Research Strategy. Interakciya. Intervyu. Interpretaciya. Vol. 7. № 10. P. 79-90; Nikishin E.A. (2019) History and perspective of social mobility research after the mobile turn. Journal of Sociology and Social Anthropology, 22 (2): 93–117*
5. Бауман, З. *Индивидуализированное Общество. Кембридж: Polity Press 2001.*
6. Бауман, З. *Жидкая современность. Нью-Йорк: Джон Уайли и сыновья 2013.*
7. Бек, У. *Общество риска: на пути к другой современности. М.: Прогресс-Традиция 1967.*
8. Блау, П. М., Дункан, О. Д. *Американская профессиональная структура. Нью-Йорк: Джон Уайли и сыновья 1967.*

9. Пряжка, С. (2017). Мобильность в жилых помещениях и переезд домой. *Географический компас*, 11(5), e12314. <https://doi.org/10.1111/gec3.12314>.
10. Бушер М., Урри Дж., Ведьмак К. *Мобильные Методы*. Лондон: Рутледж 2011.
11. Чарнявская, Б. Организация: как ее изучать и как об этом писать, *Этнографическое обозрение (Этнографический обзор)*, 2010 С. 6-23.
12. Ди Массо, А., Уильямс, Д. Р., Раймонд, К. М., Бухекер, М., Дегенхардт, Б., Дивайн Райт, П., Стедман, Р. Между фиксированностями и потоками: навигация по привязанностям к местам во все более мобильном мире. *Журнал экологической психологии*. Том 61. 2019. С. 125-133.
13. Глазков К., Стрельникова А. В. Мобильные методы: Движение как часть исследовательской стратегии. *Взаимодействие. Интервью. Интерпретация*. Том. 7. 2015. № 10. С. 79-90.
14. Катаев Д. В. Веберианский и антирелигиозный дискурс: к вопросу о гипнотической силе классики на примере "Протестантской этики". *Экономическая социология*. Том 19. № 5. 2018. С. 146-163.
15. Кусенбах М. Уличная феноменология как инструмент этнографического исследования // *Этнография*. Том 4 (3). 2003. С. 455-485.
16. Липсет С., Бендикс Р. *Социальная мобильность в индустриальном обществе*. Нью-Брансуик: Издатели транзакций 1991.
17. Мишель де Серто (2002). *Практика повседневной Жизни*. Издательство Калифорнийского университета, 2002.
18. Никишин Е. А. История и перспективы повторного поиска социальной мобильности после мобильного поворота. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22 (2): 2019. С. 93-117
19. Полухина Е. В., Морган Д. *Интеграция качественных и количественных методов: прагматический подход*. Публикации SAGE. *Социологические исследования*. 2015. № 6. С. 168-170.
20. Сорокин П. *Социальная и культурная мобильность* // Сорокин П. *Человек, цивилизация, общество* / Под ред. А. Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. С. 297-307.
21. Стрельникова А. В. Перемещения в пространственных координатах: больше, чем географическая мобильность. *Взаимодействие. Интервью. Интерпретация*. 2014. № 8. С. 30-36.
22. Трубина Е. Г. *Город в теории: опыт осмысления пространства*. М.: Новое литературное обозрение 2011.
23. Урри, Дж. *Мобильность*. Кембридж: Polity Press, 2008. С. 335.
24. Вебер, М. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Тюбинген: Мор 1988.
25. Можаров М. С. Профессиональная мобильность как квалификационная характеристика будущего учителя информатики // *Педагогическое образование и наука – 2007*. № 4
26. МЭОР URL : http://doi:journals.tsu.ru/ou/&journal_page=archive
27. Платформа новой школы URL : <http://doi:goo.su/6cFV>
28. Юдина Т.Н. (2007). *Миграция: словарь основных терминов*. М., С. 282.

СОЦИАЛЬНАЯ РУТИНА ЦИФРОВИЗАЦИИ В СУПЕРУРБАНИЗИРОВАННЫХ АНКЛАВАХ ДОПОЛНЕННОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Иванов Дмитрий Владиславович
Санкт-Петербургский государственный университет

В статье представлены результаты исследования, выполненного за счет средств гранта Российским научным фондом (грант № 21-18-00125).

Перспективы современной социологии определяются способностью профессионального сообщества разрабатывать и внедрять в теоретические инновации в контексте актуальных социальных изменений. Научно-теоретическая проблема, на

решение которой ориентировано данное исследование, определяется двумя тенденциями начала XXI века.

1) На протяжении последних 10-15 лет менеджериальный дискурс цифровизации (цифровой трансформации) распространился в сферу общественно-политических дебатов и административно-бюрократических решений. Дискурс цифровизации во-многом определяет деятельность институтов, формирующих и реализующих программы социально-экономического развития. Этим дискурсом пронизана в том числе Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Цифровизация здесь предстает комплексом инновационных процессов, кардинально меняющих функционирование социальных институтов и общественную жизнь.

2) Цифровизация как комплекс процессов, переводящих социальные структуры и взаимодействия на сетевые информационно-коммуникационные платформы, функционирующие на основе цифровых технологий, является инструментальной реализацией и техническим оформлением тех фундаментальных социокультурных изменений, которые уже практически четверть века известны как развитие сетевого общества и виртуализация общества [1; 2].

Виртуализация – это замещение реальных объектов и реальных действий образами и коммуникациями. Социальная жизнь с конца XX века оказалась погружена в виртуальные реальности, создаваемые брендингом, имиджмейкингом, коммуникациями через традиционные и новые цифровые медиа. Образы и коммуникации зачастую оказываются более эффективными в бизнесе, политике, создании социальных общностей и движений, чем господствовавшие в обществе со времен модернизации институты и интеракции. Виртуализация общества привела к превращению сетевых структур в доминирующие социальные структуры и к превращению цифровых технологий в основной инструментальной деятельности.

Контраст между возникшей виртуальной реальностью и привычной социальной реальностью был впечатляющим на рубеже XX и XXI вв., однако сейчас, ближе к середине нового столетия, виртуальная реальность образов и коммуникаций перестает быть социальной экзотикой и становится рутинной и обыденностью. И особенно это характерно для жителей крупных городов и для молодежи – представителей поколений, обозначаемых в маркетинге и публицистике как «игрек» (Y) и «зет» (Z), которые родились, соответственно, в 1980-1990-х и в 2000-2010-х гг. Для них цифровые гаджеты и сервисы, жизнь в коммуникационных сетях и технологии виртуализации общества являются привычным подручным средством, повседневной рутинной, а не целью или показателем личностного и социального развития. Цифровизация в социокультурной среде крупнейших российских городов предстает не трансформацией и инновацией, а лишь воспроизводством рутинных практик большинства населения. Об этом свидетельствуют результаты многих эмпирических исследований, в том числе данные опроса жителей Москвы и Санкт-Петербурга в феврале – марте 2020 г.: более 80% взрослого населения – ежедневные пользователи Интернета, более 50% – создатели цифрового продукта в социальных сетях (данные получены и обработаны на оборудовании ресурсного центра Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет-исследования») [3].

Таким образом есть разрыв между двумя описанными тенденциями: ускоренная цифровизация не выглядит драйвером инноваций на фоне социально-экономических инноваций в мегаполисах, которые теперь определяются тенденцией превращения цифровизации в рутину и поворотом к поствиртуализации. Генерируя и используя цифровой контент, жители крупных городов играют решающую роль в нарастающем перепроизводстве образов и коммуникаций в цифровом формате. Перепроизводство образов и коммуникаций приводит к их обесцениванию, а ценностью все чаще становится

физическое присутствие, тактильность, «аналоговый» опыт в противовес «цифровой» трансформации. Этот ценностный сдвиг порождает тенденции поствиртуализации.

В крупных городах, где жизнь погружена в плотные сети и интенсивные потоки, виртуализация и цифровизация предстают уже историей и бытом предшествующего поколения. Здесь сначала активисты альтернативных движений, а затем коммерциализирующие их новые практики бизнесмены все чаще создают публичные пространства, функция которых – быть точками доступа к реальности в мире, перенасыщенном виртуальностью. Точки доступа к реальности возникают там, где заброшенные постройки индустриальной эпохи переделываются в креативные пространства, где люди «цифровой» эпохи находят возможность подвижного досуга, живого общения, получения знания «из первых рук» от популярных лекторов и на мастер-классах по изготовлению вещей своими руками, а также гастрономического опыта на грани экзотической кухни и стрит-фуда. Другим типом точки доступа к реальности в постиндустриальном городе становятся коворкинги, где активные люди с идеями и цифровыми устройствами находят место для реализации проектов и встречают реальных единомышленников для рабочих команд. Эта же логика предоставления доступа к реальности заложена во множестве возникших в последние годы интерактивных выставок и музеев, фирм, организующих квесты, контактных зоопарков и котокафе и т. п.

Общей характерной чертой публичных пространств, которые организуются и функционируют как точки доступа к реальности, является соединение вещей и практик, которые традиционно разграничивались институционально и включались в разные порядки интеракций. Устремляясь в новые публичные пространства, организуя в них поток событий, проектов, впечатлений, поддерживая при этом непрерывные коммуникации и беспрестанно обновляя контент в виртуальных социальных сетях, люди соединяют в одном месте и времени труд и отдых, потребление и производство, обучение и развлечение, обращение с реальными и виртуальными объектами. Сетевые и потоковые структуры, соединяющие в точках доступа к реальности «аналоговый» опыт и «цифровую» трансформацию, пересекают традиционные институциональные границы и взламывают привычные порядки интеракций. В результате такого взаимопроникновения разных реальностей насыщенный киберфизический опыт современных горожан предстает как социальная жизнь в режиме дополненной реальности.

Новые тренды в потреблении, организации труда и досуга, коммуникациях и стиле жизни демонстрируют, что «поворот к реальности» не ослабляет виртуальность, а ведет к социальной жизни в режиме дополненной реальности, в которой происходит взаимопроникновение разных социальных реальностей и интегрируются физические и цифровые, материальные и символические, производственные и потребительские, частные и публичные, модернистские и постмодернистские компоненты человеческого существования. Эти тенденции побуждают к теоретическому переосмыслению перспективы общественного развития, поскольку после виртуализации социальной реальности эта реальность не исчезает, как предполагали теоретики постсовременности, но становится более интенсивной и принимает общую форму, которую можно назвать «дополненной современностью» (augmented modernity).

Мегаполисы являются «полигонами» развития этой новой социальности. Поэтому необходимо изучить в крупнейших городах России:

- паттерны цифровой рутины,
- новые измерения цифрового разрыва (от неравенства между имеющими и не имеющими доступ к цифровым технологиям к неравенству между умеющими и не умеющими ими пользоваться и далее к неравенству между пользователями-создателями и пользователями-потребителями цифрового контента / продукта),
- практики создания точек доступа к реальности,
- формы выражения недовольства принудительной виртуализацией социальной жизни и тотальной цифровизации жизнедеятельности.

Изучение цифровизации как социальной рутины в российских мегаполисах необходимо для построения целостной теории поствиртуализации и перехода общества в режим дополненной современности. Создание такой теории и разработка на ее основе эмпирических методик выявления структур дополненной социальной реальности позволят решить проблему нахождения правильного баланса реальных и виртуальных, физических и цифровых компонентов в социально-экономических и социально-политических процессах, что необходимо для «калибровки» разрабатываемых в настоящее время инструментов политики цифровизации в России.

1. Castells M. (1996) *Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell Publishing.*
2. Иванов Д. В. *Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000*
3. Асочаков Ю. В., Богомягкова Е. С., Иванов Д. В. *Новое измерение социального развития: активность и креативность в интернет-коммуникациях // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 75-86.*

К ТЕОРИИ ГИБРИДНОГО СОЦИУМА: МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Игнатъев Владимир Игоревич

Новосибирский государственный технический университет

Объект социологической теории современного общества нуждается в существенной корректировке и обращении к морфологическому анализу, поскольку в социуме происходит качественная смена основных компонентов его строения – агентов и структур. *Социальная морфология* сосредоточена на изучении способа, каким агенты в деятельности, используя ресурсы предметной среды, своей телесности и когнитивных способностей, *воплощают себя* в многообразии артефактов и коллективных форм повседневной жизни, создавая структуры отношений и наполняя их многообразным содержанием.

Современный социум переживает не просто очередную сдвиг “тектонических плит” структур или их перекомбинацию, а постепенную замену. Это начало сборки социальной формы вообще из других компонентов, где основой морфологии и главным социальным агентом становится машина нового типа. В морфогенезе формируется новый вид социальности, состоящий уже не исключительно из людей, но также из их модифицированных, гибридных форм и техносубъектов с искусственным интеллектом (ИИ).

Социологическая теория исходила из того, что ее объект это все те же агенты и продукты социальных взаимодействий, той же природы, принадлежащие к виду *Homo sapiens*, и взаимодействующие с помощью тех же посредников – феноменов и структур *естественного* разума, и с помощью вещественно-предметных и символических артефактов. Эта аксиома была состоятельна до эпохи появления особых посредников социальных взаимодействий, в качестве которых выступили устройства, оснащенные ИИ. Полагаю, что их появление в социальных взаимодействиях требует обратиться к обсуждению необходимости пересмотра состава социальной морфологии и уточнения содержания объекта социологической теории современного общества.

Общество становится *морфологически* гибридным. Устройства воздействуют на человека не только как машины, но и как антропоморфные объекты. И их формы не пассивны, а активны и проявляются, и вообще существуют только в ответном воздействии машин на своего создателя в моменты оперирования человека с машиной, заставляя человека меняться и как субъекта. В процессе взаимодействия этих двух новых агентов

рождаются новые формы социальности: нормы, структуры и смыслы. Происходит расширение области взаимодействий двух разнородных субъектов, которые были разнородны *до начала* использования машины. И в этом взаимодействии они образуют «ассамбляж» новой природы – гибридное социальное взаимодействие, которое порождает новую морфологию общества.

Назрела необходимость в уточнении содержания объекта социологической теории современности: им *становится гибридная социальность, новая морфология*, включающая четыре вида агента социальности: 1) человека; 2) биотехнологического гибрида; 3) “цифрового двойника” человека и 4) техносубъекта. Параллельно со стратификационной структурой сообщества людей образуется *стратификационная структура техносубъектов*, вместе с цифровыми двойниками и биотехнологическими гибридами формирующая социальную структуру *гибридного социума*.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДИНАСТИЯ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

Исаев Дмитрий Петрович
Южный федеральный университет

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00320 «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в российском обществе».

Современная познавательная ситуация в пространстве социогуманитарных дисциплин характеризуется мультипарадигмальностью [3, 7–19], сопровождающейся трансформацией традиционных объектов исследования. К примеру, в изучении профессиональной династии как социального феномена можно выделить, по крайней мере, две фундаментальные стратегии: примордиализма и конструктивизма [2]. Конкуренция теоретических платформ с неизбежностью продуцирует разные методологические подходы и, в конечном счете, влияет на конечный исследовательский результат. В данной работе мы продемонстрируем это на примере проблемы восприятия будущего своей семьи как профессиональной династии.

В ходе реализации проекта «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в российском обществе» (2019–2021 гг.) были проведены интервью с представителями научных династий. На вопрос о «желательном» профессиональном будущем своих детей абсолютное большинство информантов высказалось индифферентно. Полученные данные могут быть интерпретированы как в объективистской (эссенциалистской), так и конструктивистской моделях исследования.

Если рассматривать в «примордиалистском» ракурсе характер подобных настроений информантов, то здесь предполагается, что забота о счастье своих детей и внуков обостряется в условиях динамичных социальных изменений современной России, во многом оцениваемых как кризисные [4, 61–87]. Получается, что условия нестабильности рынка труда, неопределенности престижа профессий и др. налагают отпечаток на высказывания родителей, которые затрудняются рассматривать профессиональное будущее своих потомков в контексте семейной преемственности.

В ходе же конструктивистской интерпретации немаловажную роль играет заданная рамка самого нарратива интервью, в результате чего образ династии, «объективно» существующей, проблематизируется. Предположим, что сам вопросник способствует конструированию в голове у информанта образ династии, хотя в

повседневной жизни, возможно, он об этом не всегда задумывается. Очевидно, что беседа о себе и близких в династическом свете приносит определенные ментальные дивиденды. Возникает желание сконструировать династийную линию, в истории семьи угадываются типичные признаки и т.д. Однако, то, что работало при создании ретроспективного образа, не совсем работает в «перспективном» направлении, по отношению к младшим и будущим поколениям. Властно вторгается наличная «ситуация» с многочисленным контекстным набором обстоятельств, условий, трудностей, которые нужно учитывать, решать «здесь и сейчас». Таким образом, в ответах респондентов мы сталкиваемся с габитусом [1, 45], тем набором индивидуальных диспозиций, которые порождают и организуют практики и представления, приспособленные для достижения определенных результатов, но не предполагающие сознательной нацеленности на эти результаты. Этот внесознательный компонент поведения и объясняет некоторую а-логичность выбора ответа не в пользу продолжения династии.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСАЛТИНГ КАК ОСНОВА ПРИНЯТИЯ СОВРЕМЕННОГО УПРАВЛЕНЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ

**Карпенко Екатерина Викторовна,
Симутин Михаил Сергеевич
РАНХиГС (Брянский филиал)**

Сегодня под «управленческим консалтингом» принято понимать «консультационные услуги, предоставляемые организациям на основе контракта лицами, прошедшими специальную подготовку и обладающими необходимой квалификацией» [1,10], но в научной литературе присутствует и такой оборот, как «социологический подход к управленческому консалтингу». Он отражает вторичность целей социологического анализа относительно принимаемого решения, то есть сначала формируется проект решения, а затем проводятся необходимые социологические исследования для его обоснования. Вместе с тем социологическая диагностика, определяемая как «технология, используемая для выявления и анализа состояния социально-экономического объекта с применением новых теоретических разработок и исследовательских методик» [2, 181], сама по себе является источником для выявления проектов управленческих решений. Иллюстративным примером может послужить открытие Центров управления регионом в каждом субъекте федерации, агрегирующих огромное количество информации, анализ которой и должен стать базой для принятия управленческих решений.

Второй аспект проблемы – переход от традиционного управления к манипулятивному управлению. М. Вебер трактовал власть как «возможность осуществлять и проводить в данных общественных отношениях собственную волю...» [3, 646], однако современное общество слишком хаотично для выделения в нём объектов властного воздействия, что затрудняет сам процесс социального управления. Социологический анализ является решением этой проблемы, поскольку он позволяет перейти к управлению процессами интеграции и ассимиляции социальных групп. На основе анализа контекста общественных отношений можно организовывать информационные или смысловые интервенции, позволяющие добиться необходимых движений внутри социальной группы и открывающие широкие возможности по конструированию новых общественных форм для последующей реализации управленческого решения.

Обобщая понимание места социологии и социологического консалтинга в современном управлении, определим базовые положения, на которые должны

ориентироваться специалисты в этой отрасли: повышение уровня исследовательского компонента в разработке управленческого решения, использование научного метода не для адаптации проекта управленческого решения, а для его непосредственной разработки, упор на технологии манипулирования и управления интеграцией социальных групп.

1. Блинов В.Н. *Управленческое консультирование. Учебное пособие.* – Томск: 2008. – 143с.
2. Понукалин А. А., Понукалина О. В. *Социологическая диагностика и моделирование социально-экономических систем.* // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2012. – Выпуск № 2. – 173 с.
3. Вебер М. *Политика как призвание и профессия (Социологическая мысль Запада).* / сост., общ. ред. Ю.Н. Давыдов // Вебер М. *Избранные произведения.* – Москва: Прогресс, 1990. – 808 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ НА ПЕРЕПУТЬЕ ПАРАДИГМ И УРОВНЕЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Катаев Дмитрий Валентинович

**ФГБОУ ВО Липецкий государственный педагогический университет имени П.П.
Семенова-Тян-Шанского**

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства просвещения РФ в рамках исполнения государственного задания на НИР 2021 года, научный проект на тему: «Исследование миграции учителей и выпускников педагогических вузов между регионами (причины, практика, последствия)» (дополнительное соглашение № 073-03-2021-017/2).

Исследователи миграции неизбежно сталкиваются с антиномичностью теоретических подходов, проблемой взаимосвязи микро- и макроуровней, сочетания количественной и качественной методологии. Проведенное исследование причин, практики и последствий миграции учителей выявило необходимость синтеза «новой парадигмы мобильности» [1] и концепции «привязанности к месту» [2], интеграции микро- и макроуровней социологического анализа, мобильной (качественной) методологии и традиционных социологических методов. Эвристической ценностью представляется выявление сильных и слабых сторон научно-исследовательских программ и предложение синтетической стратегии «мобильной привязанности». Которые, однако, требуют включения макро-микро проблематики и эмпирического подтверждения комбинированной методологией.

Интеграция микро- и макроуровней позволит выявить общие и отличительные представления о причинах миграции как на уровне объективированных институциональных представлений, так и на уровне действующих. Данные представленные по итогам опроса ректоров свидетельствуют о том, что основными причинами, способными повлиять на профессиональную миграцию учителей и выпускников педагогических направлений подготовки, называются материальные факторы. К числу таковых отнесены: жилищные условия, уровень заработной платы, уровень жизни в каждом конкретном регионе. В ходе опроса учителей оказалось, что для них, наряду с материальными причинами миграции, существенную роль также играют факторы социального характера, а именно возможность личностного роста. Сравнение

этих данных с теми результатами, которые были получены в ходе опроса руководителей высших учебных заведений и руководителей системы образования несколько расходятся, поскольку в приведённых выше показателях роль этого социального фактора представлена как второстепенная.

Принципиальной новизной программы «мобильной привязанности» может стать комбинирование традиционных количественных и качественных методов с нарративным интервью как «стратегии смешивания методов» go along и восстановления воспоминаний.

Миграция учителей не являлась предметом отдельного изучения в социальных науках. Причины, потоки, формы и последствия рассматривались лишь в отдельных исследованиях. В исследованиях преобладает максимизация или традиционных, или мобильных методов, без учета специфики макро-микро и микро-макро перехода. Проведенное исследование показало, что необходима синтетическая программа, учитывающая сильные и слабые стороны двух конкурирующих парадигм, включает микро- и макрооптику исследования, комбинирует качественные «мобильные методы» со, ставшим классическим, «нарративным интервью» может способствовать преодолению этих антиномии.

1. Urry, J. (2008). *Mobilities*. Cambridge: Polity Press, 2008.
2. Di Masso, A., Williams, D.R., Raymond, C.M., Buchecker, M., Degenhardt, B., Devine Wright, P., Stedman, R. (2019) *Between fixities and flows: Navigating place attachments in an increasingly mobile world*. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 61. P. 125-133.
3. Schuetze F. *Biographieforschung und narratives Interview // Neue Praxis*. 1983. № 3. P. 283–293.

ТЕОРИЯ ЛИМИНАЛЬНОСТИ И ПОСТГУМАНИЗИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО

Катерный Илья Владимирович
МГИМО МИД России, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (конкурс 2020 года), заявка НШ-2615.2020.6.

Теория лиминальности восходит к работам французского этнографа А. ван Геннепа (1873-1957) и его последователя англо-американского антрополога В. Тернера (1920-1983), сделавших большой вклад в изучение ритуальных практик социального перехода в традиционных и современных обществах. Несмотря на признание большой символической роли различных «анти-структурных» и внеструктурных статусных состояний в процессах социальной мобильности, теория лиминальности до сих пор не получила должного внимания со стороны социологии, оказавшись в тени традиции концептуализации феномена маргинальности. Однако глубокая метаморфизация глобального общества, ведущая к экстраполяции «постчеловеческого состояния» на все уровни социальной и системной интеграции, позволяет по-новому взглянуть на теорию лиминальности с точки зрения эвристического потенциала ее концептуальных ресурсов в рамках описания процессов постгуманизации.

Формирование постгуманизованного общества связано с процессами *децентрации, субституции и самотрансформации* человека и человеческого в социальной онтологии и аксиологии. Эти процессы включают в себя: (1) утрату контроля над социальными процессами и изменениями ввиду их нелинейной сложности, скорости

и рискогенной непредсказуемости (от бытовых аварий до глобализации, климатических изменений, эпидемий и НТП); (2) появление и повсеместное распространение неосоциальных и неоморфных субъектов и объектов, претендующих на статус соучастников социальной жизни наравне с человеком (от постживотных до искусственного интеллекта); (3) развитие качественно новых возможностей глубокой трансформации биологической, корпоральной и социально-ролевой природы самого человека. Статусная лиминализация трактуется здесь как транзитивное и экстраординарное состояние, положение человеческих и нечеловеческих актантов в ходе смены их конвенциональных идентичностей.

Развивая идеи А. ван Геннепа и В. Тернера, континуум новой постгуманизированной лиминальности можно представить в виде следующей типологии:

(1) **Восходящая лиминальность**, связанная с повышением прелиминального статуса в процессе вертикальной социальной мобильности. Примером здесь служат технологии клонирования животных, позволяющие возвращать к жизни умершие организмы. Другим примером является юридическая практика защиты прав эмбрионов, что делает их равными взрослым индивидам.

(2) **Нисходящая лиминальность**, происходящая в процессе статусной деградации и/или стигматизации со стороны сообщества. Подобная ситуация ярко проявляется в рамках «временных» ограничений прав и свобод во время пандемии COVID-19, а также в других процессах, заставляющих их участников выживать и бороться за сохранение «дома».

(3) **Рекурсивная лиминальность**, имеющая место, когда прелиминальный статус временно и ожидаемо изменяется, но всегда релегитимируется в прежнее состояние. Сюда относятся игризированные практики посттуризма, а также любая дигитализированная коммуникация, делающая возможным общение людей как «тел без органов».

(4) **Перманентная лиминальность**, характеризующая любое неустойчивое, «промежуточное», «переходное», но при этом нормативно и структурно закрепленное положение некоторых социальных групп в обществе. Частью этого сообщества являются представители внебинарных гендерных групп, бодмоды, люди-киборги, крио-люди и др.

(5) **Лиминоидность**, объединяющая различные формы квазилиминальности, т.е. легитимных и нелегитимных практик фабрикации, «изготовления», эксплуатации переходных состояний, статусов и идентичностей в утилитарных целях (от экстремальных челленджей до экстремального спорта).

1. Геннеп А. ван. *Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов* / Пер. с франц. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. — 198 с.
2. Тернер В. *Символ и ритуал* / Пер. с англ. — М.: Наука, 1983. — 277 с.

ВЛИЯНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ НА СОСТОЯНИЕ ГРАЖДАН

Кирилина Екатерина Андреевна
МГУ им. М.В. Ломоносова

В условиях продолжающейся урбанизации, когда доля городского населения планеты стремительно приближается к 60%, возникает много вопросов и проблем, касающихся исследования и формирования городов. Важно отметить влияние этих проблем именно на социальную сферу.

По данным исследования ВЦИОМ, проведенного в 2019 году, Эмоциональное отношение россиян к месту своего проживания отличается от оценки уровня его комфортности. Если в первом случае абсолютное большинство выражает позитивное

или нейтральное отношение, то в отношении комфортности места проживания каждый четвертый высказывает недовольство (24%) [1]. Общая симпатия к месту своего проживания не отменяет его критики. Наиболее актуальными проблемами, свойственными российским населенным пунктам, согласно исследованию, являются: социальная инфраструктура, локальные рынки труда, безопасность районов, состояние дворов. Наряду с этим возрастает запрос на повышение экологизации городской жизни и расширение зон рекреации. По результатам данного исследования можно сделать вывод о том, что гражданам действительно заметны проблемы среды, с которой они сталкиваются ежедневно, а, следовательно, оказывают влияние на их состояние.

Помимо исследования, показывающего влияние городской среды на состояние граждан, важно отметить работы, изучающие влияние звукового фона в городе. Крис Брантлетт и Мелисса Брантлетт в книге «Curbing Traffic: The Human Case for Fewer Cars in Our Lives» анализируют проблемы шумных городов и их пагубного влияния на социальную сферу, а также на психологическое состояние граждан в целом [2]. В этой работе среди указанных факторов звукового фона в городе ученые выделяют нарушение слуха, а также стресс.

В подтверждение этого можно привести исследование, проводившееся в Дании, в котором учёные использовали адреса и этажи проживания каждого из наблюдаемых, начиная с 1994 года. Кроме этого, датские исследователи учитывали количество и тип зелёных насаждений и шумовые барьеры у жилых домов. Также, опираясь на статистику дорожного и железнодорожного движения, ученые вычислили уровень шума от транспорта в разное время суток. Исследование позволило выяснить, что если шум от машин в домах превышает 55 децибел, то он приводит к увеличению риска развития деменции на 27 %. Шум от железнодорожного трафика не выше 50 децибел связан с заболеванием деменцией на 24 % [3].

Указанные проблемы требуют комплексных решений. Поэтому сегодня можно наблюдать изменения в подходе к планированию городского пространства. Например, чаще стали предусматривать островки тишины, в которых человек может отдохнуть от постоянного шума. Также в городах стараются сделать больше пешеходных улиц, ведь чаще всего источником шума в городе являются именно машины. Не так давно в Москве начали на законодательном уровне обсуждать проблему «шумового загрязнения». Вслед за визуальным шумом город постепенно очищается и от акустического загрязнения. Возможно, этот процесс не так заметен, как борьба с рекламой, однако для здоровья городской среды он не менее важен.

- 1. Среда, которая нас формирует. Как россияне оценивают качество городской среды и динамику ее изменения. Аналитический доклад ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/sreda-kotoraya-nas-formiruet-kak-rossiyane-ocenivayut-kachestvo-gorodskoj-sredy-i-dinamiku-ee-izmeneniya> (дата обращения 10.09.2021)*
- 2. Bruntlett K, Bruntlett M. 2021. Curbing Traffic: The Human Case for Fewer Cars in Our Lives, , Island press, 2000 M Street, NM, Suite 480b, Washington, DC, 20036, – 240 p.*
- 3. Residential exposure to transportation noise in Denmark and incidence of dementia: national cohort study [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.1136/bmj.n1954> (дата обращения 10.09.2021)*

АКТУАЛЬНОСТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ СРЕДНЕГО УРОВНЯ В ОПИСАНИИ ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОГОРТЫ ПЕНСИОНЕРОВ

Козырев Артём Артурович

*«Казанский национальный исследовательский технологический университет»
(ФГБОУ ВО «КНИТУ»)*

Социально-демографическая когорта третьего возраста является значительной частью социальной структуры России. По состоянию на 2021, численность граждан получающих пенсию по старости, составляет 35747 тыс. человек.[1]

Подготовка, проведение и описание актуальных проблем социально-демографических групп старших возрастов требует применения теорий среднего уровня.

В процессе исследования автор доклада опирался на социологическую теорию среднего уровня, например, взаимозависимости социальных институтов, который раскрывает их сущность и формы организации.[2, 3-24]

Ролевая теория позволяет анализировать когорту пенсионеров в рамках среды: как она влияет на их жизнедеятельность, как происходит взаимодействие со средой обитания, насколько личность примеряет и исполняет статусную роль согласно стереотипам о статусе и роли.

Теория референтных групп даёт понимание самых разнообразных явлений: как индивид соотносит себя с социально-демографической группой пенсионеров, ориентируется на ее ценности и нормы, идентифицирует себя с данной возрастной группой в условиях нового социального контекста личности.[3][4]

Согласно теории непрерывности, пожилые люди пытаются поддерживать непрерывность образа жизни, адаптируя стратегии, связанные с их прошлым опытом.

Теория социальной перцепции (=социального восприятия) позволяет интерпретировать социальные роли и социальное самочувствие пенсионеров, их взаимодействие с социальным пространством, общение и деятельность. [5, 17-19]

Перечисленные социологические теории среднего уровня, имеют большую объяснительную значимость, утилитарную и практическую ценность, позволяют подтверждать гипотезы эмпирических исследований.

1. Федеральная служба государственной статистики. — URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 18.06.2021).
2. Kelley H. H., Thibaut G. W. *Interpersonal relations. A theory of interdependence*. N. Y., 1978, pp. 3—24.
3. Hyman, H. *The psychology of status* / H. Hyman. — New Jersey: Columbia University, 1942.
4. Newcomb, T.M. *Personality and social change* / T. Newcomb — N.Y., 1943.
5. Bruner J.S. *The Process of Thinking* // *Harvard Alumni Bulletin*. Sep.1960. Pp. 17-19.

ГОРОД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕХНОЛОГИЙ: ГОРОДСКИЕ СООБЩЕСТВА И УЧРЕЖДЕНИЕ НОВОЙ «СОВМЕСТНОСТИ»

Латыпова Алина Раилевна

*Центр медиафилософии; Лаборатория исследований компьютерных игр (ЛИКИ);
Университет ИТМО.*

Исследование подготовлено при финансовой поддержке проекта РНФ № 21-18-00046 «Определение критериев визуального загрязнения окружающей среды», СПбГУ.

1. Границы медиа — границы города

Двадцатое столетие ознаменовалось целым рядом концептуальных «смертей»: западное общество попрощалось с «человеком» [1], с историей и идеологией [2] и, конечно, с социальным [3]. Кризис «совместности» объясняли разными причинами. В частности, упадком индивидуального в условиях растущего влияния масс [4], когда индивид поглощен, нейтрализован и распространен в молчании «перед держателем слова» [3]. Отсутствие возможности говорить, произносить речь в общественном поле напрямую приводит к инверсии отношений публичного и частного: труд как продукт частной жизни выдвигается в центр политики, что в свою очередь элиминирует публичное — подлинно политическое — совместное пространство [5]. Утрата публичного сопряжена с другой трансформацией общественной жизни: переходом от жизни как *bios* (жизни культурной и реализующейся в человеческом измерении) к «голой жизни» — *zoe* [6]. Сохранение жизни как таковой становится важнейшей задачей биополитической власти.

Перспектива утраты индивидуального и публичного усиливается в условиях развития новых технологий. Появляется большое количество технофобий, возникают опасения об автономизации человека, его отчуждении от других людей и т.п. Возможность окружить себя гаджетами и сетями зачастую воспринимается как попытка отгородиться от Другого. Отчасти данный страх оправдан, ведь в условиях развития новых технологий (а тем более — пандемии) все больше операций делегируется машине (вплоть до делегирования удовольствия [7]): современный человек все больше погружается в цифровую среду. Но если не допускать сращения технического и соматического измерений человеческой жизни и проработать просветительские принципы, адекватные современным технологиям [8], то яд превратится в лекарство (понятия «ремедиа» и «фармакона» Б. Стиглера хорошо описывают такую ситуацию).

II. Понятие «urban commons»

Каким образом технологии могут превратиться из яда в лекарство? Все просто. Принципы организации цифрового пространства переносятся на городскую среду. Анонимность, распределенность, ризоматичность, динамичность, сетевая архитектура, адаптивность и т.п. приходят на помощь современному горожанину. В связи с чем возникают новые связки, сборки или ассамбляжи, не имеющие ничего общего с привычными категориями социального [9], при этом реанимирующие «человеческие» отношения (пусть и с помощью «не-человеков»). Город перестает быть исключительно территорией государства или рынка, а становится площадкой для действия/высказывания горожан. Город возвращается в общественное пользование. Так, в последние годы специалисты из разных областей (социологи, урбанисты, психологи, географы и т.п.) активно разрабатывают понятие *urban commons* («городская совместность») [10] и

исследуют различные практики горожан по учреждению новых отношений с городом. Например, переопределение территории заброшенного аэропорта Темпельхоф в Берлине в место прогулок, пикников, катания на велосипеде. Горожане спонтанно начали осваивать это пространство и, когда власти решили отдать территорию под застройку частным инвесторам, отстаивали свое «право на город». Как отмечают исследователи [10], «совместность» — это новая категория, которая позволяет понять городские коллективные практики. Чтобы описать, как устроены новые совместности, обращают внимание на три перспективы: 1) общность ресурсов, 2) институты и правила распределения ресурсов, 3) люди [10]. В рамках третьей перспективы ставится вопрос: «Кто это — мы?». Здесь коллективность не зафиксирована, она динамична и пересобирается в зависимости от конкретной практики. Речь не идет о пристежке «мертвой» идентичности (как в романах-антиутопиях), а скорее о временной сборке социального тела в городской среде.

III. Кооперативный vs. корпоративный город

Влияние принципов организации цифровой среды на среду нецифровую выражается не только в развертывании спонтанных городских практик (зачастую маргинальных), но и в проектах, направленных на преобразование привычных пространств. Подобные проекты реализуются в рамках такого явления, как «кооперативный дизайн» (также встречаются обозначения «партиципаторный дизайн» [11] или «гражданский дизайн» [12]). В него вовлечены не только городские власти и частные инвесторы, но и горожане. Проекты создают поле диалога между властью, рынком и людьми. Посредником здесь выступают цифровые технологии, обеспечивающие единое коммуникативное и рабочее пространство. Так, в Австралии с 2011 года развивается проект Urban Forest Strategy, направленный на превращение Мельбурна в город-сад. В рамках проекта создано несколько рабочих групп, инициирующих различные формы озеленения города [13].

Наравне с перспективой развития новой «совместности», особенно когда в игру вступает рынок, возникает и перспектива коммерческой развертки подобных объединений. В качестве примера пограничного пространства можно привести такую форму, как «коворкинг», создание зон для работы, где отсутствуют привычные офисные атрибуты вроде стола, перегородок, неудобных стульев. Взамен этого такие пространства оборудованы мягкими диванами, пуфиками, широкими столами и другими вещами, призванными создавать непринужденную атмосферу, в которой можно поработать вместе с коллегами. Такая уютная совместность проблематизирует границу труда и досуга (шире: труда и творчества). В дополнение можно привести пример организации рабочих мест в современных корпорациях вроде Google, которые оборудованы игровыми комнатами, фитнес-залами и другими «нерабочими» зонами. Такое включение досуговых практик в офисное пространство дает возможность работнику (или обязывает его?) проводить больше времени на работе. Рекреационные практики превращаются в трудовые [14]. Такую логику можно пробросить и на кооперативный дизайн, поскольку создание общего места, создает и общий интерес, который можно капитализировать.

Но несмотря на опасность превращения кооперативного в корпоративное, новые совместности все же переучреждают городское пространство и меняют взгляд горожанина на самого себя. Так, если мы говорим о «коворкинге» как новой форме труда, то со стороны досуга можно предложить концепцию «коволкинга» (co-walking): совместные практики свободного времени. Современный горожанин, проводящий время в городе, не фланер, он реконструктор/создатель городского пространства. В некотором смысле геймер. Одним из примеров такой творческой пересборки города может служить коллективная самоорганизованная платформа «Работай больше! Отдыхай больше!» [15], в рамках которой создаются проекты урбанистической «совместности». В частности,

практика «Zoom Walk», прогулка по городу через сервис Zoom, или коллективная игра «Покемон Д», организованная на базе мобильной геолокационной игры *Pokémon GO*.

1. Фуко М. *Слова и вещи*. СПб.: А-сad, 1994.
2. Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/6341> (дата обращения: 09.10.2021).
3. Бодрийяр Ж. *В тени молчаливого большинства, или Конец социального*. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/125> (дата обращения: 09.10.2021).
4. Ортега-и-Гассет Х. *Восстание масс*. М.: АСТ, 2016.
5. Арендт Х. *Vita Activa, или О деятельной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
6. Агамбен Дж. *Номос Sacer: суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа, 2011.
7. Fizek S. *Interpassivity and the Joy of Delegated Play in Idle Games* // *Transactions of the Digital Games Research Association*. 2018. Vol. 3. № 3. P. 137–163.
8. Стиглер Б. *Дух просвещения в эпоху философской инженерии* // *Художественный журнал*. 2018. № 106. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/81/article/1775> (дата обращения: 09.10.2021).
9. Латур Б. *Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
10. *Urban Commons: городские сообщества за пределами государства и рынка*. М.: Новое Литературное Обозрение, 2020.
11. Simonsen J., Robertson T. *Routledge International Handbook of Participatory Design*. Routledge, 2012.
12. Mueller J., Lu H., Chirkin A., Klein B., Schmitt G. *Citizen Design Science: a Strategy for Crowd-Creative Urban Design* // *Cities*. 2018. Vol. 72, part A. P. 181–188.
13. *Urban Forest Strategy. The City of Melbourne*. URL: <https://www.melbourne.vic.gov.au/community/greening-the-city/urban-forest/Pages/urban-forest-strategy.aspx> (дата обращения: 09.10.2021).
14. Погребняк А. А. *Дефетишизировать свободное время: от акрасии — к профанации* // *Логос*. 2019. № 1. С. 161–162.
15. Платформа «Работай больше! Отдыхай больше!» URL: <http://workhardplay.pw/> (дата обращения: 09.10.2021).

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В ИССЛЕДОВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ УРАБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Лебедева Елена Викторовна
Белорусский государственный университет

На примере анализа дворовых сообществ в статье демонстрируются методологические возможности применения неомарксистской интерпретации критической теории.

Современная актуализация марксистской мысли в рамках критической неомарксистской теории в социоурбанистике обусловлена появлением достаточно новых, оригинальных для классической городской социологии тем исследования. Одной из таких тем является рост городского и гражданского активизма, характерный для постсоветских городов в последние годы. Возрождение активности дворовых сообществ актуализирует изучение вопросов, связанных с восприятием горожанами своего «права на город», границ и возможностей его практической реализации, а также влияния коммуникативных факторов. Методологической основой анализа дворовых сообществ нового типа может стать неомарксистская интерпретация критической теории (А. Лефевр, Д. Харви, Д. Митчелл). Собранные в ходе исследования эмпирические материалы (результаты анкетного опроса, дополненные анализом содержания соседских чатов) выявили ряд принципиальных отличий «новых» дворовых сообществ от традиционных («советских»). В «советских» дворовых сообществах городское участие представляло собой не столько

реализацию «права на город», сколько пример общинной (сельской) кооперации (форму низовой самоорганизации для достижения поставленных целей с наименьшими затратами). В случае с «новыми» дворовыми сообществами движущей силой выступает «урбанность», как возможность определять себя как горожанина, желание оставить свой след в городской среде. При этом «право на город» выходит за рамки его утилитарного понимания (как благоустройство городской среды) и приобретает черты символического самоопределения, становится правом на производство собственной идентичности. Формирующиеся на основе реализации собственного «права на город» дворовые сообщества характеризуется умением достигать компромисса и вырабатывать общепринятые правила коммуникации. Отчасти это перекликается с неомарксистской концепцией «биовласти» как «добровольной (ненасильственной и неосознанной) современной социальной репрессивности» [1, 36-37]. При сохранении подобных тенденций «право на город» будет тесно коррелировать с такими понятиями, как «коммуникация», «публичная сфера», «форум», а его практическая реализация всё меньше будет привязана к непосредственному «отвоеванию» физических территорий и всё больше станет разворачиваться в коммуникативной плоскости.

1. Hardt M., Negri A. Commonwealth. Cambridge: An Imprint of Harvard University Press., 2011-448 p.

АССАМБЛЯЖ СОЦИАЛЬНОГО ТЕЛА: КОНТРОЛЬ И ПОСТ-КОНТРОЛЬ

Ленкевич Александр Сергеевич

Центр медиафилософии (ИФ СПбГУ); Лаборатория исследований компьютерных игр (ЛИКИ); Университет ИТМО

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФ. Проект 21-18-00046 «Определение критериев визуального загрязнения окружающей среды» (СПбГУ)

1. Вычисление. «Нужно защищать общество» назывался курс лекций, прочитанный Мишелем Фуко в 1975–1976 годах в Коллеж де Франс [10]. «Нужно вычислять общество» — приблизительно так мог бы звучать девиз «обществ контроля» [3], энергия которых в немалой степени расходуется на сбор данных, расчет, алгоритмизацию, калькуляцию. В XVII веке мы вступили в эпоху «калькулирующего мышления» [11] — и счетность стала основой реальности. Статистика стала способом понимания, управления, конверсии [9; 4]. В конце концов математические алгоритмы стали основой современных цифровых устройств.

2. Риски. Новые технологии обладают потенциалом для создания новых социальных связей, сообществ, множеств. Например, многопользовательские онлайн-игры позволяют собирать и удерживать социальное тело в условиях локдауна, медицинских и политических ограничений. Но вместе с тем цифровые технологии создают пространство новых рисков, неизвестных доцифровой эпохе. Например, в метро удобно «платить лицом» (московский сервис FacePay, работающий через специальное приложение), это экономит время, но лицо попадает в базы данных, которые становятся визуальным словарем для систем контроля или маркетинга. Цифровые сервисы удобны, но они превращают пользователей в мишени для рекламы, принуждают к прозрачности,

ретерриторизируют, как и другие машины капитализма. Это не повод для пессимизма, это не диагноз, а задача (в том числе для социальных и гуманитарных наук): какую технологическую реальность мы на самом деле хотим создать?

3. Данные. Обработка данных — ключевая проблема современности. В то время как маркетологи анализируют предпочтения пользователей, последние используют новые технологии для блокировки машин контроля. Например, при установке специального плагина в браузере, который будет отправлять невидимые для пользователя запросы в поисковый сервис, реальные запросы потонут в потоке информационного шума. Это экраны, закрывающие нас от нежелательного внимания. Сами по себе базы данных — это повод для различных инвенций. Так, из тех же цифровых данных создаются виртуальные двойники живых и умерших людей, которые разнообразят и усложняют наши социальные взаимодействия, добавляют в них нечеловеческие (и даже неживые) акторы, и т.п. На материале баз данных обучаются цифровые помощники («Алиса», Siri и пр.), нейросети и другие агенты цифрового социального пространства. Иными словами, данные — это контроль, но также данные — это шаг в пост-контроль, который выводит общество в режим перманентного переизобретения.

4. Геймплейный конструктивизм. Теперь вернемся к началу: для математических алгоритмов (социальная) реальность — это просчитываемый и моделируемый объект. Это то, что поддается расчету, схватывается прогнозом, контролируется. При этом реальная карта сообществ, социальных организмов, связей, интеракций может отличаться от той, что задается и/или выявляется алгоритмами (эта автономия неоднократно отмечалась аналитиками, например, в работах Ж. Бодрийяра [1; 2]). Более того, в ситуации пост-контроля на первый план выходят технологии локального моделирования социального опыта, например компьютерные игры. Эту ситуацию — игровой экспликации социальных тел, связей, сообществ — можно назвать *геймплейным конструктивизмом*. В играх мы действительно можем изобретать новые реальности, опыт которых потом переводится в нашу жизнь, повседневные практики, общение [6]. Эта ситуация уже стала отправной точкой для исследований, которые задаются вопросом: «Если “мир — это компьютерная игра”, как в него играть?» [7]. Ответ прост: постоянно изобретая что-то новое.

5. Борьба за воображение. Возражу классику: знаменитый одиннадцатый тезис о Фейербахе гласит, что «философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [5]. Сегодня мы, напротив, испытываем дефицит понимания: объяснить те изменения, которые произошли и происходят, будет подлинным радикальным действием по преобразованию мира. Более того, продумывать изменения предстоит в горизонте медиареальности — «реальности всех» [8], поскольку, будучи самой искусственной, она же является и самой естественной, самой реальной и самой желанной. Это — поле битвы за воображение. В конечном счете ключевые сдвиги происходят именно в этой области. В этой борьбе предстоит отстаивать право на иное восприятие и мышление и низвергать (гейм)дизайнерский платонизм. Это столь же важная задача, как и деконструкция машин контроля. Sapere aude!

1. Бодрийяр Ж. *К критике политической экономики знака*. М.: Академический проект, 2007. 335 с.

2. Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет, 2000. 387 с.

3. Делез Ж. *Post scriptum к обществам контроля // Делез Ж. Переговоры. 1972–1990*. СПб.: Наука, 2004. С. 226–233.

4. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // *Логос*. 2002. № 5–6 (35). С. 211–242.
5. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // *Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние произведения*. М.: Академический проект, 2010. С. 387.
6. *Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр*. Коллективная монография. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. 498 с.
7. Оболкина С. В. Если «мир — это компьютерная игра», как в него играть? // *Международный журнал исследований культуры*. № 1 (34). 2019. С. 88–101.
8. Савчук В. В. *Медиафилософия. Приступ реальности*. СПб.: Издательство РХГА, 2013. 350 с.
9. Фуко М. *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
10. Фуко М. *Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году*. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
11. Хайдеггер М. *Отрешенность* // *Моноклер*. URL: <https://monocler.ru/haydegger-otreshennost/>

РОЛЬ МЕТОДОЛОГИИ В ПРИКЛАДНЫХ МИГРАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Липатова Татьяна Николаевна
Академия наук Республики Татарстан

В современной западной литературе отмечается, что недостаток многих современных миграционных исследований объясняется их прикладным характером, а также неспособностью адекватно соотноситься с социальной теорией. В этой связи необходимой основой всех проектов миграционных исследований является теоретическая и методологическая база, выполняющая функцию моста между социальной теорией и методами исследования.

В этой связи исследователи выделяют слабые стороны как позитивизма, так и конструктивизма, указывая на наличие, так называемой, «эпистемологической ошибки», когда природа реальности сводится к человеческим знаниям о ней [2, 27]. Если позитивизм признает существование реального мира независимо от наших суждений, и природа реальности сводится к тому, что ее можно эмпирически исследовать с помощью научных методов, то конструктивизм, напротив, отрицает объективное существование реальности, рассматривает ее как полностью построенную посредством человеческого знания или дискурса, что также сужает реальность до наших знаний о ней [2].

Таким образом, необходим альтернативный методологический подход к исследованию миграции, отличный от позитивизма и конструктивизма, в соответствии с которым, мир рассматривается как «реальный» будучи структурированным необходимыми отношениями и механизмами, а наши знания о нем опосредованы концепциями и практиками [1]. Это означает, что реальность не исчерпывается тем, что люди (и исследователи) могут испытывать или воспринимать, но также включает слои и уровни, которые непосредственно не наблюдаемы или не очевидны. Такие слои являются «глубокой» областью социальной реальности и относятся к «структурам, механизмам, силам и отношениям» социальных объектов, которые посредством их взаимодействия производят события, часть которых переживается и концептуализируется различными способами [3, 13].

Таким образом, методология должна быть направлена на изучение реальности, не только поддающейся непосредственному наблюдению или интерпретации, но и раскрывающей свою сущность через причинно-следственные связи, порождающиеся взаимодействием структур социальных феноменов. Здесь важная роль будет отдаваться контексту или внешним связям исследуемого объекта. Примером может служить

миграционное исследование Ш. Хедберг [4], в ходе которого удалось выявить истинные причины миграции финских шведов из Финляндии в Швецию, отличные от тех, что часто высказывались респондентами в ходе интервью. Так, на эмпирическом уровне никто из мигрантов не согласился бы с тем, что большинство сознательно заставило эмигрировать меньшинство – в ходе интервью для объяснения причин своего решения об эмиграции шведы-эмигранты часто приводили экономические мотивы. Однако в результате анализа причинно-следственных механизмов и контекста выяснилось, что ситуация с этническим шведским меньшинством действительно вызывает миграцию шведов отчасти из-за трудностей с поиском работы, вызванных ограниченным знанием финского языка.

1. Sayer A. *Method in Social Science. A Realist Approach*. London: Routledge, 1992.
2. Bhaskar R. *The possibility of naturalism: A philosophical critique of the contemporary human sciences*. London: Routledge, 1998.
3. Ackroyd S., Fleetwood S. *Realism in contemporary organisation and management studies // S. Ackroyd and S. Fleetwood (eds.): Realist Perspectives on Management and Organisations*. London: Routledge, 2000.
4. Hedberg C. *The Finland–Swedish wheel of migration. Identity, networks and migration 1976-2000*. PhD Thesis. Uppsala University, Sweden, 2004.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИНДУСТРИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РОССИИ

**Ломоносова Марина Васильевна,
Бурдун София Антоновна
Санкт-Петербургский государственный университет**

В статье представлены результаты исследования, выполненного за счет средств гранта Российского научного фонда (грант № 21-18-00125).

Цифровые активы как базис цифровой экономики в любой из её индустрий, с одной стороны, являются отражением физических активов и транзакций с их участием, а с другой стороны, являются мощным драйвером развития и фактором формирования новых индустрий. Именно под таким углом зрения на процессы цифровизации смотрят экономисты, как правило, упуская из виду человека с его уникальным набором ценностей и потребностей. Несмотря на то, что по оценкам экспертов, Россия не входит в число ведущих стран с точки зрения развития цифровой экономики, государство активно внедряет инфраструктуру информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Кроме этого, указом Президента Российской Федерации от 15 мая 2018 года было создано Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Активная цифровизация органов и учреждений государственной власти, а также развитие инфраструктуры информационно-коммуникационных технологий в сфере получения государственных услуг для граждан в некоторой степени свидетельствуют об успешных первых шагах государства на пути развития цифровой экономики. Но дальнейшая успешная цифровизация невозможна без учета и согласования интересов социальных групп и институтов, являющихся её бенефициарами, а также тех социальных групп и институтов, которые понесут ясно прогнозируемые потери. Уже сегодня все активнее стали звучать мнения экспертов о формировании нового типа

социального неравенства – цифрового, а на практике стала проявлять себя тенденция непринятия тех или иных цифровых услуг со стороны разных социальных групп. Тем не менее, законодатели и практики в области развития цифровой экономики, как правило, обращаясь к экспертному мнению экономистов и специалистов в области информационно-коммуникативных технологий, практически не задействуют теоретический и аналитический потенциал социологии при принятии решений.

На протяжении последних двух десятилетий - первых десятилетий 21 века социологи активно изучают цифровизацию как комплекс процессов, переводящих социальные структуры и взаимодействия на сетевые информационно-коммуникационные платформы, которые в свою очередь функционируют на основе цифровых технологий. Таким образом, цифровизация является инструментальной реализацией и техническим оформлением фундаментальных социокультурных изменений, известных как развитие сетевого общества и виртуализация общества [1; 2].

По мнению социологов, эффект пандемии COVID-19 и последующего экономического кризиса заставил задуматься об устойчивости тенденций возникновения и распространения новых социальных структур. Кроме этого, карантинные меры, мотивируемые опасностью распространения COVID-19, привели к тому, что можно назвать принудительной виртуализацией [3].

Принудительная виртуализация во время пандемии стала дополнительным фактором стресса наряду с сопровождавшими пандемию карантином и самоизоляцией, проблемами со здоровьем, потерей работы и перспектив трудоустройства для большей части населения. Эти события привели к «пандемии страха», росту алкоголизации, тревожности, депрессий и других психологических трудностей [4].

Так, например, в период пандемии появился повышенный спрос на услуги консультирующих психологов и психотерапевтов, оказываемые в онлайн формате. Стоит отметить, что в то время, как профессионалы из многих других сфер приступили к работе в дистанционном режиме впервые в период пандемии, некоторые платформы онлайн психотерапии функционировали с 2017 года. Еще до пандемии около 20% всех психотерапевтических сессий проводилось в онлайн режиме [5]. Таким образом, увеличившийся в разы спрос на психологическую и психотерапевтическую помощь во время пандемии, оказался удовлетворен за счет уже достаточно развитых цифровых сервисов индустрии психологической помощи.

В основном цифровые сервисы психологической помощи представлены в сети интернет в виде сайтов с активным продвижением в социальных сетях, которые позиционируются как «маркетплейсы для услуг психологов». Ключевая функция такого сервиса - подбор подходящего специалиста для видео и аудио консультаций или переписки в чате на основе собственного алгоритма. Однако, большая часть сервисов контролирует весь процесс работы с психотерапевтом, предоставляя клиенту платформу для записи на прием, оплаты услуг и обратной связи, а в некоторых случаях и для проведения сессий. Например, на платформе «Ясно» (<https://yasno.live/>) видеоконсультации происходят прямо на сайте. В половине случаев сервис также устанавливает фиксированную стоимость консультации или переписки в чате.

Всего в России на 2021 год насчитывается десять независимых платформ для подбора специалистов, занимающихся оказанием психологической помощи. Суммарно через данные сервисы можно воспользоваться услугами более чем 3500 специалистов, основная часть которых это психологи-психотерапевты, прошедшие дополнительную ступень последипломного образования и супервизии. Услуги других специалистов из смежных сфер, также представлены на сайтах, среди них: врачи-психиатры, клинические психологи, детские и семейные психологи, сексологи и др.

Из десяти представленных на рынке платформ можно выделить пять крупных сервисов и пять, возникших совсем недавно. Количество постоянных пользователей сервисов составляет более 70 тысяч, а суммарное количество посещений сайтов за август

2021 года составляет более 595 тысяч, что свидетельствует о востребованности услуг индустрии психологической помощи.

По разным оценкам, основная аудитория сервисов психологической помощи - женщины и мужчины в возрасте от 18 до 45 лет из Москвы и Санкт-Петербурга. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что сами платформы позиционируют себя как часть культуры жителей мегаполисов и относят свои услуги к так называемым практикам «лайфстайл», которые служат индивидам в качестве одного из средств выражения идентичности.

Сервисы психологической помощи в Интернете - феномен, возникший относительно недавно, но уже активно внедренный в жизнь населения крупных городов. Нельзя не выделить влияние пандемии как фактора, сопутствующего развитию индустрии, но и объяснить этот феномен только влиянием пандемии тоже не представляется возможным. Сама по себе цифровизация индустрии психологической помощи в России уже представляет собой особый исследовательский интерес. А изучение специфики новых социальных ролей и практик, процесса институционализации индустрии психологической помощи открывают перед исследователями большие возможности в понимании и решении проблем современного российского общества.

1. Castells M. (1996) *Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell Publishing.*
2. Иванов Д. В. *Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.*
3. Асочаков Ю. В., Богомякова Е. С., Иванов Д. В. *Новое измерение социального развития: активность и креативность в интернет-коммуникациях // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 75-86.*
4. Радина Н.К., Балакина Ю.В. *Общество и пандемия: теоретико-методологические основания психологических исследований // Общественные науки и современность. 2020. № 6. С. 49-64.*
5. Макаров В. В. *Психотерапевтический ракурс пандемии, вызванной новой коронавирусной инфекцией COVID-19 // Антология российской психотерапии и психологии. 2020. С. 169-174.*

ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ И МЕХАНИЗМОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОМУ ОБЩЕСТВУ В РАМКАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Мальков Николай Романович
Санкт-Петербургский государственный университет

Работа выполнена в рамках НИОКТР № 121062300141-5 «Комплексное исследование факторов и механизмов политической и социально-экономической устойчивости в условиях перехода к цифровому обществу»

Процесс цифровизации экономики, общества и государства, с одной стороны, открывает перед экономическими и социальными субъектами окна возможностей и точки роста; с другой – приводит к возникновению новых, пока не изученных, рисков и угроз [1].

Цифровая составляющая жизни населения характеризуется следующими свойствами: цифровое качество населения, обеспечение населения цифровыми благами, качество трудовой жизни в условиях цифровизации, качество социальной сферы и услуг

в условиях цифровизации, электронные государственные услуги населению, безопасность информационной деятельности населения [2].

Повышению качества жизни людей в условиях нарастающей диджитализации социальных процессов препятствуют: неравномерность развития информационно-коммуникационных технологий в разных сферах жизнедеятельности общества и более высокие темпы развития технологий по сравнению со скоростью их освоения населением.

Цифровую готовность населения снижают такие факторы как недостаточная компьютерная и цифровая грамотность, психологический консерватизм, отсутствие уверенности в полезности и практической применимости новых знаний, опасения столкновения с угрозами информационной безопасности.

Исследуя факторы и механизмы политической и социально-экономической устойчивости в условиях перехода к цифровому обществу в рамках социологической парадигмы, необходимо помнить, что «без особым образом организованной эмпирической информации не могут быть осмыслены реалии сознания и поведения человека ни в демографическом, ни в профессиональном, ни в национальном, ни в социально-правовом и других аспектах» [3, 18].

В качестве основной гипотезы исследования предполагается, что наиболее адекватным показателем политической и социально-экономической устойчивости в условиях перехода к цифровому обществу, будет субъективная оценка населения уровня угрозы цифровых технологий социально-экономической и политической ситуации в стране (индекс «цифрового обывателя»).

Выводы исследования предполагается использовать для научного обоснования разрабатываемых на федеральном и региональном уровне программ в области цифровой трансформации жизни населения.

1. Кориунов Г. П., Кройтор С. Н. Проблема уровня и качества жизни в эпоху цифровизации // *Logos et Praxis*. 2019. N 2, том 18. С. 24-38. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.2.3>
2. Литвинцева Г. П., Шмаков А. В., Стукаленко Е. А., Петров С. П. Оценка цифровой составляющей качества жизни населения в регионах Российской Федерации // *Terra Economicus*. 2019. N 17(3), С.107–127. DOI:10.23683/2073-6606-2019-7-3-107-127
3. Тоценко Ж.Т. Парадигмы, структура и уровни социологического знания // *Социология власти*. 2009. N 5. Стр. 7-25 [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigmy-struktura-i-urovni-sotsiologicheskogo-znaniya> (дата обращения: 05.08.2021)

ОТ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МАРКСИЗМА К ОРГАНИЧЕСКОМУ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В УСЛОВИЯХ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Мартыненко Татьяна Сергеевна
МГУ имени М.В. Ломоносова

Вопреки тому, что экологическая проблематика была в поле пристального внимания общественности, политиков и ученых почти всю вторую половину XX века, в начале XXI века человечество продолжает сталкиваться с проблемами, обусловленными экологическими факторами. Так, в 2021 году согласно ООН, мировые цены на продукты питания в августе выросли на 33%. Сегодня многие страны мира сталкиваются с самой дорогой едой, начиная с 70-х гг. XX века [3]. Помимо этого, цены на нефть превышают все мыслимые пределы и ставят серьезные финансовые и энергетические вопросы перед странами многими Европы. Даже пандемия новой коронавирусной инфекции в некотором роде представляет собой проблему экологического характера, поскольку выявляет возможности и ограничения адаптации человеческого организма (иммунитета, в том

числе коллективного) к новым угрозам и рискам инфекционного и неинфекционного характера. Как отмечает в интервью философ Этьен Балибар: «Мы не равны ни в отношении риска, ни в отношении мер, принимаемых для его предотвращения. Резко возросшее неравенство трансформируется в антропологические различия, то есть раскол внутри человеческого вида» [1]. При этом еще в те же 70-х гг. XX в. Г.М. Энценбергер писал, что тенденции развития капитализма таковы, что приведут к росту цен на природные блага (в том числе чистый воздух, питьевую воду и т.д.), что приведет к еще большему социальному разрыву [4].

Как реакция на интенсификацию экологических проблем происходят изменения в социологической теории. Так наряду с популярной во второй половине XX века приставкой «пост» мы все чаще встречаем обновление теоретических подходов приставкой «эко». Одним из таких примеров можно считать эkofеминизм. Даже в тех направлениях, которые некоторое время назад уже обратились к экологическим проблемам, происходят новые трансформации, связанные с попытками учесть новейшие данные и модели в области инвайронментальных наук. Схожий переход мы наблюдаем сегодня в марксистской теории. Если в 70-е гг. XX века оформляется экомарксизм (или экологический марксизм), то сегодня некоторые исследователи предлагают пересмотреть и его ключевые положения, сформулировав новый подход – органический марксизм. Концепция органического марксизма, разработанная Ф. Клэйтоном и Дж. Хайнцекером [2], предполагает необходимость внедрения синтоистских особенностей отношения к природе в план по преодолению факторов экологического кризиса. Концепция авторов не только предлагает альтернативу современному капитализму, но и новым образом описывает специфику марксистской теории.

СОЦИОЛОГИЯ И ЖУРНАЛИСТИКА: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА

Марьяна Людмила Петровна

Санкт-Петербургский государственный университет

К общей теории журналистики относится социология журналистики, которая разрабатывает методологию деятельности современных СМИ [4, с.46]. Важнейшие социологические понятия, главные теоретические направления социологии, ее новые парадигмы используются продуктивно для анализа медиапространства, теоретической интерпретации общественных явлений средствами массовой информации. Опыт развития теоретической социологии в Санкт-Петербургском государственном университете способствовал развитию концепций социологии журналистики [6]. Социальная среда, использование специалистами СМИ данных социологических исследований, методов наблюдения, опроса, интервью, контент-анализа – это то предметно-объектное поле, которое объединяет социолога и журналиста.

Журналистика как социальный институт в системе общественных отношений – один из ведущих агентов социализации. Журналистика как профессия способствует формированию ценностного потенциала общества [5]. В структуре социокультурных коммуникаций журналист занимает особое место, организует духовное общение и формирует политическую, эстетическую, нравственную, экономическую культуру. Важное теоретико-методологическое значение для практики современных СМИ, понимания роли личности журналиста в массовых коммуникациях имеют следующие социологические теории: символический интеракционизм, феноменология, теория институционализации, этнометодология, бихевиористские теории социального научения, конструктивистский структурализм, теория социального действия [2].

Сегодня ученые акцентируют внимание на специфике воплощения театральной концепции коммуникации в медиaprостранстве, которое, во многом, продукт современной культуры и проникает в массовое сознание, в том числе, посредством СМИ [7, с.176-177; 3]. В глобальном мире появляется качественно новая человеческая идентичность – медиаидентичность. В ролевом поведении журналиста и его аудитории, в медиaprостранстве акцент смещается к игре, зрелищу [1, 81-96]. Перформативный поворот в социальном познании, которое нацелено на социальное конструирование реальности, проникает в теорию и практику журналистики. Приоритетным становится одно из ведущих направлений реализации новой эпистемологии в СМИ – использование игры как способа познания мира, теоретические основы этой теории в социологической науке разработаны ученым общества потребления и массовой культуры И. Гофманом.

Безусловно, журналистика начала нового тысячелетия как вид деятельности и область научного знания - неисчерпаемый источник изучения социокультурной динамики, позволяющий увидеть общность генезиса теории журналистики и общей социологии, профессиональной деятельности журналиста и социолога. Духовные ценности, создаваемые журналистами, — продукт культурной среды и одновременно ее преобразователь. Благодаря интегрирующему влиянию общей теории социологии в виде концепций, принципов, категориального аппарата возможно развитие научного знания о журналистике, которое находится в постоянном поиске, динамике.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Медведев Вячеслав Альбертович

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Одной из ключевых особенностей постнеклассической науки является изменение представления об объекте научного исследования, который, пользуясь языком синергетики, уместно будет охарактеризовать в самом общем виде как открытую, саморазвивающуюся, квазиустойчивую систему. Причем при обсуждении этого вопроса в общенаучной перспективе ключевым оказывается даже не системное видение объекта, а понимание того, что он, во-первых, является достаточно сложным, чтобы никакая отдельно взятая теоретическая модель не могла дать его исчерпывающего истолкования. Это положение выражается в принципе теоретико-методологического плюрализма, одним из прочтений которого является, например, идея полипарадигмальности современной социологии. Во-вторых, этот «сложностным» [1] образом понимаемый объект не просто познается, но активным образом взаимодействует с субъектом познания, претерпевая в этом процессе постоянные изменения: исследовательское сообщество перестает быть беспристрастным наблюдателем, вступая в активный диалог с исследуемой реальностью.

Рассмотрим некоторые из наиболее важных методологических проблем, возникающих в этом контексте. Во-первых, это проблема полипарадигмальности – вопрос о сохранении единства теоретико-методологического пространства науки, воспроизводства ее предметной области как единого целого в условиях сосуществования множества теоретико-методологических перспектив.

Во-вторых, это проблема трансляции знания, взаимосогласования результатов исследований в условиях комплексного разделения труда внутри научного сообщества, что ведет к развитию метатеоретической проблематики внутри предметного поля социологии. Появляется целый комплекс методологических проблем, которые прежде

социологами не обсуждались. Одной из важных граней этого процесса является рост междисциплинарного взаимодействия, в том числе между социологией и философией.

В-третьих, это проблема усиления поисковых и прогностических функций социологии в условиях роста неопределенности социальных процессов: идет активный поиск новых методологических решений, связанных с развитием качественной методологии, разработкой исследовательских программ, позволяющих эффективно сочетать качественную и количественную методологию, осуществлять триангуляцию разных научных методов и методологических стратегий как на этапе сбора, интерпретации, так и в ходе концептуализации социологических данных.

Отвечая на вызовы постнеклассической познавательной ситуации, исследовательское сообщество вынуждено уделять пристальное внимание вопросам воспроизводства и развития предметной области социологического познания; сохранению фундаментального потенциала социологии в условиях нарастающей дифференциации и операционализации конкретнонаучного знания; осмыслению процессов взаимного конструирования субъекта и объекта познания и, соответственно, переосмыслению своей роли (и ответственности) в ходе социального конструирования реальности.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РАМКА В ЭМПИРИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ: НА ПРИМЕРЕ ФЕНОМЕНА "МАЛАЯ РОДИНА"

Миронов Денис Викторович
Санкт-Петербургский государственный университет

Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 20-011-00742

Разграничение между теоретическим и эмпирическим уровнем социологического знания, несмотря на все попытки его преодоления [1, с.64-104], по-прежнему оказывает влияние на теоретико-методологический дискурс социологии. Сомнения в необходимости осуществления верификации теоретических построений и эмпирическое исследование без теоретических рамок – это реалии современной социологии. Такая методологическая ситуация в социологии может рассматриваться, как свидетельство незрелости социологии как науки, что стало уже расхожим мнением. Фактически же противопоставление теории и эмпирии в исследовательской практике социологов создало условие для автономного существования этих двух уровней знания об обществе.

Претензии теоретической социологии на автономию обусловлены ходом развития социологии, поскольку изначально она развивалась скорее как социально-философская рефлексия о социальном мире, которая с постепенной выработкой уже научной методологии позволила сформировать собственно социологическое видение социальной действительности. Социальные явления как таковые не даны нам в чувственном опыте, многие из них прямо или косвенно невозможно наблюдать [2, с.10], что создает некоторые сложности в эмпирической фиксации социальных объектов, поэтому здесь и требуется серьезная теоретическая проработка исследуемого объекта перед эмпирическим исследованием. В этом плане можно говорить об обоснованности претензий на автономию со стороны теоретической социологии, поскольку на данном уровне происходит концептуальное оформление социальной реальности. Таким образом, социологическая теория создает условия для проведения научного эмпирического исследования, делая возможным различение социальных явлений и процессов, фиксацию их свойств, определение их онтологического статуса.

В социологии теоретико-методологическая рамка в эмпирическом исследовании, в особенности вопрос, связанный с пониманием природы изучаемого явления, является необходимым инструментом познания, позволяющем говорить о получении именно научного знания о социальных объектах, в отличие от обыденного знания.

Для прояснения этого тезиса обратимся к такому примеру, как социологическое изучение феномена «малая родина», а именно проблема соотношения обыденных представлений о том, что есть малая родина с научным осмыслением этого феномена. Решение этой проблемы позволяет прояснить природу данного социального явления, и здесь возникает проблема выбора как минимум между онтологическими представлениями. Выбор реалистской или номиналистской перспективы, или совмещение их обеих определяет характер теоретико-методологической рамки эмпирического исследования, что позволит создать систему индикаторов (индексов) для эмпирической фиксации феномена «малой родины». Здесь очевидна для социологического познания ситуация онтологической неопределенности, которая не позволяет говорить об истинности или ложности выводов о природе «малой родины», а лишь о правильности или неправильности использования положений выбранной познавательной стратегии для эмпирической фиксации свойств данного явления.

При изучении малой родины возникает необходимость различения этого явления, например, с феноменом «родина». На концептуальном уровне обозначающие эти явления понятия очень близки друг другу, или одно (родина) включает другое (малая родина). Такая ситуация сложилась в практике исследования указанных социальных объектов, на наш взгляд, вследствие превалирования здесь условно логики «социологии порядка (структуры)». При использовании другой теоретической рамки, в нашем случае речь идет о теории коммуникативного действия, можно получить иное видение феномена «малой родины», в особенности соотношение его феноменом «родина».

Таким образом, теоретико-методологическая рамка в эмпирическом исследовании определяет то, куда направлен взгляд исследователя, как он фиксирует характеристики изучаемого объекта, как он определяет его место в рамках социального пространства вообще, в конечном счете, каков онтологический статус объекта.

1. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.

2. Иванов О.И. Методология социологии. СПб., 2001.

ИЗМЕНЕНИЕ ПРАКТИК ЗАБОТЫ О ЗДОРОВЬЕ ПОЖИЛЫХ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ В ПЕРИОД ВЫНУЖДЕННОЙ САМОИЗОЛЯЦИИ ИЗ-ЗА ПАНДЕМИИ COVID-19.

Орех Екатерина Александровна
Санкт-Петербургский государственный университет

Текст подготовлен при поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-013-00770.

Пандемия COVID-19 обозначила слабые места концепции «активного старения», согласно которой интеграция людей старшего возраста в рынок труда и потребления служит основным средством преодоления их социального исключения. Действия властей в свете противозидемических мер обособили людей возрастной группы «65+» в качестве «группы риска». Представители этой достаточно неоднородной по составу группы были вынуждены соблюдать режим длительной самоизоляции, в ходе которого перед ними остро встала проблема адаптации к новым условиям повседневности.

Актуальность изучения практикуемых людьми способов заботы о здоровье в ходе самоизоляции имеет несколько измерений. С одной стороны, сама беспрецедентная ситуация пандемии предполагает изучение её последствий. С другой стороны, важно проанализировать, действительно ли ограничение доступности медицинских офлайн-услуг наряду с ограничением возможности свободного передвижения вне дома влияет на распространение альтернативных, компенсаторных способов заботы о здоровье, и если да – то как именно. Нас интересует, как в период вынужденной самоизоляции представители «группы риска 65+», проживающие в Санкт-Петербурге, заботились о здоровье, какие траектории адаптации сформировались, изменились ли практики, как они изменились. Также важно понять, есть ли различия в практиках заботы о здоровье внутри «группы риска 65+», сконструированной искусственным путём по возрастному принципу.

Отдельно отметим вопросы, возникающие в связи с искусственным конструированием «группы риска 65+». Мы знаем, что возрастные границы переопределяются и сдвигаются в зависимости от цели рассматриваемого. Стремление определить группы по формальному признаку количества лет наталкивается на ряд сложностей содержательного характера, вопрос о границах молодости, старости и т.д. является дискуссионным. Спецификой «группы риска 65+» является её неоднородность, в ней мы видим людей, имеющих очень различающийся опыт.

Негативные последствия введённых в России в марте 2020 года жестких ограничений и самоизоляции, вполне вероятно, имеют варианты компенсации. В частности, можно говорить о возможностях освоения и использования цифровых информационно-коммуникационных технологий, в том числе, применительно к сфере заботы о здоровье. Пандемия COVID-19 актуализировала такое направление, как телемедицина, и значительно расширила рынок её потребителей. Социальные сети предоставляют возможность общаться, получать информацию и поддержку в сообществах, тематика которых связана с тем или иным заболеванием – с каждым днём ширится аудитория «групп поддержки». Современные гаджеты позволяют самостоятельно мониторить состояние здоровья, учитывая давление, пульс и другие параметры. Представляется логичной гипотеза о том, что в силу создавшейся ситуации люди разных возрастных групп были вынуждены осваивать возможности онлайн-коммуникации с врачами, использовать гаджеты для отслеживания параметров своего состояния и формировать новые привычки. Тем не менее, это не очевидно. Интересно ответить на вопрос, кто из неоднородной возрастной группы 65+ восприимчив к современным цифровым медицинским технологиям.

Говоря о разнородности рассматриваемой группы 65+, прежде всего, стоит говорить о работающих пенсионерах и остальных. Работающие пенсионеры, оказавшись в условиях вынужденной самоизоляции, зачастую должны были переходить на удалённую работу и коммуникацию с работодателем онлайн. Предположительно, это как раз та аудитория, которая может оказаться наиболее продвинутой и в других сферах, в частности, в сфере цифровой медицины. Ещё одним фактором, способствующим освоению новых практик, может быть наличие у представителей «группы риска 65+» дачных участков в отдалённых от Петербурга концах Ленинградской, Псковской, Новгородской областях. Многие пенсионеры «спрятались» от пандемии на дачах, столкнувшись при этом с ещё более выраженной оторванностью от возможностей медицинского обслуживания. Границы областей периодически закрывались на въезд без особых оснований, то есть, перемещения были проблематичны. Всё же у тех, кто остался непосредственно в Санкт-Петербурге, было больше возможностей дождаться участкового врача (вызвать платного врача или платно сдать анализы), а также получить помощь волонтеров. Можно предположить, что не сама ситуация пандемии как таковая, а пандемия помноженная на контекст места жительства (и пребывания), затронувшая, например, отдалённые, немногочисленные по населению территории проживания, могла способствовать ускоренному распространению цифровых технологий среди

рассматриваемой возрастной группы. Наконец, можно предположить, что среди «группы риска 65+» может оказаться значимой и возрастная дифференциация. Так, некоторые из цифровых технологий заботы о здоровье могут оказаться более востребованными (а некоторые – менее) в зависимости от пережитого жизненного опыта. Гипотетически для представителей группы, родившихся в военное и послевоенное, сталинское, время могут оказаться более актуальными как настороженное отношение к вопросу распространения информации о себе, так и нежелание оставлять в Сети персональные данные. В связи с этим они могут активно искать информацию медицинского плана в интернете, могут использовать гаджеты для измерения и сбора показателей самочувствия, но не регистрироваться в социальных сетях и на специализированных форумах, не пользоваться сервисами онлайн-записи к врачу и телемедициной.

Согласно анализу серии полуструктурированных интервью с представителями «группы риска 65+» на тему представлений о здоровье и используемых практик заботы о нём (10 интервью взяты осенью 2020 -зимой 2021 гг), едва ли можно говорить об ускоренном вынужденном освоении технологий и формировании нового спектра практик в период самоизоляции. Овладение пожилыми людьми новыми гаджетами, использование социальных сетей для поиска поддержки и совета, обращение к ресурсу телемедицины и т.п. едва ли стоит считать результатом и «заслугой» ситуации, в которую они попали. Наиболее продвинулись в формировании новых привычек и освоении новых способов заботы о здоровье те респонденты, кто был склонен к освоению нового и практиковал это задолго до ситуации пандемии COVID-19. Кроме того, даже солидный опыт респондента в поиске необходимой информации через интернет, в общении в социальных сетях не гарантировал его стремление формировать новые привычки – использование ресурса телемедицины, например. Интересно, что овладение новыми способами заботы о здоровье шло на основе использовавшихся ранее практик и очень избирательно задействовало новые ресурсы. Например, некоторые респонденты освоили видеосвязь и обращались к врачам с её помощью – но только к конкретным, знакомым врачам, тем, к кому ранее они могли схожим образом обратиться по телефону за советом.

В рамках проекта планируется анализ телефонного опроса граждан Санкт-Петербурга (выборка – 800 человек разных возрастов) об их использовании новых цифровых технологий в сфере здоровья.

1. Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. № 2. С. 187-211. 001: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211
2. ВЦИОМ представляет данные опроса россиян о современной науке. Онлайн-ресурс: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauchpop-v-trende> (доступно 10.10.21).
3. Галкин К.А. Медицинские онлайн-форумы для пожилых людей с хроническими заболеваниями: между коммуникацией и знанием // *Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы V междунар. науч.-практ. интернет-конф. (г. Вологда, 23–27 марта 2020 г.): в 2-х частях. – Ч. 1. – Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. С. 167-172.*

ГОРОДСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КООРДИНАТАХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Петрулевич Ирина Анатольевна
Южный Федеральный университет

Кризис идентичности представляет собой проблему, длительное время существующее в обществе. Основу идентичности составляют системы смыслов, традиции, ценности, а потеря человеком ментальных и пространственных ориентиров, характерная для современного мира, оборачивается разрушением традиционных способов обретения «своего» пространства и, как следствие, утратой культурной специфики и исчезновением культурной целостности. Закономерен в этой связи интерес современной гуманитарной парадигмы в целом и социологии, в частности, к поискам новых оснований идентификации личности.

Категория «идентичность места», предложенная Э. Рэлфом [4], позволяет квалифицировать место как такой пространственный сегмент, который соотносится с личностью и воспринимается ею как собственное продолжение. Поэтому современный человек означает свое бытие через пространственные образы окружающего его мира, проецируя на них общемировые тенденции актуализации культурно-исторических и духовных ориентиров. По мнению Э. Рэлафа, любой пространственный опыт имеет в своей основе историю конкретного места, его культуру и социальную структуру [4]. Поэтому обоснование территориальной идентичности с позиций социологии связано с проблемой социокультурного пространства.

Как физическая и ментальная объективация организации пространства человеком, социокультурное пространство имеет знаковую природу, обусловленную социокультурными особенностями конкретной территории [2]. Такие характеристики наиболее репрезентативны в социокультурном пространстве города: личность развивается в этой предметно-пространственной среде в течение жизни, это территория, «в которой зафиксирована коллективная память людей, символические архетипы и системы мировоззренческих образов» [3, 63]. Коммуникативная парадигма социальной деятельности личности образует семиотическую систему социокультурной практики в определенных территориальных границах [2].

Городская идентичность имеет гетерогенную природу, т.к. город характеризуется постоянной динамикой, а его социокультурное пространство аккумулирует в себе нормы и ценности различных социальных групп, при этом городская идентичность формируется за счет социализации во внутригородском сообществе, в этнической группе и пр. Городская идентичность субъективна: у жителя города есть ««свой город» (связанный с субъективными переживаниями и воспоминаниями, с местами, имеющими личное значение) и существует «наш город» (это коллективный образ города, субъектом которого является городское сообщество, члены которого идентифицируют себя с ценностями данной территории)» [1]. Основу городской идентичности составляет конструирование топоса, трактуемого как пространство взаимодействия и освоения разноуровневого потенциала конкретной территории, что, в конечном счете, определяет и личностную идентичность горожанина.

1. Дягилева Н. С. Теоретические аспекты городской идентичности [Электронный ресурс]. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/22420/1/geobrand-2013-12.pdf>
2. Орлова Е. В. Социокультурное пространство: к определению понятия [Электронный ресурс] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (81). С. 149-152

3. *Регионы России в XXI веке: пространственные измерения и социальные трансформации: коллективная монография / отв. ред. А. В. Иванов. Саратов: Издательский центр «Наука», 2015. 240 с*
4. *Ralph E. Place and placelessness. L.: Pion, 1976. 156 p*

АНОМИЯ ПОКОЛЕНИЯ А НА ЗАРЕ ПОСТЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Плетнев Александр Владиславович

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

Социологическая теория поколений стала важным инструментом анализа социально-демографических характеристик. В настоящий момент мы наблюдаем феномен появления поколения Альфа, которое будет отличаться уникальными характеристиками. Уникальность данного поколения заключается в особом характере реально-виртуального конструирования жизненного мира. Этот процесс впервые станет коллективным, а не индивидуальным процессом.

Ключевые слова: поколение А, аномия, социальное конструирование реальности.

Термин «поколение А» был предложен австралийским исследователем Марком МакКриндлом, который относил к этому поколению детей, рожденных после 2010 года [2, 22-23]. При этом в науке еще нет устоявшегося определения поколения А. Мы предложим такое определение на основе социальных характеристик данного поколения. Поколение А отличается двумя характеристиками, которые они унаследовали от предыдущего поколения Z. Прежде всего они не различают реальное и виртуальное пространство. Для обозначения такого единого пространства был предложен термин «фиджитал», образованный от слов physical и digital [1, 31]. Вторая характеристика — это совместное реально-виртуальное конструирование мира. Для поколения А жизненный мир становится не индивидуальным, а коллективным, поскольку их жизненный опыт и осмысление мира происходит не только в их голове, но и в цифровом пространстве (социальных сетях, коммуникаторах и пр.).

Эти общие моменты порождают и два специфических отличия поколения А. Во-первых, они лишены сильного конфликта поколений из-за своего активного участия в цифровом взаимодействии, поскольку цифровое пространство уже знакомо их родителям и является для них естественным. Во-вторых, это первое постцифровое поколение. Если на протяжении последних четырех десятилетий цифровые технологии активно развивались и сильно меняли общественную жизнь, то поколение А родилось в условиях уже установившейся цифровизации и воспринимает ее как нечто естественное. С точки зрения поколения А процесса цифровизации нет, они дети цифровых аборигенов. Их будут волновать уже другие процессы. Возможно, новым господствующим трендом социальных наук станет осмысление технологий связи мозга и компьютера [3].

Для поколения А социальный мир будет отличаться не только большими возможностями, но и новыми угрозами. Ввиду погружения в цифровое пространство и мгновенной передачи контента ценности и нормы разных культур будут одновременно существовать в дискурсивном пространстве и жизненном мире поколения А. Поскольку эти культуры основываются на разных, противоречащих друг другу ценностях, поколение А столкнется с ценностным кризисом и аномией.

1. *Mamina R. I., Toistikova I. I. Generational Issues in the Digital Age: Philosophical Projection // Discourse. 2019. Vol. 5, № 6. 29-41 pp. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-6-29-41*
2. *McCrimble M., Wolfinger E. The of XYZ: Understanding the Global Generations. University of New South Wales Press. 2011. – 208 p.*

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ А. МОЛ «МНОЖЕСТВЕННОЕ ТЕЛО: ОНТОЛОГИЯ В МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКЕ»

Рафикова Ксения Фуатовна
РАНХиГС при Президенте РФ

Исследование Аннмари Мол (этнограф и философ из Нидерландов, профессор антропологии тела Университета Амстердама) «Множественное тело: Онтология в медицинской практике» относится к периоду онтологического поворота в STS, когда произошло изменение в научном интересе, заключающееся в переходе от эпистемологии к онтологии (приоритет изучения не точки зрения на вещи, а самих вещей). В качестве основной задачи исследования можно говорить о выявлении и распутывании самого процесса создания тел и атеросклерозов в одном университетском госпитале в Нидерландах.

Свое исследование А. Мол относит к области эмпирической философии, придавая ему вид некоторого «упражнения» [1, 29-33]. Наблюдения в рамках этого упражнения нужно воспринимать как попытку выявить стандарты и приемы медицинской практики, а не как повод применять собственные [1, 30-31]. А. Мол не ставит здесь практической цели или оценки работы системы здравоохранения, а скорее намерена показать интересующий ее процесс изнутри. Тем не менее, ее работу вряд ли можно назвать полностью нейтральной.

Это осторожная попытка наметить путь к нетривиальным отношениям между объектами, которые *делаются*, открывающая дорогу огромному количеству новых вопросов и исследовательских перспектив [1, 34]. А. Мол напоминает, что «основной тезис не в том, что атеросклерозов больше, чем один, а в том, что есть множественность. До тех пор, пока практические аспекты осуществления болезни остаются «не заключенными в скобки», варианты «атеросклероза» множатся» [1, 90].

В тот момент, когда мы начинаем распутывать онтологию-в-практике, не остается никаких устойчивых переменных. Все переменные от места к месту меняются. Несомненным чудом является то, что несмотря на это, практики сохраняют связность и мы остаемся способными действовать [1, 191-194].

Это новая ось в виде изучения практики, «разом охватывающая молекулы и деньги, клетки и переживания, тела, скальпели, улыбки и разговоры обо всем этом» [1, 210]. Онтология становится множественной, а объекты, которые осуществляются, не подчиняются отношениям иерархии. Существует некоторая демократия по отношению к исследуемой реальности: ни одному из ее уровней не отдается предпочтение перед другими, а осуществляемые объекты и практики медицинской диагностики и вмешательства принадлежат друг другу – они «переплетены» [1, 212].

А. Мол утверждает, что поворот к изучению практики привел нас к новому вопросу, вытекающему из ситуации неопределенности мира и постоянного изменения реальности. «*Как жить с сомнением*» и при этом все равно сохранять способность действовать [1, 219-220]? Дискуссия остается открытой.

А. Мол не обращается к исторической ретроспективе исследования атеросклероза как заболевания (что является одной из характеристик акторно-сетевой теории, в частности), но в то же время детальным образом показывает картину одного случая «изнутри».

М.М.КОВАЛЕВСКИЙ: РОДОНАЧАЛЬНИК ПЛЮРАЛИЗМА В РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ, НАУЧНО ОБОСНОВАННОГО В СФЕРОНИКЕ

Семашко Лев Михайлович
Гандианский Глобальный Союз Гармонии

Великий русский социолог М. М. Ковалевский (1851- 1916) впервые в России начал утверждать необходимость плюрализма в научной, не идеологизированной социологии, обоснованно отвергая всякий монизм, прежде всего марксистский монизм первичности материи в природе и экономики в обществе, провидчески оценивая его как «роковую ошибку» и «наивное упрощение» [1, 19; 2, 8-14]. Гениальный дореволюционный прогноз ученого был всецело подтвержден в XX веке практикой падения СССР, доказавшей ненаучность марксизма.

Ненаучный в принципе монизм, абсолютизирующий одну из частей любой реальности, исключает возможность научной макросоциологии на основе многомерной генетической социальной структуры, адекватной многомерной целостной плюралистической реальности социального мира. Эта структура и ее наука не найдены до сих пор, но к ним существует ряд приближений. Одно из первых исторических приближений к ним принадлежит плюрализму Ковалевского. Он не определял качество и количество социально необходимых и достаточных факторов общественной жизни, но он видел их холистический смысл и результат в обеспечении социальной солидарности людей, их взаимопомощи, сотрудничества и мирной жизнеспособности человечества в целом. Эти качества, по его убеждению, исключают разрушительную борьбу классов, их войны и деградацию, замещают деструктивные революции созидательной эволюцией [1; 2].

Учение о фундаментальной мирной солидарности, исключающей борьбу и войну, развивается Ковалевским в рамках его генетической плюралистической социологии, опирающейся, прежде всего, на «замиренную» социальную структуру населения, на базе которой возникают все социальные регуляторы: религия, мораль, право, государство и т.д. [3, 62-63; 1, 97-99]. Вся история и весь социогенез человечества предстает у него как расширение и углубление мирной солидарности населения, который увенчивается у него «конечным единством человеческого рода» и социальной гармонией всех частей плюрального общественного целого [4, 256-260]. Поэтому он стал в России первым принципиальным социологом-миротворцем, основателем и научным активистом пацифизма в стране, отвергал насильственное разрешение конфликтов, хотя и делал противоречивое исключение для некоторых «необходимых войн» прошлого [5, 9].

Фундаментальное научное развитие и глубокое целостное объяснение миротворческие идеи плюралистической социологии Ковалевского находят в тетризме сфероники [6] на основе макросоциологического «Ньютоновского закона варн/сферонов ненасилия» Махатмы Ганди [7, 141-187], составляющих вечную социогенетическую структуру мира/солидарности человечества. Эта миротворческая объективная структура человечества, обладающая фундаментальными атрибутами холистичности, нелинейности, термодинамичности, фрактальности, недоступными частичному мышлению традиционной социологии, стала доступна научному постижению в мышлении сфероники, развиваемой более 45 лет [8; 9; 10; 11; 12]. Но она еще не признана в официальной фрагментированной социальной науке, как почти век табуируется фундаментальное Гандианское макросоциологическое открытие варн/сферонов ненасилия человечества [13]. Сфероника снимает ряд противоречий генетической

социологии Ковалевского и обеспечивает ей и ее миротворческим идеям научное развитие на новом уровне мышления.

1. Ковалевский, М. М. *Социология. В 2 т. Т. 2. Генетическая социология или учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности* / М. М. Ковалевский. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. – 296 с.
2. Ковалевский, М. М. *Современные социологи* / М. М. Ковалевский. – СПб. : Изд. Л. Ф. Пантелеев, 1905. – 413 с.
3. Ковалевский, М. М. *Социология. В 2 т. Т. 1. Социология и конкретные науки в обществе. Исторический очерк развития социологии* / М. М. Ковалевский. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. – 300 с.
4. Ковалевский, М. М. *Прогресс* / М. М. Ковалевский // *Вестник Европы*. – 1912. – No 2. – С. 225–260.
5. Николаев Н. Ю. *Миротворческие взгляды М. М. Ковалевского в начале XX в.* *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. – 2014. – № 3 (27).
6. Семашко Л. *Сфероника. 2021 Глобальный Интеллектуальный Прорыв: Коперниканская научная революция миротворчества*. - URL: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=918
7. Gandhi, M. *My Religion*. - Ahmedabad. India. 1955. - URL: <http://gandhisevagramashram.org/pdf-books/my-religion.pdf>.
8. Semashko L. and GGHA. *Global Peace Science of Spherons*. - Delhi. 2016. 624 p. – URL: <https://peacefromharmony.org/docs/global-peace-science-2016.pdf>
9. Семашко Л. и др. *Антиядерный Манифест*. – Санкт-Петербург. Изд-во «Страта». 2020. 100р. – URL: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=819
10. Семашко Л. и др. *«Полная ликвидация ядерного оружия» в Гандианском «Антиядерном Манифесте»*. - 2021 - URL: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=919
11. Семашко Л. и др. *Гандианское Мировое Просвещение Сферонов*. - URL: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=867
12. Семашко Л. и др. *Махатма Ганди: точка отсчета ненасилия. Генетика и статистика сферонов. ГАНДИКА. / Л. М. Семашко [и др.]. – Санкт-Петербург : Изд-во «Радуга», 2019. 252с. – URL: https://peacefromharmony.org/docs/Makhatma-Gandi-Tochka-otscheta-nenasiliya_-Genetika-i-statistika-sferonov_-GANDIKA-2019.pdf*
13. Семашко Л. и др. *Табуированный Ганди*. - URL: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=922

СФЕРОНИКА: ХОЛИСТИЧЕСКАЯ МАКРОСОЦИОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ СФЕРОНОВ МИРНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ

**Семашко Лев Михайлович,
Авери Джон Скайлес (университет Копенгагена, Дания), Рудольф Зиберт
(Университет западного Мичигана, США), Кашина Ольга Николаевна, Смирнов
Андрей Анатольевич (Новгородский университет)
Гандианский Глобальный Союз Гармонии**

Гандианский Глобальный Союз Гармонии (ГГСГ) - Международная миротворческая организация, объединяющая более 600 ученых гуманитариев и миротворцев из более 50 стран, включая 5 лауреатов Нобелевской премии мира, за 16 лет, с 2005 года, своей научной работы создала первую «Науку глобального мира сферонов» [1; 2] или кратко «Сферонику» [3; 4]. Она призвана дать научный, холистический ответ на глобальный геноцидный вызов ускоряющейся гонки ядерного оружия, которая поставила человечество «на край бездны», по словам Генсека ООН [16].

«Сфероника» – холистическая макросоциология, гуманитарная Мегасайенс, трансдисциплинарная для всего социогуманитарного научного знания, сознания и мышления, рефлексирующая универсальную социогенетическую реальность четырех необходимых и достаточных сферононов/акторов человечества, обеспечивающих его жизнь в глобальном мире, любви, гармонии и ненасилию, исключая войны, насилие, конфронтацию и милитаризм. [4].

Сфероника прошла долгий, сложный и трудный путь развития более 45 лет, с 1975 года. Первый ее этап обобщен в книге «Сферный подход» 1992 года, в которой она нашла первое название, определение и терминологию [5]. Ее теоретическую основу составляет величайшее социальное открытие Махатмы Ганди почти век назад, в 1927 году макросоциологического холистического «Ньютоновского закона варн/сферононов, составляющих величайшую силу ненасилия человечества, более мощную чем самое мощное [ядерное] оружие разрушения» [6, 141-187: 7]. Этот закон, табуированный почти век [8], на «краю ядерной бездны» становится приоритетно актуальной классикой теоретической социологии для выживания человечества. Он определяет соответствие инновационной сфероники контексту модернизационного тренда.

Второй ее этап нашел обобщение в книгах более фундаментального теоретического ее обоснования, которые объединяются понятием «Тетрасоциологии» как плюралистической тетрарной макросоциологии [9; 10; 11; 12]. Опыт социологического образования студентов в этой науке за 10 лет отражен здесь [10; 11].

Третий этап ее развития получил обобщение в коллективных 10 книгах и 80 миротворческих проектах ГГСГ сотен его соавторов из десятков стран [13]. Венчают эту серию работ две книги. Первая посвящена эмпирическому обоснованию сферононов мировой статистикой. Оно подтверждает социогенетический характер сфероники и обеспечивает ее статистическим инструментарием универсальной цифровизации [14]. Вторая - Гандианский «Антиядерный Манифест» ГГСГ [15], представленный всем 196 национальным миссиям Генеральной Ассамблеи ООН в 2020 и 2021 годах [16]. За эти работы, ГГСГ и ее лидер были номинированы западными гуманитариями трижды (2013, 2017, 2020) на Нобелевскую премию мира [13].

Четвертый этап ее развития начинается с 2021 года, когда она получила наиболее адекватное название «сфероника», определение ее уникальных характеристик как холистической, нелинейной, термодинамической и фрактальной науки, формулировку ее основных законов, комплекса ценностей, кластеров обоснования и десяти преимуществ [17], обеспечивающих мир, устойчивое развитие, процветание как России, так и всех народов.

1. Semashko L. and GGHA. *Global Peace Science of Spherons*. - Delhi. 2016. 624 p. – URL: <https://peacefromharmony.org/docs/global-peace-science-2016.pdf>
2. Семашко Л. и ГГСГ. *Наука глобального мира сферононов*. – Санкт-Петербург : ИИУ, 2015. – 432 с. – URL: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=606
3. Семашко Л. и др. «Полная ликвидация ядерного оружия» в Гандианском «Антиядерном Манифесте». - 2021 - URL: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=919
4. Семашко Л. *Сфероника. 2021 Глобальный Интеллектуальный Прорыв: Коперниканская научная революция миротворчества*. - URL: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=918
5. Семашко Л. *Сферный подход*. - Нота Бене. 1992. Санкт-Петербург. 368 с. – URL : https://peacefromharmony.org/file/5162/1992-semashko-sferniy_podhod.pdf
6. Gandhi, M. *My Religion*. - Ahmedabad. India. 1955. - URL: <http://gandhisevagramashram.org/pdf-books/my-religion.pdf>
7. Семашко Л. и др. *Гандианское Мировое Просвещение Сферононов*. - URL: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=867
8. Семашко Л. и др. *Табуированный Ганди*. - URL: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=922

9. Семашко Л. Социология для прагматиков. От монизма к тетрализму. Учебное пособие. - Ч.1. СПб. Европейский Дом, 1999, 376 с. - URL: <http://peacefromharmony.org/docs/sociologiya-dlya-pragmatikov.pdf>
10. Семашко Л. Тетрасоциология - революция социального мышления, путь гармонии и процветания. – «Сударыня». СПб. 2000. 168 с.
11. Семашко Л. Тетрасоциология: ответы на вызовы. - СПб, Изд-во ТУ, 2002, 208 с. – URL: http://www.peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=118
12. Семашко Л. и др. Тетрасоциология: от социологического воображения через диалог к универсальным ценностям и гармонии. - СПбГПУ, 2003, 396 с. – URL: http://www.peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=172
13. Семашко Л. Список книг и проектов ГТСГ с 2005 года. – URL: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=496
14. Семашко Л. и др. Махатма Ганди: точка отсчета ненасилия. Генетика и статистика сферонов. ГАНДИКА. /Л. М. Семашко [и др.]. – Санкт-Петербург : Изд-во «Радуга», 2019. 252с. – URL: https://peacefromharmony.org/docs/Mahatma-Gandi-Tochka-otscheta-nenasiliya_-Genetika-i-statistika-sferonov_-GANDIKA-2019.pdf
15. Семашко Л. и др. Антиядерный Манифест. – Санкт-Петербург. Изд-во «Страта». 2020. 100р. – URL: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=819
16. Семашко Л. и ГТСГ. Сфероника: гуманитарная мегасайенс сферонов человечества. 2021. - URL: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=916
17. Семашко Л. и др. Непреодолимые преимущества научной концепции сферонов. – 2021 – URL: https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=908

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ СТАТЬИ П. БУРДЬЁ «ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ»

**Семенова Мария Сергеевна,
Дзизель Семен Владимирович**
*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации*

Введение

Одно дело: попробовать раскрыть специфику формирования общественного мнения, другое же: подтвердить или опровергнуть утверждение П. Бурдьё о том, что «общественного мнения не существует». Над первым вопросом можно долго размышлять, на второй достаточно было бы дать односложное «да» или «нет». Будем думать, анализировать и сопоставлять, дабы сформировать свое мнение.

Жан Бодрийяр обозначил в своем трактате «Символический обмен и смерть» (1976 г.), что общественное мнение – «это фантастическая гиперреальность, которая жива только благодаря манипулированию и монтажу в ходе тестирования» [1, 387]. Однако, как можно примириться с тем, что общественного мнения нет, если имеются его исследователи. Например, советский и российский социолог М.К. Горшков называл общественное мнение отражением массового сознания, выражающего отношение совокупности людей к явлениям социальной действительности в зависимости от их интересов и потребностей [2, 367]. Мы бы не отказывались не от одной из вышеуказанных позиций по поводу общественного мнения. Можно предположить, что, даже не существуя в действительности, оно все равно наблюдается.

Таким образом, общественное мнение представляется неким социальным конструктом. Авторы книги «Социальное конструирование реальности» П. Бергер и Т. Лукман описали его, как позитивное знание, которое может быть получено исключительно путем научного изучения [3, 323]. Следовательно, только признав, что общественного мнения нет, возможно понять, что оно из себя представляет. Важна

непредвзятость исследователя, его абстрагирование от темы, тогда получится пронаблюдать, как объект изучения сам себя проявляет. В рассматриваемом случае, общественное мнение появляется в результате социологических опросов, которые могут расцениваться как достоверные данные при должном обращении исследователя к рефлексии. Р. Мертон выделил совокупность моральных императивов под названием «Этос науки», устанавливающих норму поведения в научном сообществе. Прежде всего, это универсализм, то есть рассмотрение итога деятельности непосредственно по его содержанию. Затем автор называет коммунизм, иными словами доступность результатов всем интересующимся. Признается крайняя важность бескорыстности исследователя и его определенный скептицизм в равной степени как по отношению к коллегам-ученым, так и по отношению к себе самому [4, 61-80]. Мы же делаем акцент именно на возможности рефлексирования. Без сомнения, у каждого человека - будь то ученый, проводящий опрос, или рядовой гражданин-респондент, подходящий по выборке - должна быть своя позиция. Только исследователю необходимо четко ее для себя установить, чтобы во время работы знать, от каких личных ценностей надо на время отстраниться, а респонденту, в свою очередь, не поддаваться полному доверию ученым, сохранять свое критическое мышление.

Общественное мнение – это совокупность мнений уникальных, которые исследователи априори принимают и отражают в общем деле – в науке. Без той или иной формы выражения и восприятия общественного мнения, его действительно не существует, собственно, как и провозгласил Бурдьё. Предлагаю проанализировать аргументы этого социолога, доказывающие невозможность существования общественного мнения, быть может, тогда прояснится и его наличие? Кто знает? Давайте будем наблюдать, как было заявлено еще в первом абзаце.

II. Предпосылки выхода в свет статьи Бурдьё «Общественное мнение не существует»

Выделение общественного мнения в качестве относительно самостоятельного направления исследований стало возможно благодаря следующим факторам:

Развитие капиталистического производства обозначило необходимость изучения потребительского спроса и эффективности рекламы в борьбе за потребителя;

Институты демократии, феномен политического противостояния заложили основы формирования исследований электорального поведения, политических предпочтений и путей воздействия на мнение населения с помощью пропаганды;

СМИ и, в частности телевидение, послужили сильным импульсом для опросов общественного мнения. Особое внимание вызывали работы по выявлению интересов аудитории;

Уровень культуры и образования неизменно рос, все больше становился круг интересующих людей тем.

Мало того, что общественные опросы демонстрируют изменчивые показатели, так еще и само по себе понятие «общественное мнение» не отличается постоянством. Вплоть до 60-70-х гг. не было выведено какого-либо универсального определения, существовала только совокупность соперничающих друг с другом дефиниций. Сама технология проведения социологических опросов зародилась в США в 1935г., это было воплощение идеи Гэллапа о быстром и недорогом способе узнать мнение людей по поводу какого-либо вопроса. Опросы общественного мнения были задуманы для укрепления института демократии [5, 72-90]. Но все же мы сфокусируем наше внимание на распространении данной технологии во Франции, чтобы лучше понимать, как действительность тех лет повлияла на выход статьи II. Бурдьё «Общественного мнения не существует». Первый институт общественного мнения во Франции (ФИОМ) был основан в 1938 г. Ж. Стецелем. Примерно первые 20 лет своей работы институт занимался вопросами исключительно в рамках социологии, он пытался выработать приоритетные для себя направления, выбирая между путем эмпирических исследований, предполагавших количественные измерения

поведения социума, и путем внутренней и по преимуществу теоретической работы, связанной с рефлексивным анализом. Первый вариант – приобщение к научному опыту США, второй – больше походит на самобытный французский. Несмотря на такую интенсивную борьбу, в нее не вовлеклись новые акторы, так что вплоть до 1960 года ФИОМ не имел ни одного аналога во Франции, а что касается практики проведения опросов в области политики, то она была конфиденциальной и маргинальной. В те годы институт общественного мнения изучал вопросы семьи, жилья, миграций, восприятия стоимости жизни и т.д.

Положение дел кардинально изменилось в 60-е гг. XX века, когда опросы вошли в жизнь политическую. В 1958 г. Национальный Фонд политических наук, при содействии фонда Рокфеллера, в первый раз заказывает институту общественного мнения опрос об «установках и поведении избирателей» в ходе референдума и выборов 1958 г. Напомним, что именно этими голосованиями будет отмечено рождение V-й Республики. Спустя 2 года ФИОМ поделился со специалистами результатами исследования, показывающими, какие факторы влияют на то или иное поведение избирателя. Отсюда вывод: узнав, что определяет политический выбор, логично последующее продолжение изучения уже средств оказания влияния на решения...

Таким образом, начиная с 70-х гг. «общественное мнение» стало понятием с неотъемлемым политическим содержанием. Стремительно стала разрастаться сеть институтов социологических исследований (БВА в 1970 г., ИПСОС в 1975, Луи Харрис в 1977 и т.д.), дело приобрело коммерческую выгоду. Предшествующее примерное представление о сущности общественного мнения допускало и некоторую расплывчатость, и интуитивность, но после 70-х гг. последней инстанцией становится опрос.

Когда основатель ФИОМ Ж. Стецель заявил, что «общественное мнение» - данные социологических опросов, в действительности он лишь признал отсутствие у данного понятия научного основания, и вместе с тем привнес собственный университетский авторитет в поддержку возникновения нового коллективного верования, делающего институты опросов единственными инстанциями, способными сказать, что общественное мнение есть.

III. Анализ статьи П. Бурдые «Общественное мнение не существует»

Работа была опубликована во французском журнале «Les Temps modernes» в 1973 г., то есть как раз во время качественного перехода понятия «общественное мнение» в политический дискурс. В условиях усложнения средств коммуникации – процесса, идущего параллельно с техническим прогрессом, дистанцируется общение на уровне человек-человек, обязательно что-то выступает теперь посредником. Но может ли это промежуточное звено передать все с точностью от одного субъекта другому? Наверное, это маловероятно. П. Бурдые поднимает проблему опроса, как не просто посредника в конструктивном диалоге между обществом и исследователем, за которым может стоять заказчик (государство, фирма и т.д), а как полноправного социального института, который уже сам в себе содержит информацию, которую хотели одни сказать, а другие – узнать. Вот, финальная фраза статьи социолога: «Общественное мнение в том значении, какое скрыто ему придается теми, кто занимается опросами или теми, кто использует их результаты, только это, уточняя, общественное мнение не существует».

Итак, в своем труде автор оспаривает три постулата, неявно задействованных в опросах общественного мнения:

Каждый человек может иметь свое мнение, то есть любой способен думать самостоятельно и принимать решение, позицию по тому или иному вопросу;

Каждое отдельно взятое мнение имеет силу, вне зависимости от того, кто его высказывает: человек, который специализируется на изучении этой темы или случайный «специалист» во всех возможных и невозможных сферах;

Стоит задавать тот или иной вопрос, так как ответы на него выразит согласованную позицию большинства. Априори имеется согласие в обществе по интересующей исследователя проблематике.

Все вышеуказанные постулаты являются взаимосвязанными, они подвергаются сомнению и опровергаются в комплексе. П. Бурдье утверждает, что «эффект консенсуса достигается путем игнорирования позиции «отказ от ответа». Очень удобно брать в расчет только четкие ответы, пренебрегая отказами, поэтому принято считать, что определенное мнение есть у всех. Однако, если бы эти респонденты согласились ответить, то вполне вероятно, изменилось бы и распределение сил в пользу того или иного ответа. Отказавшихся от ответа не берут в расчет еще и по причине неминуемого расширения исследования, дополнительных затрат, в то время как заказчику это совершенно не нужно. В результате уже отдельных исследований выяснились такие интересные детали, как: 1) в основном отказываются от ответа женщины, притом, больше игнорируются политические вопросы; 2) в зависимости от принадлежности тематики вопроса к проблемам знания и познания, велик разрыв между отказавшимися от ответа образованными и малообразованными, что не отражается при анализе ответов на вопросы этического характера; 3) явно видны отдельные категории не ответивших граждан, если вопрос касается какой-то конфликтной темы, затрагивает противоречия определенных групп населения. Из всего следует, что анализ «отказов от ответа» дает понимание значения вопроса, а также выявляет интересы определенных групп респондентов.

Конечно, уж слишком идеалистично представление о наличии у каждого мнения по поводу любого вопроса. В опросе респонденту может встретиться положение, над которым он никогда не задумывался. Таким образом, человеку навязывается проблематика. Человека застают врасплох вопросом, поэтому он может дать интервьюеру поспешную и необдуманную интерпретацию. Так, Бурдье пишет, что вопросы, изначально ставящие в фокус моральную проблематику, трактуются многими людьми высокого социального статуса, как политические, напротив, чем ниже положение человека в социальной иерархии, тем вероятнее, что он воспримет те же самые вопросы уже как этические. Как предполагается, каждый опрос должен четко представлять политические вопросы политическими, моральные вопросы моральными, потому как от формулировки вопроса напрямую зависит ответ. Не менее важно, чтобы тематика категорий, применяемых к трактовке результатов опроса, совпадала с тематикой вопросов. Но в реальности не отменить эффекта трансформации одного смысла в другой в голове респондента. Мы рассмотрели, как это происходит в зависимости от образования, от социального статуса, от пола человека. Ровным счетом можно разделять мнения по политической компетенции, которая варьируется в соответствии с полученным человеком образованием.

Бурдье использует понятие политической компетенции и «классового этоса» для характеристики принципов производства общественного мнения. Под «классовым этосом» автор подразумевает воспитанную с детства систему внутренних установок и ценностей, которая в дальнейшем определяет отношение людей к встающим перед ними вопросам. Это подводит нас к мысли, что масса ответов, отнесенных к результатам по политической проблематике, по факту согласуются с классовым этосом личности и при переводе данных на язык политики, осмыслении посредством политических категорий неминуемо произойдет искажение значения вложенного респондентом смысла.

По мнению Бурдье, принцип политической компетенции и «классовый этос» не порождают мнение, они лишь демонстрируют предрасположенность, склонность к позиции. Таким образом, они не могут сформировать общезначимого мнения, потому как сами по себе являются единицами, никоим образом не соотносимыми с другими единицами. Это как если складывать буквы и числа, в сумме не пропадет ни одно из слагаемых, а уж процент просто так к этому арифметическому выражению точно не припишешь.

Из статьи Бурдьё можно сделать вывод о том, что нужно сделать для проведения опроса общественного мнения:

Обозначить, насколько проблема значима в обществе, обсуждается она или находится вне внимания общественности. Ведь если вопрос мало кого интересует, то не может быть по нему согласованного мнения. К тому же не удастся избежать смысловых искажений, респондент будет проецировать свой ответ на то, что его волнует;

Перед проведением опроса необходимо осведомиться о компетентности респондентов по задаваемому вопросу. Ошибочно суммировать мнения людей сведущих с мнениями тех, кто не имеет никакого представления о поднятой опросом проблеме.

Подытоживая анализ статьи П. Бурдьё «Общественное мнение не существует», можно попробовать вывести основную мысль: вопреки громогласному утверждению автора в заголовке труда, он не отрицает наличие мнения социума, но с некоторыми оговорками. Первый момент заключается вновь в самом понятии, мнение должно быть единым, общим, а не совокупностью суждений, этических и политических предрасположенностей отдельных людей, варварски объединенных в единый процент. В своих последующих статьях от 1976 и 1977 гг. Бурдьё подтверждает мысли, нашедшие выражение в статье 1973г., и пишет о возможности личности формировать личное мнение согласно своему образованию, социальному статусу, набору ценностей, роду занятий и т.д. Следующая ключевая мысль состоит в бережном отношении к изучаемой проблеме. Как известно, вопрос удаётся только в том случае, если ты не знаешь ответ. Может быть, банально проговаривать эту истину, но в своей простоте она раскрывает главный принцип успеха опроса. Исследователь должен интересоваться, обдумывать, взвешивать и сопоставлять. Любая наука не терпит предвидения (поиск только подтверждения догадки исследователя) и «недовидения» (упущение важных деталей и упрощение путем общей классификации).

IV. Заключение

Во введении мы вдохновились попыткой подтвердить существование общественного мнения через его отрицание у Бурдьё. Но как выяснилось в ходе написания нашей работы, автор статьи «Общественное мнение не существует» не заключает, что его нет. Напротив, как нам показалось, мыслитель признает данностью факт существования мнения социума и именно поэтому строжайше, через приставку - «не» - предостерегает от грязного пользования этой анонимной мощью. Общественное мнение - категория высокой ответственности, поскольку она представляет множество людей, имеет широкую сферу влияния: от науки до политики и обратно через экономику. Мнение социума невозможно в бездушном пространстве, оно само по себе не существует, его надо выражать, но избегать подражаний. Социологический опрос - это достойный способ обозначения позиции, равно как и большой соблазн использования его в корыстных целях. Однако, как я выяснила, настоящий научный опрос общественного мнения не будет ставить своей задачей репрезентацию позиции большинства (пусть это остается делом политиков), наоборот, он будет стремиться отобразить разнородность мнений, составляющих внешне монолитные 90 %.

1. Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть* / Ж. Бодрийяр; перевод на русский язык и вступительная статья: С. Н. Зенкин. – Москва: Добросвят, 2000. – 387 с.
2. Горшков М. К. *Общественное мнение: История и современность* / М.К. Горшков. - Москва: Политиздат, 1988. - 367с.
3. Бергер П. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания* / П. Бергер, Т. Лукман.- Москва: Медиум, 1995. – 323 с.
4. Мирский Э.М. *Развитие мертоновской парадигмы в 60-е и 70-е годы // Современная западная социология науки.* 61–80с.
5. Гэллар Дж., Рэй С. Ф. *Пульс демократии. Как работают опросы общественного мнения.* М.: ВЦИОМ, 2017. – 72 -90с.
6. Бурдьё П. *Социология политики* / П. Бурдьё; перевод с французского: Г. А. Чередниченко. –Москва: Socio-Logos, 1993. – 336 с.

7. Шампань П. *Делать мнение: Новая политическая игра*/ П. Шампань; перевод с французского: Осипова Н.Г. -Москва: Socio-Logos, 1997.–317 с.
8. *Философия науки. – Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков*, Институт философии РАН; [авт.-сост. Л.П. Киященко, И.К. Лисеев, О.К. Румянцев]. – Москва, 2005. – 341 с.

РЕРУТИНИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЦИФРОВОГО

Сергеев Василий Сергеевич
Санкт-Петербургский государственный университет

В статье представлены результаты исследования, выполненного за счет средств гранта Российским научным фондом (грант № 21-18-00125)

Механизмы повседневности в современном обществе требуют от исследователя максимальной гибкости при выборе методологического решения. Многие из классических концептов, как, например, рутинизация социальных практик, пересматриваются и уточняются по мере развития социологической теории и изменений наблюдаемой социальной реальности. Это особенно актуально для крупных мегаполисов, где потоки реального и виртуального могут быть рассмотрены как эмерджентные ввиду их несводимости к сумме собственных свойств [3].

Цифровизация как предпосылка поствиртуализации показывает нам, с одной стороны, дуальность виртуального и рутинного, а, с другой, дуализм дерутинизации и рутинизации виртуального. Виртуальное, имеющее свойства реального, уже не просто виртуальное, а новая рутина [1]. В то время как реальное, имеющее свойства виртуального, претендует на то, чтобы называться новым игровым полем. Взаимопроникновение реального и виртуального стоит рассматривать не только как процесс конвергенции [2]. Подобная взаимность лишает их элемента различия не только на уровне символов, но и на уровне органов чувств. Рерутинизация дерутинизированной повседневности становится возможна при помощи цифрового. Равенство копии и оригинала больше не является существенной проблемой, поскольку проблема теперь в том, что любая копия и есть оригинал. Оригинал, который встраивается в структуру и действует.

Таким образом, профилактика и мониторинг повседневности с целью получения эмпирических данных об обозначенных процессах, являются актуальными задачами как теории, так и практики современной социологии.

1. A. Schutz. *Life forms and meaning structure [Lebensformen und Sinnstruktur]*, translated by H. R. Wagner. London: Routledge & K. Paul. 1982
2. P. Berger, T. Luckmann. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. NY: Anchor Books. 1966
3. Иванов Д. В. *Виртуализация общества*. СПб.: Петербургское востоковедение. 2000

РАЗЛИЧИЯ ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОГО И СОЦИАЛЬНО-ИНЖЕНЕРНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Серегина Анна Николаевна,
Васильева Дарья Игоревна, Данилова Ксения Михайловна
Санкт-Петербургский государственный университет

Социологическое исследование представляют собой совокупность теоретической и эмпирической части. Теоретическое знание объясняет социальную реальность, посредством функционирования её механизмов в символическом аспекте, а эмпирическое знание позволяет получить конкретную информацию о социальных явлениях и процессах в практическом аспекте. Однако, четкой границы между теоретическим и эмпирическим знанием нет, так как теория опирается на факты эмпирического знания, а эмпирика оказывается включенной в контекст теоретического рассуждения и объяснения [1, 19].

Теоретическая часть исследования формируется до получения эмпирического материала, «существуя чаще всего в форме общих констатаций, либо системы логических суждений и доказательств относительно каких-либо проблем» [1, 19]. Она содержит формулировку объекта исследования и его историю, институциональную рамку рассматриваемых в исследовании явлений, операционализацию используемых понятий, описание выбранных методов, а также ссылки на ранее проведенные исследования и теории. В эмпирическую часть включают результаты наблюдения, описание зафиксированных фактов и закономерностей, анализ полученной информации и выводы на его основе. Далее обновленное эмпирическое знание может послужить основой для дополнения и уточнения имеющейся теоретической части, где концептуальная модель исследования является балансом между теорией и эмпирикой.

В связи с вышеизложенными рассуждениями, социологические исследования можно классифицировать на две категории: теоретико-прикладные исследования и социально-инженерные исследования [2, 7]. В первом случае, социолог ставит своей целью обнаружить взаимосвязи между социальными явлениями, социальными институтами и действующими акторами социального взаимодействия, используя теоретическое и эмпирическое знание, а во втором случае фокус исследователя смещается на решение непосредственной конкретной проблемы в определенных условиях, месте и времени. Главное различие состоит в том, какое из социальных знаний занимает доминирующую позицию: в теоретико-прикладном теория доминирует над эмпирикой, а в социально-инженерном – эмпирика над теорией.

Таким образом, из-за тесной взаимосвязи между теоретическим и эмпирическим социальным знанием появляется сложность в категоризации социологических исследований по критерию «теоретическое-эмпирическое», ведь исключительно теоретических или эмпирических исследований в области социальных наук не существует. При этом предоставляется возможным выявить ориентацию исследования на теоретическое и эмпирическое социальное знание, на основе чего классифицировать исследование либо как теоретико-прикладное, либо как социально-инженерное.

1. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. *«Эмпирическая социология: учебник для вузов»* // СурГПУ, УрФУ, 2016.
2. Калашаова. Д.А. *«Методы социологического исследования: Учебное пособие для студентов и аспирантов»* // МГТУ, Майкоп, 2016.

УСКОРЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Сукачев Сергей Владимирович
Санкт-Петербургский государственный университет

В статье представлены результаты исследования, выполненного за счет средств гранта Российским научным фондом (грант № 21-18-00125).

Последствия пандемии Covid-19, такие как самоизоляция, ограничение массовых мероприятий и ужесточение санитарно-эпидемиологических норм ускорили процесс перехода к новой социальной реальности. Происходит цифровизация всех сфер общественной жизни, в том числе сферы досуга и культуры. Такой резкий скачок в развитии обусловлен необходимостью институтов адаптироваться к новым реалиям. При этом образовательные и культурные учреждения в основном использовали уже существующие решения, так как технологический инструментарий был разработан задолго до этого. Сложно отрицать технологичную отсталость таких громоздких социальных институтов. Всеобщий стремительный переход к дистанционным формам взаимодействия вынудил организации подстраиваться под новые условия общества, что имеет несомненную пользу для развития цифровой культуры РФ.

Понятие цифровой культуры пока фрагментарно по своей сути и определено неоднозначно. Современные исследователи предлагают несколько трактовок данного феномена. На данный момент можно выделить три общих подхода к его рассмотрению: культура, появившаяся в результате распространения цифровых технологий и практик наряду с аналоговыми; набор компетенций, необходимый для использования ИКТ в повседневных практиках и коммуникациях; формирование единого информационного пространства для предоставления и получения цифровых услуг в сфере искусства, государственного управления.

Цифровизация рассматривается как комплекс процессов, переводящих социальные структуры и взаимодействия на сетевые информационно-коммуникационные платформы, функционирующие на основе цифровых технологий. Эти процессы являются инструментальной реализацией и техническим оформлением тех фундаментальных социокультурных изменений, которые уже более 20 лет известны как виртуализация общества [1]. В данном случае сетевые структуры определяются как доминирующие социальные структуры, а цифровизация является инструментом существования новых социальных практик.

Предпосылки формирования единого информационного и культурного пространства существовали еще до начала эпидемии коронавируса. Нацпроект «Культура» был разработан в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204, а реализовываться он начал 1 января 2019 года. Это подтверждает, что процесс цифровизации культуры был запущен ранее, но при этом его динамика была ускорена режимом повышенной готовности. Государство принимает непосредственное участие в формировании и развитии цифровой культуры РФ. Так Федеральный проект «Цифровая культура» постулирует задачи, связанные с использованием цифровых технологий в культурном пространстве страны, оцифровкой культурного наследия, повышением доступности культуры и вовлеченности в нее граждан. В рамках данной программы планируется создание виртуальных выставочных залов, проведение онлайн трансляций мероприятий, создание цифровых гидов по выставочным проектам, оцифровка книжных памятников [2].

В обществе происходит трансформация аналоговых практик в цифровые, сопровождающаяся возникновением новых социальных норм, потребностей, паттернов взаимодействия, культурных форм. Массовые ограничения из-за пандемии наложили отпечаток на работу организаций в сфере культуры и искусства, вынудив их осваивать цифровые форматы и инструменты. По большей части это работа на онлайн-площадках, которая породила новые задачи и виды деятельности. Изменилось направление развития института культуры. Многим организациям приходится с нуля выстраивать их образ в медиа, в первую очередь для удержания своей целевой аудитории, а также повышения вовлеченности в трансформировавшиеся практики. Например, для музеев это онлайн-выставки и туры. При этом по данным за 2021 год три четверти наших сограждан (75%) никогда не посещали музей в формате онлайн, имеет такой опыт почти каждый четвертый опрошенный (24%). Хотя более половины россиян (70%) слышали о возможности посетить музеи в формате онлайн [3]. Для театров новым решением стали онлайн-трансляции и постановки. В сфере киноиндустрии в период полной изоляции произошла переориентация на стриминговые сервисы, которая показала хорошие результаты и закрепилась даже после снятия некоторых ограничительных мер. Из-за массовых отмен и переносов концертных мероприятий нормой становится их проведение в онлайн-формате. Среди лекториев и других учреждений культуры распространился такой формат как подкаст. Новые практики были хорошо восприняты как зрителями, так как они оказались приемлемы как для граждан, удовлетворив их потребности, так и для работников сферы культуры и организаторов мероприятий, предложив им другие каналы для развития и сотрудничества. По данным за 2020 год 27 % россиян оценили нынешнее положение дел в сфере культуры как хорошее / очень хорошее, 51 % как среднее [4].

Препятствия в процессе цифровизации возникают для всех его участников: работников культурной сферы, потребителей, учреждений культуры и организаторов культурно-образовательных мероприятий. В основном это отсутствие или малоразвитость необходимой технической инфраструктуры, специфические проблемы удаленной работы и коммуникации, отсутствие цифровых компетенций у сотрудников. Одна из главных проблем состоит в цифровом разрыве. По статистике ВЦИОМ за 27.09-03.10.2021 17 % россиян не пользуются интернетом [5]. Они оказываются исключенными из информационного пространства, что порождает культурный разрыв, связанный с осведомленностью граждан, доступностью цифровой культуры и разной степенью включенности в нее.

Анализ процесса цифровизации культуры показывает, что существуют как позитивные, так и негативные его последствия. К положительным можно отнести интеграцию различных видов искусства, возникновение взаимосвязи между областями культуры, ранее считавшимися полярными; возможность любого человека стать непосредственным создателем новой культуры. К отрицательным можно отнести возникновение локальных замкнутых субкультур, которые не взаимодействуют с другими участниками процесса; крупные денежные убытки учреждений искусства и досуга.

Принимая во внимание рассмотренные проблемы, можно сделать вывод о необходимости наблюдать за динамикой цифровизации культуры и продолжать исследования в данной области. Распространение цифровых технологий во всех сферах общественной жизни, включая культуру, будет продолжаться. Дополнительно оно будет подкрепляться влиянием крупных корпораций и государственных проектов. Не известно насколько эффективны будут уже существующие проекты, так как данный процесс замедляется низким уровнем вовлеченности и отсутствием у людей необходимых ИКТ-компетенций. Возможно, цифровой и культурный разрыв будут увеличиваться.

Цифровые практики обладают своими достоинствами, поэтому сложно отрицать, что после окончания пандемии, часть из них сохранится и войдет в привычный уклад жизни. Учреждения культуры будут готовы к этому, имея опыт и необходимые

технические новшества, а гражданам уже будут привычны дистанционные формы досуга и самосовершенствования.

1. Иванов Д. В. Цифровизация как социальная рутина в российских мегаполисах // *Цифровое общество – новый формат социальной реальности. Материалы всероссийской научной конференции. Отв. ред. Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2020. С. 52-61.*
2. Приказ Минкультуры России от 01.03.2019 № 229 «Об утверждении плана деятельности Министерства культуры Российской Федерации на 2019–2024 годы» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319630/. (дата обращения: 7.10.2021).
3. День музеев. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-muzeev> (дата обращения: 8.10.2021).
4. Культура-2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kultura-2020> (дата обращения: 8.10.2021).
5. Пользование интернетом. URL: http://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/ (дата обращения: 8.10.2021).

ПЕРЕСМОТРЕТЬ КОНЦЕПЦИЮ ПРИМОРДИАЛИЗМА ЧЕРЕЗ ПОНЯТИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Тезич Мустафа Джан

Университет Анкары -Факультет язык и историко-географии

Ю.В. Бромлей положив понятие этнического самосознания в центре понятия этноса утверждает, что этнос образовался на основе разных динамических принципов. Таких как: консолидация, межэтническая интеграция, дивергенция и дивергенция + миксация [1, : 287-290]. Но как эта динамика движется?

В ответ на этот вопрос, мы предлагаем концепт принадлежности и определяем этнос как вид механического общества, который образуется в иерархии примордиальной структуры. В дисциплине этносоциологии такие ученые как С. Фентон и А.Г. Дугин [5, 76-77; 2, 197-199] в проблеме примордиализма обращают внимание на своеобразные механические социальные связи, нормы и обычаи общества, которые проявляются в социальной структуре через социализации. В связи с этими - Гуссерл и Гросби утверждают, концепт социальной структурализации, в которой личность развивая привязанность к широкой социальной структуре к своему обществу, формирует чувство принадлежности сначала к семье (начальная ступень), затем, обществу (верхняя ступень) [6, 51-57]. Таким образом, в расширенном пространстве существуют разные виды примордиальной системы. И на каждой ступени этой переплетающейся системы тоже можно наблюдать аналогичную примордиальную связь как в понятии этнос. То есть в разных иерархиях существует типы общества, основанные на механической солидарности, как в понятии этнос.

В итоге, в иерархии социальной структурализации - примордиальная принадлежность - «мы» является динамичным и переплётным явлением. И четкой границы между примордиальными таксономическими системами не бывает [4, 3-4].

Эта переплётная структура усложняет центральную роль этнического сознания в литературе.

- На пример: - Моя мама украинка, папа кореец, но я определяю себя как русская.
- Наши передки древние тюрки, а мы определяем себя как тувинцы.

Как оказалось в этих вопросах, люди обладают различной информацией на уровне сознания, которая противоречит нынешнему самоопределению.

По нашему мнению, такой вид сознания как биогенетический – это характеристики, которые часто являются неизменными. Но люди или народы не всегда идентифицируют себя в соответствии с этим.

Наше мнение о проблеме изменения сущности примордиальной принадлежности в рамках понятия - врождённое «примордиальное» представление [3, 115-116]. По нашему мнению, сущностью врождённого «примордиального» представления является тип общества, в котором человек устанавливает “механические” связи через социализации.

В этом процессе человек устанавливает осознание принадлежности к нормам своего окружения. Но так же этот феномен является врожденным, так как окружение в котором личность рождается, воспринимается как изначальное свойство. Сущность врожденного представления не неизменное явление. Оно постоянно меняется с изменениями сущности общества, в котором человек завершает свою социализацию, под влиянием социального действия [3, 115-116].

ВОСПРИЯТИЕ БОТОВ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТАХ МЕГАПОЛИСА И НЕБОЛЬШОГО ГОРОДА

Терашкевич Илья Сергеевич
Санкт-Петербургский государственный университет

В статье представлены результаты исследования, выполненного за счет средств гранта Российским научным фондом (грант № 21-18-00125)

В современном обществе “реальные действия и реальные объекты замещаются виртуальными образами и коммуникациями” [1,49]. Этот процесс называется виртуализацией.

Широкое распространение получает практика создания виртуальных участников взаимодействия — ботов, которые маскируются под реальных пользователей и создают видимость реального общения, преследуя определённые цели, заложенные создателем. В этой ситуации обычный пользователь ежедневно вынужден проходить задачу распознавания бота. Навыки коммуникации с ботами отличаются в разных социокультурных средах — в мегаполисе и провинции. В мегаполисе, где количество сетевых и потоковых ресурсов значительно больше, чем в провинции, жизнь превратилась в “насыщенное киберфизическим опытом существование в режиме дополненной реальности” [1,48]. Жители мегаполиса постоянно сталкиваются с ботами: чат-ботами и голосовыми помощниками в службах поддержки, рекламными и политическим ботами в социальных сетях; они могут использовать ботов как “инструмент реализации различных форм гражданского участия” [2,25]. Пользователи, живущие в маленьких городах, где уровень и качество цифровизации значительно уступают крупному городу, по-другому воспринимают ботов: для них это не привычная рутина, а некое новое, неизведанное явление. Они предпочитают физическое присутствие или телефонный звонок “по-старинке” общению с помощником-роботом. В данной статье предлагается рассмотреть пользователей и их коммуникации с ботами в контексте цифрового разрыва между суперурбанизированными территориями и прилегающими регионами.

В исследованиях по теме существуют технологически центрированные и социально-центрированные определения бота. В технологически центрированном определении боты - это «автоматизированные программные комплексы, которые

имитируют поведения реальных пользователей социальных сетей» [2,22]. В социально-центрированном - “программы, которые автоматически создают контент и взаимодействуют с другими пользователями”[2,23]. Д.С. Мартьянов трактует бота как сконструированную идентичность, «виртуала» реального человека, работающего на “фабрике ботов” и выполняющего определённые политические задачи. С его точки зрения, это «черновая и низкоквалифицированная по меркам современного информационного общества» профессия [3,86]; бот как тяжёлая, требующая дисциплины, сравнимая с физической, работа.

Как правило, в исследованиях делается акцент на самих ботах: их типологии, целях, методах выявления, роли в информационных войнах, тематическом разнообразии. Выделяются следующие типы ботов[4,155]:

— по сферами применения: политические, торговые, маркетинговые, новостные, чат-боты, HR-боты, боты в образовании, боты в работе с «Википедией»;

— по характеристикам субъектов: полезные и злонамеренные;

— по степени имитации человеческой деятельности;

— по модели воздействия на аудиторию: экстенсивная и интенсивная.

Важно выделить понятие социальной бот-сети (ботнета). В широком смысле социальная бот-сеть — это «набор социальных ботов, которые принадлежат и управляются человеком-оператором, именуемым ботоводом»[5,122]. В более узком смысле бот-сеть - «автоматический или полуавтоматический (с использованием оператора/ов) публикационный комплекс в социальной сети «ВКонтакте», который включает в себя пять компонентов: технологические аккаунты (боты), места размещения публикаций, публикации, программное обеспечение, оператор/ы»[2,29].

С помощью ботнетов можно быстро и эффективно распространять информацию, именно поэтому во время начала пандемии COVID-19 в России ботнеты использовались для создания и продвижения новостей и фэйков о коронавирусе. В результате исследования по Санкт-Петербургу было выявлено 8 ботнетов, насчитывающих 889 ботов [6,341]. Пять из них выполняли роль вспомогательного информационного ресурса в борьбе с пандемией, два имели политизированную ориентацию оппозиционного характера и один содержал в себе конспирологические нарративы. Ботнеты публиковали посты о продлении ограничительных мер в Санкт-Петербурге, статистику по числу заболевших и умерших в мире, критику местных и федеральных властей, осуждение принимаемых мер по борьбе с заболеванием, «вредоносном характер» массового внедрения биометрических данных, глобальном заговоре по уничтожению населения отравленными продуктами, масочном режиме.

Информация, которая поступает от социальных ботов воспринимается по-разному двумя типами-пользователей. Житель мегаполиса, привыкший к ботам, отличает его от реального человека; понимает, что бот, распространяя информацию, преследует определённые цели и задачи; такой пользователь критически оценивает информацию, полученную от бота. Пользователь маленького города, ничего не подозревает, воспринимает бота, как реального человека, к чьей информации он может прислушаться. Это похоже на своеобразный тест Тьюринга. (А. Тьюринг для определения наличия интеллекта у компьютера предложил следующий тест: человек взаимодействует с одним человеком и одним компьютером, его задача – определить, кто есть кто; задача компьютера – притвориться человеком и ввести проверяющего в заблуждение, если это получается, то компьютер проходит тест.) Пользователь мегаполиса, понимает, что в интернете можно невольно стать участником такого теста, а пользователь из небольшого города – нет. Такие пользователи не осознают, что боты – не живые люди, а программы или виртуальные идентичности. Это может сделать их объектами манипуляций и дезинформации.

Характерной иллюстрацией различного отношения к ботам в мегаполисе и провинции может служить кейс крупной полуавтоматической бот-сети в Псковской

области. Бот-сеть здесь – это паблик во “ВКонтакте”, а боты – “автоматизированные программные комплексы”. Для каждого районного центра существует ячейка бот-сети – свой паблик: “Говорит Псков”, “Говорят Великие Луки”, “Говорит Остров” и т.д. Бот-сеть можно назвать полуавтоматической, т.к. в ней присутствует бот-программа, которая выкладывает одинаковые посты примерно в одно время и несколько реальных пользователей администраторов. Основные цели этой бот-сети – освещение событий региона и политическая агитация. Большая часть контента в пабликах состоит из одинаковых постов, но иногда обнаруживаются уникальные: всё зависит от активности пользователей и администратора. Боты активизируются во время политических инфоповодов. Последним таким были выборы в государственную думу. В паблике “Говорят Великие Луки” под постами, посвящёнными выборам, можно увидеть комментарии ботов. Боты используют похожие формулировки и слова, стараются соблюдать орфографические и грамматические правила. Они упоминают пользователей, но не нажимают кнопку “ответить”, чтобы тем не пришлось уведомление и они не начали диалог. Пользователи обращаются к ботам, как к живым людям: задают вопросы, опровергают их доводы, пытаются спровоцировать, оскорбить; они не осознают, что находятся в пространстве бот-сети; более опытные пользователи, которые обращают на это внимание, исключаются из этого пространства – блокируются в паблике.

В мегаполисах существуют примеры использования бот-технологий как “инструмента реализации форм гражданского участия”. Василькова В.В., Легостаева Н. И. и Радушевский В.Б. [2,38], проанализировав контент ботнетов, используемых гражданскими активистами, выделяют их функции:

- представление интересов групп гражданского общества;
- призыв к совместным активным действиям в онлайн- и офлайн-пространстве;
- социальный контроль за деятельностью чиновников, обеспечение прозрачности информации, поступающей от государственных и бизнес-структур.

Такое применение бот-технологий возможно при условии рутинности цифровых практик и активной вовлечённостью пользователей в сетевые интернет-потoki. В маленьких городах использование ботов является неэффективным методом гражданского участия:

- пользователи недостаточно вовлечены в интернет-потoki социальных сетей;
- отсутствуют опытные пользователи-активисты, знакомые с бот-технологиями, способные применить их на практике;
- потоки информации, распространяемые через интернет, менее интенсивны, чем в мегаполисах.

В крупном городе бот-технологии имеют множество способов применения. Пользователи знакомы с ними, используют их, отличают ботов от не ботов. На контрасте жители небольшого города плохо знакомы с ботами, не применяют их, редко распознают их в обычной жизни, что делает их уязвимыми для политических манипуляций и дезинформации. Это ставит их в неравное положение с жителями мегаполисов. Тема требует сбора эмпирических данных, дальнейшего изучения и исследования. Важно определить, как пользователи воспринимают ботов и взаимодействуют с ними в разных социокультурных средах.

1. Иванов Д. В. *Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования – 2020. – Номер 5 С. 44-55 [Электронный ресурс]. URL: <http://ras.jes.su/socis/s013216250009397-9-1> (дата обращения: 09.10.2021). DOI: 10.31857/S013216250009397-9*
2. Василькова В.В., Легостаева Н.И., Радушевский В.Б. *Социальные боты как инструмент развития гражданского участия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 19–42. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.02>.*
3. Мартыанов Д. С. *Политический бот как профессия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12, № 1. С. 74–89.*

4. Василькова В.В., Легостаева Н.И., Радужевский В.И. Коммуникативные стратегии социальных ботов: модели воздействия на аудиторию // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 153–163. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.203>
5. Василькова В.В., Легостаева Н.И. Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ. 2019. Т. 19. № 1. С. 121–133
6. Василькова В.В., Легостаева Н.И. Социальные боты в компьютерной пропаганде: серфинг на информационной волне коронавируса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 329–356. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1762>.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ И ВЫЗОВЫ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

**Тузиков Андрей Римович,
Зинурова Раушания Ильшатовна
ФГБОУ ВО "КНИТУ"**

Социология – наука об обществе. Что есть современное российское общество? Применима ли к пониманию сущности российской современности концепция модернизации или дискурс постмодернизма? Уместно ли обсуждать «общество-кентавр» (как это предложил Ж.Т. Тощенко), или «кризисное общество», или «общество спектакля», или «общество-имитаций», или «общество плавающих идентификаций», или «общество 50+», или «общество социальных ожиданий».

Содержание журнала «Социологические исследования» за последние 4 года отражает тренд осмысления социологии в стили «digital» (в аспекте операций с big data и нарастающее использование практик интернет-опросов). Из принципиально новых подходов, пожалуй, только статьи В.А. Бажанова о нейросоциологии и В.И. Игнатъева относительно применения квантовой теории к социальным процессам отражают идеи НБИКС.

В.А. Бажанов описывает данные исследований, которые замахиваются на корреляцию нейроструктур мозга и социального поведения в обществах различных типов [1, 27-33]. Отмечается, что «мера социально-политической активности скоррелирована с активностью некоторых генов, связанных с регуляцией чувства страха и борьбой со стрессами. Бóльший удельный вес серого вещества в правой миндалине, как правило, характеризует человека с консервативными взглядами, а в передней части поясной извилины мозга – с либеральным настроем» [1, 27-33].

При этом «консервативные общества» некомфортно чувствуют себя в ситуации неопределенности и склонны винить в своих неудачах других и внешние силы. «Либеральные общества» более терпимы к ситуациям неопределенности. Значит ли это, что уже сейчас социологов надо учить мерить объемы серотонина в мозгах? Устарел ли в современных условиях концептуальный постулат Э.Дюркгейма о том, что социальные проблемы можно объяснять только социальными причинами?

В.И.Игнатъев акцентируя внимание на роли информации в современных обществах подчеркивает ее волновую природу и возможность вызывать резонансные явления. Социальная реальность становится под воздействием информационных потоков многомерной и квантифицируется. Заявляется идея возникновения «квантовой социологии» [2, 3-13]. Идея квантовой природы смысловых частиц в информационных потоках опирается на постулат воздействия мнений на социальное поведение. Другой вопрос: «В чем состоит природа мнений в информационную эпоху, вытекает ли она из места в социальной структуре?»

Серьезным вызовом традиционной социологии является и тренд увеличения сетевой активности, оставляющей «цифровой след». Покупки, информационные ресурсы, комментарии, репосты, - все это является материал, сбор которого опирается не на опросные методы, а на специальный софт. СММ маркетинг начинает вытеснять социологов с методами холл тестов, анкетами, фокус-группами. Машинное обучение и нейросети - это помощники социологов в будущем или искусственный интеллект, который потеснит их с рынка труда?

Все это приведет к изменениям в самой теории социологии, а практики социологических исследований уже в процессе трансформации.

1. Бажанов В.А. *Идея нейросоциологии в современной социальной мысли // Социологические исследования. 2017. №4. С.27-33*

2. Игнатъев В.И. *Социальная теория в контактной зоне методов естествознания: информационно-резонансный подход к интерпретации социальной реальности // Социологические исследования. 2017. №3. С.3-13*

РОЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В ИЗУЧЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ

Уханова Юлия Викторовна
Вологодский научный центр РАН

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-011-00724 «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне».

В современном обществе одним из ключевых нематериальных факторов развития становится гражданское участие – процесс, посредством которого общественные организации или отдельные индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством или с другими социально-политическими институтами/между собой с целью решения общественно значимых задач [1].

Гражданское участие как социальный феномен не являлось целостным объектом теоретических исследований вплоть до середины XX века, однако социологическая традиция исследования гражданской самоорганизации обозначилась задолго до этого периода. В контексте научных идей классиков социологии второй половины XIX – первой половины XX века (М. Вебер, Э. Дюркгейм, П. Сорокин, Г. Зиммель, Ф. Теннис) выступает перспективным изучение гражданского участия как социального действия, взаимодействия, солидарности.

В российской социологической традиции середины XIX – начала XX столетия также активно рассматриваются такие категории, как социальное взаимодействие, взаимопомощь, общественная солидарность, альтруистический инстинкт с учетом исторических особенностей российского общества и практического опыта гражданской самоорганизации в России (работы Н.К. Михайловского, П.Л. Лаврова, П.А. Кропоткина и др.). Концепция социального действия и ценностных установок к нему получила развитие в XX – начале XXI века в работах Т. Парсонса, П. Бурдье, П. Бергера и Т. Лукмана, Э. Гидденса. Обозначенные концепты позволяют рассматривать в качестве мотивационно-ценностной основы участия не только узаконенные нормы социальных взаимоотношений, но и неформальные правила.

Определяющее значение для изучения гражданского участия имеет деятельностно-активистская парадигма, которая интегрирует теоретические идеи зарубежных и российских исследователей (П. Бергера и Т. Лукмана, П. Бурдые, А. Турена, В.А. Ядова, Т.И. Заславской, И.А. Халий и т. д.). В рамках этих теорий на первый план выходит социальный актор, влияющий на все социальные и политические процессы своим участием в них. В этом отношении перспективным представляется социально-конструкционистский подход, который базируется на ключевых положениях П. Бергера и Т. Лукмана о понимании человека в обществе как конструктора мира.

В целом обосновано, что широта спектра теоретических подходов к анализу гражданского участия, с одной стороны, способствует выявлению специфики отдельных сторон участия, с другой – затрудняет понимание данного феномена как целостного. В этой связи актуализируется исследование гражданского участия на основе синтеза подходов, представленных в теоретической социологии.

1. Уханова Ю.В. Феномен гражданского участия в научном дискурсе: теоретические и методологические основания исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 3. С. 25-50.

КАТЕГОРИЯ УСПЕХА В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

Фетисова Ольга Викторовна
Южный Федеральный университет

Идея успеха, социального и личностного, - реалья, которая характеризует жизнь современного российского общества, утверждая ценность успеха и обуславливая особый интерес к успеху как к категории в научной парадигме социологии. Тип человека, который стремится к обретению высокого социального статуса, ориентирован на карьерный рост, длительное время оценивается в отечественной культуре сугубо негативно. В настоящее время ситуация кардинально меняется, и теперь карьерный рост, достижение успехов не только воспринимается как норма, но и поощряется, что обеспечивает формирование категории успеха в ценностной картине мира, а также диктует конкретные критерии успешности.

Современное состояние проблематики изучения категории успешности характеризуется интересом к выявлению универсальных механизмов успеха, а также к выяснению условий проявления успеха и его содержательных признаков [1; 2; 3]. Так, О.И. Якутина указывает, что понятие социального успеха «включает в себя дихотомию объективного и субъективного», раскрывающуюся в противоречии «между социокультурным и личностным пониманием смысла успеха» [4], при этом успех и успешность получают множественные трактовки, которые обуславливаются социальным контекстом личностного существования.

Категория успеха в ее объективации достижения успеха в различных социальных сферах, следования стандартам и демонстрации успешности определяет поведенческие модели социальных субъектов и участвует в структурировании социальной реальности. Тем не менее, важно и то, что для современного российского общества характерна единственная модель успешности, в которой категория успеха рассматривается исключительно как имеющая материальное, прежде всего, денежное измерение, а стратегии достижения успеха и его репрезентации лишены учета специфики конкретных сфер социальной деятельности.

Представляется, что одним из подходов, в русле которого могли бы быть выявлены особенности функционирования категории успеха в коммуникативной парадигме

современной культуры, должен стать дискурсивный подход, позволяющий непротиворечиво описать использование этой категории в повседневном и профессиональном дискурсах, выявив круг социально и личностно значимых смыслов в координатах различных групп общества. Безусловно, дискурсивный подход обеспечивает также многоаспектный анализ форм социального бытия, предположительно репрезентирующих успех как таковой: социальная репутация, социальный престиж и социальный статус.

Категория успеха характеризуется многогранностью, ситуативностью, а достижение успеха детерминировано комплексом факторов при учете разноуровневых особенностей рода деятельности личности. Ясно, что необходима дифференциация личностного и социального успеха, субъективных и объективных факторов, обуславливающих достижение успеха в различных областях. Учет этих исходных составляющих позволит осуществить моделирование успеха в его различных модификациях – от национальных до гендерно-демографических.

1. Караханян Е.В. Социально-философская концепция успеха. Дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2010. 135 с.
2. Курицкая Ю.В. Социально-философская концепция феномена успеха // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т.14. №2(4). С. 1072–1074.
3. Логвинова Т.Г. Жизненная успешность как психологический феномен // Образование и общество. 2016. Т.3. № 98. С. 75–80
4. Якутина О.И. Социальные практики успеха: дискурс повседневности и социально-философское понятие. Дис. ... докт. филос. наук. Краснодар, 2011. 383 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СОЦИОЛОГОВ К РАБОТЕ СФЕРЕ МАРКЕТИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Цыбикова Дарима Гомбожаповна

Российский государственный гуманитарный университет

Маркетинговые исследования – одна из основных сфер трудоустройства выпускников социологических факультетов [2].

Анализ отраслевых отчетов позволяет выделить три группы ведущих трендов, которые определяют требования рынка труда к специалистам:

технологизация (развитие интернета и онлайн-коммуникаций повлекли расширение массивов «новых» данных, появление новых методов и аналитических инструментов, автоматизацию части рабочих процессов);

изменение практик ведения бизнеса (возросли требования к скорости принятия решений, показателям эффективности, консалтингу и готовым решениям, расширились возможности самостоятельных исследований);

изменение образа жизни респондентов (высокая онлайн-активность и новые практики коммуникации, снижение мотивации к участию в исследованиях, обеспокоенность защитой персональных данных) [3].

Как следствие на современном этапе от исследователя ожидают, во-первых, готовности и способности решать методологические задачи, связанные с поиском/миксом новых исследовательских решений, а также умения анализировать и интерпретировать полученные данные (так «океану готовых данных» нужны способные

объяснить, «очеловечить» big data), во-вторых, представлять исследовательские результаты в виде упакованных, действенных решений для бизнеса.

Для образовательной системы это означает:

сохранение и расширение теоретико-методологического блока дисциплин с целью формирования как специалиста со знанием фундаментальной теории и методов, готового выступить в качестве эксперта, разработчика новых исследовательских решений, так и специалиста-практика, имеющего навыки организации и проведения социологических исследований; усиление базового методологического блока, по всей видимости, при этом должно происходить за счет курсов по онлайн-исследованиям, стат.методам, программированию;

сохранение и расширение блока не социологических дисциплин (экономика, маркетинг, менеджмент, психология, социальная антропология), ответственных за подготовку специалиста-универсала с широким кругозором, способного выступить в качестве бизнес-консультанта;

развитие в рамках других или специальных дисциплин презентационных навыков, визуализации данных, коммуникативных и пр. «мягких» навыков, в принципе, выдвигаемых сегодня ко всем специалистам.

На языке ФГОС это означает сохранение высокой значимости универсальных и общепрофессиональных компетенций при подготовке специалистов для сферы маркетинговых исследований. Универсальность социологического образования, отмечаемая в ходе других исследований [1], остается важным преимуществом выпускников на рынке труда. Достижение такого универсализма возможно во многом благодаря теоретико-методологическим дисциплинам, что подтверждает и анализ актуальных рыночных тенденций.

1. Набиулина К.А., Солодников В.В., Цыбикова Д.Г. Выпускники социологических факультетов на рынке труда // *Социологические исследования*. 2016. № 8. С. 81-91.
2. Проект профессионального стандарта «Социолог». URL: https://789.ru/images/2019/newsletter/profstandart_26072019.pdf (дата обращения: 10.09.2021).
3. Цыбикова Д.Г. Глобальные требования исследовательской индустрии и требования к специалистам // *Вестник РГГУ. Серия: Философия, Социология, Искусствоведение*. 2019. №1. С. 130-140.

АКТУАЛИЗАЦИЯ КЛАССИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В ПРЕПОДАВАНИИ

Чудова Ирина Александровна
Новосибирский Государственный Университет

Знакомство с классикой социологической мысли входит в стандарт университетских программ. Представленность в вузовском преподавании сама играет роль по укреплению пантеона классиков и их статуса в социологии [1;61]. Опыт преподавания теоретических дисциплин у социологов позволяет «апробировать» имеющиеся аналитические суждения о значении классиков и добавить дополнительные оттенки в осмысление роли классики теории для освоения социологии как знания и специальности.

Социологическое знание в его единстве. Изучение классических теорий подразумевает знакомство со словарем социологических понятий в динамике его возникновения. Обращение к появлению в социологии таких понятий как «институт», «ценность», «идеология» позволяет оценить непреходящий характер открытий классика

и полнее усвоить нюансы содержания понятия – с учетом его истории и контекста употребления. Изучение базовых положений классических теорий открывает путь к базовым «сюжетам» социологической мысли и логике рассуждения. Особое место принадлежит чтению классических текстов - знакомясь с классикой в первоисточнике, читатель приобщается к миру социологической метафоры, переживает структурность и релятивистичность социологической мысли. Мы можем надеяться на усвоение аксиом и гипотез, которые формировались в истории социологии постепенно и образовали корпус её типического знания. Освоение классики позволяет включаться в научную коммуникацию [3, 77], кодовое упоминание «идеального типа Вебера» или «культурных систем Сорокина» укрепляет научную аргументацию. Значимо социализирующее и идентификационное воздействие изучения классических теорий - освоение объемного и исторически весомого знания оставляет след в области коммуникативных компетенций, но и в самосознании в качестве социолога, члена научного сообщества и даже как личности.

Социологическое знание в его множественности. Специфично для социологии, что изучение классического наследия в теории позволяет воспринять полипарадигмальность социологического знания, которое у самых своих истоков отличается разноречивостью и множеством подходов. История социологической мысли предстает в многообразии версий общества, как непрекращающаяся полемика, «пересборка». Не отрекаясь от того, что «классики служат средством ориентации в пространстве дисциплины и средством очерчивания дисциплинарных границ» [2, 177], предположим, что именно приобщение к классике социологической теории задает импульс для дальнейшего расширения этих границ и для понимания их относительности.

1. Полетаев А. Неклассическое наследие / Отв. ред. И. М. Савельева. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. 704 с.
2. Соколов М. Величие классиков. Попытка преодолеть пропасть между институциональными и интеллектуальными объяснениями // Мониторинг общественного мнения. 2007. №4 (84). С. 160-180.
3. Филиппов А. О понятии теоретической социологии // Социологическое обозрение. Том 7. № 3. 2008. С.75-114.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТЕОРИИ АНОМИИ Э.ДЮРКГЕЙМА

Шушунова Татьяна Николаевна

**Белорусского государственного педагогического университета им. М.Танка
(г. Минск, Республика Беларусь)**

Наследие классика социологической мысли Э.Дюркгейма дало современной социологии не одно научное понятие, с помощью которого можно описывать природу современных процессов, протекающих в обществе. Одним из таких является понятие "аномия". В работе 1893 года «О разделении общественного труда» он объяснил его как патологическое состояние социума, которое рождает конфликт между ним и индивидом, нуждающимся в его порядке и стабильности. [1] На личностном уровне состояние аномии может проявляться в такой форме девиации как самоубийство. В своей работе 1897 года «Самоубийство» Э.Дюркгейм предложил классификацию самоубийств: «Эгоистическое самоубийство проистекает оттого, что люди не видят смысла в жизни, альтруистическое — вызывается тем, что индивид видит смысл жизни вне ее самой; третий определяется беспорядочной, неурегулированной человеческой деятельностью и сопутствующими ей страданиями, дадим этому последнему виду самоубийства название аномичного». [2, 103] Эта классификация хорошо иллюстрирует человеческие мотивы. Они могут быть основой

не только суицидального поведения, но и тактикой самосохранительного поведения, которая несмотря на свой диаметрально противоположный посыл по отношению к жизни, своей логикой рассуждений и терминологией могут дополнять теорию последней. На уровне гипотезы можно предположить, что эгоистическая стратегия самосохранительного поведения в обществе аномического типа наблюдается в том случае, когда человек, прежде всего, думает о себе: это переезд в другую страну, возможность обрести безопасность, здоровый психологический фон и возможность продолжать свою профессиональную деятельность без потребности изменять своим убеждения. Альтруистическая стратегия самосохранительного поведения, в основе которой лежит служение идеи, людям, стране, заключается в утверждении и активном выражении жизненной позиции на основании выбранной идеологической конструкции, демонстрируя ее правомочность и будущее. Аномическая стратегия самосохранительного поведения самая неоднозначная. Это люди, для которых уровень всеобщей неопределенности затрудняет желание принимать решения. В ситуации расшатанности ценностей и норм, чтобы сохранить хотя бы видимость нормальной жизни, человек просто ходит на работу, совершает привычные действия, получает за них зарплату и старается не думать о происходящем, исключая себя из информационного потока, никак не выделяя себя на фоне происходящего. В каждой из рассмотренных стратегий самосохранительного поведения есть условноназванная доминантная ориентация. Так, в эгоистической - она биологическая, в альтруистической - психологическая, а в аномической - социальная. Таким образом, используя ряд теоретических допущений мы можем видеть объяснительные возможности наследия Э.Дюркгейма в понимании современных процессов с одной стороны, и развития такой актуальной для текущей ситуации социологической категории как самосохранительное поведение, с другой.

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА VERSUS ПОСТМОДЕРНИЗМА В СОЦИОЛОГИИ

Щелкин Александр Георгиевич
фнисц ран
Социологический институт РАН
(С.-Петербург)

1. Зависимость социологического образования от понимания самим социологом своего предмета — вещь вроде бы очевидная. Но, к сожалению, не настолько, чтобы сказать, что здесь, тем не менее, есть что добавить. Худший вариант — это когда упомянутый социолог понимает свою науку сугубо формально, то есть, равнозначно стоящую с другими «объективными» дисциплинами, не отличая природу социологического знания от знания, как оно представлено в корпусе других наук. В то время как *differentia specifica* социального знания состоит в том универсализме, в котором достаточно места и вполне представлены собственно и предмет интереса социолога, с одной стороны, и его (исследователя) личность, когда он выносит оценку наблюдаемому феномену с точки зрения соответствия последнего своему понятию, норме и подлинности.

2. Можно только с большим сожалением наблюдать довольно прискорбную картину, когда вслед высказанным в таком духе тезисом его автор как бы извиняюще добавляет, что это только де его «оценочное суждение». Понимание оценки как чего-то предельного субъективного — так общественная наука низко никогда не падала, а социологи не искали таких легкомысленных доводов в пользу своего квази-объективизма. Раньше социальная мысль знала лучшие времена: знание и оценка не противопоставлялись друг другу по «закону исключенного третьего». В до-

постмодернистскую эпоху было очевидно, что «Понимание же по своей природе всегда связано с оценкой» (4, 1991: 40).

3. Оценка в общественных науках — это, прежде всего, показатель того, с чем мы имеем дело: с подлинным предметом, отвечающим своей природе и демонстрирующим, т. о., свою сущность, или, напротив, по всем объективным признакам, перед нами девиация/патология этой сущности.

4. Эпистемологическая ситуация усложняется сопутствующей «непрозрачностью» социума (2, 1995) , в результате чего рядовой социолог попадает в ловушку «повседневного и обыденного видения», которое деформирует ему установку на «бдительное» (М. Бурдьё), «критическое» (М. Хоркхаймер), «целостное/тотальное» (Д. Лукач), «классическое» (М. Лифшиц) видение мира «социальных вещей». Пример, некритического и даже экзальтированного отношения к «повседневности» — польский социолог П. Штомпка (3, 2009).

5. Онтология – это та наука, которая рассматривает бытие вещей не просто как оно (бытие) есть, а именно как бытие, представленное в подлинных, аутентичных формах и состояниях этих вещей (1, 1971: 7) — «социальных», в нашем случае.

6. Известно, что «постмодернистская» манера отношение к социальному миру характеризуется игнорированием деления на «подлинное» и «неподлинное», «реальное» и «виртуальное», «сущностное» и «второстепенное». Главный принцип постмодернизма — «все состояния равнозначны». И это делает позицию социолога, свободного от оценки в вышеприведенных терминах, эклектичной, оппортунистичной и по-человечески лицемерной, а «продукцию» такой социологии — не лучшим подспорьем для общества, для своей ориентации заглядывающего время от времени в зеркало своего социологического отражения.

1. Гегель. Наука логики. В 3-х т. Т. 2. — М.: Мысль, 1971. — 248 с.

2. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Аcaademia, 1995. — 252 с.

3. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. — Социологическая жизнь, 2009, № 8.

4. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТЕЙ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА И УНИВЕРСИТЕТА ЦИНХУА: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Юй Ян

Санкт-Петербургский государственный университет

При поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19

Цель исследования – анализ тенденций и направлений развития ценностей китайских студентов, обучающихся в СПбГУ, и студентов, обучающихся в университете Цинхуа (КНР), в интересах выявления особенностей формирования их человеческого капитала. Основу анализа составили 15 индикаторов-ценностей, которые были включены в интернет-анкету. Выборка китайских студентов СПбГУ и студентов университета Цинхуа составила N = 276. Количественные результаты (вариант) показаны на рис. 1.

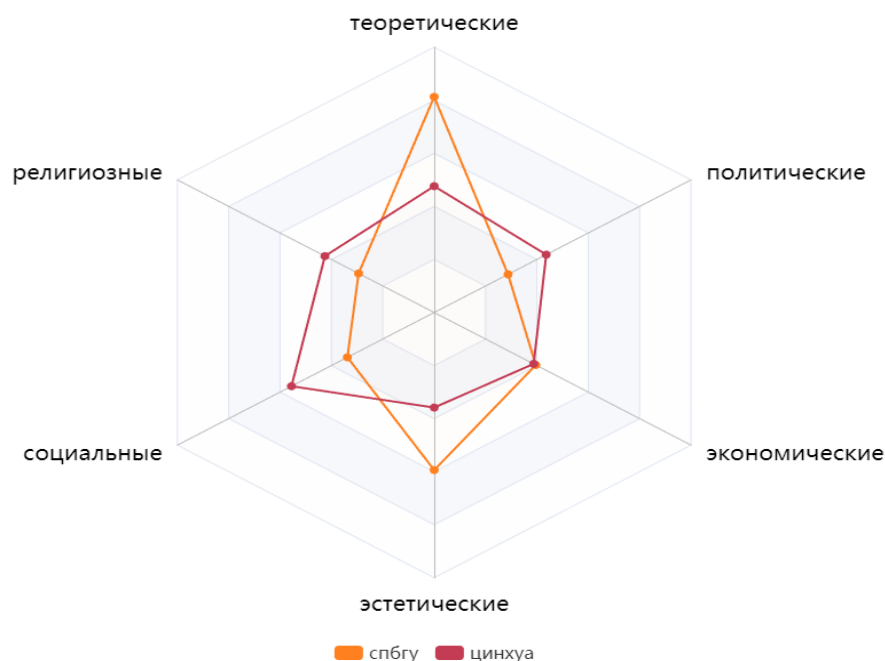

Рис. 1. Структура ценностей китайских студентов, обучающихся в СПбГУ и Цинхуа

Основные выводы.

Во-первых, *о стабильности развития системы ценностей.* Система ценностей студентов Цинхуа изначально характеризуется стабильной структурой, которая постепенно еще более стабилизируется. Ценности студентов, обучающихся на первом курсе более всего зависимы от личных ориентаций. Между ценностями различных групп выявлена стабильная связь.

Во-вторых, *о направленности развития системы ценностей.* Развитие (увеличение весовых характеристик) ценностей у китайских студентов, обучающихся в зарубежном университете, менее последовательно, чем у студентов, обучающихся в китайском университете.

Во-третьих, *о рациональном характере системы ценностей студентов.* Ценности студентов, обучающихся в СПбГУ, имеют тенденцию быть более рационализированными и менее гармоничными, в то время как развитие ценностей студентов, обучающихся в китайских университетах, более сбалансировано и социально более ориентировано, а общее развитие ценностей у них относительно гармоничное.

В-четвертых, *о статике конкретной ценности в системе ценностей.* Политические ценности студентов, обучающихся в китайском университете более стабильны. Это ценности, которые за все время обучения в Цинхуа остаются в основном неизменными. Напротив, у студентов, обучающихся в СПбГУ, оказались более динамичными эстетические ценности. Это же можно сказать и о ценностях научно-теоретического порядка.

По результатам исследования разработаны рекомендации по диагностике и развитию человеческого капитала студентов с учетом тенденций формирования ценностей студентов. Подчеркнем, что направления развития ценностей студентов влияют на характеристики развития их человеческого капитала.

1. Дерюгин П.П. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ. Автореф. дис. док. соц. н. / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2001

2. Дерюгин П.П., Баруздин И.А., Цзинь Ц., Сивоконь М.В., Шляева А.С. СЕТЕВАЯ ДИАГНОСТИКА ЦЕННОСТЕЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ). Дискурс. 2017. № 4. С. 68-89.

Секция 2. Политические и социальные процессы в профессиональном поле современных социологических исследований

ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО ПРЕЗИДЕНТА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ

Ашихмина Ирина Васильевна
Уральский государственный университет путей сообщения

Автор благодарит научного руководителя доцента Лебедева Максима Сергеевича за помощь в оформлении и подготовке доклада.

Вопрос восприятия молодежью образа идеального президента является одной актуальных тем для исследований в сфере политической социологии. Нормативное представление граждан о качествах, ценностях и убеждениях «идеального» президента позволяют судить о специфических особенностях политической культуры страны [1, 8]. Особенно актуальным является изучение видения студентами требуемых для должности президента государства личностных и профессиональных качеств. Считаем, что формирование и развитие данных качеств позволит претендентам на должность президента добиться конкурентных преимуществ, обеспечив себе победу на выборах [2, 197]. В этой связи для управления имиджем кандидатов в президенты представляется ценным выявление основных ожиданий от института президентства именно у молодежи, как перспективной электоральной базы.

Проведение опроса среди молодежи города Екатеринбург позволило выявить заинтересованность в сильном политическом лидере, готовым отстаивать интересы народа на международной арене. Респонденты также отметили, что идеальный президент должен обладать, в первую очередь, ответственностью и честностью. Он должен выполнять свои обещания и держать своё слово, а также не скрывать различные тяготы и переживания всей страны перед народом. Не менее важным качеством оказался интеллект как фактор успешности политика. И, наконец, глава страны должен быть надёжным, так как он является человеком, на которого можно положиться и доверить управление всей страной. На последних местах по степени значимости оказались такие качества, как доброта и чувство юмора.

Также были выявлены качества, которые неприемлемы идеальному президенту, то есть те, которые ему не свойственны, и он не должен ими обладать. К таким качествам респонденты относят: жадность, лживость, безответственность и скупость.

Таким образом анкетирование подтвердило, что молодежь может критически оценивать образ главы государства. Однако их сознание оказалось достаточно стереотипно. Можно сказать, что ими руководит вовсе не критичность, а категоричность и противоречивость в собственных гражданских взглядах. Они видят идеального президента, как лидера, который руководит народом и берёт ответственность на себя, но должен быть с ним близок и иметь широкий взгляд на мир. Составленный портрет идеализирован, что означает завышенные требования, которым не каждый человек сможет соответствовать в реальности.

Автор благодарит научного руководителя доцента Лебедева Максима Сергеевича за помощь в оформлении и подготовке доклада.

1. Касамара В.А., Сорокина А.А. «Идеальный» президент глазами российских и французских студентов // *Общественные науки и современность*. 2012. № 1. С. 5-15.
2. Лебедев М.С. Конкурентные преимущества как фактор обеспечения конкурентоспособности молодого специалиста на рынке труда // *В мире научных открытий*. 2012. № 11-1 (35). С. 196-205.

МОРАЛЬ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Багаева Алиса Валерьевна
МГУ им. М.В. Ломоносова

В настоящее время выявилось много тем, которые позволяют говорить о формировании новой научной ветви «Социология морали международных отношений». Несмотря на то, что под влиянием новых информационных перемен в науке стало возможным более широко применять интегративный подход и практиковать методы трансдисциплинарности, связь социологии, этики и международных отношений нельзя считать новацией. Уже в середине XIX в., когда были выделены их предметные области, пришло понимание того, что их нельзя изучать изолировано друг от друга.

Дерево социологических исследований отличается обилием ветвей. Каждая новая рождается как ответ на запрос общества на разъяснение возникающей проблемы в определенном сегменте социума, как потребность увидеть направление, по которому ему лучше всего развиваться. Одной из таких ветвей оказалась социология морали. Другой ветвью стала социология международных отношений [1; 4; 8; 10]. Собственные предметные основания социология международных отношений стремится находить в социальной детерминированности любых международных взаимодействий.

Совершенно очевидно, что ни одно из таких взаимодействий не может не иметь моральной окраски. Поэтому логичным шагом науки, непосредственно отвечающим на нужды практики, стало распространение проблематики социологии морали в область социологии международных отношений [2; 7]. Ряд авторов обращают внимание на то, что моральные основания здесь тесно связаны с политикой [5]. Другие исследователи подчеркивают сопряженность этических проявлений в международной жизни с правовой средой [9]. Некоторые авторы стремятся разделить мораль в системе международных отношений и во внешней политике государств [6].

В итоге сформировалось предметное поле дисциплины нового типа. Его можно назвать трехмерным, поскольку оно интегрирует проблемы этики, социологии и международных отношений. В отличие от областей знаний, образованных по двумерному типу, в нашем случае это: социология морали, социология международных отношений, этика международных отношений — добавление еще одной координаты позволяет уйти от резких оценочных суждений, присущих дихотомическим схемам, дает возможность избежать обязательного выбора в черно-белых координатах, избавиться от риска стигматизировать кого-либо из участников анализируемого процесса.

В таком интегративном подходе заключается перспектива научных изысканий и учебного процесса в высшей школе, которому в ближайшее время предстоят кардинальные перемены, вызванные новой информационной реальностью и изменением рынка труда, где успешными будут не только специалисты, обладающие «гибкими навыками», но и «гибкими знаниями». Таковыми можно назвать знания, приобретенные на основе трансдисциплинарного образования, интегрирующего в одном предметном пространстве одновременно близкие и далекие дисциплины, например, геосоциология

права или геополитика международного спорта [3]. Социологию морали международных отношений можно отнести к их числу.

1. Баженов А.М. *Социология международных отношений: учебное пособие* М.: ЦСПиМ, 2013.
2. Жулева М.С. Проблема морали в международных отношениях // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика.* 2015. №1. С. 91 – 94.
3. *Интегральная парадигма высшего образования: ответ вызовам времени: учебное пособие / Под ред. доктора педагогических наук М.Н. Вражновой и доктора исторических наук Л.О. Терновой.* М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2021.
4. Каримова А.Б. *Социология международных отношений: учебник для вузов 2-е изд., перераб. и доп.* М.: Издательство Юрайт, 2020.
5. Кочкарова Т.Ч. *Политика и мораль в международных отношениях.* Бишкек: КРСУ, 2013.
6. Рогачева Е.А. *Мораль в системе международных отношений и во внешней политике современной России: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.01.* М., 1999.
7. Цык А.В. *Нравственные основы международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия.* 2014. № 2. С. 176 – 182.
8. Цыганков А.П., Цыганков П.А. *Социология международных отношений.* М.: Аспект Пресс, 2008.
9. Шугуров М.В. *Динамика соотношения международного права и международной морали: теоретический и методологический аспекты // Российский журнал правовых исследований.* 2017. Том 4. № 1. С. 183 – 191.
- 10 Aron R. *Une sociologie des relations internationales // Revue française de sociologie.* 1963. Vol. 4. № 3. Pp. 307 – 320.

СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Баженов Анатолий Матвеевич
Тулский государственный университет

События, произошедшие на мировой арене в последние годы, резко изменили повестку дня международной жизни. Речь идет о присоединении Крыма к России, гибридной войне на востоке Украины, санкциях Запада по отношению к России и антисанкциях России к Европейскому Союзу, активизации террористической деятельности на Ближнем Востоке и в других регионах мира, в том числе в странах ЕС, гражданской войне в Сирии, пандемии COVID – 19.

Все это побудило ученых-международников по-другому подойти к изучению таких проблем, как национальные интересы, конфликты и войны, терроризм, национальный суверенитет, глобализация и внешняя политика. Естественно, это повлияло и на сам процесс освоения студентами высших учебных заведений социологии международных отношений.

В целях постижения студентами содержания предмета, приобретения самостоятельного и творческого подхода к решению злободневных проблем в их будущей работе можно использовать большой спектр способов и приемов.

В ходе всестороннего и глубокого анализа событий международной жизни появилась потребность обратиться к творчеству многих ученых – специалистов в данной отрасли знаний.

В этой связи следует напомнить, что важным событием для специалистов стал выход из печати фундаментального труда «Современная наука о международных отношениях за рубежом: Хрестоматия в трех томах» [1]. Многообразие точек зрения в области социологии международных отношений свидетельствует о наличии тенденции усложнения и взаимосвязи экономических, идейно-политических, культурно-социальных

процессов в современном мире, необходимости их всестороннего осмысления и анализа для поиска эффективных решений перед лицом новых вызовов, с которыми столкнулось человечество в начале XXI века.

В ходе изучения данной дисциплины у студента-социолога открывается возможность обогатить свой интеллектуальный багаж, с помощью которого он сможет в дальнейшем самостоятельно разбираться в специальной литературе, а также анализировать такие вопросы, как соотношение стихийности и управляемости процессов, возможности и методы регулирования политических кризисов, наличие закономерностей в развитии международных отношений. Кроме того, постижение содержания курса позволит ему составить представление о потенциале участников международных отношений, а также их целях, средствах, стратегиях. Данные занятия помогают студенту развивать, углублять и шлифовать приемы самостоятельной работы с источниками. Скорее всего, на этом пути возникает вкус к будущей научной деятельности.

Социология международных отношений является молодой наукой, особенно в России. Кроме того, она занимается изучением проблем настоящего и тенденций, которые, видимо, еще заявят о себе только в будущем. Социология международных отношений – крайне динамично развивающаяся дисциплина. Она требует внимания к фактам и событиям, совершающимся в мире каждый день, постоянного интереса к новостям. Одной из функций этой дисциплины является оказание помощи студентам университета в формировании способности грамотно анализировать возникающие события в международной жизни.

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЛЮДЬМИ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОКОВИДНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Байша Наталья Сергеевна

Государственное бюджетное учреждение Волгоградской области «Региональный информационно-аналитический центр»

Автор статьи акцентирует внимание на специфике восприятия представителями старшего поколения режима самоизоляции, возможностей, предоставляемых цифровым пространством, и организации повседневной жизни в условиях социального дистанцирования. С целью осуществления анализа вышепредставленных аспектов проведено количественное социологическое исследование [1] среди представителей различных возрастных групп, в том числе, старшего поколения, на мнение которого будет обращено внимание в настоящей работе.

В первую очередь, важно отметить, что в режиме самоизоляции опрошенные исследуемого возраста не видят, по большому счету, ничего хорошего: минусов в введенных противовирусных ограничениях оказалось больше, чем плюсов, несмотря на то, что почти половина респондентов (46,2%) отмечала, что пандемия спровоцировала положительные изменения в их повседневной жизни.

Во-вторых, в связи с частотой использования цифровых технологий на самоизоляции (61,5% ежедневно используют цифровые технологии, наряду с этим, 88,4% уверены, что частота использования ими данных технологий возросла), очевидно, возросла сама ценность технологий: 73,1% опрошенных старшего возраста считают, что осуществление ими каких-либо повседневных практик неразрывно связано с технологиями.

С помощью поисковых систем и платформ для проведения видеоконференций и встреч в режиме онлайн, респонденты, в большинстве случаев, искали полезную

информацию (43,3%), общались с близкими (33,3%), искали новые знакомства (8,3%) или покупали что-либо в режиме онлайн (8,3%).

Досуговые практики большинства респондентов (78,9%) изменились за время введения противовирусных ограничений. В первую очередь, это связано с изменением отношений в семье (71,2% опрошенных абсолютно или частично уверены в том, что в период самоизоляции они стали больше досугового, свободного времени проводить с семьей). И, вместе с тем, на наш взгляд, изменение досуговых практик связано с активным приобщением респондентов к цифровому пространству, к ежедневному использованию цифровых технологий для саморазвития, коммуникации, просмотра видео и аудио материалов или чтения онлайн-литературы.

Наконец, мир, по мнению участников формализованного интервью, станет совершенно другим по окончании пандемии (76,9%). И несмотря на некоторые положительные стороны самоизоляции и других ограничительных мер, чуть больше 1/3 части опрошенных полагают, что вновь введенный режим самоизоляции будет ими воспринят негативно. Вместе с этим, почти столько же респондентов (40,4%) считают иначе и в той или иной степени положительно бы отнеслись к вновь введенным и ужесточенным противовирусным ограничениям.

Исходя из полученных результатов, следует, что цифровые технологии активно включились в повседневную жизнь представителей старшего поколения, которые ранее, очевидно, были не столь приобщены к цифровому пространству. По окончании пандемии, связь с цифровыми технологиями, вполне вероятно, не оборвется и будет только укрепляться у представителей исследуемой возрастной группы, поскольку именно благодаря включенности в цифровое пространство им стали доступны новые возможности для досуга, для осуществления более комфортного общения с близкими людьми (с помощью программ для организации видеовстреч), для поиска информации для самообразования и саморазвития.

Вполне очевидно, что необходимость в реальном, живом общении с людьми не исчезла и не исчезнет, как и потребность в цифровых технологиях, позволяющих представителям разных возрастов, в том числе, и старшего, находиться всегда «на связи» с внешним миром, продолжать жить и развиваться, не теряя коммуникацию с близкими или малознакомыми людьми, несмотря на самоизоляцию и другие жизненные перипетии.

1. Социологическое исследование на тему: «Взгляд представителей различных возрастов на социальный порядок, развивающийся в условиях пандемии», организованное кафедрой социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета и проведенное в марте-апреле 2021 г. под руководством к.социол.н, доц. Николенко Н.А. (Метод – формализованное интервью (N=165). Тип выборки: квотная. Критерии выборки респондентов: пол и возраст. – Текущий архив кафедры социологии и социальных технологий ВолГУ. – Волгоград, 2021.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ РЕСПОНДЕНТОВ КАК ИНДИКАТОР ПРЕДПОЧТЕНИЙ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ

Басимов Михаил Михайлович
Российский государственный социальный университет

В рамках исследования политических предпочтений молодежи и их связи с личностными особенностями респондентов был решен ряд задач множественного сравнения: метод [1-3], апробация [4-7 и др.]. В настоящем докладе ограничимся рассмотрением результатов по 4 номинальным группам респондентов, сформированным по их предпочтениям на президентских выборах.

Всего в общей задаче множественного сравнения изучались 89 групп. Среди невырожденных 4 группы по предпочтению сильно экстремальными по выраженности личностных качеств оказались группы: **G08-03** и **G08-01**, занимающие 11 и 12 места в списке 89 групп по совокупной экстремальности (сумма абсолютных значений сравнительных весомостей показателей в рамках группы) личностных качеств.

1. Группа **G08-03** из 9 респондентов, проголосовавших за П.Н. Грудина, (11 место). Представители данной группы характеризуются высоким **радикализмом**, что определяется значительной положительной сравнительной весомостью (+4846) по шкале «Консерватизм – радикализм» и полным отсутствием **циклотимности** (-5383). Они **эмоционально комфортные** (сравнительная весомость по шкале «Депрессивность – эмоциональная комфортность» равна +4175); **избегающие впечатлений** (сравнительная весомость по шкале «Поиск впечатлений – избегание впечатлений» равна +3547); **понимающие** (сравнительная весомость по шкале «Понимание – непонимание» равна -2237). Им абсолютно несвойственны **драматический тип** (-2915) с вероятным для этого типа расстройством «неестественное актерство» и **деятельный тип** (-2157) с вероятным для этого типа расстройством «активность на грани срыва».

2. Группа **G08-01** из 23 респондентов, которые на выборах президента РФ проголосовали за В.В. Путина (12 место). Представители данной группы характеризуются высоким **самоконтролем**, что определяется очень высокой положительной сравнительной весомостью (+5250) по шкале «Низкий самоконтроль – высокий самоконтроль», а также **высокой нормативностью поведения** с достаточно значительной положительной сравнительной весомостью (+2286) по шкале «Подверженность чувствам – высокая нормативность поведения», а также **аккуратностью** (сравнительная весомость по шкале «Аккуратность – неаккуратность» равна -3247).

3. Значительно менее экстремальной по проявлению личностных качеств оказалась группа **G8-04** из 6 респондентов, которые на выборах в президенты РФ проголосовали за К.А. Собчак (30 место). Представители данной группы характеризуются высоким уровнем **конформизма**, что определяется достаточной отрицательной сравнительной весомостью (-3067) по шкале «Конформизм – нонконформизм», высокими значениями по шкале **«Альтруистичный тип»** (+3893), склонностью к **подчиненности** (сравнительная весомость по шкале «Доминирование – подчиненность» равна +2723) и **напряженности** (сравнительная весомость по шкале «Напряженность – расслабленность» равна -2538).

4. Наиболее многочисленная группа **G08-07** из 77 респондентов, не голосовавших на выборах в президенты РФ (55 место), представляет усредненный тип без ярких проявлений каких-либо личностных качеств.

1. *Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.*

<http://dspace.kgsu.ru/xmlui/handle/123456789/3724/browse?value=Басимов+Михаил+Михайлович&type=author>

2. *M.M. Basimov Methods of multiple comparison in psychological research // Ponte. International Scientific Researches Journal. Vol. 73, No. 5, May 2017. – P. 110-139.*

3. *Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods). Monograph. – Germany, Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185 p.*

4. *Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 684.*

5. *Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 906.*

6. *Basimov M.M. Depending the responses in sociology of profession on the psychological type of respondent // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013. – С. 108-119.*

7. Basimov M. *Example of interfacing sociological and psychological data in the sociology of professions (Distribution of groups on results of the nominal answers) // (Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities: View from Russia/ [Electronic resource]: collected papers. 13th Conference of the European Sociological Association «(Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities»/ Editor-in-Chief V.Mansurov. Moscow: RSS, 2017. – P. 7–28.*

http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=40

ДОКАЗАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: НУЖНА ЛИ СОЦИОЛОГИЯ ПРИ ПРИНЯТИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ?

**Батоврина Екатерина Викторовна,
Михайлова Ольга Владимировна**
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31194.

Реализация концепции доказательной политики основана на активном взаимодействии государственных управленцев с поставщиками аналитических услуг – прежде всего, экспертами-социологами. Фокусированное интервью с участием представителей органов государственной власти, академического и научно-экспертного сообществ показало, что в России оно затруднено недоверием государственных управленцев к экспертам, дефицитом эффективных площадок для их взаимодействия. Взаимная настороженность уводит доказательную политику на периферию процесса принятия решения, научно обоснованная позиция социологов уступает место узкогрупповым интересам и политической целесообразности, что затрудняет развитие доказательного подхода к принятию государственных решений в России.

В практике российского государственного управления сложились определенные процедуры и инструменты выработки решений. Наряду с консультациями с заинтересованными группами политиков, бизнеса и общественности управленцы регулярно обращаются к экспертному знанию, сочетая представительство интересов с принятием концепции доказательной политики. Она предполагает «обоснование предлагаемых вариантов нормативно-правового регулирования, отдельных мер и мероприятий социально-экономической политики с помощью результатов научных исследований» [2, 90]. Провайдерами соответствующих услуг становятся эксперты-социологи из аналитических центров и академических институтов, проводящие полевые исследования и работающие с большими данными [1,3].

Фокусированное интервью с участием целевой выборки респондентов – представителей органов государственной власти, академического и научно-экспертного сообществ (N=37), проведенное в июле – августе 2021 г., выявило весьма противоречивую картину: с одной стороны, государственные управленцы понимают значение и заинтересованы в аналитических услугах экспертов, с другой – применимость их советов на практике ставится под сомнение. Основная причина данного противоречия кроется в низкой оценке качества аналитических услуг. В числе дополнительных факторов – политическая ангажированность экспертов, нежелание государственных управленцев «оказаться в зависимости от лиц, занимающихся сбором и анализом данных», отсутствие уверенности в том, что взаимодействие с экспертами не приведет к затягиванию сроков принятия решений.

Показательно, что представители экспертного и академического сообществ разделяют скепсис управленцев в отношении качества аналитических услуг и их востребованности, однако акцентируют внимание на дефиците эффективных площадок

для взаимодействия экспертов с представителями власти, ориентацию управленцев на соблюдение формальных, а не содержательных требований к принятию решений, а также их неумение работать с результатами исследований. Взаимная настороженность уводит доказательную политику на периферию процесса принятия решения, научно обоснованная позиция социологов уступает место узкогрупповым интересам и политической целесообразности. Преодоление сложившегося противоречия видится респондентами в сближении интересов обеих сторон – расширении практики использования экспертного знания при выработке решений и повышении готовности экспертов учитывать требования управленцев, не ограничиваться сугубо научными разработками, а также оказывать разностороннюю аналитическую поддержку на протяжении всего процесса принятия решений.

Как представляется, уплотнение контактов между представителями власти и экспертами-социологами принципиальным образом не изменит роли доказательной политики на современном этапе, политическая мотивация продолжит доминировать при выработке решений, но, тем не менее, оно направит интересы заинтересованных групп в рациональное русло, сдерживая от принятия решений, способных нарушить сложившийся статус-кво.

1. Волльманн Г. Использование результатов оценки в процессе правовой разработки политики и управления // *Правоприменение*. 2017. № 1. С. 7 – 18.
2. Волошинская А.А., Комаров В.М. Доказательная государственная политика: проблемы и перспективы // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2015. № 4. С. 90 – 102.
3. *Big data analytics for policy making. Report prepared by Deloitte for the European Commission DG INFORMATICS*. 2016. URL: https://joinup.ec.europa.eu/sites/default/files/document/2016-07/dg_digit_study_big_data_analytics_for_policy_making.pdf (Дата обращения: 21 сентября 2021 г.)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ГОЛОСОВАНИЯ И АНАЛИЗ ГОЛОСОВАНИЯ ЗА ОПОЗИЦИЮ НА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ В МОСКВЕ В 2017 ГОДУ

Бедерсон Всеволод Дмитриевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых - кандидатов наук (грант МК-328.2020.6).

Муниципальные выборы в Москве в 2017 году вызвали неожиданный для этого уровня выборов интерес [1]. Это связано со сравнительно неожиданными результатами: сокращением представительства депутатов от “Единой России” и парламентских партий (КПРФ, ЛДПР, СР), а также значительным увеличением представительства депутатов от “Яблока” и самовыдвиженцев. Выборы прошли в 124 из 125 районов Москвы и было разыграно 1500 депутатских мандатов в муниципальных образованиях.

В исследовании на основе социально-психологической модели голосования [2] я оцениваю роль социальных характеристик московских избирателей и их большую или меньшую поддержку оппозиции на местных выборах. В качестве зависимой переменной я принимаю совокупную долю голосованию за КПРФ и “Яблоко”. Независимые переменные - это плотность коммуникации внутри соседского/районного сообщества, уровень обобщенного доверия и организаторский опыт (активность гражданина по

организации своих соседей для коллективных действий). Я полагаю, что эти социальные характеристики должны конвертироваться в более высокую поддержку оппозиции. Предыдущие исследования показывали, что социальный капитал, уровень доверия и опыт гражданского участия связаны с запросом на большую респонсивность власти и большего участия в управлении [4; 6]. Полагаю, что более высокий уровень доверия и плотности коммуникаций внутри соседского/районного сообщества должны выражаться в поддержке оппозиции на местном уровне, что будет индикатором запроса на представительство и респонсивность власти. В качестве дополнительного объяснения я использую логику социологической модели голосования и операционализирую ее через стоимость жилой недвижимости в районах Москвы: уровень стоимости жилья будет связан с более высокой поддержкой оппозиции.

Мои наблюдения - это 30 районов Москвы, составленные по принципам репрезентативности “Левада-Центром” для проведения социологического опроса в рамках моего проекта. Для операционализации социальных характеристик я использую данные проекта “Механика Москвы” [3], данные официальной статистики по стоимости жилья в районах, а также результаты голосования в муниципальные советы в Москве в 2017 году. В качестве метода анализа я использую качественный сравнительный анализ (его версию - mvQCA). Все переменные были калиброваны на основе кластерного анализа и им были присвоены логические значения (0; 1; 2). Анализ производился с помощью пакета QCA [5] в программной среде R.

Итоговая комбинация условий для более высокой поддержки оппозиции такова:

плотность_коммуникации[1] И организаторский_опыт[0] И стоимость_недвижимости[1]

Соответствует районам: Тимирязевский, Марьино, Филевский парк.

плотность_коммуникации[2] И доверие[0] И организаторский_опыт[0] И стоимость_недвижимости[2]

Соответствует районам: Раменки.

Результаты анализа частично подтверждают теоретические ожидания: плотность коммуникации внутри сообщества является необходимым условием для более высокой поддержки оппозиции на местных выборах. Однако уровень обобщенного доверия и организаторский опыт - не обладают достаточной необходимостью, даже наоборот - в районах, где жители обладают низким доверием и организаторским опытом - голосование за оппозицию выше. Классовая характеристика в виде стоимости жилья также показала свою необходимость для повышенной поддержки оппозиции на выборах.

1. Бекбулатова Т. 2017. Успех «Объединенных демократов» и «Яблока» в Москве. Как им это удалось? // Meduza. URL: <https://meduza.io/feature/2017/09/11/uspeh-ob-edinennyh-demokratov-i-yabloka-v-moskve-kak-im-eto-udalos>
2. Мелешкина Е. Ю. 2001. Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения // Политическая наука. №. 2.
3. Механика Москвы. Исследование городской среды. 2015. URL: <http://data.miscp.ru/>
4. Полищук Л., Меняшев Р. 2011. Экономическое значение социального капитала. Вопросы экономики. № 12. С. 46-65.
5. Duşa A. 2018. QCA with R: A comprehensive resource. Springer.
6. Marsh C. 2000. Social capital and democracy in Russia. Communist and post-communist studies, 33(2), 183-199.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТАРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БАКАЛАВРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ "ЭКОЛОГИЯ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ"

**Близнецкая Екатерина Александровна
МГИМО МИД России**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и
Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного
проекта № 21-514-12001*

Федеральный государственный стандарт высшего образования 3++ большое внимание уделяет формированию практических навыков, увеличение часов на самостоятельную работу и различного рода практик. Формирование ряда дополнительных профессиональных компетенций, связанных со способностью участвовать в многосторонних переговорах осуществляется автором с помощью курсов «Многосторонняя экологическая дипломатия» и «Основы экологической деятельности организаций ООН». Опыт преподавания указанных курсов способствовал выработке подходов, которые позволяют студентам-экологам активно использовать знания социологии международных отношений в своей исследовательской работе и профессиональной деятельности.

Собственный образовательный стандарт МГИМО МИД России по направлению бакалаврской подготовки «экология и природопользование» в числе дополнительных профессиональных компетенций содержит такие как: способность применять междисциплинарный подход при изучении основ международных отношений, понимать и уметь анализировать их влияние на внешнюю политику России, других государств и мира в целом; способность работать в мультикультурной среде и в международной команде; использовать техники ведения переговоров, установления профессиональных контактов и развития профессионального общения. Без опоры на социологию международных отношений, формирование данных компетенций представлялось бы делом затруднительным.

Международное экологическое сотрудничество и экологическая дипломатия изучается с позиции разных социальных наук. При академическом анализе каждый ракурс дает свое видение предмета и определяет его содержание. Однако реальная дипломатическая практика всегда связана с комплексный сочетанием множества аспектов. И только их совокупный учет позволяет рассчитывать на достижение практического результата. В современную экологическую дипломатию вовлечено множество участников, как государственных, так и не государственных, обсуждается огромное количество проблем, имеется большое разнообразие методов решения этих проблем. Если же предстоит «научить» экологической дипломатии, необходимо сосредоточиться прежде всего на тех аспектах, которые будут полезны для профессиональной ориентации студента и/или иметь выход на формирование навыков и компетенций будущего специалиста-международника.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ РИТОРИКИ КРАЙНЕ ПРАВЫХ ПАРТИЙ В ГЕРМАНИИ И РОССИИ

Булатов Мансур Рашидович

Санкт-Петербургский государственный университет

Европейское общество в настоящее время переживает один из подъемов крайне правой идеологии. В разное время П. Игнаци [1], А.А. Эллинас [2], Р.Ф. Инглхарт и П. Норрис [3] и другие изучали социально-политические предпосылки и последствия подъема популярности крайне правых партий. Дискурс крайне правых основывается на национализме [2], «мифе» этнического, культурного, социального, гражданского и т.п. единства, гомогенности «объективно существующей» нации [4, 227]. Этот процесс является одним из важнейших объектов исследования для социологии, поскольку крайне правая идеология (в ее классическом понимании) подразумевает отказ от демократических, плюралистических, либеральных ценностей [3] и влечет за собой общественно-политические метаморфозы.

АдГ (Альтернатива для Германии) и ЛДПР (Либерал-Демократическая Партия России) считаются исследователями правыми популистскими и крайне правыми партиями [5, 6]. Историческая и политическая специфика политических систем Германии и России сподвигла нас провести исследование электоральной риторики крайне правых партий АдГ и ЛДПР, используя методы количественного и качественного дискурс-анализа, и сравнить их. Наши методы основываются на дискурс-анализе М. Фуко и А.В. Дуки [7]. Нашими исследовательскими задачами стали: подсчет количества использованной антагонистической лексики и вычисление соответствующего индекса (антагонистическая лексика в нашем исследовании – оппозиция «мы» - «они»); анализ обращений в риторике к некоторым специфическим социальным темам; сравнение результатов партий и подведение некоторых итогов об особенностях правой идеологии в Германии и России на конкретных примерах.

Выборку количественного исследования составили 30 материалов партии АдГ, 25 из которых – видеозаписи, 5 – материалы партийной программы, и 10 видеоматериалов партии ЛДПР. По результатам анализа мы пришли к выводу, что ЛДПР имеет более антагонистскую риторику, опирается в своей риторике на образ «их»: коллективного Запада, США, Европы, Украины; в меньшей степени – российского правительства и других политических партий. АдГ, в свою очередь, чаще обращаются к своему электорату и немецкой нации как «мы». Значительно реже они используют антагонистскую риторику против германского правительства, других партий и правительства ЕС. Обе партии обращаются к таким социальным проблемам, как иммиграция, низкий уровень цифровизации, ограничение политических и экономических свобод, государственный суверенитет, национальная идентичность.

Исследование может быть использовано как основа для дискурс-анализа риторики, в особенности в сравнительных исследованиях. Результаты работы могут быть полезны при анализе предвыборной риторики и программ партий в контексте парламентских выборов в Германии и России в 2021 году.

1. Ignazi, P. (1992). *The silent counter-revolution: Hypotheses on the emergence of extreme right-wing parties in Europe*. *European Journal of Political Research*, 22(1), 3-34.
2. Ellinas, Antonis A. (2010). *The media and the far right in Western Europe: Playing the nationalist card*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Inglehart, R.F., and Norris P. (2016). *Trump, Brexit, and the rise of populism: Economic have-nots and cultural backlash*. Working Paper Series 26. Boston, MA: Harvard Kennedy School.
4. Ignazi, P. (2003). *Extreme Right Parties in Western Europe*. Oxford: Oxford University Press.
5. Arzheimer K. (2015). *The AfD: finally a successful right-wing populist Eurosceptic party for Germany? West European Politics*, 3, 535-556.

6. Shekhovtsov, A., and Umland A. (2011). Vladimir Zhirinovskiy and the LDPR. *Russian analytical digest*, 102, 14-16.
7. Дука А.В. (1998). *Политический дискурс оппозиции в современной России. Журнал социологии и социальной антропологии*, 1.1.

МЕТОДЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

**Ваторопин Сергей Александрович,
Ваторопин Александр Сергеевич**
Уральский институт управления - филиал РАНХиГС

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31682

Исследование протестной активности населения представляет значительный научный интерес и актуальность для органов власти, деятельность которых направлена на обеспечение социально-экономической и политической стабильности в стране. В этой связи научное осмысление протестной активности не должно ограничиваться описанием видов, причин, участников акций. Сложной, но важной задачей социологической науки должно стать совершенствование методов прогнозирования протестов.

Наиболее распространенный метод прогнозирования основан на измерении уровня социальной напряженности и линейной зависимости «рост социальной напряженности – рост протестной активности». Согласимся, что «расчет факторных показателей [напряженности] позволяет прогнозировать потенциальные причины акций протеста» [1, 103]. Однако, если уровень социальной напряженности поддается социологическому измерению, то линейная зависимость между данным уровнем и наличествующими протестами зачастую опровергается на практике. Так, результаты исследования массовых выступлений в республиках бывшего СССР в 1990-х – 2010-х гг. свидетельствуют, что более чем в трети случаев акциям не предшествовало состояние высокой социальной напряженности, а причинами реализации протестного потенциала служили резонансные события «здесь-и-сейчас» – итоги выборов и проигранная война [2, 87]. Так или иначе, данный метод прогнозирования остается весьма не точным.

На сегодняшний день методологической основой для описания и прогнозирования развития процессов в самых разнообразных сферах – от метеорологии до экономики – служит теория хаоса. Потенциал применимости данной теории к анализу протестной активности обусловлен:

- 1) несовершенством прогнозирования протестных выступлений на основе линейных зависимостей;
- 2) теоретической возможностью учета не только значительного количества социальных, политических и других факторов, но и степени их влияния на активизацию протестного потенциала;
- 3) теоретической возможностью определения параметров социальной системы, при которых происходит переход от социальной напряженности к протестной активности.

Потенциальные возможности, которые дает теория хаоса для прогнозирования протестов, сопряжены с рядом методологических проблем, ключевая из которых связана с точностью расчета математического значения факторов активизации протеста. Вместе с тем, отсутствие других методов прогнозирования, доказавших свою высокую результативность на практике, обуславливает актуальность дальнейших апробаций теории хаоса для анализа и прогнозирования протестной активности населения.

1. Баранова Г.В. Модель оценки протестных форм социально-политической активности // Теории и проблемы политических исследований. – 2016 – № 4 – С. 97–107.
2. Басаева Е.К., Каменецкий Е.С., Хосаева З.Х. К вопросу о краткосрочном прогнозировании массовых протестных акций // Вестник Владикавказского научного центра. – 2018 – № 4 – С. 85–88.

ГРАНИЦЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО МИРА

Власова Ирина Владимировна

СПб военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ

Толерантность - широко распространенное понятие в современном мире. Как и несколько лет назад не утихают споры в научном сообществе об универсальности феномена толерантности и о ее границах. Профессионализм социолога во многом определяется коммуникативной компетентностью, которая в свою очередь предполагает толерантность. В начале XXI века тонкая грань толерантности-интолерантности проявляется в сфере международных отношений, особенно в области политики.

Широкий круг вопросов и проблем требует публичного обсуждения, основанного на знании исторической ретроспективы. При координации и концентрации усилий междисциплинарного сообщества философов, социологов, политологов, культурологов, историков и признание личной, групповой, национальной ответственности. Знание, понимание, принятие событий прошлого способствует развитию национально-государственной и персональной идентичности.

В современном мире следует обратиться к многовековому опыту толерантного сосуществования представителей разных народов в России. Хотя в глобальном масштабе методов борьбы с конфликтами между носителями разных религиозных, культурных и этнических идентичностей человеческий разум еще не разработал.

В условиях поликультурного мира обнаружилось ограничения технологической толерантности:

- конфликт между «коренными» и «некоренными жителями» в странах, сформировавшихся как нации-государства;
- стихийные потребительские бунты обитателей городских окраин в странах – бывших метрополиях (Великобритания);
- миграционные потоки с территории Ближнего Востока в Европейский Союз[1].

Безопасное существование граждан нашей страны зависит от осознания и способности к проявлению толерантного сознания. Но также следует задуматься о границах политической толерантности, резко пресекать заявление политиков Западных стран в их стремлении пересмотреть роль СССР, сфальсифицировать результаты Второй мировой войны, обвинить нашу страну в ее развязывании. В данном случае необходимо интолерантное отношение к информации СМИ, опровержения недостоверных фактов. Незамедлительные и настоятельные действия и требования со стороны руководства России, научного сообщества, добросовестного освещение западными СМИ фактов и открытия ранее неизвестных страниц истории и архивов. Интолерантное отношение политиков и общественности не позволит допустить фальсификации истории и итогов Второй Мировой войны

В профессиональной деятельности социолога, в зависимости от исследуемой проблемы очень важно чувствовать и соблюдать границы толерантности. Национальное прошлое, должно стать предметом осмысления представителей научного сообщества.

1. Зарубин В.Г., Макаридина В.А. «Остров» СПб: соотношение естественной и технологической толерантности. // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3 (116). С. 198-201 https://elibrary.ru/download/elibrary_25844235_27756326.pdf (Дата обращения: 10.02.2020)

СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ МПА СНГ В ФОРМИРОВАНИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Гонашвили Александр Сергеевич
Санкт-Петербургский государственный университет; Университет при МПА
ЕврАзЭС; Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет),

В контексте заявленной темы под социальными ролями будет пониматься законодательная база, связанная с социальной жизнью людей в рамках формирования евразийского пространства. В нашей работе мы акцентируем внимание на изучении процесса становления и развития евразийского пространства в рамках Содружества Независимых Государств, благодаря анализу изменений, произошедшие после распада Советского Союза. С 90-х годов стали формироваться новые структурные характеристики общества, прежде всего связанные с экономикой, которые привели к изменению её структуры и внешних связей. Наиболее значимые изменения испытали на себе производственный комплекс, структура прав собственности и законодательно правовой базы в целом.

Одной из главных задач, возникших перед возникшими странами СНГ, было решение проблемы создания правовой базы в социальной сфере.

Большую роль в решении проблемы создания правовой базы в данной сфере продолжает играть созданная в 1992 году Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ (МПА СНГ). В обобщенном виде главное направление деятельности Межпарламентской Ассамблеи СНГ можно определить понятием «модельного законодательства». Являясь эффективным инструментом нормативно-правовой унификации правотворческой деятельности, модельное законодательство доказало свою целесообразность и продуктивность. В настоящее время МПА СНГ принято более 500 модельных законов, кодексов и рекомендаций.

Государства – участники СНГ исходят из признания необходимости имплементации в национальном законодательстве общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров, обязывающих государства обеспечить единство создания евразийского пространства.

Рассмотрев принятые модельные законодательные акты МПА СНГ, мы разделили их на три группы. К *первой группе* принятых законодательных актов относятся законы, в основу которых положены адаптированные к условиям СНГ образцы, взятые из европейского права.

Ко *второй группе* можно отнести законы, которые были сконструированы Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ, так как аналогов данных правовых актов в мире еще не существует, или они находятся на стадии разработки. К данным правовым документам относятся модельные законы, регулирующие сферу физической культуры и спорта. К *третьей группе* модельных законов относятся законы, которые не только сформулированы МПА СНГ, но и в силу делегированных полномочий приняты ими, например, закон «О параолимпийском спорте» (2008 г.).

Разработанные МПА СНГ модельные законы, в той или иной мере активно используются в национальных законодательствах государств – участников МПА СНГ.

Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 15 Регламента Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (Санкт-Петербург, 29 декабря 1992 года) рекомендательные законодательные акты принимаются МПА СНГ для ориентации согласованной законодательной деятельности парламентов государств – участников Соглашения о Межпарламентской Ассамблее государств – участников Содружества Независимых Государств.

Как было отмечено ранее в подготовке рекомендательных законодательных актов (модельных) государств – участников СНГ, рекомендательные законодательные акты (модельные) подготавливаются с учетом норм международного права, актов надгосударственных и международных организаций.

Наукой и практикой выработаны правила толкования правовых актов, приемы и способы такого толкования, к числу которых относятся:

– систематический (путем сравнения правовых актов с другими правовыми актами и (или) их структурными единицами, выявления связи между структурными единицами одного и того же правового акта);

– логический (путем использования средств формальной и диалектической логики для установления внутренних связей толкуемых правоположений с другими предписаниями, логической структуры этих правовых предписаний);

– историко-политический (для выяснения смысла толкуемых норм через: исторические условия создания правового акта и социально-политические цели, которые преследовал законодатель, принимая его, т. е. через обращение к условиям и истокам принятия правоположений и обращение этого смысла в языковой форме изложения толкуемых статей; языковой способ толкования (путем грамматического анализа текста). Одновременно с этим важно иметь в виду, что толкование и применение закона зависят от общего политического порядка, в котором закон функционирует как подсистема.

Подводя итог всему выше сказанному, можно отметить, что развитие сотрудничества стран Содружества в рамках евразийского пространства состоит из многих факторов: нормативно-правовой базы, состояния экономики, государственной поддержки, системы управления, профессиональной подготовленности и компетентности работающих в этой сфере людей.

Евразийское пространство – это сфера, которая требует постоянного взаимодействия различных структур для решения насущных проблем в культурной и социальной области между странами СНГ, поэтому российские и межгосударственные координирующие организации Содружества постоянно поддерживают через соответствующую систему мер сотрудничество государств – участников СНГ.

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕФОРМАЦИИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ «КРИЗИСНОГО СОЗНАНИЯ»

Гринченко Елизавета Александровна
Южно-Российском институт управления – филиал РАНХиГС

В качестве верифицированной гипотезы определим, что общество - это сложная система, нуждающаяся в постоянном осмыслении закономерностей и альтернатив своего развития, в связи с чем, проблема трансформационного политического процесса в России заключается не только в идеологических противоречиях, перерастающих подчас в ожесточенные социально - политические коллизии, более важными являются изменения происходящие с ценностным сознанием россиян. Одной из важнейших миссией современной России является создание эффективной политической системы, способной

адаптировать властный фокус управления под ментальные культурно-исторические детерминанты развития страны, как социального организма, характеризующегося органической целостностью взаимосвязанных и взаимодействующих элементов [2; с.272]. Ценностные ориентации, являясь побудительной силой удовлетворяющей человеческие потребности, в значительной степени предопределили направленность социальных интеракций групп 90-ых, сформировав внутренние побудители, трансформирующиеся в мотивы деятельности человека и выполняющие функцию смыслообразования.

Культурная трансформация РФ 90-ых годов XX века модифицировалась в социальную неудовлетворенность общества, эксплицированную формой аффективного адаптационного синдрома агрегации интеракций социетальных сообществ [3]. Произошло рассогласование между потребностями, интересами и социальными ожиданиями значительной части социальных групп и мерой их фактического удовлетворения. Такой рефрейминг либерализированной России со стороны социально-экономического сектора был индуцирован чередой aberrаций властного аппарата, т.е. отклонений от декларируемого нормативного результата, последовавших в 90-ые годы XX века, следствием которых стало накопление недовольства, усиление агрессивности автостереотипов отдельных групп, унификации социальных ценностей нормативных образов формирования личности, нарастанию психологической усталости и глубинной онтологической тревоги, нозологическая направленность психологических девиаций которых впоследствии приобрела характер жизненной усталости масс.

Абдукция примененной модели внешнеторговых операций 90-ых годов привела страну к небывалому ранее всплеску коррупции, плутократии и бандитизма, а социальную структуру общества к аномии и социальной лабильности, выраженной в дезорганизации социальных норм и институтов, критическим расхождением между провозглашаемыми обществом целями и возможностью для людей иметь законные средства их достижения. Социокультурный феномен – стигматизация, адаптировавший субъекта преобразований в условия изоляции, содержательно отразился в тенденциях разрастания сначала девиантного, а потом и вовсе делинквентного сектора в реформирующемся обществе [3]. Небывалыми темпами возросла динамика преступных настроений в 90-ые годы, увеличилось количество социально-неудовлетворенных слоев общества, что, в свою очередь, ограничило свободу выбора ценностных приоритетов. Возникло враждебное отношение к культурным общностям, была спровоцирована череда конфликтов. Объекты государственных преобразований дали разные импульсы и реакцию на предложенные властями либеральные нововведения. Способы реакции населения на проблему стали разнообразны, кто-то начал активные действия по устранению причин проблемной ситуации, кто-то активно выражал негативную реакцию в форме асоциальности и деструктивности, кто-то впал в апатичное состояние, скрыв дефицитарную реакцию [2; с.289]. Для отечественных социологов открылась новая серия парадоксов: могут ли социально-неудовлетворенные индивиды максимизировать свои интересы преобразовательной деятельностью или только удовлетворить их эмоциональной виктимной реакцией. Как возможна социальная кооперация, если у рациональных индивидов есть все мотивы для того, чтобы стать «безбилетниками» в государственной плоскости. Из этого следует, что фундамент симбиотической эмоциональной реакции социальных групп 90-ых годов построен на коллективном веровании в ассоциацию идей о социальном мире. Аффективные действия социума показали, что чем больше индивиды взаимодействовали друг с другом, тем больше их аккомодация эмоциональных реакций попадала под общий стандарт поведения и развили групповую культуру, которой не было до этого, и ее постулаты закрепились во взаимодействии людей [1; с. 264]. Те, кто впал в апатичное состояние, скрыв дефицитарную реакцию, попросту не смогли создать крупную альтернативную коалицию, оказав сопротивление насилию подавляющего большинства.

Резюмируя вышеизложенные позиции, правомерно отметим, что социокультурные преобразования политических реформаторов не соответствовали действительным характеристикам и потребностям российского социума, по этой причине социальный организм воспринял нововведения как абсолютно чуждые ему и непосильные для исполнения. Современное состояние социальной системы характеризуется высокой степенью неудовлетворенности и социальной деструкцией общественного порядка, занявшее бифуркационную стадию развития, качественные характеристики которой приводят к изменению сущности системной траектории, нуждаясь в создании необходимых условий для нормального органического модернизационного развития общества. В связи с этой гипотезой, важным будет отметить, что состав политической элиты постсоветского периода требует глубокой трансформации, а так же обеспечения новой формы взаимодействия с представителями институтов гражданского общества, сфокусировавшись на духовно-нравственном обогащении и преобразовании социума.

1. *Кара-Мурза С.Г. 2013. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 264 с.*
2. *Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. 272-289 с.*
3. *Покровский, Н.Е. Транзит российских ценностей: нереализованная альтернатива, аномия, глобализация // Социологический форум. – 2000. – № 3/4.*

ЭКСПЕРТНАЯ ФУНКЦИЯ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК УЧАСТНИКОВ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Громов Михаил Евгеньевич
Санкт-Петербургский государственный университет

Европейская традиция анализирует публичную политику с точки зрения регулирования государством общественной жизни. Согласно такому подходу, государство «всеобщего благоденствия» не справляется со своей задачей решения социальных проблем и часть своей ответственности и обязательств перекладывает на институты гражданского общества и экспертное сообщество [1, 18].

Одной из целей публичной политики можно считать обсуждение и анализ политического курса, проводимого государственной властью, эффективности и релевантности его методов и технологий. В этом случае полноправным участником публичной политики, часто понимаемой как диалог государства и гражданского общества, со стороны последнего является экспертное сообщество [2, 10].

Взаимодействие политиков и научного (экспертного) сообщества является важным аспектом публичной коммуникации. Представители социальных наук производят знания, которые влияют на конкурентную политическую борьбу. Эксперты формируют представления о социальной действительности, которые они предлагают обществу, однако при взаимодействии с политическими акторами возможно создание ситуации асимметрии информации, где экспертиза является конкурентным преимуществом того или иного политика [3, 107]. Это неизбежно происходит в случае такого взаимодействия политика-инкумбента и представителей экспертного сообщества.

Часто экспертную оценку дают представители не только негосударственных научных и образовательных организаций, но квалифицированные сотрудники некоммерческих (НКО), нередко благотворительных, организаций, глубоко разбирающиеся в узких темах и на практике столкнувшиеся с несовершенством законодательства или проблемами его применения.

Взаимодействие избранных политиков или органов государственной власти с представителями НКО для улучшения политического курса в отдельных сферах может

носить программный, проектный характер или иметь формат отдельных личных встреч представителей [4][5]. Таким образом, это конструктивное взаимодействие демонстрирует роль некоммерческих организаций как соучастников государственной политики, а вовлечение в поле публичной политики экспертного сообщества должно повысить качество государственного управления.

1. Беляева Н.Ю. «Публичная политика» как термин, понятие и научная категория. // Публичная политика – 2005. Сборник статей. / Под редакцией М.Б.Горного и А.Ю.Сунгурова. – СПб: Норма, 2006. – 144 с.
2. Сунгуров А.Ю. Публичная политика как поле взаимодействия и как процесс принятия решений. // Публичная политика – 2005. Сборник статей. / Под редакцией М.Б.Горного и А.Ю.Сунгурова. – СПб: Норма, 2006. – 144 с.
3. Шматко Н.А. Феномен публичной политики. // Социологические исследования, 2001. - №7, С. 106-112
4. Минприроды России [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mnr.gov.ru/press/news/minprirody_i_vsemirnyy_fond_dikoy_prirody_wwf_podpisali_soglashenie_o_sotrudnichestve. – Загл. с экрана (09.10.2021)
5. Президент России [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/59398>. – Загл. с экрана (09.10.2021)

ПРИМЕНЕНИЕ ИНДЕКСНОГО МЕТОДА В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

Дементьева Ирина Николаевна
ФГБУН Вологодский научный центр РАН

Статья подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ № 20-011-00326 А «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе».

Важнейшую роль в изучении современных социально-политических процессов, в том числе проблем социальной напряженности, играют социологические исследования и, в частности, мониторинг общественного мнения по актуальным вопросам экономической и политической ситуации [1]. Одним из инструментов, необходимых для обобщения данных, полученных с помощью мониторинга, является индексный метод. Социологические индексы, конструируемые путем логического и аналитического комбинирования эмпирических индикаторов посредством математических операций, являются инструментом классификации, сравнения и измерения социологической информации [2]. В настоящей статье представлена авторская методика оценки протестных настроений жителей Вологодской области с использованием индексного анализа.

Методика оценки протестного потенциала территории основывается на результатах опросов общественного мнения и осуществляется в три этапа. На первом этапе рассчитывается восемь частных индексов по восьми вопросам. На втором этапе частные индексы объединяются в три группы: индексы социального недовольства, индексы социального самочувствия и индексы протестных настроений (рис. 1). Для данных групп рассчитываются соответствующие субиндексы как среднее арифметическое из входящих в них частных индексов. Группы субиндексов сформированы, исходя из положения о том, что развитие и изменение потенциала протеста зависит от показателей удовлетворенности населения собственным материальным положением и текущей ситуацией в стране и регионе (индексы социального недовольства), определяется общим эмоциональным настроением (индексы социального самочувствия), а также желанием и намерением людей изменить

сложившееся положение дел (индексы протестных настроений). На третьем этапе осуществляется анализ протестного потенциала территории, исходя из соотношения полученных субиндексов.

Рис. 1. Система индексов оценки протестного потенциала территории

Результаты проведенных расчетов показали, что уровень сводных индексов оценки протестного потенциала региона различен (рис. 2). В течение периода с 2008 по 2020 г. наиболее высокие показатели демонстрирует индекс социального самочувствия (130-150 п.). Сводный индекс социального недовольства, несмотря на некоторые колебания, не достигает отметки в 100 пунктов, что свидетельствует о высокой степени неудовлетворенности населения собственным материальным положением, экономической ситуацией в стране и области, политической обстановкой, а значит о наличии условий для формирования протестных настроений. Сводный индекс протестных настроений остается на стабильно низких отметках (60-62 п.), что подтверждает низкую вероятность активных протестных выступлений на территории региона.

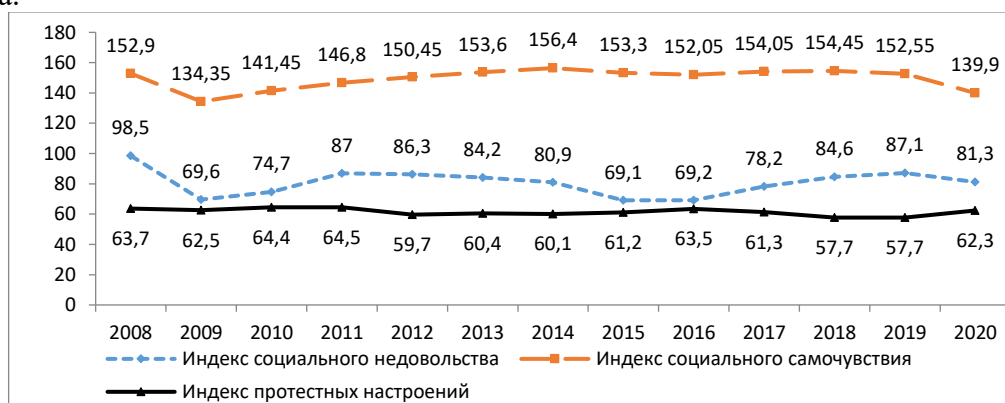

Рис. 2. Динамика индексов оценки протестного потенциала региона*

*Рассчитываются как средняя арифметическая из частных индексов

Таким образом, разработанная система частных и сводных индексов позволяет выявить соотношение позитивных и негативных настроений в обществе, проанализировать их колебания и изменения во времени, сопоставить с другими происходящими в обществе социально-политическими и экономическими событиями [3]. Это способствует более глубокому осмыслению феномена социального протеста, с учетом влияния внешних условий на формирование и изменение протестных настроений.

1. Баранова Г.В. Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 143-152.
2. Дементьева И.Н. Использование индексного метода в социологических исследованиях ИСЭРТ РАН // Вопросы территориального развития. 2014. № 9 (19). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22543026_49653451.pdf
3. Кинсбургский А. В., Топалов М. Н. Социальная напряжённость и массовые акции протеста // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 1 (13). С. 20-34.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЗАЦИИ ДИСКУРСА ЗДОРОВЬЯ КАК ВКЛАД СОЦИОЛОГОВ В ЭКСПЕРТИЗУ В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Дудина Виктория Ивановна
Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности политического дискурса, формирующегося вокруг различных угроз здоровью, изучаются социологами в разных странах. Можно привести примеры исследований, направленных на изучение публичного дискурса, формируемого вокруг эпидемий (например, исследования дискурсивной репрезентации ВИЧ/СПИДа) и террористических угроз. Важность политического измерения здоровья недавно еще раз была подчеркнута ВОЗ, которая отметила необходимость использования в здравоохранении знаний о политике, власти и политическом анализе для повышения эффективности своей работы [3]. Многие исследователи отмечают, что в современном обществе вопросы здравоохранения становятся все более политизированными. Эмпирические исследования в основном рассматривают политизацию дискурса здоровья в медиа. Авторы исследования, посвященного влиянию политизации вопросов здоровья в новостях на поведение людей, проанализировали эволюцию политизации на примере кейсов США: освещение в новостях и споры по поводу необходимости маммографического скрининга в 2009 г. и дебаты 2006–2007 гг. по поводу обязательного введения вакцины против вируса папилломы человека (ВПЧ) для девочек среднего школьного возраста [1]. Исследователи обнаружили, что политизация связана с меньшей поддержкой требований к вакцине против ВПЧ, государственных программ иммунизации, меньшим доверием врачам и правительству. Проведенный анализ показал, что политизация, когда она появляется в дискуссии о здоровье, не только влияет на политические взгляды в конкретной области, но также может влиять на более широкую поддержку институтов. Авторы делают вывод о необходимости дополнительных исследований как для расширения знаний о конкретных механизмах политизации проблем здоровья, и о том, каким образом можно остановить негативные последствия такой политизации. В противоположность мнению об однозначно негативном влиянии политизации на развитие общественного здравоохранения и поведение людей в сфере

здоровья, другое исследование указывает на имманентность политизации общественного здравоохранения и необходимость стимулирования открытого демократического обсуждения процесса разработки политики общественного здравоохранения, что может способствовать снижению негативных эффектов излишней политизации проблем здоровья [2]. Несмотря на противоположные выводы этих исследований, общим является заключение о необходимости изучения и регулирования процесса политизации проблем здоровья. Изучение процессов политизации дискурса, складывающегося вокруг проблематики здоровья, составляет важную часть вклада социологии в экспертное поле общественного здравоохранения.

1. Fowler, E. F. and S. Gollust. "The Content and Effect of Politicized Health Controversies." *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science* 658 (2015): 155 - 171.
2. Goldberg, Daniel S. "Against the very idea of the politicization of public health policy." *American journal of public health* vol. 102,1 (2012): 44-9.
3. Reich M. R. (2019). *Political economy analysis for health. Bulletin of the World Health Organization*, 97(8), 514.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

**Евсеева Лидия Ивановна,
Шипунова Ольга Дмитриевна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого**

Аннотация. Статья посвящена анализу процессов изменения политической коммуникации между властями всех уровней и гражданским обществом в условиях цифровизации. Отмечается важность цифровизации в контексте трансформации политических взаимодействий. Подчеркивается, что процесс формирования успешной политической коммуникации должен происходить постоянно и с расширением платформы взаимодействия.

Формирование основных направлений развития отечественной политической социологии происходит в контексте тех изменений в российском обществе, которые определяют социально-политический ландшафт и темпы трансформации политического капитала. Одно из таких направлений, тесно связанных с потребностями общественно-политической практики, - исследования политической коммуникации между властями всех уровней и гражданским обществом.

В условиях цифровизации, когда ощущается масштабное применение новых информационно-коммуникативных технологий и технических возможностей в осуществлении субъектами социально-политического процесса, то открываются новые горизонты для реализации двусторонней политической коммуникации между государством, населением и гражданским обществом и увеличивают коммуникативные возможности прогрессивных групп. Эти вопросы находятся под пристальным вниманием социологов, которые своим исследовательским контентом помогают актуализировать повестку дня. Более того следует констатировать, что в современной России уже разработаны диагностические методики и накоплен достаточный опыт информационно-аналитического обеспечения политического процесса на основе анализа «больших данных».

В этой связи влияние цифровых информационных мобильных интернет-технологий и способов сетевизации коммуникаций послужило поводом для научных дискуссий о модернизации политических процессов и оценки масштабности диапазона их влияния на политические взаимодействия [1; 2; 3; 4]. Следует учесть, что цифровизация политических процессов и отношений в России не может изучаться изолированно, только

в ракурсе трансформации политической системы, без учета факторов социального самочувствия населения и экономической динамики общества [5]. Динамизм интеграционных процессов и сетевизация гражданского участия предполагает широкое применение информационных технологий для легитимации субъект-субъектных связей в структуре коммуникативных отношений.

Пандемия COVID-19, масштабно, охватившая весь мир, повлияла на интенсивное использование интернет-технологий всеми участниками в цепочке взаимоотношений «государство - общество». Граждане вынуждены были осваивать новые сервисы, пользоваться новыми приложениями и гаджетами. В этих условиях государство одновременно показало готовность обеспечить реализацию прав граждан на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации. Одним из таких инструментов является «Портал государственных и муниципальных услуг Российской Федерации» (портал Госуслуг). В ускоренном режиме были расширены форматы государственных услуг, например, в 2020 году была обеспечена возможность дистанционной подачи документов в 50 вузов страны, разработан цифровой сервис для «Электронного голосования», сервис ежемесячной денежной выплаты на детей от 3 до 7 лет, а также детям до 16 лет. До конца 2021 г. число услуг, предоставляемых на новой платформе ЕПГУ, составит не менее сотни.

Таким образом, процесс формирования успешной политической коммуникации между властями всех уровней и гражданским обществом должен происходить постоянно и с расширением платформы взаимодействия.

1. Евсеева Л.И., Тимофеева Е.П., Шипунова О.Д. *Сетевая политическая коммуникация в модернизации публичной сферы. Технологии PR и рекламы в современном обществе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. С. 151-156.*
2. Обухова Ю.О., Сафонова А.С., Арканникова М.С., Танова А.Г. *Процесс усвоения политических ценностей и динамика развития института гражданского участия в молодежной среде // Коммуникология. 2020. Том 8. №3. С. 95-108. DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-3-95-108.*
3. Поздеева Е.Г. *Институционализация доверия в организации: управленческий аспект // Управление социальными изменениями в нестабильных условиях материалы Всероссийской научной конференции. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Издательство: ООО "МАКС Пресс" (Москва). 2016. С. 446-449.*
4. Сафонова А.С. *Партнерство государства и гражданского общества как механизм реализации коммуникативного подхода к власти. Коммуникативные стратегии информационного общества. Труды X Международной научно-теоретической конференции. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 184-188.*
5. Володенков С.В. *Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 6-24. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-1*

СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Захаренко Надежда Андреевна
МГУ имени М.В. Ломоносова

Понятие «правосознание» многогранно, но в целом его можно определить как совокупность сформировавшихся представлений, установок, взглядов личности, отражающих ее отношение к праву, правовым нормам и явлениям.

Изучение этого феномена актуально для социологии, истории, психологии, и, естественно, для юриспруденции.

К примеру, динамика правосознания, причинно-следственные связи и предпосылки, влияние на соответствующие представления социальных институтов и

групп, а также социальные законы их формирования и развития – вот что обратит на себя внимание социологов.

Отношение людей к системе прав и обязанностей, к элементам правовой действительности, режиму, законодательным нормам в социальных системах различных исторических периодов представляет интерес в рамках исторических наук.

Рассмотрение правосознания с точки зрения психологии, выявляет иную грань в осмыслении этого феномена, поскольку становится возможным фиксировать эмоциональное отношение, переживания людей относительно правовой действительности, реакции их психики на различные факты из правовой и юридической практики.

Центральным звеном правосознания является право, центральным, но далеко не единственным по причине того, что для понимания правосознания факта существования правовой реальности и ее характеристик недостаточно. Здесь важен конкретно-исторический контекст, понимание культурных и иных особенностей носителя правосознания (а именно, конкретных людей, социальных групп и общностей), способствующих формированию того или иного отношения к праву, правовым явлениям и нормам.

Правосознание формируется на стыке правовой реальности, осуществляемой в ее рамках деятельности и отношения, возникающего под влиянием ценностей, культурных традиций и особенностей исторического развития социальных групп и общностей. О важности этого феномена для личности и социума писал И.А. Ильин: «Человеку невозможно не иметь правосознания, его имеет каждый, кто сознает, что, кроме него, на свете есть другие люди. Человек имеет правосознание независимо от того, знает он об этом или не знает, дорожит этим достоянием или относится к нему с пренебрежением. Вся жизнь человека и вся судьба его слагаются при участии правосознания и под его руководством» [1, 127]. Ученый даже придает правосознанию форму неосознанного, независимого от воли и желания человека, более того, он утверждает, что этот феномен «генетически предшествует всякому правотворчеству». С этим с некоторыми допущениями можно согласиться, поскольку человек – существо социальное, и его устремления и установки формируются под непосредственным влиянием окружения, а значит в определенной степени могут быть спрогнозированы. Социальная значимость исследований правосознания заключается в возможности выявления механизмов формирования правосознания, особенностей и динамики его изменений, и в прогностическом потенциале с точки зрения укрепления законности и правопорядка.

1. Ильин И. А. О сущности правосознания // Собр. соч. : в 2 т. - М., 1993. - Т. 1.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ЭКСПЕРТА В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Ивченкова Мария Сергеевна
Институт социологии ФНИСЦ РАН

Глобализация, технологический прогресс и цифровизация приводит к трансформации всех социальных процессов в обществе. Они перестают быть однородными и линейными, они насыщаются рисками, которые требуют интерпретации и оценки степени их влияния [1]. Своевременная реакция на вызовы времени, адекватная оценка политического курса становится залогом успешного развития государства. В этом контексте распространенной и эффективной политической практикой становится обращение к экспертному знанию.

Традиционно эксперт включен в поле публичной политики через некоммерческие общественные организации, профессиональные отраслевые союзы, аналитические центры (фабрики мысли), научные организации. Эксперту необходимо создавать свою деловую репутацию или, в терминологии П. Бурдье, формировать свой символический капитал [2; 3]. Символический капитал по Бурдье предстает в виде, «в каком его воспринимают агенты, наделенные категориями перцепции, происходящими от инкорпорации структуры его распределения, т.е. когда этот капитал узнается и признается как нечто само собой разумеющееся» [2, 70].

Пространство социальных сетей отвечает всем характеристикам социального пространства по Бурдье – это «абстрактное пространство, конструированное ансамблем подпространств или полей ..., которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала, и может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях» [2, 40]. Пространство социальных сетей как с технологической стороны (это ИТ-программы с конкретно прописанными алгоритмами), так и с социальной (это пространство взаимодействия людей) является площадкой для символической борьбы за символический капитал. Ключевой характеристикой символического капитала является общественное признание, в социальных сетях оно формируется за счет подписчиков, лайков, репостов и даже хейта (негативного отношения). Традиционные составляющие символического капитала, обусловленные институциональным признанием становятся менее значимыми и зачастую выступают лишь инструментами манипулирования перцепции.

Общественное признание, полученное в социальных сетях, невозможно игнорировать, поэтому мы все чаще видим блогеров включенными в поле публичной политики – они становятся участниками рабочих групп и общественных советов при органах госвласти, участниками политических дебатов.

Наличие символического капитала эксперта несет за собой ответственность. Дискуссию о персональной ответственности начинает У. Бек, обращая внимание, что перепроизводство рисков ведет к отсутствию персональной ответственности в ходе любого социального действия [1]. Позже идея об отсутствии персональной ответственности экспертов находит осмысление в работах Нассима Талеба [4], Тома Николса [5], отечественного философа Ашкерова А.Ю.[6] На наш взгляд, персональная ответственность эксперта может быть «вшита» только в культурный капитал, дополняющем символический капитал.

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК НАУКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Кажанов Олег Александрович
Смоленский государственный университет

На рубеже XX – XXI веков начинается процесс дисциплинарной определенности электоральных исследований в рамках социально-гуманитарного знания, который продолжается и в настоящее время. Большую популярность среди обществоведов получила идея позиционирования проблематики электоральных исследований в рамках конкретной отраслевой социологической дисциплины («Электоральная социология»). Однако процесс становления нового научного направления сталкивается с рядом теоретических вопросов, дискуссионный характер которых привлекает внимание исследователей.

Во – первых, остается открытой проблема позиционирования электоральных исследований в научно-дисциплинарном континууме [7, 129]. Отдельные исследователи предлагают рассматривать социологию электората (электоральную социологию) как самостоятельную отраслевую социологическую дисциплину, обосновывая это особой значимостью в настоящее время вопроса о легитимизации власти, решить который невозможно, не зная природы электората и его правовых полномочий [6, 203]. Другие рассматривают ее как раздел социологической дисциплины. Ряд авторов (Ю.С. Колесников, В.И. Курбатов, И.В. Мостовой, С.И. Самыгин и др.) в своих публикациях отождествляют понятия «электоральная социология» и «социология выборов» [например, 4,85]. Часть исследователей (А.Шевцов, В.Ф.Ковров, Задорин И.В. и др.) рассматривают электоральную социологию как составную часть политической социологии. Нельзя не отметить точку зрения, представители которой считают электоральные исследования частью современной политологии [1].

Во-вторых, неоднозначно оценивается специалистами предметный ареал новой научной дисциплины. Исходя из прикладного характера электоральных исследований, Ю.В. Колесников, Е.С. Григорьева, И.О. Кузнецова считают ядром электоральной социологии социологию электората [4, 85, 9, 6-7]. Д. Г. Ротман, А. А. Тарнавский, И. В. Левицкая и др. расширяют объектную базу исследований, включая в состав субъектов поля политики не только рядовых избирателей, но и политическую элиту, органы власти и оппозицию, партии и движения [10,7]. Об усилении методологической составляющей содержания электоральной социологии пишет В.Ф. Ковров, ставя в центр научных исследований социологическое измерение феномена электорального процесса [3, 116, 117].

В - третьих, открытым остается вопрос об исторических «корнях» современных российских электоральных исследований. Для ряда исследователей, своеобразной временной точкой отсчета в этом процессе стал рубеж 80-90-х годов XX века. Электоральное поведение россиян, по мнению В.Федорова, появилось как феномен на заре перестройки [7, 153]. Соответственно, российская электоральная социология могла формироваться лишь на основе зарубежного опыта теоретических и практических исследований в этой научной области. Другие указывают на тот факт, что попытки изучения феномена электорального поведения в нашей стране предпринимались задолго до перестроечного и постперестроечного периодов [2,6; 5, 6]. Обращение к историческому опыту отечественных электоральных изысканий позволяет лучше разобраться в специфике методологии современной науки о выборах.

Подводя итог, отметим, что результаты дискуссии, на наш взгляд, будут способствовать выяснению специфики современного российского общественнознания через рассмотрение определенного сегмента [8, 129].

1. Гельман В. Электоральные исследования в российской политологии: «нормальная наука» в «нормальной стране»? URL: <https://polit.ru/article/2007/09/25/electoral/>
2. Гришин Н.В. Электоральные ориентации населения юга России: концептуальный анализ: автореферат дисс. ... д-ра политических наук. Астрахань, 2011. – 52с.
3. Ковров В.Ф. Теоретико-методологические проблемы отечественной электоральной социологии // Наука и современность. – 2011. - №8-2. – С. 114 - 119.
4. Колесников Ю.В. Прикладная социология. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2001.- 320с.
5. Савинков Ю.Н. Социальные факторы управления электоральным поведением в регионе: автореферат дисс. ... канд. социолог. Наук. – Орел, 2004. – 27с.
6. Социология: учеб. пособие / под.общей ред. А.Н.Елсукова. - Минск: ТетраСистемс, 2003. – 544 с.
7. Федоров В. Введение в теорию электорального поведения. М.: Праксис, 2010. – (Серия «Образ общества»). – 383 с.
8. Шевцов А.В. Зачем нужна электоральная социология: российская версия рубежа тысячелетий // Вестник СПбГУ. Сер.12. Вып.2. – 2013. - С.129-135.

9. *Электоральная социология: учеб. пособие / С.Б. Суровов, И.О. Кузнецова, Е.С. Григорьев и др.; под ред. С.Б. Суровой. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО "Сарат. гос. акад. права", 2009. – 214с.*

10. *Электоральные социологические исследования. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002 – 98с.*

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ»

Калеганова Анастасия Владимировна
Уральский государственный университет путей сообщения

Автор благодарит научного руководителя доцента Лебедева Максима Сергеевича за помощь в оформлении и подготовке доклада.

Выявление отношения студентов к правящей партии (партии власти) и ее деятельности актуально, поскольку молодежь является перспективной электоральной базой, позволяющей добиться партии успеха в политической борьбе в дальнейшем.

Анкетирование студентов с помощью google-формы показало, что большинство респондентов (73%) следят за политической жизнью, но отношение к самой партии «Единая Россия» оказалось неоднозначным. Согласно данным исследования, студенческая молодежь заинтересована в участии в политической жизни страны и хотят активно участвовать в политической жизни страны (93% опрошенных). Однако, большая часть респондентов не одобряют деятельность партии «Единая Россия» и не согласны с тем, что данная партия делает существенный вклад в развитие нашей страны (82% не одобряют полностью или частично). Если говорить о причинах данного мнения, этот вопрос остается открытым. Очевидно, что большинство респондентов (87%) не достаточно хорошо знакомы с результатами деятельности политической партии «Единая Россия», но тем не менее, как показано выше, не одобряют ее деятельность. Причиной этого является сформировавшийся в обществе негативный образ Партии «ЕР».

Отметим некоторые рекомендации, реализация которых, на наш взгляд, позволит решить проблему негативного образа студенческой молодежи партии «Единая Россия». Очевидно, что ребрендинг партии необходим «Единой России», которая должна сделать ставку на молодое поколение, ее интересы и увлечения. Для этого можно предложить, например, устраивать разные открытые для молодёжи мероприятия и концерты, благодаря которым привлекать и располагать к себе все большее количество человек.

Для создания положительного образа Партии необходимо чаще освещать в СМИ реальные достижения членов партии, акции и мероприятия, которые проводит Партия для решения проблем в различных сферах общественной жизни. Также необходимо чтобы члены Партии строго соблюдали законодательство РФ и не были замешены в коррупции. Деятельность Партии должна быть направлена на обеспечение защиты законных интересов субъектов правоотношений от преступных посягательств и обеспечение возможность применения к правонарушителю мер принудительного правового воздействия [1, 4].

Обобщая вышеизложенное, отметим возможность формирования положительного образа партии «Единая Россия» среди студенческой молодежи. Руководству Партии необходимо понимать то, какой хочет видеть молодежь свою страну в ближайшем будущем и прислушиваться к ее мнению при принятии управленческих решений.

1. Лебедев М.С. Роль права в системе социального нормативного регулирования // Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности: материалы Всероссийской научной конференции, Комсомольск-на-Амуре, 2021. С. 63-66.

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ НЕФОРМАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ НА МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Карандашов Иннокентий Игоревич
Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-514-12001; автор выражает благодарность Александру Евгеньевичу Кутейникову

Межправительственные неформальные объединения (МНФО) – структуры, которые образуются государствами, но при этом не являются международными организациями (МО), поскольку не обладают международной правосубъектностью [1] (БРИКС, Арктический совет и т.п.). Будучи акторами мирового порядка, они способны влиять на международное право – например, препятствовать или способствовать расширению содержания его норм.

Так, деятельность стран БРИКС явно направлена на ограничение случаев применения концепции «обязанности защищать» (R2P) путем опоры на такие принципы международного права, как принцип невмешательства во внутренние дела государств, принцип неприменения силы или угрозы силой, принципы суверенитета и территориальной целостности, в ситуациях, когда эти принципы могут конкурировать с R2P. Однако исследование голосования стран БРИКС в Совете Безопасности ООН позволяет предположить, что их позиции относительно того, в какой момент подлежит применению все же R2P, а не упомянутые принципы, могут существенно различаться. Это ослабляет возможности влияния БРИКС на данный аспект международного права через каналы, которые есть в распоряжении входящих в него стран (двустороннее сотрудничество с иными странами, международные организации (ООН, ШОС и т.д.) и другие), поскольку, на самом деле, позиции стран БРИКС по данному вопросу неодинаковы.

В целом, такой подход к исследованию влияния МНФО на международное право может быть использован и применительно к другим МНФО, а его результаты заслуживают обсуждения в рамках учебных курсов "Социология права", "Социология организаций". Изучение этих вопросов студентами способно расширить их понимание многообразия влияния объединений государств на социальные и политические процессы.

1. *Международная правосубъектность – отличительный признак МО, что следует, в частности, из ст. 2(a) Проекта статей об ответственности международных организаций, принятого Комиссией международного права ООН (КМП ООН) на ее 63 сессии в 2011 г. (DARIO), ст. 6 Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями от 21.03.1986. И хотя DARIO в большей степени отражает прогрессивное развитие международного права, чем его кодификацию (см. п. 5 общего комментария к DARIO КМП ООН [Report of the International Law Commission, Sixty-third session (26 April – 3 June and 4 July – 12 August 2011), A/66/10, NY: United Nations, 2011, p. 70]), а Венская конвенция в силу не вступила, оба эти документа свидетельствуют о тенденции понимать под МО только ту структуру, которая обладает международной правосубъектностью*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА В ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Карпова Наталья Владимировна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Современные тенденции в системе социального знания устойчиво демонстрируют повышение интереса к культурологическому измерению различных аспектов социальной жизни, охватывая в том числе и сферу социально-политической практики. Это касается и культурного анализа функционирования социально-политических систем, который по преимуществу основывается на концепциях политической культуры, возникших еще в середине прошлого столетия в трудах американских ученых (Г. Алмонд, С.Верба, Л. Пай и др.) [1], но этим, безусловно, не ограничивается, а наоборот, требует их расширения и поиска интеграционных возможностей, имеющихся в арсенале современных социальных наук.

Поиски ответов на вопросы о понимании и сравнении особенностей и развития социально-политических систем приводят в русло социокультурного анализа, метода, возможности которого позволяют осуществлять исследование социально-политических действий в совместном формате их культурных и социальных характеристик. Применимость социокультурного анализа к исследованию социально-политических систем обосновывается, во-первых, его совместимостью с методологией структурного функционализма, а, во-вторых, специфика этого метода, содержащаяся в комплексном сочетании «институциональных и внеинституциональных сторон социальной жизни» [2;16], позволяет наиболее полно раскрыть возможные влияния, проистекающие со стороны субъективных оснований на характер функционирования социально-политических систем. Методологические ориентиры социокультурного анализа дают основания исследовать проблемы соответствия или противоречия культурной генетики социально-политическому развитию системы, определять механизмы преодоления этих противоречий, отражать влияние цивилизационных особенностей государства, национальных культур и религии.

В качестве наиболее эффективных методологических принципов социокультурного анализа для исследования социально-политических выделим основные. Это: *принцип взаимопроникновения культуры и социальности*, обозначающий наличие взаимосвязи и взаимовлияния между этими двумя присущими любой социальной системе координатами [4,5]; *принцип социокультурного равновесия*, указывающий на допустимые возможности эволюции каждой конкретной социально-политической системы и необходимость наличия баланса между культурными традициями и структурными изменениями; *принцип единства и взаимосвязи естественных и искусственных элементов социальной жизни* [5,307], который предполагает анализ социально-политической системы, как с учетом контекста исторического кода, так и сознательного управления социально-политическими процессами; *принцип единства «гетерогенных и гомогенных факторов социокультурного развития»* [5,308]; а также принцип «единства и взаимосвязи функциональных и динамических процессов», основания которого дают возможности исследовать развитие системы через призму допустимых изменений, определяемых непосредственно со стороны самой культуры, что особенно важно для социально-политических систем, переживающих структурные трансформации.

1. Алмонд Г., Верба С. *Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах*. М.: Мысль, 2014.

2. Бызов Л.Г. *Контуры новорусской трансформации. Социокультурные аспекты формирования современной российской нации и эволюции социально-политической системы.* М.: РОССПЭН, 2013.
3. Ионин Л.Г. *Социология культуры: Учеб. пособие.* М., 1996. С. 16.
4. Лапин Н.И. *Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования.* 2000. №7. С. 3-11. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/020/174/1217/001.LAPIN.pdf> (дата обращения 10.06. 2021)
5. Резник Ю.М. *Социокультурный подход как методология исследования // Вопросы социальной теории.* 2008. Т. II. Вып. 1. С.305-327.
6. Алмонд Г., Верба С. *Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры // Полития.* 2010. №№ 1-2; 3-4.
7. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. *Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: Учебн. пособ./ под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля.* М.: Аспект Пресс, 2002.
8. Бердяев Н.А. *Русский народ. Богоносец или хам? / Николай Бердяев, Николай Лосский.* М.: Алгоритм, 2014.
9. Бызов Л.Г. *Контуры новорусской трансформации. Социокультурные аспекты формирования современной российской нации и эволюции социально-политической системы.* М.: РОССПЭН, 2013.
10. Заславская Т.И. *Современное российское общество: Социальный механизм трансформации: Учеб. пособие.* М.: Дело, 2004.
11. Ионин Л.Г. *Социология культуры: учеб. пособие для вузов.* М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.
12. Ирхин Ю.В. *Социология культуры.* М.: Экзамен, 2006.
13. Карпова Н.В. *Политическая культура как структурный элемент механизма функционирования политических систем // Вестник Московского университета. Сер.18. Социология и политология.* 2016. №1. С.182-199.
14. Лапин Н.И. *Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования.* 2000. №7. С. 3-11. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/020/174/1217/001.LAPIN.pdf> (дата обращения 10.04. 2021)
15. Логунова Л.Ю. *Социокультурный подход: специфика применения микроанализа // Вестник Томского государственного университета.* 2015. № 397. С. 48–55.
16. Парсонс Т. *О социальных системах.* М.: Академический проект, 2002.
17. *Политология: учеб. / А.Ю. Мельвиль.* М.: МГИМО, ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004.
18. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. *Питирич Сорокин и социокультурный подход // Наследие.* 2013. №3. С. 10-23.
19. URL: https://www.academia.edu/37982882/Питирич_Сорокин_и_социокультурный_подход (дата обращения 12.04.2021).
20. Резник Ю.М. *Социокультурный подход как методология исследования // Вопросы социальной теории.* 2008. Т. II. Вып. 1. С.305-327.
21. Сорокин П.А. *Человек. Цивилизация. Общество.* М.: Политиздат, 1992.
22. Темницкий А.Л. *Социокультурное в условиях сложного общества: от нерасчлененного понятия к дуальным оппозициям // Вестник МГИМО Университета.* 2011. №4. С. 180-187.
23. Тощенко Ж.Т. *О понятийном аппарате в социологии // Социологические исследования.* 2002. № 9. URL: https://www.isras.ru/socis_2002_9.html?printmode (дата обращения 15.04.2021)
24. Федоркин Н.С. *Методологический потенциал сравнительных исследований социально-политических систем // Пространство и время.* 2013. №3. 36-44.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ БАЗЫ ДАННЫХ О МИРОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Ковтун Екатерина Андреевна
Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет),
Первая Мария Дмитриевна
Санкт-Петербургский государственный университет

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и
Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного
проекта № 21-514-12001*

Исследования сферы международных отношений, в том числе международных учреждений, на современном этапе требуют внимания как к теоретическим основам, так и к методологическим основам. При этом можно выделить несколько основных положений, которые необходимо учитывать исследователю международных отношений: 1) соотношение нормативного и эмпирического – какова выбранная теоретическая рамка, как можно операционализировать основные понятия; 2) обеспечение валидности данных, получаемых самостоятельно или агрегированных; 3) сочетание качественно-количественных методов для обеспечения полноты и точности аналитических заключений. Безусловно, указанные положения требуют от исследователя овладения компетенциями, позволяющими с использованием информационных технологий решать задачи по сбору, обработке, анализу и интерпретации данных.

В рамках исследовательского проекта «A Theory of World Entities» (ATOWE) реализуется разработка базы данных о мировых учреждениях. В целом статистические данные широко используются в прикладных международных исследованиях. Так, данные о международных организациях представлены на сайте ООН, включая отчеты, списки организаций, пополняющиеся ежегодно [2], а также, к примеру, на сайте Союза международных организаций (UNION OF INTERNATIONAL ASSOCIATIONS) [1]. Часто данные о международных организациях, их составе, территориальном расположении включаются в ресурсы, доступ к которым предоставляется исследовательским институтам и университетам. В России информацию о международных организациях можно найти на сайте МИД РФ [3], а также на сайте Российского совета по международным делам (РСМД), где также публикуются актуальные новости с участием данных структур в политическом процессе [4].

Разрабатываемая коллективом проекта ATOWE база данных имеет ряд особенностей: с точки зрения методологии с её основу включены как классические элементы/переменные, часто встречающиеся в других базах данных, так и авторские разработки, касающиеся, например классификации сфер деятельности мировых учреждений, статуса участников/членов международных учреждений и формата их влияния на международную политику. Основной задачей при разработке переменных являлась четкая операционализация предлагаемых для включения в базу данных признаков международных учреждений без их избыточной дробности, с целью дальнейшей эмпирической классификации и кластерного анализа. С точки зрения аргументированности выводов, получаемых в ходе эмпирического исследования, классификация эмпирического материала базы данных, основанная на количественных градациях, позволяет выявить как степень выраженности определенных признаков, так и интенсивность связей международных учреждений.

Важно отметить, что для будущих специалистов, социологов, разрабатываемая база данных может быть использована как в учебном процессе, так и при проведении

научных исследований. В частности, для формирования компетенций социологов важно изучение не только содержания базы данных, но и методологических принципов и алгоритмов её формирования.

1. *Open Yearbook* // UIA. URL: <https://uia.org/projects/open-yearbook> (Дата обращения: 09.10.2021)
2. *Resources: international organizations* // United Nations. URL: <https://research.un.org/az.php?q=international%20organizations> (Дата обращения: 09.10.2021)
3. *Международные организации и форумы* // МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/mezhdunarodnye-organizacii-i-forumy> (Дата обращения: 09.10.2021)
4. *Российский совет по международным делам* // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/> (Дата обращения: 09.10.2021)

КАК ИССЛЕДОВАТЬ МИРОВЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И ПРЕПОДАВАТЬ ЗНАНИЯ О НИХ С ПОЗИЦИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ?

Кох Мартин
Билефельдский университет

The reported study was funded by DFG and RFBR, project number 21-514-12001

More than 30 years ago, Ness and Brechin [1] deplored in an article the theoretical-conceptual gap of interdisciplinary research from International Relations (IR) and Organizational sociology on international organizations (IOs). Today, we find a vast number of both theoretical and empirical research on IOs using insights from organizational sociology. However, the gap is not filled yet but it rather got deeper since a number of institutionalized forms of intergovernmental cooperation (world entities) has been identified as meaningful actors in world politics. There is no scarcity on empirical studies illustrating how different world entities such as IOs like the IMF, international groups like the G7 and G20 or international conferences contribute to world order. But it remains unclear to what extent this world entities and their roles are captured theoretically. IR theories either lean on definitions of IOs from International Law or metaphorically describe them as instruments, arenas, actors or more recently as bureaucracies. These theories put a strong emphasis on states and relationships between IOs and states but they do not grasp world entities as objects of research. To address this gap, the paper suggests reconceptualizing world entities as *open systems* that are embedded in their organizational environment [2]. The environment of world entities is not—or at least not only—comprised of states, but of a global social world, or, more specifically, world society. The analysis of world entities can be structured along a heuristic derived from organizational sociology that allows differentiating three (analytical) categories: (1) the inner world of world entities such as the structures, processes and participation in decision-making; (2) the organization-environment relations, i.e. any external relations of world entities, and (3) the role of world entities in contributing to world order.

The argumentation of this paper is structured in three steps. In a first step, the concept of world entities will be introduced and it will be shown how some of these world entities have been studied. In a second step the perspective of open system will be introduced which helps to differentiate the three dimensions: inner world, external relations and contributions to world order. In a third step, it will be explained how world entities can be seen as open systems. Illustrations from an ongoing research on the role of G20 in world politics will be presented which will undergird our theoretical model. Finally, it will be elucidated how this three dimensional concept to study world entities can be used in university teaching.

- [1] Ness, Gayl D. and Steven R. Brechin (1988). "Bridging the Gap: International Organizations as Organizations." *International Organization* 42(2): 245-273.
- [2] Scott, William Richard (1992). *Organizations: Rational, Natural, and Open Systems*. Englewood Cliffs, NJ, Prentice-Hall.

СОЦИАЛЬНЫЕ СУБЪЕКТЫ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ-ПОБРАТИМОВ БЛАГОВЕЩЕНСК И ХЭЙХЭ)

Красновид Даниил Юрьевич
Санкт-Петербургский государственный университет

Цель данного сообщения заключается в том, чтобы:

1. Дать краткую характеристику сотрудничества города Благовещенска и Хэйхэ
2. Обозначить социальные субъекты (страты, коммерческие предприятия, НК организации, городские органы власти) вовлечённые в сотрудничество и извлекающие выгоду
3. Определить скрытый смысл для Китая
4. Какой может быть наш ответ?

Стремительные попытки политического продвижения Китая с восточной стороны России находятся под пристальным наблюдением большого количества российских аналитиков, исследователей, историков и других заинтересованных на профессиональном уровне специалистов. Продолжает наблюдаться и активное взаимодействие между территориями, относящимися с одной стороны к Дальнему Востоку России, а с другой стороны - к Северо-Востоку Китая. Интересы Китая к нашей территории Дальнего Востока обусловлены наличием больших запасов природных ресурсов, энергоресурсов, обширной свободной площадью для сельскохозяйственной сферы. Выгоду могут извлечь сельскохозяйственные, кондитерские, строительные компании. В дополнение к этому, необходимо будет обучить требуемое количество людей новым навыкам, профессиональным умениям и иностранному языку.

Так, например, в столице Амурской области - городе Благовещенске планируется построить канатную дорогу через реку Амур до соседнего китайского города-побратима Хэйхэ китайской провинции Хэйлунцзян. Эти два города имеют стратегическое значение для обоих государств-участников ШОС. В дополнение к этому, следует сказать, что у российские исследователи размышляют и о том, какая политическая деятельность преследуется Китаем? Планируется, что целевой пассажиропоток в обоих направлениях может достигнуть цифры до 2,5 миллионов человек в год, а пропускная способность будет на уровне 6-7 тысяч человек в день, что позволит круглогодично пересекать границу. Запуск канатной дороги в эксплуатацию планируется на 2023-2024 год.

Ожидается, что к этому времени вопросы с пандемией COVID-19 удастся решить. Даже использование канатной дороги только лишь в качестве нового узла экономического сотрудничества сможет предоставить огромную возможность для быстрого перемещения лёгких грузов, доступных для загрузки канатных кабин. Данная транспортная инфраструктура позволит создать новые рабочие места для специалистов из разных сфер. Не исключено использование канатной дороги для всевозможных программ обмена студентов, работников предприятий для обмена опытом, выстраивания новых социальных отношений и углубления взаимодействия в политической, социально-экономической и культурной деятельности. Подразумевается, что данная канатная дорога также может принять китайских туристов с других соседних провинций.

Важным вопросом выступает поиск золотой середины по экономическим выгодам как для Китая, так и для России. Для многоотраслевого расширения социально-экономического сотрудничества России и Китая требуется создать технологичную инфраструктуру на уровне отдельных субъектов с каждой стороны соседствующих государств.

Не стоит забывать о том, какие интересы будет ставить для себя Китай. Трансграничный переход на китайском языке 跨界过道 (куацзе годао), что в переводе на русский язык может обозначать ничто иное как быстрый выход за пределы границ. Такой скрытый смысл в целях Китая на будущее воссоединение с территорией России посредством трансграничной канатной дороги необходимо просчитать, чтобы избежать неравномерной выгоды для России. Не исключено, что существует определённая доля опасения со стороны российских исследователей в этом вопросе. Следует уточнить тот факт, что эта территория является трансграничной агломерацией Благовещенск-Хэйхэ. Исторически сложилось, что давно китайцы уже находились на территории нынешнего Благовещенска, что даёт им осведомлённость о данной территории и, видимо, вызывает огромный интерес в попытках закрепления в качестве экономического партнёра. Актуальными по сей день остаются суждения о том, является ли такая заинтересованность Китая в сотрудничестве с Россией? Может ли это быть скрытый политический ход Китая или это попытка применения так называемой «мягкой силы дракона»? Какие цели ставят перед собой китайские руководители или быть может это является началом действий по попыткам осуществления влияния на новых рубежах?

СПЕЦИФИКА СЕТЕВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ТРОЛЛИНГА

Кручинина Полина Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет

Троллинговые стратегии давно находят активное применение в Интернет-коммуникации. Обсуждения на темы новостной повестки, экономики, социального устройства являются хорошей площадкой для политических интернет-троллей. Деструктивное проявление троллинга позволяет реализовывать различные задачи от дезинформации до формирования общественного мнения.

Наиболее известные кейсы, описывающие явное участие сетевых троллей в формировании политического дискурса, рассматривались исследователями, начиная с 2010-х годов. Этот период был ознаменован рядом масштабных геополитических событий и формированием новых для цифровой среды тенденций.

Подобные изменения мы можем наблюдать сегодня, когда все сферы частной и общественной жизни подвергнуты влиянию пандемии COVID-19, и, как следствие, «инфодемии». Распространение вирусного контента, фабрикация новостей, фишинг и применение троллинговых стратегий способствуют тому, что каждый пользователь сети, «цифровой потребитель», оказывается под влиянием «четвертого Интернета» - сетевого пространства, направленного на идеологическую пропаганду и реализацию цифрового управления.

Большинство стратегий, характерных для цифрового политического троллинга, являются скрытыми. Исследование политических форумов показало, что дискуссионный дискурс на них ориентирован на информативность, выражение собственного мнения, при этом почти абстрагирован от личности участников обсуждения. Эти особенности не позволяют применять открытые троллинговые стратегии, классификацию которых предлагает К. Хардакер, что затрудняет выявление и анализ неявного троллинга.

Основной тактикой сетевого политического троллинга является дискредитация, создание конфликтной, полемической ситуации. Иллюстративными примерами могут служить астротурфинг (искусственное формирование точек зрения), спам-рассылки и применение цифровых ботов. В основании этих технологий, однако, лежат более сложные и глобальные процессы влияния на общественное мнение, распространения дезинформации и формирования идеологии.

Для выявления троллинговых стратегий, в том числе направленных на политические задачи, сегодня разрабатываются специальные алгоритмы и программные приложения. Изучение информации о проявлении троллинга в сетевой политической коммуникации является перспективным направлением, так как позволит предложить новые пути решения существующей проблемы.

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ МИРОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Кутейников Александр Евгеньевич
Санкт-Петербургский государственный университет

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и
Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного
проекта № 21-514-12001*

В докладе обосновывается возможность и необходимость разработки термина «мировые учреждения» с позиций социологического подхода. Наиболее часто употребляемый термин «международная организация» не в полной мере отражает содержание обозначаемого им понятия. Иногда применяются другие термины, например «международные институты», «многосторонние международные институты», «международные организации и межгосударственные объединения», «многосторонние механизмы», но при этом зачастую данные термины выступают всего лишь как синонимы «международных организаций». Термин «международная организация» прочно закрепился в системе научной терминологии. Однако развитие многостороннего международного сотрудничества и, в частности, появление новых классов международных структур заставляет искать новые, современные понятия, адекватно отражающие реальность.

Сходство по внешним признакам, обусловленное единством принципа организации, еще не означает сходства по существу.

С позиций социологической науки мировые учреждения – это совокупность нескольких различных подклассов организационных форм, объединяющих государства для решения определенных задач.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ ИНВАЛИДАМИ, ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ВЫБОРОВ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИИ ПОЛИТИКИ

Ложкина Анна Вадимовна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Выборы – это политический институт, с помощью которого граждане осуществляют свое право (и обязанность) решать, кто будет управлять государством от их имени. Основной функцией выборов можно считать выбор политического курса.

Различают три уровня выборов – федеральные, региональные и муниципальные (местные). В зависимости от уровня выборов действует определенная система избирательных комиссий. Кратко обозначим категории инвалидности избирателей, которые мешают реализации их избирательных прав: слепые и слабовидящие; глухие; слепоглухие; избиратели с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата [1].

Далее поясним, какие именно элементы оснащения инвалидов нужны на избирательных участках: специальная кабина для тайного голосования – позволяет человеку, который использует кресло-коляску, находится внутри кабины, для заполнения избирательного бюллетеня; специально оборудованное место для тайного голосования – столик с настольной ширмой, стенками, перегородками для избирателей, заполняющих избирательный бюллетень сидя; тактильные указатели; тактильные наземные указатели – средства отображения информации, представляющие собой рельефные полосы определенного рисунка и цвета, позволяющие инвалидам по зрению ориентироваться в пространстве путем осязания стопами ног, тростью; увеличенный шрифт для информационных материалов или шрифт Брайля.

Следовательно, при подготовке к проведению голосования с участием инвалидов избирательным комиссиям нужно: уточнить места фактического проживания инвалидов с целью определения их желания проголосовать в помещении для голосования (или вне помещения); определить необходимость организационно-технического обеспечения голосования для инвалидов (сурдоперевод, помощи волонтеров, специализированного автотранспорта); произвести оборудование помещения для голосования с учетом категории инвалидности участников голосования [2].

Причины, затрудняющие реализацию активного избирательного права отдельными категориями граждан: избирательное законодательство, не отражает особенности правового положения отдельных категорий избирателей и в отдельных случаях не позволяет реализовать гражданам конституционное право на представительство; избирательные комиссии не всегда могут обеспечить полноценную возможность участия отдельных категорий избирателей; инфраструктурная недоступность избирательных участков. Полагаем, что в федеральном законодательстве нужно предусмотреть ответственность должностных лиц органов власти, не реализующих или реализующих формально требования к обеспечению доступной среды для инвалидов.

ДОВЕРИЕ С ПОЗИЦИЙ СОХРАНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Максимова Светлана Геннадьевна
ФГБОУ ВО "Алтайский государственный университет"

Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта РФФИ № 19-011-00417 «Факторы и механизмы формирования доверия в системе сохранения социальной безопасности в приграничных регионах России» (2019-2021)

Социальная безопасность является комплексным феноменом, имеющим объективно-субъективную природу и проявляющимся на различных уровнях функционирования общества: отдельных индивидов, социальных общностей и групп, отдельных регионов, общества в целом [1, 2]. Дуальность безопасности, ее зависимость от индивидуальных стратегий и структурно закрепленных и ограниченных возможностей, институциональная природа рисков и угроз обуславливают необходимость разработки особого методического подхода для ее анализа в приграничных регионах России.

Достаточно важным для методологического и методического обоснования изучения социальной безопасности нам представляется важным рассмотрение механизмов формирования и взаимообусловленности доверия и социальной безопасности в приграничных регионах России.

Социологические исследования проведены в приграничных регионах России (шесть регионов – Хабаровский и Алтайский край, Амурская, Омская и Оренбургская области, Республика Алтай, n = 3339 респондентов), в рамках которых изучались особенности проявления доверия (межличностного, институционального), рисков и угроз сохранения социальной безопасности населения.

Исследования показали, что для современного общества характерны невысокие показатели общественного доверия, как межличностного, так и институционального. Основная часть населения оценивает уровень обобщенного и межличностного доверия преимущественно на среднем уровне. Анализ межличностного доверия показывает, что население чаще доверяет своему непосредственному окружению, чем окружающим людям в целом. Наибольшее доверие своему окружению демонстрирует население Хабаровского края, там среднее значение составляет 7,79, в Амурской области этот показатель находится на уровне 6,67, в Омской области – 6,36, в Оренбургской области и Алтайском крае – 6,12 и 6,05 соответственно, и самые низкие значения доверия окружающим регистрируются в Республике Алтай – 5,91. Также следует отметить, что основная часть населения демонстрирует установку на доверие только ближнему окружению (семье, друзьям, близким знакомым).

Что касается оценок социально-экономического положения, то в целом по выборке, респонденты отнесли регион своего проживания к неблагоприятному и слабо развитому или бедному и депрессивному. Население сильнее всего опасается экономических, правовых, демографических и экологических угроз, в то время как угрозы военные и политические беспокоят его в наименьшей степени. Приграничное положение региона является важным фактором, который усиливает выраженность сформировавшихся в регионе угроз.

Население всех шести регионов обладает весьма слабым защитным ресурсом в случае необходимости защитить себя от разнообразных угроз безопасности. Наиболее распространенными стратегиями обеспечения безопасности стали: отсутствие ответной реакции на угрозу, обращение в правоохранительные органы и обращение за помощью к

родственникам, друзьям или знакомым. Именно эти стратегии реагирования на угрозы используют жители российского приграничья.

1. Кузнецов В.Н. Социология безопасности: формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе / Приложение журналу «Безопасность Евразии». – М.: Республика, 2002. – 367 с.
2. Попов Е.А., Максимова С.Г. Социальная безопасность как объект исследования в социологии: вопросы трактовки категории и построения концепции // Политика и общество. 2015. № 1 (121). С. 14-23

СУБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТЕСТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ФЕНОМЕН «НЕВЕРОЯТНОСТИ»

Назарова Дарья Вячеславовна
Институт социологии НАН Беларуси

События после выборов Президента Республики Беларусь в августе 2020 года запустили весьма сложные политические проблемы и вопросы, которые эксперты пытаются разгадать до сих пор. Основным оппонентом действующего главы государства стал протестный кандидат, представленный за месяц до выборов, – не имеющий политического опыта (жена блогера, домохозяйка), лидерских качеств, ораторского мастерства, и вообще какой-либо политической программы. Обнаружился управляемый, координированный и целенаправленный характер протестов. Лидерами оппозиции и скооперировавшимися оппозиционными СМИ не только задавались формы реакции и рефлексии, но проговаривались и основные направления, шаги в «борьбе» к «победе». Также весьма широко использовались методы Дж. Шарпа [1], которые однозначно идентифицируют в ходе «цветных революций» во всем мире. Для социологической рефлексии политических процессов в Беларуси недостаточно опросных методов, фиксирующих лишь изменчивое состояние общественного сознания в условиях информационного хаоса. Наибольший эвристический потенциал дает обращение к таким методологическим подходам, как «теория хаоса» или «расширенного порядка», «конструирование социальной реальности» и «теорема Томаса».

Концепция расширенного (спонтанного) порядка принадлежит Ф.А. Хайеку, стороннику экономического либерализма и свободного рынка. Экономический и социальный порядок, по его мнению, в идеале возникает спонтанно, а управление экономикой наносит лишь вред. В политике идея нелинейности представлена концепцией Ст. Манна «Теория хаоса и стратегическое мышление» [2], которая во многом определила не только методологию анализа, но и последующую военно-политическую стратегию США. Из метода анализа она превращается в стратегию военных действий по изменению политических систем разных стран. «Политика – это продолжение войны языковыми средствами» [2, 55]; аксиомой признается конфликтная природа человека и «чтобы изменить конфликтную энергию народов – уменьшить ее или направить в русло, благоприятное для наших целей национальной безопасности, – нам необходимо изменить программное обеспечение» [2, 66]. Внедренная идеология как вирус «будет самовоспроизводиться и распространяться довольно хаотичными способами... Это единственный способ построить мировой порядок» [2, 66]. Аналогичная ситуация произошла с концепцией интеракционистского подхода: ее также *стали использовать не для понимания социальной реальности, а для ее конструирования как социальную технологию*. Р. Мертон в 1995 г. выделяет «теорему Томаса»: «Если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям» [3, 380] лишь как ключевую интерпретационную схему. Но как социальная технология она приводит к конфликтам:

когда чья-то субъективная реальность в самоидентичности («я Президент» или «мы победили») юридически претендует на общественную. Лозунгом оппозиции, который они для себя выбрали, стал – «Мы невероятные!». В демократических странах подобное юридическое признание происходит с разнообразной сексуальной самоидентичностью. В 2020 г. в Беларуси такое конструирование политической реальности через средства массовой информации не сработало. Менталитет белорусов оказался не готов признать субъективную политическую реальность меньшинства за общественную реальность.

1. *Gene Sharp, The Politics of Nonviolent Action, Vol. 2: The Methods of Nonviolent Action – Boston: Porter Sargent Publishers, 1973.*

2. *Mann, Steven R. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly), Vol. XXII, Autumn 1992, pp. 54-68.*

3. *Robert K. Merton. The Thomas Theorem and The Matthew Effect // Social Forces, Vol. 74, iss. 2, December 1995, pp. 379-424.*

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА НА ГРАНИЦАХ РЕГИОНОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КАК ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА ФОРМИРУЮТ ДИСКУРС ГОРОДСКОЙ, РЕГИОНАЛЬНОЙ И СУБРЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Негров Евгений Олегович
Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад представляет собой анализ городской идентичности и ее особенностей в городах России, расположенных рядом с границей одного из субъектов федерации и экономически (а в отдельных случаях – и политически) тяготеющих к более крупному городу, расположенному на территории другого субъекта. Исторический, экономический, политический, культурологический анализ такой идентичности, включающий в себя, в том числе, и дискурс-анализ местной прессы, а также элементы качественного исследования (спонтанные интервью, межличностное общение и т. д.), связанные с личным опытом докладчика, посетившего все города, представленные в исследовании, позволяют построить модель, иллюстрирующую современное состояние такой городской идентичности.

Поскольку идентичность, – не только конструкт, формируемый с разной степенью успешности, но и реальность, объективная данность, выступающая как совокупность характеристик, отличающих своих от чужих, постольку данная тема является не только предметом изучения академического дискурса, но и важной темой, формирующей реальную политическую повестку дня.

С помощью систематизации дискурсивных практик и механизмов управления региональной идентичностью в РФ в условиях виртуализации общественно-политического пространства, процесс интенсификации которой, несомненно, ускоряется – как в силу внешних (пандемия, процессы глобализации и т. д.), так и внутренних (конфигурация местных политических элит, ситуация с медиа и т. п.) по отношению к тому или иному региону причин, представляется возможным построить модель, иллюстрирующую современное состояние такой идентичности, что, в свою очередь, даёт право говорить о практической значимости исследования, связанной с механизмами повышения качества городской и региональной коммуникации, особенно в плане построения эффективно функционирующего гражданского общества и его взаимодействия с органами власти.

Эмпирической базой исследования являются кейсы таких городов, как Волжск в Республике Марий Эл (тяготеющий к Зеленодольску и – шире – к Казанской агломерации

в Республике Татарстан); Камень-на-Оби в Алтайском крае (расположенный на практически одинаковом расстоянии от «своей» столицы Барнаула и крупнейшего города Сибири Новосибирска); Катайск в Курганской области (тесно связанный с Каменск-Уральским в Свердловской области); Минусинск в Красноярском крае (практически слившийся с Абаканом, столицей Республики Хакасия), Сольцы (в Новгородской области, но исторически и культурно тесно связанный с Псковской областью) и Стрежевой в Томской области (близко расположенный к Нижневартовску из Ханты-Мансийского АО).

Практической демонстрацией изложенных идей и презентацией результатов является практическая часть доклада, которая должна быть представлена на Конференции.

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ РОССИЙСКИХ ПЕНСИОНЕРОВ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ И КНР

Ниорадзе Георгий Владимирович

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН в рамках научного проекта № 21-511-92001

Демографическое старение приводит к росту активности пожилых, о чём свидетельствует возрастание участия пожилых в сферах жизни, которые более характерны для молодого поколения. Миграция – одна из сфер, где пожилые усиливают своё влияние: в 2020 г. насчитывается 280,6 млн. чел. мигрантов, при этом из них 48,2 млн. чел. – старше 60 лет, что вдвое больше, чем в 1990 г. [1]. Спрос пенсионеров на миграцию способствует возникновению предложения: в ряде стран (к примеру, Таиланд [2]) вводятся «пенсионные визы», упрощающие переезд для граждан старшего возраста и их пребывание в стране.

В отечественной литературе международная миграция пожилых представлена очень малым количеством исследований. В основном они касаются миграции старшего поколения в пределах России (Л. Б. Карачурина, К. А. Иванова) [3, 4] или возрастных дифференциаций миграции (И. А. Ефремов, Н. В. Мкртчян) [5, 6].

В западной литературе международная миграция пожилых представлена более масштабно, начиная с 1930-х гг. [7; 8; 9]. В настоящее время исследуются аспекты качества старения мигрантов [10], их адаптации и интеграции [11], а также взаимосвязь миграции и здоровья [12].

В 2019 г. около 4 тыс. российских пенсионеров официально переехали за рубеж (исключая страны СНГ), при этом в топ-10 популярных направлений для миграции пожилых Азия представлена лишь Китаем [13]. Вместе с тем в 2011-2020 гг. во Вьетнам официально переехало 272 чел. в возрасте старше трудоспособного (в Китай – 1401 чел.) [14]. К сожалению, данных по другим странам Юго-Восточной Азии Росстат не предоставляет. Данные двухэтапного контент-анализа социальной сети «Одноклассники» позволили выделить три страны ЮВА с наибольшим количеством аккаунтов пожилых людей (отбор аккаунтов проводился по ряду критериев, в т. ч. возраст старше трудоспособного, наличие аватара, визуальное соответствие аватара указанному возрасту и пр.): 1. Таиланд (278 аккаунтов), 2. Вьетнам (166 аккаунтов), 3. Сингапур (146 аккаунтов). При этом в наибольшем числе аккаунтов страной проживания отмечен Китай (399 аккаунтов), что косвенно коррелирует с данными Росстата.

Данные свидетельствуют об активном участии российских пенсионеров в международной миграции, в т. ч. в регионы ЮВА и КНР. Пандемия замедлит

миграционную активность пожилых, однако тенденция к переезду в старшем возрасте сохранится, что связано как с воплощением активного долголетия, так и с миграцией взрослых детей, создающих материальную базу для последующей миграции пожилых родителей.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

**Ноянзина Оксана Евгеньевна,
Максимова Светлана Геннадьевна, Омельченко Дарья Алексеевна
ФГБОУ ВО "Алтайский государственный университет"**

Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта РФФИ № 19-011-00417 «Факторы и механизмы формирования доверия в системе сохранения социальной безопасности в приграничных регионах России»

Одним из результатов ранее проведенных авторами исследований стала выявленная зависимость развития общества, социального доверия населения от региональных особенностей и уровня жизни населения [1–3]. На основе комплексного исследования (массовый опрос населения (18-75 лет), стандартизированная анкета, в Алтайском (АК) и Хабаровском (ХК) краях, Амурской (АО), Омской (ОО) и Оренбургской (ОрО) областях, Республике Алтай (РА) ($n = 3339$) проанализированы параметры социального самочувствия населения. Каждый из них оценивался по четырех-балльной шкале, на основе средних значений сделан предварительный вывод, что население на среднем уровне удовлетворено разными аспектами жизни, при этом максимальное неудовлетворение приносит социально-экономическая ситуация в стране и регионе и производные от нее параметры жизнедеятельности. Субъективное ощущение удовлетворенности жизнью и общей безопасности во всех регионах получает оценки выше среднего.

По результатам факторного анализа: В АК (67,8% дисперсии, по первому фактору $\lambda = 5,1$, по второму – 1,4) самочувствие определяется социально-экономическими параметрами (работа, оплата труда, качество жилья и быта), возможностями профессионального развития, удовлетворённостью жизнью и ее безопасностью. Второй фактор описан ситуацией в стране, инфраструктурой досуга, системой социальных лифтов и доступностью качественных продуктов питания. В АО (67,3%, $\lambda = 5,2$, $\lambda = 1,2$) структура факторов иная. Первый описывает удовлетворённость жизнью, работой, оплатой труда, материальным положением, возможностями самореализации, второй – внешние обстоятельства: удовлетворенность жильем, быт, безопасность жизни, обстановка в стране, досуг, доступность качественных продуктов, перспективы высокого статуса. Для ХК (68,9%, $\lambda = 4,0$, $\lambda = 1,4$, $\lambda = 1$) смысл первого фактора определяется удовлетворенностью жизнью, работой, оплатой труда и карьерным ростом, с низкими нагрузками – статусного роста. Во второй фактор вошли безопасность проживания в регионе, обстановка в стране, доступность и наличие качественных продуктов питания. В третий – качество жилья и быта. Структура факторов РА (74,4%, $\lambda = 5,5$, 1,04, и 1,03), ОО (70,8%, $\lambda = 4,9$, 1,2 и 1,02) и ОрО (73,4%, $\lambda = 5,1$, 1,2 и 1,1) схожа с факторной матрицей для ХК, при этом в этих регионах переменная, описывающая существующие социальные лифты и возможности статусного роста, с большей уверенностью нагружает первый фактор – социально-экономического положения, зависящего от успешности

трудоустройства, личностного развития, оплаты труда и обеспечения достойного уровня жизни.

Итак, во всех приграничных регионах социальное самочувствие населения определяется общей удовлетворённостью жизнью, тесно связанной с устойчивым положением на рынке труда, возможностями роста в профессии и достойной оплатой.

1. Maximova, S., Noyanzina, O., & Omelchenko, D. (2018). *Civil society development in Russian borderlands: indexes and predispositions*. In *SHS Web of Conferences* (Vol. 55, p. 02030). EDP Science.
2. Maximova, S., Noyanzina, O., Omelchenko, D., & Maximova, M. *The trust as a social capital of civil society in contemporary Russia*. *MATEC Web of Conferences*. 2018. 212.
3. Maximova S., Noyanzina, O., Omelchenko, D., Morkovkina, A. *Civic and ethnic identities in subjective experiences of national integration in the borderland of Russia* *Identidades cívicas y étnicas en experiencias subjetivas de integración nacional en la frontera de Rusia / Svetlana Maximova, Oksana Noyanzina, Daria Omelchenko, Anastasiia Morkovkina // Espacios, Vol. 38 (Nº 49). 2017. P. 27.*

ВОЗВРАТНАЯ МИГРАЦИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ПОТОКИ И АДАПТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ

Омельченко Дарья Алексеевна
Алтайский государственный университет

Грант Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации № НШ-2632.2020.6 «Возвратная миграция и миграционная политика: адаптивные стратегии переселенцев и принимающего населения в приграничных регионах»

Современный взгляд на возвратную миграцию заключается в сдвиге в сторону ее позитивной оценки. На международном уровне признается, что возвратные мигранты вносят значительный вклад в развитие человеческого капитала, который позволяет смягчить негативные последствия эмиграции на экономику отправляющих стран [4, 6].

Российское исследовательское поле в области возвратной миграции является фрагментированным. Накоплен большой опыт изучения статистики и государственной поддержки соотечественников [2, 5], миграционных планов активного населения, как правило молодежи [1, 3]. Социологические исследования различных аспектов жизни возвратных мигрантов являются сравнительно редкими, несмотря на существующий государственный запрос на повышение объемов возвратной миграции, поиска эффективных мер стимулирования приезда в Россию членов международного русскоязычного сообщества и русской диаспоры.

В рамках социологических опросов в приграничных регионах России (шесть регионов – Алтайский, Забайкальский и Приморский края, Новосибирская, Псковская и Саратовская области, квотный отбор, n=400 в каждом регионе) изучался опыт возвратной миграции, адаптивные стратегии и практики переселенцев и принимающего населения.

Исследование показало значительное разнообразие миграционных потоков и траекторий перемещения. Так, возвратные мигранты в Алтайском крае чаще являлись выходцами из Казахстана. В Псковскую область часто возвращались соотечественники из прибалтийских республик, Белоруссии и Молдавии. В Саратовской области также много приехавших из Казахстана и Украины, а также из Германии, Грузии, Туркмении и

Узбекистана. В Новосибирскую область возвратные мигранты прибывали из Казахстана, Кыргызстана, Украины и Узбекистана, в Приморский край – из Украины, Узбекистана и Казахстана, в Забайкальский край – из Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, Украины. 88,4% опрошенных родились во времена СССР в союзных республиках, и только 11,6% респондентов родились уже в новых независимых государствах.

Будучи за границей, соотечественники, как правило, сохраняли тесные контакты с семьей (87,5%), но при этом часто теряли профессиональные и деловые контакты, что могло препятствовать профессиональной реинтеграции и использованию накопленного за границей человеческого капитала. Контакты с общественными организациями поддерживали не более 3% опрошенных, с государственными – не более 5%. По возвращении, соотечественники не желали обращаться к услугам специальных агентов, выбирая официальный путь или помощь близких, но чаще всего действовали самостоятельно. Сравнительный анализ в различных гендерных и возрастных группах не выявил значимых отличий, что свидетельствовало о наличии общих стратегий поддержания связей с отправляющим сообществом, слабо меняющихся во времени. В целом, приходится констатировать, что несмотря на стимулирующие меры, возвратная миграция остается слабо регулируемым процессом, оказывающем небольшое воздействие на демографическую ситуацию в приграничных регионах.

1. Варшавская Е. Я., Чудиновских О. С. Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2014. – №. 3.
2. Денисенко М., Чудиновских О., Хараева О. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. – Litres, 2020.
3. Иванова Р. В. Возвратная миграция в Россию: еще одна эмиграция? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2017. – №. 1.
4. Международная организация по миграции. Возвратная миграция: международные подходы и региональные особенности Центральной Азии. <https://publications.iom.int/fr/system/files/pdf/return-migration-in-ca-ru.pdf>
5. Рязанцев С. В., Письменная Е. Е., Храмова М. Н. Возвратная миграция соотечественников в Россию: существует ли миграционный потенциал? // Народонаселение. – 2015. – №. 2 (68).
6. Ivanova R., Jeong B. Why Don't Migrants with Secondary Education Return? // CERGE-EI Working Paper Series. – 2011. – №. 449.

РОЛЬ НКО В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

**Первая Мария Дмитриевна
Санкт-Петербургский государственный университет**

В настоящее время политические процессы невозможно представить без участия неправительственных объединений, а именно без учета их мнений и позиций по важным социальным вопросам. Важность исследования подтверждается также тем обстоятельством, что в последние годы в России наблюдается рост числа общественных организаций, а также их членов-добровольцев.

Согласно предложенной поправке в 114-ю статью Конституции, правительство РФ будет обязано «осуществлять меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивать их участие в выработке и проведении государственной политики» [1]. Под общественной организацией здесь понимается добровольное объединение граждан, обеспечивающее непосредственные и действительные связи общества и государства, личности и власти, реализуя права и свободы личности, ее самостоятельность и независимость, проявляя уровень и характер демократии.

Для функционирования политической системы в качестве наиболее важного вопроса рассматривают процесс принятия политических решений [2, с. 640].

Исследование политических процессов в качестве одного из ключевых направлений предполагает изучение процессов углубления демократических преобразований, которое невозможно представить без участия неправительственных объединений, вовлекающих в этот процесс граждан с их интересами и социальной позицией. На государственном и региональном уровнях примерами такого участия может быть мониторинг ситуации, а также осуществление экспертизы принимаемых властями решений. На международном уровне в пример можно привести организации, имеющие консультативный статус в ООН, оказывающие значительное влияние на формирование не только повестки дня, но и на принятие решений и реализацию политики. Такими организациями являются Международная Амнистия и Фонд Спасения Детей. Все вышесказанное актуализирует проблему значимости и роли неправительственных объединений как в обществе, так в политическом процессе. Налаживание контактов между политическими партиями, общественными организациями и органами власти являются своеобразными индикаторами устойчивости демократических реформ во многих странах Центральной и Восточной Европы. Так какие функции в политическом процессе выполняют некоммерческие организации? Какие механизмы и формы применяет в реализации политических партийных решений? Исследование этой проблематики относится к актуальным задачам социологического эмпирического исследования.

1. *Полный текст поправок в Конституцию: за что мы голосуем? // Государственная дума Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://duma.gov.ru/news/48045/> (дата обращения: 11.12.2020).*

2. *Соловьев А. И. Принятие политических решений // Политология: Лексикон. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 640-658.*

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НПО С ОРГАНИЗАЦИЕЙ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ И СОВЕТОМ ЕВРОПЫ

Пищикова Мария Викторовна

Санкт-Петербургский государственный университет

Цель данного доклада заключается в сравнении форм взаимодействия ООН и Совета Европы с неправительственными организациями.

На международной арене НПО прочно заняли позицию представителей гражданского общества, выполняя функцию трансляции его интересов [2, 136], в частности, используя ресурсы и возможности международных межправительственных организаций. Основной деятельностью НПО «внутри» межправительственных является поиск и предоставление информации для ММПО [4, 67], в обмен на которую они получают доступ к участию в политическом процессе [1, 47; 3, 214].

В качестве инструментов сотрудничества НПО и ООН выступают: институт консультативного статуса при ЭКОСОС, вовлечение НПО в работу ООН посредством Службы гражданского общества при Департаменте глобальных коммуникаций и участие НПО в Глобальном договоре ООН [5, 43].

Вокруг ЭКОСОС сложилась широкая сеть НПО, которая состоит из 6022 организаций, обладающих консультативным статусом, позволяющем им участвовать в мероприятиях ЭКОСОС [6, 44]. Со службой гражданского общества связаны 1547 организаций (в том числе НПО). К Глобальному договору ООН подключены более 1500 организаций.

Используя имеющиеся механизмы взаимодействия, НПО, в основном, занимаются предоставлением органам ООН информации [7, 7], распространением информации, поученной по каналам ООН, и контролем за соблюдением международных соглашений. Сотрудничество с ЭКОСОС открывает НПО возможность напрямую взаимодействовать с представителями правительств через Сегмент высокого уровня.

Взаимодействие НПО и Совета Европы имеет схожие черты, заключающиеся в работе НПО как агентов по поиску и предоставлению информации, а также в контроле за соблюдением соглашений. Сеть НПО — участников Совета Европы не имеет меньшую численность, чем сеть ООН (327 НПО), но имеет более прочную институциональную структуру — Конференцию МНПО. Под эгидой Конференции функционирует Экспертный совет по законности НПО, следящий за соблюдением прав НПО в странах-участницах Совета Европы.

Разнообразные механизмы, обеспечивающие взаимодействие и сотрудничество межправительственных организаций и НПО, широкое распространение информации о них открывают возможности как для научных исследований, так и для педагогического процесса.

1. Hooghe L., Lenz T., and Marks G. *A Theory of International Organizations*. Oxford, 2019
2. Ruhlman M. *Who participates in Global Governance: States, Bureaucracies, and NGOs in the UN*, 2015.
3. Tallberg J., Dellmuth L. M., Agne H., Duit A. *NGO Influence in International Organizations: Information, Access, and Exchange // British Journal of Political Science*. 2018. Vol. 48. Pp. 213-238.
4. Абашидзе А., Банис П., Белоусова А., Ильяшевич М. «Теневые доклады» неправительственных организаций для Комитета по правам ребенка // *Обозреватель-Observer* № 4, 2018. С. 63-75.
5. Кутейников А. Е., Москальчук Е. И. Транснационализация неправительственных организаций // *Международные процессы*. 2016. № 4. С. 30-48.
6. Москальчук Е. И. Социальное содержание процесса «НПОизации» международной сферы // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2016. №1. С. 43-47.
7. Цыганков П. А. Негосударственные участники мировой политики // *Обозреватель-Observer*. 2013. № 9. С. 5-17.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОЖИДАНИЯ МОЛОДЕЖИ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Ровенская Евгения Александровна
Санкт-Петербургский государственный университет

На фоне развития социальных процессов, определяющих динамику индикаторов социально-политической жизни общества, происходит конструирование политических ожиданий населения.

Одна из важных составляющих обстановки в стране – социально-политическая ситуация. Потребность в мониторинге изменений связана с особенностями реагирования граждан разных уровней образования и материального достатка, территориальной или половозрастной принадлежности на политические решения и государственные структуры. Именно они способны влиять на стабильность политической ситуации, своевременно реагировать на события, происходящие в стране. [1, 50]. А общество, анализируя степень удовлетворенности своих потребностей и интересов, потворствует или противится поставленным структурами целям и задачам.

Исследование политических ожиданий позволяет изучать политическую мотивацию поведения индивида или групп, выявлять причины социально-политических конфликтов [2].

В исследовании рассматриваются проблемы измерения и оценки политических ожиданий молодежи в предвыборной ситуации 2020 года, как индикатора социально-политической обстановки в г. Орле. Потому что, во-первых, молодежь станет той категорией населения, которая составит основной социальный и электоральный ресурс общества, определяющей направление политического развития страны. И во-вторых, важен региональный срез исследования политических ожиданий населения, поскольку проблема социальной напряженности остро стоит именно в региональном территориальном измерении.

В представлениях и ожиданиях Орловской молодежи первостепенная роль отводится решению экономических и социальных проблем, которые приведут к положительному разрешению политической ситуации. Изменения в указанных сферах позволят снизить высокий уровень негативных настроений и протестного потенциала в регионе.

Критерии формирования политических ожиданий, детерминантами которых являются, например, политические ценности, доверие, социально-политическая активность, политические взгляды и иные характеристики, показали, что одной из ключевых проблем является отсутствие включенности молодежи в политические события и движения. Такая проблема возникает из-за плохой информированности и организации диалога между молодежью и государством. От ее решения напрямую зависит социально-политическая и электоральная активность населения. Управление, основанное на таком подходе, может помочь разрешить разногласия, предотвратить массовые протесты и стабилизировать социально-политическую ситуацию.

1. Родачин В.М. *Методология оценки социально-политической обстановки в обществе в интересах обеспечения национальной безопасности* // *Евразийский Союз Ученых*. 2019. №3.
2. Евелькин Г.М. *Социально-политическая ситуация как проблема познания: к концептуализации понятий и исследовательских подходов* // *Научно-теоретический журнал БГУ*. 2014. № 2. С.47-57.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕТЕВОЙ АКТИВНОСТИ ПРОТИВНИКОВ ВАКЦИНАЦИИ В РОССИИ

Савин Сергей Дмитриевич

Санкт-Петербургский государственный университет

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 20-011-00193\20*

В последнее время в публичном пространстве не только российского общества, но и в мире в целом, наблюдается активное противостояние сторонников и противников вакцинации. Это противостояние, долгое время проходившее в группах отдельных социальных сообществ (родительских, медицинских, группах ЗОЖ и др.), ныне вышло в политическое пространство борьбы за права и начало оформляться как протестное движение. Триггером такого перехода послужила международная ситуация с пандемией COVID-19 и принимаемые правительствами разных стран меры по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции. В новостных сообщениях СМИ часто можно встретить информацию о протестных акциях против ковидных ограничений, в том числе и в европейских странах: Франции, Германии, Швейцарии, Венгрии и др. Сообщается также, что среди лидеров таких движений находятся «антивакцинаторы», которые используют протестную повестку в более широком плане переноса антипрививочной пропаганды в поле борьбы за права и свободы. Однако, как отмечается в зарубежных социологических исследованиях, доля убежденных противников любых

вакцин в большинстве стран мира не превышает 8% и активисты, выступающие против любой формы вакцинации немногочисленны и находят союзников лишь среди представителей маргинальных политических и культурных движений [1, 125]. Всплески открытого протеста с их стороны находят скорее осуждение, а их носители стигматизируются общественным мнением. В то же время умеренная позиция скепсиса в отношении отдельных вакцин и их применения распространена в легитимном пространстве политики демократических стран, широко обсуждается в СМИ и не приводит к массовому отказу от вакцинирования.

Иная ситуация наблюдается в России, где антипрививочный дискурс в публичном пространстве принял скрытые формы и широко распространился в социальных сетях интернета. При этом влияние информационного воздействия антипрививочного движения в период пандемии оказалось настолько широким, что не просто раскололо общественное мнение, но увеличило группу колеблющихся в вопросах вакцинации от коронавируса, убедило их отказаться от этой процедуры. В итоге на 08.10.2021 г. в России вакцинировано только 31% населения [2], что в целом и соответствует социологическим данным о тех, кто доверяет российским вакцинам от COVID-19 и заявил о своей готовности привиться. Добровольная вакцинация в России застопорилась, а ее резервы людей потенциально готовых к вакцинации в настоящее время незначительные. Как следствие, волны пандемии высокие, растет как официальная смертность от COVID-19, так и фиксируемая демографами избыточная смертность.

Согласно нашему социологическому исследованию, категория убежденных «антипрививочников» в России более, чем в три раза превышает мировые показатели, что как мы видим, не могло не сказаться и на условиях борьбы с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19. Ситуация по распространению правительственных мер борьбы с коронавирусной инфекцией в России в период 2020-2021 гг. явно продемонстрировала их ограниченное влияние как раз по причине высокого уровня недоверия со стороны населения как в целом к официальной информации о COVID-19, так и к разработанным против нее вакцинам. Информационные стратегии власти по сокрытию степени опасности от новой коронавирусной инфекции, и в то же время пропаганда обязанности человека прививаться вызывают протестное противодействие широких слоев населения. Коронавирусная повестка в российском обществе все больше начинает политизироваться.

Для того, чтобы глубже понять основные информационные факторы политизации недоверия к вакцинации в российском обществе нами был проведен на базе Центра социологических и интернет-исследований СПбГУ анализ сетевой публикационной активности. Данный метод позволяет соединить количественный и качественный анализ данных отношения интернет-сообществ к указанной социальной проблеме. Фиксировались типичные комментарии, слухи, высказывания, оценки сторонников и противников вакцинации, распространяемые в публичном пространстве. Большинство всплесков сетевой публикационной активности связано с событиями организации вакцинирования от коронавирусной инфекции COVID-19 в России. На основе исследования выявлено, что в социальных сетях активность убежденных противников вакцинации преобладает и это приводит к увеличению общей доли населения, сомневающегося в безопасности вакцин. Среди факторов отказа от вакцинации выделяются недоверие к власти и системе государственного контроля в области профилактической медицины, к производителям вакцин, коррупция в сфере здравоохранения, широкое распространение недостоверной информации, фейков. Отмечается также низкая правовая защищенность населения в сфере иммунопрофилактики.

1. Ушкова Е.Л. Реф. ст.: Вар Ж.К., Перетти-Ватель П. Понять недоверие к вакцинам: от искажений восприятия до острых дебатов // Социальные и гуманитарные науки.

Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2021. – № 2. – С. 116–126. Реф. см.: Ward J.K., Peretti-Watel P. Comprendre la méfiance vis-à-vis des vaccins : des biais de perception aux controverses // Rev. française de sociologie. – 2020. – Vol. 61, N 2. – P. 243–273.

2. *Coronavirus (COVID-19) Vaccinations: Statistics and Research/ <https://ourworldindata.org/covid-vaccinations?country=RUS> (дата обращения 08.10.2021)*

ВЫЯВЛЕНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАДИКАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Савин Станислав Сергеевич,

Лошакова Злата Романовна

Санкт-Петербургский государственный университет

Проблематика социально-политической радикализации молодежи остается актуальной на протяжении многих лет. Молодое поколение находится на стадии активной политической социализации, когда политические ценности и нормы начинают приобретать практическое выражение, возникают установки политического поведения. Большую роль играет то обстоятельство, при каких социальных условиях происходит политизация молодого поколения. Чувствуют ли молодые люди свою востребованность. Радикализм действий молодежи во многом связан с феноменом «лишних людей», ограниченностью возможностей молодых людей повлиять на принятие решений, затрагивающих их интересы. То есть в той ситуации, когда молодежь не может воспринимать себя как субъекта политики в ее институциональных формах. Дополнительным фактором при этом выступает социальный – низкое качество жизни, безработица, социальное окружение с девиантным поведением и др.

Важно отметить, что трудности, с которыми сталкиваются молодые люди во время процесса личностного становления формируют крайнюю обостренность восприятия ими социальной реальности, в связи с чем, конфликтный потенциал у молодежи гораздо выше, чем у других поколений [1, 801]. И именно поэтому существует реальный риск вовлечения этой возрастной группы в противозаконную деятельность в том числе экстремисткой направленности. Напротив, в обществе, где у молодежи есть возможности для развития, есть способы использовать весь свой потенциал в важной общественно-социальной деятельности, например волонтерского, научного, творческого характера - этот риск заметно снижается [3, 340].

Таким образом, необходимо применить различные меры, направленные на анализ молодежной среды и выявление возникающих у данного поколения запросов. Так, на региональном уровне необходимо реализовывать потенциал молодежного политического лидерства, давать возможность участвовать в руководстве различных организаций местного уровня, вовлекать в деятельность администраций, прислушиваться к предлагаемым идеям и оказывать поддержку в реализации экологической, градозащитной, зоозащитной, волонтерской деятельности [2, 28]. Необходимо давать возможность решать проблемы локального уровня. Примером такой деятельности являются студенческие советы, под началом которых собираются активные студенты с целью реализовывать свои идеи и выстраивать коммуникацию между всеми сторонами образовательного процесса внутри учебного заведения. Важно в целом отметить проблемы в сфере образования, ведь как было отмечено выше, проблемы нравственного характера, отсутствие восприятия ключевых общественных норм и ценностей приводит к радикализации. В первую очередь государству необходимо обеспечить статусный и материальный рост учителей и преподавателей, так как они должны быть реальным примером для молодого поколения, у них должен быть достаточный авторитет для осуществления педагогической деятельности. Так же необходимо обеспечить

образовательные учреждения компетентными, заинтересованными в своей работе психологами и медиаторами, ведь именно на них ложится задача анализа общественной среды на наличие деструктивных тенденций и дальнейшее урегулирование ситуации. И последнее, что хотелось бы выделить, так это организация качественного молодежного досуга, где проходила бы дополнительная социализация.

1. Стребков А.И. *Российский молодежный экстремизм: проблемы понимания и противодействия* / А.И. Стребков, А.В. Алейников, А.Н. Сунами // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*.
2. *Молодежное политическое лидерство в российских регионах: монография* / под ред. О. В. Поповой, Я. Ю. Шашковой. — СПб.: Скифия-принт, 2020. — 216 с.
3. Савин С.Д. *Отношение к мигрантам петербургской молодежи / Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. X юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения. Сборник материалов Международной научной конференции. 2018. С. 340-343.*

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВОСПРОИЗВОДСТВА СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ/ПРИНЯТИЯ МИГРАНТОВ ИЗ СТРАН СНГ В ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ

**Сарыглар Сылдысмаа Артуровна
ФГБОУ ВО "Алтайский государственный университет"**

Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ № НШ-2632.2020.6 «Возвратная миграция и миграционная политика: адаптивные стратегии переселенцев и принимающего населения»

Социальная эксклюзия или принятие других – процессы, определяющие характер взаимоотношений в социуме и состояние социальной безопасности. Вопросы социальной эксклюзии/принятия особенно актуальны для центральных и приграничных регионов, где сосредоточен большой поток внутренних и внешних мигрантов. Поэтому вопрос сохранения и развития конструктивных межэтнических взаимоотношений – один из актуальнейших вопросов.

На основе результатов социологического исследования, проведенного в Алтайском крае, мы определили три уровня адаптационного потенциала населения, каждый из которых определяется теми или иными характеристиками. Как показали результаты анализа, у большинства населения региона наблюдается средний уровень адаптационного потенциала, который характеризуется частичным принятием представителей других национальностей и поддержкой узкого круга мигрантов.

Население региона больше всего отмечает негативную сторону миграции, лишь потом положительные ее стороны и последствия. Это также подтверждается результатами психосемантического эксперимента. Полученные нами семантические модели образа «мигранта» показывают, что населением региона мигранты воспринимаются негативно. Но, несмотря на негативное восприятие мигрантов и миграции в целом, большинство населения готовы и принимают, поддерживают приезжих в своем регионе.

Для прогноза дальнейшего развития адаптационного потенциала населения, была построена нейросетевая модель с помощью многослойного перцептрона [1, 93; 2, 88]. Зависимой переменной явилась переменная адаптационного потенциала, в качестве независимых – факторы адаптационного потенциала и переменные с утверждениями о мигрантах и миграции в целом.

Полученная модель позволила предсказать вероятность сохранения или изменения у населения имеющегося уровня адаптационного потенциала. Так, нейросетевая модель спрогнозировала возможность развития высокого и среднего адаптационного потенциала у тех, у кого высокий адаптационный потенциал, и вероятность развития высокого и среднего потенциала у тех, у кого средний адаптационный потенциал. Как показывают полученные данные, с высокой вероятностью у 79,0% населения с высоким адаптационным потенциалом уровень адаптационного потенциала снизится среднего уровня. И лишь у 8,0% населения со средним адаптационным потенциалом с высокой вероятностью повысится уровень адаптационного потенциала, и 20,0% тех, у кого высокий адаптационный потенциал, будут таким же уровнем адаптационного потенциала. И одним из значимых факторов, сдерживающих или усиливающих адаптационный потенциал, является характер восприятия населением мигрантов и миграции в целом.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕОРИИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Сергунин Александр Анатольевич
Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-514-12001.

В процессе изучения международных организаций (МО) – в научных исследованиях и учебном процессе – часто недооценивают потенциал теории организационного поведения (ТОП). Но даже когда отдельные учёные используют ТОП для изучения этих субъектов международных отношений, они, прежде всего, обращают внимание на типологию, мотивацию, роль в принятии решений тех или иных членов этих организаций, феномен формального и неформального лидерства, процесс создания норм и правил внутри организации и пр. [2]. При этом одна важная проблема остается «за кадром» - институциональное поведение членов организации, изучение которого бы могло выявить лояльность, ответственность, степень продуктивности, полезность и эффективность каждого члена МО.

Представляется, что для анализа институционального поведения членов МО полезной может стать такой познавательный инструмент из арсенала ТОП, как теория «добропорядочного гражданина» (ТДГ), восходящая своими корнями к политической философии городов-полисов Древней Греции и получившая дальнейшее развитие в различных концепциях западной либеральной демократии [1]. Суть ТДГ заключается в том, что в демократическом обществе (в нашем случае – МО) каждый гражданин (член МО) имеет не только права и привилегии, но и обязанности, которые он должен неукоснительно выполнять. Каждое общество (МО) является здоровым и процветающим в зависимости от того, насколько его граждане (члены МО) являются добропорядочными и ответственно выполняют свой гражданский долг. И, наоборот, в обществе (МО) начинаются проблемы, и оно перестает эффективно функционировать, если его граждане (члены МО) не выполняют свои обязанности и нарушают принятые правила.

Базируясь на опыте изучения деятельности различных МО, с помощью ТДГ можно выделить следующие критерии для оценки институционального поведения членов МО:

- Соблюдение или несоблюдение членами МО норм и правил, принятых в данной организации.

- Уровень и степень (высокие или низкие) представительства того или иного государства в МО (включая её руководящие и рабочие органы), что демонстрирует его отношение (серьёзное или не очень) к данной организации.
- Степень активности члена МО в её деятельности (количество инициатив, предложений, участие в работе различных органов и структурных подразделений МО).
- Степень поддержки или, наоборот, блокирования инициатив других членов МО тем или иным государством.
- Насколько тот или иной член МО активно участвует в конкретных проектах и программах этой организации.
- Размер финансового вклада члена МО в её бюджет (в сравнении с другими её членами).

1. Develin R. *The Good Man and the Good Citizen in Aristotle's "Politics"* // *Phronesis*, 1973, vol. 18, no. 1, pp. 71–79.

2. Ivanko S. (ed.). *Organizational Behavior*. Ljubljana: University of Ljubljana Press, 2013.

ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ КАК ЧАСТНАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Сикевич Зинаида Васильевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Основным предметом этнополитологии является этнический конфликт (далее ЭК) - частная форма социального конфликта, в котором доминирует политическая и психологическая составляющая. ЭК усугубляется в ситуации системных изменений, Социальная и психологическая **неопределенность** с большой долей вероятности **переходит во множество открытых конфликтов**, как на межличностном, так и межгрупповом уровне. Эти конфликты могут развиваться как в **символическом, так и в реальном пространстве** межэтнического взаимодействия. С нашей точки зрения, ЭК имеют стадиальную динамику и в этом контексте их можно классифицировать **по уровню притязаний и форме проявления**.

По уровню притязаний:

В период зарождения конфликтной ситуации выдвигаются **требования**, связанные с **повышением роли языка коренного населения** региона, национальные движения обращаются к **традициям, обычаям, образам национальной истории**.

Вторая стадия характеризуется **стремлением перераспределить властные полномочия в пользу одной этнической группы за счет другой, изменить этническую иерархию, повысить этнический статус коренного населения** и т.п.

Третья стадия конфликта, которая на уровне массового сознания как раз и воспринимается как собственно этнический конфликт, доводит его развитие до **выдвижения притязаний на оформление новой независимой государственности**.

Подобная стадийная динамика отличала практически все конфликты на постсоветском и пост-социалистическом пространстве.

На субъективированном уровне ЭК развивается в форме последовательно меняющегося поведения в этноконтактной среде – **отчуждение** сменяется **неприязнью**, которая в свою очередь может перерасти в **насилие**.

Отчуждение по отношению к иноэтническим группам практически всегда сопровождается акцентуацией этнической идентичности и этноцентризмом.

Переход в стадию **неприязни** связан со следующими причинами: **культурными; экономическими; правовыми; политическими**.

Стадия **насилия** выходит за пределы не только этнических, но и национальных отношений. Конфликт в силовой стадии протекания может использоваться как **(1)**

инструмент борьбы за власть; (2) инструмент удержания власти; (3) инструмент геополитики.

На наш взгляд, этнополитология, являющаяся составной частью этнической социологии, должна входить в число базовых дисциплин социологического образования по следующим соображениям:

Этнический фактор все заметнее приобретает политическую конфигурацию, оттесняя культурные и даже ценностные различия на второй план.

Число социальных, и в частности, политических конфликтов, где в качестве противоборствующих сторон выступают люди различной этнической принадлежности постоянно растет.

Специфика российской государственности со сложным соотношением территориальных и национальных субъектов, изменяющейся этнодемографической структурой и этносоциальной напряженностью в кавказском регионе в совокупности с предыдущими мотивами превращает этнополитологию в востребованный элемент специального образования социолога.

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ

**Соколов Александр Владимирович,
Барский Яков Васильевич**

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МД-855.2020.6 «Мобилизация и демобилизация в современных практиках протестной активности»

Изучение социальной активности россиян позволяет определить не только механизмы и предметы самоорганизации граждан для участия в общественно-политическом процессе, но и дает представление о специфике взаимодействия активистов с другими участниками, в том числе с органами власти. Взаимодействие участников общественных отношений, разворачивающихся вокруг деятельности гражданских активистов, опирается на институты – устойчивые и воспроизводимые в обществе модели поведения индивидов.

В целях получения информации о состоянии гражданского общества и гражданской активности в России с 2020-2021 годов был проведен ряд исследований, в которых приняли участие эксперты из числа сотрудников органов власти, руководителей некоммерческих организаций, а также представителей научного и бизнес сообщества, проживающих в 23 регионах России, входящих во все федеральные округа.

Результаты исследований показали высокую степень интеграции Интернет-технологий в формы гражданской активности населения (5,86 баллов по шкале от 0 до 10, где «0» - отсутствие развитости, а «10» - максимальная степень развитости). Также была отмечена высокая степень развитости форм онлайн-гражданской активности (6,16 баллов по шкале от 1 до 10, где «1» - минимальная, а «10» - максимальная степень использования интернет-технологий). Значительное проникновение Интернета, повлекшее усложнение форм социальной активности россиян в сети позволяет в качестве феномена гражданской активности выделить Интернет-активизм – форму самоорганизации граждан, ориентированную на достижение общественно значимых целей и предполагающую целенаправленное использование Интернет-ресурсов.

Опрошенные эксперты отметили высокую степень институционализации Интернет-активизма (5 баллов по шкале от 1 до 10, где «1» - минимальная, а «10» - максимальная степень институционализации интернет-активизма): процесса, понимаемого в качестве повышения устойчивости виртуальных взаимодействий активистов и воспроизводимости их практик. В наибольшей степени институционализированы формы Интернет-активизма, предполагающие значительную коммуникацию в процессе реализации мероприятий, таких как: онлайн-благотворительность (5,9 баллов), просветительские мероприятия в сети (5,68 баллов), цифровое волонтерство (5,18 баллов) и обсуждение общественно значимых проблем на электронных площадках (5,17 баллов), что объясняет процесс институционализации накоплением практики взаимодействия.

Процесс цифровизации обладает системным характером и отражается, в том числе, на гражданской активности населения, способствуя выделению и институционализации феномена интернет-активизма.

ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

**Солдатов Александр Васильевич,
Солдатов Андрей Александрович, Романова Виктория Алексеевна**
*Санкт-Петербургский государственный морской технический университет
(СПбГМТУ)*

Согласно мнению многих исследователей социально-коммуникативных процессов сегодняшняя ситуация в данной сфере свидетельствует нам о крайне высокой степени неопределённости практически во всех значимых областях интерактивного пространства. В качестве одной из причин этого явления необходимо выделить фактор недостаточной восприимчивости традиционных общественно-политических макроструктур к постоянно меняющимся форматам социальных отношений. Так, например, предсказуемым ответом на формирование глобальных сетевых структур стали меры, направленные на административное регулирование социальных сетей, на практике это выражается, в том числе, в попытках блокировки и удалений ненужного контента, в том же аспекте следует рассматривать и усилия, направленные на локализацию сетевого пространства. В качестве разумного обоснования подобных действий нередко выдвигаются аргументы о необходимости ограничений влияния глобальных IT-компаний на сферу политики и экономики суверенных государств. Действительно, за последнее десятилетие роль сетевых корпораций в социально-экономической сфере многократно возросла, но что еще важнее, появились возможности непосредственного влияния на трансформацию социального пространства, в том числе радикальными средствами.

Основной проблемой в современных условиях является манипулирование информацией, а также распространение недостоверных сообщений, в современных информационных реалиях отличить «фейковую» информацию от правдивой не всегда возможно. Крупнейший немецкий социолог XX века Н. Луман, являясь одним из основных исследователей коммуникативных процессов, писал в данной связи о наличии важных «кодов» в коммуникативной сфере. Например, кодом распознавания «научного знания», является соответствие истине. А у информации иные кодовые значения, а именно либо она есть, либо ее нет. Поэтому в современном коммуникативном пространстве знание и информация далеко не всегда чётко отделены друг от друга, само знание нередко подается в виде информации, поскольку не существует прежней «академической иерархии» знаний.

Французский социолог 2-ой половины XX в. П. Бурдьё говорил в данной связи о полях «узкого» и «расширенного» производства мнений, развитие коммуникативных технологий, по его мнению, ведет ко все большему расширению этих «полей». Для того чтобы научная информация была представлена в социальных сетях, она должна обладать высоким рейтингом, а значит собственно научности в ней должно быть немного. Если в сообщениях много формул, то оно предназначено для узкого круга и его необходимо усиливать дополнительным информационным эффектом для выхода на более широкие аудитории, следовательно, научная и коммуникативная компетентность могут не совпадать, а в некоторых ситуациях противоречат друг другу. В свою очередь, сферы политики и экономики изначально в большей степени подчинены логике рыночного обоснования, коммуникаторы моментально способны формировать собственные компетенции в процессе биржевой игры, которые не могут не согласовываться ни с какими общеизвестными экономическими теориями и имеют очень ограниченный по времени и месту эффект. То же самое можно сказать про политику, где прикладные коммуникативные технологии во многом определяют суть самой политической сферы до такой степени, что есть все основания говорить не о сути самой политики, а о её коммуникативных технологиях.

ОЦЕНКА НАСТРОЕНИЙ ПРИНИМАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

**Спирина Анастасия Сергеевна,
Максимова Светлана Геннадьевна
Алтайский государственный университет**

Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ № НШ-2632.2020.6 «Возвратная миграция и миграционная политика: адаптивные стратегии переселенцев и принимающего населения

Опыт многих стран показывает, что высокая динамика миграции способна спровоцировать и обострить напряженность и вражду между мигрантами и принимающим населением. Правильно выстроенная политика в сфере миграционных вопросов в свою очередь способна привести к политической и социальной интеграции, что будет способствовать формированию безопасности и социальной безопасности, в частности. Изучение механизма формирования миграционного поведения населения необходимо для определения рычагов воздействия на это поведение, а следовательно и на процессы миграции в целом [1]. Одной из составляющих миграционной политики является характеристика условий для благополучного и безопасного взаимодействия мигрантов и приезжих, представителей различных национальностей и вероисповеданий. В целях изучения адаптивных стратегий переселенцев и принимающего населения научным коллективом Алтайского государственного университета в 2020 году было проведено социологическое исследование, проходившее в форме анкетирования, с участием населения и возвратных мигрантов в шести приграничных регионах.

В рамках исследования осуществлялся анализ отношения принимающего населения к возвратным мигрантам, готовность региона к принятию соотечественников, эффективность условий для их адаптации и интеграции в новую среду, условий для

сохранения дружеских отношений в многонациональном обществе, а также оценка созданных в регионе условий для преодоления конфликтов на миграционной почве.

Было выявлено, что больше половины населения (56,4%) оценивают вклад мигрантов в развитие региона на «среднем» уровне. Созданные в регионе условия для принятия соотечественников, возвращающихся из других стран и регионов, условия для эффективной адаптации и интеграции приезжих в местное сообщество, а также условия для преодоления конфликтов и проблем взаимопонимания местного населения и приезжих больше половины опрошенных оценивают на «среднем» уровне (51,4%; 51,2% и 50,4% соответственно).

В большинстве регионов сохраняется обще выборочная тенденция по данным параметрам, но по некоторым регионам были выявлены расхождения. Так, в Приморском и Забайкальском краях выявлено смещение в сторону низких оценок в отношении условий для принятия соотечественников, возвращающихся из других стран и регионов. Уровень созданных условий для эффективной адаптации и интеграции приезжих в местное сообщество оценивается ниже в Саратовской области, Приморском и Забайкальском краях. Создание благоприятных условий для преодоления конфликтов и проблем взаимопонимания местного населения и приезжих, в том числе мигрантов, а также эффективность условий для преодоления конфликтов и проблем взаимопонимания местного населения и приезжих оценивается ниже населением Приморского края.

1. Миронова Ю.Г. Миграционное поведение: понятие, специфика, индикаторы измерения // Апробация. – 2016. №7(46). С. 65-67.

ЭТНИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Старовойтова Снежана
Санкт-Петербургский государственный университет

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-311-90025

Ethnic democracy is a political regime that combines extension of the basic civil and political freedoms to permanent residents with the recognition of the privileged position of one ethnic group (dominant nation) in the state. Groups that do not belong to the dominant nation in this situation are often perceived as a threat to the privileged position of the majority group, but at the same time this regime allows minority groups to struggle with the aim to change the political situation.

According to S. Smooha, only when the majority group can dominate and rule a minority, the ethnic democracy is possible [2, 479]. In case when the minority becomes too large or disobedient, the majority is forced to resort direct democracy. Thus, speaking about ethnic democracy it is impossible to say about a full-fledged democracy, since the minority has smaller set of rights. According to B. Neuberger, ethnic democracy is conceptually not a democracy, since it does not fully comply with the requirements of democracy. Ethnic democracy can be called semi-democracy [1, 107]. It meets some procedural requirements of democracy by giving non-titular nation the right to carry out parliamentary and extra-parliamentary struggle for change, however, does not give them equal rights with the representatives of the dominant majority.

Ethnic democracy has been criticized due to its unstable nature and apparent illegitimacy. However, according to S. Smooha, ethnic democracy can be stable for a long time, while making significant concessions to the minority group, and then, in case of changes, be transformed into

another type, for example, into multiculturalism [2, 481]. Furthermore, ethnic democracy has an ability to freeze internal conflicts. On the one hand, ethnic democracy can mitigate deep ethnic splitting and smooth escalation of the conflict between dominant nation and minority. However, on the other hand, growth of contradictions in the country may lead to the emergence of ethnic conflicts that can be manifested in the form of genocide, ethnic cleansing or forced displacement of minority groups.

Accumulating all of the above, ethnic democracy presents departure from the basic principles of full democracy. It is considered as the way to manage conflicts that goes away from violence and other non-democratic models. A positive aspect of this concept – ethnic democracy is a modern necessity that later can be transformed into full-fledged democracy. One of the main negative sides – ability of states to legitimize illegal actions covered by non-democratic institutions and majority group.

1. Neuberger, B. 1998. *Democracy in Israel: Origins and Developments, Government and Politics in Israel*. Tel-Aviv: The Open University (Hebrew).
2. Smooha, S. 2002. *The Model of Ethnic Democracy: Israel as a Jewish and Democratic State // Nations and Nationalism*. 2002. № 8, 4 (October). P. 475–503.

БИОПОЛИТИКА В КОНЦЕПЦИИ М. ФУКО: КАК КОНТРОЛИРУЮТ НАШИ ТЕЛА.

Старостина Дарья Антоновна
МГУ имени М.В. Ломоносова

Проблематика биополитики набирает все большую актуальность и масштабы в связи с развитием технологической базы современного общества. Она напрямую связана с телесностью; тело становится ее объектом. Термин биополитики вводит в научный оборот французский социолог М. Фуко во второй половине XX века в лекционном курсе «Рождение биополитики»[1], прочитанном им в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебных годах.

Фуко предлагает следующую дефиницию термина «биополитика»: «я понимаю под этим то, как начиная с XVIII в. пытались рационализировать проблемы, поставленные перед правительственной практикой феноменами, присущими всем живущим, составляющим население: здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, потомство...»[1,405].

Важное место в биополитике занимают категории «медицина» и «тело». Медицина обладает колоссальной властью, так как имеет эксклюзивный доступ к телу: «имея возможность наблюдать каждого, контролировать его жизнедеятельность ... констатируя смерть/инвалидность, медицина контролирует все общество, записывая и фиксируя непрерывно информацию в медицинских картах за каждым, получая в итоге полную картину актуального состояния населения»[2,94].

Остановимся на проблематике аборт и запретов на них. Искусственное прерывание беременности распространено в современном мире более чем когда-либо в предыдущей истории. Данные на конец XX века показывают[3,65-66], что в 910000 случаев ежедневных зачатий, 10 % заканчиваются искусственным аборт.

В дореволюционном законодательстве России был разрешен аборт, производимый врачом исключительно в ситуации угрозы жизни женщины. Лица, производящие аборт в других целях наказывались[4,36]. Смертная казнь за аборт была введена в 1649 г. и отменена спустя столетие[5,52].

Советская Россия становится первой в мире страной, разрешившей прерывания беременности без медицинских показаний.

В настоящее время аборт в России имеет полную правовую регламентацию и даже входит в систему ОМС. Однако ранее (1936-1955), действовал запрет на аборт. Целью запрета было увеличение рождаемости, но она не только не выросла, но и сократилась. При этом резко возросло количество теневого аборта, после чего было принято решение об отмене этого закона.

Показательным примером биополитики в репродуктивной области в других странах служит проводимая в Китае политика одного ребёнка на одну семью или «одна семья — один ребёнок» (1979-2015). Прямая цель биополитики была достигнута: количество рожденных детей было сокращено, однако проявились и косвенные последствия: гендерный дисбаланс, стремительное старение населения и практика селективных абортов: китайцы сохраняют ребенка только в случае рождения мальчика. В 2016 году данная политика была отменена, однако исправить сложившуюся демографическую ситуацию пока не удается.

На примере мирового и российского опыта регулирования абортов наглядно прослеживается, как именно осуществляется биополитика; как государства через законодательство в прямом смысле контролируют и управляют телами граждан.

НЕГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА МОЛОДЫХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ЗА РУБЕЖОМ: УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В ПАТРИОТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЯХ

**Тарбеева Ирина Сергеевна,
Зерчанинова Татьяна Евгеньевна**
*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ (РАНХиГС)*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 20-011-00760.*

Русский мир в широком смысле сегодня не ограничен конкретной территорией, он представляет собой общность людей, которые ассоциируют себя с Россией, объединены приверженностью к русскому языку и культуре [1, 65]. За рубежом российские соотечественники поддерживают отношения с Россией не только через органы власти и представительства страны, но и посредством взаимодействия с общественными организациями и объединениями. В научной литературе сравнительно немного внимания уделено деятельности общественных организаций российских соотечественников в других странах. Л.Л. Хопёрская на основе анализа деятельности организаций молодых российских соотечественников в Киргизской Республике приходит к выводу, «что основной своей миссией они видят сохранение исторической памяти и исторической правды о Великой Отечественной войне» [2, 83]. А. Михалева в статье о русских клубах в Восточной Азии отмечает, что «память о прошлом стала одной из фундаментальных характеристик, объединяющих соотечественников в единое сообщество не только за рубежом, но и с современной Россией» [3, 127]. Ученые отмечают, что направления работы, связанные с сохранением и популяризацией истории России, активно поддерживаются российскими органами государственной власти.

В 2020 году при участии авторов был проведен онлайн-опрос молодых соотечественников из 54 зарубежных стран (n=2042 респондентов). 68,5% респондентов не знают о негосударственных общественных организациях (объединениях, сообществах,

фондах и т. п.), которые оказывают негосударственную поддержку российским соотечественникам, 23,9% затруднились ответить. Только 17,4% респондентов указали, что получали негосударственную поддержку от таких организаций. Среди форм негосударственной поддержки, которые они получали, наши респонденты отметили: участие в праздничных и культурных мероприятиях, материальная и гуманитарная помощь, бесплатная юридическая помощь, содействие в посещении детских соревнований и лагерей. Респонденты ответили, что принимают участие в деятельности таких общественных движений, как «Волонтеры Победы» и «Бессмертный полк». День Победы респонденты упоминают чаще других праздников, говоря о своем участии в мероприятиях для соотечественников, тем не менее, так отвечают только 3,1% респондентов.

Сохранение и популяризация русской культуры среди молодых соотечественников посредством организации и проведения патриотических мероприятий, на наш взгляд, является важной и необходимой формой негосударственной поддержки российской молодежи за рубежом. Однако в настоящее время большая часть молодых соотечественников не принимает участия в подобных мероприятиях.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЕТИЦИЙ КАК ФАКТОРА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (НА БАЗЕ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМ «CHANGE.ORG» И «МЕСТНАЯ ПЕТИЦИЯ») ЗА 2015 -2021 ГГ.

Ужовский Владислав Сергеевич
Санкт-Петербургский государственный университет

Изучение практик подписи электронных петиций как одной из форм гражданской активности позволяет обратить внимание на психологические составляющие политической активности, а именно на мотивацию, а также причины создания и поддержки населением той или иной электронной петиции. Поскольку, согласно определению цифрового политического участия, участие в подписи электронной петиции является добровольной деятельностью, изучение подобной формы гражданского активизма на индивидуальном уровне раскрывает потребности отдельных лиц, а на уровне группы - нерешенные социально-экономические проблемы и политические проблемы сообществ, поддерживающих петиции [1, 28-29].

Исследование предполагает сбор и анализ материалов негосударственных электронных платформ «Местная петиция» и «Change.org», размещенных пользователями в период с января 2015 по сентябрь 2021 гг. С помощью программного обеспечения Python с рассматриваемых нами электронных платформ было выгружено и проанализировано 702 петиции с учетом территориально-географической привязке аккаунта создателя к Санкт-Петербургу. В ходе исследования были проанализированы содержательные аспекты петиций, созданные активистами посредством их распределения по тематическим группам.

По результатам обработки электронных петиций самыми распространенными темами стали темы общества, политики, культуры и экологии. Более подробная картина поданных петиций по проблемным аспектам жизни в отдельных административно-территориальных единицах Санкт-Петербурга, размещена на платформах «Местная петиция», «Change.org» и представлена на рис. 1

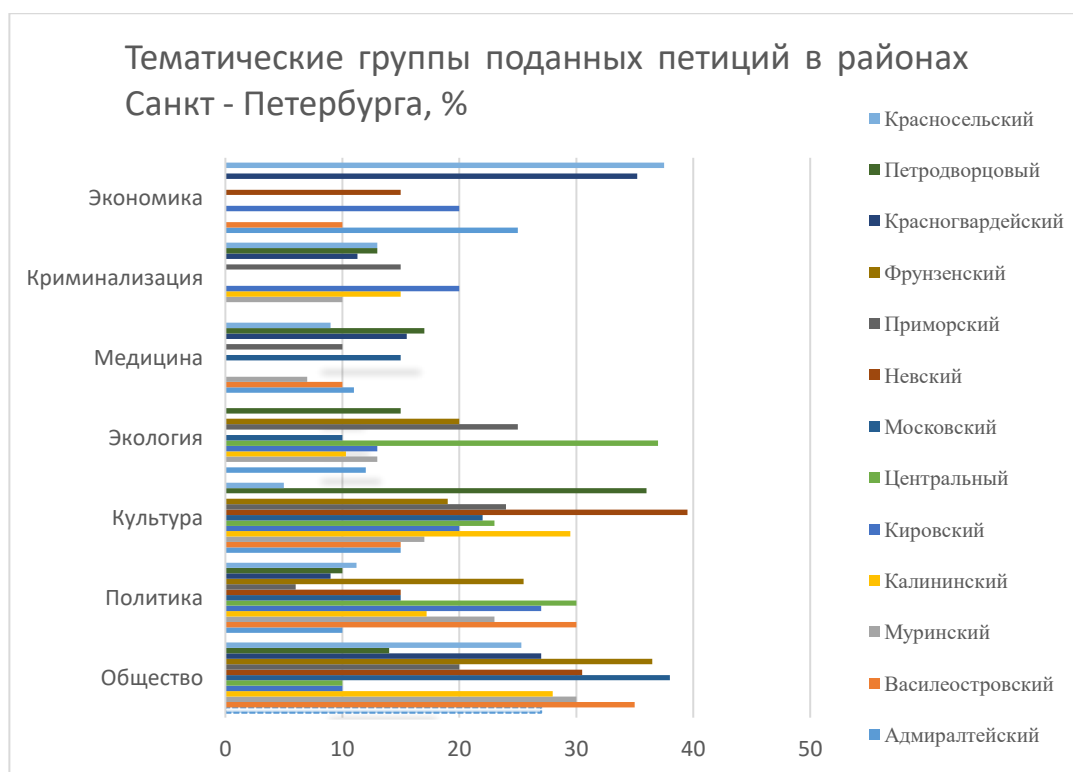

Рисунок 1

Кластерный анализ позволил сгруппировать районы города на тематические группы. Относительно тематически обособленными оказались Центральный, Московский и Невский районы. Анализ петиций со статусом «исполнено», чье значение от общего числа электронных петиций составляет 3,85% показал, что самыми успешными для подачи петиций являются Центральный, Невский и Приморский районы города.

Наше исследование наглядно доказывает, что онлайн-петиции влияют на механизм принятия политических решений. Петиции, отражающие актуальные потребности граждан в целом, содержат информацию о социальных и политических проблемах города. Тематика поддержанных («выполненных», «победных») электронных петиций значителна наиболее информативной, поскольку является интегративным показателем: во-первых, отражает потребности населения территории, а во-вторых, показывает, какие проблемы населения региональные власти или компании могут решить без значительного общественного давления.

1. Косых Е.В. 2017. Интернет-петиция как метод гражданского сопротивления в современной России. - Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. № 2. С. 28-29.

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕХНОЛОГИЯМ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

Харсеева Алла Викторовна
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

В 2015 г. швейцарский политолог и журналист Г.Меттан опубликовал книгу [3], в которой описал эпизоды продолжающейся более тысячи лет информационной войны против России на разных этапах ее существования со стороны иных государств.

В настоящее время данный феномен также продолжает свое существование, реализуясь в программах «soft power», «цветных революциях» и др., направленных на дестабилизацию политической обстановки внутри Российской Федерации, отдельных ее регионов, с целью создания выгодных условий для субъекта использования данных технологий.

Исследования политических процессов в рамках социологии конструирования (в т.ч. на основе контент-анализа и кейс-стади) предлагают оформленные модели исполнения теоретических и практических концепций дестабилизации политических режимов, адаптируемые под конкретные условия государства-объекта [2],[4].

Технологии дестабилизации политической обстановки имеют в своей основе ряд необходимых для исполнения шагов, от успешности которых зависит конечный результат операции [6]. Социологические исследования имеют потенциал к выявлению латентной стадии данного процесса, обнаружения ключевых акторов ее проведения, а также определения критических точек внутри общества, воздействие на которые будет вызывать значительный дестабилизирующий эффект. В частности, в рамках реализации концепции «цветной революции» для создания искусственной политической нестабильности путем наращивания протестной активности социальных групп через формирование в информационном пространстве критических по отношению к государственной власти повесток, основанных на уже имеющихся в конкретном регионе проблем (возможно также создание искусственной повестки, но ресурсные затраты на ее внедрение и развитие, в том числе временные, значительно больше), значение которых в общественном мнении с увеличением информационного воздействия возрастает. Исследования факторов социальной напряженности конкретного региона и их выражение в конкретных показателях, наблюдаемых в динамике, позволяют предупредить их переход к критическим значениям [1].

Таким образом, социологический инструментарий предлагает множество направлений исследования социально-политической реальности, необходимых для определения современного состояния защищенности государства, а также указания потенциальных угроз его существования, в том числе уже за счет выявления сформированного конфликтогенного потенциала внутри общества.

СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Чуклинов Андрей Евгеньевич

Московский педагогический государственный университет

Среди комплекса функций социологии политики особо выделяется функция прагматическая, суть которой заключается в том, что в рамках данной предметной плоскости осуществляется не только познание процессов социально-политического взаимодействия, но и разрабатывается методология достижения социального согласия в процессе решения общественно-значимых проблем различного уровня. Таким образом, социология политики как отрасль социологии занимает важное место в системе развития гражданского образования в России.

В условиях развития компетентностного подхода в образовании именно на социологию политики должен быть возложен целый ряд задач по формированию у обучающихся и иных категорий граждан базовых компетенций, необходимых для становления и развития гражданственности как одного из системообразующих принципов российского социума.

Первая компетенция, на утверждение которой должны быть направлены усилия социологии политики, связана с развитием когнитивных способностей аудитории в сфере

конструктивного социально-политического анализа различных сторон объективной реальности. Осознание человеком своей Гражданственности невозможно без освоения и практического применения методов анализа и синтеза, индукции и дедукции, аналогии и идеализации, моделирования и формализации.

Вторая компетенция подразумевает приобретение и закрепление навыков практической реализации индивидом свободной воли в пределах осознанной необходимости. Главная задача в этом направлении – понимание социальными субъектами априорной конструктивности совместно-предпочтительных стратегий, основанных на рациональном, но в то же время социально-ориентированном выборе. Как показывает практика, данная компетенция достаточно продуктивно формируется в рамках практических занятий по социологии политики.

Третья компетенция основана на формировании навыков проблемного мышления путем практической реализации в рамках «гражданских лабораторий» проектной деятельности с целью освоения технологий командообразования для совместного решения актуальных социально-политических проблем.

Весьма конструктивной в рамках освоения предметного поля социологии политики представляется применение в образовательном процессе методики «Гражданского форума», ядром которой является поиск компромиссного решения важных общественных задач как микро, так и макроуровня. Данная методика способствует выработке навыков конструктивного диалога, путем варьирования способов и методов выхода из выявленных ранее проблемных ситуаций. Итоговое формулирование консолидированной точки зрения с конкретными предложениями, основанными на взаимных уступках, способно вывести изначальных антагонистов на уровень хотя бы минимального взаимопонимания, что и составляет основу подлинно гражданского общества.

«МЫ ПОКУПАЕМ, ИЛИ ПРОДАЁМ?»: РОССИЙСКАЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ И РЫНОК КАНДИДАТОВ

Шевцов Алексей Владимирович
РГПУ им. А.И. Герцена

Разрабатываемая в странах т. н. «свободного мира» ещё с 1950-х гг. теория политического маркетинга прекрасно вписалась в реалии постоянно реформируемой Российской Федерации. Во второй половине 1990-х миф о всемогущих политтехнологах начал постепенно тускнеть, уступая место идее об эффективных и неэффективных избирательных стратегиях и тактиках.

По мнению наиболее смелых ученых, традиционная модель, где правила бал административная вертикаль, была объявлена устаревшей, ей на смену шла постмодернистская со свободным обменом голосов избирателей на обещания и акции кандидатов [6, 4]. Более осторожные указывали на процесс трансформации избирательных кампаний под влиянием стиля коммерческой рекламы [3, 82].

В рамках прямой аналогии выделялись потребители-избиратели, интересы которых обслуживались с помощью политического продукта (партийных идеологий и программ, имиджа лидеров, непосредственных действий политических акторов) политическими производителями (партиями, лидерами и органами госвласти) [7, 5; 8, 39-42]. Роль непосредственных продавцов ложилась на тех же политтехнологов. Партийного кандидата надо было «завернуть в нужную обертку», в качестве которой выступали одежда, манеры, публичные действия, предвыборная программа [2, 9].

При более детальном рассмотрении рыночных аналогий возникали всевозможные спорные моменты, нуждающиеся в уточнении. Возможно, избиратель выступает в роли продавца своего голоса. А может быть он является вкладчиком, стремящимся увеличить

свой виртуальный капитал с помощью политических организаций. Не исключено, что речь идет об аукционе, где победитель предвыборной гонки является наиболее ценным лотом [1, 105; 4, 81-82, 5, 40-50].

Не лучше ли нам обратиться к аналогии работы брокерской конторы по обслуживанию договорного матча? По мнению докладчика, утверждение обозначенного в подзаголовке образа является ярким свидетельством кризиса легитимации политической системы. Выражаясь высоким стилем, торгующим не место в храме, где глас народа чудесным способом пресуществляется в глас Божий. Волшебство не исчезает, но оно всё больше начинает раздражать зрителей. Французский абриколь, где роль борта исполняет Марин Ле Пен. Североамериканский почтовый зомби-апокалипсис. Великобританская тайная комната, в которой исчезают голоса миллионов избирателей. Немецкий партийный калейдоскоп, действующий по принципу квартета дедушки Крылова. И, наконец, столь дорогая нам российская сказка про вершки и корешки.

1. Дилигенский Г. Г. *О политическом рынке и рациональном выборе в российских условиях: Структура и динамика российского электорального пространства: Круглый стол // Полит. исслед. 2000. № 2. С. 105.*
2. Ильясов Ф. Н. *Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах. М.: ИМА-пресс, 2000. 200 с.*
3. Ковров В. Ф. *Электоральная социология: Учеб. пособие. Уфа: РИО Баш. гос. ун-та, 2005. 176 с.*
4. Лапкин В. В. *Возможности количественного описания электоральной динамики: Структура и динамика российского электорального пространства: Круглый стол // Полит. исслед. 2000. № 2. С. 81-82.*
5. Нечаев В. Д. *Избиратель: покупатель, продавец или вкладчик? // Полит. исслед. 2001. № 6. С. 40-50.*
6. Смирнова О. О. *Прямой маркетинг – стратегия успеха в избирательных кампаниях. М.: Диалог-МГУ, 1999. 55 с.*
7. Франц, В. А. *Политический маркетинг : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 92 с.*
8. Холодильник М. С. *Особенности становления регионального политико-избирательного маркетинга в России // Власть. 2007. № 5. С. 39-42.*

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ТЕРРОРИЗМУ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Шиповалова Диана Дмитриевна
Уральский государственный университет путей сообщения

Автор благодарит научного руководителя доцента Лебедева Максима Сергеевича за помощь в оформлении и подготовке доклада.

Актуальность изучения отношения молодежи к терроризму обусловлена проблемой их вовлечения в террористическую деятельность, а также угрозой их жизни и жизни близких людей. Причина недостаточной изученности терроризма заключается в его сложности, неоднозначности и политизированности подходов к изучению [1, 48]. Анкетный опрос среди молодежи г. Екатеринбург позволил выявить высокую степень озабоченности данным явлением. Все респонденты отметили опасность для политической жизни терроризма. Абсолютное большинство респондентов считают террористов преступниками (81,8%), 9,1% склонны считать их таковыми. По мнению респондентов террористы в большей степени являются людьми с психологическими отклонениями» (36,4%). Лишь 9,1% считают, что такие люди полностью осознанно идут на преступление.

У большинства респондентов слово «терроризм» ассоциируется со страхом, смертью, жестокостью и трагедией. При этом респонденты отмечают факт незащищенности, отсутствие безопасности, что отражает их повышенную тревожность. Вместе с тем респонденты отмечают отсутствие зависимости их отношения к террористу от его личности (63,6% ответили «Полностью нет»). Однако 63,6% респондентов совершенно полностью не могут ни при каких обстоятельствах оправдать террориста и лишь 18,2% затруднились ответить.

Вопрос о причинах становления человеком террористом позволил выявить мнение респондентов об основных мотивах: «Стремление переделать мир»; «Стремление ощутить власть над людьми» (72,7%); «Приверженность к определенной идеологии» (54,5%).

По мнению респондентов договориться с террористами не получится, лишь 27,3% допускают такую возможность. Стоит отметить, что 45,5% респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что следует усилить работу по профилактике терроризма и проводить просветительские мероприятия в этом направлении. На наш взгляд, неоспорима роль правового регулирования в проблеме борьбы с данной угрозой. Право, являясь социальной нормативной системой, имеет определяющее значение в регулировании правоотношений [2, 1], в том числе решении задач обеспечения национальной безопасности и защите граждан от влияния вербовщиков в террористы. На наш взгляд, это не только сократит количество терактов, но и снизит степень тревожности молодежи по отношению к данному явлению.

Автор благодарит научного руководителя доцента Лебедева Максима Сергеевича за помощь в оформлении и подготовке доклада.

1. Воронин И.В. Особенности изучения современного терроризма в отечественной социологии // *Известия Саратовского университета*. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 48-51.
2. Лебедев М.С. Роль права в системе социального нормативного регулирования // *Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности: материалы Всероссийской научной конференции, Комсомольск-на-Амуре, 2021*. С. 63-66.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА: НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ СТАРОЙ КАТЕГОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Щербина Александра Вениаминовна
СПбГЭТУ ЛЭТИ

Глобальное изменение сущности и идеологии политической власти на рубеже XX–XXI вв. демонстрирует, что понятие государства, как квинтэссенции гражданского общества, в конечном счете зиждилось на предположенном и в социалистическом, и в либерально- демократическом проектах преобразования общества основании, – представлении об эволюционно-исторически сформировавшейся природе человека и ее сущностных силах.

При капитализме сущностные силы человека развиваются в отчужденной форме (капитал) и приватизируются одними за счет других, при социализме ставилась амбициозная задача раскрыть их во всех членах общества. Политическая власть идеологически обосновывала и через систему институтов закрепляла и регулировала стандарты личности, семьи, профессионализации, занятости, стратификации, которые при всех идеологических различиях восходили к одному мировоззренческому основанию. Идеологическая борьба этих проектов в XX веке, словарь которой используется до сих

пор, как бы отодвигала на задний план тождество молчаливо предположенного основания, – нормативной человеческой природы.

В настоящее время объект государственного управления реформируется. Симптомы: обесценение традиционных институтов власти (право, разделение властей, выборы) в массовом сознании, кризис институтов семьи, частной собственности, образования (популяризация непрерывного образования вне постановки задачи формирования личности – нормализация прекариата).

Власть как раздваивается: наряду с сохранением традиционных функций во внешней и внутренней политике (борьба за ресурсы, классовое господство) политический субъект начинает непосредственно управлять идеалом нового народа, нового гражданского общества и его институтов, которые еще только должны возникнуть.

Идеалы, во имя которых ведется идеологическая борьба нового типа, не определены. На одном полюсе – мировоззренческая легитимизация и продвижение экспериментальных социально-антропологических образцов (личность, собственность, пол, этничность, семья, занятость, демография, потребление), на другом – попытка выделить, описать, вскрыть патологический характер и пресечь посредством правовых, военно-политических и др. инструментов те способы переделки человека, которые стали технически достижимыми, но перестали подвергаться безоговорочному нравственному осуждению и уголовному преследованию. Не определен и субъект, определяющий нормативность человеческой природы и пределы вторжения в нее с целью ее изменения. Какую роль должно взять на себя государство? Какую роль в идеологической борьбе нового типа будет играть РФ и ее элиты, с учетом наблюдаемого противоречия между декларированием приверженности традиционным ценностям и импортом западных образцов?

Под видом старой идеологической борьбы (КНР и США) и в привычных категориях проступает новое содержание: контуры образцов человека, которые будут продвигаться, нормативно закрепляться или запрещаться.

Секция 3. Коммуникативная компетентность профессионального социолога

ПРОФЕССИЯ СОЦИОЛОГА: ПОИСК СЕБЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Андреев Юрий Александрович

Московский государственный психолого-педагогический университет

Развитие сообществ и молодежи - распространенные, но невероятно важные области, в которых можно построить карьеру социолога. В центре внимания здесь находится социальное обеспечение молодых и уязвимых людей, а также общества в целом, как на местном, так и на государственном уровне. Часто эти роли тесно связаны с социальной политикой, особенно в отношении соцобеспечения, образования, участия в жизни общества, вопросов достатка, реабилитации и здравоохранения [1].

Изучение социологии может открыть путь к различным направлениям карьеры. Например, проводить психологические тренинги и терапию могут не только профильные психологи, но и работники с социологическим образованием. Основными требуемыми качествами являются сильные навыки межличностного общения, коммуникации и критического мышления, способность сопереживать без осуждения. Карьера социологов на госслужбе часто фокусируется на вопросах, схожих с теми, которые решаются в рамках развития местных сообществ [2]. Потенциальные рабочие места на госслужбе для выпускников социологических факультетов включают места в соцслужбах, службах общественного здравоохранения, уголовном правосудии, службах реабилитации. Социальные исследователи также необходимы для отслеживания развития общества в секторе общественных услуг. Работодатели часто обращают внимание на аналитические способности и критическое мышление, понимание межкультурных особенностей, способность собирать и представлять сложную информацию, осведомленность о текущих законах и правилах в данном секторе и хорошие навыки межличностного общения. Для карьеры в сфере начального и среднего образования степень по социологии может дать знания об образовании в обществе, о процессе развития ребенка и о законах детской психики. Хотя социологическое образование закладывает прочную основу для карьеры в сфере образования, часто требуется также профессиональная квалификация преподавателя. Для карьеры в сфере высшего образования часто необходимым условием является получение последипломной квалификации - как правило, требуется степень магистра, а часто и доктора философии. На этом уровне вы, скорее всего, будете работать в рамках своей специализации в качестве преподавателя или исследователя.

Изучение социологии поможет развить знания, необходимые для работы в сфере общественного развития, включая понимание того, как законы и правила влияют на общество, и поможет развить навыки межличностного общения. Специализация, которую получают социологи, выходя из ВУЗа, не только поможет сосредоточиться на конкретной научной области, но и сделает более приспособленным в специализированных областях.

1. Николаева А.А. Управление системой личностного и профессионального развития молодого специалиста // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12. № 3. С. 55.
2. Савченко И.А., Скундина Е.А., Борисов А.А. Актуальные проблемы управления образованием в современной России // Экономика и предпринимательство. 2016. № 3-1. С. 191.

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СОЦИОЛОГА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РАМКАХ АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ

Арсланбеков Арсланали Русланович,
Шевченко Ульяна Дмитриевна
Санкт-Петербургский государственный университет

В рамках акторно-сетевой теории как отрасли социологии общество и окружающая среда в виде материальных объектов рассматривается как одна система. Для Бруно Латура, одного из основоположников данного подхода, каждое действующее лицо является актором, все человеческие и нечеловеческие агенты — акторы. Говоря «нечеловеческие», Латур настаивает на том, чтобы мы вычленили антропоцентрический смысл из данного слова и определяли всех акторов как равных друг другу [1, 199].

Переворот отношений между социальным и материальным вынудил социологов перестроить язык социального описания [2, 2]. При отсутствии у современного социолога необходимых коммуникативных компетенций могут возникать проблемы при проведении эмпирических исследований.

В собственных эмпирических исследованиях в рамках акторно-сетевой теории авторы столкнулись с трудностями при составлении качественной методологии. Составляя вопросы для анкеты или гайд интервью, социологу необходимо избегать расплывчатых выражений и слов, которые могут быть недоступны для понимания респондентом. В случае акторно-сетевой теории, когда материальные объекты навязывают владельцу собственную логику, предстоит сделать доступным для понимания, например, вопрос «Домашний пылесос вынуждает Вас что-либо делать?». Даже если исследователь был уверен в ясности изложенного вопроса, респондент может быть в замешательстве от того, каким образом «вещь может дать отпор» [3, 342]. В этом случае необходимо применять свои коммуникативные навыки, чтобы сделать вопрос понятным.

Далее, довести результаты подобного исследования до читателя также затруднительно, поскольку он не воспринимает вещь как полноценного участника социального взаимодействия. Объяснить респонденту, что у вещи есть собственный «характер» может только исследователь, способный «коммуникативно» адаптироваться под любой сегмент выборки. Вопрос повышения коммуникативных компетенций социолога в рамках акторно-сетевой теории остается открытым для изучения.

1. Латур, Б. Где недостающая масса? Социология одной двери / Б. Латур // *Социология вещей*. – Москва : Издательский дом "Территория будущего", 2006. – С. 199-222.
2. Ерофеева, М. А. Акторно-сетевая теория и проблема социального действия / М. А. Ерофеева // *Социология власти*. – 2015. – Т. 27. – № 1. – С. 17-36.
3. Латур, Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад "исследований науки" в общественные науки / Б. Латур // *Социология вещей*. – Москва : Издательский дом "Территория будущего", 2006. – С. 342-363.

ОНЛАЙН ОБУЧЕНИЕ И КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Бурганова Лариса Агдасовна,
Юрьева Оксана Владимировна

Казанский национальный исследовательский технологический университет

Ожидаемые образовательные результаты цифровизации высшего образования в немалой степени зависят от формирования цифровой компетентности преподавателей, представляющей собой ключевой элемент педагогического образования во всем мире [1]. Необходимо учитывать более сложное содержание цифровой компетентности преподавателей по сравнению с многими другими сферами занятости, поскольку перед ними стоит задача не только овладеть самим, но и научить своих учеников продуктивному и активному использованию ИКТ [2].

Педагогическая профессия сталкивается с быстро меняющимися требованиями, которые требуют нового, более широкого и сложного набора компетенций, чем раньше, и прежде всего, цифровых коммуникативных компетенций. Расшифровку понятия «цифровые коммуникативные компетенции» мы находим в европейской рамочной программе цифровой компетентности педагогов DigCompEdu [3], в которой подробно описываются 22 компетенции, организованные в 6 областях, среди которых в контексте выбранной нами проблемы выделим 2 направления:

1. Профессиональные обязательства использования цифровых технологий для коммуникаций, сотрудничества и профессионального развития;

2. Продвижение цифровой компетенции обучаемых посредством побуждения их к творческому и ответственному использованию цифровых технологий в целях информирования, коммуникации, создания контента, повышения своего уровня жизни и решения проблем.

Подчеркнем, акцент здесь делается не на цифровых инструментальных навыках, а на коммуникативных умениях педагогов.

В проведенном нами онлайн опросе с использованием платформы Анкетолог (март 2021) приняли участие 86 преподавателей из четырех казанских университетов, ведущих занятия на социальных и гуманитарных направлениях бакалавриата и магистратуры, в том числе и по направлению Социология. Одной из задач исследования было выявление проблем преподавателей с осуществлением цифровых коммуникаций в обучении. Результаты опроса выявили среди них слабые навыки поиска и обработки информации, незнание возможностей образовательных ресурсов социальных сетей в процессе осуществления профессиональной коммуникации, ограниченный характер использования в преподавании информационных и технологических ресурсов своих университетов. На практике больше половины преподавателей не опираются даже на конференц-решения MS Teams, Zoom, Skype, затрудняются использовать видеокурсы, онлайн-конференции и пр., практически не используют возможности социальных сетей, полагаются больше на пассивные и односторонние формы использования инновационных ИКТ в преподавании.

Необходимо формировать условия для мотивации преподавателей к использованию цифровых коммуникаций в обучении, освобождая их от излишней бюрократической нагрузки и создавая для них обучающую среду.

1. Gudmundsdottir, G. B & Hatlevik, O. E. (2018). Newly qualified teachers' professional digit: implications for teacher education. *European Journal of Teacher Education*, 41(2), 214-. doi:10.1080/02619768.2017.1416085

2. Krumsvik, R. J. (2014). *Teacher Educators' Digital Competence. Scandinavian Journal of Educational Research*. 58(3). 269-280.

МЕТОДИКИ ВЫЯВЛЕНИЯ И АНАЛИЗА ТРОЛЛИНГОВЫХ СТРАТЕГИЙ (НА ПРИМЕРЕ COVID-ТРОЛЛИНГА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)

**Василькова Валерия Валентиновна,
Легостаева Наталья Игоревна
Санкт-Петербургский государственный университет**

Одним из новых тематических направлений сетевого троллинга является проблема COVID-19. Новый вид троллинга, который в соответствии со спецификой его контента можно назвать COVID-троллингом, фактически не изучен в силу новизны и онтологической незавершенности самого феномена. Активизация троллинговых аккаунтов в период пандемии COVID-19, которые, как правило связаны с ковид-диссидентством и ставят под вопрос эффективность принимаемых мер по борьбе с пандемией, актуализировала проблему детектирования потенциально опасных аккаунтов в социальных сетях и анализа коммуникативных стратегий, используемых ими для воздействия на пользователей сети.

Авторское исследование представляет собой первый опыт анализа коммуникативных стратегий COVID-троллинга, реализуемого в российской социальной сети «ВКонтакте», что может быть полезным и интересным для дальнейшего развития заявленной тематики. Данное исследование проводилось по инновационной методике детектирования троллинговых аккаунтов на основе анализа всплесков сетевой публикационной активности в комментариях в сочетании с профайлингом троллинговых аккаунтов, что позволило выявить по заданным ключевым словам 8 троллинговых аккаунтов в социальной сети «ВКонтакте» за период с 18 марта по 10 июня 2020 г. Для идентификации используемых ими коммуникативных стратегий была разработана система индикаторов (тактических приемов), соответствующих стратегиям явного и скрытого троллинга. К явной стратегии относятся такие тактики как вербальная агрессия, эмоциональная напряженность, провокация, призыв к конфронтации, опровержение официальной точки зрения, унижение оппонента, перевод дискуссии в другую тему; к скрытой стратегии – тактики иронии или осмеяния, демонстрации авторитета, сомнения в существующем положении дел, «наивные вопросы», введение в заблуждение. В результате было показано, что анализируемые троллинговые аккаунты используют как явную, так и скрытую стратегии воздействия, при этом преобладает более агрессивная (явная) коммуникативная стратегия.

Перспективы развития данной исследовательской тематики могут быть связаны с анализом: специфики COVID-троллинга в соотнесении с другими контекстуально-тематическими видами троллинга; динамики COVID-троллинга на разных этапах пандемии; особенностей стратегий COVID-троллинга в различных социальных сетях; степени воздействия COVID-троллинга на пользователей. Для развития социологического знания анализ соотнесения и взаимодополнения методов обнаружения сетевых троллей (лингвистических, риторических, этических, методов машинного обучения и др.), а также их контента делает более прозрачными цели различных акторов сетевого воздействия, что приближает исследователей к более глубокому пониманию природы социального влияния.

РОЛЬ СОЦИОЛОГА В ИССЛЕДОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА КАК ТУРИСТСКОЙ ДЕСТИНАЦИИ

Денисов Иван Игоревич
Санкт-Петербургский государственный университет

Туристская дестинация – это регион туристического назначения, привлекающий туристов для временного пребывания и те особенности, которые способствуют такой привлекательности [1]. В последние десятилетия остается незамеченной главная функция туризма, которая заключается в коммуникации туриста с местными жителями. Коммуникация в этом случае выступает своего рода метафункцией туризма, интегрирующей и опосредующей реализацию его остальных функций. Этот логический вывод в корне меняет представления о роли туризма в развитии территорий и общества в целом [2].

Одним из предметов обсуждения развития туризма является неадекватность восприятия этого социального явления в массовом сознании, причем не только на бытовом уровне, но и в связанной с туристской тематикой научной среде.

Исследователь оценивает местных жителей и туристов в качестве рассматриваемого объекта. Коммуникативное пространство здесь – конструкт, где центральные действующие лица стремятся к консенсусу, пренебрегая возможными разногласиями. Проецирование собственного понимания и реального представления людей – то, что демонстрирует адекватность самого объекта. Социолог способен выявить главную проблему коммуникативного пространства, а значит быть эвентуальным и вполне конкурентоспособным специалистом в области туристско-рекреационной направленности.

Заинтересованное лицо – собственно объект (местные жители и туристы), так как территориальное зондирование может принимать в расчет в виде дополнительной информации для него. Результат исследователя не только аналитический, но и финансово грамотный, продаваемый продукт. Роль социолога имеет разностороннюю направленность. С одной стороны, он в состоянии изучить занятость и формы доходов местных жителей перешейка, их коммуникации с туристами. С другой – принять участие в разработке каких-либо программ для привлечения большего числа туристов. Создание подобных проектов для развития туристской дестинации становится одной из основных задач социолога, если он позиционирует себя в кондиции универсального эксперта.

Таким образом, роль социолога может быть продуктивной, если он профессионально подойдет к подготовке, организации и проведению количественного и качественного исследования (анкетирование и интервьюирование), сумеет обработать полученную информацию, тщательно проанализирует варианты продвижения туристического кластера, представит конечный научно проверенный результат, разработает проект развития эффективной коммуникации между местными жителями, бизнесом, органами местной власти и туристами в интересах совершенствования туристской дестинации Карельского перешейка.

1. Leiper N. *The framework of tourism: towards a definition of tourism, tourist, and the tourist Industry* // *Annals of Tourism Research*. 1979. Vol. 6(4). P. 390–407.
2. Шпилько С., Шевель К. *Коммуникация как метафункция туризма* // *Аннотация. Специализированный научно-практический журнал «Логистика»*. Рубрика «Проблемы и суждения», 11. 2017.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИОЛОГА В БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Добросоцкая Алёна Вячеславовна
Санкт-Петербургский государственный университет

Процесс перехода от студенческой позиции к профессиональному статусу социолога сопровождается выбором отрасли дальнейшей трудовой деятельности и карьерного роста. Компетенции социолога, позволяющие изучать реальность социологическими инструментами сбора, обработки и анализа данных, обеспечивают вариативность профессиональных ролей и функций. Для НКО, не имеющих цели получения прибыли, особенно важно согласование их миссии с ценностями сотрудника для осуществления помощи различным социально незащищенным группам. Благотворительные объединения берут ответственность за благополучателя и его состояние, гарантируют оказание помощи наиболее эффективным образом, что фиксируется в идее благотворительности. В реализации гражданских практик и социальной ответственности благотворительные организации становятся площадками применения профессиональных компетенций социологов.

Работа социолога как специалиста в благотворительной организации направлена прежде всего на выявление проблематики, с которой она сталкивается в практической деятельности. При этом возникает необходимость понимания специфики благотворительного объединения, оценки его ресурсов и поиска оптимальных инструментов решения текущих задач. По нашему мнению, профессиональное мастерство социолога в благотворительной организации воплощается в осуществлении ряда функций:

Роль аналитика – сбор и обработка массива данных об организации, которые могут использоваться для достижения поставленных целей и задач, а также для прогнозирования дальнейшего развития отдельных проектов или всей организации.

Экспертная роль – социолог в качестве консультанта предлагает способы разрешения возникающих вопросов.

Управленческая роль – участие в процессе принятия решений и составление рекомендаций по улучшению внутриорганизационных коммуникаций.

Социокоммуникативная роль – связана с поиском контактной и целевой аудитории, выбором наиболее эффективного канала связи. Ключевыми являются знания и навыки применения коммуникативных технологий в деятельности благотворительной организации для привлечения и вовлечения доноров, что способствует увеличению числа пожертвований [2].

Публичная роль – ориентирована на организацию внешней деловой коммуникации. Специалист занимается поиском партнеров, привлекает государственный и коммерческий сектор и ведет переговоры.

На эффективность работы социолога в благотворительной организации существенно влияет его коммуникативная компетентность, которая проявляется при регулировании внутриорганизационных процессов и установлении связей с внешней средой. Социолог способен наладить внешние коммуникации и содействовать решению управленческих задач для привлечения пожертвований и финансирования, что является важным условием и ресурсом развития благотворительной организации [1].

1. Иванова Н.В. Фандрайзинг как фактор устойчивого функционирования некоммерческого сектора / И. В. Мерсиянова, Н. В. Иванова, И. Е. Корнеева // Вестник С. – Петерб. у-та., 2015. - № 1. – С. 151 – 180.

2. Kelly K.S. *Effective Fund Raising Management.* / Mahwah. - NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1998. – 680 p.

ИЗУЧЕНИЕ УРБАНИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ГОРОДСКОМ ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОСОБЕННОСТИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

*Жданович Дарья Александровна
Санкт-Петербургский государственный университет*

Современный город представляет собой неоднородное пространство, в котором одновременно сосуществует множество субъектов-производителей различных дискурсов. Увеличение гражданского участия в процессах трансформации городской среды и привлечение внимания к определённым городским проблемам приводят к возникновению урбанистического дискурса, а само производство урбанистического дискурса нередко связано с конфликтом городских субъектов [2, 318].

Изучение дискурсов в городском пространстве представляется нетривиальной и трудоёмкой задачей, требующей комплексного подхода. Настоящий доклад базируется на результатах исследования, посвящённого рассмотрению дискурсивного конструирования угроз, связанных со строительством социального жилья в одном из новых районов Санкт-Петербурга. В ходе данного исследования были проанализированы дискурсы СМИ и нарративы местных жителей о данной трансформации городской территории. Теоретической рамкой анализа дискурса выступила классификация риторик конструирования социальных проблем [1, 70]; в эмпирическом исследовании мы опирались на логику общественно-научного дискурс-анализа [3, 64]. Эмпирической базой исследования послужила серия полужформализованных интервью с жителями данного района; кроме того, анализу подверглись комментарии горожан в социальных сетях, а также релевантные публикации в СМИ.

В результате были выявлены особенности дискурсов горожан и СМИ; также были артикулированы методологические сложности и барьеры, сопряженные с их изучением.

Прежде всего было установлено, что дискурсы СМИ и местных жителей характеризуются многообразием и охватывают высказывания не монолитных акторов, а целых групп акторов, состоящих из единичных производителей дискурса, способных объединяться для трансляции конкретного дискурса или противостоять друг другу. Поэтому в ходе исследования дискурсов необходимо фиксировать многочисленные мнения различных акторов, учитывая контекст их появления и специфику площадок, на которых данные мнения были высказаны.

Наряду с этим отдельные производители дискурса способны проникать в дискурсы других групп акторов, воспроизводить их, наделяя новыми смыслами и выражая свои субъективные мнения, поэтому можно говорить о взаимовлиянии дискурсов, что в итоге приводит к возникновению «переработанного» дискурса, который зависит от многих характеристик акторов. Стоит отметить, что полностью исключить взаимовлияния дискурсов невозможно, однако обособленное рассмотрение дискурсов каждой группы акторов позволяет увидеть преобладающие позиции и риторичности в дискурсивном поле, обнаружить отличительные черты дискурсов различных акторов.

Кроме того, дискурс СМИ и его риторичности непосредственно связаны с особенностями целевых аудиторий, а дискурс и риторичности горожан зависят от их жизненного опыта. При этом СМИ обладают гораздо большими ресурсами для трансляции своей позиции, чем горожане, поэтому можно говорить об иерархии дискурсов в публичном пространстве, что также следует учитывать при изучении дискурсов.

1. Ибарра П., Китсьюз Д. Дискурс выдвигения утвержденных-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия / Сост. И.Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казанск. ун-та. 2007.
2. Karsten L. From a top-down to a bottom-up urban discourse: (re) constructing the city in a family-inclusive way // Journal of Housing and the Built Environment. 2009. No 24. P. 317-329.
3. Keller, R. Diskursforschung: Eine Einführung für SozialwissenschaftlerInnen. 3 aktualisierte Auflage. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften | GWV Fachverlage GmbH, 2007. 136 s.

«ИНФОДЕМИЯ» И ОНЛАЙН ДЕМОКРАТИЯ В УСЛОВИЯХ COVID-19

Каневский Павел Сергеевич
МГУ им. М.В. Ломоносова

В периоды кризисов таких как глобальная пандемия Covid-19, государства особенно зависят от политического участия и доверия граждан. Масштабные кризисы, имеющие далеко идущие экономические и социальные последствия, чаще всего негативно влияют на уровни политического доверия, а в худшем случае приводят к серьезным политическим кризисам. Растущее недоверие к власти, в свою очередь, приводят к тому, что политическое участие зачастую оборачивается против режимов, которые вынуждены реагировать на различные формы гражданского протеста, снижение рейтингов правящих партий и лидеров.

Важным отличием нынешнего кризиса является то, что пандемия разрывает привычные социальные связи и меняет традиционные формы политического участия. «Уход в онлайн» стал главной тенденцией для всех обществ и политических систем в последние полтора года. И хотя интернет технологии позволяют легко и быстро обмениваться информацией, функционирование гражданских обществ в виртуальном пространстве претерпевает существенные изменения. Виртуальное публичное пространство способно формировать повестку, однако оно не имеет столь же эффективных инструментов влияния на принятие решений в сравнении с традиционными формами участия. Исследования показывают, что сама по себе политическая активность в интернете, прежде всего в социальных сетях, может способствовать большей включенности людей в реальную политическую жизнь [1]. Однако, в условиях социальных ограничений эпохи пандемии, политическая коммуникация в онлайн замыкается сама в себе, снижая потенциал влияния гражданского общества.

Помимо этого, публичные пространства в интернете подвержены влиянию «инфодемии» - неконтролируемого потока информации, в которой все сложнее отличить реальность от фейковых новостей. Это не новая тенденция. Энн Эпплбаум прослеживает ее с момента снижения влияния традиционных профессиональных СМИ и начала плюрализации информационного пространства благодаря социальным сетям, небольшим независимым СМИ и частным блогерам [2; 105-142]. Однако пандемия невероятно ускорила потоки дезинформации, приведя к росту социальной напряженности, снижению доверия людей друг к другу и к собственным правительствам. Теории заговоров, альтернативная информация, антисистемные взгляды стали частью политической культуры эпохи Covid-19 во многом из-за хаоса «инфодемии». Последние исследования показывают, что интернет и социальные сети не способны быть платформами зарождения проактивной социальной повестки в условиях нынешнего кризиса [3]. Напротив, происходит деградация социальных связей, кризис социальной солидарности на фоне роста межличностного и межгруппового недоверия, что, в свою очередь, ведет к росту институционального недоверия. Данная проблема является вызовом не только для гражданских обществ, но и для государств, которые сталкиваются со снижением качества информированности и рациональности граждан.

1. Piatak J., Mikkelsen I. Does Social Media Engagement Translate to Civic Engagement Offline? // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2021. 50(5). P. 1079-1101. doi:10.1177/0899764021999444
2. Applebaum A. *Twilight of Democracy: The Failure of Politics and the Parting of Friends*. Penguin Books, 2020.
3. Ohme J., Hameleers M., Brosius A., Van der Meer T. Attenuating the crisis: the relationship between media use, prosocial political participation, and holding misinformation beliefs during the COVID-19 pandemic // *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*. 2021. 31:sup1. P. 285-298. doi: 10.1080/17457289.2021.1924735

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ КИНОКЛУБОВ В СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Кириллов Дмитрий Вячеславович,
Сергеева Ольга Вячеславовна
Санкт-Петербургский государственный университет

Феномен социального объединения людей в формате киноклуба представляет собой один из интересных исследовательских объектов для социальных и гуманитарных наук. Рассмотрим, какие подходы, идеи и направления сложились в осмыслении киноклубных объединений.

Одним из первых, обративших внимание на такое явление как “киноклубы”, был французский теоретик и историк кино Жорж Садуль. Этот автор в своих многочисленных работах, посвященных истории кино, еще в середине XX в. осветил общественную полемику о роли зарождающихся в первой четверти двадцатого столетия киноклубных объединений, он описал акторов-участников киноклубов, а также оценил преобразование киноклубов в конце периода немого кино: “В дальнейшем эти киноклубы преобразились. Размножившись, они объединили вокруг себя наиболее просвещенных зрителей, фанатиков кино, которые устраивали частные просмотры новых фильмов, а затем страстно их обсуждали”. [4; 183]

Фокус внимания истории кино тесно связан с культурологическим осмыслением ценностного фактора и эстетической значимости в деятельности киноклубов. В этом направлении работал британский исследователь Стив Нил (преподававший в различных университетах Англии с 1970-х по 2014 г.), который рассмотрел киноклубы в контексте объединения людей в формат Арт-синема: “кинематографа, который, в свою очередь, сделает возможным демонстрацию и обсуждение различных форм независимого кино в масштабе полностью отличном от того, что существует в настоящее время”. [2; 293] Работа выполнена в междисциплинарной плоскости, автор приводит как исторические справки, так и социологические данные в области потребления кинопродукции в зависимости от страны и исторического периода. [2; 302-303]

Отечественные исследователи О.А. Баранов, В. А. Монастырский, А.В. Федоров, И.В. Челышева, рассматривали киноклуб с позиций рычага воспитания, интеграции молодого поколения и социализации посредством приобщения к киноискусству в клубных объединениях. Обращая внимание на духовное начало в киноискусстве и постижение опыта предыдущих поколений через призму экрана и дискуссии, Е.Ю. Жмырова пишет о том, что “дискуссионный киноклуб позволяет в принципе реализовать все содержательные аспекты воспитания”. [1; 116]

Социологическое изучение киноклубов может базироваться на исследовании референтных групп из числа участников и на осмыслении фреймов пространства/ситуации, где обсуждается фильм, а это возможно, благодаря выработке категориального аппарата, операционализации основных понятий, а также выбору теоретико-методологической перспективы для осмысления сообщества киноклубов.

В развитии социологического подхода к изучению кино клубов нам представляется эффективным обратиться к теории фреймов И. Гофмана, что позволяет интерпретировать коммуникации, возникающие вокруг и по поводу просмотренного фильма. Кино клуб может быть определен как “третье место”, в котором “происходят регулярные, неформальные, добровольные, радостно ожидаемые встречи индивидов вне рамок дома и работы”. [3; 58]

Таким образом, исследования кино клубов, на наш взгляд, не могут ограничиваться профилем определённой научной области (педагогика, психология, искусствоведение, культурология и т.д.). Необходимо конфигуративно подходить к рассмотрению специфики деятельности кино клубов с применением междисциплинарного подхода, при этом стараясь искать концепты, работающие с разными аспектами явления.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОГО ЭЛЕМЕНТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИМИДЖА СТУДЕНТОВ-СОЦИОЛОГОВ

**Леонов Аркадий Константинович,
Блохинская Алёна Владимировна, Дудко Анна Николаевна
ФГБОУ ВО "Амурский государственный университет"**

В любой профессии есть определенный стандарт, предъявляемый к специалисту, соответствие которому является гарантией успешной трудовой деятельности человека. Соответствие этому стандарту предполагает не только владение определенными компетенциями, но и обладание имиджем профессионала. По мнению работодателей, наиболее важным качеством для социолога является коммуникабельность (21 %) [1, 23]. Это же качество как важный элемент профессионального имиджа отмечают студенты и выпускники направления подготовки «Социология» Амурского государственного университета (АмГУ) (опрос проведен в мае 2021 г., n = 57). Это актуализирует целенаправленное формирование данного качества у студентов-социологов в рамках образовательного процесса.

В ходе профессиональной деятельности социолог взаимодействует с пятью группами субъектов, в соответствии с которыми ниже приведены деловые игры по формированию коммуникативного элемента имиджа социолога, апробированные в ходе подготовки студентов АмГУ.

1. Социолог – респонденты.

А. На занятии обыгрывается ситуация формализованного опроса респондента: студент-интервьюер берет интервью у другого студента, следуя предварительно полученной инструкции по процедуре опроса. Второй студент играет «конструктивную» (обычный респондент) или «деструктивную» (отвлекающийся, уходящий от темы, разговорчивый) роли. Другие студенты во время интервью могут выступать третьими лицами («супруга» или «ребенок» респондента), внося затруднения в процесс интервью.

Б. Обыгрывается телефонный контроль работы интервьюера исходя из легенд предыдущей деловой игры.

2. Социолог – сотрудники-исполнители.

Обыгрывается инструктаж интервьюеров: формируется умение коммуницировать с большой аудиторией.

3. Социолог – руководитель.

Обыгрывается ситуация приема на работу в качестве социолога-аналитика, супервайзера или полевого интервьюера. В качестве руководителя может выступать как преподаватель, так и студент. В дистанционном режиме задание может иметь следующий вид: «Представьте себе, что Вы трудоустраиваетесь в ВЦИОМ аналитиком. Что бы Вы

рассказали о себе работодателю?». Задание может быть выполнено письменно или с видеозаписью.

4. Социолог – заказчик.

Предлагается деловая игра по технике «двойного перевода». Этапы: 1. Преподаватель, выступая в роли заказчика и используя лексику обывателя, формулирует проблему / цель. 2. Студенты «переводят» ее на язык социологических понятий и конкретизируют в исследовательских задачах (формируют основу проектного предложения). 3. Студенты «переводят» эти задачи на язык обывателя, разъясняя заказчику планируемые результаты исследования.

5. Социолог – общественность.

Студентам предварительно предлагаются одномерные и двумерные распределения по проведенному исследованию. Задачи студентов: визуализировать распределения в форме презентации; представить доклад одноклассникам с данной презентацией. Участие в научных конференциях закрепляет полученные коммуникативные навыки направления «социолог – общественность».

ВИЗУАЛЬНЫЕ НОВЕЛЛЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИИ

Мизиряк Надежда Андреевна

Социологический институт РАН – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Грант РФФИ №20-011-00625 "Развитие компьютерных игровых проектов в социологических исследованиях"

Профессиональный социолог должен быть не только хорошо «подкован» теоретически, но и иметь социологическое мышление, позволяющее видеть источник социологических данных во всём, что его окружает. Использование игр в сборе социологически-значимой информации – привлекательная перспектива для социологов. Сюжетные игры вовлекают игроков, побуждают их эмоционально и интеллектуально включаться, моделировать в голове истинную реакцию на предлагаемые события и искренне реагировать на игровые стимулы. Многие игры затрагивают социально-значимые вопросы и предоставляют игрокам возможности выбора ответных реплик персонажей и действий, что может быть использовано для выделения социологической информации. Рассмотрим перспективы использования визуальных новелл для нужд социологического исследования.

Визуальные новеллы – жанр игр для смартфонов, планшетов и ПК, представляющий собой «иллюстрированное литературное повествование, где читатель в ключевые моменты может принять то или иное решение, влияющее на развитие событий» [1; 42]. Визуальная составляющая состоит из 1) фона, 2) фигур персонажей, с которыми происходит взаимодействие и/или главного героя, за которого играет респондент, 3) окошка с текстом новеллы или интерактивного диалога с вариантами ответов.

Задачей социолога становится создание игрового сюжета, соответствующего замыслу социологического исследования. Чем интересней сюжет, тем больше вовлеченности можно ожидать от респондентов. Необходимо подобрать и продумать валидную шкалу для ответов респондента, иначе собранная социологическая информация будет не полной. Наконец, требуется написать текст новеллы, используя язык, близкий для повседневного общения, понятный респондентам без дополнительных уточнений.

Ответы респондентов переносятся программой в заранее созданную таблицу Excel, в формате, удобном для дальнейшего анализа.

Визуальные новеллы относительно просты и удобны в изготовлении по сравнению с более серьёзными компьютерными играми. Они сохраняют структуру и возможности интервью благодаря выбору из альтернатив ответов. Игровой компонент делает их интереснее и привлекательнее для респондентов, побуждает эмоционально включаться в моделируемые ситуации, мотивирует дойти до конца и поделиться игрой с друзьями.

Обычные (коммерческие) визуальные новеллы тоже могут быть использованы для сбора информации. Однако с социологической точки зрения более валидные данные можно получить, если адаптировать возможности визуальных новелл для исследовательских целей – сформулировать вопросы, описание ситуаций и задать шкалы в соответствии с методикой социологических исследований.

СОЦИОЛОГИЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Мочалова Валерия Алексеевна

Московский государственный психолого-педагогический университет

Сегодня социология стала настолько углублённой в своих исследованиях и теоретических познаниях, что образовался сложный массив социологических знаний, необходимых для общества. Социология внесла большой вклад в изучение характера и динамики повседневной жизни и стала ведущей наукой, предлагающей свежие идеи по вопросам общественной сферы в эпоху глобальных изменений.

Вопросы, лежащие в основе социокультурных изменений, связанных с жизнью, работой в современном мире, разрабатываются учеными-социологами [1]. Без социологического вмешательства социальные силы и изменения кажутся непреодолимыми для человека. Социологи разрабатывают вопросы, связанные с пониманием значимости социальной власти и иерархий, изучают процессы, последствия социальных изменений в общественной и частной жизни. Разработка тем, связанных с социальным и личным здоровьем, экологической политикой и здравоохранением, неравенством и индивидуальным благополучием - относятся к перечню наиболее важных направлений социологии 21 века. Без социологии людям будет трудно освоиться в мире, где происходят глобальные изменения. Социология призвана понять и доступно донести социальную действительность. Все явления, происходящие в мире, являются следствием исторически сложившихся тенденций развития социума, взаимосвязь и культурная значимость частных событий настоящего времени продиктована событиями прошлого. Социологи используют социологическую теорию и научный метод в качестве основы для анализа, собирают и анализируют эмпирические данные, полезные для принятия решений, связанных с общественной жизнью [2]. Именно эта взаимосвязь между социологической теорией, как основой критического мышления, и научным методом, как руководящим принципом анализа, делает социологию быстро развивающейся наукой, которая востребована в период частых изменений в обществе.

Без социологического вмешательства невозможно познать действительность. Именно действительность включает в себя такой важный аспект для социального познания, как культура. Культура здесь понимается и в самом широком смысле и, как результат человеческой деятельности, и всё это составляет основу самопознания [3]. Несмотря на важность социологии в 21 веке, в России продолжается поиск места и роли социологии в системе научных знаний об обществе. Нужно обогащать отечественную социологию новыми знаниями и решать проблемы, стоящие на пути к развитию социологических исследований. Чем быстрее пойдёт развитие, тем качественнее будут решаться проблемы, связанные с положением общества в эпоху перемен.

1. Николаева А.А. Специфика формирования инновационного трудового потенциала в современной организации // *Экономика и менеджмент систем управления*. 2018. № 3. С. 59
2. Гаврилюк В.В. *Социология образования: Учеб. пособие*. Тюмень, 2003
3. Савченко И.А., Сошникова К.М., Скундина Е.А., Борисов А.А. *Актуальные проблемы управления образованием в современной России // Экономика и предпринимательство*. 2016. № 3-1 (68). С. 191-194.

СТРУКТУРНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПОЛЯ СОЦИОЛОГА В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Поздеева Елена Геннадиевна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Социолог в цифровом обществе оказался перед новыми профессиональными вызовами, вытекающими из новых технологических возможностей социологического наблюдения и анализа, бесконтактных методов исследований, позволяющих с высокой скоростью собирать информацию, оптимизируя расходы, получая доступ к ранее малодоступным темам и мнению общественности. Это видоизменяет структуру профессиональной исследовательской практики, которая все больше опирается на коллаборации и кооперацию компетенций специалиста по предмету и специалиста по данным. [1]. Это позволяет рассматривать профессиональную среду как мультиагентную, особенностью которой является поддержание в постоянном режиме активности профессионального дискурса, артикулирующем новые аспекты и ориентиры, границы тестирования новых инструментов и анализ меняющегося социального пространства [2].

Для социологии в эпоху цифровизации особенно актуальной становится критическая функция, которая особенно важна сегодня в анализе влияния технологий, идущих процессов алгоритмизации и датификации. Трансформация социологической информации в поток данных имеет множество последствий как для общества, так и для самой науки. Здесь критический анализ процессов датификации разворачивается в трех важных направлениях: с позиций монетизации данных, конструирования данных на основе применения искусственного интеллекта и прояснения политической картины интересов участников [3].

Для социологического научного сообщества новые ориентиры и практики означают расширение и изменение структуры поля взаимодействия. Новые смыслы профессии, понимаемые как виртуальная многоуровневая структура (конструкт) [4, 9], возникают в пространстве разнообразия и интенсивности развивающихся коммуникативных практик. Однако, сегодня профессиональные смыслы во многом маргинализированы. Как подчеркивают социологи, большинство россиян являются носителями множественных идентичностей, среди которых профессиональная — одна из самых сильных и устойчивых [6]. Социологи отмечают тесное взаимопереплетение публичного и частного [5], в приоритете находится визуализация, предполагающая стремительное имиджевое движение, ориентацию на яркие выступления и публичные оциации. Это касается и профессиональной идентичности социолога, которая также испытывает влияние новых вызовов, в частности перевода акцента в публичную сферу, научно-популярное просвещение широких аудиторий, влияние общественной экспертизы.

Дискурс профессионального развития социолога включает проблему повышения цифровой компетентности, что предполагает уже на стадии профессиональной подготовки развитие гибких навыков и цифровых навыков [7]. Коммуникативное поле социолога структурируется под влиянием новых цифровых возможностей, фокусируясь на том, как проходит освоении человеком практик взаимодействия с использованием

искусственного интеллекта и цифровых посредников, на расширении ролевого репертуара и освоении цифровых компетенций [8]. Это также формирует ожидания по отношению к социологу со стороны эвристики.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.

Рашидова Джамила Тофиковна
Санкт-Петербургский университет МВД РФ

В любом языке звукоподражательные слова являются крайне важной частью коммуникации. В условиях всё более интенсивного межкультурного взаимодействия заимствование данных слов представляет собой важную и перспективную тему. Звукоподражательные слова являются частью вербального общения, однако по своему функционалу схожи с невербальным. Данный феномен должен быть рассмотрен с социологической точки зрения.

Ключевые слова: коммуникация, межкультурное взаимодействие, нормы языка.

Звукоподражательные слова являются крайне важной частью коммуникации. Их использование может полностью изменить значение предложения. Это особенно важно в условиях аномии современного общества [3], которая проявляется в различных сферах его существования [2]. Изучение данной проблемы особенно интересно, поскольку неизбежно произойдёт заимствование звукоподражательных слов из английского языка в другие. В тоже время в понимании языка это крайне важно для выстраивания межкультурной коммуникации [1].

Далее рассмотрим конкретные примеры звукоподражательных слов. Часто в разговорной речи употребляется слово «aw/aww». Данное слово используется, когда речь идёт о чём-либо милом или грустном. Пример употребления: «Look at this cute little bunny, aw!». Слово «boom» часто используется для выражения восхищения от внезапного успеха. Пример употребления: «I prepared very badly for the exam, but I got results and there is an A. Boom!».

Тема изучения звукоподражательных слов набирает всё большую актуальность. На языковых курсах зачастую присутствуют специальные разделы для изучения данного феномена. Звукоподражательные слова должны изучаться также и как компонент социального взаимодействия, как социально обусловленный феномен.

1. *Игнатьева О.А. Влияние межэтнической коммуникации на национальную идентичность и внешнюю политику государства // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 3 (3). С. 104-112.*
2. *Конанчук С.В., Плетнев А.В. Влияние эстетического образования на самосознание человека в условиях современной социальной аномии // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 6 (41). С. 111-114.*
3. *Плетнев А.В. Развитие аномии в религиозной сфере жизни постсоветского общества // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 4. С. 26.*

ИНТЕРНЕТ-АДДИКЦИЯ ЛЮДЕЙ «ТРЕТЬЕГО» ВОЗРАСТА: ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Рязанцева Ангелина Вадимовна

Санкт-Петербургский государственный университет

Возникновение сети интернет, развитие цифровых и мобильных технологий открыли новые возможности, но вместе с тем, обусловили возникновение новых рисков. Уже с конца XX века появляются исследования, посвященные феномену интернет-аддикции, однако существующая на сегодняшний день литература посвящена преимущественно исследованию молодого поколения [3, 10]. При этом ученые также отмечают, что зависимость от интернета и социальных сетей является растущей проблемой во всех возрастных группах [3, 1].

Пользователи старшего поколения могут иметь свои характерные особенности в контексте изучения их интернет-практик, так как использование ими интернета начинается в более поздний период жизни. Также прекращение или сокращение профессиональной деятельности является фактором, существенно влияющим на жизнь человека в целом. Появления большего количества свободного времени, уменьшение активных социальных контактов могут значительно повлиять на практики использования сети Интернет.

Для исследования людей старшего возраста в сети Интернет особенно интересным представляется обратить внимание на «молодых стариков» или людей «третьего» возраста. Именно они являются наиболее активной частью пожилого населения [1, 2], в связи с чем могут быть наиболее подвержены изменениям, связанным с распространением технологий.

Однако исследований интернет-аддикции среди пожилых людей на данный момент не так много. Специфичность феномена интернет-аддикции среди разных возрастных категорий доказывают в своем исследовании Иоаннидис К. И и коллеги (Ioannidis K. et al.). Учеными было выявлено, что в зависимости от возраста присутствует существенная разница между факторами проблемного использования интернета. Например, говоря о видах активности в интернете, связанных с наиболее высокими показателями проблемного использования интернета, авторы выделяют, что пожилые люди (респонденты, находящиеся в возрасте 55 лет и старше) могут быть более склонны к развитию интернет-зависимости из-за использования игровых приложений и потоковых медиа, что отличается от видов активности среди молодых людей [2, 3].

Таким образом, именно недостаток информации по данной проблеме среди пожилых людей может привести к представлению о том, что данный феномен является “молодежным”, тогда так не менее актуальным является изучение специфики интернет-зависимости среди старших возрастных групп.

До конца неразрешенными остаются многие вопросы. Например, какие социальные факторы могут повлиять на развитие увлечения интернетом людей «третьего» возраста? Какова распространенность феномена интернет-зависимости среди пожилых? На какие виды активности в киберпространстве пожилые тратят больше всего времени? Достаточно ли гетерогенна группа людей «третьего» возраста для выделения различных типологий интернет-зависимости? Каковы субъективные представления пожилых о границах нормального и чрезмерного времяпрепровождения в интернете? Как влияет чрезмерное увлечение интернетом на субъективное благополучие пожилых людей?

1. Рымашевская Н. М., Доброхлеб В. Г. Старшее поколение как ресурс модернизации России // *Народонаселение*. – 2013. – №. 3 (61).

2. Ioannidis K. et al. Problematic internet use as an age-related multifaceted problem: Evidence from a two-site survey // *Addictive behaviors*. – 2018. – Т. 81. – С. 157-166.

ЦЕЛЕВАЯ ОРИЕНТИРОВАННОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СОЦИОЛОГА

Чудновская Ирина Николаевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Коммуникативная компетентность, являясь актуальным понятием современного уровня социального развития, имеет относительный характер, что обуславливает сложности и в составлении научной дефиниции этого понятия, и в прикладных разработках по развитию данного вида компетентности [4]. Понимая под коммуникативной компетентностью «способность личности нормально (то есть в пределах диапазона, заданного соответствующими социальными нормами) функционировать в качестве коммуникативного актора» [1, 207], следует акцентировать внимание на дискурсе данных социальных норм.

Существование и развитие профессии во многом определяется ее социальными функциями. В соответствии с этими функциями вырабатываются определенные профессиональные стандарты. Основная цель профессиональной деятельности социолога зафиксирована стандартом следующим образом: «получение необходимой информации для принятия и обоснования управленческих решений в различных сферах жизни общества и представление результатов <...> исследования различным аудиториям» [3]. В такой двукомпонентности формулировки просматривается несомненная значимость коммуникативной работы социолога с аудиторией.

В связи с этим одним из признаков профессиональной и коммуникативной компетентности современного социолога следует признать его умения диверсифицировать аудиторию и среди ее установленных сегментов выделить приоритетную аудиторию. Мировое социологическое сообщество, ISA в результате активных дискуссий определили следующие субъектные цели, которым могут быть адресованы результаты социологических исследований: властные структуры, рыночные структуры, научное сообщество, гражданское общество. Коммуникация с каждым из этих сегментов требует специфических коммуникативных навыков у социолога.

Уже на рубеже веков стала очевидной значимость четвертого указанного сегмента, которая стала особенно острой в результате социальной коммуникации во время пандемии. В современном российском обществе сместились ориентиры в социальном ландшафте доверия. По данным ВЦИОМ за октябрь 2021 г., россияне сейчас более всего доверяют родственникам, друзьям, коллегам по работе, лишь 33% - телевидению (только 2% - полностью), 28% - своему кругу общения в интернете (3% - полностью), при этом за последние 15 лет снизилась и доля тех, кто полностью доверяет родственникам [2]. Соответственно, интерпретация и представление данных фундаментальных и прикладных социологических исследований гражданам страны сопряжены с повышением роли коммуникативной компетентности современного социолога. На наш взгляд, в первую очередь это касается операциональной компетентности, отражающей умения и навыки практической ориентации в динамике коммуникативного пространства, в связи с чем целесообразно усилить коммуникативную составляющую в наборе дисциплин по подготовке современных профессиональных социологов.

ЭМПАТИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЦИОЛОГА

Эскирханова Элита Мусаевна
МГУ имени М.В. Ломоносова

Одним из важнейших условий эффективной деятельности профессионального социолога является коммуникативная компетентность. Необходимость в совершенстве владеть навыком коммуникации подтверждает Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (ФГОС ВО), который относит его к группе универсальных компетенций наряду с системным и критическим мышлением, разработкой и реализации проектов, командной работой и лидерства, межкультурным взаимодействием, самоорганизаций и безопасностью жизнедеятельности [1].

К понятию «коммуникативная компетентность» обращались многие исследователи в своих трудах. Впервые оно было введено в 1960-е гг. американским социолингвистом Дж. Хаймсом, который считал, что коммуникация не ограничивается знанием грамматических правил (языковая компетенция по Н. Хомскому). Необходимо также «знать о том, когда говорить, а когда нет, о чем говорить, о ком, где, в какой манере» (коммуникативная компетентность) [4, 277]. Кроме того, об этом писали и отечественные исследователи, среди которых стоит упомянуть М.Н. Ватютнева, Д.П. Гавра, Е.Э. Сысоеву, Л.А. Петровскую и др.

В коммуникативной компетентности необходимо подчеркнуть важную роль способности к эмпатии, позволяющей лучше выстраивать отношения в процессе общения между людьми [2, 141]. Особое значение эта способность имеет для социолога, работающего в «поле» и осуществляющего свою профессиональную деятельность в тесном контакте с людьми разных возрастов. Ведь к каждому респонденту необходим особый подход, и задача социолога состоит в том, чтобы вчувствоваться в него, идентифицировать себя с ним.

Стоит отметить, что понятие эмпатии было упомянуто в рамках теории коммуникативной компетентности американского ученого Дж.М. Виманна, уделявшего особое внимание коммуникативному взаимодействию в конкретных ситуациях. Эмпатия здесь выступила в качестве одного из инструментов для измерения модели коммуникативной компетентности [5, 18].

Проводя исследование, социологу важно понимать, с какой группой респондентов ему предстоит работать. Так, например, в настоящее время актуальность приобретают социальные проблемы людей старшего поколения. По оценкам ООН, к 2050 году пожилая часть общества почти удвоится – с 12% до 22%, что составит более 2 млрд человек [3]. В связи с этим, необходимо особое внимание уделить методам и условиям, при которых происходит исследование, учитывая интеллектуальные, социально-психологические и физиологические признаки старения при общении с людьми старшего поколения.

Итак, эмпатия является важной составляющей коммуникативной компетентности социолога в его профессиональной деятельности, которая позволяет установить тесный контакт между ним и респондентом, а также является условием подлинного коммуникационного взаимодействия.

1. *Федеральный государственный образовательный стандарт Высшего образования по направлению подготовки 39.03.01 Социология от 05.02.2018 (ред. от 08.02.2021) [Электронный ресурс] // Национальная ассоциация развития образования и науки. – URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-39-03-01-sociologiya-75/> (дата обращения: 8.10.2021).*
2. *Чудновская И.Н. Коммуникативная компетентность как личностный ресурс в цифровом информационном пространстве // Коммуникативный капитал цифровой эпохи.*

- Материалы научной онлайн-конференции с международным участием / Ред. И.Н. Чудновская. – М.: МАКС Пресс, 2021.*
3. *Демографические изменения [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – URL: <https://www.un.org/ru/un75/shifting-demographics> (дата обращения: 7.10.2021).*
 4. *Hymes D. On Communicative Competence // J.B. Pride and J. Holmes (eds.), Sociolinguistics. Harmondsworth: Penguin, 1972.*
 5. *Rickheit G., Strohner H., Vorweg C. The concept of communicative competence / Handbook of Communication Competence / Ed. by Gert Rickheit, Hans Strohner. Mouton de Gruyter. Berlin. New York, 2008.*

Секция 4. Новая экономическая социологии - зеркало современного общества

К МЕТОДУ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ

Абдулаев Арсен Джапарович
НИУ "Высшая школа экономики" г. Москва

Социальная активность населения, особенно ярко проявляющаяся крупных городах, в значительной мере размывает образ городского жителя и его социальные запросы в адрес соседствующих с ним сообществ и государственных и муниципальных структур. Данное обстоятельство приводит к снижению качества коммуникации между органами власти и населением, городскими сообществами между собой, что в свою очередь провоцирует различные проявления сегрегации в среде города.

В научном исследовании произведена апробация метода дифференциации жителей городских агломераций через специфику социально-экономических практик населения. Авторский метод основан на выявлении в локальных сообществах города признаков городских и сельских практик. При этом упомянутая классификация строится не на критерии принадлежности к конкретной территориально-административной единице, а на влиянии среды на воспроизводство практик населения и специфики социальных действий, провоцируемых социальной укоренённостью образа жизни городских сообществ.

Определённые стержневые характеристики городских и сельских практик - редиистрибуция и реципрокация [1] - были дополнены коммуникационными особенностями локальных сообществ, спецификой построения социальных связей [2]. Также было произведено соотнесение каждого вида практики с моделями внутриорганизационного контроля [3], спецификой институциональных ожиданий [4], особенностями ведения хозяйственной деятельности [5] и использованием городскими общественными благами.

При апробации метода одним из основных маркеров вида практики была определена форма управления многоквартирным домом. В результате был сделан вывод о явной дифференциации городской среды Санкт-Петербурга в зависимости от практик населения в сфере управления многоквартирным домом, что обеспечило выявление, как специфичных характеристик поведения самого населения, так и территориальной привязки их деятельности к конкретной локации города.

Сформированный метод направлен на углубленное изучение социального пространства городской среды с целью определения социально-экономической и коммуникативной специфики локальных сообществ города. Учет данных факторов приведет к сглаживанию системных противоречий при управлении территориями, снижению социального напряжения и повышению качества городской среды.

1. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Карл Поланьи; Пер. с англ. А.А. Васильева [и др.]; Под общ. ред. С.Е. Федорова. - СПб: Алетейя, 2002. - 311 с.
2. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. - 2002. - №3. - С. 44-58.
3. Радаев В. Четыре способа утверждения авторитета внутри фирмы. Некоторые результаты обследования предпринимателей // Социологический журнал. - 1994. - №2. - С. 149-157.
4. Парсонс Т. О структуре социального действия / Талкотт Парсонс ; под общей ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. - Изд. 2-е. - Академический проект, 2002. - 880 с.

5. Муфтахова А.Н. Социальное неравенство в жилищной сфере мегаполиса Санкт-Петербурга при добросовестном пользовании жильём // Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм. Сборник пленарных докладов Объединенного международного конгресса СПЭК-ПНО-2020. / Под общей редакцией С.Д. Бодрунова. - Том. 3. - М.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021. - С. 274-289.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК АГЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**Алексеева Ольга Александровна,
Скворцова Елена Евгеньевна**

***Институт социально-экономических проблем народонаселения
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН***

Два ключевых теоретических понятия новой экономической социологии - «укорененность» и «социальное конструирование хозяйства», во-первых, постулируют, что любое экономическое действие *социально* определено и его нельзя объяснить без изучения мотивов каждого отдельно взятого индивида, и, во-вторых, хозяйство есть *социальная* конструкция [1,2].

Социоэкономика также исследует хозяйственные институты, но в отличие от новой экономической социологии, особо выделяет роль социальной справедливости наряду с экономической эффективностью. Социоэкономика подчеркивает влияние психологического «дохода» и эмоциональной безопасности на производительность труда; важность сохранения институциональной целостности в сравнении с политикой корпораций; значение нравственных и моральных основ не только для семьи и сообщества, но и для рынка [3].

В эпоху цифровизации человек, как экономический агент, при формировании своих ожиданий поддерживается и частично заменяется технологиями. В большом количестве экономических областей, таких как - банковские операции, электронная коммерция, организация цепочек поставок, рынки труда и т.п. - алгоритмы, модели, технологии искусственного интеллекта (ИИ) направлены на то, чтобы компенсировать ограниченную рациональность экономических агентов (по данным социологического исследования ИСЭПН ФНИСЦ РАН в 2019 г. наиболее популярными практиками экономического поведения населения возраста 55+ выступали онлайн-покупки, использование государственных и финансовых услуг в электронном виде [4]). В процессе выполнении этих задач алгоритмы могут учиться, корректировать стратегии и достигать некоторой степени автономности. В основанной на цифре и технологиях современной жизни, на вопросы: чьи ожидания - от людей или от машин - имеют значение; станут ли ожидания, смоделированные непрозрачным способом «черного ящика», более рациональными; кто или что такое технологический агент ИИ, который может ограниченно заменить рационального агента - призвана ответить социоэкономика [5].

В то время, как алгоритмы ИИ все больше применяются в экономической жизни, люди дистанцируются от выработки суждений, убеждений, ожиданий, перекладывая эти функции на ИИ. С одной стороны, передовые технологии могут приблизиться к совершенной обработке информации и открыть «правильную» модель экономики. С другой стороны, в сложных неопределенных ситуациях неспособности ИИ распознавать причинно-следственные связи и неполноценности алгоритмических решений по сравнению с человеческими суждениями ставит под сомнение теоретическое утверждение о рациональности ожиданий технологических агентов.

Для нейтрализации опасных тенденций [6], связанных с развитием ИИ (поглощение рабочих мест, замещение профессий, изменения в занятости населения,

цифровое неравенство, потеря человеком контроля над личной жизнью, снижение когнитивных, социальных и жизненных навыков людей, потенциальные этические конфликты) и поддержания контроля над сложным взаимодействием «человек-цифра» необходимо улучшение сотрудничества через границы и заинтересованные стороны для разработки политики, гарантирующей, что ИИ будет направлен на гуманность и общее благо [4,7]. Потребуется реорганизация социально-экономических систем в целях расширения возможностей и способностей людей в процессе цифровой трансформации и выработки сопротивляемости тенденциям, ставящими под угрозу «нужность» человека.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГА (НА ПРИМЕРЕ Г.ПЕРМИ)

**Балезина Екатерина Андреевна,
Елисеева Софья Юрьевна
НИУ ВШЭ-Пермь**

Профессионализация социолога происходит в 3 этапа: довузовский, вузовский и послевузовский. Выделяется два подхода к изучению профессионального становления социологов: нормативный и вариативный. Результаты интервью в рамках нормативного подхода свидетельствуют о двух значимых факторах профессионального становления социолога – слабая институционализация социологии в России и разрыв между академической и практикующей деятельностью социолога.

Ключевые слова: социолог, профессиональное становление, нормативный подход.

Профессиональное становление представляет собой поэтапный, динамичный и управляемый процесс, в ходе которого происходят качественные преобразования личности, развитие и изменение профессиональных качеств, формирование отношения к профессии и овладение профессиональными знаниями и умениями [1]. Профессиональное становление социолога подразделяется на 3 этапа: довузовский – профессиональное самоопределение, выбор образовательной траектории, вузовский – обучение, овладение компетенциями социолога, послевузовский – трудоустройство и адаптация на выбранном месте работы [2, 17].

Существуют 2 подхода к изучению профессионального становления: 1) нормативный подход рассматривает объективные факторы и условия, социально обуславливающие выбор профессии; 2) вариативный подход предполагает, что становление индивида происходит под воздействием уникальных событий [4, 233–235].

Цель исследования – в рамках нормативного подхода охарактеризовать процесс профессионального становления социолога (на примере социологов г. Пермь). Исследование проводилось методом полуструктурированного интервью (n=21). В качестве информантов выступили научно-педагогические работники вуза, преподающие социологические дисциплины («академический» социолог) и представители социологических организаций («практикующий» социолог).

По итогам исследования выявлено следующее. Профессиональное становление социологов напрямую связано с процессом институционализации социологии в России. Довузовский и вузовский этапы различаются у информантов, которые имеют или не имеют базовое образование по социологии, т.к. до середины 1990-х гг. университеты Прикамья не готовили социологов. Социологи старше 40 лет имеют историческое или философское базовое образование, в связи с чем вузовский этап дополняется периодом «переквалификации» в основном для академической карьеры. Довузовский этап социологов, имеющих базовое социологическое образование, интересен тем, что они

выбирали образовательную траекторию, опираясь на интерес к гуманитарным наукам, однако социология относится к блоку социально-экономических наук [3]. Это свидетельствует об отсутствии понимания образа профессии «социолог». Послевузовский этап подразделяет социологов на «академических» и «практикующих». Первые одновременно с трудовой деятельностью продолжают повышать свою квалификацию путем защиты диссертации и прохождения курсов повышения квалификации. Вторые развиваются через чтение специальной литературы для углубления знаний по новой тематике исследования. Разнится специфика работы этих двух групп: «академические» социологи отмечают необходимость совмещения разных видов работы (педагогической, научной, прикладной и пр.), у «практикующих» специалистов нет подобной проблемы.

Низкий уровень институционализации социологии и разделение послевузовского этапа на различную деятельность образует разрыв в социологической науке и влияет на ее образ. При дальнейшем изучении следует рассматривать варианты интеграции «академических» и «практикующих» социологов.

1. Булгакова Е.В. *Профессиональное становление студентов в процессе гуманитарной подготовки* [Текст]: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 /Булгакова Елена Владимировна. – М., – 2005. – 230с.
2. Вайсбург А.В. *Оптимизация вузовского этапа профессиональной социализации современных российских социологов* // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2011. – № 1 (21). – С. 17-22.
3. Гордон Б.Г. *Нормативная классификация наук* // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. – 2019. – № 2. – С. 890-895.
4. *Российское общество, образование и молодежный рынок труда в условиях кризиса*. [Текст]: монография / под ред. Н.Н.Захарова, А.Г.Антипьева. – Пермь: ПСИ, ПССГК, – 2009. – 308с.

LONG-LIFE LEARNING КАК СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА АКТИВИЗМА

**Бельский Александр Михайлович,
Залецкий Георгий Сергеевич
Белорусский государственный университет**

Долгое время высшее образование считалось чем-то элитарным, даже в наиболее развитых странах его получал незначительный процент населения. Сейчас ситуация изменилась. В университет стараются, и главное, имеют возможность поступить люди любого возраста, пола, социального статуса и финансового положения. Такой ход вещей привел к необратимым последствиям: наблюдается существенная разница выпускаемых из университета кадров, невозможна индивидуализация обучения ввиду массовости учебных групп, искажается восприятие высшего образования, главной целью которого для многих становится не овладение специальностью, а лишь получение диплома.

Следствием этого является то, что сегодня полученное высшее образование не дает индивидууму никакого очевидного преимущества перед другими членами общества, с которыми он будет конкурировать на рынке труда, т.к. умение работать с постоянно обновляющейся информацией и обрабатывать её, обладание так называемых «flexibility skills» ценятся намного больше, чем наличие «фундаментальных знаний», полученных в вузе. Хотя, безусловно, их получение также необходимо, но с определенными «надстройками» – компетенциями, которые мы приобретаем в ходе непрерывного самообучения, повышения квалификации на протяжении всей своей жизни. Таким образом, происходит трансформация образования как одного из важных элементов социальной структуры, что уже привело к возникновению явления, для обозначения которого мы и используем английский термин long-life learning.

Long-life learning дословно с английского можно перевести как «образование длиною в жизнь». Встает вопрос: это активизм вынужденный, чтобы быть конкурентоспособным в капиталистическом прогрессивном обществе XXI века, либо это выбор каждого и можно не следовать этой мировой тенденции long-life learning?

Объем знаний, накопленный со временем и продолжающий возрастать ежедневно, весьма сложно вместить в любой школьный или университетский курс. Хотя сформировать своеобразное «ядро», в котором будут заключены определенные фундаментальные знания, необходимые, например, среднестатистическому ребенку или подростку, когда его готовят стать полноценным членом общества в школе, или будущему посредственному специалисту в университете, возможно. Однако, учитывая, что людей со средним и высшим образованием большинство, этот посредственный специалист, вероятнее всего, может столкнуться с множеством рисков: сложность трудоустройства при отсутствии опыта работы, низкая оплата труда без продвижения по карьерной лестнице, в конечном итоге, возможное увольнение легко заменимого и не соответствующего современным требованиям сотрудника.

Соответственно, чтобы быть уникальным специалистом, необходимо обладать знаниями и умениями, отличающими вас от этого самого большинства, имеющего лишь высшее образование. Мотивированные именно этой целью, люди прибегают к постоянному саморазвитию, «образованию длиною в жизнь», или long-life learning. Чем быстрее наше общество развивается, тем больше будет требоваться специалистов, умеющих приспосабливаться к постоянно меняющимся условиям. Следовательно, long-life learning, будучи современной формой активизма, находится лишь в начале своего расцвета, к которой уже сейчас приходят многие и которая ценится во всех сферах современного общества.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РЫНКА ТРУДА КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ.

Васильева Дарья Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет

Рынок труда изменяется, на это влияют различные факторы, например, естественное движение населения, уровень образования представителей рабочей силы, квалификация, которую могут получить работники, социально-экономическая ситуация в стране и мире в целом и так далее. Одной из главных тенденций современности является распространение цифровых и информационных технологий, которые трансформируют и рынок труда.

Цифровая экономика – «состояние экономической деятельности, характеризующееся повсеместным распространением и применением цифровых технологий, которые, в свою очередь, требуют наличия соответствующей инфраструктуры и интернета. Распространение и применение перечисленных элементов является не чем иным, как цифровизацией экономики, т.е. процессом ее становления» [1, 88]. «Цифровизация – это процесс преобразования аналоговой информации в цифровой формат. В более широком контексте цифровизация определяется как социальная трансформация, вызванная массовым внедрением цифровых технологий для создания, обработки и торговли» [2, 3].

Пандемия COVID-19 существенно влияет на скорость, с которой цифровизация интегрируется в экономические и социальные системы. Цифровая трансформация является актуальной проблемой для всех отраслей промышленности по всему миру.

Широкое развитие и применение цифровых технологий, усиление роли ведущих мировых компаний, таких как Google или Apple, в жизни людей, а также изменения в мировой экономике привели к значительным изменениям на рынке труда. Цифровая революция – это не только технологический сдвиг, но и движущая сила организационных изменений на стыке экономических и социальных областей. С одной стороны, адаптация цифровых технологий может привести к негативным последствиям для сотрудников, трудовые функции которых могут быть выполнены машинами, что может повлиять на рост безработицы. Однако ряд ученых считают, что нет четкой отрицательной причинно-следственной связи между цифровизацией и ростом количества безработных. Они ссылаются на результаты исследований, согласно которым негативные последствия, вызванные распространением цифровых технологий в экономической сфере, значительно преувеличены, а рынок труда будет своевременно реагировать на изменения, привносимые цифровыми технологиями.

Необходимо проведение исследований, направленных на изучение последствий для рынка труда, что подчеркивает актуальность данного направления современных исследований экономической социологии.

1. Карапаев О.В., Нуреев Р.М. *Цифровизация экономики и производительная сила труда* // *Journal of Economic Regulation*, 2019, №10–3, С. 76–91. DOI: 10.17835/2078-5429.2019.10.3.076-091.
2. Androniceanu A-M, Georgescu I, Tvaronavičienė M, Androniceanu A. *Canonical Correlation Analysis and a New Composite Index on Digitalization and Labor Force in the Context of the Industrial Revolution 4.0. Sustainability*. 2020; 12(17):6812. <https://doi.org/10.3390/su12176812>.

ДОВЕРИЕ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Веселов Юрий Витальевич

Санкт-Петербургский государственный университет

*Статья представлена при поддержке РФФИ, грант 20-011-00155 А
«Доверие в цифровом обществе и экономике»*

В новой экономической социологии Марк Грановеттер обращается к проблеме доверия в работе «Экономическое действие и социальная структура: проблема включенности» [1, 481-510]. В качестве методологического обоснования своей концепции доверия Грановеттер использует идею включенности и сетевой подход. Центральный вопрос заключается в том, почему люди в экономическом мире доверяют друг другу? Ответ новой институциональной экономической теории заключается в том, что есть институциональные ограничения, которые делают обман невыгодным. Другие представители экономической науки считают, что доверие - это атрибут некоей общей морали, которая безусловно принимается большинством.

Аргументы новой экономической социологии другого плана. Несмотря на кажущуюся противоположность этих концепций, в них есть общая методологическая ошибка. И в том, и в другом случае предполагается, что действия и решения принимаются атомизированными индивидами. В действительности люди включены в действующую систему (сеть) социальных отношений, они не просто следуют заданным правилам поведения социальной роли, а творчески преобразуют свое ролевое поведение в зависимости от изменяющейся ситуации. Таким образом, сети личных взаимоотношений, которые структурируют различные рынки, и определяют воспроизводство доверия в экономической жизни (“the production of trust in economic life”).

Мы проверили эту идею Грановеттера в нашем эмпирическом исследовании, которое проводилось в Санкт-Петербурге в июле 2020 г. (телефонный опрос, N=1032), мы задавали для измерения сетевого доверия вопрос: «Доверяете ли вы друзьям или подписчикам в социальных сетях (типа ВКонтакте, Facebook, Instagram)?» Изначально мы предполагали, что доверие в них сильно фрагментировано и ослаблено. Социальные связи в интернет-сетях похожи на то, что М. Грановеттер называл «слабыми связями», характеризующимися: а) незначительным временем общения; б) низкой эмоциональной интенсивностью; в) неразвитой реципрокностью взаимодействия; г) невысоким уровнем взаимного доверия (*mutual confiding*) [2, 1361]. Оказалось, что уровень доверия в сетях выше, чем в обычном межличностном общении: «полностью доверяет» своим «друзьям» в социальных сетях 15,2% респондентов и частично доверяет – 44,3%. В социальных сетях люди формируют аккаунты, размещают информацию о себе, демонстрируют свою реакцию на события, создавая необходимый объем информации для других, на основе которого вызревает решение о доверии/недоверии. Эта «личная история» в сети создает «капитал доверия», который может быть немедленно использован. В обычном взаимодействии такой агрегированной информации для формирования доверия гораздо меньше.

1. *Granovetter M. (1985) Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. The American Journal of Sociology. No.3: 481–510.*

2. *Granovetter M. (1973) The Strength of Weak Ties. The American Journal of Sociology. Vol. 78. No. 6: 1360–1380*

ФИНАНСОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Голубева Ксения Александровна
Финансовый университет

Финансовая культура является сложным социально-экономическим явлением для исследования, затрагивающей экономическую и социально-духовную сферы жизнедеятельности, что усложняет интерпретацию данного явления. В зависимости от дисциплинарной позиции толкования явления ведущим элементом выделяется экономика или культура, однако, если самостоятельным предметом исследования становится сама финансовая культура, то предпочтительнее рассматривать синтез данных компонентов и возникновении нового специального объекта исследования.

Понятие финансовой культуры, как социологической категории, принадлежит к целому многообразию частных теорий: социология культуры, социология личности, социология молодёжи, социология образования, социология управления и, конечно, экономическая социология. Это объясняется тем, что сущность социологического подхода к исследованию финансовой культуры заключается в раскрытии закономерностей её функционирования, выявлении социальных функций, факторов формирования финансовой культуры.

Экономическая социология – это «дисциплина, использующая основные понятия и инструментарий социологии для анализа экономических отношений» [1]. Необходимо отметить, что экономическая социология возникла и развивалась, по большей части, в критике модели Номо *Economicus* и в противостоянии с экономической теорией. Экономическая социология рассматривает экономику как подсистему общества, «выделяемую, прежде всего, на основе адаптивной функции общества как целого», и поэтому, в частности, экономическое поведение рассматривается лишь как частный случай социального поведения». Предметом экономической социологии выступают

социальные отношения и социальные последствия их развития в сферах труда, собственности, производства, распределения и обмена, возникающее в результате взаимодействия с макроэкономическими закономерностями производства и капитала [2].

В отечественной и зарубежной литературе существует множество интерпретаций понятия «культура», однако финансовая культура остаётся по-прежнему одним из малоизученных явлений. Методологически под финансовой культурой понимаем совокупность норм и ценностей, которые разделяются большинством в обществе и находят выражение в их финансовой деятельности, в оценке финансовых событий и в отношении к финансовой системе. При этом ключевыми элементами рассмотрения данного социально-экономического явления будут финансовое поведение, финансовые ценности и нормы, определяющие финансовое сознание.

Таким образом, финансовая культура является социально-экономическим явлением, исследование которой непосредственно затрагивает сферу интересов экономической социологии, как одного из направлений социологической науки.

1. Радаев В.В, *Экономическая социология: учебник для вузов / В. В. Радаев; Гос. ун-т - Высшая школа экономики. - М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. - 603 с.*
2. *Экономическая социология: предмет, статус, структура, место в учебном процессе. – 1999 г. [Электронный ресурс] – URL: http://ecsocman.hse.ru/data/312/464/1216/005_Ekonomicheskaya_sotsiologiya.pdf*

О ЦИФРОВЫХ РАЗРЫВАХ КАК БАРЬЕРАХ ДИДЖИТАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ

Груздева Мария Андреевна
ФГБУН "Вологодский научный центр РАН"

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта 21-011-31702 «Диджитализация гражданского участия: прогресс в достижении социальных эффектов vs имитация общественно-полезной деятельности»

Важной особенностью современного этапа развития является цифровизация. Темпы ее распространения значительно усилила пандемия Covid-19. Практически все сферы жизнедеятельности ощутили на себе это влияние. В исследовательский интерес научного коллектива входило изучение особенностей цифровизации гражданского участия. В результате социологического опроса, проведенного в Вологодской области в августе 2021 г. (n=1500 чел., выборка репрезентативная, ошибка не превышает 3%), было выяснено, что 15% жителей области и до пандемии проявляли свою гражданскую позицию в сети, еще 12% стали делать это более активно. Так, треть регионального сообщества готовы быть общественно и политически активными с использованием цифровых форматов. Это половина активных пользователей сети интернет, причинами отказаться от такой формы служит предпочтение традиционных форм, недоверие к инструментам интернета. Имеет место и этический момент, когда гражданское участие в сети воспринимается пассивной формой работы, так называемым «диванным активизмом» [1, 214], и когда считается, что «добрые дела» не стоит афишировать. Углублённое изучение данных аспектов будет продолжено в рамках исследования. Обратим внимание, что цифровизация гражданского участия ограничивается и цифровыми неравенствами. При изучении статистических обзоров и социологических исследований было выяснено, что неравенство чаще обнаруживается между жителями городских и сельских территорий, это характерно не только для России, но и большинства стран мира [2]. В ряде российских

регионов с преимущественно сельским населением до 40% семей не имеют доступа к интернету, в Вологодской области 40% сельских жителей по разным соображениям не пользуются всемирной сетью, 23% из них по причинам отсутствия или дороговизны подключения. Также сельские жители реже прибегают к подобным формам активности ввиду своего образа жизни и работы, недоверия к ряду цифровых форматов, это конечно обусловлено чуть более низким уровнем образования и активным старением населения. Другие значимые разрывы наблюдаются в разных возрастных группах. Более активно интернет и цифровые сервисы используются молодыми людьми (до 99%) и людьми среднего возраста (до 82%), что определяется ранним возрастом приобщения и особенностями трудовой активности. Вместе с тем, ситуация стремительно меняется: доля пожилых, использующих интернет постоянно растет (в регионе с 2015 по 2021 год с 36% до 59%). Уровень образования детерминирует скорее не саму вовлеченность человека в цифровые процессы, а характер участия, преследуемые цели и навыки, он косвенно детерминирует набор навыков для работы в сети. Существенной разницы между людьми с высшим и средним специальным образованием не наблюдается, наиболее значительные – между обладателями среднего и неполного среднего уровня образования.

1. Смолева Е.О. *Об эффективности онлайн-форм гражданского участия // Цифровое общество – новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития: материалы Всероссийской научной конференции. Отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. 2020. С. 214-215*
2. *Цифровые технологии на службе сельского хозяйства и сельских районов / Справочный документ. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. Рим. 2019 год. URL: file:///C:/Users/PC/Downloads/ca4887ru.pdf*

АРХИТЕКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЖИТЕЛЕЙ МАЛЫХ ГОРОДОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РЫНКА ТРУДА: СОЦИАЛЬНОЙ ВЫЗОВЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ.

Денискина Анна Игоревна
НАН Беларуси

Трансформация рынка труда, обусловленная внедрением ИКТ в трудовую сферу, формирует совершенно новую архитектуру профессиональных компетенций работников. Все чаще говорят об исчезновении в ближайшие десятилетия ряда профессий, появлении новых и изменении структуры уже имеющихся профессий в виду разной степени востребованности. Цифровизация позволяет оперативно реагировать на происходящие изменения, посредством подготовки и переподготовки работников к новым условиям труда. Меняется профиль востребованных компетенций: необычные комбинации навыков позволяют заявить о своей уникальности, как специалиста; именно мультипотенциалы (те, кто обладает разными навыками, иногда даже не из смежных областей) по разным прогнозным оценкам станут самыми востребованными на рынке труда.

Цифровая трансформация рынка труда малых городов зависит в равной степени как от наличия качества и доступности инфраструктуры, так и от навыков и интенсивности её использования населением. Цифровое неравенство в виде стационарной инфраструктурной части постепенно уменьшается. Поэтому наиболее актуальным является вопрос использования жителями малых городов современных цифровых программ, сервисов и оборудования. Именно наличие цифровых профессиональных компетенций всё чаще определяет позицию работника в профессиональной структуре на рынке труда. Благодаря профессиональным картам, которые наглядно демонстрируют перечень карьерных позиций и необходимых компетенции, становится возможным

простроить свою карьерную стратегию вне зависимости от экономико-географического фактора.

Положительные социальные и экономические эффекты от цифровизации рынка труда малых городов очевидны. Появляется возможность населению решать кадровые вопросы и заполнять кадровые ниши в новых сегментах рынка труда; осуществить переобучение и обучение новым востребованным специальностям, которые ранее были недоступны; овладеть новыми цифровыми навыками и умениями, которые бы позволили работать удаленно. Появление новых дистанционных форм обучения и занятости решает сразу ряд проблем: от невозможности быстрого изменения в системе подготовки кадров офлайн до регулирования миграционных потоков внутри страны. Цифровизация позволяет избежать оттока трудоспособного населения, особенно молодежи, в большие города, способствует росту доходов населения и пополнению городского бюджета за счет налоговых отчислений, создает условия для развития малого и среднего бизнеса, а также способствует реализации принципа непрерывного образования в течение всей жизни.

Анализ изменения структуры профессиональных компетенций работающего населения малых городов позволяет строить социологические прогнозы социально-экономического развития области.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ, КАК НАУКИ

**Злотолинская Елизавета Всеволодовна,
Иванова Светлана Петровна**
Московский Государственный Психолого-Педагогический университет

Экономическая социология – одна из современных наук, которая с быстрой скоростью пополняется новой информацией. Ведь в нынешнее время, не имея всякого постоянства, очень важно сохранить науку как институт в академическом обществе, изучая новые сегменты возможных теоретических направлений. В России эта дисциплина становится все более популярна и проводится множество исследований. [1, 67]

История институционализации экономической социологии не является основной задачей данной статьи. Но мы все равно коснемся истории, а именно становление экономической социологии в России. Истоки экономической социологии приходятся на времена эпохи Возрождения и Нового времени. Именно там начинают изучаться экономико-социологическое знание такими философами, экономистами и авторами социальных утопий, как Клод Гельвеций, Томас Роберт Мальтус, Шарль Луи Монтескье, Анри Сен Симона, Адам Смит, Уильям Годвин, Шарль Фурье, Роберт Оуэн [2,10].

А уже период с конца 1980-х гг. и до сегодняшних дней принято называть «Новой экономической социологией», учения таких социологов, как Ричард Сведберг и Марк Грановеттер, которые считают, что это «сравнительная макросоциология».

Но в России понятие «Экономическая социология» вошло в научный оборот лишь в 1990-е гг. До этого данная дисциплина изучалась под другими названиями, как и во многих странах.

Развитие экономической социологии как отдельного направления в науке происходило ступенчато. Сначала представители данной науки набирают относительно широкие профессиональные коалиции, создают новые концепции и публикуют большое количество работ. И только после этого произошло активная формальная институционализация. Позже экономическая социология присоединилась к учебному процессу, как отдельный учебный курс. Первыми университетами, в которых стала

изучаться данная дисциплина являются Новосибирский и Санкт-Петербургский государственные университеты и Московская Высшая школа социальных и экономических наук. Сейчас этот список расширился и Экономическую социологию можно изучить в Финансовом университете, Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики», Новосибирском государственном архитектурно-строительном университете (Сибстрин), Новосибирском государственном университете экономики и управления, Юго-Западном государственном университете (Курск) и Сахалинском государственном университете. А в университетах Казани и Королева можно обучаться на таких направлениях, как «Экономическая социология и маркетинг» и «Экономическая социология и социология труда».

Студенты на данных программах изучают ряд дисциплин, связанных с экономикой, маркетингом и социологией в области управления, так же учатся анализировать данные рынков и проводить маркетинговые и социологические исследования. Для выпускника с данным багажом знаний открыты множество профессий, они смогут пойти по карьере исследователя, экономиста, менеджера, управленца, маркетолога, журналиста. У экономических социологов есть возможность работать в структуре бизнеса, чья деятельность направлена на решение проблемы развития социально-экономических предприятий и регионов, быть хорошими руководителями не только государственных, но и частных компаний или уйти в медиа и сферу услуг.

Социолог любого вида имеет особое понимание процессов в обществе, знает все про строение экономических процессов и взаимодействие людей в обществе. Сегодня это специалист, который может работать в любой отрасли и в любой организации.

1. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. О предмете экономической социологии // Известия СО АН СССР. Сер. Экономика и прикладной социологии. 1984. Вып. 1. №1; Левада Ю.А. Социальные рамки экономического действия // Левада Ю. А. Лекции по социологии. М.: 1993. С. 61-80
2. Веселов Ю. В., Капусткина Е. В. Экономическая социология: теория и история. СПб.: Нестор История
3. Иванова С.П., Николаева А.А., Данилина М.В., Дмитриева Г.С., Федотова М.А., Коновалова О.В., Литвинов А.Н., Акопян А.Р. Управление развитием социальных систем // В книге : Управление развитием крупномасштабных систем MLSD`2019. Материалы двенадцатой международной конференции Научное электронное издание. Под общей ред. С.Н. Васильева, А.Д. Цвиркуна. 2019 С. 1225-1228

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИЙСКОЙ МЕДИЦИНЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ АНАЛИЗА НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

**Иванова Анастасия Андреевна,
Ни Максим Леонидович
Санкт-Петербургский государственный университет**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и
Министерства по науке и технологиям Тайваня в рамках научного
проекта № 21-511-52002.*

Интерес к внедрению технологий искусственного интеллекта (ИИ) в медицину проявляют многие страны мира. Россия здесь не исключение. Однако вплоть до недавнего времени на государственном уровне отсутствовала концепция развития искусственного интеллекта. Ситуация изменилась в октябре 2019 года, когда была утверждена

«Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». В данном документе утверждается приоритетность разработок в области ИИ во всех отраслях, в том числе и в медицине.

В рамках нашей аналитической работы, мы попытаемся ответить на два базовых исследовательских вопроса:

- 1) какие особенности имеют векторы развития медицинских технологий ИИ в РФ?
- 2) каковы основные барьеры и точки роста сферы медицинских приложений ИИ в РФ?

Мы предполагаем, что развитие технологий ИИ в медицине с неизбежностью будет испытывать влияние специфики отечественной институциональной среды. В частности, экономика РФ, характеризуется высокой долей государственного контроля. Государственный контроль, в свою очередь, предполагает высокую долю бюрократизации, что снижает темпы развития инновационных отраслей производства. В таких условиях наименьшее количество транзакционных издержек будут иметь те сектора медицины, в которых уже накоплена база теоретических и практических наработок для «бесшовного» внедрения технологий ИИ. В российском контексте это все направления, связанные с медицинской статистикой (прежде всего генетика, эпидемиология и диагностирование заболеваний). При этом остальные сферы будут развиваться по остаточному принципу.

Для проверки обозначенных предположений мы проанализировали базу отечественных академических публикаций по темам применения технологий ИИ в медицине. В данном случае, научные статьи должны отражать, во-первых, рост интереса к проблематике после утверждения государственной стратегии развития ИИ, а во-вторых, основной и дополнительный фокус этого интереса. Поиск статей был произведён в базе eLibrary. Период охвата: с 2019 по 2021 гг.

Результаты исследования позволяют косвенно подтвердить исходные гипотезы. Анализ публикаций по теме применения ИИ в медицине показывает, что большая часть эмпирических работ посвящена технологиям, которые могут быть относительно безболезненно встроены в работу медучреждений (совершенствование диагностики заболеваний, выявление общих эпидемиологических тенденций). В свою очередь, развитие более сложных схем реализации искусственного интеллекта, требующих изменений организации работы врачей, встречаются с барьером в виде жёсткого бюрократического контроля со стороны государства. Это обстоятельство приводит к относительно малому количеству эмпирических публикаций по вопросам внедрения систем поддержки принятия решений и управления в медицине.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ В РАМКАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Ильина Алена Владимировна
Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого

Экономическая социология – это направление социальных исследований, предполагающее анализ экономической деятельности с позиций социальной теории. Данная сфера изучает всю совокупность социально-экономических процессов, которые касаются рынков, государства, домохозяйств и отдельных людей. Экономическая социология опирается на действия человека, развитие хозяйства и общества. Полагаем,

что одной из основных целей, которую ставит перед собой экономическая социология, является попытка объяснить, какую роль экономические структуры и институты играют в обществе, а также какое влияние общество оказывает на характер этих экономических структур.

Экономическая социология является важной составляющей частью общественной системы. Например, экономическая социология развивает и анализирует такие понятия и структуры, без которых трудно прогнозировать экономику, составлять стратегию экономического развития государства, например, модели взаимоотношений государственных органов власти и бизнеса, что мы далее рассмотрим более подробно.

Для изучаемого нами механизма подходит и еще одна классификация, которая включает четыре основных типа моделей взаимодействия органов власти и бизнеса:

модель «подавление бизнеса» характеризуется оказанием давления административного ресурса органа власти;

модель «приватизация власти» предполагает, что «элита» чиновников со временем уступит рычаги влияния бизнесменам, что приведет к лоббированию интересов преимущественно крупного бизнеса;

модель «партнерство» описывается как сотрудничество, при котором действительно учитываются интересы сторон и населения. и

модель «все против всех» выражается в неприятии определенных обязанностей по отношению друг к другу.

Далее остановимся еще на одной классификации моделей взаимодействия органов власти и бизнеса: идеальная (теоретическая) модель; национальная модель; нормативная модель; партнерская модель.

Можно предположить, что сейчас в нашей стране сформированы три относительно автономные зоны взаимодействия бизнеса и государства: «белая зона» - практики, которые функционируют на основе актуальной правовой базы (налоги, госзаказы и др.); «черная зона» - коррупция и иные незаконные действия; «серая зона» - неформальные коммуникации между представителями власти и бизнеса, лоббирование [1, 45].

Таким образом, исследователи выделяют сложившиеся на практике наиболее распространенный вариант форм, в которых осуществляется взаимодействие государства и бизнеса: партнерство; доминирование государства; доминирование представителей бизнеса.

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ В ЭКОНОМИКЕ: ОТ КЛАССИЧЕСКОГО ДО ЭТАПА ЦИФРОВИЗАЦИИ.

Капусткина Елена Владимировна

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ "Доверие в цифровом обществе и экономике" (20-0 11-00155 А).

Экономика доверия – это совсем новая отрасль знания. Хотя нельзя не отметить, что экономисты, начиная со времен классической политической экономии, пытались включить феномен доверия в свой анализ. Достаточно привести в пример известную работу А. Смита «Теория нравственных чувств», в которой он попытался провести анализ роли доверия в экономической сфере. Смит считает, что доверие – это естественное чувство индивида. У детей оно называется «слепым» доверием. Но в течение жизни на основе продолжительного опыта, связанного с недобросовестностью людей, у человека формируется необходимый баланс доверия недоверия. Но при этом установка на доверие остается господствующей. Желание заслужить доверие других, по мнению Смита, является одной из сильнейших человеческих страстей. [9, 64]

О роли доверия писал представитель немецкой исторической школы политической экономии второй половины XIX века Г. Шмоллер. С его точки зрения, «свободное предпринимательство и конкуренция предполагают регулирование хозяйственных (экономических) действий такими нравственными нормами, как порядочность, аккуратность, верность своему слову, доверие и т.д.» [8, 81]

Что касается неоклассической экономической теории, то, по мнению А. Маршалла «современные методы торговли включают в себя вошедшие в привычку принципы доверия, с одной стороны, а с другой – способность противостоять искушению обманывать...». [4, 62] А с точки зрения Дж. М. Кейнса, поскольку социальные проблемы призвано решать государство с помощью политики перераспределения, если доверие и необходимо в экономике, то экономическим агентам нужно доверять не друг другу, а правительству. Парадоксально, но позиция Кейнса и его последователей, во многом, пересекается с мнением Маршалла о том, что доверие – не что иное, как привычка, хотя ее объекты у вышеупомянутых авторов и отличаются. Единство их позиций связано с тем, что они рассматривают доверие как обычное условие экономического взаимодействия.

Если говорить о современной экономической мысли конца XX века, то необходимо обратить внимание на направление неонституционализма, поскольку именно в работах таких его представителей, как Р. Коуз, Д. Норт, О. Уильямсон доверие занимает ключевое положение. Так, например, по мнению Уильямсона, существует два типа доверия, в большей или меньшей степени оказывающего влияние на экономические действия. Первый тип – личностное доверие (personal trust). Это, в противоположность рациональному расчету, доверие как чувство или психологическая установка. При анализе личностного доверия подход Уильямсон переключается с позицией Смита. Этот тип доверия свойственен членам одной семьи или близким друзьям и поэтому, не подлежит, в основном, никакой проверке. [10]

Уильямсон считал, что личностное доверие, практически, не связано с экономическими действиями. Но концепция представителя новой экономической социологии М. Грановеттера о «сильных» и «слабых» связях между людьми позволяет в этом усомниться. Исследуя американский рынок труда, Грановеттер выявил, что, потеряв работу, человек, прежде всего, обратится к близкородственным и дружеским связям, которые он и назвал «сильными». Полученной от родственников и друзей информации можно, безусловно доверять. Проблема заключается только в том, что в этих кругах информация о возможных вакансиях весьма ограничена. [2, 31-50]

Второй вид доверия, описанный Уильямсоном - доверие к социальным институтам, другими словами, институциональное. Он называет такой тип доверия «доверие через дефис» (hyphenated trust). Речь идет, например, о полит-доверии, социо-доверии и т.д. Если о доверии политическим структурам, то здесь позиция Уильямсона, практически, полностью совпадает с мнением Дж. М. Кейнса о том, что, поскольку только государство способно обеспечить социальную справедливость, то доверять нужно именно ему. Таким образом, институциональная среда экономических отношений предполагает рассмотрение проблемы доверия.

Теперь обратимся к анализу доверия в сфере цифровой экономики. Но, прежде всего, доверие выясним, что представляет собой термин «цифровая экономика». Концепция цифровой экономики появилась в последнем десятилетии XX века. В 1995 году Николас Негропonte использовал метафору о переходе от обработки атомов к обработке битов, отмечая о недостатке классических товаров в «физическом» воплощении (вес, сырьё, транспорт) и преимуществах новой экономики (отсутствие веса товаров, виртуальность, почти не нужное сырьё, мгновенное глобальное перемещение).

В настоящее время в отчете BCG (The Boston Consulting Group) цифровая экономика трактуется как «использование онлайн и инновационных цифровых технологий. Это совокупность отношений, складывающихся в процессах производства,

распределения, обмена и потребления, основанных на онлайн - технологиях и направленных на удовлетворение потребностей в жизненных благах, что, в свою очередь, предполагает формирование новых способов и методов хозяйствования и требует действенных инструментов государственного регулирования» [6, 30]

Оценка размеров цифровой экономики связана со множеством трудностей и вызывает много споров. Некоторые авторы делят цифровую экономику на «прямую» (чистый онлайн-бизнес) и «косвенную» (цифровая деятельность смешанных предприятий). В исследовании за 2012 год компания BCG оценила размер «интернет-экономики» в \$2,3 трлн для G20 — стран «Большой двадцатки», около 4,1 % их ВВП. В докладе Oxford Economics общий размер цифровой экономики в 2013 году оценивался в \$20,4 млрд, что составляет примерно 13,8 % мировых продаж. [5] Цифровая экономика России сильно отстаёт от США, Китая, Европы и Японии. Если на долю России в 2018 г. в мировом ВВП приходилось 1,8 %, то в мировой производительности суперкомпьютеров составила лишь 0,32 %. [1, 42-45]

Именно отставание России в сфере цифровой экономики явилось одной из важных причин принятия в 2017 году в стране программы об ее основных элементах и направлениях построения. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», по которой сейчас живет российская экономика, будет действовать до 2024 года, бюджет ее составляет 1,6 триллиона рублей. [3] Целью программы является реализация Стратегии развития информационного общества в России. Программа направлена на создание условий для развития общества знаний, повышения доступности и качества товаров и услуг, произведенных в цифровой экономике с использованием современных цифровых технологий, повышения степени информированности и цифровой грамотности.

Основные элементы ее создания - это рынки и отрасли экономики, платформы и технологии, а также среда, которая создает условия для развития технологий и взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики. Развитие цифровой среды охватывает собой нормативное регулирование, информационную инфраструктуру, подготовку кадров и информационную безопасность.

Таким образом, необходимо создать в стране среду доверия, чтобы цифровизация не вызвала у людей отторжение. Молодежь более-менее подготовлена, среднее поколение также воспринимает новшества цифровизации достаточно хорошо, а старшее поколение более трудно адаптируется в новом, изменившемся мире, - они читали книги на бумаге, и дальше будут продолжать их читать. Именно поэтому важно создать цифровую среду доверия, и уже потом развивать основные направления цифровой экономики уже в доверенной среде: использование и защита данных

В связи с этим интерес представляет результаты качественного эмпирического исследования «Доверие в цифровом обществе», проведенного автором данной статьи Капусткиной Е.В. в период с августа по ноябрь 2020 года. В рамках этого исследования было взято 21 глубинных интервью. Представляется, что количество проведенных интервью обладает высокой степенью репрезентативности и позволяет судить о тенденциях использования цифровых технологий в том числе и в сфере интернет-мошенничества. Респондентами выступили представители различных социально-демографических, таких как предприниматели, менеджеры, пенсионеры в возрасте от 23 лет и старше.

Один из блоков гайда данного интервью носил название «Обман и мошенничество в Интернет среде». На вопрос о том, насколько велик обмана в Интернет-среде все респонденты ответили, что риск есть. Некоторые оценили его как высокий. Другие считают, что самим нужно быть «более аккуратными и менее доверчивыми» с различными видами интернет-мошенничества.

Следующий вопрос блока был связан с различными видами интернет-мошенничества. Некоторые респонденты сталкивались с этим лично. Так, например, взламывались их электронные ящики, потом мошенники просили деньги для помощи в

критической ситуации, в которую, якобы, попали владельцы ящиков, пользуясь найденными в там электронными адресами. Это попытка лишения адресатов денежных средств.

Другая схема. Адресаты получали по электронной почте сообщение о том, что они выиграли, от них требовались 200 руб. за какую-то услугу, потом 400 руб. за якобы открытие счета, на который можно было бы перевести выигранные деньги, потом попросили уже 800 руб. и так до 5000 руб., после чего переписка превращается.

И последнее, телефонные мошенничества, связанные с интернет-средой - телефонные мошенники. Много жалоб, связанные с электронной базой Сбербанка. Его клиентам звонят с просьбой уточнить данные по карте, которой, по словам мошенников, могут воспользоваться посторонние люди. Иногда лже - представителям банков это удается. Одна из респондентов описала ситуацию, произошедшую с ее знакомой пенсионеркой. Узнав, таким образом, номера ее банковской карты, мошенники сняли с нее все сбережения пожилой женщины.

По мнению члена Комитета Госдумы РФ по финансовому рынку В. Изотова, «воспользовавшись вашими персональными данными, мошенники могут от вашего имени произвести какие-либо сделки, например, продать квартиру. Поэтому использование IT-систем всегда стоит на стыке того, что с одной стороны - это удобно, а с другой - должно быть безопасно. Поэтому очень важно создать именно такую среду, которая работает безотказно и безопасно». [3]

Последний вопрос данного блока был посвящен выявлению информации о том, происходила ли утечка личных данных в интернете. Практически все респонденты ответили на этот вопрос положительно. Некоторые недоумевают, как это происходит и почему они получают огромное количество рекламной информации как он-лайн, так и оф-лайн. Другие понимают, что, бронируя отели и покупая билеты через интернет, они вынуждены предоставлять такую информацию. И, наконец, третья группа респондентов высказала уверенность в том, что утечка может происходить через социальные сети. И они недалеки от истины.

Парадоксально, но современный человек в любой стране готов слепо доверять техническому объекту, загружая в смартфон всю личную информацию о себе, фотографии, документы, банковские мобильные приложения, кредитные карты, информацию о контактах, профессиональная переписка. Люди добровольно отдают эти данные технической системе, но при этом они весьма озабочены безопасностью хранения личной информации и защитой персональных данных. Таким образом, наблюдаются две противоположные тенденции. Поэтому использование IT-систем всегда стоит на стыке того, что, с одной стороны - это удобно, а с другой - должно быть безопасно. Поэтому очень важно создать именно такую среду, которая работает безотказно и безопасно.

Как уже было сказано выше, одним из элементов создания программы «Цифровое развитие Российской Федерации» является информационная безопасность. О ее важности при формировании доверия в сфере компьютерных технологий писал архитектор IT-систем Л. Шапиро. По его мнению, «доверие - не что иное, как основа безопасности. Это относится и к сфере информационных технологий. Принимая решение о возможности доверия тому или иному цифровому сервису, необходимо ознакомиться с принципами их работы. Нужно, также, использовать, т.н. «доверенную третью сторону» - орган, подтверждающий всем участникам взаимодействия их легитимность.

Если эта доверенная третья сторона, в силу тех или иных причин, скомпрометирована, то все участники взаимодействия теряют возможность ее использования. В этом случае нужен кто-то, в ком все абсолютно уверены и подтвердит, что сайт, к которому мы пытаемся подключиться, именно тот, что нам нужен, не подменен и передача данных будет защищена. Для этого служит удостоверяющий центр или, как еще его называют, центр сертификации. Именно удостоверяющий центр выдаст и

подпишет, тем самым подтвердив их легитимность, сертификаты, с помощью которых есть можно проверить, что взаимодействуем с легитимным веб-сайтом, и даст нам возможность обеспечить безопасный информационный обмен, гарантируя конфиденциальность и целостность передаваемой информации.

Клиент доверенной третьей стороны (центра сертификации) должен знать, как именно этот удостоверяющий центр будет обрабатывать передаваемую ему информацию:

- реагирование на нарушение доверия. Поставщик решения несет ответственность в случае компрометации своего центра, поскольку это автоматически влечет сложности всех его клиентов. Следовательно, необходимы финансовые механизмы защиты клиента.

- компетентность. Поставщик решения должен обладать квалифицированным персоналом, чьи навыки не вызывают сомнений у клиента. Здесь могут помочь, например, подтверждение профессиональных знаний независимая сертификация сотрудников.

- согласие клиента. Принимая решение о возможности доверия тому или иному сервису, клиент должен ознакомиться с принципами его работы и согласиться с ними, если они совпадают с его представлениями о безопасности. [7]

В чем же отличие доверия в цифровом обществе от других видов доверия? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, еще раз обратимся к концепции Грановеттера о «сильных» и «слабых» социальных связях. Только интересовать нас будут, в данном случае, слабые связи, основные характеристики которых заключаются в том, что контакты с членами этой сети фрагментарны и неустойчивы, т.е. время общения незначительно, эмоциональная интенсивность общения низкая, реципрокность взаимодействия неразвита, уровень доверия невысок, а информация посредством такой социальной сети распространяется шире и быстрее.

Что касается цифрового экономики, то одной из основных ее характеристик является наличие большого количества социальных интернет-сетей. Это, не что иное, как виртуальный аналог слабых связей Грановеттера. Только, если у него членами сети, объединённых слабыми связями, являются все-таки реальными людьми (соседи, знакомые, знакомые знакомых, коллеги по работе и т. п.), то в социальных сетях современного цифрового мира (типа Facebook, ВКонтакте, LinkedIn, What's App, Instagram и др.) часто не предполагается даже личное знакомство или взаимодействие индивидов. Соответственно, так называемы «другом» может быть совсем незнакомый прежде человек, возможно из другой страны. Анонимность приводит к тому, что в сети индивид позиционирует себя так, как ему кажется выгодным. Как правило, это образ успешного и энергичного человека. Поэтому зачастую возникает разрыв между виртуальным образом, идентичностью в сети и реальным состоянием человека (в сети обычно все хорошо, в жизни не всегда так).

В чем же значение «слабых связей» в цифровом обществе? Оно заключается в том, что именно эти связи они создают необходимый (расширенный) для современного человека круг общения, посредством него индивид находит как работу, так и партнера для отношений. Именно «слабые связи» теперь производят и воспроизводят цифровое доверие.

В заключении можно сказать, что описанные классиками экономической науки типы доверия в современном обществе никуда не исчезают, а как бы уходят на периферию общественного сознания. Хотя их наработки продолжают использоваться и при анализе роли доверия в цифровой экономике. Так, например, симпатия доверяемой стороне, о которой писал Смит, трансформировалась в доверие обычному человеку, блогеру, рекламирующему тот или иной товар. А необходимость доверять правительству, согласно Маршаллу, выразилось в общественных ожиданиях разработки законодательной базы, способной создать безопасную среду деятельности в Интернете. Сюда же можно отнести и институциональное доверие представителя новой экономической теории Уильямсона.

Но появилось и т.н. цифровое доверие, то есть доверие интернет-сообществу в социальных сетях, хотя и не всегда до конца оправданное.

ОТЧУЖДЕНИЕ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ – НОВЫЙ ДИСКУРС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ?

Карапетян Рубен Варганович
Санкт-Петербургский государственный университет

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 20-511-00011\21*

Цифровизация экономики и общества не устраняет конфликтность сферы труда, которая имеет тенденцию скорее усиливаться в условиях пандемии. Особенность современного этапа состоит в том, что цифровая трансформация в целом усиливает противоречия, часто придавая им завуалированный характер.

Одной из неоднозначных проблем цифровизации в период пандемии стало массовое распространение дистанционного труда. Возник эффект насильственного перевода на дистанционную работу, поскольку она казалась нестандартной формой организации труда для большинства профессий. ИКТ стали тем необходимым условием, при котором в принципе оказался возможным такой переход. Необходимым, но не достаточным, поскольку вопрос коснулся еще потенциальной заинтересованности и возможностей работодателей приспособить организации к новым условиям. Эффект дистанционной занятости: работодатель частично теряет контроль над работником, что не гарантирует 100% выполнение скалькулированного плана, но приобретает сокращение затрат на организацию и условия труда.

Проблема также затронула работающее население, в контексте его потенциала (цифровой грамотности) приспособиться к выполнению трудовых задач в онлайн среде, а также желания изменить свой жизненный уклад и начать решать профессиональные задачи из дома. Возникла дилемма: для одних дистанционная занятость предстала потерей связи со сферой труда, трудовым коллективом, формальной организацией, диктуемой менеджерами. Для других, определенной степенью свободы распоряжения бюджетом времени и своими физическими и психическими силами. Первые – это «люди - организации» [1, 225], «человек – товар» [2, 334], для которых предприятие является идеалом, поскольку представляет единственно оправданное, с их точки зрения, условие существования, т.е. не сам их живой труд, а лишь среда для его реализации.

Для других дистанционная занятость, возможно, становится первым робким шагом преодоления отчуждения труда. В определенном смысле ИКТ в условиях пандемии запустили процесс "освобождения труда", и происходит это по той причине, что позволяют человеку в труде «действенно проявлять все свои способности, как физические, так и духовные» [3]. Благодаря цифровым технологиям всеобщее распространение получает субъекта труда хотя бы частично контролировать и управлять рабочим временем. Эффект «смягчения» отчуждения труда проявляется в частичном снятии отчуждения с акта производства и со средств труда. Он свободен в обустройстве своего рабочего места, в выборе технических средств (орудий труда) для достижения поставленных целей. Наконец, ему в большей мере оказывается подвластно управление темпоральностью времени. Таким образом дистанционный труд формирует пространство, которое оказывается подвластным изменению самим человеком труда [4, 177].

1. Фромм Э. *Быть человеком; Концепция человека у Карла Маркса: [сборник] / Эрих Фромм.* М.: Издательство АСТ, 2020.
2. Маркс К. *Экономическо-философские рукописи 1844 года. Карл Маркс, Фридрих Энгельс. Сочинения. Издание второе. Т.42.* М.: Издательство политической литературы, 1974.
3. Энгельс Ф. *Антидюринг. Карл Маркс, Фридрих Энгельс. Сочинения. Издание второе. Т.20.* М.: Издательство политической литературы, 1961.
4. Ельмеев В. Я. *Социальная экономия труда: общие основы политической экономии.* СПб.: Изд. С.Петербург. ун-та, 2007.

ДОВЕРИЕ К ЦИФРОВЫМ ИНСТРУМЕНТАМ ФИНАНСОВОЙ СФЕРЫ: ЭКОНОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Карапетян Степан Арсений Рубенович
Санкт-Петербургский государственный университет

Анализ доверия к цифровым инструментам финансовой сферы в ключе эконом социологической теории до настоящего времени не представлен. Существуют лишь отдельные исследования социологов и экономистов феномена доверия в цифровом обществе, затрагивающие вопросы безопасности, финансовой грамотности и транзакционных издержек.

Поскольку внедрение цифровых технологий во все сферы общественной жизни приводит к изменению традиционных институтов общества [1, 2, 3, 4] особенно актуальным становится социологический взгляд на проблему доверия к функциям, технологиям и инструментам финансовой сферы. Остановимся на некоторых из них.

Технология распределенных реестров (децентрализованная база данных, защищенная алгоритмами криптографической обработки) способна разнообразить социальное взаимодействие, снизив элемент неопределенности исхода действий, поскольку большинство процессов становятся автоматизированными, тем самым увеличив доверие в отношениях человек - институт. Мы считаем, что доверие такой макросистемы как общество к передовым разработкам в области финансов будет только увеличиваться. Вместе с тем, данные процессы будут сопровождаться и ростом личного доверия к цифровым инструментам финансовой сферы, поскольку, в целом растет число пользователей ИКТ, а также позитивно меняется отношение населения к ним.

Другой технологией, влияющей на финансово-экономическую систему, является искусственный интеллект. Внедрение искусственного интеллекта в финансовой отрасли является результатом факторов спроса, таких как требования финансового регулирования, конкуренция с другими фирмами и потребности в прибыльности, а также факторов предложения. Уже в скором будущем можно будет констатировать, что ИИ полностью или частично заменит человеческий капитал. Вот лишь некоторые области применения ИИ в финансовой системе: обнаружение мошенничества и контроль за соблюдением требований; *Банковские чат-боты и робо-консультанты; Алгоритмическая торговля.*

Тема доверия к цифровым инструментам финансовой сферы является новым направлением в эконом социологической науке. Тем не менее методологическая база присутствует - это собственно социологические исследования доверия. Феномен доверия начал изучаться классиками социологии и продолжает быть актуальным в настоящее время, в том числе, в отечественной социологии.

Также трендовыми являются исследования цифровых финансов. Однако наблюдается дефицит исследований проблем доверия к цифровым инструментам финансовой сферы, из чего мы можем сделать вывод о необходимости разработки теории

и методологии изучения взаимосвязи данных явлений, а также проведении эмпирических социологических исследований.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Кушниренко Дарья Олеговна
Санкт-Петербургский политехнический университет

Текущий период времени отличается непредсказуемостью и быстротой происходящих перемен. Радикально меняется ситуация в обществе, резкие трансформации происходят в экономике. Причем все процессы настолько взаимосвязаны, что бывает трудно определить, какое научное направление в большей степени отвечает проблемам современности – социология или экономика, поэтому зеркалом происходящих процессов органично становится новая экономическая социология в силу интегративности экономических и социологических исследований в социологическом поле. Рассматривая объекты экономического пространства сквозь призму социологического взгляда, экономическая социология анализирует экономику при помощи общественных теорий.

Экономическая социология – это изучение механизма создания и воспроизводства материальных условий жизни посредством социальных процессов.

За последние 30 лет социологи все чаще применяют социальные теории для изучения экономики. Ученые сочли нецелесообразным разделение экономики и общества, показывая, как социальные механизмы ограничивают, дополняют и составляют экономические явления. Так, Грановеттер писал о том, что экономическая жизнь встроена в социальную жизнь. Экономические социологи определили социальные механизмы, такие как сети, институты и мораль, которые обеспечивают контексты, каналы и категории, неотъемлемые от экономической деятельности.

Производство и потребление, определяющие материальную жизнь, непосредственно зависят от социальных процессов в их структуре и динамике. Практически эту область можно разделить на две части: социологию рынков и социологию потребления. Социология рынков связана с тем, как участники рынка и заинтересованные стороны решают проблемы производства и обмена.

Четыре наиболее продуктивных подхода экономической социологии к социологии рынков – это сетевой анализ, институционализм, политическая экономика и создание рыночных механизмов. Социологи определяют рынки как социально сконструированные площадки, где происходят повторяющиеся обмены между покупателями и продавцами в соответствии с набором формальных правил и неформальных договоренностей, которые регулируют отношения между конкурентами, поставщиками и клиентами.

Социология потребления фокусируется на том, какое значение товары и услуги имеют для потребителей и как они их используют, чтобы отличаться от других людей, создавая образ жизни. Авторы обсуждают, как ученые использовали культуру, значение, статус и мораль в качестве аналитических инструментов для определения того, как потребители принимают или отвергают новые продукты.

Итак, экономическая социология обеспечила теоретическую и эмпирическую основу рассмотрения рынков и потребления, а также создала целый пласт теоретических перспектив и обширное поле для эмпирической работы. Эти перспективы могут быть продуктивно использованы для понимания процессов формирования новых рынков и роли государств в их создании.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ В КНР: ВНУТРЕННИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Лебединцева Любовь Александровна
Санкт-Петербургский государственный университет

При поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19

Проблема привлечения высококвалифицированной рабочей силы существует в Китае не первое десятилетие. В 80-х гг. XX в. в Китае был взят курс на поддержание обучения за границей, стимулирование возвращения на родину, увеличение количества обучающихся за рубежом, привлечение человеческого капитала китайских работников обратно на родину, поддержка инновационных отраслей [1]. Какие на данный момент существуют проблемы привлечения китайцев с иностранными дипломами на родину?

Одной из причин является то, что многие выпускники китайских высших школ не способны работать в крупных компаниях и МНК – не соответствует уровень подготовки. Вот почему многие китайские студенты уезжают учиться за границу, – из-за низкого качества образования на родине в сравнении с другими странами. В китайских вузах, в отличие от западных, основной акцент в обучении делается на теорию, а не на практику.

Далее, хотя общий уровень жизни населения в КНР за последние года повышается, но в целом по стране он остается на очень низком уровне: наблюдается большой разрыв между богатыми и бедными, оплата труда в разных регионах сильно отличается. Те, кто долгое время жил в Европе или США, такие социальные различия могут оказаться сложными и неприемлемыми. Многие студенты, уезжая учиться за границу на несколько лет, вернувшись, сталкиваются с тем, что они не могут привыкнуть к своей стране. Следующей проблемой является сложность государственных бюрократических процедур, слабая правовая защищенность, в том числе в сфере трудовой деятельности и интеллектуальной собственности.

Не менее важным фактором при принятии решения о возвращении домой является неблагоприятная экологическая обстановка в Китае (термин *smog migration* означает стремление жителей Пекина покинуть город, в котором экологические условия опасны для здоровья). Для многих талантливых специалистов, проживающих за рубежом, проблема экологии играет решающую роль, особенно если у них есть дети. Получить перспективную работу можно, как правило, в крупных городах, но именно здесь экологическая обстановка наиболее тяжелая.

Далее, слабая система учета потребности в человеческом капитале со стороны сфер занятости в реальном секторе экономики. В «Синих книгах» анализируются различные социальные проблемы, но даже в них нет точных данных, где именно наиболее остро присутствует проблема дефицита кадров. Проблему здесь усугубляет отсутствие электронных платформ по поиску работы в КНР, а также кадровых агентств, которые могут работать с высококлассными специалистами и заниматься подбором кадров, находящихся за пределами страны [2].

Не менее важной проблемой остается правильная оценка человеческого капитала высококвалифицированных кадров. Многие рекрутинговые организации при отборе кандидатов по-прежнему руководствуются традиционными критериями (образованием, занимаемыми должностями, стажем работы, авторитетом и т.д.). Между тем для многих, кто только что закончил образование за рубежом, данные критерии неприемлемы и, более того, не позволяют объективно оценить их накопленный человеческий капитал и дать им возможность воспользоваться государственными программами для поддержки дальнейшего развития.

1. Лебединцева Л.А., Веселова Л.С. Внутренняя политика Китая в области привлечения высококвалифицированных кадров из-за рубежа // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62, №10, с.13-21.
2. *Collect outstanding talents from all over China for business use (2017)*. Available at: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-03/08/content_40428595.htm (accessed 06.10.2021).

РОЛЬ БРЕНДА В САМОПРЕЗЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Люшина Екатерина Александровна
Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации

В современном мире социальные сети становятся не просто платформой для коммуникации, а инструментом, мощнейшим каналом для управления впечатлениями окружающих. С одной стороны социальные сети способствуют упрощению коммуникации между индивидами. А с другой стороны, интернет-пространство становится инструментом демонстративного поведения. По данным Мир24 [3], 70% опрошенных московских студентов признаются, что вовлечены в престижное потребление. Всё большую значимость начинают приобретать бренды, предметы роскоши на фотографиях, благодаря которым индивид может влиться в референтные группы.

В 2020 году нами было проведено социологическое исследование с целью анализа роли бренда в самопрезентации студентов в социальных сетях. Эмпирическим объектом выступили студенты Финансового университета при Правительстве РФ (ФУ). Концептуальную рамку составили работы Ж. Бодрийера о знаковой природе потребления [1] и драматургический подход И. Гофмана [2]. Основной метод - глубинное интервью и анализ фотографий в социальных сетях. Респондентами являлись потребители брендовых вещей - важно было понять причины их предпочтений (n-8, квотная выборка). Дополнительный метод - качественный анализ документов (страниц респондентов в социальной сети Инстаграм). Дополнительный метод вводился в целях сопоставления представлений о самопрезентации в социальных сетях с «реальной».

Было выявлено, что бренд помогает влиться в референтную группу, способен влиять на профессиональную деятельность. Он может раскрывать характер личности, когда респонденты ассоциируют себя с ним. Определены два типа самопрезентации студентов в социальных сетях: защитный и ассертивный. Первый характеризуется активностью в социальных сетях, индивид регулярно публикует фото о его досуге, работе, учебе и т. д. Для такого респондента фотографии – значимый инструмент самопрезентации, он поощряет демонстрацию брендов, роскоши, так как это формирует его собственный образ. Второй тип, защитный, характеризуется слабой активностью в сети – здесь респонденты не придают бренду большого значения, в их понимании бренд – качество, удобство.

Таким образом, студенты используют бренды для создания образа в социальных сетях. Мужчины используют их для демонстрации социального статуса и материального положения, что может быть связано с профессиональной ориентацией, стремлением к престижу. Женщины используют брендовые вещи на фото в качестве «украшения», не придавая им статусного значения.

1. Бодрийер Ж. *Симулякры и симуляция*. - М.: Рипол-классик, 2015. 240с.
2. Гофман И. *Представление себя другим в повседневной жизни: Ин-т социологии РАН*. - М.: Канон-пресс-Ц: Кучково-поле, 2000. - 302 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Малышко Ярослав Олегович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В настоящее время с социально-трудовыми конфликтами сталкиваются если не все, то подавляющее большинство граждан. Для того, чтобы отслеживать динамику и социально-трудовую обстановку в сфере социально-трудовых конфликтов Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов проводит мониторинг, анализ и прогноз этих событий. В своей работе мы будем использовать годовой отчет за 2020 г., в котором содержатся данные о социально-трудовых конфликтах за 2016-2020 г., «Социально-трудовые конфликты в РФ и их влияние на развитие трудовых отношений в период пандемии COVID-19 (итоги 2020 года)» [1].

Рисунок 1. Динамика изменения количества социально-трудовых конфликтов

Для начала проанализируем динамику изменения количества социально-трудовых конфликтов в России. Стоит сказать, что 2016 год – период, в котором было зарегистрировано максимальное количество социально-трудовых конфликтов за девять лет наблюдений. Далее, обращая внимание на график, можно сказать, что в 2016-2018 г.г. сформировалась тенденция к снижению количества конфликтов и стабилизации обстановки в социально-трудовой сфере, которая изменилась в 2018 году, когда проявился новый возрастающий тренд (социальная напряженность нарастала, количество конфликтов увеличивалось). На формирование социально-трудовой обстановки в стране в 2020 году заметно повлияло распространение новой коронавирусной инфекции COVID-19, которое неблагоприятно сказалось на мировой и внутренней экономической конъюнктуре (см. рис. 1).

Рисунок 2. Событийная насыщенность в развитии социально-трудовых конфликтов

Говоря о событийной насыщенности можно увидеть динамику, соответствующую изменению общего количества социально-трудовых конфликтов с уменьшением событийности в 2017 году и дальнейшим увеличением после 2018 года (см. рис. 2).

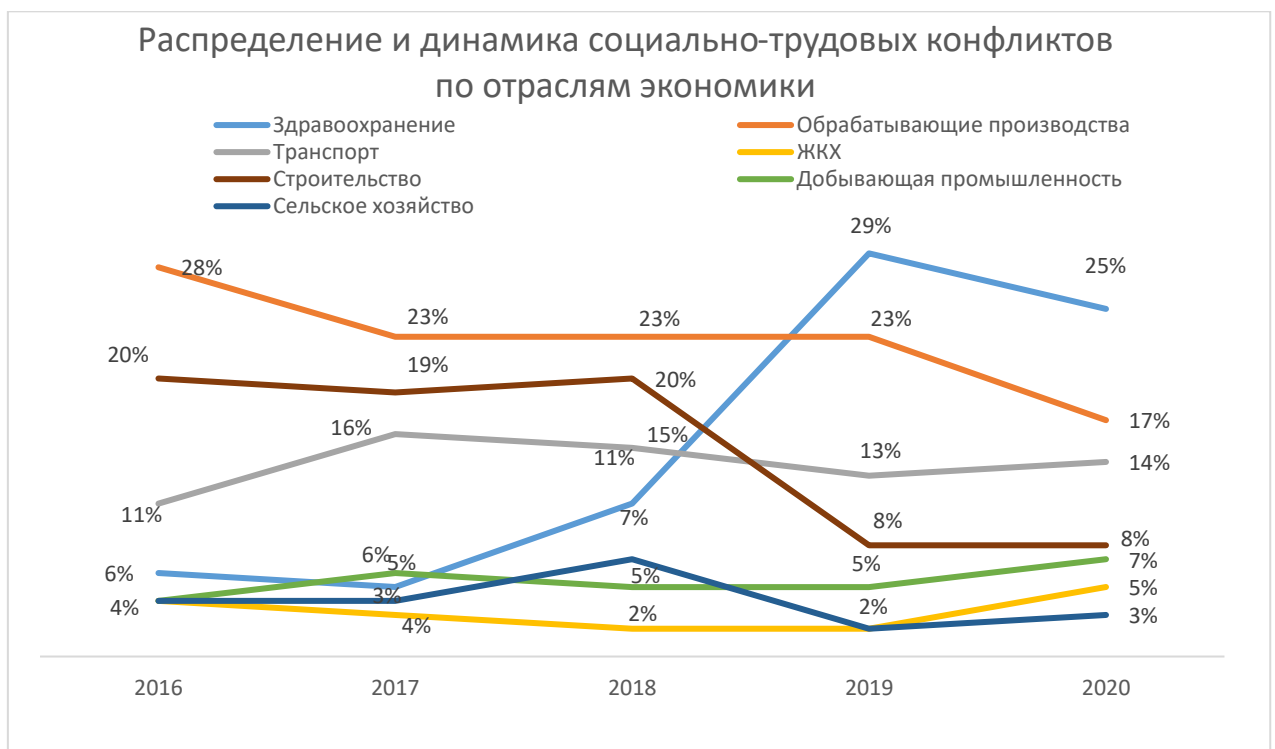

Рисунок 3. Распределение и динамика социально-трудовых конфликтов по отраслям экономики

Обратив внимание на рисунок 6, можно сделать вывод, что здравоохранение уже второй год подряд самая конфликтная сфера экономики. Резкое возрастание в 2019 г. доли социально-трудовых конфликтов именно в этой сфере также связано с появлением и распространением новой коронавирусной инфекции. Также на фоне пандемии можно увидеть спад показателя в сельском хозяйстве и строительстве из-за введенных ограничений на фоне заболевания (см. рис. 3).

В завершение хотелось бы отметить важный факт влияние пандемии коронавируса на показатели экономики в целом и распределения динамики социально-трудовых конфликтов в том числе. Начиная с момента начала пандемии в России и объявления различных ограничений, в том числе и в сфере экономики, для предотвращения развития инфекции, количество социально-трудовых конфликтов, в целом, увеличилось. Наибольший рост показателя социально-трудовых конфликтов зафиксирован в сфере здравоохранения.

МЕСТО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Молодцова Дарья Юрьевна

Московский государственный психолого-педагогический университет

Экономическая социология охватывает важную сферу изучения между экономическими и социологическими дисциплинами. Этот синтез обеспечивает работу, которая стимулирует и укрепляет социальную теорию, что, позволяет выработать лучшие политические рекомендации для развития общества. Задачи, которые стоят перед экономическими социологами можно объединить в четыре группы: выявление уровня социальной удовлетворённости потребностей общества со стороны экономики; уровень влияния экономических факторов на социально-экономическое поведение общества; уровень влияния экономических факторов на функционирование социальных институтов; уровень влияния социальных аспектов общества на развитие экономики государства и трудовое поведение [1].

В эпоху цифровизации решение этих задач усложняется, ведь общество сталкивается с новыми проблемами и вынуждено достаточно быстро адаптироваться под изменения внешней среды. С переходом на новый уровень использования цифровых технологий, многие рабочие процессы переведены в электронный формат. Это изменение приняли не все, возникли трудности с мотивацией труда, уровнем удовлетворённости трудом, занятостью и т.д. Цифровые технологии закрепляют неравенство, анализ цифрового разрыва становится все более сложным [2]. Экономическая социология призвана урегулировать эти аспекты жизни общества, этот симбиоз наук как никогда стал актуальным. Экономсоциологи в своих исследованиях делают фокус на экономическом действии как социально - ориентированном на других людей, что позволяет им рассматривать власть, культуру, организации и институты как центральные объекты исследования для экономики [3]. Экономическая социология уделяет особое внимание отношениям между экономической деятельностью и социальным обществом, следит за изменениями в институтах. Эта наука внесла решающий вклад в изучение глобальной экономической интеграции.

Инструменты и методы экономической социологии помогают рассмотреть место человека в реальном мире, подходить к решению проблем социально-трудового поведения с нескольких точек зрения, исследовать оптимальные экономические факторы социального поведения в цифровой среде. Ведь цифровые технологии проникают в каждый аспект социальной жизни, они порождают новые виды формирования сообществ и одновременно несут новые угрозы благополучию. Только многогранный подход к изучению проблем, вклад и экономистов, и социологов в изучение сегодняшних изменений может дать наилучший результат.

2. Николаева А.А. Многообразие форм социального неравенства в условиях современной экономической среды // Экономика и менеджмент систем управления. 2020. № 2 (36). С. 81-86
3. Савченко И.А., Левина Е.А. Особенности мотивации персонала организаций социальной сферы // Научно-аналитический журнал Наука и практика Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2018. Т. 10. № 3 (31). С. 51-60.

О РАСПРЕДЕЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГА НА ЖИЛЬЁ

Муфтахова Альмира Нургалиевна
Северо-Западный институт управления РАНХиГС

В современной, находящейся в стадии трансформации, форме хозяйствования, выраженной в затянувшемся переходе от социального государства к капиталистическому строю, признаются собственнические отношения. Хотя в объективной реальности экономических практик воспроизводства и потребления, материальных благ, становится важным поиск ответственного пользования ими.

Продолжающийся процесс трансакции современных общественно-экономических отношений позволяет обратиться к объясняющей характеристике классического определения города, как замкнутого поселения, основанного на рыночной системе хозяйствования, поскольку мысль М.Вебера о городе, как о поселении, в котором действует рынок [1, 337], поддерживалась всеми учёными урбанистами [2, 96]. Эта теоретическая позиция становится актуальной в условиях маркетизации социальных институтов, потому как в границах пространства городской деятельности осуществляются многочисленные практики по преумножению капитала, что значимо для оценки результатов его обращения при исследовании экосреды города.

Существующий дефицит комплиментарности в отношениях между жителями городов и институционализированными органами распределения социальных благ приводит к актуализации поиска иных значений, чем закреплённость признанности прав владения на место жительства. И здесь нормативность права собственника на распоряжение имуществом, воспринимается выше в структурной иерархии общества, чем право пользования результатами воспроизводства социальных благ этого имущества.

В качестве пояснительной характеристики распределения жилья может быть использован термин «поглощение», предложенный Г.М. Стерником [4, 140], как объяснительную функцию периферизации экономической деятельности в метаболистической концепции мегаполиса О.Н. Яницкого [4, 16]. Однако, не отрицая важность учёта личной перцепции, считаем дополняющим компонентом при поиске добросовестного, ответственного пользования процессов воспроизводства и потребления материальных и социо-культурных благ и услуг в жилищной сфере. исследование символов-знаков, характеризующих факторы удовлетворения жилищных условий, минимизирующих издержки и максимизирующих полезность жилья как места обитания.

1. Вебер М. История хозяйства. Город / М. Вебер; Пер. с нем.; Под ред. И. Гревса; Коммент. Н. Саркитова, Г. Кучкова. - М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. - 576 с.
2. Вирт Л. Избранные Работы по социологии. Сборник переводов / Л. Вирт; РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии; Пер. с англ. Николаев В.Г.; Отв. ред. Гирко Л.В. - М.: ИНИОН, 2005. - 244 с.
3. Стерник С.Г. Методика прогнозирования объемов ввода на локальном рынке строительства и продажи жилья / С.Г. Стерник, Г.М. Стерник // Жилищные стратегии. - 2018. - Т. 5. - № 2.- С. 137-152.
4. Яницкий О.Н. Глобализация. Город. Человек: [монография] / О.Н. Яницкий; предисл. Л.М. Дробизевой. - М.: ФНИСЦ РАН, 2018. - 177 с.

СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ РОССИЙСКОГО СЕЛА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ АПК

Муханова Мария Николаевна
Институт социологии ФНИСЦ РАН

Исследование посвящено аграрной политике государства в модернизации АПК и сельского хозяйства, ее взаимодействию с субъектами сельскохозяйственного производства. Основные исследовательские вопросы касались того, как цели и задачи аграрной политики и модернизации оказали влияние на субъекты сельскохозяйственного производства – СХО, Агрохолдинги, КФХ, ЛПХ, на их роль в конструировании социально-структурных процессов на аграрном рынке труда и в перспективах развития сельских территорий как одной из ключевых решений и проблем национальной и продовольственной безопасности российского общества.

Исследование включало анализ литературы российских, зарубежных исследователей и материалы СМИ, Интернет-ресурсов. Институциональные процессы и динамика изменений на рынке труда в условиях цифровизации АПК обработаны и рассмотрены на мониторинге больших данных Росстата 2012-2019 гг., где ежегодно обследовалось около 18900 сельских домохозяйств и опрошено в них более 16800 работающих сельян.

В качестве методологических подходов использовались публикации западных исследователей их практики в области аграрной политики и модернизации сельского хозяйства. Выявлено общее и особенное в аграрной политике модернизации российского АПК и сельского хозяйства и агросферы в странах ЕС и Великобритании. Результаты показали, что они имеют объективный характер как часть общемирового процесса, основанного на получении большей прибыли, увеличении капитала бизнеса и ВВП государства, а также для предотвращения таких глобальных рисков как пандемия, экологических катастроф.

Исследователи аграрной социологии стран Европейского Союза назвали модернизационные процессы, основанные на цифровизации агросферы, революционными. В последние годы в мире такие понятия, как "точное сельское хозяйство", "интеллектуальное сельское хозяйство" и "цифровое сельское хозяйство", стали обычным явлением в политике и популярном дискурсе. Внимание государственных фондов и СМИ было направлено на продвижение вперед так называемой 'четвертой сельскохозяйственной революции' как новый этап модернизации в сельском хозяйстве.

По мнению британских исследователей, четвертая сельскохозяйственная революция связана с различными новыми технологиями, такими как искусственный интеллект, дроны, робототехника и редактирование генов. Тем не менее, в настоящее время по этому поводу нет единого мнения. Общеизвестно, что революция значительно изменит нынешние фермерские ценности и идентичности, но без четкого понимания того, какие технологии включены в революцию, трудно понять, как они воспринимаются различными заинтересованными сторонами, и какое неравномерное воздействие они могут оказывать на все общество. Какие технологии входят и выходят из будущих видений, как они ассоциируются с четвертой сельскохозяйственной революцией, и какие из них будут исключаться. Как воспринимаются последствия этих технологий, т. е. понять, каковы могут быть последствия новых технологий для здоровья человека, экологии, и представлены ли они в позитивном или негативном свете. Исследователи считают, что "пагубные последствия ... технологий часто бывают непредвиденными". Таким образом, «предвидение требует от нас задавать вопросы типа "А что, если?", исследуя потенциальные последствия технологических изменений, как преднамеренных, так и непреднамеренных» [1].

1. *Oxford Farming Conference 2019 address by the Environment Secretary - Government 19.06. 2019.* <https://www.gov.uk/government/speeches/oxford-farming-conference-2019-address-by-the-environment-secretary>. (accessed 9 .09. 2020.)

ШЕРИНГ-ЭКОНОМИКА И ПРЕКАРИЗАЦИЯ ТРУДА

Ниорадзе Георгий Владимирович
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

*Доклад подготовлен при поддержке гранта РНФ № 18-18-00024
«Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества».*

Термин «шеринг-экономика» предполагает разные смыслы, что приводит к различным направлениям анализа. Первое направление связано с новым видом потребления, предполагающим совместное использование товаров. Второе направление – рассмотрение бизнес-модели, предполагающей создание интернет-платформы для заработка при посредничестве между производителем и потребителем товаров/услуг.

Наконец ещё одно направление – новая форма трудовых отношений, проявляющаяся в разовом, краткосрочном производстве товаров и услуг. Шеринг-экономика предполагает нестандартную, неустойчивую, гибкую занятость. Работников, осуществляющих такую трудовую деятельность, относят к «прекариату» [1, 11]. «Прекариат» и «шеринг-экономика» связаны между собой по ряду оснований.

Во-первых, и неустойчивая занятость, и совместное потребление проявлялись в истории человечества многократно. Однако лишь в последнее время появились факторы, свидетельствующие об уникальности проявлений этих явлений в современных реалиях. Для прекариата – это появление и затем разрушение стандартной занятости совместно с кризисом социального государства. Отличительной же формой совместного потребления (шеринг-экономики) в современном мире является интернет как посредник, позволяющий проводить обмен товаров и услуг в т. ч. между людьми, незнакомыми между собой.

Во-вторых, «прекариат» и «шеринг-экономику» объединяет взгляд на будущее общества в условиях капитализма: позитивный, либеральный (свободный график, гибкая занятость, независимость от бюрократии и организаций и пр.) [2;3] и негативный, социал-демократический (отсутствие трудовых гарантий, сверхэксплуатация, падения уровня и качества жизни, рост неравенства) [4; 5, 49].

В-третьих, генезис и развитие шеринговой экономики привело к появлению форм прекарной занятости. Одним из таких проявлений является заёмный труд (аутсорсинг, аутстаффинг). Использование заёмного труда предполагает неясность перспектив для работников, неустойчивую занятость, отсутствие социальных льгот [6, 226].

Шеринг-экономика и прекаризация труда являются взаимообусловленными понятиями, оказывающими влияние на жизнь современного общества. С одной стороны, шеринг-экономика несёт в себе значительные риски для трудящихся из-за потери трудовых гарантий и социальных льгот. С другой стороны, в условиях прекаризации занятости шеринг-экономика позволяет демпфировать негативный эффект неустойчивости благодаря созданию новых форм занятости.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Панюшкина Елена Владимировна
ФГБОУ ВО "Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I"

Любая трансформация экономических систем всегда побуждает экономистов прогнозировать основные тренды поведения макроэкономических субъектов, однако, при построении своих моделей они часто игнорируют существенные факторы влияния на качество жизни людей в условиях реформирования. Эту нишу в исследованиях стараются заполнить социологи, ориентируясь на неделимость социально-экономических процессов и мотивы потребительского поведения. Выводы экономистов ориентируются на эгоистическое поведение, игнорирование процессов «реального мира». Социологи анализируют включенность «экономического человека» в сплетение формальных и неформальных сетей, мотивы смены приоритетов реализации экономических интересов.

Создавая и сберегая человеческий капитал, являющийся уникальным ресурсом современного развития, государство старается максимизировать выгоды для дальнейшего движения в настоящем и будущем, примеряя разные научные подходы из множества предлагаемых. Одним из научных подходов нового формата является экономическая социология, исследующая поведение социальных групп при реализации собственных экономических интересов. Признавая наличие индивидуального потребительского поведения различных экономических агентов, экономическая социология анализирует модели преломления индивидуального поведения в процессы встраивания в модели поведения группы, принятие ее выбора.

По мнению Н. Флигстина и С. Фогела, «правительства и рынки взаимно конституируются. Государственное регулирование – это не вторжение в рынок, но, скорее, условие функционирования рыночной экономики» [1, с. 37]. Государство все больше проектов социальной направленности встраивает в экономическую политику, признавая важность гармонизации экономических интересов определенных общественных групп. Например, одной из последних государственных инициатив является строительство пяти городов с нуля. Идея не нова, да и опыт разных стран показывает, что данный проект чаще неуспешен, чем наоборот. В данном случае наглядно демонстрируется пример, когда политическая версия находится в отрыве от социума. Строительство крупных, научно-промышленных центров не решит трудноразрешимые проблемы дисфункциональных, «замерзших в развитии» городов из-за имеющейся у них старой инфраструктуры. Не учитывая интересы социальных групп и демографические возможности территорий субъектов Российской Федерации формируется иллюзия, что построить заново дешевле, чем содержать и ремонтировать изношенное. Как говорится – время покажет. Но уже сейчас многие проекты, предложенные государством (освоение Арктики, возрождение БАМа и др.), не находят нужных мотиваторов для социальных групп в целях ускоренной их реализации. Все заинтересованные экономические агенты ощущают давление, принуждение, ограничение, а не свободу выбора.

Если координатором выступает государство, то, согласно позиции Ф. Блока, можно выделить четыре основных направления такой координации:

- практика целевого привлечения ресурсов (targeted resourcing), когда на основе консультаций с отраслевыми экспертами чиновники определяют приоритетные задачи технологического развития, обладающие большим экономическим потенциалом, а затем предоставляют целевую поддержку научно-исследовательским группам, профиль которых наилучшим образом соответствует задаче, и строго контролирует её исполнение;
- политика «открытия окон» (opening windows), примером которой являются программы SBIR/ SBTTR, предоставляющие финансирование на безвозвратной основе и

ориентированные на проекты, находящиеся на стадиях, предшествующих коммерциализации;

- брокерская деятельность, направленная на установление связей между научными группами или лабораториями, сотрудничество которых обладает инновационным потенциалом, а также между технологами и частными инвесторами, в том числе венчурными;

- деятельность децентрализованного государства развития, включающая широкий круг задач по содействию технологическим инновациям на уровне стандартизации, регулирования и инфраструктурной поддержки [2, с. 47].

К сожалению, экономическая социология не является безусловным авторитетом в научных кругах. Может быть для этого нужно больше времени или новых методов исследования, так как аргумент в части доказательной базы на процессы социально-экономического развития недостаточен. Однако защита мотивов поведения экономических агентов и их права выбора будет постоянно вызывать интерес в данной области исследования. К тому же цифровые технологии создали главный парадокс общественного развития на современном этапе: с одной стороны – атомизация общества, с другой – виртуальные объединения через социальные сети. И если государство не найдет инструментов для разрешения данного парадокса, то, скорее всего, государство перестанет существовать как макроэкономический субъект, уступая социальным сетям область координации потребительского поведения. Вот тогда и начнется «эра» экономической социологии.

1. Флигстин Н., Фогел С. Политическая экономия после неоллиберализма / Экономическая социология. Т. 22. – № 4 – 2021, С. 35- 45. – Режим доступа: www.ecsoc.mses.ru www.ecsoc.hse.ru
2. Блок Ф. Роли государства в хозяйстве / Экономическая социология. Т. 5. – № 2 – 2004, С. 37-56. – Режим доступа: www.ecsoc.mses.ru www.ecsoc.hse.ru

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА САМОЗАНЯТОСТЬ МОЛОДЕЖИ

Плотников Андрей Викторович

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект, № 20-78-00100).

В современных реалиях в обществе образовался новый класс, называемый прекариатом. Прекариат – это любые виды трудовой деятельности, не имеющие социальных и трудовых гарантий, предоставляемых работникам, официально оформившим свою занятость. [1] На первое место выходит фриланс как вид интернет-занятости (по разным оценкам, каждый пятый россиянин имеет вторичную занятость или самозанятость в этой сфере). Особенно остро вопрос стоит в среде студентов и молодых специалистов, поскольку, согласно данным социологических исследований, большая часть фрилансеров находится в возрастной группе 25-30 лет, при этом пятая часть – в возрасте 19-24 года, т.е. есть большая вероятность того, что это студенты старших курсов. Посмотрим глубже на вопрос прекаризации студенчества.

Мировая глобализация, скоростное развитие информационных технологий, а также популяризация и упрощение веб-приложений привели к массовой цифровизации бизнеса и постепенному переходу его в онлайн. Этот процесс, в свою очередь, способствовал появлению так называемого интернет-маркетинга, который включает в себя комплекс мероприятий по продвижению продаж в цифровой среде.

Появился целый ряд цифровых специальностей, которым не обучают в официальных учебных заведениях. В этом списке такие специальности как: интернет-маркетолог, таргетолог, веб-дизайнер, специалист по контекстной рекламе, разработчик сайтов и посадочных страниц, копирайтер, онлайн-консультант, удаленный помощник, SMM-менеджер и пр. Перечень далеко не полный, он постоянно расширяется, поскольку время от времени появляются новые направления, требующие дополнительных специальностей для их обслуживания и эффективной работы. А поскольку эта область развивается гигантскими темпами, государственное регулирование за этими темпами не успевает, и законодательные акты по контролю над этой деятельностью практически отсутствуют, а образовательная ниша для вышеуказанных профессий пустует.

Как известно, где есть спрос, там будет и предложение. В отсутствие государственного профильного образования начали появляться специалисты-самоучки в цифровых онлайн-профессиях. Позже начали открываться курсы, затем так называемые онлайн-школы, которые в прошлом году демонстрировали лавинообразный рост, пользуясь практически тепличными условиями, созданными из-за пандемии COVID-19. Именно в эту нишу хлынули потоки молодежи, мечтающей о самореализации и высокооплачиваемой работе в комфортных условиях. Как известно, молодые умы быстро учатся, легче осваивают цифровые технологии и имеют более гибкое мышление, за счет чего способны быстрее приспособиться к изменениям внешней среды. Отдельное достоинство такого вида занятости – отсутствие привязки к месту жительства, что существенно расширяет возможности для выбора. К тому же современная молодежь привыкла к более динамичному ритму жизни, сложившейся за последние десятилетия, и гораздо мобильнее своих сверстников прошлого века.

1. Растегаева А.В. Прекаризация труда среди молодежи // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. №1 (70). – с. 157-160.

РЫНОК БЕЗ БИЗНЕСА: ДЛЯ ЭКОНОМИСТОВ СОБЛАЗН, ДЛЯ МАРКЕТОЛОГОВ БЕЗУМИЕ? ОПЫТ ЭКОНОМ-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РЫНКА УСЛУГ ПО ОРГАНИЗАЦИИ СВАДЕБ

Рубцова Татьяна Сергеевна
СПб

Экономическая теория рассматривает возникновение профессиональных занятий в терминах рынка труда. Спрос на труд представляется функцией спроса на продукт этого труда. Экономический мейнстрим после А.Маршалла, как синтез классической теории и маржинализма, видит рынок как место «встречи» продавцов блага (представляющих предложение) и его покупателей (спрос). Если максимальная цена, по которой потенциальные покупатели хотели бы товар купить, не достигает минимальной цены, по которой производители согласны его продать, то рынок не возникает по определению. Сложившийся ранее рынок в таких условиях прекращает существование. Линии спроса на продукт и его предложения не пересекаются при положительных значениях количества и цены, что является графическим представлением ситуации нежизнеспособности (*non-viability*) производства. В силу гипотез, составляющих «жесткое ядро» и «защитный пояс» исследовательской программы [6] мейнстрима, динамика рынков остается за пределами моделирования: вопрос появления/исчезновения групп экономических агентов, реализующих «встречу» спроса и предложения, неоклассикой не рассматривается. В результате реальность хозяйствующих субъектов остается для экономической теории в значительной степени загадкой.

Подход новой экономической социологии предлагает рассмотреть рынок прежде всего как результат процессов социального конструирования. Успех конструкции при этом не гарантирован [4, 8, 9]. Созвучной оказалась и позиция неовеберовской социологии профессий, продолжившей линию интеракционистского подхода [3, 5, 7] с его критикой функционализма за нормативный характер и акцент на институционализации разделения труда через профессии. Процессы разделения труда было предложено выразить в терминах конкурентной борьбы профессиональных групп за получение/сохранение монополии на «профессиональную территорию» или «юрисдикцию» [2], что дополняется «экологическим» подходом, принимающим во внимание среду, в которой разворачивается борьба. Это позволяет вписать разделение труда в совокупность социальных процессов [1].

Новая экономическая социология и социология профессий с их вниманием к интерактивному и процессуальному измерению функционирования рынков, и в особенности с допущением о неопределённости результатов взаимодействия «населяющих» эти рынки акторов, могут пролить свет на реальность экономических «миров», представляющихся рыночными, но в действительности сложных и принимающих разнообразные формы в разные периоды своего существования. Приняв эти два подхода в качестве теоретической основы нашего исследования рынка услуг по организации свадеб, попытаемся ответить на вопрос, как случилось, что профессиональная группа вендинга планнеров появляется в таких неблагоприятных условиях низкого платежеспособного спроса на их услуги, и в особенности, как эта группа продолжает существовать на протяжении десятилетий. Иными словами, как возможен этот «рынок без бизнеса»?

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ Н.Н. АНДРЕЕВА.

Синютин Михаил Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет

Материалы для доклада подготовлены на основе работы по проекту РФФИ (грант № 18-011-00282, «Теоретическое наследие Н. Н. Андреева: источниковедческое исследование, историко-социологическое освещение, редакционно-издательская подготовка»).

Аннотация. В докладе предпринята попытка впервые в истории социологии рассмотреть и дать историческую оценку дневниковых записей Н.Н. Андреева, собранных в его личном архиве.

Дневниковые записи Н.Н. Андреева (1876-1954) раскрывают большие познавательные возможности для исследований по истории социологии и являются составной частью большого массива материалов семейного архива Андреевых. Поэтому их значение и интерпретация зависят от взаимосвязи с другими документальными источниками, а в ряде случаев находят в них необходимое продолжение.

Поскольку Н.Н. Андреев помимо социологии занимался исторической наукой, то его дневниковые записи это работа профессионала, осуществляемая со знанием ценности, правил и целей мемуарного жанра. С другой стороны, дневники выступают выражением индивидуальных переживаний и субъективного опыта автора, что отнюдь не снижает их исторической ценности, а наоборот позволяет понять его интеллектуальную работу. Упоминание отдельных исторических персоналий, указание их действий и суждений, а также оценка, даваемая Н.Н. Андреевым, всё это позволяет воссоздать как тесный круг

личного общения, так и силу влияния некоторых людей на осмысление жизненного мира самого Н.Н. Андреева.

Отдельную роль играют записи, в которых Н.Н. Андреев фиксирует свои мысли относительно самой социологии, характеристик её метода, содержания её проблем, а также её состояния как науки и учебной дисциплины.

Дневники Н.Н. Андреева охватывают период от 1917 до 1949 года, исторический отрезок на котором состоялись судьбоносные процессы для нашей страны и социологической науки. Занимая объем порядка 12 печатных листов, они являются достаточно целостным материалом, даже учитывая некоторые пропуски во времени иногда до пары лет, когда записи не велись.

Исследование дневниковых записей Н.Н. Андреева служит важным звеном в цепочке исследований его творчества, нашедших отражение в ряде недавних публикаций [1], [2], [3], [4], что в итоге позволяет говорить о комплексном характере приращения знаний по отдельному и значимому вопросу истории социологической мысли.

Материалы для доклада подготовлены на основе работы по проекту РФФИ (грант № 18-011-00282, «Теоретическое наследие Н. Н. Андреева: источниковедческое исследование, историко-социологическое освещение, редакционно-издательская подготовка»).

1. Синютин М.В. Социолог номер один: К 140-летию Н.Н. Андреева, // Журнал социологии и социальной антропологии, № 3, 2016, сс. 32-49.
2. Синютин М.В. Проблемы социологической теории в послевоенных трудах Николая Андреева, // в сборнике «Проблемы теоретической социологии: Межвуз. Сб.», Вып. 12 / Отв. ред. А.О. Бороноев, СПб.: Астерион, 2019, сс. 230-249.
3. Синютин М.В. Н.Н. Андреев. // Социология России в лицах: история и современность. Энциклопедическое издание / Автор предисл. и пред. ред. совета акад. РАН М.К. Горшков. М.: Издательство «Весь Мир», 2019, сс. 102-103.
4. Sinyutin M.V. Nikolay Andreev in Germany (1900-1905): A Student and a Social Democrat // Working Papers of the Centre for German and European Studies, WP 2019-06 // Bielefeld / St. Petersburg, pp. 1-41.

ВЫПУСКНИК-СОЦИОЛОГ НА РЫНКЕ ТРУДА

Скворцов Николай Генрихович

Санкт-Петербургский государственный университет

Одним из трендов развития современного социально-гуманитарного образования является стремление к реализации практико-ориентированной модели подготовки с учетом потребностей рынка труда, к созданию механизмов, обеспечивающих взаимопонимание и взаимодействие работодателя и высшей школы. Применительно к социологическому образованию проблема состоит не в том, что выпускники социологических факультетов и отделений не нужны на рынке труда и не имеют возможности трудоустроиться. Общий уровень трудоустройства обладателей диплома социолога вполне приемлемый. Другое дело – насколько соответствует работа, которой они занимаются после окончания вуза, полученной квалификации социолога, и вообще насколько необходимы для их трудовой деятельности знания, полученные в процессе обучения.

Выделяются несколько сегментов трудоустройства дипломированных социологов. Традиционно более всего соответствующей полученному в классическом университете образованию выглядит академическая карьера социолога. Однако на академическую социологию, связанную с «теоретизированным знанием», по оценкам экспертов, ориентированы в среднем не более 7-8% студентов-социологов. Карьера в этом

направлении не слишком привлекательна с точки зрения финансовой составляющей, да и количество вакансий здесь крайне ограничено. Гораздо более широким, доступным и, соответственно, более реальным рынком труда для выпускников соцфаков выступают сферы, в названиях которых слова «социология», «социологический» вообще отсутствуют. Это в первую очередь коммерческие структуры, занимающиеся маркетинговыми исследованиями, консалтингом, рекламой, PR, HR и др. При этом работодатель рассчитывает, что претендент на должность имеет необходимые для работы знания, постольку во вкладышах к диплому социолога указан соответствующий набор прослушанных дисциплин - от маркетинга и госуправления до пиара.

Принято считать, что сегодня, несмотря на более, чем тридцатилетнюю историю социологического образования в стране, социология продолжает оставаться в зоне значительной профессиональной неопределенности - в том смысле, что выпускники, получившие диплом социолога – особенно бакалавра – как правило, не имеют ясных представлений, куда и кем пойдут работать. Исследователи отмечают, что массовой установкой является «межпрофессиональный универсализм – отношение к высшему социологическому образованию как к набору разносторонних знаний, позволяющих человеку легко переходить в смежные области и адаптироваться к запросам рынка труда».

Между тем, если взглянуть на то, чем выпускники-социологи занимаются на рабочих местах в сферах рекламы, PR, маркетинга, в менеджменте, в государственном управлении, в политических, некоммерческих, религиозных, хозяйственных организациях, кадровых службах, СМИ и т.д., выяснится, что во всех этих сферах у них есть своя функциональная ниша, напрямую связанная с социологической тематикой. Они востребованы как исследователи, аналитики, дизайнеры социальной среды, потому что умеют профессионально формулировать и задавать вопросы, анализировать и оценивать социальные действия, события, факты, документы, обрабатывать и интерпретировать количественные данные и качественные описания и наблюдения. В подготовке именно таких специалистов видится основной вектор современного развития социологического образования

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИНАНСОВ: АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА ИЛИ СООБЩЕСТВО СОЦИАЛЬНЫХ УЧЕНЫХ?

Смелова Алёна Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Традиционно финансы являлись исследовательским полем экономической науки. Однако более глубокое понимание преобразований в мире финансов потребовало методов и инструментов анализа различных социальных наук. Социальные исследования финансов начали зарождаться еще в конце 1990-х гг. параллельно с резким ростом финансового сектора в, так называемой, «глобальной экономике». Первое время шли дискуссии на тему: «Является ли социология финансов логическим продолжением развития новой экономической социологии или это новая самостоятельная дисциплина»? В итоге свет на этот вопрос пролила К.Кнорр-Цетина. Она выделила четыре отличия новой экономической социологии и социальных исследований финансов, выделив последнюю в качестве самостоятельной области исследований [1]. Так утверждалось, что новая экономическая социология фокусируется на изучении рынков производителей и производственной стороне экономики, а финансовый рынок рассматривает как подчиненный производству. Социология финансов, напротив, изучает исключительно финансовый рынок вне какой-либо связи с производством, как самодостаточный и ключевой сектор экономики, где начиная с 1980-х гг., создается большая часть

добавленной стоимости по сравнению с производственным сектором. И если новая экономическая социология для описания системы производственного капитализма использовала понятия социального действия, социальных институтов и отношений производства, потребления и распределения, то социология финансов описывала уже систему финансового капитализма и их центральный институт – финансовый рынок. Финансовый рынок, по своей сути, является абстрактной сущностью, он относится к экономике второго порядка, на которой товары не направляются на конечное потребление, а циркулируют. Таким образом, целью финансового действия является не удовлетворение потребностей, а получение прибыли от изменения цены на финансовый инструмент при его перепродаже (циркуляции). С точки зрения теории социального действия, финансовый рынок предстает как внутренне дифференцированный, как сложная самореферентная система, чье функционирование не зависит от реальной экономики и деятельности фирм.

Важное отличие социальных исследований финансов от новой экономической социологии заключается в отсутствии методологических оснований. Социология финансов опирается не на парадигму, а на набор открытых вопросов: Что такое финансовый рынок? Что такое спекуляция как вид социального действия? Как финансовые инвестиции стали ключевым социальным институтом капитализма? Каков уровень социальности финансовых рынков, которые считаются моделями эффективности и результатом анонимных действий атомизированных акторов?

Еще одно отличие новой экономической социологии от социологии финансов заключается в рассмотрении финансов как системы знаний и информации. Для описания сущности финансового рынка К.Кнорр-Цетина вводит термин «информационное знание». Так финансовый рынок тождественен понятию «финансовая информация». Примерами финансовой информации являются фондовые индексы, рейтинги, различные виды финансовой отчетности, мнения финансовых аналитиков и др.

Таким образом, предмет новой экономической социологии включает широкие экономические вопросы и подразумевает рассмотрение экономического действия как частного случая социального действия; предмет социальных исследований финансов – производная экономика, сформированная в символическом пространстве. Действительно, деньги в их металлической, бумажной, цифровой или виртуальной форме – это, прежде всего, символ, выражающий некие отношения в социальной системе. Как утверждает Д. Маккензи, финансовые рынки – это культура, а сами деньги или финансовые инструменты социально или дискурсивно сконструированы [2]. Подобная перспектива дает толчок к появлению социальных исследований финансов как междисциплинарной области исследований, включающей работы, выполненные в рамках таких дисциплин, как финансовая и поведенческая экономика, международная политическая экономия, география, антропология и социология, правовые и гендерные исследования, культурология и др. Отсюда следует и целый перечень междисциплинарных проблем: ресоциализация и реполитизация финансовых практик [3], перформативность и связанные с ней категории «неопределенности», «риска» и «ожиданий» на финансовых рынках, финансовая безопасность и темпоральность финансовой экономики. Таким образом, социальные исследования финансов не являются последовательной исследовательской программой с единственной целью или методологией. Это, прежде всего, междисциплинарный форум для дискуссий и дебатов, способствующих диалогу между социальными учеными, которые разделяют интерес к финансам.

1. Knorr Cetina K. *Economic Sociology and the Sociology of Finance. Four Distinctions, Two Developments, One Field?* // *Economic Sociology. The European Electronic Newsletter*. Vol. 8, № 3 (July 2007). Pp.4-10.
2. MacKenzie D. *An Engine, Not a Camera: How Financial Models Shape Markets (Inside Technology)*. The MIT Press. 2008.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ

**Соколова Дарья Андреевна,
Селиванова Татьяна Валерьевна
ДВФУ**

Многоукладность социально-экономических институтов актуализирует значимость нематериальных факторов экономического развития регионов, где формальные и неформальные институты доверия становятся определяющими. Особенно это актуально для Восточно-Азиатских стран, с неразрешенными историческими проблемами, цивилизационными особенностями, процветающим технонационализмом. Для России развитие всех форм сотрудничества со странами Северо-Восточной Азии представляет исключительный интерес. Нарращивание взаимовыгодного сотрудничества видится через использование возможностей сетевого взаимодействия, через культуру делового общения, через сети доверия на личностном и институциональном уровнях и накопления капитала доверия.

Рассмотрение процесса формирования и развития транснациональных сетей доверия представляет научный интерес в аспекте развития методологических подходов теорий заинтересованных сторон, экономики доверия с учетом региональных культурно-цивилизационных особенностей [1]. Для этого, потребуется расширить понятийный аппарат; пересмотреть теоретико-методологические подходы к моделированию социо-экономических систем и сформулировать парадигму регионального социо-экономического развития с учетом сетей доверия – как нематериального фактора развития региона; предложить концепции экономики доверия в транснациональном, межкультурном аспекте. Необходимо научное исследование логики процесса формирования и развития транснациональных сетей доверия, установление механизмов трансформации капитала доверия в системе транснациональных бизнес-моделей, основанных на ожиданиях устойчивого развития хозяйствующих субъектов в условиях неопределенности социо-экономической среды.

Традиционные факторы экономического роста, обоснованные неоклассическими, неоинституциональными, некейнсианскими научными подходами, не всегда объясняют происходящие в экономике трансформации, особенно в условиях транснационального, межкультурного взаимодействия. Необходимо расширение исследовательских подходов, за счет построения нового класса моделей социо-экономического роста, учитывающие нематериальные факторы, в том числе, и факторы доверия [2;3]. Прямой перенос имеющихся на микроуровне алгоритмов исследования доверия на макроуровень без учета культурно-цивилизационных особенностей региона вряд ли возможно, что повлечет ряд методологических искажений, ввиду сложности, многоуровневости, многофакторности транснациональных взаимодействий.

Впервые будут обоснованы ключевые механизмы социально-экономического развития Тихоокеанского региона России в аспекте теории заинтересованных сторон и экономики доверия. Впервые будет выполнен среднесрочный прогноз социально-экономического роста Дальневосточного федерального округа и отдельных его территорий в соответствии со сценарным моделированием изменений капитала транснационального доверия с позиции утерянной инвестиционной выгоды.

1. Айзенеггер М. Доверие и репутация в эпоху глобализации // Журнал Отечественные записки. Перевод на русский язык: К. Великанова. 2014. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.magazines.gorky.media/oz/2014> (дата обращения 17.03.2021).
2. Белянин А.В., Зинченко В.П. Доверие в экономике и общественной жизни. - М.: Фонд «Либеральная мысль». 2010. 165 с.
3. Великанов К. Репутационный капитал. Завоевание и поддержание доверие в XXI веке // Журнал Отечественные записки. 2014. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2014/1/reputacionnyj-kapital.html> (дата обращения 11.03.2021).

СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЭКСПОРТА МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Солдатенко Инна Геннадьевна

Институт управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь

Одной из составных частей социальной эффективности внешнеэкономической деятельности можно представить социальную эффективность экспорта медицинских услуг (далее – СЭЭМУ), которая напрямую зависит от объема реализованных иностранным потребителям системой здравоохранения услуг.

Для определения понятия СЭЭМУ необходимо, прежде всего, рассмотреть особенности социальной сферы, структуру общества, входящие в нее субъекты, а также определить критерии оценки.

Изучение понятия СЭЭМУ, как обособленного от социальной эффективности в целом ново. Многогранность заявленного вопроса, полярность затрагиваемых сфер (социальная политика, внешнеэкономическая деятельность, здравоохранение, экономика и др.) требуют внимания к поднятой проблематике со стороны ряда государственных институтов.

Определение СЭЭМУ возможно через определение, с одной стороны, уровня удовлетворения социальных потребностей и целей общества результатами внешнеэкономической деятельности при реализации медицинских услуг, с другой стороны через определение степени удовлетворения социальных потребностей человека. Социальные потребности, как «побудительные силы всех других побудительных сил» (К.Маркс) различаются по видам и структуре, по срокам их удовлетворения и по степени важности.

Понятие СЭЭМУ не статично, оно изменяется в зависимости от изменения потребностей общества, его субъектов и условий их удовлетворения.

Исходя из вышесказанного, дать конкретное определение СЭЭМУ достаточно трудно т.к. оно может рассматриваться на нескольких уровнях: государственном, региональном, организационном, личностном.

На государственном уровне СЭЭМУ может быть представлена той социальной политикой, которую проводит государство. Она же, в свою очередь, определяя социальную сферу, определяет и экономическую. Региональный - более низкий уровень формирования социальной политики подразумевает большее уточнение и детализацию социальных потребностей и способов их удовлетворения. На организационном уровне СЭЭМУ целесообразно рассматривать исходя из особенностей медицинской организации, а также реализуемых ею иностранным гражданам услуг. На личностном уровне оценку СЭЭМУ может отражать такая категория, как «уровень жизни».

Сложной задачей на сегодняшний момент является определение конкретных показателей/критериев, а также методов ее оценки, отражающих СЭЭМУ. На наш взгляд критерии должны демонстрировать как цель в вид социальной потребности, так и средства ее достижения.

Следует понимать, что возможна лишь неполная оценка социальной эффективности экспорта медицинских услуг в денежной форме. Показатели, затрагивающие, например, нравственные качества, моральное удовлетворение не могут быть выражены количественно[1].

1. Лапина, С.В. Социальное государство и социальная политика / С.В. Лапина, И.А. Лапина, А.П. Морозова и др. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2020. – 216 с.

СОВМЕСТНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК ОДНО ИЗ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Татарникова Екатерина Игоревна
Санкт-Петербургский государственный университет

Распространение совместного потребления вносит коррективы в предмет экономической социологии. С одной стороны, оно включает разные формы аренды, за которыми стоит новая мотивация потребителей, отказывающихся от извечного стремления иметь вещи в собственности. С другой стороны, совместное потребление включает и нерыночные формы, опирающиеся на ценности экологии и альтруизма. Пандемия не отменила тренд на осознанное потребление, а только укрепила его: самоизоляция простимулировала рост осознанных временных покупок.

Существует ряд фундаментальных факторов, которые способствуют стремительному развитию экономики совместного потребления.

Экологичность, что делает мотивы потребления более осознанными и рациональными по отношению к ресурсам планеты.

Вариативность аренды и возможность ознакомиться с особенностями потребления товара или услуги не приобретая ее, позволяющие потребителю предпочесть аренду покупке.

Альтруизм со стороны акторов, где потребительское поведение преобладает над рыночным, и скорее происходит обмен благами, а не товарами.

С одной стороны, большой вклад для сохранения экологии и рациональной экономии ресурсов Земли. С другой стороны, есть наличие барьеров, которые ограничивают развитие определенных рынков, направлений и взаимодействия услуг с условиями «совместного потребления». Более того, в рамках отечественного пространства известны такие проблемы, как отсутствие законодательного регулирования экономики совместного потребления.

В ближайшие годы мы будем являться свидетелями взрывообразного роста различных видов платформ, сервисов экономики участия, формированием новых видов социальных практик, потому что они не только приносят пользу потребителям за счет увеличения доступности поставщиков услуг, снижения затрат, формирования поистине кастомизированной экономики, но и обусловленного тем, что их развитие во многом отвечает изменившимся ценностям, мотивам и установкам людей, желающих совместно создавать и делиться результатами своего труда. В этой связи анализ разворачивающихся на наших глазах различных типов проектов экономики совместного потребления, позволяет не только понять их сущность, выгоды для развития общества, но выработать общий взгляд на нивелирование возможных социальных последствий, которые с ними связаны.

Развитие экономики совместного потребления и в последнее время популярность исследований, связанных именно с шерингом, на что повлияла сама пандемия, также будет наращивать рост в рамках экономической социологии.

1. Botsman R. *What's mine is yours : The rise of collaborative consumption* / R. Botsman, R. Rogers. – New York : HarperCollins, 2010.
2. Frenken K. *Putting the sharing economy into perspective* / K. Frenken, J. Schor // *Environmental Innovation and Societal Transitions*. – 2017. – No. 23 (June).
3. Petrov A. *New Horizons for Learning and Teaching Economic Sociology in the Modern Higher Education: Theoretical Aspects* // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2015, vol. 6, № 6 S5. – P. 24–29. – DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n6s5p24
4. Ильин, В. И. (2010). *Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность*. Мир России, 14(2), 3-40.
5. Татарникова, Е. И. *Социальные изменения как следствие пандемии// Глобальные социальные процессы 2.0: трансформация социальной реальности в условиях цифровизации и пандемии: Сборник статей / Под редакцией А.В. Петрова (отв. ред.) [и др.]. – Санкт-Петербург : Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2020. – С. 208-212.*
6. Тищенко Н. Ю., Тищенко О. Э., Ребязина В. А., Слободчук Ю. А. 2019. *Факторы потребительского поведения в сфере экономики совместного потребления в России на примере компании Airbnb*. Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика (2): 43–63.
7. Тропина Ж.Н. *Развитие экономики совместного потребления // Вестник Института экономики и антикризисного управления (ИЭАУ), 2019. № 24*
8. Хусяинов Т.М., Урусова Е.А. *От общества потребления к экономике совместного пользования // Философия хозяйства. 2017. № 6. С. 132-146.*

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Тумоян Баграт Арменович
Санкт-Петербургский государственный университет

Одним из главных достижений 19 века считается официальное закрепление права на равенство среди населения. Однако, проходит время и становится понятно, что социальное равенство существует только на бумаге. Существует огромные различия в распределении материальных благ и привилегий, причем, эти различия распространяются на все слои западного европейского общества. Таким образом, главной повесткой стало социальное неравенство. Под социальным неравенством принято понимать неравное распределение основных жизненных ресурсов и возможностей: собственности и дохода, образования и профессий, властных позиций. [1, 55].

Несмотря на то, что существует огромное количество факторов и категорий, влияющих на социальное неравенство, в социологии выделяют несколько основных подхода в изучении социального неравенства. Одним из самых влиятельных подход в изучении социально-экономического неравенства является фикционализм. Данный подход был сформирован на работах таких авторов как Э. Дюркгейм, Т. Парсонс. Стоит отметить, что приверженцы данного подхода считали неравенство необходимым с функциональной точки зрения элементом для сохранения общества.

Следующим немаловажным подходом в изучении неравенства является структурализм, который говорит о том, что существует, в первую очередь, неравное распределение материального богатства среди различных классов населения. Единицей анализа в данном подходе следует выделять отдельный социальный класс, который имеет специфические характеристики.

В рамках изучения социально-экономического неравенства нельзя не упомянуть ресурсный подход, который сегодня активно используется для исследования неравенства на постсоветском пространстве. Концепция Бурье содержала в себе главную мысль о том, что положение того или иного человека в обществе определяется в трех формах капитала (экономический, социальный и культурный).

Изучение социально-экономического неравенства с помощью ресурсного подхода на постсоветском пространстве началось относительно недавно. И. О. Шкаратан в своих работах использовал категории Бурдые, однако немаловажное значение в его работах было представлено политическому капиталу. [2. 54]. Стоит также отметить таких ученых, как Т.И. Заславскую, Н. Е. Тихонову и В. В. Радаева. Более того, В. В. Радаев расширил подход П. Бурдые, добив также такие формы капитала как: физиологический, человеческий, административный политический и символический.

В целом, сегодня происходит активное расширение понимания социально-экономического неравенства в российской социологии, а также успешно исследуется сегодняшнее российское общество.

1. Н. А. Головин. *Современные социологические теории: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры*// 2-е издание, исправленное и дополненное – М. : Издательство Юрайт, 2019.
2. Шкаратан О.И. *Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России*. М.: ОЛМА МЕДИА ГРУПП, 2009

РОССИЙСКИЙ РЫНОК ТРУДА. АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ ЕГО РАЗВИТИЯ

**Файзуллин Ильгиз Фанилевич,
Файзуллин Фаниль Саитович
Институт стратегических исследований**

Трансформационные процессы в России привели к качественным изменениям всей системы общественных отношений в стране и сформировали целый ряд актуальных проблем, требующих своего решения. Укрепление новых общественных отношений, несомненно, прежде всего, связано с формированием цивилизованного рынка труда, ибо труд и в современной ситуации остается решающим фактором производства жизни [1, с.3]. В отечественной литературе проблемы рынка труда в последние годы стали объектом активных исследований специалистов самых различных отраслей. Существенный вклад в изучение его вопросов внесли такие отечественные учёные как Абалкин Л.Н. [2], Горшков М.К. [3], Заславская Т.И. [4], Дегтярёв А.Н. [5], Ильин В.А. [6], Львов Д.С. [7], Радаев В.В. [8], Татаркин А.И. [9] и др. Однако многие аспекты сложных проблем рынка труда остались мало исследованными. Это связано с тем, что особенности рынка варьируется во времени и пространстве, от страны к стране в зависимости от особенностей социально – политического и экономического устройства, культурных традиций. Как известно, на рынок труда влияют внешние и внутренние факторы. К первым можно отнести кризисный спад общественного производства, структурную перестройку производства в рамках этого спада, изменение отношений собственности, денежно–кредитную и финансовую политику государства, демократизацию общественной жизни, сокращение вооруженных сил. К внутренним факторам целесообразно отнести демографическую ситуацию, миграцию, образование, подготовку и переподготовку рабочей силы [10, с.9].

Основные характеристики российского рынка труда и его особенности заключаются в следующем:

1. Современный рынок труда в России неоднороден. Он представляет собой многослойную структуру, образуемую двумя взаимосвязанными сферами, несущими разную функциональную нагрузку, различающимися способом и формами аккумуляции резервов рабочей силы, организации и регулирования, характером влияния на эффективность производства и положение трудящихся. По этим признакам российский рынок труда можно подразделить на «открытый» и «скрытый». Открытый рынок труда в свою очередь представлен официально организованной и неофициальной (по

преимуществу) частями. Открытый рынок труда охватывает все трудоспособное население, фактически ищущее работу и нуждающееся в профориентации, подготовке и переподготовке, все вакантные рабочие места и должности, а также ученические места в государственном и негосударственном секторах.

Официальная часть открытого рынка включает в себя рабочую силу и вакансии, зарегистрированные в федеральной службе занятости, и ученические места в системе профессионального образования. Неофициальная часть открытого рынка аккумулирует ту часть спроса на труд, учебные места, которые не опосредуются услугами органов трудоустройства и учебных структур профессионального образования. Их согласование осуществляется на основе прямых контактов с работодателями, а также опосредуется различного рода посредниками негосударственными структурами, осуществляющими подбор подходящей работы, подготовку, повышение квалификации и овладение дефицитными новыми профессиями.

Скрытый рынок труда образуют работники, сохраняющие статус занятых, но имеющие в ближайшей перспективе достаточно высокую долю вероятности потери работы – на основе условий договора или контракта.

2. Россия по многим исходным параметрам рыночной экономики существенно отличается от индустриально развитых стран Запада и Востока, на опыт которых в области регулирования процессов занятости и рынка труда принято сейчас опираться при выборе ориентиров социально-экономической политики, модели рынка труда и принципов перестройки общественной организации труда и занятости.

Россия имеет огромную по протяженности и разнообразную по природно-климатическим условиям территорию. При значительно менее развитой, чем в индустриально развитых странах, и более отсталую по показателям эффективности и качества систему транспорта, связи и информации, которая не соответствует требованиям цивилизованного рыночного хозяйства, законам бизнеса, нуждается в коренном перевооружении на новой технической основе и крупномасштабных финансовых инъекциях.

3. Российский рынок труда формируется в условиях, когда важнейшие элементы его самонастройки – цена рабочей силы, уровень душевого потребления населения – не приведены в соответствие со стоимостью рабочей силы, что уже изначально деформирует такие важные компоненты рынка труда как спрос и предложение. Активизация экономической реформы в России, сопровождающаяся изменением уровня и механизма финансирования затрат на воспроизводство трудовых ресурсов, переход к свободному ценообразованию, рост инфляции и т.д. привели к еще большему отрыву цены рабочей силы от ее стоимости. Это имеет своим следствием дальнейшее снижение роли механизма самонастройки, основанного на стоимостных отношениях в организации рыночной среды. Следует особо подчеркнуть, что падение жизненного уровня увеличило потребность населения в рабочих местах. В результате «давление» трудового потенциала на рынок труда в последние годы имело тенденцию к росту.

4. Рынок труда в России еще до сих пор функционирует в условиях независимости института социального партнерства, который только зарождается и охватывает не все уровни. Это крайне затрудняет выработку политики солидарности и согласия в вопросах ценообразования, заработной платы, доходов, налоговой системы с учетом интересов разных субъектов рынка труда, существенно снижает роль этого инструмента регулирования в становлении рыночного механизма распределения и перераспределения рабочей силы, основанного на стоимостных отношениях.

5. Российский рынок еще плохо организован. До сих пор отсутствует адекватная его природе инфраструктура, призванная: а) подготовить работодателя и работника к установлению контакта, оказывать всестороннюю помощь в их взаимодействии с целью максимально возможного сокращения разрыва между спросом и предложением рабочей силы; б) осуществлять превентивную работу по содействию занятости; в) координировать

деятельность властных структур, систем занятости, образования и социальной защиты, общественных организаций и объединений работодателей; г) обеспечить достаточной информацией о спросе на рабочую силу, необходимой для организации работы по обеспечению занятости населения в рамках официального рынка труда.

б. Следует отметить также, что в формировании трудовых ресурсов наметился ряд негативных тенденций: существенное сокращение естественного прироста населения, обусловленного снижением рождаемости и ростом смертности; неблагоприятная динамика половозрастной структуры населения; увеличение демографической и экономической нагрузки на трудоспособную часть населения; нерациональные миграционные потоки и размещение населения по территории России; низкий уровень социального развития и уровня жизни населения.

Современный рынок труда в России выражает диалектическое взаимодействие и взаимный переход занятости и безработицы. Занятость и безработица, являясь неразрывными и неотъемлемыми элементами и результатами функционирования рынка труда, становятся импульсами и факторами его динамики. Здесь рабочая сила, понимаемая товаром, должна постоянно обновляться и воспроизводиться на новом, более высоком уровне, что связано с конкуренцией на рынке труда.

Анализ современного состояния российского рынка труда свидетельствует:

Во-первых, продолжается процесс перераспределения рабочих мест между частным и государственным сектором. Политика балансирования бюджетных расходов и снижение роли государства как основного поставщика социальных услуг привела к падению роли госсектора в качестве источника дополнительных рабочих мест. Занятость в государственном секторе уже значительно отстает от соответствующего показателя для частных предприятий.

Во-вторых, основное число новых рабочих мест за последние десятилетия было создано в сфере услуг, что предопределило дальнейшее увеличение доли этой сферы в общей занятости. В отраслях материального производства лишь строительству удалось привлечь дополнительных работников. В добывающей и обрабатывающей промышленности число рабочих мест продолжает сокращаться. Увеличение занятости в отдельных отраслях не могло изменить общую тенденцию к снижению занятости в обрабатывающих отраслях. Наряду с сокращением в них рабочих мест меняется структура занятых – на фоне продолжающегося уменьшения числа мест для производственных рабочих увеличивается занятость в маркетинговых службах, юридических отделах, в службах управления персоналом.

В-третьих, одной из острых структурных проблем рынка труда остается неравномерность уровня безработицы среди отдельных возрастных групп, и прежде всего массовая безработица среди молодежи. Решению проблемы мешает высокая концентрация безработной молодежи в семьях с низким уровнем доходов. Семьи, где родители не имеют постоянной работы, не могут обеспечить своим детям хороших стартовых условий. Наряду с высоким «отсевом» из школ и недостатками в системе образования этот фактор становится одной из причин низкой конкурентоспособности данной категории молодежи на рынке труда.

В-четвертых, за минувшее десятилетие в промышленно развитых странах имеет место рост

неполной занятости. Спрос на нетрадиционные виды занятости остается устойчивым, несмотря на связанную с ними меньшую социальную защищенность. Это объясняется тем, что частичная занятость позволяет сочетать карьеру с другими жизненными целями – воспитанием детей, получением либо продолжением образования и т.д. В то же время выбор работы с неполным рабочим днем зачастую носит вынужденный характер и маскирует недостаток вакансий с полным рабочим днем. Именно поэтому масштабы вынужденной частичной занятости являются одним из показателей рынка труда.

Неполная занятость стала развиваться быстрыми темпами в условиях перехода к рыночной экономике, когда первая попытка проведения жесткой кредитно-денежной политики привела к резкому усилению финансового давления на предприятия. Тогда сокращение вакансий перестало быть источником экономики фонда оплаты труда, предприятия перешли к практике использования режимов неполной занятости и неоплачиваемых отпусков. Оценить масштабы скрытой безработицы трудно. Разброс цифр, которыми оперируют разные ведомства, очень велик и, уже поэтому, сами эти цифры в известной мере вызывают сомнение в их достоверности.

По данным Росстат в 2018 году численность работников организаций, работавших неполное рабочее время в целом составляла 11%. Из них 8% к списочной численности находились в отпуске без сохранения заработной платы, но по заявлению работников. 2,3% работали неполное рабочее время, по соглашению с работодателем, 0,5% были в простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от него, 0,2% по инициативе работодателя. Больше всего неполная занятость в сфере обрабатывающей промышленности - 21,2% (к списочной численности), в строительстве – 18,6%, сельского и лесного хозяйства – 10,7%, гостиничного бизнеса и общепита – 29,8%, научно-технических исследовательских организаций – 21,1% [11, с.77].

В связи с распространением коронавируса, по данным полученным министерством труда и занятости к этим показателям добавились ещё 1,5 млн. работников, направленных в простой, 1,3 млн. занятых неполный рабочий день или неполную рабочую неделю, около 280 тысяч работников отправлены в неоплачиваемый отпуск. Социальные исследования, проведённые в Республике Башкортостан показали, что средний доход семей в которых кто-то из членов семьи относится к категории «не полно занятых», существенно сократился.

О состоянии скрытой безработицы в Республике Башкортостан свидетельствуют данные Башстата [12], о том что 11% работников находились в режиме неполной занятости в 2018 году. Что составляет 88,127 тыс. человек (Статистическим наблюдением было охвачено 802,0 тыс. человек). Неполное рабочее время по инициативе работодателя и по соглашению между работником и работодателем работали 10,1 тыс. человек (1,3% к списочной численности). В простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от работодателя и работника, находились 4,3 тыс. человек (0,5% к списочной численности работников). Отпуск без сохранения заработной платы по письменному заявлению работника был предоставлен 74,4 тыс. человек (9,3% к списочной численности). Начиная с 2000 годов в сфере неполной занятости населения наблюдается следующая тенденция - прослеживается сокращение удельного веса численности трудящихся, работающих неполное рабочее время по инициативе администрации. Если этот показатель в 2000 г. составлял 4,5 %, то к концу 2004 г. снизился до 2,5 % то в 2018 году он составляет 1,3%. Но вместе с тем увеличилось число работников, находящихся в отпусках по инициативе администрации с 5,5% в 2000 году и до 9,3% в 2018 году.

В режиме неполной занятости в начале 2020 года в Башкортостане работало 90,976 тысяч человек. При этом 17,1 тыс. человек были заняты неполное рабочее время по инициативе работодателя и по соглашению между работником и работодателем, что составляет 2,1 % от списочной численности работников. 4.9 тысяч человек, то есть 0,6% находились в простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от обеих сторон субъектов трудового процесса. 66,0 тысяч работников, что составляет 8,2 % от общей численности работающих, был предоставлен отпуск без сохранения заработной платы по письменному заявлению работника. В общей сложности таким образом, в начале 2020 года в Республике в состоянии неполной занятости находилось 16,1% работающего населения. По сравнению с 2018 годом в 2020 году существенные изменения в широте охвата работающего населения с таким явлением как неполная занятость не произошли. Здесь лишь имеются некоторые сдвиги в структуре неполной занятости [13].

Следует отметить, что показатели неполной занятости работников существенно отличаются на предприятиях и организациях различных отраслей экономики. Наибольший удельный вес людей, работающих неполное рабочее время по инициативе администрации на предприятиях и организациях, занимающихся заготовками, металлообработкой, в легкой промышленности. Так в начале 2020 года 22,5% работающих в обрабатывающей промышленности в Башкортостане были не полностью занятыми, в строительстве - 23,4%, среди занимающихся профессионально научно-технической деятельностью – 11,1%, в сельском и лесном хозяйстве - 10,9%, в сфере транспортировки и хранения 12,7%, в то время, когда этот показатель составлял в сфере обеспечения электроэнергией и газом – 2,6%, в области информации и связи 5,2%, в системе государственного управления и силовых структур – 1,9%. Предприятия с неполной занятостью преимущественно являются нерентабельными, либо низкорентабельными, оснащены устаревшим оборудованием и технологией, государство поддерживает их из за потребности обеспечения местом работы некоторого количества населения. Следует отметить, что неполная занятость представляет собой достаточно опасное явление, она может обвално перейти в открытую и создать в стране экстремальную социальную напряженность и резко усилить протестные настроения среди различных слоев населения. В связи с этим необходимо создать специальные центры по изучению скрытых форм безработицы, основной формой которой является неполная занятость работающего населения, и разработать долгосрочную стратегическую программу и план решения проблем, имеющихся в этой области с максимальным учётом всех её форм и особенностей. Социальная программа сокращения скрытой безработицы должна разрабатываться на всех уровнях: на уровне страны, регионов, муниципалитетов, отраслей и конкретных предприятий.

В странах с рыночной экономикой положение частично безработных, как правило, находит отражение в законодательстве. Для них установлены определенные трудовые и социальные гарантии. Работающие, неполное рабочее время, имеют ряд льгот. Некоторые из них носят общий характер, например, отмена налогового бремени. У других - льготы носят адресный характер, они имеют, прежде всего, отношение к ветеранам, людям семейным, учащимся и инвалидам. Работодатели лишены права самостоятельно, без согласования с местными властями решать вопрос о переходе на сокращенное рабочее время. План сокращения рабочих часов должен быть обязательно одобрен местными властями. Следовало нам этот опыт учесть при разработке политики управления занятостью населения.

Несмотря на нерешенность многих болезненных структурных проблем безработицы, отмечена тенденция к сокращению расходов государства на политику занятости. Она включает профессиональную переподготовку, субсидирование дополнительных рабочих мест в государственном секторе, поддержку занятости среди групп, находящихся в особо невыгодном положении на рынке труда. Одновременно в арсенале средств государственного регулирования в цивилизованных странах мира, все большую роль начинают играть так называемые программы активизации. Их цель – интенсифицировать поиск безработными новых рабочих мест. Это означает, с одной стороны, давление на безработного с помощью экономических рычагов, с другой – экономическое поощрение тех, кто быстро находит новую работу. На это направлена реформа системы страхования по безработице, в частности усиление страхового принципа, в результате которого отсекаются лица с коротким сроком выплат, а также те, кто неоднократно терял работу.

Состояние рынка труда в дальнейшем будет, на наш взгляд, определяться рядом факторов. Основные из них – замедление темпов роста трудоспособного населения, увеличение в структуре экономически активного населения доли старших возрастных групп, сохранение тенденции к опережающим темпам роста занятости в сфере услуг, а также преимущественный рост спроса на высококвалифицированную рабочую силу при

сохранении большого числа мест с низкими профессионально – квалификационными характеристиками. При этом старение населения является следствием не только волнообразной динамики рождаемости, но и значительного увеличения средней продолжительности жизни вследствие улучшения ее качества, вызванного техническим прогрессом.

Вероятно, не произойдет каких-либо изменений в источниках создания дополнительных рабочих мест, подавляющая их часть появится в сфере услуг. При этом наибольший прирост занятости произойдет в управленческих услугах, здравоохранении, инжиниринге. На первое место по темпам роста занятости выйдут компьютерные услуги, что связано с развитием производительных сил и информатизации общества.

Научно-технический прогресс и изменения отраслевой структуры экономики наряду с переменами в стиле жизни определяют предполагаемый характер спроса на отдельные профессиональные группы. Основной тенденцией ближайших лет будет рост профессий, требующих высокого уровня образования, и высокие темпы создания рабочих мест для малоквалифицированной рабочей силы. Поставлять малоквалифицированную рабочую силу будут поселения с низким уровнем жизни населения. Коренное население развитых местностей не приемлет «неквалифицированные» виды труда. В результате этого будут иметь место негативные социальные последствия, усугубление проблем безработицы городского населения, его деградация. Поэтому не случайно, что крупные города являются не только центрами политической, экономической жизни, но и очагами преступности, наркомании, проституции, пьянства. Однако рост вакансий для высококвалифицированных специалистов здесь будет опережающим.

Прогнозируемая структура спроса на отдельные профессии определяет особенности требований к образовательному уровню будущих работников. Преимущественное развитие сферы услуг в течение ближайшего десятилетия, если не будет существенного технологического прорыва, может привести к тому, что для большинства новых рабочих мест в стране не будет обязательным высокий уровень образования, что обусловит будущие проблемы рынка труда. В связи с этим следует обратить в социальных программах более серьезное внимание повышению технологического уровня этой отрасли.

Анализ современного состояния рынка труда приводит к выводу о том, что для разрешения существующих противоречий в стране необходимо разрабатывать социально-экономическую политику, направленную на её регулирование. Эта стратегия должна максимально учитывать прежде всего следующие процессы и явления: во-первых, структура занятости находится под воздействием научно-технического прогресса и соответственно рынок меняет структуру занятого населения. Во-вторых, возникли различные формы собственности на средства производства и формировались различные типы предприятий. В-третьих, произошёл коренной поворот производства к потребностям рынка, к увеличению темпов расширенного воспроизводства отраслей экономики, удовлетворяющих спрос населения. В-четвёртых, большие изменения происходят в соотношениях трудоспособного населения занятого в материальном и нематериальном производстве. В-пятых, происходят изменения соотношения между добывающими и перерабатывающими отраслями экономики.

В заключении следует отметить, что социально-экономическая политика должна проводиться на основе на основе системного и дифференцированного подходов максимально учитывая все особенности, которые происходят в сфере рынка труда в современном быстромеменяющемся обществе.

1. Файзуллин Ф.С., Файзуллин И.Ф. *Безработица и её регулирование*. Уфа. РИО МО РБ, 2006.
2. Абалкин Л.И. *Россия: осмысление судьбы*. — М.: ИД «Экономическая газета», 2012.
3. М. К. Горшков, В. В. Петухов. и др. *Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа*. — М.: Весь Мир, 2018.
4. Заславская Т.И. *Избранные произведения*. Том 2. — М.: Экономика, 2007:

5. Дегтярев А.Н. Конверсия институтов. Начала теории./Дегтярев А.Н. / Научное издание. – М.: Издательство NOTA VENE. 2020.
6. В.А. Ильин, Н.И. Лапин, М.В. Морев. Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 2) // Социологические исследования. – 2020. – №2. – С. 20-30.
7. Львов Д. С. Экономический рост и качество экономики. — М.: Русская книга, 2004.
8. Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. — М.: ГУ-ВШЭ, 2003.
9. Татаркин А.И. Инновационное развитие регионов России: теория, практика, управление. — М.: Экономика, 2010.
10. Павленков В.А. Рынок труда и занятость населения. М., Изд-во МГУ. 2011.
11. Росстат в 2018. Электронный ресурс: <https://rosstat.gov.ru/>
12. Баустат 2018. Электронный ресурс: [https://bashstat.gks.ru/storage/mediabank/Республика Башкортостан 2016-2018гг.pdf](https://bashstat.gks.ru/storage/mediabank/Республика_Башкортостан_2016-2018гг.pdf)
13. Баустат 2020. Электронный ресурс: <https://bashstat.gks.ru/>

АНАЛИЗ МИГРАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ РОССИИ И УКРАИНЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

**Хроленко Татьяна Сергеевна,
Воробьева Ольга Дмитриевна (Института демографических исследований (ИДИ)
ФНИСЦ РАН), Гущина Кристина Сергеевна (МГУ имени М.В. Ломоносова)
ФНИСЦ РАН**

*Исследование проведено при поддержке Совета по грантам
Президента Российской Федерации по поддержке ведущих научных
школ (номер гранта НШ-2631.2020.6)*

Введение. Международная трудовая миграция как инструмент достижения баланса спроса и предложения рабочей силы, является предметом бурных дискуссий как в академическом сообществе, так и среди политиков, общественников, практиков, поскольку она (международная трудовая миграция) меняет социально-демографический и экономический состав населения. Ключевыми вопросами для обсуждения являются такие вопросы как: необходимая и достаточная численность трудовых мигрантов; тренды направлений и масштабов потоков международной трудовой миграции, которые оказываются весьма чувствительными к малейшим изменениям обстановки, миграционной политики и законодательства в данной области в принимающих и отдающих государствах; социально-экономические и демографические последствия, с которыми сталкиваются страны-доноры и страны-реципиенты в краткосрочной и долгосрочной перспективах.

Методика. Для оценки последствий и возможных перспектив трудовой миграции в миграционных коридорах «Украина – Россия» (одного из крупнейшего миграционного коридора в мире [3, 4]) и «Украина – Европейский союз» было проведено социологическое обследование граждан Украины, занимающихся трудовой деятельностью в России и государствах Европейского Союза на протяжении последних пяти лет (2016 – 2021 г.) [1, 2]. Площадкой для проведения опроса выступили группы Международного общественного движения «Форум переселенческих организаций» в социальных сетях. Методы формирования выборочной совокупности – случайный, эмпирический. Итоговый объем выборки составил 101 респондент.

Результаты и выводы. Данные, полученные в ходе эмпирического исследования, свидетельствуют об усилении интереса украинских мигрантов к странам ЕС. Факторами притяжения украинских мигрантов в ЕС являются наличие безвизового режима между Украиной и ЕС и более высокая оплата труда. Масштаб миграции в ЕС пока не достиг

своего максимума в связи с коронавирусными ограничениями, однако респонденты-трудовые мигранты и члены их семей не намерены менять свои планы о выборе регионов въезда, заработков и долгосрочного проживания.

Переориентация на западное направление одного из основных миграционных партнеров России оказывает негативное влияние на социально-экономическое и демографическое развитие страны. Во-первых, сокращается численность мигрантов-носителей близкой к российской социокультурной идентичности, и в этой связи наблюдается сокращение наиболее адаптивного контингента мигрантов, что может спровоцировать социальную напряженность в российском обществе. Во-вторых, это лишает возможности Россию, как страны-импортера рабочей силы, использовать влияние демографического потенциала Украины, как одной из основных стран-экспортеров, на улучшение демографической ситуации.

Массовая трудовая миграция приведет к усилению негативных тенденций и в демографическом развитии Украины: сокращению общей численности населения и деформации демографических структур.

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ В ЖИЗНИ И В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ П.А. ИГНАТОВСКОГО

Цветкова Галина Александровна
РГГУ

Каждый человек имеет собственную неповторимую судьбу с проблемами и неудачами, но далеко не каждому выпадает жить многогранно, насыщенно, день за днем бороться и побеждать. Именно к такому кругу избранных людей относится Павел Артемьевич Игнатовский (1923-2010 гг.), фронтовик, доктор экономических наук, профессор, крупный специалист в области государственного управления и социально-экономических исследований, авторитетный и уважаемый писатель (псевдоним - П.А. Степовой).

Подростком семи лет он остался круглой сиротой, воспитывался в доме сестры. И уже тогда всегда и во всем проявлял самостоятельность и скрупулёзную ответственность. В четырнадцать уехал учиться в одесский банковский техникум. После его успешного окончания, был распределен в крупный банк г. Ковель Волынской области Украины. Работы было много, рассказывал он, поэтому часто задерживался допоздна. Вот и 21 июня 1941 г., когда до начала Второй мировой войны оставалось несколько часов, его рабочий день закончился после 23 часов. Поскольку до границы было всего 40 км, то Павел Артемьевич сразу попал в эпицентр военных действий: в городе взрывались бомбы, многие люди были в панике. Как он вспоминал: «В тот первый день войны группа работников банка в составе 4 человек: хромой управляющий банком, два инкассатора, раненные на финском фронте, и 18-летний тогда Павел, приступили к рискованной операции. Наверное в другой обстановке она была бы расценена как подвиг: вывезти на железнодорожный узел несколько грузовиков – тонны денежной массы, запломбированной в мешках, затем ими заполнили вагон («теплушку») под самую крышу. И, взяв 4 винтовки да ящик с патронами, отправились сдавать деньги в Киев. На крупной узловой станции Сарны попали под очередную бомбежку, к вагону подошел начальник станции и вручил телеграмму: «Банку вернуться в Ковель». Тут же им сразу выделили маленький паровоз («овечку») и они отправились обратно.

Но когда до Ковеля оставалось километров 15, управляющий, узнав, что связь между станциями действует, позвонил в город. Ему ответил офицер и сообщил, что город уже занят немцами, они взрывают последние объекты на станции и уходят. При этом

поинтересовался, кто вызвал банк. Управляющий сказал, что РО НКВД. «Они еще днем уехали», - последовал ответ. Одним словом, это была чья-то провокация по отношению к маленькой группе, но очень ответственных и мужественных людей, проявлявших внимательность и бдительность. Было решено снова повернуть назад, взять курс на Киев. Так они сами и целый вагон с деньгами были спасены [1]. Но на этом события не закончились.

Под бомбежками до Киева добирались 11 суток. Хотя расстояние между городами Ковель и Киев - 554 км, расчетное время его преодоления по железной дороге – 9, 44 ч., на машине - 5,13 ч. На Киевскую товарную станцию прибыли 3 июля. Но и здесь, учитывая, что немцы прорывались к Житомиру, у них деньги не приняли, отправив в Воронеж, затем в Пензу. И только там, в 18 лет, будущий крупный ученый сдал вагон денег, выполняя функции главного бухгалтера крупного банка. Отчитавшись, сразу отправился в военкомат, но не прошел медкомиссию. И только после множественных попыток уйти на фронт, мечта была реализована. В 19 лет он ушел на фронт. При прорыве блокады Ленинграда (1943 г.), получил множественные ранения. В 20 лет стал инвалидом и был демобилизован. Боль ранений не покидала его всю жизнь. Почти 65 лет он жил, учился и работал с металлическим осколком в мышце сердца. Последствия ранений были серьезными: удалена левая почка, значительные проблемы с позвоночником, дважды перенес нарушение мозгового кровообращения.

Однако, несмотря на проблемы со здоровьем, его работоспособность всегда была основанием для подражания. Им написано и издано около 200 работ, включая 22 книги, из них 14 – по проблемам государственного управления в области экономики и социальных процессов [2]. Кроме того, он постоянно публиковался в журналах и газетах. Дополнительно к этому, только в конце 1970-х и 1980-х гг. им было написано и издано 19 литературно-художественных произведений, в том числе 8 книг. В 2001 г. им была опубликована 3-х томная работа, включающая 6 книг – «Власть разума» [3]. Как писали в газете Труд (03.02.2002 г.), выход в свет столь объемного произведения – явление довольно редкое для нашего времени. Профессор А.В. Селезнев так отзывался о романе: необыкновенное сочетание художественного, научно-энциклопедического анализа, включая психологию и действия людей, облика страны, история ее жизни почти за полвека, образа самого народа» [4].

Хочется подчеркнуть, что все указанное выше делалось параллельно с исполнением должностных обязанностей разного уровня: от руководителя в районе пункта Сельхозбанка до работы в ЦК КПСС, проректора АОН при ЦК КПСС, затем почти 30-ти летнего периода в качестве главного редактора ведущего научного журнала «Плановое хозяйство» («Экономист»). Благодаря Павлу Артемьевичу, журнал был популярным, пользовался большим спросом среди ученых, специалистов, преподавателей, аспирантов и студентов.

В последние годы в России многое кардинально меняется, но неизменными должны оставаться благодарность и уважение к ученым военного и послевоенного поколений. В те суровые дни люди могли поступать по-разному, но к чести россиян, многие не только выстояли, но и пронесли через всю жизнь – верность долгу и чести. В полной мере достойным представителем этого поколения отечественной интеллигенции является Павел Артемьевич Игнатовский.

МАЛЫЙ БИЗНЕС В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: ОТНОШЕНИЯ К ГОСУДАРСТВУ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Чепуренко А.Ю., Галицкий Е.Ф. (ФОМ),

Духон А.Б. (РЭУ им. Г.В. Плеханова)

В сообщении анализируется восприятие российскими малыми предпринимателями характера отношений с государством и в особенности – степени успешности государственной поддержки, оказанной малому предпринимательству (МСП) в период пандемии. Данные для анализа получены в ходе летнего (2021 г.) опроса 580 владельцев малого бизнеса, выборка которого была сформирована из базы данных проекта Института «Фонд общественное мнение» «Социология Малого Бизнеса (Проект СМБиз)», созданной в ходе многолетних общероссийских опросов населения, проводившимся по случайным выборкам.

Основные гипотезы исследования подтвердились. Они сводятся к следующему: (1) малое предпринимательство не однородно по своему отношению к проводимой государством политике, на что могут влиять разные обстоятельства и факторы (опыт работы в бизнесе, его успешность, локация и др.). (2) Участие в тех или иных государственных программах повышает уровень доверия к государству и положительно влияет на оценку проводимой им политики. (3) Меры, реализованные государством в период пандемии, имели разный охват и разную эффективность в глазах их бенефициаров:

- высокий охват и средняя эффективность (субсидия на зарплату, отсрочка по страховым взносам и отсрочка уплаты налогов);
- средний охват и высокая эффективность (отсрочка арендной платы);
- малый охват и высокая эффективность (льготные кредиты, снижение требований к обеспечению при участии в госконтрактах);
- малый охват и низкая эффективность (мораторий на взыскание долгов и штрафов).

Статистически значимую связь с индексом отношения к государству демонстрируют лишь высказывания респондентов о том, что их предприятию принесли пользу три меры поддержки: отсрочки по налогам, отсрочка по страховым взносам и субсидии на выплату (коэффициенты корреляции между положительными ответами о пользовании этими мерами и индексом 0,361, 0,267 и 0,269 соответственно).

В заключении сформулирован ряд выводов и рекомендаций для органов, реализующих политику в отношении МСП в России.

ВОСПРИЯТИЕ ЖИТЕЛЕЙ Г. КРАСНОЯРСКА ПРОБЛЕМАТИКИ ВЛИЯНИЯ ТЕХНОГЕННОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ НА РАЗЛИЧНЫЕ СОЦИО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ГРУППОВЫХ ФОКУСИРОВАННЫХ ИНТЕРВЬЮ)

Яненко Ольга Николаевна

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Автор выражает благодарность и глубокую признательность директору «Научно-производственного центра экологии и мониторинга окружающей среды» Хохлову Александру Николаевичу за неоценимую помощь при работе над данной статьей.

Рост общественного интереса к вопросам техногенного загрязнения окружающей среды делает экологические проблемы темой для статей в прессе, экстренных сообщений на радио и телевидении, предметом обсуждения в медиaprостранстве [1].

Цель нашего исследования – изучение возможных изменений в поведении населения г. Красноярска в сфере миграции и самосохранительного поведения в условиях избыточного техногенного загрязнения городской среды с использованием метода группового фокусированного интервью [3].

В качестве критерия рекрутинга использованы основы теории поколений американских исследователей Н. Хоува и У. Штрауса [6]. Теория поколений учитывает различие во взглядах и восприятии многих вопросов. В дискуссии первой группы участвовали представители «Поколения Z плюс Y» в возрасте от 18 до 34 лет. Вторая группа была сформирована из «Поколения X», возраст представителей в интервале от 35 до 54 лет. Участники старше 55 лет – представители «Поколения бэби-бумеров» – были приглашены на третье групповое интервью.

Результаты серии групповых фокусированных интервью проявили в ответах участников следующие компоненты восприятия: эмоциональные, поведенческие и когнитивные.

В состоянии информационной перенасыщенности красноярцы «тонут» в потоке информации. Информация об экологическом состоянии городской среды Красноярска несет в себе негативный оттенок. Участники интервью спасаются от перенасыщения информацией, дозируя или игнорируя её.

Мнение представителей «Поколения Z плюс Y» об экологическом состоянии среды проживания складывается сейчас под воздействием информационно-коммуникативной деятельности медиaprостранства, закладывая основы экологического мышления. Медиaprостранство даёт им прикладные знания для формирования определённых паттернов самосохранительного поведения при избыточном загрязнении городской среды.

Досуговая деятельность, связанная с выездом загород, не ассоциируется жителями Красноярска с самосохранительным поведением, не воспринимается направленной на улучшение состояния здоровья в условиях повышенной загазованности воздуха.

Повышенное загрязнение среды не заставляет красноярцев переезжать в более экологически благополучные регионы, этому препятствует низкий уровень экономической обеспеченности населения и привыкание к уровню загрязнения. Люди, живущие в условиях социально-экономической депривации или низкого уровня материального достатка, не могут правильно ранжировать проблемы и объективно оценивать уровень опасности от загрязнения окружающей среды [4].

Несмотря на то, что участники групповых фокусированных интервью очень критически и негативно отзываются о текущем экологическом состоянии городской среды Красноярска, опираясь на информацию, полученную из СМИ [2; 5], как показали результаты проективной методики, оценивают нынешний уровень загрязнения окружающей среды как средний, определяя, что степень загрязнения города «в прошлом была выше и в будущем ситуация будет не лучше».

Секция 5. Социология управление: новые возможности в условиях цифровизации

«ПРАВО НА ГОРОД» КАК РЕСУРС АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ И ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОРОДСКОЙ ВЛАСТИ

Абрамова Софья Борисовна,
Антонова Наталья Леонидовна
Уральский федеральный университет

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20-411-660012 р_а «“Право на город”: социальная активность, мобилизация и партисипация молодежи»

Эффективность власти – одна из наиболее важных интегральных характеристик, показывающая степень выполнения властью своих задач и функций. Практически это означает гарантированное проведение в жизнь компетентных властных распоряжений с наименьшими затратами и издержками в максимально короткие сроки. Однако эффективность власти не может быть рассмотрена вне контекста взаимодействия с объектом управления – населением [1]. Реализация ожиданий горожан все больше становится результатом новых моделей взаимодействия власти и общества, а также выступает следствием гражданской активности самих жителей. «Право на город» в качестве одной из наиболее важных составляющих подразумевает заинтересованность и готовность городских жителей к политическому участию в принятии решений, влияющих на жизнь города. Развитие делиберативной демократии опирается на партисипацию горожан в публичных дискуссиях, экспертных оценках, контроле над деятельностью чиновников и т.д.

Однако у молодежи, как показало наше исследование, именно политическая составляющая права на город вызывает наибольшие сомнения. Социологический онлайн-опрос работающей и учащейся молодежи г. Екатеринбурга был проведен в конце 2020 года (800 респондентов в возрасте от 18 до 30 лет). Для решения актуальных проблем развития города в государственные органы и учреждения в 2020 г. обращались в письменной форме 6,4% опрошенных молодых горожан, в устной – 5,4%.

Только 7,9% опрошенных полагает, что они могут повлиять на процессы в сфере местного самоуправления. Оценивая способы, как жители могут повлиять на разные аспекты городской жизни, молодежь ставит делиберативные процедуры на 7 место в рейтинге, что говорит о низкой оценке их эффективности. Трудности взаимодействия с городскими властями, напротив, занимают первое место среди барьеров в деятельности городских активистов (85,2%), опережая страх перед столкновением с полицией (73,8%) и конфликты с другими горожанами (43,9%).

Таким образом, задача преодоления отчуждения населения городов от реальной политики остается не реализованной [2]. Призыв Лефевра к радикальной реструктуризации политических отношений показывает актуальность мобилизации молодежи к гражданскому, в т.ч. политическому участию. Большинство опрошенных (61,6%) называют в качестве основной причины гражданской пассивности отсутствие веры в возможность через свои действия вызвать позитивные изменения в городской жизни. Несмотря на это, 71,6% готовы объединяться с другими жителями для реализации целей по улучшению городского пространства. «Право на город», тем самым, становится

ресурсом, способным не только активизировать городских жителей в отстаивании своих интересов, но и повысить их готовность к взаимодействию с местными властями.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20-411-660012 р_а «Право на город»: социальная активность, мобилизация и партисипация молодежи».

КОНЦЕПЦИЯ LIFELONG LEARNING: ЗАЧЕМ СПЕЦИАЛИСТУ ПОСТОЯННО УЧИТЬСЯ

Ангел Ольга Юрьевна
Южный федеральный университет

Современный рынок труда формирует нам новые правила своей игры: для того чтобы занимать позиции востребованного специалиста, для этого необходимо постоянно получать актуальные профессиональные навыки и компетенции, которые могут пригодиться в любой сфере.

Если за последний год специалист той или иной сферы не прошел ни одного нового курса, это — большой риск отстать от современного рынка труда. По оценкам экспертов, к 2022 году из-за развитий технологий 75 млн человек останутся без работы. Сама тенденция не новая — машины начали заменять людей ещё в XVIII веке, но за последние 10 лет темпы автоматизации ускорились. Единственный шанс сохранить свое рабочее место — бесконечно учиться чему-то новому.

Современные футурологи составляют разные прогнозы и называют разные цифры, но сходятся у всех в одном, что где-то в течении 10 лет каждая третья профессия изменится или исчезнет совсем. Уже сейчас руководители отмечают, что на рынке не хватает кадров с нужными навыками — это тормозит цифровую трансформацию компаний.

Приведем некоторые навыки, которые нужно развивать, чтобы оставаться востребованным [1].

Новые технологии будут появляться везде, значит профессионалу будущего придётся работать в мультикультурной среде. Нужно владеть разными языками, а ещё разбираться в международных отраслевых требованиях и стандартах.

Рост числа проектов требует от специалистов умения работать в команде и навыков управления этими командами, поэтому софт скиллы — необходимость.

Сегодня бизнес существует в условиях высокой степени неопределённости — профессионалам важно развивать системное мышление, научиться быстро адаптироваться к переменам и эффективно управлять ресурсами.

Человек будет заниматься работой, с которой роботы не справятся. Это креативные задачи, поэтому способность к творчеству теперь ценный навык.

Работники будут все чаще использовать компьютеры и общаться с роботами — очевидно, что владения MS Office больше недостаточно. Нужно осваивать простейшие навыки программирования.

И это только дополнительные компетенции, которыми следует дополнить свои профессиональные знания.

Следует заметить, что в последние 15 лет люди стали иначе выстраивать карьерную и жизненную траекторию. Исчезает привычная схема «окончили школу — поступили в вуз — выбрали профессию — работаем» [2]. Теперь специалист должен учиться всю жизнь, иначе перестанем быть востребованными уже в течение пяти лет после получения высшего образования.

1. См.: *Атлас новых профессий 3.0.* / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. — М.: Интеллектуальная Литература, 2020. — 456 с.
2. *Lifelong education: что изменилось на рынке труда и какие навыки пригодятся любому специалисту [Электронный источник]* // <https://theoryandpractice.ru/videos/1429-lifelong-education-что-изменилось-на-рынке-труда-и-какие-навыки-пригодятся-любому-специалисту> (Дата обращения 01.10.21)

СОЦИОДИНАМИКА ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ-СОЦИОЛОГОВ И СТУДЕНТОВ-ПРОГРАММИСТОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

**Баннова Олеся Сергеевна,
Дерюгин Павел Петрович
СПбГЭТУ ЛЭТИ**

При поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19

Теоретико-методологическую базу исследования составили работы М. Вебера, М. Рокича, П. Сорокина, А.С. Кравченко, С. Парка, М. Рагнелды [1], [2], [3], [4].

Методическая часть исследования заключалась в анализе 183 эссе, тематика которых затрагивала вопросы о цифровых компетенциях [5] [6]. Посредством метода контент-анализа, характеризовавшего частоту (количество) использования тех или иных слов (тегов), были выявлены характеристики и современные представления студентов-социологов и студентов-программистов об инструментах и средствах их профессиональной работы; изменения в критериях социальной стратификации; особенности компетенций в условиях цифрового общества. Исследование проведено в апреле 2021 г.

Обобщая полученные данные, можно говорить о некоторых специфических особенностях, которые фиксирует понимание студентами этих профессиональных групп важности тех или иных компетенций.

Многообразие сфер применения цифровых компетенций среди студентов-социологов оказалось значительно более разнообразным. Студенты-социологи отмечают положительные значения практически всех групп цифровых компетенций, в отличие от студентов-программистов (Таблица 1). Это те цифровые компетенции, которые будущие социологи стали чаще применять в профессиональной и личной сферах жизни и деятельности, в групповой работе и коммуникациях. Выросло значение технологической составляющей информационных цифровых компетенций. Исключение составили управленческие цифровые компетенции. Эта группа компетенций в период эпидемии осталась на прежнем уровне.

Таблица 1. Социодинамика групп компетенций

Группы компетенций	Социологи	Программисты
Профессиональные цифровые компетенции	+1,0	-
Личные цифровые компетенции	+1,0	-0,5
Командно-групповые цифровые компетенции	+0,6	+0,5
Организационно-трудовые цифровые компетенции	+0,2	-0,9
Коммуникативные цифровые компетенции	+0,3	+0,3
Управленческие цифровые компетенции	-	-
Моральные цифровые компетенции	+0,1	+0,4
Информационные цифровые компетенции	+0,1	-

По результатам полученных данных, можно выделить следующие теги (наиболее часто упоминаемые в эссе студентов-социологов): «рост значения цифровизации», «расширение спектра технологий коммуникации», «новые формы связи» и др. Напротив, эти теги практически не обсуждаются студентами-программистами: они их попросту не выделяют, для последних это обычные, рутинные вопросы. Полученные данные зафиксировали ряд особенностей социодинамики цифровых компетенций, характерных для подготовки студентов-социологов.

1. Алетдинова А.А. *Цифровые компетенции и возраст их носителей, Цифровизация экономических систем: теория и практика. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Санкт-Петербург, 2020. С. 773-793.*;
2. Антохонова И.В. *Эволюция потенциала университетов в развитии цифровой экономики // Вестник НГУЭУ. 2017. №4.*
3. Волкова И.А., Петрова В.С. *Формирование цифровых компетенций в профессиональном образовании, Вестник Нижневартковского государственного университета. 2019. № 1. С. 17-24.*
4. Кравченко С.А. *Формирование сетевого человеческого капитала: методологические контуры концепции // Вестник МГИМО. 2010. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-setevogo-chelovecheskogo-kapitala-metodologicheskie-kontury-kontseptsii> (дата обращения: 04.05.2021).*
5. Дерюгин П.П. *ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ. Автореф. дис. д. соц. н. / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2001.*
6. Дерюгин П.П., Баруздин И.А., Цзинь Ц., Сивоконь М.В., Шляева А.С. *СЕТЕВАЯ ДИАГНОСТИКА ЦЕННОСТЕЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ). Дискурс. 2017. № 4. С. 68-89.*

ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОРГАНЫ ВЛАСТИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РАЗНЫХ ПСИХОТИПОВ

Басимов Михаил Михайлович

Российский государственный социальный университет

В рамках исследования политических предпочтений молодежи и их связи с личностными особенностями респондентов был решен ряд задач множественного сравнения: метод [1-3], апробация [4-7 и др.]. В настоящем докладе ограничимся рассмотрением результатов по 6 номинальным группам респондентов, сформированным по их представлениям об эффективности способов воздействия на органы власти.

Всего в общей задаче множественного сравнения изучались 89 групп. Среди невырожденных шести групп по предложенным ответам наиболее экстремальной (сумма абсолютных значений сравнительных весомостей показателей в рамках группы) по выраженности личностных качеств оказалась группа **G13-06**, занимающая 14 место в списке 89 групп.

1. Группа **G13-06** из 5 респондентов, которые в качестве способов воздействия на органы власти предлагают свои нестандартны варианты (14 место). В рамках методики Лири в группе яркая выраженность наблюдается по шкале «**Эгоистичный тип**» (+3883). Также отметим некоторое преобладание **авторитаризма**, что определяется в рамках объединенной шкалы по двум противоположным типам методики Лири «Подчиняемый – авторитарный» со сравнительной весомостью равной +2687). Представителей группы также можно охарактеризовать, прежде всего, как **эмоционально комфортных** (сравнительная весомость по шкале «Депрессивность – эмоциональная комфортность» равна +6028); в меньшей степени как **самодостаточных** (сравнительная весомость по

шкале «Самокритика – самодостаточность» равна +4254). Также они характеризуются как **авантюрный тип** (+5193) с вероятным для этого типа расстройством «антисоциальный».

2. Группа **G13-02** из 19 респондентов, которые среди способов воздействия на органы власти по эффективности выбирают участие в выборах и референдумах (18 место). Акцентуации по Смишкеву определили, что представителей группы можно охарактеризовать как явно **неимпульсивных** (-2787) и **недистимных** (-2301). Они также достаточно **сензитивные** (сравнительная весомость по шкале «Сензитивность – нечувствительность» равна -2162).

3. Группа **G13-01** из 20 респондентов, которые наиболее эффективными способами воздействия на органы власти считают участие в деятельности политических партий и движений (31 место). Представителей группы можно охарактеризовать как **доминирующих** (сравнительная весомость по шкале «Доминирование – подчиненность» равна -3501) и **артистичных** (сравнительная весомость по шкале «Артистичность – неартистичность» равна -2671).

4. Группа **G13-04** из 31 респондента, которые среди способов воздействия на органы власти наиболее эффективными считают участие в митингах, демонстрациях, маршах (41 место). Представителей группы можно охарактеризовать как **ищущих впечатлений** (сравнительная весомость по шкале «Поиск впечатлений – избегание» равна -3436) и **недистимных** (-2009).

Оставшиеся две группы **G13-03** из 27 респондентов, предпочитающих обращение в СМИ, и **G13-05** из 56 респондентов, считающих, что эффективных способов воздействия на власть в России не существует, психологически представляют крайне усредненные типы.

1. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.

<http://dspace.kgsu.ru/xmlui/handle/123456789/3724/browse?value=Басимов+Михаил+Михайлович&type=author>

2. M.M. Basimov *Methods of multiple comparison in psychological research* // *Ponte. International Scientific Researches Journal*. Vol. 73, No. 5, May 2017. – P. 110-139.

3. Basimov M.M. *Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods)*. Monograph. – Germany, Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185 p.

4. Basimov M.M. *Multiple comparison in sociology of family* // *The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013.* – P. 684.

5. Basimov M.M. *Multiple comparison in sociology of profession* // *The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013.* – P. 906.

6. Basimov M.M. *Depending the responses in sociology of profession on the psychological type of respondent* // *Russian sociology in the period of crisis, critique and changes* / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013. – С. 108-119.

7. Basimov M. *Example of interfacing sociological and psychological data in the sociology of professions (Distribution of groups on results of the nominal answers)* // *(Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities: View from Russia/ [Electronic resource]: collected papers. 13th Conference of the European Sociological Association «(Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities»/ Editor-in-Chief V.Mansurov. Moscow: RSS, 2017.* – P. 7–28.

http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=40

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРА УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОМ (ЦУР) ПО РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ В ОБЛАСТИ ПОВЫШЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ И КАЧЕСТВА МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Башкуева Елена Юрьевна
Бурятский научный центр СО РАН

Исследование деятельности центра управления регионом (ЦУР) по Республике Бурятия по разделу «здравоохранение» проводилось в I полугодии 2021 г. Методами исследования являлись: анализ литературных источников, нормативно-правовой анализ, качественные социологические методы: экспертный опрос, фокус-групповая дискуссия, основанные на авторском инструментарии. В исследовании приняли участие ответственные специалисты ЦУР по Республике Бурятия, министерства здравоохранения Республики Бурятия, ГБУЗ «Центр общественного здоровья и медицинской профилактики Республики Бурятия имени В.Р. Бояновой», члены общественного совета при министерстве здравоохранения Республики Бурятия, медики-практики.

По данным экспертных интервью со специалистами министерства здравоохранения Республики Бурятия, основной массив обращений заявителей касается проблем доступности, качества медицинской помощи. Ежедневно на платформу «ЦУР» поступает в среднем от 40 до 70 обращений граждан, проживающих как в г. Улан-Удэ, так и в сельских населенных пунктах Бурятии. Существенную проблему составляет то, что заявители зачастую неграмотно составляют обращения, приходится тратить очень много времени на уточнение всех персональных данных заявителей, а также медицинской организации и её специалистов.

Для решения проблем в области повышения доступности и качества медицинской помощи в рамках деятельности ЦУР специалистами министерства здравоохранения Республики Бурятия были разработаны дорожные карты с конкретным указанием мероприятий, сроков и ответственных за их исполнение. Мониторинг исполнения мероприятий ведет головной ЦУР в Правительстве Российской Федерации.

В целом, по данным фокус-групповой дискуссии медицинскими работниками отмечен рост иждивенческих настроений у населения – заявители требуют оказания медицинской помощи в срочном порядке, даже не утруждая себя обращением к участковым врачам и фельдшерам. Встречались даже случаи когда заявители ставили себе диагнозы самостоятельно и требовали обследования и оказания высокотехнологичной медицинской помощи в федеральных медицинских центрах. Процент необоснованных обращений и жалоб по платформе ЦУР составляет примерно 5-8%.

Участниками социологического исследования предложены перспективные направления деятельности платформы ЦУР в целях повышения доступности, качества медицинской деятельности в регионе – проведение он-лайн анкетирований и он-лайн фокус-групп жителей сельских районов Республики Бурятия, результаты которых будут использованы Правительством Республики Бурятия при реализации государственной политики в области здравоохранения. Эксперты отметили, что особенно важно провести такие исследования в отдаленных и труднодоступных северных районах региона, где доступность и качество медицинской помощи находятся на неудовлетворительном уровне [1;2;3].

Все участники независимого социологического исследования были едины во мнении, что платформа ЦУР, безусловно, является востребованным инструментом взаимодействия между органами исполнительной власти и населением, способствующим повышению доступности, качества и безопасности медицинской деятельности. Вместе с

тем, первое полугодие с момента её внедрения показало, что предстоит большая организационно-методическая работа по надлежащему выстраиванию деятельности ЦУР в регионе. Уже сегодня есть ряд методологических и технических трудностей и сбоев.

На основании проведенного исследования нами разработаны общие практические рекомендации для Центра управления регионом по Республике Бурятия, министерства здравоохранения РБ и подведомственных ему медицинских организаций в целях повышения эффективности работы, итогом которой станет доступная, качественная и безопасная медицинская помощь для каждого жителя региона:

Для ЦУР :

- активнее внедрять обучающие модули для специалистов, работающих с платформой ЦУР в профильных министерствах и ведомствах;
- разработать методические пособия для ответственных специалистов, работающих с платформой ЦУР в профильных министерствах и ведомствах;
- подготовить и тиражировать в социальных сетях обучающие ролики для населения по подготовке обращений и жалоб в государственные учреждения, проводить обзор наиболее резонансных обращений;
- проводить анкетирование разных групп населения на предмет выявления слабых зон в области здравоохранения.

1. Башкуева Е.Ю. Проблемы доступности и качества медицинской помощи в пригородных районах Улан-Удэ как показатель социально-экономического благополучия в регионе // Московский экономический журнал. – 2019. – № 11. – С. 731–739.

2. Башкуева Е.Ю. Оценка качества функционирования сельского здравоохранения Республики Бурятия (по материалам экспедиционного обследования Заиграевского района) // Вестник БНЦ СО РАН. – 2016. – № 4. – С. 143-149.

3. Лудупова Е.Ю. Научно-организационные принципы построения территориальной системы управления качеством медицинской деятельности: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. – М., 2019. – 47 с.

СОЦИОЛОГИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

**Боброва Дарья Николаевна,
Петрова Ольга Сергеевна
РГПУ им. А.И. Герцена**

В постиндустриальном обществе (обществе знаний) управление социальными системами и в том числе государственное управление, которое реализуется на институциональном уровне социальной системы, представлено, прежде всего, процессом разработки, принятия и исполнения государственных решений. На всех этапах этого процесса ключевым моментом является работа с информацией (оперативность ее сбора, обработки и представления, полнота, содержащихся данных, достоверность). Именно техника социологического исследования способна предоставить проработанную программу, процедуры анализа и методики сбора и обработки данных, в том числе их больших массивов [1].

Прежде чем оказывать управленческое воздействие на социальный объект, его необходимо изучить, сравнить нормативные показатели с реальными характеристиками, т.е. определить величину отклонений. Эта информация позволит субъекту управления разработать рациональное решение. В этом во многом заключается сущность аналитической функции управления.

В современных условиях для оценки состояния социальной сферы, уровня социального благополучия необходимо анализировать не только объективные данные, в

которых осуществляется социальная практика, но и данные не связанные прямой зависимостью с ВВП.

Отечественными и зарубежными исследователями, в первую очередь социологами, разработаны индексы, включающие социальные показатели (индекс человеческого развития, индекс уровня счастья населения, индекс лучшей жизни и др.). Данные показатели позволяют анализировать наравне с объективными характеристиками социальной деятельности (средняя продолжительность жизни при рождении, средняя продолжительность получения образования, участие в демократических процессах, валовый национальный доход на душу населения) ее субъективные аспекты (свобода выбора в жизни, восприятие коррупции, позитивные и негативные впечатления от жизни, качество сети поддержки).

Таким образом, социальная наука с ее обширным инструментарием, должна быть лакмусовой бумагой социальной и политической практики, а властные структуры не должны пренебрегать мнением научного сообщества. Аналитики представляют в органы государственного управления результаты своих исследований в виде опубликованных докладов, где демонстрируется способность реально оценить происходящие трансформации, дать им соответствующую оценку. Учет мнения научного сообщества при выработке государственных решений в конечном итоге приводил бы к качественно иным результатам реформирования, отвечающим интересам граждан и национальным интересам страны в целом.

Не менее важным является определение нормативных показателей, которые лежат в основе процесса целеполагания. Достижение запланированных результатов должностными лицами органов власти является важнейшим условием эффективности всего процесса государственного управления.

Как и любой целостный хозяйственный субъект, осуществляющий управление в социальной сфере, органы государственной власти должны планировать свои действия на перспективу: краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную. Прогностическая функция социологического знания позволяет предвидеть результаты управленческих решений, моделировать социальную ситуацию, учитывая самоорганизующиеся тенденции системы, до ее возникновения и корректировать тенденции развития ситуации. В этом выражается контрольная функция. При этом контроль может быть не только текущий, но и итоговый, в результате которого осуществляется оценка достигнутых результатов, их соотнесение с плановыми показателями и последующая корректировка конкретных этапов управленческого цикла.

В целом применение социологического инструментария в государственном управлении, обращение властных структур к профессиональным социологам уже само по себе свидетельствует о наличии демократических элементов в среде управления, о том, что политическая элита ориентирована на обеспечение приведения положения общественных дел в соответствие с ожиданиями социума.

К сожалению, пока в нашей стране целенаправленную активизацию использования отдельных элементов арсенала социологической науки применительно к сфере государственного управления можно заметить только в периоды активной избирательной кампании, ограничивающейся изучением политического сознания и попытками формирования общественного мнения в выгодном для правящей политической элиты направлении.

В настоящее время можно констатировать недостаток социологического знания (социологической теории, эмпирических методов социологии) у представителей властных структур, что приводит к их дезорганизации в социальном пространстве, непониманию социальных характеристик различных групп населения.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Булгучев Адам Асланович
РГПУ им. А.И. Герцена

Применительно к сфере технологий государство обеспечивает выполнение нескольких ролей одновременно. Государственные органы власти выступают как регуляторы, которые призваны развивать новые технологии и разрабатывать новую систему гарантий для граждан. При этом государство выступает как владелец и оператор данных, а также потребителем новых технологий для изменения публичного сектора экономики и своих собственных структур.

Наиболее актуальными для системы государственного управления являются следующие технологии: большие данные (BigData); нейросети (искусственный интеллект), выступающие инструментом работы с большими данными; системы распределенного реестра (блокчейн); интернет вещей (Internet of Things, IoT); цифровая «прослеживаемость», как практически реализуемые проекты, работающие на повышение доверия к товарам и транзакциям и производящие данные и др.

У цифровой трансформации есть несколько основных векторов, по которым должно развиваться движение:

- создание единой государственной информационной Платформы, которая позволит широкому кругу разработчиков создавать и предоставлять гражданам лучшие услуги;
- ориентация на потребности граждан, что обуславливает использование инструментов и методов процессных изменений, зависящих от жизненных ситуаций граждан;
- принятие управленческих решений на основе анализа актуальных и достоверных данных (Data Driven Government);
- формирование культуры поведения государственных служащих, отвечающей меняющимся задачам, которые поставлены перед системой государственного управления;
- оптимизация затрат на госаппарат через централизацию вспомогательных процессов и др.

Эксперты считают, что цифровая трансформация государственного управления связана с тем, что отсутствует стратегическое планирование ИТ-архитектуры между органами власти; отмечается высокий уровень сложности в управлении и бюджетном планировании ИТ-проектов и др.

Цифровая трансформация государственного управления позволит существенно ускорить процессы управленческой деятельности, будет способствовать повышению качества государственного управления за счет автоматизации и предоставления удаленного доступа для пользователей, расширения возможностей взаимодействия граждан и бизнеса с государством путем создания ими собственных приложений, работающих на базе этой платформы. Тогда в значительной мере будут снижены функции государственного служащего как посредника между гражданином и государством, поскольку взаимодействие «гражданин – государство» будет осуществляться через интерфейсы программных приложений.

КОНЦЕПТ "УМНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ" В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ "PUBLIC GOVERNANCE"

Василенко Людмила Александровна
РАНХиГС

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00694 «Публичное управление как конфигурирование релятивных сетей в публичном пространстве цифрового общества».

Тема статьи связана с общей неудовлетворенностью реализаций реформ в парадигме New Public Management [Абрамова, Мухаев, 2017]. Рождение последующих концепций отражает неустанный процесс поиска путей модернизации процессов государственного управления: Good Governance, Электронное правительство, Открытое правительство, Public Governance, Public Value management, Государство как платформа... – все это попытки пересмотреть подходы реализации компонента публичности в качественном государственном управлении через участие гражданского общества в обеспечении транспарентности, подотчетности и эффективности управления в государстве.

Слово «Smart» мы чаще всего переводим как «умный» и связываем с наличием интеллекта, а применительно к процессам управления термин ассоциируются с использованием интеллектуальных технологий. Но не всякая интеллектуальная технология, с использованием искусственного интеллекта обусловит автоматически «умность» управленческой системы. Проблема в том, что именно будет заложено в алгоритмы искусственного интеллекта.

Парадигма Good Governance обусловила применение мнемонической аббревиатуры S.M.A.R.T., ассоциативно связанной с некоторой «умностью» в системах качественного управления при формировании целей и последующего проектирования путей их достижения: S – Specific (Конкретность результата или продукта), M – Measurable (Измеримость), A – Attainable (Достижимость) T – Time-bound (определение момента времени выполнения задачи, достижения результата). В различных источниках встречаются и другие близкие по смыслу аббревиатуры – CLEAR; PURE; CPQQRT. К сожалению, данные подходы по-прежнему рассматривают негосударственные структуры и граждан как объект управления, интересы которого должно учитывать и реализовывать государство как субъект управления. Полноценное воплощение публичности здесь также не обеспечивается. Перспективы иногда видятся в концепции «Государство как платформа» с применением сетевых сервисов, но это также непаритетные варианты публичного управления.

«Умное государственное управление» (Smart Public Administration") возникло на волне развития смарт-технологий в эпоху цифровизации, что вызвало значительное изменение социальных отношений в управлении и потребовало пересмотреть многие аспекты социальных институтов управления [Василенко, Зотов, 2020]. Особое место в проблематике «умного государственного управления» занимают новые ракурсы вопросов «степени управляемости» процессов управления, «внутренних и внешних связей, где управление выполняет более сложную роль и влияет не только на достижение продуктивных целей, но и само зависит от институциональных и социокультурных факторов» [Тихонов, Рабинович, 2011: 118]. В научном мире обсуждают становление субъектности граждан в части возможностей выражения своей позиции, признания

необходимости совместных действий в сборе критической информации и осуществлении контроля над выполнением принятых решений, присутствия некоторого партнерства при взаимодействии органов власти с общественностью (индекс ОДПУ-2020). Данный подход таит в себе некоторый потенциал «умности». Но это только часть проблемы. В реальной действительности государство скорее готово заменить интеллектуализированными агентами даже часть своих субъектов управления, объявляя принцип человеконезависимости в разработках технологий цифрового государства, а также реализуя сервисную модель с набором государственных услуг потребительского характера с мультимедийным доступом и использованием «интеллектуальных агентов» [Василенко, 2021: 12]. При этом нет документов, в которых бы гарантировалась прозрачность алгоритмов принятия решений, закладываемых в создаваемые интеллектуализированные программы.

В то же время, рассматривая типовой управленческий цикл в системе государственного управления, можно разработать необходимые алгоритмы, моделируя на каждом этапе участие всех стейкхолдеров с учетом их типовых характеристик. Здесь теоретически возможно рассмотреть применение методологии типологического анализа Галины Татаровой [Татарова, 2018; Татарова, Бессокирная, 2016] в интеграции с моделями цифровых двойников, фрактально воспроизводящих поведение типовых социальных элементов социальной системы. На этой основе в дальнейшем теоретически можно разработать для каждого типового субъекта управления (как государственного, так и негосударственного) набор интеллектуализированных инструментов, применяемых в публичной управленческой среде в соответствии с заданными для них социальными ролями, функциями и нормативно очерченными рамками ответственности. Таким образом теоретически возможно смоделировать оптимальные подходы к разработке вариантов управленческих решений на каждом этапе управленческого цикла с учетом интересов и участием всех типовых стейкхолдеров.

В то же время участие стихийно сложившихся коллективных субъектов, претендующих на полноценный учет их интересов в процессах разработки управленческих решений, на данном этапе не проработан даже теоретически.

1. *Абрамова О.Г., Мухаев Р.Т. Новая модель публичного управления для современной России // Тренды и управление. – 2017. – № 3. – С. 11 - 32. DOI: 10.7256/2454-0730.2017.3.23843 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23843*
2. *Василенко Л.А. Цифровой прорыв: достаточно ли умным в цифровом государстве будет публичное управление и насколько умны элита и граждане? // Цифровая социология. 2021. № 3. С. 6–15.*
3. *Василенко Л.А., Зотов В.В. Цифровизация публичного управления в России: риски, казусы, проблемы // Цифровая социология. 2020. Т. 3. № 2. С. 4-16.*
4. *Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П. Типологический анализ наемных работников в контексте их социальной адаптации // Россия реформирующаяся. 2016. № 14. С. 21-49.*
5. *Татарова Г.Г. Измерения в социологии. Методические материалы по дисциплине: [электронное ресурс] / Г. Г. Татарова; ФНИСЦ РАН. – Электрон. текст. дан. (объем 0,5 Мб). – Москва: ФНИСЦ РАН, 2018. – 44 с. – // Официальный портал ФНИСЦ РАН. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=6173>*
6. *Тихонов А.В., Богданов В.С. От "умного регулирования" к "умному управлению": социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74-81.*
7. *Тихонов А.В. Социология управления: вчера, сегодня, завтра (материалы круглого стола) // Социологические исследования. 2018. № 2 (406). С. 102-113.*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПОСТКРИЗИСНЫЕ ТРЕНДЫ

Васильев Владимир Петрович
МГУ имени М.В.Ломоносова

В минувшее десятилетие экономический рост в РФ отмечен затухающими, невысокими темпами, характеризующими экономический застой, устаревшая материально-техническая база, опоздание запуска инновационного механизма, в том числе, цифровых технологий, колебания конъюнктуры мировых рынков энергоносителей/

Принятые в 2018 г национальные проекты не удалось запустить для реализации Национальных целей развития, что явилось одной из причин смены Правительства РФ и корректировки стратегических целей развития.

Обострение ситуации в экономике, Covid-19, поставило вопрос о формах и методах поддержки секторов экономики и граждан. Стратегическим направлением стал переход от «оптимизационной» модели [1] государственного администрирования, сокращения государственных расходов, к формированию нового инвестиционного цикла, адресной поддержке уязвимых слоев населения и переработке национальных проектов.

Преодоление инвестиционного кризиса выстраивается на основе новых механизмов государственного управления. Во-первых, стимулирование внутренней инвестиционной активности на основе института защиты капиталовложений в реальный сектор экономики [3], во - вторых, реальные инвестиции из Фонда национального благосостояния, в- третьих, введение механизма демпфирования цен на экспортную продукцию.

На протяжении целого ряда лет демографическая ситуация ухудшалась. По разным причинам сокращалась численность населения, росла детская смертность, уровень продолжительности жизни заметно отставал от соответствующего значения для развитых стран, Материальная помощь со стороны государства нуждающимся семьям осуществлялась в невысоких масштабах и не решала проблем выхода семей с детьми из статуса малообеспеченных. Качество жизни – благосостояние, жилищные условия, доступность здравоохранения и образования – оцениваются населением не на высоком уровне [2].

Развитие информационных технологий ставит новые вопросы перед государственным управлением. Практика показала не готовность управленческой системы к проектной деятельности и мониторингу стратегического планирования. Работающие новации видны лишь в предоставлении ряда услуг населению на основе платформенных решений. Воспроизвести успешные практики проектной деятельности бизнес - структур на макроуровне не удается.

СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ СТРЕССА В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ КОЛЛЕКТИВАМИ

Габышев Виталий Алексеевич
Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова

Аннотация: В статье представлены основные проблемы восприятия стресса в ходе реализации управленческой функции в рамках сферы образования в организациях закрытого типа. Автором рассмотрены базовые направления коррекции стрессовых ситуаций, обусловленных субъективными установками представителей управленческой среды, а также спецификой ограничений закрытых организаций.

В современной системе управления существует достаточное количество условий для повешенного стресса. С социологической точки зрения стресс депривирует конструктивные интенции к взаимодействию между людьми, актуализирует конфликтные формы взаимоотношений и разрушает систему вертикальных и горизонтальных коммуникативных связей [1, 55].

По данным аналитических центров НИИ, каждый третий сотрудник российских компаний не менее одного раза в неделю сталкивается с сильными проявлениями стресса, в то же время 13 % сотрудников испытывают стресс на ежедневной основе [2]. Подобная ситуация характерна и для сотрудников силовых ведомств, так как их работа непосредственно связана с риском для жизни, высоким уровнем ответственности, а также сложным контингентом, взаимодействие с которым требует специальных усилий.

В значительной мере социологический подход позволяет учесть должностные, коммуникативные и ряд субъективных барьеров, препятствующих руководителю минимизировать проявление стресса как на личностном уровне, так и в среде управляемого коллектива.

С целью определения специфики проявления стресса среди военнослужащих в апреле-августе 2021 года автором было проведено исследование в форме тестирования по методике С.Е. Вайсмана, охватившего 203 курсанта 3-4 курсов в возрасте 20-25 лет, имеющих опыт руководящей деятельности в рамках военной специализации. Исследование было направлено на выявление социальных аспектов управленческой деятельности, нуждающихся в диагностике и системе коррекции.

Периодические проблемы с систематизацией управленческой деятельности испытывают 27,8 % опрошенных, в то время как для 11,1 % данная проблема является труднопреодолимой. Указанное затруднение в значительной мере объясняется недостаточным уровнем знаний о системе социального управления, а также дисфункциональным представлением о этно-социальной структурой коллектива. Так как значительная доля обучающихся представляют различные культурные и социально-экономические группы, основы социологического анализа подчинённых являются залогом для формирования качественной коммуникативной среды.

Условия пандемии, в ходе которой часть управленческих решений и коммуникаций было переведено в полудистанционный формат, продемонстрировали затруднения с адаптивностью у молодых людей к управлению подчинёнными на расстоянии, посредством систем виртуального обмена данными. 36,2 % респондентов испытали стресс ввиду затруднений контроля над выполнением заданий, 21,4 % столкнулись с волнением по поводу необходимости оценки дистанционно выполненных работ. 18,3 % испытали стресс ввиду отсутствия достаточных навыков работы с дистанционными средствами коммуникации, некачественными услугами интернет-связи, а также опасениями возможности подлога результативных данных.

Данные исследования показали, что обучение руководителей работе в условиях дистантных трудовых отношений является необходимым элементом социологического знания, повышающего эффективность управления и снижающего стрессовые аспекты службы.

1. *Грошева Л.И. Развитие стереотипов в многонациональной среде трудовых коллективов // PRIMO ASPECTU. 2019. № 1 (37). С. 54–59.*
2. *Карачевская И.А. Стресс на рабочем месте [Электронный ресурс] // Портал тренеров личностного роста. URL: <http://www.trainings.ru/library/articles/?id=14343> (дата обращения: 24.09.2021).*

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ И УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ

Гавриленко Ольга Владимировна
МГУ имени М.В.Ломоносова

Исследование выполнено в рамках деятельности научно-образовательной школы МГУ имени М.В.Ломоносова “Математические методы анализа сложных систем”

Цифровые технологии всё активнее трансформируют характер социальных взаимодействий и изменяют механизмы социального контроля и управления обществом в целом. Социальный контроль при принципиальной унификации его процедур, определяемых цифровыми технологиями, имеет различные способы реализации. Функции социального контроля передаются от человека машинам и алгоритмам, происходит автоматизация и алгоритмизация социального контроля. Алгоритмические формы управления, основанные на использовании Больших данных, значительно увеличивают масштабы мониторинга населения, усиливают контроль, а также позволяют конструировать общественное мнение, формировать потребности, побуждать к действиям в соответствии с предписанными нормами поведения. Пандемия COVID-19 активизировала деятельность государств по использованию преимуществ цифрового контроля за населением, развернув не только беспрецедентные по охвату и универсальные по своим техническим решениям средства контроля за населением, но и снизив “общественную чувствительность” к нарушению частных границ ради безопасности. При этом цифровой социальный контроль выступает как форма социальной асимметрии, поднимая вопрос о субъектах доступа к информации, генерируемой машинами контроля. Таким субъектом может быть не только государство, но и коммерческие организации (например, цифровые платформы). «Цифровая платформа не только обеспечивает площадку для взаимодействий, получая прибыль из соединения спроса и предложения (бизнес-модель), но в перспективе начинает генерировать прибыль из поддержания площадки, из возможности извлекать новые данные из анализа агентов, подключенных к платформе, из “сетевых” эффектов, которые платформа получает при расширении числа пользователей» [2, с. 36]. Цифровые платформы, делая нашу жизнь удобной, одновременно формируют сложную сеть контроля в условиях нового паноптикума. Основная цель паноптикума по М. Фуко – “привести заключенного в состояние сознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти” [3, 294]. Технологии (камеры наружного наблюдения, дроны, нейросети, невидимые машинные алгоритмы, регулирующие нашу повседневность и оцифровывающие социальные практики) “опосредовали все, что мы делаем”, а также изменили наше переживание реальности, которая окружает нас каждый день [1, 17]. Дрон как инструмент контроля, по мнению ряда исследователей, произвел «революцию взгляда» [4, 47]: постоянство «взгляда», его тотальность, возможность постоянного дополнения данных и их архивация, схематизация жизненных паттернов, обнаружение и прогнозирование девиаций и аномии. Для дальнейшей цифровизации социальных практик необходимы актуальные и корректные данные, поэтому неизбежно придется идти на компромисс между правами граждан на неприкосновенность частной жизни и быстрым развитием новых цифровых технологий.

1. Гринфилд А. *Радикальные технологии: устройство повседневной жизни* – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.

2. Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Цифровая платформа как новый экономический актор и новая инстанция социального контроля// Вестник Московского университета, серия 7, Философия, 2019, №5.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы/ М. Фуко. – М.: «Ad Marginem», 1999.
- Шамаю Г. Теория дрона. – М.: Ад Маргинем Пресс, Музей Современного искусства «Гараж», 2020.

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ЭЛЕКТРОННЫХ ПРАКТИК СРЕДИ БЕЛОРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ: СТРУКТУРА И ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Галич Людмила Петровна

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка

Согласно статистическим данным в 2020 году 83,7% белорусского населения являлись ежедневными Интернет-пользователями [1, с. 86-90]. Для сравнения следует отметить, что три года назад в 2018 году ежедневно пользовались Интернет-услугами 79,2%. Таким образом, за этот период число людей, испытывающих потребность в ежедневных тех или иных электронных практиках выросло на 4,5%. Ведущим мотивом выхода в Интернет-пространство в 2020 году, как и в 2018, по прежнему остается познавательный, который связан с необходимостью найти нужную недостающую информацию. В 2020 г. 92,6% опрошенных обращались к Интернету именно в целях поиска информации. Далее рейтинг ведущих электронных практик среди белорусского населения выглядел следующим образом: на втором месте после поиска информации стоит просмотр и скачивание фильмов, просмотр фильмов и прослушивание и скачивание музыки, а это означает, что 86,1% населения используют Интернет в развлекательных целях, для проведения досуга. Коммуникативные электронные практики, такие, как общение в социальных сетях, характерны для 83,6%, за ними следует чтение и скачивание газет и журналов (63,1%), отправка и получение электронной почты (62,2%), компьютерные игры (49,8%), осуществление финансовых операций и онлайн-оплаты выбрал каждый второй опрошенный в 2020 году, что на 9% больше, чем в 2018 г. Далее следует онлайн-покупки и онлайн-заказы товаров (40,5%), осуществление взаимодействия с органами государственной власти посредством Интернет в 2020 г. составило 27,8% в отличие от 2018 г., когда такая электронная практика была распространена среди 16% населения; и закрывает рейтинг ведущих электронных практик позиция, связанная с осуществлением дистанционного образования. Одинаково представлены мужчины и женщины с точки зрения ежедневного выхода в Интернет, т.к. 83,7% мужчин и 83,8% женщин указали, что каждый день пользуются Интернетом, что позволяет говорить об отсутствии гендерных различий в сфере частоты выхода в Интернет-среду и нуждаемости в электронных практиках. Наряду с этим мотивация выхода в Интернет по некоторым позициям имеет существенные гендерные различия. Так, к примеру, женщины чаще, чем мужчины используют Интернет среду для общения в социальных сетях (86,7% и 79,6% соответственно), чаще осуществляют онлайн-покупки и заказы (44,7% и 35,0%), чаще, чем мужчины, осуществляют финансовые операции в онлайн-режиме (56,2% и 41,2%). Каждая третья женщина среди всех опрошенных и только каждый четвертый взаимодействует с органами власти посредством Интернет; также женщины чаще отправляют и получают электронные письма. Мужчины преобладают по части компьютерных игр в Интернете, причем с серьезным отрывом от них отстают женщины – 65,6% мужчин против 37,7% женщин, а также на 6% больше среди мужчин просматривают фильмы, слушают музыку в Интернете. Такова общая картина, демонстрирующая распространенность среди белорусского населения определенных электронных практик. Причем, в этой сфере наблюдается позитивная

динамика, согласно которой все больше людей погружается в Интернет-среду. Вместе с тем, современному человеку все сложнее отказываться от использования Интернета, он становится все более зависимым от ИКТ, которые позволяют уже в любом месте заходить в Интернет-пространство.

1. Информационное общество в Республике Беларусь. Статистический сборник / Ред. коллег.: И.В. Медведева, Е.И. Кухаревич, Ж.Н. Василевская и др. – Мн. – 2021. – 96 с.

КОНЦЕПЦИЯ LIFELONG LEARNING ДЛЯ ГРАЖДАН СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ.

Грачев Дмитрий Сергеевич
*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(РАНХиГС)*

Современное развитие общества, всех его сфер жизни не позволяет находиться человеку в состоянии застоя. За последние 100 лет общество изменилось кардинальным образом. Преобразования жизни, новые знания, новые технологии, иной уровень жизни требует от общества и его главного звена – человека, находится постоянно в центре стремительно изменяющихся событий. Современное постиндустриальное общество - это общество, которое объединяет в себе собственников знаний, т.е. людей которые получили те или иные знания в области своей профессии или жизни и будут являться сами источниками знаний, навыками и информации и тем самым будут производственным фактором данного нового общества [1]. Таким образом, мы видим, что для успешного существования в современном постиндустриальном обществе необходимо постоянно, в течении всей жизни, приобретать новые знания, умения, навыки, что позволит плавно и безболезненно переживать все стремительные изменения в жизни общества.

На данный момент сформировалась концепция о непрерывном обучении – это явление имеет название Lifelong learning (с англ. непрерывное обучение, обучение длиною в жизнь). Образование длиною в жизнь - процесс непрерывного образования в течение всей жизни человека как диктат информационного века и образование шириною в жизнь – образование, акцентирующее внимание не только на постоянстве и непрерывности процесса обучения во времени длиною в жизнь, но и на разнообразии его форм (формальное, неформальное, информальное и др.) [2, 16]. Стоит отметить, что данная концепция охватывает не только непрерывное профессиональное образование, но и образование, которое связано с получением знаний о различных сторонах жизнедеятельности человека, которая также непрерывно изменяется.

Но необходимо не забывать тот факт, что современное общество оказывает влияние на все возрастные когорты населения. И поэтому старшее поколение, которое в своей массе жило еще в обществе индустриального типа пытаются и делают непрерывные попытки внедриться в новое информационное общество. Часть граждан старшего возраста пережили эти изменения еще ведя трудовую деятельность и смогли адаптироваться к новым реалиям жизни, но другая часть испытывает серьезные трудности в интеграции в новое общество [3].

Отсутствие навыков и умений в цифровой, финансовой, нормативно-правовой и экономической среде у граждан «серебряного возраста» негативно сказывается на их уровне жизни, а также оказывает негативное эмоционально-психологическое воздействие. В Российской Федерации проживает более 7 миллионов одинокий граждан пожилого возраста [4], которые не могут надеяться на помощь своих близких родственников. И тем самым они не имеют в своем близком окружении людей, которые

могли бы стать для них источником новых знаний и умений в современной повседневной жизни.

Поэтому существует острая потребность в разработке и реализации программ по всестороннему развитию граждан старшего поколения для их успешной интеграции и адаптации в новое постиндустриальное общество. Из это мы видим, что концепция Lifelong Learning является до сих пор актуальной и соответственно применимой для граждан старшего поколения. Применение концепции Lifelong Learning позволит продолжить всестороннее обучение граждан пожилого возраста и тем самым поможет преодолеть трудности интеграции в современное общество.

1. Особенности постиндустриальной экономики и перспективы ее развития в регионах России // Социально-политические исследования. 2021. № 1 (10). С. 58–69.
2. Мазунова Л.К., Кудрявцева Е.Л., Пуляевская А.М. МИССИЯ ОБРАЗОВАНИЯ XXI ВЕКА - НАУЧИТЬ ЧЕЛОВЕКА САМООБРАЗОВАНИЮ ДЛИННОЙ В ЖИЗНЬ // Педагогический журнал Башкортостана. 2019. №6 (85). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/missiya-obrazovaniya-xxi-veka-nauchit-cheloveka-samooobrazovaniyu-dlinoyu-v-zhizn> (дата обращения: 06.10.2021).
3. Гельман Виктор Яковлевич Непрерывное образование и старение населения // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2019. №2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nepreryvnoe-obrazovanie-i-starenie-naseleniya> (дата обращения: 06.10.2021).
4. В России более 7 миллионов одиноких пожилых людей. Аналитический центр НАФИ. 2019 URL: <https://nafi.ru/analytics/v-rossii-bolee-7-millionov-odinokikh-pozhilykh-lyudey/> (дата обращения: 06.10.2021).

ПАРТИЦИПАТИВНАЯ ДЕМОКРАТИЯ И РАДИОАКТИВНЫЙ СТОЛБ

Давыдов Артем Анатольевич
РГПУ имени Герцена, ФБУН НИИРГ имени П.В.Рамзаева

Многие теоретики уже давно отмечают кризис представительной демократии в современном политическом устройстве. В политической практике предпринимаются попытки включить массы в политику не только путем голосования за соревнующиеся элиты (по Шумпетеру), проводятся эксперименты с партиципативным участием граждан. В №-131 ФЗ РФ описана возможность практики самообложения, а, например, в Петербурге последние годы проходит конкурс “Твой бюджет”, в рамках которого часть бюджета районов города распределяется гражданами на благоустройство этих самых районов. Перед этим граждане проходят обучающие курсы, позволяющие им стать компетентными в городском управлении и работать совместно с чиновниками над реализацией выдвинутых проектов. С другой стороны, развитие информационных технологий рождает идею о возможности перманентного референдума, только не посредством опросов общественного мнения, как это предлагал Гэллуп, а посредством Интернет-голосования, переходу к прямой демократии.

Противники реализации прямой демократии посредством новых информационных технологий справедливо указывают на некомпетентность и незаинтересованность большинства граждан в участии принятия политических решений. Однако некомпетентными по многим вопросам являются и политики. Сложность современного технологического мира рождает пятую ветвь власти - экспертов, стоящих на стыке науки и управления, политики [1].

В основном эксперты работают в организациях, регулирующих риски, информирующих о них и выступающих третьей стороной между риск-потребителями и риск-производителями. Однако, как выясняли исследователи психометрической парадигмы изучения восприятия рисков, такие риски как авиаперелеты или радиация

воспринимаются обывателями гораздо острее, чем вождение автомобиля или курение. Возникает т.н. perception gap между экспертами и обывателями [2].

Закономерно ли отдать в таком случае право на принятие решений экспертам? Раз компетентность и искажения в восприятии мешают гражданам принимать рациональные решения? Как показывают [3], [4] эксперты могут ошибаться, а другие стейкхолдеры могут обладать ценным обыденным знанием, не доступным экспертам.

Возникает необходимость вовлечения стейкхолдеров именно в принятие решений о рисках, а не простое информирование о них, что позволяет снизить социальную напряженность и увеличить доверие к принимаемым решениям.

Примером может послужить история с радиоактивным столбом в Новогиреево, Москва. Выложенные активистом видео [5] о «фонящем» столбе вызвали негодование пользователей сети, однако столб после проверки убран не был, на чем настаивали пользователи сети. Доза рядом со столбом достигала 2,7 мкЗв/ч, что превышает установленные нормы на порядок, но при этом сравнимо с дозой, получаемой во время полета на самолете на высоте 11 км. Захотели ли бы компетентные в сфере дозиметрии, радиационной гигиене, муниципальном управлении граждане тратить средства из местного бюджета на замену столба?

Ответ на этот вопрос можно ответить только на практике, подлинную риск-коммуникацию может обеспечить только партиципация.

1. Jasanoff S. *The fifth branch: science advisers as policymakers*. – Harvard University Press, 1998.
2. Slovic P. *The perception gap: Radiation and risk* // *Bulletin of the Atomic Scientists*. – 2012. – Т. 68. – №. 3. – С. 67-75.
3. Wynne B. *Sheepfarming after Chernobyl: A case study in communicating scientific information* // *Environment: Science and Policy for Sustainable Development*. – 1989. – Т. 31. – №. 2. – С. 10-39.
4. Jasanoff S. *Civilization and madness: the great BSE scare of 1996* // *Public understanding of science*. – 1997. – Т. 6. – №. 3. – С. 221.
5. Ожаровский А. Радиоактивный столб в Новогиреево - до 2,7 мкЗв/ч (270 мкР/ч) [Электронный ресурс] URL: <https://youtu.be/CFLZUBAVtXМ> (дата обращения: 23.09.2021)

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Домасевич Ирина Владимировна

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Общественные преобразования белорусского общества происходят сегодня в условиях непростой международной и внутренней обстановки. В этой связи возросло значение обеспечения реализации всего комплекса внутренних и внешних интересов государства посредством системы национальной безопасности.

Опыт многих государств показывает, что без стратегических приоритетов общество «дрейфует». Что касается Республики Беларусь, то наша страна всегда определяла эти приоритеты самостоятельно, исходя из внутренней общеполитической повестки и потребностей всех социально-демографических групп общества. Перед страной в ближайшей и долгосрочной перспективе в центре внимания по-прежнему остается человек как высшая ценность. Республика Беларусь должна сохранить и приумножить свои лучшие духовные и интеллектуальные традиции, не допустить снижения уровня и качества жизни населения, за гранью которого возникает опасность неконтролируемых социальных конфликтов, и потери нации как части цивилизационной общности. Именно поэтому концепция национальной безопасности современного

белорусского общества в качестве одного из важнейших элементов включает в себя социальную безопасность.

Не оценив прежних результатов и достижений, невозможно определить дальнейшие перспективы развития страны. Предыдущая пятилетка (2016-2020 гг.) сопровождалась рядом вызовов и ограничений, но, несмотря на сложности, Республика Беларусь смогла сохранить внутреннюю стабильность и относительную экономическую устойчивость. Благодаря совместным усилиям, страна обеспечила рост уровня жизни населения, сохранила безопасность и суверенитет.

Участие Республики Беларусь в мировых рейтингах свидетельствует о поступательном движении государства в сторону улучшения уровня и качества жизни населения: так, в мировом рейтинге достижения 17 целей в области устойчивого развития Беларусь заняла 18-ю позицию среди 166 стран, ВВП на душу населения по паритету покупательной способности возрос за пятилетие на 16 процентов и достиг в 2020 году почти 21 тысячи долларов США. По индексу человеческого капитала Всемирного банка Беларусь занимает 36-е место из 174 государств по уровню производительности труда нового поколения работников. В глобальном индексе человеческого развития наша страна занимает 53 место среди 189 стран (группа стран с очень высоким уровнем человеческого развития). По индексу уровня образования республика сопоставима с передовыми европейскими странами и занимает 30-е место из 189 государств. По уровню развития медицины в международном рейтинге Беларусь занимает 59-ю позицию из 93 стран. В рейтинге DoingBusiness-2020 Беларусь заняла 49-ю позицию среди 190 экономик мира. В мировом рейтинге по индексу конкурентоспособности промышленности Беларусь находится на 47-й позиции из 152 стран мира. По индексу экологической эффективности Беларусь в мировом рейтинге занимает 49-ю позицию из 180 стран [1].

В Беларуси реализуется централизованный механизм координации всей деятельности на основе системного подхода к ее осуществлению на национальном и региональном уровнях. Программно-целевой подход в государственном управлении в очередной раз продемонстрировал свою эффективность, хотя не все целевые показатели были достигнуты на должном уровне: например, рост ВВП, экспорта, инвестиций оказался значительно ниже запланированного. Хотя это обусловлено и объективными причинами. По-прежнему остается ряд нерешенных вопросов: в демографической сфере – уменьшение демографического потенциала и старение населения; в сфере принятия решений на местном уровне, сокращении документооборота и отчетности, наблюдается межрегиональная диспропорция по уровню доходов, недостаточно развита социальная инфраструктура, особенно в сельской местности. На решение обозначенных проблем, создание комфортных условий жизни и трудовой деятельности будут направлены усилия государства в целом, и общества, в частности, в новой пятилетке.

В качестве главных приоритетов развития современного белорусского государства на ближайшую пятилетку в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021—2025 годы определены такие направления, как СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ (1), СИЛЬНЫЕ РЕГИОНЫ (2), ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СТРАНА (3), ГОСУДАРСТВО-ПАРТНЕР (4) [1].

Программные мероприятия предусматривают комплекс мер, направленных на укрепление *демографического потенциала и здоровья населения*. Политика государства в области рождаемости по-прежнему будет направлена на укрепление института традиционной семьи и поддержку многодетных, защиту материнства и детства за счет введения дополнительных стимулов для рождения вторых и последующих детей, совершенствование системы государственных пособий, расширение программы семейного капитала, обеспечение жильем, стимулирование семейного предпринимательства, развитие гибких услуг по уходу за детьми раннего возраста с учетом потребностей семей, в том числе на условиях социально-частного партнерства.

Особое внимание – *системе здравоохранения*. Усиление эпидемиологической безопасности и снижение уровня заболеваемости населения, развитие инфраструктуры здравоохранения, цифровизация медицины, повышение эффективности управления и финансовой устойчивости здравоохранения позволит повысить доступность и качество медицинской помощи.

Политика занятости предусматривает максимальное вовлечение трудоспособного населения в экономику, повышение эффективности использования трудового потенциала за счет реструктуризации коммерческих предприятий, кадровой диагностики в организациях бюджетной сферы, внедрения профессиональных стандартов, развития ресурсных центров по наиболее востребованным на рынке труда профессиональным компетенциям, развития гибких и инклюзивных форм занятости, цифровизации сферы труда.

Повышение эффективности функционирования *системы социальной защиты* населения планируется обеспечить благодаря усилению адресности социальной помощи, формированию многоуровневой пенсионной системы (государственная поддержка, развитие корпоративных пенсионных программ нанимателей, профессионального пенсионного страхования работников по условиям труда, добровольного накопительного страхования).

В *сфере образования* деятельность государства будет нацелена на развитие личностного потенциала молодого поколения, обеспечение высокого уровня знаний, формирование навыков и компетенций, в полной мере отвечающих потребностям белорусской экономики.

Укрепление культурного фундамента страны будет ориентировано на сохранение и приумножение национальных культурных ценностей, традиций и самобытности. Развитие услуг *физической культуры и спорта* будет нацелено на приобщение населения к регулярным занятиям физической культурой и спортом, сохранение устойчивой позиции Беларуси в числе сильнейших спортивных государств.

Молодежная политика будет сконцентрирована на формировании правовых, культурных и нравственных ценностей у молодого поколения, что станет основой для его патриотического воспитания и служения Отечеству. Усилия государства предстоит направить на создание условий для социализации и эффективной самореализации молодых людей, равноправного их участия в экономическом, социальном и культурном развитии общества.

Таким образом, главной целью предстоящего пятилетия определено обеспечение социальной стабильности в обществе и рост благосостояния граждан за счет качественного роста экономики, наращивания социального капитала, создания комфортных условий для жизни, работы и самореализации. Повышение качества жизни населения за счет эффективной занятости, устойчивого роста доходов и улучшения социальной среды станет основой обеспечения социальной безопасности в обществе.

1. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292>. – Дата доступа: 08.10.2021.

ПРЕКАРИЗАЦИЯ ТРУДА И ЕГО МОТИВАЦИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.

Живенок Надежда Владимировна
Калининградский государственный технический университет

Сила и структура мотивов поведения личности определяется актуальностью той или иной потребности и реагирует на изменение системы внешних стимулов. Цель данной работы- проанализировать влияние такого внешнего фактора как прекаризация рынка труда.

Автор руководствуется следующим определением понятия «прекариат: это социально-экономически нестабильная и незащищенная часть, занятого в экономике населения, определяемая формами занятости (негарантированная, неформальная, временная, нестабильная) и формами оплаты труда (нестабильной и низкой).

В качестве формально статистических показателей прекаризации труда рассматривается рост безработицы как ее потенциальный ресурс; рост числа «самозанятых» (формально в России их численность-3млн., по оценкам экспертов – 13 млн.); рост числа работников, работающих в режиме неполного рабочего времени; частая смена места работы (подавляющая часть выбывающих из списочного состава области - это те, кто уходит по собственному желанию. Автор делает вывод, что главная причина такого движения кадров - неудовлетворенность условиями труда и его оплатой: средняя заработная плата по всем категориям работников в области значительно ниже, чем по Северо Западу и по России в целом. Как следствие – рост численности населения, с доходами ниже черты бедности.

На этом фоне вполне закономерны оказались результаты проведенного опроса в рамках научно-исследовательской работы кафедры «Мотивационные аспекты управления в организациях» (N=134чел.). На вопрос: «Допускаете ли Вы возможность иметь дополнительный заработок?», 88% респондентов ответили положительно. Основная мотивация: «не хватает средств для удовлетворения текущих потребностей», «не уверен в стабильности ситуации». Молодежь чаще других категорий работников называет мотив: «накопить денег для отдыха». Основными же мотивами работы в данной организации были названы: «официальное трудоустройство, как гарантия занятости» (87%), «наличие социального пакета» (74%), «гибкий график работы» (66%). Для молодежи (18-24 г.) важным мотивом трудовой деятельности явилась «возможность приобретения навыков и знаний» (45%). Высокий уровень заработной платы в качестве наличествующего мотивационного фактора работы назвали лишь 35% от общего числа респондентов. В то же время, в ответах на вопрос: «Какие факторы способствовали бы повышению качества Вашей работы?» ответы распределились следующим образом: «повышение заработной платы» (89%), «расширенный социальный пакет» (65%), «хорошие условия труда и отдыха сотрудников» (43%), «возможность профессионального роста» (39%), последний фактор наиболее востребован работниками до 35 лет.

Основные выводы исследования: независимо от специфики работы (производственно-промышленные предприятия «Пранкор», «Автотор», торговые сети), материальное стимулирование и официальное трудоустройство значительно преобладают над такими формами стимулирования труда, как «карьерный рост», «возможность самореализации», «работа по специальности». Такая мотивация труда работников –показатель не только низкого уровня их доходов, но и социальной нестабильности, неуверенности, фрустрированности сознания. С другой стороны, это показатель слабой «вписанности» работников в современные запросы рынка: креативность, готовность к риску, работа на имидж организации.

В то же время, исследование показало, что ценностные мотивационные установки существенно отличаются от реально-прагматических. В представлениях о хорошей работе прозвучали следующие определения: это «интересная, творческая, доставляющая удовольствие работа», «позволяет всесторонне использовать знания и способности», «дает возможность заслужить уважение окружающих». Реализация подобных форм мотивации труда напрямую сопряжена с изменением стратегии социально-экономического развития страны.

ПАРАДИГМА НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

Зарубин Валерий Григорьевич

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

Радикальные изменения происходят на глобальном и локальном уровнях: устойчивые основы индустриального развития подвергаются эрозии, отжившие социальные институты модерна тормозят развитие, новые практики переформируют социальность. В социальной сфере резко возросло количество коллективных и индивидуальных акторов, представляющих разнообразные ценностные конструкты, которые в отличие от социальных субъектов недавнего прошлого, чьи действия обусловлены жесткими рамками социальной структуры, способны к саморефлексии и активному преобразованию социальных реалий. Изменения способствуют формированию разнообразия управленческих стратегий, что привело к многовекторности и нелинейности развития на уровне общества, организации, личности. Сложная природа изменений подробно раскрывается в ряде публикаций (В.Г. Зарубин [1]).

Это неминуемо ведет к формированию новой реальности в индустриальном развитии. Что происходит в проблемном поле науки? Удастся ли социологии управления найти адекватный ответ под воздействием новой реальности?

Для примера обратимся к анализу двух публикаций недавнего прошлого, в которых отражены итоги дискуссий о предметном поле социологии в сфере управления. Первая публикация относится к 90-м годам XX века[2], вторая прошла двадцать лет спустя – в 2018 году[3].

Что объединяло российских социологов, несмотря на различия в их позициях? Прежде всего, социология управления трактовалась как социальная наука, изучающая социальные процессы на уровне общества, организации или производственного коллектива, а также на уровне межличностных отношений. При этом особое значение приобретал выбор единичного и коллективного актора. На основе выбора происходило формирование социальных образований. Таким образом, социология управления была ориентирована на поиск объективных оснований социального выбора и создание оптимальных условий для функционирования организаций и производственных коллективов.

Таким образом, на рубеже XXI века на периферии социологического знания оказываются представления о зависимости между социальными изменениями и динамикой организационного развития; на смену изучению структур управления приходит понимание коммуникативной природы управления; на смену приоритету в исследовании социального порядка приходит осознание необходимости исследования неопределенности в социальных процессах.

Рождение социологической парадигмы новой нормальности происходило в недрах междисциплинарного подхода. Термин «новая нормальность» прижился в экономической

науке и служит для описания длительных кризисных явлений в экономике, в частности низких темпов экономического роста и высокого уровня безработицы.

Формирование новой реальности происходило не только в экономической сфере. Качественные изменения касаются социума, технологической сферы и повседневной жизни людей. Под влиянием изменений в сфере управления возникают эффекты нормальной аномии, нормальных аварий и нормальных пандемий. В результате рождается потребность в актуализации новой исследовательской проблематики социологии управления. На наш взгляд, основные направления поиска, которые задаются парадигмой новой нормальности, состоят в нахождении баланса между взаимно противоречивыми процессами новой реальности.

1) Дихотомия глобальное/локальное. С одной стороны, интенсивное и длительное взаимодействие, обусловленное войнами, экономикой, культурой, информационными потоками, с другой - локализация: жизнь множества коллективов и организаций носит относительно закрытый и анклавный характер. В сфере управления глобальное порождает стремление к стандартизации, конкуренции и качеству, локализация же опирается на привычное, устоявшееся и уникальное.

2) Дихотомия порядок/турбулентность. В современных условиях отсутствует прямая связь между управляемостью и подчинением, а акцент смещается на то, что неуправляемость – это не только неподчинение и неподконтрольность, но и нечто созидательное. Неуправляемый объект в отличие от неподчиняющегося объекта обнаруживает способность к самоорганизации, автономии и творчеству.

3) Дихотомия рационализм/умное управление. Привычная рациональная процедура дегуманизирует и обезличивает процесс управления. Умное управление формирует доступ и использование цифровизации, а интеллектуальная автоматизированная обработка информации, наряду с использованием больших данных, является механизмом перехода коллективов и организаций к цифровой экономике.

4) Дихотомия технологизация/цифровизация. Если технологизация ориентирована на алгоритмизацию во взаимодействии между управляющими и управляемыми, то цифровизация основана на преобразовании информации в цифровую форму, что приводит к повышению эффективности управленческих решений и улучшению качества управленческой деятельности.

5) Дихотомия механицизм/искусственная социальность. Отождествление управления с машиной, аппаратом или инструментом становится архаичным. Искусственные артефакты, изначально ориентированные на решение инструментальных задач, превращаются в участников человеческих взаимодействий. Уже сегодня искусственный интеллект способен относительно автономно решать управленческие задачи различной сложности.

Таким образом, парадигма новой нормальности ориентирует на поиск качественных изменений в новой реальности индустрии 4.0. В данном случае социология управления выходит за рамки привычных представлений о взаимодействии между управляющими и управляемыми, о пределах познания социальной природы управленческой деятельности и не сводит управление к достижению заранее намеченных целей и результатов.

1. Зарубин В.Г., Семенов В.А. *Социология управления*. – М.: Юрайт. 2020. 292 с.
2. *Актуальные проблемы социологии управления ("Круглый стол")* // *Социологические исследования* 1998. №2. С. 98-107.
3. *Социология управления: вчера, сегодня, завтра (материалы круглого стола)* // *Социологические исследования* 2018. №2. С102-113.

ОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Зверева Мария Максимовна

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН

В настоящее время результаты социологических опросов играют значимую роль и являются немаловажным ресурсом в области управления, что обусловлено ростом востребованности качественной информации, которая учитывается при принятии управленческих решений. «Не стоят на месте и исследователи общественного мнения: сегодняшний мейнстрим — принципиально новый уровень отношений между социологами и властью, которому сама жизнь диктует необходимость партнерства, взаимного уважения и интеллектуального обогащения» [3, 225].

Опросы позволили политикам и средствам массовой информации быстро и эффективно использовать общественные настроения. Они не лишены недостатков, однако, остаются важнейшим методом оценки политических взглядов массовой общественности, дают более точную картину политического познания индивидов и позволяют подробно изучить предпочтения и мотивации общественности.

Опросы - это мощный инструмент для измерения настроений населения. В настоящее время опросы являются повсеместной чертой современной жизни, в качестве эффективных методов сбора данных об общественном мнении.

Изучение общественного мнения ведется по трем главным направлениям, что помогает принятию решений в той или иной области управления:

-восприятие респондентами текущей ситуации по тому или иному вопросу в стране/регионе или феномену;

-восприятие респондентами изменений в условиях меняющейся социально-экономической ситуации;

-измерение социальных настроений респондентов, в том числе протестного потенциала [2, 99].

Жители России убеждены в том, что опросы общественного мнения необходимы: по данным ВЦИОМ данного мнения придерживается абсолютное большинство россиян (90%) [1].

Преобладающее большинство жителей России (74%) согласно с тем, что социологические опросы помогают узнать мнение людей о положении в их городе, регионе или стране в целом для того, чтобы власти могли учесть это мнение при решении проблем. Также большинство россиян согласно с суждением, что результаты опросов используются разными категориями ответственных лиц (политиками, предпринимателями, органами власти) для повышения эффективности своей деятельности (59%) [1].

Таким образом, можно отметить значимую роль опросов общественного мнения в современном информационном обществе, являющихся немаловажным ресурсом в области управления, которую отмечают как политические деятели и эксперты, так и жители России в целом.

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Опрос об опросах: мониторинг. 2020/ Электронный ресурс/ Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/opros-ob-oprosakh-monitoring> (дата обращения 05.10.2021).
2. Каминский В. С. Общественное мнение как индикатор эффективности государственного управления // Проблемы развития территории. – 2015. – № 5(79). – С. 97-110.
3. Львов С. В. Социология и власть: механизм учета общественного мнения при принятии управленческих решений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. – № 2(132). – С. 225-229

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Иванова Наталья Анатольевна
МГУ имени М.В. Ломоносова

Информация в современном мире выступает одним из важнейших ресурсов человечества, значение которого на протяжении последних лет неуклонно возрастает. Наличие доступа к различного рода информации и каналам ее распространения нередко становится главным фактором, определяющим стратегическое преимущество хозяйствующего субъекта или государства. Наша страна уделяет большое внимание обеспечению необходимых условий для внедрения в экономику инновационных информационных технологий. Такая цель была озвучена и в рамках ежегодного Послания Президента РФ Федеральному Собранию: «Россия должна стать ... одним из мировых центров хранения, обработки, передачи и надежной защиты информационных массивов, так называемых больших данных» [1].

Если принять во внимание, что суть управления заключается в воздействии информации на сознание людей, то одним из важных направлений является противостояние виртуальной, ложной информации. Поэтому вопросам обеспечения информационной безопасности уделяется большое внимание [2; 3].

В последние годы расширяются масштабы использования информационных технологий в различных сферах жизни российского общества, в том числе и в области государственного управления. По данным Росстата за 2020 г. увеличилось число абонентов мобильного широкополосного доступа в Интернет: с 86,2% в 2018 г. до 99,6% в 2020 г. В области образования увеличилась доля организаций, реализующих образовательные программы в системе высшего образования с использованием дистанционных образовательных технологий (в 2018 г. доля составила 37,6%, в 2019 г. эта цифра возросла до 60,0%, а в 2020 г. до 82,7%). Существенно возросла доля органов государственной власти и местного самоуправления, имевших скорость передачи данных через Интернет не менее 2 Мбит в секунду - с 63,9% в 2018 г. до 87,8% в 2020 г. Но в то же время доля организаций, использовавших средства защиты информации несколько уменьшилась: в 2018 г. – 89,3%, в 2019 г. – 89,5%, а в 2020 г. – 75,3% [2].

Для снижения рисков, связанных с нарастанием внутренних и внешних информационных угроз, и обеспечения эффективного научно-технического и социально-экономического развития Российской Федерации органам государственного и муниципального управления необходимо уделять большое внимание работе по предупреждению, выявлению и устранению последствий проявления различных вызовов в сфере информационной безопасности. При этом главную роль должно играть не столько противодействие правонарушениям и незаконной деятельности в соответствующей области, сколько внедрение и распространение инновационных и перспективных ИКТ отечественной разработки, повышение информационной и компьютерной культуры граждан, конструктивное сотрудничество с хозяйствующими субъектами и другими государствами в информационной сфере.

1. *Послание Президента Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента России. 2018. 1 марта. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 19.09.2018).*
2. *Сергин М.И. Информационная безопасность как одна из основных составляющих национальной безопасности // Вопросы политологии. М. 2017. № 2. С. 113-117.*

3. Пенерджи Р.В., Гавдан Г.П. Информационная безопасность государственных информационных систем. 2020. № 3. С. 26-42.
4. Мониторинг развития информационной безопасности в Российской Федерации // Росстат. 2020 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14478> (дата обращения: 19.09.2021).

ЦИФРОВОЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ И НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ)

Казаренкова Татьяна Борисовна
Международный научный центр "СОЦИУМ 2035"

Эффективность управления процессами межкультурного взаимодействия студентов в университете возрастает в процессе становления и развития цифрового общества в современной России.

Нами проведено социологическое исследование «Цифровое научно-образовательное медиапространство». Методы исследования: анкетирование, метод фокусированного интервью, метод фокус-групп и др. В исследовании приняли участие 1145 экспертов из России и стран ближнего и дальнего зарубежья. Состав экспертного сообщества определялся с учетом темы исследования. В него вошли представители научного сообщества, административно-управленческий и профессорско-преподавательский состав вузов, студенты, представители бизнес-сообщества, представители СМИ (научные журналы, научно-образовательные ТВ программы).

Социально-управленческий компонент цифрового медиапространства позволяет студенту управлять процессами межкультурного взаимодействия в цифровом пространстве интернета или иного цифрового контента. Информационно-аналитические программы формируют основы цифровой коммуникации. Современное цифровое медиапространство развивает межэтническое, межкультурное социальное взаимодействие на международном, федеральном, региональном, муниципальном, организационном уровнях государственного и корпоративного управления, а также оказывает влияние на развитие межкультурного взаимодействия представителей различных культур в современном цифровом обществе. 73% респондентов отметили высокий уровень значимости данного компонента цифрового медиапространства для развития компетенций межкультурного взаимодействия студентов.

Научно-образовательный компонент цифрового медиапространства В России создана инновационная научно-образовательная платформа, которая позволяет быстро и эффективно развивать новые современные учебно-научно-образовательные проекты, основанные на внедрении цифровых технологий в образовательный процесс. В российских университетах разрабатываются современные проекты, учебные курсы, появляются новые профессии, основанные на инновационных цифровых технологиях. Усиливается роль современной молодежи в формировании научно-образовательного потенциала развития цифрового общества. 49% респондентов отметили высокий уровень значимости данного компонента цифрового медиапространства для развития и формирования компетенций межкультурного взаимодействия студентов.

1. Дзялошинский И.М. Современное медиапространство России. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020
2. Kazarenkova T.B., Kazarenkov V.I. Socio-managerial and socio-cultural problems of integration of education, science and business in a digital society / Power, violence and justice: reflections, responses, responsibilities. (Toronto. Canada. July 15-21, 2018): View from Russia. Papers of

LIFE-LONG LEARNING КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

**Камышина Елена Александровна
СПбГЭТУ "ЛЭТИ"**

При поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443

В обществе происходит стремительная трансформация процессов взаимодействия. В том числе это касается и скорости адаптации к новым условиям труда. Вызовы, с которыми сталкивается современный руководитель, заставляют реагировать быстро и со знанием дела. Для того, чтобы успевать за трансформацией трудовых отношений, появлением новых профессий, цифровизацией, руководитель должен обладать рядом «навыков будущего». Исследователи Аранжин В.В. и Нехода Е.В. в своей статье «Трудовые ценности и навыки будущего: структура и содержание» [1, 153-154] собрали точки зрения авторитетных источников на навыки будущего. Среди перечисленных навыков можно выделить такие как: способность к адаптации к новым типам заданий, когнитивная гибкость, обучение на протяжении всей жизни, умение работать с информацией, системное мышление, обучение других, способность к постоянному обучению, способность к самоорганизации, инновационное и адаптивное мышление и др. Данный перечень показывает, насколько актуальным является навык life-long learning и как особенно важен он для руководителей.

Важность роли самой личности руководителя в организации неоспорима. Такая должность предполагает влияние на разрешение конфликтов в организации [2,6], формирование корпоративной социальной ответственности [3], психологический климат в коллективе [4,5], трансформационные процессы [7], корпоративную культуру в организации [8] и др. В целом, можно отметить, что деятельность руководителя, его ценности и идеалы влияют на все социально-структурные связи в организации и за ее пределами. От того, какое образование руководитель получил, и продолжает ли саморазвитие, зависит, какое именно влияние он будет оказывать на своих подчиненных и коллег. Учитывая вызовы современного общества и особое внимание к навыку быстрой адаптации к трансформационным процессам, современный руководитель должен постоянно совершенствоваться и обучаться чему-то новому. Это – негласное требование современной среды.

Итак, непрерывное обучение и образование уже давно стали трендом в развитии общества. Руководителям, как категории людей, активно влияющих на трансформационные процессы, как в своих организациях, так и за их пределами, следует использовать возможности получения нового образования, актуальных навыков работы, управленческого совершенства для того, чтобы соответствовать скорости изменений, происходящих в обществе. Life-long learning как процесс прочно вошел в нашу жизнь.

1. Аранжин В. В., Нехода Е. В. Трудовые ценности и навыки будущего: структура и содержание // *Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика*. 2019. №48, с. 150-165.
2. Быков В. М., Быкова А. В. Роль руководителя в конфликтной ситуации // *Science Time*. 2015. №5 (17), с. 54-56.
3. Анисимова Е. Е. Роль руководителя в формировании корпоративной социальной ответственности организации // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2017. №2 (8), с. 55-65.
4. Подкорытов Н. М., Генкина В. А. Роль руководителя в формировании психологического климата в служебном коллективе // *Вестник ЧелГУ*. 2003. №1. [Электронный ресурс] URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-rukovoditelya-v-formirovanii-psihologicheskogo-klimata-v-sluzhebno-kollektive>
5. Лихачева К. С. Роль руководителя в обеспечении социально-психологического развития коллектива организации // Царскосельские чтения. 2010. №XIV, с. 109-112.
 6. Запелова О. В., Бабури В. В. Профилактика конфликтных ситуаций в служебном коллективе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. №2 (73), с. 30-34.
 7. Балабанова Е. С., Деминская В. Э. Руководитель как трансформационный лидер: роль личностных качеств и управленческих практик // Российский журнал менеджмента. 2017. №3, с. 263-288.
 8. Лебедева Любовь Александровна Роль властного влияния руководителя в рамках корпоративной культуры бизнес-системы // Научный вестник МГТУ ГА. 2006. №104. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vlastnogo-vliyaniya-rukovoditelya-v-ramkah-korporativnoy-kultury-biznes-sistemy>

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ МОСКВИЧЕЙ КАК РЕСУРС РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Китайцева Ольга Вячеславовна
РГГУ (Российский государственный гуманитарный университет)

Сегодня концепция непрерывного образования (lifelong learning) становится повседневной практикой для россиян. Чтобы поспевать за новыми технологиями, которые повсеместно внедряются в рабочие процессы практически во всех сферах хозяйства и быть востребованным профессионалом нужно постоянно обновлять свои знания. Современная жизнь прежде всего ориентирована на постоянное обновление знаний, навыков, компетенций. По данным исследования ВШЭ взрослое население России в возрасте 25-64 лет активно вовлечено в практики самообразования, что составляет порядка 37% респондентов населения этой возрастной группы. Особенно практики дополнительного образования востребованы в группе людей с высшим образованием, которые проживают в крупных городах. Вовлеченность этой группы поднялась с 33% в 2015 до 60% в 2019 гг. [1].

Основным драйвером процесса получения дополнительного образования по мнению экспертов должна стать цифровизация в сфере образования. Ведь самым простым быстрым и эффективным способом получить новые знания и встроиться в стремительно меняющуюся реальность предоставляют различные формы дистанционного обучения, распространенность и доступность которых зависит от цифровизации в этой сфере [2]. Сегодня расходы на цифровизацию в сфере образования составляют немного меньше чем 4% от бюджета на образование, однако уже к 2025 году, по мнению исследователей HolonIQ эта цифра вырастет до 404 млрд долларов, что составит 5% от общих расходов и в дальнейшем она будет только расти [3].

Становление дистанционной формы образования и использование цифровых технологий в учебных процессах, это не только тренд, обусловленный влиянием COVID-19 на образовательные модели, но еще отражение запросов потребителей этого сегмента рынка. Основными потребителями на рынке дистанционного образования стали представители городского населения, которые вовлечены в самообразование. Так для москвичей самостоятельное приобретение новых компетенций и получение профессиональных навыков стало составляющей стиля жизни: за период 2015-2019 гг. доля москвичей, вовлеченных в самообразование, выросла с 27% до 61% [1].

Люди все чаще используют цифровые технологии для поиска литературы и информации. В этом безусловно помогает интернет, к которому обращаются 54% респондентов за поиском любых материалов, а вот использование печатной литературы падает, только 33 % респондентов используют этот канал для поиска информации.

Учитывая масштабы роста участников образовательного процесса в крупных городах и их вовлеченность в цифровые технологии получения дополнительного образования, дистанционное обучение становится весьма востребованным ресурсом, позволяющим легко включаться в образовательные процессы в любом возрасте и делать это на протяжении всей жизни.

ПРОФЕССИИ БУДУЩЕГО И НОВАЯ МОДЕЛЬ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Константинова Лариса Владимировна
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Аннотация: рассматриваются проблемы влияния профессий будущего на развитие непрерывного образования. Делается вывод, что новая модель непрерывного образования должна подразумевать переход от узкой профессиональной специализации и стандартизации к междисциплинарности и персонализации.

В современных условиях непрерывное образование приобретает характер неотъемлемого социального процесса поддержки жизненного пути человека на всех этапах его развития. Необходимость этого обусловлена не только ускорившимися процессами технико-технологического и информационного прогресса, но и особенностями социально-экономического и демографического развития [1]. Цифровизации, внедрению искусственного интеллекта подвергается все большая часть функций различных профессий. Под вопросом оказываются перспективы существования ряда профессий в принципе. Появляются новые профессии, требующие междисциплинарных и надпрофессиональных компетенций. Динамизм изменения профессиональной сферы увеличивается. Действующие в России профессиональные и образовательные стандарты все более отстают от запросов реальных работодателей. Стандартизация профессий и программ формального образования становится одним из факторов, тормозящих воспроизводство специалистов для настоящей и будущей экономики и социальной сферы. По данным аналитических агентств [2] наиболее перспективными профессиями в социальной сфере, являются: социальный инженер, специалист по краудсорсингу общественных проблем, медиатор социальных конфликтов, модератор платформы персональных благотворительных программ, специалист по адаптации людей с ОВЗ к работе в интернете, специалист по анализу больших данных, проектировщик социальных пространств, специалист по социальной адаптации в онлайн-пространстве. Данные профессии предполагают междисциплинарность компетенций. Однако, профессиональные и образовательные стандарты, а, следовательно, и образовательные программы вузов пока в малой степени ориентированы на данные профессии. Хотя спрос на них увеличивается. В результате общий спрос на формальное профессиональное образование все больше перетекает в сферу неформального онлайн-образования. Пандемия активизировала этот процесс, усилив конкуренцию неформального онлайн-образования с формальным вузовским образованием [3]. Для университетов появилась серьезная угроза оказаться в арьергарде образовательного мейнстрима в том случае, если не удастся диверсифицировать спектр реализуемых образовательных продуктов и выстроить у себя систему гибких индивидуализированных образовательных программ для реальных сегментов рынка труда и образовательных потребностей граждан всех возрастов на основе современных цифровых технологий. В целом очевиден тренд на то, что многие профессии будущего будут возникать на стыке отдельных профессиональных сфер. Поэтому новая модель непрерывного образования должна подразумевать переход от узкой профессиональной специализации и

стандартизации к междисциплинарности и персонализации. Опережающее обучение в рамках такой модели предполагает выход за рамки образовательных стандартов, формирование образовательных экосистем, включающих элементы формального и неформального образования, где учебный процесс по основным образовательным программам становится лишь одним, но не единственным элементом, а значительная часть формирования компетенций для профессий будущего происходит за их рамками. В центре такой экосистемы оказывается обучающийся, который формирует свою индивидуальную образовательную и профессиональную траекторию.

1. Константинова Л.В. *Непрерывное образование как фактор развития интеграционного потенциала общества /Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития: Материалы XVII международной конференции 26-28 сентября 2019 г. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. - С. 588-592.*

2. *100 профессий будущего [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5d6e48529a794777002717b#p3>.*

Исследование российского рынка онлайн-образования. [Электронный ресурс]. URL: https://innoagency.ru/files/Issledovanie_rynka_rossijskogo_online_obrazovania_2020.pdf

КОНЦЕПЦИЯ LIFE-LONG LEARNING И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ В РОССИИ

Коротких Андрей Сергеевич

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Понятие Life-long learning, как процесс непрерывного обучения человека на протяжении всей жизни, в который входит как базовое образование, связанное с обучением в учреждениях среднего профессионального и высшего образования, так и система дополнительного образования, включающая в себя курсы повышения квалификации и переподготовки, стало употребляться в научной сфере еще в первой половине 20-го века [1,21].

На рубеже веков идея обучения на протяжении всей жизни превратилась в самостоятельную полноценную концепцию, которая легла в основу системы образования ряда стран Европы и США.

В российской практике образования на сегодняшний момент используются попытки реализовать отдельные компоненты Life-long learning концепции. Например, было начато формирование нормативно-правовой базы непрерывного образования, отвечающей международным стандартам. Был сформирован целый спектр федеральных и региональных программ непрерывного образования, которые реализуются в настоящее время. В их число входят: Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования», Президентская программа подготовки управленческих кадров, «Подготовка управленческих кадров в сфере здравоохранения, образования и культуры» и т.д. [2,94-102]. Данные программы реализуются с учетом особенностей концепции Life-long learning: люди учатся на практике, в большом количестве учебного времени проводят в группах и учатся выстраивать межличностные взаимодействия с участниками учебного процесса, люди учатся по индивидуально составленному учебному плану, «преподаватели» и сами учатся на протяжении всей жизни, результаты обучения сразу же проецируются в профессиональной деятельности и в жизни, обучение происходит с широким применением информационных технологий и систем дистанционного обучения.

И все же усилий всех существующих программ оказывается недостаточно для достижения показателей уровня развитых стран [2,106]. Это обусловлено тем, что в России в полной мере концепция «обучения на протяжении всей жизни» реализуется только в некоторых профессиях, связанные в основном с информационными

технологиями, финансами и управлением. Наименьшее отражение этой концепции наблюдается в сферах с ручным низкоквалифицированным трудом, в сфере торговли и услуг, а также в государственных организациях здравоохранения и образования. Также стоит отметить тот факт, что масштабы обучения в России уменьшаются с возрастом, уровнем исходного образования и занимаемой должности на предприятии [2,140].

Таким образом, в России наблюдается тенденция применения на практике концепции Life-long learning, которая реализуется в рамках федеральных и региональных программ образования. Несмотря на все усилия добиться устойчивого развития концепции обучение человека на протяжении всей жизни в полной мере пока не удается. Но, что органы государственной и муниципальной власти, что частый бизнес, при правильном подходе, способны обеспечить реализацию концепции во всех сферах жизни общества в рамках всей страны в целом [3,101].

1. *Век живи — век учись: непрерывное образование в России / И. А. Кориунов, О. С. Гапонова, В. М. Пешкова; под ред. И. Д. Фрумина, И. А. Кориунова Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 310*
2. *Непрерывное образование – стимул человеческого развития и фактор социально-экономических неравенств / Под общей редакцией д.соц.н., к.э.н. Ю. В. Латова. М.: ЦСПиМ, 2014. – 433 с.*
3. *Савченко И.А., Николаева А.А., Курлянич А.А., Тимофеева К.С. Реализация проектов социального партнерства в современной России // Научно-аналитический журнал Наука и практика Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2018. Т. 10. № 2 (30). С. 99-111.*

НАВИГАЦИОННАЯ СИСТЕМА СМАРТ СИТИ КАК РЕСУРС УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДСКИМ СОЦИАЛЬНЫМ ПРОСТРАНСТВОМ

**Медведев Александр Олегович,
Васильева Дарья Алексеевна, Городничина Полина Дмитриевна
Санкт-Петербургский государственный университет**

Социология города в рамках системной и интерпретативной парадигм является современной социологической теорией, охватывающей сочетание технологий smart city. Идея работы заключается в рассмотрении навигационных-gis систем как объекта управленческих практик в городе. Государство направляет свои управленческие практики на граждан, взаимодействуя с ними через сотрудничество с частным сектором. Важно понять, как меняются практики взаимодействия государства с горожанами. Актуальность отражается в анализе практик, связанных с цифровыми технологиями, используемыми гражданами. Исследование данной темы также актуально, потому как рассмотрение вопроса smart-сити в сходных исследованиях представлено с общей точки зрения. Исследователи изучают сопоставление smart сити и динамического изменения качества жизни. Ученые делают акцент на возможности адаптации к цифровым технологиям с позиции использования рабочего пространства. В ходе работы было определено влияние государственных и управленческих практик на общество в контексте smart сити

Case study на этапе изучения зарубежных практик фокусируется на примере использования навигационных систем частной компании Transdev. Данная система обеспечивает проезд на общественном транспорте в 17 странах Европы. Компания разрабатывает приложения, которые покрывают городской транспорт, сотрудничая с государственным сектором. Данный кейс показывает, что частная компания создает навигационные системы для граждан, создавая плотную связь государства и общества. В

России ярким примером навигационных систем использующих технологии является Яндекс.Транспорт. В приложении существует возможность отследить нахождение транспорта в данный момент благодаря GPS/ГЛОНАСС. Это возможно благодаря муниципальным властям, разрешающим отслеживание городского транспорта. Человек более рационально использует свое время и получает свободу передвижения, не имея недостатка информации о новых местах и способах добраться.

В ходе анализа были определены следующие тезисы:

с развитием навигационных приложений общество с большей скоростью адаптируется в городах

люди с большей решительностью осуществляют горизонтальную мобильность в рамках различных населенных пунктов, а также оказывают влияние на развитие туризма

люди становятся зависимы от использования навигационных систем, что провоцирует клиповое мышление

Государство способствует развитию навигационных приложений, что положительно сказывается на уровне адаптации. Жители городов становятся более адаптивны и рациональны в планировании времени - приложение делает все эффективнее. За счет более развитых навигационных систем и грамотного расчета времени горожан повышается производительность труда. За счет данной управленческой практики государство находится в более близком контакте с горожанами, положительно влияя на жизнь города.

1. Ганин О.Б., Ганин И.О. «Умный город»: перспективы и тенденции развития. // *ARS ADMINISTRANDI*, 2014. №1. [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://ars-administrandi.com/article/Ganin_Ganin_2014..
2. Гришаева Ю.М., Матанцева О.Ю., Спиринов И.В., Савосина М.И., Ткачева З.Н., Васин Д.В. Устойчивое развитие транспорта в городах России: опыт и актуальные задачи. *Юг России: экология, развитие*. 2018; 13(4): 24-46. <https://doi.org/10.18470/1992-1098-2018-4-24-46>
3. Приоритетные направления внедрения технологий умного города в российских городах. Экспертно-аналитический доклад. Москва: Центр стратегических разработок, 2018. - // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.csr.ru/upload/iblock/bdc/bdc711b002e9651f..>
4. Сайт «Умный город» // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://russiasmartcity.ru/about>
5. H.Bala, V.Venkatesh. *Adaptation to Information Technology: A Holistic Nomological Network from Implementation to Job Outcomes*. *Management Science*, 2021. <https://doi.org/10.1287/mnsc.2014.2111>
6. S. Jeschke, H. Song, T. Sookoor, R. Srinivasan. *Smart Cities: Foundations, Principles, and Applications*. John Wiley & Sons, Inc., 2017 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://ebookcentral.proquest.com/lib/uu/reader.actio..>
7. H. T. Mouftah, M.Erol-Kantarci, M. H. Rehmani. *Transportation and Power Grid in Smart Cities*, Wiley, 2018. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://learning.oreilly.com/library/view/transportat..>
8. Z.Nagy, D. Szendi, G. Tóth. *Opportunities for Adaptation of the Smart City Concept - A Regional Approach. Theory, Methodology, Practice*, vol. 12, 2016. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://tmp.gtk.uni-miskolc.hu/index.php?i=2705>
9. Zhang B., Liu C., Kong Y., Wang Y., Peng G. *Users Adaptation and Infusion of Smart City App*. In: Streitz N., Konomi S. *Distributed, Ambient and Pervasive Interactions. HCI 2021. Lecture Notes in Computer Science*, vol 12782. Springer, Cham. https://doi-org.ezproxy.its.uu.se/10.1007/978-3-030-77015-0_6

ПРИРОДА ИМИТАЦИОННОГО ФОРМАТА УПРАВЛЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Немчина Вера Ивановна
Южный Федеральный университет

Информационное общество является обществом нового типа. В нем существенно изменяется социальная структура. Уходит в прошлое классовое деление общества. В этом обществе ни право природного социального статуса, ни право собственности являются основным социальным ресурсом. Таким ресурсом личности являются образование, знание, интеллект, профессионализм.

Именно эти качества дают возможность более полно и продуктивно пользоваться информационными ресурсами общества нового типа. Соответственно, основанием социальной стратификации информационного общества становится личный и социальный интеллект. Это обстоятельство, устраняющее существовавшее ранее социальное неравенство, существенно изменяет социальную структуру. Люди становятся неравными в силу неравных стартовых условий допуска к получению такого социального ресурса, как статусное образование, знания, интеллект, владение информацией. И на этом основании осуществляется социальная стратификация информационного общества, которую Д.Белл называет «knowledge stratum» [1].

Как отмечает Н.Л.Вигель, классовая социальная структура трансформируется, во главе угла становится статусная иерархия, связанная с иными ценностными основаниями, с образованием и уровнем культуры [3].

В обществе нового типа происходит ряд коренных изменений. К ним можно отнести то, что меняется тип управления обществом: на смену централизованным и иерархизированным социальным институтам управления приходят сетевые структуры организации общества и организации социального управления. Исследователи отмечают, как важную тенденцию и то, что снижается роль бюрократических управления и нарастает роль рыночной конкуренции.

В новом информационном обществе исчезли такие скрепы как жесткие формы иерархии, не действует всеобщий принцип системной и структурной организованности и упорядоченности. Сама социальная реальность выступает как множественность, которая включает в себя различные локальные и разрозненные элементы. Исчезли явные социальные контрасты, закрепленные традицией, обычаем, идеологией. Формально – это путь к равенству, но только лишь формально. Контрасты перестали быть явными, закрепленными в моральных, статусных и идеологических комплексах. Но на смену жесткого социального ранжирования, как пишет В.В.Бибихин [2], пришли отношения, которые выражаются вертикалями власти (при определении власти как народной власти), на смену прямого и жесткого властного управляющего воздействия пришла гибкая и изоциренно умышленная манипуляция, на смену закрепленных в законе отношений господства и подчинения, пришли имитационные декларации равенства, на деле являющиеся симулякрами власти.

В основе методологии анализа нового информационного общества, с учетом доминирования симулякров, лежит представление, как отмечает Е.В.Музыкаина [4], что господство искусственных моделей, уже не позволяет различать слова и вещи, что характеризует его способы организации и самоорганизации, его формы управления и самоуправления.

О РАЗВИТИИ В УСЛОВИЯХ VUCA МИРА

Никифорова Ольга Александровна,
Милецкий Владимир Петрович
Санкт-Петербургский государственный университет

Мир, в котором мы сегодня живем, можно охарактеризовать как нестабильный, неопределенный, сложный и неоднозначный, другими словами мир «VUCA»[1]. И в этом круговороте изменений сложно угнаться за успехом и привычным понятием «эффективность». Менеджеры со всех сторон акцентируют внимание на наращивании управленческих компетенций, тогда как само понятие «развитие» лежит не в плоскости управленческих решений, а в самой природе человеческой эволюции.

На современном этапе необходимо обратиться к социальным условиям воспроизводства экономики, чтобы успеть за ускорением социального времени, с одной стороны, и осознанно относиться к своему личностному развитию, с другой.

Чтобы раскрыть этот вопрос, в первую очередь, важно уточнить, что развитие всегда было естественным для человечества, однако, в настоящее время карьерному и профессиональному развитию, воплощающемуся в руководящих позициях все больше уделяют внимание, что требует более разнообразных, сложных и адаптивных мыслительных способностей для выживания и роста. В литературе, и зачастую, в практике часто путают понятие «вертикального развития» и «карьера по вертикали». Наше понимание развития соотносится с концепциями **Жана Пиаже, Билла Торберта, Роберта Киган, которые связывают его с** изменение способа и перспектив мышления, эмоциональной зрелость и осознанным поведением [2]. Привычное восприятие вертикального развития ассоциируется с движением по карьерной лестнице вверх. Проблема в том, что многие не связывают переход на новую ступеньку в административной иерархии с изменением перспектив мышления. Однако, в современном мире, где в следствие пандемии окончательно нарушен баланс работы и личной жизни, ориентация на изменение способа мышления становится ключевым условием успеха.

Традиционная концепция “hard/soft skills”, дополненная поколенческим подходом “X,Y,Z” раскрывает неравные возможности для развития сегодня. Однако, при условии изучения и адаптации к быстро меняющимся условиям поколение и сфера деятельности не будут играть ключевую роль в достижении успеха. В целом, чтобы успешно развиваться и уживаться с изменениями, важно иметь общее понимание и непредвзятость по отношению к окружающей среде. Некоторые авторы настаивают на том, что именно внешний мир будет определять наше личностное развитие, а не наоборот [3], другими словами, не стоит сосредотачиваться на тренировке каких-то конкретных компетенций, которые могут стать неактуальны в связи с изменением экономической или политической ситуации, важнее исследовать и осознавать свои ценности и интересы, которые помогут выжить в условиях неопределенности и нестабильности.

В связи с этим становится понятным, и почему именно в результате пандемии, когда люди стали больше ценить свою личную жизнь, комфорт и настоящие ценности, появилось такое большое количество, с одной стороны, самозанятых и одновременно, выгоревших на работе, с другой. В социально-сложной реальности стало бессмысленным гнаться за искусственными статусами и ценностями, которые вдруг потеряли свое значение.

1. VUCA – акроним английских слов *volatility* (нестабильность), *uncertainty* (неопределенность), *complexity* (сложность) и *ambiguity* (неоднозначность), см. *Sinha, D., & Sinha, S. . (2020). Managing in a VUCA World: Possibilities and Pitfalls. Journal of*

- Technology Management for Growing Economies*, 11(1), 17–21.
<https://doi.org/10.15415/jtmge.2020.111003>
2. Виттенбек Наталья Владимировна *Компетенции лидера в бизнесе в контексте развития организаций // Акмеология*. 2016. №2 (58). <https://pps.ranepa.ru/Publication2/2016/e309a1d4-d0bf-e611-80d0-005056a06105/583c0ef002775.pdf>
 3. Prof Dr.C.Karthikeyan. (2017) *A Predictive Analysis on Future of Vertical Leadership Development; A Leadership Perspective. International Journal of Research in Social Sciences* Vol. 7 Issue 4.
https://www.researchgate.net/publication/332933789_A_Predictive_Analysis_on_Future_of_Vertical_Leadership_Development_A_Leadership_Perspective

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Никонова Тамара Владимировна
Московский государственный психолого-педагогический университет

Современное общество находится в эпицентре цифровизации. Почти во всех сферах социальной жизни мы находим широкий спектр различных механизмов, которые подвержены цифровым изменениям.

Государство старается применять новые механизмы изучения общества, чтобы автоматически понимать закономерности социального поведения или управлять промышленными процессами в контексте переходного времени. Все эти проявления и практики, безусловно, связаны с вопросами цифровой безопасности, демократии, а также с тем, как политика, социология и законодательство справляются с этими новыми явлениями цифровизации. Современная политика сталкивается с новыми цифровыми бизнес-моделями, которые основаны на совершенно новом инструменте обогащения и влияния - данных о пользователях и процессах, совершаемых в интернет-пространстве [1,381]. Изучение вопроса трансформации мира с учетом новейших технологий, с точки зрения социальной теории, помогло зафиксировать соответствие между технологическими инновациями и социальными изменениями. С ростом информационно-коммуникационных технологий на социальном уровне возникли процессы, которые можно обобщить в терминах глобализации и децентрализации. Синхронизация глобальной коммуникации в режиме реального времени посредством развития цифровизации вызвала эпохальный перелом, разделяющий индустриальную эпоху и информационный век. Интернет и социальные медиа-платформы изменили не только уклад жизни обычных граждан, но и заставили государство разрабатывать специальные политические программы, которые будут успешно функционировать в условиях постоянных изменений. В программе Правительства РФ по цифровизации заявлено, что она направлена на «создание условий для развития базы знаний общества, повышение благосостояния и качества жизни, степени информированности и цифровой грамотности, доступности и качества государственных услуг, повышение уровня социальной удовлетворённости, создание благотворной политики для работы с медиа-пространством, а также безопасности» [2]. Государство стремится использовать цифровые реалии в свою пользу, чтобы повысить эффективность принимаемых решений.

К сожалению, на данный момент, социальная политика государства в системе цифровой модели страны остаётся неоднозначной [3]. Важно сохранить свою социокультурную идентичность, исследовать оптимальные политические факторы социального поведения в цифровой среде. И Правительство уже активно работает над повышением социальной и политической устойчивости общества в эпоху перемен.

1. Николаева А.А. Социальное партнерство как институт взаимодействия общества и власти в современной России //В сборнике: Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт. Сборник научных статей XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Редакция: Н.В. Кефнер, Ю.В. Попова. 2020. С. 381
2. Глазьев С.Ю. Великая цифровая революция: вызовы и перспективы для экономики XXI века.
3. Савченко И.А., Левина Е.А. Особенности мотивации персонала организаций социальной сферы // Научно-аналитический журнал Наука и практика Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2018. Т. 10. № 3 (31). С. 51-60.

LIFE-LONG LEARNING КАК ПЕРЕДОВАЯ ФОРМА ОБУЧЕНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ.

Орлов Александр Дмитриевич

Московский Государственный Психолого-Педагогический Университет

Само по себе понятие Life-long learning подразумевает под собой непрерывное обучение, или обучение на протяжении всей жизни. В последнее время именно такая форма обучения стала наиболее популярна, ввиду того, что мир вокруг нас стремительно меняется, и так называемый «период полураспада знаний» человека в той или иной сфере его деятельности значительно сократился. «Период полураспада знаний» обозначает то количество времени, за которое порядка 50% знаний человека устареют или перестанут являться актуальными [1]. Если раньше можно было сказать, что постоянное переобучение и получение новых знаний является лишь «дополнительным способом учиться», то в данный момент это необходимость. И это касается абсолютно всех сфер знаний.

В качестве причин стремительного развития Life-long learning можно выделить доступность и удобство онлайн-образования и быстрое развитие технологий. Сейчас можно совмещать получение новых знаний с основной учёбой и работой, тратя на это значительно меньше времени, ведь для этого зачастую нужен только компьютер. Развитие технологий также стимулирует непрерывное обучение, ведь благодаря инновациям основы любых сфер знаний могут кардинально меняться [4]. И есть только один способ оставаться востребованным и квалифицированным специалистом – постоянно совершенствоваться и учиться, иными словами – Long-life learning.

Многие исследования показывают, что если компания занимается непрерывным обучением своих сотрудников, то те в свою очередь становятся примерно в 4 раза более эффективными и вовлеченными в процесс работы [2]. Именно поэтому многие крупнейшие компании инвестируют в непрерывное обучение своих сотрудников огромное количество денег. При этом выигрывает и компания, и сотрудник, так как он получает новые знания, а компания профессионального работника. Практически все современные специальности требуют постоянного совершенствования знаний и умений.

Также, учёными доказано, что непрерывное получение новых знаний положительно влияет на здоровье людей в целом, так как их мозг постоянно находится в напряжении, что является хорошей профилактикой разного рода неврологических нарушений [3].

Подводя некий итог, нужно отметить, что непрерывное образование или Long-life learning в современных реалиях является передовым способом обучения, и даже необходимостью для людей, для того чтобы оставаться востребованными специалистами и профессионалами в своей сфере деятельности. Кроме того, оно является также полезным способом поддержания своего здоровья в долгосрочной перспективе.

1. Г. А. Ключарев, Д. В. Диденко, Ю. В. Латов, Н. В. Латова *Непрерывное образование – стимул человеческого развития и фактор социально экономических неравенств*, Москва, 2014.
2. <https://www.gallup.com/workplace/349484/state-of-the-global-workplace.aspx>
3. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12501538/>
4. Савченко И.А., Левина Е.А. Особенности мотивации персонала организаций социальной сферы // *Научно-аналитический журнал Наука и практика Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова*. 2018. Т. 10. № 3 (31). С. 51-60.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ В СОЦИАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

Орлова Анна Владимировна
Кемеровский государственный университет

Сегодня потребности общества в информационном обеспечении стремительно возрастают. Это ведет к увеличению значимости информации как таковой и её роли в развитии различных областей жизнедеятельности общества.

Большие объёмы информации, которые уже накоплены и сосредоточены в хранилищах данных, могут иметь в своей основе общественное и национальное значение.

Рост общей массы информационных ресурсов идёт непрерывно, однако процесс их использования и воспроизводства очень сложен.

Под «информационными ресурсами» мы понимаем весь объем накопленной социумом информации об окружающей нас действительности. Фиксация этой информации возможна в различных формах, обеспечивающих её пространственно-временное существование и её предоставление лицам для решения социально значимых проблем в конкретном временном периоде [4, 73].

Новая реальность привела к переводу большей части социальных, экономических и политических взаимодействий в виртуальную сеть [2]. Быстрые цифровые коммуникации преобразуют традиционные публичные практики и социально-политические коммуникации, вызывая тем самым необходимость изучения электронных информационных ресурсов [1, 8]. Эту задачу необходимо решать с использованием современных информационных технологий, к которым относится технология Big Data, непосредственно связанная с интеллектуальным анализом данных [3, 1008]. Среди наиболее распространённых и популярных методик анализа Big Data можно назвать: машинное обучение (Machine Learning, ML); анализ социальных сетей; статистические методы; симуляция; прогнозная аналитика; data Mining; пространственный анализ; визуализация.

Основной проблемой применения современных информационных технологий в социальном управлении остаётся только зарождающееся в России понимание культуры работы с данными. Она включает в себя не только умение грамотно работать с информацией, но и чёткое осознание, где и каким образом полученные данные могут быть применены. Новый тип аналитики, новые экономические достижения, новый тип осмысления и новые экономические системы, которые возникают благодаря развивающимся отраслям технического оснащения и машинного обучения, и их значительное воздействие на наше общество заслуживают первоочередного внимания. Отказ от инновационных технологий анализа данных невозможен как на частном уровне жизни, так и на государственном. Это, в свою очередь, означает необходимость осознанного и ответственного подхода социума к освоению новых технологий и работы с ними.

1. Golovatsky, E.; Kranzeeva, E.; Orlova, A.; Burmakina, A. *Social Practices of Mobilizing Population Initiatives: Prospects for Hybrid Methodology*. In *Proceedings of the International*

- Conference on Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018), Saint-Petersburg, Russia, 26–27 October 2018; Volume 289, pp. 8–13.*
2. Kranzeeva, E.; Golovatsky, E.; Orlova, A.; Nyatina, N.; Burmakina, A. *Assessing the Effectiveness of Social and Political Innovations in the Development of Interaction between the Authorities and the Population during COVID-19: The Implication of Open Innovation. J. Open Innov. Technol. Mark. Complex.* 2021, 7, 172. <https://doi.org/10.3390/joitmc7030172>.
 3. Рамзаев В. М., Хаймович И. Н., Чумак В. Г. *Применение технологии Big data в государственном и муниципальном управлении // Информационные технологии и нанотехнологии (ИТНТ-2016): материалы Международной конференции и молодежной школы, Самара, 17–19 мая 2016 года / Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С. П. Королёва (национальный исследовательский университет)»; Институт систем обработки изображений РАН. Самара: Самарский государственный аэрокосмический университет, 2016. С. 1008-1015.*
 4. Старикова Л. Н. *Информационное обеспечение социологического образования: ресурсы, технологии. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. 376 с.*

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В РАЙОНАХ КРАЙНЕГО СЕВЕРА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

Павликова Тамара Алексеевна
Петрозаводский государственный университет

Социальная работа в сельской местности в районах Крайнего Севера (КС) Республики Карелия (РК) развивается в условиях ограниченных ресурсов, дефицита квалифицированных специалистов в социальной сфере, в сложных условиях жизнедеятельности человека и окружающей его социальной среды, что затрудняет оказание социальной помощи. Цель исследования – получение новых знаний об особенностях и проблемах организации социального обслуживания в сельской местности в районах КС РК, а также выработка практических рекомендаций по его совершенствованию.

Методы исследования: опрос заведующих отделений социального обслуживания на дому со стажем работы в социальной сфере не менее 3х лет (n=13) и анкетирование жителей сельской местности в районах Крайнего Севера Республики Карелия (n=486). Территориальный охват – все районы Крайнего Севера, находящиеся на территории Республики Карелия.

Согласно результатам исследования, на процесс организации социального обслуживания в сельской местности оказывают влияние 2 группы территориальных особенностей: особенности сельской местности и особенности районов Крайнего Севера РК. Также, были выявлены и другие особенности: 1. Зависимость организации социального обслуживания от взаимодействия с органами МСУ и исполнения ими своих полномочий. 2. Квалификация социальных работников. 3. Материально-техническое обеспечение деятельности.

В практической деятельности все особенности тесно взаимосвязаны друг с другом, однако, территориальные особенности мало учитываются в организации работы и порождают проблемы организации социального обслуживания в сельской местности.

Проведенное исследование позволило определить основные средства совершенствования социального обслуживания в сельской местности. 1. Обеспечение материально – техническими средствами с учетом особенностей местности и природно-климатических условий, в том числе обеспечение социальных работников компьютерной техникой в сельском поселении. 2. Применение современных технологий в деятельности позволит сократить время выполнения формальных процедур, связанных с ведением

документации, передачей информации, снизить нагрузку и использовать сохранившееся время на другой вид деятельности. 3. Решение административно-хозяйственных проблем в сельском поселении позволит социальным работникам выполнять свою работу быстрее, облегчая физический труд.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В НАУЧНОЙ СФЕРЕ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Пивоварова Марина Борисовна
МГУ имени М.В. Ломоносова

Трансформация политической сферы в современном информационном обществе, в т.ч. в области госуправления, предполагает формирование цифрового правительства. Одним из мер поддержки развития цифровой среды и технологий со стороны правительства РФ, была принята программа "Цифровая экономика Российской Федерации" от 28 июля 2017 г. № 1632-р.[1] Указанная программа представлена рядом федеральных проектов по развитию искусственного интеллекта, нормативно-правовой регламентации цифровой среды, цифровому госуправлению, подготовке специалистов для развития цифровой экономики; созданию цифровых технологий, информационной безопасности и инфраструктуре. Подобное управление предусматривает реализацию отдельных мероприятий механизма обратной связи, а также внедрение принципов гибкого управления.

Сегодня правительство ориентировано на формирование новых управленческих подходов регулирования современных технологий и решению вопросов этического характера, которые с ними связаны; внедрение связанных с обеспечением правопорядка новых средств контроля в отношении населения; регламентацию процессов в киберпространстве.

Происходит трансформация управленческих методов и подходов к осуществлению исследовательской деятельности – получение значимых в научном отношении результатов основывается на обработке, анализе относящихся к многообразным предметным областям больших данных. Примеры подобного развития наблюдаются в нейро-, гео- и биоинформатике, геномике и др.

Причина некоторого отставания ряда секторов экономики России по степени цифровизации состоит в том, что объем вложения средств в развитие цифровой инфраструктуры невысок. В сопоставлении со США, где значения соответствующего показателя – 2,8 процентов ВВП, значение в РФ составляет лишь 1,46 процентов. Возможности увеличения результативности научных исследований связаны с машинным обучением и технологиями искусственного интеллекта. При этом затруднения на пути более интенсивного применения соответствующих методов является потребность адаптировать данные технологии к изменяющимся условиям исследований и информации, уровень структурирования которой является низким. [2]

Под влиянием информационных технологий происходят радикальные изменения в организации и методах научных исследований на государственном уровне, а также формах занятости в науке и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности.

АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОНТОЛОГИЙ ДЛЯ ФОРМАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВЫХ ФОРМАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ УПРАВЛЯЕМОСТИ

Рассказов Сергей Вениаминович
Санкт-Петербургский государственный университет

Работа выполнена по гранту РФФИ 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости».

Информационные онтологии в электронном государственном управлении позволяют формализовать знания о предметной области с требуемой степенью детализации, стандартизировать модели обмена и преобразования данных в цифровых форматах (ЦФ), а также способствуют прозрачности, эффективности и действенности государственного управления. Известно [1], что рекурсия является важным механизмом взаимодействия государства и граждан. Цель работы: рассмотреть проекты информационных онтологий цифровых форматов государственной управляемости на предмет учета в них рекурсии. Для этого используется кейс-метод исследования.

Первый пример включает базовую онтологию цифровых платформ [2]. Как предполагается, она способствует лучшему «пониманию функциональности платформ, улучшению коммуникации между заинтересованными сторонами и ... может способствовать будущим исследованиям и разработкам [в этой области]» посредством более четкого представления требований к данным, ограничений и функциональности. В указанной работе предложена классификация платформ и даны подробные схемы онтологических модулей, из которых можно собрать, как в «конструкторе», системы с различными свойствами. На представленной в работе схеме онтологии цифровой платформы отсутствует механизм рекурсии.

В основе второго кейса лежат онтологическая и процессная модели выборов США, разработанные Национальным институтом стандартов и технологий (NIST). Блоки в нотации UML, относящиеся к цифровой компоненте, входят в концептуальные диаграммы моделей выборов, голосования и системы голосования («Concept Modeling Diagram Election», «Concept Modeling Diagram Voting», «Concept Modeling Diagram Voting System»). Их онтологии фиксируют статическое состояние знаний в соответствующей предметной области. Динамика задается в виде диаграмм информационных процессов [3]. В схемах онтологий и процессов, как и в предыдущем кейсе, нет рекурсии.

Наконец, в третьем кейсе воспроизводится «Онтология парламента Великобритании» [4]. Она описывает результат избирательного процесса в законодательный орган этой страны. Эта семантическая модель, как предполагается, «должным образом свяжет парламентариев, процессы и результаты, а также улучшит поиск требуемой информации в сети» [5]. Во вводной части описания онтологии отмечается, что она отражает именно результат, а «не процесс, посредством которого были проведены выборы». Поэтому вполне естественно, что в онтологии нет рекурсии в смысле повторяющегося участия граждан и рефлексии ими избирательного процесса.

Итак, в данной работе выполнен анализ проектов, раскрывающих применение информационных онтологий для формализации знаний о цифровых форматах государственной управляемости. Выявлено недостаточная исследованность рекурсии и ее отсутствие в соответствующих им онтологиях цифровых систем. Развитие проведенного исследования предполагается в направлении конкретизации механизма рекурсии в платформах цифрового сотрудничества с последующей разработкой онтологии.

1. Crozier M. *Recursive Governance: Contemporary Political Communication and Public Policy // Political Communication*. 2007. Vol. 24. №1. - P. 1-18 (doi: 10.1080/10584600601128382).
2. Derave T. et al. *Towards a Reference Ontology for Digital Platforms*. In: *39th International Conference on Conceptual Modeling (ER) / G. Dobbie et al. (Eds.) (LNCS, vol. 12400)*. Springer, 2020. - P. 289–302 (doi:10.1007/978-3-030-62522-1_21).
3. *Election Business Process Models and Data Flows (slides ed. by Kenneth Bennett) // NIST – Interoperability Working Group Election Modeling Sub-Group, 2016-2017*. URL: <https://github.com/usnistgov/ElectionModeling/blob/master/Election%20Modeling.pptx> (дата обращения 08.10.2021).
4. *UK Parliament Ontologies*. URL: <https://ukparliament.github.io/ontologies/> (дата обращения 08.10.2021).
5. *Modelling Parliament(s?)*. In: *Blog: Parliamentary Digital Service*. URL: <https://pds.blog.parliament.uk/2016/09/09/modelling-parliaments/> (дата обращения 08.10.2021).

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ПАНДЕМИИ НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ СТУДЕНТОВ

**Рассказова Альбина Николаевна,
Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова
Шматко Алексей Дмитриевич
Российская академия образования,
Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова**

Аннотация.

В работе предлагается изучить вопрос влияния КОВИД-19 (коронавируса) на повседневную жизнь студентов. Для этого исследуется влияние коронавируса на привычный образ жизни студента, связанный с учебой и, возможно, работой, с посещением общественных мест и социальных собраний, с использованием транспорта и т.д. Получены результаты, демонстрирующие разное отношение студентов к изменениям, вызванным карантинными мерами, в указанных сферах.

В последнее время пандемия коронавируса КОВИД-19 охватила множество стран и народов, которые заболевают или гибнут из-за быстрого распространения этого вируса [1, 912-920]. В масштабе стран возникла необходимость введения карантинных мер предосторожности. Как следствие, это нарушило связи в мировой торговле и оказало негативное влияние на международную экономику и бизнес отдельно взятых стран. Одновременно, введение мер, связанных со скоплением людей на ограниченной площади, таких как социальное дистанцирование, масочно-перчаточный режим и т.д., не могло не сказаться на повседневной жизни каждого человека в целом, в т.ч. студентов.

Некоторые исследования, которые проводятся в этой области, свидетельствуют о тревоге, стрессе, депрессии, с которыми сталкиваются студенты [2], и обеспокоенности по поводу будущей занятости [3]. Однако открытым остался более субъективный вопрос: как повлияла пандемия коронавируса на частное поведение людей, т.е. на их повседневную жизнь. Таким образом цель данной работы состоит в анализе воздействия КОВИД-19 на повседневную жизнь людей, а именно студентов, обучающихся в высших учебных заведениях.

Предметом анализа является отношение студентов к таким вызванным карантинными мерами изменениям, как вынужденная учеба на дому, смешанное обучение, обязательное соблюдение масочно-перчаточного режима. Метод исследования – анкетный опрос на основе вопросов, позволяющих понять влияние КОВИД-19 на изменения в повседневной жизни студента. Анкета состоит из нескольких разделов, позволяющих понять, что думают студенты по поводу пережитых изменений. Фокус-

группа включает 120 студентов одного из университетов Санкт-Петербурга. В данном исследовании принимали участие не состоящие в браке студенты, относящиеся к возрастной группе 18-20 лет. С помощью тематического анализа проанализированы следующие основные разделы: «мысли по поводу локдауна (англ. lockdown)», «чувства во время пандемии», «проблемы и вызовы, связанные с учебой и/или работой, покупками, транспортом и посещением общественных заведений».

В ходе анализа было обнаружено, что студенты по-разному думают по поводу ограничительных мер, связанных с пандемией. Одни студенты способны сохранить баланс и стараются адекватно реагировать на текущие изменения. Другие выражают негативные мысли, пытаются сохранить спокойствие и стараются справиться с ситуацией. Кроме того, в рамках данного исследования на повестке дня возник вопрос дискриминации. Побуждением к проявлению дискриминационного поведения является вынужденная осторожность «не заболеть» по отношению к тем, кто случайно чихнет или кашляет.

Таким образом, основным результатом приведенного анализа состоит в том, что пандемия повышает уровень тревоги. К тому же, результаты исследования показывают, через какие аффективные и когнитивные преобразования проходят люди. В итоге, данный опрос – это первая попытка определить вызванную пандемией психологическую плату студентов, которая вызвана трансформацией общества в связи с пандемией КОВИД-19.

1. Chen, Q. et al. (2020). *Mental health care for medical staff in China during the COVID-19 outbreak. The Lancet Psychiatry*. Brooks, S.K. et al. (2020). *The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence. Lancet*.
2. Mei, S.L. et al. (2011). *Psychological investigation of university students in a university in Jilin province. Med Society (Berkeley)*, 24(5): p. 84–86.
3. Wang, C., et al. (2020a). *A novel coronavirus outbreak of global health concern. Lancet*, 395(10223): p. 470–473.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ И НОВЫЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Родионов Василий Александрович
ЯрГУ им. П. Г. Демидова

Согласно конфликтной модели общества немецкого социолога и философа Р. Дарендорфа[1], каждое общество в каждый момент времени находится в состоянии изменения. Это утверждение верно и сегодня. Исследование ВЦИОМ, описанное в журнале СоциоДиггер[2], подтверждает тенденцию цифровизации в России во всех сферах жизни общества. Важной тенденцией сегодня является цифровизация, то есть внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производства. С каждым годом всё большие объёмы информации создаются и хранятся исключительно в цифровом виде. Всё больше действий, совершаемых в реальности, можно выполнять через цифровые каналы: начиная заказом доставки еды на дом, заканчивая управлением целым предприятием. Поэтому необходимо чётко понимать, какие управленческие решения принимать в условиях постоянно меняющейся ситуации в мире. Для достижения этой цели обратимся к некоторым социологическим теориям, в том числе к теориям социологии управления.

Цифровизация предоставляет новые управленческие возможности. По теории Анри Фаойля[3], менеджмент имеет пять основных функций: планирование, организация, мотивация, контроль, координация. Благодаря новым цифровым инструментам в сфере организации труда появилась возможность удалённо координировать, планировать и организовывать действия отдельных работников с помощью специализированных приложений по типу Trello, для контроля за работниками существует целый перечень

цифровых инструментов от разных разработчиков. Отдельно стоит отметить разного рода приложения для видеоконференций, которые получили развитие из-за пандемии: Discord, Google meeting, Skype и, конечно, Zoom. Все перечисленные инструменты значительно упрощают жизнь сотрудникам менеджмента.

Согласно теории Э. Майо, важную роль в рабочем процессе играют «Человеческие отношения». То есть необходимо создать психологически благоприятную обстановку для каждого сотрудника. В реалиях цифровизации достижение этой цели становится более чем реальным: организация дистанционной работы из дома позволяет каждому работнику создать для себя комфортное рабочее место, что всегда положительно сказывается на продуктивности труда. Согласно опросам ВЦИОМ[2], большая часть жителей России (от 40 до 52%) поддерживает тенденцию к широкой цифровизации как в образовании, так и в профессиональной деятельности. То есть для них такая форма организации труда наиболее комфортна, а комфорт каждого отдельного сотрудника повышает эффективность всего предприятия.

Согласно концепции научного менеджмента Ф. Тейлора[4], грамотная организация труда, построенная на активном взаимодействии администрации и работников, необходима для достижения максимальной эффективности производства. Цифровые инструменты управления позволяют сотрудникам компании поддерживать постоянную связь, что повышает предсказуемость и управляемость рабочих систем, что, в свою очередь, приводит к повышению их общей эффективности.

Таким образом, в контексте цифровизации, современные теории социологии управления помогают создавать и реализовывать новые управленческие практики, что способствует оптимизации и более рациональной организации взаимодействия администрации с работниками.

1. Биканин К. Т. *Теория господства, конфликта Р. Дарендорфа*. — Самара: 1997. — 110 с.
2. *Расширенная подборка данных «Цифровизация и искусственный интеллект»*. Октябрь 2020 год. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/wciom_sociodigger_102020.pdf.
3. Анри Фаойль Н. *Промышленное и общее управление*. Paris: Дюно и Пинат — 1917. — с. 11
4. *Фредерик Уинслоу Тейлор "Принципы научного менеджмента"* [Электронный ресурс]. URL: <http://i.cons-systems.ru/u/83/8c5dde291e11e3b6145d44f3284aaa/-/Taylor.pdf>

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ СПБГМТУ)

**Романова Виктория Алексеевна,
Голованова Оксана Владимировна
Санкт-Петербургский государственный морской технический университет
(СПбГМТУ)**

Современное техническое развитие принимает все более крупные масштабы, проникая во все сферы человеческой деятельности, а в образовании его воздействие можно сравнить с лавиной. Мы уже не можем представить преподавание без компьютеров, проекторов, интерактивных систем обучения и интернета. Система образования вынуждена перестраиваться и становиться конкурентоспособной. Рынок начал предлагать альтернативные образовательные возможности, и преподаватели высших учебных заведений оказались перед необходимостью осваивать новые технологии обучения и переводить преподавание в онлайн формат. В настоящее время система образования приспосабливается к широкомасштабному переходу от принятых и укоренившихся практик к новым образовательным практикам, что требует наличия квалифицированных специалистов, способных такую трансформацию реализовать

Основная преобразовательная миссия отводится молодым преподавателям, для которых цифровая среда – обычный формат жизни и профессиональной деятельности. Пандемия и связанные с ней ограничения аудиторных способов взаимодействия обучающихся и обучаемых только ускорили цифровизацию образовательной среды, а владение навыками цифрового обучения в течение нескольких лет стало одним из эволюционных факторов профессионального отбора в высшей школе, в которой появились виртуальные информационные системы, онлайн лекции, курсы и даже виртуальные школы. Безусловно, как и всякий технический прогресс, указанная технизация образовательной среды, не обходится без трагических коллизий, приводя к профессиональной маргинализации значительную часть профессорско-преподавательского состава, отказывающуюся осваивать новые инструменты обучения. Однако опыт использования подобных инструментов позволяет увидеть и многочисленные положительные эффекты их использования, а также неизбежность цифровой трансформации.

Онлайн-инструменты для обучения или образовательные онлайн-инструменты – это цифровые онлайн-ресурсы, которые используются преподавателем и обучающимся в качестве вспомогательного инструмента учебной деятельности. Они применяются для развития качества, скорости и привлекательности передачи информации в преподавании и обучении [1]. В данной статье анализируется опыт использования онлайн-инструментов в рамках образовательного процесса по направлению «социология» преподавателями кафедры философии и социологии в Санкт-Петербургском государственном техническом университете (СПбГМТУ).

В вузе уже функционирует информационная система университета, которая является комплексным решением для обеспечения деятельности структурных подразделений вуза. Она включает 691 модуль по различным направлениям деятельности СПбГМТУ, но это не исключает индивидуального поиска и использования преподавателями дополнительных онлайн возможностей.

Выделяют множество различных деятельностных практик, реализуемых посредством онлайн-инструментов. Опыт использования некоторых из них будет описан ниже.

Так, используя мессенджер Telegram [5] в образовательном процессе, удалось достичь высокой скорости коммуникации со всеми обучающимися. Появилась возможность удобно хранить материалы курса и выполненные работы студентов, анализировать успеваемость и активность студентов в рамках курса, а также открыто обсуждать возникшие трудности в рамках дисциплины. Эффективным оказалось использование в рамках некоторых учебных курсов бесплатного и не вызывающего особых затруднений при регистрации сервиса Trello [6], который хорошо показал себя, как в мобильной, так и ПК версии. Использование доски Trello позволило поставить требуемые задачи, тем студентам, у которых возникли проблемы с внутренней системой вуза, а также дало возможность прикрепить необходимые файлы, видеть динамику изменения карточки с оперативными уведомлениями, получать комментарии от обучающихся в случае каких-либо вопросов или уточнений. Как на очных занятиях, так и на вебинарах также используется инструмент Mentimeter [4], который нашел положительный отклик у студентов. Создание и использование презентаций при помощи сервиса Canva [3] позволило привнести эффект наглядности в лекционные занятия и помочь студентам усвоить материал быстрее и в полном объеме. Использование сервиса Google Forms [2] позволило успешно проводить онлайн-тестирования, собирать статистику, иные необходимые данные в рамках образовательного процесса.

Собрав реальный цифровой след каждого студента в рамках различных дисциплин при помощи указанных сервисов, проанализировав содержание каналов коммуникаций удалось увидеть то, как обстоят дела у обучающихся в образовательной деятельности на самом деле: что и как усваивают студенты, какие компетенции воспринимаются лучше всего, в каких сочетаниях действительно происходит

эффективное научение, где возникают проблемы и как их можно решить. Цифровой след позволяет выявлять и эмоциональную составляющую процесса обучения, и можно утверждать, что использование онлайн инструментов не только отражает, но и значительно улучшает эмоциональное отношение обучающихся к дисциплине и преподавателю. Онлайн взаимодействие с преподавателем продолжает привычный для них жизненный уклад и способы получения информации, тогда как переключение в традиционный для вузов академический формат общения с доминирующим преподавателем представляется им нелегитимным и сопровождается, как правило, негативными эмоциями. Современный человек все в большей степени живёт среди вещей, а не среди людей. Вещи более податливы, операциональны, допускают множество попыток преобразования, что минимизирует риск стресса из-за неудачных действий, и главное, – что в пространстве взаимодействия с вещами (включая и информацию) человек остается в роли главного действующего лица, тогда как межличностное общение окрашено статусными различиями и асимметриями. С этой точки зрения, образование в идеале должно быть таким, чтобы благодаря цифровым возможностям сделать мир транслируемых знаний и каналов их передачи понятным, открытым и доступным для обучающихся, позволяя каждому осваивать накопленные знания и проявлять собственную индивидуальность в его использовании и развитии, не будучи обязанным находиться в тени чьего-либо авторитета и давления.

1. *Онлайн-инструменты преподавателя [Электронный ресурс]. – URL: https://miro.com/app/board/o9J_kix3ZiE=/ (дата обращения: 15.09.2021)*
2. *Шмотьев А.Ю. Возможности использования Google-сервисов в образовании // Наука и перспективы. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-ispolzovaniya-google-servisov-v-obrazovanii> (дата обращения: 15.09.2021).*
3. *Canva [Электронный ресурс]. – URL: https://www.canva.com/ru_ru/sozdat/prezentatsiya/ (дата обращения: 01.09.2021)*
4. *Mentimeter [Электронный ресурс]. – URL: <http://mentimetr.com/> (дата обращения: 01.09.2021)*
5. *Telegram [Электронный ресурс]. – URL: <https://telegram.org/> (дата обращения: 01.09.2021)*
6. *Trello [Электронный ресурс]. – URL: <https://trello.com/ru/education> (дата обращения: 01.09.2021)*

УПРАВЛЕНИЕ ИЛИ ПРИНУЖДЕНИЕ: КАК ПОДМЕНА ПОНЯТИЙ МОЖЕТ ПОВЛИЯТЬ НА НОВЫЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ.

Рубцова Анна Васильевна
Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе обсуждается известная и преподаваемая во многих вузах России общая теория социальной коммуникации А. В. Соколова, которая имея множество достоинств, на наш взгляд, неверно определяет сущность управления как принуждения. Соколов определяет управление как такое коммуникационное действие, когда коммуникант рассматривает реципиента как средство достижения своих целей, как объект управления [3, 23]. В этом случае между коммуникантом и реципиентом устанавливаются субъект-объектные отношения. Данное различие позволяет А.В. Соколову жестко развести понятия «управление» и «диалог». Управление рассматривается Соколовым как монолог, осуществляемый в форме приказа, в форме внушения и в форме убеждения [3, 23]. По мнению А. В. Соколова, особой формой управленческого коммуникационного действия является заражение, которое стихийно возникает в массах людей. В такой трактовке управление всегда носит принудительный характер, вне зависимости от того является оно

осознанным или нет. Мы полагаем, что управление по своей природе целерационально [1] и всегда имеет субъекта управления как одну из сторон управленческого процесса, поэтому заражение в толпе не может рассматриваться как управленческая коммуникативная практика. Как известно толпа — это квазигруппа, которая не состоит из субъектов как целерационально действующих индивидов [2]. Современные управленческие практики никак не могут соответствовать теоретическому разделению, предложенному А.В. Соколовым. Именно диалоговые формы управленческой коммуникации будут преобладать в цифровом обществе.

1. Вебер М. Избранные произведения. Пер. с немецкого Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П.П.Гайденко. М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
2. Психология толп : [Перевод / Предисл. И. В. Задорожняка; Вступ. ст. В. Н. Дружинина]. - М. : Ин-т психологии РАН : КСП+, 1998. - 412 с.
3. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации : Учеб. пособие / А. В. Соколов. - СПб.: Михайлов, 2002. – 459 с.
4. Социальное управление : Словарь-справочник / [А. Н. Аверин и др.]; Под ред. В. И. Добренькова, И. М. Слепенкова. - М.: Изд-во МГУ, 1994. – 198 с.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Рыбакова Марина Владимировна
МГУ имени М.В.Ломоносова

Конец XX и начало XXI века ознаменовались развитием науки и производительных сил. Появление новых технологий в информационно-коммуникативной сфере, в биологии и медицине, робототехнологии. Внедрение искусственного интеллекта, создание новой экологичной электронной промышленности и умного производства осуществляется во Франции, Германии, Италии, Японии и Китае, во всем мире происходит четвертая промышленная революция. [1]. Применение и использование цифровых технологий в экономике и управление социальной сферой привело к цифровизации общества во всех сферах жизни. Технологические изменения и внедрение искусственного интеллекта в экономику приводят к динамическим и структурным изменениям в рамках трудовых отношений, отмирание старых и появлению новых профессий, новых форм занятости, проблем связанных с прекаризацией, [2] и формирования будущих поколений «цифровых подёнщиков». Внедрение цифровых технологий в управлении человеческими ресурсами с одной стороны упрощает ряд процессов, например, в кадровой деятельности, а с другой отчуждает человека от человека.

Цифровизация сложный и неоднозначный процесс, с одной стороны цифровые технологии улучшают многие аспекты реальной экономики и качества жизни людей, с другой возникают проблемы связанные с дегуманизацией личности и очень важно сохранить гуманистическую сущность человека. Глобализация, экономическое и социальное неравенство, расширение цифровых границ приводит к цифровому неравенству и нарушению цифровых границ и потери цифрового суверенитета. Для сохранения и социального, и экономического развития страны большую роль играет эффективность государственного и социального управления, реализация управленческих решений во многом зависит не только от специалистов, обладающих профессиональными знаниями, культурными, социальными навыками, не только от механизмов экономического, нормативного, ценностного, нравственного регулирования, но и от

верифицированных научных данных, полученных в ходе взвешенных социологических исследований, проводимых в рамках социологии управления.

Социология управления несмотря на то, что она не так давно институализировалась и прочно заняла место в системе социологического знания, с точки зрения функционирования в цифровом обществе приобретает более значительную роль. Необходимо выявление механизмов и закономерностей социальных изменений и социальных действий людей, работающих в рамках системы управления, а также оптимизация управленческих отношений на основе определения интересов представителей различных иерархических групп. Одним из ключевых направлений исследования также должны стать анализ и представление тенденций и перспектив развития управленческих процессов и социальных технологий. Исследование системы и процессов управления в рамках складывающихся социальных отношений, а также анализ коммуникаций между различными социальными группами в цифровом пространстве (особенно их волнообразность и расширение), приводящее к затрудненному взаимодействию между государственными структурами и населением - важнейшие задачи социологии управления в процессе цифровизации общества.

СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СНИЖЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УГРОЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ФРОНТИРОВ

**Сапрыка Виктор Александрович,
Солоха Валерий Викторович**

Белгородский государственный национальный исследовательский университета

Статья подготовлена в рамках при поддержке Гранта Президента Российской Федерации Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук МД-578.2020.6 «Социокультурные угрозы трансформации цивилизационных фронтиров в

Аннотация

В статье рассмотрены возможности использования социально-технологического потенциала для снижения социокультурных угроз трансформации цивилизационных фронтиров в приграничном взаимодействии. Предложен ряд социальных технологий для развития приграничного взаимодействия по модели сотрудничества в российско-украинском приграничье.

Социокультурные угрозы трансформации цивилизационных фронтиров сдерживают развитие приграничного взаимодействия по модели сотрудничества в российско-украинском приграничье. Так, напряженная внешнеполитическая ситуация оказывает негативное влияние на общественное мнение, усугубляя без того тяжелое состояние российско-украинских отношений [1, 63]. В этой связи, как некогда раньше актуализируется необходимость социально-технологического обеспечения процессов приграничного взаимодействия, так как итогом столь стремительных трансформаций может стать возникновение целого ряда различных социокультурных угроз, которые негативно сказаться, как на уровне транскультурной коммуникации населения постсоветского пространства, так и на возможностях для интеграции и сотрудничества новообразованных государств [2, 172]. В качестве снижения социокультурных угроз

трансформации цивилизационных фронтиров предлагается комплекс технологий как способов достижения целей и решения задач приграничного взаимодействия посредством декомпозиции осуществляемой деятельности, обеспечения связей между его объектами и субъектами, определения операционно-процедурного состава деятельности при разработке и реализации проектов и программ, а также операционных средств и приемов. Таким образом, социально-технологический потенциал снижения социокультурных угроз трансформации цивилизационных фронтиров достаточно велик и опирается на ряд исследований, обосновывающих значение социальных технологий в современном управлении [3, 136], [4, 48].

В рамках социально технологического подхода можно выделить следующие технологии для применения в приграничном взаимодействии:

1. Социальная диагностика.
2. Стратегический анализ
3. Программные и проектные технологии.
4. Технологии мониторинга.
5. Интернет-технологии.

Для снижения социокультурных угроз трансформации цивилизационных фронтиров не следует ограничивать рассмотренными выше технологиями. Все большее значение приобретают технологии оперативного управления, которые учитывают наблюдаемую динамику поведения региональных субъектов и позволяют вносить изменения в условия их деятельности в режиме реального времени. Так снижение социокультурных угроз подразумевает применение технологии предотвращения рисков управляющий орган системы приграничного взаимодействия вырабатывает набор правил, параметрически зависящих от будущих возможных чрезвычайных ситуаций (сценариев развития), которые могут сложиться в процессе функционирования управляемой системы.

Таким образом, использование социально-технологического потенциала является оптимальным, так как посредством применения комплекса социальных технологий, включающего социальную диагностику, стратегический анализ, проектную технологию, программно-целевую технологию, технологию мониторинга, интернет-технологию, а также технологию оперативного управления позволяет существенно снизить социокультурные угрозы, которые возникают при трансформации цивилизационных фронтиров, избежать нарастание противоречий и разногласий, а так же разрушение традиционных приграничных социумов.

1. Емельянов А. С. Современное состояние трансграничной коммуникации на Юго-Западе Российской Федерации // Социодинамика. 2020. С. 43-63.
2. Пастюк А. В., Солоха В. В. Угрозы трансформации социокультурного ландшафта приграничных регионов на постсоветском пространстве // Актуальные проблемы международных отношений в условиях формирования мультиполярного мира : Сборник научных статей 9-й Международной научно-практической конференции, Курск, 15 декабря 2020 года / Под редакцией В.М. Кузьмина. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 171-174.
3. Бабинцев В.П. Белгородская школа исследователей социальных технологий // Высшее образование в России. 2016. № 2. С. 132-136.
4. Данакин Н. С., Деева Н.Н. Механизм социального управления: концептуальный анализ // Социально-гуманитарные знания. 2012. №8. С. 48-54.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Селиверстова Надежда Игоревна
ФГБОУ ВО "ОГУ"

Информационное общество рассматривается как реальность государственного управления во многих современных государствах, так как информирование населения о деятельности последних автоматически повышает их лояльность и активность. Более того, информационная среда определенного контента формирует жизнедеятельность человека, определяя перспективы его активности в условиях его повседневной деятельности.

Тем не менее, человека окружает не совокупность информации сегодня, а скорее лишь та ее часть, которая доступна ему в силу занимаемой социальной позиции. Показательно, что еще в 2008 году сотрудник CNews отмечал, что «сверхпопулярный термин "информационное общество" преимущественно не воспринимается как научный, а всюду используется в политических или экономических интересах» [1]. Таким образом, большая часть населения оказывается наедине лишь с дозированной в политических или экономических интересах информацией, которая проходит тщательную фильтрацию со стороны государственных структур и других хозяйствующих субъектов. Целью данных манипуляций с информацией остается лояльность населения к выбранному государством курсу развития.

Итак, государство манипулирует информацией, доступной для населения, с определенными целями, используя арсенал доступных для него средств. Кроме того, информационная среда с определенными ее характеристиками рассматривается как один из объектов государственного заказа (согласно Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») [2]. Поэтому и формируется она целенаправленно, предоставляя возможности изменения контента для разных категорий населения.

При всем этом была разработана и реализована для создания целостной и эффективной системы использования информационных технологий, при которой граждане получают максимум выгод, государственная программа «Информационное общество (2011–2020)» [3]. То есть официальная позиция государственного управления выглядит как заботливое установление той информационной среды, которая необходима гражданам, чьи интересы и потребности «собирают» социологические службы. Между тем, в достоверность собранной ими информации представители государства не очень верят, а социологическим службам приходится тщательно отбирать информацию, чтобы оставаться востребованными на «рынке» государственных закупок.

Итак, информация, представленная социологическими службами, проходит определенные этапы корректировки в заданном направлении, становясь совершенно другим «продуктом», который уже перерабатывают государственные структуры и используют ее, например, чтобы оценить «удовлетворенность населения» от работы той или иной государственной структуры.

Таким образом, социологический контекст современного информационного общества сильно искажен в интересах современного государственного управления, что нельзя рассматривать исключительно в отрицательном ключе. Полагаем, что есть и положительные последствия – сохранение «психологического здоровья» населения, посредством его целенаправленной ориентации в современном информационном обществе; в действующей модели политического режима в России. Следовательно, есть определенные предпосылки улучшения ситуации, которые состоят, на наш взгляд, в корректировке «государственных интересов» России, ее политического режима и его реализации в текущей действительности.

1. Славин, Б. Станем ли мы "информационным обществом"? [Электронный ресурс] // Интернет-портал CNews. – Режим доступа: https://www.cnews.ru/articles/stanem_li_my_informatsionnym_obschestvom_/3
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс] // Интернет-версия Российской газеты. – Режим доступа: <https://rg.ru/2006/07/29/informacia-dok.html>
3. Информационное общество ГП [Электронный ресурс] // Интернет-портал TADVISER. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%93%D0%9F

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

**Скоробогачкий Вячеслав Васильевич,
Скоробогачкая Наталья Александровна (Уральский федеральный университет)
Уральский институт управления - филиал РАНХиГС**

Прогнозирование будущего – функция социальной науки, значимая в те переходные периоды, когда в обществе происходят революционные изменения. Уже первые сигналы постиндустриального вызова дали толчок формированию социологических утопий будущего в работах Дж. Гэлбрейта, Э.Тоффлера и других. Становление нового технологического уклада «Индустрия 4.0» [4] было подвергнуто теоретической рефлексии с точки зрения перемен в экономике [2], политике [1], образе жизни [3], культуре и искусстве (в философии и эстетике постмодернизма), но в тени остался аспект, связанный с социологической концепцией управления. Это – вопрос о «месте», где формируется социальная матрица управления, его институциональное «ядро», под воздействием которого осуществляется производство новых технологий управления, распространяющихся в преломленном виде в различных социальных полях.

С нашей точки зрения, таким «местом» является не экономика, не политика, не культура, не техника, а – государство. По крайней мере, это характерно для России, где государство в течение веков опекало и направляло процессы в указанных отраслях, как и в жизни общества в целом. Хорошо это или плохо – вопрос, скорее, риторический: такова наша реальность. Государство остается силой культурно-исторического значения, единственным, по словам Пушкина, европейцем в России. В переходные периоды его роль становится ключевой: успех преобразований в нашей истории во многом определялся усилиями государства, его лидеров и правящих кругов.

Отсюда следуют коренные для нашей темы вопросы – насколько модель государственного управления адекватна ориентирам и задачам, которые ставит перед российским обществом межгосударственная конкуренция на мировой сцене в эпоху глобализации? Осознают ли правящие круги характер перемен, которые формируют наше будущее? Какое место в трансформации социальной матрицы управления они отводят поколению Z, историческое время которого совпадает с этим будущим?

Суть вопросов в том, что нынешняя система государственного управления в целом отвечает принципам административно-бюрократической парадигмы, значимость и эффективность которой были исчерпаны уже к середине XX века. Ее несоответствие новым условиям связано с низкой социальной чувствительностью системы, ориентацией на макросубъекты, избытком административного контроля, перевесом государственных

интересов над гражданскими в ходе принятия решений, принципиальной недооценкой прав и свобод граждан.

Устранение указанных недостатков составляет основное содержание трансформации системы государственного управления в сторону правового и социального государства.

1. *Демократизация и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века.* М.: Изд-во «Европа», 2010. – 318 с.
2. *Норт Д. Понимание процесса экономических изменений.* М.: Изд. дом Гос.ун-та – Высшей школы экономики. 2010. – 256 с.
3. *Тоффлер Э. Третья волна.* М.: АСТ, 2002. – 776, [8] с.
4. *Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции.* М.: «Эксмо», 2018. – 320 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА LIFE-LONG LEARNING В РОССИИ И МИРЕ.

**Сологуб Лилия Андреевна,
МГУ имени М.В. Ломоносова
Атауллин Руслан Андреевич**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Принцип непрерывного образования (life-long learning) стал неотъемлемой частью системы образования во многих развитых и развивающихся государствах. Целью обучения на протяжении всей жизни является развитие активной гражданской жизненной позиции личности, интеллектуальных способностей и профессиональных навыков личности, улучшение качества индивидуальной жизни. [5]

НО не ограничивается формализованным классом или формой обучения дома, на работе, в игровой форме. При всех плюсах, НО сегодня имеет недостатки: фрагментарность, технологическая сложность и отсутствие персонификации. Существующие образовательные политики не способны поддерживать обучение в течение всей жизни. [4]

Непрерывное образование в России

НО важно для России по основным социально-демографическим причинам: старению населения России, росту миграции населения, повышенной потребности в квалифицированных работниках. В России НО носит более неформальный характер, хотя основы преемственности образования заложены в положениях Конституции и Трудовом Кодексе РФ. [1]

Структура реализации life-long learning в России состоит из основных образовательных программ, дополнительного профессионального образования, профессионального обучения, краткосрочного обучения и самообразования.

В России основные направления в сфере НО сводятся к таким принципам как: разработка индивидуальной образовательной траектории; разнообразие образовательных программ для каждого возраста и их преемственность; массовое вовлечение населения в различные виды образования. [2, 66]

Непрерывное образование за рубежом

В 2000 году в Лиссабоне был подписан Меморандум о непрерывном обучении. Меморандум подразумевал следующие принципы в развитии НО: повсеместность развития, увеличение инвестиций в человеческие ресурсы, инновации в преподавании,

изменение способа понимания оценки обучения, переосмысление образовательного наставничества и консультирования, развитие дистанционного обучения. [7]

Реализацией такой системы занимается Германия, где существенная роль уделяется интеграции профессиональных образовательных учреждений с предприятиями и организациями. Актуальные положения по развитию системы закреплены в стратегии цифрового развития до 2025 года. [8]

Не только в Европе признается, что образование является постоянной формой жизнедеятельности. Непрерывное повышение образовательного уровня осуществляется в Японии для специалистов на рабочих местах за счет средств работодателей. [9, 6]

НО в Сингапуре в рамках программы SkillsFuture направлено на развитие трудовых ресурсов в цифровой среде, их конкурентоспособности на мировом рынке, улучшении возможностей домашнего и инклюзивного обучения. [10]

Выводы

НО является не только фактором успешного экономического благополучия, но и социализирующим феноменом, неотъемлемым правом каждого гражданина в России. Необходимость институционализации НО сегодня обусловлена как социально-экономическими, так и демографическими факторами.

В России наблюдается существенный недостаток организационного обеспечения реализации полноценного обучения после получения основного образования. В рамках возможных траекторий, НО осуществимо аналогично концепциям других государств, предполагающих систематизацию последовательного процесса обучения в новой цифровой среде.

СОЦИОЛОГИЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: ЕЁ РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ НА ПРИНЯТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Сорокина Нина Дмитриевна

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

Со времён основания социологии, как самостоятельной науки, вопрос о её роли, миссии стоял всегда актуально. Это касается и становления отечественной социологии, как отмечают некоторые исследователи, «в российском обществе была тесная связь с социальной и политической практикой» [1, с.307].

Социология вносит важный вклад в разработку решений на разных уровнях управления. В этой связи стоит вопрос соблюдения норм и профессиональной этики. Несколько лет назад был утверждён обновлённый Профессиональный кодекс Российского общества социологов. Необходимость его обновления была обусловлена изменениями, происходящими в связи со становлением рыночных отношений в нашей стране. Появилось множество компаний, организаций, отдельных лиц, использующих социологический инструментарий в качестве средства манипулирования общественным мнением при реализации различных проектов. Эти «социологи» наносят большой вред репутации социологической науке.

Поэтому в обновлённый Профессиональный кодекс были внесены следующие изменения. Так, предусмотрено, что при решении какой-либо практической задачи социолог не вправе использовать технологии манипулирования сознанием, а также такие методы получения и подачи информации, в которых содержатся заведомо ложные сведения, способные нанести ущерб лицам, социальным группам, вводя их в заблуждение относительно истинной цели, поставленной перед социологами.

В настоящее время происходит переход к цифровому обществу, поэтому необходимо переосмысление роли социологии. Управление цифровым обществом требует соответствующих технологий, методов управления. Меняются и средства получения социологической информации. С одной стороны, проведение опросов с использованием электронных средств значительно облегчает задачу социологам, упрощая процедуру, экономя средства. Но, с другой стороны, развиваются альтернативные способы получения обратной связи при принятии тех или иных управленческих решений. Можно привести в качестве примера «Активный гражданин» — систему электронных опросов, которая позиционируется московскими властями как инструмент прямой демократии. Среди главных задач данного проекта — получение мнения горожан по актуальным вопросам, касающимся развития [Москвы](#). Этот способ получения мнения не является социологическим исследованием, поскольку сами вопросы сформулированы нередко так, как удобно заказчику. О репрезентативности, как важной составляющей социологических исследований, речи вообще не идёт. В результате происходит подмена учёта мнения людей некими данными, выгодными тому или иному заказчику. В этой и подобных ситуациях возрастает роль социологии, которая в настоящее время должна ориентироваться больше на запросы гражданского общества, чтобы служить своему предназначению – быть полезной социуму, выполняя одну из своих важнейших функций, а именно, просветительскую.

1. Шпак Л.Л. Миссия социологии в обществе // Международный научный журнал «Символ науки». 2015. № 8. С. 305-311.

МЕЖСЕКТОРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОСТОЯНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ

Суртаева Ольга Валерьевна
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта РФФИ № 19-011-00417 «Факторы и механизмы формирования доверия в системе сохранения социальной безопасности в приграничных регионах России»

Как показала мировая практика, монополия государства на решение социальных проблем редко приводит к успешным результатам, поэтому необходимо использовать потенциал третьего сектора, который может взять на себя часть обязательств по обеспечению населения социальными услугами. Распространение механизмов межсекторного социального партнерства – важный фактор, влияющий на эффективность решения социальных проблем.

В шести приграничных регионах России (Алтайский край, Республика Алтай, Хабаровский край, Амурская область, Омская область, Оренбургская область) был проведен экспертный опрос (n=146) в форме стандартизованного интервью среди представителей органов власти и местного самоуправления, научной и педагогической общественности с целью выявления экспертных мнений об уровне развития межсекторного взаимодействия в регионе.

Чуть менее половины экспертов (46,6%) сообщили, что в их регионах взаимодействие между государством, бизнесом и гражданским обществом развито, но недостаточно. Каждый третий (36,3%) считает, что в регионе его проживания

межсекторное взаимодействие практически не развито. Только 4,1% экспертов считает, что межсекторное взаимодействие в их регионе развито очень хорошо.

На первом месте в рейтинге проблем, мешающих развитию межсекторного взаимодействия в регионе, несовершенство российского законодательства и отсутствие правовых основ межсекторного взаимодействия (53,4%). Второе место разделили отсутствие понимания, поддержки со стороны местных властей (44,5%) и отсутствие поддержки, интереса со стороны возможных спонсоров, бизнес-структур (44,5%). На третье место эксперты поместили отсутствие понимания, поддержки со стороны региональных властей (37,7%). Только 6,2% экспертов считают, что проблем, препятствующих развитию межсекторного взаимодействия в регионе их проживания нет.

Интересно проанализировать, какие стратегии взаимодействия с институтами гражданского общества со стороны органов власти характерны для приграничных регионов России. Половина экспертов (47,3%) считает, что в их регионе власти выполняют доминирующую роль во взаимоотношениях с некоммерческим сектором, 39,7% экспертов считает, что власти выполняют вспомогательную роль в регуляции отношений в некоммерческом секторе, а 13,0% сообщили, что власти никак не взаимодействуют с некоммерческим сектором. При этом в Алтайском крае эксперты чаще отмечали, что власти выполняют доминирующую роль во взаимоотношениях с некоммерческим сектором (70,0%). Эксперты из Хабаровского края чаще сообщали, что власти выполняют вспомогательную роль в регуляции отношений в некоммерческом секторе (58,3%), а эксперты из Оренбургской области чаще делали акцент на том, что власти не взаимодействуют с некоммерческим сектором (31,0%).

Таким образом, механизмы межсекторного взаимодействия в приграничных регионах России формируются, но пока нельзя сказать о том, что отношения социального партнерства между государством, гражданским обществом и бизнесом носят характер четкого и отработанного механизма.

ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ТЕХНОЛОГИЙ КОМАНДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, КАК ФОРМАТ ПОДДЕРЖКИ ИННОВАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕДАГОГОВ

Тверских Ирина Борисовна

МБДОУ-детский сад комбинированного вида № 582

В настоящее время законодательство в сфере образования претерпело ряд изменений. Один из самых значимых законодательных актов, Президентский Указ от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [5]. Указом предусмотрена разработка приоритетных национальных проектов по 12 основным направлениям, из них внедрение новых образовательных и управленческих технологий. Следуя за установками Стандарта [3, 1.4], обнаруживается, что на первый план выходит активность ребенка, как полноценного участника образовательных отношений, а также умение педагога поддержать его инициативу. Развитие инновационного поведения подрастающего поколения обеспечивается становлением инновационного поведения педагогов. Решение проблемы «запуска» инновационного поведения педагогов лежит в создании специально организованной среды с использованием командных управленческих технологий. Идея заключается в мотивации и реализации инновационного поведения участников образовательных отношений в рамках реализации проекта «Управленческий навигатор». Его целевое назначение, создание условий для инициации и развития инновационного

поведения, как педагогов, так и руководителя в формате реализации фасилитационных сессий. В данный формат укладываются абсолютно все образовательные события. Использование фасилитационных практик возможно с участием любых участников образовательных отношений: педагогов, родителей, воспитанников, социальных партнеров. Педагоги используют игровые упражнения на командообразование, применяют прием мозгового штурма, в ходе которого в игровой непринужденной атмосфере происходит планирование, делегируется ответственность за проведение намеченных мероприятий, «примеряют» новые роли руководящей деятельности: модератора, фасилитатора, игротренера, организатора проектной деятельности. Концепт пространств проекта «Управленческий навигатор» дает возможность создания инновационной образовательной среды, отвечающей потребностям современного общества.

1. Приказ Минобрнауки России от 17.10.2013 № 1155 (ред. от 21.01.2019) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.consultant.ru>.
2. Образование и наука. Том 21, № 9. 2019/The Education and Science Journal. Vol. 21, № 9. 2019.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (утвержден приказом Министерства образования и науки РФ от 17 октября 2013 г. № 1155) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/>.
4. Учёные записки ЗабГУ. 2018. Т. 13, № 3.
5. Указ Президента от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.consultant.ru>. <https://base.garant.ru/71937200/>.

СУЩНОСТЬ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ

Фатиев Никита Николаевич

ГБОУ ВО МО Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А. А. Леонова

Руководители компаний считают, что самый лучший способ обеспечить себе светлое будущее — это получить прибыль, все остальное является лишь средством ее достижения. Для оценки качества управления важным фактором является не прибыль, а «управленческие решения» которые способствуют стабильному получению этой прибыли.

Российской социологической энциклопедией дается определение управленческого решения как «формально зафиксированный проект какого-либо изменения в организации, в осуществлении которого помимо субъекта решения участвуют и другие члены организации [1, с.117]. Такое решение есть элемент отношений руководства — подчинения, то есть принимается «за других» и выступает как фактор власти в организации. Принятие такого решения означает определение необходимости и цели предполагаемого изменения, а также включение его в систему организационных отношений; осуществление управленческого решения подразумевает наличие в нем плана, а затем и самой деятельности по достижению цели» [4, с.590].

Лазарев трактует понятие управленческое решение как «творческое, волевое действие субъекта управления на основе знания объективных законов функционирования управляемой системы и анализа информации о ее функционировании, состоящее в выборе цели, программы и способов деятельности коллектива по разрешению проблемы или изменению цели» [5, с.94].

В учебнике Пироговой дается такое понятие управленческого решения: «Управленческое решение — это результат анализа, прогнозирования, оптимизации, экономического обоснования и выбора альтернативы из множества вариантов достижения конкретной цели системы менеджмента» [2, с.125].

В связи с данными факторами управленческие решения делятся на традиционные и нетрадиционные [4, с.591]. Традиционные решения, это решения, которые ранее неоднократно использовались. В таком случае лучше выбрать один из использовавшихся вариантов. Нетрадиционные, это нестандартные управленческие решения. Они разрабатываются для поиска новых вариантов управленческого решения.

В Америке принятия управленческих решений связаны в основном с экономической сферой. Даже если конкретные случаи их влияют на государственную политику, на скорость технологического прогресса, на общественную, окружающую и культурную среду, а так же на условия, в которых работают люди, эти полномочия все равно являются экономическими [4, с.592].

Обычно в принятии решения присутствуют три момента: интуиция, суждение и рациональность [3, с.16].

1. Осипова Г. В. *Российская социологическая энциклопедия / Под общей редакцией академика РАН Г. В. Осипова, 1998.*
2. Пирогова Е. В. *Управленческие решения. Учебное пособие — Ульяновск: 2010.*
3. Фатхутдинов, Р. А. *Управленческие решения: учебник / Р. А. Фатхутдинов. — М.: Инфра-М, 2005.*
4. Нарижняк, М. О. *Сущность управленческого решения / М. О. Нарижняк. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2015. — № 8 (88). — С. 590-592.*
5. Лазарев, В. Н. *Управленческие решения: текст лекций / В. Н. Лазарев. — Ульяновск: УлГТУ, 2011.*

ВНЕДРЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.

**Федотова Татьяна Владимировна
ГБОУ ВО МО "Технологический университет"**

Социальные технологии одна из самых спорных, интересных и практически значимых тем науки управления. Все большую актуальность приобретают социальные технологии, которые оказывают значительное влияние на управленческие процессы, в том числе на управление образованием. Применение социальных технологий в системе управления стало решающим для успеха в сетевом сообществе. Они создают инновационную среду для воспроизводства и обеспечивают необходимым уровнем управления. Тем не менее, в ближайшие несколько лет «новые социальные технологии» изменят систему управления.

Понятие «социальная технология» вошло в научный оборот только в 40-х годах XX в. Термин «технология» составляет основу данного понятия, но технология не в традиционном смысле, затрагивающем только материальное производство, а в более широком – затрагивающем и социальную сферу. Широкое понятие социальных технологий определяется как совокупность потенциально произвольных эффективных социальных задач, поддающихся многократному решению, способов достижения намеченных результатов, оказывающих социальное воздействие на поведение человека, социальных групп, различных социальных структур. Существуют и другие определения социальных технологий. Например, социальная технология определяется как совокупность приемов, методов и воздействий, применяемых для достижения

поставленных целей в процессе социального планирования и развития, решения разного рода социальных проблем.

Активная разработка понятийного аппарата и содержательных компонентов социальных технологий началась в зарубежной социологии в 50–60-х гг., а в России в 80-х гг. XX в. и изначально формировалась в теории социологии управления. Единого понятия социальной технологии в теории социологии не сформировано до сих пор.

В условиях динамических социальных изменений в мировой практике управления все в большей мере утверждается инновационный метод освоения социального пространства – его технологизация. Социальные технологии выступают как интеллектуальный наукоемкий ресурс, использование которого позволяет не только изучить и предсказать различные социальные перемены, но и активно влиять на практическую жизнь, получать эффективный прогнозируемый социальный результат [1].

Социальные технологии в управлении образованием в первую очередь связаны с компьютеризацией и автоматизацией образования. Основные функции управленческого процесса включают контроль и мониторинг различных операций или действий.

Социальные технологии позволяют все большему количеству пользователей участвовать в глобальном диалоге, создавая свой собственный контент, а не просто потребляя его. В последние годы система образования сталкивается с альтернативами в обучении и преподавательской деятельности с использованием новых и многоцелевых технологий, в которых они преобразовали среду обучения [2].

Эксперты в системе образования обсуждают негативные последствия цифровизации и то, как она может улучшить административные услуги образовательных учреждений и соответствующих департаментов. Обсуждение потенциала социальных технологий должно стать возможностью ответить на следующий вопрос для будущих исследований посредством фундаментальных концептуальных размышлений и эмпирически ориентированных вкладов: какие социальные технологии наиболее важны в текущей социальной среде? Как мы можем их изучить? Какое будущее у социальных технологий и сетевого сообщества в системе управления образованием?

1. Лупанов В.Н. Социальные технологии в системе управления открытым образованием. // *Современные проблемы науки и образования*. 2008. №3. С.41-45 [Электронный ресурс] <https://www.elibrary.ru/> (дата обращения 03.10.2021)
2. Использование социальных технологий в управленческой деятельности. [Электронный ресурс] <https://otherreferats.allbest.ru/management/00018390> (дата обращения 03.10.2021)

ОСОБЕННОСТИ РЕАКЦИИ ВЛАСТИ НА ПРОТЕСТНУЮ АКТИВНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

**Фролов Александр Альбертович,
Егоров Даниил Владимирович**
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МД-855.2020.6 «Мобилизация и демобилизация в современных практиках протестной активности».

Протестную активность можно определить, как активность, направленную на «оспаривание», «отрицание» социальной деятельности, принципов общественно-

политической жизни [1, 252]. Чаще всего протесты – результат негативного восприятия гражданами действий властей, затрагивающих их личные интересы. Тип реакции власти на протестную активность в интернет пространстве зависит от ее формы и масштаба освещённости события. К основным формам политического протеста в сети интернет можно отнести: флешмоб, производство различного аудио, видео и текстового контента, создание сетевых сообществ. В статье приведены основные реакции власти на протестную активность в сети интернет: игнорирование, диалог, запрет и противостояние в информационном поле.

Первый вид реакции – игнорирование. Чаще такой реакции подвержены флешмобы, поскольку чаще всего данные практики сводятся к развлекательному контенту и не переходят в офлайн-формы. Другой вариант реакции власти на онлайн-флешмобы это – диалог. Такая форма наблюдается, когда выполняются 2 условия: достаточно широкий охват флешмоба в СМИ и наличие конкретных требований от протестующих. Диалог наблюдался в случае с флешмобом в поддержку принятия законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Также стремление к диалогу со стороны власти можно наблюдать и в случае с акцией независимых СМИ, в ходе которых ряд редакций СМИ, признанных иностранными агентами, потребовали, чтобы власти остановили кампанию против независимых СМИ.

Ещё один вид реакции: запрет. Этот вид реакции чаще всего применяется в отношении какого-либо контента, размещаемого в сети и способного повлиять на отношение общества к власти. Чаще всего блокируются видеоролики, размещаемые на видеохостинге YouTube. Однако данный вид реакции может распространяться и на текстовые обращения, тиражируемые в социальных сетях и мессенджерах.

Последним типом реакции является противостояние в информационном поле. Этот тип реакции наблюдается в решении локальных вопросов. Такая реакция проявляется в случаях, когда власть не готова пойти на диалог, но при этом не имеет или не может использовать административный ресурс для удаления нежелательного контента. В этом случае она старается публиковать максимум материалов в сети интернет для создания противовеса протестной повестке. Так, например, происходило во время антимусорных кампаний в Ярославской области в 2018 году и во время протестов против строительства храма в сквере Екатеринбурга в 2019 году.

1. Савченко И.А. Политический протест в современном обществе: технологический подход // Теория и практика общественного развития. 2012. №2. С. 252-255

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Холоденко Юрий Александрович
МГУ им. М.В. Ломоносова

Мировое сообщество вступило в эпоху масштабных социальных изменений. Они разрушают привычный образ жизни людей, систему социальных связей, характер и формы занятости населения. Их важнейшими факторами выступают глобализация и цифровая революция. Они создают дополнительные возможности для ускоренного внедрения современных информационных технологий, Однако они же обостряют риски общественного развития, оказывают противоречивое влияние на принципы социального управления, бросая своеобразный вызов современному государству.

Пандемия COVID 19 вызвала глубочайший кризис в глобальной экономике. Так, по итогам 2020 года падение ВВП стран ЕС превысило 7%, США – 3,5%, РФ – 3,1%. [1]

Масштабное сокращение ВВП в большинстве ведущих экономик мира ужесточает условия конкурентной среды на рынке труда. Для поддержания конкурентоспособности производители вынуждены всё более активно внедрять технологические, продуктовые, маркетинговые инновации. Динамизируется процесс внедрения цифровых технологий, что способствует разрушению сложившихся условий занятости. Всё более активно на производстве человека заменяет робот. И хотя Российская Федерация не входит в число лидеров в области роботизации, риски для российского рынка труда очевидны. Это серьёзный вызов для государственного управления.

Цифровизация актуализирует проблему цифрового неравенства, которое проявляется в неравном доступе граждан к Интернету и информации в цифровом пространстве. Это является серьёзным социальным риском цифровой революции. Российская Федерация характеризуется высоким уровнем цифрового неравенства. Согласно индексу «Цифровая Россия», на конец 2018 года 25% населения России не имело доступа к интернету[3]. Преодоление цифрового неравенства – ещё один вызов для российского государства.

В России в результате цифрового перехода наблюдается расширение новых форм занятости. Это актуализирует проблему неформальной занятости. Отдельные специалисты считают, что этот показатель составляет 25 млн. человек, или 30% занятых в экономике страны [2,88]. Находясь вне сферы «государева ока», неформальная занятость создает для государства дополнительные социальные риски, в числе которых криминализация социально – трудовой сферы, сокращение доходов государственного бюджета. Решению данной проблемы должно было помочь введение в качестве эксперимента с 1 января 2019 года в четырех субъектах РФ новой системы налогообложения - «Налогов на профессиональный доход». Он взимается по ставке 6% от реализации товаров и услуг юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям и 4% - физическим лицам. Несмотря на пандемию, эксперимент признан успешным. В 2021г. «налог на самозанятых» действовал уже на всей территории РФ. Однако подобная новация не решает многих проблем цифровизации, прежде всего – социального страхования и пенсионного обеспечения. На наш взгляд, в обозримой перспективе именно работа в данном направлении станет одним из приоритетов государственного управления в социальной сфере.

1. Росстат: ВВП России в 2020 г. снизился на 3,1%. *Kommersant.ru/doc/4671959* (10.09.2021).
2. Социальные изменения в условиях цифровой среды: коллективная монография. Под ред. В.П. Васильева. – Москва, : МАКС Пресс, 2020. – 240с.
3. «Цифровая Россия». [Электронный ресурс]. Режим доступа: [*https://finance.skolkovo./downloads/documents/FinChair/ResearchReports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Full_2019-04_ru/pdf.\(03.010.2021\)*](https://finance.skolkovo./downloads/documents/FinChair/ResearchReports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Full_2019-04_ru/pdf.(03.010.2021))

АНАЛИЗ КАДРОВЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ОТРАСЛИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ МЕТОДОМ ОНЛАЙНОВОГО ОПРОСА ЭКСПЕРТОВ

**Царева Анна Владиславовна,
Воробьев Сергей Алексеевич, Брейдер Наталья Андреевна
Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт физической культуры
(СПбНИИФК)**

Обеспечение организаций отрасли физической культуры и спорта квалифицированными кадрами предполагает комплексный подход, учитывающий не только текущее состояние кадрового рынка, но и изменение показателей

востребованности работников в перспективе под воздействием различных факторов. Кадровые потребности отрасли являются частью сложно организованной, многоуровневой системы социально-экономического взаимодействия, включающей в себя действующие организации различных форм и специализации в области физкультуры и спорта, рынок спортивных услуг и товаров, инфраструктуру спортивных и физкультурных объектов, институты основного и дополнительного образования и подготовки в области физкультуры и спорта и т.д. На характеристики этой системы оказывает воздействие комплекс дополнительных факторов, включая общее состояние экономики, уровень доходов и благосостояния населения, знания, ценности и привычки в области здорового образа жизни, климатические и ландшафтные характеристики той или иной территории, способствующие или препятствующие развитию различных видов спорта и т.д. Изменчивость этих факторов в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе создает значительные трудности для определения четких ориентиров прогнозирования кадровой потребности отрасли.

В этой связи актуальным является формирование информационной базы, включающей в себя оценки состояния и перспектив кадровой потребности со стороны представителей отрасли на различных уровнях, от организаций, обеспечивающих население услугами физической культуры и спорта, до принимающих решения органов власти. База экспертной информации может использоваться представителями отрасли как инструмент информационного обеспечения для принятия управленческих решений, отражающий количественные и качественные характеристики кадровой потребности на всех уровнях, от федерального до муниципального и уровня отдельных организаций. В 2020-2021 гг. Санкт-Петербургским научно-исследовательским институтом физической культуры и спорта Российской Федерации с использованием метода онлайн-опроса экспертов. В исследовании приняли участие представители органов власти различных уровней, а также руководители и специалисты по кадрам организаций физической культуры и спорта регионов Российской Федерации. В ходе двух этапов опроса, 6-23 июля 2020 г. и 15 – 30 июня 2021 г., было заполнено 4562 анкеты, получены данные по количественным показателям кадровой потребности, качественным характеристикам ситуации с заполняемостью вакансий, специфике требований к уровню квалификации и образования специалистов на различном уровне (регионов, муниципалитетов, организаций и пр.), выявлением перспектив развития новых кадровых позиций в связи со строительством и реконструкцией спортивных объектов и т.д.

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Цимбалюк Ольга Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Современные условия в образовательном учреждении отдают приоритет активным технологиям обучения [1]. Данные условия характеризуются большой скоростью изменения информационных технологий, повсеместным их распространением и огромным количеством доступной литературы [3]. В этих условиях обучающихся необходимо научить пользоваться приобретенными знаниями и ориентироваться в них. Для достижения этого образовательные организации переходят на использование активных технологий, к которым относятся технологии развития критического мышления. Объясняется это требованиями Федерального государственного образовательного стандарта достижения метапредметных результатов, что подразумевает построение индивидуальной образовательной траектории, умение обучающихся

самостоятельно определять цели своего обучения и планировать пути их достижения, а также осуществлять осознанный выбор наиболее эффективных способов решения своих учебных задач и контроль своей деятельности [2].

Чтобы в этом убедиться, мы провели пилотажное социологическое исследование среди школьников. Его гипотезой стала мысль, что в условиях цифровизации образования технологии развития критического мышления будут способствовать формированию у школьников ответственного отношения к образованию посредством развития таких умений, как выделять для себя главное и проверять достоверность поступающей информации за счет рассуждений.

В качестве методов исследования были использованы: 1) теоретический уровень: анализ, синтез и обобщение психолого–педагогической, методической литературы по исследуемой проблеме; изучение нормативно–правовой документации в области образования; 2) эмпирический уровень: педагогическое исследование (организация выполнения школьниками анкетирования по предложенной методике); 3) статический уровень: анализ результатов исследования.

В результате исследования нами было выявлено, что из 53 учащихся из двух 8-х классов 70% легко верят поступающей информации, отношение к вредным привычкам отрицательное, то также имеются ответы «нейтрально» и «положительно», что рекомендуется свести к нулевым показателям. Заключительное анкетирование показало существенные изменения в отношении учащихся к восприятию поступающей информации. Графа «легко верю новой информации» с 70% снизилась до 45%, отрицательное отношение к вредным привычкам возросло и превысило 80%.

1. Заир-Бек С.И. Развитие критического мышления на уроке: Пособие для учителя / С.И. Заир-Бек, И.В. Муштавинская. – М.: Просвещение, 2004. – 175 с.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования / Министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: Просвещение, 2010. – С. 41(Стандарты второго поколения).
3. Чатфилд Т. Критическое мышление. Анализируй, сомневайся, формируй свое мнение.: Альпина Паблишер, 2019. – 328с.

РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ В ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

**Чернышов Сергей Павлович,
Чернышова Анна Геннадьевна
ГБОУ ВО МО "Технологический университет"**

Любое общество, как известно, представляет собой сложную, многоуровневую, целостную и динамически развивающуюся систему. Необходимым элементом любой системы является управление, благодаря которому обеспечивается сохранение и развитие, упорядочение структуры, взаимодействие с окружающей средой и достижение определенной цели (целей) системы. На существующую и функционирующую в обществе систему управления постоянно оказывается влияние различных факторов извне, в результате которого в ней происходят фундаментальные перемены.

В структуре любой организации, пусть даже небольшой по численности входящих в нее людей, ориентированной на выполнение нескольких функций, возникает специфический социальный феномен - *управление*, а оно приводит к появлению отдельных личностей или их групп, специально занимающихся *управленческой деятельностью*. [1, 7].

Управление осуществляется путем целенаправленного влияния на условия жизни людей, их ценностные ориентации, поведение и имеет в качестве основной задачи обеспечение хорошо скоординированной целенаправленной деятельности как отдельных

участников совместных усилий (трудовых, политических, спортивных и др.), так и социальной организации (системы) в целом.

Результатом конкретной управленческой деятельности является управленческое решение. Выработка и принятие решения в деятельности руководителя любого уровня – это творчески процесс, который включает в себя несколько этапов:

- постановка и выработка цели;
- на основе имеющихся данных изучение проблемы;
- выбор критериев эффективности, результативности и возможных последствий принимаемого решения;
- обсуждение и поиск различных вариантов решения задачи(проблемы), выбор оптимального решения;
- определение конкретных задач по решению для исполнителей.

Каждое принимаемое управленческое решение должно иметь свой конкретный результат, поэтому целью управленческой деятельности является нахождение таких методов, средств, форм, и инструментов, которые могли бы содействовать достижению оптимального результата в конкретных условиях и обстоятельствах.

Достижение конкретного результата принимаемого решения основывается на достоверной, прогнозируемой и текущей информации, на проведенном анализе всех факторов, которые могут оказывать влияние, а также необходимо учитывать возможные последствия принимаемых решений. Значительную роль в этом случае имеют социологические методы сбора информации.

Вовлечение к подготовке, выработке, принятию и внедрению управленческих решений специалистов-социологов в настоящее время является необходимостью. Большой выбор методов социологических исследований позволяет проводить качественный анализ проблем и способов их решения на всех этапах управления, прогнозирования и проектирования. [2, 6].

Во многих странах социология давно и успешно включена в механизм государственного управления. Эффективность управления в современных условиях зависит от качества получаемой информации, ее точности, достоверности, полноты, оперативности и т. п. Именно это способна предоставить современная техника социологического исследования.

1. Афонин И.Д., Бузмакова Т.И., Кирилина Т.Ю., Мумладзе Р.Г., Смирнов В.А. *Социология управления. Учебник для аспирантов // Под общ. ред. д.соц.н., проф. Т.Ю. Кирилиной. – М.: Издательство «Русайнс», 2016. – 337 с.*
2. Чернышова, А.Г. *Методология социологических исследований [Электронный ресурс] / А.Г. Чернышова, В.И. Антоненко, Т.И. Бузмакова // Научный журнал Социально-гуманитарные технологии. – 2016. - № 2 (2). - С. 4 – 9. - Режим доступа: <http://sgtjournal.ru/2017/10/10/журнал-№2>.*

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ В СТИЛЕ «LIFE-LONG LEARNING»

**Черняева Галина Владимировна,
Черняева Галина Владимировна
МГУ имени М.В. Ломоносова**

Традиционный алгоритм социального становления, социализации личности «семья – школа – профессиональная подготовка – работа» с характерной сменой значимости субъектов влияния на личность (значимых других), доминировавший последние два столетия, вследствие интенсивной цифровизации общества на рубеже XX – XXI столетий существенно дополняется новым вектором – социальным саморазвитием, для которого в современных условиях характерны: мобильность, оперативность,

неформализованность, индивидуальная избирательность, поливариантность, сетевая форма.

Формирование концепта «Life-long learning» (непрерывное обучение, обучение на протяжении всей жизни, далее – LLL) вызвано социальными потребностями и социальной необходимостью, LLL становится новой социальной ценностью (как терминальной, так и инструментальной) и за редким исключением находит приверженцев среди различных возрастных, профессиональных, этнических и иных социальных групп. Так, например, по результатам исследования, проведенного Высшей школой экономики, число россиян, занимающихся самообразованием, выросло с 2015 по 2019 годы с 21 до 37%, а среди респондентов в возрасте 55 – 64 лет число желающих учиться новому возросло с 12% в 2015 г. до 29% в 2019 г. [1]. Рост интереса к LLL-технологиям у людей в предпенсионном и пенсионном возрасте связан с увеличением периода активной деятельности, быстрым устареванием знаний, необходимостью подработки в новых сферах деятельности, увеличением свободного времени, стремлением удовлетворить отложенные потребности в обучении и некоторыми другими причинами.

В персональном менеджменте как области научно-практического управленческого знания ценность LLL аргументирована одним из основателей персонального менеджмента Н. Хиллом, а также положившим начало методологических исследований Дж. Мерфи: уже в середине прошлого века они писали о важности системного целенаправленного самообразования. Позже Б. Трейси, изучивший биографии более 300 миллионеров, эмпирически подтвердил высокую значимость непрерывного обучения для достижения финансового и социального успеха. Среди сформулированных им 21 принципа успеха миллионеров более половины касаются ключевых идей LLL [2].

Успешное осуществление персонального менеджмента в стиле «Life-long learning» предполагает: формулирование персональных стратегических целей; выбор индивидуально приемлемых эффективных образовательных траекторий и инструментов; активное формирование и постоянное развитие информационных компетенций; определение четких тайм-диапазонов и ритмов отдыха – работы – обучения; умелое применение методик персональной поддержки, мотивирования и самостимулирования обучения.

1. *Век учись: что такое концепция lifelong learning и как она способствует успеху / Б. авт. 22.12.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10311985> (дата обращения: 14.09.2021).*
2. *Трейси, Б. 21 секрет успеха миллионеров / пер. с англ. Е.Г. Гендель. – Мн.: Попурри, 2001. – 128 с.*

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ИЗУЧЕНИИ ЛИДЕРСТВА

Шагиахметова Алия Хусаиновна

Школа трансформационных решений "Uniqaline"

Для современного этапа изучения лидерства характерен интерес к моральной и этической ответственности лидеров.

Согласно исследованию бизнес-школы Университета Экстера [1], руководители, которые обладают эмпатией, честностью и заслуживают доверия, имеют больший потенциал для повышения производительности в своих организациях. Исследователи вводят понятие «служаший лидер» (servant leader) для обозначения руководителей, которые создают позитивную культуру доверия и справедливости на рабочем месте.

«Наше исследование показывает, что «служаший лидер», являющийся этичным, заслуживающим доверия и имеющий реальную заинтересованность в благополучии и

развитии персонала, приносит реальные положительные результаты на рабочем месте. Сотрудники более позитивно относятся к своей работе и чувствуют себя способными стать более креативными. Результатом является рост производительности», - говорит д-р Аллан Ли, ведущий автор доклада.

«Учитывая результаты исследования, мы рекомендуем организациям стремиться к тому, чтобы servant leaders занимали влиятельные должности, чтобы были соответствующие программы обучения и отбора лидеров», - добавляет д-р Ли.

Согласно результатам исследования, организациям было бы полезно создать и укреплять культуру, способствующую повышению доверия и справедливости.

Коллектив авторов из бизнес-школы Университета Экстера (Англия), Университета Сингидунум (Белград), Университета Суррея (Англия) и из Даремского университета (Англия) изучали процесс прощения [2]. В первом опросе приняли участие 254 сотрудника из восьми организаций четырех стран, во втором использовался экспериментальный сценарий, в котором участники реагировали на гипотетического руководителя, а третий был среди 262 рабочих в США.

Авторы исследования обозначают прощение не просто как морально-этический процесс, но и считают это инвестицией, поскольку способность к прощению способствует более позитивному взаимодействию на рабочем месте.

«Люди не идеальны, и поэтому время от времени неизбежно что-то идет не так. Организациям было бы неплохо внедрить методы и инструменты обучения прощению. В их интересах создать культуру на рабочем месте, которая поощряет прощение на всех уровнях как средство восстановления и поддержания отношений» — считают авторы.

Если обратиться к теоретико-методологической основе изучения морально-этических аспектов лидерства, то большинство исследователей (Г. Хинтерхубер, К. Штайльман и др.) [3] во многом ссылаются на теорию категорического императива, предложенным И. Кантом: «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого так же как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству».

Проведенные исследования подчеркивают важность взаимной поддержки, что способствует преобразованию последователей в лидеров, а лидеров в моральных агентов, то есть лидеры и последователи поднимают друг друга на более высокий уровень мотивации и морали.

1. *Bosses who put their followers first can boost their business* // <https://www.sciencedaily.com/releases/2019/04/190425073631.htm>

2. *Forgiving your boss can increase job satisfaction* // http://www.exeter.ac.uk/news/research/title_727529_en.html

3. Шагахметова, А. Х. *Лидерство: теория, практика и международные стандарты.* – Казань : Познание, 2012. – С.17-22

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОЦЕССОВ УПРАВЛЕНИЯ В СТРАНАХ-УЧАСТНИКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Шаповалова Анна Михайловна
ЮФУ

Глобальная цифровая трансформация дает большой спектр возможностей для реализации основных направлений деятельности стран-участников ЕАЭС. Как заявлено в программе об «Основных направлениях реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года», «Цифровая трансформация — проявление качественных, революционных изменений, заключающихся не только в отдельных цифровых преобразованиях, но и в

принципиальном изменении структуры экономики», в условиях, когда «происходит цифровая трансформация повседневной жизни, деловой среды и государственного управления»[1].

Цели реализации цифровой повестки заключаются в актуализации сложившихся механизмов интеграционного сотрудничества в рамках Союза с учетом глобальных вызовов цифровой трансформации в обеспечении качественного и устойчивого экономического роста государств Союза, в том числе для ускоренного перехода экономик на новый технологический уклад, формирования новых индустрий и 4 рынков, развития трудовых ресурсов. Реализация цифровой повестки позволит странам-участникам ЕАЭС создавать условия на своей территории для отраслей будущего и быстрыми темпами двигаться к выравниванию уровня экономического развития стран [2].

Реализация цифровой повестки в странах-участниках ЕАЭС активно вошла в жизнь союза и задает ориентиры для других стран, выводя союз на новый этап интеграции, с применением информационно-интеграционных технологий, цифровых моделей и различных бизнес-проектов.

Так, в Республике Армения реализуется Программа Правительства Армении и Стратегия электронного Правительства (2017–2022 гг.), где регулируется предоставление государственных и общественных услуг, в том числе и электронных. Следует отметить, что большинство государственных органов власти полностью или частично перевели свои услуги в электронную форму, что способствовало улучшению взаимодействия внутри государственных органов (государственные доходы, визовая система, система государственного реестра, регистрация собственности и т.д.).

В Республике Беларусь, в рамках цифровой трансформации по развитию электронного правительства, проводится постоянная и системная работа. Создан единый портал электронных услуг «Электронное правительство», которое является одной точкой доступа для всех пользователей, развивается система предоставления электронных государственных услуг и административных процедур гражданам и бизнесу.

Между государственными органами власти и организациями используется СМДО – система межведомственного электронного документооборота, для обмена электронными документами. Создается белорусская интегрированная сервисно-расчетная система. В процессе внедрения идентификационная карта гражданина Республики Беларусь, которая позволит владельцу эффективный доступ к электронным услугам, платежным инструментам и административным процедурам.

В рамках по переходу на цифровое государство, сокращено время на получение государственных услуг в среднем в 2 раза. Открыты и работают 12 миграционных и 16 цифровых ЦОН, в 2 раза сокращен средний пакет документов, сокращен на 60% средний срок оказания услуг, сокращено 110 млн. бумажного оборота. Уровень удовлетворенности населения оказанием услуг 85,7%. Работа по автоматизации государственных услуг продолжается. Пересматриваются подходы по оптимизации госуслуг, что позволит в 2019 году автоматизировать 80% всех услуг. Функционирует электронная биржа труда. С ее помощью процесс трудоустройства населения сокращен вдвое, а сама процедура трудоустройства стала прозрачной. В общем система позволила сократить издержки работодателей, соискателей. Услугами биржи уже воспользовались более 87 тыс. работодателей и 418 тыс. соискателей. На портале опубликовано более 29.7 тыс. вакансий и 55.2 тыс. резюме.

В Республике Кыргызстан, в рамках цифровой трансформации функционирования государственных организационных структур, Правительством были созданы государственные предприятия «Укук» и «Соцсервис», которые осуществляют разработку и сопровождения информационных систем для государственных организационных структур. С 2019 года успешно работает система межведомственного электронного взаимодействия «Тундук». 2019 год был объявлен годом развития регионов и цифровизации страны, запущен Государственная система электронных платежей, Портал

открытых данных Кыргызской Республики, а также Государственный портал электронных услуг.

В рамках приоритетных национальных проектов РФ, контексте цифровой трансформации, и реализации национальной программы «Цифровое государственное управление» Правительству РФ поручено до 2024 года обеспечить решение задач по разработке и внедрению национального механизма осуществления согласованной политики стран-участников ЕАЭС. В условиях формирования цифровой экономики повышается роль совместных инициатив и проектов в направлениях, обеспечивающих технологические прорывы в традиционных отраслях и создающих новые отрасли народного хозяйства. В 2016–2019 годах цифровая трансформация экономики ЕАЭС в основном была сосредоточена на следующих отраслях и направлениях: транспорт и логистика, торговля, промышленность, финансы, энергетика, умные города и т.д. [2]

В соответствии с Основными направлениями реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года, специальным проектом в рамках цифровой трансформации процессов управления интеграционными процессами являются расширение возможностей интегрированной информационной системы ЕАЭС, а также создание странами-участниками ЕАЭС необходимых сервисов для хозяйствующих субъектов и граждан. В основе управления интеграционными процессами лежат общие процессы ЕАЭС. Руководством Союза принят комплекс правил и технологических документов, регламентирующих информационное взаимодействие при реализации средствами интегрированной информационной системы ЕАЭС отдельных общих процессов [2].

В 2018 году был организован межгосударственный проект, Конкурс инновационных проектов «Евразийские цифровые платформы». Данный проект планируется осуществлять на постоянной основе. Использовать как международную площадку в сфере цифровой трансформации процессов управления стран-участников Союза для экспертизы и обмена практическим опытом, катализатором процессов реализации цифровой повестки [3].

В реализации стратегии до 2024 года по цифровой трансформации, развитию трансграничного пространства доверия между странами-участниками Евразийского экономического союза планируется формирование межгосударственных электронных услуг для граждан стран-участников ЕАЭС, межгосударственных институтов электронного нотариата, а также других межгосударственных сервисов для максимального вовлечения в процесс электронного взаимодействия с различными международными организациями и государствами, не являющимися членами ЕАЭС.

ЦИФРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НОВЫЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ.

Щетинина Маргарита Юрьевна
МГУ им.М.В.Ломоносова

Цифровая революция, как глобальный процесс, затрагивает и организации, и отдельных лиц. Цифровизация отражает процесс преобразования аналоговых данных в цифровой формат. Ключевой движущей силой этого процесса является технический прогресс, в частности, в сфере информации и телекоммуникаций. Чтобы обеспечить как продуктивные, так и привлекательные рабочие места в эпоху быстрых изменений, важное значение приобретает применение эффективных управленческих практик. Таким образом, в статье делается попытка определить, где технологические силы и тенденции определяют организацию работы и что современное руководство может сделать, чтобы лучше адаптироваться к этому развитию. Для этого используется междисциплинарный

исследовательский подход, включая аспекты экономики труда, психологии труда и управления бизнесом.

Цифровизация глобально меняет рынок труда. Это проявляется как в способах коммуникации, месте работы, так и в целях самой деятельности. Трансформируются не только бизнес-процессы, но и рабочие места занимаются представителями других поколений, выросших под влиянием новых технологий. И они все сильнее видоизменяют существующие корпоративные ценности и модель организации труда. В связи с этим вынуждены появляться и новые стили управления.

Когда миллениалы и поколение Z попадают на рынок труда, их поведенческие характеристики меняют отношение к работе. Оба поколения разделяют такие ценности, как мобильность, жизнь настоящим, быстрое реагирование и свобода информации [1, 8]. Они стремятся к независимости и интуитивно используют информационные технологии, везде чувствуют себя как дома и предпочитают домашний офис и неполный рабочий день [1, 101]. Именно эти характеристики значительно трансформируют отношение к современному рабочему месту, вызывая большую гибкость, автономность, сотрудничество в социальных целях, интеграцию технологий и совмещение работы и личной жизни [2, 17].

С появлением удаленной работы и технологических инструментов и ростом производительности сотрудники нацелены на проявление гибкости руководства [4, 6]. Экономика совместного использования и рынки фрилансеров расширяются очень стремительно: все чаще работники нанимаются для выполнения определенной задачи или на определенное время. Такая экономика обусловлена ценовым давлением, с которым сталкиваются работодатели, с одной стороны, и растущим желанием сотрудников получить дополнительный опыт для большей профессиональной независимости [3, 22].

Такие трансформации на рынке труда достаточно новы, и то, как рост цифровой экономики влияет на рабочее место, лидерские качества, производительность, а также необходимость применения новых управленческих стилей, все еще недостаточно изучены.

СОЦИОЛОГИЯ И ПРИНЯТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Ямковая Анна Александровна
ЮРИУ РАНХиГС

В жизни современного общества управление играет ключевую роль. От управленческих решений зависит эффективность работы организации. Если управленец ошибется - это может привести к серьезным проблемам и долговременным трудностям. Вопросам принятия управленческих решений посвящено множество исследований. Все они направлены на поиск правильного алгоритма, который поможет управленцам не допускать различного рода ошибок. Но возможно ли отыскать идеальный подход к управлению?

Исследования по данным вопросам, встречаются в самых разных научных областях. Авторами предлагаются различные методы принятия наиболее эффективных управленческих решений. Учитывая тот факт, что управление неизменно связано с людьми, можно говорить о важности использования социологических исследований и методов в данном вопросе. Именно социология представляет собой науку, занимающуюся изучением общества, его элементов, закономерностей его существования и развития.

В социологии разработаны концепции, касающиеся вопросов принятия решений. Так, можно выделить теории корпоративной культуры, политического взаимодействия, а также коллективного обучения. [2, 51]

В основе теории корпоративной культуры лежит понимание, что развитие коллективных ценностей, традиций в организации повышает эффективность ее работы. Развитие культуры позволяет руководителю принимать управленческое решение с учетом интересов подчиненных, особенностей их мышления, что обеспечит его эффективное выполнение со стороны коллектива. Это приведет к слаженной работе внутри организации, ее правильному и плодотворному функционированию. [1, 345]

Теория политического взаимодействия заключается в изучении групп, возникающих внутри организации, каждая из которых обладает определенными интересами. Управленческое решение выступает в качестве поддержки одной из них, способной повлиять на других участников коллектива. В рамках данной концепции происходит распределение ролей и статусов среди членов групп.

Теория коллективного обучения уделяет внимание сложности внутриорганизационной среды. В связи с этим управляющий и коллектив находятся в постоянной обучении, получают новые знания. Такая связь между ними помогает руководителю наиболее точно понимать атмосферу внутри организации и, исходя из этого, принимать решения, которые будут эффективными. Подобное взаимодействие позволит также лучше донести решение до коллектива и максимально его реализовать.

Необходимо упомянуть также и социальную инженерию, являющуюся особым разделом социологии. Она представляет собой совокупность процедур, позволяющих воздействовать на объект управления и преобразовывать, изменять его. [3, 4386]

Социальный мониторинг является инструментом, позволяющим получать обратную связь от управляемого объекта. В связи с этим эффективность управления повышается, так как учитываются ошибки решений, принятых ранее. [4, 1120]

Таким образом, можно говорить о том, что социология достаточно подробно разрабатывает такой аспект управления, как принятие решений, предлагая различные способы и методы, которые имеет смысл изучать и действующим и будущим управленцам.

1. Унылова А. В. Теоретические подходы к определению корпоративной культуры и ее классификация // *Социально-гуманитарные знания*. 2014. №7. С. 343-348.
2. Белоусов А. Г. Проблемы принятия решений в социологии // *Science Time*. 2015. №7. С. 51-61.
3. Уржа О. А. Социальная инженерия в решении вопросов развития муниципальных образований // *IV Всероссийский социологический конгресс. Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов*. 2020. С. 4834-4844.
4. Кох И. А. Социологический мониторинг как инструмент повышения эффективности государственного и муниципального управления. // *IV Всероссийский социологический конгресс. Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов*. 2020. С. 1116-1123.

Секция 6. Инновации в социологическом образовании

ПРОБЛЕМА КОНВЕРТАЦИИ ЗНАНИЙ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

Артамонова Марина Васильевна
НИУ ВШЭ

Стремительное наступление цифровых технологий подтверждает переход на новый этап развития информационно-коммуникационной среды. На всех уровнях происходит значительные перемены.

Основные вызовы цифровизации:

инфраструктурные: хранение большого количества данных, организация быстрого доступа из любой точки мира;

сервисные: удобный и эффективный поиск в неструктурированном массиве данных, возможность многократно копировать информацию и создавать новые документы из редких книг и статей; трансформация данных в знания (оцифровка, распознавание, понимание).

Оцифровка печатных изданий связана с большими трудозатратами. Несмотря на существование программного обеспечения, процесс, в частности, сканирования связан с использованием человеческого труда. В связи с этим возникает ряд проблем. Что подлежит сохранению(оцифровке),а что, можно игнорировать. Отсутствуют объективные критерии содержательного отбора материала. Применение формальных признаков (год издания, например) грозит невосполнимыми содержательными потерями. Тотальная цифровизация, дорогая процедура, доступная крупным библиотекам, университетам. Информационная революция поставила под угрозу всю печатную культуру. Все что не оцифровано перестает быть доступным, перестает быть «потребляемым», переходит в категорию архивных документов. Вопросы конвертации знаний в эпоху цифровизации требуют системного подхода

ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ахмедова Муслимат Газиевна
Финансовый университет при Правительстве РФ

Образовательные инновационные процессы стали предметом специального изучения западных ученых примерно с конца 50-х годов XX в. и в последние десятилетия в нашей стране. Необходимость в инновационной образовательной деятельности в современных условиях развития общества, культуры и образования в России определяется рядом обстоятельств.

Во-первых, необходимость радикального изменения системы образования связаны с коренными социально-экономическими и политическими преобразованиями в современной России. Происходит ряд объективных процессов, связанных с массовым развитием высшего образования, усилением международной конкуренции в научно-исследовательской среде и выходом на глобальный рынок образовательной системы.

В-вторых, в условиях рыночных отношений создается реальная ситуация конкурентной борьбы. Каждое учебное заведение, чтобы выжить, должно быть конкурентоспособным, «видеть предметное поле любого исследования как рынок

и применять при построении такой модели рыночные категории». При таком подходе предметом исследования высшего учебного заведения в поле его институциональных практик выступает «рыночная адекватность вуза». [1] Университеты должны в первую очередь ориентированы на бизнес, и в то же время получать дополнительные доходы для финансирования научно-исследовательских проектов, что существенно меняет экономическую основу и идеологию университета, превращая тем самым их в корпоративные управленческие структуры. Новым этапом в развитии университетов выступает академический капитализм, где роль рынка становится основным фактором конкурентоспособности университета.

Во-третьих, усиление цифровизации содержания образования, а, также непрерывное изменение объема, состава учебных дисциплин, введение новых учебных курсов требуют постоянного поиска новых организационных форм, технологий обучения.

Важнейший вывод, состоит в том, что при проведении реорганизации, реформ, в области системы образования «необходимо обращение к традиционным глубинным социокультурным, психосоциальным и социально-антропологическим истокам результативности тех или иных социальных технологий, которые вполне успешны и эффективны на сложившейся в той или иной стране культуре труда и учебы, отношении к иерархии профессиональных статусов, дисциплине, ответственности, нормативно-ценностных ориентациях целевых групп и популяции в целом».[1]

В такой модели образования системно интегрированы лучшие и вместе с тем высоко релевантные страновой специфике мировые образовательные стандарты и технологии.

1. Ванхемпинг Э. Г., Новак М. А. (2020) Инновационные практики и гражданские инициативы в образовании поколения Z. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений. С.144-145, 227, 234.

ПРИЧИНЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ В РОССИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

**Богомолова Алла Викторовна,
Катаев Дмитрий Валентинович,
Тарасов Алексей Николаевич,
Бурмыкина Ирина Викторовна
ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского**

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства просвещения РФ в рамках исполнения государственного задания на НИР 2021 года, научный проект на тему: «Исследование миграции учителей и выпускников педагогических вузов между регионами (причины,

Во многих современных гуманитарных исследованиях, посвящённых анализу социокультурной ситуации в России, состояние российского общества определяется как переходное. Более того, учёные, говоря о специфике состояния современного российского общества, определяют его как социокультурная трансформация (Buzgalin, 2019: 50; Dianova, 2016: 11; Коган, 2017: 88). Такая характеристика предполагает наличие системных и качественных изменений, затрагивающих абсолютно все сферы жизни социума. В переходные периоды все социальные институты, да и общество в целом оказываются втянутыми в сложные процессы поиска новой социокультурной парадигмы (Tarasov, 2016: 11997). Не является исключением в этой связи и система образования,

которая в силу своей специфики должна адекватно реагировать на изменения, идущие в обществе.

Одним из маркеров идущей социокультурной трансформации в системе российского образования выступают процессы профессиональной (трудовой) миграции педагогических кадров (учителей и выпускников педагогических направлений подготовки), на что обращают внимание многие исследователи (Romah, 2016: 4; Ter-Akorov, 2018: 176; Eldyaeva, 2018: 81). В частности, замечено, что активная фаза социокультурной трансформации формирует условия для интенсификации процессов трудовой миграции (Vyzhimova, 2020: 204; Kogay, 2020: 51; Meshkova, 2019: 251).

Множественность подходов к миграции и мобильности, попытки разграничить миграцию и немиграционные формы мобильности, дискуссия об объекте исследования, которая в основном происходит вокруг известной концепции «мобильного поворота» Дж. Урри, как и отсутствие чёткого понимания, что из себя представляют «мобильные методы», в совокупности являются вызовом не только для социологического теоретизирования, но и для эмпирических исследований.

В этой связи, классическое утверждение М. Вебера о «неувядающей молодости социальных наук» и об эвристической ценности любых методов и понятий, которая обнаруживается только в сравнении, уподоблении, смещении при проведении эмпирических исследований (Weber, 1988: 206; Kataev, 2018: 148), могут быть переформулированы и к проблеме профессиональной миграции. С одной стороны, динамика социальных процессов диктует образование новых понятий и теорий (Tarasov, 2018: 2570), и в нашем случае речь идет о «мобильном повороте» и «привязанности к месту», а, с другой, – обилие качественных стратегий, именуемых «мобильными методами», требуют теоретической и эмпирической проверки.

Неопределенность в дефиниции мобильных методов наслаивается на антиномичность двух теоретических подходов. Речь идёт о противопоставлении «поворота мобильности» или «новой парадигмы мобильности» (Urry, 2008) и о «концепции привязанности к месту» (Di Masso, 2019). Согласно «парадигме мобильности» Дж. Урри, «новый тип мышления» охватывает «все социальные образования от отдельно взятого домашнего хозяйства до огромных корпораций, которые предрасположены ко многим и различным формам фактического и потенциального движения» (Urry, 2008: 6, 18). В этой логике, учителя как акторы социальных образований должны безусловно склоняться к трудовой миграции, так как этого требует «новый тип мышления» или им должны быть присущи такие смысловые структуры.

В соответствии с «парадигмой привязанности к месту», напротив, у учителей в большей мере должна обнаруживаться склонность остаться в своём родном регионе. Это подразумевает желание оставаться рядом с объектом привязанности (Buckle, 2017) такому, например, как место жительства педагогического работника, поэтому неудивительно, что большинство количественных показателей привязанности к месту отражают нежелание человека покинуть родной дом (Di Masso, 2019).

Цель настоящей статьи: разработка концептуальной основы исследований миграции учителей и выпускников педагогических вузов через пересборку и эмпирическую проверку концепций «мобильного поворота» и «привязанности к месту» на основе анализа данных, полученных по результатам социологического опроса в 18 регионах Российской Федерации, проведённого в августа-сентябре 2021 года.

Мы предполагаем, что недавно появившиеся стратегии «мобильного поворота» и «привязанности к месту» требуют эмпирической верификации для раскрытия своего эвристического потенциала, а выявление «работающих» положений обеих парадигм и их комбинация раскроют их возможности.

У российских исследователей (Glazkov, Strel'nikova, 2015; Nikishin, 2019) различные определения мобильной методологии имеют свои сильные и слабые стороны. Соглашаясь с утверждением Е.А. Никишина относительно ограниченности

мейнстримной ресурсно-ориентированной методологии (хотя автор использует иной язык описания), мы не согласны с определением мобильных методов как «слабой программы», т.е. как «транспонирование традиционных качественных подходов к исследованию социального неравенства в плоскость мобильной социологии, а точнее, перенос фокуса исследования на проблематику перемещений в физическом пространстве» (Nikishin, 2019: 105). Трактовка же К. Глазкова и А.В. Стрельниковой с опорой на М. Бюхера как «комбинирование «традиционных» методов получения исследовательской информации (преимущественно качественных и включающих в себя опросные, визуальные, экспериментальные техники) с «мобильной» методикой, при которой исследователь получает информацию последовательно, в процессе перемещений, так или иначе связанных с изучаемым объектом (Büscher, 2011)», также фокусируется на качественных «традиционных» методах, игнорируя количественную методологию и смешения самих мобильных методов.

В целом, проблематике социальной мобильности посвящено огромное количество исследований. Это классическое исследование П.А. Сорокина в русле структурного функционализма (Sorokin, 1992), институциональные исследования профессиональной мобильности С. Липсета и Р. Бендикса (Lipset, Bendix, 1991), П. Блау и О. Дункан в рамках теории обмена стремились обосновать возможности актора для осуществления мобильности (Blau, Duncan, 1967). Классические парадигмы конфликта или «критической теории» так же посвящают значительную часть исследований возможностям социальной мобильности, однако их фокус мало соотносится с темой настоящего исследования и не отличается спецификой методологии при исследовании мобильности.

В современных социологических теориях наблюдается поворот к индивидуализации (Bauman, 2001; 2013). Благодаря этому происходит изменение в оптике исследования в сторону субъекта и соответствующей методологии исследования. Переживания актора, его интенциональность, изменения индивидуального пространственно-временного восприятия становятся главным в исследовании социальной мобильности. Биографическое описание, феноменология и телесность становятся отправными точками исследователя.

Однако означает ли «мобильный поворот» полный отказ от традиционных методологических подходов? Является ли городское пространство «... множественными и пересекающимися системами мобильности» (Trubina, 2011) с вытекающим требованием принципиально новой методологии? Возможен ли полный отказ от места и привязанности к месту в пользу мобильности как таковой? На наш взгляд, однозначного ответа на этот вопрос мы не найдем. Скорее всего речь должна идти о комплексной и преемственной методологии с учетом специфики социальных процессов. Оставив в стороне «ретроспективность» мобильных методов, когда исследователь вынужден смотреть «назад» и настоящие события «ускользают» от него, как и упрощенную «плоскую генерализацию» традиционных методов, когда из измерений показателей власти, престижности и власти формируется общая картина (Nikishin, 2019: 110), проанализируем мобильные методы с точки зрения эвристической ценности исследования миграции учителей, так как это входит в общую логику «стратегии смешивания методов», за счет комбинирования сильных сторон одних методов и минимизации недостатков других, достигаются более целостные, насыщенные результаты (Poluchina, Morgan, 2015).

Каждый из мобильных методов позволяет посмотреть «снизу» на процессы мобильности, погрузиться в индивидуальные переживания актора, даёт доступ к телесности и рефлексивности актора, его пространственным практикам (Michel de Certeau, 2002). В то же время при исследовании больших социальных групп, когда целью является выявление общих закономерностей протекания событий, определение миграционных потоков, выявление причин мобильности и миграции, мобильные методы

могут выступать лишь как вспомогательные в комбинации с традиционными количественными и качественными методами, как и не могут быть применены по отдельности.

Поэтому настоящее исследование направлено на выявление общих закономерностей в трудовой миграции учителей. Для этого мы применяем традиционную количественную методологию. Объектом исследования стали учителя и выпускники педагогических вузов, предметом – причины, практики и последствия миграции учителей и выпускников педагогических вузов между регионами РФ. Опрос проводился в 18 субъектах Российской Федерации среди учителей, выпускников педагогических вузов, ректоров педагогических вузов, директоров школ и руководителей государственных служб, управляющих системой образования в субъектах. В социологическом опросе использовалась многоступенчатая выборка, т.е. тип вероятностной выборки или метод отбора, при котором на каждой, кроме последней, ступени построения выборки объекты группируются в некоторые структурные единицы (кластеры), среди которых и производится отбор.

Выбор в каждом федеральном округе (ФО) осуществлялся с учётом данных о численности учителей (согласно данным Министерства просвещения: Сведения по форме статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организациях, осуществляющих деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2020/2021 учебного года. Раздел 3.1. (строка: Учителя). Был выбран одним субъект в каждом федеральном округе по показателю с максимальным числом учителей.

Всего было опрошено 47 работников администрации, 202 директора школ, 6 ректоров вуза, 3065 учителей и 1132 выпускников вузов. Анкеты в гугл-форме были разработаны с учетом специфики целевой аудитории. Опросы ректоров, директоров и работников администрации должны определить макросоциологическую оптику на причины миграции на этапе профессиональной подготовки и трудовой деятельности на уровне социальных институтов и управления образовательными процессами. Опросы о причинах миграции учителей и выпускников педагогических вузов, позволяют посмотреть на причины миграции «снизу», т.е. с точки зрения интенциональности самих акторов.

Вторая перспектива связана с формированием и действием участников миграционных процессов. С одной стороны, это опрос ректоров и выпускников вузов на стадии формирования, а, с другой, – директора, работники администрации и сами учителя, которые непосредственно участвуют в процессе.

Эвристическая ценность такой двухуровневой (макро- и микросоциологических уровней) и двухэтапной (формирующей и акционистской) позволит также прояснить статус и валидность двух парадигм: «парадигмы мобильности» и «привязанности к месту».

Характерное для современного переходного периода развития российского общества (социокультурной трансформации) развитие технологий ставит задачу перераспределения трудовых ресурсов и, соответственно, актуализирует идею профессиональной миграции и мобильности. Работники переходят из одной сферы деятельности в другую, равным образом, как и совершается этот процесс внутри какой-то одной сферы, например, системы образования. Для последней этот процесс заметно активизировался весной 2020 года в связи с введённым локдауном, когда впервые заявила о себе альтернатива замещения роли учителя цифровыми технологиями.

Первой категорией опрошенных о причинах трудовой миграции выступили ректоры высших учебных заведений Российской Федерации. Мнение этой категории опрошенных представляется важным, поскольку в стенах университетов готовятся кадры для сферы образования и именно здесь можно уловить настроения будущих

потенциальных учителей на процессы профессиональной миграции в образовательной среде.

Руководителям образовательных организаций высшего образования был задан следующий вопрос, относящийся к выявлению причин трудовой миграции педагогических работников: «Оцените степень значимости перечисленных причин трудовой миграции учителей/профессиональной мобильности и выпускников педагогических вузов (педагогических направлений подготовки) по пятибалльной шкале, где 1 – не имеет значения; 5 – оказывает решающее значение». Были получены следующие результаты:

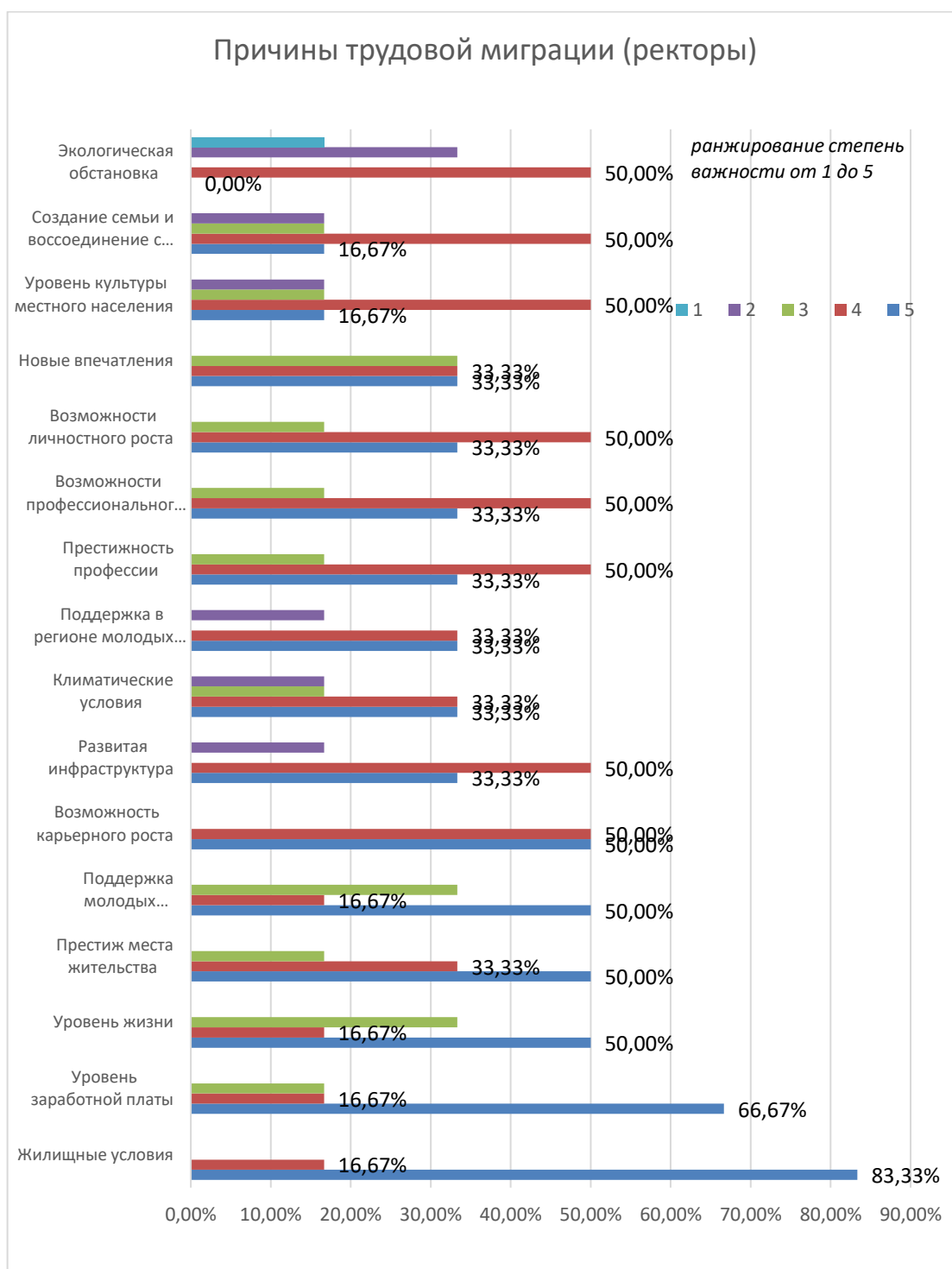

Рис. 1. Результаты опроса о причинах миграции (респонденты: ректоры вузов)

Данные представленные по итогам опроса ректоров высших учебных заведений Российской Федерации (Рис. 1) свидетельствуют о том, что основными причинами, способными повлечь на профессиональную миграцию учителей и выпускников педагогических направлений подготовки, называются материальные факторы. К числу таковых отнесены: жилищные условия, уровень заработной платы, уровень жизни в каждом концертном регионе.

Этот же вопрос, но уже заданный представителям региональных и муниципальных органов управления образованием, показал такой же подход в ответах к ранжированию причин профессиональной миграции (Рис. 2):

Рис. 2. Результаты опроса о причинах миграции (респонденты: руководители региональных и муниципальных органов управления образованием)

Следующей группой респондентов, принявших участие в опросе в августе-сентябре 2021 года о причинах профессиональной миграции учителей и выпускников педагогических направлений подготовки, выступили директора школ. Это та категория респондентов, которая знает о причинах профессиональной миграции и мобильности педагогических кадров «изнутри». Каждый руководитель образовательной организации

общего образования на конкретном примере понимает, почему учителя решаются на уход из школы или принимают решение о смене места работы (переход в другую школу). Результаты опроса этой категории респондентов представлены следующим образом (Рис. 3):

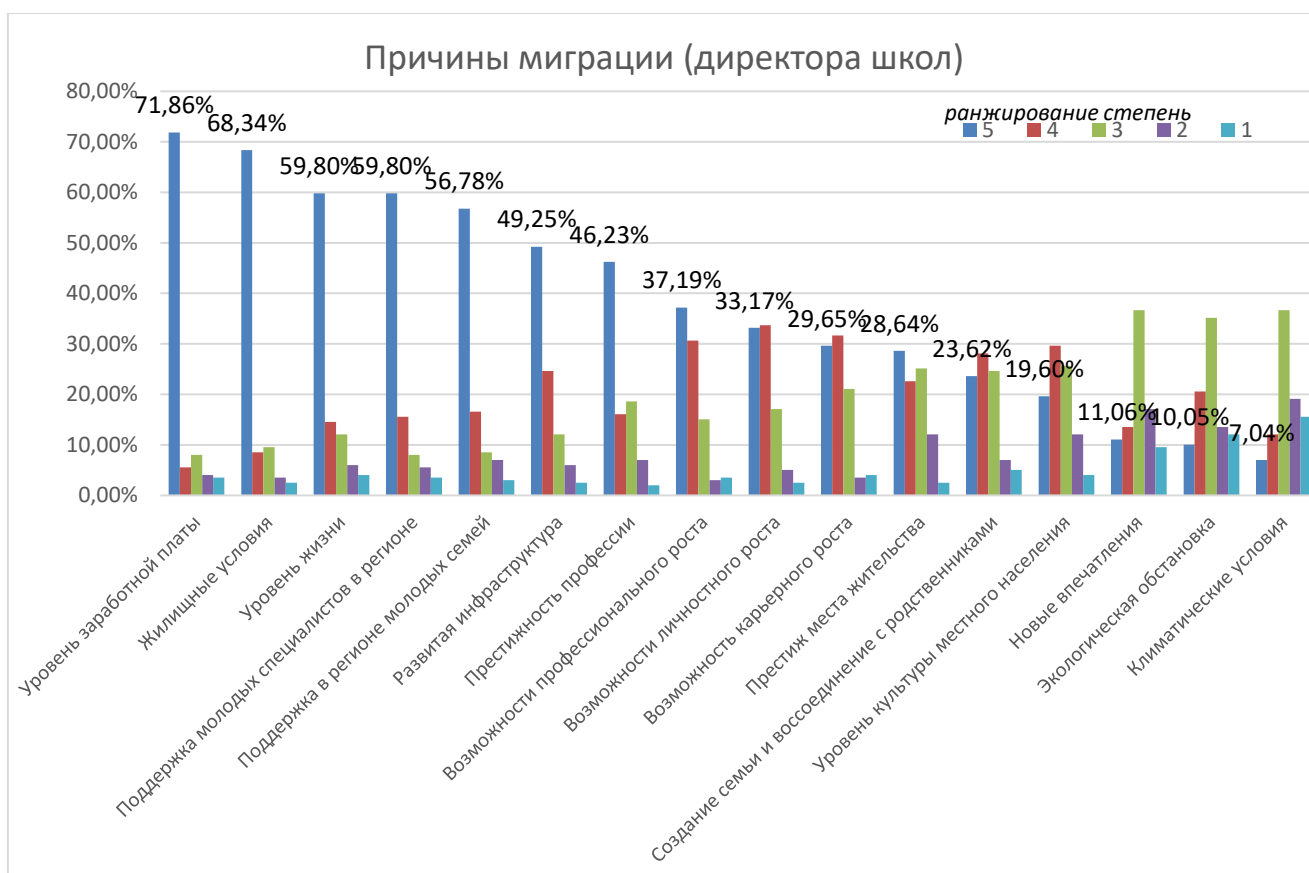

Рис. 3. Результаты опроса о причинах миграции (респонденты: директора школ)

Данные представленные на рис. 3 вновь свидетельствуют о том, что материальные факторы оказываются первостепенными в вопросах причин профессиональной миграции учителей и выпускников педагогических направлений подготовки.

Значительный интерес для выявления причин профессиональной миграции в образовательном пространстве современной российской школы, представляют данные опроса, который проводился среди педагогических работников, каковые и выступают непосредственными участниками миграционных процессов и мобильности.

Учителям был задан следующий вопрос: «Что могло бы стать причиной Вашей (возможной) трудовой миграции?». Ответ предполагал ранжирование, при котором 1 – самая малозначимая причина миграции, а 5 – самая значимая причина.

Результаты опроса, проведённого среди учителей (Рис. 4) показывают, что для них первостепенную роль играют материальные факторы. Среди этих факторов на первом месте стоит уровень заработной платы. Следующими по значимости примерно с равными показателями оказались жилищные условия и уровень жизни в каждом конкретном регионе. Эти результаты показывают, что проблема материального обеспечения педагогических работников, несмотря на все предпринимаемые попытки по его увеличению, по-прежнему стоит очень остро, а множественные попытки по её разрешению пока не возымели должного эффекта.

В ходе опроса учителей оказалось, что для них, наряду с материальными причинами миграции, существенную роль также играют факторы социального характера, а именно возможность личностного роста. Сравнение этих данных с теми результатами, которые были получены в ходе опроса руководителей высших учебных заведений и руководителей системы образования несколько расходятся, поскольку в приведённых выше показателях (Рис. 1; Рис. 2; Рис. 3) роль этого социального фактора представлена как второстепенная.

Это вселяет определённый оптимизм, поскольку свидетельствует о том, что наряду со значимостью материального фактора, для самих учителей по-прежнему не менее существенной оказывается возможность личностного и профессионального роста.

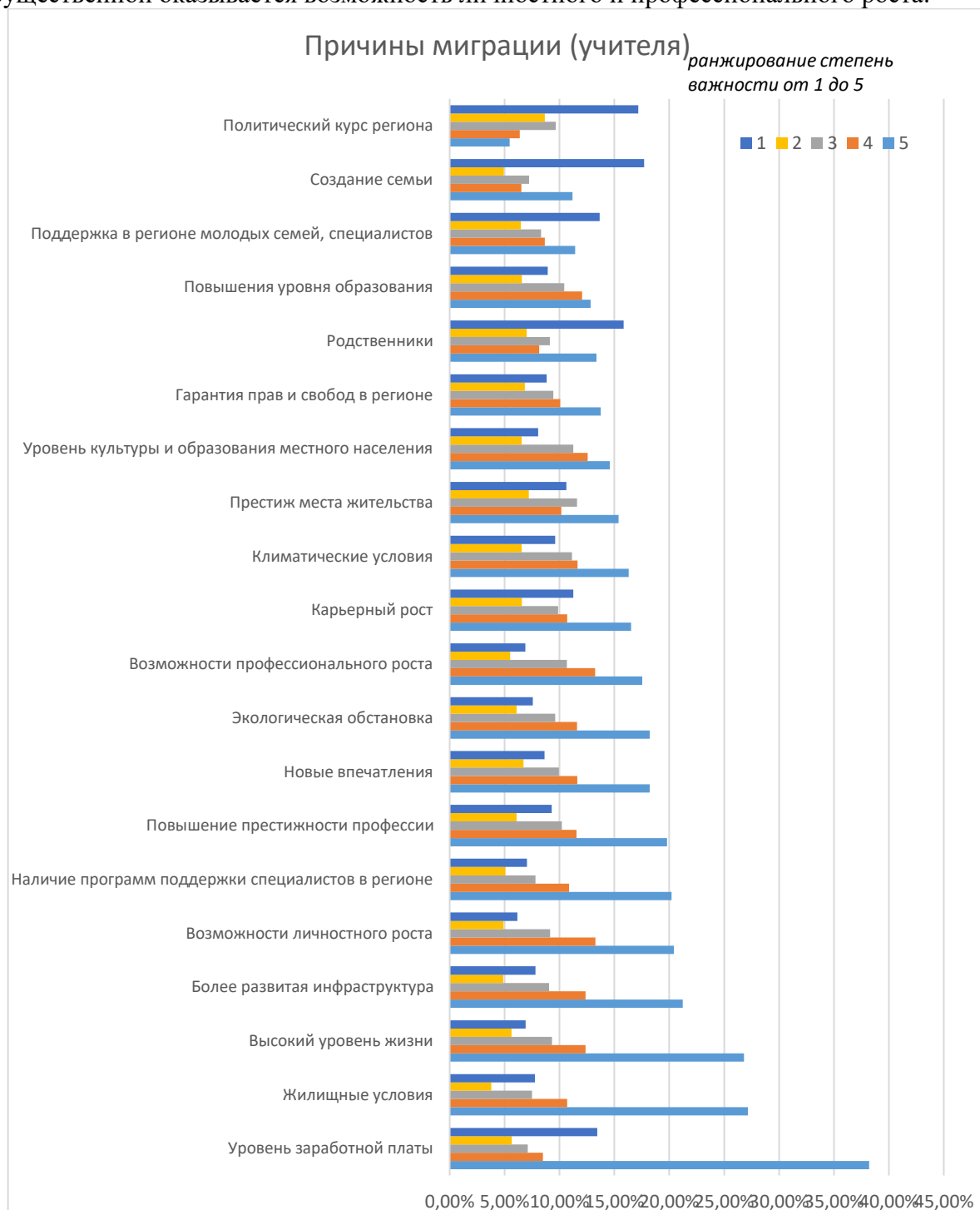

Рис. 4. Результаты опроса о причинах миграции (респонденты: учителя школ)

Пятой группой респондентов выступили выпускники педагогических направлений подготовки (Рис. 5). Эта группа представляет не меньший интерес, поскольку эта категория – будущие кадры системы общего образования Российской Федерации.

Ранжирование причин профессиональной миграции в этой группе, с одной стороны, подтвердило идею о значимости материального фактора – вновь уровень заработной платы назван в качестве основной детерминанты профессиональных миграционных процессов. Однако, с другой стороны, вторым по значимости показателем респонденты этой категории указали возможности личностного роста. Это позволяет заключить, что на этапе становления (на первом-втором году работы) для молодого специалиста в системе образования значимость материального фактора оказывается не столь существенной, нежели чем для работников, имеющих солидный педагогический стаж.

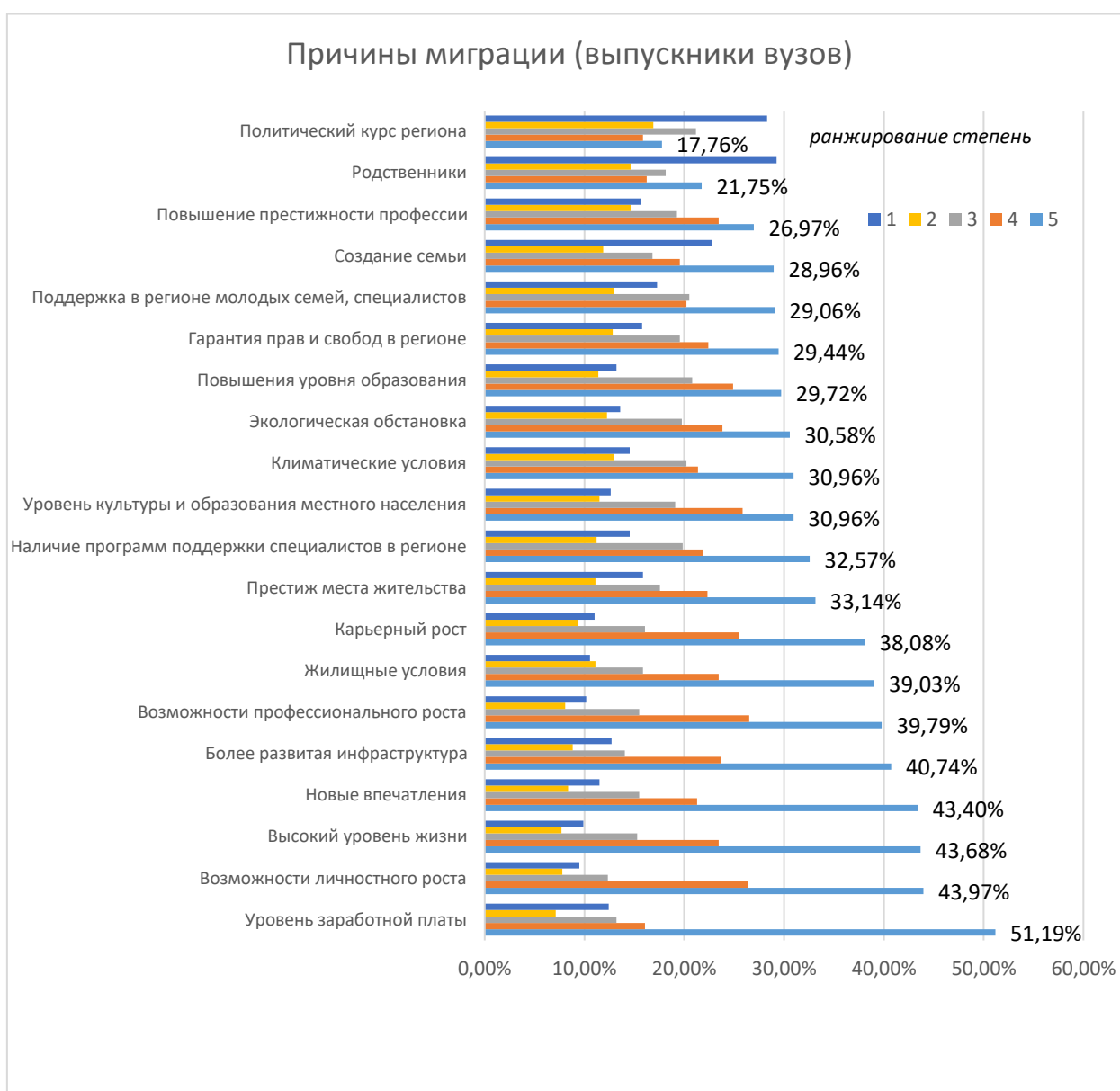

Рис. 5. Результаты опроса о причинах миграции

(респонденты: выпускники педагогических направлений подготовки)

Вторая группа вопросов, также связанная с выяснением причин трудовой миграции в системе современного российского образования, касалась текущих настроений учителей и выпускников педагогических направлений подготовки относительно их желания совершить переезд в другой регион с целью продолжения работы в школе. Данные, представленные в диаграмме (Рис. 6), отражают настроения респондентов в отношении переезда в другой субъект Российской Федерации для проживания и работы. Десятая часть всех опрошенных уже осуществили такой переезд, а около трети иногда задумаются об этом. При этом также около трети всех опрошенных никогда не собирались переезжать и не задумывались об этом. Следующая диаграмма (Рис. 7) показывает предпочтения респондентов в выборе места работы по профессии учителя. Четверть всех опрошенных хотели бы переехать в крупнейшие города страны – Москву и её агломерацию, Санкт-Петербург. При этом менее пятой части респондентов хотели перейти в другую школу в своём же населённом пункте.

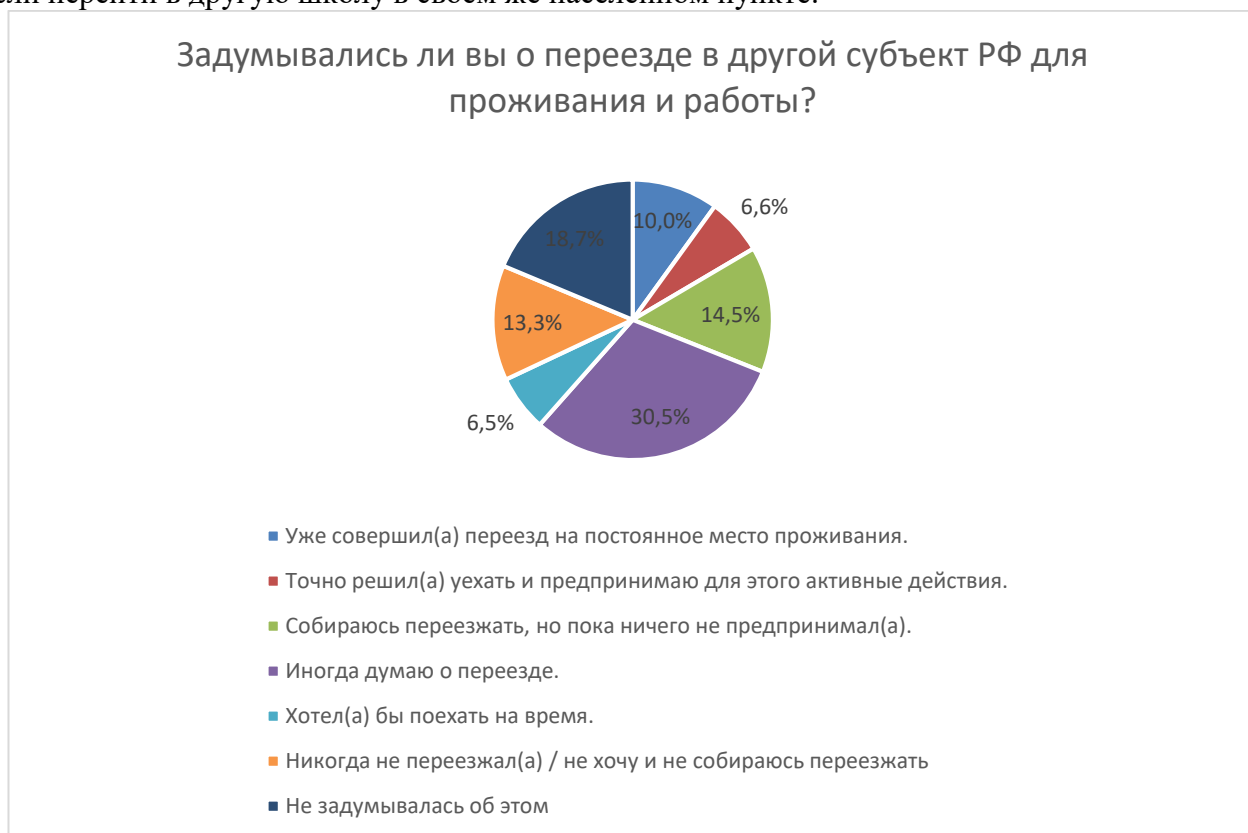
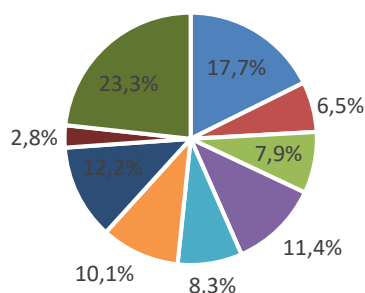

Рис. 6. Результаты ответа на вопрос: «Задумывались ли Вы о переезде в другой субъект Российской Федерации для проживания и работы?»

Задумывались ли Вы о другом месте места работы, не уходя из профессии учителя, укажите предпочтительное для вас место работы.

- Другая образовательная организация в моем населенном пункте
- Образовательная организация в сельском поселении моего субъекта РФ.
- Образовательная организация в административном центре муниципального района моего субъекта РФ.
- Образовательная организация в административном центре моего субъекта РФ.
- Образовательная организация в административном центре другого субъекта РФ
- В Москву.
- В Санкт-Петербург.
- В города или поселения Московской области.
- Другое

Рис. 7. Результаты ответа на вопрос: «Задумывались ли Вы о другом месте работы, не уходя из профессии учителя, укажите предпочтительное для Вас место работы?»

Проведённое исследование показало, что на макро- и микроуровне анализа важнейшими факторами для акторов являются материальные – уровень заработной платы, жилищные условия и уровень жизни – безусловные лидеры. В тоже время мы фиксируем расхождения в представлениях о причинах на микро- и макро- уровнях. На микроуровне коллективных представлений учителей в числе основных причин указываются индивидуализированные ценности: «Возможности личного роста» отметили 43,68% выпускников в качестве возможной причины, среди учителей это 20,41%. На макроуровне коллективных представлений у руководителей вузов, школ и подразделений управления образования эти факторы не столь значимы.

Ни одна из конкурирующих парадигм не нашли полного эмпирического подтверждения. С одной стороны, большинство респондентов задумывались или собираются точно переехать, но, с другой, – только треть респондентов предпринимают шаги для переезда.

Очевидные недостатки мобильной методологии, такие как ретроспективность, как и определённая субъективация переживаемого опыта могут быть сняты традиционной методологией – анкетированием и экспертным интервью.

Если мобильная методология снимает и устраняет недостатки ресурсно-ориентированного подхода благодаря обращению к жизненному опыту, рефлексии актора, упрощенные «генерализации», то традиционная методология способствует объективации социологической информации и обращению к «привязанности к месту».

Таким образом, социокультурная трансформация, характерная для современного российского общества, оказывается фактором, детерминирующим процессы

профессиональной миграции учителей и выпускников педагогических направлений подготовки в аспекте их интенсификации.

Как показало эмпирическое исследование, причины профессиональной миграции, в целом, и миграции учителей и выпускников педагогических направлений подготовки, в частности, во многом схожи и коренятся в первую очередь в факторах материального характера. При этом не снимаются и причины, связанные с личностным и профессиональным ростом, хотя это и является в большей степени определяющим для молодых специалистов.

Что же касается методологического подхода к изучению трудовой миграции в системе современного российского школьного образования, то, как показало проведённое исследование, оптимальной в данном случае выступает «стратегия смешения методов» и двух конкурирующих парадигм: «мобильного поворота» и «привязанности к месту».

1. Buzgalin, A.V., Kolganov, A.I. (2019) *Determinants of the social-class structuring of society and their specificity in the context of systemic transformations. Problems of Philosophy.* № 6. P. 50-61.
2. Vyzhimova, N.G., Pomykalova, M.I., Torban, Ya.A., Burdina, E.A. (2020) *On the problem of preserving the national labor potential. Eurasian Law Journal.* № 10 (149). P. 204-206.
3. Dianova, V.M. (2016) *Culture: evolution through transformation. Bulletin of the St. Petersburg University of Culture and Art.* № 2 (27). P. 11-15.
4. Kogay, E.A. (2020) *Institutional and regulatory resources of regional strategizing (Kursk case). Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology.* № 4. P. 51-56.
5. Kogay, E.A. (2017) *Socio-cultural foundations of modernization of the Russian macrodistrict. Philosophical Sciences.* № 10. P. 88-90.
6. Meshkova, E.Yu. (2019) *Causes and consequences of internal labor migration of the population of Russian regions. Eurasian Scientific Association.* № 6-4 (52). P. 251-254.
7. Romah, O.V. (2016) *Editor's column. Cultural Studies Analytics.* № 1 (34). P. 4.
8. Ter-Akopov, A.A., Maksimova, A.S. (2018) *Internal labor migration of youth: current trends, factors and consequences. Youth labor in the XXI century: challenges and opportunities. Dialogue of generations. Materials of the St. Petersburg International Youth Labor Forum – 2017.* P. 176-180.
9. Eldyaeva, N.A., Kovanova, E.S. (2018) *Driving forces and modern trends of internal labor migration of the population of the region. Modeling the development of the socio-economic potential of the territory in the context of modern challenges. Materials of the international scientific and practical conference.* P. 81-85.
10. Bauman, Z. (2001). *The Individualized Society.* Cambridge: Polity Press.
11. Bauman, Z. (2013) *Liquid Modernity.* N.Y.: John Wiley & Sons.
12. Bressler, Ch., Rotte, C. (2017). *The Relevance of a Migration Background to the Professional Identity of Teachers. International Journal of Higher Education.* Vol. 6, No. 1; 2017. P. 239-250.
13. Buckle, C. (2017). *Residential mobility and moving home. Geography Compass,* 11(5), e12314. <https://doi.org/10.1111/gec3.12314>.
14. Buscher, M., Urry, J., Witchger, K. (2011). *Mobile Methods.* London: Routledge.
15. Di Masso, A., Williams, D.R., Raymond, C.M., Buchecker, M., Degenhardt, B., Devine Wright, P., Stedman, R. (2019) *Between fixities and flows: Navigating place attachments in an increasingly mobile world. Journal of Environmental Psychology.* Vol. 61. P. 125-133.
16. Glazkov, K., Strelnikova, A.V. (2015). *Mobile Methods: Movement as a Part of Research Strategy. Interaksiya. Intervyu. Interpretaciya.* Vol. 7. № 10. P. 79-90.
17. Kataev, D.V. (2018) *Weberian and Anti-Belief Discourse: Towards the Question of the Hypnotic Power of Classics on the Example of "Protestant Ethics". Ekonomicheskaya sociologiya.* Vol. 19. № 5. S. 146-163.
18. Lipset, S., Bendix, R. (1991). *Social mobility in industrial society.* New Brunswick: Transaction Publishers.
19. Michel de Certeau (2002). *The Practice of Everyday Life.* University of California Press, 2002.
20. Nikishin E.A. (2019) *History and perspective of social mobility research after the mobile turn. Journal of Sociology and Social Anthropology,* 22 (2): 93–117
21. Poluhina, E. V., Morgan, D. (2015). *Integrating qualitative and quantitative methods: a pragmatic approach.* SAGE Publications. *Sociologicheskie issledovaniya.* № 6. S. 168–170.

22. Sorokin, P. *Social and cultural mobility* // Sorokin P. *Man, civilization, society* / Ed. A.Yu. Sogomonov. M.: Politizdat, 1992. S. 297-307.
23. Tarasov, A.N. (2018) *A Philosophical Analysis of Renaissance Culture as a Sociocultural Transformation in the Continuum of European Culture. International Journal of Civil Engineering and Technology. Vol. 9. № 11. P. 2569-2577.*
24. Tarasov, A.N. (2016) *Theoretical-methodological Bases of the "Sociocultural Transformation" Concept Explication. International Journal of Environmental & Science Education. Vol. 11. № 18. P. 11993-12003.*
25. Trubina, E.G. (2011). *Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.*
26. Urry, J. (2008). *Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2008. P. 335.*
27. Weber, M. (1988) *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen: Mohr*

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СОЦИОЛОГИИ

Валеева Рушания Дамировна

Казанский национальный исследовательский технологический университет

Несмотря на быстрое распространение онлайн образования и включенность молодежи в сферу электронного обучения, предложений онлайн обучения в области социологии крайне мало.

Причиной недостаточной представленности онлайн образования в области социологии [3,227] можно назвать трудность автоматизированной проверки знаний студентов социологии, составить эффективный тест по социологии не так просто. Необходимо учитывать особенность образования в области социологии, которая заключается в мировоззренческой функции социологии, возможности на основе полученных знаний формировать гражданственность, социальную ответственность, грамотно планировать профессиональную карьеру, семью, вырабатывать критическое мышление. Таким образом, на первый взгляд сложности в процессе оценивания знаний студентов [4,14] можно назвать минусом онлайн образования в области социологии. Но считать так не совсем верно. Контроль знаний с использованием онлайн-технологий имеет как ряд минусов, так и ряд плюсов. В ходе нашего исследования мы изучили данную проблему и предложили способы ее решения.

Форма онлайн образования во многом совпадают с образом жизни молодых людей: активная цифровизация, совмещение нескольких родов деятельности одновременно. Процессы прохождения разделов, уровней, зарабатывание баллов при онлайн обучении [6,4] очень схожа с ходом компьютерных игр, чем привлекательна для молодежи, что является плюсом электронного обучения.

Следующим явным плюсом онлайн образования в области социологии можно назвать онлайн учебники, в которые преподаватели всегда могут вносить любые изменения [2,118], в зависимости от социально-экономической обстановки.

Далее нельзя не отметить переход всё большей доли социологических исследований в онлайн среду. Здесь явным плюсом онлайн образования в области социологии выступает использование при опросах онлайн панелей, проведение качественных социологических исследований в онлайн фокус-групповых дискуссиях в форме чатов, форумов.

Специфика самостоятельной работы студентов на образовательных программах в области социологии предполагает анализ большого объема данных. При онлайн образовании в области социологии важно учитывать распределение нагрузки на студентов, чтобы объем присылаемых преподавателями материала для самостоятельного анализа не перерастал в минус онлайн обучения.

Несмотря на существование противоречий во мнениях исследователей наблюдается заинтересованность экспертов-социологов в использовании онлайн

пространства в процессе образования в области социологии с точки зрения получения первичной информации для анализа быстротекущих социальных процессов. Исследователи отмечают плюсом онлайн образования в области социологии возможность изучения самых разнородных социальных групп [1, 135], сообществ вне зависимости от географических расстояний, национальных и государственных границ.

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ФИНСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Васильчикова Мария Сергеевна
МГУ имени М.В. Ломоносова

Образование во все времена играло особую роль в обществе и в государстве. Финляндия довольно долгое время занимает высокие позиции в образовательной сфере.

Финляндия добилась всемирной репутации как страна, в которой общественное развитие достигается за счет изучения и пополнения интеллектуального капитала. Финны исключительно много внимания уделяют образованию, науке и исследованиям, а также широко используют информационные технологии. Это подтверждают и мировые рейтинги – Финляндия довольно долгое время занимает высокие позиции по оценкам качества образования PISA [3].

Современные финские университеты выполняют одну из ключевых задач в вопросе приращения знания, развития интеллектуального капитала, проведения исследований и повышения качества образования [2].

Помимо этого, стоит отметить постоянную конкуренцию среди университетов за рейтинг по качеству образования, подготовке специалистов в разных областях, по количеству студентов и т.д. «Развивающаяся конкуренция приводит к необходимости разработки и усовершенствования критериев качества работы учебных заведений <...> В контексте дигитализации общества создаются критерии и отдельные типы рейтингов, анализирующие цифровую коммуникацию вузов» [4, с. 207].

В данном случае, особую роль в продвижении университета играет медиасфера [1] – а именно, социальные сети, постоянно развивающиеся и совершенствующиеся. Социальные сети стали площадкой для самопрезентации не только личности студентов и людей по всему миру, но и также помогают развивать и продвигать бренды высших учебных заведений, позволяя пользователям увидеть больше живого контента, реальной жизни, который достаточно сложно получить и ощутить при посещении веб-сайта или в документальном формате – брошюре или газете.

Во время пандемии роль социальных сетей в становлении бренда университета проявляется особенно сильно. Поскольку поступление абитуриентов проводится в большей степени дистанционно, это требует от университетов гораздо большей подготовленности в плане ознакомления будущих студентов с возможностями обучения, проведения досуга, проживания в общежитии, со студенческими организациями и доступными мероприятиями. Поэтому каждый университет стремится презентовать себя и позиционировать свой бренд как наиболее успешный и подходящий для абитуриента.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ: КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБМЕНОВ

Галицкая Диана Владимировна,
Проскурина Александра Сергеевна
МГИМО МИД России

Доклад подготовлен при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (конкурс 2020 года), заявка НШ-2615.2020.6.

Одно из проявлений глобализации в сфере высшего образования — развитие академической мобильности, т.е. осуществление академических обменов между студентами и преподавателями разных стран с целью международной интеграции и совместной деятельности [1].

В докладе анализируются практики академической мобильности русскоязычных студентов с **целью** изучения полученного опыта для определения компетентностного потенциала такой образовательной активности. Опыт академической мобильности рассмотрен с позиций четырёх переменных: *ожидания, проблемные зоны, восприятие возможностей* и приобретаемые *компетенции*. В качестве эмпирического материала использовались тексты 50 интервью со студентами преимущественно социально-гуманитарных специальностей из России, Украины, Белоруссии, Казахстана, имеющими опыт академической мобильности [3].

Интервью иллюстрируют отличия зарубежного образования от отечественной высшей школы и позволяют рассмотреть соотношение между *ожиданиями*, связанными с *мотивами* студентов получить образовательный опыт за границей, и *результатами*, выраженными в получении *компетенций* (soft и hard skills).

В списке самых распространённых *мотивов* на первом месте — целевое накопление профессиональных компетенций, т.е. получение практического опыта для повышения конкурентоспособности — hard skills (14 интервью содержали этот мотив). На следующих позициях расположились мотивы soft skills: языковая практика (12 интервью), желание получить навык адаптации к другим социокультурным условиям (10) и приобретение нового опыта (10).

Среди полученных *результатов* на первое место вышли soft skills: межкультурная коммуникация (28), языковые навыки (19). Получение практического опыта в профессиональной сфере (hard skills) студенты отметили 21 раз. Важно отметить, что к приобретённым навыкам студенты отнесли развитие таких качеств, как самоорганизация, самодисциплина и индивидуальная ответственность (16), что может быть следствием самостоятельного проживания в другой стране и иной организацией управления и контроля за учебным процессом в зарубежных вузах, в том числе за счёт рейтинговой системы как распространённого механизма управленческого воздействия [2].

По результатам факторного анализа выделены два типа студентов. Первые рассматривают академическую мобильность как сознательную инвестицию в будущее, выбирают рациональный подход при достижении целей и ориентированы на hard skills. Второй тип обучающихся характеризуется доминированием эмоциональной установки на образовательный опыт за рубежом. У таких студентов нет чётких представлений о конечных целях зарубежного обучения и приобретаемых компетенций. При этом все студенты получают компетенции soft skills.

В завершении делается **вывод**, что выявленная типология позволяет разрабатывать два типа учебных программ для академической мобильности.

Доклад подготовлен при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (конкурс 2020 года), заявка НШ-2615.2020.6.

1. Корнева О. Ю., Плотникова И. В. Студенческая академическая мобильность: социальные проблемы // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 111-115
2. Носкова А. В., Проскурина А. С. Внутриуниверситетские рейтинги преподавателей: эмпирический кейс МГИМО // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 70.
3. Официальный сайт по организации бесплатного образования за рубежом Grad Study Abroad. URL: <https://gradstudyabroad.ru> (Дата обращения: сентябрь 2021 г.)

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ОБЛАСТИ СОЦИОЛОГИИ: ОГРАНИЧЕНИЯ

Григорьева Екатерина Александровна
Институт социологии ФНИСЦ РАН

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 21-18-00489)*

С тех пор, как процесс обучения вынужденно и повсеместно был переведен в онлайн-формат (полностью или частично), было проведено немало исследований, посвященных выявлению достоинств и недостатков дистанционного обучения и анализу его эффективности. Круг проблем, выявленных в результате данных исследований достаточно широк: от проблем с концентрацией студентов на занятии и снижения общего уровня мотивации учащихся до неравенства в доступе к образовательной среде, созданной посредством дистанционных образовательных технологий. Таким образом, помимо очевидных плюсов дистанционного образования, таких как, например, уменьшение временных затрат на дорогу до образовательного учреждения, обозначился также и спектр серьезных проблем, которые справедливы и для онлайн-образования в области социологии.

Однако особняком стоит проблема другого порядка – далеко не все профессии могут быть освоены дистанционно. Перечень профессий и специальностей, реализация образовательных программ по которым не допускается с применением исключительно дистанционных образовательных технологий был утвержден еще в 2014 г. приказом Минобрнауки России [1]. Речь идет в первую очередь о различных специальностях в области медицины, инженерного дела, искусства, сельского хозяйства. Сложности в дистанционном освоении данных профессий очевидны и не требуют пояснений.

Можно ли освоить социологическую науку, обучаясь дистанционно? Ответ должен быть положительным. Изучение социологии не предполагает использование специального оборудования и не требует с необходимостью проведение очных практических занятий. Однако помимо компетенций, установленных в рамках образовательного стандарта, в процессе обучения студент-социолог может обрести нечто большее, а именно – социологическое воображение и способность мыслить социологически. Данные «компетенции» не заложены в образовательный стандарт, но без них выпускник сможет назвать социологию лишь своей профессией, но не призванием. Отсюда наша попытка понять, затрудняет ли дистанционный формат обучения развитие данного образа мысли или даже делает невозможным его обретение.

С этой целью было проведено качественное исследование среди членов Научного студенческого общества (НСО) социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в формате полуструктурированного интервью. В большинстве своем

студенты выразили серьезные сомнения относительно возможности развития социологического воображения в процессе дистанционного обучения. Рассуждения информантов приводят нас к основному выводу – если даже дистанционные образовательные технологии не препятствуют развитию подобного образа мысли, то сами студенты воспринимают такой формат как нечто ограниченное и, соответственно, не предполагающее развития особых способностей и что-либо сверх учебного плана. Проведенные интервью также позволили детально изучить опыт онлайн-обучения информантов и их отношение к дистанционному способу освоения профессии социолог.

КИНОТЕКСТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕПОДАВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ

Денисова Галина Сергеевна
Южный Федеральный Университет (ЮФУ)

Одна из сложных проблем в преподавании социологии вызвана трудностью интеграции теоретического и эмпирического анализа в формирование практических навыков студентов. Если для практического освоения методов количественных исследований сегодня активно используются средства интернет-технологий, то качественные методы преподаются преимущественно в традиционной парадигме передачи знания. Одним из вариантов развития практических навыков при освоении методов качественного анализа является включение в преподавание кинофильмов, в которых сценарист и режиссер выступают в роли профессионально подготовленных «делегированных наблюдателей» [1]. Они, одновременно, представляют и конструируют реальность. Однако распределение смыслов, которые заложены в кинофильме, и благодаря которым зритель адекватно воспринимает показанную реальность, требуют освоения качественных методов социологического сбора и анализа материала. По сути, требуется совершить «обратный перевод»: за кино-реальностью увидеть методы, которыми она конструируется, что и дает возможность проникновения в смыслы акторов взаимодействий. Этот подход релевантен замыслу И.Гофмана исследовать повседневность в логике театрального представления [2]. Одновременно, он позволяет визуализировать методiku эмпирического использования структурно-конструктивистского подхода П.Бурдьё для верификации теоретической гипотезы [3].

Благодаря кинотексту возможно освоение таких взаимосвязанных качественных методов как наблюдение и фрейм-анализ. Так, формирование практических навыков анализа социокультурного поля осуществляется при реализации техники метода наблюдения за практиками повседневных взаимодействий в фильме «Дьявол носит Прадо». На этот художественный фильм легко накладывается матрица анализа, фокусирующая внимание на таких характеристиках поля, как: ресурсы и язык поля, его культурная программа, границы поля и режим их поддержания, роли в социокультурном поле и др. [4, 32-33]. Описание наблюдений по этой матрице по материалам фильма представляет определенные трудности для студентов, и одновременно – формируют практический навык наблюдения и социологического воображения. Кинотекст также представляет широкие ресурсы для практического освоения метода фрейм-анализа уже потому, что позволяет рассмотреть последовательность кинособытий как целостную социальную ситуацию. Благодаря этому возникает возможность выявить порождение акторами культурных смыслов в определении этой ситуации и действий сообразно этим смыслам в рамках институциональных ограничений. И этот ресурс особенно важен для анализа закрытых социокультурных пространств, таких как институт армии, правоохранитель и др. Хороший материал для такого анализа представляет, например, телесериал «Глухарь», рассматривающий повседневные правовые практики населения и правоохранителей.

1. Кесельман Л. Уличный опрос в социологическом исследовании. Самара: Фонд социальных исследований, 2001. - 80 с.
2. Гофман И. Г57 Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева — М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. — 304 с
3. Бурдьё П. Практический смысл/ Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послел. Н. А. Шматко. — СПб.: Алетейя, 2001 г. — 562 с.
4. Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. — СПб.: Интерсоцис, 2006. — 256 с.

РЫНОЧНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СТУДЕНТОВ-СОЦИОЛОГОВ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

**Дерюгин Павел Петрович,
Панов Станислав Васильевич,
Салфетник Кирилл Александрович,
Салахутдинов Артур Андреевич,
Юй Ян**

Санкт-Петербургский государственный университет

При поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19

Теоретико-методологическую базу исследования составили социологическая теория хозяйствования М. Вебера, концепция терминальных и инструментальных ценностей М. Рокича, теория профессиональной стратификации П. Сорокина, концепция постиндустриального общества Э. Тоффлера и методика сетевой диагностики ценностей [1], [2]. Рыночные ценности определены как индивидуальные и общественные устойчивые убеждения в том, что конкретный способ взаимодействия с экономическими агентами и институтами или конечный экономический результат более предпочтителен, чем альтернативные способы взаимодействия или неэкономические результаты.

В рамках исследовательской работы опрошено 262 студента, обучающихся на образовательных программах «Информационные системы и технологии», «Журналистика» и «Социология». Выборка формировалась неслучайным отбором, респонденты были отобраны по принципу доступных случаев. Основные аналитические материалы представлены на рисунке 1 и в таблице 1.

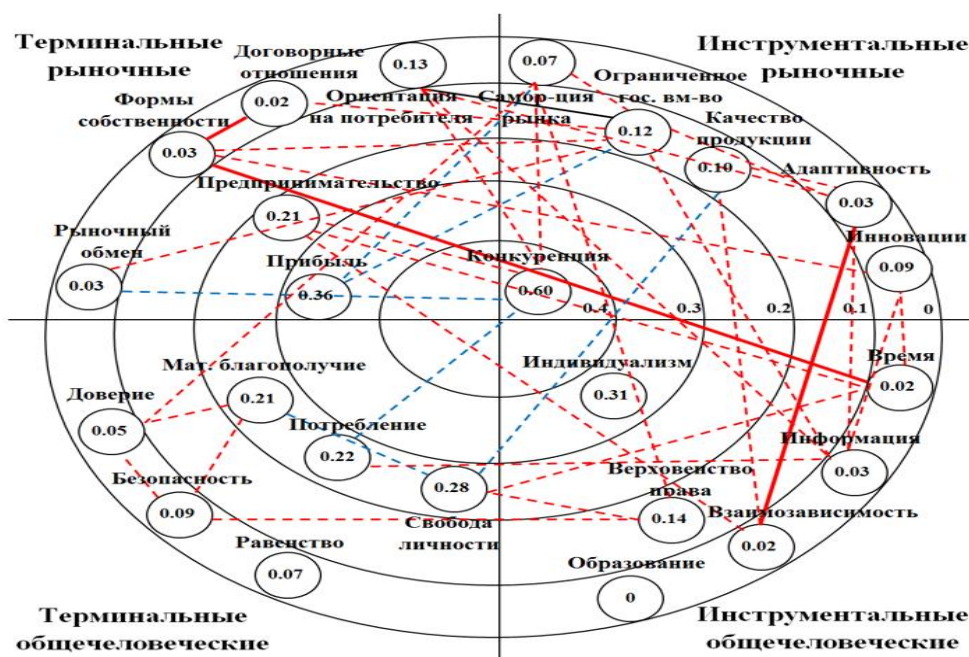

Рис. 1. Сети рыночных ориентаций студентов-социологов

Таблица 1. Обобщенные характеристики рыночных ориентаций студентов

Показатели сетей	Сеть ценностей студентов-программистов	Сеть ценностей студентов-журналистов	Сеть ценностей студентов-социологов
Плотность	0.036	0.047	0.116
Связность	0.047	0.123	0.688
Фрагментация	0.953	0.877	0.312

Основные выводы.

Первый уровень сети ценностей студентов-программистов занимает рыночная ценность «конкуренция», третий уровень занимает рыночная ценность «прибыль». Эта сеть ценностей отличается низкой плотностью, фрагментарностью; ценности разрозненны, в особенности терминальные и инструментальные рыночные ценности. 9 из 24 ценностей не имеют никаких связей. Такие общечеловеческие ценности, как равенство, безопасность и свобода личности имеют высокие показатели центральности. При этом сеть рыночных ценностей студентов-социологов более развита и детализирована, чем сети ценностей других групп респондентов. Большинство сетевых узлов имеют несколько связей с другими узлами, за исключением «индивидуализма», «равенства» и «образования».

В целом, сеть представляется плотной и связной, степень фрагментарности невысока. Студенты-социологи разделяют как рыночные, так и общечеловеческие ценности.

1. Дерюгин П.П. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ. Автореф. дис. док. соц. н. / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2001
2. Deriugin P., Glukhikh V., Yarmak O., Strashko E., Kamyshina E., Yarmak V. Evolution of strategies for human capital diagnostics. REVISTA GÉNERO E DIREITO. REVISTA INCLUSIONES. VOLUMEN 7 – NÚMERO ESPECIAL – OCTUBRE/DICIEMBRE 2020 С. 178-197

РОЛЬ БОЛЬШИХ ДАННЫХ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

Долженко Дария Дмитриевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Применение в системе высшего образования цифровых образовательных сред позволяет аккумулировать беспрецедентно большие объемы данных. Задачей университетов в этой связи становится эффективное использование этих данных для повышения качества образования [3, 61].

С этой целью применяются методы учебной аналитики (Learning Analytics), под которой понимается использование данных, произведенных студентами, для отслеживания и регулирования образовательного процесса, оптимизации результатов образовательной деятельности [4, 3]. Учебная аналитика дает возможность сбора и интеллектуального анализа данных на всех этапах взаимодействия студентов с высшей школой (поступление, обучение, экзамены). Это позволяет объединить анализ исторических данных для выявления закономерностей и построение статистических моделей на основе актуальных данных для прогнозирования тенденций. На основе полученных результатов осуществляется так называемая «петля обратной связи», когда образовательный процесс анализируется и при необходимости в него вносятся небольшие изменения, которые могут значительно влиять на вовлеченность и успеваемость студентов [5].

Анализ больших данных в образовании позволяет улучшить качество преподавания, в том числе при подготовке социологов. Однако следует отметить ряд проблем, которые связаны с чрезмерным упрощением общего представления об образовательном процессе, его квантификацией и сведением к набору данных. Для осуществления учебной аналитики используются лишь определенные типы данных. Системы анализа данных в образовании имеют доступ к базам данных, которые собираются цифровыми образовательными средами, и таким образом может быть описано поведение студентов в рамках этих сред. Однако часть учебных ситуаций остаются неохваченными анализом. Такие ситуации включают в себя, например, очное обучение, личное общение с однокурсниками, получение знаний при помощи аналоговых носителей. Если не принимать этот факт во внимание, возникает опасность того, что Д. Канеман описывает как «что ты видишь, то и есть» [1, 107]. То есть делается ложное умозаключение, что часть информации о процессе обучения, к которой системы учебной аналитики имеют доступ, полностью характеризует поведение студентов. Это ведет к упрощенному восприятию образовательного процесса, в основе которого лежат сложные человеческие взаимоотношения, зачастую не поддающиеся квантификации. Более того, с применением методов учебной аналитики в высшем образовании актуализируются проблемы конфиденциальности, рисков ошибочного прогнозирования поведения человека, непрозрачности и непредсказуемости работы алгоритмов, лежащих в основе анализа данных [2, 17].

Итак, учебная аналитика предоставляет важную информацию для принятия управленческих решений в высшем учебном заведении. Однако для повышения качества образовательного процесса должна быть выработана грамотная стратегия работы с этой информацией.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ МИНИМУМ ДЛЯ СОЦИОЛОГА В УНИВЕРСИТЕТЕ

Иоффе Гавриил Анатольевич

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена

В этом сборнике, в тексте «Теоретический минимум для социолога: постановка проблемы», я рассуждаю о формировании некоего необходимого теоретического минимума для социолога, но минимума, задачей которого будет, напротив, создание максимальной потенции для широты социологического теоретизирования или для теоретического понимания, адекватного сложности и противоречивости своего предмета.

Здесь я предложу такой перечень авторов, который, на мой взгляд, должен быть основой теоретической части образовательной программы по социологии в университете.

Авторов можно разделить на следующие смысловые блоки, каждый из которых отвечает определенному взгляду на общества. Принцип состоит в том, что эти взгляды часто вряд ли можно согласовать в рамках единой теоретической модели (или же в рамках одного мировоззрения), но все они, при этом, говорят об истинной реальности. И то, что эти вещи реальны и как-то сосуществуют должно быть первой задачей для понимания в социологической аудитории.

Реальность общества: Э. Дюркгейм, К. Маркс

Реальность идеи: Платон, М. Фуко

Реальность пола и гендера: В.В. Розанов, Дж. Батлер, Д. Харавей

Реальность социальной системы и ее ограничений (реальность порядка): Т. Парсонс, Р. Мертон.

Реальность народа, нации, государства и других коллективных сущностей.

Реальность геополитики: К. Шмидт, Н.Я. Данилевский, К. Леонтьев.

Реальность личности: Н.А. Бердяев, М. Бубер.

Реальность языка: Л. Витгенштейн,

Реальность вещей: М. Хайдеггер, Г. Зиммель

Реальность истории: Ф. Бродель, Н. Элиас.

Реальность искусства: М.М. Бахтин, В. Беньямин

Реальность религии: Дж. Агамбен.

Реальность власти, политического: М. Вебер, В. Парето

Реальность социальной рефлексивности: Э. Гидденс, У. Бек

Реальность науки и научной практики: Б. Латур, Т. Кун, П. Фейерабенд

Реальность действия: Х. Йоас.

Реальность символического: И. Гофман, Г. Гарфинкель, А. Щюц

Реальность психического: З. Фрейд, Ж. Лакан

Реальность культуры: Ф. Ницше,

Реальность смысла: Ж. Делез

Реальность телесности: П. Слотердайк

Реальность экономики: П. Бурдьё

Реальность справедливости: Л. Болтански

Отнесение персоналий к разделам достаточно условное. Условным также можно считать конечный перечень авторов: конечно, его можно дополнять. Также очевидно, что целый ряд представленных персон можно отнести сразу к нескольким разделам. Более того, и самих разделом может быть и должно быть больше. [Достаточный перечень социологов и авторов смежных дисциплин есть в: 1]. Важен принцип: автор должен раскрывать определенную реальность мира, указывать на нечто существующее и имеющее значение, без чего понимание общества и действующих в нем людей (в том числе и ученых) будет непостижимым.

ПРИМЕНЕНИЕ АНАЛИЗА ВАКАНСИЙ ПРОФЕССИИ «СОЦИОЛОГ» ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ВЫПУСКНИКОВ МАГИСТЕРСКОЙ ПРОГРАММЫ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «СОЦИОЛОГИЯ»

**Киселев Игорь Юрьевич,
Смирнова Анна Геннадьевна
ЯрГУ им. П.Г. Демидова**

Новое поколение федеральных государственных образовательных стандартов предполагает, что профессиональные компетенции обучающихся формулируются образовательной организацией самостоятельно на основе профессиональных стандартов. Содержание ФГОС по направлению 39.04.03 Социология не является исключением.

Выполнение данного требования пока сопряжено с рядом трудностей. Во-первых, профессиональный стандарт социолога существует как проект. Во-вторых, несмотря на то, что в приложении к ФГОС по направлению подготовки 39.04.03 Социология приводится перечень профессиональных стандартов, один уже утратил свою силу, другие - лишь косвенно соответствует профессиональной деятельности социолога.

В результате ключевым источником формулирования профессиональных компетенций становятся анализ требований, предъявляемых к выпускникам на рынке труда.

С целью выявления подобных требований в период с 1 по 5 июня 2021 г. проведен анализ вакансий профессии «социолог», размещенных на сайте компании «HeadHunter. Для решения поставленных задач использовался анализ «Больших данных». Для формирования базы вакансий профессии «социолог» применена русифицированная лицензионная программа ZennoPoster.

В соответствии с кодами и наименованиями областей профессиональной деятельности Министерства труда и социальной защиты РФ, деятельность социолога отнесена к области профессиональной деятельности 01 Образование и наука. На рынке труда существует запрос на оба вида профессиональной деятельности.

Среди рассмотренных вакансий присутствует профессия преподавателя. Однако в вакансиях содержатся требования, которые предъявляются высококвалифицированному преподавателю (наличие ученой степени, публикации в рейтинговых научных изданиях). Подобные требования соотносятся с компетенциями выпускника аспирантуры. При этом вакансий немного, и на момент исследования они открыты только в Москве. В связи с этим фокусирование магистерской программы на формировании педагогических компетенций приведет к подготовке специалистов, которые не будут востребованы на рынке труда.

Деятельность в области проведения научных исследований находит широкое отражение в вакансиях. От социолога ожидается умение организовывать и проводить социологические исследования с использованием соответствующих методов; проводить аналитические исследования.

Вместе с тем, проект профессионального стандарта предлагает более широкий набор трудовых функций, которые могут выполнять выпускники магистерской программы. Среди них: социологическая экспертиза и консалтинг на основе результатов социологических исследований. Запрос на проведение социологической экспертизы не находит отражения в вакансиях. Консалтинг встречается в единичных вакансиях.

В связи с этим требуются дальнейшие усилия профессионального сообщества в области спецификации магистратуры в качестве уровня образования.

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СОЦИОЛОГОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Лаврикова Анастасия Александровна,
Шумилова Ольга Евгеньевна
ФГБОУ ВО "Тульский государственный университет"

Общая направленность цифровой трансформации общества определяется постепенным переходом от преобладания периферийных характеристик процесса, фиксирующих изменения локального значения и не резонирующие во всей социальной системе, к доминированию базовых, отражающих реформирование ключевых параметров социального развития. Анализ нормативно-правовой базы регулирования процессов цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления в Российской Федерации демонстрирует необходимость формирования у россиян целостной системы цифровых компетенций, соответствующих актуальным потребностям современного общества. Системообразующей в данном случае выступает способность решать разнообразные задачи в области использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в том числе применять и создавать контент, управлять данными, обеспечивать цифровую безопасность, преодолевать с помощью цифровых инструментов проблемы профессионального характера. В связи с этим, требуется существенное изменение всей системы высшего образования в содержательном, организационно-методическом и инфраструктурном планах. При этом анализ ФГОС ВО по направлению «Социология» различных уровней подготовки показывает, что универсальные и общепрофессиональные компетенции, включающие цифровую составляющую, в основном требуют от обучающихся умения ориентироваться в большом информационном потоке и навыков использования отдельных цифровых технологий и инструментов с целью удовлетворения личных образовательных и профессиональных потребностей, что соответствует начальному этапу вовлечения личности в процесс функционирования цифровой среды. В тоже время востребованность выпускников в условиях становления цифровой экономики определяется не столько владением пользовательскими функциями, основанными на применении электронных устройств, приложений и цифровых технологий в релевантном контексте, сколько регулярным решением сложных профессиональных задач в цифровой среде. Таким образом, возрастает роль тех поведенческих составляющих цифровых компетенций, которые в меньшей степени поддаются автоматизации и роботизации, но позволяют достаточно оперативно адаптироваться к возможным изменениям в профессии.

Сложности определения минимального пакета цифровых компетенций будущего социолога связаны как с противоречивостью самого процесса цифровой трансформации, так и с ограниченным развитием территориальных профессиональных сообществ, представители которых не всегда могут четко сформулировать запрос в соответствии с состоянием регионального рынка труда и общими тенденциями развития профессиональной отрасли. Поэтому при идентификации системы наиболее перспективных цифровых компетенций следует учитывать международный опыт разработки моделей цифровых компетенций, концепции развития цифровых компетенций российских университетов - бенчмарков, в том числе и ведущих подготовку по данному направлению, особенности образовательной политики конкретного вуза, а также стратегические направления цифровизации российского общества.

В результате нами были выделены четыре базовые компетенции (цифровая грамотность, сотрудничество в цифровой среде, решение проблем в профессиональной области посредством ИКТ и цифровая безопасность), уровень владения которыми может

существенно варьироваться – от начального до профессионального – в зависимости от актуальных потребностей профессиональной сферы, общих характеристик образовательной программы по направлению подготовки «Социология» и образовательной траектории обучающегося. Предлагаемая многоуровневая система развития цифровых компетенций обучающихся носит гибкий характер и предусматривает освоение компетенций разного уровня сложности по различным образовательным программам (бакалавриат / магистратура / аспирантура).

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ И РАЗВИТИЮ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

**Легостаева Наталья Игоревна,
Светлов Кирилл Владимирович**
Санкт-Петербургский государственный университет

Работа выполнена в рамках НИОКТР № 121062300141-5 «Комплексное исследование факторов и механизмов политической и социально-экономической устойчивости в условиях перехода к цифровому обществу»

Аннотация

В рамках реализации государственных программ и национальных проектов, нацеленных на внедрение инновационных технологий и развитие цифровой образовательной среды в Российской Федерации, активно развивались как структура системы образования, так и содержание образовательных программ. Одной из задач национального проекта «Цифровая экономика» является подготовка специалистов, владеющих цифровыми компетенциями. Целью данного исследования стал поиск образовательных структур в социальной сети ВКонтакте, которые ориентированы на развитие цифровых компетенций учащихся среднеобразовательных школ в рамках общего и дополнительного образования. В результате применения авторской методики были выявлены центры/школы/классы/лаборатории по формированию знаний, умений и навыков в области цифровых технологий.

С развитием цифрового образовательного пространства и онлайн-обучения в рамках реализации государственной программы «Развитие образования» на 2013-2020 годы и проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» развивались и инновационные методы обучения. Цифровизация образования сопровождалась встраиванием в учебный процесс таких инновационных технологий, как искусственный интеллект, виртуальная реальность, блокчейн, веб-квесты. Отечественные исследователи отмечают, что большим педагогическим потенциалом обладают облачные технологии, которые позволяют хранить огромное количество информации и имеют удобный сетевой доступ к информационным ресурсам [7, 354].

В Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в качестве приоритетных национальных целей названы «создание современной и безопасной цифровой образовательной среды», а также «подготовка высококвалифицированных кадров для цифровой экономики». В рамках Указа № 204 национальные проекты объединены в 3 блока: «Человеческий капитал», «Комфортная среда для жизни», «Экономический рост». В блок «Человеческий капитал» включены национальные проекты «Образование», «Здравоохранение», «Культура» и «Демография».

Поскольку человеческий капитал – «знания, навыки, умения, воплощенные в людях, способствующие обеспечению личного, социального и экономического благополучия» [8], ключевую роль в новой повестке дня играет образование [4]. В национальном проекте «Образование» акцент делается на цифровой образовательной среде – совокупность цифровых образовательных ресурсов, средств и технологий, обеспечивающих образовательный процесс в условиях цифровизации [5, 106].

По мнению отечественных авторов, в экономике, основанной на знаниях, производительные силы человека реализуются в форме человеческого капитала. В настоящее время особое внимание необходимо уделять модернизации системы образования и эффективному использованию человеческого капитала, так как это является главным условием роста российской экономики [3]. Благодаря теории человеческого капитала образовательные инвестиции стали рассматриваться как источник экономического роста [2] и наиболее важными для повышения уровня и качества человеческого капитала [1].

В структуре системы цифрового образования одни авторы выделяют 3 составляющих: информационные ресурсы (социальные сети); система управления (тестирование); телекоммуникации (СМИ) [6, 110]. Другие авторы отмечают, что в настоящее время вопрос о компонентном составе цифровой образовательной среды является дискуссионным, поскольку в одних исследованиях основная роль отводится субъектным и методическим компонентам, в других выделяются ценностно-смысловой, программно-методический, коммуникационный, технологический, результативно-коррекционный компоненты [7].

В рамках реализации национального проекта «Образование» активно развиваются сети образовательных структур: учебно-тренировочные центры, центры опережающей профессиональной подготовки, бизнес-инкубаторы, центры передачи технологий, УНИК (учебно-научно-инновационные комплексы).

Авторы данной работы провели пилотажное исследование в социальной сети ВКонтакте с целью поиска образовательных структур, которые ориентированы на развитие цифровых компетенций учащихся среднеобразовательных школ в рамках общего и дополнительного образования.

Для получения списка сообществ по рассматриваемой тематике был использован API социальной сети ВКонтакте, позволяющий по заданным поисковым запросам получить релевантный набор групп, а также информацию о них (краткое описание и количество участников). Для каждого сообщества из полученного списка с помощью VK API были получены 100 сообщений, размещенных в нем и доступных для просмотра всем пользователям социальной сети.

При помощи модели *doc2vec* [9], обученной на корпусе текстов указанных сообщений, были получены векторные представления (эмбединги) данных сообществ. Используя их, мы рассчитали меры тематической близости между парами сообществ и отобразили полученную информацию в виде графа. Вершинами в нем являются отдельные сообщества, а ребра соединяют те пары групп ВКонтакте, в которых значение рассчитанной меры близости больше определенного порогового значения. С помощью анализа структур полученного графа был выделен кластер сообществ, содержащий различные образовательные структуры, ориентированные на развитие цифровых компетенций.

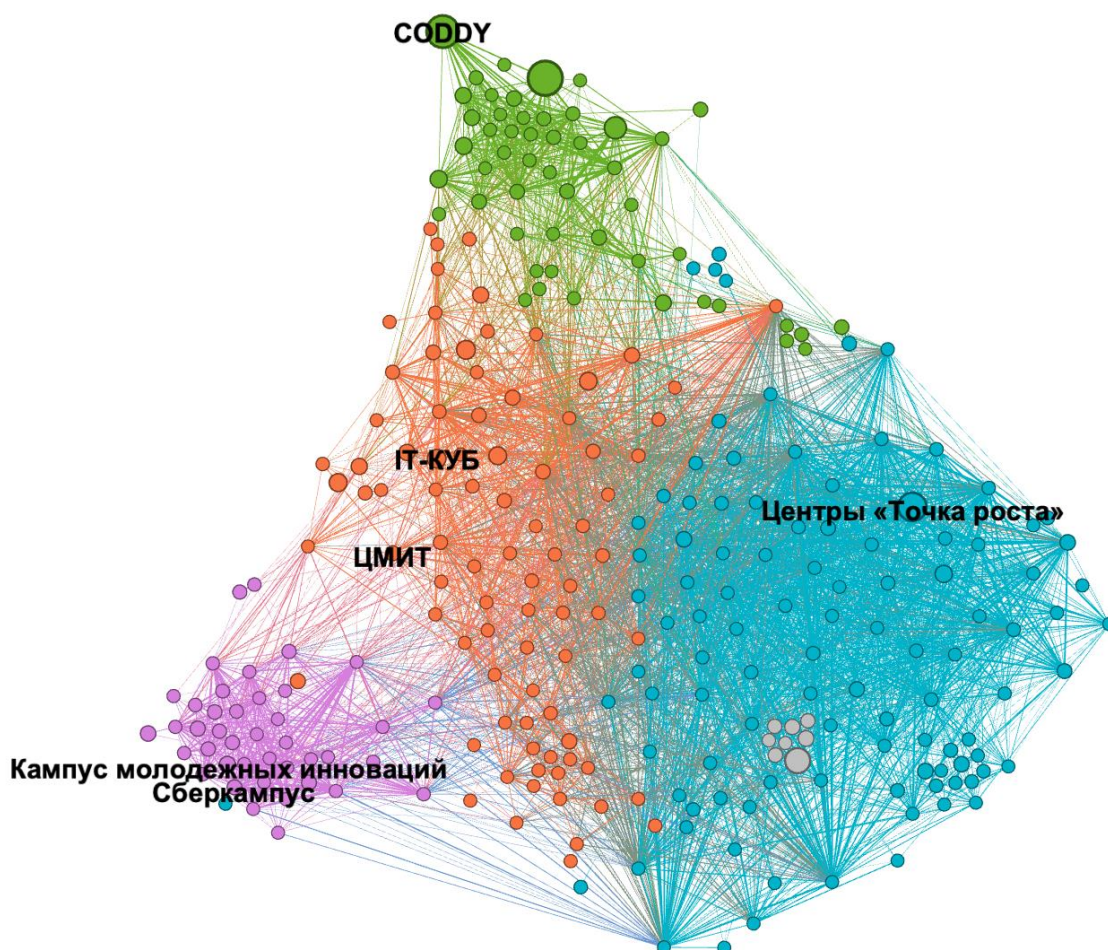

Рис 1. Граф сообществ в социальной сети «ВКонтакте», представляющих центры/школы/классы/лаборатории по формированию и развитию цифровых компетенций.

В результате применения авторской методики был сформирован граф, состоящий из 290 групп с общим числом пользователей 116 977. Данные группы связаны с образовательными структурами, реализующими программы, релевантные цифровым технологиям национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». В данном графе были выделены 5 крупных кластеров: Точка роста (72 группы), Кампус молодежных инноваций (24 группы), IT-куб (24 группы), CODDY – школа программирования для детей (9 групп), Центр молодежного инновационного творчества (ЦМИТ) (5 групп).

«Точка роста» — это структурные подразделения общеобразовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по основным и дополнительным общеобразовательным программам. Данный проект реализуется в рамках федерального проекта «Современная школа» национального проекта «Образование».

«Кампус молодежных инноваций» — проект Министерства Просвещения РФ в рамках национального проекта «Образование» и национальной программы «Цифровая экономика». Цель проекта: формирование необходимых soft skills и hard skills школьников в области цифровых технологий.

Центр «IT-куб» создан в рамках регионального проекта "Цифровая образовательная среда" национального проекта "Образование". Направления обучения: программирование на Python, разработка VR/AR-приложений, работа с большими данными.

Школа «CODDY» – школа программирования для детей в возрасте от 3 до 18 лет с разными направлениями обучения: разработка игр, сайтов, приложений, создание мультфильмов.

«Центр молодежного инновационного творчества» (ЦМИТ) – современное образовательное пространство, в котором учащиеся общеобразовательных школ, студенты ВУЗов могут овладевать инженерными профессиями и специальностями в сфере IT, робототехники, технологий цифрового производства.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить новые образовательные структуры в рамках реализации национального проекта «Образование». Выявленные образовательные центры/классы/лаборатории нацелены на подготовку будущих высококвалифицированных специалистов, владеющих цифровыми компетенциями, что служит условием для успешного развития цифровой экономики Российской Федерации.

1. Будзинская О. В., Демидова А. В. Человеческий капитал и инвестиции в образование // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2016. №. 9 (71). С. 135–143.
2. Викторова Е.В. Высшее образование и человеческий капитал в инновационной экономике // *Инновации*. 2011. №. 6. С. 100–107.
3. Драганчук Л.С. Образование и развитие человеческого капитала в России // *Проблемы современной экономики*. 2011. №. 1. С. 50–54.
4. Леонидова Г.В., Головчин М.А. Национальный проект «Образование» и возможность его влияния на развитие человеческого капитала // *Проблемы развития территории*. 2019. №. 4 (102). С. 7–25.
5. Морозов А.В. Профессиональная подготовка руководителей системы образования с использованием современных цифровых технологий // *Человек и образование*. 2018. №. 4 (57). С. 105–110.
6. Никулина Т.В., Стариченко Е.Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // *Педагогическое образование в России*. 2018. №. 8. С. 107–113.
7. Петрова Н.П., Бондарева Г.А. Цифровизация и цифровые технологии в образовании // *Мир науки, культуры, образования*. 2019. №. 5 (78). С.353–355.
8. *Российское образование в контексте индекса человеческого капитала* // *Бюллетень о сфере образования*. 2018. № 18. 32 с.
9. Le Q., Mikolov T. Distributed representations of sentences and documents // *International conference on machine learning*. PMLR, 2014. P. 1188-1196.

СОЦИОЛОГИЯ ОНЛАЙН: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Мартьянова Наталья Александровна
РГПУ им. А. И. Герцена

С частичным или полным переходом на дистанционное обучение студентов-социологов столкнулись все участники образовательного процесса в 2020-2021 гг.

Как у любой новой технологии, у дистанционного обучения социологии есть преимущества и недостатки в сравнении с традиционной «очной» формой. К преимуществам можно отнести следующее:

1. *Возможность регламентировать многие аспекты обучения.* Были сняты сложности, связанные с очным посещением занятий, а все необходимые студентам задания теперь всегда доступны в определенной структурированной форме. Необходимость самостоятельно вникать в материал дисциплинирует студента в гораздо большей степени, нежели очные занятия.

2. *Возможность переосмыслить свои дисциплины и программы.* У преподавателей появилась возможность внести новые, в том числе творческие и инновационные формы обучения и предоставления материала.

3. *Возможность повысить контроль над выполнением заданий.* В дистанционном формате педагог точно знает, кто что сделал и в какие сроки. Отношения между преподавателями и студентами становятся более структурированным и формальными, это может быть плюсом в некоторых ситуациях.

4. *Снижена вовлеченность преподавателя в процесс обучения.* Этот факт можно рассматривать как плюс для построения карьеры преподавателя как ученого и методиста [2]. Он имеет возможность более гибко организовывать свое время, заниматься одновременно несколькими делами, участвовать в вебинарах, онлайн-конференциях и т.д.

5. *Преподаватель может выбирать формы общения со студентами.* Например, можно читать лекцию точно так же как и в очной форме (за некоторыми исключениями) с помощью специальных сервисов (Zoom, Skype, Microsoft Teams и пр.), а можно организовать самостоятельное обучение студентов в системах moodle, blackboard и пр.

6. *Из образовательного процесса ушло «пустое» общение и времяпрепровождение.* В дистанционном формате можно более эффективно использовать время, отведенное на непосредственное взаимодействие с обучающимися.

Однако у дистанционного образования есть и очевидные недостатки:

1. *Снижается глубина и эмоциональная насыщенность* взаимодействия студентов с преподавателями, а также студентов со студентами и в профессиональном сообществе преподавателей. Дистанционный формат превращает преподавание из призвания в некое педагогическое сопровождение [1].

2. *Разрушается единая образовательная среда.* Дистанционное образование не способствует установлению связей и взаимоотношений внутри вуза и профессионального сообщества.

3. *Снижается в некоторой степени качество занятий.* При всем конгломерате сервисов и платформ, очное образование в среднем более эффективно и дает более высокий уровень знаний.

4. *Многokратно возрос объем работы преподавателей.* Нужно многое регламентировать и, зачастую, весь курс выстраивать заново.

Таким образом, оптимальной стратегией, по нашему мнению, является соединение очного и дистанционного образования с учетом специфики конкретного образовательного процесса.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫХ МЕТОДОВ В СОЦИОЛОГИИ

**Махова Ксения Борисовна
МГУ имени М.В. Ломоносова**

Повсеместное распространение больших данных заметно раздвинуло границы изучения общества и поведения индивидов. Вычислительная социология стала той отраслью социальной науки, которая возникла как стремление познать природу социального на основе больших данных. Данная отрасль социального знания представлена междисциплинарными подходами и различными вычислительными методами [1].

Прежде, чем активно анализировать большие данные социальным исследователям необходимо разобраться с некоторыми этическими и техническими аспектами их

возникновения. Большие данные тесно связаны с этическими вопросами их обработки. Как правило, пользователи изначально подтверждают согласие на обработку их персональных данных, в том числе третьими лицами, при первом использовании платформы. Однако это согласие касается данных именно тех людей, в то же время эти же данные, но в анонимном виде, не попадают под статус персональных, в связи с чем остается открытым вопрос о правомерности их анализа.

Вопрос анонимизации общедоступных данных, например, твитов и других постов в социальных сетях, интересен сам по себе. Где находится та грань, когда исследователям стоит избегать упоминания имен пользователей и текстов их постов? Некоторые ученые считают, что анонимизация таких данных скорее является неправильным подходом, и что следует проконсультироваться непосредственно с авторами постов [2].

Примером актуального вопроса технического характера является присутствие данных ботов в общем массиве данных пользователей. Боты в социальных сетях неудобны не только обычным пользователям, но и социологам, поскольку усложняют исследование. Специфика интернет-ботов такова, что они ведут себя в сети, как обычные пользователи, что делает сложным вычленение данных реальных пользователей из общего пакета больших данных [3].

Обращение к большим данным в социологическом анализе требует обновления научных теорий, а также проработки условий их использования в исследовательских целях, чтобы идти в ногу с быстро меняющимися социальными реалиями.

ПРОФЕССИЯ СОЦИОЛОГ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПОДГОТОВКЕ

**Мехова Альбина Анатольевна,
Воробьева Ирина Николаевна**
Череповецкий государственный университет

Еще в 2005 году во всемирном докладе ЮНЕСКО был обозначен переход к новому этапу мирового развития – к обществам знаний.[1] Одной из главных черт общества знаний является преодоление дихотомии «естествознание & социогуманитарное знание». Границы научной специализации и профессиональной идентичности в этой реальности размываются. Современный рынок труда становится гибким, изменчивым. Все это формирует новые вызовы образованию и в первую очередь социологическому - в новом образе мира роль социального знания заметно выросла.

При этом в российском обществе по-прежнему существуют серьезные противоречия между современной тенденцией к интеграции, междисциплинарности профессий и прагматизмом и узкой профилизацией; между компетентностным подходом в образовании и формализмом профстандартов. Изменение системы социологического и всего социогуманитарного образования определено как условие преодоления противоречия между возможностями системы образования и потребностями гибкого рынка труда. В последнее время происходит серьезное переосмысление, меняются подходы к самому социологическому образованию. Об этом не раз говорили на всероссийских образовательных и научно-практических форумах. [2]

Кафедра социологии и социальных технологий ЧГУ давно отстаивает такой подход к подготовке кадров социологов. Мы стремимся к транспрофессиональной подготовке специалиста, способного действовать на границах различных профессиональных областей и адаптироваться к разнообразным формам организации профессиональной деятельности. Кафедра разработала ряд принципов, которые, на наш

взгляд, способствуют подготовке кадров, удовлетворяющих требованиям современного рынка труда:

- Раннее включение в профессию. Студенты с первого курса вместе с преподавателями принимают участие в серьезных исследовательских проектах, заказчиками которых выступают органы власти, предприятия и организации города и региона.

- Междисциплинарность. Формирование готовности осуществлять деятельность на границе профессиональных областей. Наши студенты помимо основного диплома бакалавра получают образовательные сертификаты по маркетингу (ВШЭ) и социальному предпринимательству. Проектный подход, внедренный в ЧГУ, дает студентам возможность освоить современные подходы к управлению проектами.

- Вариативные траектории личностного и профессионального развития.

- Знание проблем региона. Рассмотрение региона как объекта комплексного социологического анализа и места самореализации. ЧГУ имеет статус опорного ВУЗа Вологодской области. Мы готовим кадры для решения задач модернизации экономики региона, формирования пространства трансформации и развития. 86% наших выпускников трудоустроивается в Вологодской области.

Наши методы и система подготовки социологов как специалистов, способных работать в самых разных сферах, не раз получали одобрение, как местных работодателей, так и всероссийских профессиональных ассоциаций - кафедра первая в РФ в 2016 году прошла общественно-профессиональную аккредитацию.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОНЛАЙН-СРЕДЕ: ОЦЕНКА НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ПРОБЛЕМНЫХ ЗОН ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

**Носкова Антонина Вячеславовна,
Голоухова Дарья Валерьевна, Кузьмина Елена Игоревна
МГИМО МИД России**

Исследование проведено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (конкурс 2020 года), НШ-2615.2020.6.

Интенсивное внедрение информационно-цифровых технологий в систему высшего образования на фоне продолжающейся эпидемии COVID-19 обуславливает усиление исследовательского интереса к проблеме цифровой компетентности преподавателей высшей школы [2; 5]. Уровень владения цифровыми инструментами для преподавательской и научной деятельности приобретает особую значимость в перечне профессиональных компетенций преподавателя социально-гуманитарных дисциплин.

Для изучения влияния цифровизации на преподавание дисциплин социально-гуманитарного профиля использованы результаты фокус-группового исследования с преподавателями высшей школы из разных регионов России, имеющими профессиональный стаж не менее трех лет. Всего проведено пять фокус-групп по 6–8 преподавателей в каждой, в докладе использованы материалы трех групп с преподавателями социально-гуманитарных дисциплин. Среди задач – адаптация к цифровым технологиям в образовательной среде, оценки преподавателями собственной цифровой компетентности и эффективности онлайн-коммуникации; изучение

социокультурных проблем, порождаемых цифровизацией обучения – появления новых форм отчуждения и образовательных неравенств.

Анализ контента транскриптов фокус-групповой дискуссии осуществлялся на основе категоризации преподавателей на три группы в зависимости о степени принятия и интенсивности использования в образовательных практиках цифровых технологий: творцы-активные-пассивные. Содержательная оценка цифровых компетенций делалась на основе списка базовых компетенций преподавателя высшей школы [3]: научно-предметная компетентность; психолого-педагогическая компетентность; коммуникативная компетентность; управленческая компетентность; креативная компетентность.

Эмпирические результаты показали, что с творцами соотносится меньшинство опрошенных преподавателей. На эмоциональном уровне они достаточно позитивно реагируют на цифровые трансформации в системе образования и склонны находить в них возможности для профессионального и личного развития, что прослеживается во многих их высказываниях, касающихся как преподавательской работы, так и трансформаций, происходящих в высшей школе.

Вторая группа – активные преподаватели. Они быстро и достаточно легко адаптируются к новым структурным требованиям, обладают развитыми познавательными возможностями и открыты к освоению нового. Большая часть информантов относится именно к этой категории.

Третья группа – преподаватели с низким уровнем адаптации к цифровым технологиям. Для них характерно негативное отношение к цифровым инновациям и сопротивление требованиям структуры.

В качестве новых возможностей чаще всего информанты отмечали цифровую коммуникацию и преимущества цифровых способов передачи информации (визуализацию). В качестве рисков – новую рутинность, ослабление педагогического воздействия, отчуждение от результатов педагогического труда, новые проявления эффекта Матфея [4].

Делается вывод о появлении цифровых разрывов [1] и новых неравенств между преподавателями высшей школы.

СОЦИОЛОГИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ТРУДНОСТИ УСВОЕНИЯ

Орлик Елена Николаевна
Владимирский гос. университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Цифровизация привела к серьезным изменениям в компьютерных и коммуникационных технологиях, обогатила человечество возможностями новых социальных связей, технического и культурного творчества, соединив многих с многими.

Поэтому для большинства студентов включенность в учебу посредством онлайн-технологий и системы дистанционного образования носит естественный характер.

Трудности возникают тогда, когда установки внутренней мотивации студента на учебу расходится с установками внешней мотивации, создаваемой вузовской учебной средой. И речь не идет о ее материально-технической составляющей. Специализированными компьютерными классами с лицензированным программным обеспечением, проекторами для демонстрации тематических презентаций, интерактивными досками сегодня оснащены все вузы.

Безусловно, за последние десятилетия существенно изменились методы сбора и анализа данных в социологии как системе научного знания, опирающейся на синтез

количественного и качественного подходов в описании и диагностировании тенденций развития современного общества. Сегодня вряд ли можно встретить в месте сбора информации интервьюера с опросным листом, чаще всего он вооружен планшетом, с которого получаемая информация от респондента подается в компьютерный центр и синхронно обрабатывается. Прирост информации всех видов в цифровой форме изменяет технологии поиска информации и работы с ней. Все эти изменения нашли отражения в учебных планах подготовки будущих специалистов.

Гораздо сложнее обстоит дело с преодолением облегченного отношения части студенчества к усвоению учебных дисциплин, когда самостоятельная работа превращается в техническую операцию по скачиванию тематического контента с интернета, с последующим его бездумным чтением на практическом занятии; написание реферата – в беззастенчивую компиляцию авторефератов диссертаций, журнальных научных статей и т.п. Таким образом, навыки студентов по поиску нужной информации в сети интернет образуют барьер в деле усвоения учебного материала, снижают их образовательную успешность, которая принимает формальный характер. И если подобная ситуация приобретает систематический характер, то можно утверждать, что студент прошел цикл учебных дисциплин, но не усвоил их.

В этой ситуации самым действенным средством профилактики формального усвоения циклов учебных дисциплин со стороны обучающихся являются ресурсы преподавателей, заинтересованных в успешной профессиональной социализации студентов. В первую очередь речь идет о формулировке оригинальных и «многоходовых» тем курсовых и реферативных работ; разработке сценариев деловых игр, пересмотре (с учетом особенностей периода социализации обучающихся) содержания и формы подачи иллюстративного материала на аудиторных занятиях; организации экскурсий в исследовательские центры; обязательном ведении глоссариев; разработке творческих заданий для самостоятельной работы, например, моделировании на основе дерева целей новых бизнес-единиц, или написании эссе по ключевым персоналиям и темам учебных курсов и многом другом.

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО И ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ

**Пашков Михаил Владимирович,
Евсеев Евгений Александрович**

Санкт-Петербургский государственный университет

Для успешного освоения дистанционных онлайн-программ и курсов студентам необходимо иметь доступ к устройству со стабильным подключением к сети Интернет и достаточной пропускной способностью Интернет-соединения, а также владеть способностью работать с цифровым контентом. При этом схемы разработки образовательных программ, на которые опирается большинство педагогических дизайнеров и методистов, в полной мере не учитывают влияние на разрабатываемые образовательные программы цифрового неравенства, обусловленного страной и регионом проживания.

Цифровое неравенство в литературе фиксируется понятием «цифровой барьер», которое используется для обозначения социально-экономического неравенства в отношении доступа к интернет-инфраструктуре внутри страны. Со временем использование концепции «цифровой барьер» эволюционировало и стало включать прочие аспекты цифрового неравенства, как в отношении разницы в возможностях среди

населения одной страны («внутренний цифровой барьер»), так и цифрового неравенства между странами («глобальный цифровой барьер»).

Феномен цифрового барьера точнее всего может быть представлен с использованием модели «стека цифрового неравенства», так как метафора «стека» позволяет визуализировать три взаимосвязанных его уровня, которые определяют положение индивида в континууме цифрового пространства: доступ к Интернету и ИКТ, наличие цифровых навыков и практику их использования. Для достижения наилучших результатов требуется согласованная работа всех трех уровней. При этом каждый уровень включает собственные элементы и имеет свои параметры.

Модель стека цифрового неравенства прежде всего подчеркивает, что проблема цифрового неравенства требует целостного подхода, систематически затрагивающего все уровни. Кроме того, эта модель позволяет визуализировать тесную взаимосвязь слоев цифрового неравенства с новыми социально-экономическими и технологическими влияниями («Сеть 3.0»), что демонстрирует, что цифровое неравенство не только не устранено, но и постоянно воспроизводится и закрепляется в каждом новом витке социально-технического развития.

Следует обратить внимание также и на то, что задача учитывать и устранять последствия цифрового неравенства при разработке онлайн-программ и курсов должна стать обязательной для специалистов, разрабатывающих онлайн курсы и программы. Это вопрос их этической ответственности, и они должны нести непосредственную ответственность за то, чтобы разработанные ими курсы были доступны широкому кругу различных пользователей, помогали всем пользователям достигать положительных целей посредством обучения, что оказывает положительное влияние на общество в целом.

С этой точки зрения, методисты, педагогические дизайнеры, преподаватели, координаторы и другие субъекты, вовлеченные в разработку и реализацию онлайн обучения, должны осуществлять более широкую социальную миссию, которая заключается в том, чтобы в рамках своей деятельности способствовать распространению качественного и инклюзивного онлайн-обучения и уменьшению цифрового неравенства.

1. Robinson, L., Schulz, J., Blank, G., Ragnedda, M., Ono, H., Hogan, B., Mesch, G., Cotten, S. R., Kretchmer, S. B., Hale, T. M., Drabowicz, T., Yan, P., Wellman, B., Harper, M.-G., Quan-Haase, A., Dunn, H. S., Casilli, A. A., Tubaro, P., Carveth, R., Chen, W., Wiest, J. B., Dodel, M., Stern, M. J., Ball, C., Huang, K.-T., and Khilnani, A. (2020a) 'Digital inequalities 2.0: Legacy inequalities in the information age', *First Monday*, Vol. 25, No. 7
2. Victor, S. (2010) 'Instructional design and the digital divide: Some ethical considerations,' *EdMedia+ Innovate Learning*, Association for the Advancement of Computing in Education (AACE), pp. 4072-4076.

ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Пашков Михаил Владимирович,

Савин Сергей Дмитриевич

Санкт-Петербургский государственный университет

Пандемия коронавируса показала, насколько актуальной сферой нашей жизни стала цифровизация. Она может быть как помощником в развитии общества и его институтов, т.е. способствовать обретению выгод и благ, так и нести в себе многочисленные проблемы и риски, т.е. порождать ситуации с неопределенностью.

Отсутствие всестороннего позитивно-критического исследования проблем цифровизации способствует появлению заведомо негативных трактовок инноваций как

«пути в неведомое», как «нарушение сложившегося образа жизни и действий», как «большой риск, авантюра с заранее неизвестным результатом» [1]. В этой связи возникает необходимость в сбалансированном анализе как движущих сил, так и долгосрочных последствий использования цифровых технологий.

Так, представленные в образовательном процессе цифровые технологии и инструменты, как считает исследователь образования Нейл Селвин, лучше всего могут быть описаны метафорой “сад с разветвленными тропинками”. Этой метафорой он подчеркивает, что разработка цифровых технологий в образовании – это далеко не линейный процесс, где результат предопределен. Как на пересечении тропинок нам приходится принимать решение, в каком направлении идти дальше, под влиянием целого ряда ситуационных факторов, точно также и разработки цифровых технологий подвержены влиянию как социальных, так и технологических факторов, которые задают траекторию того, каким будет содержание этого технологического артефакта и результаты его применения [2, 9].

Это говорит о том, что вектор развития цифровых технологий в образовании неотделим от конкуренции между несколькими одновременно существующими концепциями, подходами и технологическими решениями, что становится еще очевиднее, если на цифровизацию образования посмотреть, как на сложный социокультурный и политико-экономический феномен, который неразрывно связан с глобализацией, коммерциализацией, «цифровым разрывом», «макдональдизацией», «менеджерализацией» вузовской структуры и конечно этикой отношений между участниками образовательного процесса.

Так, например, глобализация, с одной стороны, способствует развитию равноправного культурного обмена образовательными практиками и педагогическим опытом между странами, а с другой, может способствовать доминированию одной культуры или одного подхода в образовании. Благодаря коммерциализации образовательные институты оказываются в условиях рыночной конкуренции и должны переориентироваться на количественные показатели эффективности как основные ориентиры своей деятельности, а частные компании получают возможность рассматривать сферу образования как прибыльный сегмент EdTech рынка, оценка которого в глобальном масштабе достигает нескольких десятков миллиардов долларов. Эти процессы могут способствовать переходу образовательного процесса как триединства воспитания, обучения и просвещения в рамках диалога преподавателя и студента к экономической форме взаимоотношений между студентами как потребителями образовательных услуг и образовательными организациями как их поставщиками, что актуализирует проблему социально-экономического неравенства и новых этических ориентиров в образовании.

Несмотря на то, что цифровизация образования – это часто употребляемый термин, тем не менее, как справедливо отмечается, существует мало исследований системной трансформации образования под воздействием вышеперечисленных проблемных областей и связанных с ними социокультурных рисков [3, 86]. Большинство существующих исследований рассматривают цифровизацию и её практические аспекты в контексте отдельно взятых образовательных организаций и учебных программ, оставляя за пределами анализа изучение долгосрочных изменений образовательной системы в целом. Поэтому важно исследовать феномен цифровых инноваций в образовании не изолированно, а в общем контексте развития общества, потому что только так можно выявить глубинные предпосылки и сущности рисков цифровизации.

1. Яковец Ю.В. *Эпохальные инновации XXI века. Москва: Экономика, 2004. 448 с.*
2. Selwyn N. *Telling Tales on Technology: Qualitative Studies of Technology and Education. Routledge, 2020. 212 p.*
3. Минина В.Н. *Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. т. 13. № 1. С. 84–101.*

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К СОЦИОЛОГИЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ: ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ

Проказина Наталья Васильевна
Алтайский филиал РАНХиГС

На основе результатов экспертного опроса преподавателей кафедр социологии (141 преподаватель), целью которого было проанализировать систему профессионального социологического образования в России, были выделены вызовы времени, стоящие перед социологическим образованием.

Первое. Эксперты отмечают потребность в сильных социологических школах не только в центре, но и в других регионах, так как сегодня прослеживается распределение «центров притяжения» неравномерно по России:

Эб: *«Я не могу полностью согласиться. Тем более, что Москва тоже разная — там есть вышка, есть МГУ, которая у многих сейчас не котируется. Многие даже больше говорят у нас в городе о Петербурге, о петербургском университете, факультете социологии Скворцова. Что там работают более серьезные люди, теоретики. Поэтому я полностью согласиться не могу, что задается в Москве».*

Второе. Регионы не всегда располагают вакансиями для выпускников-социологов, но при этом подготовка социологов в данных регионах ведется.

Подготовка социологов в регионах во мнениях экспертов оценивается неоднозначно — как необязательная, не востребованная — потому что в качестве социологов в регионах они не нужны; и как требуемая (в основном формально), но его польза пока мало кем осознана.

Э5: *«Я не могу знать, но, опять же, для чего я не могу знать, чем руководствовались те, кто организовывал и организовывает социологическое образование в этих регионах. Но я всячески поддерживаю то, что они это делают. В-первых, даже если где-то не хватает официальных рабочих мест для социологов, это не значит, что они не нужны. Это значит, что просто до людей ещё не дошло, насколько и зачем они нужны, в том числе и до тех, кто управляет».*

Третье. Эксперты же отмечают сокращение контрольных цифр приема. В целом не всем ясна та система перераспределения контрольных цифр приема, отмечается ее «хаотичность»:

3Э: *«Я думаю, что потребность растёт, безусловно. Мы же понимаем — это наши работодатели, потому что у нас, как вы понимаете, рынок образовательных услуг и рынок труда не согласован. Конечно, нужны социологи в смежных областях работы, аналитической работы сегодня возрастает в рамках проблемы».*

Присутствует мнение о том, что социологическое образование в целом сокращается, сопровождаясь закрытием кафедр и ликвидацией направления подготовки. Отмечаются несогласованность рынка труда и образования, потому что социологи работают не по своим специальностям.

Четвертое. Выпускающими социологов факультеты и кафедры не всегда являются собственно социологическими.

Э2: *«Вы знаете, тут как чаша весов — универсализация и узкие специальные знания. Ну, американцы тоже уже давно с этой проблемой столкнулись. Их вывод был такой, что преподавание узкоспециальных знаний даёт выпускнику сиюминутный выигрыш — он может трудоустроиться сразу быстрее. Но на длинные дистанции начинают уже выигрывать универсалы. Поэтому сбрасывать бы со счетов общую эрудицию я бы тоже не стала».*

Пятое. Универсальность социолога как специалиста сегодня является в большей степени положительным фактором в профессиональной подготовке.

Э4: «Да социология вообще универсальная наука. Абсолютно универсальная. Социология — это ведь, по сути, что? Это наука о социальности, возникающей в разных сферах нашей реальности».

Таким образом, перед социологическим образованием сегодня выступают следующие вызовы:

- дисбаланс сферы социологического образования и рынка труда [2];
- углубление мультидисциплинарного подхода в формировании общепрофессиональных и профессиональных компетенций [1; 5];
- выявление потребности в социологах в смежных областях[4];
- необходимость создания условий для формирования социологической культуры в разных профессиональных социальных группах[3].

НЕЙРОСОЦИОЛОГИЯ КАК ОДНО ИЗ РАЗВИВАЮЩИХСЯ НАПРАВЛЕНИЙ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

**Романова Анастасия Романовна,
Шутов Денис Андреевич**

Санкт-Петербургский государственный университет

Нейросоциология - инновационная междисциплинарная область на грани нейронаук и социологии, основным предметом изучения которой являются связи между биологическими системами, социальными процессами и поведением человека в них. В данной работе будут освещены следующие положения, касаемо поставленной темы:

Интеграция нейронаук в социологию.

Положения нейробиологии как детерминанты социальных процессов и структур

Фундаментальные понятия нейросоциологии, выступающие в роли связующих элементов социологии и нейронаук

Несостоятельность противопоставления социального и биологического в человеке.

Как нейросоциология решает проблему сопоставления социальной и биологической составляющих человека?

Нужно ли мысленное разделение мозга на социальный и несоциальный при его изучении?

Путь развития нейросоциологического образования и его дальнейшие перспективы в международном сообществе.

Преимущества формирования и расширения нейросоциологической образовательной базы.

Возможные методы внедрения нейросоциологии в систему образования в высших учебных заведениях.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ

Самсонова Татьяна Николаевна
МГУ имени М.В.Ломоносова

Реализация “Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы” предполагает широкое использование цифровых ресурсов, введение систем онлайн-образования [3]. Требуется преодоление существующего цифрового разрыва на трех уровнях: 1) в доступе к новейшим информационно-

коммуникационным технологиям (ИКТ); 2) в уровне необходимых навыков (умение не только потреблять, но и производить контент); 3) разные жизненные шансы и возможности, обусловленные использованием этих технологий [1, 108].

Использование ИКТ в системе гражданского образования открывает широкие возможности в получении обучающимися нужной информации, участия в различных веб-проектах, проявления в Сети своей социально-политической активности. Поскольку политическая социализация во многом осуществляется именно в цифровой среде, необходим киберпсихологический подход в образовании, реализация воспитательного потенциала киберпространства.

Цифровизация образования создает и определенные проблемы. При возможности проявить активность в Интернете у людей зачастую нет желания и готовности к непосредственному политическому участию. Еще одна проблема – опасность манипулирования массовым сознанием. Анонимность в Интернете порой позволяет призывать к различным противоправным общественно-политическим действиям. Кроме того, сетевые (виртуальные) политические идентичности порождают «альтернативную» политическую реальность, могут стать своего рода «конкурентами» национально-гражданской идентичности молодежи. Необходимо умело использовать ИКТ для продвижения таких ценностей, как патриотизм, политический активизм, ответственность за собственный политический выбор, приверженность конвенциональным моделям политического поведения молодых пользователей Рунета [2, 156]. Надо противодействовать попыткам сформировать у молодых россиян негативное, антисистемное мировосприятие национальной истории, культуры и т.д.

При всей значимости компетентностного подхода нельзя забывать о воспитательном аспекте гражданского образования. Оно призвано формировать активных и ответственных граждан, способных верно оценивать ситуацию, не поддаваться на провокации, принимать верные решения.

1. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. № 1. С. 108-120.
2. Самсонова Т.Н., Титов В.В. К вопросу о становлении национально-гражданской идентичности российской молодежи в условиях глобальных социокультурных трансформаций начала XXI века // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23. №3. С. 156-173.
3. «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 01.09.2021).

ПРИМЕНЕНИЕ СМЕШАННОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Сащенко Наталья Петровна
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

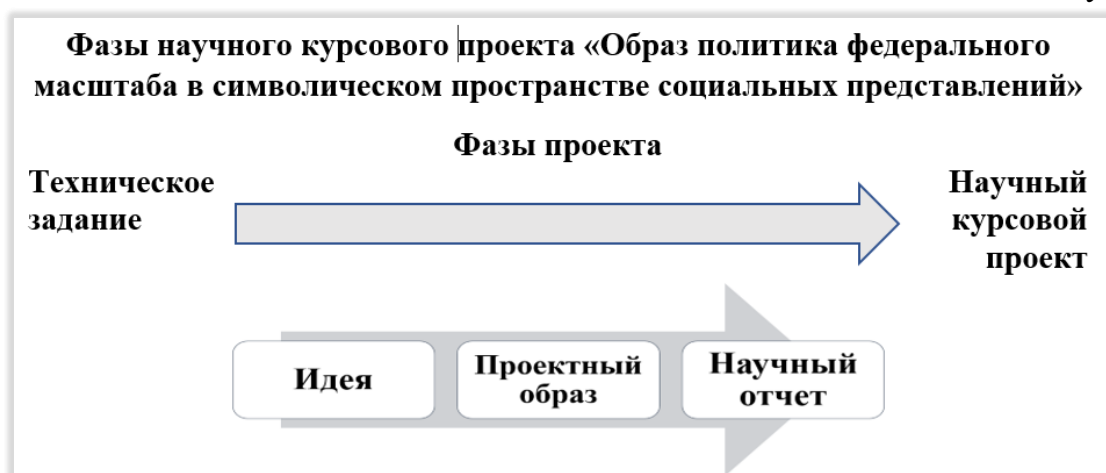
Ориентир руководства страны на новое качество образования в высшей школе актуализируют проблему соединения инновационного подхода в преподавании социально-политических дисциплин с культурным наследием и как следствие – обеспечения условий труда преподавателей высшей школы. Преподавателю приходится жить в двух реальностях: с одной стороны, постоянно расшифровывать семантическое поле таких конструктов как «федеральные стандарты», «компетенции», «Болонская система», «глобализация образования», а с другой, являясь наследниками советской системы образования, которая отличалась глубокой укоренённостью в традиционной

культуре, – пытаться сохранить лучшее и соответствовать времени одновременно. Возможности совмещения двух подходов есть, и в цифровой среде они получили интересное развитие [1,187-188].

Смешанное обучение или *blended learning* – сочетание традиционных аудиторных занятий с электронными элементами (синхронными и асинхронными) сегодня превалирует во всех образовательных сферах. Оно позволяет не только гибко организовать учебный процесс, но и персонализировать само обучение, сделать его более эффективным, простым в доставке. Новые форматы смешанного обучения, пришедшие на смену классическим аудиторным лекциям, вебинарам и курсам (митап, хакатон, образовательное путешествие, виртуальные симуляции, полноценный онлайн-кампус и т.д.) с каждым днем набирают популярность. Какова их реальная эффективность?

25-летний опыт преподавания автора в Российской академии государственной службы при Президенте РФ, а затем в РАНХиГС, таких дисциплин как «Политическая психология», «Диагностика социально-политической ситуации», «Прикладная политическая психология» и др. показал эффективность применения проектного подхода (рисунок 1).

Рисунок 1

Проектный замысел содержит в себе рациональное обоснование и конкретный способ своей реализации. Цифровая же среда позволяет перенести в образовательное пространство три главнейшие стадии, или фазы проектного процесса. На первой стадии выдвигается исходно-плодотворная *гипотетическая идея*, содержательное ядро, зародыш смысла. На средней – из первоначально недифференцированной идеи вырисовывается постепенно усложняющийся *проектный образ*. Завершающая фаза — *составление проектно-технологической документации*, где подробно описываются все те операции и процедуры, которые нужно произвести определенными методами в целях реализации проектного замысла. Еще одно коренное свойство проектности – целевая направленность на нечто оригинальное, новое, беспрецедентное.

Проектный подход, предложенный еще на заре двадцатого века, в цифровой среде особенно эффективен. Однако, в преподавании социально-политических дисциплин он и от преподавателей требует немало.

1. Сащенко Н.П., Сергеев В.А. Практика преподавания общественно-политологических дисциплин с использованием новых информационных технологий//PolitBook. – 2017. – № 2. – С. 176-191.

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ СОЦИОЛОГОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.

Сибирякова Юлия Васильевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Появление в высших учебных заведениях нашей страны профессионального социологического образования связано с многочисленными публикациями и дискуссиями, в рамках которых ведется обсуждение различных аспектов подготовки социологов: организация и качество учебного процесса, содержание учебных планов, а также перспективы трудоустройства. Отмечается целый комплекс проблем, которые характерны для современного отечественного социологического образования [1,30]. Поэтому, разделяя критические и неоднозначные оценки экспертов, необходимо обратиться к вопросу образовательных стратегий выпускников-социологов в цифровой образовательной среде.

Представления о системе образования изменились в XXI веке. Теперь образовательная система не ограничивается институциональным, классическим образованием [2,147]. Усиление информатизации и интеллектуализации общества ведет к повышению требований к самообразовательной деятельности студентов и выпускников вуза. Сегодня можно выделить различные методы самообразования: онлайн-курсы, вебинары, электронные видео-лекции на базе образовательных платформ (Coursera); использование скрытых временных ресурсов: просмотр видео, чтение книг, прослушивание аудио, подкасты; использование ресурсов электронных библиотек; дистанционное обучение – различные онлайн-университеты дают возможность получения любой профессии и соответствующего сертификата о прохождении той или иной образовательной программы [3,76].

Проведенное исследование среди выпускников-социологов показало несколько возможных траекторий по окончании бакалавриата. Дальнейшие планы студентов связаны с продолжением образования в магистратуре по программе, связанной с программой бакалавриата, по смежным программам, а также по программам, не связанным с социологией. Особый интерес представляют мнения студентов, которые на выпускном курсе бакалавриата не планируют поступление в магистратуру. Если будет иметь место ситуация, когда знаний и навыков, полученных ими в бакалавриате, будет недостаточно при работе на той или иной должности в организации, их внимание будет обращено в сторону дистанционных путей получения образования: онлайн-курсы, профессиональная переподготовка, а также использование открытых онлайн-ресурсов. Важно отметить, что преимуществом будут пользоваться те формы вне университетского образования, о прохождении и использовании которых свидетельствует соответствующий документ: диплом или сертификат.

Таким образом, сфера цифровой образовательной среды, внедрение технических средств коммуникации позволяют расширить образовательное поле с целью получения и совершенствования навыков, знаний и компетенций будущих социологов.

ПЕРЕХОД В ОНЛАЙН-СРЕДУ КАК ВЫЗОВ ДЛЯ ТРАДИЦИОННОЙ ТРАЕКТОРИИ ОБУЧЕНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ.

Сысолятина Валерия Алексеевна,
Рязанцева Ангелина Вадимовна

Санкт-Петербургский государственный университет

В связи с распространением коронавирусной инфекции онлайн-обучение стало не просто альтернативой, а вынужденной мерой. Отдельного внимания требует вопрос о дальнейшем использовании методов онлайн-обучения в образовательном процессе, что обосновывает необходимость изучения их эффективности.

В целом переход исключительно на формат онлайн-обучения вызывает сомнения. По результатам проведения фокус-групп со студентами с направлений «Социология», «Зарубежное регионоведение» и «Конфликтология», исследователями было выявлено, что «овладение знаниями, умениями и навыками» только посредством онлайн-формы обучения не является достаточно эффективным, по мнению самих студентов [2, 84].

Обучение на факультете социологии имеет свою специфику, поэтому необходимо детальное рассмотрение конкретных дисциплин при оценке возможности проведения занятий в онлайн-формате.

Курс по методике и технике социологического исследования выделяется как «ядро социологического образования» [1, 6-11]. В свою очередь, раздел методов сбора данных, рассматриваемый в рамках данного курса, является важным компонентом, относящимся к полевой части социологического исследования. Переход на онлайн-образование ограничил возможности обучения методам, предполагающим реальное взаимодействие с респондентами. Если проведение лекционных занятий с технической точки зрения возможно, то организация семинарских занятий с практической частью становится проблематичной, так как в онлайн-формате симуляция, например, традиционных фокус-групп или интервью затрудняется в силу необходимости личного взаимодействия.

На данный момент развиваются новые методы сбора данных, которые являются аналогом традиционных, но проводятся с использованием цифровых технологий. Так, существует практика проведения фокус-групп в онлайн-формате, при этом у данного метода наблюдается ряд особенностей. Например, в отличие от онлайн фокус-групп участники традиционных фокусированных групповых интервью более многословны, в ходе дискуссии чаще выделяются лидеры, разговорчивые люди и более пассивные участники, наблюдается более сильная групповая динамика [3, 20-21].

В то же время существует большая вариативность форматов онлайн-фокус групп, в том числе асинхронных, что только расширяет спектр отличий от традиционных форматов. В связи с чем можно говорить о необходимости в особых подходах к изучению метод проведения фокус-групп разных форматов.

Так, в условиях онлайн-обучения возможно гораздо эффективнее будет уйти от стремления к имитации процессов очной формы и сделать акцент именно на релевантных для виртуальной реальности темах. Например, сосредоточиться на специфике онлайн-методов сбора данных (включая проведение фокус-групп), которые становятся все более и более актуальными в условиях цифровизации.

1. Абрамов, Р. Н., & Юманова, М. А. (2008). Состав учебных планов и структура социологического образования в России: опыт эмпирического исследования. *Социологический журнал*, (2), 81-94.
2. Ковалев, В. В., Дятлов, А. В., & Воденко, К. В. (2020). Оценка качества онлайн образования (по материалам фокусированных интервью в студенческих группах). *Bulletin of the South-Russian state technical University (NPI) Series Socio-economic Sciences*, 13(3), 6-14.
3. Лебедев, П. А. (2010). Метод онлайн-фокус-групп как исследовательский инструмент. *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М)*, (31), 92-114.

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СОЦИОЛОГИИ

Фомичева Татьяна Владимировна
Российский государственный социальный университет

Несомненным достоинством онлайн-технологий является их доступность в «пандемический период», возможность продолжать обучение. Многие инновации и технологические прорывы, достигнутые и освоенные во время «острого пандемического периода», будут использованы и в дальнейшей жизнедеятельности образовательной среды. Можно отметить, что социологическое образование даже получило новый импульс к развитию. Онлайн-технологии постепенно становятся ключевым понятием во всех сферах жизнедеятельности [1]. Открыты новые возможности мессенджеров и различного рода платформ для проведения тематических мероприятий. Особенно важным, конечно, в осознании возможностей и перспектив дальнейшего внедрения образовательных онлайн-технологий в среду высшей школы, является отсутствие личных контактов и «живой коммуникации» в связке «преподаватель-студент», отголосков так называемой концепции «личностного знания» М. Полани [2]. Тем не менее, пандемия выявила и обозначила огромный ресурсный потенциал адаптации человека к кризисным условиям существования. Использование онлайн-технологий помогает в решении, казалось бы, нереальных задач. И положительная значимость онлайн-технологий все же «перевешивает» некоторые их недостатки и незавершенные технологические процессы.

1. Гонтар М. Жизнь после пандемии: как изменится человечество? // Экспертиза. 25.04.2020 [Электронный ресурс] URL: <https://www.golosameriki.com/a/future-forecasts/5391044.html> (Дата обращения 09.02.2021)
2. Полани М. Личностное знание. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.

КЛИНИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК ИННОВАЦИЯ В ОБРАЗОВАНИИ СПбГУ

Шаршов Анатолий Романович
Санкт-Петербургский государственный университет

Под организацией клинической практики понимается взаимодействие субъектов организации клинической практики [1] СПбГУ, а именно студентов, преподавателей и руководителей клиник СПбГУ, осуществляемое в Клиниках СПбГУ.

Эти субъекты используют средства, необходимые для осуществления профессиональной деятельности общественно-полезной направленности в клиниках СПбГУ, то есть ресурсные возможности. Каждый субъект может использовать различные ресурсные возможности, которые имеются как в самом СПбГУ (формальный аспект, административные ресурсы), так и у самих субъектов (неформальный аспект, личностные ресурсы).

С социологической точки зрения можно утверждать, что в процессе осуществления профессиональной деятельности, используя те или иные ресурсные возможности, субъекты выполняют ряд определенных функций [2], которые направлены на регулирование как внутренних (образовательный процесс студентов), так и внешних (социальный эффект, оказываемый клиентам и заказчикам Клиник СПбГУ) аспектов реализации клинической практики. Также они фокусируются на распределении прав и

обязанностей субъектов клинической практики СПбГУ и формировании организационной структуры внутри клиник СПбГУ. Иначе говоря, ресурсные возможности обуславливают осуществление функций в соответствии с этими ресурсами [3].

Таким образом, возникает формальное поле социального взаимодействия между субъектами при организации клинической практики. Каждый из субъектов выполняет определенные социальные роли (студент, преподаватель, руководитель) и ведет себя в соответствии с ними (социальное поведение).

Воспроизводимые в этом поле социальные практики субъектов рожают определенные социальные ожидания или, говоря социологическим языком, экспектации [4], то есть неформальные требования, предъявляемые одними участниками образовательного процесса СПбГУ другим относительно их социального поведения и выполнения ими социальных ролей. При этом само поле социального взаимодействия между субъектами при

организации клинической практики не может быть строго определенным, формальным. Поэтому можно сказать, что процесс осуществления клинической практики обуславливается не только формальными требованиями к ее организации, но и самой социальной структурой, складывающейся из социальных практик субъектов [5]. В результате в каждой Клинике СПбГУ складывается определенная организационная культура.

При этом изначально студенты принимают решение об участии в клинической практике, далее у них появляются альтернативные выборы [6] в зависимости от того, каким образом организована и реализуется клиническая практика в той или иной Клинике СПбГУ.

1. М.А. Картавых, И.В. Прохорова, *Концепция интегрированной клинической практики студентов в системе высшего педагогического образования*, 2015, 1–8;
2. Cavallone, M., Ciasullo, M. V., Manna, R., & Palumbo, R., *A tale of two stakeholders: achieving excellence by merging quality expectations in Higher Education institutions. Studies in Higher Education*, 2020, 1–15;
3. Marcus Ford, *The Functions of Higher Education, The American Journal of Economics and Sociology*, 2017, 260-278;
4. И.В. Шиндряева, *Социальные ожидания (экспектации) как социологическая категория*, 2014, 1–3;
5. Dawn Bennett, *Meeting Society's Expectations of Graduates, Education for the Public Good, Education for Employability (Volume 1)*, 2019, 35–48;
6. И.С. Попович, *Теоретико-методологический анализ социальных ожиданий личности как составляющей коммуникативно-ролевого взаимодействия*, 2018, 4–8.

Секция 7. Междисциплинарное сотрудничество как источник формирования Soft Skills социологов в эпоху цифровизации

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА

Гасанова Диана Эльшановна

***ФГАОУ ВО "Уральский Федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина"***

В современных реалиях существует потребность в изучении такого феномена как «социальное самочувствие». В нашей работе мы будем опираться на то, как определяла социальное самочувствие А. А. Русалинова [2]. В ее работе социальное самочувствие определяется как «интегральная характеристика оценочно-эмоциональной сферы человека, которая выступает как самостоятельный субъективный фактор, воздействующий на все стороны личности». На наш взгляд, данное определение более точно детерминирует двойственную сущность социального самочувствия, поскольку оно может быть как реакцией на условия внешней среды, так и фактором, воздействующим на поведение индивида.

Актуальность изучения социального самочувствия молодежи обуславливается тем, что их удовлетворенность в различных аспектах жизни может влиять на наше общество в целом, а именно такая социально-демографическая группа как студенты через несколько лет будут основным работающим населением страны. Социальное самочувствие студентов необходимо проследить, так как они являются важным индикатором восприятия различных общественных изменений.

Учитывая многоаспектность понятия «социальное самочувствие» можно заметить, что существует множество подходов к его измерению. В нашем исследовании, цель которого заключалась в том, чтобы охарактеризовать социальное самочувствие современных студентов, была использована адаптированная под объект методика диагностики уровня социальной фрустрированности Л. И. Вассермана [1]. Автор определял понятие социальной фрустрированности как вид психического напряжения, обусловленного неудовлетворенностью достижениями и положением личности в социально заданных иерархиях.

Полученные в результате исследования данные позволили нам рассчитать частные и сводный индекс социальной фрустрированности студентов г. Екатеринбурга. Значение сводного индекса составило 1,14 балла в общей выборке, что соответствует очень низкому уровню социальной фрустрированности (0,5–1,49 балла). К этому диапазону относятся значения многих частных индексов, кроме наименее удовлетворяющего фактора – это обстановка в обществе (2,2 балла) и наиболее удовлетворяющего – отношения студентов с друзьями (0,3 балла). Исходя из того, что мы охарактеризовали социальное самочувствие студентов г. Екатеринбурга очень низким уровнем социальной фрустрированности, то мы можем предположить, что взаимодействия, происходящие в социальной сфере, протекают успешно у студентов, но вполне вероятно снижение эффективности в различной деятельности.

Как результат, мы пришли к выводу, что обстановка в обществе и окружающей среде может оказывать сильное влияние на студентов из чего следует важность проследивания их социального самочувствия, так как оно имеет свойство к резким изменениям.

В будущем планируется глубже изучить социальное самочувствие студентов г. Екатеринбурга, с использованием качественного метода, для формулирования более точных предположений в рамках развития тех сфер жизни, которые оказывают наибольшее влияние на самочувствие студентов.

1. Вассерман Л. И., Иовлев Б. В., Березин М. А. Медотика для психологической диагностики уровня социальной фрустрированности и её практическое применение. Методические рекомендации. // НИПНИ им. Бехтерева, 2004.
2. Русалинова А.А. Социальное самочувствие человека в современном мире как научная проблема // Вестник СПбГУ. – 1994.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ: РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО МАРКЕТИНГА И ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ПОДГОТОВКЕ СОЦИОЛОГОВ

Дмитриева Елена Викторовна
МГИМО

Доклад подготовлен при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (конкурс 2020) заявка НШ-2615.2020.6

Современная ситуация с коронавирусной инфекцией свидетельствует о том, что необходимо объединить усилия специалистов в области здравоохранения, медицины, социального маркетинга и социологии для разрешения кризиса в области здоровья и его последующим улучшением.

Попытки повлиять на здоровье индивида и общества долгое время сосредотачивались на клинических исследованиях. Однако в последние десятилетия в профилактическую работу по улучшению глобального здоровья были привнесены коммуникация в области здоровья и маркетинговые инструменты. Избежать или излечить заболевания можно занимаясь лечением, но важную роль при этом играет изменение поведения индивидом или сообществом с деструктивного в отношении собственного здоровья на самосохранительное. Самостоятельно или в соединении с другими стратегиями коммуникация в области здоровья может повлиять на различных модели поведения индивидов, мотивируя их, например, к отказу от курения, использованию контрацептивных методов, прохождению профилактических осмотров с целью выявления онкологических заболеваний на ранних этапах, отказа от следованию сложившимся со временем культурным традициям, которые разрушительно влияют на здоровье.

В течение десятилетий социологии находились в поиске наиболее значимых социальных причин, определяющих здоровья индивида и общества, выделяли объект и предмет социологии здоровья в отдельную отрасль знания. При этом линии демаркации между науками не означают отрицания необходимости объединения усилий специалистов в решении практических вопросов здравоохранения.

Так, невысокая эффективность кампаний по вопросам вакцинации населения показала необходимость дальнейшего совершенствования знания в области коммуникации по вопросам здоровья. Коммуникация в сфере здоровья в настоящее время является результатом взаимодействия различных сил как внутренних, так и внешних по отношению к системе здравоохранения. Эффективность коммуникационных программ по продвижению здоровья будет определяться тем насколько они используют опыт, полученный в маркетинговых кампаниях, где накоплен большой опыт по воздействию на

целевые аудитории в зависимости от их предпочтений в отношении образа жизни, каналов коммуникации. В маркетинговых кампаниях отработаны технологии брендинга продуктов, тестирование сообщений, продвижения их в зависимости от различных этапов коммуникативной кампании. Соединение знаний социологии здоровья с опытом проведения маркетинговых исследований, построения маркетинговых коммуникаций позволит более эффективно проводить коммуникационные кампании. Социологи, владеющие знаниями социологии здоровья, маркетинга, общественного здоровья смогут более эффективно решать задачи как изучения здоровья, так и решения практических вопросов, которые ставит динамично меняющаяся эпидемиологическая ситуация как в России, так и во всем мире.

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВОЙ СОЦИОЛОГИИ

Евсеев Евгений Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет

При подготовке современных социологов важную роль играет математическая подготовка: сбалансированная структура дисциплин математического профиля позволяет создать надежный базис знаний и навыков, необходимых не только для работы с современными цифровыми технологиями поиска, анализа и визуализации данных, но и для оценки возможностей и перспектив использования всего спектра математических методов для анализа социальных явлений и процессов. Не умаляя важности классических разделов математического анализа, теории вероятностей и математической статистики следует отметить важность разделов современной (общей) алгебры.

Каждая стандартная модель, метод, конструкция в Data Science основана на математической базе, благодаря которой эти модели функционируют. Для того, чтобы работать с данными на серьезном уровне, понимать, как устроены методы машинного обучения, какие возможности, предпосылки и ограничения присущи используемым методам безусловно необходимо знание их математических основ.

Можно заниматься машинным обучением и анализом BigData без владения соответствующим математическим аппаратом — использовать готовые библиотеки, находить в интернете нужные модели и алгоритмы под каждую задачу и применять их к данным. Однако, для специалиста высокой квалификации, нужно понимать принципы, на которых основаны эти инструменты. Решение всех основных задач Data Science: создание и настройка моделей, тренировка нейросетей и применение аналитических процедур к информации основано на методах линейной алгебры. Для классификации и анализа объектов в первую очередь используются идеи векторных пространств — математических структур, объединяющих множество объектов, с которым можно проводить операции сложения, вычитания и умножения, концепции опорных векторов, собственных векторов и собственных значений специальных матриц, систем линейных уравнений, обратимости и невырожденности матриц, определителей и обратных матриц. Важным элементом являются идеи общих векторных, евклидовых пространств и подпространств, размерности, базисов, линейных оболочек и многообразий, сингулярных разложений, рангов, линейных отображений и их матричных описаний, билинейных и квадратичных форм, скалярных произведений, углов и расстояний, ортогонализации и QR разложения.

Не менее важны разделы, формирующие системный подход к разнообразным явлениям, позволяющие выделить существенные стороны изучаемых соотношений, абстрагируясь от несущественных, которые дают возможность изучать наряду с количественными качественными сторонами явлений и процессов, владеть навыками абстрагирования и визуализации абстрактных понятий, логикой абстрактных

умозаключений. В значительной степени решение этих задач связано с изучением разделов общей (современной) алгебры, посвященных понятиям множеств, отношений и алгебраических действий. Понятие изоморфизма обосновывает возможность отождествления различных структур в контексте отношений и действий, связывающих их элементы, с другой стороны, на основании понятия конгруэнции даётся обоснование возможности отождествления элементов внутри изучаемого множества, при этом естественно возникающая важнейшая идея факторизации является основой перехода от индивидуальных объектов к группам однотипных объектов. Особая роль отводится изучению понятий, связанных с конечными множествами: комбинаторике, графам, упорядоченным множествам и решёткам, а также группам и полугруппам.

К сожалению, многие из упомянутых выше разделов или вовсе не представлены в программах подготовки социологов, или им уделяется незаслуженно мало внимания, что значительно ограничивает профессиональный потенциал будущих специалистов в области цифровой социологии.

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗВИТИЯ

Зернова Людмила Павловна
МФТИ

Современный мир стремительно меняется, что ещё вчера казалось таким далёким будущим, уже сегодня стало реальностью, в том числе, быстрые изменения в сфере образования. На фоне пандемии, цифровой революции изменения произошли неожиданно и сразу. Суть цифровой трансформации образования - достижение необходимых образовательных результатов и движение к персонализации образовательного процесса на основе использования цифровых технологий, которые помогают использовать новые педагогические практики (новые модели организации и проведения учебной работы). [1, С. 21-30].

Скачок в новую реальность ускорил процесс перестройки рынка труда, что в очередной раз привело к резкому исчезновению старых и появлению новых специальностей. В 2020 году произошел сбой, который усилил неравенство, а изменения из-за пандемии только усугубили долгосрочные перемены, связанные с Четвертой промышленной революцией. По данным ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития), почти 14% рабочих мест в странах Европы будет автоматизировано в самом ближайшем времени, поэтому специалистам необходимо приобретать новые знания и навыки. [2].

Особенность современного мира в том, что технологии быстро изменяются и меняется спрос на специальности. Если студент учится шесть лет, то на момент его поступления в вуз самой перспективной специальности еще не существует. Сегодня невозможно поступать на "перспективные" специальности, потому что к окончанию вуза они будут совершенно другими.

«Задача вуза - научить человека адаптироваться к вызовам времени, помочь найти свое направление, а успешность в современном мире связана со способностью быть гибкими и адаптивными. Актуальные сегодня навыки «soft skills» ректор РАНХиГС Владимир Мау считает важными, **если у студента есть "хард скиллс"**. Умение продавать себя важно, **если есть, что продавать**. Задача вуза - дать набор фундаментальных знаний, которые не устаревают. Таблица Менделеева, таблица умножения, иностранные языки точно не устареют. Подчеркну: важнейшая задача каждого университета сейчас - сделать так, чтобы выпускники были способны чувствовать вызовы времени и отвечать на них, постоянно учиться и переучиваться. На многопрофильные бакалавриаты конкурс -

десятки человек на место. Я часто говорю студентам: если вам легко, значит, вы где-то не дорабатываете. Учиться должно быть трудно и интересно, тогда это дает результат. **Залог успеха - трудолюбие плюс склонность к определенным направлениям деятельности.** Важно выбирать то, что вам интересно - и прикладывать к этому большой труд». [3].

Персонализация или индивидуализация образования в настоящее время стала одним из центральных трендов в мире. Выделены две линии, которые развиваются в этом направлении:

1 – связанная с внедрением и расширением использования цифровых платформ организация учения;

2 – выстроенная на основе выведения ученика в позицию автора собственных действий (исследование или проект) или включение в культурные практики различных видов деятельности (стажировки, практика и др.). В данном направлении идут исследовательские проекты и апробация различных видов деятельности. [1]

Причем индивидуализация подразумевает не только выбор программ, но и проектной деятельности, команд и других активностей, связанных с неформальным образованием. Образовательное пространство стремится к тому, чтобы студенты впоследствии смогли самостоятельно ставить цели, делать выбор в соответствии с ними и адаптироваться под новые реалии. Принцип индивидуализации можно реализовать в разных масштабах: в рамках одного занятия, учебного плана, образовательного учреждения, среды в целом.

1. *Трудности и перспективы цифровой трансформации образования. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Издательский дом Высшей школы экономики. Москва, 2019. С.21-30.*
2. <https://theoryandpractice.ru/posts/18652-individualizatsiya-i-gibkost-kakim-dolzno-byt-obrazovanie-budushchego> Обращение 07.10.2021
3. <https://rg.ru/2021/09/20/ректор-ranhigs-vladimir-mau-nasha-zadacha-potogat-umnym-byt-uspeshnymi.html> Обращение 07.10.2021

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ КАК СРЕДСТВА КИБЕРПРЕСТУПНИКА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Карпова Дарья Николаевна
МГИМО МИД России

Материал подготовлен при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (конкурс 2020 года), заявка НШ-2615.2020.6.

Автор продолжает исследование мировой проблемы киберпреступности, которая в условиях ограничительных антиковидных мер только интенсифицировалась. Ранее было предложено социологическое определение киберпреступления [1, 47]. В данной статье фокус внимания будет сосредоточен на понимании такого явления как социальная инженерия, выступающая средством для совершения киберпреступления. Под социальной инженерией мы будем понимать набор социально-психологических приемов, позволяющих киберпреступникам получать конфиденциальные данные напрямую у самих жертв, используя различные форматы коммуникаций и сценариев. Среди них самые популярные – это фишинговые письма, смс-сообщения (смишинг) и телефонные звонки (вишинг). Согласно исследованию Positive Technologies за 1 квартал 2021 года, в 56% случаев целью кибератак являются люди, а средством – социальная инженерия [4].

Принимая во внимание междисциплинарный характер определения социальной инженерии, мы рассмотрим следующий методологический подход к изучению этого

явления. Его предложил бывший хакер, социальный инженер и киберпреступник, а ныне один из самых преуспевающих экспертов по компьютерной безопасности во всем мире К. Митник [2,3]. На многочисленных примерах хакер демонстрирует, как социальные инженеры используют человеческие слабости при совершении атаки. Было выявлено шесть характерных черт, которые определяют эффективность киберпреступления социальных инженеров: 1) Авторитет. Киберпреступник легко может добиться желаемого результата, убедив жертву в том, что у него больше власти и прав; 2) Расположение. Жертва общается с человеком со схожими взглядами, проблемами или интересами, ей легче наладить контакт, и она более настроена к злоумышленнику; 3) Взаимность. Жертва получает что-то в качестве подарка, совета, обещания или реального физического подарка; 4) Ответственность. У жертвы есть сильное желание быть заслуживающей доверия, чтобы попытаться наилучшим образом удовлетворить ее просьбу; 5) Социальная принадлежность. Жертва не хочет выделяться из социальной группы, к которой принадлежит или ориентируется на референтную группу; 6) Ограничение. Жертва верит в уникальность и ограниченность предложения. Как правило фишинговые письма или звонки имеют следующее содержание: «Ваш компьютер был заражен опасным вирусом. Кликните здесь для уничтожения», «Скидка 70% при оплате по ссылке ниже» и проч. В этой связи весьма актуально принимается постулат Митника: безопасность – это не технологическая проблема, а проблема самих людей и менеджмента. Антивирусная программа не справится с защитой персональных данных, если они были предоставлены самим пользователем преступнику.

В продолжении исследования проблематики социальной инженерии мы будем ориентироваться на самые уязвимые социальные группы граждан (дети и пожилые), конкретно, изучение их аттитюдов в онлайн и оффлайн пространстве с целью разработки прикладного инструментария по противодействию мошенническим действиям в отношении данных социальных групп.

1. Карпова Д.Н. *Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение* // *Власть*. 2014. №8. С. 46-50.
2. Mitnick, K. *Social Engineering: The Science of Human Hacking*. Wiley: 2nd edition. 2018. 320 p.
3. Mitnick, K. *The art of deception: controlling the human element of security*. Wiley: 1st edition. 368 p.
4. *Официальный сайт Positive Technologies statistics*. (дата обращения: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2021-q1/>).

СОЦИАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА В СИСТЕМЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Малинина Татьяна Борисовна
Санкт-Петербургский государственный университет

Социальная статистика занимает особое место в системе социологического образования. Большой объем социологической информации необходимо обработать и проанализировать при помощи современных информационных технологий. Социальная статистика как раз является приложением статистического метода, позволяющего измерить основные закономерности общественных явлений и процессов. Становление социальной статистики и социологии можно отнести к XIX веку. Заметим, что с образованием и развитием государств появляется необходимость в статистической практике: сбор данных о численности населения, имущественном положении, военном потенциале, ценах на хлеб, внешней торговли, регистрации фабрик и заводов, браков и разводов, рождений и смертей. По мере усложнения общественной жизни, круг

учитываемых явлений расширился. Таким образом, социальная статистика становится информационной базой для общества и эмпирической базой для социолога. В современных условиях накопился огромный массив статистических и социологических данных, что, с одной стороны, позволяет изучать и анализировать социальные проблемы, а с другой стороны, требует совершенствовать методологии современного сбора, обработки и анализа эмпирического массива [1,31]. Социальная статистика изучает общество посредством системы статистических показателей, отражающих состояние и развитие массовых социальных явлений. Современный социолог должен обладать дополнительными компетенциями, знаниями и умениями, соответствующими запросам рынка труда и возможностям продолжить образование: знать методы социальной статистики и области применения метода статистических показателей в прикладных социологических исследованиях; уметь решать задачи связанные с социальной структурой и динамикой социальных явлений и процессов; владеть методологией анализа и расчета статистических показателей, характеризующих социальные процессы. Таким образом, социальная статистика поставляет статистическую методологию и статистические методы анализа для развития методики эмпирических социологических исследований [1,38], которыми должен владеть современный социолог.

1. Кечина Е.А. Взаимодействие социологии и статистики на этапе их формирования как социальных наук. // Социологические исследования, № 9, 2008, С. 31- 38

ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ МЕТОДАМИ ЦИФРОВОЙ СОЦИОЛОГИИ

Маранчак Анастасия Геннадьевна
Севастопольский государственный университет

Межкультурная коммуникация занимает центральное место в исследованиях современного текущего состояния человеческого общества, когда особенно важно определить оптимальные границы между глобализацией и сохранением национальных культур. В процессе межкультурной коммуникации происходит, с одной стороны, осознание коммуникантами социальных норм «чужой» культуры, с другой - создаются условия для социализации, аккультурации и развития мультикультурной личности.

Рассмотрение проблем межкультурной коммуникации посредством использования метода анализа больших данных позволяет определить тенденции коммуникативного взаимодействия различных социальных групп в цифровой среде. Обилие имеющихся данных в сочетании с методами математического моделирования и построения алгоритмов позволяет сформировать междисциплинарную область анализа коммуникационных процессов. Понимание исследовательской значимости межкультурной коммуникации чрезвычайно важно для России в связи с переформатированием цифрового глобального пространства и определения в нем собственного места.

Глобальный контекст исследований коммуникационных сетей связан, с одной стороны, с трендом расширения национальных Интернет-аудиторий, усилением влияния информационных технологий на политические процессы, а с другой, изменением функциональности политических институтов, трансформацией форм политического участия и политического поведения. Кейсы цветных революций - Арабской весны, массовых политических протестов на постсоветском пространстве в Молдове, Армении, Украине позволяют говорить о коммуникации как о факторе формирования неконвенциональных протестных установок и тиражирования экстремистских стратегий поведения.

Наиболее масштабно и результативно применяется формирование описанных коммуникационных сетей, в частности, в Крыму. Среди применяемых технологий при их формировании можно, отметить, в первую очередь, такие, как целенаправленное создание активно-нигилистических информационных потоков; формирование сети онлайн-сообществ, занимающихся созданием «образа врага»; распространение идей и смыслов, направленных на формирование антироссийских установок. В связи с этим актуальность исследования межкультурных коммуникаций на Крымском полуострове обусловлена, во-первых, включенностью интернет-пространства полуострова в сеть цифровых технологий и коммуникаций, во-вторых, необходимостью принятия эффективных управленческих решений при формировании информационной повестки в регионе, в-третьих, мониторингом анализа формирования информационных потоков и их контентных установок.

Генезис формирования информационных потоков, их контента, веса и структуры в современных обществах, находящихся в ситуации культурных и социальных изломов, протекает на различной основе. Исследовательской проблемой тут является то, что изначально возникающие коммуникационно-политические структуры, выступающие за открытые и демократические идеи, приводят, в конечном итоге, к возникновению локальных гражданских конфликтов и несут серьезные геополитические последствия для стран. В частности, в условиях идеологического противостояния основных мировых акторов обеспечение безопасности в таких поликультурных регионах, как Республика Крым и Севастополь, должно быть продиктовано системным формированием информационной повестки и управлением информационными потоками на полуострове.

СПЕЦИФИКА СЕМЕЙНЫХ КОНФЛИКТОВ, РЕШАЕМЫХ В СУДЕ, НА ТЕРРИТОРИИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Мехонцева Наталья Михайловна

***ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина»***

Каждому человеку близко и знакомо понятие «семьи», в которой он растет, получает первые навыки коммуникаций, усваивает ценности и принимает рамки «нормального», то есть привычного поведения в обществе.

В своей работе мы придерживаемся определения «семьи» согласно А.И. Антонову и С.А. Сорокину [1], которое отражает её двойственную суть - как института, построенного на взаимных правах и обязанностях членов семьи (например, легитимность брака, наличие собственности), так и малой группы, где ярко проявляется межличностный аспект взаимоотношений (например, удовлетворение личных потребностей).

В связи с этим, в семье, как в малой группе, могут возникать конфликты, вызванные недовольством во взаимодействии, ущемлении прав членов семьи и т.п. Иногда эти конфликты не находят разрешения внутри семейной группы и выходят за границы узкого круга лиц. Существует множество способов регулирования семейных конфликтов, например, психотерапия, медиация. Особый интерес вызывает разрешение таких конфликтов в суде, которые в юридической практике называются спорами, так как сложность правового регулирования заключается в высокой эмоциональной накаленности отношений и их ценности для членов семьи.

В нашем исследовании, целью которого было определение специфики протекания семейного конфликта, решаемого в суде. Методом контент-анализ было проанализировано 44 судебных решения на территории Свердловской области из открытого Интернет-источника – «Судебные и нормативные акты РФ» [2].

Анализировались решения суда за период с 01.05.2020 г. по 31.05.2020 г. – в этот период был введен режим локдауна в связи с распространением COVID-19, что сыграло важную роль в специфике разрешения конфликтов, поскольку люди были вынуждены больше времени находиться дома, а значит больше взаимодействовать друг с другом на протяжении долгого времени. По данным информационно-правового портала «ГАРАНТ.РУ» [3] в период с 19.03.2020 г. по 11.05.2020 г. был приостановлен личный прием граждан, в связи с этим во второй половине мая 2020 г. в 4 раза возросла частота заседаний и вынесенных судебных решений в сфере разрешения семейных споров.

Результаты исследования показали, что жители областного центра реже обращались в суд для разрешения внутрисемейных вопросов, чем жители городов области (2/3 судебных решений относится к городам Свердловской области). По нашему мнению, такой результат связан с тем, что на периферии области предпринимаемые меры по сохранению здоровья граждан были более лояльными, кроме того, жители области менее ориентированы к привлечению внешней стороны к разрешению семейного спора.

В г. Екатеринбурге чаще удовлетворяются решения, чем городах Свердловской области, что может быть связано с правовой грамотностью жителей областного центра.

Дальнейшее исследование предполагает изучения большего количества судебных решений и проведение опроса методом глубинного интервью с участниками конфликта с целью выявления и описания внутренних условий и причин обращения в суд для решения семейных конфликтов.

1. А.И. Антонов, С.А. Сорокин. Судьба семьи в России XXI века : Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции / А.И. Антонов, С.А. Сорокин. - М.: Грааль, 2000. - 414 с.
2. Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Электронный ресурс]. URL:<https://sudact.ru/> (Дата обращения: 01.06.2021).
3. Работа судебной системы РФ: итоги 2020 и планы на 2021 год [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/news/1445327/> (Дата обращения: 12.06.2021).

НОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ СОЦИОЛОГА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Милованова Елена Алексеевна
МГУ имени М.В. Ломоносова

Социология в разные эпохи развивалась как наука об общих и специфических законах возникновения, функционирования и развития общества, а также об особенностях проявления этих законов в деятельности личностей и социальных групп [1, 32]. Общество – это динамическая система, составные элементы которой меняются под влиянием доминирующих тенденций. В настоящее время одним из ключевых процессов, влияющих на развитие общества, является цифровизация.

Под цифровизацией принято понимать процесс внедрения новых цифровых технологий в различные области жизнедеятельности современного человека. Данный тренд, связанный с «преобразованием информации в цифровую форму, приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни» [3, 47]. 70-е годы XX века стали временем бурной информационной революции. Данные процессы повлекли за собой глобальные изменения, вследствие чего изменилось общество – основной объект изучения социологии. Следовательно, сегодня меняется и сама наука, трансформируется направление теоретических изысканий социолога, методология изучения социальной действительности.

Явления современного мира настолько разнообразны, что стандартными методами, которые веками использовались в социологии, его уже трудно анализировать.

Поэтому социолог сегодня должен обладать не только знаниями о своем предмете, но и владеть ключевыми методами цифровой эпохи – математическими разработками, информатикой и компьютерной статистикой, что в совокупности позволит ему зафиксировать характеристики развития общества.

В контексте данных особенностей социолог должен овладеть особыми навыками, позволяющими ему быстрее синтезировать и анализировать цифровые данные. Эти умения позволят специалисту решать следующие ключевые задачи.

Извлечение данных из разрозненных источников. Несмотря на огромные массивы читаемых данных, есть пласты информации, которые можно извлечь лишь в закодированном виде. Овладение этим навыком обеспечит социологу доступ к малоизученным массивам данных, что ускорит процесс проверки гипотез в рамках социологических исследований.

Обработка данных. Современный исследователь имеет возможность тратить гораздо больше времени на изучение данных, чем на их первичную обработку. Так, например, использование языка программирования Python позволяет решить проблему обработки больших массивов информации в 20 раз быстрее, чем применение статистических методов [2, 50].

Визуализация данных. Новейшие цифровые среды для создания графики позволяют социологу продемонстрировать все детали полученных в ходе исследования результатов с помощью таких методов, как облако тегов или создание картограмм и т.п.

Таким образом, освоение социологом новых практик работы с массивами данных позволяет ему более эффективно интерпретировать реальность и собирать информацию о ней. Именно поэтому, наряду с развитием профессиональных качеств, современный специалист должен совершенствовать и надпрофессиональные компетенции, открывающие новые возможности анализа социума.

АНАЛИЗ ЦИФРОВИЗАЦИИ РАЙОНОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА НА ОСНОВЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Перекатова Арина Александровна
Санкт-Петербургский государственный университет

Победа в Конкурсе грантов 2021 года для студентов вузов, расположенных на территории Санкт-Петербурга, аспирантов вузов, отраслевых и академических институтов, расположенных на территории Санкт-Петербурга (Комитет по науке и высшей школе Санкт-Петербурга)

Несмотря на то, что среди регионов Российской Федерации Санкт-Петербург занимает лидирующие позиции в цифровизации городской среды, во внутригородской структуре наблюдается социально-экономическое неравенство [1] и неравное развитие городской среды [2]. Поэтому возникает вопрос о разности уровней цифровизации районов Санкт-Петербурга.

В ходе исследования выяснилось, что бесплатные зоны Wi-Fi в общественных местах находятся только в центральных районах: Василеостровский (150), Петроградский (244), Центральный (409) [5]. В спальных же районах востребованность WI-Fi зон в общественных местах не меньшая из-за большего количества проживающего населения. Более того, наличие терминалов системы экстренной связи «Гражданин-Полиция» в последних недостаточное - от 0–3 шт., в Петроградском 39 шт. Наблюдается неравенство в цифровизации сфер городской жизни населения в разрезе районов.

Цифровые технологии обеспечивают безопасность и на дорогах с помощью видеокамер. Несмотря на оснащённость города камерами [4], количество нарушений в 2020 году выросло на 18% [3]. Возможно, развитие общественного транспорта за счет уже используемых технологий, настройка частоты хождения, повлечет сокращение личного транспорта и нарушений на дороге.

Вовлечению граждан в процесс принятия решений способствует электронный портал «Наш Санкт-Петербург».

Меньшее количество обращений зарегистрировано в Кронштадтском (12155), Курортном (26390), Петродворцовом (69260) районах - административные единицы с невысокими социально-экономическими показателями [2]. Следует обратить внимание на готовность к использованию и осведомленность граждан о наличии цифрового портала в районах с низкой вовлеченностью.

Таким образом, ставя задачу цифровизации городского хозяйства, необходимо ориентироваться не на общие показатели города в целом, а на отдельные административные единицы города, которые имеют разные уровни социально-экономического развития.

1. Муфтахова А.Н. Социальное неравенство в жилищной сфере мегаполиса Санкт-Петербурга при добросовестном пользовании жильём // Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм. Сборник пленарных докладов Объединенного международного конгресса СПЭК-ПНО-2020. / Под общей редакцией С.Д. Бодрунова. - Том. 3. - М.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021. - С. 274-289.
2. Перекатова А.А. Социально-ориентированное разграничение городского пространства мегаполиса в доступности жителей к благосостоянию // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке: XIV Международная научная конференция «Сорокинские чтения - 2020». Сборник материалов. - М.: МАКС Пресс, 2020. – 510 с.
3. Правительство Санкт-Петербурга / Комитет по информатизации и связи [Электронный ресурс].- Режим доступа: <https://kis.gov.spb.ru/> (Дата обращения 02.08.2021).
4. Система классификаторов Санкт-Петербурга / Адреса установки видеокамер [Электронный ресурс].- Режим доступа: https://classif.gov.spb.ru/irsi/7825457753-Addresses_camera_installation/structure_version/331/ (Дата обращения 30.07.2021).
5. Система классификаторов Санкт-Петербурга / Бесплатные зоны Wi-Fi в общественных местах в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс].- Режим доступа: https://classif.gov.spb.ru/irsi/7825457753-free_wi-fi/structure_version/417/?search_all=wi%20fi (Дата обращения 30.07.2021).

ИССЛЕДОВАНИЯ КАРЬЕРЫ И ПОТЕНЦИАЛ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Попова Ирина Петровна

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Тенденции накопления потенциала междисциплинарных направлений могут проявляться непредсказуемо. Это можно сказать об истории такого направления, как исследования карьеры, которое складывалось на протяжении многих десятилетий.. Анализ литературы показывает иницирующую роль в его развитии социологических теорий конца XIX в., однако со второй половины XX в. оно развивалось в основном в организационных, социально-психологических исследованиях, решая вопросы практики. Тем не менее логика развития этого направления привела к попыткам его интеграции через выработку общих аналитических понятий, эмпирических методов и построение теории карьеры, опирающейся на прежде всего социологические концепции (см.: [1-4]). Эта тенденция взаимного обогащения в теоретическом и методологическом плане несет, на мой взгляд, важный потенциал. С одной стороны, это движение к более высокому

уровню в организационных исследованиях карьеры с опорой на социологические теории, с другой – расширение возможностей в социологических исследованиях с помощью включения разноплановых наработок исследований карьеры, и прежде всего концептуального аппарата исследований организаций, менеджмента, социальной психологии (см. об этом: [5; 6]). В то же время можно говорить, что участие социологии в этом междисциплинарном направлении остается фрагментарным.

Сегодня интерес для социологов могут представлять подходы в исследовании взаимодействий индивида и социального контекста, которые находятся в центре этого исследовательского направления. Это отвечает потребностям в расширении подходов к анализу тенденций неопределенности, гибкости, прекаризации в занятости. Осмысление карьеры с точки зрения фокусирования на взаимосвязях индивида и институтов, глубоких макроэкономических сдвигов и индивидуального поведения может способствовать более значимым результатам социологических исследований в сфере труда, занятости, мобильности и социально-профессиональной структуры, профессий.

1. Arthur M.B., Hall D.T., Lawrence B.S. *Generating new directions in career theory: the case for a transdisciplinary approach*, in: Arthur M.B., Hall D.T., Lawrence B.S. (eds), *Handbook of Career Theory*. Cambridge University Press, Cambridge, 1989. P. 7–25.

2. Baruch Y., Szűcs N., Gunz H. *Career studies in search of theory: the rise and rise of concepts*. *Career Development International*. 2015. Vol. 20. No. 1. P. 3–20. DOI 10.1108/CDI-11-2013-0137

3. Dokko G., Tosti-Kharas J., Barbulescu R. *Bridging micro and macro. An interdisciplinary review of theories used in career studies*. In: Gunz H., Lazarova M., Mayrhofer W. *Routledge companion to career studies*: 2019. P. 25–41.

4. Iellatchitch A., Mayrhofer W., Meyer M. *Career fields: A small step towards a grand career theory?* *International Journal of Human Resource Management*. Vol. 14. No. 5: 728–750. Yates J. (2020) *Career Development Theory: An Integrated Analysis*. *The Oxford Handbook of Career Development* / Ed. by P.J. Robertson, T. Hooley, P. McCash. 2003. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190069704.013.10

5. Попова И.П. *Исследования карьеры: ресурсы междисциплинарности в социологической перспективе* // *Социологические исследования*. 2020. № 12. С. 18-30. DOI: 10.31857/S013216250013019-3

6. Попова И.П. *Карьерный капитал: концептуальные подходы* // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2021. № 1. С. 78–88. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-78-88

РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ЦИФРОВОЙ ГИГИЕНЫ В РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ: ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СЛОЖНОСТИ

Руденкин Дмитрий Васильевич
ФГАОУ ВО "Уральский Федеральный Университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина"

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32166

Данная работа посвящена описанию итогов теоретико-методологического исследования, которое было проведено нами с целью выявления основных сложностей концептуализации понятия «цифровая гигиена» в российской социально-гуманитарной науке в последние годы. Изучение цифровой гигиены, под которой обычно понимается

некая система навыков безопасного использования информационных технологий [1], становится все более популярным направлением исследований в российской науке. Ревизия научных статей и монографий, индексируемых в системе РИНЦ, демонстрирует, что в 2011-2016 гг. в России было опубликовано всего 17 работ, в которых прямо или косвенно поднималась проблематика цифровой гигиены, тогда как в 2017-2021 гг. таких работ оказалось уже 127. Тем не менее, это направление исследований является относительно новым для отечественной социально-гуманитарной науки, а потому его теоретические и методологические традиции все еще не сформированы. Наше исследование было направлено на прояснение типических проблем, которые возникают на пути формирования этих традиций.

В своем исследовании мы обратились к традиционному анализу тех 144 научных работ, которые поднимали тематику цифровой гигиены и были проиндексированы в системе РИНЦ в 2011-2021 гг. Подчеркнем: нашей целью была не критика неких «ошибок» коллег. Мы стремились выявить и описать типические уязвимости сложившейся исследовательской практики, наличие которых может являться барьером на пути формирования концептуальных традиций анализа цифровой гигиены в отечественной науке.

Проведенный нами анализ позволил выявить четыре характерные проблемы анализа цифровой гигиены в отечественной исследовательской практике.

Первая проблема. Многочисленность научных трудов, систематически обращающихся к проблематике цифровой гигиены, но не содержащих конкретных интерпретаций этого понятия [2; 3].

Вторая проблема. Распространенность поверхностных и абстрактных интерпретаций цифровой гигиены, поясняющих общий смысл этого понятия, но не позволяющих соотнести его с конкретными эмпирическими явлениями [4; 5].

Третья проблема. Регулярность появления работ, выделяющих в структуре цифровой гигиены лишь наиболее очевидные навыки безопасного использования информационных технологий и избегающих акцента на более сложных нюансах проблемы [6; 7].

Четвертая проблема. Склонность многих исследователей к алармистским и даже конспирологическим рассуждениям относительно цифровой гигиены и угроз, от которых она должна защищать [8; 9].

В целом ревизия текущих научных работ, посвященных тематике цифровой гигиены, показывает, что на данный момент это исследовательское направление является одновременно и актуальным, и до конца не сформированным. Всплеск интереса исследователей к теме цифровой гигиены в последние годы способствовал ее превращению в важный и популярный объект анализа социально-гуманитарной науки. Однако издержки новизны этого исследовательского направления пока становятся серьезным барьером на пути формирования его концептуальных традиций.

1. Гаврилова Т.В., Григорьева А.Н. Цифровая гигиена или как не стать жертвой мошенников в сети // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 2-3 (70). С. 20-22.
2. Молодцова И.А., Сливина Л.П. Особенности адаптации z-поколения к цифровой среде: информационная гигиена // Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья. 2019. № 4. С. 20-21.
3. Целых Т.Н. Цифровая гигиена фирмы как превентивные меры от финансового мошенничества в информационной среде // Экономика и управление народным хозяйством. 2020. № 1. С. 52-57.
4. Максимова Е.А., Молодцова И.А., Бердник М.В. Информационная гигиена как фактор предотвращения последствий z-цифровизации // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2018. № 3 (29). С. 67-73
5. Алиева А.А., Иванова П.Ф. Цифровая гигиена для старшего поколения // Сборник научных трудов по итогам конкурсов научных работ. материалы конкурсов научных работ,

- проведенных Кузбасским институтом ФСИН России в 2020-2021 учебном году. Новокузнецк, 2021. С. 6-7.
6. Прокофьев О.В., Сёмочкина И.Ю. Компетенции цифровой гигиены в высшем техническом образовании // *Современные информационные технологии*. 2019. № 29. С. 83-87.
 7. Романова Н.Г. Лингводидактические аспекты цифровой гигиены // *Актуальные вопросы образования*. 2020. Т. 2. С. 73-77.
 8. Данильченко П.А., Седина М.С. Цифровая гигиена в социальных сетях как элемент защиты информации // *Colloquium-journal*. 2018. № 13-8 (24). С. 45-46. С. 46.
 9. Мартынова М.Д. Цифровая гигиена в рамках парадигмы стратегий нравственного развития личности в условиях глокализации // XII международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2020. Философия. Этика. Практика». Санкт-петербургский Государственный Университет, 19-21 ноября 2020 г. *Материалы конференции / Отв.ред. В.Ю. Перов – СПб.: ООО «Сборка», 2020. С. 58-60.*

ПРЕДПОСЫЛКИ К ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

**Сапегина Алина Михайловна,
Сысолятина Валерия Алексеевна
Санкт-Петербургский государственный университет**

Социология, как наука, изучающая быстро меняющееся общество, должна быть чрезвычайно чувствительна к социальным изменениям. Благодаря этому формируются новые направления социологической науки. Так, можно говорить о появлении цифровой социологии, в которой можно выделить два важных компонента:

Изучение реального общества с помощью методов, в основе которых лежат новейшие цифровые технологии;

Изучение виртуального общества — поведения людей в Интернете (социальных сетях, других интернет-платформах).

Опишем данные концепции более подробно.

Прежде всего, цифровую социологию можно рассматривать с точки зрения появления новых методологических приемов и инструментов, основанных на цифровых технологиях, которые предоставляют новые возможности для проведения количественных и качественных социологических исследований [1]. Так, Т. Сибел [4] обращает внимание на то, что цифровизация социологии началась, прежде всего, с оцифровки существующих компетенций социологов. Автор говорит, что «оцифровка — это использование цифровых инструментов для автоматизации и улучшения существующего способа работы, не изменяя его фундаментально. Использование данного метода позволило облегчить и ускорить обработку, хранение, использование и передачу данных» [3]. Также можно говорить и о других цифровых технологиях сбора и обработки данных, например, онлайн-опросы, использование таких программ, как SPSS и R.

В то же время в цифровой социологии расширяется объект изучения. Благодаря развитию и всеобщему внедрению современных технологий (таких как сети, большие данные, алгоритмы, искусственный интеллект и др. [1]) акцент для исследования падает именно на цифровое общество, в котором «сферы человеческой деятельности формируются теперь новым технологическим способом — цифровым» [2]. То есть происходит глобальное перемещение активности людей в виртуальную среду. За счет этого значительно расширяется и поле для исследования новой реальности. Анализ деятельности людей в виртуальном мире происходит с помощью использования трансформирующегося инструментария. Например, используя цифровые следы пользователей, появляется возможность охватить достаточно большие массивы данных.

В настоящее время в исследования в области социологии активно внедряются цифровые методы сбора и анализа данных. Однако технологии изучения самого виртуального общества все еще недостаточно охвачены социологическим образованием, поэтому оно требует модернизации. Подобные изменения в курсе обучения социологии позволят подготовить наиболее квалифицированных специалистов, способных проводить социологические исследования цифровой реальности.

1. Добринская Дарья Егоровна ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-sotsiologiya-dlya-izucheniya-tsifrovogo-obschestva> (дата обращения: 09.10.2021).
2. Веселов Ю.В. Доверие в цифровом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т.13. Вып.2. С.129–143. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.202>
3. Мецзякова Н. Н. Методология познания цифрового общества // Цифровая социология. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-poznaniya-tsifrovogo-obschestva> (дата обращения: 08.10.2021).
4. Siebl T. (2019). *Digital transformation: survive and thrive in an era of mass extinction*. NY: Rosetta Books. 256 p.

ПОРТРЕТ ИДЕАЛЬНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИОЛОГА

**Сергина Анна Николаевна,
Васильева Дарья Игоревна**
Санкт-Петербургский государственный университет

На успешность выполнения социологического исследования влияет множество факторов, в том числе и профессионализм руководителя проекта, который включает в себя не только умения и навыки, связанные с непосредственным выполнением целей и задач исследования, но и те, которые соотносятся с функциями управления и координирования. Появляются новые требования к профессии, в том числе диктуемые и формированием определенного набора Soft Skills социологов в эпоху цифровизации.

Авторы, работающие в данной области подчеркивают, что «в настоящее время акцент сместился от концептуальных способностей, соответствующих заведенному в прошлом порядку вещей, к новым стандартам поведения. Так, высокая неопределенность среды усиливает стремление к развитию способностей понимать современные тенденции и управлять изменениями» [2, 14]. При этом важно отметить, что возникают новые модели управления командами, например, в управлении проектами применяется метод AGILE. И в данном случае «на роль руководителя проекта целесообразен кандидат с компетентным типом T-Shaped, обладающий временной компетентностью, эмоциональным интеллектом, лидерскими качествами и развитыми коммуникативными навыками» [1, 22].

Говоря о методах управления, необходимо, в первую очередь, упомянуть основы менеджмента. В теории менеджмента немаловажное внимание уделяется психологическим аспектам, ведь сами организации, как системы, выстраивают собственную деятельность: сознательную и бессознательную, рациональную и иррациональную. В прикладных социологических исследованиях, как и в жизни отдельных личностей, знание психологии – первый шаг к психологическому здоровью и при данных условиях необходимо отметить такой soft skill, как эмоциональный интеллект.

Основными метанавыками идеального руководителя в данном случае будут являться: сопереживание, эмпатия; внимательность; спонтанность, легкость, способность играть; отстраненность; способность варьировать степень своей активности, влияния,

энергии; баланс и гибкость; системное мышление, которые были описаны в работе Карла Роджерса «Клиент-центрированное консультирование» в 1967 году, получившие свое продолжение в работах Р.Нельсона-Джоунса и Ф.Бурнарда.

Таким образом, портрет идеального руководителя будет включать в себя не только hard skills, но и soft skills, которые также требуют умение практического использования психологических основ.

1. *Найдис Ирина Олеговна Метод AGILE в управлении проектами: реализация метода, компетенции команды и руководителя проекта // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2020. №4.*
2. *Стегний В.Н., Севастьянова И.Г. Социологический анализ статусных характеристик современного руководителя // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. №1.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

**Сибирев Владимир Анатольевич,
Сибирев Владислав Владимирович
Санкт-Петербургский государственный университет**

Аннотация: Современная социология трансформируется. На смену традиционной социологии приходит социология 2.0, которая вовлекает в научный оборот новые источники данных (цифровые следы). Их изучение предполагает использование альтернативных методов сбора, обработки и анализа информации о них.

В условиях развития цифрового общества изменяется методология исследовательского процесса во многих областях науки. В России цифровизация социальных исследований становится одним из главных трендов развития социологии. Изучение цифровой среды и взаимодействие в социальной реальности невозможно без представлений о развитии цифрового пространства, где акторами взаимодействия являются пользователи, конструирующие реальность и переносящие многочисленные ее атрибуты в онлайн-формат. На смену традиционной социологии 1.0 приходит социология 2.0 Наряду с использованием традиционных опросных данных для изучения социальных явлений и процессов все большую роль играет исследования так называемых цифровых следов, которые могут существенно повысить эффективность социальных исследований. Цифровым следом (англ. digital footprint) называется совокупность данных, которые пользователь генерирует во время пребывания в цифровом пространстве, которую можно каким-либо способом отследить.

Различают два типа цифровых следов: пассивные и активные. Первые пользователь оставляет в Сети ненамеренно. Он формируется из данных, формирующихся автоматически в процессе работы: файлов cookie, IP-адресов, истории поиска и т. д.

Активный цифровой след — эта та информация, которой пользователь делится по собственному желанию. К активному следу относятся, например, участия в сетевых сообществах, публикации в социальных сетях и блогах, комментарии, лайки или сведения, указанные в профиле пользователя на том или ином сайте. Цифровой след позволяет понять поведение человека в интернете, выяснить, что его интересует, оценить его умение коммуницировать с людьми

Сбор и обработка цифрового следа важны не только для социологии, но и для многих отраслей экономики, включая интернет-маркетинг и управление персоналом. Соответственно Минтруд летом 2021 г. утвердил профессиональные стандарты для специалистов по моделированию, сбору и анализу цифрового следа. Их задача — «повышение качества управленческих и иных решений на основе результатов комплексного анализа цифрового следа человека (групп людей) и ИКС (информационно-коммуникационных систем)» [1].

В литературе отмечают возможности (по сравнению с традиционными методами) и ограничения исследования цифровых следов [2]. К последним относят, например, нерепрезентативность, конструктивная валидность, внешние и внутренние вмешивающиеся факторы, нестационарность.

1. Профстандарт: Специалист по моделированию, сбору и анализу данных цифрового следа // https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=86707
2. Богданов М. Б., Смирнов И. Б. Возможности и ограничения цифровых следов и методов машинного обучения в социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. No 1. С. 304—328. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1760>.

ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

**Сидорова Анна Николаевна,
Флягин Александр Анатольевич
Санкт-Петербургский государственный университет**

Вызовы безальтернативного дистанционного образования, с которыми столкнулось большинство стран мира в начале 2020 года в связи с пандемией COVID-19, позволили представителям общественных наук получить богатую эмпирическую базу для исследований. С одной стороны сложившаяся ситуация стала драйвером развития давно наметившихся тенденций цифровизации образовательного процесса на всех уровнях и во всех его проявлениях, с другой выявила проблемы и противоречия, которые ранее не были в фокусе внимания исследователей.

Основными из базовых проблем и барьеров для развития дистанционного обучения принято считать недостаточную развитость инфраструктуры, отсутствие специфических для электронного обучения методических разработок, позволяющих эффективно усваивать материал, проводить контроль знаний и формировать практические навыки, а также недостаточные компетенции, необходимые для включения в процесс обучения, прежде всего компетенции в части владения информационно-коммуникационными технологиями. Исходя из регулярно проводимых оценок цифровых компетенций в разрезе поколений, мы можем констатировать, что старшее поколение или социально-демографическая группа, которую принято определять как «третий возраст» до сих пор отстают в части развития цифровых компетенций [1]. Отличается также целевая и мотивационная составляющие формирования цифровых компетенций, в том числе необходимых для осуществления профессиональной деятельности [2].

В рамках представленного исследования, выполненного на материалах наблюдений, интервью и статистических данных слушателей дополнительных образовательных программ повышения квалификации аудиторов, сделана попытка

выявить особенности перехода к дистанционным формам обучения для различных демографических групп внутри профессионального сообщества.

Специфика профессии аудитора, определяющая характеристики профессионального сообщества заключается в:

- Высоком образовательно-квалификационном цензе для входа в профессию
- Необходимости постоянного повышения уровня квалификации для сохранения профессионального статуса
- Высокая степень контроля со стороны государства и профессионального сообщества
- Высокий уровень постоянства состава профессионального сообщества.

Если говорить о социально-демографическом портрете усредненного аудитора в 2020 году, то это женщина в возрасте от 40 до 55 лет, работник небольшой компании.

Основная тенденция 2020 года – увеличение доли молодых и среднего возраста аудиторов, проходящих нормативное повышение квалификации в применении цифровых технологий. Соответственно ускоряется по сравнению в предыдущими годами темпы ухода из профессии старшего поколения (возраста 60+), прежде всего женщин. Представляется, что не в последнюю очередь это может быть связано с трудностями, возникающими при прохождении обучения в дистанционном формате.

Отмечаемые трудности связаны не только с отсутствием необходимых для прохождения обучения «общецифровых» компетенций, но и с трудностями ментального характера. Дополнительное профессиональное образование рассматривается многими высококвалифицированными специалистами прежде всего как площадка для коммуникации в целях обмена опытом. Опосредованное через дистанционные облачные платформы коммуникация урезает часть невербальных коммуникационных каналов, снижая эффективность коммуникации, удовлетворенность от взаимодействия и повышая уровень стресса для вынужденно вовлеченных в процесс коммуникации. По результатам ряда исследований, наиболее значимыми обозначены проблемы оказываются для женщин [3]. Наличие ментальных ограничений упоминается и в качестве препятствия внедрения цифровых технологий непосредственно в текущую профессиональную деятельность аудиторов [4, 21].

Среди факторов, способствующих адаптации к процессам цифровизации в целом и в сфере профессионального образования в частности, можно выделить высокий уровень предыдущего образования, а также большой опыт работы в динамично изменяющихся условиях профессиональной деятельности. Также важным является адаптация учебно-методических подходов к новым реалиям и уже наблюдаемое развитие технологических платформ в сторону большей «дружелюбности» и поддержки имитации привычных форм коммуникации [5].

1. Бумеры против зумеров: оценка цифровых компетенций поколений (15.06.2020) URL: <https://nafj.ru/analytics/bumery-protiv-zumerov-otsenka-tsifrovyykh-kompetentsiy-pokoleniy/> (дата обращения: 10.06.2021)
2. С.М. Каюгина, ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У ЛЮДЕЙ «ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА» МИР НАУКИ, КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ. № 2 (81) 2020
3. Fauville, Géraldine & Luo, Mufan & Muller Queiroz, Anna Carolina & Bailenson, Jeremy & Hancock, Jeff. (2021). Nonverbal Mechanisms Predict Zoom Fatigue and Explain Why Women Experience Higher Levels than Men. SSRN Electronic Journal. 10.2139/ssrn.3820035.
4. Соболева Г.В., Зуга Е.И., Попова И.Н. НАЛИЧИЕ И ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В СФЕРЕ АУДИТА, *Аудит*. 2021. № 4. С. 17-21.
5. Zoom launches Immersive View tool... URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-9513495/Zoom-launches-new-Immersive-View-tool-places-participants-realistic-SCENES.html> (дата обращения: 14.10.2021)

МАГИСТЕРСКАЯ ПРОГРАММА "ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ" КАК ПРИМЕР МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Сошнев Александр Николаевич

Санкт-Петербургский государственный университет

В текущем году на факультете социологии разработана основная образовательная программа «Цифровая социология» для подготовки магистров в области цифровой социологии, осуществляющих профессиональную деятельность в исследовании социальных процессов и явлений современного общества с использованием новейшего программного обеспечения и технологий Интернет; соответствующих алгоритмов извлечения, обработки и анализа данных; участия в создании и обслуживании информационных систем и приложений в предметной области (в составе проектных команд); использования данных для принятия решений, оценки эффективности реализации различных социальных программ и инициатив, что характеризует уникальность и новизну программы.

Основная образовательная программа ориентирована на широкое применение в социологических исследованиях Интернет-технологий, Big Data, нейросетевых технологий, что предполагает наличие у выпускников глубоких научных и прикладных знаний и умений в исследовании социальных отношений, алгоритмов сбора и обработки социальных данных различного рода и их оперативного анализа. Широкий охват преподаваемых знаний обеспечивается междисциплинарным характером обучения и позволяет выпускникам основной образовательной программы осуществлять профессиональную деятельность в следующих областях: разработка приложений для анализа и управления социальными процессами и явлениями, бизнес-аналитика, анализ баз данных, информационный аудит и интеллектуальный анализ данных о процессах и явлениях современного общества, менеджмент проектов, что создаёт для них преимущества на рынке труда

Миссией образовательной программы является подготовка магистров, способных осуществлять исследования социальной структуры, процессов и явлений цифрового общества с использованием инструментария современных информационных технологий, программных средств и алгоритмов анализа данных. Спецификой образовательной программы является интегрированный характер большинства учебных курсов, направленных на решение практических задач. Образовательная программа нацелена на подготовку специалистов в научно-исследовательской, проектно-технологической, научно-педагогической, организационно-управленческой деятельности.

Выпускники программы должны быть готовы к реализации аналитических проектов на основе данных из различных источников (в т.ч. баз данных, социальных медиа и проч.), подготовке решений актуальных социальных проблем регионального, национального и международного уровней. Способны к гибкому поведению на современном рынке труда, благодаря развитию широкого спектра soft-skills.

Виды деятельности, которые должны быть способны выполнять выпускники программы «Цифровая социология»: аналитическая и экспертная, научно-исследовательская, организационно-управленческая, проектная и производственно-технологическая, педагогическая. Многообразие видов деятельности требуют междисциплинарного подхода в подготовке магистров, использования широких возможностей, которыми располагает Санкт-Петербургский государственный университет.

Сошнева Елена Борисовна

Санкт-Петербургский государственный университет

Социология как наука институционализировалась сравнительно недавно. Факт ее появления связывают с работами К. А. де Сен-Симона и О. Конта, обратившими внимание на изменение положения человека в общественном воспроизводстве. Промышленная революция, развитие капиталистического строя ставили перед общественной наукой острые вопросы общественного бытия, перспектив, целей. К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм и многие другие, известные и неизвестные сегодня исследователи общества, создавали социологию как новую общественную науку. В их числе значительное количество отечественных ученых. Наиболее выдающиеся из них: М. М. Ковалевский [1], Н. К. Михайловский [2], Н. И. Кареев [3]. В своих исследованиях общественных процессов и явлений они не только использовали идеи европейских социологов, но и искали собственные методы и пути изучения общества. Собственный методологический подход, получивший название социально-исторического (историко-социального), был разработан М. М. Ковалевским, развит его последователями и до сих пор занимает важное место в арсенале социологии. В советское время общественные науки были поставлены под жесткий идеологический контроль. Отечественная социология, не прошедшая стадию институционализационного закрепления, была вытеснена теорией научного коммунизма. Лишь в 60-е годы прошлого века в Ленинградском (Санкт-Петербургском) государственном университете был создан Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ), что является важной вехой в развитии отечественной социологии. Комплексный подход исследований института, в котором автору пришлось в свое время работать, осуществлялся подразделениями экономического, правового, психологического, информационно-математического профиля. Руководству института была понятна необходимость учета всех сфер и факторов общественной жизни при проведении социологических исследований. Достижения ученых НИИКСИ получили высокую оценку, они были награждены Государственной премией. Современная отечественная социология развивается волнообразно. В перестроечный период факультеты, отделения и кафедры социологии были открыты в большинстве вузов страны, включая и технические. В первые десятилетия нового века наступает этап закрытия социологических подразделений, сокращения приема на оставшихся факультетах. В настоящее время, на наш взгляд, продолжается поиск модели подготовки социолога в соответствии с запросами общества. Очевидно, что эти запросы весьма разнообразны. Профессиональные требования к социологу, выполняющему рутинную работу, должны отличаться от требований к социологу-методологу. Последний должен понимать сущность общественных процессов и явлений, должен знать экономическую историю исследуемого предмета. Именно экономическая история архивирует факты общественной жизни, материального производства, личного и общественного потребления. Их знания открывают для социолога возможность для представления движения общественного бытия. Включение дисциплины «Экономическая история» в учебный план подготовки социологов нам представляется необходимым.

СЕТЕВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В СВЕТЕ АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ БРУНО ЛАТУРА

Тормошева Вера Сергеевна

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

In the words of a French philosopher, anthropologist and sociologist Bruno Latour, the potentialities of his actor-network theory (hereinafter referred to as ANT) are still undeveloped in political studies [1, 209]. One of its potentialities, in our view, is applying the ANT to investigating networking political practices of social media users to establish opportunities and constrains for netizens' political participation globally. Our opinion is based on the ANT's fundamental that in postmodern times it is imperative to withdraw from conventional exploratory approaches to social phenomena and processes in favour of studying actors' 'network-tracing activity' [3, 192]. Experience has proven that a network-tracing activity help both institutionalized and noninstitutionalized social media users be heard on the global stage and get international community's political response [4, 224; 5, 301]. Consequently, the terminology of a network-tracing activity is worth an in-depth analysis.

Actors, as explained by Latour, are those who act or whose activity is granted by others [3, 182].

The scope of an actor is defined as the ability to mobilize enough allies in one place and transform weak relations into strong ones to influence the belief and behavior of others [2, 146–147]. The combination of interactions, in its turn, form a network or, more specifically, a 'work-net' or 'action net' to distinguish it from a technical one [6, 132]. These are various kinds of mobilization devices, texts, forms and formulae through which it becomes possible [1, 205]. However, the burden of the ANT has been placed on the text [3, 185]. We emphasize that in his works Latour avoids the word 'text' often misunderstood as 'story' or 'just story' [6, 126] using multiple notions instead, i.e. report, recording, inscription, description, document, narrative, tracer, and textual account. Rephrasing Latour, networking practices are visually manifested in cascades of mobile texts [2, 146].

To build horizontal relationships between users worldwide is impossible without realizing what a good text is. The ANT describes at least four distinctive features of a good text. First, it exhibits characteristics required for mobilization, namely mobility, reproducibility, immutability, ease of use, combinability, or 'optical consistency' [2, 127–128]. Second, it demonstrates such substantive aspects as accuracy, truthfulness, objectivity, and strength of argument [6, 126–127]. Third, it transports effects transforming them so that each of the points in the text may become a bifurcation, an event, or the origin of a new translation [6, 128]. Fourth, it triggers in its readers a demand for more details [6, 137]. At the same time, one cannot agree with Latour's denial of good style as a skill peculiar solely to professional writers, poets and playwrights [6, 128]. All this makes the ANT rather applicable to the study of networking political practices.

1. Латур Б. АСТ: вопрос об отзыве // *Логос*. 2017. Т. 27, № 1(116). С. 201–216. DOI: 10.22394/0869-5377-2017-1-201-214
2. Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // *Логос*. 2017. Т. 21, № 2(117). С. 95–156. DOI: 10.22394/0869-5377-2017-2-95-151
3. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные ещё большими усложнениями // *Логос*. 2017. Т. 27, № 1(116). С. 173–200. DOI: 10.22394/0869-5377-2017-1-173-197
4. Тормошева В.С. *Politically Netspeaking // Цифровое общество – новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития: материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 12–14 ноября 2020 г. / Отв. ред.: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 223–225.*

5. Ndavula J., Mberia H. *Social networking sites in Kenya: trigger for non-institutionalized democratic participation* // *International Journal of Business and Social Science*. 2012. Vol. 3(13). P. 300–306.
6. Latour B. *Reassembling the Social: An introduction to actor-network theory*. NY: Oxford University Press, 2005. 312 pp.

СПЕЦИФИКА ВОСТРЕБОВАННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СОЦИОЛОГОВ В ИТ-ОТРАСЛИ

Шакирова Маргарита Радиевна
Санкт-Петербургский государственный университет

Согласно результатам исследования выпускников социологических факультетов российских ВУЗов [1,54] за последние 10 лет к основным сферам профессиональной деятельности специалистов с социологическим образованием добавилась сфера информационных технологий. ИТ является пока еще не освоенной, но перспективной сферой деятельности для выпускников – социологов [2,593]. Для того чтобы изучить специфику востребованности профессиональных компетенций социолога в ней автором было произведено дальнейшее исследование с использованием метода экспертного интервью со специалистами изучаемой отрасли. По результатам проведения получены следующие данные:

Подходящими профессиями для социологов по мнению ИТ-специалистов являются HR-специалист, продакт-менеджер и продуктовый исследователь. Продуктовый исследователь, или же исследователь пользовательского/клиентского опыта является позицией, на которой профессиональные компетенции социолога востребованы больше всего, так как деятельность такого специалиста основана на изучении взаимодействия пользователя с продуктом путем применения необходимых методов исследований. Конкретный список компетенций исследователя для каждой компании индивидуален. Как правило они излагаются в системе грейдов – документе, где объем профессиональных компетенций специалиста сопоставляется конкретной карьерной ступени и уровню ответственности. Исследовательские компетенции можно условно поделить на группы, так, например, компания ЦИАН (www.cian.ru) выделяет следующие группы компетенций:

Анализ и синтез – умение применять методы анализа данных исследований и обрабатывать результаты.

Критическое мышление и аргументация - умение подготавливать доказательную базу, формировать взгляд на проблему, давать экспертную оценку результатам исследования

Эмпатия, понимание групп пользователей - умение сегментировать группы пользователей, умение оценить опыт пользователей

Методы и методология - умение использовать и комбинировать методы исследований в зависимости от задачи, понимать их ограничения и предлагать альтернативы

User-centered подход - знание принципов дизайн-мышления

Итеративность - умение настраивать итеративный исследовательский процесс

Согласно данным анонимного опроса исследовательского комьюнити [3], среди исследователей чаще всего встречаются специалисты с психологическим академическим бэкграундом и только второе место занимают исследователи с социологическим образованием. По результатам опроса исследователей [4], проведенного исследовательской командой компании Avito (www.avito.ru) медианная заработная плата исследователя составляет 120.000 рублей.

Таким образом можно сделать вывод о том, что в IT-отрасли, а конкретно в профессии продуктового исследователя профессиональные компетенции социолога, связанные с построением прикладного исследования, являются наиболее востребованными. Помимо социологов продуктовыми исследователями чаще всего являются специалисты с психологическим образованием.

1. Шакирова М.Р. Опыт исследования специфики рынка труда для выпускников социологических факультетов российских ВУЗов // Ноябрьские социологические чтения. Сборник материалов молодежной научной конференции. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2021, 54-56 с
2. Шакирова, М. Р. «Цифровое общество - новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития: материалы Всероссийской научной конференции XIV Ковалевские чтения.» IT как сфера деятельности для выпускников социологических факультетов российских ВУЗов. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2020. 593.
3. Розум С. Второй анонимный опрос Research Ops Community. URL: <https://itou-keusee.medium.com/второй-анонимный-опрос-research-ops-community-b468d18215c4> (Дата обращения: 01.10.2021)
4. Ефимова Е. Исследование про исследователей: что мы узнали URL: <https://habr.com/ru/company/avito/blog/540242/> (Дата обращения: 01. 10. 2021)

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВА

Шарипов Тимур Борисович

Санкт-Петербургский государственный университет

Середина XX века ознаменовала переход общества от индустриального к информационному. Безусловно, это сказалось и на развитии самого общества: Появление мировой сети интернет открыто возможности для реализации средств дистанционного взаимодействия между людьми, а создание гаджетов позволило обучаться, работать и общаться на расстоянии.

Для исследователей появились два вопроса: Как развитие информационных технологий сказалось на обществе? Какими методами можно проследить эти изменения?

В настоящее время, не только из-за технического прогресса, но и из-за пандемии, большую популярность получило дистанционное интервью, которое реализуется при помощи таких программ, как Zoom, Skype, Microsoft Teams и так далее. Такой вид интервью пусть и не позволяет в полной мере передать эмоции собеседника, зато решает проблему наличия опасной эпидемиологической ситуации, а также позволяет экономить время и другие ресурсы.

Существует большое количество других методов исследования цифрового общества. Российский исследователь Е. Ю. Журавлёва приводит основные методы исследования общества в цифровую эпоху:

Сбор данных или data mining - совокупность методов, позволяющих собрать и проанализировать данные, доступные для исследователя. К методам, входящим в эту группу, относят машинное обучение, компьютерное моделирование, выявление функциональных связей в массивах данных.

Анализ социальных сетей – исследование воздействия социальных сетей, группах внутри этих сетей, а также профилей отдельных пользователей с целью выявления уровня социальной напряжённости и отношения к различным мировым событиям [0, 25].

Группа пространственно-цифровых методов – комплекс методик, позволяющих оценить степень распространения различных идей в социальных сетях и их влияние на общественные процессы в жизни. Например, в 2016 году было проведено исследование,

призванное определить эмоциональное состояние пользователей в разных регионах России [2].

Таким образом, стоит отметить, что развитие технологий повлияло не только на технический прогресс, но и на общественное устройство. Эти метаморфозы повлекли за собой потребность в изменении научного подхода к исследованию общества, что также стало возможным благодаря развитию компьютерных систем.

На сегодняшний момент наиболее часто для анализа цифрового общества используется онлайн-интервью, методы сбора и анализа данных, основанные на искусственном интеллекте, техники моделирования и прогнозирования изменений.

1. Журавлева Е.Ю. Социология в сетевой среде: к цифровым социальным исследованиям / Е.Ю. Журавлёва // Социологические исследования. – 2015. – No 8. – С. 25-33.
2. «Индекс любви» на карте России, весна 2016: исследование эмоционального состояния пользователей социальных медиа – Портал HABRAHABR URL: <https://habrahabr.ru/company/brandanalytics/blog/299078/> (дата обращения 08.10.2021).

МЕДИАТИЗАЦИЯ И ГИПЕРМЕДИА

Шаронов Дмитрий Иванович
МГУ имени М.В.Ломоносова

На фоне пандемии COVID влияние средств массовой информации и технологических изменений выявило некоторые новые тенденции в корпоративных коммуникационных стратегиях. Многим компаниям пришлось перейти на бизнес-модели, полностью реализуемые онлайн. Такой переход подразумевает готовность руководства организаций реагировать на любые неожиданности чтобы оставаться на плаву. Современные исследования процессов медиатизации пытаются уловить векторы культурных изменений, которые сопровождаются глубоким проникновением влияния средств коммуникации в различные социальные области [1].

В настоящее время широко известен эффект микро-сегментации сетевых сообществ, известный как «эхо-камера». Сам термин описывает ситуации, в которой участники таких групп разделяются только определенные идеи, убеждения и чувства, а находящиеся внутри эхо-камеры сталкиваются преимущественно с интерпретациями, с которой они уже заведомо согласны. При этом алгоритмы цифровых платформ отфильтровывают несовместимую с ожиданиями большинства информацию, расставляя коммуникационные приоритеты соответственно ранее проявленным предпочтениям пользователей. Неудивительно, что быстрые изменения в коммуникационном ландшафте способствуют гипертрофированному насыщению корпоративных новостей неожиданными уловками, порой вызывающими серьезный общественный резонанс[2].

Очевидно, что гипер-измерения концепции глубокой медиатизации нуждается в дальнейшей проработке на основе трансдисциплинарных эмпирических исследований. Проблема требует более тщательного изучения, включая распознавание медиаформатов, провоцирующих стремительные переключения сетевых доменов и организующих социальное «эхо» в направлениях, выгодных корпоративному руководству.

Парадоксальные эффекты гипер-медиатизации, объединяющей связи, конфигурации и повествования разнородных областей в единое целое, способен к формированию принципиально новых видов «гиперссылок», сочетающий в себе буквально несовместимые смыслы в «стиле фьюжн». Коммуникативная экология современной корпоративной повестки бурно эволюционирует, постоянно повышая ставки общественного внимания и перегревая рынки общественного мнения.

1. Hepp A. (2020) *Deep Mediatization*. Routledge.
2. Lachlan K.A., Hutter E., Gilbert C. *COVID-19 Echo Chambers: Examining the Impact of Conservative and Liberal News Sources on Risk Perception and Response*. Retrived May 10, 2021 from <https://www.liebertpub.com/doi/10.1089/hs.2020.0176>

Секция 8. Социальная антропология в контексте социологического образования

БИЗНЕС АНТРОПОЛОГ КАК ПРОФЕССИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Васильева Дарья Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

В данном докладе представлен проект, призванный решить прикладную задачу, состоящую в конструировании образа профессии и профессиональной деятельности корпоративного антрополога в специфических условиях современного бизнеса. Исследовательский проект проводился около 3,5 месяцев: октябрь 2020 – январь 2021 г. Методы сбора материала: online-интервью, авторефлексия, анализ документов и интернет-ресурсов, участвующее наблюдение в профессиональных сообществах.

В рамках серии интервью (13 видео-интервью) были привлечены к профессиональному диалогу антрополога, социологи и другие специалисты из России (7 человек), Италии (3 человека), Германии (2 человека), США (1 человек). Отбирались люди, пользующиеся антропологическим инструментарием в бизнес-проектах и имеющие соответствующий бэкграунд, успешно реализующие проекты в различных компаниях и организациях. Основу полевой работы составили 2 контакта с профессиональными сообществами антропологов и анализ 50 online-страниц и публикаций.

Идентичность корпоративного и бизнес-антрополога активно поддерживается в академической и публично-медийной сфере. Участие в прикладных проектах, экспертизах, антропологический консалтинг и другие формы сотрудничества с бизнесом в последние годы являются важной частью создания академического имиджа, продвижения образовательных программ и привлечения дополнительного финансирования. С другой стороны, в бизнес-среде идентичность антрополога приобретает латентный характер. Работая в разных сферах и активно применяя инструментарий корпоративной антропологии, он предпочитает не маркировать себя как антрополог, мимикрируя в другие профессиональные области, такие как урбанистика, дизайн, гейм-дизайн, MHR, менеджмент корпоративной культуры, менеджмент коммуникаций, девелопмент, социология. Этому отчасти способствует отсутствие публичного имиджа профессии. Отчасти – хороший навык включения в любую среду или сообщество в том числе и профессиональное, который является одним из базовых для социальной антропологии.

Сегодня бизнес-антрополог во многих странах сталкивается с отсутствием обоснованной исследовательской этики и адекватного имиджа профессии. При этом корпоративная антропология тесно связана со знакомством с корпоративным контекстом и требует доверия к исследователю со стороны сотрудников.

ЭВОЛЮЦИОННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Гвоздиков Денис Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет

Публикация «Социобиологии» Э.О. Уиллсона (1975) и «The Use and Abuse of Biology» М. Саллинса (1976) ознаменовала рубежную точку размежевания двух школ мысли, которые десятилетиями казались непримиримыми в вопросе об основной инстанции человеческого поведения: генов или культуры. Научное поле антропологии оказалось фрагментировано между несхожими подходами и направлениями, представляющими из себя различные течения, условно, этнографических, конструктивистских, с одной стороны, и эволюционно-ориентированных методологий, с другой [1]. Запрос на «реинтеграцию антропологии» представляет собой обратную нарождающуюся тенденцию к унификации, необходимой для полного научного объяснения различных аспектов человеческой социальной организации (А. Барнард, А. Фуэнтес, П. Висснер, Л. Кронк).

Эволюционная антропология (ЭА) представляет собой одно из исследовательских направлений в рамках «интегративного подхода», предлагающего поиск объяснений сложных вариаций человеческого поведения с использованием теоретического инструментария эволюционной биологии и поведенческой экологии [2]. Рассматривая механизмы поведенческой адаптации как ответ на средовые (социальные и культурные) изменения, ЭА предоставляет эвристическую модель для альтернативных подходов социальных наук. «Смешанная методология» ЭА подразумевает сочетание строгих, доказательных методик (статистика, эксперимент, моделирование) с традиционным репертуаром этнографических методов (длительные полевые наблюдения, качественные описания).

Несмотря на аналитический потенциал, ЭА остается почти неизвестной для студентов социологических специальностей. Демаркация направлений оставляет в слепой зоне образования целый спектр подходов к социальным процессам, интеграция которых в социологическое знание способна обогатить его. Между тем, ряд доступных курсов эволюционной тематики традиционно делают акцент на антропогенезе, социобиологии или эволюционной психологии, упуская из виду интегративные возможности и прикладные аспекты ЭА в поле социальных наук.

1. Fuentes A., Wiessner P. *Reintegrating Anthropology: From Inside Out. Current Anthropology. Vol. 57. Supplement 13. Pp. 3-14. 2016*
2. Gibson M.A., Lawson D.W. *Applying evolutionary anthropology. Evol Anthropol. Vol. 24(1). Pp.3-14. 2015*

ПЕРСПЕКТИВЫ АКТУАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ЗАКРЫТОГО ТИПА

Грошева Любовь Игоревна,

Грошев Игорь Львович

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала
инженерных войск А.И. Прошлякова*

Грошева Ирина Александровна

Филиал АНО ВО «Институт деловой карьеры» в Тюменской области

Аннотация: В статье рассмотрены факторы актуализации антропологического образования в системах закрытого типа. Представлены основные направления использования антропологических компетенций в развитии управления коллективами в организациях закрытого типа.

Современные проблемы антропологического знания в значительной мере обострены в системах с закрытым типом коммуникации, так как сосуществование представителей различных категорий населения осуществляется в рамках постоянного и непрерывного взаимодействия с отсутствием достаточных условий для оценки ситуации со стороны либо посредством внешних экспертов. Другой особенностью учебных коллективов закрытого типа является интенсивное взаимодействие людей в рамках разнообразных видов деятельности, что обуславливает достаточно оперативное проявление социальной дивергенции [1, 56].

В отличие от открытых организационных систем, силовые структуры по своей профессиональной специфике осуществляют свою деятельность в условиях повышенного риска, эмоционального напряжения и стрессогенных факторов, что обостряет иные предпосылки конфликтных форм взаимодействия. Отсутствие достаточных антропологических знаний у руководителей в свою очередь имеет негативный потенциал не только относительно нормы управляемости, но и в плане сохранения личного состава, уровень и квалификация которого требуют максимальной кооперации и актуализации командной работы [2, 161]. Авторское опытное внедрение антропологических знаний на базе дисциплин социологического профиля в образовательных организациях с закрытым типом коммуникации в течение трёх лет в 18 учебных группах, позволяет говорить о снижении в них уровня конфликтности на 32,7 %, а также о снижении количества участников, подвергшихся социальной эксклюзии на почве социального или этнического неравенства на 12 %.

Соответственно, в организациях закрытого типа, включающих неоднородную социальную среду, антропологические знания актуализированы ввиду ряда причин.

Необходимость формирования у руководителя компетенций по анализу и диагностике качества коммуникаций в коллективе с учётом дифференциации подчинённых по социальным, этнико-культурным и иным признакам.

Актуализация компетенций по рациональному взаимному восприятию у членов коллективов силовых организаций, принятию вероятности и допустимости их отличия от собственных установок позволяет снизить уровень и частоту токсичных и депривационных форм взаимодействия, повысить эффективность и результативность общения.

Антропологические знания у сопроводительных служб (подразделений медицинского, психологического и военно-политического профилей) позволяют производить качественную профилактическую работу с коллективами, а также оценивать уровень готовности к работе с малыми и большими группами у обучающихся по управленческим специальностям.

Значимым компонентом результативности внедрения антропологического образования в системах закрытого типа является повышение когнитивного интереса к коллегам и подчинённым, что позволяет замещать негативное восприятие отличий на установку к пониманию и использованию преимуществ присутствующего культурного кода.

1. *Грошева И. А., Грошев И. Л. Проблема формирования толерантности в Тюменской области: опыт социологического анализа // Вестник РУДН. Серия Социология. 2009. №2. С. 54–62.*
2. *Мачульская И.А., Беляев Р.В., Машин В.Н. Современные проблемы управления повседневной деятельностью подразделений / И.А. Мачульская, Р.В. Беляев, В.Н. Машин // Молодёжные чтения памяти Ю.А. Гагарина. Материалы II Межвузовской НПК курсантов и слушателей (20 мая 2015 г.): в 2-х ч. – Воронеж: ВУНЦ ВВС «ВВА». 2015. Ч. 2. С. 159-164.*

СОЦИАЛЬНЫЙ АНТРОПОЛОГ КАК СПЕЦИАЛИСТ В ОБЛАСТИ MUSEUM STUDIES

Данилова Ксения Михайловна
Санкт-Петербургский государственный университет

Появление цифровых технологий в пространстве музея порождает не только новые возможности, но и проблемы, решить которые может социальный антрополог, применив культурно-антропологический инструментарий. Социальная антропология обладает набором методов и теоретических концепций, которые предоставляют возможность «исследовать, сравнивать и понимать разнообразные проявления человеческой природы» [2, 8]. Для эффективного управления учреждением культуры необходим именно такой специалист, в компетенциях которого входит анализ социокультурного пространства как специфического поля, конструирование отношений между различными группами людей и взаимодействия между музеем и его посетителями, интерпретация физического и символического аспектов в цифровом пространстве и т.д. Однако, появляется вопрос: «почему в менеджменте организаций культуры так мало внимания уделяют антропологическому фактору?» [1, 124]. Есть предположение, что это происходит из-за того, что отсутствуют четкие границы понимания возможностей социальной антропологии в области museum studies.

Для концептуализации понятия «музейный антрополог» было собрано 10 интервью, в которых информанты пытались обозначить, чем может заниматься социальный антрополог в музейном пространстве. Практически все интервьюируемые (90%) выделили изучение посетителей музея и музейных работников, анализ аспекта коммуникации в контексте социального взаимодействия внутри пространства музея, а также выявление потребностей аудитории, с использованием методов наблюдения, анкетирования и интервью. Половина информантов (50%) ответили, что социальный антрополог может быть полезен в цифровом музейном пространстве при наполнении виртуального музея, корректировки разделов официального сайта, создании рекламы музейных мероприятий и т.п. Два человека упомянули про то, что посещение музея может быть символом, ритуалом или «особой повседневной практикой», и именно социальный антрополог может рассмотреть это с точки зрения культуры.

Таким образом, «музейный антрополог», по мнению реальных и потенциальных посетителей музея, может составлять портрет посетителя музея и музейного работника, классифицировать практики посетителей, устранять коммуникативные шумы в социокультурном пространстве, активизировать свои навыки и умения для выявления потребностей посетителей, применяя антропологические методы в процессе

исследования. Сфера деятельности социального антрополога распространяется не только на физическое пространство музея, но и на цифровое.

1. Гринько И. А. «Музейная антропология: новые задачи» / журнал «Вопросы музеологии», 2019
2. Эриксен Т.Х. «Что такое антропология?» / Издательский дом Высшей школы экономики, 2014

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБМЕН СТУДЕНТАМИ КАК МЕХАНИЗМ ПРИЗВАНИЯ В ПРОФЕССИЮ

**Ивлева Ирина Владимировна,
Ильюшенко Денис Сергеевич**
Санкт-Петербургский государственный университет

Сейчас в миграционных исследованиях однозначно доминирует тема трудовой миграции в Россию. Образовательной/учебной миграции уделяется меньшее внимание, хотя в СМИ отмечается, что к нам в основном едут «руки», а уезжают из страны «мозги». В некоторых работах речь идет о миграции студентов из стран СНГ в Россию [2]. Но также растет миграция иностранных студентов (например, из Китая). Нас интересуют студенты по обмену, выезжающие на стажировки в зарубежные вузы, и какую роль это играет в образовании.

В книге [3] в кейсе, посвященном России, студенты рассматриваются скорее как некие «пешки» в большой игре. Научные организации (прежде всего образовательные) нуждаются в них, чтобы отчитываться государству о своей деятельности. В этом кейсе внимание уделяется внутреннему функционированию научных институтов. Но все же хотелось бы понять, каким образом рекрутируются в научную деятельность именно студенты, какие из них отбираются и начинают профессиональную жизнь, для кого из них социология как наука становится основным призванием и профессией [1]. Мы считаем, что одним из начальных механизмов отбора студентов для дальнейшей научной карьеры может становиться международный обмен студентами (зарубежные стажировки). Во многих случаях в этом участвуют наиболее мотивированные студенты. С другой стороны, согласно данным исследования, проведенным одним из авторов (в 2018 г. было собрано 16 интервью со студентами и экспертами, также мы опираемся на личный опыт стажировок), студенты по обмену зачастую называют в качестве цели своей поездки как академические, так и неакадемические мотивы. Лишь меньшинство называет чисто академические причины или чисто неакадемические. Наряду с учебой студенты хотят увидеть мир, узнать чужую культуру, освоить иностранные языки. География учебных стажировок заметно расширилась. Если в 1990-е гг. на факультете социологии СПбГУ было реально поехать в ун-т Билефельда (Германия), то теперь едут и в постсоветские страны (Армения, Литва, Эстония) и в дальнее зарубежье (Аргентина, Япония и др.). Было установлено, что также не всегда для студентов имеет значение наличие стипендии, хотя для большинства из них вопрос финансирования поездки был значим. В некоторых странах стипендии не предусмотрены, но предоставляется бесплатное общежитие.

Возникает вопрос о том, не приводит ли учеба за границей к синдрому «утечки умов»? Действительно, некоторые успешные студенты остаются в зарубежных вузах с целью продолжения своей научной карьеры или вступают в брак с жителем принимающей страны. Данное исследование частично подтверждает нашу гипотезу. Но чтобы ответить на этот вопрос однозначно, требуются дополнительные исследования. В целом же попадание в отбор, способствует тому, что студенты (в т.ч. аспиранты) вовлекаются и в

контекст других стажировок. Для ориентированных на карьеру, как правило, дело не ограничивается одной поездкой. Но при обучении за рубежом имеет место неизбежный «отсев» тех, кто не готов или не способен справиться с научными требованиями.

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ПАТТЕРНЫ ОБРАЗОВАНИЯ И КОНТЕКСТЫ ПРОИЗВОДСТВА ЗНАНИЯ

Куропятник Марина Степановна

Санкт-Петербургский государственный университет

В системе высшего образования России специальность «социальная антропология» была открыта в 1993 г. по инициативе Санкт-Петербургского университета. Именно здесь была обозначена перспектива ее развития в контексте социальных - а не исторических – наук, и в течение 20 лет на факультете социологии успешно реализовывалась образовательная программа по специальности «социальная антропология». Исключение социальной антропологии как самостоятельного направления подготовки в российских университетах, по сути, является реверсивным движением, таящим опасность ее маргинализации. Так, в условиях роста интереса к антропологическому образованию и расширения антропологических структур в ведущих университетах мира в СПбГУ произошло сужение социальной антропологии сначала до профиля в рамках ООП бакалавриата и магистратуры «Социология», а затем и до «блока специальных дисциплин», представленных в вариативной части и по выбору студента. Вместе с тем осуществлен переход от дисциплинарного формата обучения, ориентированного на подготовку социальных антропологов, к междисциплинарному, ориентированному на формирование новых конфигураций знаний и компетенций. Однако контекст производства знания (институализация социальной антропологии на факультете социологии СПбГУ) способствует, с одной стороны, сохранению преемственности содержания образовательных программ, а с другой, - дальнейшему «интеллектуальному сближению социологии и социальной антропологии (Э. Гидденс). Так, в настоящее время в рамках ООП магистратуры «Социология» реализуется образовательная траектория «Политическая социология и социальная антропология», что соответствует новейшим трендам развития социально-антропологического образования в ведущих университетах мира.

Один из инструментов традиционной антропологии, контекст контекстов – культура (М. Стрэтерн). Фокус на культуре университета позволяет сопрягать структурные изменения в образовании и культурную перспективу. В этой перспективе для социальных антропологов СПбГУ значимы такие культурные паттерны образования как паттерн самообучения или «обучения обучению» (Г. Бейтсон), интерактивность, междисциплинарность. Изменения в академическом ландшафте самой антропологии, поиск новых концептов и подходов, позволяющих описывать, анализировать и объяснять изменения культурной сложности контекстов современности, а также существенные организационные изменения в университетах России определяют содержание и формат социально-антропологического образования на факультете социологии СПбГУ.

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО В АРХИТЕКТУРЕ: ОПЫТ ФИНЛЯНДИИ И РОССИИ (СССР)

Ленкевич Денис Сергеевич
Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб)

Архитектурные стили и способы организации пространства становятся контекстом для жизни горожан, и, наоборот, общественные связи и установки обуславливают структурный и внешний вид архитектуры [1]. Периоды революций и разрывов в истории раскрывают особенности взаимосвязей архитектуры и общества. Например, после Второй мировой войны становится востребованной интернациональная архитектура в виде простых геометрических форм. В СССР сталинская неоклассика, ставшая манифестом имперских амбиций государства, была отвергнута после принятого в 1955 году постановления ЦК КПСС, направленного на борьбу с архитектурным стилем, напоминающем о предыдущем главе государства. Данное решение было принято не только из-за идеологических причин, но и из-за острой нехватки жилой площади — началось форсированное строительство типовых домов (советских вариантов интернационального стиля). Плановая экономика обуславливала зависимость архитектурной формы новых домов от эстетических предпочтений политической и профессиональной элит. Любопытно, что впоследствии члены Союза Архитекторов СССР обращаются к архитектурному опыту капиталистических стран для поиска моделей, основанных на иных эстетических принципах, но решающих те же социальные задачи [2].

Финляндия оказалась одной из стран с выгодной архитектурной моделью: в 1950-е и 1960-е годы соседское государство решало аналогичные демографические проблемы и параллельно искала национальную версию интернациональной архитектуры [3]. Советских архитекторов привлекали градостроительные, архитектурные (форма) и социальные идеи финских коллег. Коммуникация по почте дополнялась поездками и реальным обменом опытом между специалистами двух стран. Анализ сохранившихся документов и текстов показывает, что архитектурные модели обоих государств рассматривались с разных сторон, но при этом особое внимание уделялось обоснованию архитектуры через национальную идентичность [5, 6]. В случае Финляндии конца XIX века неоклассическая архитектура из гранита стала символом национального освобождения (впоследствии она была импортирована петербургскими архитекторами рубежа веков без учета социальных интенций финских коллег). Советская архитектурная неоклассика служила символом четкой вертикали власти и постепенно формировала идентичность советского человека, растворенного в высотных массивах Москвы 1930-х.

На процесс формирования архитектурных идентичностей двух государств влияла социальная организация архитектурного процесса. Архитектурные и социальные институты СССР ограничивали разнообразие формы, которую могли продвигать архитекторы, поэтому на территории Советского Союза при большом номенклатурном разнообразии зданий сохранялось стилистическое единство. Постсоветский период характеризуется ростом архитектуры, которая противопоставлена советской традиции – импорт западных архитектурных типов зданий (торговые центры) выражает новую экономическую модель [4]. Финский способ архитектурного проектирования предполагал широкий спектр стилистических возможностей на основе ярких индивидуальных архитектурных традиций (например, школы Алвара Аалто). Так, дизайн финских городов оказался более устойчивым по отношению к новым волнам интернационального стиля: финны смогли создать уникальные архитектурные бренды, которые начали экспортироваться в другие страны. В проектах финских архитектурных бюро XXI века реализуются принципы, заложенные крупнейшими финскими архитекторами

предшествующего века. Проектные группы уделяют большое внимание экологичности материалов, открытым зонам в архитектурном пространстве и органичному наследованию архитектурным формам модернизма (здание Главной библиотеки хельсинского университета, госпиталь Нова в Ювяскюля, музей в городе Куопио и др.). Отдельно стоит отметить ряд финских школ, которые благодаря эффективной организации внутренней среды, фенестрации и экологичному дизайну позволили перейти от модели школы-завода к открытой школе, направленной на полифункциональное обслуживание жителей отдельных микрорайонов [7].

1. Вильковский М. *Социология архитектуры*. М.: Фонд «Русский авангард», 2010. 592 с.
2. Иконников А. В. *Архитектура XX века. Утопии и реальность: в 2 т. Т. 1*. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 656 с.
3. Иконников А. В. *Новая архитектура Финляндии*. М.: Стройиздат, 1971. 144 с.
4. Семенов А., Веретенников Д., Малышев Г. *Лихие 1990-е, сытые 2000-е, потерянные 2010-е. Как менялась новейшая российская архитектура* // URL: <https://knife.media/capitalist-romantism> (дата обращения: 05.10.2021).
5. ЦГАЛИ СПб. Ф. 341. Оп. 1-2. Д. 606. [Стенографический отчет творческой встречи архитекторов г. Ленинграда с финским архитектором — академиком Алваро Аалто].
6. ЦГАЛИ СПб. Ф. 453. Оп. 1. Д. 103. [Творческие связи в области архитектуры между Россией и Финляндией. Машинопись].
7. Mäkelä T., Kankaanranta M., Gallaghe C. *Involving students in the redesign of learning environments conducive to learning and wellbeing. Proceedings of the Annual Architectural Research Symposium in Finland, 2014*. P. 268–282.

ФЕНОМЕН МАГИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Павленко Ольга Алексеевна

*Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Московской области
"Технологический университет"
имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А.А. Леонова*

Характерными событиями конца 20 – начала 21 веков являются научно-техническая революция и глобальные перемены, которые радикально реформировали все сферы культурного и социального бытия человека. Научное знание заняло главенствующую роль в современном мире. Но, несмотря на это, в обществе всегда есть место магии.

Она популяризируется с помощью бесчисленной рекламы гадалок, экстрасенсов и целителей в интернете, постоянно идущим мистическим телепрограммам, а также обилием наличия на полках магазинов эзотерической литературы.

На сегодняшний день люди, часто не задумываясь об этом используют магию в повседневной жизни. Например, по исследованию ВЦИОМа те или иные способы охраны от злой магии применяют 29% россиян, 14% носят крестик или ладанку. Часть опрошенных прибегает к народным средствам: носит амулеты (12%), особую булавку (9%) и др [1].

Можно сказать, что на сегодняшний день магия служит удовлетворению как практических, так и психологических потребностей людей. Бедность, нищета, безработица, низкий уровень медицины и образования, желание личного успеха и незащитность перед болезнями толкают людей на веру в сверхъестественные силы, а также на походы к гадалкам, экстрасенсам и т.д., чей бизнес в современном мире очень процветает.

С целью изучения феномена магии в современной России в ноябрь–январь 2021 г. нами было проведен опрос в форме анкетирования жителей Москвы и МО. Выборка исследования – 136 респондента, из них 46,7% респондентов мужского пола и 53,3% респондентов женского пола. В опросе приняли участие люди возрастом от 16 до 66 лет.

Около половины респондентов уверены, что существуют некие силы, которые неподвластны пониманию человека (46,3 %). Треть опрошенных не поверят в существование сверхъестественных сил, пока не будет научных доказательств (30,1 %) и лишь 16,9 % ни за что не поверят в существование сверхъестественных сил. Более половины опрошенных считает, что магические способности могут наблюдаться только у избранных людей (53,3%). Больше всего опрошенные верят в способность людей предсказывать будущее (47,8%), в способность людей колдовать и наводить порчу (42,6%), а также в возможность неодушевленных предметов защититься от беды (41,2%). По мнению респондентов, наиболее частыми причинами обращения к магии являются трудные жизненные ситуации (19%), желание изменить свою жизнь (15%), желание узнать будущее (14,3%) и проблемы со здоровьем (13,8%).

1. Колдовство, сглаз, порча: навстречу Хэллоуину // Всероссийский центр изучения общественного мнения. – URL: ВЦИОМ. Новости: Колдовство, сглаз, порча: навстречу Хэллоуину-2016 (wciom.ru) (дата обращения 6.05.2021)

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, КОНФЛИКТ И НОВЫЕ КОНТЕКСТЫ ПРОИЗВОДСТВА СОЦИОАНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ.

Панич Наталья Александровна
МГУ имени М.В.Ломоносова

COVID - 19 навсегда изменил повседневную реальность, трансформировал существующие и вызвал к жизни новые контексты производства социоантропологического знания. Он обострил конфликт, обусловленный, с одной стороны, очевидным переходом к цифровому обществу, к активному внедрению искусственного интеллекта во все сферы жизни, с другой стороны, сохранением антропологических практик повседневности. Американский психолог Чарльз Диксон когда-то сказал: «Если в вашей жизни нет конфликтов, проверьте, есть ли у вас пульс».[1. С.7] Конфликты являются неотъемлемой частью повседневной жизни современного цифрового общества. Ограниченность основных ресурсов и безграничность человеческих потребностей, социальная неоднородность общества и различия в уровне доходов, доступа к власти, доступа к благам постиндустриального общества нередко приводят к конфликтам. Особо остро все переживаются в период пандемии, охватившей целые континенты.

Невозможно отрицать то огромное влияние, которое оказывают конфликты на повседневную реальность человека, порождая новые социальные практики в контексте производства нового социоантропологического знания.

В современном цифровом обществе конфликт простирается на все сферы жизнедеятельности современного человека. Интернет вещей, дополненная реальность, цифровое производство ведут к появлению новых форм социальных конфликтов. Устоявшиеся выражения, как «конфликт интересов», «виновник конфликта», «последствия конфликта» и так далее, знакомые каждому человеку на протяжении большого количества времени, в современном звучании приобретают иной смысл и как следствие, нуждаются в иной логике урегулирования. Так, рассматривая технологический процесс замены водителей грузовиков на автоматизированных роботов в современной Великобритании [2], можно говорить о конфликте новой формы, а также формировании новых контекстов социоантропологического знания– безработные водители,

потенциально лишены средств к существованию, а также стратегических целей – открыть, например, свой собственный транспортный бизнес, а также лишены социального статуса, который сопровождал их повседневную жизнь ранее. Цифровизация привела в данном случае к пополнению рядов безработных этими водителями, а также к одному из ключевых вопросов современной социологической науки: каковы социальные последствия, противоречивы ли они?

Другой, не менее яркий пример конфликта в цифровом обществе и создания новых контекстов социоантропологического знания – внедрение технологии искусственного интеллекта, в частности, имитирующей человеческие способности. Внедрение так называемых роботизированных опекунов [3] призвано облегчить труд работников системы здравоохранения, ожидается, что машины станут более важными для производства в будущем, так что интенсивность труда человека со временем снизится, что в конечном итоге повлечет за собой уменьшение конфликтов в системе врач-пациент.

Задача социоантропологической науки на современном этапе заключается не только в том, чтобы описать и понять процессы трансформации конфликтов в повседневной жизни, но и, основываясь на междисциплинарном подходе, разработать подходы в концептуализации новых контекстов социоантропологического знания.

1. Диксон Ч. Конфликт. Семь шагов к миру. – СПб: Питер. 1997. С.7
2. Buhr, D.z Christ, C., Frankenberger, R., Fregin, M., Schmid, J., Tramer, M. (2016). On the way towards Welfare 4.0? Digitalisation of the welfare state in labour market, healthcare and innovation policy: a European comparison <https://neweconomics.org/2017/01/inequality-digital-society>
3. <http://www.digitaljournal.com/tech-and-science/technology/social-impact-of-digital-inequality-revealed/article/498805>, дата обращения 09.10.2021

ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОЛЯ.

Попова Анна Алексеевна
МГТУ им. Н.Э. Баумана

Социальная жизнь все чаще протекает в цифровой среде и по-прежнему опосредуется цифровыми системами. Цифровые антропологи используют Big Data для исследования виртуальных сообществ и формирующихся в них идентичностей. Большие данные представляют собой данные, генерируемые в результате оцифровки социальной жизни, которую условно можно разделить на три области: цифровая жизнь, цифровые следы и оцифрованная жизнь. Данные области трудно наблюдать без использования больших данных, что актуализирует потенциал их использования в социологии вообще и в цифровой социальной антропологии в частности, так как социальная антропология исследует социокультурное разнообразие используя инструменты социологии – включенное наблюдение внутри сообществ, анализируя их идентификацию. В своем эссе «Что бы делал Малиновский, если бы у него был Интернет» [1] профессор информационных наук Орхусского университета Дании Аннет Маркхам предлагает совершить мысленный эксперимент «если бы в начале 1900-х годов у антропологов был Интернет» и что бы они изучали. Профессор фокусирует внимание на проблеме исследовательского поля: как проводить «включенное наблюдение» за Твиттером? Где границы поля, если личности и сообщества в Интернете расположены в информационных потоках и состоят из них?

Если в традиционной антропологии исследовательское поле определяется географическими, физическими границами и объектом исследования, в цифровой антропологии определить границы и объект сложнее, российские исследования этой

проблемы пока малочисленны. В ходе анализа публикаций по цифровой антропологии С.В. Соколовский [2] приходит к выводу, что «всю ... литературу удобно разделить на две части: в первой фокусом рассмотрения является сама реальность, или, коль скоро речь идет о средствах ее удвоения, – виртуальность, т.е. цифровые технологии и устройства, их влияние на разработчиков и пользователей, на поведение людей в киберпространстве и т.п.; а во второй – методы исследования виртуальных сред, устройств и форм взаимодействия с ними и способов познания этих сред и устройств». некоторые исследователи определяют виртуальное взаимодействие, выраженное в числовых значениях.

Таким образом, в цифровой социальной антропологии в качестве исследовательского поля все чаще становится цифровое пространство, большие данные и наиболее перспективным направлением на данный момент исследователи называют метод сбора больших данных – Online Big Data (OBD) – автоматизированный сбор и изучение большого объема данных (больше терабайта) [3].

Однако, сводить исследовательское поле социальной цифровой антропологии только к цифровым значениям не достаточно, ведь никто не живет только в сети, поэтому, чтобы понять причастность к цифровым технологиям, мы фиксируем наблюдение на более широком контексте цифровой и нецифровой жизни людей.

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ К СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Свечникова Анна Вячеславовна

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

Московской области

Технологический университет

имени дважды Героя Советского Союза,

летчика-космонавта А.А. Леонова

От состояния российской системы здравоохранения зависит здоровье граждан страны, а, также, качество рабочей силы России и производительности труда. Поэтому так важно выяснить, в чем заключаются основные проблемы в системе здравоохранения и на чем сфокусировать свое внимание государственной политике.

В декабре 2019 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил данные исследования об отношении россиян к российскому здравоохранению в целом, системе обязательного медицинского страхования и уровне доверия в медицинской сфере.

По данным опроса, 41% респондентов не доверяет врачам (за последние несколько лет перепроверяли диагноз и назначения врача)[1]. Наиболее вероятные проблемы, с которыми пациенты сталкивались в государственной или муниципальной поликлинике: долгое ожидание записи, очереди, назначение платных услуг, невозможность получить все услуги в одном месте, отсутствие нужного специалиста.

Государственные программы по здравоохранению, а также реформы и планы, по обеспечению граждан бесплатной медицинской помощью, не увенчались успехом из-за тяжелого финансового положения в стране. Бесплатная медицина не вызывает доверия у россиян.

С целью изучения отношения жителей России к системе здравоохранения в январе-марте 2021 года нами было проведено анкетирование жителей Москвы и МО. Объем выборки 141 респондент, из них 47,1% респондентов мужского пола и 52,9% респондентов женского пола.

Более половины респондентов (60,7%) не удовлетворены услугами в государственных или муниципальных медицинских учреждениях (сумма ответов «Нет, полностью не удовлетворен(а)» и «Скорее нет, чем да» на вопрос «Удовлетворены ли Вы предоставленными Вам услугами в государственных медицинских организациях?»). Почти три четверти респондентов (70,7%) считают, что в государственных муниципальных учреждениях недостаточно хорошее оказание медицинской помощи (сумма ответов «Очень плохо» и «Скорее плохо» на вопрос «Как по Вашему мнению обстоят дела в российском здравоохранении?»). Немного более половины респондентов (55 %) не доверяют поставленным диагнозам и лечению врачей (сумма ответов «Не доверяю, перепроверяю поставленные диагнозы/лечение у нескольких врачей», «Не доверяю, самостоятельно ставлю себе диагнозы и назначаю лечение» и «Не всегда доверяю, но и не перепроверяю» на вопрос «Доверяете ли Вы врачам в вопросе лечения и постановки диагноза?»).

Качество медицинских услуг: запрос на жесткий контроль. Аналитический обзор. 11 декабря 2019 г. // ВЦИОМ <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/kachestvo-mediczinskikh-uslug-zapros-na-zhestkij-kontrol> (дата обращения: 09.10.21)

НОВОЕ МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ / МАГИСТЕРСКАЯ ПРОГРАММА «ИНВАЙРОНМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (В ЭПОХУ АНТРОПОЦЕНА)»

Тавровский Александр Владимирович
Санкт-Петербургский государственный университет

Антропоцен — это новая геологическая эпоха, качественно отличная от голоцена. В эпоху антропоцена человек становится геологической силой и начинает существенно влиять на земные процессы. Несмотря на то, что официально признание этого термина в геологии еще не состоялось, в естественных и социальных науках складывается консенсус, согласно которому эпоха антропоцена начинается во второй половине XX века [1; 2]. Послевоенное «Великое ускорение» связано с беспрецедентным ростом населения, экономики и потребления энергии [3]. Ускорение социоэкономических трендов приводит к быстрой трансформации трендов системы Земли, что увеличивает риск выхода за планетарные границы и запуска каскада необратимых изменений [4].

Глобальные климатические изменения, изменение биогеохимических циклов Земли (углерода, азота, фосфора, серы), подъем уровня моря, закисление и гипоксия океана, интенсификация экстремальных климатических явлений (волны жары, ураганы), загрязнение суши и моря новыми веществами (пластик, тяжелые металлы), потеря биоразнообразия (шестая волна вымирания видов) и другие негативные последствия антропоцена заставляют переосмыслить отношения общества и окружающей среды. Эта задача требует новых компетенций и нового специального знания.

Предлагаемое образовательное направление строится на идее мультидисциплинарности. Оно может включать философию и социальные науки (антропологию, социологию, экономику, политологию, право, возможно, журналистику), биологические науки (экологию) и науки о земле (прежде всего географию). Содружество социальных и естественных наук позволит студентам приобрести навыки системного мышления, сочетать качественные и количественные методы анализа, понять ограничения отдельных дисциплин и преимущества (а также трудности) их союза для решения комплексных инвайронментальных проблем.

Рынок труда выпускников включает профессии, связанные с решением экологических проблем, с деятельностью по смягчению последствий и адаптации к климатическим изменениям. Назовем лишь несколько возможных карьерных треков: специалисты государственных органов власти и органов местного самоуправления, отвечающие за экологическую политику и благоустройство; сотрудники экологических общественных организаций, аудиторы и консультанты коммерческих и некоммерческих организаций; экологические юристы; журналисты, пишущие на экологические темы; специалисты в сфере экологической ответственности предприятий.

Разумеется, многие экологические проблемы имеют не только локальное, но региональное и глобальное измерение, что позволит выпускникам участвовать в работе международных организаций и расширит их карьерные возможности.

ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОДГОТОВКЕ СОЦИОЛОГА

Трофимов Сергей Викторович

*Факультет журналистики Московского государственного университета имени
М.В.Ломоносова*

В конце XX века неожиданно для многих исследователей и политиков, предрекавших закат эпохи религии и расцвет светского общества в ходе процессов секуляризации, религиозные процессы начали играть все более заметную роль. В настоящее время возрастает значение понимания процессов религии в контексте процессов, определяющих все сферы социальной деятельности, включая политическую и экономическую. А диапазон разнообразия религиозных течений простирается от эзотерических и синкретических направлений, близких Нью-эйдж до экстремистских умонастроений, приводящих к кризисным ситуациям.

Понимание роли религии в современном западноевропейском обществе сегодня не может быть сведено ни к изучению исторического места религии в обществе, ни к сведениям о религиозных учениях различных институционализованных религий.

С конца XX века религиозная практика становится всё более размытой, предполагающей меньшее обращение к повседневным культовым обязанностям, но включая все больше элементов потребления в рамках религиозно-духовного «рынка», что требует отличной от «религии» концептуализации. Но в мире постмодерна и это свободно выбранное вероисповедание оказалось подвержено выбору составляющих. Французский социолог Д.Эрвьё-Леже, например, назвала это «бриколажем» (что-то между «рукоделием» и «самоделкой»), а в американской социологии носит название «лоскутной (patchwork) религии».

В отражение этой ситуации, в научном дискурсе термин «религия» вытесняется термином «духовность», понимаемым как форма личного духовного (религиозного, мистического) опыта и включающего поиски трансцендентного и смысла жизни. В современном мире, религиозное верование стало одним из явлений, в высшей степени подверженных индивидуализму. Законодательство светских государств, позволяет каждому выбирать свою религию или не исповедовать ни одной. Это духовности создают своеобразный «духовный рынок», на котором каждый может составлять персональную духовность из тех духовных элементов, которые лучше всего отвечают его духовным потребностям и ожиданиям. Поэтому можно сказать, что сегодня новая духовность – мегатренд начала XXI в., подчёркивающий значение религиозного опыта и переживания, один из аспектов замещения религиозности духовностью, противостояния индивидуальной внецерковной духовности/религиозности институциональным религиям, поиски различных форм сакрального как в рамках отдельного индивида и его

повседневной жизни, так и в виде высших проявлений трансцендентного, поворот от традиционно понимаемой духовности и смысла жизни к ценности «Я», внутреннего мира человека, его раскрытию и самореализации.

Процесс подготовки профессионального социолога должен включать в себя изучение религиозного феномена как целостного сложного и многогранного явления, учитывающая специфику современных социальных процессов.

1. Трофимов С.В. Религия как социальный феномен и социальный институт // *Общая социология. Основы современной социологической теории: учебное пособие для вузов - Канон+ РООИ "Реабилитация"* - Москва, - с. 222-245
2. Островская Е.В. "Социология религии. Введение" – СПб, Издательство "Петербургское Востоковедение"- 2019 – 320 с.
3. Гараджа В.И., Гараджа Е.В., Трофимов С.В. Социология религии: научный и образовательный потенциал // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология* – 2009, № 1 – С. 86 – 100
4. Хабермас Юрген. Вера и знание // *Будущее человеческой природы*. М., 2002. С. 117-131.
5. Giordan G., *Spirituality: From a Religious Concept to a Spiritual Theory* // *A sociology od spirituality* – BSA, Ashgate Publ.Lim. – Surrey, 2010 – P.161-180

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА МАЛОЙ РОДИНЫ В СОЦИОЛОГИИ

Тхакахов Валерий Хазраилович
Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-11-00742)

Аннотация. В исследовании анализируются научные перспективы привлечения концепции пространства мест для социологического изучения феномена малой родины и его места в конструировании символов и ценностей локальной гражданской идентичности.

Изучение феномена малой родины имеет признанную гуманитарную и социальную традиции. В первом случае это вся совокупность философских, филологических, культурологических, художественных текстов и изысканий, посвящённых местам рождения, отрочества, социализации. Наибольший вклад

вклад в данное направление внесли интеллектуалы, которые когда-то по разным причинам и обстоятельствам покинули свои родные места, но ностальгические воспоминания о которых обуславливают работу воображения и даже практические действия по отношению к своей малой родине. Во втором случае рефлексия учёных в области истории, краеведения, социальной и гуманитарной географии, социологии ориентируется на выявление роли, функций, ценности малой родины как аналитической категории и категории практики. Социологическая традиция изучения различных аспектов малой родины базируется на общей концепции пространства мест, ключевыми составляющими которой являются: теория производства пространства А.Лефевра, информационно-сетевой подход М.Кастельса, феноменология родного А.Шютца, антропология не-мест М.Оже, гуманитарная география места И.-Фу Туана, Т.Крессвелла и др. При анализе утраты малой родины уместно использовать идеи культурной травмы П.Штомпки.

Пространство мест охватывает миры повседневности (воспринимаемое) и образно-символическое (переживаемое). Это жизненные миры, которые производят и

используют жители различных мест и которые включают пространственную практику и пространства репрезентации. Всё то, что А.Лефевр обозначал как абсолютное пространство [Лефевр 2015]. Пространство мест это исторически укоренённая организация нашего общего опыта; это мир значений и культурных кодов, связанных историей и идентичностью [Кастельс 2000]. Гражданская идентичность места выступает как сопринадлежность к различным социальным образованиям – первичным, территориальным, этническим, а фиксация, закрепление данного отношения – на ментальном, социокультурном уровнях осуществляется посредством различных изобретённых понятий одним из которых является понятие малой родины. Оно создано для символической категоризации и узнавания локального типа принадлежности и которое выполняет функцию социального взаимодействия с местом. Малая родина обычно сопрягается с определённой территорией и конкретным местом – реальным или воображаемым. Места это не просто географические точки на картах. Они имеют различные измерения – антропологические, социологические, культурные и иные. Антропологические места это смыслообразующие места, связанные с жизнью и деятельностью человека и группы. Они «обладают как минимум тремя общими чертами. Они стремятся быть – люди стремятся сделать их – местами идентичности отношений и истории» [1, 58]. С точки зрения феноменологии смысловая структура повседневного мира, охватывающая и пространство мест, опирается на ряд фундаментальных, исходных оснований. В первую очередь это родной дом как исходная точка ориентации в нашем жизненном мире [Шютц 2003]. Феноменология дома определяет родной дом как первый мир, Неподвижное детство, место локализации большинства человеческих воспоминаний [Башляр 2002, 2004]. Проблематика места – одно из ключевых направлений в социальной и культурной географии. География места позиционируется в качестве источника локальной идентичности и культурно-исторического наследия народов. При этом специальное внимание уделяется анализу понятия «чувство места».

1. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / пер. с фр. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.

«ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ»? СОЦИОЛОГ В ПОЛЕ ЭТНОГРАФИИ

Целищева Вероника Геннадьевна
СПбГУПТД

Междисциплинарные подходы не раз показывали продуктивность, особенно когда речь идет о таком сложном комплексном понятии, как этническая специфика, однако, их применение сопряжено с рядом трудностей. В социологии и антропологии тематика и теоретические рамки, методы, языки описания, и многое другое, составляющие механику исследования и презентацию его результатов, при внешней схожести и общей истории, имеют свои дисциплинарные особенности. Граница между дисциплинами условна и проницаема, но она существует, влияя на широкий спектр практик: от рецензий на статьи и экспертных заключений по заявкам на гранты, до восприятия конечных результатов исследований; и, как любая другая граница, она имеет свойство конкретизировать дискурс.

В предлагаемом вниманию докладе, хотелось бы проанализировать некоторые причины дисциплинарных различий. Особенно, порефлексировать на тему темпоральности: о различиях в продолжительности полевой работы социолога и антрополога; почему говорят о прогностической функции социологии, а антропология рассматривается как дисциплина, ориентированная на сохранение культурного наследия; наконец, какие возрастные группы предпочтительней для исследователя, или почему отечественную этнографию шутя называют «бабушкологией». Кроме того, доклад

является попыткой использования метода автоэтнографии, поскольку в профессиональной деятельности я совмещаю преподавание социологии и полевые исследования социо-культурных трансформаций у коренного населения Нижнего Амура и Сахалина. То есть, будучи социологом по образованию, я много взаимодействую с этнографами и антропологами, изучающими Север, Сибирь и Дальний Восток, и трудности перехода (перевода) с языка одного научного сообщества на другой, мне хорошо знакомы.

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА СТУДЕНТОВ-АНТРОПОЛОГОВ: КОМПЕТЕНЦИИ, ПРИОБРЕТАЕМЫЕ В “ПОЛЕ”

**Шапиро Екатерина Владимировна,
Декина Анастасия Сергеевна,
Щепкина Софья Андреевна**
Санкт-Петербургский государственный университет

В начале 2019 года произошло знаковое событие в истории факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Студенты третьего курса бакалавриата, обучающиеся по профилю “Социальная антропология” в рамках направления “Социология”, стали участниками выездной полевой практики, ставшей первой в истории факультета. В чем особенность данного паттерна обучения, с точки зрения приобретаемых компетенций?

Обращаясь к современному учебному плану образовательной программы, можно заметить, что производственная практика предполагает освоение небольшого числа компетенций, в отличие от курсовой работы, или даже многих “аудиторных” курсов. В то же время опыт полевой практики, по мнению авторов, показывает, что набор приобретаемых компетенций по факту оказывается шире, а качество усвоения соответствующих знаний и навыков - выше, за счет работы в условиях “полного погружения”. Такая практика позволила антропологам приобрести нижеследующие профессиональные компетенции:

Способность принимать участие в социологическом исследовании на всех его этапах (ОПК-3, ПКП-1, ПКП-3) [1, 3]. Студенты не только теоретически прорабатывали каждый этап социологического исследования, но и полностью проводили непосредственно в поле, с настоящими информантами, в повседневности жителей. Практика охватывала моделирование объекта исследования, характеристику проблематики поля, анализ медиа-дискурса о поле, разработку инструментария, сбор данных (интервью, блиц-опрос, фокус-группы).

Навыки взаимодействия с полем (УК-4, УК-5) [1,4]. Помимо вхождения в поле, данная компетенция предусматривает также умение доступно транслировать результаты своих исследований не-социологам, согласование встреч с информантами и получения допусков на мероприятия для проведения наблюдения. Благодаря выстроенным положительным отношениям удастся достичь не только более легкого вхождения в поле, но и расширить круг информантов.

Навыки работы в команде (УК-3) [1,4]. Выездная практика помещает студентов в ситуацию, когда они вынуждены разделять не только рабочее время, но и совместный быт. То есть сочетать личное и рабочее пространства. Кроме того, в этом случае у них нет возможности разорвать рабочие отношения (сменить команду или отказаться от

практики). То есть для выполнения задания им необходимо находить компромиссы в спорные моменты.

Полевая практика, особенно в выездной форме, помимо заложенных в нее компетенций, также транслирует различные культурные смыслы, модели и формирует неучтенные навыки [2, 101]. Таким образом, скрытая учебная программа полевой практики гораздо шире тех целей, что прописаны в самой учебной программе, а приобретенный опыт полевого исследования приобщает к профессиональному сообществу - в том числе и к классикам антропологии.

- 1. Приказ от 29.07.2021 О новой редакции компетентностно-ориентированного учебного плана (рег. No 21/5056/1) основной образовательной программы бакалавриата «Социология» по направлению подготовки 39.03.01 «Социология» (шифр образовательной программы СВ.5056.2021)*
- 2. Дудина Виктория Ивановна Экспертные культуры и скрытая учебная программа в высшем образовании // ЖССА. 2005. №2*

Секция 9. Молодежь и молодежная политика в фокусе социологического анализа

МОЛОДЕЖЬ, МОЛОДЫЕ ВНУТРЕННИЕ МИГРАНТЫ, ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

**Solares Sierra Ediltrudis Borjas Sierra,
Ediltrudis Borjas Solares Sierra, Olga Expósito Jorge, Yaniubi Tito Pèrez**
Университет Ольгин

Аннотация. Молодежь, составляя социально-демографическую группу, занимает особое место в организации производства и общественном разделении труда. Статья посвящена изучению основных проблем в процессе интеграции молодых внутренних мигрантов. Обследование проводится в выборке молодых внутренних мигрантов, проживающих в провинции Ольгин, Куба, в четырех возрастных группах: от 15 до 20 лет, от 21 до 25, от 26 до 30, от 31 до 35 лет. Молодые мигранты столкнулись с вопросами, касающимися условий, способствующих их личному развитию, условий для семейной жизни, межличностных отношений, соседства, семьи и сетей поддержки, возможностей доступа к работе, образованию, здравоохранению, удовлетворенности своим улучшением и улучшением своих детей. Сложность этих вопросов объясняется теорией П. Бурдьё о «капитале».

«Молодежь» - объект изучения, интересующий различные научные дисциплины и виды деятельности. Это многозначный термин, которому в научной литературе предложено множество определений. Его разнообразие обусловлено его сложностью и богатством. Исчерпывающих познаний в отношении молодежи невозможно достичь в рамках одной научной дисциплины. Следует обратить внимание на то, что молодежь составляет социально-демографическую группу, занимает определенное место в организации производства и общественном разделении труда, представляет собой переходный этап жизненного цикла общества, в котором переход детства переходит в другой, социально зрелая жизнь.

Молодежь социально неоднородна во многих отношениях. В современных обществах его разнообразие особенно важно из-за особенностей происхождения и социально-классовой принадлежности его членов; хотя соответствующие содержанию и характеру деятельности также обозначаются пол, уровень образования, возраст, место жительства. А Молодые люди - это группа, которая с точки зрения социальной мобильности имеет большую тенденцию к миграции, чем остальная часть населения. В то же время они являются потенциальной производительной силой и наиболее адекватным населением, гарантирующим естественный рост.

Социальная интеграция определяется как процесс превращения относительно самостоятельных малосвязанных между собой объектов (индивидов, групп, классов, государств) в единую, целостную систему, характеризующуюся согласованностью и взаимозависимостью ее частей на основе общих целей, интересов и др. [1]. Социальная интеграция внутреннего мигранта содержит набор «подпроцессов», которые обозначают постепенный шаг, на котором мигрант присоединяется к социальному контексту прибытия.

«Капитал» [2] это социальная «энергия», которой обладают агенты; следовательно, капитал не только экономический (деньги), он также может быть культурным (культурные компетенции, ученые степени), социальным (социальные отношения дружбы, товарищества, членства в политической группе, семье) или символическим (когда предполагает, что ваше владение является «естественным», произвольный

характер вашего владения не признается). Вес капитал, перевозчиком которой является мигрант, от места его происхождения обычно действует в определении маршрутов, которые отслеживаются до выбора нового сценария.

Внутренние мигранты ориентируются по своему местонахождению, среде обитания: рынку, социальным отношениям, жилью и т. Д. Участвуя в различных сферах деятельности (особенно через рынки труда), мигранты пользуются возможностью использовать свой капитал в новой социальной среде. Мигранты будут пытаться использовать свой капитал в поисках работы, в этом смысле образовательный капитал станет экономическим только тогда, когда молодой мигрант найдет работу по месту прибытия. Из этого сложного процесса будут извлечены силы для решения других вопросов, таких как: иметь место для жизни, иметь экономическую поддержку для себя и своей семьи, определить путь к здравоохранению.

В исследуемой выборке процесс интеграции юной возрастной группы от 15 до 20 лет придавал большее значение решению вопросов, касающихся «отношений с соседями и друзьями», «ситуации с заработной платой», «здоровья», " еда ". В группе от 21 до 25 лет важнее были вопросы, связанные с «неудовлетворенностью местом прибытия» и «ситуацией наличия места для проживания в получателе». Точно так же для группы от 26 до 30 лет; они признают жизненно важные «условия жизни» в месте прибытия. Все это соответствует психосоциальным интересам каждой возрастной группы, включенным в это исследование. А для возрастной группы от 31 до 35 лет переменные, связанные с: «Проживание в месте прибытия», «экономическое положение», «проблемы у получателя», «перспективы качества жизни», «удовлетворение основных потребностей» и «семейные отношения» имеют важное влияние на их социальную интеграцию.

При изучении социальной интеграции внутренних мигрантов важно учитывать историческую специфику каждого из этих социальных пространств отправления и прибытия. Крайне важно понять, как мигранты позиционируют себя в социальном пространстве назначения. Этот вопрос повторно измеряет эффективность капитала мигрантов в различных сферах деятельности в контексте прибытия. «Капитал» становятся теми ресурсами, которые молодые мигранты имеют в качестве «агентов», которые создаются в конкретных институциональных рамках, таких как место происхождения иммигрантов. По этой причине мы понимаем, что капитал мигрантов потребуются механизмы перевода в новое социальное пространство назначения.

1. Социологический словарь: Электронный документ (<http://www.soclexicon.ru/socialnaya-integraciya>). (дата обращения: 10.02.2014).
2. Martínez G, J. S. 2017. "El habitus. Una revisión analítica". *Revista Internacional de Sociología* 75 (3): e074. doi: <http://dx.doi.org/10.3989/ris.2017.75.3.15.115>.
3. Bourdieu, P. (1990). *Algunas propiedades de los campos*. En *Sociología y Cultura*. México: Conaculta. 1976. www.files.wordpress.com.
4. Bourdieu, P. *Una invitación a la sociología reflexiva*. Buenos Aires: Wacquant -1a ed Siglo XXI Editores. Argentina, 2005.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ-СПОРТСМЕНОВ В УСЛОВИЯХ ПОСТСПОРТИВНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Авраменко Анна Михайловна
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Профессиональный спорт требует от спортсмена полного погружения в тренировочный процесс, что создает ситуацию, где, с одной стороны, профессиональный спорт способствует формированию специфических социально-коммуникативных навыков, а с другой стороны затрудняет профессиональное самоопределение в условиях

постспортивной социализации. По исследованию И. Б. Ивановой и И. Г. Станиславской более 60% спортсменов не знают, чем будут заниматься после профессионального спорта, а 19,9% не могут до конца определиться со своими жизненными перспективами и ориентируются на большинство [1, 33].

Целью данного исследования является раскрытие специфики влияния профессионального спорта на профессиональное самоопределение студентов-спортсменов в условиях постспортивной социализации. Данное исследование строилось в соответствии с парадигмой феноменологии для изучения мотивов поведения профессиональных спортсменов использовался инструментарий глубинного интервью. Всего было опрошено 10 студентов спортивных вузов. Все респонденты имели спортивный разряд выше КМС и находились на этапе завершения спортивной карьеры.

В первую очередь, было необходимо определить особенности профессионального спорта, которые оказали влияние на социализацию спортсменов. Респонденты выделили следующие особенности: нехватка свободного времени («жизнь спортсмена – тренировки, сборы, соревнования»), ограниченность социальных связей («с одноклассниками я не общался»), уровень образования («в школу я мало ходил»), ограниченность в пище и большие физические нагрузки, сконцентрированность только на спортивных целях (есть одна цель – победить»), высокий риск травм. Такие особенности профессионального спорта формируют факторы-стрессоры постспортивной социализации, затрудняющие профессиональное самоопределение. После завершения профессиональной карьеры, спортсмены сталкивались со следующими факторами-стрессорами: резкое высвобождение большого количества свободного времени, чувство потерянности («Ты просто не понимаешь, что я еще могу еще делать»), неполное прохождение адаптации («появилось желание вернуться в спорт»). После завершения профессиональной карьеры многие респонденты сталкивались с психологическими и социальными проблемами, однако основной для них стала проблема профессионального самоопределения, которая выражалась в непонимании своего дальнейшего профессионального пути и несоответствия своих возможностей и амбиций. Все респонденты указали, что с ними не проводилось никакой профориентационной работы и обратили внимание на необходимость данной помощи, как и помощи спортивного психолога в период окончания спортивной карьеры.

Таким образом, специфичная среда профессионального спорта формирует факторы-стрессоры, препятствующие профессиональному самоопределению спортсменов, что вызывает у спортсменов тяжелые психологические состояния, склонность к девиации и не дает развить свой профессиональный потенциал за пределами спорта.

РОЛЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРЕОДОЛЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ НЕУСПЕШНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

**Амбарова Полина Анатольевна,
Чебыкина Юлия Алексеевна**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-29-07016.

Российская массовая школа плохо справляется с решением проблемы образовательной неуспешности. Уравнительный подход, нивелирующий особенности разных детей, отсутствие достаточного числа узких специалистов, ориентация на формальные показатели эффективности создают неблагоприятную образовательную среду для школьников, испытывающих трудности в обучении. Допобразование, напротив,

выступает сферой индивидуализированных отношений учащихся и педагогов и психологической поддержки неуспешных учеников.

«Ландшафт» дообразования напоминает мозаику [1]. В нем есть не только традиционные, но и инновационные виды деятельности, порожденные актуальной молодежной культурой, – скейтбординг, граффити, флешмобы, стратегические игры в соцсетях и др. [2]. Многообразии направлений и форм дообразования помогает повысить качество главных предикторов образовательной успешности школьников – мотивации, интеллектуальной «выносливости», коммуникативных компетенций.

Для преодоления образовательной неуспешности школьников важно развитие сектора негосударственных организаций. Активно он развивается в крупных городах и мегаполисах [3, с. 49]. Стимулом к его расширению послужила неудовлетворенность руководителей и сотрудников этих организаций качеством услуг формального дообразования [3, с. 50].

Негосударственный сектор дообразования по численности персонала в 65 раз меньше государственного, а по количеству организаций – в 26 раз [4]. Однако уровень образования персонала, занятого в нем, выше: в государственных организациях имеют высшее образование чуть менее 58%, в негосударственных – 86,4%. Являясь по-настоящему инновационными по форме, технологиям и содержанию, негосударственные организации готовы работать с «трудными» школьниками. В них работает большое количество талантливых педагогов, психологов, тренеров, логопедов. Школа испытывает сегодня острый дефицит таких профессионалов, однако создать для них оптимальные условия труда она не в состоянии. В связи с этим происходит перетекание столь необходимых специалистов в негосударственные образовательные центры, услуги которых доступны не всем семьям и, соответственно, большей части школьников, испытывающих трудности в обучении.

1. Львова Л.С. Содержание и направленность дополнительных общеобразовательных программ в логике непрерывного образования // *Методист*. 2020. № 2. С. 7–11.
2. *Дополнительное образование* [перереформатируется](https://iq.hse.ru/news/177664005.html). URL: <https://iq.hse.ru/news/177664005.html>.
3. *Дополнительное образование детей в России: единое и многообразное* / под ред. С.Г. Косарецкого, И.Д. Фрумина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 277 с.
4. *Сводный отчет по форме федерального статистического наблюдения № 1-ДО (сводная) «Сведения об учреждениях дополнительного образования детей за 2019 год»* // Банк документов. Министерство просвещения Российской Федерации. URL: docs.edu.gov.ru/document/.

ПРОБЛЕМЫ ВЫХОДА МОЛОДЕЖИ НА РЫНОК ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аржиловский Данил Андреевич
Санкт-Петербургский государственный университет

Активное развитие информационного общества привело к возникновению множества цифровых трансформаций. Эти трансформации представляют собой цифровые преобразования, следствием которых стала цифровая экономика, способная предоставить высококачественную инфраструктуру информационно-коммуникационных технологий и мобилизовать их возможности для общества [1]. Важнейшим последствием этих трансформаций является изменение выхода молодежи на рынок труда, который и до прихода цифровизации считался непростым и требовательным, однако с ее активной стадией этот процесс еще более усложнился, и на это есть определенные причины.

Сегодня рынок труда постоянно растет в своих потребностях, когда молодые люди зачастую получают все то же образование, что и раньше. Такая ситуация возникает, когда работодатели просят все больше, а молодежь в большинстве не способна обладать всеми необходимыми компетенциями для возможности попасть на желаемую должность. По итогу складывается ситуация, когда работодатель зачастую отдает предпочтение не молодому специалисту, только что окончившему получение высшего образования, а более опытному. Это заставляет молодых специалистов идти либо в сферу услуг, где требования работодателей не слишком изменились, либо на низкооплачиваемые должности с целью приобретения необходимых компетенций или опыта работы, что нельзя считать позитивным компромиссом в данной ситуации. По официальным статистическим данным, на 2019-ый год наиболее востребованными в России оказалась отрасли торговли, строительства, образования – 19,7%, что характеризует современный рынок труда в условиях цифровых изменений – растущая сфера услуг [3], однако необходимо помнить, что цифровизация подталкивает общество к созданию большего количества кадров, задействованных в цифровых, интеллектуальных сферах. На сегодняшний день благодаря различным национальным проектам количество кадров действительно растет, но существенных изменений до сих пор нет. Количество новых программ с учетом цифровых требований в высших учебных заведениях постоянно увеличивается, но каких-либо гарантий трудоустройства по специальности у молодых специалистов мало.

Анализ эффектов внедрения цифровых технологий демонстрирует, что автоматизация и роботизация сегодня направлены не на уничтожение рабочих мест, а на их обновление. Профессии одной отрасли не просто исчезают, а модернизируются под новые общественные установки. Именно этот фактор влияет на то, как должны развиваться современные программы в высших учебных заведениях и как должен меняться сам рынок молодых специалистов. Программы подготовки молодых специалистов должны изменяться и модернизироваться именно под эту установку, что в перспективе облегчит выход молодежи на рынок труда и повысит показатели эффективности цифровой экономики в России как в общем аспекте, так и в молодежном сегменте. Можно сделать вывод, что социология должна держать эти процессы в фокусе и постоянно исследовать их, чтобы цифровое общество было нашей повседневностью, а не жизненной проблемой.

1. Киселева Л.С., Семёнова А.А. Цифровая трансформация общества: проблемы и перспективы // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2018. №4.
2. Каткова Д.А. Наиболее востребованный способ поиска работы в России // Гуманитарный научный журнал. 2018. №1-1.
3. Кязимов К. Рынок труда и профессиональное образование // Человеческие ресурсы. 2013. №2.

ПРАКТИКИ КОММУНИКАЦИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА (РЕЗУЛЬТАТЫ ОРИГИНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Ахметшина Екатерина Рифовна,
Шиняева Ольга Викторовна,
Клюева Татьяна Валерьевна
УлГТУ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №21-011-31504

Новые условия функционирования института высшего образования - развитие информационно-коммуникационных технологий, широкое внедрение электронных и дистанционных форм обучения, процесс стратификации вузов, качественное и количественное изменение общностей студентов и преподавателей, – существенным образом поменяли контекст и формы коммуникаций основных субъектов высшей школы.

Мы опирались на материалы комплексного межрегионального социологического исследования «Преподаватели и студенты российских вузов: социальное самочувствие, поведенческие стратегии, коммуникации» (2021 г.). Методы сбора информации: анкетный опрос студентов (n = 800, 2021 г.) и фокус-группы со студентами (6 фокус-групп, 2021 г.); анкетный опрос преподавателей вузов (n=850, 2021 г.). Дополняют результаты данные государственной и отраслевой статистики, результаты вторичного анализа.

Наиболее популярной формой общественной активности среди студентов является волонтерство, которое получило особую востребованность в период коронавирусной пандемии; на втором месте – обсуждение с друзьями социально-политических проблем. Наименее востребованы среди студентов такие формы активности как сбор средств и вещей для нуждающихся (10%), благоустройство территорий и подъездов (5%), участие в выборных кампаниях в качестве агитаторов (4%), включенность в работу политических партий (3%).

Подтверждением тренда в сторону конструктивных объединений усилий по решению общественных проблем является запрос со стороны студентов на активное взаимодействие с преподавателями со стороны абсолютного большинства студентов. В реальности коммуникации студентов с преподавателями оцениваются ими скептически. Результаты проведенных фокус-групп подтвердили, что многие преподаватели формально общаются со студентами. При этом сами студенты так объясняют такую позицию: «Мы понимаем, что преподаватели сами в жестких рамках – им некогда нами заниматься, тем более во внеучебное время. На них давит вуз, много бумаг надо заполнять, очень много они занятий ведут. Поэтому подстраиваемся, договариваемся, лишь бы долги не накопить» (студент 3 курса физико-математического факультета УлГУ). В целом четверть студентов считает, что пандемия усилила дистанцию в коммуникациях с преподавателями.

При этом практически в каждом студенческом потоке есть предметы, на которые студенты идут с большим удовольствием, ради общения с преподавателем не только по вопросам учебной дисциплины, но и по любым жизненным проблемам. Среди студентов гуманитарных направлений подготовки встречаются редкие мнения, что «... многие преподаватели идут нам на встречу, придумывают нам игры, тренинги и многое другое. У нас много выходов в разные организации, посмотреть все изнутри. Преподаватели открыты к общению и передают нам свои навыки» (студентка 4 курса гуманитарного факультета УлГПУ).

У студентов существует запрос на межпоколенное общение с преподавателями по вопросам, не ограничивающимся учебной деятельностью. Необходим поиск новых форм

коммуникаций двух общностей, тесно связанных между собой; именно тандем «студенты-преподаватели» может поднять гражданскую субъектность студенчества на новый уровень.

ПРОФИОРИЕНТАЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА И ПРЕДПОЧТЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ СРЕДНИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ГОРОДА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

**Баранник Олеся Андреевна,
Львова Елена Олеговна,
Чужко Диана Евгеньевна**

*Санкт-Петербургский государственный морской технический университет
(СПбГМТУ)*

На сегодняшний день система образования в Российской Федерации ориентирована по проведению профориентационной работы с подрастающим поколением. Проведение профориентационных мероприятий с будущими выпускниками – это одно из ведущих направлений работы, связанное с оказанием помощи при выборе профессионального направления.

Образовательные учреждения организуют по-разному данный вид деятельности: проводятся мероприятия на базе школ, а также организуются совместные мероприятия с учреждениями профессиональной подготовки.

В профориентационной работе профессиональных образовательных учреждений со школьниками методов, то выделяют две большие группы: активные и пассивные [1, 112].

К первым относят: различные школы (юных химиков, психологов, инженеров, маркетологов и т.п.), участие школьников в научных кружках, проведение преподавателями профессиональных образовательных учреждений всевозможных консультаций по разным отраслям научного знания, лекториев, обучающих семинаров, использование различных видеороликов и других рекламных и информационно-агитационных материалов, проведение олимпиад для школьников, взаимодействие со школами (участие представителей университетов в родительских собраниях, проведение «Дней открытых дверей» образовательных учреждений в целом, отдельных его факультетов и кафедр).

Но не менее важны и пассивные методы, а именно: выступления представителей образовательных учреждений в средствах массовой информации, оформление различных информационных стендов о специальностях, которые можно приобрести в вузе, публикации на темы профориентации в вузовской печати и др.

Профориентация представляет собой систему взаимосвязанных мер и направлений работы, цель которых – помочь молодежи сделать правильный профессиональный выбор, служащий основой для последующего успешного продвижения в профессии, повышения качества жизни, продуктивной социально-психологической адаптации в обществе [2, 68].

Проведенный мониторинг позволил выявить основные направления профориентационной работы с будущими выпускниками средних общеобразовательных учреждений города Санкт-Петербурга. Основными направлениями являются:

- организация встреч, бесед, круглых столов с представителями различных профессий;
- проведение экскурсий на различных предприятиях;

- организация и проведение научных мероприятий совместно с профессиональными организациями, направленных на погружение в профессиональную сферу;
- участие в днях открытых дверей, проводимых в различных образовательных учреждениях;
- совместная организация и проведение профориентационных мероприятий с учреждениями профессиональной подготовки [3, 65].

В рамках проведения исследования данного вопроса был проведен анализ результатов проведения профориентационных мероприятий со старшеклассниками средних общеобразовательных учреждений города Санкт-Петербурга. 70% выпускников до момента сдачи экзаменов отмечают эффективность проведения профориентационной подготовки в образовательном учреждении.

Из них 45% отметили качество проведения профориентационных мероприятий, которые позволили погрузиться в профессиональную сферу и определить наиболее интересные для себя направления. 25% опрошенных выпускников отметили недостаточность профориентационной работы с будущими выпускниками, что выразалось в небольшом проценте прямого взаимодействия с профессиональными предприятиями. Будущие выпускники отметили, что изучение профессиональной сферы более эффективно при знакомстве с деятельностью профессиональных организаций.

Опыт взаимодействия школы, образовательного учреждения и предприятия является наиболее эффективным в вопросах профориентационной подготовки. Активная профориентационная деятельность, начатая в школах, может быть продолжена и расширена благодаря заключению договоров о сотрудничестве с различными образовательными организациями Ленинградской области. Следует отметить, что в результате тесного сотрудничества с сельскими и районными школами будет значительно увеличиваться доля абитуриентов этих школ.

1. Безусова Т. А. Методы профориентационной работы высшего учебного заведения / Т. А. Безусова, Л. Г. Шестакова // *Novainfo*. – 2016. – Т. 2, № 54. – С. 216–226. – URL: <https://novainfo.ru/article/8479> № 54-2 (дата обращения: 07.02.2021).
2. Панина С. В. Из опыта профориентационной практики федеральных университетов / С. В. Панина // *Общество: социология, психология, педагогика*. – 2019. – № 1(57). – С. 68–72.
3. Паскарь В. С. Современные формы профориентационной работы в вузах / В. С. Паскарь // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. – 2017. – Т. 27. – С. 64–68. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/574011.htm> (дата обращения: 07.10.2021).

САМОРЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Баранов Алексей Александрович
ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации», Орловский филиал

В современный период развития общества проблема самореализации личности является одной из актуальных и требующих детального изучения. Особенно значимой она представляется для молодежи, поскольку эта категория граждан является социально-активным субъектом государства и его отдельных регионов, созидателем, трансформатором и хранителем духовных и материальных ценностей. Потребительское сознание и поведение современной молодежи в контексте жизненного успеха и благополучия предполагает определения самоинициативных стратегий деятельности в

различных аспектах социальной жизни: образовательной, профессиональной, социально-политической, духовной. Наряду с внешними детерминантами и объективными условиями важное значение имеют субъективные факторы, сопряженные с особенностями личности. В этом контексте исследователями отмечается взаимосвязь понятия «самореализация» с понятиями «самосознание», «саморазвитие», «самоинициатива» [1, с.27]. Анализируются вопросы проявления самоинициатив молодежи, их собственной воли в процессе деятельности для достижения цели, самовоспитания личности, овладения и оценки различных форм общественного поведения. [2, с. 21; 3].

Теоретические основы изучения процессов самореализации молодых граждан и их влияние на устойчивость развития российского общества тесно взаимосвязаны с практическими вопросами самооценки индивидов характера и уровня их самореализации для решения социальных задач. Анализ данных научных исследований, посвященных этой проблеме позволяет сделать вывод что мера самореализованности молодежи в современном российском обществе для различных характеристик находится в большей степени в диапазоне «среднего» уровня. Высокая самореализация в получении образования, по мнению респондентов из числа молодых граждан, свойственна лишь 10 % опрошенных. 19 % заявляют о «низком» уровне самореализации в указанном аспекте. Большая доля респондентов (71 %) в процессе самооценки указывают на «средний» уровень. Уровень самореализованности в контексте трудовой деятельности более 30% опрошенных оценивают, как «высокий» и около 30% как «низкий». 40% опрошенных молодых людей считают, что на «среднем» уровне смогли реализовать свой потенциал в работе. В удовлетворении своих социально-культурных интересов и потребностей по данным опросов 10% респондентов из числа молодых людей считают, что реализовались на «высоком» уровне, 75% - на «среднем». Как «низкую» степень самореализации оценили 15% респондентов из числа молодежи [1].

Современный период общественного развития характеризуется широким вовлечением молодежи в социально-политические процессы [4]. Однако, наряду с конструктивными формами самоинициатив в социально-политической сфере молодые люди принимают участие в разного рода протестной деятельности [5], в том числе несанкционированной, результаты которой имеют порой негативное влияние. [6]. Формы и характер самовыражения молодежи имеет неоднозначный характер воздействия на устойчивость развития государства и требует детального исследования для эволюционных трансформаций.

1. Герасимова, К. Г. Самореализация в современном обществе: методологические и методические основания социологического измерения: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.01/ Герасимова Ксения Георгиевна. - Самара, 2018 - 182 с.
2. Веряскина А.Н. Информационные технологии как фактор самореализации современного человека // *Инновационное развитие науки: возможности, проблемы, перспективы. Монография. Часть I / Научный ред. д-р пед. наук, проф. С.П. Акутина. – М.: Издательство «Перо», 2019. – С.25-46.*
3. Веряскина А. Н. Самореализация человека в контексте устойчивого развития // *Материалы 51-й Международной конференции 2019: «Стратегии устойчивого развития мировой науки».* – М.: ЕНО, 2019. – С.377-379.
4. Баранова Г.В. Социально-политическая активность как фактор развития гражданского общества // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал).* 2015. № 11. С. 174-192.
5. Баранова Г.В. Модель оценки протестных форм социально-политической активности // *Теории и проблемы политических исследований.* 2016. № 4. С. 97-108.
6. Баранова Г.В., Костенко В.В. Деструктивность социально-политической активности молодежных общественных организаций // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2014. № 6-2. С. 15-18.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАКТИК: ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН В ОБРАЗОВАНИИ

Баранова Олеся Александровна,

Обухова Юлия Олеговна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Современная реальность находится под давлением цифрового прогресса. Особые изменения произошли под влиянием пандемии COVID-19, которая позволила перезагрузить устоявшееся «нормальное» и модернизировать его в «новое нормальное». Совершенствование цифровых коммуникаций, подразумевающих собой публикацию материалов различных типов; коллаборацию онлайн-пространства и офлайн территории; работу с Big Data, влечёт за собой цифровое реконструирование мира. Данная модернизация требует от социологов обновленного взгляда и современного мышления для исследования цифрового сообщества.

Из изучения общества в офлайн пространстве, социологи переходят к исследованию онлайн-аудитории цифрового пространства. Исследователи замечают изменение моделей поведения при функционировании людей цифрового мира. Как утверждают Д. Миллер и Х. Хорст, цифровые технологии становятся неотъемлемой частью того, что делает людей людьми. Общество в цифровом мире выглядит иначе, так как у него появляется антропологическая возможность – понять то, что делает человека человеком в современном мире [1, 1]. Оцифровка смартфонами, цифровыми камерами и аксессуарами, социальными сетями таких сфер, как работа, общение, передвижение в пространстве, делает общество наиболее открытым и доступным для изучения и исследования социологами. Многие социологи обращаются к новой, "цифровой социологии" как к способу переориентации фокуса дисциплины на роль цифрового в общественной жизни. Социологам необходимо оценивать последствия этих повседневных цифровых технологий.

Рассмотрим сообщество, заинтересованное в образовании в онлайн-среде – студенты 1-6 курса ВШМиСО СПбПУ. На основании полученных данных произошло формулирование проблемы – отсутствие мотивационной составляющей в учебной жизни студентов. Инструментом мотивации и повышения заинтересованности могла бы стать геймификация. Студент 21 века живёт в моменте и не привык тратить время на переключения между вкладками – это момент, который стоит запомнить и решить. Было сформулировано предложение-гипотеза: рассмотреть возможность объединения и структурирования всех возможных и интересных для студента вариантов геймификации, что создаст личный мотивационный профиль учащегося, который станет неотъемлемой частью жизни в Высшей школе. В ходе проведения исследования были изучены: отношение студентов к цифровому миру, определено их присутствие в онлайн-пространстве, предпочтения при выборе приложений. Информация станет основой для создания прототипа для геймификационной платформы, которая станет портфолио для студента, за которое он будет вознагражден. После апробации необходимо принять во внимание мнение профессионалов своего дела и внести коррективы, если таковые имеются.

Геймификация в таком приложении работает по следующим принципам: таблицы лидеров или места, где отображаются лучшие результаты, поощрение постоянного включения в приложение, геймификация помогает понять, что студент сам отвечает за свой учебный путь. Геймификация работает, потому что она вызывает настоящие, сильные человеческие эмоции, такие как счастье, интрига, волнение и достижение.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ОТНОШЕНИЯ МОЛОДЫХ РЕСПОНДЕНТОВ К БЛИЖАЙШЕМУ ГОЛОСОВАНИЮ

Басимов Михаил Михайлович
Российский государственный социальный университет

В рамках исследования политических предпочтений молодежи и их связи с личностными особенностями респондентов был решен ряд задач множественного сравнения: метод [1-3], апробация [4-7 и др.]. В настоящем докладе ограничимся рассмотрением результатов по 5 номинальным группам респондентов, сформированным по их предлагаемому действию в следующем голосовании.

Всего в общей задаче множественного сравнения изучались 89 групп. Среди невырожденных 5 групп по действию наиболее экстремальной (сумма абсолютных значений сравнительных весовых показателей в рамках группы) по выраженности личностных качеств оказалась группа **G14-02**, занимающая 1 место в списке 89 групп.

1. Группа **G14-02**, из 6 респондентов, которые в случае принятия участия в голосовании, проголосуют из протеста за другую партию, интегрально оказалась группой с самыми экстремально выраженными личностными качествами (1 место). Представители группы характеризуются **развитым воображением** (сравнительная весовая равна +2062 по шкале «Практичность – развитое воображение»), а также **подверженностью чувствам** (-3520 по шкале «Подверженность чувствам – высокая нормативность поведения»). Эта группа крайне выражено характеризуется по шкале «**Зависимый тип**» (+6753).

Но особенно ярко характеризует ее пятифакторная модель личности. Представителей группы можно охарактеризовать как **пассивных** (+7161 по шкале «Активность – пассивность»); **подчиняемых** (+6919 по шкале «Доминирование – подчиненность»); **неаккуратных** (+6261 по шкале «Аккуратность – неаккуратность»); **неответственных** (+6193 по шкале «Ответственность – отсутствие ответственности»); **консервативных** (+5180 по шкале «Любопытство – консерватизм»); **ненастойчивых** (+5017 по шкале «Настойчивость – отсутствие настойчивости»). В рамках опросника DSM их можно охарактеризовать как **альтруистический тип** (+2254) с вероятным для этого типа расстройством «самоуничужение», а со знаком минус (абсолютно несвойственно группе) отметить **бдительный тип** (-2620) с вероятным расстройством «параноидальный».

2. Группа **G14-03** из 20 респондентов, которые если будут участвовать в голосовании, то осознанно изменят свои предпочтения (29 место). Представителей группы можно охарактеризовать как достаточно **беззаботных** (+2727 по шкале «Тревожность – беззаботность»).

3. Группа **G14-04** из 10 респондентов, которые, если примут участие в голосовании, то проголосуют спонтанно (42 место). Представители данной группы характеризуются высокой **экспрессивностью** (+3608 по шкале «Сдержанность – экспрессивность»), а также **прямолинейностью** (-2102 по шкале «Прямолинейность – дипломатичность»), отсутствием (-2743) **дистимности**. Они **тревожны** (-2111 по шкале «Тревожность – беззаботность»). Им несвойственен **тип «Отшельник»** (-2185) с вероятным расстройством «шизоид».

Оставшиеся две группы **G14-01** из 30 респондентов (в очередной раз готовы проголосовать как в прошлый), и **G14-05** из 51 респондента, которые в случае участия в

очередном голосовании проголосуют осознанно, психологически представляют крайне усредненные типы.

1. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.
<http://dspace.kgsu.ru/xmlui/handle/123456789/3724/browse?value=Басимов+Михаил+Михайлович&type=author>
2. M.M. Basimov *Methods of multiple comparison in psychological research* // *Ponte. International Scientific Researches Journal*. Vol. 73, No. 5, May 2017. – P. 110-139.
3. Basimov M.M. *Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods)*. Monograph. – Germany, Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185 p.
4. Basimov M.M. *Multiple comparison in sociology of family* // *The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013.* – P. 684.
5. Basimov M.M. *Multiple comparison in sociology of profession* // *The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013.* – P. 906.
6. Basimov M.M. *Depending the responses in sociology of profession on the psychological type of respondent* // *Russian sociology in the period of crisis, critique and changes* / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013. – С. 108-119.
7. Basimov M. *Example of interfacing sociological and psychological data in the sociology of professions (Distribution of groups on results of the nominal answers)* // *(Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities: View from Russia/ [Electronic resource]: collected papers. 13th Conference of the European Sociological Association «(Un)Making Europe: Capitalism, Solidarities, Subjectivities»/ Editor-in-Chief V.Mansurov. Moscow: RSS, 2017.* – P. 7–28.
http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=40

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бахтин Евгений Леонидович
Уральский Федеральный Университет

В современном индустриальном обществе ответственными за риск являются социальные институты [1]. Социальные институты должны нивелировать риски в сфере трудовой деятельности молодежи [1, 165]. Это происходит потому, что социальные институты регулируют значительную часть общественной жизни социума.

Нормативно-правовые акты Российской Федерации являются базовыми социальными институтами, которые оказывают регулирующие воздействие не только на трудовое законодательство, но и молодежную политику.

Основным документом, регламентирующим молодежную политику в Российской Федерации, в настоящий момент является Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» [2], который приняли в конце 2020 года и который отменил прошлый основной документ – Постановление Верховного Совета Российской Федерации «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» [3].

Новый федеральный закон существенно расширил меры поддержки молодежи, но наибольший интерес представляет то, что государство задекларировало в пункте 1, статьи 6 «обеспечение гарантий в сфере труда и занятости молодежи, содействие трудоустройству молодых граждан, в том числе посредством студенческих отрядов, профессиональному развитию молодых специалистов» и «поддержку и содействие предпринимательской деятельности молодежи» [2], о которых в предыдущем нормативно-правовом акте не говорилось. Тут стоит отметить, что новый Федеральный

закон был принят в конце 2020 года и пока рано говорить о его влиянии на государственную молодежную политику.

Следующим документом, регламентирующим молодежную политику является Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.» [4]. В данном акте только один пункт косвенно касается трудовой деятельности молодежи – «создание условий для реализации потенциала молодежи в социально-экономической сфере, а также внедрение технологии "социального лифта"».

Следующим важным нормативно-правовым актом является План мероприятий по реализации Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года [5]. В данном плане подробно расписаны мероприятия для достижения приоритетных задач, которые были указаны в Основах государственной молодежной политики.

Ещё имеется ряд Указов Президента РФ [6; 7], но меры поддержки, прописанные в данных Указах, направлены в основном на молодежь, проявившую исключительные способности в приоритетных национальных сферах, то есть не носят массовый характер.

Анализ нормативно-правовых актов, посвященных молодежной политике в РФ, подтверждает, что они преимущественно направлены или на одаренную молодежь, или на изначально уязвимую – сироты и инвалиды, что подтверждает «двухполюсность» стратегии молодежной политики [8]. Новый федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» теоретически должен решить эту проблему, так как в нем постарались охватить все молодежные проблемы.

АКТУАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО РАБОТЕ С МОЛОДЕЖЬЮ И МОЛОДОЙ СЕМЬЕЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

**Безрукова Ольга Николаевна,
Самойлова Валентина Алексеевна
Санкт-Петербургский государственный университет**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта №19-011-00543*

В условиях пандемии значительно выросло число разводов в молодых семьях с детьми. В целом, число разводов в России с января по май 2021 г. выросло по сравнению с тем же периодом прошлого года на 44% (251,9 тыс.) [10]. Наиболее уязвимы к расторжению брака молодые семьи [2, 1, 9 и др.], специфическими особенностями разводящихся молодых семей выступают конфликты, в основе которых лежат существенные сдвиги в социокультурных смыслах и жизненных ценностях молодежи, изменения гендерных норм, противоречия между традиционными и современными представлениями о материнстве и отцовстве, идеальными моделями и их практическим воплощением в жизни семьи [3,4].

С учетом значительного числа распадающихся браков с детьми настоятельно необходимо разрабатывать и внедрять новые эффективные технологии профилактики разводов, урегулирования семейных конфликтов, сглаживания негативных явлений постразводной адаптации супругов и детей, снижения напряженности в семейных отношениях и др. Несмотря на то, что такие технологии уже существуют, их внедрение отстает от потребностей и запросов практики [5 и др.]. Работа в этом направлении уже частично началась в отдельных регионах страны [6,7,8 и др.], но существует острая

необходимость в реализации этих программ в активных и современных формах, включая работу в социальных сетях, форумах, пабликах и др.

Очевидно, важно особое внимание уделить подготовке молодежи к семейной жизни, разработке и внедрению проектов, программ и учебных курсов, направленных на формирование навыков эффективных межличностных коммуникаций, урегулирования конфликтов, семейного целеполагания, конструктивных способов ненасильственного общения. Не менее важными являются вопросы совершенствования подготовки кадров по работе с молодежью, формированию актуальных компетенций (культурных, конфликтологических, психологических, медиативных) с целью гармонизации семейных отношений, разрешения кризисных ситуаций в молодых семьях.

1. Антонов Г.В., Лактюхина Е.Г. Кризис института брака в современной России: реальность или вымысел? // *Вопросы статистики*. 2015. №7. С. 24–34.
2. Архангельский В.Н. Репродуктивное и брачное поведение // *Социологические исследования*. 2013. № 2. С. 129–136.
3. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Материнский гейткипинг в России: Молодые отцы о матерях и барьерах доступности детей после развода // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020а. № 3. С. 424–459.
4. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. «Она не мать совсем...»: образы бывших жен в дискурсе разведенных молодых отцов // *Социологические исследования*. 2020б. №12. С.116–127.
5. Камышова Е.В. Социальная работа с семьями на разных стадиях развода // *Теория и практика общественного развития*. 2018. № 8 (126). С.39–42.
6. Карцева Л.В. Семейведение в образовательном пространстве Татарстана // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки*. 2015. № 1(37). С. 121–125.
7. Келасьев В.Н., Первова И.Л., Шишкина Е.А. Подготовка подрастающего поколения к семейной жизни: учебное пособие. СПб.: Астерион, 2019. 182 с.
8. Келасьев В.Н., Первова И.Л., Келасьев О.В. Технологии подготовки подрастающего поколения к семейной жизни // *Социология и право*. 2020. 2(48). С.6–16.
9. Синельников А.Б. Субъективные причины развода: данные исследования // *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. 2017. Т. 23, № 3. С. 116–139.
10. <https://iz.ru/1197390/mariia-nemtceva/gorko-za-molodykh-pochemu-v-rossii-uvelichilos-chislo-razvodov>

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Бикмулин Сергей Ринатович

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова

Аннотация: В статье рассмотрена проблема использования молодыми людьми экономических инструментов для обеспечения приемлемого уровня жизни. Приведены данные исследования, отражающие наличие нерациональных установок молодых людей относительно денежных средств и склонность к демонстративным формам потребления ввиду желания максимально реализовать собственный потенциал в минимально возможные сроки.

Востребованность кредитных средств становится всё более актуальной для молодого поколения. Рекламируемые демонстративные формы потребления, создание образа обеспеченности и благосостояния вне зависимости от возраста побуждает молодёжь искать ресурсы для улучшения собственного уровня жизни. Однако реалии

современного общества зачастую не могут предложить достаточно высокую оплату труда, позволяющую реализовать большинство потребительских интересов. К данному факту в значительной мере прибавилось изменение структуры рынка труда ввиду пандемии.

Согласно международной статистике безработица в среде молодёжи является одной из наиболее актуальных социально-экономических проблем. По разным оценкам её уровень в развитых странах достигает 30 %, в то время как наиболее пострадавшие страны от пандемии (такие как Италия и Испания) дают показатель не ниже 40 % безработных в возрасте 18-30 лет [1].

В то время как экономические показатели доходов населения снижаются, займы и кредиты рекламируются в современном мире, как обыденный и естественный феномен. Банки и кредитные организации описывают свои услуги преимущественно с положительной стороны, не акцентируя внимание на том, что полученные в долг средства придётся возвращать в большем объёме. В отчёте Центрального банка Российской Федерации отмечается, что общая задолженность россиян по кредитам возрастает, если по состоянию на 1 ноября 2020 года общая задолженность составила 19,4 трлн руб., то с текущими тенденциями в 2021 году этот показатель возрастёт ещё на 3-4 % [2, 21].

В рамках авторского исследования, организованного в апреле-мае 2021 года методом анкетирования, в котором приняли участие 432 человека в возрасте 22-30 лет, склонность к займам также отмечается на высоком уровне. 37,4 % опрошенных предпочитают пользоваться услугами организаций микрофинансирования, в то время как 8,2 % из них не планируют когда-либо возвращать заимствованные средства. У 12,3 % на балансе находится два займа, в то время как более трети опрошенных планируют взять новый займ по окончании выплат по предыдущим долгам. В среднем, каждый пятый респондент регулярно не соблюдал сроки выплат. Просроченная задолженность формировалась по причинам: забывчивости (31,9 %), отсутствия необходимой суммы (34,6 %), принципиального нежелания платить (9,2 %).

Молодые люди в значительной мере считают, что без заимствований обеспечить нормальный уровень жизни невозможно (62,4 %), в то время как планирование рисков кредитования интересует только 19,2 % респондентов.

Склонность к использованию заёмных средств молодыми людьми объясняется их желанием обеспечить себе приемлемый уровень жизни, который в отдельных ситуациях может не соответствовать реальным возможностям возврата кредитов. Указанный риск может быть решён посредством повышения финансовой грамотности населения, а также введения официальной (государственно регулируемой) площадки с предложением подработок, временных и сезонных работ с гарантированной оплатой труда.

1. *Молодёжь и пандемия COVID-19: влияние на рабочие места, образование, права и психологическое состояние [Электронный ресурс] // URL: Портал Международной организации труда https://www.ilo.org/global/topics/youth-employment/publications/WCMS_753026/lang--en/index.htm (дата обращения: 19.09.2021).*
2. Ядова М.А. *Молодёжь в условиях пандемии COVID-19: возрастные преимущества и ограничения // SIBERIAN SOCIUM. 2021. Т.5. №2(16). С. 20–28.*

МАЛАЯ РОДИНА КАК ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛИЗАЦИИ

Бороноев Асалхан Ользонович
Санкт-Петербургский государственный университет

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00742

Конструирование личностных качеств, ценностных ориентаций и социальных представлений молодого поколения всегда актуально, так как процесс возрастного движения населения постоянен. Поэтому проблемы социализации в детском и юношеском возрастах вызывают большой интерес в науке, в институтах воспитания (семья, образование, государственные учреждения) и являются предметом постоянного обсуждения.

В последнее время при рассмотрении проблем детства и юношества активно включается концепт малой родины. Особенно большое внимание уделяют ему публицисты, писатели, биографы, авторы автобиографических произведений, реже учёные. В их размышлениях пространство малой родины занимает важное место в формировании жизненных интересов и стратегий жизни. Многие считают (доказывают), что человеческие качества, нравственная культура, социальные ценности и представления прививаются в детстве, утверждаются в подростково-юношеский период и сопровождают человека на других этапах жизни. Эту идею особенно чётко высказал П.А.Сорокин в своей книге «Долгий путь» (Сыктывкар, 1991), в которой фактически представил системное представление о ней. Он утверждал, что пространство места рождения и развития индивида состоит из природной, социальной, семейной и культурной сред, в рамках которых формируются качества человека, его характер и ценностные ориентации, определяющие траекторию жизни. При этом Сорокин считал, что те знания, навыки, культурные, идейные ориентации, которые он получил в детские и отроческие годы, сопровождали его в разных формах всю жизнь и влияли на его принципы жизни и творчество.

Несмотря на значимость концепта малой родины, сегодня трудно назвать серьёзные научные исследования о месте её в социализации индивида, в конструировании ценностных ориентаций и жизненных стратегий. По нашему мнению, обсуждать проблемы становления личностных качеств индивида невозможно без включения структуры этого социального феномена в познавательный процесс. В подходе к содержанию концепта малой родины преобладают эмоционально-ностальгические суждения о детских и юношеских годах или только о семье как главном институте социализации индивида, что сужает её содержание.

Если исходить из позиции Сорокина и других, пространство малой родины сложная социальная конструкция, в которой подразумевается целая система сред, определяющих влияние на индивида. Безусловно, определяющее место занимает семья, её состояние, культурные ориентации, социальное положение, статус. Семья определяет общность, органическую и реальную (социальную) жизнь, она существует в определённом пространстве со своими характеристиками (Ф.Тённис). В это пространство входит социальная среда (социальное положение - статус семьи, отношения месторождения, социальные движения и т.д.), в условиях которой живёт ребёнок; культурная среда (церковь, институты образования, досуга, культуры, семейные ориентации). Большое влияние имеет природная среда. Контент-анализ текстов (биографических) показывает, что роль природной среды малой родины периода раннего возраста огромна. П.Сорокин, подчеркивая значение для него этой среды, писал: «Многие и многие часы я провёл в этих соборах живой природы, очарованный их величием, таинственностью и Богом данной красотой. Они разжигали моё воображение, заражали

своим меняющимся настроением, посвящали меня в их тайны» [1, 10]. Далее он утверждал, что счастлив, т.к. имел возможность жить и расти в этой природной стихии. О роли природной среды в социализации индивида в пространстве места рождения и развития сказано много. Можно вспомнить имена С.Булгакова, В.Розанова, Б.Шергина, В.Гиляровского и многих других. Аксаков писал, что «золотое время детского счастья» связано с природой деревни (имения). Наш современник В.Распутин спрашивал - не природа ли удерживает наше моральное состояние, благоразумие?

Сказанное кратко говорит о том, что понятие малой родины имеет системный характер, включая в понимание процесса социализации сложную среду пространства становления индивида как личности и индивидуальности. Поэтому процесс социализации индивида в детском и юношеских годах не может быть рассматриваем вне его, т.к. он связан с исследованием очень важной части возрастного стратификационного процесса (П.Сорокин), ибо каждый человек в своей жизни проходит временные этапы в определённых условиях - средах, которые М.Кастельс называет «пространствами мест», имеющих сегодня тенденцию к разрушению в условиях пространства потоков [2, 355, 385-386].

Значимость изучения малой родины, кроме того, связана с памятью о прошлом как проявлении культуры человека и общества, ибо «наше знание общества приобретается биографически...» (П.Бергер), оно исторично и акцентирует разность периодов жизни человека. Поэтому концепт малой родины является весьма значимым окулярм, определяющим возможность системного исследования проблемы социализации индивида, факторы, влияющие на этот сложный процесс становления личности.

Актуализация концепта малой родины - это путь к реализации междисциплинарного подхода, когда исследователь имеет возможность учитывать знания разных наук, изучающих социализацию в ранние периоды жизни человека. Все «Мы родом из детства» (А. де Сент-Экзюпери), это надо помнить, а детство проходит в сложном пространстве малой родины, составляющей определённую систему.

1. Сорокин П.А. Долгий путь. Сыктывкар, 1991, с.10.

2. Кастельс Мануэль. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000, с.355, 385-386.

РОЛЬ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ИЗМЕНЕНИИ ОТНОШЕНИЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ К ПСИХОАКТИВНЫМ ВЕЩЕСТВАМ

Брюно Виктория Владимировна
Институт социологии ФНИСЦ РАН

Самой уязвимой категорией, особенно остро реагирующей на процессы социальной трансформации и модернизации, является молодёжь. Именно эта социально-демографическая группа находится в зоне риска возникновения девиантного поведения. Последние десятилетия молодёжь находится на волне самых разнообразных социальных влияний и процессов, происходящих в России.

Ретроспективный анализ статистики и материалы социологических исследований показывают: конец 90-х годов и 2000-е годы обозначились резким подъёмом распространения психоактивных веществ среди подростков и молодёжи. Пик вовлеченности молодёжи в употребление наркотиков приходился на 2000 г. После некоторого спада в 2001–2003 гг. вновь начался подъем уровня употребления наркотиков и заболеваемости наркоманией, достигнув очередного пика к 2007 г. Тяжёлая ситуация складывалась и с употреблением алкоголя. Сравнение результатов исследований школьников 1990-х, 2000-х и 2009-х гг., проведённых сектором социологии девиантного

поведения ФНИСЦ РАН, свидетельствует: отмечалось снижение возраста приобщения к алкоголю, раннее знакомство с разнообразными напитками, сглаживание различий между алкоголизацией юношей и девушек. Изменилось и отношение молодежи к психоактивным веществам: наркотики превратились в элемент массовой молодежной культуры.

С 2009 года Правительство РФ начало жесткую войну с наркотизацией и алкоголизацией общества, разработав программы государственной профилактики, рассчитанные до 2020 года: «Концепцию государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактики алкоголизма среди населения РФ» и «Стратегию государственной антинаркотической политики», основными целями которых было снижение потребления населением алкогольной продукции (в том числе слабоалкогольных напитков, пива и напитков, изготавливаемых на его основе), с 18 литров на душу населения до 8 литров, и существенное сокращение незаконного распространения и немедицинского потребления наркотиков. Объектами профилактической политики стали, в первую очередь, подростки и молодежь. Была развернута широкая информационно-пропагандистская работа в молодежной среде.

Анализ данных статистики и исследований позволяет говорить о том, что поставленные цели профилактической политики частично были достигнуты. К 2018 году употребление психоактивных веществ в молодежной среде снизилось. Однако обозначился ряд проблем: несмотря на снижение потребления алкоголя и наркотиков в молодежной среде, существенно не выросли показатели здорового образа жизни молодежи, произошли изменения в отношении к психоактивным веществам: формальное резко негативное отношение к употреблению сочетается с допустимостью для себя употребления при определенных условиях, паттерны употребления психоактивных веществ приняли более латентный характер. С 2019 года в исследованиях вновь зафиксирован рост употребления психоактивных веществ в молодежной среде.

НЕЕТ-МОЛОДЕЖЬ В ФОКУСЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ: НОВЫЕ ПРАКТИКИ

Буланова Марина Борисовна

ФГБОУ ВО "Российский государственный гуманитарный университет"

Данный доклад подготовлен в рамках выполнения гранта РНФ № 18-18-00024 "Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества"

К НЕЕТ-молодежи относится отдельная группа в рамках поколения Z, представители которой отличаются нежеланием работать или учиться, а также искать какие-то формы трудоустройства или обучающие практики [1]. На потребительское поведение НЕЕТ-молодежи оказывает свое влияние особенности миллениалов [2], но в части практик есть резкое расхождение.

Во-первых, особенности вступления во взрослую жизнь, связанные с задержкой решений о браке, детях или работе. Для НЕЕТ это связано с нежеланием брать на себя ответственность, ориентированность на себя, свои потребности и интересы.

Во-вторых, овладение цифровым пространством. Как и для всего поколения Z, для НЕЕТ цифровое пространство становится привычным, осваивается с детства, поэтому требует постоянного воспроизводства через приобретение соответствующих гаджетов и поддержки постоянной связи для выхода в Интернет.

В-третьих, освоение новых технологий. В числе новых потребительских практик НЕЕТ совершение онлайн-покупок через Интернет, и в этом данная группа не отличается

от миллениалов, демонстрирующих рост доли онлайн покупателей [2]. Кроме того, NEET активно общаются в социальных сетях, где получают возможность активно обмениваться потребительскими практиками и полученным потребительским опытом.

В-четвертых, в целом у поколения Z наблюдается тенденция к снижению потребления алкоголя. Что касается NEET, то представители этой группы могут иметь повышенный интерес к алкоголю в связи с нереализованностью и неудовлетворенностью своим положением.

В-пятых, поколение Z демонстрирует приверженность здоровому образу жизни. Однако относительно NEET данные по курению, занятию физкультурой и спортом могут колебаться в зависимости от ситуации, в которой находятся конкретные представители этой группы молодежи.

В-шестых, у поколения Z наблюдается снижение уровня религиозности. Исследователи объясняют эту тенденцию изменением практик, связанных с религиозной социализацией. Однако следует учесть тот факт, что эти практики нередко позволяют NEET ассоциироваться с обществом, не потерять свою социальную идентификацию.

В-седьмых, среди поколения миллениалов и Z в последнее время наблюдается более высокий уровень субъективного благополучия. Относительно NEET-молодежи данная тенденция не прослеживается. У молодых людей из данной группы гораздо меньше шансов на высокий уровень и стабильность доходов, часто их преследует бедность, проблемы со здоровьем, а иногда и с психикой.

Итак, на потребительское поведение NEET оказывает влияние их принадлежность к поколению Z, стиль жизни которого связан с задержкой процесса взросления, а также освоением цифрового пространства и новых технологий. Однако, в отличие от других групп молодежи, NEET не снижают потребление алкоголя, не демонстрируют приверженности здоровому образу жизни, им не свойственно ощущение субъективного благополучия.

1. Буланова М.Б. *NEET-молодежь: новая специфическая социальная общность? //Прекариат: становление нового класса (коллективная монография) /Под ред. Ж.Т. Тоценко. М., 2020. Гл. 16. С. 314-331.*
2. Радаев В.В. *Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ //Социологические исследования, 2018. № 3. С. 15-33.*

ВЗГЛЯД МОЛОДЕЖИ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА

**Булдыжова Валерия Николаевна
НИ МГУ им. Н. П. Огарёва**

Понимание закономерностей и тенденций развития современного общества связано с пониманием препятствий, трудностей и отклонений в его функционировании. Неизбежные противоречия общественного развития, несоблюдение социальных норм функционирования общества, групп и индивидов приводят к ситуациям, прямо или косвенно затрагивающим каждого человека и требующим совместных усилий по их преодолению. Такие ситуации можно обозначить термином «социальные проблемы общества»

[3, 3].

Актуальность изучения социальных проблем подтверждается существующим волнением общества и необходимостью решения этих проблем. Для наиболее эффективного изучения социальных проблем было проведено исследование среди молодежи (так как молодежь составляет 30% населения планеты, и именно она займет со временем ведущие позиции в развитии различных сфер общества [4, 8]), задачей которого

является выявление наиболее острых социальных проблем общества во взглядах молодого поколения.

Исследование проводилось в августе-сентябре 2021 г. в форме анкетного опроса, в результате которого было опрошено 150 человек (68% представители женского пола и 32% мужского пола). По возрастному критерию респонденты разделились следующим образом: от 14 до 18 лет – 15% от общего количества опрошенных, от 19 до 25 лет – 38%, от 26 до 35 лет – 47 %. Таким образом, были получены следующие результаты (таблица 1):

Таблица – 1. Наиболее актуальные социальные проблемы общества по мнению молодежи, проживающей в Республике Мордовия

Наиболее актуальные социальные проблемы общества по мнению молодежи, проживающей в Республике Мордовия		
Социальная проблема	Количество проголосовавших человек	Количество проголосовавших человек, в %
Демографические проблемы (высокая смертность, младенческая смертность, низкая рождаемость, увеличение разводов и т. д.)	24	16
Экологические проблемы (загрязнение окружающей среды, истощаемость природных ресурсов, исчезновение растений и животных и другое)	92	61,3
Проблемы бедности, нищеты населения	76	50,7
Проблемы алкоголизма и наркомании	29	19,3
Проблема здоровья населения (инвалидность, распространение ВИЧ/СПИДа, COVID-19 и других заболеваний)	72	48
Проблема социального и биологического сиротства	10	6,7
Проблема увеличения преступности, жестокости, насилия, несоблюдение общественных норм, прав и другое	33	22
Проблемы социальной справедливости/ несправедливости	24	16
Проблемы неравенства в обществе	28	18,7
Проблемы занятости (увеличение безработицы)	50	33,3
Проблемы уровня образования населения	22	14,7
Проблемы качества и доступности здравоохранения	47	31,3
Проблемы падения нравственности и морали	30	20
Другое	1	0,7

В заключении, по результатам исследования можно сделать вывод, что молодежь заинтересована в дальнейшем развитии общества. Наиболее волнующими молодежь

социальными проблемами выступают: экологические проблемы (61,3% респондентов), проблемы бедности, нищеты населения (50,7% респондентов), проблемы здоровья населения (48% опрошенных), проблемы занятости (увеличение безработицы) (33,3% респондентов) и другие.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Вареник Ксения Павловна
Финансовый университет при Правительстве РФ

Социальные сети являются неотъемлемой частью жизни современного человека. В России на октябрь 2020 года по данным Brand Analytics количество активных пользователей социальных сетей возросло до 64 миллионов. Лидеры – Instagram и ВКонтакте. Половина аудитории ВКонтакте представлена молодежью 18-24 года (20,8%) и 25-34 года (30,8%). [2] С развитием виртуального общения актуальной становится профессиональная самопрезентация молодежи в социальных сетях. С одной стороны, она помогает добиться успеха в любой сфере в реальной жизни, конвертируя виртуальный социальный капитал в реальный. Однако, с другой стороны, подрывается доверие пользователей друг к другу и встает вопрос: насколько образ в социальных сетях на самом деле совпадает с образом человека в реальной жизни.

В 2021 году было проведено исследование, цель которого заключалась в проведении анализа профессиональной самопрезентации студенческой молодежи в социальных сетях Instagram и ВКонтакте. Оно базировалось на драматургическом подходе И. Гофмана [1], а также теории самопрезентации Г.В. Бороздиной. Основным методом исследования – глубинное интервью студентов Финансового университета при Правительстве РФ (n=8, студенты направлений «Экономическая социология» и «Государственное муниципальное управление»), контент-анализ профилей пользователей в социальных сетях – Instagram и ВКонтакте, качественный анализ их фотографий.

Основной площадкой самопрезентации респонденты считают социальную сеть Instagram в силу ее современности, глобальности и ориентации на взаимодействие с аудиторией с помощью фото- и видео-контента. Студенты используют защитную и ассертивную стратегии самопрезентации (согласно классификации А. Шутца) в социальных сетях, некоторые из них использовали такую стратегию по И. Джонсу и Т. Питтману – «самопродвижение или самореклама» для демонстрации себя как эксперта в определенной сфере деятельности. Актуальной также является тактика «Греться в лучах чужой славы» по Д. Майерсу, которая помогает акцентировать внимание на знакомстве и общении с известными, высокопоставленными людьми. По словам респондентов они транслируют «реальное я», однако есть место приукрашиванию и влиянию настроения, что отметила женская половина опрошенных. На выбор стратегии самопрезентации повлияли как гендерный фактор, так и профессиональные ориентации студентов, что могло повлечь за собой некоторые ограничения для публикуемого контента (особенно свойственно студентам, которые ориентированы на работу в государственных структурах, обучающиеся социологи же никаких запретов в связи с профессией себе не ставят).

1. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни - М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. 304 с.
2. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2020 [Электронный ресурс] <https://brand-analytics.ru/blog/social-media-russia-2020/> (дата обращения: 20.01.2021).

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ, МЕССЕНДЖЕРОВ И СЕРВИСОВ НА МОЛОДЕЖЬ

Васильев Николай Александрович
Институт Социологии ФНИСЦ РАН

Влияние социальных сетей, мессенджеров и сервисов возрастает не только в социальной, личной, экономической, но и в культурной сфере. Можно смело говорить о всеобъемлющем культурном влиянии, особенно на молодежные группы. Изменение культурной основы молодых россиян описано достаточно подробно у современных классиков социологии, особенно у Горшкова М.К.

Культурный код российского общества, мировое влияние на культурную жизнь молодых россиян, и другие аспекты, обогащенные с точки зрения прикладного понимания современной роли социальных сетей – все эти болевые точки были уже обозначены российскими социологами еще до глобальных изменений всемирного порядка, вызванных одновременно ростом глобальных взаимоотношений, революцией в электронно-цифровом пространстве и общемировой пандемией коронавируса. Если собрать многочисленные публикации о негативном влиянии социальных сетей, главное, что инкриминируется социальным сетям – навязывание дешевого эртертейнмента: бесплатные офлайн и онлайн игры, огромный мультипликационный, сериальный и кино контент, а главное – безлимитный видео контент, который создают все, и сами юзеры, и производители контента. Миллиарды «видосов» с миллиардными просмотрами в социальных сетях, прежде всего в YouTube и TikTok. На самом деле, можно уже открыто заменять слово «культура» на американский «этертейнмент». Да, сложнее выговорить, но, при этом, значительно точнее по смыслу. Это уже даже не поп-культура, это лавина этертейнмента, бесплатных и многообразных развлечений с очень простым и практически всегда бесплатным входом. Молодые поколения просто засасываются этертейнментом так, что не оставляют даже гигабайта молодой памяти для какой-то нужной, полезной информации. Неподготовленный мозг переполняет этертейнмент, который зомбирует человека, он может ничего не делать, - главное, чтобы был бесплатный этертейнмент и дешевый фаст-фуд. Гигантскими темпами происходит потеря национально и культурно ориентированной молодежи не только в национальных государствах – цивилизациях, но и в Евросоюзе, Мексике и Бразилии. Мир стал настолько густонаселенным и ресурсно уязвимым, что контроль основных стран и их рынков является главной задачей. Молодежь беспрепятственно «подсаживают» на новые социальные отношения как на тяжелые наркотики, вылечится от которых крайне тяжело. Молодежь дезориентирована и не видит опасности там, где она реально есть.

Кроме этого, молодежи не предлагается ничего. Вообще ничего. Нет не то, что альтернативы новым социальным отношениям, нет государственной оценки влияния сетей, нет механизма работы по минимизированию негативных последствий, нет ничего, даже простой брошюры для учителей средней школы, как относиться к социальным сетям и их влиянию на молодежь.

Влияние социальных сетей на политику. Сети как поле для организационной пропаганды.

Политическое влияние социальных сетей тесно переплелось с политическим влиянием на социальные сети. Взаимодействие настолько сильное, что дает право утверждать – в ближайшее время социальные сети и сервисы станут главной ареной политических сражений. О политическом влиянии писали многие социологи во всем

мире. Вот отличная цитата, которая очень хорошо характеризует политическое влияние социальных сетей: «Стоит подробнее остановиться на описании механизмов влияния «арабской весны» на различные регионы планеты.

Например, в связи с движением *Оссиру* стоит упомянуть о заимствовании им методов ведения протестов. Это занятие большой территории многочисленной группой протестующих на очень длинные промежутки времени, наличие схожих требований (социальная справедливость, экономическое равенство) схожего демографического состава (с особой ролью неустроенной образованной молодежи). Также были задействованы социальные сети в качестве инструмента мобилизации протестующих (Hammond, 2015; Skinner, 2011; Zogby, 2011; Lotan et al., 2011). В частности, Скиннер отмечает, что стратегия использования хештегов в социальных сетях для координации протестующих и донесения информации во внешний мир была заимствована у арабских активистов зарождающимся движением *Оссиру* в Америке, а затем с ростом популярности самого движения распространилась по всему миру (Skinner, 2011).

Анастасия Кавада исследовала специфику организации современных протестов на примерах «арабской весны», движения *Оссиру* и греческих беспорядков. Выделяя заметную ныне тенденцию к переводу коммуникации и организации митингующих в интернет, она отмечает, что митингующие не только оглядывались на опыт успешных протестов в других странах, но и имели возможность непосредственно контактировать с их участниками в социальных сетях (Kavada, Dimitriou, 2017; Kavada, 2015, 2017).

Как пример активного использования интернета при организации и освещении демонстраций стоит выделить недавний пример революции в Армении, где страница на сайте Facebook стала одной из главных площадок по организации митингующих (Epress.am, 2018). Как и «арабская весна», движение *Оссиру* получило широкое одобрение населения (Kohut, 2011). Ибрагим Шариф, исследуя использование термина «арабская весна» в американских СМИ, отмечает, что в них в преддверии начала движения *Оссиру* значительно повысилось внимание ко всему связанному с «арабской весной».

Он также показывает, как массовые протесты на площади Тахрир повлияли на стремительную организацию движения *Оссиру* (Abusharif, 2014). Энн-Мари Слотер, проводя анализ интервью с участниками движения *Оссиру* в Америке и Европе, находит две линии связи между событиями в Америке и арабском регионе. Первая заключается в том, что основатели движения *Оссиру* во многом вдохновлялись видимыми успехами арабских протестов. Вторую линию связи она обнаруживает в структуре и содержании построения лозунгов арабских и американских манифестантов (Slaughter, 2011).

Движение *Оссиру*, во многом вдохновленное событиями «арабской весны», через социальные сети получило распространение не только на территории США, но и во многих других регионах, оно образует целое, которое в различных сферах и по различным причинам (в зависимости от страны) широко использовало антиглобалистскую и антиправительственную риторику (Gamson, Sifry, 2013; Bogaert, 2011, 2013)».

Социальные сети стали самой важной медиа площадкой не только для организации политических движений. Социальные сети являются важнейшим способом передачи политической информации, главным элементом политических кампаний, прекрасный пример тому известная история с выборами в США и выбросом Дональда Трампа и его сторонников из Твиттера и других социальных сетей.

В России и другие социальные сети также стали активно использовать в политических целях. При практически сто процентном проникновении интернета в домохозяйства РФ вопроса политического использования сетей уже даже не обсуждается – это неотъемлемая часть политической пропаганды и политической жизни. При этом государственная машина начинает использовать интернет как площадку для голосования, а оппозиция – как наиболее эффективный способ борьбы с существующей властью. Наглядным примером служат выборы в Беларуси, когда только в социальной сети – мессенджере Телеграм было создано более 200 оппозиционных Телеграм-каналов,

которые активно продвигали оппозиционные силы. Один из ведущих Телеграм-каналов НЕХТА имел более 2 млн подписчиков.

Также, как и в США, эффективность распространения информации в социальных сетях оценили рекламисты. Доля рекламы в диджитал (в интернете) и доля рекламы социальных сетях постоянно растет.

Общие рекламные затраты и затраты на диджитал и социальные сети в России

(2019-2020 г., в млрд руб.)

Виды рекламных затрат	2019	2020
Общие рекламные затраты (без маркетинговых услуг, без оплаты креатива)	494 000 000 000	473 000 000 000*
Общие рекламные затраты на digital	244 000 000 000	253 000 000 000
Рекламные затраты на социальные сети	88 020 000 000	91 266 639 344*
Общие рекламные затраты госкомпаний и госорганов	34 173 100 000	33 370 504 000
Общие рекламные затраты госкомпаний	31 062 000 000	29 408 704 000
Общие рекламные затраты госорганов	3 111 100 000	3 961 800 000
Рекламные затраты госкомпаний и госорганов на digital	13 784 000 000	13 897 564 000
Рекламные затраты госкомпаний на digital	12 644 325 000	12 279 379 000
Рекламные затраты госорганов на digital	1 139 675 000	1 618 185 000
Рекламные затраты госкомпаний и госорганов на социальные сети	3 640 000 000	4 083 000 000
Рекламные затраты госкомпаний на социальные сети	3 239 230 216	3 321 140 955
Рекламные затраты госорганов на социальные сети	400 000 000	762 000 000

Не смотря на пандемию коронавируса, и, наоборот, благодаря пандемии, интернет и социальные сети совершили мощный рывок вперед. Были охвачены аудитории, прежде всего старшие поколения, которые считались недоступными для интернета в силу своего возрастного положения. Как видно из вышеуказанной таблицы, доля рекламы в диджитал и доля рекламы в социальных сетях не только растет, но и является абсолютным лидером по рекламным затратам. Затраты на рекламу в диджитал превысили затраты на медиа, ранее считавшиеся традиционными, а, главное, превысили показатели телевизионной рекламы, которая была абсолютным и бесспорным лидером на протяжении многих лет, в России – с момента возникновения ТВ рекламы в конце XX века. Социальные сети смогли показать свою высокую эффективность во время карантина, вызванного коронавирусом, активно использовались как сторонниками прививок, так и их противниками. Именно в период пандемии произошел стратегический переход в сеть – для большинства граждан страны социальные сети и сервисы стали неотъемлемой частью жизни. Наступила новая эра – эра нового мирового порядка, который мы называем Новый Социальный Мир.

Влияние социальных сетей на государственные органы и структуры

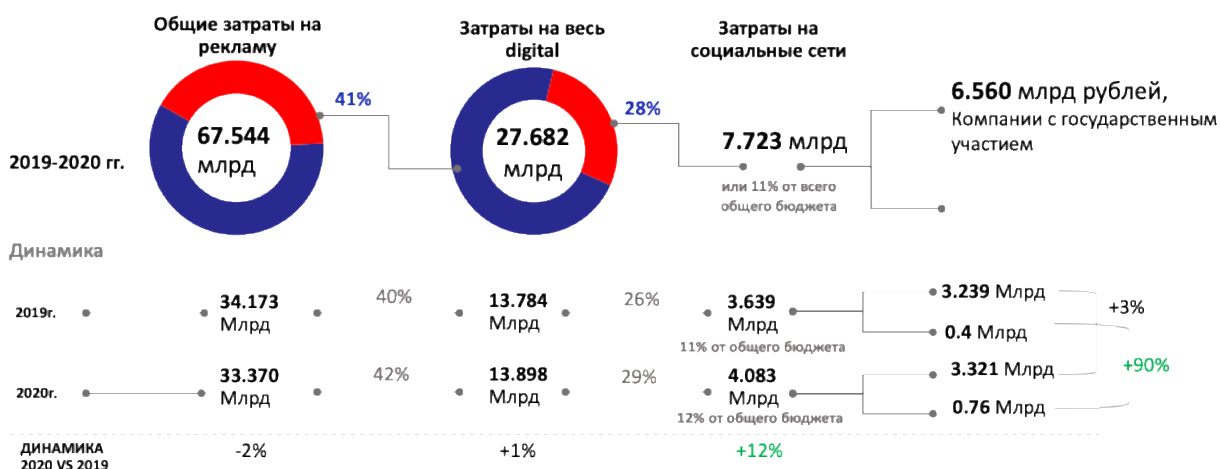
Что уж тут говорить о молодежи, когда государственные структуры попадают под сильнейшее влияние НСМ! Практически все государственные компании и государственные органы имеют свои группы в социальных сетях. При этом эти группы постоянно увеличиваются за счет денег, которые вкладывают государственные структуры в увеличение и развитие своих групп. Это тема отдельного материала, однако стоит отметить, что доля государственных затрат на рекламу в социальных сетях вышла на многомиллиардный уровень.

И здесь есть несколько важных моментов. Первый заключается в том, что отдельные органы государственной власти, в принципе, должны быть в сетях. Например, Министерство Иностранных Дел (МИД) или МО (Министерство Обороны). Органы государственной власти должны продвигать государственные цели и задачи, государственную политику, как говорится, в массы. Государственная пропаганда должна быть эффективной – соответственно должны быть эффективные каналы коммуникации с

разными частями российского общества. Второй важный момент заключается в том, что государственные органы, отвечающие за продвижение России за рубежом, также должны активно присутствовать в социальных сетях, прежде всего, в иностранных. На сегодняшний день это один из самых эффективных способов достижения иностранных аудиторий, так как российские медиа за рубежом крайне ограничены в своих возможностях нашими «партнерами», прежде всего, США, и напрямую, и любыми другими способами. Еще один важный момент – выбор социальных сетей для продвижения. Все наши государственные органы должны понимать, что использование иностранных социальных сетей может быть ограничено в любой момент, как экаунт президента Трампа. В случае изменений на политическом рынке, российские госкомпании и госучреждения в иностранных сетях могут быть моментально заблокированы. Необходимо знать, что социальные сети – это не просто величайший в истории проект по сбору и анализу данных, это еще и мощнейшее оружие в плане сбора, аналитики и передачи разведывательных данных.

Совокупные затраты на рекламу организаций с государственным участием за 2019-2020 гг. составили приблизительно 67,5 млрд рублей. Доля затрат на диджитал в 2019-2020 гг. равна 41%, доля затрат на социальные сети от digital – 28%. Затраты на рекламу и digital стабильны в 2019 и 2020 гг., затраты на социальные сети выросли на 12% в 2020 году.

Рекламные затраты госкомпаний и госорганов в 2019 – 2020 гг.

При этом, возвращаясь к закрытым группам, процветают скрытые политические группы, когда общедоступное название не соответствует «начинке». Например, российский интернет наполнен оппозиционными группами, маскирующимися под группы по туризму, различным развлечениям, играм. Это способ спрятаться от государственных органов, отслеживающих оппозиционные настроения.

Как уже было отмечено выше, степень влияния социальных сетей на молодежь близка к максимальной. Цифры из разных источников говорят о более 90% втягивании всех молодежных групп в сети. При этом постоянно растет время проведения молодых людей в сети. В 2020 году среднее время нахождения тинэйджеров в сети в России по данным исследовательской компании Медиаскоп превысило 4 часа в день.

А молодежь воспринимает социальные сети, мессенджеры и сервисы как абсолютное благо. Молодой организм видит только одну сторону медали, не особо задумываясь над последствиями. Социальные сети дают, на их взгляд, «главное» –

безопасное и всестороннее общение со сверстниками, которое может привести к физическому контакту только по желанию самих пользователей. Социальные сети, мессенджеры и сервисы дают возможность быстро получать любую информацию без вопросов к друзьям, родителям или учителям. И, конечно, молодые люди получают безграничный доступ к развлекательному контенту, который уже сейчас настолько огромен, что его невозможно не только использовать, а просто пролистать отдельному человеку в течение жизни.

Попробуйте представить ситуацию с развлекательным контентом пару десятилетий назад. Уже был ограниченный доступ к интернету, уже существовала и развивалась мобильная связь, сформировался игровой контент, появилась возможность смотреть видео фильмы, при желании можно было смотреть развлекательное кино американского разлива в ежедневном формате. Однако это не идет ни в какое сравнение с объемом, разнообразием и качеством современного аудио- и видео контента, при этом сегментированного по самым узким интересам. Контента столько, что его невозможно охватить. Просмотры видео в социальных сетях уже исчисляются сотнями миллиардов! А бесплатный игровой контент на с персонализированными возможностями просмотра, включая отложенный просмотр и просмотр на разных гаджетах. Играешь дома на десктопе, продолжаешь игру на планшете на улице, играешь дальше на телефоне на уроке, т.д. Какой ребенок может устоять перед такими соблазнами?

Социальные сети имеют всеохватывающий характер. Влияние возрастает, усиливается на все общество, на все социально-демографические группы без исключения. Социальные сети в том или ином виде уже проникли почти в каждый дом, в каждое домохозяйство, в каждую квартиру и почти в каждый мозг. Молодежь оказывается главной группой, на которую должно быть распространено полное влияние НСМ, по которой наносится основной удар. И, в силу вышеперечисленных вещей, молодые возрастные группы становятся легкой добычей социальных сетей. Очевидно, что бороться с социальными сетями, мессенджерами и сервисами невозможно без целенаправленной, жесткой и понятной большинству граждан государственной политики. Слишком мало государство уделяло внимания этим явлениям, слишком быстро и эффективно развивались социальные сети. Вот и пришло время, когда нужно или заниматься этим вопросом серьезно и ежедневно или опустить руки и сдать. Ну или делать вид, что всё под контролем, что всё не так плохо и т.д., но это равносильно второму варианту с небольшой отсрочкой по времени.

У читателя, впервые столкнувшегося с таким подходом к социальным сетям, может возникнуть закономерный вопрос, а не делает ли автор из мухи слона? Возможно, что влияние социальных сетей не такое негативное, как утверждает автор, возможно, социальные сервисы приносят больше добра, чем зла, тем более, что мы живем в период социально-электронной революции, всё очень быстро меняется, но на лицо и положительные изменения: среднестатистический человек получил доступ не только к развлечениям, но и, например, к бесплатному и недорогому обучению. С помощью социальных сетей и сервисов гораздо больше людей имеют возможность к самообразованию, получению новых профессий, т.д.

Возможно, не так страшен чёрт, как его малюют, главное – быть избирательным в сетях, поменьше писать, побольше думать, пользоваться сервисами, которые помогают в обычной жизни и позволяют гораздо быстрее решать вопросы, на которые раньше уходила уйма времени. Ведь положительных вещей, связанных с НСМ, предостаточно? Человек, занимающий такую позицию, обязательно вспомнит сколько раз видео ролики в Ютьюбе помогали ему решить разнообразные вопросы, начиная от того, как вставить леску в триммер и заканчивая тем, как правильно посадить яблоню.

Человек с такой позицией обязательно поставит в пример положительный опыт общения в Инсте, приведя в пример какого-нибудь блогера, который научил его правильно солить огурцы. Такие люди, к сожалению, не способны рассмотреть скрытые

негативные стороны социальных сетей, они принимают их так, как видят, как мотыльки, летящие на огонь. В этой ситуации как никогда возрастает роль государственных институтов, призванных, с одной стороны, защитить общество, национальную культуру и т.д., с другой стороны, предложить обществу альтернативу, другие варианты развития, другие варианты социальных отношений. Например, наш сосед, КНР, решил этот вопрос в свою пользу, создав полноценный национальный интернет со своими провайдерами и промодутерами. Чтобы быть объективным, не стоит рассматривать китайский пример как единственный вариант, тем более, правильный. Однако что-то точно надо делать, чтобы избежать потери национальной идентичности и национальной культуры, а в след за ними – государственной независимости. У нас, пока, государственная политика в области интернета и социальных сетей отсутствует. Также, как отсутствует государственная молодежная политика. Тот набор мероприятий, который проводят государственные органы в области работы с молодежью, не выдерживают никакой критики. Молодежная политика – это не беседа в лагере на Селигере и не путешествие в Артек. Это комплекс мероприятий, охватывающий все слои общества, с единой национальной философией, подкрепленной четкими целями и задачами. Эффективная молодежная политика невозможна без единой структуры, построенной на принципах саморегулируемой организации. Патриотизм как часть единой идеологии строится с самого раннего детства и должен быть на каждом этапе взросления подкреплен конкретными примерами того, что это правильное направление. Невозможно проводить успешную политику на основе подарков и другого материального стимулирования. Это путь в никуда.

В современной России молодежная политика прошла несколько важных этапов. Первый. Развенчание и полный отказ от советской формы воспитания молодежи (октябренок, пионер, комсомолец) с провальными попытками привить дореволюционный подход, основанный на скаутском движении. Второй. Отсутствие молодежной политики как таковой. «Свободный» рост детей без «политики». Да и вообще без каких-либо принципов. Государство самоустранилось и полностью переложило воспитание молодежи на семью. Третий. Формирование новой политики по отношению к молодежи, основанной на создании молодежных движений думских фракций. Коммунисты возрождают пионерию, ЛДПР строит отряды молодежной секции партии, главным движением молодежи становится молодежная Единая Россия, задача которой состоит в формировании некоего патриотического уклона молодежи посредством проведения патриотических мероприятий, съездов, лагерей, т.д.

Все попытки проведения масштабной и добровольной молодежной политики в современной России провалились. Наибольшая часть молодежи ориентирована на американскую поп-культуру, главный принцип которой «жить надо в кайф». Это выражается в ежедневном поведении, потреблении, отношении к сверстникам и старшим, в музыкальных и видео предпочтениях, одежде, питании, отношении к государству и обществу. По этому поводу написано много статей, подготовлены десятки неплохих материалов, но нигде нет практических выводов и рекомендаций по движению вперед – что надо делать и как. Обличать американскую поп-культуру в безнравственности и убогости научились все. Предложить что-то взамен никто не может или не хочет. Слабые попытки отечественного «кинопрома» реанимировать настоящий патриотизм провалились, воздействуя, главным образом, на и так лояльную аудиторию 40+, большая часть которой и так уже давно находится в традиционной ностальгии по советскому союзу, своему детству и молодости. Поэтому сейчас как никогда важно, чтобы государственные органы, общественные организации, культурные сообщества обратили пристальное внимание на развитие НСМ – нового социального мира, который изменит нашу жизнь до неузнаваемости, если сейчас не продумать как, какими методами и способами мы будем формировать собственный мир и собственное будущее.

Основные направления работы социальных сетей известны. Также уже четко понятно, на чем специализируется каждая сеть и что можно от нее ожидать. Дальнейший

анализ социальных сетей позволит еще более четко ориентироваться, как и в каком виде должно быть противодействие.

Важно, что к существующей проблематике необходим комплексный и долгосрочный подход. Легче всего достать пашку и крикнуть «запретить». Запретами ничего не исправишь, запретный плод сладок. Только задавая правильные векторы развития, заменяя и корректируя отдельные составляющие глобального механизма, можно свести к минимуму ущерб и даже попытаться использовать социальные сети в своих интересах.

Главное – психологически отделить социальные сети от общества, сформировать для них соответствующий имидж, четко подойти к работе с молодежью, разработать программу ограничений для посещения социальных сетей, согласовать это с обществом и родителями. Мое мнение – дети, особенно тинейджеры, должны быть ограничены в использовании социальными сетями в прямом временном виде.

Как это сделать – вопрос к специалистам, но это более чем возможно. И также очень важно исследовать тему стоимости интернета, особенно для энтертейнмента для подростков, стоимость должна быть разная в зависимости от посещаемых ресурсов. Если это прямой энтертейнмент, социальные сети, их и отдельные игровые сервисы, прокрутка видеосов и другое абсолютно пустое просиживание штанов – это должно быть чувствительно по денежным затратам. Иначе нельзя.

1. (CYBERLENINKA. Влияние социальных сетей на личность. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialnyh-setey-na-lichnost> (дата обращения, март 2021) б.д.)
2. (CYBERLENINKA. Интернет-пространство как особая коммуникационная среда и его влияние на современные общества. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения, март 2021) б.д.)
3. Горшков М. К. Российское общество в условиях трансформации. Мифы и реальность (социологический анализ). 1992-2002. – 2003.
4. <https://www.nytimes.com/2009/11/07/technology/internet/07virtual.html>
5. <http://news.bbc.co.uk/2/hi/technology/8320184.stm>
6. https://ru.wikipedia.org/wiki/Европейский_центральный_банк
7. Горшков М. К. Российское общество как оно есть. – Новый хронограф, 2016.
8. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социологии Российской академии наук, 2010. – С. 1-592.
9. Кортаев А., Романов Д., Медведев И. Эхо «арабской весны» в Восточной Европе: опыт количественного анализа // Социологическое обозрение. – 2019. – Т. 18. – №. 1.
10. ИЦ АКАР/ПАМУ/ІАВ RUSSIA. Mediascope, AdMetrix/ESPAR. 2019-2020 гг. Экспертная оценка АКАР/НРА
11. Pew Research Center. “Teens, Social Media & Technology” [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-bolshih-dannyh-v-statistike> (дата обращения, март 2021).
12. CYBERLENINKA. Интернет и социальные сети: их плюсы, минусы и последствия в развитии человечества. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения, март 2021).
13. CYBERLENINKA. Исследование портрета активного пользователя сети Интернет. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-portreta-aktivnogo-polzovatelya-seti-internet> (дата обращения, март 2021).
14. CYBERLENINKA. Влияние социальных сетей на молодежь. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения, февраль 2021).
15. CYBERLENINKA. Социальные сети как новая форма коммуникации: польза или опасность для общества? [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения, март 2021).
16. CYBERLENINKA. Социальные сети как фактор активного влияния на формирование ценностей молодежи. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения, март 2021).

17. CYBERLENINKA. Телевидение как инструмент государственной культурной политики. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/televidenie-kak-instrument-gosudarstvennoy-kulturnoy-politiki> (дата обращения, март 2021).
18. CYBERLENINKA. Влияние социальных сетей на личность. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialnyh-setey-na-lichnost> (дата обращения, март 2021).
19. <https://www.pewresearch.org/internet/2015/04/09/teens-socialology> / https://www.pewresearch.org/internet/2018/05/31/teens-social-media-technology-2018/pi_2018-05-31_teenstech_0-01/
20. <https://www.pewresearch.org/internet/2021/04/07/social-media-use-in-2021/>
21. Александр Бобров. О силе и слабости Интернета // Советская Россия, 12 марта 2009 г., № 24(132410, с. 6.
22. Поливанова К.Н., Королева О.Д. Социальные сети как новая практика развития городских подростков // Вестник РГНФ/2016, №1, с.173
23. (U.S. Department of Health & Human Services (Министерство здравоохранения и социальных служб США / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения , февраль 2021) б.д.)
24. (NEWPORT ACADEMY . [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://www.newportacademy.com/our-approach/teen-depression/> (дата обращения, февраль 2021) б.д.)
25. (SAGE journal . [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://journals.sagepub.com> (дата обращения, февраль 2021) б.д.)
26. (Document cloude. Report On The Investigation Into Russian Inerference In The 2016 Presidential Election. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL :<https://www.documentcloud.org/documents/2448422-being-13-report.html> (дата обращения, февраль 2021) б.д.)
- (Child Mind. Как Использование Социальных Сетей Влияет На Подростков. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://childmind.org/article/how-using-social-media-affects-teenagers/> (дата обращения, февраль 2021) б.д.)

ИЗМЕНЕНИЕ СПОРТИВНЫХ ПРАКТИК МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПАНДЕМИИ

**Васильева Дарья Игоревна,
Данилова Ксения Михайловна
Санкт-Петербургский государственный университет**

Повседневная жизнь изменилась в связи с трансформацией социальной реальности. Вся человеческая деятельность была вынуждена адаптироваться к новым условиям, продиктованным COVID-19, поскольку из-за введенных санитарно-эпидемиологических ограничений стало невозможно вести прежний образ жизни.

В исследовании используется понятие габитуса – «системы устойчивых и переносимых диспозиций ... как принципы, порождающие и организующие практики и представления» [1, 2]. Период нестабильности порождает формирование новых привычек. Практики спорта – «традиционное действие», основанное на традициях, обычаях и давних привычках [2, 628]. Также рассматривается аспект креативности, в основу которого, согласно Р. Флориде, закладывается широко трактуемое творческое начало, характерное для информационной эпохи. Творческое проявление личности по Дж. Гилфорду заключается в оригинальности, чувствительности и интеграции.

В данном исследовании рассматривается трансформация практик молодежи в контексте цифровых технологий и пандемии. Было проведено 15 интервью с молодежью (19-28 лет), в которых были заданы вопросы о том, как информанты строили свой тренировочный режим до, во время и после карантина, пользовались ли они цифровыми средствами – мобильными приложениями, онлайн-марафонами, вебинарами, онлайн-

курсами. Помимо этого, изучалась мотивация к тренировкам и эффективность занятий спортом дома и в фитнес-центрах, социальный аспект в тренировочном процессе, роль тренера и понимание спорта как привычки.

Собранный эмпирический материал был категоризирован и интерпретирован, что позволило сделать следующие выводы. Спортивные привычки молодежи претерпели изменения под влиянием периодов нестабильности. По мере усиления и ослабления мер, влияющих на способность заниматься спортом в обычном режиме, габитус менялся. На карантине сложившаяся практика занятия спортом изменилась, перейдя в онлайн-формат. Далее после отмены режима самоизоляции габитус стал возвращаться в привычную форму «до карантина», но некоторые информанты продолжали использовать цифровые средства. Практика обучения с использованием цифровых технологий не изжила себя, но перестала играть ведущую роль, как это было на карантине. На происходящее повлияли личные предпочтения респондентов относительно эффективности, а также желание людей поддерживать общение с друг с другом. Этот паттерн характеризует человека как социальное существо, для которого важны контакты с другими людьми.

Проведенное исследование отражает креативный потенциал молодежи, которая способна приспосабливаться к трансформации социальной реальности, воспроизводя привычные практики во взаимодействии внутри иного пространства – цифровой реальности.

1. Бурдые П. «Структура, габитус, практика» // Журнал социологии и социальной антропологии. № 2. Т. 1. 1998.
2. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.

ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ К ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ

**Васильева Елена Игоревна,
Зерчанинова Татьяна Евгеньевна
РАНХиГС**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31682.

Значительная активность молодых людей в протестных движениях в последние годы превратилась в один из источников потенциальных проблем как для недемократических, так и для демократических режимов [1, 764]. В России именно молодежь в значительной степени стала «лицом» протеста, особенно после 2018 года. Молодежные протесты оказывали давление на политиков и в некоторой степени способствовали краху отдельных политических систем. Тем не менее, большинство протестов, не только в России, не приводят к смене существующего режима. Вместо этого либо происходит корректировка политики, либо подавление протестующих [2, 71].

Выборы – это один из ключевых видов событий, которые могут приводить к протестам. Хотя на выборах в России и других постсоветских странах наблюдается особенно низкая явка молодых людей, во время подготовки выборов и после них молодежь может выражать свои политические взгляды и вне пределов либерального участка. Иными словами, даже малозаметные выборы могут повысить значимость политики в обществе и, следовательно, повысить вероятность озвучивания политических требований. Таким образом, выборы, а также институциональные изменения или иные события, которые воспринимаются как имеющие потенциал для институциональных изменений, могут изменить восприятие системы возможностей.

В текущем контексте система возможностей для выражения и отстаивания своей позиции сильно ограничена из-за высокого риска, которым подвергаются участники различных акций. В этой связи именно пассивность выступает наиболее рациональной реакцией даже на самый суровый экономический или политический кризис, поскольку личная выгода протеста, как правило, в значительной степени перевешивается личными издержками. Тем не менее, на практике отдельные кейсы демонстрируют противоположные примеры – акции протеста в Екатеринбурге против строительства храма; массовые акции протеста молодежи осенью 2019 года в связи с отказом в регистрации нескольким оппозиционным кандидатам.

Социальная среда молодых людей имеет решающее значение для понимания их взглядов на протесты. В июле 2021 года при участии авторов был проведен опрос российской молодежи (n=2302 человек). Результаты исследования показали, что 68% опрошенных слышали и знают о причинах протестов. 20% респондентов готовы принять участие в акции протеста, если она будет проходить в их городе. Среди причин протестной активности большинство респондентов назвали бюрократию и коррупцию (35,4%), материальное положение современной молодежи (31,4%), проблемы внутренней политики страны (29,2%) и др. Таким образом, анализируя драйверы протестной активности российской молодежи, можно сделать вывод о небинарном характере протестной активности молодежи, вызванной в значительной степени низким институциональным доверием.

1. Hollyer, James; Rosendorff, Peter & Vreeland, James Raymond. (2015). *Transparency, Protest and Autocratic Instability*. *American Political Science Review*, 109:4, pp. 764–84.
2. Feldmann, Magnus & Mazepus, Honorata. (2018). *State-Society Relations and the Sources of Support for the Putin Regime: Bridging Political Culture and Social Contract Theory*. *East European Politics*, 34:1, pp. 57–76.

МОЛОДЕЖЬ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Великая Наталия Михайловна

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Мы рассматриваем молодежь как важнейший потенциал благополучия страны и общества, как «один из скрытых ресурсов, ...от мобилизации которых зависит его жизнеспособность» [4, 445-446]. Реализация имеющегося потенциала молодежи в политической сфере определяется общим социальным контекстом, политической ситуацией, в рамках которой протекает ее жизнедеятельность, а также политической культурой и теми ценностями, которые формируют отношения между различными социальными группами и внутри группы, способствуют или наоборот, затрудняют социальную консолидацию. Интерпретируя современную политическую систему как гибридную, имеющую тенденцию к нео-авторитаризации [2], мы обращаемся к политическим ориентациям современной молодежи, что позволит оценить перспективы развития страны.

Определённая эклектичность политического сознания молодёжи демонстрируют данные исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН, показывающие, что у нее отсутствует внятный образ будущего, что почти половина опрошенных молодых людей (48%) не может ответить на вопрос, в каком обществе они бы хотели жить; треть респондентов предпочитает капиталистическое общество, а 17% - социализм [3]. Если в содержательное ядро «капитализма» входят ценности частная собственность (67%), конкуренция (63%), технический прогресс (48%), власть узкой группы людей (40%),

коррупция (33%), высокий уровень жизни (26%), свобода (23%), социальная незащищенность (22%), то в ядре концепта «социализм» лежат следующие составляющие: патриотизм (43%), порядок (40%), коллективизм (38%), взаимопомощь (26%), справедливость (25%), нравственность (22%), бедность (21%), технический прогресс (21%) [1].

Эмпирические данные позволяют также говорить об идеологической дезориентации молодежи: треть опрошенных молодых людей затрудняются определить свою идеологическую принадлежность. Более трети считают себя сторонниками демократических взглядов, порядка 15% - сторонниками либеральных и патриотических. Коммунистические ценности разделяют 2%, социал-демократические – 6%.

Партийно-политические ориентации молодых людей в целом соответствуют общероссийским трендам с той лишь разницей, что в этой группе значительно выше, чем среди старших поколений, доля тех, кто не поддерживает ни одну из существующих партий и не связывает будущее страны с их деятельностью. Уровень поддержки парламентских партий среди молодежи не высок и составляет у КПРФ, СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – по 2%, у ЛДПР – 7%, у Единой России - 11% (по данным на июль 2020 г).

Логично, что и уровень доверия к политическим институтам ниже среди молодежи. Свообразными лидерами антирейтинга недоверия среди молодежи, помимо полиции, прокуратуры, банковских кругов и СМИ, являются политические партии, Государственная Дума и правительство. Интересно, что в плане оценки политической ситуации мы наблюдаем более яркие расхождения со старшими возрастными категориями, чем в оценках экономической сферы. Особенно выделяется группа 18-24-летних, среди которых почти треть полагает, что нынешнюю политическую систему надо менять радикальным образом.

В целом можно сказать, что идеологические установки молодежи не когерентны сложившейся модели партийной системы, что существенно осложняет включение молодых людей в гражданскую активность.

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

**Власова Наталья Владимировна,
Афанасьев Д.С.
ФГБОУ ВО "Ульяновский государственный университет"**

В настоящее время преобладающим направлением миграции для России является внутренняя миграция. Основной тенденцией последнего десятилетия является рост объемов, интенсивности и частоты миграций для всех возрастных категорий. Наиболее резкое повышение миграционной мобильности населения России произошло в начале 2010-х гг., что позволяет говорить о формировании новой модели миграционного поведения россиян. Ульяновская область в плане миграции является регионом–донором, на протяжении десятилетий имеющим отрицательный миграционный прирост, не способный компенсировать естественную убыль населения. Наибольшую миграционную активность среди населения региона обнаруживает молодежь в возрасте 20–24 лет, что также является отражением общероссийской и общемировой закономерности. Жители региона, выезжающие с прежнего места жительства, предпочитают мигрировать в другие субъекты России, однако существует и заметный приток рабочей силы из-за пределов

области, особенно в возрастной группе молодых людей. Однако, этого недостаточно, чтобы обеспечить положительный миграционный прирост [1,57].

Прикладное исследование, проведенное в мае 2021 года на базе Ульяновского государственного университета (n=343), обозначило проблему миграционного оттока молодых людей из Ульяновска. Её отметили как одну из значимых подавляющее большинство опрошенных представителей молодёжи города. Анализируя полученные результаты, можно сделать следующие выводы:

Важнейшим фактором, способствующим ухудшению миграционной ситуации, о котором заявляют участники опроса, является неблагоприятная социально–экономическая ситуация в регионе: низкий уровень заработных плат, отсутствие перспектив развития, проблемы с поиском работы.

Установлено, что 3/4 молодых людей (76%) высказали более или менее выраженное намерение покинуть регион, а каждый пятый опрошенный уже принял решение о скором переезде.

Обнаружена зависимость между предпочитаемым типом населённого пункта и степенью выраженности миграционных установок. Более склонны к переезду респонденты, мечтающие жить в центре или спальном районе крупного города, в отличие от предпочитающих жизнь в маленьком городке или в сельской местности.

Среди факторов, мешающих переезду, выделяется два основных – это жилищные (77,4%) и финансовые (74,2%) проблемы. Достаточно важны для молодых людей также родственные связи

Следует отметить значимость воздействия социального окружения на миграционные намерения индивида. Можно сделать предположение, что участники опроса склонны воспроизводить устойчивые стереотипы об Ульяновской области как о регионе без перспектив развития и без предложений достойной работы, откуда желательно уехать.

Новые, «рыночные» профессии высокой квалификации востребованы в основном в больших городах, что также определяет основной вектор миграционного поведения. Проблемы молодёжи на рынке труда осложняет их идеализированное представление о жизни и работе, завышенные требования к начальному размеру заработной платы и к условиям труда.

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА НА ПРИМЕРЕ СПБ ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ»

**Войник Анна Александровна,
Снегур Маргарита Романовна
СПб ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ»**

Аннотация: доклад посвящен особенностям социологических исследований в рамках реализации молодежной политики в Санкт-Петербурге. Раскрываются возможности и роль социологических исследований для разработки практических рекомендаций по профилактике асоциального поведения в молодежной среде на примере подведомственного Комитету по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями учреждению СПб ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ».

Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ» осуществляет свою деятельность уже более 25 лет. Ключевыми направлениями работы является помощь подросткам, попавшим в трудную жизненную

ситуацию и профилактика правонарушений в молодежной среде. Проведение социологических исследований является неотъемлемой частью в изучении проблем подростков «группы риска». Применение социологического инструментария необходимо для глубокого понимания степени рисков и разработки эффективных рекомендаций по профилактической социальной работе.

Отдел социологических исследований функционирует на базе Учебно-методического Центра учреждения, что позволяет использовать полученные данные при разработке методических материалов для специалистов молодежной политики: методических пособий, курсов повышения квалификации, семинаров и различных просветительских мероприятий. Исследования отдела, направленные на изучение подростково-молодежных явлений, распределены поквартально и раскрывают различную тематику. Например, в 2021 году социологами изучалась эффективность онлайн-мероприятий, проводимых учреждениями молодежной политики; национально-этническое взаимодействие в подростково-молодежной среде; мотивы экстремистского поведения; потребление психоактивных веществ подростками.

Особенностью социологических исследований учреждения является объект исследования, который представлен труднодоступной группой, - подростками, совершившими административные или уголовные правонарушения. Юноши и девушки, оказавшись в подобной ситуации, сталкиваются с рядом трудностей: проблемы с родителями и одноклассниками, зависимости, участие в социально опасных группировках или объединениях, экстремистская деятельность, сложности в адаптации и стигматизация «трудного» подростка и т.д. Социологический инструментарий позволяет понять первопричины данных явлений и выстраивать более комплексную социальную работу.

В рамках эмпирических исследований нами чаще всего используются такие методы как: анкетный опрос (в том числе, в онлайн формате), фокус-группа, экспертное интервью, контент-анализ. Данные методы позволяют получить достоверную информацию в соответствии с целью исследований в ограниченный кварталом срок. Взаимодействие с районными отделами сопровождения несовершеннолетних и службой мониторинга медиапространства учреждения также предоставляет возможность более эффективной организации процесса сбора данных.

Результаты исследований оформляются в виде отчета и направляются в Комитет по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями. Информационно-аналитические материалы по результатам исследования распространяются среди специалистов по работе с молодежью. Исследования также представляются на различных конференциях, круглых столах и семинарах. Опыт применения социологии в обеспечении молодежной политики Петербурга демонстрирует свою эффективность и широкий потенциал на примере СПб ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ».

АГЕНТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ: КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

**Воробьева Ирина Николаевна,
Мехова Альбина Анатольевна**
Череповецкий государственный университет

Важность изучения и измерения агентов социальных изменений заключается в необходимости выявления потенциала определенной территории к развитию, которая может измеряться общим количеством агентов социальных изменений среди населения и их качественными характеристиками. Анализ теоретических подходов отечественных и зарубежных авторов позволил нам прийти к выводу, что стремление к творчеству,

креативное мышление, креативный потенциал в целом является основополагающим элементом среди установок агентов социальных изменений. Шкаратан О.И. выделяет, что важной характеристикой креативного класса является исключительная роль образования в становлении категории данных работников [5]. По мнению Волкова Ю.Г. важными чертами также является самомотивация, умение работать на стыке разных областей знания [1]. Большинство авторов доказывают, что именно на креативный класс возлагаются надежды по развитию регионов и формированию новой российской идеологии, которая поможет успешно преодолевать кризисные периоды [2], [3], [4].

Приведем результаты апробации индикаторной модели по результатам репрезентативного опроса населения города Череповца, опрошено 600 человек по квотной половозрастной выборке в соответствии со структурой города старше 18 лет. В соответствии с индикаторной моделью агентов социальных изменений в нашем городе только 2,3%, периферии группы агентов социальных изменений в городе 16,8%. Среди молодежи агентов социальных изменений больше, но не существенно (3% - ядро, 21% - периферия). Креативные установки среди молодежи выражены более ярко, но опять же не существенно. Одним из важных параметров является стремление к постоянному повышению образования. С суждением «я постоянно стараюсь повышать свое образование, развиваться» среди всего населения полностью или скорее согласилось 57%, среди молодежи 65%, тогда как среди ядра и периферии агентов социальных изменений в молодежной среде уже 86%. С суждением «Мне доставляет удовлетворение процесс творческой деятельности» среди населения согласилось 60%, среди молодежи 66%, среди молодежной аудитории агентов социальных изменений 91%. Среди всего населения с суждением «Для меня характерно выдвигать большое количество идей» согласилось 56%, среди молодежи 64%, тогда как среди агентов социальных изменений 81%.

Гипотетически можно было бы предположить, что агентов социальных изменений, а соответственно и креативного потенциала среди молодежи должно быть существенно больше, чем у населения в среднем. Тогда как анализ показывает, что разрыв есть, но он не такой большой, как ожидалось. Это объясняется той проблемой, с которой сталкиваются все средние и малые города России, оттоком наиболее креативной и продвинутой молодежи в период реализации своих образовательных стратегий, в первую очередь, в столичные города Москву и Санкт-Петербург. Таким образом, мы практически доказали, что основной задачей сохранения и преумножения креативного потенциала городов является удержание молодежи и создание для нее условий для реализации своих жизненных стратегий.

РАЗВИТИЕ СФЕРЫ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ОДНОГО ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Гаджиева Ксения Алексеевна

Московский государственный психолого-педагогический университет

Молодёжь является активной частью общества в наше время, которая стремится достичь успеха и самореализоваться. К сожалению, её потенциал не используется в полной мере. Сама молодёжная политика является частью политики государства, в которой, в свою очередь, содержатся система мер и нормативно-правовых актов, регулирующих положение и качество жизни молодёжи в обществе. [1, 56]

В России сформирована система постоянного развития и подготовки молодёжи к реализации программ для улучшения социально-экономического развития страны. В настоящее время проводится много мероприятий для молодёжи, почти все из них

абсолютно бесплатные. Каждый может попробовать себя в различных сферах. Одним из последних нововведений стала Пушкинская карта, по которой можно посетить культурные мероприятия за счёт государства.

Молодёжная политика в нашей стране осуществляется в следующих целях: создать и поддерживать правовые и социально-экономические условия для того, чтобы помочь представителям молодёжи определиться со своими целями на будущее, реализовывать предлагаемые проекты в области молодёжной политики, вовлечь их в общественное становление и самореализацию в общественной жизни. [1, 72]

В наше время базисом государственной молодёжной политики служат обоюдные обязанности между государством и молодёжью, принятие того факта, что молодёжь также участвует в её формировании и реализации, развитие партнерских отношений с молодёжью. [1, 70]

30 декабря 2020 года Президентом был подписан федеральный закон №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Так как Россия сейчас находится не в самом благоприятном положении. В сфере социальной культуры появилось множество противоречий между традициями и современными взглядами, что свидетельствует о важности сохранения ценностей прошлого и уважении к истории России. Для того, чтобы снизить уровень данных рисков следует использовать потенциал и все ресурсы – труд, капитал, знания. Самыми основными направлениями молодёжной политики в данном законе являются:

- воспитать в представителях молодого поколения патриотизм, уважение к традициям и истории; обеспечить межнациональное согласие в молодежной среде;
- поддерживать инициативы молодёжи;
- содействовать общественной деятельности, которая направлена на поддержание молодёжи и многие другие.

Именно поэтому немалая часть бюджета уходит на развитие молодого поколения, проводятся различные выставки, форумы и конференции, где наглядно показана важность правильного воспитания, ведь от этого зависит будущее нашей страны. Документ направлен, в первую очередь, на создание благоприятных условий для самореализации и развития. [2]

Таким образом, необходима своевременная реакция на цивилизационные вызовы и непрерывное развитие сферы молодёжной политики, также требуется постоянный анализ. Ведь именно от молодёжи зависят очень много сфер нашей жизни, начиная от сохранения истории до подготовки профессиональных кадров.

1. *Социология молодежи : учебник для вузов / Р. В. Леньков [и др.] ; под редакцией Р. В. Ленькова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 357с.*
2. *Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ "О молодежной политике в Российской Федерации".*
3. *Событийность в социально-патриотическом воспитании молодёжи / Мясоедов А.И., Иванова С.П. – Научный журнал Дискурс. 2018. № 11 (25). С. 86-92.*

ВЛИЯНИЕ МЕДИАПЕРСОН НА РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЁЖИ (НА ПРИМЕРЕ СЕТИ ИНСТАГРАМ)

**Глазунова Светлана Евгеньевна,
Окова Анастасия Николаевна, Чунихин Илья Владимирович
МГУ им. М.В. Ломоносова**

В условиях медиатизации общества социальные сети оказывают все большее влияние на сферы жизни общества [3, 92]. Они формируют отдельную социальную реальность со своими моральными нормами и ценностями. Такие изменения касаются

прежде всего молодежи, именно эта группа принимает активное участие в развитии и распространении социальных сетей [4, 53].

Среди множества похожих друг на друга платформ, выделяется отдельная социальная сеть под названием «Instagram», основной аудиторией которой является молодежь [5]. На данной платформе крайне быстро меняются тренды, поэтому четко прослеживается влияние медиаперсон, лидеров мнений и так называемых «трендсеттеров» на молодежь [2, 189]. Социально-коммуникативная деятельность медиаперсон является важным инструментом влияния на общественное мнение. Вследствие чего лидеры мнений играют значительную роль как распространители инноваций и идей среди молодежи, акселерации поведенческих норм и социальных установок молодого поколения.

В работе рассмотрен пример влияния медиаперсон на предпринимательский потенциал современной молодежи. Целью исследования является определение механизма влияния инстаграм-блогеров на предпринимательский потенциал современной молодежи и ответ на вопрос, каким образом оказывают влияние медиаперсоны на современную молодежь. В качестве основного метода сбора первичной информации в исследовании использовался метод анкетного опроса.

В ходе исследования было опрошено 22,4% мужчин и 77,6% женщин в возрасте от 14 до 30 лет, представляющие категорию молодежь. В результате исследования было установлено, что чем выше у респондента ценность материальной независимости, тем больше мотивация интересоваться предпринимательством. Чем выше эффективность социально-коммуникативной деятельности медиаперсон, тем больше мотивация респондентов повторить их успех.

Основная часть респондентов доверяет информации в блоге медиаперсон, но не полностью: 41,4% оценили свое доверие на 4/5 и 36,8% на 3/5. 69,1% опрошенных отметили, что медиаперсоны повлияли на их желание завести собственное дело. На основании этих данных можно сделать вывод о наличии определенного влияния медиаперсон на мотивы и желания их подписчиков.

Таким образом, на основании проведенного эмпирического исследования подтвердились гипотезы о влиянии медиаперсон на современную молодежь и на развитие предпринимательского потенциала молодежи. Медиаперсоны действительно выступают в качестве референтной группой для молодёжи и являются одними из агентов социализации в условиях медиатизированного общества [1, 428].

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕМЬЕ У ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ

**Граховская Вера Богдановна,
Первова Ирина Леонидовна**
Санкт-Петербургский государственный университет

На современном этапе развития общества проблема готовности подрастающего поколения к семейной жизни приобретает все большее значение. В образовательных учреждениях нет комплексных программ, нацеленных на повышение социальной компетентности в области построения семейных отношений. Зачастую, молодежь подходит к выбору супруга или партнера без должной ответственности, что подтверждается большим числом разводов, наличием незарегистрированных отношений и беспорядочных сексуальных связей. [1] Проявления асоциального поведения, разводы, отсутствие необходимого контроля за детьми приводят к появлению детей-сирот и социальных сирот.

Семейное воспитание в условиях детского дома является актуальной проблемой воспитательного процесса. Воспитанники детских домов находятся вне рамок института семьи. В семье как социальном институте распределяются социальные роли и статусы, регулируется поведение каждого члена семьи, происходит передача ценностей, дети наблюдают за моделями поведения родителей. Семья также выполняет такие функции как формирование нравственных ценностей, супружеской ответственности, отцовских и материнских, сыновних и дочерних привязанностей, которые необходимы для построения будущей семейной жизни. Часть детей–сирот до попадания в интернатные учреждения воспитывались в неблагополучных семьях, и их представления о семье и семейной жизни, зачастую, являются искаженными. Отмечается что, они не осознают такие ценности как близость взаимоотношений матери и ребенка, долг, ответственность.

Проблемы воспитания детей–сирот отражены в работах Сизякиной Н.Я. [2], Байбородовой Л. В. [3] и других ученых. Исходя из этого, целесообразно говорить об «искаженном» формировании «образа семьи» у детей–сирот, лишенных семейного воспитания [2, 537]. В исследовании А.С. Шубиной отмечается, что образ семьи является для детей-сирот более значимым по сравнению со сверстниками воспитывающимися в семьях, что выражается в преобладании семьи как мотивационного объекта, чувствительности к сложившейся в настоящее время социальной ситуации. Ребенок, принимая статус сироты, либо идеализирует образ кровной семьи, либо обесценивает. [4]

«Искусственное» формирование образа семьи происходит под действием стереотипов, навязываемых массовой культурой и влиянием референтной группы, к которой относит себя подросток, а также той субкультуры, которой он привержен. Немаловажная роль в формировании образа семьи отводится современному интернет-контенту. Блогеры, лайкеры, тиктокеры, стримеры занимают внимание и пустующее место значимого взрослого для ребенка, навязывая собственное мировоззрение и стиль поведения. Западные примеры альтернативных форм семьи подрывают многовековые устои российских семейных ценностей. Пропагандируемые семейные отношения меньшинства, по сути, не являются семьей и явно не согласовываются с положениями принятой в России Конституции. Формирование образа семьи во многом зависит от состава родительской семьи (той, в которой воспитывался ребенок до поступления в детский дом), либо от усвоенного имиджа семьи из литературы и кинофильмов.

С целью формирования позитивного имиджа семьи у воспитанников детских домов необходимо разрабатывать программы, направленные на:

обогащение мотивационно-ценностной направленности личности воспитанников, нравственного начала гендерных отношений;

воспитание таких личностных качеств как ответственность, социальная рефлексия
расширение специальных знаний по вопросам пола, семейной экономики и

психологии, права;

развитие умений и навыков по взаимопониманию и общению, ведению хозяйства, уходу за детьми. [5, 49]

Вышеперечисленные параметры можно дополнить следующим:

обогащение мотивационно-ценностной направленности личности посредством обращения к морали, культуре и нравственным началам гендерных отношений;

воспитание таких личностных качеств как саморегуляция (воля), терпимость, заботливость, целеполагание, снижение агрессивности и внушаемости;

расширение специальных знаний по вопросам пола, репродуктивности, понимание медицинской, психолого-педагогической и юридической терминологии;

развитие умений и навыков через позитивную практику копирования поведения взрослых

По мнению практикующих педагогов детского дома, воспитанникам свойственно желание создать нормальную семью. Но, несмотря на желание иметь семью, выпускники интернатов сталкиваются с трудностями в создании собственной семьи и ее сохранении.

У них создается особенное представление о семье, как о чем-то далеком и неизведанном. Представление о семье формируется на основе оставшихся в памяти воспоминаний о жизни в семье (кровной или приемной), пережитом опыте общения со всеми родственниками (состав семьи). Специалисты выделяют факторы, положительно влияющие на создание образа семьи – наличие братьев и сестер (они вместе сохраняют воспоминания о жизни в семье), временное пребывание в семьях граждан (по разрешению органов опеки), в гостях у друзей, просмотр фильмов, ролевых игр и тематических мероприятий. Представление о семье также формируется и на основе приобретенных стереотипов, а не только из прошлых воспоминаний. Наличие тренинговой квартиры оказывает позитивное влияние на формирования реальных представлений о семейном быте. [6]

Сложившаяся система работы с воспитанниками детских домов включает:

- метод сотворчества, дающий возможность воспитателю быть не только организатором мероприятия, но и его активным участником;
- игровой метод: ролевые игры и произвольные игры, моделирование ситуаций;
- сказкотерапия: воспитанник сочиняет сказку о семье, что способствует формированию у него представления о семье, семейных ролях и т.д.;
- кейс-технологии: ребенок примеряет на себя разные семейные роли и ищет выход из конфликтных ситуаций;
- арт-педагогические методы: рисунки семьи, сочинения на тему «Как я вижу свою семью», просмотр фильмов о семье, рисунки, лепка из пластилина;
- организация семейных праздников (дни рождения, Новый год и др.)
- тематические беседы (например «Семья и семейные обычаи», «Женские и мужские обязанности в доме»)
- проведение мероприятий, нацеленных на развитие бытовых навыков, оформления домашнего интерьера, развитие эстетического вкуса и восприятия (например, генеральные уборки, трудовые часы, работа в мастерской, занятия по домоводству).

В качестве дополнения к имеющимся подходам в работе с детьми-сиротами, можно предложить следующие мероприятия:

- повышающие уровень полового образования и репродуктивного здоровья (с участием медицинских работников)
- объясняющие правовые основы супружества (с участием юристов)
- затрагивающие нравственную и религиозную сторону гендерных отношений (с участием священнослужителей)

1. Келасьев В.Н., Первова И.Л. Социальная компетентность: уровни, структура, стратегии формирования: монография / В.Н. Келасьев, И.Л. Первова. — СПб.: Астерион, 2019.
2. Сизякина Н.Я. К вопросу о формировании положительного образа семьи у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 10. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/10/58246> (дата обращения: 07.10.2021).
3. Социальная педагогика. Профорентация и самоопределение детей-сирот : учебное пособие для вузов / Л. В. Байбородова [и др.] ; ответственный редактор Л. В. Байбородова. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 189 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-08343-9. — Текст : электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/452320>
4. Шубина А.С. Образ семьи в картине мира детей, оставшихся без попечения родителей: автореф. дис. канд. психол. наук. Волгоград: Перемена, 2009
5. Социальная компетентность и технологии её формирования в современном обществе (сфера социальной работы) / Под науч. Ред. В.Н. Келасьева, И.Л. Первой. — СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. Ун-та, 2010.
6. Граховская В.Б. Доклад «Добровольческая деятельность благотворительных организаций в области оказания помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К ВОИНСКОЙ СЛУЖБЕ В АРМИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Грачев Виктор Григорьевич

Уральский институт управления филиал РАНХиГС

Служба в рядах Вооруженных сил РФ является важнейшей государственной задачей и имеет приоритетное социальное значение. Социологические исследования, которые проводились в последние годы по выявлению престижности военной службы среди лиц молодого возраста, показывали неоднозначные результаты [1, 242]

Актуальность данной темы обусловлена тем, что образ современной армии для молодежи имеет негативный характер. Все больше молодых людей пытаются избежать службы в армии, уклоняясь от нее. В чем же причины такого поведения?

Нами был проведен пилотажный социологический опрос для выявления основных причин избегания службы в армии и возможные пути решения данной проблемы. Методом сбора социологической информации послужило анкетирование (N=100 респондентов от 17 до 35 лет, мужского пола)

Основными причинами уклонения молодых людей от службы в армии, которые были отмечены в ходе анкетирования, были:

1. Ущерб физическому и психологическому здоровью (42%)

В СМИ часто анонсируются различные случаи неуставных взаимоотношений между военнослужащими, которые приводят вплоть до необратимых последствий. Молодежь боится угнетения и насилия со стороны старших по званию, прослуживших дольше в армии людей.

3. Опасение, что год в армии будет потерян и прожит впустую (27%)

Множество молодых людей уверены, что могли бы реализовать себя в различных сферах (бизнесе, хобби и т.д.) вместо периода пребывания в армии.

2. Изоляция и отдаление от близких людей (семьи, девушек, невест и т. д.) (16%)

Многие представители молодежи в возрасте 18 лет и старше еще не отдалялись от своих родных и близких на длительный срок. Здесь важную роль играет фактор индивидуально-личностных особенностей психологической адаптации в новой социальной среде.

Также респонденты отметили такие причины, как: простое нежелание служить в армии, наличие ребенка, наличие внутренних убеждений и принципов и т.д. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что многие опасения со стороны молодого поколения в адрес службы в армии исходят из несовершенства структуры и функционирования данного института.

В связи с этим мы предлагаем ряд решений для привлечения представителей молодежи к военной службе:

1) В различных пунктах прохождения военной службы установить контроль за деятельностью людей с воинским званием от представителей гражданского общества (туда могут входить родственники и близкие военнослужащих);

2) При создании гражданского общества наблюдателей, в число которых входят представители интересов военнослужащих (их родственники, близкие и т. д.) решается проблема отдаления от дорогих молодым людям людей. Нужно обеспечить контакт и выделить время для встреч с семьей.

3) Показать престижность армии как социального лифта. То есть, осветить те профессии, на которые могут претендовать представители молодежи, проходившие военную службу.

Данные условия должны соблюдаться во всех пунктах прохождения воинской службы.

Необходимо сделать еще ряд социологических исследований для глубинного изучения данной проблемы и ее решения.

1. Чвякин В. А., Григорьев Н. Ю. Престижность военной службы в системе ценностей современной российской молодежи: социологический анализ // Гуманитарий Юга России. 2019. Том. 8. № 6. С. 241-253.

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА ВОЗВРАТНОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЮ МОЛОДЕЖИ СТРАН СНГ В ВОЗРАСТЕ ОТ 15 ДО 29 ЛЕТ

Гуляева Анна Степановна

ФГБОУ ВО "Алтайский государственный университет"

Грант Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации № НШ-2632.2020.6 «Возвратная миграция и миграционная политика: адаптивные стратегии переселенцев и принимающего населения в приграничных регионах

В настоящее время вопросы возвратной миграции являются актуальной темой исследований. Количество русскоговорящего населения, проживающего на территории стран СНГ и бывшего СССР, представляет особый интерес для оценки потенциала миграционного потока соотечественников. Следует отметить, что для России, как страны реципиента, важным является не только количество, но и качество мигрантов – их резерв для социально-экономической сферы страны, а также их миграционная подвижность. Наибольший интерес представляют русскоязычные соотечественники трудоспособного возраста, способные оказать влияние главным образом на социально-экономическую, демографическую ситуацию в стране. В связи с этим следует проанализировать количество соотечественников среди молодежи в возрасте от 15 до 29 лет как наиболее ресурсную группу миграционного потока.

Так, по данным Статкомитета СНГ на 2009 год, в Азербайджане проживало 119,3 тыс. русских, что составляет 1,3 % населения, среди них 34,4 тыс. человек в возрасте 15-29 лет – 28,8 % по отношению к числу лиц данной национальности. В Армении количество русских составляет 11,9 тыс. (0,4 % населения) из них 2,2 тыс. молодежь в возрасте 15-29 лет – 18,5 % русских на территории Армении. Большое количество представителей русской национальности среди населения Беларуси – 785,1 тыс. человек (8,3 % населения страны) доля лиц в возрасте от 15 до 29 лет 14,9 % (116,9 тысяч), а также Республики Казахстан – 3793,8 тысяч человек (23,7 % населения) из них 926,5 тыс. молодые граждане страны (24,4 % русских). В Кыргызстане проживает 419,6 тыс. русских, что составляет 7,8 % населения государства, их них 24,1 % это лица в возрасте 15-29 лет – 101,1 тыс. человек. Большой потенциал среди стран исхода представляет Молдова. Так, по данным на 2014 год на территории страны насчитывалась 181,0 тыс. русских граждан (6,5 % населения), 17,0 % из них лица 15-29 лет. В Таджикистане по данным 2010 года 34,8 тыс. русских, что составляет лишь 0,5 % населения, среди них 7,6 тыс. молодые граждане. Также многочисленны русские в Узбекистане. Так в 2016 по данным текущего учета на территории страны проживали 750,0 тыс. русских (2,3 % населения). Таким образом, численность категории граждан от 15 до 29 лет среди

русского населения в количественном отношении можно ранжировать в порядке убывания следующим образом: Республика Казахстан (926,5), Беларусь (116,9), Кыргызстан (101,1), Азербайджан (34,4), Молдова (30,7), Таджикистан (7,6), Армения (2,2) [1,120].

При оценке потенциала миграционного потока возвратных мигрантов важно учитывать, что с момента распада СССР прошло более 25 лет. За это время, у русского населения, проживающего на территориях бывших советских республик, родилось приблизительно около 2 млн. детей. У данных граждан сформировался другой менталитет, который отличается от менталитета людей, проживавших в советское время. Воспитанные в других социально-экономических, политических и культурных условиях, они адаптированы к другим реалиям. Это приводит к увеличению процента населения, который вырос вне СССР и сокращению процента трудоспособных соотечественников. Таким образом, можно сделать вывод, что потенциал для России в странах СНГ, с учетом возрастной динамики и социального преобразования, в несколько раз ниже, чем количество проживающих русских на территориях бывших советских республик.

1. *Молодежь в Содружестве Независимых Государств: статистический портрет / Статкомитет СНГ, ЮНФПА. М. 2018. – 175 с.*
2. *Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Храмова М.Н. Возвратная миграция соотечественников в Россию: существует ли миграционный потенциал? // Народонаселение. 2015. №2 (68)*

АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

**Данилов Александр Николаевич,
Щелкова Татьяна Викторовна
Белорусский государственный университет**

Глобальная нестабильность, с которой столкнулось человечество на рубеже тысячелетий, сама по себе несет угрозу безопасности жизни на земле и рассматривается как новый вызов времени. Глобальная нестабильность – это непредсказуемость будущего. В этих условиях уже сформировалось целое поколение, к которому принято относить молодых людей, родившихся на рубеже веков, и вступающих во взрослую жизнь в конце 20-х годов XXI века.

Нынешнее поколение молодежи Беларуси вступило во взрослую жизнь в условиях суверенной Беларуси, когда социальные институты вынуждены постоянно приспосабливаться к переменам. Ю.Н. Харари утверждает, что «...в XXI веке стабильность, по всей видимости, станет непозволительной роскошью. <...> Оригинальность будет постепенно превращаться в новую норму, и ваш прежний опыт, как и прежний опыт всего человечества, станет менее надежным помощником» [2, 320]. Происходит постепенная трансформация базовых ценностей, меняются жизненные планы и адаптивные стратегии молодежи.

Нынешней молодежи уже есть что терять. Реализуя свой адаптационный потенциал, она ориентирована на нововведения и хочет жить в мире, где считаются с ее мнением, хочет участвовать в научно-техническом прорыве, по-инновационному подходить к решению экономических проблем, рачительно использовать природные ресурсы, создавать экологически чистые производства, идентифицировать себя со своей родиной и быть своей в глобальной мировой деревне. Людей ведут в будущее «идеалы, связанные с мечтой о справедливом обществе, с обеспечением стабильности, с надеждой на возвращение... к национальным традициям» [1, 179].

В.А. Ядов отмечал: «Выход из этого болезненного состояния лежит на путях адаптации к меняющемуся миру, которая тоже существует, как правило, в двух противоположных вариантах. Есть активный способ приспособления к новым условиям жизни и пассивный. Активный – это путь становления современного прогрессивного человека, участие в предпринимательской, общественной или политической деятельности, принятие ответственности за все происходящее в обществе на себя. А пассивный путь – это ожидание, что все так-то образуется само по себе, надо только плыть по течению, а оно само тебя вынесет на берег социальной стабильности и благополучия» [3, 32-33]. В обоих случаях мы имеем дело с процессами преодоления травматического состояния, пусть и с разной степенью адаптивной нагрузки. Время активизирует процесс адаптации, успешность которой во многом детерминирована адаптационным потенциалом, вносит свои коррективы в ее ресурсы, практики, механизмы и вновь обращает наши взоры к университетам, где, в принципе, и выстраивается наше будущее.

ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Демидова Анастасия Владимировна,

Демидова Дарья Андреевна

Финансовый университет при Правительстве РФ

К нехимическим зависимостям, то есть аддикциям, при которых объектом зависимости вместо психоактивных веществ становится некий образец поведения, относятся следующие виды: интернет-зависимость, зависимость от компьютерных игр, гаджет-зависимость, которая проявляется в желании приобретать новейшие виды техники, шопоголизм, зависимость от еды, трудоголизм, фанатизм (в разных сферах деятельности) и т.д.

Все вышеперечисленные виды аддикций становятся все более ощутимы в современном обществе. На первый взгляд нехимические зависимости выглядят безобидно и не воспринимаются всерьез. Однако их недооценивание, к сожалению, может привести к плачевным последствиям. Своевременное выявление существующих проблем и помощь людям, которые страдают от эмоциональной или психологической привязанности к тому или иному виду деятельности, возможно с помощью исследования общественного мнения и проведения специализированных анкетирований среди населения. [1]

Важность этой темы обусловлена многими обстоятельствами. Прежде всего, для нашего времени характерны стремительные темпы изменений и развития, к которым человек часто не успевает привыкнуть и адаптироваться. Также необходимо понимать наличие у людей индивидуально-психологических и личностных особенностей, которые в свою очередь предрасполагают к нехимическим зависимостям.

В этой статье будут рассматриваться такие виды зависимостей как интернет-зависимость и зависимость от социальных сетей как частный случай. По статистике молодежь наиболее подвержена вышеперечисленным разновидностям аддикций, однако не следует умалять возможность интернет-зависимостей среди более старшего поколения.

Интернет-зависимость. Говоря о зависимости от интернета, можно описать это явление в двух словах: всепоглощенность Интернетом. Для людей, страдающих от интернет-зависимости, настолько важно постоянно пребывать в онлайн-пространстве, что из-за этого страдает их реальная жизнь. [2] Возникают проблемы с общением, страдают отношения с другими людьми – друзьями, родственниками, коллегами.

Можно выделить следующие критерии интернет-аддикций:

Потребность проводить в сети как можно больше времени;

Постоянно повторяющиеся попытки увеличить количество проводимого в Интернете времени;

Симптом отмены, который вызывает постоянное беспокойство;
Невозможность контроля времени или сложности с этим;
Непредсказуемое изменение настроения.

Для более четкого понимания проблемы интернет-зависимостей в ключе исследования общественного мнения, следует разобрать причины появления такой проблемы.

Сегодня развитие технологий, а в частности Интернета, достигло таких масштабов, что с помощью данного инструмента человек способен удовлетворять многие из своих потребностей. Глобальная сеть содержит в себе практически все, чем может интересоваться человек. Согласно данным последних исследований современная молодежь в трудных ситуациях предпочитает уходить из реального мира в мир фантазий. Такая стратегия поведения становится все более популярной.

Зависимость от социальных сетей. Зависимость от социальных сетей можно охарактеризовать как аддикцию, проявляющуюся в процессе чрезмерного пребывания онлайн в социальных медиа.

Нельзя отрицать тот факт, что социальные сети сильно изменили уклад нашей жизни. Однако у любого изменения есть как положительные, так и отрицательные стороны. К положительным можно отнести: безграничность и свободный доступ к любой информации, возможность общения с друзьями, родственниками, знакомыми на больших расстояниях, свобода действия в сети, возможность творческой реализации и заработка онлайн. [3]

Конечно, несмотря на все преимущества социальных сетей, существуют и недостатки. Например, частое увлечение соцсетями в ущерб реальной жизни, может привести к психологическому пристрастию к социальным сетям, то есть к определенной болезни.

Одна из самых больших проблем, связанных с зависимостями от социальных сетей – это их *постепенное* возникновение. Сначала человек может даже не понимать, что он зависим. Отрицательные факторы, которые влияют на отношения между социальными медиа и их пользователями, накапливаются со временем и отследить их появление достаточно сложно.

Зависимость от социальных сетей – динамичный процесс. Сначала человек проявляет интерес к разным типам социальных сетей, регистрируется, рассказывает информацию о себе, ищет друзей и подписывается на различные группы и аккаунты. Затем он активно погружается в виртуальную среду и закичивается на бесконечной переписке, просматривает видеоролики и часто это приводит к бессмысленному обновлению страниц в поисках новой информации. Затем это перерастает в патологическую зависимость. [4] По мнению многих, день без посещения социальной сети скучен и непродуктивен.

Таким образом, виртуальное общение – это быстрый способ получить информацию в любое удобное время. Из-за высокого уровня доступности информации о жизни конкретного человека, она перестала быть только его собственностью. С развитием социальных сетей у многих молодых людей появляются две жизни: одна в социальной сети, вторая - в реальности.

Интернет способен удовлетворять наши потребности и нужды в доступной форме. Однако неконтролируемое использование этого ресурса может привести к плачевным последствиям. Следует помнить, что ни Интернет, ни, в частности, социальные сети никогда не смогут заменить реальную жизнь.

Необходимо понимать риски, которые могут быть связаны с использованием Интернета и соцсетей для того, чтобы предотвратить нежелательные результаты той или иной деятельности.

1. Нестеркова Я. И. Интернет-аддикция: ноогенный феномен нехимической зависимости// *Актуальные проблемы современной науки*, 2017. С. 53-56.
2. Психологические особенности нехимических зависимостей [Электронный ресурс] – URL: <https://clck.ru/V2yFX> (Дата обращения: 20.05.2021)
3. Орлова И. О. Зависимость от социальных сетей, или вирус 21 века// *Сборник статей по материалам VIII международной научно-практической конференции*, 2018. С. 138-144.
4. Зависимость от социальных сетей среди молодежи// *Сборник материалов Всероссийской (с Международным участием) научно-практической конференции*, 2020. С. 302-306.

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ СЕМЬЯ КАК ОБЪЕКТ СЕМЕЙНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РФ

**Демкина Татьяна Андреевна
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»**

В нашем многонациональном государстве межэтнические браки – это широко распространенное явление, и знать, а тем более правильно понимать психологические особенности людей в многонациональной семье – важнейшая задача ученых и социальных работников. Как показывают социальные исследования и практика, семья закладывает основы взаимоотношений человека с представителями иных этнических общностей, и от того, какими будут эти взаимоотношения, зависит многое в жизни общества. Именно в семье с малых лет люди становятся носителями традиций и привычек, социальных и моральных ценностей нации, к которой они принадлежат.

Отправной точкой готовности человека к вступлению в брак и созданию семьи является его понимание важности семейных отношений, взаимных обязательств, ответственности за семью и детей, а также добровольное принятие невзгод и ограничения личной свободы, неизбежных в семейной жизни. Очевидно, что все эти характеристики имеют собственное национальное выражение. Можно также сказать следующее: каждая этническая общность вырабатывает личные представления о том, какими должны быть эти характеристики, и стремится сохранить их в национальном сознании, традициях, действиях и взглядах представителей своего этноса. Если супруги – представители разных национальностей, зачастую не все складывается гладко, на их пути возникает много трудностей, которые необходимо преодолеть, не ущемляя национального достоинства каждого. Это самое трудное и опасное время с точки зрения стабильности брака, когда даже небольшие споры, особенно те, которые имеют этническую окраску, могут отдалить людей друг от друга [7, 373].

Продолжающиеся процессы трансформации в нынешнем обществе определяют возникновение новых форм и моделей семьи (гостевые, коммунальные, открытые, сезонные, моногамные, пробные), в свою очередь обостряя социокультурные противоречия между традиционными и современными стереотипами супружеских отношений.

Оценка межэтнического брака – вступать или не вступать – зависит от субъективного внутреннего мира человека, от его готовности принять новые культурные элементы как ценности. В то же время респонденты склонны более негативно воспринимать межнациональные браки, чем не состоящие в браке. Это связано с тем, что сфера брака является важной ценностью для человека, поэтому многие из них удовлетворяют потребность в браке, выбирая партнера иной национальности.

В то же время, исследование существующей проблемы показывает неоднозначность понимания сути широко используемого понятия «межэтнический брак». Исследователи используют различные терминологические определения: «межэтнический», «межнациональный», «кросскультурный» брак, что затрудняет выявление и учет специфики указанного социокультурного феномена.

Например, можно сослаться на статью Р. А. Багаряна, в которой понятие «межнациональный брак» имеет разные смысловые оттенки: «межнациональные браки отображают тенденции интернационализации в этнокультурной среде», затем автор продолжает: «межэтнические браки существуют столько же, сколько и сам институт брака...», и после: «тенденции развития национально-смешанных семей на сегодняшнем этапе в нашей стране...», в конце статьи: «...возрастает количество этнически-смешанных браков» [2, 276]. Таким образом, сложность изучения межнациональных браков заключается в разнообразии терминов, которые можно использовать для обозначения этого термина, при этом его семантическое значение остается неизменным.

Анализ работ, посвященных данной проблеме, показывает, что исследователи зачастую не разделяют концепций, связанных с атрибуцией значимых характеристик брака между представителями разных этнических групп.

А. Ю. Корнюх считает, что главнейшим критерием их различия являются «особенности этнокультурной социализации индивида (брачного партнера). Исходя из этого, межнациональный брак – это супружеская связь, заключенная между лицами разной национальности, процесс социализации которых происходил в разных этнокультурных средах. Например, к такому типу брака можно отнести брак между русской, которая родилась и проживает или проживала на территории, к которой она принадлежит этнически, и между, к примеру, французом, который вырос на своей этнической территории. Взаимоотношения в таком браке существенно зависят от традиций воспитания, экономического и социального состояния общества и т. д. Все эти аспекты прямо или косвенно связаны с культурой и обычаями этноса каждого из партнеров. Межличностные отношения в таких семьях имеют свою специфику, поскольку именно в таких браках большинство конфликтных ситуаций возникают на почве различий в представлениях пары о способе жизни, ценностях и традиционных ожиданиях, обусловленных их этнической принадлежностью» [5, 62].

К аналогичному мнению приходит А. А. Минасян, изучающий отношения в межэтнических семьях, который допускает тот факт, что причиной разрушения супружеских отношений могут быть противоречивые потребности супругов, основанные на различиях в их национальных культурах, которые, в свою очередь, отвечают за формирование специфики национального сознания и самосознания пары. Отсюда вывод о том, что успешная адаптация супружеской пары в межнациональном браке зависит от того, насколько они способны преодолевать разногласия, обусловленные спецификой их национальных культур [7, 373].

Что касается часто употребляемого понятия «межэтнический» брак, то, на основании предложенного критерия его можно охарактеризовать как супружеские отношения между людьми разных национальностей, процесс социализации которых проходил в одной этнокультурной среде. Примером такого типа брака можно считать брак между этнической русской и этническим татаринном, родившимися и выросшими на одной территории, к примеру, в Республике Мордовия. В этом случае процесс адаптации будет иметь меньшую степень выраженности противоречий, поскольку социализация характеризуется включением индивидов в единую систему социальных структур и отношений.

К наиболее характерным особенностям межнациональных браков мы относим следующие:

наличие специфики ожиданий, установок брачной пары, которые имеют национальную окраску и часто не совпадают, или даже являются противоположными. В частности, люди разных национальностей по-разному относятся к внутрисемейным проблемам, имеют разные взгляды на пути их решения. Если для украинца является типичным обсуждение его семейных проблем в кругу друзей, то, скажем, в культуре болгар такое поведение недопустимо. Подобное отличие наблюдается и относительно мужских и женских ролей в смешанном браке. Так, различия в гендерных ролях зависят

от меры маскулинности и фемининности той или иной культуры. Маскулинность характеризует манеру поведения и предоставление преимущества так называемым «мужским» ценностям, принятым в обществе. Чем выразительнее проявляются мужские ценности, тем сильнее маскулинность. На основе кросскультурных исследований доказано, что представители фемининных культур, как правило, не делают акцент на лидерстве мужчин в семье, имеют личноориентированные отношения и признают семейное равенство (Финляндия, Дания, Швеция, Норвегия). В то же время культуры с ярко выраженной маскулинностью признают доминирующую роль мужчины (Греция, Япония) и создают семьи, ориентированные на жесткие гендерные ролевые позиции, в которых мужчина однозначно выступает в роли лидера. Соответственно, конфликты в таких семьях могут возникать на почве разных ожиданий партнеров, которые в свое время были закреплены в традициях, культуре родительской семьи;

особенности доминирующего способа жизни, обусловленные этнической принадлежностью супружеской пары, которые влияют на характер отношений в семье. Автор межкультурного подхода к проблеме внутрисемейных взаимоотношений Ф. А. Мустаева отмечает, что каждый отдельный индивид склонен рассматривать мир сквозь призму личного опыта, точнее той конкретной системы культуры, в которой он рос и формировался как личность. Это приводит к тому, что в семейных отношениях супруги с некоторой осторожностью относятся к незнакомым обычаям, ценностям и способам поведения другого. В связи с этим, Ф. А. Мустаева доказывает, что «плюралистическое сосуществование во многих семьях и группах, где каждый придерживается разных философских, религиозных, этических взглядов и живет в соответствии со специфическими производственными отношениями и правилами людского поведения, становится нормой воспитательных отношений внутри отдельной семьи. Это превращает транскультурный подход в основу межличностных отношений» [8, 109];

характер этнической самоидентификации детей, которые автоматически от момента своего рождения попадают в полиэтнокультурное пространство. Г. Варро, рассматривая проблемы смешанных браков во Франции, подчеркивает, что первое поколение таких наследников имеет «смешанную» идентичность, поскольку они ощущают так называемые последствия определенного «культурного конфликта». В некоторых случаях исследователи говорят не просто о смешанной или двойной идентичности, а об идентичности ситуационной, вкладывая в понятие особый смысл. В частности, Г. Варро именно так называет саму ситуацию, когда люди вступают в смешанные браки, – «этнической аномалией». Наследники смешанных браков, которые появились в результате таких «аномалий», в зависимости от конкретной ситуации могут приобрести обе идентичности, а могут не приобрести никакой [, с. 37].

Детерминанты отношения к межнациональному браку представлены на рисунке 1 [1, 85].

Таким образом, межэтнический брак – это форма межличностных отношений между мужчиной и женщиной, которые граждански принадлежат к разным национальным общинам, исторически сложившимся в границах двух разных территориально-государственных образований.

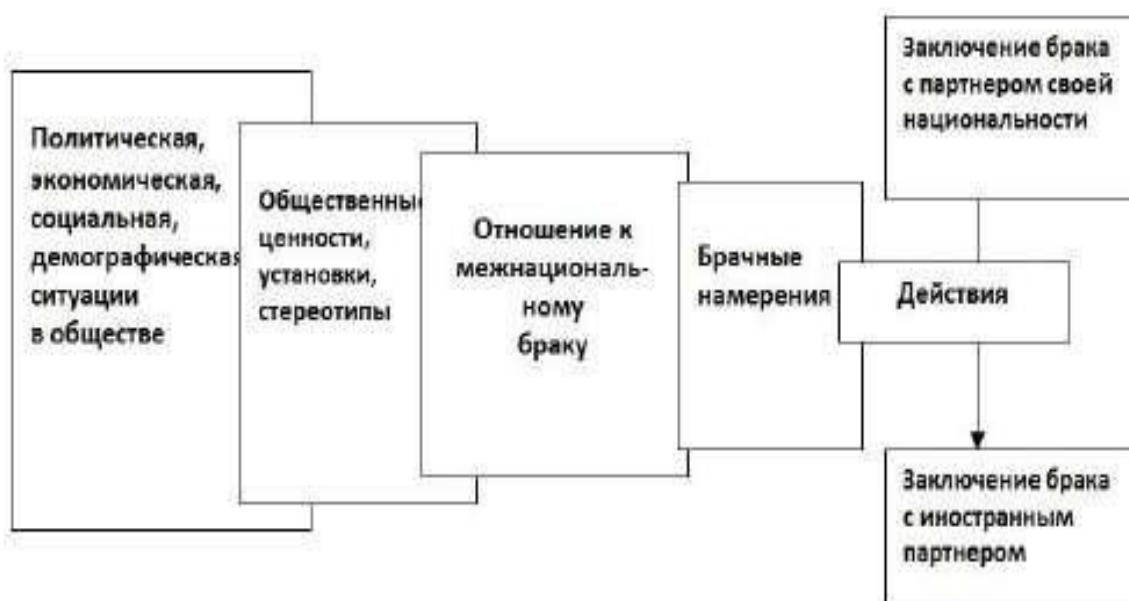

Рисунок 1 – Детерминанты отношения к межэтническому браку

Отрицательные стороны такого брака – несоответствие культур, традиций и обычаев супругов, а также подход к воспитанию детей. В некоторых случаях такие пары сталкиваются с непониманием, неодобрением и осуждением со стороны родственников и близких друзей семьи.

Но помимо отрицательных, можно выделить и положительные моменты. По мнению многих исследователей, межэтнические браки считаются более стабильными: супруги учатся терпимости, взаимной адаптации в новой культурной среде, а дети в таких семьях отличаются здоровьем и оригинальными способностями.

История часто доказывает, что супруг в отношении себя придерживаются более «разрешающих» взглядов, чем в отношении супруги. Супруга же придерживается более «равноправных» взглядов.

На протяжении веков культуры разных народов веками формировали традиции, нравы, нормы взаимоотношений. Эти традиции, нормы и нравы предъявляют требования к поведению всех членов семьи, но в большей степени предъявляют требования к поведению супругов.

Важным вопросом при изучении сущности межэтнических семей остается проблема межнациональных взаимоотношений и стереотипизации межнационального восприятия. Глобализация, которая является отличительной чертой современности, внесла коренные изменения в условия жизнедеятельности многих этносов, когда экономические и политические взаимоотношения перешли на общемировой уровень. В этих условиях степень изученности стереотипов межнационального восприятия одних народов другими, путей формирования и распространения этих представлений оказывает значительное влияние на будущие взаимоотношения внутри семьи.

Под стереотипом традиционно понимаются обобщенные представления о характерных чертах определенных социальных или этнических групп. Особое внимание в исследовании стереотипов уделяется их роли в когнитивном восприятии мира [10, 137].

Этнический (национальный) стереотип – это тип стереотипа, который встречается в традициях любой этнической группы и обычно имеет глубокие исторические корни. Устойчивые национальные стереотипы постоянно поддерживаются массовым сознанием и, как правило, редко подвержены изменениям.

В 1933 г. американскими учеными Д. Кацем и К. Брейли была разработана методика исследования национальных стереотипов, экспериментально реализованная на выборке из ста студентов Принстонского университета. Результаты эксперимента показали, что большинство студентов на удивление единодушны при определении черт, которые присущи той либо иной этнической группе. В связи с чем, Д. Кац и К. Брейли дали следующее определение: этнический стереотип является «устойчивым мнением, мало согласующемся с той реальностью, которую оно стремится представить, из-за присущего человеку свойства вначале обозначить явление, а затем уже его наблюдать» [3, 34].

Стереотипное восприятие какого-либо конкретного этноса реализуется как извне, посредством гетеростереотипов – системы представлений о другом, – так и изнутри, с помощью автостереотипов, – системы представлений о себе. При нормальной и положительной национальной идентичности автостереотипы в большинстве случаев позитивны и могут быть иллюстрацией явления, названного Л. Гумилевым «внутриэтнической комплиментарностью», т. е. симпатией к членам своего этноса [3, 35].

По мнению С. В. Колударова, автостереотипы, обычно, коннотативно положительны, а гетеростереотипы – отрицательны, в связи с чем, самоперсонификации и персонификации других служат препятствием для вынесения объективной оценки. При этом, превышение количества положительных автостереотипов над положительными гетеростереотипами говорит о негативном отношении членов одного этноса к другому этносу, так как, по общему мнению, именно такое соотношение дает возможность этносу более четкой самоидентификации [4, 55].

При этом, по мнению А. О. Корнюх, «сознательная сочувственная оценка этноса и его дифференциация от других чревата не только двойными стандартами в оценке своих и чужих, но и формированием образа врага, что может вести к росту нетолерантных, агрессивных установок в массовом сознании, но и как это неприятно, активности, пассионарности индивидов». Автор полагает, что «динамика изменений гетеростереотипов и автостереотипов может дать обширный материал для размышлений о процессах, происходящих как с самим этносом, так и в сфере межнационального общения»

[5, 63].

Значительная роль, по мнению А. Г. Лидерса, принадлежит этническим стереотипам при осуществлении межконфессионального взаимодействия. Как известно, религиозная идентификация в значительной степени дополняет, а в некоторых случаях и полностью заменяет, этническую. В традиционном социуме достаточным поводом для причисления к нему становится принадлежность к общему вероисповеданию, и, наоборот, последователь иной религии подчас вызывает негативную реакцию: от настороженности до абсолютного неприятия. Исходя из того, что религиозный и этнический компоненты самоидентификации взаимодополняют друг друга, почвой для возникновения этнического стереотипа может быть отсутствие достаточных представлений о другой конфессии [6, 117].

По мнению Р. А. Багаряна, стереотипы существуют, главным образом, в двух формах: как стереотипы поведения (речевого), которые определяют поведение и действия, подлежащие выполнению в конкретной ситуации, и стереотипы-представления, которые определяют, чего следует ждать от того или иного индивида в какой-либо ситуации [2, 279].

Условия появления стереотипа межнационального восприятия обозначены в антропологическом исследовании стереотипных представлений о коренных американцах, отраженных в современных СМИ. Первым условием является «наличие группы, при этом идентичность индивидов, образующих эту группу, должна полностью соответствовать групповой идентичности и исчерпываться ею, в связи с чем этой группе дается имя собственное, условно обозначенное X». Далее, «появляется утверждение, что все

индивиды, относящиеся к группе X, имеют признак Y» (2). И, несмотря на то, что «в действительности утверждение, что признак Y принадлежит всем членам группы X ложно» (3), «утверждение о принадлежности признака Y группе X представлено таким образом, что запускается механизм гомогенизации и отчуждения индивидов группы X» (4). При соблюдении всех четырех условий получается стереотип.

Исходя из данной концепции, можно сделать вывод о том, что стереотипы всегда характеризуются ограниченным набором характеристик и качеств, приписываемых определенной этнической группе. Хотя, к примеру, в исследовании стереотипизации американских индейцев указаны 24 стереотипа, однако человеческое сознание в единицу времени может оперировать лишь тремя или четырьмя.

В целом, стереотип межнационального восприятия – это выработанные и усвоенные этносом устойчивые, эмоционально окрашенные стандарты восприятия в отношении самих себя (самовосприятие), других народностей, социальных и политических систем, вероучений и их институтов, событий национальной и общегосударственной истории. Исследование стереотипов межнационального восприятия важно для построения гармоничных отношений в межнациональной семье.

Таким образом, межэтнический брак – это форма межличностных отношений между женщиной и женщиной, которые граждански принадлежат к разным национальным общинам, исторически сложившимся в границах двух разных территориально-государственных образований.

Отрицательными сторонами такого брака являются несоответствие культур, традиций и обычаев супругов, а также подходов воспитания детей. В ряде случаев такие пары сталкиваются с непониманием, неодобрением и осуждением близких, родных, друзей. Но помимо отрицательных, можно выделить и положительные стороны. По мнению многих исследователей, межэтнические браки считаются более стабильными: супруги учатся терпимости, взаимной адаптации в новой культурной среде, а дети в таких семьях отличаются здоровьем и оригинальными способностями.

1. Антонов А. И. Социология семьи / А. И. Антонов, В. М. Медков. – Москва : Издательский дом Международного университета в Москве, 1996. – 304 с. – Текст : непосредственный.
2. Багарян Р. А. Социально-психологические признаки устойчивости межэтнического брака / Р. А. Багарян // Вестник ТГУ. – 2009. – № 2. – С. 276–280. – Текст : непосредственный.
3. Ильюшкин В. В. Стереотипы межнационального восприятия / В. В. Ильюшкин // International Scientific Review. – 2014. – № 1. – С. 34–40. – Текст : непосредственный.
4. Колударова С. В. Межнациональные браки как показатель миграционного процесса / С. В. Колударова // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2010. – № 7. – С. 55–56. – Текст : непосредственный.
5. Корнюх А. О. Межнациональный брак в контексте изучения трансформационных изменений института семьи и брака / А. О. Корнюх // Альманах современной науки и образования. – 2014. – № 12. – С. 62–64. – Текст : непосредственный.
6. Лидерс А. Г. Психологическое обследование семьи / А. Г. Лидерс. – Москва : Изд. центр «Академия», 2008. – 432 с. – Текст : непосредственный.
7. Минасян А. А. Межнациональный брак в системе межэтнического мультикультурного взаимодействия / А. А. Минасян // Наука – промышленности и сервису. – 2011. – № 6. – С. 373–377. – Текст : непосредственный.
8. Мустаева Ф. А. Социальные проблемы современной семьи / Ф. А. Мустаева // Социологические исследования. – 2009. – № 7. – С. 109–113. – Текст : непосредственный.
9. Шахбанова М. М. Межнациональный брак и его место в процессе формирования межэтнической толерантности / М. М. Шахбанова // Региональный вестник молодых ученых. – 2008. – № 1. – С. 84–87. – Текст : непосредственный.
10. Шевцова А. А. «Не женского ума дело» : гендерные стереотипы в межнациональных браках выходцев из Закавказья (по материалам этнографических экспедиций в Мордовию) / А. А. Шевцова // В мире научных открытий. – 2011. – № 4. – С. 137–144. – Текст : непосредственный.

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И НЕГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЫХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ЗА РУБЕЖОМ. ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА

Джангозян Стелла Юраевна

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00760

За последние десятилетия Российской Федерацией была проведена большая работа по поддержке соотечественников за рубежом. Значительно усилена правовая база, начата реализация конкретных программ содействия, в частности, молодому поколению представителей русской диаспоры в разных странах мира. Таким образом, поддержка соотечественников закрепились во внешнеполитической повестке как одно из актуальных и важных направлений работы органов государственной власти как на общефедеральном, так и на региональном уровнях.

В мае-июне 2021 г. в рамках научного исследования нами совместно с учеными из Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ был проведен опрос 31 эксперта по вопросам соотечественников из России и 15 стран ближнего и дальнего зарубежья [1]. Среди основных направлений, ставших объектом исследования, была оценка содержания и эффективности государственной и негосударственной поддержки молодых российских соотечественников. Анализируя полученные результаты, можно сказать, что большинство опрошенных специалистов положительно относятся к государственной поддержке молодых соотечественников со стороны РФ, при этом подчеркивая необходимость актуализации и повышения эффективности имеющихся механизмов защиты интересов молодых российских соотечественников, в частности программ социально-гуманитарного содействия молодежи. Необходимо отметить, что степень осведомленности о механизмах защиты интересов соотечественников и их результативность варьируются в разных странах, а подобные инициативы в целом воспринимаются неоднозначно [2, 152-153].

Среди наиболее популярных и эффективных примеров взаимодействия эксперты отметили Государственную программу содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом, деятельность Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, особенно в части правового содействия, работу посольств, консульств и Россотрудничества.

В ходе исследования была выявлена важность гуманитарной помощи в критических ситуациях, а также значимость образовательных грантов, квот, открытие и поддержка русских школ, снабжение их литературой, акцентируя тем самым важность сохранения русского языка, что наиболее актуально для представителей второго и последующих поколений представителей диаспоры. Большинство опрошенных экспертов подчеркнули приоритет государственной поддержки, не исключая при этом и негосударственные механизмы содействия.

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что в эпоху кризисов и глобальной неопределенности представители Русского мира нуждаются в эффективных мерах поддержки, защиты своих прав и интересов, поддержании связей с исторической родиной особенно на фоне углубления ассимиляционных процессов среди молодежи. Тесные контакты с Россией способствуют сохранению национальной идентичности, русского языка и культуры, одновременно создавая возможности для применения потенциала молодых квалифицированных специалистов из диаспоры.

1. *Результаты опроса, проведенного исследовательской группой Уральского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ среди экспертов по вопросам взаимодействия с соотечественниками за рубежом. Екатеринбург: УИУ РАНХиГС, 2021.*
2. *Джангозян С.Ю. Взаимодействие с молодыми соотечественниками, проживающими за рубежом, как проявление «мягкой силы» государства // Оригинальные исследования (ОРИС). Том 11. Выпуск 8. 2021. С. 151-158.*

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В ОСЕТИНСКОЙ СЕМЬЕ: ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Дзуцев Хасан Владимирович
ИСПИ ФНИСЦ РАН

Аннотация: данная статья написана на материалах этнографической литературы и панельных этносоциологических исследованиях, проведенных в сельских (2013 г.) и городских (2014 г.) населенных пунктах. Объем выборки пропорциональный: по 250 человек в сельской и городской местностях. Исследование проведено Центром исследования приграничных территорий Юга России Инститам социально-политических исследований ФНИСЦ РАН и Северо-Осетинским госуниверситетом им. К. Л. Хетагурова.

Abstract: This article is written on the materials of ethnographic literature and panel ethnosociological studies conducted in rural (2013) and urban (2014) settlements. The sample size is proportional: 250 people each in rural and urban areas. The study was carried out by the Center for the Study of Border Territories of the South of Russia, the Institutes of Socio-Political Research of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences and the North Ossetian State University named after V.I. K. L. Khetagurova.

Ключевые слова: межпоколенная трансмиссия, культурная традиция, горец, горянка, религиозное воспитание, трудовое воспитание, военно-спортивное воспитание, природная среда, родственная солидарность, мужское достоинство и женская честь, народное творчество, магические действия, аталычество.

Keywords: intergenerational transmission, cultural tradition, knotweed, Mountain Girl, religious education, labor training, military education and sports, natural environment, akin to solidarity, the dignity of men and women of honor, folklore, magic acts atalychestvo.

Большое значение в осетинской семье придавалось рождаемости и детности. Естественно, что не меньшее значение придавалось воспитанию детей, межпоколенной трансмиссии культурной традиции. Образец настоящего горца и настоящей горянки требовал всестороннего физического, трудового, нравственного, эстетического и религиозного воспитания. При этом в широких слоях населения большее значение придавали одним сторонам воспитания (например, трудовому), в - аристократических - иным (скажем, военно-спортивному), но в принципе все семьи стремились к тому, чтобы воспитание было гармоничным. «Лучше совсем не иметь потомства, чем иметь плохое потомство», - гласит осетинская пословица.

В воспитании детей имелись два возрастных рубежа, соответствовавших приблизительно 6-8 и 10-12 годам и выявлявших традиционные половозрастные градации. Лет до 6-8 дети, независимо от пола, пользовались большой свободой. Все дети бегали, играли, непринужденно общались друг с другом. Запрещалось относительно немного: например, чтобы мальчики и девочки вместе купались в реке. Приобщение детей к труду сводилось к таким незначительным занятиям, как, например, подать какую-нибудь легкую вещь, но затем девочек начинали постепенно обособлять от мальчиков и, как

правило, раньше привлекать к работам по хозяйству. «Уже к девочке 6-8 лет, - писал М.А.Мисиков начинают предъявлять более строгие требования, нежели к однолеткам-мальчикам» [1, 69]. Ее посылали с поручениями, за водой, за хворостом, приучали к уходу за младшими детьми и к обслуживанию старших членов семьи. Привлекали ее к уборке дома и к приготовлению пищи, к работе на огороде и в особенности к различным женским домашним промыслам и рукоделиям: обработке шерсти, шитью, вязанию, вышиванию и т.д.

Лет в 10-12 наступал следующий возрастной рубеж. Обособление полов становилось более строгим. Из общего помещения дома, где дети могли спать вместе с родителями или старшими членами семьи, мальчиков переводили спать в гостевое помещение - кунацкую, а если была возможность - в отдельную комнату. В это же время подростки получали новый, более полный комплект одежды, а на девочек надевали корсет. Теперь девочка, даже если она еще не развилась физически, должна была вести себя как девушка. Ей не разрешалось покидать дом с наступлением темноты, уходить далеко от дома, оставаться наедине с посторонними подростками, юношами или мужчинами, которым до нее нельзя было притронуться пальцем. В то же время не возбранялись типично девичьи игры, такие, как, например, «в классики».

С того же времени воспитание мальчиков, которое до сих пор в основном находилось в руках женщин, становилось главным делом мужчин. Подростков из широких слоев населения начинали всерьез приучать к крестьянскому труду [2, 9]. Их учили работать в поле - погонять тягловых животных, а затем выполнять все другие земледельческие операции, пасти и гонять на водопой лошадей, обрабатывать на горных пастбищах молочные продукты, делать мужские работы по дому - заготавливать дрова и сено, строить и ремонтировать дом, изготавливать и чинить домашний сельскохозяйственный инвентарь. «В 13-14 лет мальчик, - отмечал К.Л.Хетагуров, - становился помощником отца во всех отраслях хозяйства, а к 16-ти годам свободно управлялся с сохой, владел топором, серпом и косой. С этих лет он делался взрослым, с правом голоса, членом семьи» (3, 340-341).

В процессе трудовой деятельности подростки закаливались физически, но такой подготовкой не ограничивались. В соответствии с традициями патриархально-феодалного быта большое внимание уделялось также и тому, чтобы сделать из подростка хорошего джигита.

Уже ребенком мальчика учили верховой езде, поощряли в нем любовь к физическим играм и состязаниям. Таких игр у осетин, как и у соседних народов Северного Кавказа, было великое множество, и характер их зависел не столько от этнокультурных традиций, сколько от природной среды. В горах мальчиков учили скалолазанию и переходу через горные потоки (вброд, вплавь, с шестом и т.д.), ходьбе по льду в особой, мехом наружу, обуви; на плоскости - скачкам и джигитовке; повсеместно - лазанию, бегу, перетягиванию каната, умению карабкаться по гладкому, смазанному жиром столбу или промасленному канату. Важной составной частью такого воспитания были обращение с холодным оружием и стрельба по цели, сперва из лука или пращи, а затем и из огнестрельного оружия. Повсеместно же были распространены борьба, подъем и метание тяжелых камней и т.п. (4).

Нередко подросток уже имел коня и оружие и участвовал не только в конно-спортивных состязаниях, но и в вооруженных схватках. «Гимнастические упражнения, - писал М. Венедиктов о детях, - много способствуют укреплению физического их организма. Оттого они редко подвергаются болезням при самом суровом образе жизни... Дети, пока не в состоянии владеть огнестрельным оружием, стреляют в цель из лука. Для сего лук натягивается двойною тетивую, посредине коей двойная бечевка соединена ремешком, куда вкладывается камень. Этим способом они так метко бросают камешки, что убивают на высоких деревьях птиц. Приучаясь таким образом определять расстояние

и приобретая навык и твердость в руке, впоследствии они очень метко стреляют из ружей и пистолетов» (5, 36-37).

Конечно, уже во второй половине XIX в. прежней необходимости в военной подготовке не было - она исчезла где-то в середине столетия вместе с феодальными раздорами и набегами. Однако традиции такой подготовки поддерживались еще сохранявшимися обычаями грабительских набегов и кровомщения, а также конноспортивными состязаниями, которые оставались излюбленным праздничным развлечением народа.

Подростков девочек иногда также учили верховой езде и умению обращаться с оружием, но в пореформенное время это уже выходило из обычая. Зато теперь, когда большие семьи все чаще превращались в малые, значительное внимание уделялось приобщению девушек к домашнему хозяйству. В больших семьях, как мы уже знаем, главными работницами были невестки, а дочерям только прививались хозяйственные навыки, чтобы они могли использовать их по выходе замуж; в родительском доме их преимущественным занятием было рукоделие. В малых же семьях подросткам дочерям приходилось во всем помогать матери. По свидетельству И.Д.Канукова, «до 11-12 лет осетинка нянчит своих младших братьев и сестер, участвует вместе с матерью в полевых работах, носит воду с речки в кувшинах и тяжелых деревянных ведрах, загоняет домой скот, вернувшийся с пастбища; еле прикрытая старыми лохмотьями и почти босая, она бежит за матерью на мельницу и возвращается назад голодная и холодная. После 12 лет на плечи осетинской девочки ложатся более трудные домашние дела, а к 15 годам она уже выполняет всю работу по дому, которая до этого лежала на матери».

Из прививавшихся детям нравственных качеств особое значение придавали чувству долга и родственной солидарности, дисциплинированности и вежливости, сознанию мужского достоинства и женской чести. Человек из хорошей семьи, с хорошей репутацией не мыслился без знания народных обычаев и правил этикета - «ирон æгъдаутта». Помимо досконального знания норм взаимоотношений между старшими и младшими в семье, о чем уже говорилось раньше, дети должны были хорошо усвоить нормы поведения в обществе. Они должны были помнить, что каждый взрослый вправе попросить их об услуге, и отказать в ней нельзя. Им полагалось помнить все знаки внимания, оказываемые мужчиной женщине, а женщиной мужчине. Нужно было в совершенстве изучить законы гостеприимства и его изощренный этикет и т.д. и т.п.

В эстетическом воспитании главную роль играло народное художественное творчество. Своего рода очагами художественной культуры были кунацкие, где по стенам висело не только оружие, но и музыкальные инструменты, а мужчины собирались не только при приеме гостей, но и в будничные свободные вечера. Здесь слушали заезжих сказителей и певцов и показывали свое собственное искусство. Здесь была своего рода высшая школа эстетического, да и нравственного воспитания. «Сын всякого горца, - писал по этому поводу И.Д.Кануков, - а в особенности сын лица высокопоставленного в народе, проводил все свое детство в кунацкой. Там была вполне его школа. Тут, вращаясь среди гостей, он научался народным обычаям, научался уважать гостей и стариков, каковые качества характеризуют вполне благовоспитанного юношу (6, 372).

И мальчиков, и девочек учили игре на музыкальных инструментах и танцам, одаренного подростка могли послать на выучку к известному в народе поэту или певцу. Широкое участие принимали подростки в театрализованных свадебных и календарных обрядах, инсценировках и т.д. Немалое художественное воздействие на подрастающее поколение оказывали изделия прикладного искусства, распространенные в быту даже небогатых семей. Девочки развивали свой художественный вкус, обучаясь вышиванию и златоткачеству, для чего их даже нередко собирали в домах искусных мастериц. Для мальчиков такую же роль играла резьба по дереву, а в семьях ремесленников - художественная обработка камня и металла.

Весь уклад жизни осетинской семьи способствовал религиозному воспитанию детей. Практически все дети носили амулеты и были свидетелями, а по мере подрастания - и участниками семейных и общественных культов. Немногие религиозные обряды и праздники обходились без участия подростков, а в некоторых они даже играли самую активную роль. Вот несколько примеров. У осетин одним из самых значительных праздников годового цикла, так же как и у других народов, был праздник Нового года - «ногбон» (буквально «новый день», по-дигорски «анзисæр» - «голова года»). Существенным моментом этого праздника было внесение огромного новогоднего полена, которое называлось «ногбоны къодах» или «дæрнæн хъæд». Его вносили после заката солнца и ставили в центре очага. К моменту вноса полена хозяйка приготавливала три пирога, затем ставила их на полено, которое зажигали. Хозяин дома произносил молитву, чтобы внесение полена оказалось к добру, чтобы семья его от года к году не знала недостатка в дровах и пище. Мальчики должны были перепрыгивать через зажженное полено, что, по мнению осетин, стимулировало рождение в семье в наступающем году мальчиков. Перепрыгнувшие считались предохраненными от прыщей и других заболеваний в течение будущего года. А чтобы в наступающем году скот давал приплод женского рода, через полено должны были прыгать девочки. В то же время взрослым мужчинам и женщинам переходить через ««дæрнæн хъæд»» не разрешалось.

Д. Фрэзер (7,124) связывал обычай зажигания рождественского полена с древним языческим праздником огня, который устраивали в честь зимнего солнцестояния. Этот обычай был широко известен во всей Европе, но особой популярностью пользовался во Франции, Англии, у южных славян. До половины XIX в. обычай зажжения рождественского полена сохранялся в центральной Германии, где его ставили у основания очага. Везде, где существовал этот обычай, полену приписывали способность защищать жилье в течение целого года от молнии, увеличивать урожай, исцелять скот от болезней, ограждать от ведьм, дьяволов. Южнославянские крестьяне верили, что у хозяйки дома будет столько телят, ягнят, поросят, козлят, сколько искр вылетит из загоревшегося полена. Огню в народных поверьях приписывалась животворная и плодотворная сила, и человеческая плодовитость, по мнению Д. Фрэзера, в известной мере зависела от благодатного действия этих огней.

Праздничному новогоднему ужину предшествовал обряд, по которому глава семьи в сопровождении детей отправлялся в хлев, взяв с собой три пирога, три свечи, водку и масло в маленькой миске, которым он мазал спины скоту и молил, чтобы они были такими жирными, как это масло. Затем опять в сопровождении детей шел на ток и молил, чтобы в будущем году на току было изобилие.

Перед Новым годом с приношением и молением ходили в старый дом «зæронд хæдзар», который использовали для хозяйственных целей. Делали это для того, чтобы традиции старого «бынаты хицау» («домо-вого») жили и в новом доме.

К новогодней ночи заблаговременно старались заготовить сухого хвороста, кукурузной соломы. И в новогоднюю ночь на улице напротив каждого дома из этого хвороста мальчики выстраивали пирамиды и поджигали их почти одновременно. Затем, когда костер уже заметно уменьшался, мальчики брали горящие головешки и устраивали уличные бои. Дети с увлечением собирали также высохшие прутики синеголовника исполинского - «сырхы хос». Этим лекарственным растением осетины лечили рожистые воспаления, ожоги. Детей же в этом растении привлекали не лечебные свойства, а то, что оно очень эффектно горело. При горении трава сильно трещала, и от нее во все стороны разлетались искры. Осетины считали, что от того, кто первым придет поздравить семью с Новым годом, зависело благополучие семьи в текущем году. Поэтому чаще всего в роли поздравителей выступали мальчики.

В Северной Осетии колядки назывались «хæдзаронтж», а дети - и «хæдзаронтæ», и «басылгур» - «просящие басыл» (изображение человеческой фигуры, выпеченной из теста). Надев маски, они отправлялись колядовать и поздравлять с Новым годом из дома

в дом, обходя стороной лишь те дома, в которых в течение года случилось несчастье. Существовал и другой вариант поздравления. Мальчики набирали в дровяном сарае хозяев как можно больше щепок и, входя в дом, рассыпали их по полу со словами: «Дай вам Бог столько счастья, да застанут вас будущие годы в лучшем виде». Поздравителям давали угощение (выпеченные из теста «басылтæ») и просили сплясать.

Утром нового года во дворе каждого семейства разжигали костры. Дети жарили на костре шашлык из жирного мяса и восклицали: «Жир, жир, да сгорят глаза колдуна». Нередко это был не шашлык, а куски жира, которые нанизывали на палку и держали над огнем. Когда жир трещал, дети кричали: «Хин, кæлæн чи кæны уый цæстытæ ацы арты басудзæнт» («Пусть сгорят в этом огне глаза хитрецов и колдунов»).

В феврале осетины праздновали масленицу - «цæрвкъахæн». Этот праздник считался преимущественно праздником Святого Аларды, и в эти дни старались умилоствить его. Каждый мог есть масла сколько угодно. Мальчики, играя в альчики или другую игру, старались выиграть друг у друга порцию масла.

Перед днем Святого Тутыра (одно из главных божеств в осетинской мифологии, властелин, хозяин волков, покровитель людей, ворующих скот) осетины соблюдали пост. Перед этим посуда, где готовили жирную пищу, тщательно вычищалась. Если в доме не было маленьких детей, то хозяйка просила «почистить» столы соседских ребяташек. Интересно, что дети, особенно пастушки, также должны были поститься. Чтобы удержать их от соблазна съесть недозволенное, родители пугали их тем, что у тех, кто съест, перекривится рот. Обычай поститься в дни Тутыра обязан своим возникновением вере в магическую силу раздражательных действий, в данном случае - твердому убеждению в том, что, отказываясь от пищи, человек мог заставить волка голодать, то есть не трогать стада скота.

Таким образом, в основе этого обычая лежат имитативные магические действия. В день Святого Тутыра делали амулеты, которым суеверие осетин приписывало особую силу. В дни празднования Святого Тутыра детей водили в кузницу, и кузнец, положив их ручки на наковальню, слегка ударял по ладоням, приговаривая: «Уас-хуас, уас-хуас» («Пусть Тутыр будет вашим покровителем»). Считали, что отданным таким образом под покровительство Святого Тутыра детям ничто не должно было угрожать.

Осенний праздник «Хоры бон или Хоры Уацилла» («хлебного Ильи») был днем запашки озимых и ставил своей целью обеспечить урожай для будущего года. К этому дню готовили человеческие фигурки из теста, жарили зерна проса, варили зерна кукурузы и готовили напиток «къуымæл» (брага, квас). Все это расставляли на столах и старший в семье произносил молитву. К нему подносили зерно в чашке или в блюде и высыпали ему в полу. Все младшие и женщины приготавливали свои полы и шапки для зерна. Старик брал в руки горсть зерен и спрашивал: «Чего вы просите?» Мальчики кричали: «Хлеба, Хлеба!» И тогда старик через очаг бросал зерна со словами: «Да даст вам Бог хороший урожай!» И это повторялось до тех пор, пока не кончались зерна у старика. Затем дети грызли зерна и мазали друг друга в этот день тестом.

Когда осетины праздновали пасху, для детей готовили «губыл» - продолговатую лепешку, начиненную сыром, варили яйца. Пирог и вареные яйца клали у изголовья детей. В день пасхи, на рассвете, матери будили их, приговаривая: «Вставай скорее, была тут пасха на хромо́й лошади. Она поела сыр твоего пирога, оставила тебе корки, съела желток яйца, оставила тебе только белки».

В первый четверг после пасхи осетины отмечали «великий четверг» - праздник «дзуаров» (святых) и мертвых. В этот день во многих местах родители приводили малолетних детей к «дзуарам» и просили покровительствовать им. Специально для этого дня варили пиво, откармливали и потом закалывали барана. В великий четверг собирались сельчане на «куывд», посвященный детям, и угощались. В Куртатинском ущелье, когда мальчику исполнялось три года, в этот день над ним совершали так называемый обряд «цæуæггаг» (дословно «в честь того, кто начинал ходить»). Под этим названием, по одним

сведениям, подразумевалось то, что мальчик с этого возраста мог посещать свадьбы, похороны (разумеется, в сопровождении взрослых), по другим сведениям - этот обряд означал как бы прочное становление на ноги, принимая во внимание смертность детей в раннем возрасте. В день совершения этого обряда мальчику шили и надевали полный комплект мужской одежды со всеми его деталями, включая и сделанный из дерева кинжал. В доме готовили угощение, приглашали односельчан. Мальчика в сопровождении молодежи отправляли к святилищу Матери Марии. Сюда же собирались все остальные, однако только в том случае, если детей этого возраста набиралось в селе несколько человек. Детям делали деревянные стрелы, на острие которых нанизывались пестрые кусочки ткани, предпочтительнее шелковой. Если такой ткани не оказывалось в доме, то просили у кого-нибудь. После произнесения молитвы мальчикам, над которыми совершали этот обряд, обнажали головы и выстригали волосы в виде креста.

За неделю до пасхи, в воскресенье, праздновали «къутуганæн» - приготовление «къуту» (сапетки для хранения зерна). В этот праздник для мальчиков дома выпекали булочки в виде конусообразных сапеток или различных фигур животных. Сами мальчики запасались к этому дню луком и стрелой. Каждый желающий принять участие клал на заранее условленном расстоянии свою булку и стрелял в нее. Тот, кто попадал в булку («къуту»), пользовался правом откусить от нее сколько мог в один прием.

К ноябрю относили праздник Цыппурс. Справлялся этот праздник мальчиками 10-12 лет. Условившись вместе праздновать, мальчики с тремя пирогами отправлялись к пастуху и просили у него козла. Затем они собирались в какой-нибудь кунацкой и приносили каждый с собой пироги, сыр, яйца. Приглашали более старшего мальчика резать козла. После того, как козла отваривали, шли с его головой и шкурой к какому-нибудь хозяину, отдавали их ему, а взамен получали мед. Возвратившись в кунацкую, они продолжали пиршество.

Среди многочисленных поминок, которые устраивали осетины, был и так называемый «лаэпуты хист» («поминки для мальчиков»). Ко дню поминок готовили квас, пекли хлеб, варили зерна пшеницы, кукурузы или фасоли. Собирали мальчиков-односельчан и раздавали им все это. В Дигории на похоронах устраивали состязания «бырæнхъил» (дословно - «шест для лазания»), в которых принимали участие юноши до 15 лет. На конце длинного шеста, густо смазанного салом или жирным бульоном, привязывали какой-нибудь предмет из одежды умершего, или деньги. Кто первым достигал конца шеста и снимал с него предмет, тому он и доставался. Взбиравшемуся разрешали брать с собой под рубашку золу. Золой мальчик натирал шест, чтобы руки не скользили. Достигнув вершины, он снимал шапку и надевал ее на вершину шеста, высота которого достигала 6-8 м.

Мы привели несколько наиболее ярких примеров такого религиозного воспитания детей, в котором сквозь поверхностный слой мировых религий проглядывает толща вообще свойственных осетинам домонотеистических верований и обрядов. Но в действительности религиозное воспитание этим не ограничивалось. В христианских селениях дети вместе со старшими родственниками ходили в церковь, в мусульманских - лет с двенадцати совершали намаз и посещали мечеть.

Общеобразовательному обучению детей и подростков осетины придавали гораздо большее значение, чем, скажем, ряд соседних народов Северного Кавказа, но при всем этом оно оставалось все же ограниченным. Правда, уже в 1830-х годах в христианской Осетии появились первые церковно-приходские школы, в 1860-х годах - женское училище, в 1870-х годах - уже средние учебные заведения. Однако учились в них преимущественно дети состоятельных родителей, как сообщалось в одной из газетных заметок, «наиболее зажиточных жителей» (8). Осетины-мусульмане, по большей части принадлежавшие к верхушечным слоям населения, посылали мальчиков в общеобразовательные школы, девочек же нередко в Кабарду, где они еще и учились читать Коран.

Как уже упоминалось, в больших семьях, или таких усложненных малых семьях, которые включали стариков, воспитанием детей из-за обычаев избегания занимались не столько родители, сколько старшее поколение дома, а также братья и сестры. Особенно много внимания уделяли им бабушка и дед, имеющие больше свободного времени, с любовью отдаваемого внукам. Старики заботились о детях, ласкали их, делали им подарки, брали с собой в гости и на праздники, рассказывали им сказки и предания, передавали свои знания народных обычаев, направляли их первые шаги в трудовой деятельности. Считалось, что заметное участие в детях должны принимать их дядья, в том числе по материнской линии. Как отметил З.Н.Ванев (9, 133), от осетина можно было услышать, что «к дяде по матери он питает большую родственную близость, чем к отцу». Здесь перед нами, несомненно, остатки древнего обычая авункулата, по которому в матрилокальных обществах главным мужчиной в семье считался не отец, а брат матери. Традиция авункулата получила отражение в сказании о святом Уастырджи. Как-то он посетил на сенокосе трех братьев-бедняков. Желая им помочь, Уастырджи спросил, чего бы они хотели просить у Бога. Два старших брата высказали свои желания, а младший ответил: «Прошу у тебя, дорогой гость, дозволения сбегать за советом к братьям моей матери, от которых только одних и можно получить истинный родственный совет» (10, 4, 5).

В обычных малых семьях воспитание было делом родителей и имевшихся в доме старших детей. Однако и в этом случае считалось, что обязанность воспитания лежит также и на всех близких родственниках, мужчинах и женщинах. Доля участия тех и других зависела от пола и возраста детей и подростков. Как мы уже знаем, обычно девочек до самого совершеннолетия воспитывали преимущественно женщины, мальчиков лет с 6-8 - главным образом мужчины.

Семейное и семейно-родственное воспитание дополнялось еще более широким общественным. Ни один сосед и вообще житель селения не оставался равнодушным к замеченному им проступку ребенка и в зависимости от степени вины делал замечание сам или рассказывал родителям. А поскольку жизнь детей и тем более подростков протекала не только в ограде двора, но и на улицах, обрядовых сборищах и т.п., роль общества в формировании подрастающего поколения была очень заметной. Семья в этом отношении, как и во многих других, находилась под неформальным контролем родни и односельчан. Отчасти дело обстояло так и в городах, где сходную роль играл городской квартал.

На детей старались воздействовать не столько угрозами и наказаниями, сколько уговорами, урезониванием и прежде всего добрым примером. У осетин есть поговорка: «Дон кæстæрæй нуазынц» (воду пьют, начиная с младшего). Этим отказом от обычных привилегий старшинства младшим демонстрировали пример терпения и выдержки. Таких примеров в повседневном быту подавалось великое множество. К обычным детским проступкам относились снисходительно. Если ребенок шалил, то мать или бабушка останавливали его словами или легким шлепком. Даже грубый окрик в случае неповиновения воспринимался как позор и для того, на кого кричали, и для того, кто кричал. В более серьезных случаях вмешивались отец или дед. Виновного лишали ожидаемой обновки, не разрешали садиться на лошадь, посылали вне очереди пасти скот. Телесные наказания применялись очень редко. Те, кому приходилось прибегнуть к такой крайности, просили никогда больше не доводить их до этого и предпочитали ничего не говорить односельчанам. Объясняли это так: если человеку приходится бить своего ребенка, то, значит, он не сумел его воспитать, а стало быть, должно быть стыдно не столько ребенку, сколько ему самому.

В то время как просвещенные представители осетинской верхушки общества уже отдавали детей, преимущественно мальчиков, в общеобразовательные заведения, менее просвещенные еще практиковали древний обычай воспитательства. В русской, особенно кавказоведческой, литературе он известен под названием «аталычество» (от тюркского аталык -- «как бы отец»). Воспитательство было широко распространено в

раннесредневековом мире: оно известно как у кельтов, германцев, славян, в Боспорском царстве, так и у тюрков, монголов и т.д. На Кавказе аталычество под этим названием практиковалось почти повсюду, кроме, видимо, чеченцев и ингушей. У осетин воспитателя и воспитанника называли особыми, также тюркскими именами: первого «æмцег» («сосок»), второго «хъан» («кровь»). Классификационно оно занимало промежуточное положение между семейным и общественным воспитанием: ребенок воспитывался в семье, но не в собственной, а в чужой.

Обычай состоял в том, что семьи, принадлежавшие к высшим сословиям, воспитывали детей в крестьянской среде. Существовала и такая разновидность аталычества, при которой осетинские феодалы отправляли своих детей в семьи феодалов соседних народов (чаще всего кабардинцев), сами же брали на воспитание их детей. В первом случае феодал расширял круг зависимых от него крестьян, а те приобретали сильного покровителя, защищавшего их от притеснений других феодалов. Во втором случае знать устанавливала или упрочивала феодальные союзы, усиливала свое влияние, укрепляла власть. Один из авторов второй половины XIX века писал о дигорских баделятах: «Баделяты как люди ловкие старались сблизиться с кабардинцами: брали на воспитание княжеских детей, то есть делались аталыками князей» (11, 1865).

Основные черты аталычества хорошо известны по литературным описаниям. Обычно, как только становилось известно о появлении в знатной семье ребенка, претенденты на звание аталыка спешили предложить свои услуги. Их было тем больше, чем знатнее, влиятельнее и богаче была семья новорожденного. Чтобы опередить других, ребенка, случалось, крали. В других случаях воспитанник переходил от одного аталыка к другому. В то же время считалось, что аталык должен отдавать все свое время ребенку, а стало быть - брать не больше одного воспитанника. Кормилицей была жена аталыка или же одна из его родственниц, специально для этой цели приглашенная в дом.

Воспитание ребенка в семье аталыка в принципе не отличалось от воспитания в родительском доме. Разница была лишь в том, что, по обычаю, аталык должен был воспитывать ребенка с еще большим вниманием, чем собственных детей. Последние могли питаться как угодно, ходить в чем угодно, а воспитанник всегда должен был быть сыт, одет и обут. И сейчас, когда осетины хотят подчеркнуть очень хорошие условия жизни ребенка в семье, они говорят: «Живет как воспитанник» («хъаны цард ын ис»). Оставался воспитанник у аталыка обычно лет до 6-10. Однако, если возникшим отношениям по искусственному родству придавалось особенно большое значение, воспитание могло продолжаться и дольше, как это было у соседних кабардинцев - лет до 13, а то и 16-17. В последнем случае, по сообщению А.Ардасенова и Е.Есиева, «аталык принимал на себя обязанности женить своего хъана, выбирал девушку соответствующего происхождения, просил ее руки у родителей и платил выкуп» (12, 18).

За годы аталыческого воспитания ребенок виделся с родителями не более одного-двух раз. При этом родители, следуя обычаям избегания, при свидании никак не проявляли своих чувств и даже делали вид, что не узнают своего сына. Тот, со своей стороны, зачастую даже не знал, кому его привезли показать. Поэтому «хъан» возвращался в родительский дом как в чужую семью, и должны были пройти годы, прежде чем он привыкал к своей кровной родне. Между братьями, которые всегда воспитывались у разных аталыков, сохранялась отчужденность. Напротив, семья аталыка для воспитанника была роднее родной.

Возвращался воспитанник самым торжественным образом. Если он был уже подростком или юношей, то его наряжали в черный парадный костюм, дарили кинжал, пистолет и лошадь. Его окружали сверстники, которые всю дорогу джигитовали и пели. По приезде их ждало празднество с угощением, песнями и плясками. Воспитанник (а тем самым и воспитатель) должен был публично показать все, чему его научили. Вернувшийся воспитанника аталык получал богатые подарки, вплоть до земельных наделов.

В чем исторический смысл своеобразного обычая аталычества? В старой и новой этнологической литературе на этот вопрос даются самые разнообразные ответы. В свое время голландский исследователь С.Р.Штейнметц насчитал полтора десятка трактовок, но с развитием науки все они отпали как не соответствующие ни фактам, ни логике исторического процесса. В отечественной литературе особое внимание аталычеству уделили Г.А.Кокиев, М.О.Косвен и В.К.Гарданов. Первый из них обратил внимание только на поздние функции аталычества: установление отношений сюзеренитета-вассалитета в феодальной среде и расширение отношений зависимости и эксплуатации между феодалами и крестьянами. Это объяснение правильно, но недостаточно: оно не вскрывает более ранних корней аталычества. М.О.Косвен давал аталычеству чисто эволюционистское объяснение, усматривая в нем пережиток авунку-лата: некогда при матрилокальном поселении все дети переходили жить к своим матрилинейным дядьям (что действительно имело место, особенно в Западной Африке), а со временем этот обычай сохранился у феодализирующейся и феодальной знати. Однако: вторая часть гипотезы никак не вытекает из первой и не объясняет социальной сути аталычества (13). Трактровка В.К.Гарданова близка к фантастической: из упоминаемой в одном из писем Энгельса «первобытной общности жен» он сделал вывод о первобытной общности также и детей, связав с этим воспитание ребенка не в своей, а в чужой семье (14).

Сейчас мнения отечественных этнологов по поводу происхождения аталычества разделились. Одни усматривают в нем старинный порядок установления искусственного родства, необходимого в условиях уже рвущихся родовых, но еще не сложившихся соседских связей и тем самым возводят его к эпохе классообразования (15; 16;). Другие тесно связывают аталычество с наездничеством, видя в первом школу второго (17; 18). Вторая точка зрения уязвима в том отношении, что для обучения наездничеству незачем было брать на воспитание младенца. Истинные школы наездничества были известны только чеченцам и ингушам, у которых прославленному воину отдавали учиться сформировавшихся подростков (19).

Аталыческое воспитание, на которое у осетин передавались только мальчики, ушло в прошлое уже к пореформенному времени. Даже в знатных и богатых семьях дети стали воспитываться дома, а частично, как уже говорилось, также в учебных заведениях. Но воспитание по-прежнему было неодинаковым в разных слоях населения: в народных массах - с упором на предстоящую трудовую жизнь, в верхушечных слоях - с акцентом на организаторско-управленческую деятельность и изысканные манеры. Неоднозначно фиксировалось и совершеннолетие. В крестьянской среде юноша в 16 лет совершал свой выход на сенокос, становился к плугу, получал в семье право голоса и мог вступать в брак. В среде дворян, богатых крестьян и особенно зародившейся интеллигенции также в какой-то мере давало себя знать традиционное осознание этого рубежа. Но образованные люди шире приобщились к таким новым веяниям, как более поздние браки и распоряжение имуществом не по адатам или шариату, а по законам Российской империи. Закон же устанавливал другой возраст полной гражданской зрелости - 21 год.

В советское и постсоветское время многое, связанное с воспитанием детей, существенно изменилось. Эти перемены нельзя оценить однозначно. По большей части это были изменения к лучшему, но кое-что - едва ли.

Перемены в воспитании детей в семье во многом связаны с влиянием школы, а отчасти и детских общественных организаций. Уже в начале 1930-х годов, раньше чем в большинстве других республик Северного Кавказа, в Осетии было осуществлено всеобщее начальное обучение. Подростки привлекались к учебе в школах второй ступени. Такие школы имелись во всех селениях и при них создавались интернаты. Но девочек родители отпускали туда неохотно, по большей части тогда, когда их можно было поместить у родственников, или когда вместе с ними ехал учиться кто-нибудь из родственников - подростков постарше. Тем не менее к концу 1930-х годов число мальчиков и девочек в осетинских школах второй ступени в основном сравнялось. В

школах постоянное общение мальчиков и девочек в классах, на собраниях, в кружках, в художественно-самодельных и спортивных коллективах делало невозможным их традиционное разобщение, заставляло их, а за ними и их родителей, постепенно переосмысливать представления о приличиях. Все больше девочек надевали спортивные костюмы, занимались физкультурой вместе с мальчиками, танцевали с ними, держались за руки (20). В дальнейшем с введением всеобщего среднего образования был преодолен еще один психологический барьер: то, что уже допускалось для девочек-подростков, было допущено для девушек. Школа ломала такие традиции прежнего воспитания, как неравное положение мальчиков и девочек и раннее обособление полов (21, 99).

Но у этого положительного нововведения оказалась своя отрицательная сторона. Часть подростков стала развязнее. Мальчики начали менее бережно относиться к девочкам, девочки - вести себя менее скромно. К тому же все это проникло за стены школы, на улицы городов и селений, а зачастую - и в семейный быт. Тем не менее, как показали материалы этносоциологического исследования 2013-2014 гг., и в наше время отношения между детьми и родителями, детьми между собой в основном не выходят из традиционных рамок поведения в осетинской семье. На вопрос «Соблюдаются ли в вашей семье следующие нормы поведения?» мы получили следующие ответы (табл.1):

Таблица 1

Соблюдаются ли в Вашей семье следующие нормы поведения?

1.1. Родители и дети не сидят за одним обеденным столом

(В %)

	Все опро- шенные	Место проведения опроса		Пол		Возраст		Род занятий	
		г.Владикавказ	село	муж	жен	до 30	свыше 30	умств. труд	физич. труд
Да	39,0	42,1	37,0	35,7	41,3	33,3	42,7	37,5	37,6
Нет	58,7	52,9	62,6	63,6	55,3	63,0	55,9	57,9	61,8
Иногда	2,3	5,0	0,5	0,7	3,4	3,6	1,4	4,6	0,6
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

1.2. Младшие дети подчиняются старшим братьям и сестрам

(В %)

	Все опро- шенные	Место проведения опроса		Пол		Возраст		Род занятий	
		г.Владикавказ	село	муж	жен	до 30	свыше 30	умств. труд	физич. труд
Да	75,7	73,9	76,9	79,9	72,8	75,7	75,7	72,7	82,5
Нет	14,9	14,5	15,1	9,7	18,4	16,9	13,6	19,3	7,6
Иногда	9,4	11,6	8,0	10,4	8,7	7,4	10,7	8,0	9,9
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

1.3. Братья и сестры женятся (выходят замуж) по старшинству

(В %)

	Все опро- шенные	Место проведения опроса		Пол		Возраст		Род занятий	
		г.Владикавказ	село	муж	жен	до 30	свыше 30	умств. труд	физич. труд

Да	35,3	23,4	43,1	46,2	27,8	32,8	36,9	27,0	38,6
Нет	49,7	62,0	41,7	42,0	55,1	58,2	44,4	58,8	43,3
Иногда	14,9	14,6	15,2	11,9	17,1	9,0	18,7	14,2	18,1
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

1.4. Мальчики и девочки занимаются разными видами хозяйственной и бытовой деятельности

(В %)

	Все опрошенные	Место проведения опроса		Пол		Возраст		Род занятий	
		г.Владикавказ	село	муж	жен	до 30	свыше 30	умств. труд	физич. труд
Да	88,2	89,1	87,7	89,5	87,3	84,3	90,7	85,8	90,1
Нет	5,5	4,4	6,2	4,9	5,9	6,7	4,7	6,1	5,3
Иногда	6,3	6,6	6,2	5,6	6,8	9,0	4,7	8,1	4,7
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В то же время воспитание сохраняет свои особенности, характерные для городской и сельской среды. В городских семьях с их преимущественно потребительским характером круг обязанностей подрастающего поколения становится однообразнее. В сельских семьях, сохранивших намного больше хозяйственных функций, по-прежнему уделяется большое внимание воспитанию в детях и подростках трудовых навыков с их традиционной половозрастной регламентацией. Городская семья в меньшей, а сельская - в большей степени продолжает воспитывать в молодежи почтительное отношение к старшим, сдержанность в общении с лицами противоположного пола, скромность в семье и за пределами дома. И там, и здесь по-прежнему большое значение придается знанию и соблюдению правил этикета, но в городах с их сутолокой для этого меньше возможностей. То же относится к такой традиции, как интерес к поведению детей и участие в их воспитании. (22).

Подводя итоги, можем сказать, что значительное внимание в современных осетинских семьях уделено воспитанию детей, в котором раскрываются ее культурно воспитательные функции. В этой области функционирования семьи на первый план выдвигались физическое, трудовое, нравственное, эстетическое и религиозное воспитание. Издавна в осетинской семье важное значение придавали военной и физической подготовке, которая отличалась разнообразием форм и приемов. Из прививавшихся детям нравственных качеств важнейшее значение приобретали чувство долга и родственной солидарности, уважение к старшим, вежливость, сознание мужского достоинства и женской чести. В эстетическом воспитании главная роль отводилась народному художественному творчеству. Весь уклад жизни традиционной осетинской семьи способствовал религиозному воспитанию детей.

Примечательным в воспитании детей было то, что осетины оценивали значимость общеобразовательной подготовки детей гораздо выше, чем многие соседние народы. Не случайно в Осетии уже в 60-70 гг. XIX в. появились первые средние учебные заведения и даже женское училище.

Семейное и семейно-родственное воспитание дополнялось общественным. У осетин, как и других горских народов, издавна практиковался и такой древний обычай воспитания, как аталычество. Основные его черты достаточно хорошо известны по

разным источникам. Но несмотря на то, что аталыческое воспитание ушло в далекое прошлое, мнения отечественных этнологов касательно истоков его социальной роли существенно расходятся. В советское и постсоветское время многое, связанное с воспитанием детей, серьезно изменилось. И все же эти перемены не поддаются сегодня однозначной оценке и нуждаются в солидной теоретической проработке.

1. Мисиков М.А. *Материалы по антропологии осетин*. Одесса, 1916.
2. Голод С.И., Клецин А.А. *Состояние и перспективы развития семьи. Теоретико-типологический анализ*. С.-Пб., 1994.
3. Хетагуров К.Л. *Особа*.: Собр. соч. в 5-ти томах. М., 1961. Т.4.
4. Тайсаев К.У. *Этнография традиционного спорта у народов Северного Кавказа АДД*. М., 1997.
5. Ведениктов М. *Взгляд на кавказских горцев // Сын отечества*. 1837. Ч.188.
6. Магомедов А.Х. *Культура и быт осетинского народа*. Орджоникидзе, 1968.
7. Фрэнгер Дж. *Золотая ветвь*. М., 1980.
8. «Новое обозрение». 1898, №42-46.
9. Ванев З.Н. *Родовой строй в Осетии // ИЮОНИИ. Цхинвали, 1946. №5*.
10. *Осетинские народные сказания*. ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII.
11. Красницкий К.И. *Кое-что об Осетинском округе и о правах туземцев его // Кавказ*. 1965. №№ 29-33.
12. Ардасенов А., Есиев А. *Высшее сословие осетин Куртатинского общества*. М., 1892.
13. Косвен М.О. *Аталычество // СЭ 1935. № 11*.
14. Гарданов В.К. *Аталычество. IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук*. М., 1973.
15. Перишц А.И. *Из истории патриархальных форм брака (нахава-ортокузенный брак у арабов) // Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР. Вып. 24*.
16. Смирнова Я.С. *Искусственное родство у народов Северного Кавказа формы и эволюции // Кавказский этнографический сборник*. 1989. №9.
17. Туганов М.М. *Материалы по изучению осетинского народа // ИЮОНИИ. Цхинвали, 1958. Вып. 9*.
18. Кажаров В.Х. *Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII - первой половине XIX века*. Нальчик, 1994.
19. Алироев И.Ю. *Язык, история и культура вайнахов*. Грозный 1990. 12.1.
20. «Пролетарий Осетии» от 22.12.1934
21. Пчелина Е.Т. *Родильные обряды у осетин. // СЭ 1937. №3*.
22. Дзуцев Х.В. *Эволюция семьи и межсемейных отношений*. М, РОСПЭН. 2001.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФАМИЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

Долотказина Надежда Юрьевна
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

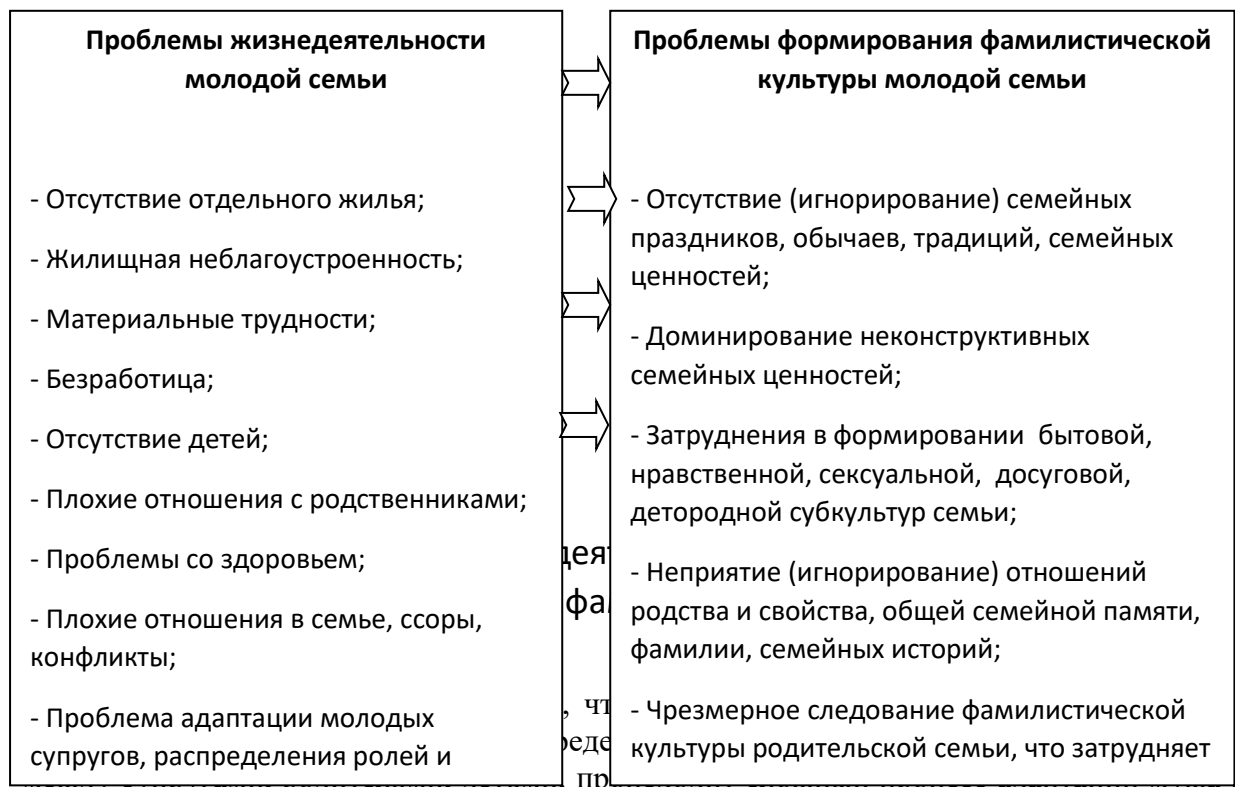
Молодая семья – это будущее нашего общества, однако ее положение сегодня оставляет желать лучшего. Все то, что сегодня происходит в молодой семье, как в зеркале отражает происходящее в обществе. Современная молодая семья испытывает на себе все невзгоды социально-экономического кризиса следствием которого является возрастание числа разводов и конфликтности в молодых семьях, низкие репродуктивные установки молодых супругов. Нередко молодые люди вступают в криминогенную среду, так как найти хорошую работу с достойным заработком молодому человеку сегодня довольно проблематично. Отмечается отказ молодежи от юридически зарегистрированного брака в пользу альтернативных брачно – семейных форм (сожительство), снижается социальный статус молодой семьи. Социальные проблемы молодой семьи приобретают весьма актуальное значение, что обусловлено глубокими преобразованиями, происходящими в России.

Молодая семья - это семья, главным характерным признаком которой является начальный этап развития, стадия реализации супружеского выбора, распределения семейных ролей и обязанностей. Целостность семьи в первые годы брака, способность самоорганизовываться и саморазвиваться – это залог ее дальнейшего развития [1, 4].

Серьезной проблемой для молодых супругов является формирование собственной фамилистической культуры, так как именно от них зависит, какими будут их семейные ценности, как сформируется образ жизни их семьи, какие способы поведения в семье станут признанными и одобряемыми. Именно молодые семьи будут формировать семейную память, семейную историю, семейные праздники, обычаи и традиции.

Молодая семья — это семья с неустоявшимся экономическим, профессиональным и социальным статусом [2, 189]. Нередко именно молодежь является наименее защищенной категории рабочей силы, с низкой конкурентоспособностью на рынке труда. Неудовлетворенность молодежи своим социальным статусом может повлечь за собой рост общественной апатии, экстремизма, распространение наркомании и алкоголизма, распад молодых семей.

Серьезной проблемой для современной молодой семьи является формирование собственной фамилистической культуры при влиянии массы негативных внешних факторов [3, 215]. Анализ наших умозаключений по этому поводу приведен на рисунке 1.

жены друг к другу, определяется характер основных конфликтов и способы их преодоления. В первые годы брака решается самый главный вопрос, будет ли существовать данная семья или она распадется?

1. Касаркина Е.Н. Молодая семья как объект социального воздействия и субъект собственного изменения / Е. Н. Касаркина, Д. А. Бистяйкина // Казанский педагогический журнал. – 2016. – № 2-1 (115). – С. 199–204.
2. Кострова Ю. А. Модели социальной поддержки молодой семьи в современном обществе / Ю. А. Кострова // Семья XXI века : ценности, ориентиры : матер. II Междунар. науч.-практич. конф. / Под общ. ред. В. Я. Мачнева, Л. В. Куриленко. – Самара : Универс-групп, 2008. – 304 с. С. 185-192.

3. Минченко Н. П. *К семейной жизни - готовить!* / Н. П. Минченко, Н. В. Лобачева, И. В. Насонова и др. // *Семья XXI века : ценности, ориентиры : матер. II Междунар. науч.-практич. конф. / Под общ. ред. В. Я. Мачнева, Л. В. Куриленко. – Самара : Универс-групп, 2008. – С. 214-218.*

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Дроздова Юлия Алексеевна

***Волгоградский институт управления - филиал ФГБОУ ВО "Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ"***

Особую роль в реализации государственной молодежной политики в современном цифровом обществе играет Интернет [1]. Интернет-коммуникация обеспечивает обратную связь органов власти и молодежи, позволяет выявить её интересы, потребности, оказать поддержку, на различных платформах обеспечивает информирование о стратегиях развития страны [4].

Реализацию молодежной политики в Интернете можно условно разделить на следующие направления: разработка и продвижение молодежных Интернет-сайтов, эффективного контента на сайтах структур, в компетенциях которых находятся вопросы молодежной политики; организация информационных проектов и консалтинговых служб для молодежи [2].

Социальные сети представляют наиболее востребованный ресурс у молодежи, являются популярной информационной площадкой и в вузах, где осуществляется их взаимодействие с целевой аудиторией – студентами, абитуриентами, выпускниками [3].

О востребованности социальных сетей свидетельствуют полученные данные социологического исследования, проведенного в 2021 году в ВИУ – филиале ФГБОУ ВО РАНХиГС. 99% опрошенных студентов используют социальные сети каждый день. Особой популярностью пользуются Insagram (92,2 % участников опроса); ВКонтакте (89,2%); Одноклассники (52%); Facebook (43,1%); Twitter (20,6 %). Наиболее удобным форматом ведения социальных сетей для студентов является фото- и видео-контент в Instagram.

Официальные аккаунты социальных сетей в вузе ведет специалист управления информационной политики, организационно-массовой работы со студентами и абитуриентами. У студентов есть своя студенческая страница, где они выставляют новости в более неформальном формате, размещают развлекательный контент (подборка фильмов, викторины).

53,8% респондентов информированы о всех мероприятиях, которые происходят в вузе, благодаря социальным сетям; 26,9% – утверждают, что освещены не все мероприятия, 11,8% – мероприятия освещены недостаточно, 1,1% – мероприятия не освещаются и 6,5% участников опроса затруднились в оценке информирования студентов о социально-значимых проектах, что определяет векторы дальнейшего развития данного ресурса.

Преимуществами использования социальных сетей как ресурса реализации молодежной политики являются: простота использования и возможность постоянно быть на связи; ежедневное обновление информации (4-5 раз в день); визуальное размещение информации о программах обучения, стипендиях, достижениях студентов, о реализуемых волонтерских, творческих, научных, спортивных социальных проектах, их популяризация у широкой целевой аудитории и вовлечение новых участников.

Социальные сети как ресурс реализации государственной молодежной политики способствуют выстраиванию и демонстрации реализации перспективных траекторий

интеллектуального, культурного, нравственного, физического и профессионального развития молодежи, могут обеспечить трансляцию общегражданских ценностей и преемственность поколений, формируют необходимые компетенции, связанные с анализом информации в глобальных компьютерных сетях.

КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Дубинина Виктория Владиславовна

*Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Московской области «Технологический университет» имени дважды Героя
Советского Союза, лётчика-космонавта А.А. Леонова*

Конфликт поколений - столкновение интересов между людьми одного поколения или разных поколений [3,76]. Конфликты внутри и между поколениями могут послужить причиной распада социальных связей или же наоборот их укрепления [1, 42]. Г. Маркузе был основоположником теории конфликта поколений, он убеждён, конфликт поколений – это естественный закон, который содержится в потребностях человека и выступает двигателем революции в обществе [4,14].

Что порождает межпоколенный конфликт? Во-первых – ускорение темпов общественного развития [9, 265]. Социальные нормы меняются с такой скоростью, что представители новых поколений вынуждены решать те задачи, о которых их предки даже не могли помыслить [10, 264].

Во-вторых – рост продолжительности детства, его технологизация, а также материализация Мира Детства, который в реальной жизни оказывается в большей степени Миром Взрослого [11,84].

Обратимся к ситуации в России сегодня. Опрос общественного мнения ВЦИОМ в 2017 году, показал – 59% пожилых людей приписали молодежи дружелюбие, 56% – готовность прийти на помощь и 47% – бескорыстие. Сами молодые люди характеризуют себя как агрессивно настроенных (52%), и циничных (56%). Опрошенные в зрелом возрасте придерживаются противоположного мнения о молодых россиянах [5].

В 2018 году ВЦИОМ отметил, что более трети (36%) опрошенных отсутствие взаимопонимания между «отцами» и «детьми» связывают с «разным жизненным опытом». Больше всего с межпоколенным непониманием сталкиваются респонденты 18-24 лет (49%). Однако, 17% опрошенных вовсе уверены в отсутствии межпоколенных противоречий.

Три четверти россиян (75%) соглашаются с тем, что дети должны следовать по собственному жизненному пути отличному от родительского. Подавляющее большинство опрошенных (83%) замечает, что современные молодые люди уже совершают самостоятельный выбор жизненного пути [6].

По результатам исследования Сбербанка 2016 года – современные родители с детьми находятся в партнёрских отношениях и стараются «хвалить за нормальное, не ругать за плохое». Это подтверждает и исследование ВЦИОМ «Отцы нашего времени» – отцы сегодня реже проявляют строгость к своим детям – считают 54% респондентов [8].

Современные дети и молодёжь находятся под гиперопекой. Родители жалеют детей, сами выполняют все домашние обязанности. Как результат поколение Z испытывает большие трудности с решением проблем в жизни. Современные родители не хотят брать на себя ответственность за выбор жизненного пути для их детей, ссылаясь на то, что сами не знают, «как надо». В свою очередь молодёжь чувствует себя растерянными из-за отсутствия определённости насчёт будущего. Хотя и повторять жизненный сценарий родителей они не хотят: слишком уж он однообразный и серый [7].

Сложно сказать, что современная молодёжь находится в остром конфликте с поколением своих родителей. Как отмечает И. М. Ильинский, в российском обществе представлен разрыв поколений, обусловленный переходом общества к новому экономическому, общественно-политическому строю [2, 324].

1. Глотов М. Б. Поколение как категория социологии / М. Б. Глотов // Социологические исследования. – 2004. – N 10. – С. 42-49. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/295/764/1231/005.GLOTOV.pdf> (дата обращения: 29.09.2021).
2. Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика: [Философия. История. Теория]. – М.: Голос, 2001. – 694 с. – URL: <https://dlib.rsl.ru/01000713692> (дата обращения: 29.09.2021).
3. Кон И. С. Возрастные категории в науках о человеке и обществе // Социологические исследования. – 1978. – № 3. – С. 76-88.
4. Маркузе Г. Очерки об освобождении. – М.: Прогресс, 1970. – 80 с. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007349841> (дата обращения: 29.09.2021).
5. Опрос: ВЦИОМ определил ценностные характеристики современной российской молодёжи. // RussiaToday: [сайт] / учредитель Автономная некоммерческая организация «ТВ-Новости». – Обновляется в течение суток. – URL: <https://ru.rt.com/8nbi> (дата обращения: 29.09.2021).
6. Отцы и дети: вечный конфликт? // Санкт-Петербургские ведомости [сайт] / учредитель АО «Издательский дом «С.-Петербургские ведомости». – Обновляется в течение суток. – URL: https://spbvedomosti.ru/news/gorod/ottsy_i_nbsp_deti_vechnyy_konflikt/ (дата обращения: 29.09.2021).
7. Отцы и дети: россияне о конфликте поколений. // Сетевое издание AdIndex.ru [сайт] / учредитель Общество с ограниченной ответственностью "А.А.И.". – Обновляется в течение суток. – URL: <https://actualcomment.ru/ottsy-i-deti-rossiyane-o-konflikte-pokoleni-1806271031.html> (дата обращения: 29.09.2021).
8. Отцы нашего времени. Сайт ВЦИОМ. АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР: [информация на сайте]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otczy-nashego-vremeni> (дата обращения: 29.09.2021). – Информация была выложена 19.06.2020.
9. Постникова М. И. Межпоколенные отношения в контексте социокультурных изменений в современной России // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №81. – С. 265-275. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhpokolennye-otnosheniya-v-kontekste-sotsiokulturnyh-izmeneniy-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 29.09.2021).
10. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – 720 с. – URL: https://vk.com/doc35110420_473702850 (дата обращения: 29.09.2021).
11. Шалаева С.Л. Межпоколенные отношения как фактор национальной безопасности современного общества / С. Л. Шалаева // Труды БГТУ, 2013. - № 5. – С. 84-88. – URL: <https://elib.belstu.by/bitstream/123456789/9872/1/shalaeva.pdf> (дата обращения: 29.09.2021).

ИГРОВОЙ КОНТЕНТ ИНТЕРНЕТ – ПЛАТФОРМ: ЦЕННОСТИ И УСТАНОВКИ.

Дубровин Владимир Леонидович
Институт социологии ФНИСЦ РАН

Сегодня к молодёжи выходят онлайн – сервисы: стриминги, интернет – телевидение, интернет – платформы. Нельзя не заметить разницу между ценностно – идеологическими установками, которые транслируются через кинопрокат и сеть Интернет, и эту разницу нельзя не принимать в расчёт

В прошлом, 2020 году, мы анализировали «консервативный поворот отечественного прокатного кино». [1] По нашим выводам, 7 из 10 лидеров российского проката 2015 – 2020 гг. так или иначе продвигают традиционные ценности («Холоп», «Движение вверх», «Т – 34», «Викинг», «Лёд», «Экипаж», «Вторжение»), тогда как 3 из 10 лидеров проката («Последний богатырь», «Притяжение», «Три богатыря») эти ценности трактуются вольно или негативно.

В контенте сериальном часто или размывается понятие норм, или в качестве норм проповедуется откровенно извращённое поведение и отношение к окружающим и к самому себе.

Пример - «гипермаркет впечатлений» МТС «KION»[2]. Продукция KION - развлечения вкупе с социальным воздействием - «social impact entertainment» – развлечения и, в то же время, социальное воздействие – от инициации обсуждений в соцсетях до изменения оценки действительности. Важна, однако, грань, за которой постановка проблемы для обсуждения превращается во внедрение тезисов той или иной повестки в общественное сознание.

Драма «Хрустальный» (2021, 10 серий) – маньяк в депрессивном городе насилует и убивает мальчиков. Следовательно, как выясняется по ходу, сам подвергнулся сексуальному насилию в беспросветном детстве.

Комедия и мелодрама «Секреты семейной жизни» (2021, 8 серий) – молодая семейная пара теряет свежесть отношений и оказывается на грани развода. Вдохнуть новый импульс в угасающую сексуальную жизнь помогает убийство женой недалёкой и взбалмошной знакомой.

Драма «Немцы» (2020, 10 серий) – история оппозиционного журналиста, который меняется и начинает руководить пресс-службой администрации города N в России. Цинизм, коррупция, отсутствие морали, вседозволенность и сращивание с криминалом – такова в сериале российская политическая реальность.

Подобные ценности вкладываются в мозг и души граждан – сначала имеющих платную подписку, а после и остальных – так как онлайн-сериалы попадают в бесплатный доступ и/или эфирное телевидение.

Нельзя отрицать, что вопрос анализа и контроля ценностно – идеологического содержания контента становится сегодня задачей первостепенной важности для молодёжной политики.

[1] Дубровин В. Л., Комиссаров С. Н. "Консервативный поворот" прокатного российского кино - шаг к восстановлению ценностного континуума? (На примере лидеров российского проката 2015 – 2020 гг.)/ В.Л.Дубровин, С.Н.Комиссаров // Гуманитарий Юга России. – 2020 – Т. 9 (43) - № 3. С. 216-231.

[2] KION от МТС [Электронный ресурс] URL: <https://kion.ru/home>.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПОКОЛЕНИЙ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ЧЕЧЕНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

**Жемчурова Седа Шахитовна,
Ибрагимова Элиза Мусаевна
ФГБУН Комплексный научно-исследовательский институт имени Х.И. Ибрагимова
Российской Академии Наук**

В современном чеченском обществе представители более молодых поколений в определенной степени отличаются иными образами восприятия действительности и повседневными действиями, что демонстрируется ими повсеместно в отношениях с предыдущими поколениями чеченцев. Вот почему все большую актуальность приобретает исследование межпоколенного взаимодействия на данном этапе исторического развития. Считаем необходимым фокусирование на поколенческом анализе в контексте преемственности и традиционности. Особенного внимания заслуживает исследование так называемого поколения Y (поколение миллениалов) как наиболее активного трудоспособного возрастного пласта. Интерес исследователей также сосредоточен на поколении миллениалов в контексте конструктивного воспроизводства

этноконфессиональных традиций, трансляции социокультурных характеристик, что является фундаментом становления и сохранения идентичности последующих поколений чеченцев. В данном ракурсе миллениалы рассматриваются как ключевое звено в цепи межпоколенных взаимодействий в чеченском обществе.

Цель данного исследования – анализ динамики межпоколенных отношений в чеченском обществе и роль миллениалов в данном процессе.

Наблюдаемое сегодня переломное состояние межпоколенных отношений можно считать следствием социальных потрясений, катаклизмов, происходивших в истории чеченского этноса в 20-начале 21 веков. Это влияние таких внешних факторов, как массовая депортация (1944 г.), военные события на территории Чеченской республики (1994-1996 гг., 2000-2001 гг.), эмиграции, а также степень стабильности общества. В результате поголовной депортации чеченский народ лишился исторической родины, конституционных прав и свобод, а его национально-территориальная государственность – ликвидации. В ходе сталинско-бериевской депортации резко уменьшилась численность чеченцев, навечно сосланных в Казахстан и Среднюю Азию. Число погибших от инфекционных заболеваний, холода, голода в местах ссылки по некоторым экспертным оценкам составило более 30% от общего числа чеченского народа [1, 25]. Военные действия на территории Чеченской Республики в конце 20 – начале 21 вв. привели к значительному количеству жертв среди мирного населения, что также повлияло на численность возрастных когорт. Последствиями военных действий стали массовые миграции населения, имевшие стихийный и разнонаправленный характер. В.Ю. Гадаев с горечью описывает события новейшей истории чеченского этноса: «не каждому поколению судьбой предначертано стать счастливым очевидцем смены веков и тысячелетий одновременно. Чеченцы надеялись, что оно будет очень счастливым для нашего поколения, для всего народа. Но, к сожалению, оно оказалось самым трагическим в истории чеченского народа» [2, 3].

Известно, что процесс взросления и социализации индивида предполагает включение в свой внутренний мир все больше и больше культурных традиций, обычаев и знаний. Старшее поколение обладает в наивысшей степени национальным достоянием, которое, собственно, и позволяет говорить об этнической самоидентификации народа [3]. Приняв этот тезис за базовый, становятся понятными процессы, протекающие в этнической среде и касающиеся старшей возрастной когорты, когда некие силы стремятся уничтожить какую-либо этническую общность. В этом случае легионеры этих сил, внедряясь в намеченный этнической смерти народ, устанавливают такие общественные взаимоотношения, при которых в приоритетном порядке изводится старшее поколение. Это имеет прямое отношение к социально-политическим процессам в регионе 20- начала 21 вв., в результате которых чеченское общество потеряло и продолжает терять представителей своей самого «ценного» с позиции преемственности и традиционности – старшего поколения.

В качестве эмпирической базы работы выступают анализ статистических данных, результаты эмпирических социологических исследований автора, проведенных по репрезентативной выборке: «Чеченский тайп в восприятии современной студенческой молодежи Чеченской Республики» (Грозный, 2013 г., n=750), «Некоторые аспекты толерантности студентов ВУЗов Чеченской Республики» (Грозный, 2015 г., n=526), «Многоуровневая идентичность чеченцев в социологическом измерении» (Грозный, 2016 г., n=1071), «Миллениалы на фоне предшествующих поколений чеченцев» (Грозный, 2020 г., n=464) и другие прикладные исследования, выполненные авторами в разные годы.

Среди исследовательских задач в ходе выполнения проекта были следующие:

Предложить собственную авторскую классификацию поколений чеченцев 20-21 вв., основанную на исторических вехах;

Определить роль и место миллениалов в поколенческой структуре современного чеченского общества;

Определить значение цифровых технологий в межпоколенных отношениях в современном чеченском обществе.

Основной гипотезой данного исследования (для последующей эмпирической проверки) является предположение о том, что поколение миллениалов в современном чеченском обществе является в значительной степени «цифровым», сосредоточенным на достижении целей, самовыражении, карьере, материальном благополучии. Поколение миллениалов-чеченцев выполняет интегрирующую функцию в схеме межпоколенных взаимодействий (как это было 20 и более лет назад), невзирая на обстоятельства, связанные с полной занятостью и определением материальных благ как наиболее значимых в иерархии ценностей.

Разграничение поколений само по себе сопряжено с разного рода условностями и ограничениями, равно как и использование самой категории «поколение». Но это не останавливает ученых, и они применяют это и другие понятия в своих работах.

Устанавливая границы между поколениями для проведения дальнейших эмпирических исследований, принято выделять значимые исторические события, запечатленные в памяти определенных поколений. Так, по мнению К. Мангейма, «быть современниками – значит подвергаться одинаковым влияниям, а не просто проживать в том же хронологическом периоде» [4, 15]. Одновременность может иметь социологический смысл в том случае, когда люди становятся участниками одних и тех же социально-политических и исторических событий, делят одну судьбу и общие идеи.

Целесообразно согласиться с мнением, что разграничивать поколения для исследования межпоколенных и внутрипоколенных взаимодействий следует не по годам рождения, а по временным промежуткам, в течение которых представители конкретного поколения вступают во взрослую жизнь (так называемый период взросления). Определенные условия, возникшие в период взросления, оказывают влияние на формирование характера целого поколения. Возраст человека от 17 до 25 лет считается, как правило, периодом наиболее «впечатлительных лет» [5, 34], в течение которого накапливается тот опыт, который оказывает серьезное влияние на будущее.

Вместе с тем, «процесс старения населения – глобальный тренд современного общества, являющий собой результат долговременных сдвигов в естественном и, отчасти, механическом движениях населения планеты. Однако единого критерия для выделения возрастных границ наступления старости не существует, так как с ростом продолжительность жизни человека трансформируется и представление о возрасте наступления старости. Для оценки демографического старения посредством выделения удельного веса в возрастной структуре населения лиц старше определенного возраста используются специальные возрастные шкалы. Специалистами ООН для оценки демографического старения используется шкала, где ключевым критерием является возрастная граница в 65 лет» [6].

Вместе с тем количественное состояние старшего поколения в чеченском обществе отличается в противоположную сторону. Согласно данным Чеченстат на 1 января 2020 года [7], численность представителей старше трудоспособного возраста составила всего лишь 10.3% от общего населения Чеченской Республики, 56.3% - представителей трудоспособного населения, 33.4% - численность нетрудоспособного населения региона (официальный сайт статистики). Низкий процент пожилых чеченцев стал следствием тяжелейших бедствий на рубеже веков – полномасштабных военных кампаний на территории Чеченской Республики, которые унесли десятки тысяч жизней мирных чеченцев. Погибшие от бомбежек, от ранений, от отсутствия медицинской помощи люди, находившиеся на момент военных действий в среднем, либо в предпенсионном возрасте и есть тот потерянный пласт чеченского общества, который должен был быть стержневой основой сохранения этнической идентичности чеченцев.

Применительно к истории чеченцев последнего столетия возможно выделить конкретные этапы, позволяющие, в свою очередь, определить более или менее сходные

поколения: поголовная депортация чеченцев (пребывание в ссылке 1944-1957 гг.) – возвращение на родину, период восстановления ЧИАССР (советский период) – 1957-1990 гг., период «независимой» Чечни – 1991-1994 гг., военный, межвоенный периоды 1995-2000 гг., период восстановления мирной жизни, стабильности, развития – 2001 - настоящее время. Взяв за основу модель классификации, предложенную В.В. Радаевым [8, 49], выделим условно шесть поколений чеченцев.

Таблица 1. Классификация поколений чеченцев 20-21 вв.

	Поколения чеченцев	Период рождения	Период взросления
I.	Поколение депортированных	1944 г. и ранее	1950 – 1963
II.	Поколение реабилитированных	1945 – 1952	1964 – 1973
III.	Советское поколение	1953 – 1967	1970 – 1983
IV.	«Военное» поколение	1968 – 1981	1984 – 1997
V.	Поколение миллениалов Y	1982 – 2000	1998 – 2016
VI.	Поколение Z (центициалы)	2001 г. и позднее	2016 – ...

В данном случае мы исходим из указанной периодизации, хотя возможны и иные. Исключительный интерес представляет поколение миллениалов-чеченцев в контексте рассмотрения его в качестве движущей силы происходящих трансформаций во всех сферах жизнедеятельности современного чеченского общества.

Термин «миллениалы» (от лат. millennium – тысячелетие) был введен в научный оборот американскими исследователями Уильямом Штраусом и Нилом Хоувом [9, 415] в конце прошлого столетия [Howe, Strauss, 2000] для обозначения детей, которые родились после 1981 г. и должны были окончить среднюю школу на рубеже веков. Иногда их называют Поколением Y (на контрасте с предыдущим Поколением X), NEXT, сетевым или цифровым поколением, подчеркивая глубокую вовлеченность миллениалов в цифровые технологии. В зависимости от культурных, социально-экономических и политических условий взросления характеристики миллениалов разных стран существенно варьируются [10, 140-144]. В рамках данного исследования будем придерживаться обозначенных периодов рождения (1982-2000) и взросления (1998-2016) миллениалов-чеченцев.

В 2020 году в соответствии с целью и задачами исследования была сформирована анкета для очного стандартизированного интервью. На основе данных официальной статистики рассчитана выборка респондентов в интересующем нас возрастном диапазоне (20-24, 25-29, 30-34, 35-39). Выборка многоступенчатая, репрезентирующая отбор респондентов по полу, возрасту, территории проживания, национальной принадлежности. Таким образом, опросом охвачено 464 человека (что составило 0,001% от генеральной совокупности), проживающих в Чеченской Республике, идентифицирующих себя с чеченцами, отобранных методом снежного кома. Анкета включала в себя 19 вопросов, 1 из которых открытый, 1- полузакрытый. Анализ полученных эмпирических данных позволяет сделать некоторые выводы.

Межпоколенные отношения чеченцев имеют первостепенное значение в контексте генерирования социологического портрета миллениалов. С целью верификации рабочих гипотез исследования был сформулирован специальный блок вопросов.

Таблица 2. Интерес миллениалов к представителям старшего поколения

(% от числа респондентов)

Чем для Вас привлекательны представители старшего поколения?	
Общением	12
Опытом	36

Жизненными ценностями, ориентирами	47
Затрудняюсь ответить	6
Всего	100

Полученные данные свидетельствуют об уважительном, почтительном отношении опрошенных миллениалов к представителям старшего поколения. Очевидным является высокая степень интереса респондентов к общению со старшими, их ценностям и ориентирам. Этот факт заслуживает пристального внимания, поскольку преемственность социокультурных, этноконфессиональных, социолингвистических компонентов идентичности чеченцев достигается только при условии межпоколенных вербальных взаимодействий, практикуемых на постоянной основе.

Одним из вопросов в анкете, отражающим специфику межпоколенных отношений чеченцев, был: «Как Вы считаете, утрачивается ли связь между младшим и старшим поколениями чеченцев?». Ответы распределились следующим образом.

Таблица 3. Оценка респондентами связи между поколениями чеченцев

(% от числа респондентов)

Как Вы считаете, утрачивается ли связь между младшим и старшим поколениями чеченцев?	
Да, люди разных возрастов всё реже контактируют друг с другом	43
Возможно, между разными поколениями возникает все больше проблем	32
Нет, связи такие же крепкие как 50-100 лет назад	10
Я не задумывался(лась), мне это безразлично	13
Затрудняюсь ответить	2
Всего	100

Согласились с утверждением о том, что люди разных возрастов реже контактируют друг с другом 43% опрошенных миллениалов. 32% уверены в том, что между разными поколениями возникает все больше проблем. Не задумывались над этим, или безразличны к данному вопросу 13% респондентов. Однако 10% от общего числа опрошенных видят связи между поколениями такими же крепкими как 50-100 лет назад. Анализ полученных данных обнаруживает ослабление межпоколенных контактов современных чеченцев, констатируемое миллениалами. Вместе с тем, известно, что в Чеченской Республике нет домов престарелых и домов для детей-сирот. Культ почитания старших – закон неписанный, но, пожалуй, самый строгий закон. Это правило чуть ли не первостепенное и в воспитании детей, в котором личный пример родителей в его соблюдении является главным средством передачи этой традиции.

Достойный уход за родителями – почетный долг каждого чеченца и потому для него нет большего позора, чем обвинение в невнимании к ним, следовательно, и передача обязанности заботы о них чужим лицам или госучреждениям. В чеченских семьях родители живут вместе с одним из сыновей (обычно с младшим), которому при разделе имущества передается не только право наследования, но и обязанности основного ответчика за создание для них максимально комфортных условий для жизни [11].

Каким образом могут сосуществовать уход за старшими, их почитание, уважительное отношение к ним с одной стороны и наличие таких явных показателей, как сокращение числа межпокольных вербальных коммуникаций и совместного времяпрепровождения многопоколенных семей, принятие важных решений с учетом мнения старших родственников – с другой. Ответы на эти и сопутствующие вопросы не

лежат на поверхности. Для их поиска необходим тщательный социологический анализ происходящих трансформаций в чеченском обществе.

Нельзя не согласиться с тем, что, опираясь на вековечную гармонию между отцами и детьми в чеченском обществе, молодые поколения могут во многом повторять траекторию отцов или не слишком от нее отклоняться. Межпоколенные переходы могут быть сглаженными, что особенно характерно для традиционных обществ или отдельных социальных групп [Мангейм: 2000, 43].

Но возможны и качественные разломы, когда отношения между смежными поколениями выходят за рамки традиционного конфликта отцов и детей. Конфликт все-таки предполагает наличие содержательной коммуникации (пусть и протекающей в форме столкновений). Разлом же возникает при нарушении коммуникации, при котором артикулированный конфликт может отсутствовать: сторонам просто не о чем разговаривать, предмет для конфликта отсутствует, но и взаимопонимания тоже нет. В этом случае речь идет не только о серьезных изменениях восприятия и поведенческих практиках, но о переходе поколений в ситуацию своего рода параллельного сосуществования [12, 111-124]. И тогда дело оказывается не том, что миллениалы выступают против идеалов своих отцов и дедов, они, видимо, просто не идентифицируют их ни как идеалы, ни как то, с чем стоит бороться [Радаев: 2020, 29]. О подобных процессах, в чеченском обществе пока не идет речь, но предпосылки возникновения переломных состояний уже очевидны.

Смена поколений в любом обществе происходит периодически, и сама по себе не является чем-то экстраординарным. Однако считаем необходимым сфокусировать внимание на важных социальных сдвигах, упустив которые станет сложно уловить тенденции (которые, вероятно, будут усиливаться в будущем) [Радаев: 2020, 29].

Косвенным индикатором межпоколенных отношений и вместе с тем этноконсолидирующим признаком идентичности является восприятие миллениалами конкретных исторических событий. Для выяснения содержания событий истории чеченцев, в опросный лист был включен вопрос открытого типа, не предусматривающий вариантов ответа. Участникам опроса предлагалось назвать, в частности, исторические события, вызывающих у них чувство сожаления. Вопрос не случайно сформулирован именно так выражено: эмоциональный аспект идентичности составляет ее ядро, именно через переживания человек, в первую очередь, определяет свои социальные отношения и предпочтения.

Таблица 4. Исторические события, вызывающие чувство сожаления у респондентов

Самые печальные события в истории чеченского народа	%
Депортация 1944 года	88
Военные действия 1994-1996 гг.	42
Военные действия 1999-2000 гг.	35
Трагедия в Хайбахе	3
Смерть Ахмата-Хаджи Кадырова	2
Коронавирус	2
ТикТок	1
Пленение Шейха Мансура 1791 г.	1
Трагедия в с. Самашки	1

Негативные эмоции вызывают 10 событий чеченской истории, содержащиеся в ответах миллениалов. Из полученных данных очевидно, что депортация чеченцев в 1944 году в Казахстан и Среднюю Азию и сегодня, спустя 77 лет, остается эмоциональным стержнем исторической памяти и формирует, в первую очередь, чувство несправедливости, унижения от произошедшего.

Что касается новейшей истории – второе и третье места в иерархии обозначенных событий почти в равных значениях разделили первая и вторая чеченские военные кампании (42 и 35% соответственно). Острое восприятие у респондентов вызывают: смерть Ахмата-Хаджи Кадырова, трагедия в с. Хайбах, пандемия коронавирусной инфекции, трагедия в с. Самашки в апреле 1995 года и другие факты.

С целью верификации выдвинутой гипотезы был сформулирован вопрос о причинах, способствующих отдалению представителей разных поколений. На первом месте среди межпоколенных дифференцирующих факторов оказались цифровые технологии (этот вариант выбрали 36% опрошенных). На втором месте респонденты отметили кризис института семьи (32%), социально-экономический кризис и нестабильность в стране выбрали 14% опрошенных. Мнение о том, что разобщение между поколениями чеченцев происходит в связи с духовным кризисом в чеченском обществе, разделили 9% миллениалов и столько же респондентов затруднились ответить на этот вопрос. Отсюда, предположительно, следует, что сам факт межпоколенной разобщенности в чеченском обществе, пусть и не вполне осознаваемой, респондентами не отрицается. Главенствующим фактором выступают цифровые технологии.

В качестве основных мер по улучшению межпоколенческих отношений респонденты отмечали следующие: создание позитивных образов пожилых людей и молодежи в средствах массовой информации (26%), возрождение чеченских семейных традиций и ценностей (23%), внедрение социальных программ, направленных на поддержку многопоколенных семей (19%), содействие институтам образования в преемственности культуры (12%), повышение уровня жизни молодежи и людей старшего поколения (8%). Затруднились ответить 4% миллениалов. Полученные данные демонстрируют в определенной степени осмысленное отношение представителей поколения миллениалов к происходящим трансформационным процессам в межпоколенных отношениях чеченцев.

Заключение.

Подводя итог, хотелось бы обозначить основные результаты работы.

Границы между поколениями чеченцев последнего столетия, обозначенные авторами, являются относительными, гибкими, проницаемыми, условными. Поколенческий шаг в предложенной классификации варьируется от 8 до 18 лет. Первостепенной задачей исследования являлось не доказательство четкости обозначенных поколенческих границ, а обнаружение специфики происходящих в чеченском обществе социальных трансформаций. Где именно межпоколенная динамика, на наш взгляд, является важнейшим движущим фактором этих трансформаций.

2. Период 2020-2021 гг. оказал влияние на количественный показатель представителей старшего поколения чеченцев в сторону уменьшения в связи с пандемией, вызванной COVID-19. Учитывая наивысшую степень значимости каждого человека как носителя уникальной культуры, можно говорить об еще одном потрясении, наряду с пережитыми на стыке веков, катастрофами, которое скажется на дальнейшем социокультурном развитии чеченского этноса.

3. В ходе реализации исследования подтвердилась гипотеза о том, что поколение миллениалов в современном чеченском обществе является в значительной степени

«цифровым», сосредоточенным на достижении целей, самовыражении, карьере, материальном благополучии. Вместе с тем, поколение миллениалов-чеченцев продолжает выполнять интегрирующую функцию в схеме межпоколенных взаимодействий (как это было 20 и более лет назад), хоть и с меньшей степенью интенсивности.

4. Задача ученых, общественных деятелей и всех заинтересованных лиц в эпоху социальных трансформаций выработать идеалы, которые способствовали бы сохранению гармоничных отношений в чеченском обществе, в том числе и между поколениями.

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ КАК ЦЕННОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНТОВ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ И РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Зайцева Анастасия Андреевна
Южный федеральный университет

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311- 90090 «Ментальные программы и институциональные практики социального поведения студенческой молодежи в региональных сообществах на Юге России и в Республике Крым»

Традиционно, как среди российской молодежи, так и старшего поколения распространено патерналистское отношение к гражданскому участию, нежелание заниматься общественными инициативами и практиками. Однако постепенное зарождение позитивного опыта в виде активной поддержки волонтерства, финансирования социально-значимых проектов создают формальные условия, которые способствуют вовлечению в гражданские практики студентов вузов. Но является ли вообще ценностью гражданское участие в представлениях студентов Юга России?

Методологической основой для выявления представлений о гражданском участии как терминальной и инструментальной ценности являются теория ментальных программ А.В. Лубского и теория ценностей М.Рокича.[1; 3] Эмпирической основой выступают данные двух авторских анкетных опросов, проведенных среди студентов вузов Ростовской области (382 чел.) и республики Крым (380 чел.).

Гражданская сфера в Крыму обладает своей спецификой. Согласно исследованиям, число общественных организаций на полуострове в разы меньше, чем в Ростовской области. [2] Только с 2014 года в отдельных университетах начала разрабатываться и реализоваться молодежная политика в связи с реструктуризацией вузовской системы. Поэтому гражданское поведение крымских студентов строится в условиях формирования новой социальной и общественно-политической реальности.

Итак, под влиянием консервативной волны в российском обществе, мнения старшего поколения о том, что «ничего не изменить», среди студентов формируется конформистское отношение к гражданскому участию, где оно скорее не представляет собой ценности для молодых людей. В настоящем исследовании было выявлено, что такие представления распространены у большей части студентов – среди 36% ростовских и 43% крымских.

Одновременно под влиянием либеральных тенденций зарождается активистское представление о гражданском участии, которое может проявляться в виде терминальной ценности, когда студенты хотят помочь другим людям, городу, обществу, отстаивать свои права и интересы, повлиять на государственные решения. Такие представления распространены среди 29% студентов в Ростовской области и 25% в Республике Крым.

Проявлять активность в гражданских практиках студенты могут и в связи с инструментализацией ценности участия. В таком случае при участии в гражданских практиках им хочется проявить свои способности (20% в Ростовской области, 15% в Республике Крым), познакомиться или пообщаться с друзьями (27% в Ростовской области, 22% в республике Крым), интересно провести свободное время (22% в Ростовской области, 18% в республике Крым).

Различия в двух регионах состоят в том, что крымчане более консервативно относятся к гражданскому участию и реже рассматривают его в качестве ценности. Тревогу вызывает высокий процент показателя инструментальной ценности гражданского участия и подмена его подлинного смысла, что отчасти объясняется проблемами организации досуга и виртуализацией общения.

1. *Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России : монография / отв. ред. А.В. Лубский. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2017. – 396 с.*
2. *Троицкая Т.В. Становление институтов гражданского общества в Республике Крым и городе Севастополе // Вестник СГЮА. 2015. №5 (106). С. 69 -73.*
3. *Rokeach M. The Nature of Human Values. N.Y., 1973.*

ПРОТЕСТЫ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ВОСПРИЯТИИ МОЛОДЁЖИ

Захаров Глеб Борисович

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова

Аннотация: В статье рассмотрена проблема позиционирования социальных протестов, а также их восприятия молодыми людьми. Представлены данные исследования молодых людей в отношении информированности и готовности к участию в протестах. Автором подчёркивается феномен романтизации данных движений и недостаточный уровень развития навыков критического мышления.

Революционные и протестные движения рассматриваются исследователями как естественные формы организационных изменений, роль которых заключается в системных сдвигах в социальном, экономическом и политическом сферах жизни людей. В значительной мере данные феномены обусловлены необходимостью кардинальной смены социальных норм, идеологий, символов и целей общественного развития в тех случаях, когда административный аппарат характеризуется высокой степенью ригидности [1, 83].

Современная история демонстрирует достаточно активное распространение социальных протестных движений, приводящих к смене власти или базовой политической идеологии. Цветные революции Украины и Грузии, конфликты, вызванные признанием различных аспектов дискриминации и гендерной идентичности – составляют лишь видимую часть социального возмущения и нестабильности, которое охватило большинство развитых и развивающихся стран [2].

Несмотря на наличие объективных причин подобных явлений, в значительной мере природа протестных движений может быть обусловлена наличием манипулятивных механизмов, проявляющихся посредством СМИ, системы образования, социальных сетей. Хотя прямая связь между общественным возмущением и виртуальным пространством не всегда может быть обнаружена научными методами, именно коммуникативная среда является стимулирующим аспектом для молодых людей.

С целью выявления качества воздействия виртуального пространства на информированность о социальных протестах и готовность к участию в них молодёжи

автором я январе-феврале 2021 года было проведено исследование посредством анкетирования, в рамках которого приняли участие 511 молодых людей в возрасте 18-30 лет.

Революционные и протестные движения молодые люди (32,8 %) рассматривают в качестве краткосрочной меры, нацеленной на кардинальные изменения общественных отношений. Следует отметить, что молодые люди рассматривают революцию как крайнюю меру (28,9 %), которая может быть использована только при полном отсутствии заменить административный аппарат управления иными методами.

В рамках вопросов, касающихся информированности об изучаемом феномене, молодые люди продемонстрировали высокую избирательность в оценке протестных движений. К примеру, выступления «белых ленточек» в 2011 году, возмущения в США относительно дискриминации темнокожего населения, молодые люди не отнесли ни к социальным революциям, ни к протестным движениям, охарактеризовав данные явления скорее как политическую акцию.

Относительно агентов влияния респонденты проявили единодушие, определив в качестве наиболее эффективных инструментов управления массами социальные сети – 42,4 %, а также различного рода мессенджеры – 28,7 %. В то же время исследование показало, что стимулирование молодежи посредством данных инструментов возможно только при отсутствии других, более актуальных видов деятельности (отсутствие трудоустройства, хобби, семьи и пр.). Таким образом, молодые люди рассматривают протестные движения с двух позиций: как форма выражения социального возмущения ввиду наличия объективных проблем, а также как форма организация досуга и возможность принадлежности к социально активной группе.

1. Грошева И.А. Модальная личность: портрет с отклонениями // Социологические исследования. 2009. №3. С. 82-88.
2. Шетулова Е.Д. Социальная революция в контексте современного понимания отчуждения // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2017. №1-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-revolutsiya-v-kontekste-sovremennogo-ponimaniya-otchuzhdeniya>.

ВОСПРИЯТИЕ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР (КАК «СВОИХ»/«ЧУЖДЫХ») У СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Зеленев Илья Александрович
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Исследование проведено в рамках гранта РФФИ «Социальная стратификация и социализация российской молодежи в постсоветский период» (проект №20-011-00285А).

Молодежная субкультура – это культура молодого поколения, обладающего общностью стиля жизни, поведения, социальных норм и ценностей [1]. Способность субкультуры производить новые смыслы можно интерпретировать как символическое сопротивление родительской культуре и социальному классу [5].

В конце 1980-х годов молодежные субкультуры у нас стали называть «неформалами», а сегодня, как свидетельствуют коллеги, современные молодежные группы стали пользоваться этим определением в качестве самоназвания [2], [3]. В то же время, некоторыми авторами отмечается, что в России сформировалась благоприятная почва для криминализации сознания молодежи. В российских регионах (например, Сибири и Дальнего Востока) приобретает популярность сетевое молодежное движение

«АУЕ», расшифровывающееся как «арестантский уклад един» или «арестантское уркаганское единство» [4].

Эмпирическая основа предлагаемой публикации – результаты обработки некоторых данных социологического опроса, проведенного летом 2020 г. (представлено городское население РФ в возрасте от 18 до 34 лет включительно, размер целевой группы 30 млн. 995 тыс. чел.). Объем выборки – 1400 чел., разделенных на 2 когорты по 700 чел. Когорта №1 включает в себя россиян в возрасте 18-24 лет, когорта №2 – 25-34 лет.

В базе данных мы обратились к ответам респондентов на вопросы о том, знают ли они о каких-либо неформальных объединениях молодежи в нашей стране, а также:

«Относятся ли Вы к какому-либо неформальному объединению или группе?»;

«В какой мере чуждыми/своими Вы воспринимаете <название неформального объединения>?» (шкала для ответа: от 1 балла - «Абсолютно чуждые», до 5 баллов - «Абсолютно свои»). Предлагалось охарактеризовать свое отношение к 27 неформальным объединениям, группам, перечисленным в анкете.

Результаты.

Знают о каких-либо неформальных объединениях молодежи в нашей стране – (в каждой когорте) по 28% респондентов.

Самыми известными оказались (% от числа опрошенных всего в когорте №1 и №2, соответственно): панки (6% и 4,7%); готы (3,2% и 4,2%); эмо (3,1% и 2,3%); а относят себя к какому-либо неформальному объединению или группе: 9,5% и 4,9% респондентов.

Как более «своих» все респонденты оценили (в порядке уменьшения среднего балла, который указан в скобках, после названия неформального объединения, для когорты №1 и №2 соответственно): рокеров (3,6 и 3,4); геймеров (3,6 и 3,4); металлистов (3,2 и 3,1). Самыми «чуждыми» оказалась группа АУЕ (1,9 и 1,9 балла)

Полученные нами на репрезентативной выборке, результаты позволяют говорить о достаточно стабильном позиционировании в сознании современной российской молодежи (независимо от уровня образования респондентов) в качестве «чуждых» – таких молодежных объединений, групп как «АУЕ», а также «винишко-тян» и «ванилек» (подобное «соседство» несколько неожиданно, учитывая безобидность двух последних).

1. Леньков Р.В. Социология молодежи: учебник для академического бакалавриата / Р.В. Леньков, Е.А. Гайдукова [и др.]; под ред. Р. В. Ленькова. М.: Юрайт, 2015.
2. Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Институт социологии РАН, 2000.
3. Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 4. Конфигурации молодежных субкультур в пространстве российского региона // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2010. №20 (91). Выпуск 14. С. 70–78.
4. Чирун С.Н. Молодежное «АУЕ» как интегральный феномен российского постмодерна // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. №1. С. 49–65.
4. Clarke J., Hall S., Jefferson T., Roberts B. Subcultures, Cultures and Class: A theoretical overview / Resistance through rituals: Youth subcultures in post-war Britain / ed. By S. Hall, T. Jefferson. London: Routledge, 2003. P. 9–74.

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ОНЛАЙН-ЗНАКОМСТВ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ

Зернов Дмитрий Васильевич

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Согласно данным исследования, проведённого среди учащейся молодёжи (Нижний Новгород, 2019 г., n=742), средний возраст начала пользования социальными

сетями составляет примерно 10,7 лет. При этом наблюдается тенденция к более раннему возрасту начала пользования. Сравнение двух крайних возрастных групп (21 год и 16 лет) показывает, что для старшей возрастной группы средний возраст начала пользования социальными сетями составляет 12,0 лет, тогда как для младшей – 9,6 лет.

Самыми популярными социальными сетями российской молодёжи являются ВКонтакте и Instagram. Так, например, 98% подростков в возрасте 14-15 лет являются пользователями ВКонтакте и 85% пользователями Instagram [1, 27]. В более старших возрастных группах лидерство также остаётся за этими двумя сетями.

По мнению школьников, основными функциями социальных сетей являются: обеспечение возможности общения с друзьями и родственниками (73%), поиск новых знакомств, расширение круга друзей (49%) и предоставление возможности развлечься (41%) [2, 121-122].

Распространение технологий и практически зависимость молодёжи от социальных сетей привело к изменению практик коммуникации. Общение всё больше перемещается в мессенджеры и социальные сети. Трансформируются процесс поиска партнёра и сфера романтических отношений [3, 159].

По данным исследования учащейся молодёжи (Нижний Новгород, 2020 г., n=298), свыше 90% юношей и девушек получали в социальных сетях приглашения познакомиться (большинство из них – многократно). Говоря о собственном опыте знакомств, не менее 50% отмечает, что оно произошло онлайн. Однако знакомства онлайн оказываются менее удачными: оценивая результат знакомства онлайн, 56% отметили, что они сейчас вообще не общаются с человеком, с которым познакомились (против 37% познакомившихся офлайн).

С целью поиска новых знакомых наряду с социальными сетями сегодняшняя молодёжь активно пользуется установленными на мобильный телефон приложениями для знакомств. Опыт использования подобных приложений имеют почти 80% (из них 15% активно пользуются ими в настоящее время).

Поиск постоянного партнёра не является для молодёжи единственной причиной регистрации в приложении для знакомств. Также часто молодёжь говорит, что установили приложение, чтобы развлечься, занять время, получить опыт взаимодействия с людьми, найти друзей, и даже улучшить свои коммуникационные навыки. При этом, около пятой части из тех, кто пользовался приложением для знакомств, признались, что испытали бы стыд, если бы кто-то узнал об их страничке в таком приложении.

Опыт знакомства онлайн был у 35% молодых людей, но положительным его назвали только 6%.

Явление онлайн знакомств широко распространено в молодёжной среде. Об этом свидетельствует о то, что 78% молодёжи отметили, что их друзья или близкие люди познакомились с помощью приложений для знакомств.

СОЗДАНИИ КОНСТРУКТИВНОЙ МОДЕЛИ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

**Зинурова Раушания Ильшатовна,
Никитина Татьяна Николаевна, Фатхуллина Лилия Зинуровна
ФГБОУ ВО "Казанский национальный исследовательский технологический
университет" "**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-33006.

К основным тенденциям современного мира следует отнести факторы, связанные с процессами глобализации, в том числе в политической сфере жизни общества. Мировые тенденции в понимании гражданственности и отстаивании гражданских прав становятся актуальными для современной России. Исследования ученых подтверждают, в последние десятилетия все большую актуальность обретает вопрос поколений и его гражданская активность.

Сегодня существует практикоориентированные формы гражданской активности, связанные с развитием интернет-технологий и открытостью мирового пространства для трансляции практик активности [1,2]. Формирование гражданской активности, по мнению авторов, определяется как процесс формирования гражданской культуры и гражданской ответственности на основе усвоенных в процессе образования и самообразования знаний, определяющих систему гражданских ценностей. На основе знаний формируются гражданские практики в области защиты прав и свобод граждан, не противоречащие российскому законодательству, создающие основания для демократического развития общества.

Конструктивная модель гражданской активности личности определяется деятельностью образовательных учреждений в направлении формирования политической культуры и гражданственности школьника. Формирование гражданской культуры в учебных заведениях должно основываться на следующих ключевых положениях:

Научно - методическое и аналитическое обеспечение системы гражданского воспитания. Разработка нормативных и программных документов, направленных на развитие гражданственности школьников.

Разработка совместно с учащимися и по их инициативе конкретных проектов, программ и мероприятий для формирования практики гражданственности и гражданской вовлеченности в жизнь региона и страны в целом.

Кадровое и организационное обеспечение функционирования системы гражданского воспитания.

Развитие площадок для реализации социальной и гражданской активности, в том числе виртуальных.

Внедрение в учебный процесс дисциплин или части дисциплин гражданской направленности для развития гражданской культуры школьников.

К легитимным формам гражданской активности школьников относят школьное самоуправление. Прочно связанное с планом мероприятий, разработанных педагогическим коллективом, выполняет функции патриотического воспитания и участия в мероприятиях военно-патриотической направленности [3]. В учебных заведениях недостаточно развита проектная деятельность, степень участие в локальных гражданских проектах и локальных сообществах также не на должном уровне.

Патриотическое воспитание формирует институт гражданственности посредством привлечения школьников к общественно - значимым работам и участию в школьном самоуправлении. Интерпретация политических событий, систематизация политических знаний, представления о социально - политической жизни российского общества, функционирование общественных институтов, знание правовых основ государства, формирование собственной точки зрения на события в стране и мире закладываются в системе образования [4].

РОЛЬ ДОСУГОВЫХ ПРАКТИК В РАЗВИТИИ КРЕАТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Иванова Анна Владиславовна

Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящее время развитие потенциала молодежи представляет большой интерес в изучении, что связано с возрастающим спросом на формирование социально-активных, творческих, гармонично развитых личностей в современном обществе. Приоритеты Российской Федерации ориентированы на укрепление активной жизненной позиции, развитию гражданского общества, формирование механизмов создания молодежью общественных благ [7].

Неоспоримым является тот факт, что инновационное развитие базируется на креативном подходе. Использование творческой активности позволяет получить результирующий эффект и привести к прорывным инновациям. Современная образовательная реальность российского общества формируется под влиянием активно идущих процессов модернизации. Инновационная модель развития экономики неизбежно влияет на все сферы жизни человека сегодняшнего времени, предъявляя к нему особые запросы и требования. Новые вызовы современности оказывается способной принять только креативно мыслящая самостоятельная личность, ориентированная на саморазвитие и реализацию своего творческого потенциала [3]. Элитарность креативности как ресурса с растущей в современном мире ценностью обусловлена его неотделимостью от конкретного человека, ее невозможно присвоить, к примеру, организации.

Е. П. Торренс дает такое определение креативности: «Креативность – это такой процесс, который состоит из следующих компонентов: чувствительность к проблемам, ощущение неудовлетворенности и недостаточности своих знаний, чувствительность к отсутствующим элементам и дисгармонии, опознание проблем, поиск решений, догадки, формулирование гипотез, проверка и перепроверка этих гипотез, их модификация, а также обобщение результатов» [5].

Формирование креативного мышления напрямую связано с уровнем знаний, образом жизни человека, многогранностью его интересов. Расширяя свой кругозор, благодаря чтению, общению с разными людьми и в принципе готовности к получению различной и интересной информации человек развивает креативность своего мышления [1].

Основоположник методов факторного анализа и тестов интеллекта Л. Терстоун выдвигает положение о том, что креативная деятельность возможна исключительно в моменты релаксации и информационного детокса, вне давления концентрации и попыток сосредоточенности. Чем свободнее и расслабленнее самоощущение личности, тем продуктивнее его творческая деятельность. С этой точки зрения, очень важно развивать досуговую деятельность молодежи, которую каждый выбирает себе сам, исходя из своих интересов. Творческая составляющая досуга, как правило, не имеет своей целью создания нового социально значимого продукта. Основным результатом творческой самореализации выступает личностное совершенствование субъекта. Участник досуговой деятельности самостоятельно созидает свой культурный продукт, и в то же время он рассматривает его в виде средства для достижения наилучших результатов в конкретной жизненной ситуации [4].

Набирает обороты такой тип досуговой деятельности, который рассчитан на творчество и созидание культурных ценностей. С широким распространением Интернета можно наблюдать, как растут хендмейд сообщества в различных социальных сетях. Рождаются новые формы художественной деятельности, которая может рассматриваться

с одной стороны, как хобби, то есть как досуговая деятельность, а с другой стороны может приносить экономическую выгоду [6]. Интернетплощадка в этой связи становится объектом для пристального изучения досуговых течений и интересов молодежи [6].

Современной и популярной формой креативной деятельности у современной молодежи считается фестиваль. Фестивалем называют массовое празднество, показ достижений профессионального и самодеятельного художественного творчества. Многогранность этого социокультурного явления дает основания рассматривать его в одном блоке с такими формами, как праздник, конкурс, олимпиада, представление. Фестиваль -это стимулирующее средство для организации самодеятельного художественного творчества и его пропаганды [8].

Ярким примером является Российская студенческая весна. Главной целью Программы является совершенствование системы поддержки студенческого творчества, развитие механизмов поддержки творческой деятельности в сфере культуры и искусства, в том числе традиционной народной культуры, сохранение и популяризацию культурного наследия народов России, использование культурного потенциала России для формирования положительного образа страны за рубежом. Поучаствовать можно в различных направлениях: «театральное», «музыкальное», «танцевальное» и т.д. Ежегодно в рамках Программы в мероприятиях участвует более 1,5 млн студентов, представляющих свыше 700 университетов и колледжей со всех уголков страны, что говорит о желании молодежи участвовать в творческих формах досуговой деятельности [9].

Несмотря на различные трактовки в научной литературе креативности, многие ученые отмечают, что для развития креативного мышления необходимо развитие умения решать творческие задачи, предполагающие систематично и последовательно преобразовывать действительность и себя. Досуг может быть сильным стимулом для развития личности. В этом есть прогрессивные возможности досуговой деятельности.

1. Хашиева А. Б. *Формирование креативного мышления молодежи Вестник Института комплексных исследований аридных территорий*, 2013 г. – 118-121 с.
2. Старикова М.С. \ Безуглый Э.А., Шахов В.В. *Креативный потенциал как основа инновационного развития региона*, Издательство Креативная экономика Том 8, Номер 2, Апрель-июнь 2018
3. Акунина Ю.А., Ванина О.В. *Инновационные формы молодёжного досуга: тренды современности*, 2019 г., - 105-117 с.
4. Шарковская Н. В. *Аксиологическая направленность культуротворческих форм активного досуга современного студенчества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. - 2018. - № 1 (81).*
5. Степаненко Н. А. *Суцность понятия «Креативный потенциал учителя» Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, г. Орск*
6. Иванова Ю. В. *Хендмейд сообщества Рунета. IV Всероссийский социологический конгресс. 2012. Электронная версия: http://all-russia-sc.ru/netcat_files/File/Part13.pdf (дата обращения 13.09.2012).*
7. *Постановление Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. N 751 г. Москва "О национальной доктрине образования в Российской Федерации"*
8. А.В. Макаров *Изучение культурно-досуговой деятельности в условиях вуза*, 2015 г.
9. <https://studvesna.ru/abou-program/>

СОХРАНЕНИЕ САМОБЫТНОСТИ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ И НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЁЖИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Иванова Маргарита Сергеевна
ФГБОУ ВО "Кубанский государственный университет"

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-511-05017 «Армянская диаспора в системе межэтнических отношений в полиэтничном регионе (на примере Краснодарского края)».

В Краснодарском крае располагается крупнейшая армянская община России. Всего на территории края проживает 5675462 человека, из них по данным официальной переписи населения 2010 год 279463 человека составляют армяне, с каждым днём это количество несомненно увеличивается. Армяне являются второй по численности после русских этнической общностью Краснодарского края. Местами их компактного проживания являются города: Краснодар, Армавир, Сочи, Геленджик, Анапа, Новороссийск, Туапсинский, Белореченский и Апшеронский районы.

Группой учёных Кубанского государственного университета, при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-511-05017 «Армянская диаспора в системе межэтнических отношений в полиэтничном регионе (на примере Краснодарского края)» проводится социологическое исследование посредством фокус-групп среди молодёжи, посещающей мероприятия, проводимые общественной организацией «Региональная армянская национально-культурная автономия Краснодарского края» и региональное отделение общероссийской общественной организации «Союз армян России». Роль этих организаций довольно весома в деятельности, направленной на самобытность, сохранение национальной культуры и её передачи из поколения в поколение.

Старшее поколение старается воспитать молодёжь в духе патриотизма. Известная история на Кубани об армянке Аршалуйс Ханжиян, которая в годы войны всегда была рядом с солдатами и даже после окончания войны до последнего своего дня следила за их могилами в урочище Поднависла г. Горячий Ключ. Некоторое время назад в память об Аршалуйс, студент Краснодарского института культуры, снял документально-игровую картину. В помощи съёмок фильма участвовали общественные организации и местные предприниматели. Благодаря этому фильму об Аршалуйс узнало больше людей. Регулярно группы молодёжи собираются и едут в урочище, чтобы почтить память Аршалуйс и убрать могилы солдат, которые были для неё так дороги [1].

Также создаются условия для обеспечения сохранности культурного наследия армянского сектора Всесвятского кладбища Краснодара [2]. На нём погребены известные общественные и государственные деятели, герои войн и др. На сегодняшний день кладбище находится в плачевном состоянии после рук вандалов. Традиционно несколько раз в год армянскими семьями выходят на уборку могил. Молодёжь принимает активное участие в поиске исторических фактов о захоронениях [3].

В некоторых вузах края проводятся дни, посвящённые культурам разных стран, где молодёжь может обменяться опытом приготовления традиционных блюд и насладиться традициями [4].

Но особо ценно для молодёжи, участие в проводимых общественными организациями национальных праздников: вардавар, терендез, День памяти жертв геноцида армян и т.д. где молодёжь может встретиться со старшим поколением и перенять вековые традиции [5; 6].

Проводимый комплекс мероприятий позволяет сохранить самобытность армянской диаспоры и национальной культуры в условиях проживания на Кубани.

АКТУАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ МОЛОДЕЖИ НА СОВРЕМЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА

Ивченков Сергей Григорьевич
Государственный университет им.Н.Г.Чернышевского

Современная молодежь представляет важный стратегический ресурс страны. Но ее трудоустройство, особенно – специалистов по работе с молодежью, в условиях пандемии и борьбы предприятий за выживание является одной из острейших проблем рынка труда и характеризуется тенденциями к ухудшению. В этих условиях особое внимание молодежной политики направлено на анализ и повышение эффективности компетентностной составляющей молодых специалистов на рынке труда. Поэтому не случайно российские социологи (Р. Валиахметов [1], О. Гребняк [2] и др.) активно изучают положение молодежи на рынке. Однако компетентностная составляющая специалистов о работе с молодежью еще ждет своего исследования.

Исходя из этого в 2021 году было проведено социологическое исследование методом анкетирования. Объем квотной - территориальной выборки составил 480 молодых саратовца. Критерии отбора – пол, возраст, место жительства. Было опрошено 49% юношей и 51% девушек.

Современные социально - экономические отношения характеризуются необходимостью приспособления к повышенной динамичности рынка труда. В этих условиях, помимо профессиональных качеств, современный молодой специалист по работе с молодежью должен обладать для повышения своей конкурентоспособности целым рядом личностных качеств. Так по данным опроса ему больше всего требуется профессиональная грамотность (на это указали 79,6% опрошенных), профессионализм (73,5%), культура общения (70,1%), ответственность (67,3%), профессиональная мобильность (66%), целеустремленность (61,2%), дисциплинированность (58,5%), трудолюбие (56,5%), эрудированность (54,4%), исполнительность (49,7%), инициативность (47,6%), предприимчивость (40,8%), деловитость (38,1%). Самая распространенная самооценка молодежи своего уровня знаний по профессии - хороший (44,2%). 37,4% опрошенных указали на высокий уровень профессионализма, что демонстрирует эффективность профессионального образования в регионе.

Таким образом, реализация компетентностного подхода в социологическом исследовании молодых работников показала значительное соответствие профессиональной подготовки требованиям современного рынка труда и адекватное понимание молодых специалистов по работе с молодежью.

1. Валиахметов Р.М., Баймурзина Г.Р. Занятость и социально-профессиональная мобильность молодежи (на примере Республики Башкортостан) // *Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15 / Отв. ред. М.К. Горшков. - М.: Новый Хронограф, 2017. С. 134-153.*
2. Гребняк О. В. Особенности формирования рынка труда молодежи в обществе цифровой экономики // *Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодежи [Электронный ресурс]: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 20–21 апреля 2020 года) / Отв. ред. Т. К. Ростовская, ИСПИ ФНИСЦ РАН. – Электронн. данн. – М.: Изд-во Перспектива, 2020. –531 с. С. 269-274.*

ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ЗАКУПКАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ГОССТРУКТУР КАЗАХСТАНА ЗА 2016-2020 ГОДЫ

Искаков Азиз Ержанович
Qazaqstan Institute of Social Studies

Qazaqstan Institute of Social Studies выражает благодарность Ассоциации социологов Казахстана за оказанную поддержку в проведении исследования.

Изучение состояния рынка социологических услуг как тематика работ в казахстанской и зарубежной научной периодике, к сожалению, не представлена, что сужает перечень релевантных работ, на которых может структурироваться теоретическая база исследования. В то же время это подчеркивает перспективность разработки данного направления, возможность создания нового научного знания и формирования основы для управленческих и финансово-хозяйственных решений субъектов, являющихся участниками рынка социологических услуг.

Галдава Т.Н. [1], Никоновой О.С. и Витюниной Я.А. [2] и Жуковым В.А. [3] применялся в целом схожий с применяющимся в рамках данной работы дизайн исследования в части изучения фактических сделок, заключенных участниками рынка консалтинговых услуг.

Настоящее исследование основано на массиве данных, составленном посредством сбора и агрегации открытых сведений, размещенных на портале электронных госзакупок [4] Республики Казахстан.

За период с 2016 по 2020 годы через портал электронных государственных закупок было организовано 375 конкурсов по приобретению услуг по проведению социологических исследований. Данный пул проектов можно считать полными с учетом допущения о том, что рассматриваемый используемый массив не включает в себя данные об исследованиях, проводимых и/или финансируемых через госзадания, грантовое, программное-целевое или иное финансирование вне механизмов публичных госзакупок.

Рассмотрим данный пул проектов в разрезе тематических категорий, обозначенных в технических спецификациях к этим конкурсам (см. Табл. 1).

Таблица 1. Данные о закупках услуг в сфере социологии за 2016-2020 годы, ед. [2].

Тематика	2016	2017	2018	2019	2020	Итого	Доля от всех исследований
Общественно-политическая ситуация	22	26	23	13	12	96	28,15%
Религия	14	9	10	4	7	44	12,90%
Межэтнические отношения	7	5	4	5	8	29	8,50%
Коррупция	4	6	5	4	4	23	6,74%
Языки	3	4	3	2	4	16	4,69%
Госуслуги	2	3	3	2	5	15	4,40%
Медиа	4	1	5	2	0	12	3,52%

Культура	0	3	4	1	1	9	2,64%
Трудовые отношения	0	2	4	3	0	9	2,64%
Молодежь	1	2	2	2	1	8	2,35%

Доля пяти наиболее распространенных тематик социологических исследований составляет 61% от всех исследований, проведение которых профинансировано через портал электронных госзакупок. Десять наиболее распространенных тематик составляют 76,54%.

Исходя из вышесказанного можно заключить, что проекты, посвященные изучению молодежи и молодежной политики, реализуются на постоянной основе и находятся в постоянном фокусе госполитики Казахстана.

Дальнейшее изучение рынка социологических услуг в Казахстане представляет собой интересное и неразработанное направление на стыке ряда дисциплин и может проводиться в части расширения спектра применяющихся источников исследовательских данных, увеличения пула рассматриваемых заказчиков, анализа уровня экономической концентрации на этом рынке и т.д.

СТРАТЕГИИ РАЗБЛОКИРОВАНИЯ ПРЕПЯТСТВИЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ АКТИВНЫХ ГРУПП МОЛОДЁЖИ

Келасьев Олег Вячеславович

Санкт-Петербургский государственный университет

Молодёжь, как известно, представлена большим числом различающихся групп. Есть как относительно благополучные, с высоким уровнем социально одобряемой активности, наличием перспектив, так и проблемные, с несанкционированными формами активности, отсутствием социальных перспектив и т.д. Для наиболее активной группы, ориентированной на интерес к общественно-политической жизни, нередко возникают препятствия в самореализации. Дело в том, что их активность часто выходит за пределы санкционированных норм, не вписывается в сложившиеся практики гражданского участия, что порождает у них определённые протестные настроения, которые подпитываются социальным и финансовым неравенством, замалчиванием некоторых истинных проблем.

К тому же, сегодня наблюдается достаточно выраженный разрыв поколений, которого не было никогда ранее. В силу этого социализирующее влияние старшего поколения на младшее сокращается. Главным социализирующим институтом стал интернет. При этом активные молодёжные группы не могут принять приписываемую им объектность.

Молодые люди, стремящиеся раскрыть, реализовать себя в общественно-политической деятельности, сталкиваясь с препятствиями, остро реагируют на невозможность реализовать себя в этой деятельности. Другие же формы самореализации для активных молодых людей часто заблокированы. Лучшим средством разблокирования препятствий для самореализации активной молодёжи является формирование подлинно развивающей среды, позволяющей раскрыться талантам, способностям, интересам молодых людей. Ведь реакция на заблокированность самореализации в разных сферах, в т.ч. социально-политической является протестное поведение и радикализация

настроений. Поэтому необходимо разрабатывать технологии разблокирования этих препятствий и переключения активности молодёжи на другие сферы.

Ближайшая жизненная среда человека – местное сообщество, в котором много нерешённых проблем, ждущих усилий молодых людей. И многие из молодых людей, видя недостатки в этой среде, могут и хотят реализовать себя в местном самоуправлении. При этом речь идёт об ориентации молодёжи на неформальное участие в делах местного значения и определённом недоверии к формальным практикам участия. И именно поэтому органы власти должны научиться замечать и работать с низовыми формами самоорганизации молодёжи, ориентированной на неформальные практики участия в решении локальных проблем.

Не случайно в настоящее время, как показали наши исследования, повышается заинтересованность молодёжи в делах местного значения, локальных проблемах, таких как обустройство окружающей среды, раздельный сбор мусора, общественный контроль за деятельностью жилищно-коммунальных служб, органов местного самоуправления и т.д. Появились молодёжные группы, которые претендуют на более активное участие в работе органов местного самоуправления. Эти группы уже заслужили немалый авторитет у местных жителей, они выдвигают конструктивные программы по улучшению состояния окружающей среды, достижению более высокого уровня комфортности для жителей, усилению открытости органов местного самоуправления, достижению реального включения жителей в процессы принятия решений, затрагивающих их интересы. При этом они располагают необходимыми информационными и личностными ресурсами, которые они уже отчасти опробовали в различных гражданских инициативах, способны составить здоровую конкуренцию устоявшемуся корпусу депутатов местного уровня. Молодые люди весьма внимательно следят за происходящим на местном уровне, надеясь за счёт своего участия расширить пространство своей самореализации [1].

Приведённые исследования говорят о значительном неиспользованном резерве активности молодёжи в делах местного значения, повышения комфортности среды проживания.

Местное самоуправление, таким образом, может предложить значительные возможности для самореализации активных групп молодёжи. Молодые люди, занимаясь понятными и близкими им делами местного значения, чувствуют свою значимость. востребованность.

1. Келасьева О. В. Отношение молодёжи Санкт-Петербурга к деятельности органов местного самоуправления / О. В. Келасьева // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса, Тюмень, 14–16 октября 2020 года / Отв. редактор В.А. Мансуров. – Тюмень: Российское общество социологов, 2020. – С. 2687-2696. – DOI 10.19181/kongress.2020.324.

ТЕХНОЛОГИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Киселева Людмила Сергеевна
*Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и
дизайна,*
Сидорова Ульяна Игоревна
Российский государственный педагогический университет им. А.И Герцена,
Киселева Ольга Андреевна
*ГБОУ СОШ № 8 «Музыка» с углубленным изучением предметов музыкального цикла
Фрунзенского района Санкт-Петербурга*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в
рамках научного проекта № 21-011-33032 «Архитектоника онлайн
социализации молодежи в российском политическом пространстве»*

Участие молодежи в политической жизни государства является неотъемлемой частью нормального развития общества. Однако эксперты отмечают недостаточно высокий уровень заинтересованности молодежи политикой. В частности, результаты опроса ВЦИОМ, касающиеся распределению интересов аудитории в социальных сетях, показывают, что только 14% пользователей социальных сетей в возрасте от 18 до 24 лет заявляют, что они используют соцсети, чтобы узнавать новости политики [2]. В настоящее время невозможно игнорировать социализирующие возможности сети Интернет, поскольку онлайн-среда оказывает огромное влияние на молодежь.

Онлайн-социализация рассматривается как процесс усвоения человеком норм и ценностей общества, реализуемых в открытом цифровом пространстве посредством сети Интернет, влияющий на результат формирования целостной личности, способной реализовываться в условиях многофакторного воздействия информационной среды [1, 6]. Результаты наших собственных исследований показывают первенство сети Интернет в качестве источника информации о политике для молодежи и подростков в возрасте от 14 до 25 лет (97% опрошенных), на втором месте - «общение с друзьями» (46%). Следовательно, огромное значение приобретают технологии вовлечения молодежи в политические процессы посредством онлайн инструментов. В настоящее время развитие получила наука «каптология» (captology от аббревиатуры CAPT - computer as persuasive technology (компьютер как технология убеждения)). Термин созвучен слову captive - «пленный», «пленник». Термин каптология был придуман Б.Дж. Фоггом в 1996 году - социологом, специалистом по поведению из Стенфордского университета. Несмотря на то, что искусство убеждения существует на протяжении веков, в наши дни в нем появился новый аспект - применение методов убеждения с точки зрения новых технологий и новых медиа. Интерактивные технологии имеют преимущества перед традиционными медиа, так как могут быть более настойчивыми, могут получать и обрабатывать большие объемы данных, использовать множество стилей и режимов (текст, графика, аудио, видео, анимация, симуляция), могут масштабироваться и распространяться [4].

В настоящее время в качестве технологий убеждения, которые возможно реализовать в политическом онлайн пространстве, описаны следующие: использование меметических средств, «сияющее обобщение», «многократные повторы» и другие. [3, 110-111]. Часть этих технологий пользуется методиками «белой шляпы», которые характеризуются открытостью, прозрачностью, взаимной выгодой; часть - методиками «черной шляпы» с присущими им скрытностью, принуждением, обманом.

Нам представляется важным исследование технологий убеждения, способствующих готовности молодежи участвовать в политической жизни страны,

изучать политические взгляды и программы, поддерживать тех или иных кандидатов и, самое важное, проявлять высокий уровень политической культуры и грамотности.

1. Жилина А.А., Селиванова О.А. Формирование социальной идентичности личности подростка в процессе онлайн-социализации: построение теоретической модели // Мир науки. Педагогика и психология, 2020 №3. <https://mir-nauki.com/PDF/30PDMN320.pdf>.
2. Кузнецова Е. Социологи рассказали о низком интересе молодежи в соцсетях к политике [Электронный ресурс]// URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/06/2017/59304aea9a79474ab825cecb> (дата обращения: 08.10.2021)
3. Строганов В.Б. Конструктивный потенциал применения политической манипуляции в Интернете // Вопросы политологии. 2017. Вып. 4 (28). С.106-113.
4. Этика убеждения в современном маркетинге [Электронный ресурс]//URL: <https://inlnk.ru/ZZ9wy> (дата обращения: 08.10.2021).

ДЕСТРУКТИВНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ.

Клочкова Анна Валентиновна
МГУ имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет

Современным трендом становится эскалация деструктивного и антиобщественного контента в виртуальной среде, способствующая формированию у подростков и молодежи искаженного восприятия традиционных нравственных ценностей, провоцирующая депрессивное состояние, а также повышение агрессии по отношению к окружающему миру.

Интернет-зависимость приводит к тому, что реальная жизнь переходит в виртуальную, становится средой обитания, где не работают социальные законы, нарушаются социальные границы, отсутствует эмпатия, обесценивается внутренний мир человека. Практически 2/3 студенческой аудитории отдают предпочтение ориентации на общение в социальных сетях в ущерб межличностным контактам (Исследование правосознания и ценностно-нормативных ориентаций студентов московских и региональных университетов. 2018. Лаборатория социально-правовых исследований и сравнительного правоведения юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. Выборка 866 человек: студенты МГУ, МГЮА, Томский ГУ, Красноярский ГУ, Бурятский ГУ, РГГУ, Тимирязевская академия.). То есть, социальные коммуникации молодежи все больше трансформируются в виртуальные. Результатом является нивелирование ценности человеческих отношений, установка на возможность равноценной замены партнера, что приводит к непостоянству как дружеских, так и интимных контактов. Именно поэтому, по мнению каждого 2-го опрошенного студента, молодежная культура подразумевает частую смену сексуальных партнеров. Отсюда, разводы, воспитание детей в неполных семьях, их безнадзорность, интернет-зависимость, возрастание рисков аддиктивного и иного девиантного поведения. Опасной тенденцией является увеличение доли респондентов (43,5%) полагающих, что современная молодежная культура включает употребление наркотиков.

Специалисты выделяют около 30 субкультур, представляющих потенциальную угрозу для жизни, здоровья, развития и социализации подростков. К ним относятся «скулшутинг», «колумбайн», пропагандирующие нападения на образовательные учреждения; «стритрейсинг», «зацепинг», «руфинг» (субкультуры экстремальной направленности); сетевые «суицидальные группы»; субкультуры, пропагандирующие нетрадиционные сексуальные отношения среди несовершеннолетних; распространение

аудио- и видеоматериалов, содержащих нецензурную брань, пропаганду наркотических средств.

Последствием манипулятивного использования современных интернет-технологий в целях деструктивного воздействия на сознание и поведение молодежи (включая оскорбления, издевательства, травлю, преследования в социальных сетях) может стать ответная агрессия, иное девиантное и противоправное поведение жертв.

Интернет-зависимость несовершеннолетних тесно связана с внутренним дискомфортом и дисгармонией личности к концу подросткового периода. В результате пропадает интерес к жизни, может появиться либо апатия, либо, наоборот, актуализируется желание совершать все более рискованные поступки. И то, и другое является благоприятной почвой для интернет-манипулирования подростками, их вовлечения в антиобщественную и преступную деятельность. Примером является вербовка, в том числе несовершеннолетних, в организованный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов под предлогом устройства на высокооплачиваемую работу.

Представленные данные свидетельствуют о необходимости организации комплексных междисциплинарных криминологического-психологического-психиатрических научных исследований механизмов деструктивного воздействия информации, распространяемой посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет, на формирование ценностно-нормативных ориентаций и установок девиантного поведения несовершеннолетних.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ И СПЕЦИАЛИСТОВ ПО РАБОТЕ С МОЛОДЕЖЬЮ

Косицына Светлана Видаликовна
АНО ВО Университет «МИР»

Социальная позиция рабочей молодежи в современном городском пространстве является достаточно противоречивой. С одной стороны, молодые рабочие остаются самой объемной когортой работающего населения, заработная плата ее варьируется в зависимости от места проживания. С другой стороны, нельзя отрицать пагубного влияния изменившихся требований рынка занятости постиндустриального общества на востребованность определенных рабочих профессий; некоторой «стереотипизации» [1,55] и критического отношения остальной части социума, ввиду снижения социальной, политической, новаторской активности молодого рабочего класса [2]. В данных условиях становится необходимым исследование сторонних оценок рабочей молодежи, которое было реализовано посредством опроса студентов г. Самары (2021г., n=50) и экспертного интервью представителей союза молодых специалистов, профсоюзов промышленных предприятий г. Тольятти (2012 г., n=30 чел).

В отличие от экспертов, представители студенчества более лояльны к молодым рабочим, проблемы которых являются для них знакомыми и понятными. При этом респонденты обоих исследований уверены, что среди изучаемой молодежной подгруппы встречаются представители, обладающие творческими, спортивными, профессиональными способностями, однако их социальная, политическая и культурная активность развиты недостаточно. Студенты в целом не выделяют молодых рабочих в отдельную молодежную когорту, в то время как члены молодежных комитетов определяют район и город проживания в качестве главных отличительных детерминантов.

Лидирующее положение среди ценностей молодых рабочих занимают витальные и материальные установки, затем следует потребность в любви и семье, достаточно развито стремление к самореализации, важна также релаксация посредством хобби, развлечений и путешествий. В перечисленном ряду выделяется желание рабочей молодежи быть признанной в разных сферах жизни общества.

Положение рабочей молодежи в различных сферах городского пространства удовлетворительно, но нуждается в активации субъективного стремления к развитию и формированию объективных возможностей: помощи городских властей и промышленных предприятий.

Не вызывает сомнений у опрошенных профессионально-трудоустроенных потенциал рабочей молодежи, способной стать источником особых профессиональных знаний. Однако последние менее оптимистичны в своих прогнозах относительно будущего развития молодых рабочих, что наводит на размышление о рассогласованности объективной реальности и желаемых потребностей данной молодежной группы.

1. Андреева, Ю.В. *Рабочий класс в России: поиск новых векторов дифференциации* / Ю.В. Андреева, Е.Л. Лукьянова // *Социологические исследования*. – 2018. – №10. – С. 54-65.
2. Темницкий А.Л. *Социокультурный мир повседневной жизни молодых рабочих* / А.Л. Темницкий // *Социологическая наука и социальная практика*. – 2017. - № 2(20). – С. 92-107.

РОЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АНАЛИЗЕ ПРОТЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Костенко Валерий Валерьевич

ФГКВОУ ВО «Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации»

В современных условиях развития российской государственности, сопровождающихся усилением внешних и внутренних социально-политических рисков, актуальным является исследование процессов, происходящих в гражданском обществе [1, С. 174-192]. В первую очередь это касается участия молодежи в протестной деятельности молодежных общественных организаций (МОО), что объясняется теми негативными последствиями, которые возникают в обществе в результате выбора объединенной молодежью, которая обладает как правило либеральными взглядами, радикальных форм протестной деятельности [2, 100].

Достаточно серьезным и организованным проявлением участия молодежи и МОО в активной протестной деятельности, вызванной политическим противостоянием в рамках выборов декабря 2011 года, стали события 2012-2013 годов. Проходившие в ряде городов России массовые демонстрации, в которых по разным оценкам участвовали сотни тысяч человек, во многом стали внезапностью как для государства и общества, так и для социологов и политологов. На волне протестных событий был избран координационный совет оппозиции (КСО), в Москве 6 мая 2012 года состоялся митинг, перешедший в массовые беспорядки и противостояние с правоохранительными органами [3, С.58-68]. Во время этих событий различные социологические центры проводили исследования, стараясь выявить общую картину молодежного протестного движения, численность участников, социальный состав, мотивации, персональный состав лидеров и другое показатели [4].

Следующий всплеск протестной деятельности молодежи и МОО, который произошел в 2017-2018 годах, дал повод экспертному сообществу по-новому осмыслить их роль в современных социально-политических процессах. В крупных городах молодежь, которая до этого считалась в большей мере аполитичной, снова напомнила о себе, приняв активное участие в протестных мероприятиях, инициированных и

осуществляемых оппозиционными МОО. Подобная протестная активность стала, по словам директора ВЦИОМ В.В. Федорова, настоящим сюрпризом для социологов и политических аналитиков [5]. Только в процессе исследования прошедших протестных событий было установлено: основные протестные события происходили в крупных российских городах-миллионниках; большую часть протестующих составили не только студенты, но и учащиеся старших классов; большая часть антиправительственных лозунгов была основана на неприятии основной проблемы российской власти – коррупции; наиболее крупные протестные акции были инициированы такими МОО, как «Другая Россия», «Левый фронт», поддержаны известным оппозиционером А. Навальным и возглавляемыми им структурами, что дает возможность позиционировать участников акции в той или иной мере его сторонниками [6].

К сожалению, подобный фрагментарный и несистемный подход не позволяет должным образом сосредоточиться на исследованиях протестной деятельности конкретных МОО, существующих в современном российском обществе. Редко исследуется и анализируется характер участия МОО в протестных акциях, их цели и задачи, особенности форм протестной деятельности и соответственно характер взаимодействия с органами власти [7].

Учитывая тот факт, что в настоящее время ускорился процесс становления политической общности на базе протестной молодежи, необходимо быть готовым к тому, что оппозиционные МОО могут стать полноценным социально-политическим субъектом. Таким образом, они начнут оказывать влияния на процессы, происходящие в государстве и обществе, используя в качестве источника роста протестных настроений общее ухудшение социального, экономического и психологического самочувствия молодежи, вызванные в том числе продолжающейся пандемией коронавируса. Это делает еще более актуальным социологические исследования как эффективности государственной молодежной политики, продвижения социально-экономических реформ и желания власти осуществлять диалог с различными молодежными группами, так и протестной деятельности молодежи и МОО, что напрямую оказывает воздействие на стабильность социально- политического развития страны.

1. Баранова Г.В. Социально-политическая активность как фактор развития гражданского общества // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2015. № 11. С. 174–192.
2. *Civil Movements: The Impact of Facebook and Twitter* // URL https://www.researchgate.net/publication/281748504_Civil_Movements_The_Impact_of_Facebook_and_Twitter (Дата обращения: 03.10.2021).
3. Яницкий О. Н. Митинги повсюду: реабилитация гражданского активизма России // *Общественные науки и современность*. 2012. № 3. С. 58–68.
4. Аналитический отчет о проведении социологического исследования «Динамика протестной активности: 2012-2013» // URL: <http://gefter.ru/archive/9579> (дата обращения: 03.10.2021).
5. «Провокаторов, которые толкают “школоту” на митинги, надо наказывать»: Интервью В.В. Федорова [Электронный ресурс]. URL: <https://ura.news/news/1052371962> (дата обращения: 05.10.2021).
6. «Молодежный» протест: причины и потенциал. Условия жизни и мироощущение российской молодежи / Центр экономических и политических реформ. URL: <http://cepr.ru/wp-content/uploads/2017/05/.pdf> (дата обращения: 03.10.2021).
7. Костенко В.В. Протестная деятельность молодежных общественных организаций: опыт социологического исследования // В.В. Костенко – Авт-т дисс. кан. соц. наук. М., РГГУ, 2020.

ОНЛАЙН-УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ: КЕЙС РЕГИОНА

Косыгина Ксения Евгеньевна

Вологодский научный центр Российской академии наук

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31702

Стремительное развитие цифровых технологий и массовое внедрение интернета в работу институтов гражданского общества не могло не затронуть некоммерческие организации (НКО) [1]. Наиболее значимой задачей выступает активизация онлайн-участия и привлечение молодежного ресурса в качестве добровольцев, сотрудников и потребителей услуг НКО, поскольку молодежь является особой группой интернет-пользователей нового поколения, которые привыкли к неограниченному доступу к информации с любого устройства и в любой ситуации. В тоже время молодежь выступает носителем социальных инноваций, поэтому повышение ее конструктивной активности становится одним из приоритетных направлений поиска новых драйверов развития страны [2, 3].

Оценка онлайн-участия молодого поколения в работе НКО проводилась на основе социологического исследования (2021 г., Вологодская область, N=1500).

Анализ данных показал, что 85% молодежи проводят время в веб-пространстве постоянно, что говорит о перспективах вовлечения этой когорты населения в деятельность НКО через онлайн-ресурсы.

В среднем по области посещали сетевые ресурсы НКО 28% опрошенных пользователей интернета, напротив, 65% никогда этого не делали. Сравнивая общерегиональные данные, наблюдается, что молодежь чаще интересуется и заходит на ресурсы НКО (40% против 28%). Если обратиться к целям посещения, то наиболее востребованными у молодого поколения являются – повышение знаний о работе НКО (52%), решение личного вопроса (38%), поиск информации в исследовательских и управленческих целях и желание пообщаться, новые знакомства.

Оценивая эффективность обращения в НКО через интернет в среднем по опросу выявлено: у 19%, проблема была решена или находится на рассмотрении, 8% не удовлетворены оказанными услугами. При этом 18% не знают куда обратиться. Среди молодежи фиксируются более позитивные ответы: 24% опрошенных говорят о положительном решении вопроса.

В целом, можно констатировать: сегодня есть предпосылки для роста доли конструктивного онлайн-участия молодежи в деятельности НКО в различных статусах, как потребителя, так и производителя услуг. На наш взгляд, актуальными инструментами продвижения некоммерческих проектов среди молодежи являются социальные сети и блогосфера, однако НКО необходимо уделять внимание их качеству, функциональности и эффективности.

1. Корнеева И.Е., Брюхно А.С. *Онлайн-фандрайзинг в российских НКО: масштабы и влияющие факторы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 58-81.*
2. Горшков М.К. *Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. – М.: ФНИСЦ РАН, 2020. – 688 с.*
3. Селезнева А.В., Азарнова А.А. *«Рождение гражданина»: политико-психологический анализ гражданственности российских старшеклассников // Полис. 2020. № 5. С. 101–113.*

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ УСЛОВИЯМИ ТРУДА МОЛОДЕЖИ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Лапшинова Кира Викторовна
МГОТУ

Вопросы, связанные с профессионально-трудовой деятельностью, достаточно активно изучались как отечественными, так и западными социологами. В первую очередь, стоит назвать здесь таких авторов как Э. Дюркгейм, К. Маркс, М. Вебер, Ф. Тейлор, Э. Мэйо, А.К. Гастев, А.Г. Здравомыслов, Г.В. Осипов, В.А. Ядов. Несмотря на столь обширную библиографию вопроса, эта тема не теряет своей актуальности, так как профессиональное самоопределение является центральным звеном в социализации подрастающего поколения. Тем более в последнее время наблюдаются значительные изменения в области требований, предъявляемых молодым специалистам на рынке труда. Развиваются молодежное предпринимательство и фриланс. Меняются профессионально-трудовые ценности молодежи. [1]

С целью изучения удовлетворенности условиями труда современной молодежи в апреле 2021 года авторам было проведено социологическое исследование в форме анкетирования. В нем приняли участие 118 респондентов в возрасте от 19 до 33 лет, проживающих и работающих в Московском регионе. Выборочная совокупность включала в себя 20,3% представителей мужского пола и 79,7% – женского. Половина опрошенных (51,7%) имела высшее образование, 24,6% – неполное высшее, 13,6% – среднее профессиональное и каждый десятый (10,2%) – полное среднее образование. Среди опрошенных менее половины (44,9%) работали по специальности на постоянной основе, 37,3% респондентов работали на постоянной основе, но не по специальности, 5,9% – по специальности, но не на постоянной основе и каждый десятый участник анкетирования (11,9%) работал не на постоянной основе и не по специальности.

Результаты социологического опроса показали, что главным фактором, мотивирующим работать, является денежное вознаграждение. Для достижения материального благополучия респонденты готовы прилагать значительные усилия. Больше половины опрошенных (75,4%) готовы сменить свою работу на более высокооплачиваемую, но не по специальности. Пытались искать дополнительные источники дохода 62,7% участников опроса. Хотя каждый второй (50,8%) в целом удовлетворен размером заработной платы.

Отрадно отметить, что 76,4% респондентов считают свою организацию достаточно надежной в обеспечении занятости и доходов. Тем не менее, 30% отметили, что за последние 2 года в организации, в которой они работают, было сокращение численности работников по инициативе руководства.

Оценивая свое рабочее место, молодые люди отмечают, что в целом их устраивают условия труда. Так, состояние материально-технической базы находят удовлетворительным 61% опрошенных, режим работы – 82,2%, санитарно-гигиенические условия труда – 82,2%, состояние рабочего места – 83,1%. Социальной политикой организации довольны 64,4% участников анкетирования. Также каждого второго устраивают дальнейшие перспективы работы в организации (52,5%) и возможности карьерного роста (50,8%).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что значительная часть молодых специалистов, работающих в Московском регионе, вполне положительно оценивают условия своего труда.

ИНФАНТИЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ: УСТОЙЧИВЫЙ ТРЕНД ИЛИ ВРЕМЕННЫЕ ЭФФЕКТЫ АДАПТАЦИИ

Ларина Татьяна Игоревна,
Пузанова Жанна Васильевна,
Нарбут Николай Петрович
Российский Университет дружбы народов

Тезисы подготовлены в рамках государственного задания №075-00167-20-03 «Социогуманитарные основы противодействия экстремизму».

Проблема инфантилизации современной молодежи в социологии носит амбивалентный характер: с одной стороны отмечаются верные признаки массовости этого явления, с другой - звучат мнения о том, что инфантилизация – это последствие и эффект попытки молодежи адаптироваться к новой реальности.

Наиболее яркие проявления инфантильности молодежи – это отсутствие стремления к самостоятельному существованию, неспособность к фильтрации поступающей информации, неспособность принятия самостоятельных решений, отсутствие четких границ между личным «Я» и окружающими, наличие установки на максимально быстрое удовлетворение потребностей при минимальных временных, физических и прочих затратах, неготовность брать на себя ответственность за последствия принимаемых решений.

Возникновение поколения таких людей объясняется «тепличными» условиями жизни. Нынешнее поколение 20-30-летних не прошло тех потрясений, которые прошли их предшественники [1. С.143-149]. В целом, можно считать, что инфантильный человек – это человек, не приобретший в течение периода 25-45 лет самостоятельности и независимости (как психологической, так и материальной).

В социологии не существовало комплексной методики по определению инфантилизма. Ее удалось разработать в рамках наших исследований, базируясь на:

Психологическом подходе Г. Олпорта, где акцент стоит на поведении личности в случаях нестандартной, критической ситуации, требующей принятия быстрых и важных решений [2].

Социально-психологическом подходе Н. А. Жестковой, где акцент стоит на уровне самореализации личности [3].

Социологическом подходе Т.А. Подольской, где акцент стоит на зависимости от других при принятии решений, хаотичном поведении, тяге к гедонизму [4].

Рассуждая о том, инфантилизм – свойство или состояние, отметим, что полная неспособность принять ответственность за себя и свою жизнь выступает индикатором своеобразной жизненной стратегии = свойство, а когда инфантилизм проявляется в некоторых сферах социальной жизни («бытовой инфантилизм», «политический инфантилизм» и т.д.) = состояние [5].

Разработанная нами методика измерения инфантилизма включает анализ свойства-состояния в политической сфере (нежелание принимать участие в выборах любого масштаба и т.д.); в экономической сфере (тяга к жизни в кредит, несмотря на возможность работать и т.д.); в быту (отсутствие желания самостоятельно разобраться с технической поломкой в доме и т.д.); в семейных отношениях (несамостоятельность в принятии важных решений и т.д.); в мировоззренческой сфере (непоколебимая вера в экстрасенсов, шаманов и прочее), а также интегральный показатель.

О том, что инфантилизм носит массовый характер говорят результаты исследования «Левада-центра» показавшего, что TikTok является четвертой по популярности социальной сетью в России на момент 02.02.2021. Наиболее распространенной категорией пользователей по возрасту оказались люди от 13 до 17 лет (43%), 33% составили люди от 18 до 24 лет, 21% - от 25 до 34 и всего 3% составили пользователи от 35 лет и старше. Следующий факт - лидер Instagram по количеству подписчиков (более 23 млн.) – Ольга Бузова. В то же время вербальные тексты хитов могут обладать особой силой суггестии, в плане их смыслового наполнения, так и в плане используемых средств русского языка – текстовый материал содержит множество отрицательных характеристик, нацеленных на негатив и формирующих искаженное представление о мире и его ценностных приоритетах у подростковой целевой аудитории [6].

Разработанная методика и новый теоретико-методологический фокус могут стать точкой отсчета социологического осмысления инфантильности как «новой нормы».

1. Демиденко А.С. Социальная инфантильность российской молодежи: специфика научного дискурса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. 10 (3-1). С.143-149.
2. Олпорт Г.У. Личность в психологии. — СПб.: Питер, 1998.
3. Riesman D, Denney R & Glazer N. *The lonely crowd: a study of the changing American character.* New Haven, CT: Yale Univ. Press, 1950.
4. Жесткова Н.А. Методологические подходы к исследованию социальной зрелости и социального инфантилизма личности // Вестник Пермского Университета. Выпуск №2 (14). - 2013. С.128-136.
5. Ефимова Г.З. Социальный инфантилизм студенческой молодежи как фактор противодействия модернизации современного российского общества. «Наукovedenie». 2004 Выпуск 6 (25): 1-13. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/09PVN614.pdf>
6. Коноплева Е.А. Тексты популярных песен как регулятор ценностных ориентиров детей-подростков // Южно-Российский музыкальный альманах. 2019. №3. -popularnyh

ПИТАНИЕ МОЛОДЫХ МУСУЛЬМАН СРЕДНЕГО УРАЛА (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ УРФУ)

Латышев Дмитрий Михайлович
Уральский федеральный университет

В условиях глобализации и стандартизации питание мусульман изменяется не только в плане состава, но также и в социальном контексте. Исследование данных изменений является востребованным, поскольку помогает раскрыть динамику образа и качества жизни мусульман в отдельно взятом регионе России.

Основной вопрос нашего исследования состоит в рассмотрении практик питания студентов-мусульман Уральского федерального университета сквозь призму традиции и новации. Новации в практиках питания молодежи формируются в результате влияния процессов глобализации и стандартизации питания, характеризуются высокой степенью индивидуализации и повышенным употреблением быстрой десертной пищи (йогурты, салаты и другое), а также фастфуда. Нами предполагалось, что новации в практиках питания в аспекте состава питания будут выражаться в большем употреблении овощей и бакалеи аналогично тем новациям в практиках питания, которые были замечены социологами В. Мининой и Е. Ганскау при исследовании питания жителей Ленинградской области [1]. Изменения в социальной организации состава питания будут выражаться в индивидуализации практик питания.

Состав практик питания для респондентов в основном составляет употребление мяса (20,7 % опрошенных), на втором месте студенческая молодежь употребляет хлебные продукты (17,4%), затем следуют кондитерские изделия, сахар и другие. При сравнении было выявлено, что практики питания мусульманской молодежи специфичны по своему составу и отличны от социальных практик многих уральцев. В частности, если высокое употребление хлеба, согласно мнению этнографа В. Крупянской [2] является традиционным для Уральского региона, то усиленное потребление мяса и мясопродуктов показывает ту часть практик питания, которая является в некоторой степени традиционной для мусульманской молодежи, воспроизводящей в своем повседневном питании кулинарные традиции Средней и Центральной Азии [3].

Таким образом, практики питания мусульманской молодежи, как показывают результаты исследования, воплощают в себе черты как региональных практик питания в части поедания хлеба, так и практики питания, свойственные национальным кухням Центральной и Средней Азии в части употребления мясной пищи. В социальной организации практик питания мусульманской молодежи нами были отмечены следующие новации: студенты предпочитают питаться в одиночку, лишь небольшое число респондентов принимает пищу в гостях, среди друзей или в семье. В составе питания новации наблюдаются в большой доле потребления сахара и кондитерских изделий, что свидетельствует о постепенной модернизации питания молодежи. Стоит отметить, что данные новации не являются широко распространёнными и наблюдаются в крупных городах Среднего Урала.

1. Ганскау Е. Ю., Минина В. Н., Семенова Г. И., Гронов Ю. Е. Повседневные практики питания жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Том XVII, Вып. 1 (72). С. 41-58.
2. Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Конец XIX – начало XX в. Москва : «Наука», 1971. 287 с.
3. Алиев М. Мусульманской хозяйке: лучшие кулинарные рецепты, традиции и обычаи для праздников и будней. СПб.: «Вектор», 2010. 220 с.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ

Лебедева Людмила Геннадьевна
Самарский государственный экономический университет

Через преемственность поколений (передачу социального опыта) осуществляется развитие культуры и общества; социализация молодёжи (привитие ей социальных качеств) обеспечивает связь поколений. Благодаря социализации формируются и определённое отношение молодёжи и старших поколений друг к другу, и определённая связь между ними. Наглядным выражением преемственной связи поколений являются определённые социальные традиции и социальные установки, преобладающие в обществе, которые необходимо учитывать и в молодёжной политике в интересах оптимальной, благоприятной социализации молодёжи.

Социализация личности (а вместе с этим и социализация молодёжи, и преемственность поколений) – не односторонне и прямолинейно направленный (от старших поколений к младшим) процесс, а диалектически сложный и многосторонний процесс с «матричным» и «мозаичным» взаимным влиянием разных поколений друг на друга. Соответственно, преемственность поколений сочетает в себе (используя термины Маргарет Мид) постфигуративный, кофигуративный и префигуративный [см.: 1, 322] варианты приобщения к культуре и передачи её от поколения к поколению.

Преемственность поколений означает повседневные взаимодействия и живую связь не просто индивидов и групп, а «жизненных миров» «отцов и детей», и сверстников – в семье, в учебных и трудовых коллективах. И важен поиск сочетаний разнообразных практических взаимодействий представителей разных поколений одновременно в постфигуративном, кофигуративном и префигуративном вариантах приобщения к культуре, передачи индивидуального и коллективного опыта, включая соревнования Worldskills, коллективные научные исследования, стажировки и т.д. Такие взаимодействия дают возможности индивидам и поколениям более эффективно «наследовать» и осваивать актуальную информацию и социальные нормы, культуру, а также творчески дополнять и развивать их.

Рассматривая проблемы социализации личности, важно учитывать, что для понимания личных черт индивида необходимо знание общества и культуры, в которых индивид рождается и растет [см.: 2, 185-186]. Социологические исследования подсказывают, что важно более глубоко изучать такие, например, аспекты и проявления жизнедеятельности индивидов и целых поколений, как индивидуализм и коллективизм, эгоизм и альтруизм, национализм и патриотизм, социальная пассивность и активность, социальная безответственность и ответственность, гражданственность, отражающие ту или иную систему «смыслов жизни» индивидов и поколенческих групп, находящиеся на «перекрестках» мозаичной матрицы преемственных связей поколений.

1. Мид М. *Культура и мир детства. Избранные произведения / Пер. с англ. и коммент. Ю.А. Алексева. Сост. и послесловие И.С. Кона. Москва: «Наука», 1988. 429 с.*
2. Сорокин П.А. *Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. Москва: Политиздат, 1992. 543 с.*

ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ДВУХ ПОКОЛЕНИЙ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ И РОССИИ) В НАЧАЛЕ 21 ВЕКА

Ли Цзяньхуэй

Санкт-Петербургский государственный университет

Цель данной статьи – на примере двух поколений молодежи Китая и России с использованием материалов Мирового исследования ценностей аскрывается динамика ценностей в двух странах в начале 21 века. Формулируются предложения по молодежной политике и исследуются факторы, влияющие на нее.

“lie flat” - это популярный термин в современном Китае. Он описывает поведение некоторых молодых людей, разочаровавшихся в реальности в последние годы из-за экономического спада, жесткой конкуренции в отрасли и обострения других социальных проблем. В основном отношение к работе - «ни желаний, ни стремлений». В основном это проявляется как «поддержание минимального стандарта жизни, отказ быть чьим-то средством для зарабатывания денег, отказ быть эксплуатируемым рабом».

Это реакция «молодежи с низкими запросами» на такие социальные явления, как дисбаланс между трудом и капиталом и перекосами в социальной и экономической структурах. Это также отражает трудовые ценности некоторых современных молодых людей. Этот социальный феномен также привлекает внимание социологов. Его конкретное проявления включает в себя установку «не нужно покупать дом, автомобиль, жениться, рожать детей, потреблять». Наша цель – выяснить, насколько распространена данная тенденция на примере ценности работы по данным Мирового исследования ценностей.

Молодежь поколения 1 (сбор данных Wave 3 WVS) в КНР и РФ родились примерно в 1966 г. и ранее. В 2021 г. им уже 55 года и около того. Эти люди примерно в 1973 г.

пошли в социалистическую школу и в 1984 г. окончили ее, а потом стали работать или учиться дальше. В то же время Интернета тогда еще не было. На их ценности влияли семья, школа, работа, институт, политика, газеты и телевизор.

Молодежь поколения 2 (сбор данных Wave 7 WVS) в КНР и РФ родилась в 1991 г. и ранее. Эти молодые люди пошли в школу в 1998 г., окончили её в 2009 г., затем учились в институте, университете или пошли работать. В конце 1980-х — начале 1990-х появился Интернет, которым молодежь двух стран пользуется изначально со школы.

Из **таблицы 1** видно, что в Китае доля молодых людей, считающих работу «очень важной», снизилась на 23,8%, а доля молодых людей, считающих работу «Довольно важной», увеличилась на 19,4%. Можно заметить, что в Китае восприятие молодыми людьми важности работы изменилось с «очень важной» на «Довольно важную». Это явление происходит потому, что с развитием общества конкуренция внутри отрасли становится слишком большой, и одни и те же отрасли прилагают все больше усилий для борьбы за ограниченные ресурсы. Однако ресурсы ограничены, что приводит к тому, что выгоды не пропорциональны усилиям, что можно рассматривать как «инфляцию» тяжелого труда. Это явление способствует изменению ценностей работы китайской молодежи. Кроме того, мы считаем, что это изменение ценностей работы молодых людей тесно связано с влиянием СМИ на молодых людей.

Чтобы исследовать влияние СМИ на ценности работы молодежи, мы отобрали для анализа 400 рекламных посланий. Среди них 200 – это реклама на телевидении (100 китайских, 100 русских единиц анализа) и 200 – реклама в Интернете (100 китайских, 100 русских). Результаты анализа представлены в табл 2.

Таблица 2 показывает, что в Китае и телевизионная, и онлайн-реклама больше ориентирована на молодых людей. Причина этого явления в том, что китайская молодежь составляет большую часть всего населения Китая, как мы видим на **Рисунке 1**. Во-вторых, согласно статистическому отчету CNNIC о состоянии развития Интернета в Китае, по состоянию на декабрь 2018 года на возрастную группу от 10 до 39 лет приходилось 67,8% от общего числа пользователей Интернета. Именно по этим причинам реклама ориентирована на молодых людей как на их основную аудиторию.

Как видно из **таблицы 3**, в Китае или в России реклама «гедонистических» ценностей намного превышает долю ценностей работы «Карьера». Как упоминалось выше, аудитория рекламы - в основном молодежь, и реклама в основном продвигает ценности «гедонизма», а выражение ценностей работы в рекламе очень мало. Таким образом, можно сделать вывод, что реклама не оказывает положительного влияния на ценности молодежной работы.

В итоге мы пришли к выводу, на ценности работы современной молодежи в основном влияют два фактора: во-первых, это чрезмерная внутренняя конкуренция в отрасли, а во-вторых, влияние СМИ. Доля молодежи в Китае больше, а социальные проблемы стоят острее. В то же время основная аудитория рекламы - это молодые люди, будь то телевизионная реклама или онлайн-реклама, большинство продвигаемых ценностей - это «гедонизм», а реклама рабочих ценностей минимальна. Из-за негативного воздействия рекламы на молодых людей это также делает более пропагандируемыми отрицательные рабочие ценности «lie flat» среди молодых людей.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ДЕПРЕССИВНЫХ СОСТОЯНИЙ КАК ОБРАЗА ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

Лохов Даниил Дмитриевич

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала
инженерных войск А.И. Прошлякова*

В современном мире депрессия является повсеместным явлением и связано с большой интенсивностью общения и информационного обмена посредством виртуальной среды. Помимо того, что депрессивные состояния являются проявлением различного рода заболеваний, социальный контекст в попытках вызвать понимание у населения о необходимости поддержки людей, популяризировал ряд подобных состояний в виде уникальности обладателей специфических черт [1].

Тем временем количество людей, подверженных депрессивным расстройствам с каждым годом растёт, так, например, в период с 2000 по 2019 год страдающих данным расстройством в мире стало больше примерно на 50 млн. человек, что является угрожающим фактором для социального благополучия мирового сообщества [2].

С целью анализа особенностей восприятия молодыми людьми депрессивных состояний автором в марте-апреле 2021 года было проведено исследование посредством двух методов. Анализ средств массовой информации производился при помощи контент-анализа (150 статей о депрессии в социальных сетях). Отбирались группы в социальных сетях с численностью от 10000 человек. Оценка восприятия населением данного феномена была реализована посредством анкетирования, в котором приняли участие молодые люди в возрасте 18-30 лет в количестве 327 человек.

73 % статей содержали описание депрессии, которое в действительности характеризует признаки утомления, усталости, сниженного настроения ввиду объективных обстоятельств. Таким образом, подавляющее большинство читателей подобных ресурсов дезинформированы предложенным описанием, позволяющим диагностировать болезнь при её фактическом отсутствии.

Депрессия как таковая часто описывается как некоторая погружённость в особенный мир, по описанию – более богатый и сложный нежели представления «здорового» человека. Так 23,8 % статей описывают творческих людей, страдавших депрессией и создававших при этом литературные и научные труды. В 34,1 % статей описывались методы и способы сосуществования с депрессивным человеком без влияния на его состояние. В 9,2 % случаев депрессия представлялась как неотъемлемый элемент жизни современного человека.

Проблема усугубляется тем фактом, что 28,3 % опрошенных практически не осведомлены о характере заболеваний, в то время как 27,2 % имеют разрозненные знания. Подавляющее большинство респондентов (43,1 %) не уверены, что смогли бы правильно определить наличие депрессии.

Согласно данным исследования, риски популяризации депрессии заключаются в следующих аспектах: внушение молодым людям наличие болезни и как следствие её фактическое развитие, распространение установок на болезнь ввиду возможности включения в сообщество «особенных» творческих личностей

Указанная ситуация не является благоприятной, требует к себе особого внимания со стороны специалистов, а также формирования у населения особой культуры, конструктивно рассматривающей возможность людей обращаться за помощью к специалистам и грамотно отсеивать неадекватные данные касательно представленного феномена.

1. Молодёжь и пандемия COVID-19: влияние на рабочие места, образование, права и психологическое состояние [Электронный ресурс] // Портал Международной организации труда URL: https://www.ilo.org/global/topics/youth-employment/publications/WCMS_753026/lang--en/index.htm (дата обращения: 19.09.2021).
2. Депрессия [Электронный ресурс] // Портал Всемирной организации здравоохранения URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/depression> (дата обращения: 29.09.2021).

РЕАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ: НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ.

**Ляуткина Ирина Сергеевна,
Качурина Татьяна Александровна, Матюшкина Кристина Васильевна
НИ МГУ им. Н. П. Огарева**

Молодёжь — это особая социально-возрастная группа, отличающаяся возрастными рамками и своим статусом в обществе. Как в любую другую социальную группу, молодёжь не застрахована от трудностей и проблем на своём жизненном пути.

На любые вызовы современности есть ответы у социальных учреждений, созданных для помощи, поддержки и развития интеллектуального, творческого и жизненного потенциала молодого поколения России.

Так, например, в Республике Мордовия осуществляют свою деятельность по поддержке молодых инициатив сразу несколько учреждений. С 1997 года на постоянной основе действует ГБУ «Мордовский республиканский молодежный центр», который является подведомственным учреждением Министерства спорта и молодежной политики Республики Мордовия и осуществляет свою деятельность в соответствии с приоритетными направлениями стратегии государственной молодежной политики Республики Мордовия, а именно:

- «*Развитие волонтерского движения*»,
- «*Гражданско-патриотическое направление*»,
- «*Инновационно-техническое творчество молодежи*»,
- «*Центр инноваций социальной сферы*»,
- «*Развитие школьного движения*»,
- «*Социальная практика молодежи*»,
- «*Молодежные медиа*»,
- «*Детский отдых*»;
- «*Профилактическая работа с молодежью и развитие семейных ценностей*»
- «*Поддержка молодежных инициатив*»,

Еще одно учреждение, которое помогает молодежи Мордовии в реализации своих творческих идей, это «Центр развития молодежных инициатив», который осуществляет работу с молодежью в целях ее культурного и нравственного развития, разработки и проведения массовых культурно-просветительных, зрелищных и досуговых мероприятий. Данный центр занимается, как правило, организацией деловых мероприятий, различных выставок и конференций, проводит тимбилдинговые мероприятия, осуществляет брендинг продукции, а также осуществляет организацию детских лагерей. Один из реализованных данным Центром проектов носит название «Республиканский молодежный инновационный конвент», целью которого является стимулирование интеллектуального и творческого потенциала, а также выявление у детей и подростков Республики Мордовия способностей по основам робототехники, конструирования, моделирования, изобретательства, радиоэлектроники и иных направлений, а также популяризация научно-технического творчества. Одной из подцелей данного проекта является привлечение внимания общественности к проведению

мероприятия, популяризация технического творчества, формирование интереса к робототехнике и инженерным специальностям.

Следовательно, в настоящее время Республика Мордовия активно поддерживает научно-техническое творчество, рассматривая его как потенциал для развития, как инструмент, участвующий в социально-экономическом развитии территории.

Таким образом, в Республике Мордовия присутствуют не только учреждения, занимающиеся социальной политикой молодежи и ей поддержкой, но и разрабатываются различные программы и направления. Можно сделать вывод, что успехи в данной области актуальны и очевидны.

РАЗВИТИЕ КРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЁЖИ В ЭРУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Малькова Лада Сергеевна

Московский государственный психолого-педагогический университет

Благодаря таким платформам, как Tik Tok, YouTube и Instagram, популярность которых выросла за последнее десятилетие, наступила эпоха креативной экономики, когда все больше предприимчивых и творческих молодых людей могут направить свой талант и силы на создание жизнеспособной карьерной модели в интернете. Число творческих предпринимателей среди молодёжи стремительно растёт. Сейчас существует множество инструментов, предназначенных для продвижения и работы в медиапространстве, но во всем мире ощущается недостаток поддержки и ресурсов для предпринимателей в творческом пространстве [1]. Более того, в городах, где общество ещё не смогло полностью принять реалии эпохи интернета, а творчеству порой не хватает места для выхода, этим ребятам трудно воплотить свои творческие начинания в жизнь.

Подросткам необходимо руководство по тому, как правильно и безопасно можно продвигать своё творчество в медиа-среде [2]. При возникновении большого количество путей для развития молодёжи и способов раскрытия своего творческого потенциала, появились и новые риски. В первую очередь, это враждебность интернет-сообществ, возможности изменений в устойчивости психики подростка, чрезмерный поток новой и не всегда достоверной информации, коммерческие предложения от третьих лиц, осуждение и непонимание со стороны близких.

Развитие подобного рода молодежного предпринимательства представляет собой жизнеспособный, но недостаточно изученный политический и социальный вариант решения проблемы безработицы среди молодежи. Молодёжь сама создаёт себе рабочие места, но они недостаточно устойчивы, также может возникнуть нехватка трудовых ресурсов на реальных местах работы [3]. Однако, для обеспечения творческой деятельности нам необходимо расширить возможности молодых людей, чтобы изменить их мировоззрение и поведение в "принятии предпринимательских решений" и создать благоприятные правила игры в условиях сегодняшней конкурентной и инновационной экономики. Наделенные инструментами для самовыражения и трансляции своего творчества через глобальные медиа-сети, современная молодёжь имеет возможность превзойти свои собственные ожидания, но для этого надо помочь им преодолеть проблемы и барьеры цифрового разрыва, как внутри малых социальных групп, так и внутри страны в целом. Подъем творческой индустрий предоставляет значительные возможности для преобразования энергии молодежи в новые идеи для организации, создания и изменения будущего для общества.

1. Кувшинова А.А., Савченко И.А. Экономическое поведение подростков XXI века // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. № 1. С. 352-358.
2. Николаева А.А. Современные тренды молодежной культуры // В сборнике: Молодежь XXI века: образ будущего Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Ответственные редакторы Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. 2019. С. 748-749.
3. Современные технологии социально-культурной деятельности / под науч. ред. проф. Е.И. Григорьевой. Тамбов, 2004. С. 99-110.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНДЕКСА ОЦЕНКИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Махкамова Шахло Юлчиевна
Институт Бюджетно-налоговых исследований при Министерстве финансов
Республики Узбекистан

В рамках реализации проекта Министерства инновационного развития Республики Узбекистан ПЗ-20170928497 «Мониторинг социально-экономических стремлений молодежи (на примере школы, колледжа и выпускники лицеев и неорганизованная молодежь)».

Президент Узбекистана Ш.Мирзиёев в своем Послании Олий Мажлису от 24.01.2020г. отметил, что кардинальные изменения в стране, дальнейшее развитие государственной молодежной политики и разработка единых индикаторов для оценки эффективности работы с молодежью, требует введение индекса оценки национальной молодежной политики [1]. Утверждена Программа дополнительных мер по дальнейшему развитию государственной молодежной политики в Республике Узбекистан. Агентство по делам молодежи и Министерство информационных технологий были назначены для создания национального молодежного портала Узбекистана и формирования национального индекса оценки молодежной политики и молодежного законодательства (УП-6017 от 30.06.2020г.) [2].

В связи с этим нами разработаны методические рекомендации по определению национального индекса оценки молодежной политики в рамках реализации проекта Министерства инновационного развития Республики Узбекистан ПЗ-20170928497 «Мониторинг социально-экономических стремлений молодежи (на примере школы, колледжа и выпускники лицеев и неорганизованная молодежь)».

Целью Национального индекса оценки молодежной политики является анализ и разработка молодежной политики, а также разработка рекомендаций для государственных органов и местных исполнительных органов по повышению качества принимаемых молодежных решений.

Индекс оценки национальной молодежной политики (ИОНМП) основан на международных инструментах для определения Глобального индекса развития молодежи. Индекс развития молодежи (Youth Development Index - YDI) - это система показателей, разработанная Британским Содружеством, Организацией Объединенных Наций и Всемирным банком. Они общенациональные и адаптированы к национальным особенностям.

Разработанный нами Индекс оценки национальной молодежной политики (ИОНМП) и его 10 субиндексов позволяют сравнивать ситуацию с молодежью в регионах, обмениваться опытом, повышать эффективность молодежной политики. Рекомендуется рассчитывать ИОНМП ежегодно на основе данных государственных и местных органов власти, международных организаций, официальных и социальных исследований.

ИОНМП состоит из 109 индикаторов, состоящих из 10 субиндексов, из которых 37 - объективные, а 72 – субъективные [11, 2-51]. Сочетание объективных и субъективных показателей позволяет всесторонне оценить молодежную политику. Индикаторы обобщают изменения в жизни молодых людей с течением времени. Они выражают основные направления государственной молодежной политики и определяют ее эффективность. Эти 10 субиндексов также присутствуют в международных индексах, которые определяют развитие и благополучие молодых людей, что позволяет проводить сравнительный анализ благополучия молодых людей во всем мире (табл. 1).

Таблица 1

**Структура индекса оценки национальной молодежной политики
(ИОНМП)**

№	Субиндекс	Определение
1	Образование	Молодые люди добиваются успеха благодаря образованию и довольны качеством образования.
2	Здоровье	Молодые люди здоровы физически, умственно, духовно и сексуально.
3	Занятость	Молодые люди осведомлены о государственной поддержке трудоустройства и успешно трудоустраиваются.
4	Доход	Удовлетворенность молодых людей доходами и материальным положением, готовность молодых людей открыть свой бизнес..
5	Социальная стабильность	Молодые люди чувствуют себя в безопасности.
6	Гражданская активность	Молодые люди вносят свой вклад в развитие общества и ориентированы на активное участие в общественных делах.
7	Политическая активность	Молодые люди чувствуют, что они ценят и слышат их, когда принимают нужные им решения.
8	Семья	Брак - высокая ценность для молодежи.
9	Досуг, отдых, культура	У молодых людей есть возможность осмысленно проводить свободное время, получать дополнительное формальное неформальное образование.
10	Информационно-коммуникационные технологии	Молодые люди имеют доступ к информационным и коммуникационным технологиям.

Эти индексы служат для повышения ответственности отдельных молодежных учреждений и служб, обслуживающих молодых людей. Показатели формируются под влиянием нескольких факторов. Некоторые показатели могут быть неподконтрольными местным властям. Итак, что мы можем изменить, на что мы можем повлиять? Индикаторы служат для определения приоритетов для регионов и дают возможность участвовать в сравнении благополучия молодых людей во всем мире.

Субиндекс образования состоит из 21 показателей, 11 из которых являются формально-объективными, а 10 - субъективными. При расчете этого показателя использовался процент выпускников школ, получивших высшее образование, уровень удовлетворенности образованием. Некоторые индикаторы основаны на данных национальных статистических комитетов, некоторые - на результатах социальных обследований и считаются интегрированным индикатором образования.

Субиндекс здоровья состоит из 14 показателей, основанных на результатах 11 официальных данных и 3 - субъективных социальных опросов. Этот индекс состоит из показателей, основанных на результатах официальных данных и социальных исследований, таких как самоубийства среди молодежи, таксономия, приобретенный иммунодефицит, болезни, передаваемые половым путем, удовлетворенность системой здравоохранения.

В субиндексе занятости 18 показателей, состоящих из 7 объективных - официальных данных и 11 субъективных - показателей, основанных на результатах социальных исследований. Субиндекс доходов состоит из 13 показателей, 1 объективного и 12 субъективных показателей.

Субиндекс социальной стабильности состоит из 10 показателей, состоящих из 2 объективных и 8 субъективных показателей. Показатель концентрации доходов населения - показатель Джини - показатель социальной справедливости по нашим данным в 2018г. составлял 28,6%, который может варьироваться от 1 до 100%, и чем он меньше, тем меньше расслоение в обществе. Поскольку ситуация в Узбекистане ниже порогового значения, рекомендованного ООН (35%), социального риска нет.

Субиндекс гражданской активности состоит из 5 показателей - 3 объективных и 2 субъективных показателей. Субиндекс политической активности состоит из 7 субъективных показателей. Субиндекс семьи состоит из 8 показателей - 1 объективных и 7 субъективных показателей. Субиндекс досуга, отдыха, культуры состоит из 6 субъективных показателей.

Субиндекс информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) состоит из 7 показателей: 1 объективного и 6 субъективных показателей (табл. 2).

Таблица 2

Результаты расчета Индекса оценки национальной молодежной политики в Узбекистане

№	Название субиндекса	Определение	Количество индикаторов	Из них		Значение
				Объективные	Субъективные	
1	Образование	Ит	21	11	10	0,690
2	Здоровье	Ис	14	11	3	0,777
3	Занятость	Ииб	18	7	11	0,686
4	Доход	Ид	13	1	12	0,683
5	Социальная стабильность	Ии	10	2	8	0,675
6	Гражданская активность	Иф	5	3	2	0,953
7	Политическая активность	Исф	7	0	7	0,621
8	Семья	Ио	8	1	7	0,590
9	Досуг, отдых, культура	Ибв	6	0	6	0,341
10	Информационно-коммуникационные технологии	Иикт	7	1	6	0,506

№	Название субиндекса	Определение	Количество индикаторов	Из них		Значение
				Объективные	Субъективные	
	Индекс оценки национальной молодежной политики	ИОНМП	109	37	72	0,652

Результаты расчета Национального рейтинга молодежной политики показывают следующее:

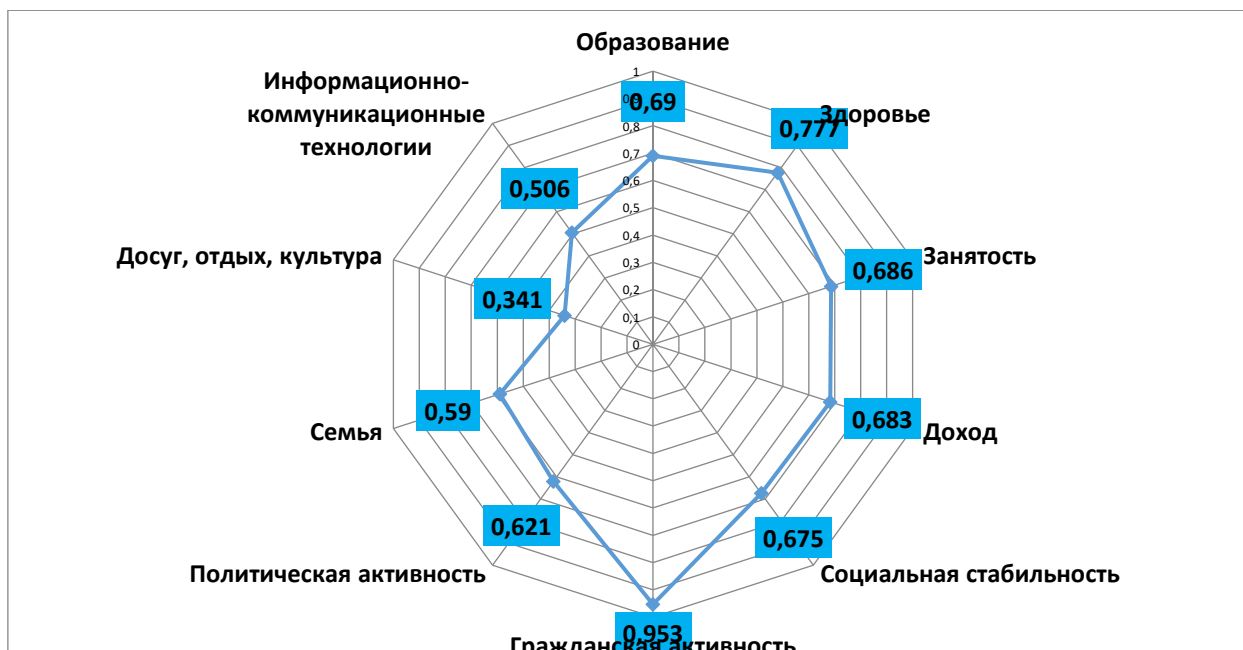
- субиндекс образования - 0,690;
- субиндекс здоровья - 0,777;
- субиндекс занятости - 0,686;
- субиндекс дохода - 0,683;
- субиндекс социальной устойчивости - 0,675;
- субиндекс гражданской активности - 0,953;
- субиндекс политической активности - 0,621;
- семейный субиндекс - 0,590;
- субиндекс досуга, отдыха, культуры - 0,341;
- субиндекс информационно-коммуникационные технологии - 0,506.

Результаты расчета Национального индекса оценки молодежной политики показывают, что наиболее важными приоритетами являются правильная организация досуга, отдыха, культуры и использование ИКТ.

Индекс национальной молодежной политики может иметь следующие значения:

- Малое значение: 0–0,494
- Среднее значение: > 0,494–0,607
- Высокое значение: > 0,607–0,671
- Более высокое значение: > 0,671–0,810
- Очень высокое значение: > 0,811–1

$$\text{ИОНМП} = (\text{Ит} + \text{Ис} + \text{Ииб} + \text{Ид} + \text{Ии} + \text{Иф} + \text{Исф} + \text{Ио} + \text{Ибв} + \text{Иикт}) / 10 = 0,652$$

Источник: рассчитано автором.

Рис. 1. Общие результаты расчета Индекса оценки национальной молодежной политики Узбекистана.

Национальный индекс молодежной политики (ИОНМП) в Узбекистане составляет 0,652, что является высоким значением. Для сравнения, в 2017г. Кыргызстане он составлял 0,55 и имел среднее значение [4, 5-17].

Комплексное исследование молодежи в Узбекистане еще не проводилось. Нами была сделана первая попытка определения Национального индекса оценки молодежной политики в Узбекистане. Рассчитанный индекс в 2020 году составил 0,652, что в совокупности можно было равным единице. Это означает, что ситуация с молодежью удовлетворительная. Требуется постоянный мониторинг, чтобы предотвратить ухудшение этого состояния. Первый разработанный Индекс оценки национальной молодежной политики станет основой для выработки концептуальных рекомендаций. Опыт расчета индекса оценки национальной молодежной политики показал, что эти методологические рекомендации можно улучшить.

1. *Ўзбекистон Республикаси Президентининг Ш. Мирзиёевнинг Олий Мажлисга Мурожаатномаси. 25.01.2020й. <http://uza.uz/oz/politics/zbekiston-respublikasi-prezidentin-shavkat-mirziyevning-oliy-25-01-2020>*
2. *Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2020 йил 30 июндаги ПФ-6017-сон «Ўзбекистон Республикасида ёшларга оид давлат сиёсатини тубдан ислоҳ қилиш ва янги босқичга олиб чиқиш чора-тадбирлари тўғрисида»ги фармони <https://lex.uz/docs/4880189>*
3. *Методика расчета Индекса развития молодежи «Жастарга мейірімді мекен». Ж.К. Каримова, Н.О. Наурызбаев, А.С. Бозшаева, Астана, 2018. –9с. <http://eljastary.kz/storage/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%BD%D1>*
4. *Индекс благополучия и развития молодежи в Кыргызской Республике. 2017. – Бишкек. - 101с. <https://www.unicef.org/kyrgyzstan/sites/unicef.org/kyrgyzstan/files/2018-01/Youth%20Wellbeing%20and%20Development%20Index%20in%20Russian.pdf>*
5. *Молодежь в Содружестве Независимых Государств: статистический портрет./Статкомитет СНГ, ЮНФПА. М. 2018. – 175 с.*
6. *Сайт Статкомитета Республики Узбекистан.*
7. *Бюджет для граждан 2018. <https://mf.uz/news/byudzhnet-dlya-grazhdan-2018.html>*
8. *Рейтинг стран мира по уровню расходов на здравоохранение <https://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-health/info>*

9. Индекс уровня грамотности Узбекистане
<https://knoema.ru/atlas/%D0%A3%D0%B7%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%B8%D1%81>
10. Индекс образования <https://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info>
11. Махкамова Ш.Ю. Ёшлар сиёсатини баҳолаш миллий индексини аниқлаш бўйича услубий тавсиялар. - Тошкент, 2020. – 51 б.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ МАГИСТРАТУРЫ

Мельникова Ольга Ярославовна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Анализ работ зарубежных и российских исследователей позволил конкретизировать проблемы реализации образовательных программ магистратуры. Первая из них, это возможность выбора профиля обучения. С одной стороны, выстраивание различных образовательных траекторий повышает академическую мобильность вузов; расширяет границы получения знаний и навыков обучающихся. С другой стороны, ряд региональных исследователей отмечают различия в уровнях подготовки студентов; профиле базового образования; возможностях восприятия информации; целях обучения, ожиданиях и мотивации получения знаний [1–3]. Перед преподавателями ставится непростая задача организации образовательного процесса, заключающегося в корректировке видов и форм учебных занятий с учетом индивидуальных особенностей каждого [4].

Вторая проблема, затрудняющая процесс реализации программ магистратуры — различный социальный портрет обучающихся. Как правило, большую часть поступающих составляют выпускники бакалавриата [3]. Вуз, в целом, и преподаватели, в частности, оказываются в ситуации, когда нужно разработать программу магистратуры значительно отличающуюся по содержанию учебных дисциплин от предыдущего уровня образования и профиля. Кроме того, по результатам исследований, проведенных в региональных вузах, студенты, продолжающие обучение сразу после бакалавриата, испытывают трудности в написании магистерских диссертаций. Основная причина — нехватка опытно-экспериментальной базы и практического опыта. Поэтому они дополняют исследования прошлых лет, не развивая собственных исследовательских навыков [5].

Третья проблема заключается в различной мотивации абитуриентов. С одной стороны, чаще всего мотивами поступления выступают карьерный рост и повышение квалификации. Такие мотивы как получение диплома ради «корочки», новых знаний, возможности общаться с интересными людьми и др. менее распространены среди обучающихся. С другой стороны, доминирующими факторами поступления в определенный вуз выступают престижность и репутация образовательной организации.

Таким образом, обозначенные проблемы не единственные, с которыми приходится сталкиваться в магистратуре всем субъектам образовательного процесса. Однако, их можно назвать одними из основных. Остается открытым вопрос о возможных проблемах в методах преподавания, поскольку в условиях цифровой революции востребованным навыком становится развитие критического мышления. Так одним из основных требований к результатам освоения программы магистратуры является наличие универсальной компетенции как «Системное и критическое мышление», подразумевающей «способность осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода, выработать стратегию действий». Поэтому формирование данного навыка должно учитываться преподавателями и выступать одним из приоритетных показателей в процессе совершенствования подготовки магистрантов.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ ВЫЯВЛЕНИЯ КРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНТОВ

Морозова Наталья Михайловна

1. Нижегородский лингвистический университет им Н.А. Добролюбова (НГЛУ)

2. ФНИСЦ РАН

Данные многолетних исследований молодежи ФНИСЦ РАН свидетельствуют, что в современная молодежь значительное внимание уделяет «качеству» жизни, которое связано не только с финансовым благополучием. Так, для 40,4% респондентов понятие «жизненного успеха» находит отражение в «интересной работой» (против 31,5% респондентов поколения, старше 50 лет), для 24,9% молодых людей важно быть «самому себе хозяином» (против 17,8% у старшего поколения), для 17,2% - это «яркие жизненные впечатления» (против 6,5% у старшего поколения) [2, 180]. Социологическое исследование «Образ будущего в выборе алгоритма социальной мобильности современной российской молодежи», проводившееся в 2015 г. в Тюменской области Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, показало, что крайне значимым в ценностной иерархии оказывается творчество [1, 72]. На наш взгляд, данные ответы свидетельствуют о серьезном креативном и инновационном потенциале современной студенческой молодежи, что отвечает запросам времени и государства. Инновационное развитие России возможно лишь при наличии качественного человеческого капитала. Все отчетливее проявляется запрос со стороны работодателя на молодого специалиста, способного создавать новые, «креативные» проекты, нестандартно и быстро мыслить. Креативность и инновационность влияют на качество аналитических, прогностических компетенций.

Этим объясняется увеличение количества профессионально ориентированных конкурсов, проектов, направленных, во-первых, на выявление талантливых, креативных студентов, во-вторых, на отбор практически «готовых» проектов и решений, которые можно применять на практике, в-третьих, на повышение их мотивации продолжать работу.

АНО «Россия страна возможностей» представляется на сегодняшний день одним из лидеров по отбору человеческого (а точнее, студенческого) капитала: на ее площадке представлено более 20 конкурсных проектов (данные на октябрь 2021 г.), наиболее известным из них, на наш взгляд, является конкурс «Лидеры России». Современный лидер – это креативно мыслящий, быстро реагирующий новатор, обладающий знаниями в профессиональной области и т.д. На платформе Росмолодежи множатся анонсы о мероприятиях, направленных на повышение социальной активности среди студентов, в том числе и на развитие их творческого потенциала. Это лишь пара наиболее заметных площадок для студентов-гуманитариев, аккумулирующих комплекс проектов.

Следует отметить их положительный эффект: растет мотивация к познавательной и профессиональной деятельности среди студентов-участников, еще в период их нахождения в вузе выстраиваются связи с потенциальными работодателями, у таких студентов быстрее совершенствуются и отрабатываются коммуникативные навыки, способности самопрезентации, структурируется мышление, развивается механика целедостижения и т.д.

Но, есть и минусы, на наш взгляд. Каждый конкурс, каждый проект – живет сам по себе. Что в целом отражает характер молодежной политики: до сих пор сохраняется фрагментарность.

1. Гаврилюк Т.В. Креативный потенциал молодежи Российской провинции // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. №3, 2016 г. С.70-74 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnyy-potentsial-molodezhi-rossiyskoj-provintsii> (Дата обращения 01.10.2021)
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: /М.К. Горшков, Ф.Э Шереги. – М.: ФНИСЦ РАН, 2020. – 688 с.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ТЕХНОЛОГИЯ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ (НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОФИЛЬНОЙ СМЕНЫ ЛАГЕРЯ «ГАРМОНИЯ»)

**Посашкова А.Л.,
Перепелкина А.Г.,
Непочатых Е.П.**

ФГБОУ ВО "Курский государственный медицинский университет" Минздрава России

Согласно положениям Стратегии развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года важной задачей является пропаганда здорового образа жизни, популяризация научно-образовательной и социально-проектной деятельности посредством широкого вовлечения в практики здорового образа жизни и создания условий для личностного развития с учетом возрастных особенностей различных групп молодежи [2]. По мнению исследователей, в отечественной науке и практике научно обоснованными и эмпирически выверенным является опыт формирования социально значимых качеств личности в условиях летнего отдыха обучающихся образовательных учреждений, основывающейся на системе профильных и спортивно-оздоровительных лагерей [3;4].

Социальное проектирование как технология рассматривается исследователями как творческая деятельность по разработке проектов, направленных на решение актуальных социальных проблем современного общества [1]. Как считает, Т.А. Шульгина, организация проектирования должна являться инструментом пропаганды здорового образа жизни, а максимальное вовлечение актива молодежи в социальное проектирование в области здорового образа жизни будет способствовать продвижению здорового образа в молодежной среде [5].

Рассмотрим опыт освоения компетенции в области социального проектирования в рамках реализации профильной смены лагеря «Гармония» ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России (научный руководитель – Т.А. Шульгина), которая реализуется с 2013 года. Участниками смены являются обучающиеся 9-11 классов из образовательных и средних профессиональных учреждений города Курска и Курской области, ориентированных на получение высшего образования в области социальной работы, медицины и психологии. В рамках реализации профильной смены функционируют различные профили (медицинский, спортивный, психологический и др.). Приоритетным направлением профильной смены является овладение компетенций подростков по разработке и реализации социальных проектов в рамках профиля социального проектирования. С целью знакомства с особенностями социального проектирования ведущие профили (студенты – будущие социальные работники, являющиеся авторами и участниками различных проектов, реализуемых в КГМУ) проводят мастер-классы для подростков. Результатом работы профиля в 2021 году стал День социального проектирования, содержанием которого явилось функционирование нескольких площадок: защита проектов, выставка экологических арт-объектов, квст-проект «Послание в будущее». Традиционно, по результатам защиты социальных проектов экспертное жюри рекомендует лучшие проекты к участию в Конкурсе

социальных проектов «Горящий Феникс» КГМУ, а также обозначает дальнейшие пути реализации социальных проектов. Таким образом, социальное проектирование как технология работы с молодежью по формированию здорового образа жизни востребована в условиях летнего отдыха обучающихся образовательных учреждений.

1. Королева, И.В. Проектирование как технология социальной работы с молодежью в современных условиях / И.В. Королева, Н.Ю. Чугунова // Социально-гуманитарные знания. - 2019. - № 5. - С. 85-95.
2. Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 г.. - URL: <https://fadm.gov.ru/documents/download/348/> (дата обращения: 04.10.2021).
3. Чернышев, А.С. Вклад Курской психологической школы молодежных лидеров в молодежное движение и кадровый потенциал региона / А.С. Чернышев, С.В. Сарычев, Н.Н. Гребеньков // Вестник практической психологии образования. - 2019. - № 2 (2). - С. 15-19.
4. Чернышев, А.С. Социально-психологические условия формирования духовно-нравственной основы мироощущения и социального самоопределения современной учащейся молодежи / А.С. Чернышев // Духовно-нравственные проблемы современной личности. - Сер. «Труды Института психологии РАН»; отв. ред.: М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. - Москва, 2018. - С. 279 - 298.
5. Шульгина, Т.А. Условия формирования социально-проектной компетенции в системе высшего образования / Т.А. Шульгина, Н.А. Кетова, Е.П. Непочатых // Теория и практика общественного развития. - 2018. - № 12 (130). - С. 49-55.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ГРАЖДАНСКОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Николаева Алла Алексеевна

Московский государственный психолого-педагогический университет

Можно выделить несколько сущностных особенностей, характеризующих гражданское сознание.

Во-первых, это способность к саморегуляции и обновлению, позволяющая адаптироваться к изменяющимся под влиянием общественных трансформаций условиям, воспринимать новые ценности, встраивая их в систему имеющихся, усвоенных в процессе социализации норм и ценностей.

Во-вторых, гражданское сознание может служить активатором преобразований в социальной системе, поскольку наличие разрыва между представлениями о должном состоянии и характере общественного устройства и реально существующим подталкивает людей в направлении активного выражения гражданской позиции, требования перемен в тех аспектах социально-политической системы, которые не соответствуют сформировавшимся ценностям и убеждениям [1].

В-третьих, гражданское сознание характеризуется открытостью, выражающейся в готовности к восприятию новых смыслов, идей, ценностей [3]. При этом данный процесс восприятия нового происходит, как уже было сказано, весьма плавно, по мере того, как новые идеи и ценности подтверждают свою жизнеспособность, а также возможность органически включиться в уже существующую систему взглядов. Для того, чтобы изменения в гражданском сознании произошли, должно произойти некое накопление изменений в культуре, образцах поведения, которые, постепенно оказывая давление на гражданское сознание, будут способствовать выработке и закреплению соответствующих концептов, форм и способов объяснения и восприятия общественного бытия [2].

Наконец, в-четвертых, в гражданском сознании содержатся как устойчивые элементы, которые практические не подвержены изменениям, так и подвижные обеспечивающие его функционирование, адаптацию к меняющимся условиям, накопление опыта и, как следствие, развитие гражданского сознания.

Проведенное весной 2021 года в Московском государственном психолого-педагогическом университете эмпирическое исследование, в котором приняли участие 350 студентов, позволило установить, что гражданское сознание студенческой молодежи характеризуется следующими особенностями:

- преобладание в определении родины социокультурных и этнических характеристик;

- осознание наличия взаимных обязательств граждан и государства по отношению друг к другу с признанием ведущей роли государства в выстраивании отношений с гражданами;

- достаточно высокий уровень гражданской идентичности, признание ценности гражданства;

- довольно высокие ожидания и требования по отношению к государству при одновременно не очень высокой готовности самостоятельно отстаивать свои права и бороться за них.

На основании проведенного исследования было подтверждено, что социальная активность является весьма значимым фактором формирования гражданского сознания молодежи. Студенты, для которых социальная активность является важной и значимой частью их жизни, демонстрируют более высокий уровень гражданской идентичности, высказывают более ответственную и активную гражданскую позицию.

1. Савченко И.А., Левина Е.А. Особенности мотивации персонала организаций социальной сферы // Научно-аналитический журнал Наука и практика Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2018. Т. 10. № 3 (31). С. 51-60.
2. Савченко И.А., Сошникова К.М., Скундина Е.А., Борисов А.А. Актуальные проблемы управления образованием в современной России // Экономика и предпринимательство. 2016. № 3-1 (68). С. 191-194.
3. Сафонова А.О., Какадий И.И. Технология разрешения межличностных конфликтов в управленческой деятельности // Научный журнал Дискурс. 2017. № 3 (5). С. 103-110.

ФОРМИРОВАНИЕ У МОЛОДЕЖИ МОТИВАЦИОННО-ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ЗДОРОВЬЮ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Новоселова Елена Николаевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Важность формирования у молодежи установки на ведение здорового образа жизни сегодня никто не оспаривает, однако деятельность государства в этой сфере на данный момент не соответствует масштабам тех проблем, которые в ней накопились и несмотря на огромное количество законов и постановлений в этой сфере главенствует «болезнецентричная» парадигма, а основное внимание уделяется здоровью больных, в то время как здоровье здоровых остается «за бортом» государственных интересов [1]. Пропаганда ЗОЖ до сих пор не ведется на должном уровне, не выстроена система управления его формированием, доля населения, которая просто не может его себе позволить очень велика. Между тем, здоровьем определяется вся человеческая жизнь, оно же рассматривается как важнейшее условие воспроизводства человеческого потенциала, особенно если речь идет о здоровье молодежи, являющейся наиболее активной частью общества, двигателем развития государства.

Ценность здоровья увеличивается с возрастом [5]. Люди, которые приобрели собственный индивидуальный опыт потери здоровья чаще воспринимают здоровье как самую большую ценность, в молодых группах ценность здоровья априори ниже, т.к. оно

«просто есть» и воспринимается как дополнительный жизненный ресурс для достижения более значимых целей. Согласно исследованию ВЦИОМ, одной из самых распространенных причин заботы о здоровье является «вынужденная мотивация» (забота о здоровье как необходимость, продиктованная его состоянием) - 32% [2]. Опрос ФОМ указывает на аналогичную тенденцию. На вопрос «Кто, какие люди обычно заботятся о своем здоровье?» наибольшее число респондентов (22%) ответили - «70-летние и выше», «ближе к пенсионному возрасту» «болеющие люди» [3].

Сегодня мы можем наблюдать некоторые позитивные и в молодежной среде становятся более популярными отказ от курения и алкоголя, спорт и активный отдых, но все еще игнорируются такие аспекты ЗОЖ как здоровый сон, закаливание и медицинская профилактика, а знания о здоровье бессистемны и мало используются в повседневной жизни. Исследование В. Федотовой показало, что индекс отношения к здоровью у молодых россиян - невысокий [4]. Кроме того, молодые люди не выражают желания жить долго, аргументируя это тем, что старость, это - болезни, деменция, потеря интереса к жизни, невозможность самому себя обслуживать. Желание жить долго оказывает серьезное влияние на отношение человека к здоровью и люди, имеющие установки на долголетие, более чем в 1,5 чаще занимаются физкультурой, закаливаются, заботятся о качестве потребляемой питьевой воды, не курят и т.д. [6]

Подводя итог следует сказать, что сегодня необходима продуманная государственная политика, включающая в себя воздействие на ценностно-мотивационную сферу молодежи с целью воспитания личности способной нести ответственность за свое здоровье, а также обладающей знаниями в области ЗОЖ. Не стоит забывать и о создании благоприятной для здоровья среды и обеспечении равного доступа к элементам ЗОЖ.

ПОТЕНЦИАЛ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИНАСТИЙ ВРАЧЕЙ В ОЦЕНКАХ МОЛОДЫХ МЕДИКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ АНКЕТНОГО ОПРОСА)

**Нор-Аревян Оксана Аведиковна
Южный федеральный университет**

Статья подготовлена при поддержке РНФ проект № 19-18-00320

Профессиональная династичность в медицине, пожалуй, одно из самых распространенных явлений, которое не раз становилось предметом изучения исследователей [1,2,3,6,8,9]. В работах автора также уделялось внимание анализу преимуществ и деструктивных последствий династичности в медицине, и сделан вывод о двойственном потенциале профессиональной династичности врачей [4,5].

Зимой-весной 2021 г. в рамках научного исследования «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в российском обществе» [7] был проведен массовый анкетный опрос представителей медицинского сообщества в Москве, Ростове-на-Дону и Саратове (n=750), результаты которого показали, что потенциал династичности в медицине по-разному оценивается представителями медицинских династий и не династичными медиками, а также отличаются оценки династичности в мнениях врачей с опытом и молодых медиков.

Из материалов анкетного опроса следует, что респонденты видят в медицине, чаще чем в других отраслях, проявление династичности. При этом молодые медики (респонденты до 29 лет) г. Москва убеждены вдвое сильнее своих старших коллег в том, что чаще всего профессиональные династии встречаются в медицине (87,0% молодых медиков против 47,5% опрошенных медиков в возрасте старше 65 лет). Аналогично складывается мнение саратовских медиков (92,9% против 90,2%, соответственно), а в

Ростове-на-Дону, наоборот, медики старшего возраста чаще, чем молодые медики, указали на медицину как характерную отрасль с точки зрения династичности (72,4% против 59,3%).

В числе положительных сторон существования профессиональных династий (указывались несколько вариантов ответов) названы: «накопление и передача в семье уникальных профессиональных знаний» (61,9%), «раннее приобщение младшего поколения к профессиональной деятельности» (43,7%), «накопление старшим поколением опыта и связей, которые создают для приемников конкурентные преимущества» (39,7%).

На вопрос «Как вы оцениваете влияние профессиональных династий на функционирование различных областей деятельности (медицина)?», молодые медики Москвы и Саратова отвечали утвердительно. Больше всего убежденных в этом молодых медиков территориально локализованы в Саратове – 64,3% и чуть меньше в Москве – 60,9%. И только 22,2% респондентов из Ростова-на-Дону указали на положительное влияние династий на медицину, в большей мере отмечая «положительное и отрицательное влияние в равной степени» (55,6%). Вероятно, поэтому, отвечая на вопрос о нужности профессиональных династий в медицине, опрошенные молодые ростовские медики затруднились ответить (40,7%) и только треть респондентов ответили положительно («да» – 7,4%, «скорее да» – 25,9%).

Интересно, что и для своих детей молодые медики не желали бы преемственности медицинской профессии. Так, на вопрос «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети выбрали ту же профессию, что и у Вас?», ответы распределились следующим образом: абсолютно уверенных в этом только 7,1% опрошенных молодых медиков из Саратова, 4,3% молодых медиков г.Москва и 3,7% молодых ростовских медиков. Однако, заметим, что чем старше возрастная группа опрошенных и, соответственно, опытнее, тем более выражено стремление передать своим детям любовь к профессии.

В заключении отметим, что профессиональная династичность в медицине характеризуется не только положительными эффектами, но и деструктивными последствиями, что обусловлено, в том числе, вынужденным приходом в профессию младшего поколения под влиянием родственников, давления семейных традиций.

1. Вольчик В.В., Посухова О.Ю. Институт профессиональных династий в контексте кланового капитализма // *Journal of Institutional Studies*. 2019. Т. 11, № 4. С. 77-89.
2. Калашикова К.А. Феномен династичности в процессе социальных изменений института здравоохранения // *Философия социальных коммуникаций*. 2012. № 1 (18). С. 149-156.
3. Клименко, Л.В., Посухова, О.Ю. Гендерные аспекты воспроизводства профессиональных династий в медицине // *Journal of Institutional Studies*. 2021. 13(3): 144–157.
4. Нор-Аревян О.А. Кризис профессиональных династий и деструктивные последствия вынужденного воспроизводства профессии врача // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2019. № 11 (67). С. 24-30.
5. Нор-Аревян О. А. Стратегии воспроизводства профессиональной медицинской династии // *Гуманитарий Юга России*. 2020. Том. 9. № 4. С. 62-72.
6. Панфилова Ю.С. «О другой профессии и не думал»: продолжение профессиональной династии как личный выбор советских врачей // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2019. № 11 (67). С. 31-35.
7. Проект РНФ № 19-18-00320 «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в российском обществе» 2019-2021 гг. (руководитель к.с.н., доцент Посухова О.Ю.).
8. Черевкова А.И., Чикарова Г.И. Рефлексия представителей профессиональных династий: о семейной преемственности, преимуществах и недостатках принадлежности к династии // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2020. № 12 (80). С. 129-133.
9. Шапошников В.И., Шапошникова Г.В., Шапошников О.В. Некоторые аспекты преемственности поколений в вопросах выбора профессии врача // *Международный школьный научный вестник*. 2016. № 2.

ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА НА ПОЛУЧЕНИЕ НЕФОРМАЛЬНОГО ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ

Овчинникова Юлия Дмитриевна
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина»

Современная система российского высшего образования претерпевает кризис его восприятия молодежью. Согласно исследованию ВЦИОМ, проведенному летом 2020 года, 48% респондентов 18-24 лет не согласны с утверждением, что высшее образование обеспечивает человеку успешную карьеру и облегчает достижение жизненных целей, в противовес 46%, согласных с данной позицией (7% затруднились ответить) [1].

В настоящее время многие студенты получают высшее образование, потому что так принято, по воле родителей или по причине отсутствия понимания, что им делать после выпуска из школы. Некоторые, осознав отсутствие интереса к основной специальности, ищут способ получить дополнительные знания, и прибегают к неформальному образованию. Этот термин определяется как образование, которое может быть получено вне системы формального базового или дополнительного образования. При этом оно спланировано лицом или организацией, предоставляющей образовательные услуги [2, с.18; 3, с. 11]. Один из самых доступных способов получения неформального образования – онлайн-обучение.

В нашем пилотном исследовании (n=30, май, 2021) анализировались ориентации студентов бакалавриата и специалитета на получение неформального онлайн-образования. Для анализа использовались четыре группы индикаторов: удобство онлайн-формата для освоения учебного материала; необходимость получения студентами неформального образования; наличие опыта получения неформального онлайн-обучения; сфера, в которой оно было получено.

Большинство (76,7%) респондентов считают, что онлайн-формат удобен для освоения учебного материала. Наиболее распространенные ассоциации респондентов с понятием «онлайн-обучение» были следующие: «удобство и доступность обучения», «онлайн технологии», «необходимость самоорганизации». Некоторые студенты говорили о «неудобстве онлайн-обучения по сравнению с оффлайн-форматом и недостатке личного общения».

Оценивая необходимость получения неформального образования по шкале от 1 до 10 (где 1 – совершенно не нужно, 10 – абсолютно необходимо) студенты дали среднюю оценку 8,2. Обосновывая свою позицию, многие респонденты апеллировали к «необходимости расширять свой кругозор». Некоторые студенты приводили такие аргументы, как «недостаток знаний, получаемых в университете» и «возможность получить интересные для них навыки-компетенции».

70% респондентов уже имели опыт получения неформального онлайн-образования в период учебы в университете. Наиболее популярными тематиками онлайн-курсов среди таких студентов стали гуманитарные науки, иностранные языки, интернет-маркетинг и Soft Skills.

Полученные данные в целом демонстрируют заинтересованность студентов УрФУ в получении новых знаний в формате онлайн-обучения. В дальнейшем мы планируем более глубоко исследовать тему неформального образования в жизни студентов, изучая наиболее востребованные площадки для получения такого образования,

удовлетворенность его качеством, а также влияние полученного образовательного опыта на изменение жизненных планов.

1. ВЦИОМ-СПУТНИК - ежедневный всероссийский телефонный опрос ВЦИОМ [Электронный ресурс] URL: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=266&q_id=23249&date=14.06.2020 (Дата обращения: 20.09.2021)
2. Бирюкова И.К. Неформальное образование: понятие и сущность // Известия ВГПУ. 2012. №10. С. 18-20.
3. Международная стандартная классификация образования. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. – 2013г. С. 11-12.

ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА В ГБОУ РМ «ШЕЙН-МАЙДАНСКАЯ ШКОЛА-ИНТЕРНАТ» ПОСРЕДСТВОМ УЧЕБНОЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Осанкина Виктория Александровна
ФГБОУ МГУ им. Н. П. Огарева

Профилактическая работа занимает важное место в воспитании и образовании детей в ГБОУ РМ «Шейн-Майданская школа-интернат», так как школа-интернат санаторного типа [1]. Например, физкультурно-оздоровительная работа представлена профилактической лечебной физкультурой. На уроках и самоподготовках проводятся физкультминутки по снятию физической и психической усталости у детей, ежедневно проводится утренний зарядка. Неотъемлемой частью профилактической оздоровительной работы являются прогулки в лес в любое время года, спортивные и другие игры на свежем воздухе. В школе-интернате проводятся Дни Здоровья, работают спортивные секции «Вольная борьба», «Мини-футбол». Воспитатели добиваются, чтобы дети соблюдали режим школы-интерната, учат пользоваться предметами личной гигиены, ведут непрерывную работу по созданию уюта в спальнях, учат детей следить за своим внешним видом, прививают навыки по самообслуживанию. Для развития художественного творчества и эстетического вкуса используются разные формы профилактических мероприятий, организованы кружки эстетического цикла: «Фантазия», «Весёлые нотки», «Умелые руки». В январе месяце проводится традиционный конкурс инсценированных сказок «Сказочный мир» с целью приобщения детей к театральному искусству, выявления и развития творческих способностей у детей. Большое значение в профилактическом эстетическом воспитании занимают проводимые мероприятия к традиционным праздникам «День Учителя», «8 марта», «23 февраля», «Новый год» и другие [2]. Для профилактической работы с воспитанниками в школе-интернате проводится правовая социализация, где воспитатели готовят своих воспитанников к жизни в правовом государстве, в гражданском обществе. Для этого воспитатели проводят различные беседы на правовые темы, оформляют уголки по правовой документации, для обучающихся 9 класса ведётся кружок «Этика и психология семейной жизни». Также организуется профессиональное самоопределение воспитанников где выявляются интересы и способности к той или иной профессии. В летнее время в школе-интернате организуется лагерь труда и отдыха. Дети в лагере трудятся на пришкольном участке и отдыхают в течение июня месяца. Постоянно ведётся профилактическая работа с детьми, стоящими на внутришкольном учете. Воспитатели стараются своевременно предупреждать и преодолевать любые недостатки, отрицательные качества у ребёнка, выявляют причины его неадекватного поведения. Профилактическая работа ведётся в контакте с работниками КДН, ПДН, с учителями-предметниками. Осуществляя

внутришкольный контроль используются в работе различные профилактические формы и методы [3].

Таким образом, профилактическая работа заключается в педагогически целесообразной организации жизни детей.

1. Документы. Шейн-Майданская школа-интернат : сайт. – Шейн-Майдан, 2021. – URL: <https://майдан-школа13.рф/4910/5908/> (дата обращения: 19.01.2021). – Режим доступа: сеть Интернет. – Текст : электронный.
2. Мероприятия. Шейн-Майданская школа-интернат : сайт. – Шейн-Майдан, 2021. – URL: <https://майдан-школа13.рф/4926/4992/> (дата обращения: 19.01.2021). – Режим доступа: сеть Интернет. – Текст : электронный.
3. Образование. Шейн-Майданская школа-интернат : сайт. – Шейн-Майдан, 2021. – URL: <https://майдан-школа13.рф/4910/5910/> (дата обращения: 19.01.2021). – Режим доступа: сеть Интернет. – Текст : электронный.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИНАСТИЙ МОЛОДЫМ ПОКОЛЕНИЕМ ВРАЧЕЙ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТНИКОВ МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ)

**Панфилова Юлия Сергеевна
ФГАОУ ВО "Южный федеральный университет"**

Тезисы подготовлены при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00320 «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в современном российском обществе».

Профессиональные династии как часть структуры организации имеют двойственный потенциал. С одной стороны, они являются носителями профессиональных знаний, норм и ценностей, с другой – монополизируют престижные позиции [1, 102]. Эта двойственность ведет к разнице восприятия династийности в организациях со стороны сотрудников, которые не идентифицируют себя как членов профессиональных династий. В то же время важно понимать, что эта разница может быть детерминирована многими факторами. На основании результатов анкетного опроса медицинских работников г. Ростов-на-Дону (250 человек, квотная пропорциональная выборка) было выявлено, что одним из ведущих факторов, обуславливающих особенности восприятия коллег-представителей династий, является возраст. В рамках исследования сравнение проводилось по следующим возрастным группам: до 29 лет, 30-39 лет, 40-54 лет, 55-64 лет, 65 лет и старше. Ввиду особенности становления профессионального пути будем считать когорту до 40 лет молодыми медрботниками.

Восприятие положительных сторон профессиональных династий не зависит от возраста: так, представители всех возрастных групп считают, что профессиональные династии способствуют накоплению и передаче в семье уникальных профессиональных знаний, раннему приобщению младшего поколения к профессиональной деятельности, накоплению старшим поколением опыта и связей (40-42%). В то же время восприятие негативных эффектов в значительной степени различается. Молодое поколение врачей чаще воспринимают профессиональные династии как агента монополизации ресурсов и доступа к престижным социальным позициям (44% и 32% в 1-й и 2-й возрастных группах и 20% в группе старше 65 лет). В восприятии молодой когорты респондентов представители династий менее ответственно относятся к работе, деградируют в профессиональном плане из-за отсутствия свободной конкуренции и протекции. При этом молодые врачи склонны видеть в принадлежности к профессиональной династии

возможность более быстрого карьерного старта при более низком уровне профессионализма. Если говорить в целом об оценках влияния профессиональных династий на функционирование медицинской сферы, то молодые медработники гораздо чаще дают негативные градации (18% в 1-й и 2-й группах и всего 7% в группе старше 65 лет).

Таким образом, наличие в медицинской организации представителей профессиональных династий служит источником социального напряжения для молодых медработников ввиду необходимости конкурировать с теми, чьи стартовые позиции выше. Безусловно, эти тенденции затрагивают все возрастные группы. В то же время профессиональный опыт, наличие репутации и других ресурсов помогает более старшим поколениям врачей минимизировать деструктивные эффекты. Важно также понимать, что чем старше медицинские работники, тем с большей вероятностью мы можем говорить о том, что их профессиональное становление происходило в период положительного общественного восприятия династийности и наличия более открытых каналов мобильности в рамках медицинской среды [2, 241]. Сегодня же в основе формирования династий лежат сильные родственные социальные связи [3, 85], что оказывает скорее негативное влияние на процессы формирования порядков открытого доступа.

РОЛЬ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ И ЛИЧНОСТНОМ РАЗВИТИИ СТУДЕНТОВ

Паншева Ксения Эдуардовна

ФГБОУ ВО Московский государственный психолого-педагогический университет

Обучаясь в ВУЗах, каждый студент получает теоретическую базу знаний для своей профессии, проходит практику, чтобы овладеть первичными навыками и ознакомиться со спецификой своей деятельности. К сожалению, соотношение теоретических и практических знаний, показывает, что будущий специалист выходит из ВУЗа с недостаточным практическим опытом. Если брать в расчёт бакалавриат, то за 4 года обучения студент получает лишь 1,5-2 месяца практических занятий на потенциальном месте работы. Что делать студентам, чтобы получить опыт общения с людьми, работы в сфере своего обучения, либо в смежных сферах деятельности, как им завести знакомства для дальнейшего трудоустройства? С этим могут помочь социальные объединения. В наше время существует множество молодежных объединений, в РФ распространены как политические и проправительственные молодёжные организации, так и внепартийные организации. Вовлечение молодежи в социальную практику с помощью социальных технологий активизирует социальный потенциал молодежи, это и социальное проектирование, и развитие коммуникативного пространства, развитие молодежного общественного движения и молодежных инициатив, поддержка органов студенческого самоуправления. Студенческое самоуправление выступает специфическим демократическим институтом и является особой формой инициативной и самостоятельной деятельности учащейся молодежи по решению важных вопросов собственной жизни. Много молодых людей состоят в волонтерских центрах, творческих коллективах и внутривузовских студенческих объединениях. В первую очередь участие в подобных организациях помогает зарекомендовать себя [1]. Участие студентов в организации мероприятий помогает приобрести необходимые в профессиональной работе лидерские качества: умение привлечь к делу, заинтересовать, организовать людей, организовать себя, добиться поддержки от государственных и коммерческих структур. Молодёжные движения как совокупность действующих социальных объединений – это особая ниша, позволяющая аккумулировать интересы и ценности молодежи, помогающая

с формированием мировоззрения. У молодёжи появляется больше возможностей развить все формы проявления социального участия. В ВУЗах поощряется волонтерская, научная и социально полезная деятельность студентов.

Большой процент студентов осознаёт, что направленность обучения не сходится с их жизненными целями. У них наблюдается кризис профессионального выбора и перед ними стоит задача: решить, что же делать дальше [2]. Дополнительное развитие, которое может дать членство в молодёжной организации является инструментом решения этой задачи, студент практически более детально знакомится со своей профессией и осознанно выбирает дальнейший путь.

1. Столин В.В. *Самосознание личности*. М., 1983.

2. Фролова Н.А., Николаева А.А. *Социальные технологии формирования молодежной активности в современном российском обществе // Образование и общество*. 2012. № 3 (74). С. 51-56.

ИНТЕРНЕТ И СЕКСУАЛЬНОСТЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКИХ ПОДРОСТКОВ

Плутов Леонид Евгеньевич

Санкт-Петербургский государственный университет

В результате быстрого развития Интернет-технологий современная молодёжь имеет обширный доступ к онлайн-информации, общению и развлечениям. Данная тенденция сделала Интернет важным фактором изучения процессов развития в подростковом возрасте, в том числе, в сфере сексуальности. Будучи пространством с высоким уровнем сексуального контента, Интернет предлагает подросткам активно формировать собственную сексуальную медиа-среду [1, 100]. Эти и другие функции делают Интернет привлекательной средой не только для экспериментов, самовыражения и социализации в сфере сексуальности, но и для социологических исследований по данной проблематике.

В новом тысячелетии был проведён ряд исследований, направленных на изучении роли Интернета в сексуальном развитии подростков. Главным образом, были выделены основные типы онлайн-поведения, связанные с сексом и сексуальностью в Интернете. Так, Бойс [2, 88] и Гудсон [3, 147] дифференцировали сексуальную активность в Интернете с точки зрения поиска информации, сексуального удовлетворения и сексуальных отношений. Похожим образом, Шонесси, Байерс и Уолш [4, 425] дифференцировали сексуальные действия, не связанные с возбуждением (например, поиск сексуальной информации), действия, вызывающие одиночное возбуждение (например, просмотр сексуально откровенных материалов в Интернете), а также активность внутри партнёрско-романтических отношений (например, «секстинг»).

Несмотря на ценные сведения, полученные в результате этих исследований, заметна нехватка качественных социологических исследований в данной сфере. Недостаточное внимание было уделено различным контекстам, в которых может иметь место использование Интернета с точки зрения сексуальности, а также различным мотивам, восприятию и размышлениям молодых людей, преследующих сексуальные цели в данном пространстве.

Более глубокое понимание роли сексуальности в том, как подростки используют Интернет, важно по нескольким причинам. Во-первых, цели и мотивы, с которыми молодёжь использует Интернет, носят комплексный и амбивалентный характер. В частности, некоторые онлайн-исследования, посвящённые тому, какую информацию о сексе и сексуальности ищут подростки, зачастую ограничиваются тематиками

сексуального здоровья [5, 305], материалами сексуального характера и порнографией: тем не менее, как показывают шведские исследования, даже просмотр порнографии сопряжён с целым массивом различных мотивов, чувств и предубеждений [6, 575].

Во-вторых, в онлайн-поведении подростков, связанном с сексом, прослеживается ярко выраженная гендерная специфика [7, 1487]. Однако информация, которой можно объяснить разные модели взаимодействия и поведения в Интернете, кажется недостаточной. Более того, недостаточно изучена региональная и культурная специфика.

Таким образом, цель данного доклада – сформировать представления о текущей научной проработанности данной проблемы и обозначить основные направления и перспективы социологического исследования сексуального развития российских подростков в Интернет-среде.

МЕТОДОЛОГО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЁЖИ

Позднякова Маргарита Ефимовна
Институт социологии ФНИСЦ РАН

В последние десятилетия на общем фоне роста различных форм девиантного поведения вырос уровень социальных отклонений среди молодёжи. Молодёжная девиация в целом не существует как самостоятельное явление, она слепок с социальных отношений и проблем взрослых и может усиливаться в период экономических кризисов, культурной деградации общества. Социальные процессы изучения молодёжных девиаций обладают определённой спецификой: относительно высокая динамичность социальной ситуации; нередкое противодействие объекта исследования получению информации, его «пассивность», обуславливающие высокую латентность большинства проявлений девиантного поведения; существенная зависимость состояния и динамики объектов от среды (социальных, экономических, политических, демографических, культурологических процессов), а, следовательно, необходимость получения информации о ней.

Методолого-методические особенности исследований девиантного поведения молодёжи связаны с тем, что получение необходимой и достаточной информации об изучаемых явлениях сопряжено с определёнными трудностями: отсутствует единая система учёта девиантных проявлений; отсутствует (или осуществляется не по значимым показателям) статистика по многим видам девиантности; несопоставимы многие показатели государственной статистики и ведомственного учёта, учётные данные различных ведомств (МВД, суды, здравоохранение, образование и др.); высокая латентность большинства девиантных проявлений.

При исследовании девиантного поведения молодёжи следует учитывать то, что оно не соответствует целому ряду закономерностей «взрослого» отклоняющегося поведения. Так, с точки зрения социологического подхода, в молодёжи изначально заложен потенциал отклоняющегося поведения, связанного с отрицанием устаревающих норм и ценностей общества. Криминология объясняет нарушение взрослыми преступниками общепринятых норм поведения наличием у них специфической системы ценностей, противостоящей официально одобряемым или общепризнанным нормам поведения. Но применительно к молодёжи такой подход не совсем правомерен. Исследования сектора социологии девиантного поведения ФНИСЦ РАН показывают, что зачастую молодые люди, не отрицая самого факта содеянного, не признают свою вину или нарушают правовой запрет, который в принципе не отвергают. Объяснение этим явлениям даёт теория нейтрализации, суть которой заключается в том, что

несовершеннолетний становится правонарушителем, усваивая приёмы нейтрализации общепринятых норм, а не моральные требования, противоположные этим нормам.

Все это повышает роль социологических исследований различных форм девиантности молодёжи и требует от исследователя помимо традиционных социологических методов и техник разработки практически на каждом этапе исследований как новых, так и адаптированных к изучаемой форме девиации способов сбора и анализа информации.

ГОТОВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ПРИЕМУ МИГРАНТОВ

Прохода Владимир Анатольевич

1. МГУ имени М.В. Ломоносова

2. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта «Социальная стратификация и социализация российской молодежи в постсоветский период» № 20 011 00285 А

Эмпирической базой для публикации послужили материалы социологического опроса, проведенного летом 2020 г. Проект нацелен на изучение установок, ценностей, поведения современной российской молодежи. Опрашивались респонденты в возрасте от 18 до 34 лет. Метод сбора первичной социологической информации – самозаполнение анкеты онлайн (CAWI) участниками панели, отвечающими критериям отбора.

Полевой этап проведен с использованием сервиса онлайн-опросов «Анкетолог». Общее число опрошенных – 1654 человека. Когорта №1 включает в себя респондентов в возрасте от 18 до 24 лет (N=780), когорта №2 – от 25 до 34 лет (N=874). Отбор целевой группы по критериям и установленным квотам проводился на базе существующей онлайн панели, репрезентирующей целевую группу по следующим параметрам: пол, возраст, образование, федеральный округ, тип населенного пункта. Обеспечение более полного соответствия данных структуре генеральной совокупности потребовало использования процедуры взвешивания.

Для выявления готовности молодых россиян к приему мигрантов респондентов спрашивали о том, следует ли позволить людям, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения России, переезжать жить в нашу страну. Более четверти (27,7%) респондентов считают, что следует позволять многим таким людям переезжать в Россию. Почти треть опрошенных (32,3%) – сторонники разрешения переезда для некоторых мигрантов. Около четверти респондентов (23,6%) декларируют необходимость более жестких ограничений, с разрешением на переезд лишь для немногих мигрантов.

Выборочный подход может быть связан с рядом факторов, в том числе с желанием соблюдать социальную дистанцию и соответственно лояльно относиться к присутствию мигрантов в сферах, не предполагающих тесных коммуникаций, что согласуется с результатами других исследований [1]. В тоже время почти каждый одиннадцатый респондент (9,2%) является категоричным противником внешней миграции, ратуя за полный запрет возможности переезда в страну.

Исследование показало, что представители рассматриваемых возрастных когорт различаются в установках по отношению к мигрантам. Молодые россияне в возрасте от 18 до 24 лет существенно чаще выказывают большую готовность к приему мигрантов, по сравнению с респондентами из старшей когорты ($r_s=0,23$; $p<0,001$). Отчасти выявленное

различие может быть связано с выраженным опасением экономической угрозы миграции в когорте №2, в большей степени включенной в трудовые отношения.

1. *Мигранты на российском рынке труда: за и против [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Аналитический обзор. 30 марта 2016 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/migranty-na-rossijskom-rynke-truda-za-i-protiv> (дата обращения: 10.10.2021).*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Рева Анастасия Сергеевна,

Тур Артур Дмитриевич

Южно-Российский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Доверие является фундаментом легитимности политических лидеров, различных социальных институтов. Оно рассматривается как механизм, обеспечивающий интеграцию повседневной жизни индивидов [1].

Институциональное доверие приводит к социально-политической активности и хорошему отношению к действующим политикам, организациям, влияет на повышение уровня социальной стабильности, легитимности. [2].

В целях диагностики институционального доверия в российском обществе, авторы статьи воспроизвели прикладное социологическое исследование Левада-центра о доверии к органам исполнительной власти, опросив 92 студента, осваивающих образовательную программу: «Государственное и муниципальное управление» в ЮРИУ РАНХиГС. Цель исследования заключалась в анализе доверия студенческой молодежи государству, в сравнении с другими категориями граждан.

На вопрос об их оценке текущих дел в стране треть студентов (31%) выразили позитивное отношение, в то время как 35% ответов указали, что дела идут по неверному пути. 34% респондентов затруднились дать ответ на указанный вопрос.

Стоит отметить, что на обобщающий вопрос о доверии к органам государственной власти в целом, 42% студентов ответили отрицательно. Такой высокий показатель недоверия может свидетельствовать об отсутствии заинтересованности и личной неосведомленности студентов о деятельности как органов власти, так и политиков. Так, например, в нашем опросе у 9% респондентов вызвало трудности назвать современного политика, которому они бы доверяли. Повлияет ли такое недоверие к власти на потенциальных государственных служащих и на их дальнейшее трудоустройство по соответствующему профилю подготовки?

Свою позицию относительно перспектив профессионального развития в структурах органов исполнительной власти студенты обозначили следующим образом: 47% респондентов видят своё дальнейшее развитие в государственных структурах, а 20% не собираются связывать свою жизнь с этим видом деятельности. Любопытно, что среди тех, кто видит перспективы развития профессиональной деятельности на государственной гражданской службе, меньше всего студентов 4 курса бакалаврской подготовки (4%), а больше всего, например, студентов 1 курса (48%). Такие результаты можно связать с тем, что ни один студент 4 курса по данным нашего опроса не доверяет органам государственной власти, в то время как среди студентов 1 курса им не доверяют только 33%.

Особую значимость для исследования представляет уровень доверия Государственной Думе РФ в контексте прошедших выборов. Деятельность Государственной Думы одобрили 58% студентов, в то время как уровень одобрения деятельности Государственной Думы по опросам Левада-центра остается на невысоком уровне 41%. При этом 42% студентов заявили, что будут голосовать на выборах в ГД РФ, а 19% уверены, что не будут голосовать.

Стоит отметить, что на сегодняшний день очевидна необходимость включения в социологические исследования вопросов, связывающих выборы и процесс цифровизации. Во-первых, интернет-пространство было выбрано студентами в качестве источника, откуда они больше всего получают информации о выборах (73%). Во-вторых, более 90% опрошенных студентов отметили свое положительное отношение к возможности электронного голосования. Такие показатели дают однозначную положительную оценку в пользу внедрения технологий электронного голосования и использования их в больших регионах России. Такой подход может не только облегчить процедуру голосования, привлекая тем самым большее количество молодежи, но и косвенно повысить уровень институционального доверия в стране.

1. Ушамирский, А. Э. Проблема институционального доверия в молодежной среде / А. Э. Ушамирский // Символ науки: международный научный журнал. – 2015. – № 10-2. – С. 253.
2. Омельченко, Д. А., Максимова М. М., Шахова Е. В., Суртаева О. В. Институциональное и обобщенное доверие населения как показатели социальной интеграции в российских регионах // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2017. – № 5-1. – С. 105-111.

ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Романова Мария Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Волонтерство включает в себя много разных видов деятельности, выполняющихся добровольно на благо широкой общественности, причем денежное вознаграждение либо отсутствует, либо является не главным мотивом.

Согласно Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года, содействие развитию добровольческой (волонтерской) деятельности отнесено к числу приоритетных направлений социальной и молодежной политики [4].

Мы бы хотели рассказать о результатах некоторых социологических исследований, благодаря которым можно узнать об отношении российской студенческой молодежи к волонтерской деятельности.

Социологическое исследование **“Отношение студенческой молодежи к волонтерской деятельности”** было проведено Е.А. Коган в 2014 году. В ходе исследования были выявлены основные мотивы участия студентов в волонтерской деятельности. Итак, это “Интересное общение, опыт общения с разными людьми”, “Стремление быть полезным людям”, “Возможность побывать в разных странах и городах” и “Возможность получить опыт работы” [1, 144-149].

Социологическое исследование **“Динамика студенческого волонтерства в Свердловской области”** было проведено М.В. Певной и А.А. Кузьминчук на основе данных, полученных в ходе опросов в 2012 и 2016 годах. Отвечая на вопрос “При каких условиях Вы бы согласились стать волонтером?”, студенты могли выбрать не более трех вариантов ответа из предложенных. Наиболее популярным вариантом ответа оказался “Если бы точно знал, что моя помощь нужна каким-то конкретным людям”, следующим

по популярности является вариант “Если бы знал, что это будет интересно и весело организовано”. На третьем месте в 2012 году был вариант “Если бы у меня появились новые интересные друзья”, а в 2016 году — “Если бы я научился чему-то новому” [2, 135-148].

М.В. Реутова и Е.В. Реутов, авторы исследования **“Волонтерство в молодежной среде региона”** определили, что декларируемая мотивация участия в волонтерской работе носит преимущественно альтруистический характер — о желании помочь людям заявили две трети опрошенной молодежи [3, 234-235].

Подводя итог, можно сказать, что студенческая молодежь воспринимает волонтерство как деятельность, которая ценна и для общества, и для самих волонтеров.

1. Коган Е.А. Отношение студенческой молодежи к волонтерской деятельности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 4 (36). С. 144-149.
2. Певная М.В., Кузьминчук А.А. Динамика студенческого волонтерства в Свердловской области // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 135-148.
3. Реутова М.Н., Реутов Е.В. Волонтерство в молодежной среде региона // Молодежь XXI века: образ будущего. 2019. С. 234-235.
4. Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2018 N 2950-р “Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года”.

МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРВИЧНОГО ИНТЕРЕСА МОЛОДЕЖИ К ПОПУЛЯРНЫМ YOUTUBE-КАНАЛАМ

Руденкин Дмитрий Васильевич

ФГАОУ ВО “Уральский Федеральный Университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина”

Работа подготовлена в рамках реализации гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-011-00683 «Видеоблоги как канал формирования общественного мнения российской молодежи: степень и эффекты влияния»)

Цель этой работы – выявить основные закономерности возникновения первичного интереса российской молодежи к тому контенту, который транслируется через популярные каналы на сервисе YouTube. В рамках наметившегося интереса российской науки к характерным для молодежи практикам использования You-Tube этот вопрос пока не получил должного внимания. В фокусе внимания исследователей неоднократно оказывались общая степень интереса российской молодежи к конкретным You-Tube-каналам [1], содержательный анализ контента данных каналов [2], эффекты и риски, которые создает их популярность в молодежной среде [3] и иные аналитические вопросы. Однако вопрос о том, как и почему возникает исходный интерес молодежной аудитории к конкретным YouTube-каналам, пока не получил четкого ответа. Данная работа направлена на прояснение этого вопроса.

Эмпирическую базу нашего исследования составляют данные социологического исследования, выполненного летом 2021 г. среди молодежи г. Екатеринбурга. Исследование выполнялось в два этапа. На первом этапе было проведено анкетирование представителей молодежи Екатеринбурга по репрезентативной половозрастной и районной выборке (N = 201), которое позволило определить перечень из 5 You-Tube-каналов, имеющих наибольшую популярность среди молодежной аудитории: ими

оказались «Вдудь» (его смотрят 59% опрошенных), «Редакция» (47%), «BadComedian» (41%), «А поговорить?» (39%) и «Навальный Live» (27%). На втором этапе были проведены 20 глубинных интервью с представителями молодежи, которые регулярно смотрят эти каналы, в ходе которых выявлялись стимулы интереса к ним со стороны молодежной аудитории.

Анализ данных, которые были собраны в ходе этого исследования, позволил выявить четыре типические модели формирования первичного интереса молодежи к популярным YouTube-каналам.

Во-первых, модель модного интереса. Фактической основой этой модели становится чувство любопытства к контенту YouTube-каналу, которое возникает из-за его регулярных упоминаний в медийном пространстве.

Во-вторых, модель социального интереса. В данном случае стимулом для интереса к YouTube-каналу становится желание молодого человека познакомиться с тем контентом, который активно обсуждают его референтные группы: друзья, коллеги, родные.

В-третьих, модель тематического интереса. Эта модель предполагает, что фактическим стимулом к первому просмотру YouTube-канала становится интерес не к его автору, а к какой-то частной теме, которую он поднимает.

В-четвертых, модель спонтанного интереса. Данная модель предполагает спонтанное и нецеленаправленное возникновение интереса к YouTube-каналу из-за его случайного попадания в поле зрения (например, благодаря системе рекомендаций самого сервиса YouTube).

Разумеется, реальная мотивация конкретного человека к первому просмотру того или иного канала может быть более сложной и строиться на стыке этих моделей. Тем не менее, наиболее распространенные схемы формирования первичного интереса молодежи, судя по нашим данным, выглядят именно так.

Работа подготовлена в рамках реализации гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-011-00683 «Видеоблоги как канал формирования общественного мнения российской молодежи: степень и эффекты влияния»)

1. Гигаури Д.И., Гуторов В.А., Шириняц А.А. YouTube-блогеры как лидеры общественного мнения молодежи: новые технологии формирования идентичности в виртуальном пространстве // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2019. № 3 (60). С. 51-58.
2. Шестерина А. М. Архетипические сюжеты в структуре видеоблогов // *Культура в фокусе научных парадигм*. 2018. № 7. С. 148-152.
3. Бареев М.Ю. Качурина И.О. YouTube как фактор формирования протестного потенциала молодежи // *Регионоведение*. 2019. № 3(108). С. 572-587.

ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Руденко Лариса Дмитриевна

Ярославский государственный технический университет

Молодежь является самой мобильной и динамично развивающейся группой населения, а проблема ее трудовой занятости воспринимается во многих регионах как одна из приоритетных.

С целью изучения реализации выпускниками стратегий занятости в мае 2021 г. нами было проведено социологическое исследование. Выборочную совокупность составили выпускники ярославских вузов в количестве 340 человек.

В исследовании приняли участие 44% мужчин и 56% женщин.

Одним из первых в инструментарий исследования нами был включен вопрос: «Собираетесь ли вы работать по специальности?». 54% респондентов ответили положительно, при этом 70% из них являются студентами естественнонаучных направлений. Такой низкий процент положительных ответов можно объяснить высокой степенью неопределенности выпускников вузов относительно места трудоустройства. На наш взгляд, это может привести к долгому поиску работы после окончания вуза и тяжелой социально-психологической адаптации.

При этом для успешного трудоустройства, по мнению студентов, необходимо иметь нужные связи и опыт работы (78%). Для того, чтобы оценить опыт занятости выпускников, нами был задан вопрос «Работаете ли Вы в настоящее время?». Почти половина респондентов отметили, что постоянно работают (49%). Это свидетельствует о том, что процесс дальнейшего трудоустройства ложится на плечи самих студентов. Данную тенденцию отражают и результаты ответов на вопрос «Будет ли Ваш вуз гарантировать трудоустройство после окончания?». Положительно ответили только 12% респондентов.

В то же время среди выпускников достаточно низкое количество тех, кто хочет «отодвинуть» процесс вступления в самостоятельную, «взрослую» жизнь посредством получения второго высшего образования или аспирантуры – 23%. Продолжать учебу в аспирантуре планируют 13% опрошенных, переучиваться на другую специальность – 12%, планов на будущее не строили – 29%.

Для реализации поставленной цели мы выяснили, какими каналами выпускники пользуются при трудоустройстве. Респондентам был задан вопрос: «Как Вы искали или собираетесь искать работу?». 52% воспользуются своими социальными связями, 31% - помощью кадровых агентств, и только 8% - помощью кадровых служб при вузах. Можно предположить, что именно расчет на социальные связи не позволяет молодым специалистам трезво оценить уровень конкуренции на современном рынке труда, во всяком случае, в его эффективном сегменте.

Проведенный анализ полученных данных свидетельствует о том, что при поиске работы молодежь, в первую очередь, ориентирована на высокую заработную плату (80%), возможность приобрести полезные связи и знакомства (43%), перспективы карьерного роста (38%).

Таким образом, можно сделать вывод, что на современном этапе трудоустройство молодежи носит стихийный характер, что актуализирует создание развитой системы социального воздействия на процесс профессионального самоопределения выпускников.

1. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М., 2003.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВУЗА С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ

Савченко Ирина Алексеевна

Московский государственный психолого-педагогический университет

Взаимодействие вузов с общественными организациями является одним из важных и перспективных направлений развития современных образовательных организаций [1]. Данное взаимодействие позволяет вузам реализовывать такие функции, как:

- обеспечение занятости студентов и выпускников вузов. Студенты относятся к наиболее уязвимым группам на рынке труда, поэтому их участие в качестве волонтеров в деятельности некоммерческих организаций позволит обучающимся получить новые знания и опыт, обзавестись полезными социальными контактами и связями. У некоммерческих организаций, в свою очередь, существует потребность в квалифицированных специалистах, которыми являются выпускники вузов;

- мотивация участия студентов в различных формах социальной активности, в том числе волонтерском движении. Волонтерская деятельность по своей сути достаточно проста и не требует серьезной профессиональной подготовки, обучения или профильного образования. Сотрудничество вузов с общественными организациями позволит повысить доверие к ним со стороны студентов, а также заинтересованность студентов к волонтерской деятельности;

- расширение базы практик для студентов в общественных и социально ориентированных некоммерческих организациях. Каждая образовательная программа вуза включает в себя практическую работу, во время прохождения которой студенты получают практические знания, умения и навыки [2]. Практическая работа в некоммерческих организациях позволит студентам получить новые знания, связанные с деятельностью общественных объединений и организаций, с возможностью дальнейшего трудоустройства в данные организации;

- возможность реализации повышения квалификации сотрудников некоммерческих организаций в высшем учебном заведении, с которым заключено соглашение или договор о сотрудничестве. Это позволит привлечь дополнительный контингент обучающихся, заинтересованных в получении определенных знаний и формировании соответствующих компетенций;

- обеспечение количественного и качественного роста социально ориентированных некоммерческих организаций [3]. Информирование студентов о деятельности социально ориентированных общественных и некоммерческих организаций, распространение среди студентов соответствующих знаний позволит им определиться в выборе формы своей социальной активности, расширить собственные представления об актуальных социальных проблемах. Вследствие этого у студентов может сформироваться мотивация устроиться на работу либо открыть собственную некоммерческую организацию.

Участие студентов в деятельности по реализации проектов, осуществляемых общественными организациями, позволит развить гражданское сознание студентов и реализовать социальные инициативы.

1. Николаева А.А., Васильева А.С. Рынок образовательных услуг и трудоустройства молодых специалистов города Москвы в условиях инновационной экономики // Вестник университета. 2017. № 3. С. 147-153.
2. Николаева А.А., Курлянчик А.А. Анализ показателей эффективности и результативности деятельности органа государственного управления // Экономика и менеджмент систем управления. 2018. № 3-2 (29). С. 245-255.
3. Просвирина А.И., Какадий И.И. Управление социальной поддержкой населения как фактор реализации социальной политики государства // Экономика и менеджмент систем управления. 2018. № 3-2 (29). С. 269-275.

КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Сачук Денис Игоревич

Петрозаводский государственный университет

Современные конъюнктурные тенденции развития общества ставят перед региональным сообществом задачи адаптации и устойчивого развития в ситуации турбулентных социальных, экономических и культурных изменений. Ключевым актором подобных адаптационных действий общепризнанно выступает молодежь.

Точками роста на региональном уровне при этом становятся муниципальные образования, способные гарантировать определенный стандарт образа и стиля жизни. Фактической целью становится формирование и удержание на территории креативного класса региона [2, 85]. Значимым фактором успеха при такой постановке задачи становится развитие комфортной городской среды, основанное на современных технологиях, как инфраструктурных, так и социальных [1, 145].

В рамках разведывательного исследования по методу экспертного опроса (эксперты отбирались в опрос согласно их формальному статусу, а также репутационному анализу, были проведены 10 бесед) автором были выявлены основные направления развития современной городской среды на примере г. Петрозаводска, столицы Республики Карелия.

Коммерциализация и ведение бизнеса на основании культурного наследия Петрозаводска. Как отмечали эксперты, продажа сувениров, новые туристические направления и развитие инфраструктуры Петрозаводска - основные возможности в этих сферах. Эксперты отметили, что возможны новые направления: *«Например, есть образовательные программы для местных жителей от Национального музея и Национальной библиотеки»* - эксперт №4;

Развитие креативных индустрий города. Молодые специалисты составляют основу новых самоорганизующихся групп активных и творческих людей, которые пытаются заниматься бизнесом или улучшать культурную жизнь на территории. И в основном они опираются на определенную поддержку со стороны местных властей: *«... например, у министров выше готовность общаться с представителями некоммерческих организаций, то есть коммуникативные барьеры намного меньше»*. - эксперт №3;

Повышение качества жизни в повседневной практике. Основной идеей, озвученной экспертами, было участие местного среднего класса в приоритетном проекте «Комфортная городская среда»: *«Для жителей райцентров, сел ... Петрозаводск - это такой ... Свет, притягивающий ... Они думают, что переехав в Петрозаводск, их жизнь кардинально изменится к лучшему»*. - эксперт №5. Участие молодежи в проектах по развитию креативных городских пространств жизненно необходимо по причине общей пассивности населения;

Участие в принятии и реализации управленческих решений руководства города. Это довольно болезненная тема для российской системы управления из-за политической ситуации и негативной роли растущего прекариата. Одна из возможностей, которую предложили эксперты, была участие в общественных дискуссиях.

Муниципальное управление в российских регионах должно учитывать подобные возможности участия молодежи и ориентироваться на местную молодежь как на ключевую группу сохранения стабильности и возможности развития на территории в современных реалиях.

СПЕЦИФИКА ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Селюкова Дарья Владимировна,
Безрукова Ольга Николаевна
Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-011-00543.

Пандемия коронавирусной инфекции нанесла урон по многим сферам жизни людей. Можно сказать, что жизнь людей разделилась на до и после пандемии. Многие столкнулись с психологическими проблемами, с обострением конфликтных ситуаций в семьях, с экономическими трудностями и другими проблемами. [2, 151] По данным Росстата, уровень безработицы в октябре 2020 года составил 6,3% и вырос за полгода на 0,5%. [1, 2]. По итогам 2020 года общий уровень безработицы составил 3,2%, это в 3 раза больше, чем в предыдущем году, что говорит об обострении ситуации на рынке труда, в том числе и для молодых семей. За 2020 год также вырос уровень тревожности населения по поводу своего материального положения и возможности обеспечить свою семью всем необходимым.

С целью выяснения специфики трудовой занятости молодых семей в условиях пандемии было проведено эмпирическое исследование среди молодых семей. Проведены 15 интервью с молодыми отцами в возрасте от 27 до 40 лет, имевших трудности с работой в период пандемии и сумевших их преодолеть. Интервью было разбито на блоки, раскрывающие отношение к отцовству, специфику выполнения отцовской роли, а также трудовой занятости в период пандемии.

Отметим, что большинство респондентов оценило свое материальное положение в семье, как удовлетворительное, что говорит о том, что в целом семьи справляются с возникающими трудностями и не испытывают острой материальной нужды. В более сложной ситуации оказались семьи, в которых есть несовершеннолетние и совсем маленькие дети, так как они требуют больших материальных затрат. Именно эти трудности отметили отцы, принявшие участие в интервью. Усугубил ситуацию с трудовой занятостью и тот факт, что дети перешли на дистанционное обучение многим родителям в семьях пришлось по очереди работать и гибко подстраивать график работы, чтобы сопровождать учебный процесс детей. Респонденты отметили, что их жизнь в целом особенно не изменилась. Они быстро адаптировались к сложившейся ситуации и нашли способы совладания с трудностями. Респонденты, занимающиеся предпринимательской деятельностью, отметили снижение доходов семьи из-за экономических проблем в стране и принятых карантинных мер. В целом, большинство молодых отцов проявляют оптимизм и настроены на то, чтобы преодолеть все возникающие проблемы. Респонденты также положительно отзывались о материальной помощи от государства в период пандемии, которая заключалась в выплате денежных пособий на детей разных возрастных категорий для поддержки семей в период пандемии.

Подводя итоги, можно сказать, что семьи с детьми в целом смогли приспособиться к новой сложной ситуации, смогли найти пути выхода из сложившихся трудностей различными способами: нашли новое место работы, получили временную поддержку родственников, приобрели дополнительный способ заработка и т.д. Отметим оптимистичный настрой семей и их способность адаптироваться к возникшим изменениям в период пандемии.

1. Федеральная служба государственной статистики. *Информация о социально-экономическом положении России – 2020 г.*
2. Безрукова О.Н. *О трансформации роли и смыслов отцовства в современной России [Статья] // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 150-155.*

ИНТЕРНЕТ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОКОЛЕНИЕМ Z

**Семёнов Максим Юрьевич,
Коровин Сергей Александрович,
Бородин Валерия Александровна,
Кочеткова Кира Вячеславовна
ФГАОУ ВО "Тюменский государственный университет"**

Жизнь современного человека невозможно представить без использования Интернета и информационно-коммуникационных технологий. По данным аналитических отчетов продолжается постоянное увеличение интернет-пользователей, пользователей виртуальных социальных сетей, растет общая продолжительность использования Интернета в течение дня. Все это дополняется и последствиями пандемии COVID-19 вследствие которой получили дополнительный толчок развития такие отрасли как электронная коммерция и онлайн образование. Вместе с тем специфика интеграции в указанные процессы в зависимости от возраста освоения онлайн технологий у конкретного человека или социальной группы может отличаться. Таким образом, представители поколения Z имеют отличительные особенности использования Интернета по сравнению со старшими поколениями.

Цель проведенного исследования – выявление специфики использования сети Интернет представителями поколения Z. Эмпирические данные получены в ходе анкетного опроса в Google Forms. Фактическая выборочная совокупность – 270 человек (173 представителя поколения Z, 97 представителей старших поколений). Логика изложения полученных результатов основана на сравнении результатов ответов респондентов поколения Z с ответами респондентов из числа старших поколений.

По результатам исследования выявлены различия в мотивах использования Интернета у различных поколений. Среди поколения Z преобладающим мотивом является общение, когда старшие поколения чаще всего используют интернет для поиска информации. Также развлечения (гейминг, смешные видео) попали в 5 наиболее частых мотивов использования интернета среди поколения Z, что не было отмечено у другой группы респондентов.

Заметные отличия среди представителей разных поколений выявлены при анализе предпочтений в выборе онлайн сервисов для межличностной опосредованной коммуникации (мессенджеров). Поколение Z чаще всего выбирает Telegram (81%), в то время как старшие поколения отдают предпочтение WhatsApp (79%) или Viber (72%). Выбор виртуальных социальных сетей также отличается среди разных поколений. Явные отличия отмечены по таким сервисам как Facebook (1% поколение Z, 18% - иные поколения), TikTok (42% среди «Z», 19% среди остальных). Результаты исследования также свидетельствуют о том, что именно старшие поколения в большей степени предпочитают мессенджеры, а представители поколения Z склонны к использованию социальных сетей. Помимо того, по данным проведенного опроса среди поколения Z не выявлены значимые различия по потреблению контента статического или динамического характера, в то же время представители старшего поколения в большей степени склонны к статической форме потребления контента в сети Интернет.

Результаты проведенного исследования могут быть полезны, с одной стороны, для приращения фундаментальных знаний об актуальных межпоколенческих различиях в использовании Интернета, с другой стороны, для практической деятельности по формированию и распространению контента/информации в онлайн формате для различных возрастных групп населения.

НОВЫЕ ФОРМЫ ОНЛАЙН СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Семёнова Александра Андреевна
РГПУ им. А.И. Герцена

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-33032 "Архитектоника онлайн социализации молодежи в российском политическом пространстве".

В настоящее время социализация молодежи происходит в условиях тотальной цифровизации жизненного пространства. Онлайн социализация молодежи предполагает присвоение социального опыта с помощью усваивания онлайн-контекстов и последующее воспроизведение опыта уже как в офлайн, так и онлайн реальности.

Где молодые люди чаще всего получают информацию о политических событиях? Почти три из четырех респондентов регулярно получают политическую информацию из цифровых источников, включая платформы социальных сетей, сети кабельного телевидения и подкасты. Среди социальных сетей доминируют Facebook, Instagram и Twitter: более 30% респондентов используют Facebook, чтобы быть в курсе текущих событий, в то время как Instagram (27%) и Twitter (22%) были следующими по популярности источниками новостей. Среди платформ социальных сетей. На другие платформы социальных сетей, такие как Snapchat и TikTok, приходится меньшая доля тех, где молодежь получает свои новости. [3, 18].

Молодые люди меньше вкладываются в «добросовестные» действия по гражданскому обществу, предпочитая индивидуальное участие через цифровые сети, самовыражение, протесты и волонтерство. Молодые люди используют юмор, мемы, сатиру в качестве инструментов «цифровой гражданской активности». При этом многие исследователи считают, что молодые люди, занимающиеся политикой с участием цифровых технологий, с гораздо большей вероятностью будут участвовать в «реальном» политическом участии, включая, например, и автономный режим голосования.

Постепенно молодежь переходит от «послушного» типа гражданства, характеризующегося принятием участия в голосовании и написанием обращений в органы власти, к «более индивидуализированному». Политика самореализации и выразительного взаимодействия с большим упором на нетрадиционные способы взаимодействия, такие как: цифровые сети, волонтерство и «потребительский активизм».

Молодых избирателей волнуют те же вопросы, что и любого другого избирателя. Разница в том, что молодые избиратели не находятся в центре стратегии традиционных политиков, это необходимо менять.

Считаем, что содействовать активному участию молодежи в политической жизни можно через следующие практические инструменты: молодежные советы (парламенты) и другие официальные структуры; совместные и совещательные проекты; социальное и цифровое взаимодействие; социальные сети; онлайн-инструменты и платформы; мероприятия и хакатоны и др.

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ: К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЦИФРОВОГО АКТИВИЗМА

Семёнова Анастасия Алексеевна
РГПУ им. А.И. Герцена

Ключевым исследовательским вопросом предпринятого нами анализа научной зарубежной и отечественной литературы является описание различных аспектов цифрового активизма в контексте соотношения активности и пассивности в процессе формирования стратегий гражданского участия молодежи.

Развитие Интернета способствует зарождению новых форм участия молодежи в политической жизни страны. Интернет становится ключевой платформой политического дискурса. При этом многие эксперты выделяют особенность «ковидного времени» – росте гражданской субъектности поколения молодых людей, молодежь интересуется социальными и политическими ценностями, стремится активно участвовать в принятии политических решений.

Эксперты выделяют следующие наиболее актуальные формы: подписание онлайн-петиций; участие в онлайн-дискуссиях; репосты, распространение политического контента с помощью разных приложений и др. Использование социальных сетей (форумов) обеспечивает координацию деятельности, привлечения новых активистов. Кроме того, специалисты выделяют цифровую дипломатию как актуальное направление публичной дипломатии, ориентированной на вовлечение в дипломатическую практику разные группы населения, а не на взаимодействие с политической и дипломатической элитами зарубежных государств.

К основным «полям» генезиса цифрового активизма можно отнести: гражданские приложения (Civic App); социальные платформы; подкасты видеохостингов; хештеги и фолксономия.

Д. Джордж и Д. Лейднер предложили иерархию цифрового активизма, включающую три группы с разными видами активностей:

1) «действия цифровых зрителей» (цифровой зрительский активизм) – кликтивизм, метаголосование, утверждение.

2) «цифровые переходные действия» (или промежуточный активизм) – электронное финансирование, потребление по политическим мотивам, цифровые петиции.

3) «цифровые гладиаторские действия» (цифровой гладиаторский активизм) – активация информационных данных, разоблачения и хактивизм.

Если обратиться к способам выражения онлайн-протестных действий, то можно выделить: изменение картинки профиля в качестве демонстрации поддержки какой-то инициативы; применение хештегов проходящей акции; создание онлайн-петиций; ретвиты; организация групп в соцсетях; публикация тематических постов в соцсетях; распространение графики и видео и др.

Цифровой активизм основывается на Open Government и Community Action. Open Government – это проекты для изменения «сверху вниз», основаны на прозрачности действий органов власти, развитии открытых данных, доступе к государственным услугам в электронном виде, участии граждан в принятии социально-политических решений. Community Action – проекты для изменения «снизу вверх», в их основе обмен информацией, финансирование, сотрудничестве по принципу Peer-to-peer (от пользователя к пользователю).

ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ В ОРГАНИЗАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЙ МЕТОД СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ И СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ К РАБОТЕ С МОЛОДЕЖЬЮ

Сенникова Мария Александровна
Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящий момент будущие специалисты по работе с детьми и молодежью сталкиваются с многочисленными вызовами и рисками при выходе на рынок труда.

Так, например, важной проблемой является установление и поддержание безопасной среды для детей и молодежи, посещающих организации (такие как школы, детские сады, досуговые организации, центры содействия семейному воспитанию (ЦССВ), итд), их родителей, а также самих сотрудников организаций. Специалист пытается предупредить девиантное поведение, противостоять ему и не допускать его развития, то есть сохранить социальный порядок в организации.

Проблема сохранения и обеспечения социального контроля в обществе рассматривалась многими социологами. Так, Я.И. Гишинский определяет социальный контроль как “совокупность средств и методов воздействия общества на нежелательные формы девиантного поведения с целью их элиминирования (устранения) или сокращения, минимизации” [1].

Основными методами социального контроля являются позитивные и негативные санкции (поощрение и наказание). Обеспечивают социальный контроль представители различных механизмов контроля - внешние, например, социальные институты (школа, полиция и др.) путем использования санкций, как позитивных, так и негативных, внутренние - личные ценности и нормы человека (совесть, честь, стыд, и др.)

Необходимо отметить в качестве важного метода социального контроля Политику безопасности детей в организациях, которая является распространенной зарубежной практикой по предотвращению возможных неприемлемых ситуаций по отношению к детям [2]. В настоящий момент в России нет традиции создавать политику безопасности детей внутри организаций, работающих с детьми.

Политика безопасности может быть представлена в виде документа, содержащего четкие и понятные алгоритмы действия для сотрудников организации, детей и их родителей в случае возникновения опасной ситуации для жизни и здоровья ребенка, оказания необходимой помощи и защиты детям и молодежи [3],[4].

Важно, чтобы будущий специалист понимал, что организации, работающие с детьми и молодежью, несут ответственность за эффективное этическое и юридическое реагирование на неприемлемое обращение с детьми, поэтому необходимо понимать свои права и обязанности, следовать указанным инструкциям.

Политика безопасности должна гармонично дополнять другие политики и кодексы, такие как политика проверки перед приемом на работу, политика конфиденциальности, этический кодекс и другие документы организации [5].

Данная взаимосвязь поможет создать полноценный комплекс мер, обеспечивающих всестороннюю защиту для детей и молодежи, посещающих организацию, а также поможет специалисту понимать свои возможности и обязанности, четко и быстро реагировать на различные ситуации, в соответствии с прописанными алгоритмами действия и законодательными актами [6] для долгой и успешной работы.

ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

Сергачева Яна Сергеевна
МГУ им. Н.П. ОГАРЁВА

20 % всех разводов приходятся на долю семей, просуществовавших менее двух лет [1, 210].

К одной из наболевших проблем относится проблема жилья для молодых и эта проблема далеко не новая. В 1980 – х гг. у нас в стране стихийно появилось молодежное движение – молодежные жилые комплексы (МЖК), в которых молодежь, вырываясь из проблем с жильем, работала в строительных организациях на домостроительных комбинатах, строили сама себе жилье. Были примеры, когда МЖК создавали целые строительно-монтажные управления. Всего по стране в те годы насчитывалось более тысячи МЖК. Но постепенно молодежное движение в сфере строительства для себя жилья утихло и до настоящего времени пока не возродилось. А на сегодня жилищная проблема молодых одна из наиострейших. Молодые семьи не обзаводятся детьми, прежде всего думая о материальном их благе, о создании своим детям светлого будущего, основание которого в настоящий момент является одной из сложнейших задач. Если в предыдущие годы перспектива получить государственную квартиру или комнату молодой семье была вполне реальной, то с переходом к формированию рынка эта возможность сведена к минимуму. Не все молодые семьи могут позволить себе долговременные жилищные кредиты.

Следующая проблема, это проблема безработицы молодежи. К сожалению, многие компании и организации неохотно нанимают на работу молодых людей, предпочитая иметь дело с более опытными кадрами.

В связи с материальными трудностями молодые супруги нередко откладывают рождение ребенка. Отложенное же рождение может вообще не состояться, ибо в современных условиях ухудшившееся здоровье супругов может сделать их бесплодными. Семья может распасться [2, 39-40].

Целостность семьи в первые годы брака, способность самоорганизовываться и саморазвиваться – это залог ее дальнейшего развития. Однако в этой ситуации необходимо обеспечить молодой семье такие условия ее жизнедеятельности, при которых она, опираясь на собственный потенциал, получая стратегическую поддержку со стороны государства и общества, станет способной самостоятельно реализовывать все свои социальные функции и репродуктивные установки [3, 4].

Мы пришли к выводу, что одной из причин социальных проблем молодой семьи является кризисное состояние современного общества. Молодая семья – это будущее нашего общества, однако ее положение оставляет желать лучшего. Все то, что сегодня происходит в молодой семье, как в зеркале отражает происходящее в обществе. Современная молодая семья переживает сложный этап эволюции, стабильно возрастает число разводов и возрастает конфликтность в молодых семьях, нередко молодые люди вступают в криминогенную среду, чтобы прокормить свою семью, так как найти хорошую работу с достойным заработком молодому человеку сегодня довольно проблематично. В молодых семьях снижается количество детей, отмечается отказ молодежи от традиционных форм брачно – семейных отношений, снижается социальный статус молодой семьи.

1. Моисеева Л. В. Здоровьесберегающие технологии в подготовке молодежи к семейной жизни / Л. В. Моисеева, Г. А. Лукс // Семья XXI века : ценности, ориентиры : матер. II Междунар. науч.-практич. конф. / Под общ. ред. В. Я. Мачнева, Л. В. Куриленко. – Самара : Универс-групп, 2008. – С. 210–214.

2. Муравьёва И. Н. *Жизненные стратегии молодёжи* / И. Н. Муравьёва // *Социологические исследования*. – 2002. – № 8. – С. 38 – 41
3. Касаркина Е.Н. *Молодая семья как объект социального воздействия и субъект собственного изменения* / Е. Н. Касаркина, Д. А. Бистяйкина // *Казанский педагогический журнал*. – 2016. – № 2-1 (115). – С. 199–204.

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА СТУДЕНТА МАГНИТОГОРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Г.И. НОСОВА

**Симонова Анна Владимировна
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Г.И. НОСОВА**

Согласно полученным данным, для большинства студентов МГТУ им. Г.И. Носова наиболее значимыми личными ценностями являются: семья, здоровье, любовь, материальное благополучие.

Также, студентам было предложено дать личную оценку социальным ценностям по степени их наибольшей значимости.

Для большинства опрошенных наиболее важной социальной ценностью является справедливость, безопасность, финансовое благополучие, законность и правопорядок, а также стабильная политическая и экономическая обстановка в стране.

Наименьшее значение студенты придают таким социальным ценностям, как патриотизм и религия.

Согласно полученным данным, на протяжении трех последних лет наблюдается кризисное явление в нравственном воспитании молодёжи (отсутствии ориентиров), патриотизм и религиозное самосознание практически отсутствуют.

Большинство студентов МГТУ им. Г.И. Носова стремится достигнуть необходимых личных ценностей путем получения образования – 82,4%, духовного развития и установления необходимых контактов.

Основными трудностями для достижения необходимых ценностей являются отсутствие материальных возможностей (46,8%), личная неорганизованность (45,3%).

Мотивация в учебной деятельности

Исследование показало, что для студентов МГТУ им. Г.И. Носова основными целями обучения является получение высшего образования – 69,1%, новые знакомства – 64,0%, получение профессиональных знаний – 49,3%, что соответствует профессиональным ожиданиям респондентов, а именно: получить интересную работу с высоким уровнем дохода, стать профессионалом в своем деле, сделать карьеру.

Студенты МГТУ им. Г.И. Носова имеют высокие планы, связанные с завершением обучения: устроиться на интересующую работу - 51,1%, продолжить обучение в магистратуре, аспирантуре – 39,6%.

Также, стоит отметить, что переехать в другой город планируют 29,5% опрошенных.

Духовное развитие

Для большинства студентов МГТУ им. Г.И. Носова духовное развитие человека заключается в самосовершенствовании – 73,7%, приобщение к мировым художественным ценностям – 56,8%, а также в поиске смысла жизни – 26,3%.

В меньшей степени студенты выбирали такой аспект духовного развития, как религия – 5,0%.

Согласно полученным данным, необходимы действия, направленные на поддержания религиозной грамотности молодёжи.

АНАЛИЗ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ВЫПУСКНИКОВ МАГНИТОГОРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Г.И. НОСОВА КАЧЕСТВОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Симонова Анна Владимировна

Магнитогорский Государственный Технический университет им. Г. И. Носова

Апрель 2021 г.

Исследование показало, что выпускники имели высокие планы, связанные с окончанием МГТУ им. Г.И. Носова, основные из них: получение работы по специальности/направлению подготовки - 51,6%, получение профессиональных знаний, умений и навыков – 51,6%.

Абсолютное большинство опрошенных выпускников полностью реализовали или частично реализовали свои планы, связанные с окончанием МГТУ им. Г.И. Носова - 83,2%.

Основные планы, которые реализовали выпускники МГТУ им. Г.И. Носова после получения диплома: получение профессиональных знаний, умений и навыков- 41,8%; работа по специальности/направлению подготовки – 34,2%.

Согласно полученным данным, абсолютное большинство опрошенных выпускников трудоустроены - 71,2%.

Абсолютное большинство опрошенных выпускников удовлетворены своей работой в настоящий момент времени.

Высоко оценили востребованность своей специальности полученной в МГТУ им. Г.И. Носова – 27,7%, основная причина высокой оценки связана с положительным мнением работодателей об МГТУ им. Г.И. Носова. Дают средние оценки востребованности своей специальности на рынке труда – 46,2%, основной причиной средней оценки является низкий спрос на рынке труда в целом.

В большей степени заработная плата выпускников МГТУ им. Г.И. Носова 2018-2020 гг. выпуска составляет более 30000 рублей.

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЫХ РОССИЯН В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ

Снегур Маргарита Романовна

Санкт-Петербургский государственный университет

Сегодня в публичном дискурсе национальное часто смешивается с традиционным и гражданским, в результате чего политическая активность молодежи в виде поддержки действующей власти становится синонимом патриотизма и национального самоопределения. В то время как либеральные взгляды и активная гражданская позиция часто рассматриваются исключительно в качестве проявления западной пропаганды и, соответственно, идентичности.

Репрезентацию национальной идентичности в политических практиках сложно определить в силу особенностей её проявления в различных социальных ситуациях. «Нация» зачастую представляется абстрактным конструктом или «воображаемым политическим сообществом» [1]. Национальная идентичность не является стабильным

конструктом. Может изменяться как само наполнение его смыслами, так и чувство национальной принадлежности индивида в результате нового опыта, влияния глобальных процессов[4]. Более того, национальная идентичность может меняться в различных социальных ситуациях одного и того же индивида: от контекста ситуации репрезентация национальной идентичности может меняться[3].

В контексте формирования национальной идентичности в политических практиках, подобная методология исследования, включающая в себя социальный конструктивизм («воображаемые сообщества» Б. Андерсона; П. Бергер и Т. Лукман), драматургический подход (И. Гофман) и теория структурации (Э. Гидденс), позволяет более глубинно изучить настолько комплексный процесс.

На основании проведенного теоретического анализа, а также наблюдения, дискурс-анализа личных блогов и СМИ можно выделить идеальные типы репрезентации национальной идентичности в политических практиках:

- ориентация на отечественную модель (русский националист): сконструированное «воображаемое сообщество» - принадлежность к России. Политические практики: признание действующей власти, лояльность и поддержка, участие в выборах. Нетерпимость к протестным акциям, оппозиционным лидерам.

- ориентация на международную модель (русский космополит): воображаемое сообщество – принадлежность миру. Политические практики: отрицание силовых структур как таковых («мир без границ»), либеральные взгляды, участие в протестных акциях. Возможны миграционные настроения.

- «абсурдная личность»: несоответствие «воображаемого сообщества» и практик, их комбинирование. Например, декларация сильного чувства национальной идентичности при стремлении переехать в другую страну; или заявление о собственном космополитизме наряду с нежеланием переезда и активном участии в политических протестах с целью изменения системы по «примеру» других стран; и т.п.

Таким образом, политические практики влияют на конструирование и воспроизводство национальной идентичности. Однако ввиду сложности данного процесса, а также зачастую отсутствия рефлексии индивидов по вопросу национального самоопределения, изменчивости социальных процессов, влияющих на трансформации самой национальной идентичности, актуализируется потребность его более глубокого изучения.

1. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. — М.: Кучково поле, 2016. — 416 с.
2. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания* / Пер. Е.Д. Руткевич. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
3. Гофман И. *Представления себя другим в повседневной жизни*. Изд. Питер, 2021. — с. 304.
4. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. *Идентичность и символический хронотоп*. Изд. Канон-плюс, 2020. — с. 304.
5. Попова О. В. *Модели идентичности политических акторов в современной России* // *Политическая наука*. 2018. №2. С. 173-194
6. Семенов Д.С., Крылов Н.П. *Молодёжь - группа риска политической системы России* // *Скиф*. 2018. №8 (24).
7. Трынов Д. В., Дидковская Я. В. *Новая протестная молодежь: самоидентификация, социальное самочувствие и образ будущего* // *Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки*. Том 14. № 3/191 (2019). С. 118-127.
8. Трынов Д.В. — *Политическое участие молодежи: поддержка vs протест* // *Социодинамика*. – 2019. – № 12. – С. 298 - 314. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31195.
9. Франц В.А. *Особенности распространения протестных настроений в среде российской городской молодежи в условиях информационного общества (на примере Екатеринбурга)*//*Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*, 2020, №3, стр. 61-80.
10. Giddens A. *Central problems in social theory: Action, structure and contradiction in social analysis*. London: Macmillan press, 1979.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Соколов Александр Владимирович,
Беляков Алексей Александрович

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31770 «Возможности и угрозы управления лояльностью молодежи в современной России»

Молодежь является одним из наиболее перспективных, но в то же время одним из наиболее неоднозначных политически-активных слоев населения. С одной стороны, политические взгляды и идеалы молодежи будут определять будущие страны, с другой – все еще сохраняется преобладание молодежи, придерживающейся абсентеистских взглядов над молодыми людьми, предпочитающими активно выражать своих политические взгляды.

Одним из необходимых условий участия молодежи в политических событиях является формирование ее лояльности той или иной политической группе, партии, идее. Политическая лояльность, в данном случае, понимается как приверженность индивида или группы целям, нормам, ценностям, идеологиям, предлагаемым социуму политическими институтами, элитами или лидерами общественного мнения [1, 600]. На формирование лояльности может влиять множество факторов, начиная от воспитания и политических взглядов ближайшего окружения, заканчивая субъективной оценкой принятых политических решений.

Одним из инструментов мониторинга факторов, влияющих на формирование политической лояльности молодежи, может являться их оценка политической ситуации в социальных сетях. Социальные сети являются не только современным каналом коммуникации, но и средой выражения политических взглядов.

При помощи социальных сетей может быть собран достаточно подробный портрет политически-активной молодежи. Индикаторами активности в данном случае могут служить лайки под идеологически-окрашенными публикациями, их репосты и, в особенности, комментарии и личные публикации, содержащие субъективную оценку процесса или явления. Однако данный подход к анализу факторов лояльности молодежи позволяет охватить преимущественно оппозиционную молодежь. Об этом позволяет говорить исследование, выявившее наличие «сетевого политического абсентеизма» (преобладания молодежи, относящейся нейтрально или негативно к политическим функциям глобальной сети, онлайн-представительству, но позитивно оценивающей практики сетевой протестной активности) [2, 336-337].

Использование данных социальных сетей позволило бы более точно сформировать общий портрет политически-активной молодежи, определить факторы, влияющие на формирование лояльности. В дальнейшем это способствовало бы разработке стратегии повышения доверия молодежи к официальным институтам власти, что позволило бы включить большее число лояльной молодежи в активные политические процессы.

1. Попова О.В., Лагутин О.В. Вестник РУДН. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 599–619.
2. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А., Синяков А.В. «Цифровая гражданственность» в оценках российской молодежи // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т.15, № 3. С.326–344.

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЫНКА ТРУДА ДЛЯ ВЫПУСКНИКОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

**Соколова Алена Николаевна,
Соколова Алена Николаевна**

ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

На основе вторичного анализа научной литературы, нормативно-правовых актов и статистических данных выявлены проблемы функционирования рынка труда для выпускников российских вузов.

На протяжении последних 15 лет образование служит для россиян преимущественно инструментом для успешного трудоустройства (48% в 2004 г. и 44% в 2019 г.), карьерного продвижения (28% в 2004 г. и 26% в 2019 г.), а также собственного самосовершенствования как профессионала (26% в 2004 г. и 22% в 2019 г.). В целом большинство россиян уверены, что высшее образование сопутствует успешной карьере и облегчает достижение жизненных целей (58%) [1]. Однако, как отметил В. Н. Шубкин: «не только мы сами выбираем себе путь, но и дороги выбирают нас» [2. С.262], то есть недостаточно получить диплом о высшем образовании, чтобы забыть о проблемах с поиском рабочего места.

Активное стремление россиян к получению высшего образования образовалось в связи с тем, что работодатели стали требовать от молодых специалистов данный пункт в резюме как обязательный даже в том случае, если работа не предполагает специальных знаний [3. С.45]. Диплом о высшем образовании в России воспринимается в качестве показателя способности учиться и выполнять указания. В обществе сформировалась потребность получения высшего образования ради возможности устроиться на хорошую работу, но по итогу произошла массовизация высшего образования и девальвация дипломов [4. С.17]. К тому же, система образования не успевает за темпами развития экономики и не учитывает ее запросы, поэтому навыки молодых людей оказываются невостребованными. Многие выпускники вынуждены работать не по специальности, встречаться с неофициальной работой, порог вхождения на которую ниже. Высокая конкуренция и низкая конкурентоспособность за счет отсутствия опыта и компетенций указывает на то, что студентам необходимо работать параллельно с учебой, если они не хотят стать остаться без работы.

Среди особенностей молодежного рынка труда выделяются: неустойчивость спроса и предложения; низкая конкурентоспособность на рынке труда за счет отсутствия необходимого опыта и компетенций; более высокие показатели скрытой безработицы, поскольку молодежь реже регистрируется на бирже труда [5. С.13], также отмечается отсутствие в большинстве организаций и предприятий программ адаптации молодых работников; несоответствие уровня квалификации требованиям работодателей [6. С.42-43].

С одной стороны, - выпускники вузов встречаются с проблемой трудоустройства, с другой – рынок труда заявляет о нехватке специалистов. Несоответствие ожиданий и планов с реальными воплощениями и достижениями ведут к деформированию ценностей и социальных ориентаций, формированию постоянной неудовлетворенности положением у человека. Такая ситуация способна привести к разрушению идеалов и усилению недоверия к социальным институтам [7. С.65].

БРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТРАЕКТОРИЯ СТУДЕНТОВ-СОЦИОЛОГОВ МГЛУ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПО ДАННЫМ МОНИТОРИНГА)

Станевич Анастасия Юрьевна
ФГБОУ ВО МГЛУ

Уже традиционным стал опрос студентов-социологов в МГЛУ, который проводится по инициативе рабочей группы Социологической лаборатории этого же вуза с 2009 года. Выборка исследования – сплошная. Содержание анкеты включает в себя ряд индикаторов: ориентация при выборе вуза, осведомленность о содержании профессии, мотивы учебной деятельности и т.д.

Начинать интерпретацию образовательной траектории студентов-социологов следует с их ориентации при выборе вуза. Сравнивая данные 2009 года с 2021, мы обнаруживаем, что студенты при выборе вуза и специальности все меньше делают случайный выбор (доля ответов за все время мониторинга доходила до 46%, а к 2021 году упала до 0%) и больше внимания уделяют наличию необходимой специальности (доля таких студентов выросла с 24% в 2009 году до 35% в 2021 году). Для набора студентов 2021 года отмечается высокая доля отметивших лингвистический профиль вуза (77%) и возможность пойти на бюджет (81%).

Студенты знакомятся с профессией социолога в основном в ходе обучения в вузе. Данные показывают, что с каждым годом растет доля первокурсников, которые имеют лишь ограниченное понимание о содержании профессии социолога, а четкое понимание о выборе специальности формируется в момент подачи документов в вуз. Отметим положительную динамику: у студентов меняется отношение к будущей профессии за время обучения в лучшую сторону (стабильно положительная динамика наблюдается с 2015 года, к 2021 году доля тех, кто поменял свое отношение к профессии социолога в лучшую сторону составляет 72%). Вероятность повторного выбора профессии и наличие желания работать по специальности также растут и к 2021 году составляют 77% и 68% соответственно.

С помощью методики семантического дифференциала Ч. Осгуда было выявлено, что мнение о профессии социолога меняется в зависимости от курса и преподаваемых дисциплин. Измеряемые факторы (особенно востребованность и успешность) пропорционально снижаются после 1 курса. Однако после практики на 3 курсе социология вновь обретает образ успешной, востребованной и трудной профессии.

Мотивы учебной деятельности студентов замеряются с 2016 года. Наиболее значимые мотивы в начале замера – это стать высококвалифицированным специалистом (77%), обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности (62%) и приобрести глубокие знания (56%). К 2021 году на первое место вышел такой утилитарный мотив, как получение диплома (69%).

Сосредоточившись на выпускниках 2021 года, рассмотрим, какие soft и hard skills были ими приобретены за время обучения на кафедре социологии. Лучше всего осваиваемые hard skills у студентов-социологов МГЛУ – знание иностранных языков, работа с пакетом Microsoft Office и визуализация. Среди soft skills студенты демонстрируют навыки соблюдения дедлайнов, высокой работоспособности и стрессоустойчивости.

Таким образом, мониторинг позволяет отследить динамику по измеряемым показателям и корректировать содержание и методику преподавания на кафедре.

ТРАНСЛЯЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СТЕНДАП-ВЫСТУПЛЕНИЙ

Сулимова Арина Игоревна
МГУ им. М. В. Ломоносова

В условиях современной медиатизации и дигитализации общества юмор все более укореняется в современной культуре (СМИ, реклама, досуговые формы культуры), становится достоянием массовой культуры, регулятором социальной и индивидуальной жизни. СМИ, становясь одним из важнейших агентов социализации индивида как в детском и подростковом возрасте, так и на протяжении всей последующей жизни, в значительной степени влияет на формирование мировоззрения личности, становления ее системы ценностей[1]. Таким образом, воздействие развлекательного и досугового контента значительно увеличивается, возрастает его важность для общества в целом, и, что важно, для наиболее эмоционально и ценностно мобильной его части – молодежи.

Благодаря своим функциям, таким как расслабление на физиологическом уровне из-за выделения гормонов удовольствия и, как следствие, возникновение аттракции к шутящему, ослабление контроля и критического осмысления (что часто и используется в рекламе), юмор может выступать мощным средством воздействия на сознание человека[2]. В совокупности с ролью средств массовой коммуникации в формировании ценностной картины мира индивида юмор становится мощным инструментом управления общественным мнением.

Для выявления ценностей, которые транслируются, и, соответственно, воспринимаются, перенимаются представителями молодого поколения (был выбран временной промежуток с 18 до 28 лет), было проведено качественное исследование, в котором были проанализированы выступления 50 начинающих стендап-комиков, которые участвовали в пятом сезоне программы «Открытый микрофон» [3](август 2020), а также молодых резидентов программы «Женский стендап»[4].

В результате проведенного исследования было выявлено, что базовые ценности являются общими для молодежи всей страны. Это ценность семьи, любви, взаимоотношения с родительской семьей и бабушками и дедушками, брака, воспитания, профессии, образования, творчества. Одной из базовых ценностей выступает и секс, который при простом анкетировании молодые люди не выделяют как значимую область жизни. Данное несоответствие можно объяснить с помощью раскрытия табуированности данной темы в обществе. Судя по частоте упоминания в стендап-выступлениях, не на лидирующих позициях в России находятся у молодежи ценность дружбы, здоровья и веры (это противоречит результатам нескольких анкетирований, проведенных в различных городах России).

1. Чудновская И. Н., Липатова М.Е. *Агенты социально- коммуникативного воздействия на формирование образовательных стратегий нового поколения молодежи России // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agenty-sotsialno-kommunikativnogo-vozdeystviya-na-formirovanie-obrazovatelnyh-strategiy-novogo-pokoleniya-molodezhi-rossii> (дата обращения: 10.02.2021).*
2. Мусийчук М.В. *Коммуникативный механизм юмора как средство эффективного воздействия политического лидера // Интернет-журнал «Мир науки», 2015. №3 [Электронный источник] URL: <http://mir-nauki.com/PDF/10PSMN315.pdf> (дата обращения: 10.02.2021).*
3. *Открытый микрофон /Официальный сайт телеканала ТНТ: [сайт]. URL: <https://okrytyj-mikrofon.tnt-online.ru/#about>*

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ВОЗМОЖНОСТИ УВЕЛИЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Сухова Екатерина Александровна
ГКУ ЯНАО Научный центр изучения Арктики

В 2020 году в рамках НИР «Социальная активность молодежи Ямало-Ненецкого автономного округа» проведено 4 социологических опроса и обработано 3950 анкет. Исследование было направлено на выявление несоответствия социального запроса молодежи муниципальных образований на предоставление ей возможности для проявления своей социальной активности (во всех возможных сферах) и предлагаемых видах и формах мероприятий молодежной политики, проводимой департаментом молодежной политики и туризма Ямало-Ненецкого автономного округа и его подведомственными организациями.

Численность молодежи ЯНАО на начало 2020 года составляла 159,4 тыс. человек, что составляет более 29% от всего населения региона.

Доля респондентов, не желающих участвовать в мероприятиях (13%) гораздо меньше, чем доля почти никогда не участвующих (52%). Что говорит о существенном потенциале для вовлечения в социальноактивную деятельность новых людей (в качестве участников, волонтеров и даже организаторов проектов и мероприятий) разного возраста.

Анализ причин не вовлечения в мероприятия и проекты социальной активности показал следующие наиболее часто упоминающиеся причины: плохо информирован (37%), в неудобное время проводится или график работы неудобен (33%), нет креатива (17%), мне не интересно (17%). Респонденты сельских населенных пунктов на третье место поставили «я стесняюсь или боюсь быть осмеянным» (20%).

Наиболее удовлетворенным является спрос на направления спортивной, культурной жизни и мероприятия экологической направленности, а наименее удовлетворенный спрос у мероприятий поисковых акций, общественно-политической деятельности, медицинского, медиа- и онлайн-волонтерства. Возрастная группа молодежи от 18 до 24 определена как имеющая наименьшую удовлетворенность своих потребностей и наибольшее количество проблем, связанных с образованием, трудоустройством и досугом.

Основными препятствующими развитию, самореализации, жизнедеятельности молодежи факторами эксперты назвали: отсутствие финансов и помещений (площадок), отсутствие вузовской студенческой молодежи, так как много активной молодежи уезжает учиться в другие регионы после 11 класса, большая учебная нагрузка на старшеклассников практически не оставляет им времени на активную деятельность. Также отметили неорганизованность, пассивность, меркантильность молодежи.

Основными факторами, способствующими развитию, названы люди: хорошие организаторы, инициативные, активные, увлеченные участники. Так же называют качественную рекламу проектов, информационную поддержку в СМИ, сети Интернет. Широкий спектр предлагаемых мероприятий для молодежи. Учет мнения и интересов участников. Постоянное внедрение новых форм и обновление контента мероприятий.

Было предложено формировать единый план мероприятий в рамках одного населенного пункта и доводить его до сведения населения (в том числе для молодежи, по всем задействованным ведомствам: культура, спорт, образование, молодежная политика, внутренняя политика). Согласовывать проведение мероприятий разными ведомствами и

по возможности совмещать, что приведет к увеличению вовлеченной молодежи и эффективному использованию ресурсов.

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. *Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: [монография] / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги – М: ФНИСЦ РАН, 2020. – 688 с. ISBN 978-5-89697-327-0 DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020*
2. Елишев С.О. *Молодежь как объект социализации и манипуляций. М., 2015.*
3. Зубок Ю.А. *Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. № 4.*
4. Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. *Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М., 2016.*
5. Ильинский И.М. *Молодежь и молодежная политика: философия, история, теория. М., 2001.*
6. Луков Вал.А. *Теории молодежи: междисциплинарный анализ. М., 2012*
7. *Российская база данных по рождаемости и смертности. Центр демографических исследований Российской экономической школы, Москва (Россия). База данных доступна по адресу http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data. Данные скачаны (01.10.2021).*

ДИНАМИКА УСТАНОВОК РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ В СФЕРАХ ГЕНДЕРНЫХ И БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Тарченко Вера Сергеевна

Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

В XXI веке меняются взаимоотношения во всех сферах общественной жизни, в том числе брачной и семейной. Высокая разводимость, повторные и гостевые браки, сожительства, сексуальные отношения до брака, низкая рождаемость, увеличение среднего возраста матери при рождении первого ребенка – все это новые тенденции в развитии института брака и семьи, в том числе и снижение ценности традиционной семьи и брака. Кроме того, формируется изменение общественного мнения относительно норм добрачного поведения: в частности, формируется либеральное отношение к сожительству, как «пробному браку». На Западе идет процесс популяризации и легализации гомосексуальных отношений и союзов, движений чайлдфри, поддержка ЛГБТ-сообществ, в том числе и на государственном уровне. Все эти процессы затрагивают и Россию, формируя толерантное отношение к данным процессам, особенно у молодежи. Все больше заключается браков между представителями разных народов и национальностей, большое распространение получают межэтнические браки.

Обилие информации на тему секса, ослабление контроля со стороны семьи, толерантное отношение к неограниченным добрачным сексуальным контактам способствуют тому, что молодые люди вступают в сексуальные отношения до наступления совершеннолетия, что только усугубляет проблему незапланированных беременностей и аборт, роста ЗППП и СПИДа.

С точки зрения социологов, изменения в брачно-семейной сфере являются следствием постиндустриализации, которая привела к детрадиционализации и индивидуализации социальной жизни, и могут привести к различным последствиям: от разрушения традиционных связей и морально-нравственных основ до адаптации к новым формам взаимоотношений и их институционализации и демократизации личных отношений.

Изменения, происходящие в брачно-семейной сфере, по мнению исследователей, будут закрепляться, повторяться и развиваться дальше [1]. Новые формы

взаимоотношений по-разному представлены в регионах России: например, в городе или селе, молодежи и старшего поколения [2].

Изучение брачно-семейной и гендерной сферы актуально в среде молодежи, так как именно эта социально-демографическая группа представляет собой основу будущего общества. Сегодняшние представления девушек и молодых людей о семье скажутся на завтрашней реальной картине института семьи, на предпочтении тех или иных семейных форм, детности, распределении ролей, а соответственно, и на стабильности и гармоничности общества, рождаемости и качества родительства. Наибольшую значимость имеют представления и установки студенческой молодежи, поскольку предполагается, что именно студенты высших учебных заведений являются носителями новой семейной и гендерной идеологии.

1. Гурко Т.А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. - 2017. - № 11. - С. 99–110.
2. Тарченко В. С., Бийжанова Э. К. Исследования брачно-семейных представлений студенческой молодёжи: обзор российских работ // Общество: социология, психология, педагогика. - 2018. - № 12. - С. 50–55

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ МОЛОДЕЖЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ФОРМИРОВАНИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Татулян Арина Сергеевна
Санкт-Петербургский государственный университет

Молодежь является социально-демографической группой, которая определяется на основании возрастных характеристик, особенностей социального положения молодых людей, их места и функций в социальной структуре общества, а также интересов и ценностей. [2] Несмотря на большое количество эмпирических исследований и научных трудов об этой специфической социальной группе, молодежь и на сегодняшний день традиционно вызывает повышенный интерес со стороны исследователей. [5]

В социологии существует разнообразие подходов к феномену данной социальной группы: в рамках культурологического, психоаналитического и социально-функционального направления социологии молодежи. [3]

Оставаясь одним из главных и значимых движущих элементов общества, наиболее восприимчивым к различным изменениям и перестройкам, являясь отражением ценностей и норм, легитимных для данного общества, молодежь представляет собой довольно гетерогенную группу, для которой сложно определить четкие критерии и границы. [4]

С практической и прикладной точек зрения вызывает интерес решение конкретных проблем молодежи и поиск конструктивных путей преодоления и предотвращения проблемных ситуаций. Также можно говорить о решении вопросов, связанных с процессами социализации молодых людей, их воспитания и профессиональной ориентации, а также адаптации в различных коллективах. [1] Однако невозможно ответить на поставленные вопросы и решить имеющиеся проблемы, не понимая до конца, что именно из себя представляет молодежь. В научном сообществе нет единой точки зрения для определения критериев, по которым можно рассматривать данную группу.

Таким образом, мы сталкиваемся с довольно неопределенной социальной группой, возрастные рамки которой очертить крайне сложно, а актуальные исследования наглядно демонстрируют необходимость создания более четких критериев для

определения молодежи. Вопросы, касающиеся установления возрастных рамок молодежной группы, а также ее внутренней дифференциации, являются далеко не последними проблемами, существующими на данный момент. Остается множество открытых вопросов, касающихся самореализации молодых людей, политических и религиозных взглядов современной молодежи, их отношения к образованию и собственному здоровью, проведению досуга, связям в семье, а также другим ценностям и потребностям.

Актуальность исследований молодежи обусловлена постоянно меняющимися условиями социальной среды, обширностью этой социальной группы, а также возможностью изучения темы с разных сторон. [6]

1. А. А. Петроченко. Проблемы занятости молодежи стран Евразийского экономического союза // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология, 2018. С. 127-134.
2. Johanna Wyn. A sociology of youth: Defining the field // Journal of Sociology. 2020. С. 1-4.
3. Bronwyn Elisabeth Wood. Youth studies, citizenship and transitions: towards a new research agenda // Journal of Youth Studies, 2017. С. 1176-1190.
4. David Farrugia. Young people and the global politics of mobility and displacement // Spaces of Youth, 2017. С. 86-109.
5. Steven Threadgold. Figures of youth: on the very object of Youth Studies // Journal of Youth Studies, 2020. С. 1-16.
6. Anita Harris, Hernan Cuervo, Johanna Wyn. Thinking about Belonging in Youth Studies // Studies in Childhood and Youth, 2020. С. 1-16.

ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНОГО ВОЛОНТЕРСТВА МОЛОДЕЖИ В КРУПНЫХ, СРЕДНИХ И МАЛЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГОРОДАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

**Телепаева Дарья Фёдоровна,
Певная Мария Владимировна
Уральский федеральный университет**

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00471 «Социальное участие молодёжи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран: компаративный анализ потенциала и моделей управления»

Волонтерство становится достаточно популярным в молодежной среде видом социальной активности россиян благодаря активной программе государственной поддержки. Одной из привлекательных сфер реализации добровольческого участия для молодых горожан является сфера культуры, которая позволяет определять эту активность как культурное волонтерство или «реализуемую посредством активного личного участия волонтера добровольную помощь в поддержке культурных проектов и мероприятий» [1, 101].

В сфере культуры молодежное участие чаще является событийным волонтерством, реализующимся в проектном формате и предполагающим помощь в организации и проведении различных тематических культурных мероприятий (концертов, фестивалей, акций, постановок, выставок, праздников, конкурсов и т. д.). Однако многим учреждениям сферы культуры по их основным направлениям деятельности нужна и функциональная помощь добровольцев. Какую конкретно помощь готовы оказать молодые люди и

девушки в сфере культуры, какова их мотивация к этому виду деятельности в разных типах региональных городов – актуальный исследовательский вопрос.

В докладе представлены результаты опроса старшеклассников 42 городов Свердловской области (N=667, выборка целевая). Выборка включает 35% девушек и 65% юношей. 75% респондентов проживают в г. Екатеринбурге, 25% из других городов Свердловской области.

По данным проведенного эмпирического исследования доказано, что в Уральской столице для молодежи более вариативно предложение дополнительных видов занятости. Молодые люди и девушки значительно больше вовлечены в различные практики дополнительного образования, чем их ровесники из других региональных городов. Они имеют и более разнообразный досуг, чаще посещают различные общегородские и культурные мероприятия (спектакли, концерты, выставки).

Старшеклассники средних и малых городов Свердловской области чаще ориентированы на участие в общественных мероприятиях и молодежных движениях, чем молодежь крупных городов. В малых и средних региональных городах запрос на разнообразие проектов культурного волонтерства и, соответственно, вовлеченность молодежи выше, чем в молодежной среде региональной столицы.

Отличается и мотивация добровольцев в сфере культуры. Для молодых жителей Уральской столицы характерны альтруистические мотивы деятельности, им важно понимать, что их участие в волонтерских практиках поможет конкретным людям. Для старшеклассников других городов Свердловской области более приоритетны прагматические мотивы – получение новых знаний, помощь в учебе, расширение круга друзей.

1. Горлова Н. И. Исторические аспекты развития культурного волонтерства в России // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2016. – № 3 (39). – С. 101-108.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИОЛОГИИ МОЛОДЕЖИ

Терехин Александр Сергеевич
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Общественные трансформации, обусловленные, в первую очередь, ускоренным развитием информационных технологий, а также высокий уровень включенности молодежи в использование данных технологий позволяют заявлять о необходимости выработки принципиально новой методологии в рамках исследований молодежи. Таким образом, актуальность доклада определяется необходимостью выработки парадигмы исследований молодежи, актуальной для информационного общества. Следует отметить, что, по нашей оценке, разработка упомянутой единой методологической парадигмы представляет собой комплексный процесс, который может продолжаться в течение определенного периода времени.

Представляется возможным выделить четыре основных направления трансформаций и, как следствие, исследований:

Поколенческие трансформации – исследования В.В. Радаева [1], а также Т.А. Лебедевой и А.А. Субботина, охарактеризовавших указанное поколение как «цифровое» [2, 988].

Переход РФ к информационному обществу - К.В. Кузнецова (исследования блогерской субкультуры) [3, 21], С.Г. Землянухина (самопрезентация в социальных сетях), А.К. Кожевников и В.А. Масликов (интернет как эмансипирующий фактор) [5].

Запрос на молодежи социально-политические перемены – Д.А. Огородов (запрос представителей молодежи на политическое участие) [6, 26], А.В. Селезнева, Д.Е. Антонов (сдвиг ценностей молодого поколения в сторону постматериализма). [7]

Пандемия COVID-19 - А.С. Терехин (мотивация студентов в условиях дистанционного обучения) [8], А.Д. Шилиева (социальная депривация студентов в условиях пандемии). [9, 100].

Таким образом, трансформации российского общества, обусловленные, в первую очередь, его активной информатизацией и дигитализацией открывают широчайшие возможности для исследований в рамках социологии молодежи. Представляется, что формирование параллельной социальной интернет-реальности должно повлечь за собой начало принципиально нового этапа развития социологии молодежи, имеющей в своем инструментарии сформированные методы, направленные не только на изучение привычной социальной реальности, но и на изучение интернет-пространства.

1. Радаев, В. В. Миллениалы: как меняется российское общество / В. В. Радаев. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 224 с. — Текст : непосредственный.
2. Лебедева, Т. В. Цифровое поколение / Т. В. Лебедева, А. А. Субботин. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. — 2020. — № 4. — С. 985-995.
3. Кузнецова, К. В. Влияние интернета на формирование ценностей молодежи / К. В. Кузнецова. — Текст : непосредственный // Форум молодежной науки. — 2020. — № 3. — С. 20-25.
4. Землянухина, С. Г. Факторы формирования системы ценностных ориентаций российской молодежи / С. Г. Землянухина. — Текст : непосредственный // Гуманитарный научный журнал. — 2020. — № 1. — С. 59-67.
5. Кожевников, А. М. Современные исследования влияния интернет-коммуникаций на формирование ценностных ориентаций молодежи / А. М. Кожевников, В. А. Масликов. — Текст : непосредственный // Социология. — 2020. — № 1. — С. 149-158.
6. Огородов, Д. А. Запрос на политическое участие, или миф о политическом абсентеизме молодежи (по данным социологического исследования) / Д. А. Огородов. — Текст : непосредственный // Вестник РМАТ. — 2020. — № 3. — С. 26-33.
7. Селезнева, А. В. Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи / А. В. Селезнева, Д. Е. Антонов. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2020. — № 58. — С. 227-241.
8. Терехин, А. С. Влияние дистанционного обучения на мотивацию студентов бакалавриата / А. С. Терехин. — Текст : непосредственный // Социология и право. — 2020. — № 4. — С. 65-69.
9. Шилиева, А. Д. Проблема социальной депривации молодежи в период пандемии COVID-19 / А. Д. Шилиева. — Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. — 2021. — № 3. — С. 97-102.

МОЛОДЕЖЬ И ВОЛОНТЕРСТВО: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ВОЛОНТЕРА В РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА СМИ)

**Тертышников Анастасия Геннадьевна,
Немова Елена Николаевна
Российский университет дружбы народов**

2020 год выдался по-настоящему тяжелым для всего мира. Чтобы как-то облегчить работу медикам, курьерским службам, социальным работникам, было организовано множество волонтерских организаций и движений. Согласно данным акции #МыВместе, в рамках этого общественного движения было зарегистрировано около 188 000

волонтеров на октябрь 2021 года [1]. По итогам Года добровольца (волонтера) в России количество волонтеров увеличилось более, чем в 2 раза (с 7 до 14 миллионов) [3].

Если подойти с теоретической стороны этого вопроса, то под волонтерством, или добровольческой деятельностью принято считать деятельность, претворяемую в жизнь людьми, действующими добровольно на безвозмездной основе, и направленную на решение проблем, возникающих в обществе, и к тому же достижение социально значимых целей [2, 602].

В рамках данного направления в мае 2020 года было проведено собственное социологическое исследование. В данном исследовании внимание было обращено на то, как образ волонтера транслируется в современных СМИ, а именно на главных федеральных каналах российского телевидения – Первом канале, «Россия 1», «ТВ Центр» и НТВ. В свою очередь к данным «телевизионным» социальным портретам, полученным в ходе контент-анализа новостных роликов, было приложено несколько интервью с реальными волонтерами, для описания и составления более общей категории «современный доброволец РФ».

Результаты показали, что транслируемые образы на разных каналах во многом схожи. Однако каждый из телеканалов делает акцент на своем.

В случае с Первым каналом – уклон на волонтеров-медиков;

«Россия 1» – упор на социальное и «event»-волонтерство, связанные с поправками в Конституцию;

«ТВ Центр» призывает людей вспомнить о животных и посвящает целый репортаж их проблемам;

НТВ, несмотря на небольшое внимание, видит в волонтерах «мобилизованную» помощь обществу в «войне» с COVID-19.

Также оказалось, что, как и опрошенные студенты Волонтерского центра РУДН, так и участник акции #МЫВМЕСТЕ стали реальными примерами того самого образа волонтера, который внушается нам СМИ в ситуации пандемии. Ими движут одни и те же мотивы, они занимаются той же деятельностью, что упоминается на телевидении.

Таким образом, идея о том, что волонтеры мобилизуются в кризисные моменты для общества, подтверждается.

1. #МЫВМЕСТЕ [Электронный ресурс] URL: <https://xn--2020-f4dsa7cb5cl7h.xn--p1ai/> (Дата обращения: 10.10.2021).
2. Словарь иностранных слов и выражений / авт.-сост. Е.С. Зенович. – М., 1998.
3. Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2017 г. № 583 «О проведении в Российской Федерации Года добровольца (волонтера)» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42573> (Дата обращения: 10.10.2021).

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В ТРУДОВОМ ПОВЕДЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Трифанцева Дарья Владимировна
МГУ

В современном обществе наблюдается процесс изменения трудовых отношений, в результате которого происходит появление нового трудового класса людей, который характеризуется отсутствием обеспечения трудовой занятости, экономической незащищенностью, ростом нестандартной занятости [1, 35]. У молодежи отсутствует система ценности труда и это не только экономическая проблема, но и моральная. Так современный пример нового обозначения группы людей - «цифровые кочевники» [2,79],

которые не привязывают себя к определённому месту работы и подключаются из любой точки мира.

Общество меняется, о чем говорили многие футурологи, ставя прогноз, что в будущем мир будет рассматриваться как мир без труда, как цивилизация досуга. Меняется не только форма труда, но и трудовые отношения, трудовые стратегии. Как молодежь ощущает себя в такую эпоху, каково ее отношение к труду и какие риски стоят в будущем прогнозе в отношении труда?

Мы говорим об определенных сформированных этических принципах, которые под влиянием времени и определенных ситуациях трансформировались. Молодежь при выборе определенной трудовой модели ориентируются уже не на принципы «старой этики», а на «новую этику труда». Данная этика обладает принципами быстрого заработка, при этом не требующих огромных вложений. Если раньше труд рассматривался как высшая ценность, человек идентифицировал себя с выбранной профессией, то сейчас все меняется и идентифицировать себя с какой-то профессией труднее и рассматривать труд в качестве инструментальной ценности [3,183].

Проблемная ситуация в том, что ценности и мотивация к трудовой деятельности меняется в современную эпоху. Развивается активно прекаризация, и она откладывает свое влияние на изменение в выборе работы, в трудовых отношениях, в отдаче к труду, в понимании труда как ценности.

Молодежь всегда была под пристальным вниманием социологов, психологов и других ученых, потому что является важнейшим индикатором происходящих перемен. Молодежь острее чувствует изменения, происходящих в мире, и поэтому она может определять в целом весь будущий потенциал общества. На 2020 год численность молодежи достигает примерно 48 млн человек по данным Росстата [4].

Данные исследования формирования ценностей поможет правительственным органам. Говоря о реализации концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, где закреплено положение о расширении возможностей для молодежи в ее будущем трудоустройстве. И отдельной графой проводится молодежная политика, целью которой является создание условий для самореализации молодежи, развитие потенциала молодежи и его использование в интересах инновационного развития страны [5]. От того, какой будет заложен ценностный потенциал у молодежи, можно выделить будущее общество и его ценностные ориентации.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

**Тур Артур Дмитриевич,
Рева Анастасия Сергеевна**

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Доверие является фундаментом легитимности политических лидеров, различных социальных институтов. Оно рассматривается как механизм, обеспечивающий интеграцию повседневной жизни индивидов [1].

Институциональное доверие приводит к социально-политической активности и хорошему отношению к действующим политикам, организациям, влияет на повышение уровня социальной стабильности, легитимности. [2].

В целях диагностики институционального доверия в российском обществе, авторы статьи воспроизвели прикладное социологическое исследование Левада-центра о доверии к органам исполнительной власти, опросив 92 студента, осваивающих образовательную

программу: «Государственное и муниципальное управление» в ЮРИУ РАНХиГС. Цель исследования заключалась в анализе доверия студенческой молодёжи государству, в сравнении с другими категориями граждан.

На вопрос об их оценке текущих дел в стране треть студентов (31%) выразили позитивное отношение, в то время как 35% ответов указали, что дела идут по неверному пути. 34% респондентов затруднились дать ответ на указанный вопрос.

Стоит отметить, что на обобщающий вопрос о доверии к органам государственной власти в целом, 42% студентов ответили отрицательно. Такой высокий показатель недоверия может свидетельствовать об отсутствии заинтересованности и личной неосведомлённости студентов о деятельности как органов власти, так и политиков. Так, например, в нашем опросе у 9% респондентов вызвало трудности назвать современного политика, которому они бы доверяли. Повлияет ли такое недоверие к власти на потенциальных государственных служащих и на их дальнейшее трудоустройство по соответствующему профилю подготовки?

Свою позицию относительно перспектив профессионального развития в структурах органов исполнительной власти студенты обозначили следующим образом: 47% респондентов видят своё дальнейшее развитие в государственных структурах, а 20% не собираются связывать свою жизнь с этим видом деятельности. Любопытно, что среди тех, кто видит перспективы развития профессиональной деятельности на государственной гражданской службе, меньше всего студентов 4 курса бакалаврской подготовки (4%), а больше всего, например, студентов 1 курса (48%). Такие результаты можно связать с тем, что ни один студент 4 курса по данным нашего опроса не доверяет органам государственной власти, в то время как среди студентов 1 курса им не доверяют только 33%.

Особую значимость для исследования представляет уровень доверия Государственной Думе РФ в контексте прошедших выборов. Деятельность Государственной Думы одобрило 58% студентов, в то время как уровень одобрения деятельности Государственной Думы по опросам Левада-центра остается на невысоком уровне 41%. При этом 42% студентов заявили, что будут голосовать на выборах в ГД РФ, а 19% уверены, что не будут голосовать.

Стоит отметить, что на сегодняшний день очевидна необходимость включения в социологические исследования вопросов, связывающих выборы и процесс цифровизации. Во-первых, интернет-пространство было выбрано студентами в качестве источника, откуда они больше всего получают информации о выборах (73%). Во-вторых, более 90% опрошенных студентов отметили свое положительное отношение к возможности электронного голосования. Такие показатели дают однозначную положительную оценку в пользу внедрения технологий электронного голосования и использования их в больших регионах России. Такой подход может не только облегчить процедуру голосования, привлекая тем самым большее количество молодежи, но и косвенно повысить уровень институционального доверия в стране.

1. Ушамирский, А. Э. Проблема институционального доверия в молодежной среде / А. Э. Ушамирский // Символ науки: международный научный журнал. – 2015. – № 10-2. – С. 253.
2. Омельченко, Д. А., Максимова М. М., Шахова Е. В., Суртаева О. В. Институциональное и обобщенное доверие населения как показатели социальной интеграции в российских регионах // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2017. – № 5-1. – С. 105-111.

НАПРАВЛЕНИЯ САМОРЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Усагалиева Алия Аскарвна

Волгоградский институт управления - филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте РФ

Молодежь – поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции, по мнению В.Т. Лисовского [3, 300], в возрасте от 14 до 35 лет, как определяется в Законе о молодежной политике [4].

Молодежь представляет наиболее активную социальную общность, одной из форм самовыражения, которой является участие в общественной работе. В учебных заведениях есть возможность заниматься внеучебной работой по разным направлениям. Одним из таких является - патриотическое, которое может реализовываться через проекты, способные формировать интерес к малой Родине. Одним из таких проектов является ежегодная фотовыставка, организуемая в ВИУ – филиале РАНХиГС, в рамках учебной дисциплины «Имиджелогия региона». Авторы фоторабот представили на фотовыставке более 200 работ, показав красоту природы родного края, продемонстрировав любовь к родной земле. Особый интерес участников вызвала номинация «Частица истории». В данной номинации были представлены фотографии людей, зданий, памятников культуры, имеющих историческую значимость. В рамках номинации «Мое, родное» представлены работы с изображением семьи, друзей, мест и иных объектов, находящихся в нашем регионе и вызывающих у автора чувство родства» [2,3] Активное участие молодежи в ежегодной фотовыставке демонстрирует интерес молодежи к патриотическому направлению.

Еще одним направлением реализации активной жизненной позиции молодежи является волонтерство. Российский социолог Е.И. Холостова трактует данное понятие следующим образом: «Волонтерство — это широкий круг деятельности, включая традиционные формы взаимопомощи и самопомощи, официальное предоставление услуг и другие формы гражданского участия, которая осуществляется добровольно на благо широкой общественности без расчета на денежное вознаграждение» [5,131]. Данная интерпретация раскрывает суть добровольства и его значения. По данным авторского опроса, проведенного в Ростовской области 2018 году, 74,5% респондентов считают полезным, ценным и необходимым данное направление деятельности молодежи. Волонтерское движение охватывает различные сферы жизни общества, так, например, каждый год в разных городах волонтеры посещают детские дома для оказания помощи нуждающимся. Занимаясь волонтерской деятельностью молодежь формирует те нравственные, гуманистические, социально-направленные качества, которые необходимы в современном мире.

Молодежь является социальной общностью, способной к самореализации в результате собственной сознательной, рациональной активности. Можно рассмотреть молодежь и как социальный ресурс, «оживляющий посредник» между старшим и более младшим поколением, который в условиях быстро меняющихся обстоятельств, способен аккумулировать и транслировать такие ценности, как любовь к Родине, заботу о ближних, что реализуется в патриотическом направлении и волонтерстве.

ВЛИЯНИЕ ДИАЛОГОВЫХ ИНСТИТУТОВ НА УРОВЕНЬ ЛОЯЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Фролов Александр Альбертович,

Гребенко Е.Д.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31770 «Возможности и угрозы управления лояльностью молодежи в современной России».

Одна из проблем в современной российской политике - это не вовлеченность многих социальных групп в политический процесс, участие в котором максимально дифференцированных слоев населения должно способствовать легитимизации политических решений. Одной из таких групп является молодежь, которая по уровню своей вовлеченности в политический процесс России остается на относительно низком уровне.

Не смотря на вышеперечисленную проблему, государство пытается использовать механизмы воздействия для включения молодежи в политику, и старается обеспечить лояльность этой группы. Одним из таких механизмов являются диалоговые площадки между властью и обществом, на которых представители различных социальных групп могут напрямую воздействовать на представителей власти, используя коллективно сформированную позицию и мнение. Но, к сожалению, подобные усилия остаются незамеченными среди молодого населения. В первую очередь, это связано с отсутствием информированности у молодежи о наличии подобных диалоговых институтов, а во-вторых, с общим скепсисом, связанным с сомнениями в действительной работоспособности этих механизмов. Если первая проблема вытекает из отсутствия интереса у самой молодежи и нежелании властей повышать информированность о диалоговых институтах, то вторая проблема напрямую зависит от существующего у молодежи уровня политической осведомленности.

Исходя из ситуации, в которой государство пытается вовлечь молодежь в политический процесс, используя диалоговые институты (о которых молодежь либо мало слышала, либо не верит в эффективность их воздействия), власть не получает никаких выгод, а, следовательно, и легитимизации в принятии решений. Стоит отметить, что навязывание подобных способов вовлечения может иметь и негативный контекст, при котором молодое население еще больше дистанцируется от политического процесса.

Представителям органов власти необходимо понимать, что молодежь, как и любая социальная группа имеет свои интересы, а, следовательно, и желание их реализации в политическом пространстве государства. При этом стоит учитывать специфику данной социальной группы для более системного и эффективного включения представителей молодежи в политический процесс России.

СНИЖЕНИЕ ПРОТЕСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ В РОССИИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Фролов Иван Владимирович
УРАЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
филиал РАНХиГС

В начале 2021 года в городах России прошли акции, которые были признаны незаконными и пресечены правоохранительными органами. В дальнейшем протесты практически прекратились.

Если сравнить показатели индекса протестной потенции 24.01.2021 и 03.10.2021, то можно увидеть, что он сильно снизился (с 41 до 31)[1].

Одним из факторов снижения желания протестовать стали приговоры в отношении участников, которые показали, что государство не станет мириться с нарушением закона и будет жестко за это наказывать.

Все это соответствует статье 2 ФЗ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ где одним из принципов указывается «неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности» [2].

Получается, что молодежь, понимает возможные последствия экстремистских действий и конечно она реже будет выбирать делинквентный вид поведения, но недовольство существующим положением дел никуда не делось.

В результате молодежь может направить свою энергию в девиантную модель поведения.

Формы такого поведения могут различными, но из всего разнообразия хотелось бы выделить еще одну имеющую в своем составе многие из них – подавление материнского инстинкта (считающимся нормальным в обществе).

Молодые женщины, столкнувшиеся с трудностями в детском возрасте в семье и обществе, могут не испытывать желание стать матерью, если не произойдут изменения в стране.

Свой «вклад» в развитие такой формы поведения вносят и некоторые медийные личности, например, Алена Водонаева, которая написала в соцсетях: «К сожалению, мы живем в нищей и жадной стране, и если вы не уверены, что сможете обеспечить знаниями и медициной, пищей и одеждой себя и ребенка, то просто не надо рожать. Получите образование, постройте карьеру, посмотрите мир, заработайте денег, а потом думайте о материнстве. Не надо рожать рабов этому государству» [3].

Такие высказывания могут и не дать своих «всходов», но если постоянно все запрещать, то ассоциация с рабами может прийти в голову, а заложенная программа по нежеланию рожать начнет действовать.

Таким образом одними жесткими запретами государство может лишиться себя будущего.

Если молодые люди создадут семьи, родят детей, то вероятность того что они пойдут незаконные акции будет явно ниже.

Для того чтобы это произошло на наш взгляд необходимо:

Проводить профилактическую работу с молодежью с целью прежде всего отвлечь молодежь от тех лидеров мнений, которые для достижения своих (или чьих-то) целей выводят людей на протестные акции.

Проводить целенаправленную работу по созданию положительного образа семьи и материнства через лидеров мнений, соцсети, художественные фильмы и т.д.

Помочь молодым семьям почувствовать себя уверенными в будущем через социальные гарантии и преференции.

1. <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial> (дата обращения: 09.10.2021)
2. <https://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 10.10.2021)
3. <https://www.kp.ru/daily/27073.4/4142915/> (дата обращения: 10.10.2021)

РОЛЬ ТИКТОК (ТИКТОК) В ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ

**Хацевич Анна Юрьевна,
Погорелова Мария Николаевна**
Новосибирский государственный технический университет

С распространением мобильных коммуникаций, вызванных цифровой трансформацией, все большее количество молодежи пользуется социальными сетями для удовлетворения широкого круга своих потребностей, таких как развлечение и получение новой информации. В том числе широкое распространение среди молодежи получила всемирно известная социальная сеть ТикТок [1]. ТикТок качественно отличается от своих предшественников: многообразие коротких роликов, подобранных под интерес пользователя, повторяющиеся движения и музыка, шаблонные сценарии, разнообразие инструментов для создания контента, новые алгоритмы для достижения популярности среди молодежной аудитории [2].

На сегодняшний день в России наблюдается дефицит исследований, посвященных вопросу значимости ТикТока для молодежи. В связи с чем в 2021 году нами, студентами третьего курса Новосибирского государственного технического университета по направлению подготовки «Социология», было проведено исследование на тему «Роль ТикТок в жизни пользователей социальной сети». В рамках исследования были проведены фокус-группы, в которых приняли участие респонденты в возрасте от 13 до 22 лет.

Так, среди пользователей социальной сети молодежь в среднем проводит в ТикТоке около часа своего времени ежедневно. Основной целью пребывания молодежи в ТикТоке является развлечение (юмористический контент), а также получение образовательной информации. Нередко молодежь использует ТикТок для эмоциональной разгрузки и отдыха. Иными мотивами являются желание стать популярным, возможность заработка, самовыражение.

По мнению большинства молодых людей-респондентов, ТикТок никак не помогает им найти свою индивидуальность (индивидуальность – совокупность характерных, своеобразных черт, отличающих какого-либо человека от другого [3]) и не влияет на формирование интересов, т.к. алгоритмы социальной сети предлагают пользователю контент, заведомо основанный на его предпочтениях. Также респонденты упоминали о трендах ТикТока, которые способствуют унификации и сглаживанию индивидуальных предпочтений молодежи. Абсолютно все опрошенные респонденты оказались согласны с тем, что молодежь перенимает моду, демонстрируемую через ТикТок.

Опрошенная нами молодежь считает, что стать популярным в ТикТоке достаточно легко благодаря функциональным возможностям социальной сети, однако не каждому пользователю это нужно. По мнению респондентов популярность в ТикТоке влияет также и на успешность в жизни в том случае, если человек ставит себе цель добиться популярности.

Полученная информация позволяет сделать выводы о целях использования ТикТока среди молодежи, о степени влияния данной социальной сети на поиск индивидуальности и о взаимосвязи популярности в ТикТоке с жизненным успехом.

Подводя итоги, можно сказать, что ТикТок не играет существенной роли в жизни молодых пользователей, однако оказывает ощутимое влияние на отдельные сферы, такие

как досуг и образование, мода и самовыражение, а также в некоторых случаях коррелирует с жизненным успехом и заработком.

1. Социальная сеть TikTok [Электронный ресурс] <https://www.tiktok.com/ru-RU?lang=ru-RU> (дата обращения 6.10.2021).
2. TikTok стал самым скачиваемым приложением в мире [Электронный ресурс]. URL: <https://www.m24.ru/news/tehnologii/10082021/177503> (дата обращения 6.10.2021).
3. Малый академический словарь. — М.: Институт русского языка Академии наук СССР Евгеньева А. П. 1957—1984 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.endic.ru/academic/Individualnost-10949.html> (дата обращения: 6.10.2021).

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ШКОЛЬНИКОВ НА ОСНОВЕ ЦЕННОСТНО-СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ЗДОРОВЬЯ

**Царева Анна Владиславовна,
Гребенников Андрей Иванович, Малинин Александр Владимирович
Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт физической культуры
(СПбНИИФК)**

Воспитание культуры здорового образа жизни детей школьного возраста является важным условием не только их личного благополучия в будущем, но и сохранения человеческого капитала на уровне общества. Формирование представлений и привычек школьников относительно здорового образа жизни обусловлено множеством факторов, от медико-биологического состояния организма детей и подростков до социокультурных характеристик отношения к здоровью и психофизическому благополучию в том или ином обществе. В зарубежных и отечественных исследованиях здорового образа жизни используется несколько ключевых концептуальных моделей здоровья [1]: медицинская (отсутствие болезни и ее симптомов), биомедицинская (отсутствие органических нарушений и субъективных ощущений нездоровья), биосоциальная (единство биологических и социальных признаков) и ценностно-социальная (здоровье как необходимая предпосылка для полноценной жизни, удовлетворения материальных и духовных потребностей, участие в труде и социальной жизни, экономической, политической, научной, культурной и других видах деятельности). Включение тематики здорового образа жизни в стратегию школьного обучения и в общеобразовательные программы предполагает не только внимание к традиционным медицинским аспектам (режим дня, гигиена, профилактика заболеваний, избегание вредных привычек), но и к формированию ценностно-обоснованной мотивации школьников к здоровьесохраняющему поведению и достаточной физической активности, воспитанию культуры здорового образа жизни (формирование представлений о ценности здорового тела и физической активности как условия личного благополучия, важности сохранения позитивных отношений в семье и с друзьями, умения конструктивно решать конфликты, стрессоустойчивости и т.д.). Ценности, связанные со здоровым образом жизни, позволяют школьникам сформировать программы поведения и внутренние регуляторы, которые в дальнейшем становятся важным инструментом социальной адаптации и помогают преодолевать негативные условия социальной среды.

Для обоснованного применения ценностно-социальной модели здоровья в контексте формирования культуры здорового образа жизни детей школьного возраста необходимо создание условий для формирования у учащихся потребности в здоровом образе жизни через комплексное воздействие на все основные сферы личности. Это включает в себя следующие аспекты:

- познавательный (усвоение необходимых знаний),
- эмоционально-чувственный (получение положительных эмоций и опыта),
- ценностно-ориентационный (формирование ценностных ориентаций в отношении собственного здоровья, физической активности и психофизического благополучия),
- деятельностный (формирование способов поведения, привычек и навыков сохранения здоровья).

1. Калью П.И. Сущностная характеристика понятия «здоровье» и некоторые вопросы перестройки здравоохранения: Обзорная информация. – М.: ВНИИМИ, 1988.

РЕГИОНАЛЬНОЕ СТУДЕНЧЕСТВО О ПОСТКОВИДНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОПРОСОВ В БАШКОРТОСТАНЕ

Черкасова Татьяна Васильевна

УГНТУ/Уфимский государственный нефтяной технический университет

Covid-19 пандемии оказала негативное воздействие, распространилась на всех континентах, повлияла на макрогосударственные процессы развития и на микроуровень жизни граждан. Поколение «Z» - инновационный потенциал России, от его настроений, целенаправленной деятельности, гражданской позиции в постковидный период зависит будущее. Общественное мнение регионального студенчества изучается с помощью ежегодных внутривузовских социологических исследований, с целью выявлять ответную реакцию на вызовы времени и прогнозные представления респондентов о постковидном будущем. Так, размышляя о новом времени четыре студента из десяти опрошенных особо подчеркнули, что у них останется боязнь за здоровье и жизнь близких людей-44,6% и сохранится привычка соблюдать меры личной безопасности-40,1%. Таким образом, ковидный претендент 2019-2021гг. оставил негативные ассоциации в сознании молодежи. Следует подчеркнуть, что у респондентов-девушек наблюдаются фобии за жизнь родных им людей, а у юношей - боязнь за свое здоровье. Треть опрошенных респондентов сохраняют оптимистический настрой, полагая, что все вернется доковидный образ жизни во всех странах-32,2%. Диаметрально противоположное мнение поддержала оставшаяся часть респондентов, связывающая будущее с конфликтогенными и «силовыми» межгосударственными противостояниями. Каждый пятый респондент убежден, что продолжится гонка вооружений, но еще и в биогенетической, бактериологической сферах-20,3%. Респонденты убеждены, что усилятся виртуально-информационное Интернет-противоборство «за мозги молодежи» - 15,3%; будут появляться искусственные пандемии - 15,3%; некоторые страны закроют границы для эмигрантов - 14,7%; турпотоки сократятся - 13,6%; Россия начнет формировать свою безопасность (военная, электронно-технологическая, продуктовая, экологическая и т.д.)-11,9%; возрастет межгосударственная конфликтогенность (Восток-Запад); продолжатся санкции (от Запада на Россию)-9%; некоторые государства объединятся в союзы для борьбы с новыми угрозами - 6,2%; расширится религиозный экстремизм, терроризм- 5,7%. Для студенчества «постковидная жизнь общества» представляется наполненной международными событиями с конфликтогенными угрозами. Лишь 8,5% респондентов затруднились с прогнозом. Итак, равнодушная молодежь трактует будущее, указывая на свои фобии и на международные проблемы. Следовательно, возрастает роль вуза в вопросах усиления разъяснительной, воспитательно-патриотической работы со студенчеством. Для молодежи переживаемый ковид-карантинный период войдет в их

личную биографию и в историю страны как своеобразная полоса мобилизационных испытаний, внешний социальный эксперимент на гражданскую готовность к самодисциплине, к дистанционной учебе и работе на удаленке, к персональной ответственности за себя и своих близких.

ТРАНЗИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВЫПУСКНИКОВ-БАКАЛАВРОВ ВУЗА СОЦИАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ

Черноиванова Анна Сергеевна,
Дедух Глеб Валерьевич

Санкт-Петербургский государственный университет

Предлагаемая статья посвящена изучению транзитивной стратегии как перехода студента через учебу к профессиональной деятельности. Выбор образовательной стратегии осуществляется студентами в зависимости от представлений о горизонте рынка труда и возможности планировать свою профессиональную траекторию развития, а также в зависимости от их восприятия и ожиданий относительно системы высшего образования в целом. Мы можем предположить ожидания студентов в профессиональной реализации после окончания ВУЗа. Выпускник-бакалавр может устроиться на работу по специальности и ориентироваться на рынок квалифицированного труда. Обучение на базе бакалавриата может стать как образовательным, так и карьерным трамплином.

Статья основана на результатах исследования группы выпускников Санкт-Петербургского ВУЗа социального профиля. Интерес к данной группе был обусловлен ее внутренней неоднородностью. В рамках данного исследования, мы не будем касаться разницы стартового статуса (социального происхождения и положения родительской семьи, ее текущего экономического и социально-культурного статуса, уровня и качества, полученного выпускниками образования, гендерные различия [2]), а сфокусируемся на разнице стратегий учебного поведения внутри ВУЗа.

Эмпирическое исследование проводилось методом анкетного опроса, в котором приняла участие группа студентов - 26 человек. В основании данной работы будет *стилевой анализ* активностей студентов во время обучения по программе бакалавриата [3]. Стилевой профиль складывается из отношения студентов к учебе, научным, общественным активностям и ожиданиям от рынка труда. Стилевой профиль учебных стратегий помогает «графически» очертить внешние проявления целостности отдельных групп, объединенных некими общими ценностными установками.

Результат, полученный на первом этапе исследования, позволил сконструировать группы индивидов по следующим критериям: красный или синий диплом (институциональная интегрированность), рейтинг на учебном портале ВУЗа (общественные и(или) научные компетенции). Гипотеза анализа исходит из того, что человек располагает ограниченными силами и временем. В процессе обучения студент так или иначе формирует представление о рынке труда и вырабатывает стратегию профессионального развития. Транзитивная стратегия – это переход через учебу к профессиональной деятельности. Выбор транзитивной стратегии и модели поведения в ВУЗе может быть определен через концепцию «габитуса» П. Бурдые [1]. Траектория движения в процессе профессиональной ориентации определяются габитусом, т.е. опытом, полученным в предыдущее время.

Мы можем графически представить описанные группы студентов в виде диаграммы:

Стратегия поведения и отношения к учебной деятельности не обязательно связана с рациональным выбором. Иррациональный выбор, как правило, совершает студент с низким адаптационным потенциалом, попадая в новую среду, продолжает воспроизводить уже сформировавшиеся паттерны поведения. В представлении некоторых студентов, учеба в ВУЗе — это продолжение школы. Для таких студентов характерно следующее: слабое представление цели обучения и внимательное отношение к образовательному процессу. Приверженцы вышеобозначенной стратегии формируют первую группу студентов, *«частично институционально интегрированных через учебу»*. В эту группу мы относим студентов, получивших красные дипломы по окончании бакалавриата, и не имеющих научных или общественных достижений. Отношение данной группы к ВУЗу можно характеризовать как традиционное.

Следующую группу составляют студенты, получившие красный диплом и имеющие *зафиксированные* достижения в общественной или научной деятельности на учебном портале института. Студенты, ориентированные не только на учебный процесс, но и общественную, научную активность, предлагаемую ВУЗом, образуют группу *«полностью институционально интегрированных»*. Приоритетной задачей для представителей данной группы является получение внутри институционального статуса. Результаты первого этапа исследования позволяют сделать предположение, что студенты группы *«полностью институционально интегрированных»* ориентированы на профессиональный успех на рынке труда.

Наиболее гибкое отношение к учебному процессу демонстрируют студенты, частично интегрированные в институциональную систему. Эти студенты вкладывали свои силы во внеучебные, вне институциональных активности, при этом хорошие оценки не имели принципиальной значимости. Группа *«интегрированных через научную и общественную активности»* была сформирована из студентов, получивших синие дипломы и зафиксировавших свои достижения во время исследования. Примечателен следующий факт, что многие студенты, включенные в эту группу, не отмечали активности на учебном портале или фиксировали не все достижения, активности, а информация об их активностях была получена в ходе опроса. Представляется возможным выделить ценностные установки группы *«интегрированных через научную и общественную активности»*. Для них характерно:

- Стремление интегрироваться в профессиональную среду;
- Получение признания со стороны профессионального сообщества;

Формирование опыта, который будет цениться, в первую очередь, на рынке труда.

Группу «интегрированных через научную и общественную активности», так же, как и группу «полностью институционально интегрированных» образуют целеориентированные студенты. Если одни ориентированы на статус, признанный за пределами института, то другие ориентируются на статус внутри ВУЗа.

Студенты, которые в процессе всего обучения придерживались стратегии минимизации усилий и дистанцирования от идеальной модели учебного процесса, активностей, которые предлагает ВУЗ, образуют четвертую группу «институционально неинтегрированных» выпускников. Эту группу образовали студенты, получившие синий диплом и не участвовавшие в общественной или научной жизни института. В процессе обучения в институте, они активно искали себя на рынке труда и, прежде всего, были ориентированы на работу, не связанную с профилем образования. Целью образовательного процесса был факт получения диплома о высшем образовании. Чем это могло быть мотивировано? Прежде всего: давлением родителей, стремлением доказать что-то себе и получить статус «Человека с высшим образованием».

Полученные в ходе исследования данные позволяют представить следующее распределение студентов по четырем группам в зависимости от стратегии, проявляющейся в их учебных и социально-академических активностях (Табл. 1).

Таблица 1. Дифференциация транзитивных стратегий студентов

Группа	Кол-во человек	диплом	Активности, указанные на портале	Активности, не указанные на портале	Обучение за пределами института
Частично интегрированы через учебу	3	красный	нет		нет
Полностью интегрированы	6	красный	есть	есть	Да, у 5 из 6 человек
Частично интегрированы через активности	12	синий	есть	6 человек из 12 не отражали свои активности на портале	Да, у 8 из 12 человек
Не интегрированы	5	синий	нет		Да, у 3 из 5 человек

Одни студенты «полностью институционально интегрированные» за время обучения сформировали социальный и человеческий капитал в ВУЗе, к тому же получили внутри институциональный статус. Если представители этой группы будут использовать накопленный капитал, то, вероятнее всего, «трамплин в образование» будет связан с магистратурой в том же ВУЗе, а трудоустройство — по специальности. Второй этап исследования нужен, в том числе, чтобы указать, использовали ли студенты свой капитал для профессиональной реализации на следующем этапе.

Другие студенты, «частично интегрированные через научную и общественную активности», сделали выбор в пользу обретения статусов, признаваемых за пределами института, вероятнее всего- в профессиональном сообществе. Сближение и с профессиональным, и с институциональным сообществом сформировало иного рода

капитал и представление о профессиональной реализации. К выпуску из бакалавриата, студент имеет больше возможностей: сменить траекторию профессиональной подготовки (если речь об образовании) или найти работу на квалифицированном рынке труда, но не по специальности.

Студенты группы «частично интегрированных через учебу», обладают значительно меньшим ресурсом после окончания ВУЗа. Студенты, которые фокусировались именно на институциональной учебной активности, после окончания бакалавриата в качестве «трамплина» видят и могут использовать только красный диплом ВУЗа. По результатам проведенного исследования, никто из группы «частично интегрированных через учебу» не обучался дополнительно за пределами ВУЗа.

Группа «институционально не интегрированных» студентов была ориентирована на выполнение минимума, предлагаемого учебной программой ВУЗа. На данном этапе исследования мы можем предположить, что эти выпускники изначально были ориентированы на самостоятельное «исследование рынка труда». Возможно, благодаря опыту, приобретенному параллельно с учебой в ВУЗе, группа «институционально не интегрированных» студентов сформировала более яркое и четкое представление о рынке труда.

Таким образом, на первом этапе исследования удалось проанализировать студенческую группу и выявить четыре принципиально разные подгруппы студентов. Если одни делают ставку на образовательный процесс и получение красного диплома, то другие в это время ищут себя на рынке труда. Одни стремятся получить внутриинституциональный статус, другие — статус и опыт, признаваемый профессиональным сообществом. Для определения студентов в группы были выбраны следующие критерии: характер транзитивной стратегии и степень институциональной интегрированности. Уже на первом этапе исследования стала заметна разница опыта (капитала), накопленного студентами за время обучения в бакалавриате. Задачей второго этапа исследования будет анализ профессиональных траекторий студентов и оценка эффективности применения сформированного капитала.

1. *Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. – С.19*
2. *Штомпка П. Социология социальных изменений. Пер. с англ. / Под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, — 1996.*
3. *Chaney D. Lifestyles. London: Routledge, —1996.*

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ НЕУСПЕШНОСТЬ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ: «ЛИЧНАЯ ТРУДНОСТЬ» ИЛИ «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА»?

Шаброва Нина Васильевна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-29-07016 «Трансфер человеческого капитала образовательных общностей: от неуспешности к успешности».

Увеличение числа неуспешных в образовании школьников, студентов колледжей и вузов стало одной из самых тревожных тенденций развития российского образования. Тенденции роста образовательной неуспешности учащейся молодежи фиксируются международными мониторингами (PISA, PIRLS, TIMSS) и национальными российскими исследованиями. Ученые отмечают, что ситуация приобрела значительный масштаб и

превратилась из «личной трудности» в глобальную социальную проблему [1; 2]. А что же сама учащаяся молодежь? Для них проблемы, возникающие в ходе обучения – это «личная трудность» или «общественная проблема» [3; 4]?

Для ответа на данный вопрос зимой 2020-2021 гг. научной группой УрФУ был проведен письменный опрос студентов 2 курса УрФУ (n=98 чел.). Мы попросили респондентов 1) вспомнить и раскрыть суть 2-3 проблем, с которыми они сталкивались в процессе обучения; 2) описать способы решения данных проблем; 3) оценить характер этих проблем, идентифицировав их в качестве «личной трудности» или «общественной проблемы».

В ответах студенты описывали проблемы, с которыми они сталкивались в школе и университете. Эти проблемы были связаны со здоровьем респондентов, организацией образовательного процесса, отношениями с одноклассниками (одногоруппниками), планированием и организацией индивидуальной работы и др. Большая доля проблем, о которых писали студенты, была связана с педагогами. Студенты отмечали предвзятое отношение педагогов к учащимся, их субъективизм в оценке знаний, непонимание учащимися требований педагогов, непедagogичные способы поведения (запугивание, оскорбления) и др.

Для решения своих образовательных проблем респонденты использовали пассивные (игнорирование, избегание) и активные (самостоятельное решение проблемы, привлечение к решению проблем родителей) стратегии поведения.

Важным результатом исследования стало то, что в половине случаев студенты воспринимали и идентифицировали образовательные проблемы только как личные трудности, не рассматривая их в контексте общественных проблем. Это определяло и выбор способов решения этих проблем: доминирование индивидуальных средств над коллективными.

Полагаем, для сокращения числа неуспешных учащихся нужны изменения в общественном сознании образовательных общностей (учащихся, педагогов, родителей), их представлениях о масштабах проблемы образовательной неуспешности и ее природы. Необходимо обсуждение образовательной неуспешности учащейся молодежи в публичном пространстве, объяснение ее причин, рисков и последствий на понятном для образовательных общностей языке [5]. В этом проявляются познавательная, ценностно-ориентирующая и просветительская функции социологии.

1. Зборовский Г.Е. Образовательная неуспешность учащихся и студентов как проблема науки и практики // Вестник СурГПУ. 2020. №2(65).
2. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Переход образовательных общностей от неуспешности к успешности в процессе трансфера их человеческого капитала // Мир России. 2021. Т. 30. № 1.
3. Штомпка П. Формирование социологического воображения. Значение теории // Социологические исследования. 2005. №10.
4. Попов А.С. «Социологическое воображение» Чарльза Райта Милса: к 50-летию со времени публикации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2009. №3(11).
5. Мы нашли оправдание итогам сессии... https://vk.com/urfu_nko?w=wall-203717366_52

КУЛЬТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЁЖИ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

**Шакиров Камиль Ильгизович,
Юрина Елизавета Александровна
ФГАОУ ВО "Тюменский государственный Университет"**

Исследование было выполнено при поддержке Общественной молодежной Палаты при Тюменской областной Думе

Эффективность развития государства во многом зависит от современной молодежи, ее воспитания, ценностных ориентаций, гражданской активности и протестных настроений [1,63]. Основные направления деятельности Общественной молодежной Палаты (далее – ОМП) при Тюменской областной Думе включают: разработку и реализацию единой молодежной политики, создание благоприятных условий для позитивного развития и формирования молодежной среды, социализацию и политическое просвещение молодежи, приобщение ее к политике региональной и всероссийской. [2]. Для создания и реализации мероприятий, направленных на повышение роли молодежи в политике, в практической работе Палаты необходимо применение и учет потребностей молодежи. Поэтому для ОМП при Тюменской областной Думе вопрос политической культуры молодежи имеет ключевое значение.

Для выявления перспективных и актуальных сторон деятельности ОМП в рамках привлечения молодежи в политику, необходимо изучить культуру политического участия молодежи Тюменской области, выяснив их интерес к политике, причины участия в ней, источники информации и использование политических прав.

В рамках исследовательской работы были использованы методы анкетирования 100 респондентов и глубинного интервью с 5-ю экспертами в сфере молодежной политики, а также в образовательной сфере Тюменской области.

В ходе исследования проводится социологический опрос жителей Тюменской области и экспертный опрос среди чиновников и представителей общественных организаций. Генеральная совокупность в реализуемом проекте – жители городов и городских округов Тюменской области в возрасте от 18 до 35 лет. Тип выборки – квотная с элементами стихийного отбора, подразумевающего интернет-опрос (скрининговая), многоступенчатая. Основные котируемые признаки – пол и возраст, муниципальная принадлежность респондентов.

Второй частью исследования считается анализ глубинного интервью с 5-ю экспертами в молодежной политике.

Выводы исследования имеют очень многозначный и сложный характер. По мнению респондентов, выборы – это инструмент выражения мнения, а не представительности. Барьеры участия в политике – это вероятность сесть в тюрьму и «за нас уже всё решили». В результате сравнения блогеров и политиков, получилось, что блогеры ближе к молодежи (свободны в вещании). При этом 75% респондентов не интересуются региональными политическими новостями. У молодежи аутсайдеры доверия – церковь и телевидение; лидеры – волонтеры и благотворители. Основные тенденции в молодежной политике – объединяющие студенческие пространства, проектная деятельность, межвузовские объединения. Молодежь приобщается к политике через студенческие советы разных уровней и молодежные палаты. По мнению экспертов молодежь очень импульсивна в реакции на политические события в стране.

По результатам анкетирования и глубинного интервью были выявлены запросы на изменения в молодежной политике и составлены рекомендации для совершенствования культуры политического участия молодежи Тюменской области.

НЕКОТОРЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ОЦЕНКАХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ)

Шахова Екатерина Владимировна
ФГБОУ ВО "Алтайский государственный университет"

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZMW-2020-0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в Центральной Азии»

Человеческий потенциал является одной из важнейших социальных категорий. Сближение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан являются национальными интересами Российской Федерации [1].

Человеческий потенциал Заславская Т.И. представляет посредством взаимосвязанных, но относительно самостоятельных элементов: социально-демографического, социально-экономического, социокультурного и деятельностного компонентов [2]. Человеческий потенциал молодежи – это совокупность присущих ей инновационных, культурных, интеллектуальных, биосоциальных свойств, способностей и ресурсов, которые накапливаются и готовятся к реализации как основа присвоения молодежью социальной субъектности [3].

В рамках социологического исследования, реализованного в шести приграничных регионах России, были рассмотрены некоторые показатели человеческого потенциала молодых людей (2020-2021 гг., n=840).

Образование. Высшее образование имеют 68,0% молодых людей. Владеют иностранным языком (помимо языков бывших республик СССР) 57,0%, среди них 5,9% используют его свободно, 19,6% могут изъясняться и достаточно свободно читают.

Социально-экономическое положение и трудовая деятельность. Среди молодых людей больше всего работников бюджетной организации (45,4%) и студентов (34,4%). Награды, знаки отличия за свою профессиональную деятельность и достижения за последние три года получали 43,4% молодых людей. Они чаще всего оценивают свое материальное положение как среднее, при котором денег хватает только на питание, недорогую одежду, крайне необходимые вещи и оплату коммунальных услуг (64,3%); как хорошее, обеспеченное – 25,5%. Улучшить свои жилищные условия, купить другую недвижимость или автомобиль, путешествовать по России и миру, оплачивать образовательные услуги для себя и детей могут себе позволить менее трети молодых людей. На неудовлетворенность своим материальным положением и оплатой труда указывают более половины (57,2% и 51,0% соответственно). В целом молодое поколение удовлетворено своей жизнью (75,5%).

Состояние здоровья и здоровьесберегающее поведение. Состояние своего здоровья, как правило, молодые люди оценивают, как среднее (46,0%) или хорошее (42,0%). Среди молодого поколения наиболее распространены такие хронические заболевания, как аллергия, болезни желудочно-кишечного тракта, глаз. Для сохранения своего здоровья и поддержания высокого уровня активности, они стараются придерживаться правил здорового образа жизни.

Миграционные установки. На миграционные планы молодые люди указали в более половине случаев (61,7% случаев), при этом многие из них еще не определились с местом и временем переезда. Наиболее популярной причиной возможного переезда является желание улучшить качество жизни в целом.

Молодежь – это фундамент будущего России. Развитие человеческого потенциала молодежи является одним из ключевых направлений современной молодежной политики, его показатели требуют детального изучения и анализа.

ОЖИДАНИЯ РАБОТОДАТЕЛЕЙ ОТ ШКОЛЫ И ЕЁ ВЫПУСКНИКОВ

Шевченко Павел Владимирович
МГПУ (Московский городской педагогический университет)

Далеко не все выпускники столичных школ поступают в вузы. Одни не набирают проходной балл, другие сознательно «делают паузу» в своём образовании и идут работать. В исследовании МГПУ, в качестве экспертов участвовали 75 работодателей, которые имели опыт найма на работу выпускников школ, не получивших профессионального образования. Контент-анализ интервью выявил ряд противоречий в ожиданиях от школы.

По степени доверия к школе как институту, дающему образование, респонденты распределились равномерно: примерно по 1/3 в каждой группе – «доверяю полностью», «не доверяю», «не знаю, и да и нет, когда как».

Рассуждая об образовании, прежде всего, о школьном, эксперты в качестве основных признаков образованного человека выделили 1) широкий кругозор (эрудиция, начитанность), 2) умение мыслить (критически, аналитически), 3) навыки коммуникации (адекватное общение, вежливость, толерантность). В эти три категории попали 55% всех ответов.

Отвечая на вопрос об основных ожиданиях от современной школы, эксперты расставили приоритеты менее разнообразно – лидирующие категории охватили 78% ответов. Прежде всего, школа должна 1) дать знания (разного уровня, различной направленности), 2) социализировать выпускника (дать навыки адаптации в современном обществе), 3) научить мыслить (критически, аналитически, работать с информацией).

Совершенно иначе были расставлены приоритеты экспертов-работодателей при формулировании основных требований к соискателям вакансии из числа выпускников школы. Больше всего работодатели ценят: 1) внутреннюю мотивацию (к работе на данном месте, желанию научиться всему), 2) ответственность (осознанное отношение, дисциплинированность, исполнительность), 3) коммуникабельность (умение задавать вопросы, общаться, работать в команде). К данным категориям относятся 60% ответов.

Несоответствие между образом «образованного человека» и человека, получившего школьное образование ещё можно объяснить, тем, что в первом вопросе эксперты постоянно выходили за рамки школы, подразумевая самообразование в течение долгой жизни. Несоответствие между ожиданиями от того, что школа даст и тем, с чем придёт устраиваться на работу вчерашний её выпускник, свидетельствует о том, что согласно представлениям работодателей, современная школа не готовит выпускников к тому, что им придётся работать. Целями школы как социального института не является то, что ценят работодатели в соискателях-новичках без опыта работы.

Установлено соответствие ожиданий работодателей возможностям школы в части профессиональных знаний (например, основ программирования), грамотности (устной и письменной), знания иностранного языка, физической подготовки. Но данные качества в сумме присутствуют в 10% ответов.

Выявленные противоречия могут быть преодолены в процессе переосмысления миссии школы, смещения акцента в её деятельности с передачи знаний на социализацию, выстраивании адекватной времени активной позиции школы в системе взаимодействий как с предприятиями, так и с родителями обучающихся.

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ: СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ.

Шеметова Дарья Сергеевна
МГИМО (У) МИД России

Последние десятилетия в большинстве стран мира все большее внимание уделяется молодежи как отдельной социальной группе, выстраиванию отношений с ней и определению курса молодежной политики. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ "О молодежной политике в Российской Федерации" определяет молодежь как лиц от 14 до 35 лет включительно [1]. По состоянию на 1 января 2021 года молодежи насчитывалось 39093419 человек, что составляет 26,74% от всего населения России [2]. Существует ряд аспектов, затрудняющих взаимодействие власти с молодежью. По причине того, что молодежь является социально активной и довольно противоречивой группой населения, действия и реакцию на управленческие решения, влияющие на данную группу населения, трудно предсказать, до сих пор нет единого выработанного научно-обоснованного подхода в управлении. Учитывая масштабы страны и многонациональность и, как следствие, разницу в менталитете и культуре, единого подхода к вопросу молодежной политики быть не может. Должны быть проведены исследования, опросы среди молодежи субъектов РФ с целью выявления как ценностных, социальных и культурных особенностей и предпочтений, так и психологического аспекта социальной активности молодежи, что позволило бы сделать молодежную политику на уровне региона уникальной, наиболее подходящей и эффективной [3]. За процесс и результат социализации молодежи ответственно в том числе и государство, однако на данный момент в России каналы связи государства с молодежью не настроены должным образом. Власть не слышит то, что важно и нужно молодежи, а она, в свою очередь, не может верно донести информацию о своих потребностях ввиду незнания способов донесения своих мыслей и пожеланий из-за нехватки информации о проводимой молодежной политике, в частности. Процесс выбора профессионального пути, поиска и развития талантов – та информация о самореализации, которую может обеспечить государство молодежи, что в будущем позволит решить несколько важных социальных проблем, таких как безработица, моральный кризис личности, а также контроль и снижение уровня преступности и экстремистских настроений среди молодежи. Помимо комплексного подхода к молодежной политике и ее реализации, важным этапом является анализ и оценка эффективности достигнутых результатов. На данный момент в законодательстве отсутствуют четкие качественные или количественные параметры оценки проведенной политики, что значительно затрудняет не только процесс контроля, но и построение дальнейшего курса молодежной политики с учетом совершенных ошибок.

Автором было проведено исследование среди студентов 1 - 4 курсов бакалавриата МГИМО с целью выявления видения возможного решения проблемы отношений «власть – молодежь» именно глазами молодежи. Респондентам была предложена анкета с различными типами вопросов: единственным ответом, множественным выбором, оценкой по 10-балльной шкале и открытыми вопросами с возможностью написать свое мнение более четко и подробно. Средний возраст респондентов составил 20,44 года. «Насколько от 1 до 10 человек интересуется политикой в целом?» - первый тематический вопрос анкеты. Средний ответ – 5,3 из 10, учитывая, что равное и преобладающее количество отметило варианты «4» и «6», рядом стоящие с серединой ряда, что значительно усредняет оценку. *Средний уровень показывает наличие желания студентов быть в курсе проводимой государством внешней и внутренней политики.* Далее для данного исследования важно было выяснить то, что же действительно молодежь понимает

под молодежной политикой государства. П.4 ст.2 ФЗ от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ "О молодежной политике в Российской Федерации" дает следующее определение. Молодежная политика - комплекс мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового, научного и иного характера, реализуемых на основе межведомственного взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления при участии институтов гражданского общества, юридических лиц независимо от их организационно-правовых форм и граждан Российской Федерации, в том числе индивидуальных предпринимателей, и направленных на создание условий для развития молодежи, ее самореализации в различных сферах жизнедеятельности, на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодых граждан в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности Российской Федерации [1]. Среди опрошенных усредненным ответом является «политика, направленная на реализацию прав молодежи; меры, принимаемые органами государственной власти для развития молодёжи, продвижения молодого поколения; политика, направленная на поддержание благополучия молодежи; вклад молодых людей в политику государства». Исходя из полученных ответов, цель молодежной политики, студентам понятна, однако в ответах совершенно не были указаны способы ее достижения или пути реализации политики, из-за отсутствия полного понимания того, как эта система работает, что и показывает нам статистика ответов на еще один вопрос из анкеты по оценке по 10-балльной шкале уровня осведомленности о деятельности государства в сфере молодежной политики. Рейтинг ответов составил 3,4, что говорит о низкой эффективности информирования государством молодежи о проводимой политике, организуемых мероприятиях, в которых может принять участие молодые люди и органах, ответственных за проведение политики.

Лишь 6,3% опрошенных считают, что молодежная политика в России скорее не нужна, оставшееся большинство выступает за наличие молодежной политики в России. Опрошенные студенты выявляют следующие наиболее важные и первостепенные задачи государства в сфере молодежной политики: выявить, в первую очередь, что необходимо молодежи при помощи опроса и открытости государства новым предложениям и идеям молодежи; больше освещать данную тематику, чтобы молодые люди были не только в курсе происходящего, но и активно вовлечены в проводимую политику; повысить финансирование молодежной политики и проводить больше мероприятий с участием молодежи. Действительно, все перечисленные предложения являются актуальными, так как молодежная политика находится на стадии становления, многие аспекты еще не доработаны, не систематизированы. По мнению опрошенных студентов наиболее важными направлениями должны являться образование и социальная поддержка и защита молодежи, вторым по значимости направлением стало просвещение в области культуры и третье место заняли новые технологии, бизнес и стартапы - четыре ключевые сферы, на которые государство должно обратить особое внимание при определении курса молодежной политики. Это подтверждается ответами на следующий вопрос о том, какие проблемы видит перед собой молодежь в ближайшие 5-7 лет: доступное здравоохранение; поиск интересной работы и трудоустройство; качественное образование, дающее прикладные знания, необходимые и достаточные для трудоустройства; возможности ведения здорового образа жизни, финансовая помощь обучающимся и вопросы создания семьи – основные вопросы, относящиеся, как раз, к социально-экономической сфере жизни общества. Молодежь видит решение данных проблем следующим образом: усиление информирования молодого населения о проводимых мероприятиях, о вакансиях; предоставление больших возможностей для влияния на принятие решений, связанных напрямую с жизнью представителей этой группы и создание более прозрачной и открытой системы власти для молодежи; постоянный контакт с молодежью с целью

отслеживания новых актуальных потребностей; повышение заработной платы и социальных выплат. 68,8% опрошенных ответили готовы и хотели бы уехать из России, если бы предоставилась такая возможность. Что же нравится молодежи в западном подходе к устройству государства и общества, что так нравится молодежи в России? Как выяснилось, это, в первую очередь, открытость и информирование, которых так не хватает молодежи в России, широкие возможности получения одновременно образования и практического опыта и поддержка государством инициатив молодежи в бизнес-сфере, в сфере инноваций и образования, культуры; наличие вакансий с достойной оплатой труда и возможностью совмещать работу с учебой.

Таким образом, в статье показаны полученные в ходе опроса данные о том, как видит молодежь улучшенную модель молодежной политики, каким она видит пути решения проблем. Молодежная политика еще не является устойчивой и изученной, что дает возможности для внесения изменений в молодежную политику для повышения ее эффективности и качественного удовлетворения большего числа потребностей молодежи.

1. *О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ. – Российская газета. – 2021. – 11 января.*
2. *Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Федеральная служба государственной статистики [официальный сайт] URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284?print=1> (дата обращения: 07.10.2021)*
3. *Балабанова Е.С. Социально-психологический подход к исследованию социальной активности молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskiy-podhod-k-issledovaniyu-sotsialnoy-aktivnosti-molodezhi> (дата обращения: 06.10.2021)*

АКТУАЛИЗАЦИЯ КРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВАЖНЫХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЗМОЖНОМ ОСОБОМ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПУТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА)

**Шиляева Анна Сергеевна,
Курапов Сергей Владимирович
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет "ЛЭТИ"
им. В.И. Ульянова (Ленина)**

В процессе общественного развития становится понятным то, что воплощение утопических

моделей идеального мироустройства невыполнимо. Однако, актуализировать представления молодежи о процессах, происходящих в обществе, необходимых для построения их индивидуальных траекторий в образовательной среде. При написании развернутых мнений по тому или иному вопросу, студенты формулируют свои основные ценности, связанные с важными сферами общественной жизни, тем самым учатся лучше понимать себя в контексте общества и дают большой материал для социологических исследований.

В научном мире у представителей гипотез «особого» пути России существует несколько противоположных идей. Одни опираются на геополитическое расположение России между Европой и Азией, при котором российское общество непроизвольно впитывает в свой «особый» культурно- цивилизационный путь их культуру [1, 107]. Между тем, другое направление научной мысли формирует мнение о том, что ни Восток, ни Запад не отразился на становлении России, которой свойственна собственная культура. Зиновьев А.А. разделял точку зрения о том, что «Россия никогда не сможет

стать частью Запада, который представляет собой уникальный и неповторимый феномен человеческой истории» [2]. Емелькина И.В. подчеркивает, что смысл бытия русского народа связан с

духовной сферой и культурой, которой в современных реалиях явно недостаточно [3, 42].

По результатам опроса 44 студентов выявлено что, «особый» путь у российского общества однозначно видят всего 14 респондентов, а 24 однозначно считают, что особый путь для России невозможен. Еще 6 отметили, что возможен смешанный вариант в силу воздействия различных обстоятельств. Молодые люди подчеркивали, что Россия является частью глобального мира с открытыми границами, при которых под воздействием всеобщей цифровизации, невозможно сохранение какого-либо самостоятельного пути. Вследствие разнообразия культурных традиций (21), уникальности расположения России между Европой и Азией (19), давлению из США (8), а также особого исторического пути, соединенный мировыми войнами и прививанием европейских ценностей,

начиная с времен Петра I (9 респондентов), студентам также невозможно или представить особый для России.

Особый культурно-цивилизационный путь достигается за счет закрытия границ (8), за счет уникальной русской культуры (8), за счет сильного лидера (7), за счет формирования уникальной идеологии, традиций и ценностей (по 4). Несколько респондентов предложили уделить значение семье, спорту, религии, русскому языку и формированию справедливой законодательной базы.

Из развернутых мнений возможно сформировать модель уникального российского общества для молодежи. Это справедливое толерантное общество высокой культуры, с развитыми социальными институтами, сочетание демократических и консервативных ценностей, в котором уважают другие культуры и истории других народов и государств, чтут законы и собственные традиции, разрабатывают высокие технологии и движут мировую науку вперед.

1. Мальченков С.А. Концепции особого цивилизационного пути современной России // Социально-политические науки. М.: ООО Издательский дом «Юр-ВАК», № 2, 2016. С. 107 – 110;
2. Зиновьев А. А. Я хочу рассказать вам о Западе [Электронный ресурс] <http://4as.info/pub/969>;
3. Емелькина И. В. Российский менталитет: сущность, объем понятия и социальная роль // автореф... дис. д-ра филос. наук. Современная гуманитарная академия. М., 2011 – 26 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Шляпников Виктор Валерьевич
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

Теория политической активности граждан относится к категории достаточно традиционных тем в социальных науках в России и мире. Тема политической активности изучается отечественными и зарубежными социологами, политологами, политическими психологами. В настоящее время одним из приоритетных направлений социологических исследований остаются проблемы, связанные с политической активностью молодежи [2].

Актуальность этой темы не вызывает сомнений, так как участие в политической деятельности находится в кризисе, особенно когда речь идет о молодежи, и это серьезная проблема, с которой сталкивается современное общество. Юное поколение, по-видимому,

имеет более низкий уровень политической активности, когда дело доходит до участия в традиционных формах политики, таких как голосование и членство в политической партии, по сравнению со старшими поколениями. Преимущественно молодежь является отстраненной частью населения от традиционных политических процессов в России. Более того, молодые люди не только не вовлечены, но и могут быть апатичными и отчужденными от традиционных форм политики [1].

Несмотря на значительный интерес, тема политической активности граждан вообще и молодежи в частности, представляется недостаточно исследованной. Изучение данной темы и опытными и только начинающими исследователями, может предоставить дополнительные возможности для анализа моделей политического поведения молодежи и более эффективного прогнозирования её участия в политической жизни общества.

В целях оценки уровня политической активности молодежи Санкт-Петербурга, в марте 2021 года было проведено социологическое исследование среди студентов Института безопасности жизнедеятельности Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. Задачи исследования состояли в анализе отношения студентов к политической сфере жизни и в определении степени значимости политики в жизни студентов. В процессе исследования респондентам задавались вопросы об интересе к общественно-политической проблематике, желании работать в политической сфере, источниках информации о политической жизни страны, факторах, влияющих на вовлеченность в политические процессы. В качестве метода использовалось анонимное анкетирование.

На основании проведенного эмпирического исследования можно сделать вывод, что большинство респондентов не испытывает интереса к политической жизни страны, а также не хотело бы связывать свою жизнь с политической деятельностью в будущем. Среди основных факторов, которые препятствуют включению молодежи в политические процессы, в основном отмечаются незаинтересованность, неинформированность и бесперспективность единичного участия.

Несомненно, что от характера политической активности молодых людей во многом зависит состояние баланса между потребностью общества в сохранении стабильности и одновременно в постоянном обновлении. Исследование политической активности студентов поможет определить меры, направленные на повышение уровня осознания молодежью необходимости участия в политической жизни страны.

1. Игнатова Т.В. Политическая активность как основная форма политического участия российской молодежи // Политические знания. 2015. № 36. С. 118-127.
2. Тихонов В.Г. Социально-политическая активность Российской студенческой молодежи: социологический анализ: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. соц. наук (15.12.11) / Тихонов Виталий Геннадьевич; ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет». – Краснодар, 2011. — 37 с.

ВОЗВРАТНАЯ МИГРАЦИЯ В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Щеглова Дарья Константиновна
ФГБОУ ВО "Алтайский государственный университет"

Работа подготовлена в рамках выполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ № НШ-2632.2020.6 «Возвратная миграция и миграционная политика: адаптивные стратегии переселенцев и

принимающего населения в приграничных регионах России» (2020-2021 гг.)

Тема миграции и миграционных процессов актуальна всегда, с каждой эпохой ее потенциал и важность раскрывается с новой стороны. Причины миграции разнообразны: военные, политические, экологические, социальные, экономические. Миграция может подразделяться по множеству оснований: по способу организации – организованная и стихийная; по основанию пересечения границ государств – внешняя и внутренняя; на основании времени – безвозвратная и возвратная (временная). Возвратная миграция бывает сезонной и маятниковой.

Возвратная миграция имеет свою типологию. Так, на основании участия государственных систем в процессах миграции, возвратная миграция подразделяется на стимулируемую и нестимулируемую.

Для определения настроения принимающего общества по отношению к мигрантам было принято выявить мнение молодежи, как наиболее гибкой и прогрессивной категории населения.

На основании данных, которые были получены в ходе социологического исследования «Возвратная миграция и миграционная политика: адаптивные стратегии переселенцев и принимающего населения в приграничных регионах России», был сделан ряд выводов, позволяющих узнать оценку мигрантов, в том числе возвратных, современной молодежью. В рамках данной работы под молодежью подразумевались люди в возрасте от 15 до 35 лет.

Молодые люди чаще отмечают, что отношения между представителями различных национальностей в их регионе улучшились, однако четверть от числа опрошенной молодежи отмечает некоторое ухудшение межнациональных отношений. Помимо этого молодые люди отмечают, что они не рискуют утратить свою национальную идентичность. Молодежь говорит о том, что в их регионах мигрантов много, при этом мигранты, по оценке молодежи, являются преимущественно представителями другой национальности. В большинстве своем молодые люди к мигрантам относятся равнодушно, но пятая часть опрошенной молодежи испытывает отрицательные настроения по отношению к приезжим. Несмотря на преимущественно нейтральное отношение к мигрантам, молодые люди отмечают, что дополнительно в их регионы не нужно привлекать мигрантов. Свои чувства к возвратным мигрантам молодые люди преимущественно оценивают как нейтральные, однако и молодежи с негативным настроением практически нет. По отношению к возвратным мигрантам молодые люди придерживаются чаще прогрессивных взглядов, отмечая, что люди могут жить там, где им больше нравится, и опыт возвратных мигрантов может быть полезен нашей стране. Негативные суждения в оценках возвратных мигрантов молодежью присутствует, но носит единичный характер. По отношению к возвратным мигрантам молодые люди настроены более позитивно, чем к простым мигрантам.

СПЕЦИФИКА И ПРИЧИНЫ МИФОЛОГИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ МОЛОДЁЖИ

Юданов Михаил Михайлович

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова

Значительная часть современной трудовой активности так или иначе сопряжена с процессами рутинизации, что противоречит с активной социальной жизнью, предлагаемой молодёжи средствами массовой информации и ведущими популярными личностями (блогерами, стримерами). Противоречие между потребностью работодателей

в соблюдении жёстких стандартов и правил и формируемыми установками на творческий труд со стороны медиа-систем разрешается молодыми людьми в разнообразных формах [1, 83].

Система военного воспитания стремится нивелировать отмеченные установки, однако сам факт противопоставления воинских традиций и общества потребления остаётся актуальным. Молодые люди определили для себя иной выход из ситуации, сопряжённый с мифологизацией собственного сознания и ритуализацией отдельных видов деятельности [2, 311]. В связи с этим возрос интерес молодых людей к славянским и скандинавским культам, которые рассматривали защиту населения как особую миссию, наделённую специфическими ритуалами, символами и значением.

С целью анализа причин популяризации скандинавских и славянских культов в среде молодёжи автором было проведено исследование посредством контент-анализа источников в социальных сетях. Было проанализировано 283 источника за 2020 год. Статьи отбирались по принципу наличия ключевых слов и словосочетаний-маркеров. Подсчёт производился по методике Алексеева. Качественный анализ рассматривал основные тематические направления статей и их содержательную характеристику.

Данные исследования показали, что в 29,3 % статей ориентированы на восхваление личностных и профессиональных качеств воина. В группе наиболее отмечаемых качеств можно упомянуть: отвагу, храбрость, самоотверженность, целеустремлённость и успешность. Таким образом, образ воина, терпящего лишения, компенсируется имиджем успешного человека, реализовавшего свой потенциал даже в случае гибели в ходе боевых действий.

Военное дело, сражения и гибель в бою представляются как определённого рода смысл жизни (42,7 % статей), при этом, вне зависимости от результатов конкретного воина, его профессиональное призвание рассматривается как исчерпывающий аспект смысловой ориентации. 18,3 % статей нацелены на снижение стресса, обусловленного профессией – упоминаются ритуалы и символы, нацеленные на обеспечение удачи в бою или неуязвимости их обладателя. Достаточное внимание (11,2 %) уделено процессу посвящения воина, его становлению.

Таким образом, мифологизация сознания молодых людей в значительной мере может быть обусловлена спецификой выбранной профессии и выполнять функции морально-психологической поддержки. Однако в целом, данная тенденция при наличии признаков массового вовлечения молодых людей в подобные культы может содержать риски психических расстройств и моральной дестабилизации. Подобный феномен нуждается в комплексном исследовании с целью максимально заменить подобную потребность внутренними ресурсами социальных систем: психологическими службами, системой работы с персоналом и другими механизмами.

1. *Грошева И.А. Модальная личность: портрет с отклонениями // Социологические исследования. 2009. №3. С. 82–88.*
2. *Грошев И.Л. Специфика формирования человеческого капитала в вооружённых силах // Современные тренды российской экономики: вызовы времени – 2017: материалы международной научно-практической конференции в 2-х томах / ТИУ; отв. ред. С. Г. Симонов. Т.2. Тюмень: ТИУ. 2017. С. 311–314.*

ПРОБЛЕМА ПРЕВЕНЦИИ КИБЕРБУЛЛИНГА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Яковлева Диана Витальевна
Санкт-Петербургский государственный университет

Повсеместная цифровизация вызывает обеспокоенность новыми рисками для молодёжи, которые привносит Интернет. По данным исследования Mail.ru Group в 2019

году 45% пользователей Рунета от 14 до 17 лет, а также 51% пользователей от 18 до 24 года поделились, что интернет не является безопасной средой из-за кибербуллинга. [2] Вместе с тем, последствия травли не проходят бесследно и порой могут довести жертву до суицида. Для недопущения такого исхода важно осуществлять профилактику явления, однако зачастую это трудно из-за недостаточного внимания специалистов по работе с молодежью к данной проблеме.

Феномен агрессии в Интернете не новый: еще в 1990-х годах Б. Белси определил термин «кибербуллинг» как намеренную повторяющуюся травлю через использование современных технологий. [3] Кибербуллинг отличается особенностями, из-за которых его огласка осложняется: это неограниченность в пространстве и по времени, отсутствие физических следов насилия, высокий риск психологических травм, отсутствие законов о борьбе с кибербуллингом, открытый характер социальной системы, инверсность участников.

На сегодняшний день система превенции кибербуллинга среди молодежи в России несовершенна: отсутствуют рабочие антикибербуллинговые программы, которые реализовывались бы в образовательных и социальных учреждениях; нет специальных законов о кибербуллинге; недооценена роль сторонних наблюдателей, с которыми тоже важно проводить работу.

Главная цель превенции — снижение рисков возникновения острой агрессии и травли в Сети. Этого возможно достигнуть при работе на трех уровнях: со всеми интернет-пользователями через просвещение о проблеме; с группами-риска, к которым могут быть отнесены подростки и молодые люди с повышенной агрессивностью или виктимностью; с участниками кибербуллинга с целью предотвращения рецидива. [1, 14-15]

Особую актуальность представляет превентивная работа в образовательных учреждениях, поскольку чаще всего именно подростки и молодежь становятся активными участниками кибербуллинга. Поэтому специалисты по работе с молодежью должны активно участвовать в разработке профилактики для образовательных учреждений, в которую входили бы создание информационных проектов, флешмобов, проведение просветительских бесед, тренингов по профилактике агрессивного поведения, формированию коппинг-стратегий и другие мероприятия.

1. Шипунова Т. В. *Технология социальной работы. Социальная работа с лицами девиантного поведения : Социальная работа с лицами девиантного поведения : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Т. В. Шипунова. — М.: Издательский центр «Академия», 2011. 14-15 с.*

2. Нет кибербуллингу. Об исследовании // Исследование Mail.ru Group, 2019. URL: <https://kiberbulling.net/2019/about.html> (дата обращения: 28.09.2021).

3. The World's First Definition of "Cyberbullying" // www.cyberbullying.ca. URL: <http://cyberbullying.ca/> (date of treatment: 07.10.2021).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Яковлева Марина Николаевна

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Молодежь - это особая социально-демографическая группа, которую отличает инновационный потенциал, установки на самоопределение, свободу и самореализацию. Адаптируясь к будущим изменениям, она в то же время формирует образ будущего и несет функцию его социального воспроизводства. Однако в современной России

отсутствует государственная идеология, задающая четкие ценностные ориентиры развития общества. Почти 20 лет образование в России трактовалось как сфера услуг, из которой убрали функцию воспитания. В условиях глобализации и цифровизации на социализацию молодежи сегодня влияет Интернет, который находится вне контроля государства. Глубокое имущественное расслоение российского общества, диспропорции регионального развития страны создают неравные условия для социализации молодежи. Все это обуславливает особенности формирования новых поколений, и актуализирует вопрос, насколько российская молодежь будет готова справиться с вызовами, стоящими перед страной.

Среди наиболее актуальных современных вызовов можно отметить необходимость перехода страны на инновационный путь развития на базе цифровых технологий, что востребует высокий уровень образования и профессионализма. Вызовы в социокультурной сфере проявляются в столкновении традиционных и современных ценностей, что в условиях глобализации актуализирует вопрос о сохранении русской цивилизации как системообразующей для нашей страны. Это усиливает необходимость сохранения самих основ российской культуры, знания и уважения к истории, духовным ценностям многонационального народа России, уникального опыта ответственности российских граждан за свою страну, ее будущее и будущее всего мира [1].

Решение задач эффективной самореализации молодёжи и повышения уровня её потенциала лежит в сфере государственной молодежной политики, реализация которой возложена на Министерство науки и высшего образования. Во взаимодействии с общественными организациями и движениями, представляющими интересы молодежи, министерство отвечает за создание условий для обеспечения здорового образа жизни, нравственного и патриотического воспитания молодежи, реализации профессиональных возможностей молодежи [2]. Кроме того, с 2008 г. реализацией мероприятий молодежной политики занимается Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) [3].

В России ежегодно проводится целый ряд таких мероприятий. Так, в 2020 г. были проведены мероприятия, посвященные 75-летию Победы, творческий форум «Таврида», профессиональные олимпиады, всероссийский форум «ПроеКТОриЯ» по профориентации, конкурс волонтерских проектов, международный фестиваль фольклора, конкурс «лидеры России», конкурс студенческих работ «Профстажировки 2.0», Международный молодежный образовательный форум «Евразия Global», федеральная программа «Ты – предприниматель», творческий конкурс Российская студенческая весна [4].

Однако, несмотря на многообразие мероприятий для молодежи, данные ВЦИОМ свидетельствуют об их низкой эффективности [5]. Представления в референтных группах о государственной молодежной политике размыты и фрагментарны. Причина – в отсутствии унифицированного понимания понятия «молодежная политика» и общей стратегии развития молодежной политики, объединяющей ее отдельные компоненты. Молодежная политика не охватывает всю молодежь, а направлена, главным образом, на ее актив. При этом она фиксируется не столько на реальных проблемах молодежи, сколько на удовлетворенности «заказчиков», и зачастую носит имитационный характер. Тем самым, вне рамок молодежной политики остаются большие группы молодежи, прежде всего работающей.

По данным социологов новое поколение российской молодежи сегодня дифференцировано по самым разным основаниям, в том числе по доступу к материальным благам, культурным ценностям, возможностям самореализации. [6]. В отсутствии общего ценностного поля портрет молодого поколения сегодня носит очень противоречивый характер. Прослеживается как рост индивидуализма с ориентацией прежде всего на себя, так и стремление быть полезным обществу.

В наших исследованиях мы фиксировали у молодежи многолетний тренд на рост более прагматичного подхода к жизни при снижении значимости нравственно-этических

ценностей [7]. В достижении успеха на смену образованию, добросовестному труду, квалификации, которые когда-то преобладали у молодежи, со значительным отрывом пришла прагматическая мотивация – деньги [8, 84]. Межпоколенческие различия отчетливо проявляются в разных сферах деятельности. Так, например, принципиально различны коллективные портреты поколений в бизнесе. Ориентированный на творческий поиск и инновации индивидуалист, но стремящийся действовать в интересах своей семьи и общества, сменил ответственного и прагматичного человека труда, больше ориентированного на личное выживание [9].

Цифровизация и виртуализация социальной жизни оказывает заметное влияние на юное поколение. Сегодня уже у представителей молодежи 29-30 лет стало встречаться восприятие более юных россиян (24-25 лет) как другого, отличного от них самих поколения. Они отмечают снижение у многих юных россиян уровня образования, нравственности и этики, неспособность к упорному труду, при одновременной ориентации на высокие доходы и занятие блоггерством как наиболее привлекательным видом деятельности.

Социологи обращают внимание на неоднозначные и непредсказуемые сегодня последствия цифровизации социальной жизни [10]. Нарастание функциональности и технократичности всех сфер жизнедеятельности пока не позволяет ответить на вопрос: кого формируют новые подходы к воспитанию и образованию и как изменится восприятие мира человеком, с детства проводящим больше времени в смартфоне?

Социальная динамика востребует изменения и социологического инструментария. В условиях кризисного общества происходит изменение смыслов понятий, терминальные ценности могут терять свою роль смысложизненных ориентиров и переходить в инструментальные. Более чувствительные методы и процедуры позволяют точнее фиксировать происходящие перемены, связанные с формированием в смысловом пространстве реальности молодежи сложных конфигурации значений, которые носят далеко не очевидный характер. Так, сочетание традиционных и современных смыслов отражается в ценностной структуре молодежи, определяя ее неоднозначные реакции на события и явления социальной реальности, выбор конкретных форм поведения [11].

Таким образом, при всем разнообразии направлений социологического анализа молодежи, для того, чтобы он стал эффективным инструментом совершенствования государственной молодежной политики сегодня необходимо:

- присутствие в поле зрения социологов всех групп молодежи, дифференцированных по разным основаниям, выявление их специфических ценностей и потребностей;
- совершенствование социологического инструментария в соответствии с характером современной социальной динамики;
- более пристальное внимание социологов к социокультурным последствиям цифровизации;
- социологический мониторинг результативности мероприятий молодежной политики.

Это может способствовать пониманию, с чем следует идти к молодежи, налаживанию диалога власти с разными группами молодежи и более комплексному развитию государственной молодежной политики в соотнесении с актуальными задачами развития России.

1. Самарина К.О., Нестеренко М.А. Молодежная политика: тенденции развития и принципы реализации // *Вопросы науки и образования*. 2019, №5(50). С. 73-76
2. Постановление Правительства РФ от 15.06.2018 № 682 «Об утверждении Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (ред. от 26.04.2019) // *Собрание законодательства РФ*. — 2018. — № 26. — Ст. 3851

3. Росмолодежь. Направления деятельности [Электронный ресурс]. — URL: <https://fadm.gov.ru/activity/scope> (дата обращения: 02.10.2021)
4. ТОП-20 главных событий 2020 года в сфере молодежной политики // Наша молодежь [Электронный ресурс]. — URL: <http://nasha-molodezh.ru/society/top-20-glavnyih-sobyitiy-2020-goda-v-sfere-molodezhnoy-politiki.html> (дата обращения 01.10.2021)
5. ВЦИОМ. Молодежь и молодежная политика. [Электронный ресурс]. — URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/molodezh-i-molodezhnaja-politika> (дата обращения 01.10.2021)
6. Мчедлова М. М., Гаврилов Ю. А., Кофанова Е. Н., Шевченко А. Г. Православная и атеистическая молодежь: ценностные ориентации, культурные предпочтения и историческая память // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / Отв. ред. М. К. Горшков. – М.: Новый Хронограф, 2017. С. 437 - 478.
7. Яковлева М.Н. Динамика ценностных ориентаций современной молодежи // Смыслы жизни российской интеллигенции / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редактор-составитель Д.Т. Цибилова - М.: РГГУ, 2018. С. 212-219
8. Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. – М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2016. – 166 с.
9. Козлов В., Ткачев М. Новое поколение в бизнесе: понять и масштабировать // «Эксперт Юг». 2020. №5 (442). С. 10-17. [Электронный ресурс]. — URL: <https://expertsouth.ru/news/novoe-pokolenie-v-biznese-ponyat-i-masshtabirovat/> (дата обращения 02.10.2021)
10. Аксенова О. В. Субъект социального действия в современном развитии России: актор, агент, никто? // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 2. С. 37–53. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.640
11. Зубок Ю.А., Любутов А.С. Смысловое пространство реальности: структурная таксономия оснований саморегуляции взаимодействий в молодежной среде // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 167–181. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.10

Секция 10. Гендерные исследования в социологии: традиции и перспективы

ЗНАЧЕНИЕ ГЕНДЕРА В ИССЛЕДОВАНИЯХ, ПРЕПОДАВАНИИ И РАЗВИТИИ УНИВЕРСИТЕТА ВЕХТЫ

Stein-Redent Renate-Rita Peter
Университет

Университет Вехты в области исследований, преподавания и развития придерживается требования "ответственного колледжа" в духе подхода "Ответственные исследования и инновации" (RRI), в котором принятие ответственности за изменяющееся общество, а также за разработку решений социальных проблем занимает центральное место. Понятие «гендер» закреплено в Учебном плане университета Вехты (2019 – 2023) [1]. В Плате равенства (2019-2024) подтверждается принцип равенства возможностей для всех полов с целью превратить университет в свободное от дискриминации пространство [2].

Гендер следует реализовать как устойчивую стратегию будущего выравнивания целей университета и понимать как предметную и междисциплинарную характеристику качества университета. Это связано с пониманием гендера как центрального принципа университетской культуры.

В частности, чтобы помочь интеграции гендерного измерения в исследования и преподавание с 2014 по 2018 гг. Университет Вехты был членом консорциума в проекте ЕС "Effective Gender Equality in Research and the Academia" (EGERA) [3]. Цели международного проекта заключались в реализации гендерного равенства в исследованиях и академическом обучении, а также в интеграции гендерной перспективы в содержание и результаты исследований. В Университете Вехты в рамках этого проекта были проведены мероприятия в различных форматах (в том числе групповое моделирование) для повышения осведомленности о гендерах и укрепления гендерной университетской культуры [4]. С 2013 г. Universität Vechta является членом государственного сообщества Учреждений по изучению женщин и гендерных проблем в Нижней Саксонии [5]. Созданный в 2021 г. Научно-исследовательский институт BERGVINK (образование, воспитание, общество: Институт интеграции Вехты) объединяет и продвигает междисциплинарные исследования пола и гендера [6,7].

В 2013 г. был создан докторский колледж гендерных исследований в Университете Вехты. В течение двух периодов финансирования (с 2013 по 2015 и с 2017 по 2020 гг.) докторанты проводили исследования по темам "Гендер и разнообразие". В 2019 г. совместно с ZEGD и учеными Университета была предложена междисциплинарная летняя школа для подготовки молодых ученых по социологии, экономике и науке об образовании [8]. Предложение сертификата "Гендер и разнообразие" также поощряет студентов к исследовательским проектам с гендерным акцентом с 2017 г. [9]. Таким образом, гендер живет в различных областях деятельности Университета Вехты. Эта работа имеет продолжение.

1. https://www.uni-vechta.de/fileadmin/user_upload/Marketing_Kommunikation/Praesidium_-_Bekanntmachungen_und_Berichte/HEP_2019-2023.pdf
2. https://www.univechta.de/fileadmin/user_upload/Zentrale_Einrichtung_Gleichstellung_Diversitaet/Downloads/Gleichstellungsplan_2019_2024_vom_Senat_beschlossene_Fassung_22.05.2019.pdf
3. <https://cordis.europa.eu/project/id/612413/reporting>

4. Rifà-Valls, M., Ponferrada M., Duarte L. (2014). Report on Mapping & Critical assessment of existing tools for including gender in research. www.egea.eu/fileadmin/user_upload/Deliverables/Report_on_Mapping___Critical_assessment_of_existing_tools_for_including_gender_in_research_8302.pdf
5. <https://www.nds-lagen.de/mitglieder/mitgliedseinrichtungen/gender-netzwerk-vechta/>
6. https://www.univechta.de/fileadmin/user_upload/Sozialwissenschaften/Gender_Zertifikat/Netzwerk_Gender_Studies_homepage_2021.pdf
7. <https://www.uni-vechta.de/bergvink>
8. <https://www.fg-gender.de/summerschool-geschlechterforschung-in-und-zwischen-den-disziplinen-02-06-09-2019-universitaet-vechta/>
9. <https://www.uni-vechta.de/sozialwissenschaften/gender-zertifikat>

ЖЕНЩИНЫ КАК ОБЪЕКТ НАСИЛИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МЕГАПОЛИСА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Алимова Маргарита Алидаровна
Санкт-Петербургский государственный университет

Насилие над женщинами как социальная проблема имеет многовековую историю. Вместе с тем она слабо изучена в социологии, поскольку вплоть до второй половины XX века была табуизирована. Она стала предметом общественных обсуждений только в связи с усилением второй волны феминизма.

ООН в 1979 году приняла Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, однако насилие все еще распространено во всем мире.

Согласно данным, опубликованным Всемирной Организацией Здравоохранения, каждая третья женщина (30%) во всем мире подвергалась физическому и/или сексуальному насилию [4]. Статистика по России за март - июль 2021 года показывает рост числа изнасилований и покушений на изнасилование, совершенных в общественных местах и на улицах, а также на дорогах, трассах вне населенных пунктов, т.е. в социальном пространстве. По данным Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, в марте 2021 года было зарегистрировано 90 случаев, в июне - 146, а в июле 2021 года – 188 [3].

Существуют различные методологические подходы к изучению феномена насилия. Например, ВОЗ в докладе о ситуации в мире “Насилие и его влияние на здоровье” опирается на **экологическую модель насилия**, согласно которой насилие понимается как результат воздействия множества уровней влияния на человеческое поведение [2, 13]. **Виктимологический** подход гласит, что женщина своим поведением «жертвы» сама провоцирует насилие. Частично такой подход представлен в работах У.Шнайдер [7, 175]. **Теория социального конструирования гендера** П. Бергера и Т. Лукмана утверждает, что социальная реальность является объективной и субъективной одновременно [5]. Согласно **теории разбитых окон**, причина криминогенной обстановки — в попустительстве и спокойном отношении к небольшим нарушениям порядка [6]. В урбанистике существует **концепция “глаза улиц”**: уровень преступности сильно падает, а пешеходы чувствуют себя безопаснее, когда улицы просматриваемы из домов, на них достаточно света и мест для сидения [1].

Эти методологические подходы позволяют глубоко анализировать данное социальное явление, а приобретённые студентами-социологами компетенции позволят осуществлять гендерно чувствительное социологическое сопровождение социальной, семейной, демографической, урбанистической политики.

1. Вместе не страшно: Как сделать городские улицы безопасней для женщин. [Электронный ресурс] — URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/219939-vamos-juntas> (Дата обращения: 29.05.21)

2. Всемирная Организация Здравоохранения. *Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире.* 2002. [Электронный ресурс] — URL: https://www.who.int/violence_injury_prevention/violence/world_report/en/full_ru.pdf (Дата обращения: 29.05.21)
3. Генеральная прокуратура Российской Федерации // *Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России.* [Электронный ресурс] — URL: <http://crimestat.ru/analytics> (Дата обращения: 02.10.2021)
4. *Насилие в отношении женщин* // Всемирная организация здравоохранения. [Электронный ресурс] — URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/violence-against-women> (Дата обращения: 20.05.21)
5. Шелехов И. Л., Залевский Г. В. *Личность современной женщины через призму системной структурно-уровневой концепции психики* // СДЖ. 2010. №36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-sovremennoy-zhenschiny-cherez-prizmu-sistemnoy-strukturno-urovnevoy-kontseptsii-psihiki> (Дата обращения: 31.05.2021).
6. George L. Kelling and James Q. Wilson *Broken Windows* // *The Atlantic. The police and neighborhood safety.* 1982. [Электронный ресурс] — URL: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1982/03/broken-windows/304465/?utm_source=copy-link&utm_medium=social&utm_campaign=share (Дата обращения: 02.20.2021)
7. Schneider U. *Körperliche Gewaltanwendung in der Familie: Notwendigkeit, Probleme und Möglichkeiten eines strafrechtlichen und Strafverfahrensrechtlichen Schutzes.* Berlin, 1987.

СЕМЬЯ В 21 ВЕКЕ

Аносов Юрий Александрович

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

Панова Алина Сергеевна (НИУ ВШЭ)

Институт семьи всегда считался основой общества и являл собой одну из важнейших и ключевых ценностей, созданных людьми. Семья выступает как социальный «каркас», в укреплении которого заинтересованы и отдельные индивиды, и общество, и государство в целом. С одной стороны семья – это древнейший устойчивый социальный институт, а с другой – динамично меняющаяся система, подверженная техническому и экономическому прогрессу. Новые условия жизни вынуждают социум перестраиваться и заново формировать представления о социально-значимых категориях и ценностях.

Состояние института семьи в России определяется одними учеными как упадок моногамной семьи (А.И. Антонов и В.М. Медков, М.С. Мацковский), другими со стороны трансформации семейных структур (А.Г. Вишневский, С.И. Голод, А.А. Клецин).

Семья XXI в. – это множество различных форм взаимодействия. Формируются десятки альтернатив культурных, религиозных, расовых комбинаций. На протяжении нескольких веков существования человечества считалось, что семья – это союз мужчины и женщины [1;2], но за последнее столетие появилось большое разнообразие того, как выглядят партнёры и в какие связи они вступают. Можно с уверенностью заявить, что у будущих поколений вариативность социальных отношений будет еще больше.

В период социальных трансформаций проявляется большое количество негативных последствий: уменьшение количества и длительности брачных союзов, демографические кризисы, отсутствие желания заводить детей (особенно как тенденция среди молодежи), как следствие – старение нации и другие социально-демографические проблемы.

В больших городах, в постиндустриальном обществе экономическая сторона выживания и существования в семье в значительной степени утратили свою значимость. Изменения семейных функций проявляются в том, что наблюдается перераспределение возможностей удовлетворения потребностей между семьей и обществом. Развитие общественного питания, бытовых и оздоровительных услуг, домашней техники, сферы

образования, досуга, воспитания детей снимают с семьи значительную часть бытовых проблем.

Мотивы самореализации в профессиональной сфере и карьера конкурируют со стремлением посвятить себя семейной жизни. Система межличностных коммуникаций усложняется. Раньше муж и жена были основными партнерами не только в хозяйстве, но и собеседниками в интересном общении. Но теперь индивид получает возможность, помимо семьи, принадлежать к различным малым группам.

Общая тенденция развития семьи состоит в том, что по мере приобретения некоторыми традиционными социально-экономическими функциями семьи подчиненного значения, все большая ценность придается психологической близости, интимности между членами семьи, особенно супругами. Формируется супружеский тип семьи, во главе которой лежат личные взаимоотношения жены и мужа, а дети воспринимаются как равноправные партнеры, самостоятельные личности, находящиеся в этой семье временно, до тех пор, пока не будут способны жить самостоятельно физически и психологически.

1. Конституция Российской Федерации (ст. 7, 38 и 72) URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_28399/
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/e816c719b5266ca4f28f9ae0c236ab2e8520f3e2/

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЖЕНСКОГО ТЕЛА: ПРАКТИКИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОК

Антонова Полина Олеговна
Санкт-Петербургский государственный университет

Тело – это не только биологический, но и социокультурный феномен. На индивида влияют культурные нормы, ценности и идеалы, существующие в обществе. Индивид в современном мире способен трансформировать свою биологическую природу, оказать влияние на тело и его физические параметры [1]. По сути, тело становится конструктом. «Скульптором» тела становится сам носитель. Конструирование тела - это проект, который позволяет человеку создать самого себя [2].

Объектом исследования, проведенного весной 2021 года, выступили девушки-студентки города Санкт-Петербурга и города Екатеринбурга, получающие образование в вузах по программам бакалавриата (очная форма обучения). Мы провели онлайн-анкетирование и опросили 200 девушек-студенток. Из них: 100 студенток вузов Санкт-Петербурга и 100 студентов вузов Екатеринбурга.

Результаты эмпирического исследования продемонстрировали, что в современной молодежной субкультуре циркулируют представления о выносливом теле как идеальном конструкте. Основными институтами становления представлений об идеальном теле выступают масс-медиа – фильмы, сериалы – демонстрирующие западные стандарты женского тела. Формирующаяся цифровая культура также определяет нормативные проекты, презентуя образцы через социальные сети, что актуализирует проблему развития цифрового тела. Основными практиками конструирования тела по оценкам девушек-студенток являются физические формы активностей и правильное рациональное питание. Эти практики можно определить как нерисковые, в отличие, например, от пластической хирургии и других методов внешнего воздействия. Лидирующие причины обращения к практикам конструирования тела выступает ориентация, прежде всего, на себя, которую

можно рассматривать сквозь призму культуры эгоизма или рационализма: девушки стремятся чувствовать себя комфортно, без «оглядки» на других. Забота о теле в повседневной жизни воплощается в соблюдении режима учебы/работы и отдыха, а также исключения из образа жизни табакокурения и алкоголя, и включения в него медико-профилактических мероприятий (употребление витаминов, регулярное посещение врача).

ПАРАДОКСЫ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

**Баранова Галина Васильевна,
Музалевский Владислав Игоревич
Академия ФСО России**

Социологическое сопровождение семейной политики в современном мире актуально и злободневно, поскольку в семье как общности, основанной на союзе мужчины и женщины и представляющей собой группу с единством интересов ее членов, закладываются нравственные основы, необходимые для становления личности. Но происходящие сегодня в обществе процессы доказывают ограниченность такой позиции. Социальная роль семьи изменилась. Сегодня институт семьи развивается в контексте таких парадоксальных процессов, как увеличение количества разводов, снижение значимости правовой регламентации брачно-семейных отношений, рост случаев рождения детей вне официального брака, появление и распространение нетрадиционных форм семьи (неполные семьи, фактические сожительства и т.д.) [1, с. 124].

В социологии на базе гендерных исследований изучается феномен разнообразия семейных отношений. К наиболее распространенному типу относится «гражданский» брак, в то время, как таковым по определению не является, а представляет собой незаконное сожительство. По данным ВЦИОМ, «гражданский» брак предпочитает 10% опрошенных, из них до 16% - молодежь до 34 лет, и это число динамично растет [2].

Суть парадоксальности «гражданских» браков заключается в том, что с одной стороны это упрощает процедуру создания и расторжения семьи, освобождает ее членов от юридических и денежных обязательств. Но с другой стороны отмечается:

- отсутствие социального статуса членов такой семьи. Официально союз не подкрепляется, то есть не обладает юридической силой [3];

- восприятие «гражданских» браков обществом как нелегитимные, отношения с низкой моральной и социальной ответственностью. Исследования показывают, что большинство мужчин, состоящих в таких отношениях, считают, что «ничего никому не должны» [4, с.38];

- отсутствие правовой защиты в случае расставания партнеров для отдельных ее членов и детей. Мужчина не имеет отцовских прав до тех пор, пока не станет отцом юридически, то есть не пройдет через процедуру усыновления [5, с.4]. Достаточно сложны притязания на имущество, нажитое вместе одному из партнеров [6, с.228].

Не считают, что сожительство браком 56% российских граждан, и 71 % убеждены, что рождению детей должна обязательно предшествовать официальная регистрация отношений [1]. 25% из числа опрошенных, находящихся в официальном браке и 20% живущий без заключения официального брака усматривают отличия, прежде всего, в степени ответственности и наличии обязательств: «если ты женат, то у тебя есть обязанности», «есть ответственность перед семьей в браке» [3].

Таким образом, парадокс гражданских браков заключается в том, что, несмотря на то, что это союз двух людей, принявших решение жить вместе и вести совместный быт, права такой пары на государственном уровне не имеют социальной защищенности. Соответственно, свобода выбора гражданского брака не гарантируют спокойствие и

стабильность партнеров. На современном этапе развития нашего государства необходима продуманная семейная политика в целях сохранения института семьи, повышения социальной защищенности партнеров.

1. *Брак и сожительство: ставим знак тождества? Электронный ресурс. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-i-sozhitelstvo-stavim-znak-tozhdestva> (дата обращения: 04.07.2021)*
2. *ВЦИОМ узнал, сколько россиян живут в незарегистрированном браке. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/697849> (дата обращения: 17.09.2021)*
3. *Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021, с изм. от 02.03.2021). Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 18.06.2021)*
4. *Реан А.А., Андреева Т.В. Психологические проблемы гражданского брака. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2009. №5. с. 36-44.*
5. *Чефранова Е.А. К вопросу о механизме регулирования имущественных отношений супругов (общие положения) // Российский судья. 2006. № 7. – 12 с.*
6. *Шушлова В.В. Правовые проблемы гражданского брака // Молодой ученый. 2018. №42. – с.221-237.*

«ГЕНДЕРНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» - ВАЖНАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИОЛОГА

**Беликова Марина Васильевна
ФНИСЦ ИСПЭН РАН**

В условиях современной противоречивой социально-экономической обстановки и появления новых вызовов как для фундаментальной науки, так и для прикладных исследований в сфере изучения самых разных аспектов жизни общества актуальными продолжают оставаться попытки определения значимости гендерных компетенций современного социолога и их реализации в исследовательской деятельности.

Сегодня развитие «гендерного интеллекта» (по аналогии с «социальным интеллектом» - Ю.С. Тукачѳва[1]) у социолога является неотъемлемой составляющей комплекса профессиональной подготовки. Повышение уровня этого «интеллекта» прежде всего позволяет личности самоопределиваться и идентифицироваться в социальном пространстве и, как следствие, правильно ориентироваться в получаемой информации и делать объективные выводы. В связи с этим, безоговорочным видится дальнейшее отстаивание закрепления в системе базового социологического образования компонента гендерного просветительского образования, позволяющего расширить и углубить «социологическое знание о гендерных различиях и отношениях»[2]. Под гендерным просветительским образованием мы понимаем систему методов и способов распространения объективных знаний о различиях и особенностях мужчин и женщин; об условиях и факторах, формирующих эти различия и специфику гендерных моделей поведения, а также об аспектах личности, связанных с процессом гендерной самоидентификации, общественными установками и ожиданиями в этой области.

Гендерные проблемы сегодня - неотъемлемая часть социальной практики, гендерные стереотипы содержат значимые социальные смыслы, гендерные нормы помогают обществу регулировать эту сферу жизни людей, а самому индивиду - вырабатывать собственный идеал и осознавать возможности самоактуализации в зависимости от гендерной принадлежности. Именно гендерный анализ помогает вскрывать противоречие между закреплѳнным де-юре равенством полов и определѳнными возможностями, уравнивающими в правах мужчин и женщин, с реальным положением дел в современном обществе.[3]

Таким образом, если для академической социологии одной из важных задач в данном направлении остаётся осмысление гендерного пространства в целом, а также проблем социума с позиций половой идентификации индивидов и предписываемых обществом социальных ролей[4], то прикладная социология особым образом заинтересована в развитии «гендерного интеллекта» у молодых социологов.

1. Тукачева Ю.С. *Гендерная парадигма в образовании // Общество: социология, психология, педагогика.* – 2011. – № 1-2. – С. 66-70.
2. Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. *12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие / Е. А. Здравомыслова, А.А. Тёмкина.* СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. -768 с.
3. Зборовский Г.Е. *Социология образования: учебное пособие / Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина.* М.: Гардарики, 2005. – 383 с.
4. Овчаренко С.В. *Становление и развитие гендерной проблематики в социологии и её отражение в сфере образования // Вестник Сургутского гос. пед. ун-та.* – 2012. - № 2. - С. 60-67.

НОРМАТИВНАЯ МОДЕЛЬ СЕМЬИ В СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКЕ, НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ.

Биккинина Джамиля Дамировна
Московский Государственный Институт Международных Отношений

Поиск идеальной модели семьи, полностью соответствующей потребностям современного общества и гарантирующей высокое качество брачно-семейных отношений, является одной из основных научных задач социологов и семейной политики государства.

Современной наукой выделяется две модели семейных отношений-традиционалистская и эгалитарная модели. Распространение обеих моделей семьи обусловило необходимость исследования влияния противоречий этих моделей на науку, семейную политику и представления молодежи. Для осмысления проблемы анализировались высказывания специалистов в сфере брачно-семейных отношений, тексты нормативных документов о семейной политике, данные социологических исследований.

В социальной науке дискуссия ведется о функциях и дисфункциях традиционалистской и модернистской моделях семьи для личности и общества. Государственное представление о благополучной семье содержится в Концепции семейной политики на период до 2025 года, которая провозглашает «утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи» [6]. Одновременно, Концепция семейной политики продвигает эгалитарную модель внутрисемейных отношений, артикулируя равенство профессиональных возможностей женщины и мужчины. Кроме того, существующая в настоящее время государственная концепция семейных отношений не содержит такие важные для молодежи положения, как разделение домашнего труда, взаимная ответственность супругов за материальное и психологическое благополучие семьи.

Опираясь на результаты социологических исследований о представлении молодежи о семейных отношениях [2,3,4,5] и изучив положения государственных актов в сфере семейной политики, автор приходит к нескольким выводам. Во-первых, современное молодое поколение рассматривает семью как пространство их

психологического комфорта, забывая о социальной роли и значении семьи. Во-вторых, государство рассматривает семью, в первую очередь, как социальный институт воспроизводства будущих поколений и оказывает поддержку семьям, рассчитывая на служение последних обществу.

Существующая семейная амбивалентность является современной реальностью, а имеющиеся противоречия моделей брачно-семейных отношений источником развития института семьи в России. Семейная политика в сфере семьи вынуждена отвечать новым вызовам и общественным потребностям.

1. Азизова Н. Р. Государственная семейная политика на современном этапе развития российского государства // *Социальное воспитание*. 2016. № 1. С. 32-40.
2. Белинская Д. В. Социальный портрет чайлдфри // *Вестник Тамбовского университета. Сер.: Общественные науки*. 2018. Т. 4, № 13. С. 12-19.
3. Вишневецкий Ю. Р., Ячменева М. В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям: (на примере Свердловской области) // *Образование и наука*. 2018. Т. 20, № 5. С. 125-141.
4. Назарова И. Б., Зеленская М. П. Репродуктивные установки студенческой молодежи: ценностный аспект: (обзор эмпирических исследований) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология*. 2017. Т. 17, № 4. С. 555-567.
5. Носкова А. В. Новые подходы в семейной политике в контексте меняющихся социальных реалий // *Социальная политика и социология*. 2016. Т. 15, № 5. С. 117-126.
6. Концепция государственной семейной политики в России на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // *Собрание законодательства РФ*. 2014. № 35. Ст. 4811.

ОБЗОР ГЕНДЕРНЫХ ТЕОРИЙ В СОЦИОЛОГИИ

Бицадзе Николоз

Российский университет дружбы народов

Данная работа посвящается обзору гендерных теорий, которые существуют в социологическом пространстве. Поскольку они представляют собой концептуальный инструментарий, который помогает гендерным социологам разобраться в эмпирическом мире, многие теории, обсуждаемые в данной работе, получают дальнейшее развитие в современных реалиях. Я делаю обзор основных гендерных, иногда и феминистских теорий в социологии, начиная с обзора того, что классические теоретики девятнадцатого и начала двадцатого века говорили о гендере, но сосредоточив основное внимание на теориях, разработанных с 1970 года, когда влияние активистов феминисток второй волны стал ощущаться в данной дисциплине. [3, 135-153] Работа демонстрирует многие другие типы современных феминистских теорий, которые отражают и значительно пересматривают богатое разнообразие теоретических традиций в социологии.

Важной оговоркой является, то, что не все теории, относящиеся к гендерным вопросам, являются феминистскими, хотя вся феминистская теория сосредотачивает большую часть или все внимание на гендере. Три особенности делают гендерную теорию специфически феминистской: первое это акцент на неравенстве, конфликтах и противоречиях, присущих гендерным установкам; второе предположение, что гендерные отношения не являются неизменными, а скорее переменчивыми социальными данными; и последнее нормативное обязательство того, что общества должны развивать равноправные гендерные механизмы. [2, 76]

Отцы-основатели социологии девятнадцатого и начала двадцатого веков жили в условиях международного протеста женских движений первой волны, интеллектуального, политического и социального уровней, которое побудило

большинство в том или ином виде обратиться к «женскому вопросу». [1, 402-406] Независимо от своих взглядов на феминизм, большинство из них ограничивалось обсуждением женщин в основном в контексте семейных проблем, эмоций и сексуальности, укорененными в более широких теориях, которые обычно подчеркивали важность других структур, в которых доминируют мужчины (например, социального класса и экономики, политики, правовой и военной системы, бюрократии и религия).

1. McDonald L. *Sociological Theory: the Last Bastion of Sexism in Sociology* // *The American Sociologist*. – 2019. – Т. 50. – №. 3. – С. 402-406.

2. Mohanty R. K. *Information Revolution and Empowerment of Women: A Gender Perspective* // *Contemporary Social Scientist*. – С. 76.

3. Zisook J. J. Chafetz, Janet // *Sociology of Religion*. – 2017. – Т. 61. – №. 2. – С. 135-153.

КОСТЮМ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПОЛЕ НАТИВИСТСКИХ ДВИЖЕНИЙ

Выхованец Алена Егоровна

Санкт-Петербургский государственный университет

Начиная с 1980-х гг. в России можно наблюдать тенденцию развития нативистских движений, которые стремятся «реконструировать» дохристианские верования и культуру Древней Руси. Так как исторических источников данного периода сохранилось достаточно мало, попытка реконструировать дохристианские представления о мире приобретает форму религиозного бриколажа (фр.: *bricolage*). [2] Возникновение этих движений связано с попыткой вернуться к некой «древней ведической мудрости» с одной стороны, и с актуальной экологической повесткой – с другой, поскольку архаические верования воспринимаются как религии, обожествлявшие природу и существовавшие с ней в гармонии.

В России начало 90-х годов XX столетия ознаменовалось плюрализмом «духовного поиска» и всплеском новой религиозности, которой, в частности, был свойственен интерес к архаической культуре и религии Руси. Появилось множество объединений и движений, стремящихся возродить «веру предков» и пытающихся реконструировать дохристианские верования и культы, обрядовые и магические практики. [3]

Нативистские движения представляют собой социокультурное поле, под которым понимается «относительно автономный участок социального пространства, обладающий надындивидуальной реальностью, порождаемой прямым или косвенным (через организации) взаимодействием людей». [5] У данного социокультурного поля есть *культурная программа*, которая строится вокруг интереса к русской культуре, традиции, нематериальному наследию, а также, что следует отметить, его интерпретации. Также социокультурное поле имеет свой характерный *язык*. Существует достаточно заметная *граница социокультурного поля*. Граница маркируется языком, риторикой в целом, а также соответствующим внешним видом участников поля.

Культурная программа данного социокультурного поля напрямую влияет на конструирование женской идентичности, о чем свидетельствуют материалы глубинных интервью, проведенных с представителями данной целевой группы. Для анализа самопрезентации личности используется драматургический подход, заложенный Ирвингом Гофманом [4] и концепция перформативной идентичности, предложенная Дж. Батлер [1]. Каждому информанту предлагает составить список самоопределений и для каждого из определения описать соответствующий данной роли костюм. Так, представители целевой группы помимо стандартного самоопределения «женщина» используют такие понятия, как «берегиня», «волшебница», «жрица».

В качестве наиболее подходящего женщине костюма в первую очередь отмечается длинная юбка, которая, по мнению информантов, позволяет «сохранять женскую энергию». Помимо этого, важным фактором становятся такие элементы одежды, как цельный крой, закрытые, швы, наличие ластовиц (элемент исторического кроя), традиционные узоры. Таким образом, костюм становится элементом визуального языка социокультурного поля, позволяет чувствовать сопричастность с желаемой группой, и восприниматься ею как «свой».

1. Butler, Judith. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. Routledge. 1990
2. Hervieu-Léger D. *Religion as a Chain of Memory*. New Brunswick: Rutgers University Press, 2000. 204 p
3. Гайдуков А. В. *Славянское новое язычество в России: опыт религиоведческого исследования // Новые религии в России: двадцать лет спустя: материалы Международной научно-практической конференции*. М.: Древо жизни, 2013. С. 169-180.
4. Гофман И. *Представление себя другим в повседневной жизни*. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000
5. Ильин В.И. *Драматургия качественного полевого исследования*. СПб.: Интерсоцис, 2006. — 256 с.

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Вэй Ицзюнь

Санкт-Петербургский государственный университет

Понятие роли на социологическом языке относится к нормам и поведению в рамках одного права и обязанности, которые согласуются с определенным статусом общества и нации, и это поведенческая привычка для людей с определенным статусом[1]. После реформ и открытости экономика Китая быстро развивалась. Хотя Китай добился больших социальных и экономических достижений, он по-прежнему сталкивается с проблемой «несбалансированного и неадекватного развития». Эти проблемы существуют не только в экономической сфере, но и в сферах общества, культуры, политики и даже экологии[2]. Гендерная асимметрия в современном китайском обществе - одна из проблем, не соответствующих темпам экономического развития.

Прежде всего, для решения этой проблемы необходимо дальнейшее повышение статуса китайок и расчистка каналов для карьерного роста. После основания Нового Китая положение женщин значительно улучшилось. Благодаря продвижению правительством Китая концепции «равенства между мужчинами и женщинами» число образованных женщин в Китае увеличивается, а рост экономического потенциала также позволяет современным китайским женщинам иметь новое духовное стремление. Но на самом деле это требование новой женской роли часто подавляется патриархатом и культурой потребления. Патриархат не дает женщинам достаточного статуса и возможностей для карьерного роста[3].

Во-вторых, необходимо и дальше развивать женскую рабочую среду в

«репродуктивном» направлении. Общий коэффициент рождаемости (СКР) Китая в настоящее время ниже 1,5, и сверхнизкий коэффициент рождаемости будет самым большим риском для населения, с которым Китай столкнется в

будущем[4]. Потому что, помимо государственных служащих и служащих государственных предприятий, большинство женщин на рабочем месте сталкиваются с трудным выбором между безработицей и рождением детей.

Наконец, также важно, чтобы определение гендерных ролей женщин шло в ногу со временем. Помимо многих китайских мужчин, есть довольно много китайских женщин, которые воспринимают для себя работу по дому как должное. Существует также очень распространенное явление: если ребенок заболел, общество будет принимать как должное халатность матери. И отец лишь изредка забирает ребенка поиграть или ведёт в школу, при этом люди будут хвалить его как хорошего отца, но на самом деле это преимущественно обязанность матери.

Следует подчеркнуть, что актуальность гендерной проблематики активизирует гендерные и социогендерные исследования и формирует потребность в подготовке высококвалифицированных кадров в области гендерной социологии в современном Китае.

1. 周全德 (Zhou Quande). 追踪女性成长的历史轨迹. 中华女子学院山东分院学报, 2009.
2. 陆学艺 (Lu Xueyi). 当代中国社会阶层. 北京: 社会科学文献出版社, 2018.
3. 邹韵 (Zou Yun)、薛梅 (Xue Mei). 揭秘父权与资本主义如何勾结与妥协. 中国妇女报, 2020.
4. 穆光宗 (Mu Guangzong). 中国的低生育率问题及对策. 澎湃新闻, 2021.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТАТУС ЖЕНЩИН В РОССИИ И КИТАЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.

Ганеева Ильнара Маратовна
Санкт-Петербургский государственный университет

Гендерная статистика и результаты исследований о положительном влиянии женской рабочей силы на процент ВВП национальных экономик, актуализируют потребность в изучении данного феномена. Среди российских и китайских ученых следует выделить таких исследователей как Лобызенкова В.А., Коваленко Н.А.[1], Мезенцева Е.Б.[2], Лу Ли[3] и Се Цзясинь[4]. Исследованиями на данную тему занимались К. Эльборг-Войтек, М. Невяк, К. Кочхар, С. Фабрицио, К. Кподар, Ф. Уинжендер, Б. Клементс, Г. Шварц[5] и другие.

В нашем исследовании был проведён сравнительный анализ социально-экономического положения женщин в России и Китае. В фокусе исследования - женщины как социодемографическая общность, в качестве предмета исследования, соответственно, рассмотрен их социально-экономический статус. Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать различные и схожие аспекты проблемы социально-экономического статуса женского населения России и Китая. В соответствии с целью исследования, были поставлены основные задачи: описание теоретико-методологических аспектов, исторический экскурс, изучение теоретических и статических данных, посвящённых теме, и проведение эмпирического исследования для сравнения социально-экономического статуса женщин в России и Китае в современных условиях.

Основными эмпирическими методами выступили анкетирование и интервьюирование экспертов. В сентябре-октябре 2021 года в ходе исследования был проведён анкетный опрос. Пользуясь основным видом вероятностной выборки - простой случайной выборки, в опросе смогли принять участие как женщины, так и мужчины различных возрастных групп и социальных положений. В пунктах опроса необходимо было подчеркнуть мнение анкетированного о настоящем положении и перспективах повышения социально-экономического статуса женщин России и Китая. В экспертном опросе выборка была целевой. Конкретно была выбрана критериальная выборка, то есть

отобраны респонденты-ученые, специализирующиеся в области гендерной и экономической социологии.

В ходе работы были выявлены актуальные данные о гендерном дисбалансе в различных сферах занятости, возможностях и ограничениях в реализации карьерах женщин в России и Китае. Несмотря на многие положительные изменения, перспективы повышения социально-экономического статуса женщин неустойчивы. Однако при должном внимании со стороны исследователей-социологов и, безусловно, при проведении социальной политики, направленной на поддержание высокого положения женщин, возможно избежать неблагоприятных тенденций ухудшения социально-экономического статуса женщин в российском и китайском обществах.

1. Лобызенкова В.А., Коваленко Н.В. *Методология исследования изменения роли и экономического статуса женщин в социальной структуре современного общества. Вестник экономики, права и социологии, № 3, 2014.*
2. Мезенцева Е. Б. *Гендер в программах социально-экономического развития: анализ международного опыта //Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики. М., 2002. С. 38-70.*
3. Лу Ли. *Эмпирическое исследование взаимосвязи между экономическим статусом женщин и человеческим капиталом женщин [J]. Population Research, 1997, 21 (2): 50-54. 鹿立. 妇女经济地位与妇女人力资本关系的实证研究[J]. 人口研究, 1997, 21(2): 50-54.*
4. Се Цзясинь: *Может ли улучшение экономического положения защитить женщин от домашнего насилия? /Институт экономики и общества Цзинаньского университета, 2020. 谢佳欣: 经济地位的提升能否使女性免受家暴 /系暨南大学经济与社会研究院, 2020. URL: https://m.thepaper.cn/newsDetail_forward_10134680*
5. Эльборг-Войтек К. и др. *Женщины, труд и экономика. Макроэкономические выгоды гендерного равенства //Документ персонала МВФ для обсуждения. – 2013. – №. 10.*

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ДОБРОВОЛЬНОЙ БЕЗДЕТНОСТИ

**Гараева Эльнара Ильфатовна,
Быкова Елизавета Игоревна**

Уральский институт управления филиал РАНХиГС

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90076 «Добровольная бездетность в современной России: социологический анализ»

Становление и институционализация гендерных исследований в России берет свое начало с 90-х годов XX в. Отличительной особенностью этого периода является начало теоретического осмысления и публичное проговаривание проблемы пола в культуре, науке и общественной жизни. Связано это с появлением запроса на новое знание об обществе, в том числе о том, какие роли отводятся в нем мужчинам и женщинам [3, 29].

Гендерные исследования особенно актуальны в изучении института семьи, который в настоящее время переживает серьёзные трансформации. Преобладание личных интересов над общественными, изменение гендерных ролей – всё это приводит к трансформации традиционных семейных ценностей. Одним из последствий этих изменений является распространение в обществе такого феномена, как добровольная бездетность. Согласно исследованиям Левада-Центра, опубликованных в 2019 году, 9% россиян указали, что хотели бы остаться добровольно бездетными [1].

В связи с актуальностью изучаемого феномена авторами было проведено полужурнализованное интервью для изучения добровольной бездетности с социологической точки зрения (N=36 сторонников добровольной бездетности в возрасте

от 18 до 49 лет). Исследование подтвердило гипотезу о существовании гендерного различия при выборе бездетного образа жизни, а также различий мотиваций данного выбора. Для мужчин ключевой ценностью является желание жить комфортно; женщины руководствуются при выборе бездетного образа жизни ориентацией на сохранение устоявшегося семейного уклада, а также из-за опасения за здоровье и возможных детей.

Опрос показал, что активнее о своем нежелании иметь детей говорят именно женщины. Мы считаем, что это обусловлено тем, что именно женщины больше подвержены давлению со стороны социума при выборе бездетного образа жизни.

С одной стороны, этому есть логическое объяснение – общество в своем большинстве считает, что стать матерью — это основное женское предназначение, а карьера, хобби, путешествия и т.д. — это второстепенно. Тем не менее, распространенность добровольной бездетности следует рассматривать не только среди женщин, но и среди мужчин. Таким образом, добровольно сознательная бездетность – это добровольно осознанный ценностно–рациональный выбор, как женщин, так и мужчин, никогда не иметь детей при биологической возможности к рождению детей.

1. *Желаемое и ожидаемое число детей [Электронный ресурс] — URL: <https://www.levada.ru/2019/11/25/>*
2. *Сведения о числе зарегистрированных родившихся, умерших, браков и разводов за январь – август 2021 года. [Электронный ресурс] — URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/edn08_2021\(2\).htm](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/edn08_2021(2).htm)*
3. *Хоткина З. А. Российским гендерным исследованиям 30 лет: ретроспектива и перспективы/Женщина в российском обществе 2020. № 2. С. 29*

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК ЧАСТНАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Гудко Алина Александровна
ЮРИУ РАНХиГС

В современном мире еще существует проблема гендерного неравенства во всех областях общественной жизни. Чуть меньше половины россиян считают женщин не самыми лучшими и выгодными работниками. Женщины настроены против самих себя и против других женщин, считая, что многим из них совсем не место в некоторых сферах. В системе высшего образования имеются различия в распределении времени между мужчинами и женщинами, стереотипное отношение к женщинам в структуре управления – всё это отрицательные последствия гендерного диссонанса. [2, 2143]

Э. Дюркгейм в своих работах утверждал, что женщины не созданы для работы интеллектуальной, им стоит обратить внимание на домоводство. М. Комаровски же говорила о том, что, подчиняясь всемирному стереотипу, женщины предпочитают скрывать свои успехи и позволять мужчине в паре быть гораздо успешнее своей спутницы.

В России впервые данная тема масштабно была затронута в 1990 году на конференции: «Гендерные исследования: состояние и перспективы», на которой со своим докладом выступила Силласте Галина Георгиевна, которая определила для себя цель – сделать всё возможное для распространения такого направления в науке как «гендерная социология».

Что же такое «гендерная социология»? Гендерная социология – частная социологическая теория, основанная на изучении процесса развития, социального взаимодействия, возникающего между женщинами и мужчинами, опирающаяся на результаты анализа, проводимого с целью познания эволюции социальных статусов и отношений между данными общностями, учитывая стереотипы и культурные традиции. [1, 7]

У этой теории имеются и свои принципы, которых она строго придерживается: принцип приоритета – защищает права и интересы женщин, ставя их в приоритет; принцип социально-критического отношения – предполагает исключение дискриминации женщин в обществе; теория помогает обойти препятствия на пути сплочению.

Результаты гендерной социологии отражаются в различных государственных программах, затрагивающие положения женщин. Помимо этого, в нашей стране существует сеть научно-исследовательских центров, которые рассматривают вопросы, касающиеся гендерных исследований.

Стоит отметить ситуацию на государственной службе, ведь она издревле считалась «мужским» родом деятельности. Но в последние годы в России наблюдается феминизация госслужбы. В настоящий момент около 70% госслужащих именно женщины, но лишь около половины из них на руководящих должностях. Согласно социологическим опросам, женщине сложнее «взобраться на вершину» из-за руководства, которое часто недооценивает женщин. Считается, что именно у женщин гораздо меньше времени на работу из-за ориентированности больше на семью, поэтому особенно на них в плане карьерного роста не смотрят.

Таким образом, можно сказать, что женщины считают своей обязанностью совмещение работы и домашних дел. Если говорить о государственной службе, то женщины пытаются найти равновесие между качествами «женскими» и «мужскими», ведь именно последние делают работника наиболее ценным.[3, 483]

1. Силласте Г. Г. Гендерная социология как частная социологическая теория // *Социологические исследования*. 2000. №11. С. 6-15.
2. Швецова А. В. Гендерная этика в научном сообществе // *IV Всероссийский социологический конгресс. Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов*. 2020. С. 2138-2143.
3. Исупова О. Г., Уткина В. В. Молодые женщины в органах государственного управления России: факторы, определяющие карьерные траектории // *Журнал исследований социальной политики*. 2018. №3. С. 473-486

СЕМЕЙНО-БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Данилова Елена Олеговна,
Березина Яна Алексеевна**

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Насилие в семье является одной из наиболее опасных и агрессивных форм поведения, которое выражается в форме психологического, физического, сексуального или экономического насилия. Около 40% тяжких насильственных преступлений совершается в семьях [1]. На рецидивы конфликтов влияет то, что женщины уязвимы в целом и более терпеливы в сложных ситуациях – не спешат обращаться в правоохранительные органы или кризисные центры. В российском законодательстве отсутствует уголовное наказание за данное преступление, и женщины оказываются беззащитными перед агрессором.

Главная характеристика домашнего насилия – цикличность действий: напряжение, акт насилия и последствия («медовый месяц»). Последняя фаза опасна для жертвы, как и инцидент насилия – с помощью манипуляций агрессор вынуждает жертву остаться и тем самым повторить цикл. В этой фазе кроется проблема латентности насилия – жертва верит агрессору и не обращается за помощью. Конфликты и ссоры становятся систематическими в такой семье.

Исследование онлайн-хакатона социальных дата-проектов «Прожектор 2021» выявило, что за 2018 год 61% от общего числа убитых женщин были убиты своими партнерами или близкими родственниками. За 2018 год было убито 8300 женщин (данные Росстата), более 5000 из них – убиты в результате физического насилия в семье. При этом авторы проекта отмечают, что по данным МВД, за 2018 год было убито 253 женщины в результате семейно-бытовых конфликтов [2]. СМИ «Важные истории» приводит цифры исследования публичных приговоров за насильственные преступления против пожилых граждан: «82% пострадавших – женщины, а среди домашних тиранов большинство – мужчины (89%)» [3].

Опубликованные данные МВД за 2020 год показывают тенденцию к снижению случаев домашнего насилия в отношении женщин на 9,5% [1]. Но произошло увеличение обращений за помощью в кризисные центры. Во время карантина резко вырос уровень домашнего насилия, так уполномоченный по правам человека в РФ Т. Москалькова указывает на увеличение случаев в 2,5 раза [4]. Цифры показывают, что официальная статистика неточна и не приводит полные данные о масштабности социальной проблемы. Необходимы новые исследования и решительные действия.

Перед обществом и государством встают вопросы по преодолению гендерного неравенства; по организации профилактических мер, направленных на предотвращение насилия в семье; по совершенствованию социальной защиты в отношении женщин. Пострадавшим от насилия оказывают помощь центры социальной помощи, кризисные центры, экстренные телефоны доверия и др. Но они не могут в полной мере защитить жертву от следующих актов насилия. Для этого в России необходимо принять закон о профилактике семейно-бытового насилия, который будет защищать женщин от агрессора: изменение методики расчета статистических данных, оперативное принятие мер по защите женщин, запрет на контакт с жертвой (определенный период), профилактический учет агрессора, судебное защитное предписание и другое. Важно указать, что аналогичные законопроекты вносились в Государственную Думу РФ около 40 раз, но отзывались либо авторами закона (так как поправки искажали суть законопроекта), либо не принимались, ссылаясь на то, что подобные меры уже есть в существующем законодательстве.

1. *Домашнее насилие в России «Бьёт — значит любит?»* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.planeta-zakona.ru/blog/domashnee-nasilie-byet-znachit-lyubit.html/>.
2. *Проект Консорциума женских НПО «Близким лицом Близкому лицу» победил в хакатоне «Прожектор» 2021* [Электронный ресурс]. – URL: <https://wcons.net/novosti/proekt-konsorciuma-zhenskih-npo-blizkim-licom-blizkomu-blicu-pobedil-v-hakatone-prozhektor-2021/>.
3. *«Сын избил ее и угрожал убить после возвращения с рыбалки». 80% пострадавших от насилия пенсионеров стали жертвами своих родных* [Электронный ресурс]. – URL: <https://zona.media/article/2020/05/07/elder-abuse>.
4. *Число жалоб подскочило вдвое, а власти не смогли эффективно защитить жертв. Вот что выяснили общественные организации, изучавшие проблему* [Электронный ресурс]. – URL: <https://meduza.io/feature/2020/07/17/vo-vremya-karantina-v-rossii-rezko-vyros-uroven-domashnego-nasilija-chislo-zhalob-podskochilo-vdvoe-a-vlasti-ne-smogli-effektivno-zaschitit-zhertv>.

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ЖИЗНЕННОГО УСПЕХА

**Доброхлеб Валентина Григорьевна,
Махрова Ольга Николаевна
ФНИСЦ РАН**

материал подготовлен при поддержке гранта РФФИ №20-010-00036

Методология социального конструирования реальности и гендерного подхода позволяют выявить, как институты через проявление гендерных порядков ограничивают или задают возможности действия индивидов, которые не бесполое существа, а мужчины и женщины с определенными гендерными стереотипами [1. 293].

В 2021 году сотрудниками ИСЭПН ФНИСЦ РАН было проведено социологическое исследование ресурсного потенциала старшего поколения на примере одного из демографически старых регионов – в Тульской области. Число респондентов в возрасте 50 лет и старше составило 802 человек. Выявлено, что для старшего поколения существенным становится сдвиг в сторону нематериальных ценностей, при всей важности материального благополучия в условиях бедности широких слоев населения. Наиболее важные ценности респондентов: здоровье; дети, внуки. Материальное благополучие по значимости перемещается на третье место в целом для всех опрошенных. Ценность здоровья и для мужчин, и для женщин на первом месте по значимости. При этом ценность здоровья для женщин выше на 12,5 процентных пунктов, для них также выше ценности детей и внуков на 17 процентных пунктов. Пожилые респондентки выше на 2,4 процентных пункта оценивают материальное благополучие. Установлено, что ценность семьи выше для пожилых мужчин, чем для пожилых женщин на 14,4 процентных пункта.

Старость в нашем обществе имеет негативную окраску. Однако 10,0 процентов мужчин и 9,6 процентов женщин чувствуют себя наиболее счастливыми в возрасте 60+, по 5 процентов опрошенных как мужчин, так и женщин чувствуют себя наиболее счастливыми в возрасте 70+. Женщины (22%) чаще считают, что они успешные люди, чем мужчины (20,5%). «Скорее успешными» определили себя 39,6% женщин и 38,7% мужчин. Важным остается вопрос о том, можно ли считать общество благополучным, если в конце жизненного цикла более одной трети его граждан относят себя к тем, кто не добился успеха в жизни.

1. Доброхлеб В.Г. Победа в Великой Отечественной войне: гендерный аспект. Раздел 3.4 / Великая Победа советского народа: социально-политические и демографические аспекты. Монография / Ред. С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов и др. – М.: «Эконом-Информ», 2020, с.291-299.

РАЗВИТИЕ ПРОБЛЕМЫ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К МУЖЧИНАМ В СОВРЕМЕННОСТИ

**Дрововозова Евгения Викторовна
Уральский институт управления филиал РАНХиГС**

Гендерные установки, которые вырабатывались на протяжении многих веков, на сегодняшний день поддаются фундаментальным изменениям. Общественность уже не удивляется смешению и подмене половых ролей в институте семьи. Феминизация

общества динамично развивается, а вместе с этим возникают новые социальные проблемы.

Домашнее насилие, как одна из острых проблем современного общества, у большинства людей ассоциируется с применением силы в отношении женщин и детей. Факт в том, что подвергаться психологическому, экономическому, сексуальному и физическому насилию могут и мужчины, но сказать об этом в силах не многие. Данная проблема мало изучена и освещена в массах.

В следствие замалчивания фактов применения силы, у общества строятся определенные стереотипы, с которыми необходимо бороться, а у органов власти не формируется представление масштаба проблемы в связи с малым количеством обращений.

Необходимость озвучивания существующих проблем в отношении насилия очень важна, особенно если общество, само того не замечая, создало паттерн домашнего насилия в отношении «слабого пола» и детей. Проблема поддалась искажению под влиянием «гендерных войн». Так, в большинстве отчетов, касающихся семейного насилия, говорится исключительно о женщинах и детях как жертвах жестокого обращения, при этом умалчивается о возможных негативных последствиях для представителей «сильного пола», накладывается табу на сам факт возможности возникновения ситуации, где пострадавшим будет мужчина [1]. Об этом также свидетельствуют вторичные исследования: «Чаще всего домашнему насилию подвергаются женщины (57 %) и дети (36 %)» [3], «По мнению экспертов, объектами домашнего насилия чаще всего становятся женщины (42,6%) и дети (41,6%)» [2], где приводятся данные только о женщинах и детях.

Как правило, женщины обращаются за помощью намного чаще, чем мужчины, что способствует одностороннему рассмотрению проблемы семейно-бытового насилия. Мужчины не привыкли говорить о своих проблемах в силу стереотипного мышления общества.

Тема домашнего насилия над мужчинами, несомненно, является актуальной и требует социологического анализа с целью получения реального состояния данной проблемы. Предполагается провести авторское социологическое исследование, результаты которого могут быть применены в дальнейших теоретических и эмпирических исследованиях проблемы насилия в семье, а также в области деятельности специалистов служб социальной защиты населения.

1. Брайтцева Е. А. Домашнее насилие: мужчины также могут быть жертвами. *Социология и социальная работа Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 2007, № 1 (6), с. 14–19
2. Хилажева Г.Ф. *Насилие в семье как социальная проблема современного общества* https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24035777_73139474.pdf с. 63
3. Саламова С.Я. *Домашнее насилие в современной России: общая характеристика. Lex russica (Русский закон)*. 2018;(9):129-138.

ГЕНДЕРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ

**Ефанова Ольга Алексеевна,
Пискалова-Паркер Марина Петровна**
Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

В современном обществе семья и брак демонстрируют вариативные характеристики гендерного взаимодействия. В России социальные изменения последних

20 лет оказали неоднозначное влияние на гендерный порядок. С одной стороны, современная российская семья стремительно трансформируется под влиянием социальных преобразований. Определяющим вектором этих преобразований, по мнению специалистов, является движение от традиционной авторитарной модели семьи, для которой характерно наличие жестко разделенных и закрепленных мужских и женских ролей: мужчины как кормильца и главы семьи и женщины – «хранительницы очага», к современной семье, строящейся преимущественно на основе равенства супругов и сотрудничества внутри семьи [1, 141].

С другой стороны, общий уровень гендерного неравенства остается достаточно высоким. В основе его лежат сохраняющиеся гендерные стереотипы, влияние которых особенно проявилось в период самоизоляции с марта по май 2020 года. Наличие патриархальных традиций в семье в сочетании с гендерным неравенством в обществе в условиях пандемии COVID-19 создали ситуацию неравномерной нагрузки на женщин в сфере семьи.

По данным исследования ИСЭПН ФНИСЦ РАН, проведенное в конце апреля 2020 г., объем неоплачиваемого труда женщин дома в период самоизоляции увеличился в среднем в полтора раза. Увеличилось и время, затрачиваемое женщинами на уход за детьми. При этом следует иметь в виду, что половина (49,2%) опрошенных женщин в это время работали удаленно, а 20,6% ходили на работу, как обычно. Учитывая это обстоятельство, можно смело сказать, что нагрузка на женщин в период самоизоляции возросла многократно.

Другим значимым негативным последствием пандемии COVID-19, особенно режима самоизоляции, проявившем гендерную дискриминацию в семье, следует признать рост домашнего насилия. Согласно данным исследования ИСЭПН ФНИСЦ РАН, почти пятая часть (16,8%) опрошенных отметила учащение случаев насилия в семьях, преимущественно (62,3% всех известных респондентам случаев семейного насилия) в отношении женщин.

Таким образом, пандемия высветила тот факт, что достаточно широкое распространение гендерных стереотипов влечет за собой неуправляемый рост гендерного неравенства и домашнего насилия в кризисных ситуациях. Попытки замалчивать усиление гендерного неравенства в семье и рост домашнего насилия по отношению к женщинам в условиях пандемии препятствуют активному противодействию ее негативным последствиям, ухудшая положение женщин и тормозя продвижение по пути преодоления гендерного неравенства.

Преодоление гендерного неравенства в России является важным компонентом достижения Целей Устойчивого развития. Однако невозможно достигать равноправия в обществе, не меняя ситуацию в семье, поддерживая гендерные стереотипы.

1. Хоткина З.А., Доброхлеб В.Г., Русанова Н.Е. Гендерные проблемы в современной России и методология их анализа // *Народонаселение*. 2018. Т.21. №4, с.135-149
2. Ефанова О.А., Писклакова-Паркер М.П. Социальные последствия COVID-19: гендерный аспект. // *Социальные процессы современной России / Под общей редакцией проф.З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т. 2 – Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2020, с. 292-296*

ФЕНОМЕН ЖИЗНИ СОЛО ГОРОДСКИХ МУЖЧИН

Жураховская Анастасия Юрьевна
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

«Жизнь соло» — новое социальное явление городского одиночества, осознанное решение человека проживать в одиночку, без партнера, детей и родственников, при

наличии отдельного жилья и самостоятельного ведения хозяйства, с возможностью вести активную социальную жизнь [2, с. 294].

Существует разница между одиночками, для которых одинокое проживание – собственный выбор, и одинокими людьми, для которых одиночество – проблема. В науку термин «жизнь соло» ввел социолог Э. Кляйненберг, он исследовал современное одиночество и характеризовал его как благополучное. Отличительной чертой одиночки является личное пространство для жизни [1]. Одиночка имеет положительное отношение к себе и к своему образу жизни, может сохранять социальные контакты, но не нуждается в постоянной тесной связи с другими людьми. Исследование жизни соло становится необходимым для понимания и принятия обществом данного явления.

Сольная жизнь становится частым выбором среди современных мужчин в возрасте от 25 до 45 лет. В молодом возрасте мужчины более склонны жить в одиночестве, потому что они никогда не сожительствовали с партнером или отказались от брака вообще. Также мужчины живут в одиночку из-за хорошего материального благосостояния или после развода.

Жизнь одиночек наполнена большим числом социальных контактов, без необходимости делать выбор в пользу определенного человека, ограничивая себя этим. Г.М. Тихонов говорит, что для мужчин важно количество контактов в группе, высокий социальный статус в группе уменьшает чувство одиночества [4, с. 27]. В исследовании гендерных аспектов отношения к одиночеству мужчины отмечают, что им нравится одиночество за возможность быть собой, им так проще и они не хотят совсем избавлять от одиночества. Мужчины меньше боятся одиночества, легче к нему приспосабливаются [3, 298].

Таким образом, проживание в одиночку дает мужчинам возможность вести независимый образ жизни, не отягощенный обязательствами по отношению к партнеру и семье, активно реализоваться в профессиональной сфере, быть свободным в своих передвижениях и социальных контактах.

1. Кляйненберг Э. *Жизнь соло. Новая социальная реальность*. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 284 с.
2. Любимова Е.А. *Понятие и анализ исследований жизни соло // XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития: материалы Международная научно-практическая конференция (Екатеринбург, 15–16 марта 2018 года)*. — Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018, с. 294-297.
3. Милашевич Е.П., Бреценко Д.В. *Гендерные аспекты отношений к одиночеству в зрелом возрасте // Актуальные проблемы развития личности в современном обществе: материалы междунар. науч.-практ. конф. под ред. Д. Я. Грибановой, Псков, 11-13 апреля 2019 г. Псков: Изд-во ПсковГУ, 2019, с. 295-300.*
4. Тихонов Г.М. *Феномен одиночества: гендерный аспект // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, № 1 (21), 2015, с. 26-31.*

СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ БРАКОВ, КАК АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Ирсетская Елена Александровна
Российский государственный гуманитарный университет; ВЦИОМ; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Семья, как основной социальный институт, сегодня переживает значительные изменения, а также влияние огромного количества факторов, в результате которых

происходят трансформации не только основных семейных ролей и ценностей, но и качественные изменения функций современной семьи. «Раздробление или перераспределение традиционных социальных ролей в семье ведет к системным сбоям выработанных человечеством культурных норм». [1] Отметим, что данная тенденция приобретает особую остроту, когда рассматриваются особенности создания и развития кросс культурных (межкультурных) семейных союзов в современном обществе. Под межкультурным браком мы будем понимать брак между людьми, принадлежащим к разным культурам. [2] Такие браки накладывают определенную совокупность ожиданий, обязанностей и предписаний на супругов с учетом национальной и этнической принадлежности каждого из них. Каждый из супругов в таком браке принадлежит к разной культурной традиции, религии, имеет непохожую идентичность, которая впоследствии служит социальной базой для взаимодействия в браке. Вместе с тем, несмотря на видимые трудности и сложности, которые возникают в кросс культурном браке, статистические данные свидетельствуют о том, что каждая десятая семья в России - разнонациональная. [3]

Восприятие российским обществом кросс культурных браков также претерпело ряд изменений. После распада СССР учеными отмечалась трансформация отношения к межнациональным бракам. [4] Это связано с подъемом в данный период национального самосознания в бывших республиках Советского союза, а также участвовавшими фактами межнациональных конфликтов в них. Современное общество становится более толерантно и позитивно настроено воспринимать кросс культурные браки. Так, по данным ВЦИОМ "Россияне стали менее негативно относиться к браку людей с различным вероисповеданием (30%, минус 18 п. п. с 2010 года), с детьми от предыдущего брака (17%, минус 17 п. п.) и другой национальности (19%, минус 15 п. п.) или с ранее состоявшими в браке (16%, минус 13 п. п.)". [5]

Современное состояние и тенденции развития межкультурных браков в России остается крайне востребованной темой для социального анализа. Как и в любом социальном явлении, здесь можно выделить ряд положительных и отрицательных аспектов. К положительным фактам отнесем следующие: межнациональные браки способствуют сближению наций, улучшению и стабилизации общественных отношений; благодаря межкультурным бракам повышается интерес к культуре и традициям других народов; воспитывается терпимость и толерантное отношение к другим религиям и традициям. Среди негативных фактов можно обозначить следующие: несоответствие культур часто приводит к внутрисемейным конфликтам; пары, состоящие в смешанном браке, могут столкнуться с общественным осуждением; проживая в разных странах, люди сталкиваются с иной правовой базой и законами, которыми обязаны следовать; разногласия относительно того, в какой культуре воспитывать совместных детей.

ГЕНДЕРНОЕ РАЗЛИЧИЕ В СТРУКТУРЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Исмагилов Радмир Рустемович
СЗИУ РАНХиГС При Президенте Российской Федерации

Актуальность тезисов обусловлена решающей ролью уровня толерантности в межличностном взаимодействии между людьми. Неприятие чужих взглядов и внешних признаков может вести к конфликтным ситуациям, а также возникновению агрессии и негативных эмоций, ведущих к усугублению социальной обстановки.

Толерантность является необходимым условием для нормального функционирования общества и его сбалансированного устройства с учетом различий людей как по внешним признакам, так и по внутренним убеждениям и мировоззрениям. Только в России насчитывается более 190 национальностей, которые имеют различие как во внешним признакам, так и по религиозным убеждениям, которые часто могут противоречить взглядам различных людей.

Также очевидным различием выступает принадлежность к разному полу и гендерам, которые также в сознании людей могут вызывать стереотипы, вызванные культурным влиянием.

Само понимание толерантности тесно связано со стигматизацией и стереотипизацией тех или иных проявлений и чувств, которые возникают у человека. Все это конечно же сам формирует человек и культурная среда в которой он обитает. Также немаловажным фактором является то общество, в котором человек находится и то с какими вызовами ему приходится встречаться. Ведь травмирующий опыт будет только закреплять те стереотипы, которые ему когда-то были продиктованы.

У И.Шкуратовой [4, 44-51 с] толерантность представляет собой не просто набор убеждений, но особый вид мышления, представляющий собой возможность к разграничению понятий и децентрации. То есть вид развитого гибкого мышления, который начинает формироваться в детстве. Если рассматривать с этой точки зрения, то стоит обратить внимание на детско-подростковый период. Тем самым состояние юношеского неприятия и бунта как у девочек, так и мальчиков может влиять на формирование толерантности [3, 189-198 с]. В это же время формируются устойчивые копинг-стратегии и установки как у мальчиков, так и у девочек, влияющие на их поведение в различных ситуациях, которые также могут включать в себя компонент толерантности. У женщин есть наиболее характерная позиция в обществе и паттерн наставления и помощи в преодолении каких-либо трудностей [1, 7 с.]

Тем самым человек может действовать в определенных ситуациях и смотреть на какой-то инцидент исходя из своих консервативных взглядов, основанных, к примеру, на модели мужчины «защитника семьи» и демонстрирования своей мускулинности, когда на самом деле более продуктивным паттерном будет принятие позиции другого для урегулирования межличностных отношениях. В экстремальных ситуациях это будет вести к эскалации конфликта. А с учетом специфики глубины мировоззренческих взглядов и отстаивания национальных традиций конфликт невозможно будет конструктивно решить прибегнув к такой модели. Однако же со временем у мужчин такая модель поведения изменяется и приходит на смену более терпимая и принимающая позиция [2, 78 с]

ТРАДИЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Кавун Анна Игоревна
Санкт-Петербургский государственный университет

Общественный статус женщины в древнем Китае был традиционно низким. Согласно учению Конфуция, «выданная замуж дочь – то же, что вылитая вода». То есть девочка – совершенно бесполезный для семейства человек в контексте конфуцианского культа предков [1, 58].

Однако в современном Китае наблюдается тенденция отхода от конфуцианских традиций распределения гендерных ролей в семье. Немаловажную роль в этом процессе сыграла демографическая политика Китая «одна семья – один ребенок». Единственный ребенок в семье, будь то мальчик или девочка, является объектом безграничной любви родителей, бабушек и дедушек.

Исследователь Института проблем брака и семьи при национальной женской федерации Чжен Син Син пишет, что в современном Китае произошла модернизация всех сторон жизни, в том числе и семейной сферы. Обратимся к результатам социологических исследований 2020 г.: все больше женщин теперь могут самостоятельно принимать решение о вступлении в брак. На вопрос: «Что было определяющим при решении выйти замуж?» 77,2% женщин в городах и 56,2% женщин в сельских районах ответили: «Это было мое решение», и только 12,7% ответили: «Это было решение родителей» [2]. Изменение социального статуса женщины привело к более рациональному отношению к разводам, число которых в последние годы растет. Все чаще женщины выбирают партнеров, руководствуясь общностью интересов, а не экономическими соображениями. Утвердились новые финансовые отношения в семье – АА (Arithmetical Average), когда каждый из супругов финансово независим, делает вклад в семейный бюджет и разделяет семейные обязанности [3].

Стоит отметить, что роль женщин в социально-экономическом развитии современного Китая стала более заметной. В последние годы количество женщин-предпринимателей возросло на 17%, что составляет более 50% от общего числа трудоустроенных женщин Китая. Более 20 млн женщин владеет индивидуальным хозяйством или частным предприятием [4]. Тем не менее наблюдается тенденция концентрации женщин в низкооплачиваемых и неформальных секторах экономики, таких как мелкая торговля, сфера услуг или фермерство. Занятость молодых женщин, как и женщин более зрелого возраста, сокращается. В целом женщины зарабатывают 70% от того, что зарабатывают мужчины.

С точки зрения марксизма, освобождение женщины является мерой универсальной человеческой эмансипации [5, 101]. Тем не менее женщины в Китае слабо представлены в политике, они не в полной мере используют свое право голоса и практически не участвуют в политических дебатах. В 17-м Центральном Комитете КПК всего 13 женщин, что составляет 5% от общего числа членов [6]. Это приводит к недоверию со стороны граждан, из-за чего они отказываются поддерживать женщин-политиков.

Эти глубокие социальные процессы в современном Китае актуализируют необходимость гендерных и социогендерных исследований в процессе подготовки кадров для социологического сопровождения социальной, семейной и демографической политики.

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ АКТУАЛЬНОСТИ

**Капп Елизавета Дмитриевна
KANTAR**

Гендерные исследования как междисциплинарная научная область являются достаточно молодым направлением, начавшим свое развитие только в XX веке. С одной стороны, гендерные исследования рассматривали своеобразный «социальный пол» [1], с другой – стали важным аспектом в установлении, анализе и объяснении актуальных проблем, решение которых рассматривается различными направлениями политического

феминизма[2]. История гендерных исследований насчитывает множество выдающихся социологов, политологов, психологов и междисциплинарных исследователей. Однако актуальным остается вопрос, насколько в нынешних социальных реалиях, гендерные исследования могут считаться полноценным отражением реальных гендерных представлений людей.

Основой этого вопроса становится то, что «гендер» в представлении традиционных гендерных исследований и в представлении социальных условий и некоторых современных исследователей разделяется на два одновременно схожих и крайне различных явления.

С одной стороны, гендерные исследования всегда были посвящены проблемам гендерной социализации мужчин и женщин в базовом понимании маскулинности и феминности. Это понятная несмотря на то, что сложная, структура, которая в полной мере опирается на сложившиеся исторически представления о гендере как о социальном поле, в той или иной степени соответствующем биологическому полу. Так, например, Сандра Бем[3] предлагает шкалу, которая бы проходила от маскулинности к феминности через андрогинность – такое гендерное определение, которое в равной степени совмещает в себе женского и мужское начало. Эта теория хорошо описывает социальные показатели гендера, в частности – то, как гендер воспринимается в классическом представлении общества через призму приписываемых социальных норм и взглядов общества.

С другой стороны, современные гендерные исследования сталкиваются с проблемой постепенного выхода социального определения гендера за рамки феминности и маскулинности, что в большей степени выражено трансформацией общества. Как и предсказывала в своих работах Сандра Бем, андрогинность становится более актуальной в современном мире, выражаясь как через открыто отказывающихся от приписанных гендерных ролей людей, идентифицирующих себя а- и бигендерами, так и через трансформацию повседневных социальных практик, приписываемых активностей и социальных ролей. Женщина больше не является в этом понимании женственной или даже женственно-маскулинной, но и не переходит к противоположной стороне шкалы, как и мужчина. Общие социальные ожидания и приписываемые роли, сформированное социальное восприятие сводятся к андрогинности.

1. Бем, С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / С. Бем. – М., 2004. – 336 с.

2. Butler, Judith P. Gender trouble: feminism and the subversion of identity / Judith Butler. p. cm. Includes bibliographical references and index. Originally published: New York : Routledge, 1990. ISBN 0-415-92499-5

3. См. сноску 1

В ПОИСКАХ НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Карпова Вера Михайловна

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова

Тенденции изменения демографических процессов рождаемости и смертности, наблюдаемые последние годы в России носят безусловно негативный характер. Еще до начала пандемии Covid-19 отмечалось снижение показателей рождаемости, которое было вызвано и изменением возрастной структуры населения, и снижением интенсивности рождаемости (суммарный коэффициент не превышает уровня 1,6 с 2018 года [1]). Таким образом можно говорить о том, что меры проводимой демографической политики должны быть дополнены и изменены так, чтобы они охватывали новые пути воздействия,

основывались на новых, принципиально отличных мерах стимулирования рождаемости, еще не использованных ранее.

Социологический анализ потенциала повышения рождаемости показывает, что возможные изменения могут происходить благодаря двум причинам: первое, это повышение потребности в детях и репродуктивных установок населения, второе – повышение степени реализации уже существующей потребности в детях [2]. Традиционные меры демографической политики, заключающейся прежде всего в материальной поддержке, которую иногда называют стимулированием, действуют только по второму пути и поэтому их потенциал изначально ограничен величиной потребности в детях. Более того, рассмотрение проводимых мер и сравнение величины выплачиваемых пособий с показателями уровня жизни, демонстрируют, что помощь скорее направлена на преодоление бедности, в особенности многодетных семей, а также приводит к частичной компенсации материальных потерь, вызванных рождением детей. Такие потери неизбежны в условиях массового распространения индивидуальных зарплат по крайней мере пока отсутствует семейная зарплата, которая бы зависела от размера семьи. Таким образом, проводимая демографическая политика носит скорее характер социальной, а ее влияние на демографические процессы скорее опосредованное. Безусловно она имела и социальный и демографический эффект [3], но только материальным стимулированием невозможно достичь целей концепции демографического развития и повышения рождаемости до уровня простого замещения поколений.

Для повышения потребности в детях необходимо направлять усилия по первому пути и разрабатывать меры, принципиально отличающиеся от материального стимулирования. Действительно, результаты социологических исследований показывают, что рождение третьих, четвертых и далее детей происходит не благодаря, а вопреки изменению материального положения. Более того, у многодетных родителей даже уровень финансовых притязаний ниже, чем у малодетных. Так в рамках исследования СеДОЖ-2019 [2] было выявлено, что желаемый уровень дохода снижается в семьях с большим числом детей (с 112 тысяч рублей в однодетных семьях, до 90 тысяч в многодетных), а сравнение его с текущим уровнем доходов показывает, что многодетные родители хотят увеличения доходов в 3,5 раза, в то время как бездетные в 4,2 раза, причем текущее финансовое положение бездетных респондентов лучше [4]. Более подробный анализ уровня жизни многодетных родителей показывает, что их система ценностей значительно отличается от тех, у кого меньше детей, причем ценности материального благополучия уступают ценностям семейно-детного образа жизни.

В итоге следует отметить, что необходимо продолжать исследования ценностных ориентаций многодетных семей и главной задачей таких исследований видится поиск того, что послужило положительной мотивацией рождения ребенка. Одной борьбы с препятствиями недостаточно, так как даже при их полной ликвидации отсутствие позитивной мотивации не позволит развиваться желаемой деятельности.

1. Росстат, Динамика суммарного коэффициента рождаемости до 202 года. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/AAebAZZV/demo27.xlsx>
2. Семейно-детный образ жизни: результаты социолого-демографического исследования / под ред. А.И. Антонова. М.: Инфра-М, 2018. — 540 с.
3. Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Рыбаковский Л. Л. Демографическая политика. Оценка результативности. — Юрайт Москва, 2018
4. Антонов А. И., Карпова В. М., Ляликова С. В. Соотношение желаемого и фактического благосостояния семей: по данным социолого-демографического опроса супружеских пар // Уровень жизни населения регионов России. — 2021. — Т. 17, № 1. — С. 121–131

ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ТИПОЛОГИЯ ОТЦОВСТВА

Келасьев Олег Вячеславович
Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-011-00543

Различия между поколением отцов и их детей-подростков вызваны радикальными изменениями в социальной среде. Под напором этих изменений отцы часто видят в своих подрастающих детях совсем не то, на что они рассчитывали, чувствуют неэффективность своих воспитательных воздействий. А подростки зачастую наталкиваются на непонимание их интересов и образа жизни отцами. Эти различия ещё более обострились в ситуации пандемии коронавируса, поскольку все члены семьи на довольно продолжительный период времени лишились всего привычного разнообразия социальных коммуникаций. Стремление подростков к постоянному нахождению в виртуальном пространстве и отключению от реальности приводит к ещё более выраженному поколенческому разрыву (не всегда осознаваемому отцами). Конечно, при сложившейся культуре внутрисемейных отношений этот разрыв может успешно преодолеваться и, несмотря на ограничения непосредственного общения, ограничения личностного пространства, открытый деструктивный конфликт может и не возникнуть.

К ряду причин детско-родительских конфликтов можно отнести:

- интернет и гаджето-зависимость. При этом отцы не располагают конструктивными средствами влияния на снижение этой зависимости;

- рассогласование поведения современных подростков со сложившимся стереотипам отцов. В частности, отцы в них не чувствуют свойственного им ранее стремления к самостоятельности, независимости, подростковой агрессивности, выраженного интереса к противоположному полу. Отцы отмечают, что современные подростки в основном излишне конформны, слишком часто соглашаются. В этом плане привлекают исследования Д. Твенге [1];

- отклоняющееся поведение подростков;

- некоторые типы отцовства (авторитарный, выражающийся в гиперопеке, либо попустительский, равнодушный и др.).

Стремление к гиперопеке, контролю за всеми сферами жизнедеятельности подростка формирует определённый тип отцовства, который характеризуется чрезмерным включением в жизнь ребёнка, подавлением его самостоятельности. Отец во взаимодействии с ребёнком ориентирован на стратегию контроля и наказания. Причём эта стратегия может начинаться с детства, и родитель старается придерживаться её и в подростковом возрасте. Формы этого наказания могут быть весьма разнообразны. Отец при этом использует зачастую те же стратегии, которые применялись к нему со стороны его отца. Данная стратегия наиболее конфликтотенна.

Противоположный тип отцовства – попустительский. Отец идёт на поводу любых желаний подростка. Часто к этой стратегии прибегают отстранённые от воспитания отцы (трудоголики, созависимые и т.п.). Попустительство может иметь в основе и чрезмерную занятость отца, его усталость, уверенность в том, что при необходимости он может наверстать упущенное в воспитании подростка и т.д. Часто такой отец, если он работает, воспринимается семейным окружением только как «добытчик», а если он не работает, то зачастую как «обслуга» ребёнка». Крайним проявлением попустительства может стать равнодушие.

Можно выделить также равнодушный тип отцовства (на основе эмоционального выгорания, опустошения, усталости).

При попустительской, равнодушной модели отцовства имеет место излишне низкая эмоциональная вовлечённость в жизнь ребёнка. Отсутствие личной мотивации отца часто объясняется им тем, что воспитанием должна заниматься мать.

Подчеркнём, что как избыток, так и особенно недостаток вовлечённости в воспитание ребёнка не всегда рефлексировается отцами. Это может быть связано с трудностями совмещения ролей профессионала, супруга и отца.

Конфликты компетентных и вовлечённых отцов, как правило, функциональны, носят конструктивный характер, ориентированы на развитие ребёнка.

Предложенные модели отцовства даны применительно к изучению детско-родительских конфликтов. Сама же проблематика отцовства – самостоятельное направление исследований (см. напр. исследование О.Н. Безруковой [2]).

1. Твенге Д. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно неготовым ко взрослой жизни». М.: РИПОЛ классик, 2019.
2. Безрукова О. Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов / О. Н. Безрукова // Социологические исследования. – 2013. – № 11(355). – С. 118-130.

ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНОГО РАЗРЫВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

**Кирилина Татьяна Юрьевна,
Сахневич Инна Валерьевна (Курский институт развития образования)
Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова**

Важным предметом исследования гендерной социологии является проблема неравенства, в том числе и гендерного как отклонение от идеала социального развития. Несмотря на успехи женщин во многих странах мира, гендерные различия продолжают служить основой социального неравенства.

Пандемия COVID-19 привела к увеличению гендерного неравенства и глобального гендерного разрыва. «Гендерный разрыв» или «Gender gap» традиционно означает разницу между женщинами и мужчинами в различных социальных, политических, интеллектуальных или экономических отношениях. Проблемы гендерного разрыва возникают практически во всех сферах нашей жизни. К ним следует отнести:

Разницу в заработной плате.

Сексуальное домогательство.

Расизм.

Трудности в продвижении женщин по карьерной лестнице, наличие «стеклянного потолка».

Согласно докладу Всемирного экономического форума, показатель глобального гендерного разрыва в 2021 году составит 67,7%. Это означает, что оставшийся разрыв составляет 32,3%. В среднем разрыв увеличился почти на 0,6 процентных пункта по сравнению с 2020 годом. Это общее увеличение глобального гендерного разрыва также отражается в том факте, что количество стран, в которых наблюдается хотя бы незначительное улучшение, меньше, чем количество стран, показавших более низкие результаты, чем в прошлом году [1].

Гендерный разрыв наиболее негативно сказывается в оплате труда: разнице в зарплатах, количестве руководителей или представлении гендера в конкретных сферах. В настоящее время глобальный разрыв в оплате труда между мужчинами и женщинами составляет 23%.

При нынешних темпах изменений потребуется около 202 лет, чтобы добиться полного равенства.

Инструментом для отслеживания прогресса в достижении гендерного равенства в образовании, здравоохранении, политике, экономике в настоящее время является Глобальный индекс гендерного разрыва. Благодаря данному годовому критерию можно формулировать приоритетные направления достижения устойчивого развития в любой стране. Индекс предназначен для измерения гендерных различий в доступе к ресурсам и возможностям в отдельных странах, а не фактического уровня имеющихся ресурсов и возможностей в этих странах. Индекс измеряет уровень гендерного разрыва, который существует в тех или иных странах между женщинами и мужчинами, по 14 различным переменным, в таких четырёх ключевых областях, как:

Экономическое участие и карьерные возможности.

Образование.

Здоровье и выживание.

Политические права и возможности.

В Рейтинге стран мира в первую тройку по уровню гендерного разрыва входят: Исландия, Финляндия и Норвегия. Эти государства наиболее близки к достижению полного гендерного равенства. Российская Федерация, согласно отчету Всемирного банка, в 2020 году занимала в данном рейтинге 81 место из 156, находясь между Казахстаном (80 место) и Танзанией (82 место).

Существует несколько шагов, которые можно предпринять, чтобы уменьшить разрыв по оплате труда между мужчинами и женщинами, а также помочь женщинам справиться со стеклянным потолком. Во-первых, женщинам должны быть предоставлены равные возможности для продвижения по службе. Во-вторых, необходимо, чтобы женщины имели равный доступ к возможностям, которые ускоряют карьеру. Компании должны активно поощрять женщин использовать эти возможности, если они хотят получить повышение. Это же относится и к процессу обучения, ведь на данный момент, у девочек и девушек во многих странах мира есть проблемы с доступом к образованию.

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НА РЕШЕНИЕ СЕМЕЙНЫХ ВОПРОСОВ

Коротков Евгений Анатольевич

*Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Московской области Технологический Университет*

Решать семейные вопросы – это умение, возникающее далеко не сразу. На бытовую и повседневную жизнь в семье может влиять гендерная принадлежность личности. Гендерные различия постоянно создаются и воссоздаются именно в ходе человеческого взаимодействия [1,183].

С целью изучения влияния гендерной принадлежности на решение вопросов, возникающих во время семейной жизни, нами было проведено социологическое исследование с участием 120 респондентов в возрасте от 18 до 38 лет. Результаты социологического исследования проясняют, каким может быть социальное поведение личностей.

При заключении брака жене предстоит решить вопрос о смене своей фамилии. Результаты исследования показали, что более половины респондентов женского пола (52,5%) взяли (или взяли бы) фамилию супруга при заключении брака. Подобный результат показывает, что вековая традиция, когда жена берёт фамилию мужа, продолжает существовать. Бывают, конечно, случаи, когда жена сохраняет свою

фамилию, и на это есть причины. Например, почти каждый шестой респондент женского пола (15,9%) оставил (или оставил бы) свою фамилию при заключении брака, и четверть респондентов (26,1%) женского пола считают, что всё зависит от того, какая фамилия.

В рамках исследования следовало узнать и мнение респондентов мужского пола о том, как при заключении брака им нужно решать вопрос о смене фамилии. Результаты исследования показали, что подавляющее большинство опрошенных мужского пола (86,3%) оставили (или оставили бы) свою фамилию при заключении брака. При этом ни один респондент мужского пола (0%) не взял (или не взял бы) фамилию супруги при заключении брака. Данные результаты показывают устойчивость традиции сохранения мужем своей фамилии при регистрации брака.

Решение финансовых вопросов в семье не менее важно. Так, более трёх четвертей опрошенных женского пола (78,3%) считают, что жена и муж должны решать совместно финансовые вопросы. Почти каждый седьмой респондент женского пола (13%) считает, что только муж должен решать финансовые вопросы. Значит, жёны не считают, что решение финансовых вопросов – обязанность лишь мужей. При этом более одной четверти опрошенных мужского пола (29,4%) считают, что финансовые вопросы должны решать совместно муж и жена. Почти каждый второй респондент мужского пола (47,1%) считает, что решать финансовые вопросы должен только муж. Подобные результаты свидетельствуют о меньшей склонности мужей советоваться с жёнами, когда речь идёт о финансах, бюджете семьи.

На решение семейных вопросов оказывает влияние гендерная принадлежность личности. Муж и жена должны регулировать семейные вопросы, заботиться о семье, а следование многолетним традициям не теряет своей актуальности и сегодня.

1. Кириченко, Е. В. Природа гендерной асимметрии в обществе сквозь призму социально-философской мысли / Е. В. Кириченко // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2009. – № 2. – С. 183-208.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ О ГЕНДЕРНОЙ СЕГРЕГАЦИИ КАК О СОЦИАЛЬНОМ ЯВЛЕНИИ НА РЫНКЕ ТРУДА

Коршунова Юлия Александровна
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Гендерная сегрегация влияет на все сферы общества. От мнения студентов по данному вопросу будут зависеть изменения в структуре российского рынка труда и положение мужчин и женщин в нём.

Данная работа основывается на теории социальных представлений С. Московичи. Социальные представления имеют следующую структуру [4]:

- Установка (мнение о феномене)
- Поле представлений (опыт столкновения с явлением)
- Информация (знания о феномене)

Цель исследования - получение информации о представлениях студентов о гендерной сегрегации.

Метод исследования: количественный опрос посредством анкетирования студентов Финансового университета при Правительстве РФ.

Результаты исследования:

Результаты по установкам: общий индекс нетерпимости к гендерной сегрегации можно охарактеризовать как нейтральный. И мужчины, и женщины в большинстве своём не делят профессии на «мужские» и «женские». Оба пола так же положительно относятся

к секторной гендерной сегрегации. К неравной оплате труда мужчины относятся скорее нейтрально, а женщины отрицательно. О разнице в должностях юноши отозвались очень положительно, а девушки нейтрально. Самый большой разрыв во мнении произошёл при оценке индекса нетерпимости к барьерам из-за семейных обязанностей: девушки относятся негативно к тому, что женщинам чаще приходится жертвовать карьерой из-за семьи и семейных обязанностей, чем мужчинам, в то время как мужчины, отнеслись положительно к данному положению дел.

Результаты по информированности: знания студентов по вопросам гендерной сегрегации находится на высоком уровне. Если разделить студентов на 3 типа: высоко информированные, средне информированные и низко информированные, то к 1 типу относятся 74% опрошенных, ко 2 типу – 23%, а к 3 типу – 5% всех респондентов.

Результаты по опыту столкновения с гендерной сегрегацией: 34% опрошенных сталкивались с негативными последствиями гендерной сегрегации. Чаще всего студенты сталкивались с ограничениями в работе из-за семейных обстоятельств.

1. Гриневич Д.О. *Отношение молодых людей к гендерным моделям транслируемым социальными сетями: В.к.р.: 37.04.01. - СПб, 2018. - 81 с.*
2. Мальцева, И. О. *Гендерная сегрегация и мобильность на российском рынке труда / И. О. Мальцева, С. Ю. Ропци; Гос. ун-т - Высшая школа экономики. - 2-е изд. - М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. - 295с.*
3. Силласте Г. *Итоги экспресс-опроса участников всероссийского женского конгресса // Всероссийский женский конгресс "Труд. Занятость. Безработица". М., 1995. С. 163.*
4. Тертышников А.Г. *Измерение социальных представлений с использованием проективных методик: методологические подходы и методические решения: дис. Уч. степ к.соц. наук 22.00.01. – РУДН, Москва, 2016 – 171с.*
5. *Гендерная асимметрия изменила рынок труда: IQ.HSE.RU [Электронный ресурс] URL: <https://iq.hse.ru/news/401052788.html> (дата обращения 29.09.2021)*

ГЕНДЕР И БЕЗРАБОТИЦА: УРОКИ ПАНДЕМИИ

Кюрегян Марина Петровна

ГБОУ ВО МО «Технологический университет», г.Королев, МО

Любое общество – это сложная и многоуровневая система, которая динамически развивается. Перемены в образе жизни общества зависят от общего контекста эволюционного развития, который определяет как пересмотр гендерных ролей, так и характер использования гендерного ресурса в социальном управлении.

Как правило, любые изменения происходят в точках бифуркации, то есть когда происходит смена установленного режима работы системы. Это критическое состояние, когда система неустойчива. Возникает неопределенность в понимании, каким станет новое состояние системы: хаотичным или более высокоорганизованным. Такие исторические моменты и определяют направленность вектора социальных изменений.

Современное состояние общества определяется пандемией COVID-19, которая серьезно потрясла всю мировую систему. По данным Международной организации труда при ООН сегодня женщины несут непропорционально большую потерю рабочих мест и доходов в виду того, что они оказались занятыми в наиболее пострадавших секторах экономики, таких как сфера услуг. Высокой была доля женщин в сфере туризма, а по оценкам [Всемирной туристской организации](#) во всем мире туризм потерял 1,3 триллиона долларов [5]. Это в 11 раз больше, чем во время глобального экономического кризиса 2009 года.

В глобальном масштабе в период с 2019 по 2020 год участие женщин на рынке труда снизилось на 4,2 процента, в то время как занятость мужчин снизилась на 3 процента. Несмотря на то, что в аналитическом отчете МОТ прогнозируемый рост рабочих мест в 2021 году для женщин превышает аналогичный показатель для мужчин, этого, тем не менее, будет недостаточно для того, чтобы вернуть женщин к уровню занятости до пандемии [4].

Еще одним тревожным последствием пандемии является тот факт, что большое количество женщин полностью покинуло рынок труда (уход за больными родственниками, детьми из-за закрытия школ и детских садов) [3]. Такое значительное сокращение числа активно работающих женщин угрожает обратить вспять десятилетия прогресса в расширении прав и возможностей женщин.

Важно отметить, что во время пандемии положение женщин значительно улучшилось в странах, которые приняли меры по предотвращению потери женщинами рабочих мест, а также обеспечили условия для скорейшего их возвращения на работу. В Чили и Колумбии, например, новым сотрудникам предоставлялись субсидии к заработной плате, при этом размер субсидий был выше для женщин. Колумбия и Сенегал были среди тех стран, которые усилили поддержку женщин-предпринимателей. В других случаях, например в Мексике или Кении, были установлены квоты для того, чтобы гарантировать женщинам участие в государственных программах занятости.

Это еще раз доказывает, что для сохранения, эволюции, осуществления взаимодействия общественной системы с окружающей средой необходимо управление данной системой. И управление как процесс действительно будет эффективным, если оно, оперативно реагируя на любые перемены в обществе, готово принимать решения в интересах всех своих граждан.

1. Воронина, О.А. Политика гендерного равенства в современной России: проблемы и противоречия / О.А. Воронина // *Женщина в российском обществе*. - 2013. - №3. - С.12-20.
2. Зеленкова, И. С. Сущность и принципы системы управления персоналом на предприятии / И.С. Зеленкова // *Экономика, социология и право*. - 2014. - №1. - С.45-48.
3. Сайт газеты «Коммерсант» [Электронный ресурс.] - Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/archive/publishing/1/month/2021-02-21>
4. Сайт Международной организации труда [Электронный ресурс.] - Режим доступа: <http://www.unrussia.ru/ru/agencies/mezhdunarodnaya-organizatsiya-truda-mot>
5. Сайт Всемирной туристической организации [Электронный ресурс.] - Режим доступа: <https://www.unwto.org/ru>
6. Сайт газеты «Коммерсант» [Электронный ресурс.] - Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/archive/publishing/1/month/2021-02-21>
7. Сайт Международной организации труда [Электронный ресурс.] - Режим доступа: <http://www.unrussia.ru/ru/agencies/mezhdunarodnaya-organizatsiya-truda-mot>
8. Сайт Всемирной туристической организации [Электронный ресурс.] - Режим доступа: <https://www.unwto.org/ru>

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИНДУСТРИИ РЕПРОДУКТИВНОЙ МЕДИЦИНЫ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ.

Ломоносова Марина Васильевна
Санкт-Петербургский государственный университет

В статье представлены результаты исследования, выполненного за счет средств гранта Российского научного фонда (грант № 21-18-00125).

Становление и бурное развитие индустрии репродуктивной медицины в Российской Федерации начиная с конца 1990-х гг., благодаря высокой финансово-экономической составляющей и лояльному законодательству в этой области, долгое время оставалось на обочине публичного дискурса и как следствие, ускользало от внимания исследователей.

Пандемия COVID-19 заставила обратить внимание ученых и общества на социальные, юридические и политические аспекты вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). Ограничительные меры и закрытие границ четко обозначили контуры острых социальных, этических и правовых проблем, вызванных процессами развития индустрии репродуктивной медицины. Средства массовой информации не могли оставить незамеченными резонансные факты оставления в родильных домах новорожденных, чьи генетические родители не смогли приехать за ними в РФ, а суррогатные мамы, лишившись зачастую единственного дохода, не смогли на себя взять расходы по содержанию новорожденных. Пилотажное исследование, выполненное при использовании аналитических инструментов базы данных Интегрум (<https://integrum.ru/>) - крупнейшего электронного архива средств массовой информации России и стран СНГ, показало увеличение более чем в 2 раза (за 2020 год, т.е. период «локдауна», вызванного угрозой распространения COVID-19 по сравнению с предыдущим годом) количества публикаций на тему «суррогатного материнства» и «вспомогательных репродуктивных технологий». Дальнейшее использование аналитических инструментов базы данных Интегрум позволит выявить ключевые проблемы и социальные явления, связанные с развитием индустрии репродуктивной медицины, что послужит эмпирической базой для дальнейшего теоретического осмысления.

Процессы цифровизации, будучи инструментальной реализацией и техническим оформлением фундаментальных социокультурных изменений, понимаемых в социологии как сетевое общество и виртуализация общества, не могли не затронуть индустрию репродуктивной медицины в РФ. Цифровые активы как базис цифровой экономики в любой из её индустрий, с одной стороны, являются отражением физических активов и транзакций с их участием, а с другой стороны, являются мощным драйвером развития и фактором формирования новых индустрий. В этом отношении, цифровизация индустрии репродуктивной медицины приводит к унификации и стандартизации медицинских услуг и социальных практик, высвечивает наиболее острые юридические и этические проблемы, формирует публичный дискурс. Специализированные коммерческие и государственные клиники и медицинские центры, оказывающие услуги в области ВРТ, активно развивают цифровые платформы взаимодействия с клиентами. Причем именно коммерческие клиники первыми начали использовать в своей работе цифровые платформы и сервисы. Государственные медицинские учреждения репродуктивной медицины также стали активно размещать в сети Интернет информацию о своей работе с возможностью получения онлайн консультаций. Таким образом, следующим важным источником информации и эмпирического материала для социолога являются сайты, цифровые платформы и сервисы медицинских центров индустрии вспомогательной репродуктивной медицины. В этом случае использование качественного контент-анализа как метода социологического исследования, позволит выявить и изучить структурные единицы активно формирующейся в первой четверти 21 века индустрии, а также обозначить контуры ее институционализации.

В наши дни индустрия репродуктивной медицины не просто отражает существующую структуру социально-экономической дифференциации, но производит новые конфигурации неравенства как на глобальном уровне, так и внутри отдельных стран, прежде всего в сфере реализации репродуктивных прав и поддержания репродуктивного здоровья. В России имеет место и региональное неравенство, поскольку значительная доля центров ВРТ сосредоточена в крупных городах, в частности в Москве и Санкт-Петербурге [1, 180]. Возможности использования ВРТ варьируются в

зависимости от социального статуса, гендера, экономического положения, религиозных представлений и региональных особенностей для разных социальных групп [2], а сам доступ к ВРТ ограничивается лишь финансовыми возможностями человека, что приводит к репродуктивной дискриминации и неравенству. Иностранцы граждане, обращающиеся к ВРТ в России, могут использовать донорские материалы российских клинических банков половых клеток, а специализированные российские юридические фирмы осуществляют правовое сопровождение своеобразного «аутсорсинга» суррогатного материнства, в качестве рекламы, размещая объявления о том, что русские суррогатные мамы не оставят себе малыша и даже в суде не смогут оспорить свое право на генетически «не своего» ребенка, которого она выносила и родила. В этой ситуации цифровизация индустрии репродуктивной медицины может способствовать преодолению многих негативных тенденций, поскольку приведет к институционализации новых социальных отношений и практик в этой области, которые в настоящее время носят зачастую дискриминационный характер.

В ближайшей перспективе цифровизация должна обеспечить доступность информации об оказываемых услугах в рамках индустрии репродуктивной медицины и их финансово-экономической составляющей, транспарентность её принципов и правовых основ, что в свою очередь послужит важным шагом на пути защиты репродуктивных прав человека. Цифровизация индустрии репродуктивной медицины не только один из этапов в институциональном оформлении новых услуг и социальных отношений, но актуальная тема для социологического осмысления.

1. Богомякова Е.С., Ломоносова М.В. *Вспомогательные репродуктивные технологии: к вопросу о новых формах социального неравенства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Том 20. № 3. С. 180–198.*
2. Ломоносова М.В., Богомякова Е.С. *Репродуктивные права человека и вспомогательные репродуктивные технологии: новые формы и виды неравенства // Экономические стратегии. 2015. № 9. С. 90–97.*

ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ: ГЕНДЕРНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

Магомедова Виолетта Рамазановна
Волгоградский Государственный университет

В условиях пандемии в фокус внимания социологов попадает духовный мир человека, его модели поведения и жизненные ценности. Жизненные ценности представляют собой убеждения, принципы, приоритеты и цели, которые являются духовными ориентирами человека. Во время принятия важного решения они являются «советниками», моральной опорой для человека. Тема жизненных ценностей не теряет своей актуальности, поскольку именно они влияют на поведение людей.

Жизненные ценности формируются с раннего детства индивида, закрепляясь и даже видоизменяясь под влиянием различных факторов: самосознания, изменения условий внешней среды, например, из-за пандемии COVID-19. Новизна условий заставили людей переосмыслить свои приоритеты в жизненных ценностях, так как под угрозой оказались безопасность жизни и необходимость освоения новых форм социального взаимодействия людей.

Как уже отмечалось, изменилось отношение людей к самоорганизации и взаимопомощи людей, общая проблема духовно объединила людей. Необходимость противостоять коронавирусу и его последствиям вынуждает людей организовываться и помогать друг другу. Это проявлялось и в обычной помощи пожилым людям в

приобретении продуктов, поддержка медицинских работников, пошив для них защитных масок, сбор средств и приобретение других необходимых товаров для системы здравоохранения.

Ускоренное освоение цифровых технологий стало существенным фактором, оказывающим влияние на ценностные установки людей среднего и старшего возраста. В то же время, как студенческая молодежь относится к поколению, которое с самого раннего детства общается через интернет и социальные сети, что и до пандемии повлияло на всю систему ценностей этого поколения [1, С.85].

В ноябре 2020 г. нами был проведен онлайн опрос студенческой молодежи г. Волгограда в возрасте от 18 до 30 лет «Жизненные ценности в условиях пандемии» (N=104). В качестве инструментария использовались вопросы мониторингового опроса ВЦИОМ о жизненных ценностях россиян. Согласно исследованию, ВЦИОМ в октябре 2020 г. свое здоровье и здоровье родных россияне назвали главной ценностью (18%). Второе место заняла ценность отношений с семьей и родственниками (12%), далее следует ценность наличия работы (10%) и возможность контактировать с другими людьми (10%) [2]. Многие современные исследования подтверждают тенденцию выделения семьи как ключевой ценности в иерархии жизненных ценностей россиян [3].

Данные нашего исследования показали схожую тенденцию. На первом месте были выделены здоровье свое и своих близких: женщин (56%), мужчин (54%). Это дает нам понять, что здоровье, как ключевая ценность жизни человека стала по-новому осознаваться людьми. Пришло осознание важной роли друзей и родных в жизни, возросла значимость живого общения с близкими, ощутимым барьером стала социальная изоляция. Чрезмерное потребление, материальный комфорт и вместе с ними индивидуализм отошли на второй план в системе человеческих ценностей. Жизнь, как ценность воспринимается женщинами в большей степени, чем мужчинами (65% по сравнению с 35%), что может быть объяснено более сентиментальным отношением.

Наряду с вышеперечисленными ценностями примечательно, что для женщин одной из главных ценностей стала возможность выйти на улицу, прогулку (51%), свобода, отсутствие ограничений (48%) и взаимопомощь между людьми (37%). Немного другая картина наблюдается в ответах мужчин. У мужчин главными ценностями стали работа (58%), доход (57%), возможность выйти на улицу (49%).

Таким образом, можно предположить, что для женщины более важным является эмоциональная составляющая жизни, хорошие взаимоотношения, ценность общения. У мужчин приоритет в ценностях склоняется к материальному благосостоянию, наличию работы, свободе передвижения. Безусловно пандемия внесла коррективы в жизни людей, вне зависимости от гендерной принадлежности человека. Однако, мужчины и женщины по-разному проявили отношение к данным изменениям. Несмотря на это, здоровье близких и взаимоотношения между людьми считают важным на данный момент оба гендера.

[1]. Воскресенский А.А., Рабош В.А., Суягина А.Г. Постматериальные ценности поколения Z на пути к обществу знаний — к постановке проблемы // *Общество. Среда. Развитие.* 2018. № 1. С. 84–87.

[2]. ВЦИОМ: *Здоровье, безопасность, семья и работа.* URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-bezopasnost-semya-i-rabota> (дата обращения 30.11.2020)

[3]. Бастракова Н.С., Мухлынина О.В., Шаров А.А. Представления цифрового поколения о главных ценностях жизни // *Профессиональное образование и рынок труда.* 2020. № 3. С.41–48.

ЖЕНСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ: ДИАЛЕКТИКА СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО

Милованова Марина Юрьевна
РГГУ

Публичная политика ярко отражает глубокие социальные трансформации, проявлением которых становится новый гендерный порядок[1], общим дискурсом которого в XX веке стал «женский вопрос» и усиление влияния женщин, а в XXI веке – столетии глобального феминизма – понимание и объяснение причин, почему «феминизм равенства» не обеспечил «равенства возможностей»[2]. Тема актуализируется текущим годом как этапом нового федерального избирательного цикла. Понятно разделим политику («politics») как конкуренцию и борьбу за власть, приоритетное решение «сверху» над мнением общества и публичную политику («policy») как процесс и процедуры легитимизации, пространство формирования общественного мнения, пересечения, взаимодействия, конфликта частных интересов, общественного контроля как условия реализации общественных интересов и прогрессивного развития (по Ю.Хабермасу).

Женщины в России составляют 54% от населения страны, по мнению гендерологов[3], демографов и социологов[4] это основной социальный и электоральный ресурс[5]. Социальное и политическое в современной повестке женского участия рассматривается сквозь призму политического интереса. По данным национального онлайн опроса в Испании любопытны выводы интернациональной команды исследователей: когда женщин побуждают думать о политике, они игнорируют свои собственные специфические политические интересы и вместо этого сосредотачиваются на доминирующем, ориентированном на мужчин понимании политики[6]. Эта гипотеза заставляет вспомнить концепцию «спирали молчания» (the spiral of silence) Э. Ноэль-Нойман в гендерном фокусе[7]. Работает ли данный механизм в российском, высоко эмансипированном обществе, с явной гендерной асимметрией в политике и активном включении в публичную политику? Гендерный диспаритет в российской политике стабилен, «высшие» должности занимают лишь 23,3% женщин, а 76,7% заняты мужчинами, в составе действующего Правительства РФ – 3 женщины, в Государственной Думе VIII созыва 62 женщины (снижение с 16,3% до 13,7%), среди сенаторов 33 женщины (17,6%), а значит целевой показатель критической массы в 30%, считающийся необходимым для обеспечения полноценного участия женщин в политике, не достигнут[8]. Авторское эмпирическое социологическое исследование носит разведывательный и прикладной, трендовый характер[9], а исследовательская авторская стратегия подкреплена анкетным онлайн-опросом с целью выявить закономерности между деятельностью женских общественных объединений, отношением к возможному созданию объединенной женской партии, отношением к кандидатуре в Президенты РФ. Итак, в реестре ЕЖС зарегистрировано более 2,5 тыс. женских организаций от 85 субъектов РФ, в перечне Минюста РФ 3447 женских НКО[10]. В России зарегистрировано 36 политических партий[11], все 36 партий имеют право участвовать в выборах, из них нет ни одной женской[12]. Уровень поддержки политических партий, движений стабильно остаётся на низком уровне, есть явная динамика роста не поддерживаемых никакую партию до 46% и 12% затруднившихся, сумма в 58% возможно аполитичных или потенциально протестных настроений[13]. Нами получены результаты» – 61,8% опрошенных не знакомы с деятельностью женских НКО местного, регионального, федерального уровней; – около половины опрошенных (47,5%) считают создание объединенной женской партии для участия в выборах перспективным; – 66,7% указали, что в случае участия в выборах женщины-кандидата наиболее успешной и результативной для нее станет программа с комплексным подходом, где будут учтены

экономические, социальные и политические задачи, но почти треть опрошенных 27,7% назвали более успешной программу социальной направленности. Это вполне ожидаемо: в данный момент именно социальные проблемы контрастнее всего отражаются на повседневной жизни общества. По данным ВЦИОМ выявлено свойственное женщинам лучшее понимание социальных проблем и хозяйственность (11%), как положительных чертах женщин–политиков; – 72,3% готовы проголосовать за достойную женщину–кандидата на пост Президента РФ. Соотнесём с данными Левада–центр»[14]: 11% за «Определенно да», 22% за «Скорее да», 31% за «Скорее нет», 23% за «Определенно нет», и 13% затруднились ответить.

Различные формальные и неформальные женские общественно–политические объединения одна из малочисленных форм женских НКО, но одновременно активных и действенных среди форм вовлечения женщин в публичную политику. Женское участие остаётся на периферии политики, но в публичной политике даёт возможность артикулировать интересы женщин, возводя их в статус общественного запроса, выхода новой женской повестки в публичное пространство. Деятельность «старых» женских общественных организаций сопровождается нарастанием значимости и влияния новых социальных движений и медиа[15]. Наблюдается лоббирование нового качественного состояния «женского протеста» в России, оно исходит от оппозиционных политиков об альтернативной повестке с упором на «оптимистичный и позитивный взгляд, солидарность, коалиционность»[16]. Субъектность женского участия в общественно–политических процессах, при достижении политических прав в ходе революционно–демократических преобразований была чрезвычайно важна[17], но при действующем политическом режиме и «консервативном развороте» в пользу социально–культурных патриархальных традиций и стереотипов, их ресурсы и агентность слаба.

1. Силласте Г. Г. Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 2. С. 3–16.
2. Милованова М.Ю. Гендерные ресурсы и формирование нового гендерного порядка в XXI веке: коллективная монография. М: НИИ ЮФО, 2020. – 187 с.
3. Силласте Г. Г. Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 2. С. 3–16.
4. Кочкина Е.В. Российский электорат: демографический разрыв как политический ресурс гендерной сегментации // *Женщина в российском обществе*. 2006. №3. С. 47-60.
5. Айвазова С.Г.; Пушкарева Н.Л. Пушкарева И. М.; Козлова Н.Н., Рябова, Т. Б.; Великая, Н. М., Овчарова О.Г.; Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н.; Кранзеева Е. А.
6. М.Феррин, М.Фрейл, Г. М Гарсия-Альбасете, Raul Gómez Гендерный разрыв в политических интересах вновь рассматривается в международном обзоре политической науки *The International Political Science Review (IPSR)* - журнал Международной ассоциации политических наук. <https://journals.sagepub.com/toc/ips/41/4> (дата обращения 03.04.2021)
7. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем./Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. —М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996
8. Повышение роли и расширение участия женщин в политических процессах: аналитический обзор и рекомендации для стран Центральной и Восточной Европы и Содружества Независимых Государств // Региональное бюро ПРООН по странам Европы и СНГ. 2010. URL: https://www.un.org/ru/development/surveys/docs/women_polit_participation.pdf (дата обращения 03.06.2021)
9. Милованова М.Ю. Социальные ресурсы гендерных общностей в предпринимательстве // *Гендерные ресурсы и формирование нового гендерного порядка в XXI веке*. Коллективная монография. Москва, 2020. С. 90-97.; *Женское предпринимательство в сельской местности: источники развития, поддержка семейного предпринимательства (По материалам круглого стола, Государственная дума ФС РФ, 10 февраля 2020 г.)* печ., электр. // *Женщина в российском обществе*, 2020. № 4. С.27-36
10. Реестр организаций Евразийского женского сообщества. URL: <https://eawf.ru/registry/> (дата обращения 28.04.2021).

11. Список зарегистрированных политических партий // *Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации*. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/politicheskie-partii/> (дата обращения: 26.02.2021).
12. Попова О.В. *Гендерные партии в современной России: проблемы и перспективы* // *Политическая наука*. 2015. №1. С. 191-194.
13. *Экспресс-информация. Как живешь, Россия? 50 этап социологического мониторинга, август-сентябрь 2020 года: [монография]* / М.: 2020. – 64 с.
14. «Женский день» и права // *Левада-центр*. 2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/03/03/zhenskij-den-i-prava/> (дата обращения: 25.05.2021).
15. Кастельс, М. *Власть коммуникации: учеб. пособие* / М.: ВШЭ, 2016, 564 с.; *Выбери женщину* // *Информационный портал женского освободительного движения*. URL: <http://womenation.org/vyberi-zhenschinu/> (дата обращения 03.04.2021)
16. *Газета «Коммерсант»* <https://www.kommersant.ru/doc/4720407> (дата обращения 26.05.2021)
17. Айвазова С.Г. *Российские выборы: гендерное прочтение*. М.: Консорциум женских неправительственных объединений, 2008, С. 6-9. [Айвазова, 2008]

ВОПРОСЫ ГЕНДЕРНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

Мончик Яна Витальевна
Санкт-Петербургский государственный университет

Несмотря на то, что в современном мире во многих странах люди уже давно пришли к идее равенства полов, женщины в российском обществе все еще продолжают испытывать ряд трудностей, связанных с гендерным неравенством. В статье 19 Конституции РФ сказано, что «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации» [1], однако на практике это не соответствует действительности. Основные проблемы, относящиеся к гендерной дискриминации: неравные возможности женщин на рынке труда; политическое неравенство; психологическое и физическое насилие со стороны мужчин, придерживающихся патриархального уклада. Государство стремится к разрешению сложившейся ситуации и, тем не менее, социологические исследования указывают на то, что большинство российских женщин все еще вынуждены вести борьбу за отстаивание своих прав наравне с мужчинами.

По данным Росстата гендерная структура российского общества имеет отличительную черту: на 1 января 2018 г. численность женщин составляет 78761 тыс. человек, а численность мужчин 68120 тыс. человек [2, 25]. Эта тенденция сохраняется и в 2021. Из этого напрашивается вывод, что схожее соотношение должно экстраполироваться на все сферы общественной жизни, однако мы можем наблюдать совершенно другую картину.

В области экономических, политических, семейных отношений именно женщины сталкиваются с дискриминацией. Ниже будет приведен ряд данных из социологических исследований, об этом свидетельствующих.

Экономические отношения. В статье 2004 г. «Гендерное неравенство на рынке труда в России», уделяется внимание вопросам гендерной дискриминации. Автор приводит динамику оценок мужчинами и женщинами дискриминационной ситуации при найме, по оплате труда и при увольнении за 1996г., 1998г. и 2000г., автор анализирует данные РМЭЗ (Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения) . Влияние пола на дифференциацию заработной платы работников было достаточно сильным. При этом женщины получали гораздо меньше мужчин. В высоко феминизированных профессиях заработная плата ниже, чем в низко феминизированных. По поводу дискриминации при увольнении автором сделаны следующие выводы: на

протяжении всего периода с 1994 по 2001 г. процент женщин, уволенных руководством предприятий и организаций, превышал соответствующий процент мужчин. Большая доля женщин по сравнению с мужчинами чувствовали обеспокоенность и страх потери работы. Кроме того, большее количество мужчин (по сравнению с женщинами) проявляли уверенность в том, что в случае закрытия их предприятия или организации они смогут найти новую работу не хуже прежней [3].

Политические отношения. По результатам исследования, проведенного «Новой газетой» весной 2019 года, в региональных парламентах современной России количество женщин составляет менее 15% от общего количества парламентариев. В рейтинге гендерного равенства в политической сфере Россия занимает 122 место из 152 и находится между Сьерра-Леоне и Марокко [4].

Семейные отношения. Комитет ООН неоднократно и настоятельно просил Россию с должным вниманием выполнять свои позитивные обязательства в рамках Конвенции и, в частности: принять специализированное законодательство по предотвращению насилия в отношении женщин в семье и другие меры по защите женщин от иных форм насильственных действий; создать национальную систему учреждений кризисной помощи потерпевшим от насилия; искоренить дискриминацию в отношении женщин во всех областях человеческой деятельности, в особенности в сфере труда и занятости; обеспечить защиту прав женщин, проживающих на территории Северного Кавказа. Несмотря на все эти призывы, уровень домашнего насилия в отношении женщин остается высоким. Женщины из различных социально-экономических групп с разными культурными, этническими и религиозными корнями, уровнем образования становятся жертвами домашнего насилия. Сильные патриархальные традиции, сексистские стереотипы и консервативные тенденции последних лет способствуют восприятию насилия в семье как повседневного явления. Несмотря на определённый прогресс, достигнутый в сфере противодействия семейному насилию, начиная с 1990-х годов системный подход к этой проблеме на государственном уровне так и не был сформирован. Государство не предоставляет широкой общественности качественной просветительской информации, которая могла бы изменить бытующие у населения представления о положении женщин в семье и обществе. Хотя признается, в том числе сотрудниками правоохранительных органов, что женщины часто не возбуждают дела частного обвинения, потому что не знают о том, какие действия им следует предпринять, официальные власти не предпринимают никаких усилий для того, чтобы обеспечить потерпевших информацией об их правах и действующих механизмах социальной, психологической и правовой помощи [5].

1. Конституция РФ. Глава 2. Права и свободы человека и гражданина. Статья 19.

2. ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ (Росстат). ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ РОССИИ 2018. Статистический сборник. С. 25.

3. СОЦИАЛЬНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ В РОССИИ: АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ. Никитина Екатерина Николаевна магистрант 2 курса факультета социологии, Уральский государственный педагогический университет

4. Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл-Р»

5. Отчет Проекта "Правовая инициатива" по теме "Насилие в отношении женщин в Российской Федерации" Проект Правовая инициатива. Москва, Май 2016

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Немова Ольга Алексеевна,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет)"

Дядицына Валентина Антоновна

Санкт-Петербургский государственный университет Петра Великого; ВШМОП

Глобализационные изменения видоизменяют бытие человека во всех сферах его жизнедеятельности. Особенно ощутимы эти изменения в сфере социальных отношений: демократизация и либерализация семейно-брачных и гендерных отношений вторгаются в основы основ существования самого человека.

Жизнь начинается прежде всего с возникновения половых различий, которые закладываются на уровне генома и определяют в дальнейшем особенности поло ролевого (гендерного) поведения человека. В своем исследовании мы опираемся на концепцию нижегородского философа С.А. Ермакова, ключевой сутью которой является отношение к человеку как био-социо-духовному существу нераздельном в своем единстве и гармоничном восприятии [4], [5]. Методологической ошибкой гендеристов мы видим в односторонности исследования человека только как био-социального субъекта, причем с акцентом на его социальную составную. Эксперименты в поло-ролевых отношениях не могут не отразиться на духовной конфигурации сознания. Более того, мы полагаем, что именно, от духовного состояния человека зависит его поло-ролевое и социальное поведение, а не, наоборот, как полагают гендеристы [1], [2].

Сохранение национальной идентичности и самобытности является насущной задачей современного российского общества, основой формирования единого социокультурного пространства. В этой связи гендерная проблематика предстает в особо важном ключе в вопросе самосохранительного поведения. Базовыми основаниями гендерной культуры общества являются представления о маскулинности и феминности

Предназначения мужского и женского начал в русской ментальности - это ключ к пониманию русской традиционной культуре и ментальных особенностей. Понимание причин, оказывающих влияние на современное развитие гендерной культуры русского этноса дает возможность обозначения вероятных траекторий развития гендерных отношений в отечественной истории и культуре. Исследование традиционных представлений о феминности и маскулинности позволяет объяснять сложившиеся в обществе поло-ролевые модели поведения и, соответственно, решения социально-бытовых проблем в семейно-брачной сфере [7].

Эмпирической базой исследования являются результаты социологического исследования: «Отношение молодежи к здоровому образу жизни», студентов очной формы обучения Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина - Н. Новгород. Методом случайной выборки было опрошено 315 студентов очной формы обучения. В опросе приняли участие студенты с первого по пятый курс очной формы обучения. Возраст респондентов - 18 до 25 лет; гендерный состав - 22,2% - юноши и 77,8% - девушек. Опрос проводился с применением количественного метода, т.е. через анкетирование и последующим анализом данных в программе SPSS-21. Анкета была размещена в открытом доступе в сети Интернет (<https://clck.ru/Y3HTV>).

В ходе исследования было выявлено наличие у молодежи традиционных представлений поло-ролевого, гендерного поведения. Так, девушки демонстрируют более пассивное и минимальное энергозатратное поведение по сравнению с юношами. Девушки проявили большую меркантильность и практичность по сравнению с юношами.

Мужчинам более важны самостоятельность, независимость, общение с друзьями. Юноши больше внимания уделяют физкультуре и спорту, но при этом более склонны к рискованным формам поведения. Так, частотность употребления спиртных напитков, табакокурения и легких наркотиков у юношей выше, чем у девушек.

1. Немова О.А., Свадьбина Т.В. Семейное воспитание в условиях общества массового потребления // *Социология*. 2012. № 3. С. 35-41.
2. Свадьбина Т.В., Немова О.А. Киборг против человека - вызов брошен // *Философия социальных коммуникаций*. 2015. № 3 (32). С. 58-66.
3. Таннен Д. Ты меня не понимаешь! Почему женщины и мужчины не понимают друг друга / Вече, Персей, АСТ, 1996.
4. Ermakov S., Svadbina T., Markova S., Nemova O., Tsyplakova S., Vagin D. Anthropological Approach to the Differentiation of Human Life Path Models// *Modern Journal of Language Teaching Methods*. – Vol. 8. Issue 12. December 2018. – P. 387-392.
5. Ermakov S., Ermakova E., Nemova O., Vagin D., Yashkova E., Zhulkova J. Practice-oriented approach to teaching philosophy in Russian higher education // *Eurasian Journal of Biosciences*. 2020.- Volume 14. Issue 2. P.5097-5101.
6. Nemova O.A., Retivina V.V., Kutepova L.I., Vinnikova I.S., Kuznetsova E.A. Sociocultural mechanisms of intergenerational values and mindset translation in modern family development and generational change // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. T. 11. № 13. С. 6226-6237.
7. Хитрук Е.Б. Мужское и женское: от природы к культуре / науч. ред. В.Н. Сыров. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. – 280 с.

ГЕНДЕРНЫЙ РАЗРЫВ В ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ МОЛОДЫХ ДЕПУТАТОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ: ОПЫТ СЕТЕВОГО АНАЛИЗА ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА

Овчарова Ольга Геннадиевна,
Козлова Наталия Николаевна (Тверской государственный университет), Рассадин
Сергей Валентинович (Тверской государственный технический университет)
ФГБОУ ВО "Российский государственный гуманитарный университет " (РГГУ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №21-011-31690

Проблема гендерного разрыва в политике – одна из наиболее актуальных и дискуссионных в современном социогуманитарном знании. С одной стороны, ученые-обществоведы единодушны во мнении о том, что полноценное участие женщин в представительных органах власти обеспечивает учет социальных интересов женщин, свидетельствует о демократическом формате политики. С другой стороны, в научном сообществе перманентны споры о причинах гендерных разрывов – вызваны они культурными/институциональными факторами или обусловлены нежеланием самих женщин идти в политику при отсутствии формальных ограничений?

Довольно отчетливо, на наш взгляд, можно рассмотреть эти вопросы на примере гендерной асимметрии представленности молодых депутатов в региональных парламентах. Такой подход позволит выяснить, по крайней мере, три аспекта: причины гендерного разрыва среди молодого поколения политиков – поколения, выросшего на ценностях равноправия, в том числе и в реализации собственных амбиций; тренды преемственности в пределах российской региональной элиты; закономерности в формировании и реализации политического потенциала российской молодежи (с учетом гендерного фактора) при помощи региональных срезов проблемы.

Для решения поставленной цели и задач авторами будет реализован сетевой анализ публичного дискурса [1]. Сетевой подход как теоретическая конструкция предполагает

использование методов математического анализа для определения степени связности и направленности институционального (официальные сетевые ресурсы, отражающие деятельность депутатов) и неинституционального (личные страницы молодых депутатов в социальных сетях) публичных дискурсов и качественно-количественной структуры сетевого дискурса. Эмпирическим объектом для дальнейшего анализа станут регионы, парламенты которых по итогам двух избирательных циклов (2016 и 2021 гг.) представлены молодыми депутатами (30 и 35 лет, соответственно). Совокупность математико-статистических методов анализа дискурсивных единиц по показателям «гендер»/«гендерное равенство» и «политический/социальный проект» за период 2016-2021 гг., в том числе процедура выявления наличия тренда (при совпадении в обоих дискурсах), позволит выяснить отношение к проблемам гендерного разрыва, его причины, а также отобрать молодых политиков-девушек и политиков-юношей с наиболее высоким инновационным и лидерским потенциалом.

Полученные данные сетевого анализа публичного дискурса будут дополнены результатами нарративных интервью с молодыми депутатами региональных legislatures. С их помощью возможна верификация и дополнение полученных результатов. Нарративное интервью – это метод сбора качественных данных, который сводится к анализу рассказов и историй людей; данный метод сводит к минимуму влияние интервьюера на информанта и содержит меньше погрешностей по сравнению с методами анкетирования.

В представленном на конференции докладе будут показаны основные результаты исследования.

1. Рябченко Н.А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Малышева О.П. Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 3. С. 139-162.

ВЗАИМНЫЕ ОЖИДАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЕНДЕРНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Павлов Никита Антонович,

Чайников Георгий Александрович

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова

Для молодых офицеров наличие семьи является не только статусным аспектом, позволяющим заявить о своей востребованности, но и необходимостью, ввиду специфики военной службы.

Проблемы поиска партнёра у будущего офицера сопряжено с рядом специфических особенностей его жизнедеятельности, влияющих на систему межличностных взаимоотношений и организацию быта.

Семья военнослужащего сталкивается с необходимостью горизонтальной мобильности.

Превалирующая дистантность отношений препятствует формированию крепких эмоциональных связей.

Учитывая специфику жизни военнослужащего в большинстве случаев создаётся нуклеарная семья, в рамках которой помощь родственников не может быть реализована на достаточном уровне [1].

Представленные особенности в значительной мере обуславливают противоречия, возникающие в процессе подбора пары и стабилизации отношений.

С целью выявления структурных проблем и противоречий в ожиданиях относительно семьи и отношений у молодых военных и девушек, в период с февраля 2021 г. по май 2021 г. автором был проведён опрос курсантов Тюменского военного института (N=150 курсантов в возрасте от 18-25 лет), а также девушек (N=150 человек в возрасте от 18-25 лет). Исследование имело целью выявление основных субъективных проблем, препятствующих созданию гармоничных отношений.

Единство респондентов обоих полов обусловлено признанием затруднительности поиска брачного партнёра (56 % военных и 64 % девушек). Однако в плане образа желаемого партнёра выявился ряд противоречий.

Молодые люди в первую очередь ожидают от девушек навыков морально-психологической поддержки, достойную внешность и наличие хотя бы базовых кулинарных и других бытовых навыков. При этом лишь 12 % высказали готовность развиваться совместно и допускать возможность для девушки обучения данным навыкам в процессе отношений. При этом, молодые военные полагают, что девушки предъявляют к ним чрезмерно высокие требования: материальная обеспеченность, приятная внешность, наличие высокого статуса, нежность «не свойственная военному».

Однако опрос девушек позволил обнаружить несколько иную тенденцию. Наиболее приоритетным для них в мужчине является наличие чувства юмора, умение находить выход из нестандартных ситуаций, внимательность, заинтересованность. Материальная составляющая была отмечена лишь на 4-5 местах. Следует отметить, что оценка девушками ожиданий со стороны мужчин проявилась в более негативной форме. 78,3 % отметили, что молодые люди предпочитают искать себе средство организации их комфорта и быта. В качестве структуры требуемых услуг респондентки отметили бытовое и интимное обслуживание. При этом, хотя многие из них понимают, что указанные аспекты являются частью семейной жизни, они выражают низкую готовность к их реализации.

Сохранение взаимных стереотипических представлений о гендерных установках формирует негативные ожидания относительно партнёра, что в итоге может повлечь за собой риски расставаний и разводов молодых семейных пар.

1. Туринцева Е.А. Особенности семьи военнослужащего и проблема обеспечения боеготовности вооруженных сил // Власть . 2011. №5. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-semi-voennosluzhaschego-i-problema-obespecheniya-boegotovnosti-vooruzhennyh-sil>. (дата обращения: 19.09.2021).

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК ЧАСТНАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Панкова Млава Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет

В 70-е гг. в СССР как одна из частных социологических теорий стала развиваться "социология пола. Термин «гендер» утвердился в научных источниках некоторых стран мира в 60-е годы XX века, однако в самой Великобритании, во Франции и во многих восточноевропейских странах он не прижился и там социологи продолжали развивать "women's studies". [4; 330] В России понятия "гендер", "социогендерные отношения" также вызывают далеко не однозначную реакцию.

От социологии пола гендерная социология принципиально отличается тем, что при учете биологических, физиологических и психологических различий половых групп она на первый план выдвигает особенности мужской и женской социальных общностей, их социального поведения и социального статуса. В то же время между этими двумя социологическими направлениями существует преемственность. Интерес к гендерной

социологии резко возрос в нашей стране после перестройки. Дискриминация женской части населения стала открыто проявляться во всех сферах общественной жизни. [3; 214] Гендерная социология – это частная социологическая теория, которая изучает процессы развития и социального взаимодействия мужской и женской общностей, анализирует эволюцию их социальных статусов и отношений с учетом культурных традиций и стереотипов, а также рассматривает влияние биопсихологических особенностей пола мужской и женской частей общества. Ее методологическую базу составляет диалектический подход к изучению социального взаимодействия двух гендерных общностей (мужчин и женщин) друг с другом и с их социальным окружением. Частных социологических теорий сегодня насчитывается свыше 120. Многие из них были признаны мировым социологическим сообществом и сейчас активно "пересаживаются" с западной на российскую почву. В нашей научной среде они получают новое содержание и приобретают исключительно динамичное развитие. Это относится и к гендерной социологии, которая так же как и социология молодежи, и социология девиантного поведения, и социология общественного мнения является теорией "среднего уровня". В работах по гендерной социологии пока фактически исследуются в основном женщины.

Также, необходимо в рамках гендерной социологии применять гендерный подход. Преимущество данного подхода состояло в том, что модель женского поведения перестала считаться отклонением от нормы, а стала рассматриваться как «другая, отличная от маскулинной». [1;2-4] В социальной теории и социальной практике под гендерным подходом подразумевается определенный угол зрения, методологические ориентиры выявления и трактовки причин специфического неравенства женщин и мужчин на каждой стадии развития общества, политики, законодательства, в различных социальных институтах и реализуемых программах. [2; 106-113] Целью гендерного подхода является достижение гендерного равенства между женщинами и мужчинами как большими социально-демографическими группами, что подразумевает равенство доступа к любому ресурсу, равенство отношения и равенство результатов.

1. Лакреева А. В. *Гендерный подход в предупреждении девиантного поведения*, Кубанский государственный университет, Краснодар, 2016- С. 2-4
2. Самылова О. А. *Исследование гендерных различий подростков, склонных к девиантному поведению*// Вестник Шадринского государственного института, 2017. №3(23). С. 106-113
3. Силласте Г.Г., Кожамжарова Г.Ж. *Социальная дискриминация женщин как предмет социологического анализа*. Социол. исслед., 1997 № 12; Силласте Г.Г. *Женщины как объект и субъект социальной безопасности*. Социол. исслед., 1998 № 12, С.214
4. Смелзер Н. *Социология*. М.: Феникс, 1994 С. 330

К ВОПРОСУ О СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОЛИАМОРИИ

Плигунова Анастасия Вячеславовна
Санкт-Петербургский государственный университет

В современной научной литературе господствуют два основных подхода к интерпретации и характеристике современных процессов в сфере семейных отношений. Первый из них фиксирует кризис семьи, второй – эволюцию или трансформацию форм и ценностно-нормативных оснований супружеских и межпоколенных взаимодействий внутри семьи. В этой связи интерес для социологического анализа представляет альтернативная, маргинальная форма интимных, сексуальных (в широком смысле слова [3]) отношений - полиамория.

Анализ научных публикаций, посвященных полиамории, позволяет отметить важность и перспективность междисциплинарного (психология [4], сексология [6] и социология [5]) исследования данного явления. В соответствии со спецификой

социологического подхода мы предлагаем понимать под полиаморией основанные на согласии (договорённости), многопартнерские отношения, которые определяются особой системой этических взглядов на интимность (физическую, эмоциональную, ценностную, интеллектуальную) в эротико-эмоциональных отношениях, допускающей возможность существования множественных сексуальных, любовных устойчивых связей у одного человека с несколькими людьми одновременно, с согласия всех участников этих отношений.

С точки зрения одного из ведущих специалистов в области социологии сексуальности и брачно-семейных отношений Сергея Исаевича Голода, современному типу супружеских связей присущи три имманентные ценности: «адаптационный синдром», «интимность», и «автономия» [2]. Адаптация реализуется в семи выделенных Голодом нишах: духовной, психологической, сексуальной, информационной, родственной, культурной и бытовой [1]. Интимность представляет собой более глубокий уровень соединения субъектов отношений в психологическом, духовном, телесном плане. При этом сохраняется потребность индивидов в личной автономии, которая выражена в отличии интересов, досуга супругов, разделении их круга общения.

Ключевая проблема, на наш взгляд, заключается в том, каким образом в современных сексуальных, супружеских отношениях оказывается возможным реализации всех трех имманентных, противоречивых ценностей при этом с сохранением стабильности пары / семьи. Является ли полиамория одним из вариантов, способов решения данной проблемы организации устойчивых эротико-эмоциональных отношений?

1. Голод С.И. *Семья и брак: историко-социологический анализ*. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
2. Голод С.И. *Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // СОЦИС*. - 2008. - Т. 7, №1 - С. 1 – 24
3. Панкратова Л.С. *Формирование сексуальной культуры молодежи в современном российском обществе / автореферат дис. ... кандидата социологических наук*. Санкт-Петербург: С.-Петербург. гос. ун-т., 2015. С. 10.
4. Conley T.D., Ziegler A., Moors A.C., Matsick J.L., Valentine B. *A critical examination of popular assumptions about the benefits and outcomes of monogamous relationships // Personality and Social Psychology Review*. 2013. V. 17. P. 124– 141.
5. Haritaworn J., Klesse C., Lin C. *Polylogue: a critical introduction to polyamory // Sexualities*. 2006. Vol. 9. N 5. P. 518.
6. Rubel A; Burleigh T. *Counting polyamorists who count: Prevalence and definitions of an underresearched form of consensual nonmonogamy. Sexualities*, 2020, vol.23, no.1-2, pp. 3-27

ПЕРСПЕКТИВЫ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

**Рашитова Луиза Камилевна,
Курилов Сергей Николаевич**

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Неотъемлемой частью социальных наук является исследование гендерных отношений, которые становятся одним из элементов осмысления социальных преобразований современности.

Формальной датой рождения гендерных исследований в России можно считать апрель 1989 года, когда в журнале «Коммунист» - главного идеологического органа СССР - появилась статья «Как мы решаем женский вопрос» Н. Римашевской, Н. Захаровой и А. Посадской. Они исходили из того, что естественное разделение труда между мужчиной и женщиной имеет социальную природу.

Возникновение гендерных исследований связано прежде всего с именем Римашевской Н.М., которая в 1990 г. в ИСЭПН РАН основала Лабораторию гендерных проблем.

В истории становления и развития гендерных исследований в России условно выделяют три этапа:

становление и институционализация гендерных исследований в России (90-х гг. XX в.) – началось осмысление проблемы пола в общественной жизни;

вписывание гендерных исследований в российский контекст (2000-2009 гг.) - исследования переживали стадию перехода количества в качество;

развитие гендера в цифровую эпоху (2010-2021 гг.) - появились новые информационные ресурсы в виде социальных сетей, интернет-форумов и блогов по гендерным исследованиям.

За столь непродолжительный период становления гендерной проблематики в России опубликовано огромное количество публикаций, посвященных институционализации, включению в социальные и гуманитарные науки, обоснованию гендерной социологии как частной социологической теории и др. Свидетельством общественного интереса к гендерной тематике являются крупные международные и законодательные инициативы российской власти, которые выходят далеко за рамки гендерных исследований как научного направления, но, по большому счету, на них основаны.

Полагаем, что дальнейшее развитие гендерных исследований в России будет связано со следующими вопросами:

необходимо глубокое изучение причин и последствий укорененности в российском обществе гендерных стереотипов, которые играют роль барьеров на пути достижения гендерного равенства во всех сферах жизнедеятельности;

нужно активизировать «мужские исследования», направленные на изучение проблем мужчин, что будет способствовать восстановлению баланса в области отечественных гендерных исследований;

следует перенести акцент с проблем женщин на их достижения, создать ролевые модели успеха и успешности женщин;

необходимо изучение двойственности рынка труда, что будет способствовать смягчению проблем гендерной и цифровой асимметрии в сфере занятости, а также перспектив безработицы женщин, обусловленных технологической революцией;

нужно изучение гендерных аспектов сетевой коммуникации, проблем виртуальной идентичности и виртуальной реальности в целом [1, 34].

1. Хоткина З.А. Российским гендерным исследованиям 30 лет: ретроспектива и перспективы // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 26-37.

РОЛЬ СЕМЬИ В СТАНОВЛЕНИИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Скорик Ксения Геннадиевна

ФГАОУ ВО "Белгородский национальный исследовательский университет"

На протяжении веков семья вносила решающий вклад в воспитание и социализацию детей, в формирование мировоззрения, ценностных ориентаций, в становление характера растущего человека, развитие интеллектуальной, эмоциональной и волевой сфер личности. Разные семьи осуществляют эти функции с той или иной степенью эффективности. Успех этого процесса зависит от уровня воспитательного потенциала семьи.

Гендерные исследования, которые стали неотъемлемой частью и аспектом социологии, антропологии, истории и других наук о человеке и обществе, занимаются прежде всего такими процессами, как общественное разделение труда, властные отношения, характер общения между мужчинами и женщинами, гендерный символизм и особенности социализации мальчиков и девочек. Хотя в трактовке этих явлений многое остается спорным, накопленный багаж знаний свидетельствует о плодотворности междисциплинарных поисков.

Идентичность осознается как нечто, что люди выстраивают сами, а не по требованию других людей в процессе культурной социализации согласно статусу в общественной структуре, или даже вследствие психических конфликтов. [5, 83]

В научной литературе приводятся примеры домашней связи и этапность дезорганизации семьи. Так, Т.В. Шеляг к примерам домашней связи относит чувственную близость, совместное размещение и его результаты, и юридическую фиксацию брака. По его мнению, разрушение одного из приведенных моментов домашней связи считается началом дезорганизации семьи.

В дезорганизованных семьях, как правило, отсутствуют нужные обстоятельства для обычной социализации и становления личности ребенка. В связи с этим, в таких семьях универсальными главными фигурами воспитания детей, с учетом их гендерных индивидуальностей, выступают родители, в таких ситуациях их воспитание нередко диаметрально противоположно. Отцы более дифференцированно относятся к ребенку в зависимости от его пола, чем матери.

Работая в Шебекинском техникуме промышленности и транспорта второй год, анализируя анкеты обучающихся при поступлении, пришла к выводу, что у 90% семей мужчина в жизни ребенка отсутствует (родители в разводе), либо отца заменяет отчим. Впрочем, отсутствие отца нельзя рассматривать независимо от других факторов. Многое зависит от отношения родителей друг к другу, от возраста ребенка, от присутствия иных взрослых, которые имеют возможность компенсировать отсутствие отца в семье.

С раннего детства у ребенка, в зависимости от пола, складываются и укрепляются свойства личности, принадлежащие нормативным представлениям о маскулинности-фемининности. У мальчиков – это энергичность, напористость, смекалка, уверенность в себе, у девочек – уступчивость, пассивность, подневольность. Это же касается и полоролевого поведения детей. [1, 176]

Таким образом, важным условием верного протекания процесса полоролевой идентификации считается присутствие и практически, и психологически обоих родителей в семье, с адекватным исполнением ими классических половых ролей.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

Старцева Наталья Николаевна
Уральский государственный университет путей сообщения

В 2020 году численность многодетных семей в Российской Федерации составила 1,87 млн. семей, в которых воспитывались 6,1 млн. детей [2, 56]. Необходимо сказать, что количество семей с тремя и более детьми ежегодно растет (так, по сравнению с 2019 годом рост числа многодетных семей в 2020 году составил 6% [3, 50]), но несмотря на обширные меры социальной поддержки многодетные семьи остаются самой незащищенной и экономически неблагополучной социальной общностью.

На данный момент государство старается помочь многодетным семьям. Так, по данным органов исполнительной власти 84 субъектов Российской Федерации, по

состоянию на 1 января 2020 года многодетным семьям предоставляются меры социальной поддержки в связи с рождением и воспитанием детей, меры, связанные с обучением детей, предоставлением медицинских услуг и оздоровлением, связанные с досугом семей, с жизнедеятельностью семьи и с улучшением жилищных условий [2, 57 – 58]. Можно сказать, что данный перечень мер должен достаточно помогать многодетным семьям в воспитании детей и организации их жизни. Но какова же картина на самом деле?

Согласно данным Росстата на 2018 год 48,7% многодетных семей относится к малоимущим многодетным семьям [4], и предоставляемая помощь и поддержка со стороны государства пока не может улучшить их финансового положения. По данным исследования ВЦИОМ, одной из главных проблем, с которой сталкивается не только многодетная, но почти каждая четвертая семья с детьми, является низкий размер детских пособий (24%), недостаточное число детских воспитательных учреждений (21%), низкий уровень медицинского обслуживания и недостаток врачей (14%) [1]. Несмотря на то, что малоимущим многодетным семьям предоставляются дополнительные льготы и пособия на детей, на оплату коммунальных платежей, на получение квартиры при особых условиях, многие продолжают сталкиваться с серьезными экономическими трудностями (трудности в приобретении товаров не только длительного пользования, но и товаров первой необходимости).

Таким образом, можно сказать, что, с одной стороны, многодетные семьи сейчас являются наиболее активной частью населения с точки зрения репродуктивности, а с другой стороны, именно они более подвержены опасным ситуациям, поскольку не многим многодетным семьям удастся оставаться социально благополучными. Считаем, что для реализации соответствующей социальной политики, направленной на поддержку многодетных семей, необходимо опираться не только на объективные статистические данные и демографические прогнозы, но и учитывать субъективное мнение тех, кто каждый день сталкивается с реальными проблемами, созданными особыми ситуациями воспитания трех и более детей.

ГЕНДЕРНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИОЛОГА: АКТУАЛЬНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

Ушакова Валентина Григорьевна
Санкт-Петербургский государственный университет

Гендерные исследования являются частью гуманитарного знания в нашей стране и опираются на глубокую отечественную традицию. Выдающиеся социологи, философы, историки, писатели и общественные деятели России в XIX веке разрабатывали проблематику «женского вопроса» [1]. В советский период проводились многочисленные исследования женской демографической общности. В постсоветский период продолжается анализ положения женщин в нашей стране [2, 3]. Однако научная проблематика существенно расширилась благодаря формированию и развитию исследований мужской демографической общности, а также легитимизации и институализации гендерных исследований и гендерной социологии [4, 5, 6, 7, 8]. В этой связи в научно-педагогическом контексте российских университетов, актуализируется ряд проблем.

Во-первых, необходима дальнейшая разработка теории «гендера», понятийного аппарата гендерной социологии. Даже среди специалистов наблюдается путаница в определении содержания таких терминов как «пол», «гендер», «третий пол», «транссексуал», «трансгендер» и т.д.

Во-вторых, представляется весьма значимой разработка гендерной методологии и расширение использования «гендера» как инструмента познания социальной реальности. Зачастую в качестве «гендерных» преподносятся исследования, содержащие корреляционный анализ по признаку пола, лишь учитывающие половую принадлежность респондентов социологического исследования.

В третьих, актуализируется практический аспект гендерных исследований. Гендерный анализ, к примеру, пенсионной реформы, демографической, семейной политики в нашей стране выявляет комплекс противоречий, связанных с отсутствием гендерного и социо-гендерного сопровождения этих реформ и политик.

В четвёртых, сформировалась потребность в специалистах в области гендерной социологии, гендерологии, способных эффективно проводить гендерные и социо-гендерные исследования, гендерную экспертизу, гендерный анализ статистики, социальной реальности; заниматься гендерным просвещением и гендерным образованием.

Эти специалисты должны знать не только теорию и методологию «гендера», но и закономерности, особенности институционализации гендерной социологии; понимать роль гендерных исследований в науке; владеть методикой преподавания гендерной социологии; выявлять и объяснять причины возникновения гендерного неравенства и дискриминации по признаку пола; применять знания по гендерной социологии для выявления социально значимой проблемной ситуации, определения стратегий ее изучения; владеть методиками обработки и анализа социологических данных, социальной информации, полученных смежными науками, для подготовки аналитических предложений, экспертных заключений и рекомендаций, направленных на решение конкретных социальных задач; применять технологии преодоления дискриминационных явлений в политических и социальных институтах и процессах; участвовать в мероприятиях по согласованию интересов различных социальных субъектов, разработке предложений, рекомендаций по их реализации.

Современный общественный дискурс по семейно-брачной, демографической, молодёжной, демографической проблематике настоятельно формирует потребность в научной гендерной компетентности и научном гендерно-социологическом сопровождении всей социальной активности.

1. Хвостов В. М. *Женщина и человеческое достоинство: Ист. судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос* / Проф. В.М. Хвостов. - Москва: Г.А. Леман и Б.Д. Плетнев, 1914.
2. *Введение в гендерные исследования. Учебное пособие.* М., МГУ, 2000.
3. *Словарь гендерных терминов*, под ред. А.А.Денисовой. М.: Информация – 21 век, 2002.
4. *Гендерные исследования в контексте социологического образования. Сборник научных статей под ред. В.Ушаковой, У.Мюллер, Б.Зауэр.* Санкт-Петербург: Изд-во «Скифия», 2005.
5. Кон И.С. *Мальчик - отец мужчины: научное издание* - М: Время, 2010.
6. *Мужская гендерная общность: закономерности и специфика развития: монография.* – М.: Маска, 2013.
7. Ушакова В.Г. *Гендерная проблематика в контексте социологического образования.* Журнал «Социологические исследования». № 2, 2017.
8. *Женщины и мужчины России. 2020: Стат.сб./Росстат.* - М., 2020. – 239 с.

В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ПОЛОВ?

Фадеева Мария Михайловна
Санкт-Петербургский государственный университет

В разное время ученые исследовали привлекательность. Люди ставят перед собой вопросы: почему человеку начинает нравиться другой человек? Какие факторы заставляют нас выбрать одного из многих? В процессе поиска своего потенциального «спутника жизни» молодые люди обращают внимание на определенные факторы, а именно на биологические и социальные. Есть мнение, что люди обоих полов привыкли формировать первое впечатление друг о друге отталкиваясь от физиологических ресурсов.

В своем докладе я раскрою понятие привлекательности, базируясь на идеях эволюционной психологии и эмпирических исследованиях, выполненных американским психологом Кенриком Дугласом.

«Каждый человек должен совпасть друг с другом». В основе данного суждения лежит тест социальной динамики, который был впервые проведен Дугласом и его коллегами. Ученый собрал 20 человек: мужчин и женщин, разного диапазона привлекательности. Идея заключалась в том, что участники эксперимента должны объединиться в пары, отталкиваясь от единственного фактора: номера (от 1 до 10), который присвоен им в рандомном порядке. Задача участников в том, чтобы выбрать себе партнера с наибольшим номером.

Похожий эксперимент неоднократно проводился в разных странах: каждый раз результат совпадал с первоначальным результатом ученого.

ВОСПРИЯТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИНАСТИЙ В МЕДИЦИНСКОМ СООБЩЕСТВЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Черевкова Алена Игоревна
Южный федеральный университет

*Статья подготовлена при поддержке РНФ проект № 19-18-00320
«Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных
династий в российском обществе».*

Профессиональные династии как «локализованные в производственной и социально-экономической сфере социальные группы, характеризующиеся кровнородственными отношениями» [1, с. 100], широко представлены в медицине. Восприятие династий и их представителей в профессиональном сообществе может быть как позитивным, связанным с механизмами семейной профсоциализации, преемственностью навыков, профессиональных ценностей, так и негативным, ассоциируемым с nepoтизмом и коррупцией [2]. В рамках данной работы рассмотрим гендерный аспект восприятия династий медицинским сообществом.

Эмпирической базой работы выступают результаты прикладного исследования, проведенного зимой-весной 2021 г. методом массового анкетного опроса представителей медицинского сообщества в Москве, Ростове-на-Дону и Саратове. В каждом из трех городов было опрошено по 250 врачей (n=750, 40% мужчин и 60% женщин).

Анализ данных полевого исследования показал, что женщины более позитивно оценивают влияние профессиональных династий на функционирование медицины (Таблица 1), в то время как мужчины в своих оценках более осторожны, отмечая амбивалентное влияние династий.

Таблица 1.

Распределение ответов мужчин и женщин на вопрос «Как Вы оцениваете влияние профессиональных династий на функционирование различных областей деятельности?» (показано влияние на медицину), в %

	Москва		Ростов-на-Дону		Саратов	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
скорее положительное	42,9	56,6	22,8	38,3	61,2	52,4
положительное и отрицательное в равной степени	24,2	21,4	55,4	43,6	28,2	28,6
скорее отрицательное	5,5	5,0	15,8	12,8	4,9	0,7
никак не влияет	6,6	4,4	3,0	4,0	5,8	11,6
затрудняюсь ответить	20,9	12,6	3,0	1,3		6,8

Среди положительных сторон существования династий женщины чаще, чем мужчины, отмечают накопление и передачу в семье уникальных профессиональных знаний, сохранение в профессии традиций и ценностей, а также преданность, эмоциональную приверженность профессии представителей династий. Мужчины среди позитивных функций династий чаще женщин отмечали формирование и развитие в профессии фамильного бренда.

Респонденты-мужчины в качестве отрицательных сторон династийности чаще, чем женщины, отмечали ограничение свободной профессиональной конкуренции, усиление неравенства ресурсов и наследование, а не личное достижение преимуществ в профессиональном и карьерном продвижении. Женщины же большее внимание обращают на такое явление как вынужденный приход в профессию младшего поколения под влиянием родственников, давления семейных традиций и узость, что связано с тем, что в рамках медицинских династий женские гендерные сценарии чаще предполагают пассивный и даже вынужденный выбор профессии [3].

Несмотря на то, что мужчины в целом к династиям настроены более негативно, 50,7% респондентов мужского пола ответили, что хотели бы, чтобы дети выбрали ту же профессию, что и у них (варианты ответа «безусловно да» и «скорее да»). Мнения женщин по этому вопросу разделились поровну: 42,3% хотели бы, чтобы дети продолжили их дело, а 42,4% выбрали варианты ответа «скорее нет» и «точно нет».

1. Посухова О.Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? *Власть*, 2013, № 12, 100-103.
2. Черевкова А.И. Восприятие представителей медицинских династий в профессиональном сообществе // *Актуальные проблемы социальных наук (23–24 апреля 2021 г.) Материалы XXIII Международной конференции молодых ученых / Под редакцией Ю.Н. Кириленко. – Томск, 2021. – М.: Издательство «Перо», 2021. С. 283-284.*
3. Клименко, Л.В., Посухова, О.Ю. Гендерные аспекты воспроизводства профессиональных династий в медицине // *Journal of Institutional Studies*, 2021, 13(3), С. 144-157.

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Черепанов Антон Викторович
ФГАОУ ВО "Тюменский государственный университет"

Проблема выражается в трудностях, возникающих на стыке декларации нормативных представлений о гендерной бинарности, детско-родительских отношениях в процессе социализации эмоции и необходимости учета половой и личностной специфики ребенка в современном мире.

Актуальность видится в стремительных социокультурных изменениях института семьи и детско-родительских отношений, а также трансформацией представлений о выборе гендера и идентичности; роли родителей и способа влияния на гендерную социализацию эмоций детей.

Цель – осветить исследовательские данные о связи гендерных особенностей участников социализации и социальном становлении эмоций детей разного возраста в современном мире.

Результаты. Влияние родителей и характер их отношений направляет эмоциональную социализацию детей: «...отцы чаще реагируют на эмоции детей в соответствии с гендерными стереотипами...; матери выступали в качестве эмоциональных привратников» [1, 159–160].

Различие родительской регуляции эмоций детей в зависимости от гендера ребенка и типа реакции родителя: «...матери проявляют больше карательных реакций на мальчиков, чтобы контролировать их негативное эмоциональное выражение» [2, 150–151]. Выбор типа реакции на эмоции детей и специфика связь с полом и темпераментом. «Родители застенчивых малышей начинают ожидать замкнутого и боязливого поведения и демонстрируют меньшую поддержку в ответ, когда их дети вступают в дошкольный возраст» [3, 1859–1860].

Гендерные различия в реакции на карательные практики социализации эмоций: «...родители участвуют в более позитивном обсуждении эмоций и выражают более широкий спектр эмоций с девочками, чем с мальчиками...; но девочки могут подвергаться большему риску последующей психологической дезадаптации...» [4, 88–89].

Выводы. Гендерная социализация эмоций может повлиять на последующий характер адаптации, благополучие и реализацию потенциала ребенка. Значимую роль в социализации эмоций играют: пол и гендер, возраст и темперамент родителя и ребенка; стратегия гендерной социализации родителя и тип социального окружения; характер детско-родительских отношений и возрастные этапы развития ребенка.

1. Aznar A., Tenenbaum H.R. Gender Comparisons in Mother-Child Emotion Talk: A Meta-Analysis // *Sex roles*. 2020. Vol.82. No.3–4. P. 155–162.
2. Suh B.L., Kang M.J. Maternal Reactions to Preschoolers' Negative Emotions and Aggression: Gender Difference in Mediation of Emotion Regulation // *Journal of child and family studies*. 2019. Vol.29. No.1. P. 144–154.
3. Grady J.S. Parents' reactions to toddlers' emotions: relations with toddler shyness and gender // *Early child development and care*. 2020. Vol.190. No.12. P. 1855–1862.
4. Perry N.B., Leerkes E.M., Dunbar A.S., Cavanaugh A.M. Gender and Ethnic Differences in Young Adults' Emotional Reactions to Parental Punitive and Minimizing Emotion Socialization Practices // *Emerging adulthood*. 2017. Vol.5. No.2. P. 83–92.

ГЕНДЕРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ НА НАЦИОНАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОНКУРСАХ РОССИИ

**Швецова Анастасия Владимировна,
Зиброва Екатерина Александровна**
Уральский государственный педагогический университет

В оптике гендерной социологии национальные и региональные управленческие конкурсы могут быть описаны как поле конкурентного взаимодействия мужчин и женщин с целью доступа к экономическим (эквиваленты финансовых призов), профессиональным (возможность карьерного роста), социальным (расширение связей) и духовным (саморазвитие, самооценка) ресурсам. В настоящее время эти конкурсы один из основных социальных лифтов в России. Каково влияние управленческих конкурсов на развитие женского лидерства в стране и достижение глобальных целей гендерного равенства?

На текущий момент существует дисбаланс в гендерной представленности участников (Табл. 1). Однако статистическое сравнение позволяет зафиксировать устойчивую тенденцию увеличения доли женщин в конкурсах даже в условиях отсутствия стимуляции их участия (например, если в первых трех сезонах проекта «Лидеры России» доля женщин не превышала 13%, то в 2020 году она возросла до 25%).

Таблица 1. Гендерное распределение участников управленческих конкурсов в России, % (по официальным данным организаторов)

Название конкурса, год	Уровень	Подача заявок		Прошли отборочный тур		Победители	
		Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
«Моя Мордовия» (2021)	Региональный	45,1	54,9	43,0	57,0	50	50
«Новое время», г. Белгород (2021)	Региональный	40,2	59,8	36,5	63,5	41,7	58,3
«Пензенская область — регион возможностей» (2021)	Региональный	52,5	47,5	31,5	68,5	25	75
Лидеры России (2021)	Национальный	21	79	нет открытых данных			

Мы наблюдаем ряд маркеров, влияющих на женскую активность: всплеск при расширении направлений конкурса (треков, затрагивающих социальные и культурные сферы); более высокий процент женских заявок в регионах (локальные конкурсы дают понятные выгоды от участия, например, назначение на должность или расширение круга знакомств); высокая активность в тех конкурсах, где конкурентный барьер ниже и отсутствует обязанность тотального погружения в проект (ожидается, что участие в конкурсе должно быть сочетаемо с привычным ритмом жизни и выполнением бытовых обязанностей); увеличение присутствия женщин на финальных этапах даже в условиях их меньшинства.

Важным аспектом являются культурные коды женственности в национальном и региональном масштабе, которые являются фактором успеха на управленческих конкурсах. Например, равное соотношение женщин и мужчин среди победителей было впервые достигнуто на региональном конкурсе «Моя Мордовия». В мордовском быту статус женщины был традиционно высок, этническая картина мира у мордвы отличалась значительной степенью феминной ориентированности, роль в крестьянской семье была практически равной с мужчиной, но что наиболее интересно, права на собственность у мордовских женщин были значительно шире, чем в других регионах России [5]. Однако в национальном масштабе российская система управления остается маскулинной, образ женщины во власти является скорее исключением, обладающим уникальными, сверхнормативной женственности качествами и способностями.

Таким образом, лидерские и управленческие конкурсы являются объективной возможностью влияния на уровень доступа к карьерным и управленческим ресурсам и могут служить эффективным инструментом достижения глобальных целей гендерного равенства при условии стимуляции участия женщин.

1. *Официальная статистика проекта «Моя Мордовия»* // URL: <https://xn----dibfrqbmchs5ni.xn--p1ai/tpost/3chvz6nsr1-pobediteli-respublikanskogo-kadrovogo-pr> (дата обращения 29.09.2021)
2. *Официальная статистика проекта «Новое время»* // URL: <https://новоевремя2021.рф/tpost/or6i95iyy1-48-pobeditelei-proekta-novoe-vremya-stat> (дата обращения 29.09.2021)
3. *Официальная статистика проекта «Пензенская область — регион возможностей»* // URL: <https://58регионвозможностей.рф/news/tpost/e7rkbiv911-48-pobeditelei-konkursa-prezentatsiya> (дата обращения 29.09.2021)
4. *Официальная статистика проекта Лидеры России* // URL: <https://лидерыроссии.рф/#news2021> (дата обращения 29.09.2021)
5. Бульчева О. Ю. *Положение мордовской женщины в семье и обществе в конце XIX - 30-х гг. XX в. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Саранск, 2008. 24 с.*

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ОТЦОВСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Шевченко Ирина Олеговна

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Развитие идей структурного функционализма приводит к формированию полоролевого подхода по отношению к описанию семейного взаимодействия. Отношения мужчин и женщин внутри семьи рассматриваются Т. Парсонсом [1,2,3], как и Э. Дюркгеймом, на основе биологического детерминизма: различия полов естественны, это обусловлено природными особенностями мужчин и женщин и усиливается социализацией, в процессе которой ребенок осваивает, в том числе, и половые роли [4].

Основная идея социального конструктивизма – социальная реальность и ее значения конструируются во взаимодействии людей, через интерпретацию смыслов и формирование знаний о реальности [5]. Представители этого подхода изучают общество не на уровне социальных институтов, а на уровне повседневных взаимодействий, учитывая локальные контексты. Через призму этого подхода мы рассматриваем отцовство как социальный конструкт. Каждый отдельно взятый мужчина, являющийся мужем и отцом, выстраивает свое пространство взаимодействий с женой и ребенком, вкладывая в отцовство свой собственный смысл.

К социальному конструктивизму примыкает символический интеракционизм И. Гофмана. Поскольку социальная жизнь строится как спектакль по определенным законам драматургии, то главное – это ситуация взаимодействия. Участники социального взаимодействия строят определенный образ самого себя, исходя из того впечатления, которое хотят произвести – «играют партию» [6] перед определенной аудиторией. По И. Гофману, набор прав и обязанностей в рамках определенной роли соответствует статусу [7]. Так мужчина, становясь отцом и приобретая новый статус, получает комплект отцовских прав и обязанностей. Мужчина будет играть свою партию отца в отношениях с разными аудиториями – то есть с женой/матерью своего ребенка, самим ребенком, прародителями и представителями различных организованных структур (детского сада, школы, поликлиники) совершенно по-разному, учитывая обстоятельства и желание произвести определенное впечатление. И. Гофман использует понятие «социальная роль», что вроде бы сближает его с идеями структурного функционализма (полоролевой подход). Но он вкладывает в понятие социальной роли другое содержание: роль – не только следствие биологически предписанного общественного разделения труда. Роль конструируется в процессе взаимодействия людей, которые и наполняют ее определенным смыслом. Исполнение одной и той же роли разными людьми отличается. Кроме того, один и тот же человек проигрывает свою роль по-разному с разными людьми (аудиторией); и даже другие обстоятельства могут изменить проигрывание роли тем же самым игроком. Все это в полной мере можно отнести к отцам и отцовству. Как через общественное сознание, так и через социальные институты и структуры общество пытается транслировать участникам взаимодействия «правильные», то есть социально желательные роли, но степень их освоения у каждого своя. Таким образом, предписание и исполнение роли зависит не только от личности, но от социальной и культурной среды.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТРУДНОДОСТУПНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ОТЦОВСТВА)

**Шишкина Евгения Владимировна,
Шишкина Е.В.
Санкт-Петербургский государственный университет**

*Тезисы подготовлены в рамках реализации гранта РФФИ 19-011-00543
«Отцовство в современной России: смыслы, сценарии, ресурсы и
межпоколенческая динамика».*

На протяжении последних 5-10 лет наблюдается активизация изучения института отцовства, за это время число публикаций значительно возросло. Самой популярной темой при этом является ответственное отцовство. Кроме увеличения числа научных публикаций на данную тему, наблюдается активизация деятельности некоммерческих организаций, поддерживающих и транслирующих идею ответственного отцовства в различных регионах страны.

Несмотря на активизацию исследовательского интереса к изучению маскулинности и отцовства в последние годы, отцы все же значительно реже выступают объектом для эмпирического изучения. Тем не менее потребность в многоаспектном изучении структурных, мотивационных и смысловых характеристик отцовства растет.

Опыт исследовательского коллектива, реализующего с 2019 года грант «Отцовство в современной России: смыслы, сценарии, ресурсы и межпоколенческая динамика» позволяет говорить в том числе о методических сложностях сбора информации по данной теме. Почти все анализируемые группы отцов могут быть отнесены к числу труднодоступных.

Традиционно к числу труднодоступных групп (англ. *hard-to-reach*) относят различные меньшинства, скрытые группы, группы с девиантным поведением. В случае с нашим исследованием труднодоступность основана на низкой институционализированности, сензитивности исследуемого опыта, стигматизации представителей группы или практикуемого ими поведения.

Одиноким отцам, приемным отцам, отцам, находящимся в состоянии развода, отцам из числа трудовых этнических мигрантов – все это примеры труднодоступных групп. Количество критериев, влияющих на формирование выборки сильно сокращает возможности найти достаточное, с точки зрения репрезентативности, число респондентов. При исследовании в труднодоступных группах отцов применялась целевая выборка, поиск респондентов осуществлялся с применением метода снежного кома. Такой подход предполагал включение в исследование всех доступных представителей целевой группы. В некоторых случаях выход на респондентов происходил и через государственные организации, осуществляющие социальное сопровождение той или иной группы. В результате, происходило, смещение выборки, которое необходимо было учитывать при анализе полученных ответов. Тем не менее даже при такой выборке был получен определенный объем базовой информации, соотносимый с результатами других исследований и обеспечивающий возможность для организации будущих исследований по теме ответственного (вовлеченного) отцовства.

В дополнение к демографическим и поведенческим характеристикам существуют также практические причины, по которым интервьюирование отцов определенных групп затруднено. Результаты нашего исследования позволяют сформулировать рекомендации не только по социальному сопровождению отцовства, но и по методике социологического изучения труднодоступных групп отцов.

ГОМОСЕКСУАЛИЗМ В РОССИИ КАК ТРУДНО ИССЛЕДУЕМЫЙ ОБЪЕКТ

Шовкомуд Дарья Сергеевна
Иркутский Государственный университет

Гомосексуализм - это предпочтение представителей своего пола (или гендера) в качестве объекта любовных отношений, эротического влечения и / или сексуального партнера. До 70-х годов прошлого века гомосексуализм относился к сексуальной психопатии, и только в 1973 г. Американская психиатрическая ассоциация исключила гомосексуализм из списка своих заболеваний, и в МКБ-10 он был признан нормой [3].

Старые отечественные психиатры, рассматривающие гомосексуализм как «сексуальную психопатию», делили гомосексуальность на «ядерную» (врожденную) и «краевую» (приобретенную) формы [1, 88].

В настоящее время всё большее число стран не только считает нетрадиционные отношения нормой, но также старается прививать детям гомосексуальные тенденции. Для детей организуются ролевые игры, семинары. Под лозунгом «Школы без гомофобии»

проводятся соответствующий уроки, внедряются разнообразные встречи с гомосексуальными представителями, на стенах висят плакаты однополых семей.

Некоторая часть общества, как и Медведева Е.Н. считают, что данная политика проводится лобби: «Следствием будет снижение рождаемости и постепенное вымирание человечества, чем меньше на планете людей, тем проще их контролировать. Население будет выполнять свою истинную функцию – обслуживание верховных правителей» [2,122].

Исследование ФОМ среди 1500 респондентов от 18 лет в 53 субъектах РФ, 104 населенных пунктах, показало, что в 2006 г. 47 % респондентов с осуждением, 40% без осуждения относятся к гомосексуалистам. В сравнении проанализируем опрос за 2012 год, где 51 % с осуждением к секс-меньшинствам, 32% без осуждения и за 2019 г., где 55% и 31 % соответственно. На вопрос: «Измените ли вы отношение к человеку, если при знакомстве узнаете, что он из ЛГБТ?» в 2012г. 35% отнеслись бы к этому с неприязнью, 29 % безразлично и 15 % затруднились ответить. При сравнении с 2019 г. доля тех, кто относится с неприязнью почти не изменилась и составила 34%; сократилось число тех, кто затруднялся ответить - 6%, и увеличилось число людей, относящихся к тем, у кого не поменяется отношение к секс-меньшинству (либо безразлично) – 39%. Интересен тот факт, что на вопрос: «Сексуальная ориентация дана человеку от природы или зависит от его личного выбора?» 40% полагают, что от личного выбора, 36% - от природы. В 2019г. считают, что от личного выбора 50 % опрошенных и 34% уверяют, что от природы [5]. Следуют выводы, что множество респондентов не осознают природу гомосексуализма, а лучше всего к ЛГБТ-людям относятся те, у которых ЛГБТ- представители есть среди друзей. Также более положительно к секс-меньшинствам относятся молодые люди до 25 лет и люди с высшим образованием. Схожие статистические данные приводит аналитический центр «Левада-центр» в 2019г. [4]. Хотелось бы отметить, что медленное усвоение толерантности к ЛГБТ можно объяснить той кампанией, которая была развернута ведущими российских СМИ вокруг закона «против пропаганды гомосексуализма».

Беря во внимание статистику, приведённую в начале данной работы, и исследование Galler, в которой вычисляется формула соотношения гетеросексуалов к гомосексуалам. В США и округе Колумбия 0,3% населения гомосексуалы, почти 2 млн человек. Применяя данную формулу, 0,3% от России – это 428, 5 тыс. человек. Категория секс-меньшинств мало изучена, особенно на территории России, но так или иначе количество людей, входящих в эту группу увеличивается, что может вызвать напряжение общества. Следовательно, гомосексуализм следует изучать и вести статистику для социальной экстраполяции.

1. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий: их статистика, динамика, систематика. / Н. Новгород; Изд-во НГМД. - 1998. - 128 с.
2. Медведева Е.Н. Рост гомосексуализма как угроза безопасности человеческого общества / Е.Н. Медведева, В.А. Смирнова // Новая наука: от идеи к результату. – 2016. - № 5. – С.122-128.
3. Международная классификация болезней 10-го пересмотра. Классификация психических и поведенческих расстройств. СПб.: «Оверлайт», 1991. 198 с.
4. Аналитический центр «Левада-центр» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/05/23/otnoshenie-k-lgbt-lyudyam/> (дата обращения 26.09.2021)
5. Фонд общественного мнения [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14220> (дата обращения 23.09.2021)

Секция 11. Специфика подготовки и профессионализации специалистов по социальной работе

ПРИМЕНЕНИЕ СОВМЕСТНОГО АНАЛИЗА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Абросимова Наталья Валерьевна
Санкт-Петербургский государственный университет

На практике такой метод исследования как *conjoint-analysis* (от англ. «consider» – рассматривать и «jointly» - совместно) чаще всего применяется в маркетинговой среде, когда стоят цели конструирования «оптимального» продукта, прогнозирования спроса на продукт с некими качествами, проанализировать ценовую эластичность спроса или построить симуляторы рынка [1]. При этом, в условиях коммерциализации системы образования, здравоохранения и социального обслуживания, привлечение внимания к проблемам указанных сфер, с одной стороны, и нацеленность на оказание разнообразных платных услуг – с другой, делает конджоинт-анализ методом исследования, результаты которого могут способствовать положительным преобразованиям и сделать более гибкой процедуру взаимодействия участников социальной сферы.

В качестве примера применения описываемого метода в этой области можно привести исследование уровня социально-экономического обслуживания населения Казани (проведено методом конджоинт- и SWOT-анализа). По словам авторов, результаты исследования позволили выявить сферы интересов у населения города Казани, оценить степень развитости социальной и рыночной инфраструктуры по районам города и предложить инвестиционно-привлекательные и «социально значимые проекты, направленные на развитие сферы услуг» [2, 13].

В качестве примера применения данного метода в сфере изучения системы образования можно привести две разнонаправленные работы: статью [3] и страницу сайта [4].

Данная тема является перспективной, поскольку большого количества изучения применения *conjoint-analysis* в социальной сфере не проводится, а актуальность темы очевидно будет возрастать в связи с увеличивающейся коммерциализацией социальной сферы.

1. *Conjoint-анализ // Сайт исследовательской компании Radar. – URL: https://radar-research.ru/analyzing_data/conjoint_analysis (дата обращения: 02.06.2021)*
2. Бармина К.В. Конджоинт-исследование уровня социально-экономического обслуживания населения (на примере г. Казани) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – №4. - 2018. – С. 13-18. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kondzhoint-issledovanie-urovnya-sotsialno-ekonomicheskogo-obsluzhivaniya-naseleniya-na-primere-g-kazani> (дата обращения: 02.06.2021)
3. Синиченко О.А. Особенности формирования мониторинга востребованности выпускников вузов // Инженерный вестник Дона. – 2011. – С. 457-462. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-monitoringa-vostrebovannosti-vypusknikov-vuzov> (дата обращения: 02.06.2021)
4. *Conjoint Analysis. НУГ «Машинное обучение и социальный компьютеринг». Май, 2020, проект 20-04-024. – URL: <https://spb.hse.ru/data/2020/12/16/1358854713/НУГ%20Conjoint%20Analysis.pdf> (дата обращения: 02.06.2021)*

СПЕЦИФИКА ПОДГОТОВКИ И ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Артемьева Мария Олеговна
Петрозаводский Государственный Университет

Социальная работа в России, которая значительно развивается в последние десятилетия, показывает, что наряду с многочисленными нерешенными социальными проблемами прошлых лет, возникают новые социальные напряженности, требующие нестандартных оперативных решений.

Нестабильность экономической, политической, социальной ситуации вызвала необходимость в дополнительных мерах поддержки в сфере социальной защиты населения, сделав институт социальной работы институтом оперативного социального реагирования.

С возрастающими потребностями общества изменяется и роль специалиста по социальной работе. Он становится гидом, проводником, равнодушным человеком, ответственным за судьбу клиента. Качество, доступность и результат оказания социальных услуг напрямую зависят от квалификации специалистов, от их нагрузки и численности в целом.

Ю.А. Петровская пишет о деформации профессиональных ценностей, связанной с неоправданными ожиданиями и завышенными требованиями к специалистам по социальной работе.

Возрастание нагрузки, необходимость непрерывного обучения, обязательное участие в программах повышения квалификации ощутимо влияют на отношение специалиста к работе.

Разработка образовательных программ подготовки кадров, закладывающая не только наличие профессиональных компетенций, но и личностных качеств, направленных на помощь и поддержку социально уязвимой категории граждан, должна не только повысить статус специалистов, но и сделать социальную работу более привлекательной сферой деятельности.

Однако стоит отметить, что процесс профессионализации социальной сферы не всегда применим к реальным условиям социальной практики. Близкие к идеальным теоретические примеры, сформированные образовательной программой навыки, выработанные умения часто уходят в разрез с компетенциями, востребованными на практике, что сказывается на количестве специалистов и уровне их вовлеченности в целом.

В настоящий момент нами проводится исследование по анализу критериев профессионализма специалистов социальной работы, их учёт в образовательных программах и практическая применимость.

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ВОЛОНТЕРСТВА: ПОТЕНЦИАЛ, ВОЗМОЖНОСТИ, МОТИВАЦИЯ УЧАСТИЯ НКО И ВОЛОНТЕРОВ

Архипова Елена Борисовна
Уральский федеральный университет

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 19–18–00246 «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг», реализуемого в СПбГУ.

Интеллектуальное волонтерство - это новая практика гражданского участия в решении социальных проблем и реализации социальной политики. Под ним мы понимаем предоставление высококвалифицированной помощи социальным учреждениям (преимущественно НКО) на добровольных началах, при этом профиль оказываемой помощи либо имеет, либо не имеет ничего общего с профилем образования интеллектуального волонтера и сферой его профессиональной деятельности.

В настоящее время ключевое внимание уделяется применению современных цифровых платформ для организации взаимодействия заказчиков и потенциальных исполнителей – квалифицированных специалистов (волонтеров). Они выступают посредником, объединяя пользователей и поставщиков услуг с целью выполнения конкретных задач или решения конкретных проблем [1].

Эмпирической базой исследования выступили данные двух экспертных опросов: (1) руководителей и специалистов НКО из разных российских регионов (n=50), (2) потенциальных и реальных интеллектуальных волонтеров (n=100). А также были проанализированы такие платформы интеллектуального волонтерства как: Todogood, ProCharity, «Волонтим», «IT-волонтер», «Пасека», «Теплица социальных технологий». В качестве критериев для анализа платформ выступили: история создания, механизм деятельности, специализация платформы, количественные показатели деятельности.

Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы. О такой форме волонтерства осведомлены только 1/2 экспертов из числа представителей НКО, а имеют опыт сотрудничества с цифровыми платформами – только около 1/4 опрошенных. НКО наиболее заинтересованы в решении таких задач как: дизайн и верстка, фото и видео, IT и программирование, маркетинг, PR и финансы, наиболее известные платформы – это ProCharity, IT-волонтер, Todogood. Потенциальные интеллектуальные волонтеры демонстрируют еще меньшую осведомленность о данном способе помощи НКО, а о деятельности цифровых платформ знают лишь единицы, которые уже имели опыт подобной деятельности. При этом, обе группы экспертов высоко оценили потенциал цифровых платформ интеллектуального волонтерства – их удобство заключается в отсутствии территориальных рамок и нестандартности задач, которые ставят перед волонтерами НКО. Первые благодаря этому могут развить или улучшить свои навыки, а вторые – разгрузить своих специалистов и получить узкие, уникальные услуги, которые они не способны производить самостоятельно.

Таким образом, квалифицированные волонтеры создают условия для преодоления барьеров в развитии НКО благодаря участию в модернизации их деятельности. На наш взгляд, интеллектуальное волонтерство посредством цифровых платформ – это качественно новый уровень развития волонтерства, инновационность которого

заключается в цифровизации взаимодействия бизнес-сектора, некоммерческих организаций и гражданского общества, повышающей эффективность этого процесса.

1. Impact of digitalization on social services. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. 46 p.

ПОДДЕРЖКА МОЛОДОЙ СЕМЬИ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКОЙ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

**Бистяйкина Динара Асымовна,
Касаркина Елена Николаевна**

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева

Семейная политика получила государственный статус Указом Президента РФ «Об основных направлениях государственной семейной политики». Данный документ закрепил поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества [1].

Законодательный статус молодой семьи в семейной политики Российской Федерации впервые закрепило Постановление Верховного Совета РФ «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации».

Постановление Правительства РФ «О дополнительных мерах поддержки молодежи в Российской Федерации» [2] закрепило за органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации систематически мониторить планируемые и реализуемые социальные программы, и проекты поддержки молодежи, также предоставление материальной помощи молодым малообеспеченным семьям, нуждающимся в улучшении жилищных условий.

Указ Президента РФ «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» [3] определяет политику в отношении молодежи значимым разделом теории и практики современного государственного правления и законоотворчества.

Значение молодой семьи для будущего общества, ее уникальность как востребованной социальной группы, признается и современной семейной политикой. Цели семейной политики затрагивающие интересы молодой семьи касаются в основном приобретения собственного жилья, а также по расширению ассортимента оборудования (включая строительное, ремонтное, сельскохозяйственное), предметов домашнего обихода, спортивного и туристического снаряжения, предоставляемых молодым семьям по льготным ценам в порядке проката или лизинга.

На решение проблем зависимости молодой семьи и повышения ее социального статуса в современных социально-экономических условиях проживания, также ориентированы определенные нормативно-правовые документы. Например, Федеральная целевая программу «Молодой семье - доступное жилье».

Распоряжение Правительства Российской Федерации «Основы государственной молодежной политики до 2025 года» отмечает, что задачей государственной молодежной политики является создание благоприятных условий для молодых семей, направленных на повышение рождаемости, формирование ценностей семейной культуры и образа успешной молодой семьи, социальной состоятельности и всестороннюю поддержку молодых семей.

Следует также отметить, что в каждом субъекте РФ имеются собственные нормативно-правовые акты определяющие условия проживания молодой семьи.

В заключении можно отметить, что поддержка молодой семьи семейной политикой в современном российском обществе, которую мы наблюдаем сегодня,

свидетельствует о том, что государство заинтересовано в создании социально независимой семьи с крепкими внутренними ресурсами. Однако политика в отношении молодой семьи еще сама молода, не прочна и не достаточно продуктивна.

- 1 *Российская Федерация. Указы. Об основных направлениях государственной семейной политики от 14.05.1996 г. № 712 // КонсультантПлюс : [сайт информ.-правовой компании]. – URL : http://www.consultant.ru/law/podborki/ob_osnovnyh_napravleniyah_gosudarstvennoj_semejnoy_politiki/– Режим доступа: сеть Интернет.*
- 2 *Российская Федерация. Постановление. О дополнительных мерах поддержки молодежи в Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 3 апреля 1996 года. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт информ.-правовой компании]. – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9944/. – Режим доступа: сеть Интернет.*
- 3 *Российская Федерация. Законы. О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики – Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт информ.-правовой компании]. – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199425/– Режим доступа: сеть Интернет.*

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

**Бородкина Ольга Ивановна,
Романенко Вероника Валерьевна
Санкт-Петербургский государственный университет**

Российский научный фонд, проект No 19-18-00246 «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг»

Анализ реализации ФЗ-442 позволяет выделить несколько проблемных зон практики применения ФЗ-442 и в целом – недочетов нынешней правовой базы основ социального обслуживания граждан:

- Регионально неравенство: закон провоцирует региональные различия в правах граждан на получение услуг в зависимости от их места жительства. Критерии нуждаемости и обстоятельства, которые ухудшают или могут ухудшить условия жизнедеятельности, могут в разных регионах быть различны, равно как и тарификация платных услуг. Из положительных моментов – децентрализация процесса оказания услуг помогает регионам лучше распоряжаться бюджетами согласно нуждам населения.

- Унификация тарифов для государственных и негосударственных поставщиков социальных услуг: государственные учреждения имеют преференции в виде покрытия расходов (например, на аренду помещения, оборудование, зарплаты и пр.) из бюджетных средств соответствующих уровней, в то время как многие СО НКО, предприятия малого и среднего бизнеса, ИП должны сами брать на себя большую долю обязательных расходов, при том они не могут повысить выше установленной планки тарифы на свои услуги.

- Подход, основанный на приоритетном получении помощи, исходя из нуждаемости в социальных услугах, хоть и актуален, однако, не является гибким механизмом, что замедляет переход к концепту социально-сервисного государства, где учитываются потребности представителей различных социальных слоев общества. Государственный надзор за ценой и качеством социальных услуг повышает их

доступность для малообеспеченных граждан. Однако этот момент сводит на нет рыночные механизмы свободно конкуренции среди поставщиков социальных услуг.

- Нечетко определена роль муниципальных образований, условия делегирования им процессов оказания социальных услуг и их финансирование.

- Оказание бесплатных услуг, исходя из критерия нуждаемости конкретного получателя услуг: данное обстоятельство делает туманным процесс получения социальных услуг, если в помощи нуждается вся семья, где у одного или более членов доход превышает установленный законом норматив. Положительный момент – введение двустороннего договора и четко прописанных обязательств по социальному обслуживанию для получателя услуг и поставщика. Однако не очевидно, как будет действовать договор в случае системного комплексного подхода к поддержке семьи в трудных жизненных обстоятельствах.

- Реестры поставщиков социальных услуг до сих пор не имеют единых для всех субъектов РФ форматов, не всегда вовремя актуализируются, некоторые из них достаточно непросто найти в свободном доступе. Вся актуальная информация о получателях социальных услуг сосредоточена в уполномоченных органах социальной защиты населения, в то время как негосударственные организации, которые при регистрации в качестве поставщика социальных услуг, имеют те же основания для работы, что и государственные, не всегда обладают доступом к этим реестрам, и по-прежнему возникают вопросы, как регламентировать этот доступ с точки зрения безопасности хранения личных данных.

1. *Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 N 442-ФЗ (ред. 13.07.2020) / портал Консультант Плюс http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/*

2. *Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. N 388-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части учета и совершенствования предоставления мер социальной поддержки исходя из обязанности соблюдения принципа адресности и применения критериев нуждаемости», <http://rg.ru/2015/12/31/kriterii-dok.html>*

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Васильева Надежда Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Профессиональному развитию специалистов по социальной работе сегодня уделяется все больше внимания. Существуют профессиональные стандарты (Приказ Минтруда России от 18.06.2020 N 351н "Об утверждении профессионального стандарта "Специалист по социальной работе" (Зарегистрировано в Минюсте России 15.07.2020 N 58959)), которые отражают какими знаниями и навыками должен владеть специалист по социальной работе. Стандарты включают в себя обширное количество требований к специалистам, которым они обязаны соответствовать.

Существует тенденция к привлечению на должности специалистов по социальной работе людей с исключительно профильным образованием по социальной работе.

Существует множество профессий связанных с социальной сферой. Сюда относятся социальные работники, и специалисты по социальной работе, и сиделка, и специалист органа опеки и т.д. Многие люди не видят разницы между должностными обязанностями различных специалистов, могут путать их между собой.

Пока нет строго установленного срока в который специалист по социальной работе должен проходить повышение квалификации (считается оптимально это каждые 3-5 лет).

Повышение квалификации специалистов по социальной работе в связи с пандемией коронавируса изменилось. Введение дистанционного образования сильно отразилось на специалистах по социальной работе и организациях, что организуют это обучение. Специалистам не хватало личного общения с коллегами из других учреждений. Специалисты по социальной работе отмечают важность общения со специалистами из других учреждений. Такое взаимодействие позволяет обмениваться мнениями, знаниями, опытом. А также создает чувство единства сферы социальной работы. При переходе на дистанционную форму работы такого взаимодействия стало меньше, что отмечалось специалистами как негативное последствие. Им не хватало взаимодействия с коллегами. А также приходилось сочетать дистанционное обучение и работу. Из плюсов отмечалось отсутствие необходимости тратить время на дорогу до места обучения. Организациям, что организуют повышение квалификации, пришлось быстро приспособиться и внести необходимые изменения в свою деятельность.

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АДРЕСНОСТЬ, ДОСТУПНОСТЬ, НУЖДАЕМОСТЬ

Веселова Полина Васильевна

Петрозаводский государственный университет

Данная публикация посвящена исследованию деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации с 2020 по сентябрь 2021 гг. в период действия ограничительных мероприятий в связи с коронавирусом. Важная функция органа исполнительной власти – осуществление социальной защиты разных категорий граждан.

Для того чтобы посмотреть, как государство реализует социальную политику на практике, мы выбрали метод качественного анализа документов. Всего на официальном сайте Минтруда было опубликовано 251 текст, начиная с 14.01.2020 по 13.09.2021 [1]. В результате анализа сообщений нами было выделено 4 основных направления: 1) поддержка семей с детьми; 2) поддержка пожилых; 3) поддержка людей с инвалидностью; 4) новые меры социальной поддержки. В результате работы было изучено 85 текстов. В основе анализа лежала реализация принципов адресности и доступности, с учетом оценки нуждаемости. По выделенным направлениям было опубликовано больше всего новостей.

Первое направление - поддержка семей с детьми, рассматриваются изменения в действии программы материнского капитала, некоторые единовременные выплаты, а также новость о сотрудничестве Минтруда и Общероссийской общественной организацией «Совет Матерей». Второе направление – поддержка пожилых граждан, затрагивает вопросы материальной поддержки пожилых. Выделяются средства для повышения пенсий, осуществляются выплаты ветеранам В.О.В., внесены поправки в ФЗ «О страховых пенсиях». Во время пандемии пожилым старше 65 лет были оформлены больничные по карантину, вводилось распоряжение о переводе сотрудников на дистанционную работу. Также уделяется внимание поддержке людей с инвалидностью, а именно изменениям в получении технических средств реабилитации, упрощение получения помощи с применением портала Госуслуги и электронного сертификата. В данном направлении также рассказывается о фабрике «Обсервер» по производству ТСР, которая открылась в Калининграде в 2020 году. Уделено внимание появлению новых форм социальной помощи. Это социальный контракт, благодаря которому можно получить помощь в поиске работы, обучении, организации своего дела, что позволит решить проблему в долгосрочной перспективе. Социальное казначейство, его цель -

оказание адресной и комплексной помощи малоимущим гражданам. И социальный заказ, позволяющий повысить качество и доступность государственных и муниципальных услуг для населения за счет привлечения негосударственного сектора и создания здоровой конкурентной среды.

1. Картина дня // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации : официальный сайт . – [Russian Federation], [2012] . – URL: https://mintrud.gov.ru/news/news/list#day_map_7 . – Текст. Изображение: электронные

ИНФОРМИРОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ О ЦИФРОВИЗАЦИИ УСЛУГ И ИХ ПРОДВИЖЕНИЕ

Грахова Светлана Андреевна

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнёва

Прогресс стремительно набирает обороты, затрагивая все сферы общественной жизни, в том числе социальную сферу. Появление компьютера и Интернета, дало толчок к началу цифровизации всех процессов, происходящих в современном обществе. Цифровизация общественной жизни, развитие цифровой экономики и ее инструментов (онлайн-платформ, цифровых коммуникаций) быстро меняет привычные отношения между государством и «социальным клиентом».

На сегодняшний день определений цифровизации существует множество. Цифровизация (digitalization) – это изначально создание нового продукта в цифровой форме. Поэтому ключевое отличие цифровизации состоит в создании нового инновационного цифрового продукта, с новым функционалом и потребительскими свойствами.

Благодаря распространению цифровых технологий и платформенных решений значительно улучшаются показатели качества и скорости обслуживания граждан, растет уровень доступности, технологичность услуг, надежность их результата.

Вместе с этим встаёт вопрос влияния цифровизации социальной сферы на процесс предоставления социальных услуг, в том числе с точки зрения информирования населения о возможностях социальных сервисов, оказания социальных услуг через Интернет, межведомственного взаимодействия организаций.

В период пандемии COVID-19 ускорились процессы цифровизации, возникла насущная потребность в активизации развивавшихся в последние годы цифровых технологий по реализации мер социальной поддержки населения. Но пока еще рано говорить, о полном переходе на цифровизацию, это долгий и сложный процесс, так как есть многие факторы, которые не позволяют этого сделать. Один из таких факторов это недостаточное продвижение и вообще информирование общества о возможностях предоставления цифровых социальных услуг.

Для того чтобы четко понять, как обстоят дела с продвижением цифровых услуг, рассмотрим продвижение порталов Госуслуги и «Мои документы». Эти оба портала предоставляют государственные услуги.

Портал «Госуслуг» помогает дистанционно получить все необходимые для жизни документы и оказать государственные услуги в электронной форме, не выходя из дома.

Центры сети МФЦ «Мои документы» позволяют упростить процедуры оказания услуг населению, синхронизировать работу разных ведомств, обеспечить комфорт посетителей, снизить временные и финансовые затраты граждан, юридических лиц.

Таблица 1.

Критерии	Госуслуги	Мои документы
----------	-----------	---------------

Визуальный стиль бренда	Официальные цвета красный и синий. Логотип всегда на белом фоне, что совместно выглядит как цвета флага России. Существует мифология и образ бренда.	Сочетание теплых оттенков трех цветов: темно-коричневого, красного и бежевого. В пластичном знаке соединились контуры герба (что указывает на принадлежность к государству), документа (передает суть услуг), ростка (подчеркивает нацеленность в будущее) и маркера геолокации (что отражает технологичность, а также присутствие в глобальном и локальном масштабах)
Рекламные коммуникации	На сайте Госуслуг есть маркетинговые материалы для: индор рекламы (буклеты, печатная продукция), наружная реклама и др.	Есть POS-материалы, полиграфическая продукция МФЦ; сувенирная продукция (блокноты, ежедневники, полиэтиленовые и бумажные пакеты, кружки др.) Во внешнем виде МФЦ используется горизонтальная фасадная вывеска, панель-кронштейн, витринные постеры и информационная табличка с режимом работы.
Онлайн продвижение	Также есть маркетинговые материалы для: веб-баннеров, видеороликов, лендингов. Есть группы и страницы в социальных сетях.	Есть интернет-портал МФЦ. Веб-баннеры. Присутствие в социальных сетях.
Взаимодействие со СМИ	Есть материалы для размещения в печатных СМИ. И не редко есть упоминание о портале в новостях.	СМИ периодически публикуют новости о центрах, обновлениях в них о услугах.
Мероприятия	Проводятся конференции и мероприятия и даже конкурсы. Например, конкурс "Ноутбук от госуслуг", он был направлен на популяризацию получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме.	Проводят информационные мероприятия. Также вебинары, семинары и приемы.

Оба портала стараются формировать позитивный имидж, они позиционируют себя как единые точки контакта человека с государством, где гражданам всегда помогут при это без особых трудностей.

Из таблицы следует, что критичной разницы в продвижении и в информировании населения о себе нет, но все-таки портал «Мои документы» проводит эту работу активнее. Это связано с тем что люди могут прийти за услугой лично в любое удобное отделение МФЦ «Мои Документы», то есть продвижение идет не только портала, но и самих центров.

Порталам стоит обратить внимание на продвижение в социальных сетях, так как речь идет о цифровизации, то соответственно лучше продвигать услуги через интернет, пока оба портала не так активно делают там обновления.

В повседневной социальной работе важное место приобретают современные цифровые технологии, которые не только помогают расширить рамки предоставления социальных услуг нуждающимся гражданам, но и повышают правильность в прогнозировании и оценке трудностей и путей преодоления. Поэтому применение информационных технологий при реализации социальных услуг в сфере социального обслуживания может повысить их результативность, качество и доступность.

1. Портал государственных услуг Российской Федерации [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.gosuslugi.ru>, свободный (дата обращения: 10.06.21)
2. МФЦ Мои документы [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://24mfc.ru>, свободный (дата обращения: 10.06.21)
3. Жулего В.Г., Балякин А.А., Нурбина М.В., Тараненко С.Б. Цифровизация общества: новые вызовы в социальной сфере // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. - № 9 (ч. 2). – [С. 36-43.]
4. Грибанов Ю.И., Шатров А.А. Сущность, содержание и роль цифровой трансформации в развитии экономических систем // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 3-1. – [С. 44-48.]
5. Устинович Е. С. Цифровизация социальной сферы в России // Социальная политика и социальное партнерство – №2 2019.
6. Ярошевский А. О социальной цифровизации // Новости Сибирской науки. 2018. 23 июля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.sib-science.info/ru/news/sotsialnayatsifrovizatsiya-23072018>
7. Министр Максим Топилин выступил на международном семинаре по цифровизации социальной сферы / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://rosmintrud.ru/social/cooperation/218>

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ В ФОРМИРОВАНИИ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Евсеев Владимир Владимирович

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Волкова Людмила Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации

Процессы самоизоляции в период пандемии COVID-19, охватившие весь мир, поставили вопрос о месте и роли физических движений, которые необходимы человеку для преодоления дефицита движений и формирования самосохранительного поведения. Низкий уровень физической активности может стать препятствием в накоплении резервов физического капитала. Согласно рекомендациям ВОЗ, физическая активность и методы расслабления могут быть ценными инструментами, помогающими сохранять спокойствие и защищать собственное здоровье на достаточно продолжительном периоде времени. Ограничение диапазона физических движений, изменение образа жизни, повлияло на «показатели здоровья» человека, что отражено в многочисленных исследованиях [1; 2].

Практика жизнедеятельности мирового сообщества показывает, что средства физической культуры и спорта обладают универсальной способностью в комплексе решать проблемы повышения уровня здоровья населения и формирования здорового морально-психологического климата в коллективах и в обществе в целом. Спорт на всех его уровнях – универсальный механизм для самореализации человека, для его самовыражения и развития. Мировое спортивное движение сегодня – это одно из самых мощных и массовых международных движений, даже в условиях пандемии. Сегодня

спорт, физическая культура воспринимаются как глобальная платформа самореализации личности, где самостоятельные занятия физическими упражнениями играют значительную роль [3], в том числе и для самосохранения личностного потенциала.

Через физическую и спортивную культуру большинство людей активно включаются в жизнь коллектива, они более дисциплинированы, коммуникабельны, мотивированы на карьерный и личностный рост. Используя такой социальный и личностный ресурс, как здоровье, навыки и компетенции в технологиях самосохранения можно длительное время поддерживать конкурентоспособность и целенаправленность в избранной профессиональной и общественной деятельности.

Если следовать рекомендациям ВОЗ, то для поддержания здоровья человеку необходимо 150 минут умеренной активности или 75 минут интенсивной физической активности. Специального оборудования для этого не потребуется. Экстремальные условия жизнедеятельности ставят вопрос о необходимости поддержания количественных показателей физических упражнений, движений. Самоорганизация и самовоспитание становятся ведущими тенденциями в области практической реализации физического капитала: «способность самостоятельного использования средств физической культуры и спорта для психофизической и социальной подготовки к жизни и профессиональной деятельности..» [4, с. 214].

В настоящее время спортивную и физкультурную активность в свободное от основной работы время проявляют 35 % населения России. Доля обучающихся и студентов, которые систематически занимаются физическими упражнениями и спортом, составляет около 70%, а уровень обеспеченности граждан страны спортивными сооружениями - 30%. Наблюдается тенденция увеличения количества людей, постоянно занимающихся физическими упражнениями и приобретающих практические умения по культуре здоровьесбережения и сохранения собственного здоровья [5].

Многочисленные исследования иллюстрируют взаимосвязь уровня физкультурно-спортивных достижений и использования навыков физических движений в повседневности, экологической безопасности личности и целеустремлением к созданию и использованию среды здоровьесбережения. Доминирующим стимулом такой активности молодежи выступает оздоровительный потенциал физической и спортивной культуры и расширение знаний о потенциале собственного организма. Современная социокультурная среда дает возможность применения и освоения интеграционных технико-технологических достижений в физкультурной сфере, предоставляя возможность поиска собственной качественной определенности личности в формировании самосохранительного поведения.

1. Зуйкова Е.Г., Бушма Т.В., Бондарчук И.Л., Волкова Л.М. Диагностика функционального состояния как средство оптимизации самоподготовки студентов в условиях дистанционного обучения. Актуальные проблемы профессионально-прикладной физической культуры и спорта. Межвузовский сборник научно-методических работ. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Санкт-Петербург, ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. С. 20-24.
2. Евсеев В.В. Проблема освоения ценностей физической культуры в профессионально-личностном развитии. Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного Политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 4 (160). С. 83-87.
3. Поздеева Е.Г., Евсеева Л.И. Сравнительные характеристики отношения студентов к спорту и здоровому образу жизни. Актуальные проблемы профессионально-прикладной физической культуры и спорта. Межвузовский сборник научно-методических работ. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Санкт-Петербург, ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. С. 100-106.
4. Половников П.В., Евсеев В.В., Волкова Л.М. Отношение студентов к физической культуре. Стратегические направления реформирования вузовской системы физической культуры Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. С. 212–215.

НОВАЯ УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПРАКТИКА – ОРГАНИЗАЦИЯ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ОБСЛУЖИВАНИИ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

Колосова Галина Владимировна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

В настоящее время в системе социальной защиты Российской Федерации существует ряд серьезных противоречий, которые отрицательно отражаются на качестве жизни пожилых и инвалидов. Наиболее существенными являются разобщенность управленческих субъектов в организации межведомственного взаимодействия. При этом и практическое регулирование взаимодействия сторон в социальном обслуживании, и теоретическое обоснование выбора определенной модели взаимодействий нуждаются в проработке и являются новыми для теории и практики.

Практика последних лет – как в России, так и за рубежом – демонстрирует, что систему социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов невозможно организовать без усиления компоненты межведомственного взаимодействия. Его результатом должно быть предотвращение проблем пожилого человека или решение их на первоначальной стадии.

Российские изменения опираются на опыт западных стран, тоже идущих по пути сочетания и взаимодействия усилий государства с коммерческими и некоммерческими сервисами. Межведомственное взаимодействие развивается в формате социального диалога заинтересованных организаций, участвующих в решении задач социального обслуживания. Роль межведомственного взаимодействия подчеркивается Международной Организацией Труда (МОТ). В документах МОТ межведомственное взаимодействие трактуется как вызов (challenge) сложившемуся институту социального обслуживания, ответ на который важен для дальнейшего развития.

Понятие «взаимодействие» связано с понятием «действие», трактовка которого определена М. Вебером. Вебер трактует действие как поведение, с которым действующий индивид связывает определенный смысл и соотносит этот смысл с действиями других людей [1]. Для анализа межведомственного взаимодействия и института социального обслуживания в целом эта категория дает нормативные и коммуникативные ориентиры, в том числе, для управленческих решений. Поэтому социальное обслуживание можно рассматривать как развивающийся социальный институт современного общества, организационной доминантой которого является межведомственное взаимодействие.

1. Вебер М. *Основные социологические понятия* / Пер. с нем. М.И. Левиной // Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. С. 602-603.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА В УПРАВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНЫМ ОБСЛУЖИВАНИЕМ НАСЕЛЕНИЯ

Комилова Замира Абдувалиевна
Детский фонд Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ)

Социальная защита населения рассматривается как совокупность государственных социально-экономических мер, направленных на создание оптимальных условий жизни, удовлетворение потребностей, поддержание жизнеобеспечения и достойного существования граждан. Данная сфера охватывает доступ к социальному обслуживанию, адресной социальной помощи, здравоохранению, образованию, правосудию, занятости, социальному страхованию и государственным социальным выплатам.

Важным элементом эффективной системы социального обслуживания являются сильные кадры, имеющие четкие полномочия, обладающие соответствующими ресурсами и подготовку [1, 8].

Процесс модернизации системы социального обслуживания фокусируется на оптимизацию реагирования и корреляции профильных потребностей населения с мерами планирования деятельности по подготовке профессиональных кадров, в особенности социальных работников.

Социальные работники – это государственные и негосударственные специалисты и профессионалы, работающие с детьми, молодежью, взрослыми, пожилыми людьми, семьями и сообществами для обеспечения их здорового развития и благополучия. Их роль заключается в проведении мероприятий, направленных на адвокацию, профилактике, реагированию и реабилитации на макро-, мезо- и микро-уровнях [2, 11]. Они могут выполнить роль кейс-менеджера, адвоката, лоббиста, посредника, терапевта, преподавателя, фасилитатора, агента изменений, организатора, координатора, исследователя, а также управленца как малых, так и крупных социальных служб.

Социальные работники играют ключевую роль в обеспечении социальной справедливости, сокращении дискриминации, противодействию и изменению социальных норм, а также предотвращении насилия, жестокого обращения, пренебрежения, эксплуатации и распада семей.

В связи с этим, социальные работники должны обладать необходимыми знаниями, навыками, ценностями и этическими обязательствами для работы с людьми, будь то на уровне отдельных лиц, семей, группы или сообщества [3. 14].

Качество предоставления социального обслуживания уязвимым группам населения тесно связано с качеством уровня профессионализации и компетентности социальных работников.

Повышение уровня квалификации кадров, способных быстро, профессионально и творчески реагировать на вызовы современности являются одним из ключевых и важных инструментов в реализации социальной политики государства. Национальным правительствам настоятельно рекомендуется поддерживать законодательство и создавать системы и структуры, которые укрепят потенциал социальных работников и обеспечат самые высокие стандарты социального обслуживания.

1. *Mapping Toolkit for Social Service Workforce. Global Social Service Workforce Alliance. Washington, DC-2019. P.57*
2. *Guidelines to Strengthen the Social Service Workforce for Child Protection. UNICEF. New York-2019. P.44*
3. *Guidance Note on Defining the Social Service Workforce. Global Social Service Workforce Alliance. UNICEF. York-2020. P.16*

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С ОТЦАМИ

Ксендикова Анастасия Константиновна
Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-011-00543

Исследования отцовства становятся особенно актуальными в эпоху развития «новой этики», когда гендерный порядок на уровне структурного и повседневного взаимодействия претерпевает трансформацию. Актуальным становится идеал «нового» отца, активно вовлеченного в воспитание детей. Российские СМИ транслируют запросы аудитории на ответственное отцовство.

Однако распространение модели ответственного родительства и вовлеченного отцовства не приводят к реальному пересмотру принципов организации заботы о детях, оставаясь, в отсутствие институциональной поддержки со стороны государственной семейной политики, на уровне деклараций и модных трендов [2, 24]. Специалисты социальных служб придерживаются традиционной модели гендерных отношений в семье, которая предполагает, что женщины более преданы семье и отдают ей приоритет над работой, а мужчины предпочитают работу, даже в ущерб семье [3, 1923].

Социальная работа с отцами в России как с новой клиентской группой все еще находится на этапе зарождения. В Санкт-Петербурге направления практик развития вовлеченного отцовства можно условно разделить на 3 основных категории: групповая работа в формате клубов отцов; работа с особыми категориями отцов (несовершеннолетние, одинокие); развитие отцовского сообщества посредством проведения мероприятий (конференции, праздники). Практики вовлечения отцов, «пришедшие» в Санкт-Петербург в 2007 году, на данный момент значительно не изменились. Создается впечатление, что социальная работа с отцами существует благодаря энтузиазму отдельно взятых специалистов и пока не имеет системного характера.

В нашем исследовании, проведенном в Санкт-Петербурге в 2021 году, было собрано 6 глубинных интервью с многодетными отцами, которые являлись клиентами социальных служб, и 6 интервью с сопровождающими их специалистами по социальной работе. Результаты исследования показали, что мужчины уже активно задействованы в воспитании детей, им интересно проводить досуг вместе с детьми, они озабочены эмоциональным состоянием своих детей, имеют потенциал развития в этой области. Специалисты по социальной работе также видят положительные изменения в заинтересованности мужчин воспитанием детей. Однако, как со стороны отцов, так и со стороны специалистов имеется ряд барьеров, препятствующих как включению мужчин в воспитание детей, так и оказанию социальной помощи [4, 158]. К основным барьерам относятся: недостаточная информированность отцов о мерах социальной поддержки; гендерные установки как со стороны клиентов, так и со стороны профессионалов, общества; трудные экономические условия, вследствие которых отцы вынуждены большую часть времени посвящать работе; игнорирование роли отцов специалистами социальной сферы; отсутствие поддержки от работодателей; несовершенство законодательства.

Безусловно, в теории социальной работы успешно реализованы исследования данной клиентской группы, однако необходимо не только поддерживать на соответствующем уровне изучение темы, но и активнее внедрять в жизнь те направления, формы, методы работы, которые требует современная повестка.

1. Клецина И. С. *Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе, 2009, №3, С. 29-41.*
2. *Семья и родительство. СоциоДиггер. [Электронный ресурс] 2020. Сентябрь. Том 1. Выпуск 2: С. 24 – Режим доступа <https://sociodigger.ru/> (дата обращения: 12.05.2021)*
3. *Gřundělová B., Stanková Z. «The Shadow Fathers in Social Work with Families: Barriers to Whole-Family Working» The British Journal of Social Work, Volume 49, Issue 7, October 2019, Pages 1913–1931*
4. *Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отцовство и поддержка отцов: тренды современных зарубежных исследований // Мониторинг. 2020. №4, С. 158.*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС ДОСТУПНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

Мельников Николай Николаевич
ФГБОУ ВО ПГУПС

Цифровизация – это изначально создание нового продукта в цифровой форме. Механизм управления развитием сферы цифровизации социальных услуг – это возможность обеспечения процесса, его материальная составляющая, состоящая из множества элементов, взаимосвязанных между собой и предназначенных на реализацию функции предоставления социальных услуг получателям, с учетом потребностей всех заинтересованных сторон. Механизм должен развивать систему управления социальных служб, их оперативную и эффективную помощь в преодолении трудностей, возникающих у социально незащищенных категорий населения. Направление на цифровую экономику, избранное Правительством РФ, предполагает деятельное государственное управление и поддержку ускоренной цифровизации экономической и социальной сферы.[1, 46]

В Российской Федерации назрела необходимость адаптации сферы социального обеспечения к новым цифровым реалиям с учетом возможностей новых цифровых технологий, лучших мировых и отечественных практик государственного управления и растущих ожиданий и требований граждан к получению государственных и муниципальных услуг, в том числе: удаленно, посредством единого портала без необходимости посещения организаций; в автоматическом режиме без участия должностных лиц государственных органов. В своем большинстве электронные или интернет-услуги характеризуются следующими свойствами: интерактивность, эффект присутствия, поддержка различных коммуникационных моделей, мультимедийность сервисного окружения.[2, 87]

Реинжиниринг процессов клиентского обслуживания включает в себя: реализацию проактивного формата уведомления гражданина о возможности получения услуг, мер социальной поддержки и о порядке их получения для обеспечения абсолютной прозрачности социальных прав для каждого гражданина, адресного подхода к его обслуживанию; минимизацию количества документов. Анализируя готовность российского общества взаимодействовать с искусственным интеллектом, можно привести данные опроса пожилых людей о том, согласились бы они, чтобы в случае необходимости уход за ними осуществлял не живой человек, а робот. Поразительно, что около 40% представителей старшего поколения согласны на это, аргументируя, правда, свою готовность не желанием приобщиться к новым технологиям, а желанием не зависеть от родственников или сиделки. [3, 181]

В информационном обществе и сложившихся условиях необходимо утверждать, что удовлетворение информационных потребностей становятся необходимым условием для реализации всех прочих потребностей: социальных, материальных и духовных. Процесс цифровизации социальных услуг в настоящее время стимулируется и поддерживается в связи с последствиями пандемии коронавируса.[4, 34]

Благодаря использованию цифровых технологий, отрасли социальной сферы становятся всё более мобильными, восприимчивыми к переменам, а следовательно, возрастает и качество оказываемых социальных услуг.

ШКОЛА ДОЛГОВРЕМЕННОГО УХОДА ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ: ВОЗМОЖНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ

Мишеничев Константин Сергеевич
Санкт-Петербургский государственный университет

Тезисы подготовлены в рамках проекта РНФ 19-18-00246 «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг».

Во всем мире происходит активное постарение населения, в т.ч. и в России. Старение неразрывно связано повышенными рисками инвалидизации, что в свою очередь приводит к дефициту самообслуживания человека. В России на 1 января 2021 года насчитывалось более 33 млн людей пожилого возраста (старше 60 лет) и более 11,5 млн человек с инвалидностью [2]. Для решения проблемы требуется как развитие инфраструктуры медицинского и социального обслуживания, так и подготовка квалифицированных кадров в сфере долговременного ухода [1]. Одним из направлений формирования системы долговременного ухода является обучение лиц, оказывающих уход, путём организации школ по уходу. При этом изменение социальной реальности в условиях пандемии COVID-19 обусловило необходимость внедрения в систему долговременного ухода цифровых инноваций.

Было проведено исследование о возможности внедрения цифровых инноваций в школах долговременного ухода. В качестве эмпирической базы исследования выступил сайт Фонда президентских грантов – основного оператора грантов в России для некоммерческого сектора. В ходе исследования было проанализировано 42 карточки проектов независимо от статуса заявки. Поиск проектов осуществлялся по ключевому слову «Школа ухода».

В результате было выявлено, что все более востребованным становится дистанционное обучение, в т.ч. онлайн-программы по уходу и индивидуальное онлайн-обучение. Основными формами организации такого обучения становятся запись вебинаров, подкастов, а также проведение онлайн практико-ориентированных занятий с помощью сервисов организации видеоконференцсвязи Zoom, Skype и др. В качестве инструментов взаимопомощи создаются онлайн-клубы для родственников, ухаживающих за тяжелобольными людьми.

Несколько проектов подразумевали оснащение симуляционного кабинета, который воспроизводит реальные направления медико-социального ухода, для очного обучения лиц, оказывающих уход. Однако развитие цифровых технологий подразумевает возможность создания альтернативного симуляционного кабинета в условиях дополненной реальности (augmented reality) с использованием технологии сенсорных перчаток (smart gloves). Такая технология может предоставить возможность людям, вовлеченным в уход, самостоятельно выбирать время и место для тренировки навыков по уходу, а также в условиях масштабирования потребует меньший объем инвестиций.

Помимо прочего, неоднократно была доказана эффективность технологий виртуальной реальности (virtual reality) в профилактике эмоционального напряжения как

у людей с дефицитом обслуживания, так и у лиц, вовлеченных в уход за ними. Однако указанная технология ни разу не была представлена в заявках НКО на получение гранта.

Таким образом, требуется повышение цифровой грамотности людей, вовлеченных в систему долговременного ухода. При этом именно социальные работники могут играть ключевую роль для решения этой задачи.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Мороз Егор Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет

Формирование социальной компетентности подрастающего поколения – одна из важнейших задач для любого общества. Передача молодежи норм, ценностей и социально- значимого опыта позволяет обеспечить преемственность поколений и создать условия для стабильного развития. Не будет преувеличением сказать, что будущее страны, государства, политического режима и народа во многом зависит от того, какие ценности будут заложены в основу сознания будущих граждан и того, насколько этот процесс будет эффективным.

В современной социологии понятие социальной компетентности часто связывают с понятием «воспитание», причем воспитание трактуется, как один из способов управления процессом социализации [3, 13]. В ходе воспитательного процесса происходит активное взаимодействие между личностью и социумом, который представлен различными агентами социализации. Именно в результате этого взаимодействия индивид получает представление о ключевых общественных нормах и ценностях.

В современной России воспитательные функции осуществляются преимущественно в рамках двух основных институтов – внутри семьи и в системе образования, включающей институты общего образования (дошкольного, начального, среднего и высшего), а также институты дополнительного образования детей и подростков [6, 257]

В то же время необходимо отметить, что вопрос ценностных ориентиров является крайне актуальным для современной России. После разрушения Советского Союза и отказа от коммунистической идеологии как основы мировоззрения, в российском обществе возник идейный вакуум, в связи с чем возникла острая необходимость создания новой духовно- нравственной парадигмы, способной вновь консолидировать граждан. Поиск альтернативы советской идеологии продолжается в нашей стране уже почти 30 лет, и окончательный ответ на вопрос, какой именно должна быть новая национальная идея России до сих пор остается без ответа.

Тем не менее, можно утверждать, что на сегодняшний день в качестве одной из основных

ценностей современного российского общества выступает патриотизм. Согласно опросам, проведенным ВЦИОМ в 2018 году, патриотами себя считают 92% россиян [7]. Тема патриотизма занимает знаковое место и в официальном государственном дискурсе: так, в 2016 году Президент Российской Федерации В.В. Путин фактически назвал патриотизм единственной объединяющей идеей для Российской Федерации [8].

Понятие «патриотизм» имеет достаточно большое количество различных интерпретаций, и в самой общей форме может быть сформулировано, как общественно-политический и нравственный принцип, характеризующий отношение граждан к своей стране, месту своего рождения и жительства [5, 232]. Вместе с тем, несмотря на значение

патриотизма в современном российском обществе, на сегодняшний день смысловое содержание данного понятия никак не конкретизировано: в Российской Федерации отсутствует нормативно-правовой документ, дающий его единые дефиниции. Парадоксально, но даже в Государственной программе патриотического воспитания граждан РФ на 2016-2020 гг. смысловое содержание понятия патриотизма находилось за рамками текста: программа содержала многочисленные отсылки к этому термину, но ни разу не дает его определения [2].

Значительное внимание на государственном уровне в последние годы уделяется и гражданско-патриотическому воспитанию. На смену советской системы октябрят-пионеров- комсомольцев пришли новые формы работы. Так, в ряде регионов существуют опорные центры гражданского и патриотического воспитания, курирующие данное направление на местах, а на федеральном уровне с 2015 года данный вопрос находится в ведении Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников» и Федерального агентства по делам молодежи [1].

Вместе с тем, исследователи отмечают, что в настоящее время существует тенденция практик генерализации консенсуса вокруг именно военной патриотики – ситуации, при которой акцент гражданско-патриотического воспитания смещается в сторону **военно-патриотического воспитания** [9, 390]. Как отмечают авторы исследования, проводившегося в Санкт-Петербурге в

2019-2020 годах, такого рода воспитание делает акцент на символических конструкциях, которые

неразрывно связаны с военной тематикой, при этом культурные и экономические достижения предыдущих поколений отходят на второй план, из-за чего возможна милитаризация общественного сознания, то есть выстраивание идентичности общества вокруг необходимости ведения постоянной вооружённой борьбы за существование. Патриотизм в таком случае ассоциируется уже не просто с «любовью к Родине», а с «защитой Родины», что, по мнению авторов

исследования, в среднесрочной и долгосрочной перспективе может иметь ряд серьезных негативных последствий для российского общества [9, 391].

Вместе с тем, необходимо отметить, что смысловое наполнение образа настоящего патриота может быть представлено шире, и не сводиться исключительно к военной тематике. Как показывают проводимые исследования, в молодёжной среде современной России присутствует высокий запрос на общечеловеческие и гражданские ценности в контексте восприятия патриотизма [4, 157].

Таким образом, на сегодняшний день можно говорить о наличии определённого противоречия между формам гражданско-патриотического воспитания, реализуемых в современной России и трактовками патриотизма и социальным запросом, который существует в молодёжной среде – группе, являющиеся объектом данного воспитания.

Выходом из данной ситуации может стать операционализация и интерпретация понятия «патриотизм» в контексте системы гражданско-патриотического воспитания с учетом представлений различных социальных и возрастных групп россиян и баланса между интересами российского государства и общества.

1. Указ Президента Российской Федерации от 29 октября 2015 года № 536 "О создании Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации "Российское движение школьников"/ «Российская газета», 2015 г. № 6818, с. 6
2. Об утверждении государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» на 2016–2020 годы// Официальный сайт Правительства РФ [эл. ресурс] Режим доступа: <http://government.ru/docs/21341/> (Дата обращения: 15.05.2021)
3. Зарецкая И.И. Управление процессом социализации личности – инновация в воспитании, Муниципальное образование: инновации и эксперимент, 2008, №2 С.

4. Маленков В.В., Мальцева Н.В. Гражданственность и патриотизм в представлениях постсоветского поколения, *Социология*, 2020, №5, с. 152-162
5. Селиверстова Н.А., Курганская М.Я. Патриотизм/ Знание. Понимание. Умение, 2017, №1, С. 232-239
6. Сикорская, Л.Е. Кризис институтов социализации современной молодежи/ *Вестник КГУ им. Некрасова. Серия: Педагогика, психология, социокинетика*, 2009, т. 15, №4, с. 258-265
7. ВЦИОМ: число россиян, считающих себя патриотами, выросло до максимума за 18 лет// ТАСС, информационное агентство [эл. ресурс] Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/5278485> (Дата обращения: 08.05.2021)
8. Путин: патриотизм - "это и есть национальная идея" ТАСС, информационное агентство [эл. ресурс] Режим доступа: <https://tass.ru/politika/2636647> (Дата обращения: 08.05.2021)
9. Koshkin A., Moroz E., Yankilevich A., Andreeva D., *Russian Experience of Patriotic Education: Generalization Tendencies of the Consensus around Militarism, Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, V 527, P. 390-393

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЛЮДЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ РАЗВИТИЯ И ИНТЕЛЛЕКТА

Морозов Илья Сергеевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Данный доклад посвящён исследовательскому вопросу о значимости государственных и негосударственных организаций в интеграции людей с нарушениями развития и интеллекта. В рамках проводящегося исследования рассматривается процесс интеграции детей с особыми возможностями здоровья, начиная с периода их обучения в школе до процесса интеграции таких людей в общество после окончания школы. Новизной данной работы является фокус исследования на сравнение роли государственных и негосударственных организаций в интеграции людей с особыми потребностями, которые являются важными акторами в жизни этой социальной группы после окончания государственных учебных заведений.

На первом этапе исследования, анализировалась интеграционная практика, которую предоставляют государственные школы-интернаты и другие средние специальные коррекционные учреждения для целей социализации детей с особыми потребностями, а именно – практика привлечения школьников с нарушениями развития к структурированным внеучебным занятиям. Акцент на данную практику был выбран на основании социологических теорий Колманна и теорий о социальном капитале [1], [2], [3], которые объясняют связь таких занятий с положительными успехами в обучении и интеграции в социум. Исследование показало, что продолжительность внеучебных творческих занятий положительно связано с успехами в обучении школьников с нарушениями развития. В свою очередь, успехи в обучении являются важным фактором в дальнейшем процессе интеграции в общество после окончания коррекционного учреждения.

В настоящий момент проводится эмпирическое исследование по деятельности государственных и негосударственных учреждений по социализации молодых людей с нарушениями развития после окончания школы. Исследователем рассматривается деятельность специальных профессиональных колледжей и негосударственных социально ориентированных организаций по социализации людей с ограниченными возможностями здоровья. В рамках анализа фокус делается на практики обучения,

трудоустройства и поддержки ведения самостоятельной жизни людьми с ограниченными возможностями. Предварительные результаты исследования показывают, что государственные и негосударственные институты используют различные практики и подходы, направленные на социализацию таких членов общества.

1. Bourdieu P. *The Forms of Capital. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Edited by: Richardson J. / P. Bourdieu, New York: Greenwood Press, 1985.
2. Coleman J. S. *Social Capital in the Creation of Human Capital* // *American Journal of Sociology*. 1988. (94). С. S95–S120.
3. Coleman J. S. *The Adolescent Society: The Social Life of the Teenager and Its Impact on Education* / J. S. Coleman, New York: Free Press of Glencoe, 1961.

САМОИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЫХ ИНВАЛИДОВ В КОНТЕКСТЕ ОКАЗАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

Новожилова Ольга Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Источником формирования идентичности является межличностные взаимодействия с другими людьми. Молодые люди с инвалидностью, как и здоровые, стремятся к самореализации, однако сталкиваются с рядом проблем. Их отличает кризис самоидентичности, связанный со слабым представлением о своих интеллектуальных и профессиональных способностях и возможностях, причинами которого являются оторванность от широких социальных контактов, ограниченность круга межличностных взаимодействий, заниженный уровень образования, отсутствие благоприятной среды для удовлетворения потребностей и интересов. Исследования, рассматривающие инвалидность в социальном контексте, видят в ней результат социального исключения. Эта тенденция в последние годы становится все более актуальной, влияя как на отношение общества и государства к данной социальной группе, так и на принятие себя самими инвалидами. Исследование Жигуновой показало, что 13,5% респондентов считают себя здоровыми людьми [1, 408]. Несмотря на то, что люди с инвалидностью зачастую оказываются в ситуации социальной изоляции, лишь 3,6% респондентов ощущает себя одинокими, а 2,6% охарактеризовали себя как людей со слабыми духом или слабыми силами. В основном респонденты называли себя сильными, победителями, счастливыми.

Автор, работая в Центре социальной реабилитации, также наблюдает положительную динамику в изменении самооценки молодых инвалидов. Это влияет, в том числе, и на посещаемость. Если 5 лет назад молодые реабилитанты приходили в отделение от случая к случаю, то сейчас уже сформировался коллектив ребят из 12-15 человек, которые стабильно посещают учреждение. Им нравится общаться и за пределами Центра, они принимают себя и окружающих, не обращая внимание на инвалидность. Это необходимо учитывать в практической работе с инвалидами и предоставлении им социальных услуг. Если инвалид отрицательно воспринимает свою инвалидность, он не относит себя к данной категории и соответственно не будет обращаться за положенными ему социальными услугами. Не все специалисты готовы перестроиться на новую тенденцию. По-прежнему преобладает патерналистский подход к людям с инвалидностью. Возможно, поэтому популярность подобных центров среди инвалидов до сих пор остается на низком уровне.

1. Жигунова Г.В. *Личностная идентичность молодых людей с инвалидностью. Мир науки, культуры, образования. 2011 № 5 (30). С. 405-408*

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

**Панькова Елена Геннадьевна,
Бистяйкина Динара Асымовна, Соловьева Татьяна Владимировна**
*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет; МГУ
им. Н. П. Огарева; ФГБОУ ВО "МГУ им. Н. П. Огарёва"*

С целью анализа практического опыта применения информационных технологий в социальной работе в РМ нами было проведено эмпирическое исследование на тему: «Практика использования информационных технологий в социальной работе в РМ», Исследование предполагало: анкетирование 20 сотрудников ГБУ РМ «КЦСО по г.о. Саранск».

Подавляющее большинство опрошенных специалистов ГБУ РМ «КЦСО по г.о. Саранск» (98%) используют в своей профессиональной деятельности интернет-технологии: электронный документооборот, электронную почту, виртуальные приемные и пр. 62% респондентов используют в своей работе программное обеспечение: автоматизированные информационные системы (АИС) и базы данных, специально разработанные для социальной сферы.

Через базы данных АИС ЭСРН РМ через базы данных осуществляется предоставление мер социальной поддержки (прием заявлений, назначение, начисление, выплата, формирование отчетности) 400 тысячам получателей, проводятся около 1 млн. назначений (каждый получатель в среднем имеет 2-3 назначения) и ежемесячных начислений, более 1,2 млрд. рублей ежегодно выплачиваемых денежных средств [1].

Клиенты ГБУ РМ «КЦСО по г.о. Саранск» при использовании информационных технологий в решении своих социальных проблем чаще всего используют:

1) веб-сайты социальных учреждений, на которых представлена информация об организации социальной защиты, отраслевых автоматизированных технологиях, о состоянии выплат пенсий и пособий, статистическую информацию, последние нормативные акты в области законодательства о пенсиях, пособиях и социальных выплатах.

2) служба E-mail – электронная почта (адрес электронной почты ГБУ РМ «КЦСО по г.о. Саранск»: Szn.kcso@e-mordovia.ru) ;

3) виртуальную приемную, действующую на портале Министерства труда, социальной защиты и занятости населения Республики Мордовия: <http://www.e-mordovia.ru/internet-priemnaya/feedback>.

4) диалоговое окно «Обращение» на веб-сайте социальных учреждений. В этом разделе можно оставить заявление или жалобу, предложение или отзыв. Излагается суть обращения, а также указываются ФИО, контактные данные (электронная почта или номер телефона).

5) еще одной формой информационных технологий в социальной работе является использование информационных возможностей портала ЕГИССО – единой государственной информационной системы социального обеспечения.

ЕГИССО является информационной системой, позволяющей получать гражданам и органам власти актуальную информацию о мерах социальной поддержки, оказываемых из бюджетов всех уровней, как в отношении отдельно взятого человека, так и в целом по стране, а также получать сведения, необходимые органам власти для предоставления мер социальной поддержки [2].

Важным инструментом при работе в ЕГИССО является Классификатор мер социальной защиты (поддержки) (МСЗ), который предназначен для унификации типов и видов мер социальной поддержки с целью формирования единых принципов учета указанных мер, а также реализации информационно-справочной функции в рамках ЕГИССО.

Таким образом, результаты проведенного исследования показали, что применение информационных технологий в социальной работе в Республике Мордовия достаточно развито. Их используют в своей деятельности как специалисты социальных служб, так и их клиенты при обращении за социальной помощью и поддержкой.

1 Министерство социальной защиты, труда и занятости населения Республики Мордовия [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – Режим доступа : // <http://minsoc.e-mordovia.ru/news/view/25910>

2 Портал ЕГИССО [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://egisso.ru/site/page/about>

САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

**Первова Ирина Леонидовна,
Келасьев Вячеслав Николаевич
Санкт-Петербургский государственный университет**

Ситуация пандемии коронавируса коснулась практически каждого человека на планете и предъявила особые требования к саморегуляции и самоорганизации в поведении человека. Опираясь на усилия государства и входящих в систему социального обслуживания населения социальных служб, гражданин должен выработать определенные внутренние ориентиры, поднимающие его адаптацию к коронавирусной среде на новый недостаточно изученный уровень.

Население в составе самых разных социальных разновозрастных групп неоднозначно переносят затянувшуюся ситуацию пандемии коронавируса. Многим трудно сохранять терпимость в семейных взаимоотношениях при совместном проживании из-за нарушения личного пространства, непрерывного общения, необходимости делить цифровые носители для работы и обучения, отказываться от традиционных форм проведения праздников, памятных дат, привычных форм встреч с родственниками, в особенности, пожилым с внуками и т.д. Тревожные, депрессивные настроения и невротизацию провоцируют СМИ и вести о заболеваемости и смерти людей из ближнего круга. Население с нетерпением ждет окончания пандемии, не осознавая, что мир теперь уже никогда не будет прежним. Помимо прямого воздействия COVID-19 на здоровье индивида, этот вирус поразил политическую, экономическую и социальную сферы практически всех стран мира.

В этой ситуации человек нуждается в рекомендациях по рациональной организации своего самосохранительного поведения. В общем виде они, безусловно, определены, но индивид должен адаптировать их к себе, а это значит, что абсолютного приятия нбыть не может – человек что-то возьмет, а что-то может отвергнуть. Возникает необходимость задать общие ориентиры, опираясь на которые человек сможет повысить свою адаптацию к угрожающей ситуации. Эти ориентиры должны опираться на санитарно-эпидемиологические рекомендации, медико-психологические положения и определенные морально-этические принципы. Конечно, за период пандемии коронавируса население получило представление о советах по организации самосохранительного поведения.

Тем не менее, с представляемой точки зрения улучшить организацию самосохранительного поведения можно за счёт определенных внутренних настроев. Эти настрои могут помочь человеку сформировать соответствующее умонастроение, способствовать формированию и развитию у него механизма самопомощи. Это - механизм самопрограммирования и суггестии.

Примерами формул самоубеждения могут служить следующие:

Первый настрой: «Да, мне сейчас тяжело (было тяжело). Я это признаю. Но я привыкну, обязательно привыкну (обязан привыкнуть) к этим малоприятным действиям по ношению масок, перчаток, выдерживанию социальной дистанций, невозможности рукопожатий, объятий с близкими людьми, к избеганию скопления людей, крайней осторожности в общении, дезинфекции по возвращению домой. Я привыкну ко многим аналогичным неприятным ограничениям. Я должен(а) к этому привыкнуть. Я буду выполнять эти требуемые действия именно автоматически, безо всяких усилий, негативных эмоций, именно автоматически, как автоматически выполняю действия по заправке постели, утреннему умыванию, чистке зубов, не замечая их, не напрягаясь. Я доведу эти действия до автоматизма, так, чтобы они меня не озадачивали, не раздражали, чтобы я их перестал замечать. Раз их надо делать, то лучше на них не концентрироваться, их не замечать. Я не успокоюсь, пока не доведу эти действия до автоматизма, так чтобы они меня не озадачивали, не раздражали. так, чтобы их перестал замечать. Я должен(а) делать это на каком-то бессознательном уровне. Надо вытеснить эти действия из сферы внимания, сознания в область неосознаваемых навыков, новых привычек. Ставлю себе цель выработки этих новых привычек. Итак, ... - к автоматизмам, к новым полезным для меня привычкам...Задача для меня вполне посильная»

Следующий настрой: «Я должен(а) терпимо относиться к нарушению моего личного пространства домочадцами, родственниками, соседями, другими людьми. Пусть, в пределах квартиры, тесных помещений мы часто вторгаемся в личное пространство друг друга и приятных чувств это не вызывает, но надо быть терпимым(ой) и не раздражаться. Находиться долгое время в одном помещении даже с близким человеком достаточно тяжело. Надо стараться разлучаться хотя бы на время - отлучаться на прогулку, в магазин и т.п., давая возможность отдохнуть друг от друга, устраивать перерывы во взаимодействиях друг с другом.

Следующий настрой направлен на ограничение зависимости от СМИ (особенно актуален для пожилых). «Я понимаю, что часто информация в СМИ избыточна, к тому же она гиперболизирует какие-то негативные факты и последствия пандемии и стоит, пожалуй, ограничить взаимодействие со СМИ».

Следующий настрой направлен на концентрацию человека на том позитивном, чем он обладает. У каждого человека в прошлом было немало ярких, радостных минут, многие из них запечатлены на фотографиях и стоит их вспомнить, погрузиться в то насыщенное позитивом время и может быть достигнут позитивный настрой. «Я сейчас вспоминаю самые чудесные минуты своей жизни. Что было самым замечательным в моей жизни? Когда я испытывал(а) эмоциональный подъем? Что мне больше всего нравится делать и когда я в последний раз это делал(а), что я при этом чувствовал(а)».

Настроев может быть достаточно много – и все они являются подсказками человеку в формировании самопомощи и самоорганизации. В этом случае человек сам становится организатором своего самосохранительного поведения и превенции эмоциональной нестабильности и депрессивных проявлений.

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ В СФЕРЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА (ВОЛОНТЕРСТВА)

Петрова Татьяна Эдуардовна
Аппарат Правительства Российской Федерации

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» увеличение доли граждан, занимающихся добровольческой (волонтерской) деятельностью или вовлеченных в деятельность добровольческих (волонтерских) организаций, является одним из целевых показателей, характеризующих достижение национальных целей к 2030 году [1].

Минтрудом России ежегодно организуется в централизованном порядке профессиональная переподготовка и повышение квалификации федеральных государственных гражданских служащих в соответствии с приоритетными направлениями их профессионального развития.

В 2021 году в соответствии с приказом Минтруда России от 5 июня 2019 г. № 378н «Об утверждении перечня приоритетных направлений профессионального развития федеральных государственных гражданских служащих на 2019-2020 годы» [2] в рамках приоритетного направления «Развитие системы социальной защиты и социального обслуживания» организуется повышение квалификации федеральных государственных гражданских служащих по дополнительным профессиональным программам «Вопросы социальной защиты и социального обслуживания населения» (октябрь 2021 г., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, объем 36 часов, контингент 30 человек) и «Вопросы реализации государственной политики в сфере добровольчества и волонтерства» (сентябрь 2021 г., Санкт-Петербургский государственный университет, объем 36 часов, контингент 30 человек).

В ходе освоения дополнительной профессиональной программы «Вопросы социальной защиты и социального обслуживания населения» изучаются вопросы, связанные с социальной поддержкой и защитой граждан, организацией добровольческой (волонтерской) деятельности в данной сфере.

В ходе освоения дополнительной профессиональной программы «Вопросы реализации государственной политики в сфере добровольчества и волонтерства» изучаются вопросы нормативно-правового регулирования добровольческой (волонтерской) деятельности в Российской Федерации, роль добровольчества (волонтерства) в социально-экономическом развитии страны, содействия развитию добровольческой (волонтерской) деятельности органами государственной власти и органами местного самоуправления, лучшие практики и особенности привлечения добровольцев (волонтеров) в сферах здравоохранения, образования, культуры, молодежной политики.

В рамках реализации федерального проекта «Социальная активность» национального проекта «Образование» Росмолодежью в 2020 году реализованы образовательные программы для государственных и муниципальных служащих, сотрудников государственных и муниципальных учреждений, социально ориентированных некоммерческих организаций и добровольцев (волонтеров) – «Норма жизни» (с ноября 2019 г. по май 2020 г. обучено 200 человек), «Голос поколения» (с ноября 2020 г. по март 2021 г. обучено свыше 200 человек), «Культурная инициатива» (с августа по декабрь 2020 г. обучено 150 человек). В 2021 г. реализуются образовательные

программы «Культурная инициатива», «лидеры общественных изменений», «Голос поколения» с охватом свыше 600 человек.

Ассоциацией волонтерских центров в 2021 г. реализуются следующие дополнительные профессиональные программы для государственных и муниципальных служащих, сотрудников государственных и муниципальных учреждений, социально ориентированных некоммерческих организаций и добровольцев (волонтеров) - «Содействие развитию добровольчества (волонтерства) и взаимодействие с социально ориентированными некоммерческими организациями» (в феврале - марте 2021 г. на базе Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ обучено 35 человек из Московской, Магаданской, Новгородской, Омской, Ростовской, Саратовской, Тюменской, Ярославской областей, Республики Крым, ЯНАО, Приморского и Хабаровского краев, всего планируется обучить свыше 70 человек), «Организация добровольческой (волонтерской) деятельности в образовательных организациях» (в 2021 г. в образовательных организациях г.Москвы будет обучено свыше 200 педагогов).

На портале онлайн – университета социальных наук Добро Университет (edu.dobro.ru) размещены 34 обучающих курса, разработанных в партнерстве с Фондом – оператором президентских грантов по развитию гражданского общества, Росмолодежью, АСИ, Всероссийским общественным движением «Волонтеры – медики», Ассоциацией грантодающих организаций «Форум Доноров», Фондом помощи хосписам «Вера», Обществом добровольных лесных пожарных, Поисково – спасательным отрядом «Liza Alert»: «Управление командой социального проекта», «Управление ресурсами социального проекта». «Управление рисками социального проекта», «Клиентоориентированность в добровольческой среде», «Эффективные коммуникации», «Событийное волонтерство», «Волонтерство в сфере культуры», «Волонтеры Конституции», «Социальное проектирование», «Оказание помощи пожилым людям в экстренной ситуации (коронавирус)» (состоялись свыше 250 тыс. раз).

Также на портале размещены такие методические материалы как «Стандарт событийного волонтерства», «Обучение служением», «Сборник лучших добровольческих практик», «Методические рекомендации по организации тематической смены, тематического дня, тематического мероприятия по добровольчеству (волонтерству) в детском оздоровительном лагере», «Методические рекомендации по вовлечению в добровольческую (волонтерскую) деятельность людей с ограниченными возможностями здоровья», «Сборник лучших добровольческих практик деятельности добровольческих (волонтерских) организаций по оказанию социально-психологической реабилитации инвалидов и детей – инвалидов», «Сборник технологий по привлечению добровольцев (волонтеров) для предоставления социальных услуг в организациях социального обслуживания».

На портале осуществляется деятельность «Школы Добро.Университета» - образовательного мероприятия для добровольцев (волонтеров) и организаторов добровольческой (волонтерской) деятельности с целью повышения эффективности организации добровольческого (волонтерского) движения в России. Обучение реализуется в очном и заочном (дистанционном) форматах на базе ресурсных центров добровольчества (волонтерства) в субъектах Российской Федерации по уровням образовательных программ – «доброволец (волонтер)», «организатор добровольческой (волонтерской) деятельности», «координатор добровольцев (волонтеров)», «руководитель проектов», «руководитель организации». В настоящее время проведено 6 образовательных программ школы (г.Москва, Московская область, г.Севастополь, Тюменская область, Амурская область, Республика Марий Эл), обучено 500 человек, до конца 2021 г. планируется проведение программ более чем в 11 регионах.

В 2020 г. в рамках реализации Программы мобильности волонтеров было реализовано 5 стажировочных программ на базе ведущих социально ориентированных

некоммерческих организаций («Чистые игры», «Большая Байкальская Тропа», «Волонтеры в помощь детям-сиротам», «Центр поиска пропавших людей», «АЭРОСТАТ»), 4 региональных стажировки (Республики Карелия и Коми, Калининградская и Тюменская области), в которых приняли участие свыше 140 человек. В 2021 г. запланировано проведение 15 стажировочных площадок в российских регионах [3].

В регионах Российской Федерации в целях развития компетенций волонтеров, организаторов и участников волонтерской деятельности реализуются обучающие программы региональных образовательных школ. Так, в Воронежской, Курской, Тамбовской областях, Республике Башкортостан действуют школы обучения волонтеров в сфере культуры, в Пермском крае и Москве – школы инклюзивного волонтерства, в Волгоградской, Ивановской, Пензенской областях – школы волонтеров «серебряного возраста», в Свердловской, Томской, Ульяновской, Ярославской областях, республиках Башкортостан и Марий Эл – школы волонтеров – медиков, в Псковской области, Санкт – Петербурге, республиках Крым и Татарстан – школы волонтеров культурного наследия.

1. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

2. Приказ Минтруда России от 5 июня 2019 г. № 378н «Об утверждении перечня приоритетных направлений профессионального развития федеральных государственных гражданских служащих на 2019-2020 годы».

3. Письмо Росмолодежи от 25 июня 2021 г. № КР/3812-03.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОГРАММ ПОДГОТОВКИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ В ОБЛАСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОСТУПНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ.

Платонова Юлия Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

Современное социальное образование в России развивается в русле мировых тенденций развития образовательного процесса, что проявляется в активном взаимодействии ученых и практиков социальной работы, а также международных организаций в направлении совершенствования подготовки специалистов. Одновременно решается традиционная для российского образования задача обеспечения будущих социальных работников высоким уровнем знаний и профессиональных умений. [1, с.94]

На развитие всей социальной сферы, несомненно влияют новые тенденции и подходы к ее формированию которые должны находить свое отражение в формировании компетенций специалистов по социальной работе.

В настоящее время специалисты выдвигают немало интересных, заслуживающих внимания идей о перспективных отраслях и профессиях на ближайшие 15-20 лет, в том числе в социальной сфере и наполняемость программ обучения по направлению социальная работа напрямую будет зависеть от запросов современного социума, появления новых национальных проектов, новых социальных угроз и перспектив, изменения скорости социальных процессов, увеличения сложности профессиональных задач.

Одним из таких актуальных направлений является развития у современного специалиста по социальной работе компетенций в области формирования доступной среды, универсального дизайна для лиц с инвалидностью, пожилых людей и других представителей маломобильных групп населения.

Так, начиная с ратификации Конвенции о правах инвалидов 24 сентября 2008 года и вступления в силу 15 мая 2012 года Федерального закона № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» началась активное движение в сторону инклюзии, создания доступной, универсальной среды не только для людей с инвалидностью, но и для маломобильного населения, к которому относятся, например, пожилые люди, беременные женщины и мамы с колясками. [1]

В широком аспекте термин доступная универсальная среда включает комфортную городскую инфраструктуру, доступные услуги, доступность связи, толерантность со стороны населения, инклюзивную систему образования, возможность для инвалида использовать любой транспорт, заниматься трудовой деятельностью, беспрепятственно посещать культурные, образовательные, спортивные, медицинские и иные массовые учреждения.

В последние годы в России проводятся курсы повышения квалификации и семинары для представителей социальных, архитектурно-строительных и транспортных подразделений региональных и муниципальных органов власти, учреждений социального назначения с целью их обучения в области эффективного развития доступной среды для людей с инвалидностью в России. Однако специалистов, прошедших подобное обучение все еще недостаточно.

Как показал опрос студентов выпускных курсов направления 39.03.02 социальная работа, проводимый в Санкт-Петербургском государственном институте психологии и социальной работы (СПбГИПСР) в сентябре 2021 года большинство респондентов выделили социальное образование как «обучение в рамках которого происходит формирование основных правил жизнедеятельности человека в обществе, освоение социальной культуры, социальных компетенций».

Выделяя перспективные направления развития социального образования, респонденты отметили, что наиболее значимыми среди них являются обучение:

- формированию доступной универсальной среды (32%);
- цифровизации социальной работы (27%);
- технологий профилактики выгорания в профессиях социальной сферы (25%);
- менеджмент-качеству социальной сферы (7 %)
- другие направления, в том числе этика взаимодействия с людьми с инвалидностью (9%)

Как показало наше исследование, в учебных планах обучения по направлениям 39.03.02 социальная работа (уровень бакалавриата) и 39.04.02 социальная работа (уровень магистратура) в СПбГИПСР не отражено отдельным курсом направление формирования доступной универсальной среды.

Можно отметить, что целостное развитие данного направления включая технические вопросы создания доступной среды, доступной информации, этики общения с людьми с инвалидностью на сегодняшний день не нашли достаточного отражения в существующих учебных планах вузов, осуществляющих подготовку специалистов по направлению социальная работа, хотя представляют несомненный интерес и актуальность среди обучающихся.

Как показало исследование обучающиеся высоко оценивают необходимость дополнительного глубокого целостного погружения в вопросы универсального дизайна и формирования доступной.

При ответе на вопрос «Как Вы считаете, необходимо ли обучение по формированию безбарьерной универсальной среды» были получены следующие варианты ответов:

- да, как отдельная дополнительная программа обучения (32%)
- да, как курс лекций в рамках обучения по программам бакалавриата (38%)
- да, как курс лекций по программе магистратуры (22%)
- другое (как курс лекций в школе) (8%)

Таким образом, можно выделить что при планировании современных учебных программ необходимо разрабатывать полноценные программы обучения студентов направлению «создания доступной среды».

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Попандопуло Ольга Александровна
ФГАОУ ВО "Волгоградский государственный университет"

Исследование выполнено за счет гранта Президента РФ № МК-2042.2020.6 (соглашение 075-15-2020-423 от 16.03.2020)

Современная молодежь отличается высоким потенциалом социальной мобильности и обучаемости. К ее ценностным устремлениям относятся желание реализовать свои способности, приобретая высокий профессиональный и социальный статус [1]. В настоящее время динамично изменяется социальная среда. В различных сферах общественной жизни внедряются и апробируются инновационные технологии, основанные на работе с цифровыми данными. В научной среде эти процессы получили название «цифровизация». Для координации современных социальных процессов требуется организованное профессиональное взаимодействие.

Профессиональный выбор молодых людей в пользу социальной работы может быть обусловлен рядом причин. Во-первых, современные технологии представляют интерес для молодежи, а высокий уровень мобильности позволяет быстро осваивать цифровые устройства. Молодые специалисты могут быть организаторами мероприятий, направленных на повышение информированности социально-незащищенных групп о возможностях применения цифровых устройств в различных сферах. Исходя из этого, предпочтения молодых людей могут выражаться в стремлении познакомиться с собой в качестве организатора обучающих курсов по работе с технологическими новинками с заинтересованными группами населения.

Во-вторых, в настоящее время наблюдается тенденция широкого использования технологий работы с большими данными. В связи с чем, молодые люди, работающие в социальной сфере, могут применить свои знания и компетенции в области социальной работы, где целесообразно применять большие данные; понять, какие виды больших данных могут быть полезны специалистам по социальной работе для детального анализа социальных изменений. В этом контексте, профессиональный выбор в пользу социальной работы может быть обусловлен желанием проявить себя в развивающейся новой отрасли – работы с большими данными.

В-третьих, переход части профессиональных процессов в социальном пространстве в интернет в условиях пандемии коронавируса, безусловно, является необходимым решением. Тем не менее, актуальность приобретает вопрос: какую часть социальных процессов оставить в виртуальном виде, а какую часть – в непосредственном вербально-коммуникативном, поскольку речевое общение, общение с помощью мимики и жестов, коллективное присутствие необходимо не только для здорового функционирования общества, но и для функционирования сознания каждого человека [2]. И поэтому, решая вопрос о личном профессиональном выборе в пользу социальной работы, молодые люди ориентированы на общение с большими группами населения, оказания им психологической, социальной поддержки, которая невозможна без непосредственной коммуникации.

Таким образом, профессиональное самоопределение молодежи в области социальной работы реализуется через творческое участие и активную общественную позицию, которые, способствуют как дальнейшему развитию традиционных форм социального взаимодействия, так и ориентацию на инновационные технологии и инструменты в условиях цифровой трансформации российского общества.

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ.

Рогова Анна Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет

Давыдов Сергей Анатольевич

Санкт-Петербургский экономический университет

В современных публикациях часто ставится вопрос о развитии дистанционных форм обучения. По мнению исследователей, дистанционное образование является как результатом развития цифрового общества, так и вынужденной мерой в условиях пандемии ковид-19.

Развитие дистанционных технологий в подготовке специалистов по социальной работе затрагивает следующие аспекты: организационный, технический, правовой, административный, а главное – изменение содержания социальных ролей преподавателя и студента. При реализации данной модели студент активно осваивает знания, а преподаватель помогает осваивать их и применять для решения профессиональных задач. Это приводит к тому, что необходимо искать новые подходы к освоению теоретических знаний студентом и формированию практических навыков.

Анализ публикаций позволяет выделить положительные моменты в использовании дистанционных технологий

Позволяет охватить большее количество участников образовательного процесса,

Дает возможность получать образование, независимо от географического положения,

Дает возможность получения дополнительных знаний, прохождения курсов повышения квалификации для специалистов без отрыва от места работы,

Дает возможность участия в вебинарах и конференциях с целью освоения регионального и зарубежного опыта коллег по специальности,

Дает возможности для развития навыков самообразования и самостоятельного поиска информации по специальности [2].

Поскольку социальная работа относится к сфере «человек-человек», то необходимы специальные условия для подготовки специалистов, в том числе и создании специальной атмосферы на занятиях. Данный аспект особенно относится к формированию коммуникативных навыков будущих специалистов, а также к применению теоретических знаний при решении конкретных практических задач.

Другой проблемой при подготовке специалистов по социальной работе в условиях дистанта является «приобщение обучающегося к профессиональной этике и формирование корпоративных связей». Только погружение в традиционную среду получения знаний дает условия для формирования профессиональной идентичности и профессиональных компетенций.

Многие исследователи считают, это возможно лишь при создании определенного микроклимата в группе и за ее пределами. Для этого необходимо не только взаимодействие на занятиях, но и участие в совместных проектах, социальных акциях.

Эти аспекты подготовки специалиста можно реализовать только при живом общении преподавателя и студента. [1].

Таким образом, можно сделать вывод, что при подготовке социальных работников важно разумное сочетание традиционных и дистанционных технологий. Одним из актуальных вопросов остается о границах применения дистанционных технологий для формирования профессиональных компетенций будущих специалистов.

1. Полежаев П.Л. Формирование профессиональных компетенций социальных работников в условиях дистанционного обучения//Вестник Восточно-сибирской открытой Академии № 39 2020
2. Умархаджиева С.Р.. Технологии дистанционного обучения в профессиональной подготовке социальных работников// Известия чеченского государственного университета №3(15) 2019 с 139-144

СПЕЦИФИКА КОНФЛИКТОВ ОТЦОВ И ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Сальникова Екатерина Евгеньевна
Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-011-00543

Проблемы отцов и детей никогда не теряли своей актуальности, но ещё больше обострились они в ситуации пандемии коронавируса, поскольку Кется общение отца и ребенка в таком случае полов наличия определенных качеств и умений все члены семьи на довольно продолжительный период лишились того разнообразия социальных коммуникаций, которое им было доступно еще в феврале 2020 года. Человек, как существо социальное, нуждается в удовлетворении социальных потребностей, однако, находясь двадцать четыре часа в сутки в четырёх стенах с одними и теми же, пусть и родными людьми, он это осуществить не может. Кроме того, необходимо учитывать особенности подростковой психики, которой присущи повышенная активность, нежелание подчиняться чужой воле, нестабильная самооценка, построение мнимых авторитетов и многое другое, что часто провоцирует конфликт. Нарастающий стресс не находит более подходящего выхода, чем постоянные столкновения членов семьи друг с другом, в которых на основную роль часто выходит противостояние подростка с родителями, прежде всего отцом.

Для выявления специфики конфликтов отцов и подростков были использованы данные исследований особенностей родительской позиции отцов [0], а также типов акцентуаций характера у подростков [0]. На этой основе оказалось возможным создать рабочий вариант классификации конфликтов (по типам отцов и подростков). Стоит заметить, что указанные исследования были проведены в разный промежуток времени, при различных обстоятельствах – в целом, стабильных, допандемийных. Однако, для данного исследования интерес представляют детско-родительские отношения в условиях введенного в 2020 году карантина. Так, было замечено, что из всех возможных взаимодействий наибольший риск возникновения конфликтной ситуации существует в отношениях с традиционно независимо-доминирующим отцом – независимым от мнения семьи, самоуверенным и доминирующим мужчиной, чья забота заключается лишь в пополнении семейного бюджета, и доминирующе-авторитарным отцом – безусловной главой семейства, чьей воле подчиняются все члены семьи. Такие отцы, как правило, вообще не допускают естественного изменения в своем ребенке. Непослушание

подростка, резкие ответы, обозначение своей позиции – характерные проявления собственного «Я» гипертимного подростка – , даже неуместное плохое настроение, которое так свойственно подростку циклоидного и лабильного типа, будет воспринято как неуважение и хамство и будет встречено рядом репрессивных мер. Таким образом, у подростка остается два выхода: либо подчиниться воле отца, к чему часто прибегает конформный тип подростка, который с самого рождения будет усваивать такой авторитаризм отца как норму в семье, либо разорвать всякие отношения и отдалиться настолько это возможно. К компромиссу зачастую прийти не удается.

В период карантина ситуация резко усугубилась: сокращение социальных контактов, финансовые трудности, напряженная эпидемиологическая обстановка – всепоглощающее давление на запертых в четырех стенах людей. Помимо всего перечисленного, есть еще один фактор увеличения числа конфликтных ситуаций. Это склонность молодого поколения к гаджетозависимости. Как известно, это надежный и относительно безопасный способ ухода в виртуальный мир, погружение в который может занять все свободное время. В таких случаях для традиционно независимо-доминирующего и доминирующе-авторитарного типа отцов характерна конфискация гаджета на неопределенный срок, недоверие к подростку (отец считает, что ребенок обманывает его, говоря о большом количестве домашних заданий, даже если это на самом деле так). Подросток в свою очередь либо устраивает скандал, требуя вернуть гаджет, либо (обычно после скандала) уходит из дома, что в большей степени характерно для подростков, чьи отцы ведут асоциальный образ жизни, особенно, если они применяют при этом физическое насилие.

Таким образом, вариантов развития событий достаточно много: конфликтные взаимоотношения в период карантина могут развиваться как в системе ««справедливый» отец - «нечестный» подросток», так и в системе «несправедливый» отец – «честный» подросток» и ««несправедливый» отец – «нечестный» подросток».

1. Сажина М.Н., Собко В.В., Педагогическая диагностика особенностей родительской позиции отцов старшеклассников, 2019. – С. 2
2. Ачилова О.С., Акцентуация характеров подростков как факторов риска девиантного поведения, 2017., - С. 10-15

АКТИВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОТЦАМИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

**Самойлова Валентина Алексеевна,
Безрукова Ольга Николаевна
Санкт-Петербургский государственный университет**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта №19-011-00543*

В последние годы исследователи отмечают повышение участия отцов в воспитании детей и распространение моделей «нового» и «вовлеченного» отцовства [1; 3]. Среди отцов детей с ограниченными возможностями также стало больше тех, кого можно назвать вовлеченными отцами. Вместе с тем, решая вопросы благополучия детей, специалисты традиционно чаще взаимодействуют с матерями, а участие отцов сопряжено с преодолением разного рода барьеров: правовых, психологических, организационных.

Особым потенциалом обладают групповые формы работы. Участие в группах способствует достижению множественных эффектов – повышению родительской компетентности, разделению сходных переживаний, снижению уровня стресса,

получению социальной поддержки и расширению ее сети и др. Мнения о важности и полезности групповой работы были высказаны в ходе интервью с отцами детей, состоящих на обслуживании в центре социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов. Актуально обучение отцов специальным навыкам по воспитанию ребенка, навыкам ухода, способам организации игр, занятий и др., в зависимости от характера его заболевания. Это позволило бы им лучше понимать динамику развития ребенка, планировать свои будущие действия, чувствовать себя спокойнее и увереннее.

В Санкт-Петербурге групповой формат представлен в работе «папа-школ» и «папа-групп», начало развитию которых было положено в 2007 году в рамках российско-шведского проекта [2]. Ожидания отцов от участия в «папа-школе» разнообразные, среди них: получение необходимых знаний и навыков по уходу и воспитанию, как оказать поддержку матери ребенка, как преодолеть эмоциональное беспокойство о предстоящей родительской роли, поиск единомышленников среди будущих отцов и др. Эта форма работы с отцами является одной из самых удачных в деятельности центров помощи семье и детям, на наш взгляд, она может быть успешно внедрена и в работу центров социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов, что поможет восполнить дефицит социальных услуг, адресованных непосредственно отцам, имеющим детей с ограниченными возможностями.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В РФ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Сибирев Владимир Анатольевич
Санкт-Петербургский государственный университет

*Тезисы подготовлены в рамках проекта Российского научного фонда
№ 19-18-00246 «Вызовы трансформации социального государства в
России: институциональные изменения, социальное инвестирование,
цифровизация социальных услуг»*

Аннотация: Для современного общества цифровизация — ключевой драйвер развития. Информационные технологии активно развиваются и уже интегрированы в нашу жизнь. В России идет активная трансформация социального государства путем создания Welfare Service State в рамках существующих вызовов и ограничений.

Национальный проект «Цифровая экономика» включает в себя федеральный проект «Цифровое государственное управление». Последний предусматривает в том числе цифровую трансформацию государственных (муниципальных) услуг и сервисов, охватывающие основные вопросы взаимодействия граждан с государством, в том числе начисление пенсий, а также оформление пособий и льгот. Это с неизбежной необходимостью повлечет за собой формирование организационно-технологической модели использования всеми государственными и муниципальными органами и организациями социального обслуживания единой цифровой платформы в целях повышения эффективности проводимой социальной политики. В результате сложится единая национальная система управления цифровыми профилями граждан РФ. Это позволяет реализовать концепцию «социального казначейства» путем цифровизации механизма получения адресной социальной помощи, в полном объеме учитывающим нуждаемость разных групп населения. Это предполагает активное использование реестровой распределенной модели не только для всех категорий населения нуждающихся в социальной поддержке со стороны государства. В данном случае

физический документ заменяется на запись в соответствующем государственном реестре (хотя можно получить выписку в МФЦ, если она нужна).

В идеале потребителю социальной услуги вообще не будет нужно предоставлять какие-то документы, так как все его информация должна содержаться в его цифровом профиле. Стоит отметить еще одну важную новацию: на смену заявительному подходу со стороны потребителя услуги должен прийти проактивный со стороны государства, когда услуга предоставляется без обращения гражданина, а иницируется самим госорганом.

Решение этих задач невозможно без развития государственно-частного партнерства. Социальное обслуживание граждан сегодня обеспечивается как государственными структурами, так и негосударственными организациями. В частности планируется реализация электронного сертификата как механизма обеспечения граждан товарами при предоставлении мер социальной поддержки, в том числе техническими средствами реабилитации

Активную поддержку со стороны государства получают различные пилотные проекты, направленные на удобство получения социальных услуг путем создания социальных цифровых сервисов.

Несмотря на то, что государство реально много делает в рамках социальной политики. Тренд негатива к власти усилился в связи с пандемией коронавирусной инфекции, хотя их вины в возникновении COVID-19 нет.[1] Пандемия помимо того, что ухудшила социально-экономическую ситуацию в стране и привела к росту смертности, одновременно сформировало и новую повседневность в социальной сфере. Возросла нагрузка на сферу социального обслуживания с точки зрения оказания помощи пожилым, которые находились в условиях самоизоляции. Большую роль в решении этих проблем оказали волонтеры. Активно стали развиваться цифровые платформы для повышения эффективности волонтерской помощи. В наиболее сложном положении оказались СО НКО и социальные предприниматели. Финансово-экономическое состояние многих стало более неустойчивым из-за проблем с нехваткой финансирования и с трудностями в самом процессе организации работы в новых реалиях.

Одновременно возросла роль новых цифровых технологий, которые могут существенно повысить эффективность социального обслуживания.. В России цифровизация услуг и сервисов станет одним из главных трендов социальной сферы как в государственном, так и в частном сегменте.

1. Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А.А.Ослон. –М.: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021. – 319 с.

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Славашевич Юлия Алексеевна
Петрозаводский государственный университет

Социальные работники – люди особой профессии, предназначенные для поддержания функционирования системы социальной защиты и социального обслуживания населения. К сожалению, сейчас наблюдается острый дефицит социальных работников, отвечающих квалификационным требованиям, прошедших подготовку для работы с населением. При этом количество получателей социальных услуг с каждым годом увеличивается. В данной работе мы говорим о проблемах профессионализма в городской и сельской местности, а также раскрываем сущность понятия «профессионализм».

Нами было проведено эмпирическое исследование, целью которого был анализ профессиональных характеристик социальных работников городской и сельской местности. База исследования – ГБУ СО «Комплексный центр социального обслуживания населения Республики Карелия», Отделения социального обслуживания граждан на дому по г. Петрозаводск и Прионежскому муниципальному району. В ходе исследования был проведен анкетный опрос (n = 45), 2 полу-структурированных интервью с заведующими отделениями социального обслуживания граждан на дому, а также включенное наблюдение.

Среди опрошенных социальных работников 44 женщины и 1 – мужчина. Возраст социальных работников сельской местности находится в пределах 37-54 лет, а возраст городских социальных работников варьируется от 28 до 68 лет. Средний возраст респондентов обеих групп примерно одинаков - 47-48 лет. Средний стаж работы по профессии на селе равен 18 лет, а в городе только 9 лет. По совокупным данным среди социальных работников превалирует наличие у них среднего профессионального образования, зачастую не связанного с социальной работой. Причины выбора данной профессии респонденты в первую очередь связывали с желанием помочь людям, удобным графиком работы и достойной оплатой труда.

На вопрос о том, какие личностные качества необходимы социальному работнику, обе группы были солидарны: терпение, сострадание, внимательность и другое. Однако, при описании профессиональных знаний, умений и навыков мы наблюдаем отличия в ответах респондентов. Одна из особенностей социальной работы в городе – особые целевые группы: лежачие больные и лица с психическими заболеваниями. Обслуживание данных категорий требует от социального работника узкопрофильных знаний и навыков. Данная проблема также находит своё отражение в профессиональной подготовке социальных работников и предоставляемых услугах.

Социальные работники в городе и в сельской местности имеют разную нагрузку. На селе нагрузка на социального работника колеблется от 4 до 10 человек (среднее количество – 6 человек), а в городе — от 7 до 16 человек (среднее количество – 12 человек). В данной работе также описаны условия труда социальных работников и специфические проблемы сельского населения.

На основе проведенного исследования мы пришли к выводу о существовании разных подходов к пониманию профессионализма в городе и селе, а также разработали рекомендации по распространению профессионализма социальных работников.

РОЛЬ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В ПЕНИТЕНЦИАРНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Сулимова Алина Алексеевна
Санкт-Петербургский государственный университет

Главная цель уголовно-исправительного законодательства РФ - исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений. Стоит отметить, что исправление осужденных - это формирование у них уважительного отношения к человеку, труду, нормам и правилам жизни в обществе, а также стимулирование правопослушного поведения[1]. Содействие в исправлении оказывают не только инспектора исправительных колоний, но и специалисты по социальной работе, которые проходят службу в УИС.

В 2001 году в штат исправительных колоний была введена должность специалиста по социальной работе с осужденными, положив начало формированию пенитенциарной социальной работы в России. С того момента, в тюрьмах и колониях по всей стране

специалисты оказывают социальную помощь осужденным: содействуют в оформлении утраченных документов и восстановлении связей с родственниками, проводят консультации по вопросам пенсионного и социального обеспечения, оперативно решают социальные проблемы заключенных и т.д.[2].

Проанализировав исследования, посвященные пенитенциарной социальной работе, можно сказать, что главная задача специалиста по социальной работе в пенитенциарном учреждении - как можно эффективнее подготовить осужденного к выходу на свободу. Для этого необходимо провести тщательную диагностику личности заключенного, оценить риск рецидива, заранее начать совместную работу в решении вопросов бытового и трудового характера. Однако, по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, в январе-июле 2021 г. 57,7% всех преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления [3]. Это указывает на несовершенство уголовно-исправительной системы и стимулирует развитие пенитенциарной социальной работы в России.

В настоящее время происходит реформация системы исполнения наказаний, поэтому необходима выработка рекомендаций не только по улучшению внутренних условий проживания в колониях, но и по изменению роли специалиста по социальной работе для снижения рецидивной преступности.

1. "Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации" от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 11.06.2021) [Принят Государственной Думой 18 декабря 1996 года : Одобрен Советом Федерации 25 декабря 1996 года], статья 9 ч.1
2. Серых А. Б. Особенности профессиональной деятельности социального работника с осужденными в учреждениях пенитенциарной системы // Вестник ВГТУ. 2012. №10-2.
3. Министерство внутренних дел Российской Федерации. ФКУ "Главный информационно-аналитический центр". Состояние преступности в России за январь – июль 2021 года, Москва

СОЦИАЛЬНЫЙ МАРКЕТИНГ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ (СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ): ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ, ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ

Тарасов Данил Андреевич

Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящее время допустимо говорить о том, что глобальной тенденцией трансформации общественной жизни выступает интенсификация использования цифровых технологий в различных сферах [4, 15].

В Российской Федерации вопросы, касающиеся процесса цифровизации социальной сферы, являются актуальными и рассматриваются на различных уровнях: федеральном региональном и местном. Это находит своё отражение в нормативном закреплении необходимости внедрения цифровых технологий в качестве национальной цели развития [9]. Социальное обслуживание (социальные услуги) является неотъемлемым компонентом социальной сферы, в которой происходит формирование и удовлетворение потребностей/интересов различного содержания [2, 36]. Основной целью социального обслуживания является повышение уровня и качества жизни [7, 159], которые зависят от состояния, функционирования социальной сферы и характера взаимодействия различных социальных субъектов.

Значимость исследований развития, интеграции и реализации цифровых технологий обусловлена рядом причин. Двумя основными причинами выступают: во-первых, возможность адаптировать посредством цифровых технологий систему социального обслуживания к таким кризисным ситуациям, как пандемия COVID-19,

которая нарушает функционирование социальной сферы [3, 31], во-вторых, цифровизация способна оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на индивида/общество [6, 60].

В качестве одного из механизмов цифровизации социальной сферы и социального обслуживания (социальных услуг) можно назвать использование социального маркетинга. Результаты исследования направлений, в рамках которых реализуются идеи социального маркетинга [8, 90-91; 10], а также его средств [1, 169-170; 5, 77-79], позволяют говорить о том, что рассматриваемая технология отражает содержание понятия «цифровизация социального обслуживания».

Использование социального маркетинга в качестве механизма цифровизации вместе с тем позволит рассматривать цифровизацию не только конкретных социальных услуг, зафиксированных в основном нормативном акте, регулирующем деятельность различных акторов системы социального обслуживания (442-ФЗ), но и процесс привлечения необходимых ресурсов для их предоставления. В таком случае границы понятия «цифровизация социального обслуживания» расширяются, включая в себя не только конечный результат (услугу), но и весь комплекс действия по созданию необходимой для получателя услуги.

Исследование социального маркетинга показало, что данное направление является востребованным. Однако системное и целенаправленное его использование должно сопровождаться подготовкой специально обученных специалистов и выделением средств на развитие данной социальной технологии. Можно говорить также о необходимости включения в перечень компетенций социальных работников знание основ социального маркетинга и технологий его реализации.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТИВНОСТЬ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Черепанов Антон Викторович
ФГАОУ ВО "Тюменский государственный университет"

Постановка проблемы. Субъективное благополучие – в оценке и понимании людей старшего возраста – может вызывать дисгармонию социальных отношений. Адаптивность, выраженная в поддержании условий существования и внутреннего состояния, также может становиться ограничением на пути изменений активности и самой личности.

Актуальность исследования отражена в важности изучения субъективных представлений, касающихся оценки состояния благополучия, в контексте возрастной специфики, отраженной в психоэмоциональной, ценностно-смысловой и повседневной составляющих жизни.

Цели исследования – представить обобщенные сведения о взаимосвязи социально-психологической адаптивности и субъективного благополучия людей старшего возраста в современном мире.

Результаты исследования. Благополучие зависит от латентных возможностей личности, которые обуславливают успех процесса адаптации и состояние душевной гармонии [1, 85].

Непроявление субъектности может вызывать дезадаптацию, что культивирует эмоционально негативные реакции и ощущение собственной беспомощности и неспособности адаптироваться к новым условиям [2, 58]. Низкая адаптивность и наличие установки на невозможность изменить условия жизни проявляются в состоянии неблагополучия [3, 29–30].

Благополучие в пожилом возрасте во многом обусловлено преобладающей стратегией человека, поэтому: одна часть усматривает собственное счастье в семье, общении и транслировании опыта жизни [4, 69–70]. Другая часть видит счастье в воплощении планов, реализации возможностей, проявлении индивидуальности [2, 59].

Выводы. Адаптивность связана с благополучием человека старшего возраста, что может влиять на оценку качества и образа жизни. Наличие актуальных потребностей, ценностей и смыслов организует направления деятельности, что выражается в направлениях адаптивных стратегий людей в старшем возрасте. Изменения условий жизни могут становиться как потенциальными возможностями, так и трудностями в реализации адаптивности и благополучия людей старшего возраста.

1. Виноградова Г.А. Субъективное благополучие и развитие адаптационных способностей взрослых людей в условиях социально-экономического кризиса // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. №2. С. 83–86.
2. Борисов Г.И. Личностные факторы достижения психологического благополучия людьми пожилого возраста // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2019. №1(53). С. 53–62.
3. Бобылева Е.В., Салитова М.В. Эмоциональная сфера и субъективное благополучие пожилых людей // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. 2016. Т.4. С. 24–31.
4. Бенко Е.В., Завьялова И.Ю. Детерминанты субъективного благополучия в пожилом возрасте // Психология XXI века: российская психология в контексте мировой науки. 2016. С. 69–70.

СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ "ВКОНТАКТЕ" КАК ПРОСТРАНСТВО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СО НКО

**Чикова Евгения Викторовна,
Старшинова Алевтина Викторовна
ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»**

Тезисы подготовлены при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 19–18–00246 «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальные инвестиции, цифровизация социальных услуг»

Социальные сети сегодня являются «must have» для любой организации, испытывающей потребность в позиционировании себя в цифровом пространстве. Между тем социально ориентированные некоммерческие организации (далее — СО НКО) в качестве площадки самопрезентации как правило выбирают социальную сеть Вконтакте [1, 10] по целому ряду причин, среди которых в качестве приоритетных выступают как лидирующая ее позиция среди пользователей российского сегмента интернета [2], так и инструментальное удобство в отношении ведения сообщества.

Как правило СО НКО не стремятся к активному продвижению группы и увеличению числа подписчиков, но работают с той узкой прослойкой пользователей, которым интересна нишевая деятельность организации. При этом НКО задействуют сравнительно небольшой спектр публикационных форматов в стремлении создать пространство для прямого контакта с аудиторией: самым ходовым из них остается пост в виде комбинации текста и фотоматериала, которая изредка дополняется видео и/или ссылкой на сайт самой СО НКО, на сторонний информационный ресурс, на партнерскую площадку. Разумеется, это сопровождается возможностью открытого комментирования;

иногда участники групп СО НКО могут публиковать посты на странице от своего имени. Однако значительное число СО НКО при ведении сообщества совершенно явно не полагается на какой-либо контент-план, поскольку их публикационная активность не отличается стабильностью: в определенные периоды времени она недостаточна или наоборот чрезмерна.

В большинстве случаев не задействованными СО НКО остаются такие инструменты как подкасты, сторис, сюжеты, трансляции, лонгриды, хэштеги, не настроена навигация меню, модули приложений, товаров, чат-боты. Не пользуются популярностью внутренняя платежная система VK pay и приложение «Пожертвования». Практически не прибегают СО НКО к использованию специализированных возможностей Вконтакте, например, к верификации, получению грантов на рекламу сообщества, участию в тематических социальных проектах, инициированных Вконтакте.

Тем не менее, использование даже ограниченного функционала Вконтакте позволяет СО НКО в минимальном разрешении вести информирование подписчиков о деятельности организации за счет анонсирования проводимых ею мероприятий и публикации «отчетов» о достигнутых результатах, а максимально — решать задачи привлечения новых партнеров, волонтеров и доноров, работать с изменением общественного мнения в пользу преодоления той или иной социальной проблемы.

Однако создается устойчивое впечатление, что группы Вконтакте СО НКО остаются красиво оформленной промежуточной площадкой для внешних пользователей, тогда как действующих и потенциальных клиентов/подопечных организации сознательно уводят на официальный сайт или «подталкивают» к прямой телефонной коммуникации, поскольку это облегчает выстраивание с ними индивидуальной работы.

СОЦИАЛЬНЫЙ ТЕАТР В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО РЕАБИЛИТАЦИИ НАРКОЗАВИСИМЫХ ЛЮДЕЙ (НА ПРИМЕРЕ НКО «ЮЛА» И «НОВАЯ ЖИЗНЬ»)

Шерemet Александр Николаевич
ИСЭПН ФНИСЦ РАН

Система социальной реабилитации наркопотребителей включает в себя разработку и реализацию соответствующих государственных программ, деятельность общественных организаций, использующих в реабилитационном процессе различные технологии.

Социальные услуги, оказываемые со стороны государства и общественных организаций, как правило, малопривлекательны для лиц, употребляющих наркотики (ЛУН). Существует потребность в альтернативных способах социальной реабилитации для повышения их доступности более широким слоям населения из числа ЛУН в России. Это особенно актуально для труднодоступных групп, таких, например, как молодые ЛУН.

Неосознание наркозависимыми своей проблемы приводит к необходимости проведения социальной работы по новой схеме: не клиент обращается к социальным службам, а наоборот, работники социальных служб и волонтеры отыскивают потенциальных клиентов и предлагают им социальные услуги, что переносит социальную работу за пределы социальных учреждений, то есть на улицу. Существует несколько подходов к определению сущности уличной социальной работы:

- уличная социальная работа рассматривается как метод социальной работы, заключающейся в предоставлении социальными службами услуг своим клиентам на улице (другое название – мобильная социальная работа);

– уличная социальная работа рассматривается как деятельность, осуществляемая в конкретных местах обитания целевой группы, потенциально заинтересованной в предоставляемых услугах (реальных и потенциальных).

Определяют следующие направления уличной социальной работы:

- «аутрич-работа» (outreach work) – работа, направленная на привлечение представителей целевой группы с улицы в социальное учреждение;
- «детач-работа» (detach work) – предполагает социальную поддержку непосредственно и только той части целевой группы, которая адаптирована к проживанию на улице и для которой улица является постоянным местом заработка и развлечений.

В реабилитационном процессе могут использоваться технологии социального театра, способствующие личностному росту, повышающие самооценку, прививающие образцы социально приемлемого поведения, создающие модель успешного поведения в сложной, на первый взгляд, безвыходной, ситуации.

С целью выявления перспектив и эффективности применения социального театра как элемента системы социальной реабилитации наркозависимых людей, попавших в трудную жизненную ситуацию нами было проведено исследование методом интервью с организаторами социально-театральных проектов в рамках деятельности Общественной организации «Юла» г. Калининград [0], Регионального общественного фонда «Новая жизнь» г. Екатеринбург [0], а также использован метод анализа сайтов и отчетов этих организаций (июль – сентябрь 2021 года).

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о заметной эффективности и возможных перспективах социального театра как одного из путей социальной реабилитации наркозависимых людей. Социальный театр способствует созданию среды, в которой зависимые клиенты могут открыто выражать эмоции, исследовать будущее без наркотиков, развивать коммуникативные навыки, устанавливать личные связи и проявлять честность по отношению к себе и другим, не испытывая по отношению к себе негативного отношения со стороны окружающих.

1. Брюн Е.А. и др. О деятельности Координационного совещания главных наркологов государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности. *Наркология* 2020; (12): 3-10.
2. Брюн, Е.А. и др. О наркологической ситуации в государствах-членах Организации договора о коллективной безопасности // *Наркология*. – 2021. – Т. 20. – № 1. – С. 14-25
3. Григорян, Д. К. Наркотики как фактор, разрушающий личность, общество и власть: эволюционный подход // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. – 2020. – № 6(121). – С. 119-123.
4. Официальный сайт Общественной организации «Юла» г.Калининград // http://ngoya.org/index.php?option=com_content&view=article&id=7&Itemid=101
5. Официальный сайт Регионального общественного фонда «Новая жизнь» г. Екатеринбург // <https://newlife96.ru/>
6. Позднякова М. Е., Брюно В. В. Распространённость употребления наркотических средств среди работающего населения как форма дезадапционного процесса Часть 1 // *Социологическая наука и социальная практика*. 2019. Том. 7. № 3. С. 120-135.
DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.3.6693>
7. Позднякова М. Е., Брюно В. В. Распространённость употребления наркотических средств среди работающего населения как форма дезадапционного процесса. Часть 2. — *Социологическая наука и социальная практика*, 2019. Т. 7. № 4. С. 180-192.
DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6810>